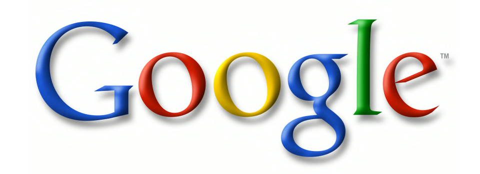

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

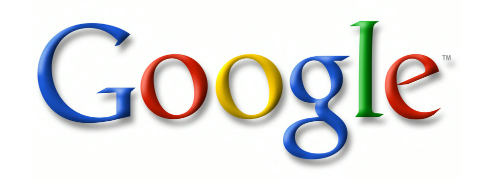
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

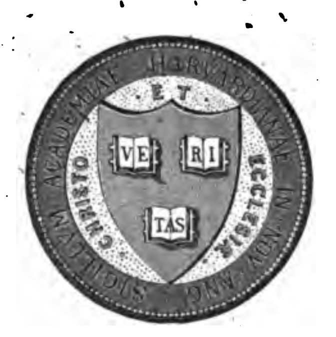
Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

Bound
[illegible] 1898

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

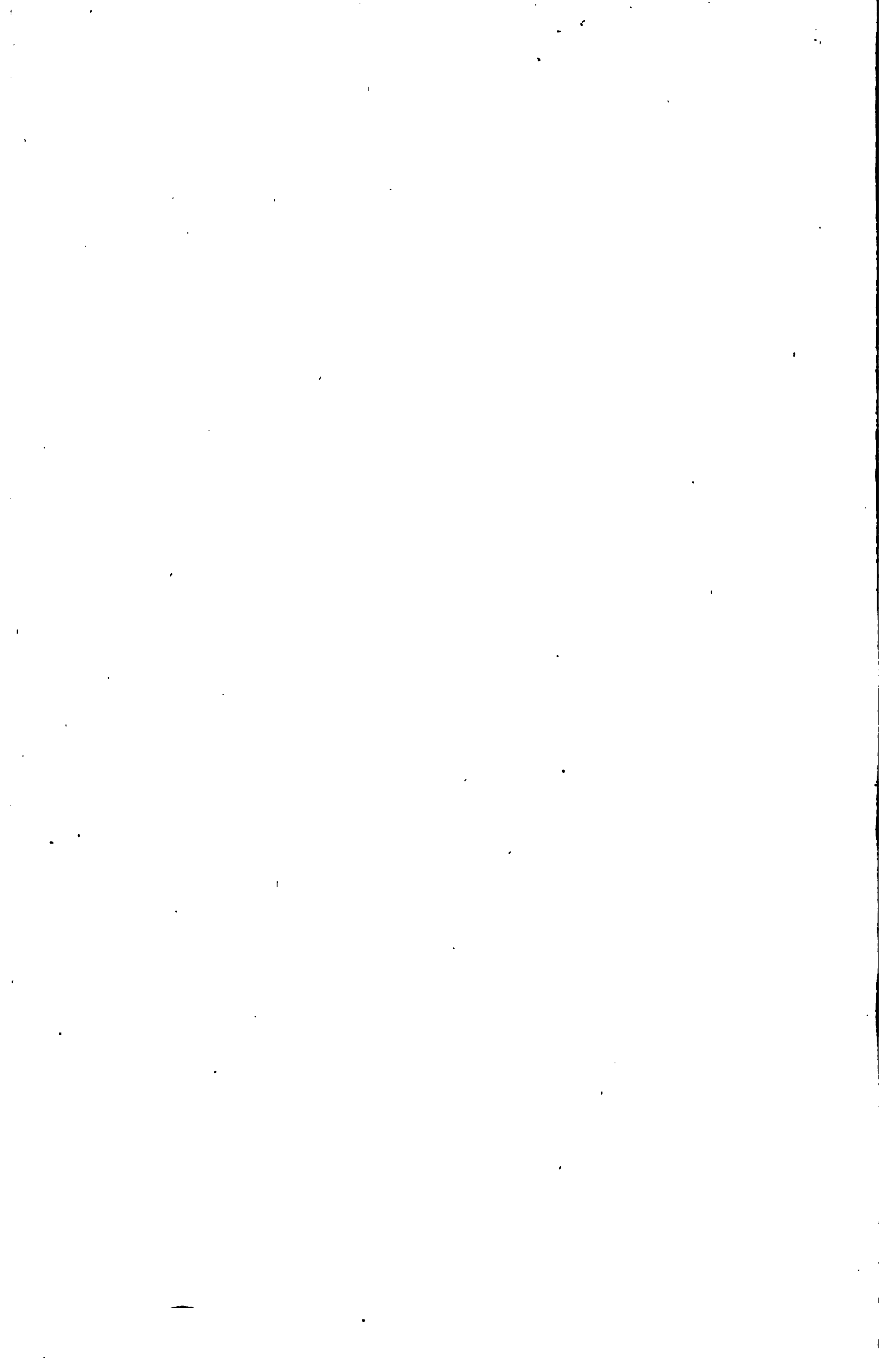
5 Feb. – 7 Mar., 1898.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LXII. — ТОМЪ CCCLXIII. — 1/13 ЯНВАРЯ 1898.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ВОСЕМЬДЕСЯТЪ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1898

~~Slav 30.2~~
PSlav 176.25

1898. Feb. 5 – Mar. 7.
Sever fund.

2622

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1898.

Стр.

I.—РОССІЯ И АНГЛІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.—I.—**Ф. Ф. Мартенса** 5

II.—ТЯГА.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая: I-XIV.—**П. Д. Боборыкина** 32

III.—ОЧЕРКИ И НАБРОСКИ ИЗЪ СТАРОЙ И НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I-IV. **Алексѣя Веселовскаго** 116

IV.—ЛИДА.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая: I-X.—**Гр. Е. В. Т.** . . . 145

V.—АНТИЧНАЯ ГУМАННОСТЬ.—Очеркъ.—**Ѳ. Ф. Зѣлинскаго** 195

VI.—ОЖИДАНІЕ.—Стих. **А. М. Жемчужникова** 230

VII.—БЕЗПОЧВЕННИКИ.—Ром. Мориса Барреса.—I. Въ лицеѣ.—II. Въ родной семьѣ.—III. Первые шаги въ Парижѣ.—Перев. съ франц. **А. Б—г—** . . 232

VIII.—ЗАДАЧИ МЕДИЦИНЫ ВЪ БУДУЩЕМЪ.—**А. Г. Боброва** 288

IX.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Уродилася рожь золотистая.—II. Тихо и влажно въ ночной полумглѣ.—**В. Н. Маркова** 313

X.—НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ, его прошлое и настоящее.—**К—ъ** 317

XI.—ХРОНИКА.—Исполненіе государственной росписи за 1896 годъ.—**О.** 355

XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Истекшій годъ.—Правила и инструкція о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени.—Изъятія изъ общихъ нормъ: работы непрерывныя, вспомогательныя, сверхъурочныя.—„Правила въ руководство цензурѣ“ и безцензурная печать.—Общій духъ законовъ о печати и примѣненіе ихъ на практикѣ.—Двѣ губернаторскія рѣчи.—„Избирательное начало“ 371

XIII.—ЗАМѢТКА.—Заключенія университетскихъ совѣтовъ о системѣ гонорара.—**Н. И. Карѣева** 394

XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Особенности новѣйшей международной политики.—Система союзовъ и соглашеній.—Колоніальная предпріимчивость и военныя традиціи.—Милитаризмъ и миролюбіе.—Главныя событія истекшаго года.—Восточныя дѣла и турецкое общественное мнѣніе.—Парламентскія войны и стычки.—Министерскія перемѣны.—Рабочее движеніе 398

XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Бенжаменъ Киддъ, Соціальная эволюція, съ предисл. Н. К. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Перев. съ англ., изд. О. Н. Поповой.—Веніаминъ Киддъ, Соціальное развитіе. Съ предисл. проф. Вейсмана. Перев. съ англ. М. Чепинской, изд. Ф. Павленкова.—**Л. З.**—З. Н. Гиппіусъ (Мережковская). Зеркала.—**Н.**—Новыя книги и брошюры . 411

XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. M. Mulhall, Industries and Wealth of Nations.—**С. Ра-тъ.**—II. The Pamirs and the source of the Oxus, by G. Curzon, M. P.—**Л. А. Б-чъ.**—III. René Doumic, Études sur la littérature française.—**З. В.** 426

XVII.—НЕКРОЛОГЪ.—Альфонсъ Додэ † 6 (18) декабря 1897 г.—**З. В-нъ** . . 445

XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Московскій комитетъ для содѣйствія устройству студенческихъ общежитій.—Рѣчи проф. Виноградова и Чупрова, статьи проф. Филиппова.—Русскія общежитія и англійскіе „колледжи“.—„Вѣчные“ помощники присяжныхъ повѣренныхъ.—Всеобщее обученіе и школа грамоты.—Рѣчь полтавскаго губернатора.—Post-Scriptum. 452

XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Н. Карѣевъ, Введеніе въ изученіе соціологіи.—Ф. Гиддингсъ, Основанія соціологіи.—Общественная жизнь Англіи, Г. Трайля, т. III.—А. Риль, Фридрихъ Нитцше, какъ художникъ и мыслитель, пер. съ нѣм. З. Венгеровой.—О. Петерсонъ и Е. Балабанова, Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ, т. II.—К. Покровскій, Путеводитель по небу.—„Мои воспоминанія“, акад. Ѳ. И. Буслаева.

XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1898 года.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

РОССІЯ и АНГЛІЯ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

I.

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду не только изложить русско-англійскія отношенія въ царствованіе имп. Николая Павловича и королевы Викторіи [1]), но и представить ихъ поступательное развитіе, по тѣмъ отдѣльнымъ политическимъ вопросамъ, которые вызывали дипломатическіе переговоры и привели, наконецъ, къ заключенію международныхъ актовъ. Основаніемъ для нашего изслѣдованія послужатъ исключительно тѣ драгоцѣнные матеріалы, которые хранились въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и были имъ изданы.

Для полной характеристики русско-англійскихъ отношеній со времени воцаренія королевы Викторіи необходимо бросить взглядъ на взаимныя международныя отношенія, предшествовавшія вступленію на престолъ Викторіи. Вопросы, составлявшіе предметъ дипломатическихъ переговоровъ съ 1837 года, были унаслѣдованы англійскою королевою, и при рѣшеніи ихъ, въ томъ или другомъ смыслѣ, она должна была считаться съ совершившимися фактами и принятыми обязательствами. Нѣтъ никакой возмож... понять дипломатическіе переговоры между русскимъ и ...скимъ правительствами, напримѣръ, въ бельгійскомъ во-

---

[1]) Срав. мою статью: „Императоръ Николай I и королева Викторія", въ „Вѣстн. ..., 1896 г., ноябрь, стр. 74.

просѣ, если не имѣть въ виду международныя обязательства, подписанныя англійскимъ и русскимъ правительствами уже въ 1831 году. Не ранѣе 1839 года нидерландскій король отказался отъ своего настойчиваго притязанія и примирился съ совершившимся фактомъ отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи. Онъ зналъ, что ему можно положиться на дружбу своего августѣйшаго зятя, русскаго императора, и потому не соглашался ни на какія примирительныя предложенія. Въ Лондонѣ были сосредоточены всѣ переговоры по поводу бельгійско-голландской распри, и чрезвычайно трудно было положеніе русскихъ уполномоченныхъ: князя Ливена, русскаго посла при с.-джемскомъ дворѣ, и графа Матушевича, второго русскаго уполномоченнаго. Переломить настойчивость нидерландскаго короля казалось совершенно невозможнымъ, и лордъ Пальмерстонъ сталъ терять терпѣніе и требовалъ принятія принудительныхъ мѣръ противъ Голландіи, съ цѣлью заставить ее признать независимость бельгійскаго королевства.

Наконецъ, послѣ чрезвычайно утомительныхъ переговоровъ, на лондонской конференціи, въ ноябрѣ 1831 года, былъ подписанъ актъ изъ 24 статей, признающихъ совершившійся фактъ отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи. Князь Ливенъ и графъ Матушевичъ отъ души радовались окончанію этого тяжелаго дѣла. Но ихъ радость была преждевременна, ибо ни король голландскій Вильгельмъ II, ни императоръ Николай I, не утвердили этого акта.

Оказалось, что подписаніемъ въ Лондонѣ ноябрьской конвенціи 1831 года объ отдѣленіи бельгійскихъ провинцій отъ голландскаго королевства далеко не былъ оконченъ бельгійско-голландскій вопросъ. Эта конвенція оставалась долгое время мертвою буквою, благодаря все той же настойчивости голландскаго короля. Въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ продолжались дипломатическіе переговоры объ этомъ дѣлѣ, и только въ 1839 году они привели къ желательному концу.

Въ продолженіе этого же самаго періода времени восточный вопросъ, благодаря попыткамъ египетскаго паши Мегемета-Али добиться полной политической независимости отъ Турціи, принялъ весьма острый характеръ и неоднократно угрожалъ общеевропейскому миру. Лондонскія конвенціи 1840 и 1841 годовъ служатъ по настоящее время этапными пунктами на пути къ разрѣшенію пресловутаго восточнаго вопроса.

Наконецъ, въ это же самое время греческій вопросъ, рѣшенный только принципіально адріанопольскимъ мирнымъ трак-

татомъ, дѣйствительно получилъ окончательное рѣшеніе съ восшествіемъ на греческій престолъ баварскаго принца Оттона, въ 1832 году.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію дипломатическихъ переговоровъ по всѣмъ тремъ вышеприведеннымъ вопросамъ, намъ необходимо дать характеристику какъ главнѣйшихъ дѣятелей въ этихъ переговорахъ, такъ и той политической арены, на которой они происходили.

Со стороны Россіи главными дѣятелями остались тѣ же самыя лица, которыя до сихъ поръ участвовали въ переговорахъ съ с.-джемскимъ кабинетомъ. Князь Ливенъ оставался до 1834 года посломъ при великобританскомъ дворѣ, и княгиня Ливенъ, его супруга, продолжала держать въ своихъ искусныхъ рукахъ нити дипломатическихъ переговоровъ и интригъ. Рядомъ съ обоими дѣйствовалъ неутомимымъ образомъ графъ Матушевичъ, съ искуснымъ перомъ и блестящимъ умомъ котораго можно познакомиться изъ дипломатическихъ сношеній въ концѣ двадцатыхъ годовъ истекающаго нынѣ столѣтія. Графъ Матушевичъ принималъ самое дѣятельное участіе въ лондонской конференціи по дѣламъ греческимъ и бельгійско-голландскимъ. Его блестящимъ перомъ пользовались не только члены конференціи, но также посолъ князь Ливенъ, заставлявшій его сочинять не одни общія донесенія вице-канцлеру, но равнымъ образомъ газетныя статьи для англійской печати, въ опроверженіе различныхъ обвиненій Россіи. Даже княгиня Ливенъ поручала, отъ времени до времени, графу Матушевичу то писать статьи для англійскихъ газетъ, то вести дипломатическія и конфиденціальныя сношенія съ англійскими министрами.

Графъ Матушевичъ, помня, какъ онъ самъ говоритъ, что, по правиламъ христіанской вѣры, за зло надо воздавать добромъ, исполнялъ всѣ эти порученія и съ большимъ удовольствіемъ покинулъ въ 1834 году Англію. Не подлежитъ сомнѣнію, что отношенія его къ князю и княгинѣ Ливенъ были настолько непріятны, что онъ сердечно обрадовался разрѣшенію графа Нессельроде уѣхать изъ Англіи. Онъ считалъ себя „жертвою“, на которую взваливаются постигшія императорское посольство въ Лондонѣ неудачи или непріятности.

Взаимныя отношенія между княземъ Ливеномъ и графомъ Матушевичемъ значительно еще усложнялись пребываніемъ въ Лондонѣ графа Поццо-ди-Борго, который оффиціально занималъ постъ императорскаго посла въ Парижѣ, но послѣ воцаренія короля Луи-Филиппа бо̀льшую часть года проводилъ или въ Лон-

донѣ, или въ другихъ европейскихъ городахъ, кромѣ Парижа. Совершенно естественно, что на долю графа Матушевича выпадала, въ виду присутствія графа Поццо-ди-Борго, не вторая, но третья роль. Ему приходилось подписывать общія съ княземъ Ливеномъ и графомъ Поццо-ди-Борго донесенія, съ содержаніемъ которыхъ онъ не былъ вполнѣ согласенъ.

Послѣ назначенія князя Ливена, въ 1834 г., на высокую должность попечителя наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, графъ Поццо-ди-Борго былъ окончательно назначенъ императорскимъ посломъ при с.-джемскомъ дворѣ. Но старость и болѣзненное состояніе заставили его весьма скоро просить объ отставкѣ, которую онъ и получилъ въ 1839 году.

На его мѣсто, сперва съ чрезвычайнымъ временнымъ порученіемъ, а затѣмъ посланникомъ, былъ назначенъ баронъ Брунновъ, блестящей дѣятельности котораго всегда будетъ отведено самое почетное мѣсто въ лѣтописи русской дипломатіи. Баронъ Брунновъ, до своего назначенія на постъ посланника въ 1839 г., побывалъ уже въ Лондонѣ, гдѣ успѣлъ пріобрѣсти много знакомыхъ и друзей. Въ 1832 году онъ прибылъ въ Лондонъ, въ качествѣ секретаря и совѣтника графа А. Н. Орлова, на котораго было возложено весьма почетное и трудное порученіе отправиться въ Гагу и убѣдить голландскаго короля въ необходимости отказаться отъ своего упорства въ бельгійскомъ вопросѣ. Баронъ Брунновъ сопровождалъ графа Орлова въ Гагу и Лондонъ и былъ авторомъ чрезвычайно интересныхъ донесеній графа императору Николаю I.

Прошедши чрезъ дипломатическую школу графа Нессельроде, пользуясь неограниченнымъ его довѣріемъ и обладая блестящимъ умомъ и выдающимися способностями, баронъ Брунновъ долженъ былъ имѣть огромное вліяніе на ходъ переговоровъ между Россіею и Англіею по всѣмъ текущимъ политическимъ дѣламъ. Ему было суждено скрѣпить своею подписью лондонскія конвенціи относительно полунезависимаго Египта и закрытія Дарданельскаго и Босфорскаго проливовъ.

Если имѣть въ виду всѣхъ вышеназванныхъ высоко даровитыхъ русскихъ дипломатовъ, то нельзя не заключить, что рѣдко когда Россія была болѣе блестящимъ образомъ представляема при какомъ-либо иностранномъ дворѣ, чѣмъ въ Лондонѣ въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка.

Посмотримъ теперь, съ какими государственными людьми Англіи приходилось имѣть дѣло представителямъ Россіи за озна-

ченный періодъ времени, и какія политическія цѣли они себѣ ставили въ сношеніяхъ съ императорскимъ правительствомъ.

Въ продолженіе этого времени партія виговъ, съ лордами Греемъ и Мельборномъ во главѣ, держала въ своихъ рукахъ бразды правленія, а лордъ Пальмерстонъ былъ почти несмѣняемымъ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ. Личность лорда Пальмерстона кладетъ печать на всѣ дипломатическіе переговоры по самымъ важнымъ вопросамъ и, въ особенности, по бельгійско-голландскому и восточному. Внутреннее состояніе Англіи должно было также отражаться на международной ея политикѣ.

Весьма интересную характеристику какъ внутренняго, такъ и внѣшняго положенія Англіи мы находимъ въ замѣчательномъ донесеніи, отъ 24-го февраля (8-го марта) 1832 года, подписанномъ княземъ Ливеномъ и графами Поццо-ди-Борго и Матушевичемъ, но авторомъ котораго былъ одинъ графъ Поццо-ди-Борго. Основное положеніе этой записки слѣдующее: Англія и Франція, благодаря общности своихъ правительственныхъ порядковъ и политическихъ цѣлей, находятся въ тѣсномъ союзѣ. Отсюда слѣдуетъ, что три консервативныя монархіи континента: Россія, Австрія и Пруссія, должны составлять между собою союзъ, который могъ бы послужить твердымъ оплотомъ противъ всесокрушающихъ стремленій двухъ названныхъ великихъ державъ.

Внутреннее состояніе Англіи вполнѣ удовлетворительно объясняетъ такую группировку главнѣйшихъ европейскихъ державъ. Принятіемъ „Bill of reforme“ англійское правительство, съ лордами Греемъ, Пальмерстономъ и Брумомъ, вступило на путь преобразованій. Вслѣдствіе этого сближеніе и союзъ его съ революціонною Франціею, въ лицѣ короля Луи-Филиппа, представляются совершенно естественными. Знаменитая реформа лорда Грея привела, по словамъ тѣхъ трехъ нашихъ государственныхъ людей, къ слѣдующему результату.

„Прошло то время, когда министерство, какое бы оно ни было, могло разсчитывать на постоянное большинство, котораго сплоченность давала бы устойчивость правительству, и о которое должны были бы разбиваться нападки оппозиціи, наглость періодической печати и свирѣпость черни. Въ настоящее время каждый вопросъ зависитъ отъ того, какъ на него посмотритъ большинство отдѣльныхъ членовъ палаты общинъ... Что касается палаты лордовъ, то она почти совершенно потеряла значеніе той консервативной силы, которою останавливались заблужденія демократіи. Не взирая на громадныя богатства, принадлежащія фа-

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1898.

Стр.

I.—РОССІЯ И АНГЛІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.—I.—**Ф. Ф. Мартенса** 5

II.—ТЯГА.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая: I-XIV.—**П. Д. Боборыкина** 32

III.—ОЧЕРКИ И НАБРОСКИ ИЗЪ СТАРОЙ И НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I-IV. **Алексѣя Веселовскаго** 116

IV.—ЛИДА.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая: I-X.—**Гр. Е. В. Т.** . . . 145

V.—АНТИЧНАЯ ГУМАННОСТЬ.—Очеркъ.—**Ѳ. Ф. Зѣлинскаго** 195

VI.—ОЖИДАНІЕ.—Стих. **А. М. Жемчужникова** 230

VII.—БЕЗПОЧВЕННИКИ.—Ром. Мориса Барреса.—I. Въ лицеѣ.—II. Въ родной семьѣ.—III. Первые шаги въ Парижѣ.—Перев. съ франц. **А. Б—г—** . . . 232

VIII.—ЗАДАЧИ МЕДИЦИНЫ ВЪ БУДУЩЕМЪ.—**А. Г. Богрова** 283

IX.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Уродилася рожь золотистая.—II. Тихо и влажно въ ночной полумглѣ.—**В. П. Маркова** 313

X.—НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ, его прошлое и настоящее.—**К—ъ** 317

XI.—ХРОНИКА.—Исполненіе государственной росписи за 1896 годъ.—**О.** 355

XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Истекшій годъ.—Правила и инструкція о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени.—Изъятія изъ общихъ нормъ: работы непрерывныя, вспомогательныя, сверхъурочныя.—„Правила въ руководство цензурѣ" и безцензурная печать.—Общій духъ законовъ о печати и примѣненіе ихъ на практикѣ.—Двѣ губернаторскія рѣчи.—„Избирательное начало" 371

XIII.—ЗАМѢТКА.—Заключенія университетскихъ совѣтовъ о системѣ гонорара.—**Н. И. Карѣева** 394

XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Особенности новѣйшей международной политики.—Система союзовъ и соглашеній.—Колоніальная предпріимчивость и военныя традиціи.—Милитаризмъ и миролюбіе.—Главныя событія истекшаго года.—Восточныя дѣла и турецкое общественное мнѣніе.—Парламентскія войны и стычки.—Министерскія перемѣны.—Рабочее движеніе 398

XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Бенжаменъ Киддъ, Соціальная эволюція, съ предисл. Н. К. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Перев. съ англ., изд. О. Н. Поповой.—Веніаминъ Киддъ, Соціальное развитіе. Съ предисл. проф. Вейсмана. Перев. съ англ. М. Чепинской, изд. Ф. Павленкова.—**Л. З.**—З. Н. Гиппіусъ (Мережковская). Зеркала.—**Н.**—Новыя книги и брошюры . 411

XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. M. Mulhall, Industries and Wealth of Nations.—**С. Ра-тъ.**—II. The Pamirs and the source of the Oxus, by G. Curzon, M. P.—**Л. А. Б-чъ.**—III. René Doumic, Etudes sur la littérature française.—**З. В.** 426

XVII.—НЕКРОЛОГЪ.—Альфонсъ Додэ † 6 (18) декабря 1897 г.—**З. В-ва** . . . 445

XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Московскій комитетъ для содѣйствія устройству студенческихъ общежитій.—Рѣчи проф. Виноградова и Чупрова, статья проф. Филиппова.—Русскія общежитія и англійскіе „колледжи".—„Вѣчные" помощники присяжныхъ повѣренныхъ.—Всеобщее обученіе и школа грамоты.—Рѣчь полтавскаго губернатора.—Post-Scriptum 452

XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Н. Карѣевъ, Введеніе въ изученіе соціологіи.—Ф. Гиддингсъ, Основанія соціологіи.—Общественная жизнь Англіи, Г. Трайля, т. III.—А. Риль, Фридрихъ Ницше, какъ художникъ и мыслитель, пер. съ нѣм. З. Венгеровой.—О. Петерсонъ и Е. Балабанова, Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ, т. II.—К. Покровскій, Путеводитель по небу.—„Мои воспоминанія", акад. Ѳ. И. Буслаева.

XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1898 года.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

РОССІЯ и АНГЛІЯ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

I.

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду не только изложить русско-англійскія отношенія въ царствованіе имп. Николая Павловича и королевы Викторіи [1]), но и представить ихъ поступательное развитіе, по тѣмъ отдѣльнымъ политическимъ вопросамъ, которые вызывали дипломатическіе переговоры и привели, наконецъ, къ заключенію международныхъ актовъ. Основаніемъ для нашего изслѣдованія послужатъ исключительно тѣ драгоцѣнные матеріалы, которые хранились въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и были имъ изданы.

Для полной характеристики русско-англійскихъ отношеній со времени воцаренія королевы Викторіи необходимо бросить взглядъ на взаимныя международныя отношенія, предшествовавшія вступленію на престолъ Викторіи. Вопросы, составлявшіе предметъ дипломатическихъ переговоровъ съ 1837 года, были унаслѣдованы англійскою королевою, и при рѣшеніи ихъ, въ томъ или другомъ смыслѣ, она должна была считаться съ совершившимися ...ми и принятыми обязательствами. Нѣтъ никакой возмож... понять дипломатическіе переговоры между русскимъ и ...скимъ правительствами, напримѣръ, въ бельгійскомъ во-

---

1) ...рав. мою статью: „Императоръ Николай I и королева Викторія", въ „Вѣстн. ...", 1896 г., ноябрь, стр. 74.

просѣ, если не имѣть въ виду международныя обязательства, подписанныя англійскимъ и русскимъ правительствами уже въ 1831 году. Не ранѣе 1839 года нидерландскій король отказался отъ своего настойчиваго притязанія и примирился съ совершившимся фактомъ отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи. Онъ зналъ, что ему можно положиться на дружбу своего августѣйшаго зятя, русскаго императора, и потому не соглашался ни на какія примирительныя предложенія. Въ Лондонѣ были сосредоточены всѣ переговоры по поводу бельгійско-голландской распри, и чрезвычайно трудно было положеніе русскихъ уполномоченныхъ: князя Ливена, русскаго посла при с.-джемскомъ дворѣ, и графа Матушевича, второго русскаго уполномоченнаго. Переломить настойчивость нидерландскаго короля казалось совершенно невозможнымъ, и лордъ Пальмерстонъ сталъ терять терпѣніе и требовалъ принятія принудительныхъ мѣръ противъ Голландіи, съ цѣлью заставить ее признать независимость бельгійскаго королевства.

Наконецъ, послѣ чрезвычайно утомительныхъ переговоровъ, на лондонской конференціи, въ ноябрѣ 1831 года, былъ подписанъ актъ изъ 24 статей, признающихъ совершившійся фактъ отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи. Князь Ливенъ и графъ Матушевичъ отъ души радовались окончанію этого тяжелаго дѣла. Но ихъ радость была преждевременна, ибо ни король голландскій Вильгельмъ II, ни императоръ Николай I, не утвердили этого акта.

Оказалось, что подписаніемъ въ Лондонѣ ноябрьской конвенціи 1831 года объ отдѣленіи бельгійскихъ провинцій отъ голландскаго королевства далеко не былъ оконченъ бельгійско-голландскій вопросъ. Эта конвенція оставалась долгое время мертвою буквою, благодаря все той же настойчивости голландскаго короля. Въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ продолжались дипломатическіе переговоры объ этомъ дѣлѣ, и только въ 1839 году они привели къ желательному концу.

Въ продолженіе этого же самаго періода времени восточный вопросъ, благодаря попыткамъ египетскаго паши Мегемета-Али добиться полной политической независимости отъ Турціи, принялъ весьма острый характеръ и неоднократно угрожалъ общеевропейскому миру. Лондонскія конвенціи 1840 и 1841 годовъ служатъ по настоящее время этапными пунктами на пути къ разрѣшенію пресловутаго восточнаго вопроса.

Наконецъ, въ это же самое время греческій вопросъ, рѣшенный только принципіально адріанопольскимъ мирнымъ трак-

татомъ, дѣйствительно получилъ окончательное рѣшеніе съ восшествіемъ на греческій престолъ баварскаго принца Оттона, въ 1832 году.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію дипломатическихъ переговоровъ по всѣмъ тремъ вышеприведеннымъ вопросамъ, намъ необходимо дать характеристику какъ главнѣйшихъ дѣятелей въ этихъ переговорахъ, такъ и той политической арены, на которой они происходили.

Со стороны Россіи главными дѣятелями остались тѣ же самыя лица, которыя до сихъ поръ участвовали въ переговорахъ съ с.-джемскимъ кабинетомъ. Князь Ливенъ оставался до 1834 года посломъ при великобританскомъ дворѣ, и княгиня Ливенъ, его супруга, продолжала держать въ своихъ искусныхъ рукахъ нити дипломатическихъ переговоровъ и интригъ. Рядомъ съ обоими дѣйствовалъ неутомимымъ образомъ графъ Матушевичъ, съ искуснымъ перомъ и блестящимъ умомъ котораго можно познакомиться изъ дипломатическихъ сношеній въ концѣ двадцатыхъ годовъ истекающаго нынѣ столѣтія. Графъ Матушевичъ принималъ самое дѣятельное участіе въ лондонской конференціи по дѣламъ греческимъ и бельгійско-голландскимъ. Его блестящимъ перомъ пользовались не только члены конференціи, но также посолъ князь Ливенъ, заставлявшій его сочинять не одни общія донесенія вице-канцлеру, но равнымъ образомъ газетныя статьи для англійской печати, въ опроверженіе различныхъ обвиненій Россіи. Даже княгиня Ливенъ поручала, отъ времени до времени, графу Матушевичу то писать статьи для англійскихъ газетъ, то вести дипломатическія и конфиденціальныя сношенія съ англійскими министрами.

Графъ Матушевичъ, помня, какъ онъ самъ говоритъ, что, по правиламъ христіанской вѣры, за зло надо воздавать добромъ, исполнялъ всѣ эти порученія и съ большимъ удовольствіемъ покинулъ въ 1834 году Англію. Не подлежитъ сомнѣнію, что отношенія его къ князю и княгинѣ Ливенъ были настолько непріятны, что онъ сердечно обрадовался разрѣшенію графа Нессельроде уѣхать изъ Англіи. Онъ считалъ себя „жертвою“, на которую взваливаются постигшія императорское посольство въ Лондонѣ неудачи или непріятности.

Взаимныя отношенія между княземъ Ливеномъ и графомъ Матушевичемъ значительно еще усложнялись пребываніемъ въ Лондонѣ графа Поццо-ди-Борго, который оффиціально занималъ постъ императорскаго посла въ Парижѣ, но послѣ воцаренія короля Луи-Филиппа бо̀льшую часть года проводилъ или въ Лон-

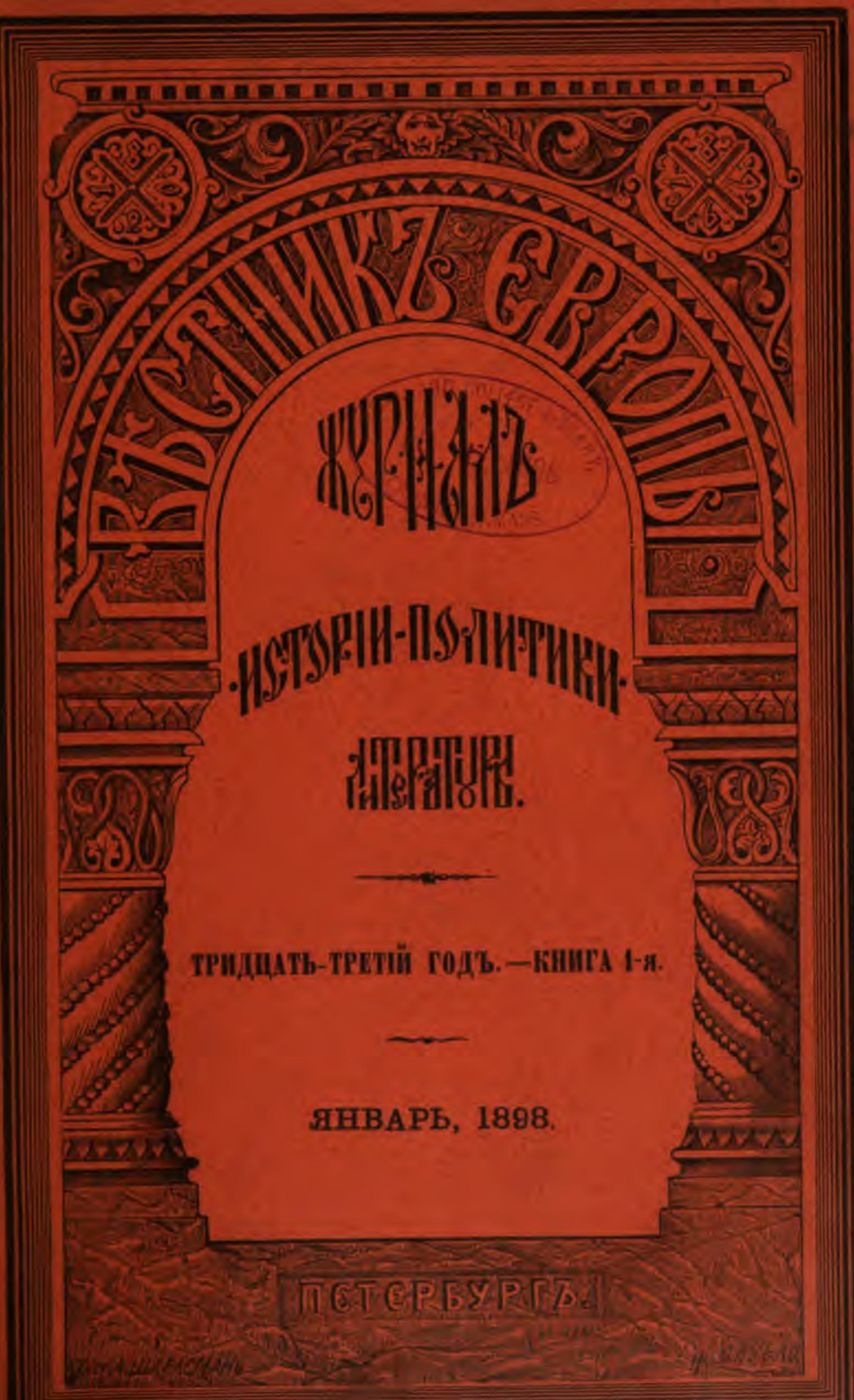
Slav 30.2
PSlav 176.25

1898. Feb. 5 – Mar. 7.
Sever fund.

2622

Title page

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.
ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ.—КНИГА 1-я.
ЯНВАРЬ, 1898.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1898.

	Стр.
I.—РОССІЯ И АНГЛІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.—I.—**Ф. Ф. Мартенса**	5
II.—ТЯГА.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая: I-XIV.—**П. Д. Боборыкина**	32
III.—ОЧЕРКИ И НАБРОСКИ ИЗЪ СТАРОЙ И НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I-IV. **Алексѣя Веселовскаго**	116
IV.—ЛИДА.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая: I-X.—**Гр. Е. В. Т.**	145
V.—АНТИЧНАЯ ГУМАННОСТЬ.—Очеркъ.—**Ѳ. Ф. Зѣлинскаго**	195
VI.—ОЖИДАНІЕ.—Стих. **А. М. Жемчужникова**	230
VII.—БЕЗПОЧВЕННИКИ.—Ром. Мориса Барреса.—I. Въ лицеѣ.—II. Въ родной землѣ.—III. Первые шаги въ Парижѣ.—Перев. съ франц. **А. Б—г—**	232
VIII.—ЗАДАЧИ МЕДИЦИНЫ ВЪ БУДУЩЕМЪ.—**А. Г. Богрова**	283
IX.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Уродилася рожь золотистая.—II. Тихо и влажно въ ночной полумглѣ.—**В. П. Маркова**	313
X.—НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ, его прошлое и настоящее.—**К—ъ**	317
XI.—ХРОНИКА.—Исполненіе государственной росписи за 1896 годъ.—**О.**	355
XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Истекшій годъ.—Правила и инструкція о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени.—Изъятія изъ общихъ нормъ: работы непрерывныя, вспомогательныя, сверхъурочныя.—„Правила въ руководство цензурѣ“ и безцензурная печать.—Общій духъ законовъ о печати и примѣненіе ихъ на практикѣ.—Двѣ губернаторскія рѣчи.—„Избирательное начало“	371
XIII.—ЗАМѢТКА.—Заключенія университетскихъ совѣтовъ о системѣ гонорара.—**Н. И. Карѣева**	394
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Особенности новѣйшей международной политики.—Система союзовъ и соглашеній.—Колоніальная предпріимчивость и военныя традиціи.—Милитаризмъ и миролюбіе.—Главныя событія истекшаго года.—Восточныя дѣла и турецкое общественное мнѣніе.—Парламентскія войны и стычки.—Министерскія перемѣны.—Рабочее движеніе	398
XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Бенжаменъ Киддъ, Соціальная эволюція, съ предисл. Н. К. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Перев. съ англ., изд. О. Н. Поповой.—Веніаминъ Киддъ, Соціальное развитіе. Съ предисл. проф. Вейсмана. Перев. съ англ. М. Чепинской, изд. Ф. Павленкова.—**Л. З.**—З. Н. Гиппіусъ (Мережковская). Зеркала.—**Н.**—Новыя книги и брошюры	411
XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. M. Mulhall, Industries and Wealth of Nations.—**С. Ра-тъ.**—II. The Pamirs and the source of the Oxus by G. Curzon, M. P.—**Л. А. В-чъ.**—III. Rêné Doumic, Etudes sur la littérature française.—**З. В.**	426
XVII.—НЕКРОЛОГЪ.—Альфонсъ Додэ † 6 (18) декабря 1897 г.—**З. В-въ**	445
XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Московскій комитетъ для содѣйствія устройству студенческихъ общежитій.—Рѣчи проф. Виноградова и Чупрова, статья проф. Филиппова.—Русскія общежитія и англійскіе „колледжи“.—„Вѣчные“ помощники присяжныхъ повѣренныхъ.—Всеобщее обученіе и школа грамоты.—Рѣчь полтавскаго губернатора.—Post-Scriptum	452
XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Н. Карѣевъ, Введеніе въ изученіе соціологіи.—Ф. Гиддингсъ, Основанія соціологіи.—Общественная жизнь Англіи, Г. Трайля, т. III.—А. Риль, Фридрихъ Ницше, какъ художникъ и мыслитель, пер. съ нѣм. З. Венгеровой.—О. Петерсонъ и Е. Балабанова, Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ, т. II.—К. Покровскій, Путеводитель по небу.—„Мои воспоминанія“, акад. Ѳ. И. Буслаева.	
XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.	

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1898 года.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

РОССІЯ и АНГЛІЯ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

I.

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду не только изложить русско-англійскія отношенія въ царствованіе имп. Николая Павловича и королевы Викторіи [1]), но и представить ихъ поступательное развитіе, по тѣмъ отдѣльнымъ политическимъ вопросамъ, которые вызывали дипломатическіе переговоры и привели, наконецъ, къ заключенію международныхъ актовъ. Основаніемъ для нашего изслѣдованія послужатъ исключительно тѣ драгоцѣнные матеріалы, которые хранились въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и были имъ изданы.

Для полной характеристики русско-англійскихъ отношеній со времени воцаренія королевы Викторіи необходимо бросить взглядъ на взаимныя международныя отношенія, предшествовавшія вступленію на престолъ Викторіи. Вопросы, составлявшіе предметъ дипломатическихъ переговоровъ съ 1837 года, были унаслѣдованы англійскою королевою, и при рѣшеніи ихъ, въ томъ или другомъ смыслѣ, она должна была считаться съ совершившимися актами и принятыми обязательствами. Нѣтъ никакой возможности понять дипломатическіе переговоры между русскимъ и англійскимъ правительствами, напримѣръ, въ бельгійскомъ во-

[1]) Срав. мою статью: „Императоръ Николай I и королева Викторія", въ „Вѣстн. Европы", 1896 г., ноябрь, стр. 74.

просѣ, если не имѣть въ виду международныя обязательства, подписанныя англійскимъ и русскимъ правительствами уже въ 1831 году. Не ранѣе 1839 года нидерландскій король отказался отъ своего настойчиваго притязанія и примирился съ совершившимся фактомъ отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи. Онъ зналъ, что ему можно положиться на дружбу своего августѣйшаго зятя, русскаго императора, и потому не соглашался ни на какія примирительныя предложенія. Въ Лондонѣ были сосредоточены всѣ переговоры по поводу бельгійско-голландской распри, и чрезвычайно трудно было положеніе русскихъ уполномоченныхъ: князя Ливена, русскаго посла при с.-джемскомъ дворѣ, и графа Матушевича, второго русскаго уполномоченнаго. Переломить настойчивость нидерландскаго короля казалось совершенно невозможнымъ, и лордъ Пальмерстонъ сталъ терять терпѣніе и требовалъ принятія принудительныхъ мѣръ противъ Голландіи, съ цѣлью заставить ее признать независимость бельгійскаго королевства.

Наконецъ, послѣ чрезвычайно утомительныхъ переговоровъ, на лондонской конференціи, въ ноябрѣ 1831 года, былъ подписанъ актъ изъ 24 статей, признающихъ совершившійся фактъ отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи. Князь Ливенъ и графъ Матушевичъ отъ души радовались окончанію этого тяжелаго дѣла. Но ихъ радость была преждевременна, ибо ни король голландскій Вильгельмъ II, ни императоръ Николай I, не утвердили этого акта.

Оказалось, что подписаніемъ въ Лондонѣ ноябрьской конвенціи 1831 года объ отдѣленіи бельгійскихъ провинцій отъ голландскаго королевства далеко не былъ оконченъ бельгійско-голландскій вопросъ. Эта конвенція оставалась долгое время мертвою буквою, благодаря все той же настойчивости голландскаго короля. Въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ продолжались дипломатическіе переговоры объ этомъ дѣлѣ, и только въ 1839 году они привели къ желательному концу.

Въ продолженіе этого же самаго періода времени восточный вопросъ, благодаря попыткамъ египетскаго паши Мегемета-Али добиться полной политической независимости отъ Турціи, принялъ весьма острый характеръ и неоднократно угрожалъ общеевропейскому миру. Лондонскія конвенціи 1840 и 1841 годовъ служатъ по настоящее время этапными пунктами на пути къ разрѣшенію пресловутаго восточнаго вопроса.

Наконецъ, въ это же самое время греческій вопросъ, рѣшенный только принципіально адріанопольскимъ мирнымъ трак-

татомъ, дѣйствительно получилъ окончательное рѣшеніе съ восшествіемъ на греческій престолъ баварскаго принца Оттона, въ 1832 году.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію дипломатическихъ переговоровъ по всѣмъ тремъ вышеприведеннымъ вопросамъ, намъ необходимо дать характеристику какъ главнѣйшихъ дѣятелей въ этихъ переговорахъ, такъ и той политической арены, на которой они происходили.

Со стороны Россіи главными дѣятелями остались тѣ же самыя лица, которыя до сихъ поръ участвовали въ переговорахъ съ с.-джемскимъ кабинетомъ. Князь Ливенъ оставался до 1834 года посломъ при великобританскомъ дворѣ, и княгиня Ливенъ, его супруга, продолжала держать въ своихъ искусныхъ рукахъ нити дипломатическихъ переговоровъ и интригъ. Рядомъ съ обоими дѣйствовалъ неутомимымъ образомъ графъ Матушевичъ, съ искуснымъ перомъ и блестящимъ умомъ котораго можно познакомиться изъ дипломатическихъ сношеній въ концѣ двадцатыхъ годовъ истекающаго нынѣ столѣтія. Графъ Матушевичъ принималъ самое дѣятельное участіе въ лондонской конференціи по дѣламъ греческимъ и бельгійско-голландскимъ. Его блестящимъ перомъ пользовались не только члены конференціи, но также посолъ князь Ливенъ, заставлявшій его сочинять не одни общія донесенія вице-канцлеру, но равнымъ образомъ газетныя статьи для англійской печати, въ опроверженіе различныхъ обвиненій Россіи. Даже княгиня Ливенъ поручала, отъ времени до времени, графу Матушевичу то писать статьи для англійскихъ газетъ, то вести дипломатическія и конфиденціальныя сношенія съ англійскими министрами.

Графъ Матушевичъ, помня, какъ онъ самъ говоритъ, что, по правиламъ христіанской вѣры, за зло надо воздавать добромъ, исполнялъ всѣ эти порученія и съ большимъ удовольствіемъ покинулъ въ 1834 году Англію. Не подлежитъ сомнѣнію, что отношенія его къ князю и княгинѣ Ливенъ были настолько непріятны, что онъ сердечно обрадовался разрѣшенію графа Нессельроде уѣхать изъ Англіи. Онъ считалъ себя „жертвою“, на которую взваливаются постигшія императорское посольство въ Лондонѣ неудачи или непріятности.

Взаимныя отношенія между княземъ Ливеномъ и графомъ Матушевичемъ значительно еще усложнялись пребываніемъ въ Лондонѣ графа Поццо-ди-Борго, который оффиціально занималъ постъ императорскаго посла въ Парижѣ, но послѣ воцаренія короля Луи-Филиппа бо́льшую часть года проводилъ или въ Лон-

донѣ, или въ другихъ европейскихъ городахъ, кромѣ Парижа. Совершенно естественно, что на долю графа Матушевича выпадала, въ виду присутствія графа Поццо-ди-Борго, не вторая, но третья роль. Ему приходилось подписывать общія съ княземъ Ливеномъ и графомъ Поццо-ди-Борго донесенія, съ содержаніемъ которыхъ онъ не былъ вполнѣ согласенъ.

Послѣ назначенія князя Ливена, въ 1834 г., на высокую должность попечителя наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, графъ Поццо-ди-Борго былъ окончательно назначенъ императорскимъ посломъ при с.-джемскомъ дворѣ. Но старость и болѣзненное состояніе заставили его весьма скоро просить объ отставкѣ, которую онъ и получилъ въ 1839 году.

На его мѣсто, сперва съ чрезвычайнымъ временнымъ порученіемъ, а затѣмъ посланникомъ, былъ назначенъ баронъ Брунновъ, блестящей дѣятельности котораго всегда будетъ отведено самое почетное мѣсто въ лѣтописи русской дипломатіи. Баронъ Брунновъ, до своего назначенія на постъ посланника въ 1839 г., побывалъ уже въ Лондонѣ, гдѣ успѣлъ пріобрѣсти много знакомыхъ и друзей. Въ 1832 году онъ прибылъ въ Лондонъ, въ качествѣ секретаря и совѣтника графа А. Н. Орлова, на котораго было возложено весьма почетное и трудное порученіе отправиться въ Гагу и убѣдить голландскаго короля въ необходимости отказаться отъ своего упорства въ бельгійскомъ вопросѣ. Баронъ Брунновъ сопровождалъ графа Орлова въ Гагу и Лондонъ и былъ авторомъ чрезвычайно интересныхъ донесеній графа императору Николаю I.

Прошедши чрезъ дипломатическую школу графа Нессельроде, пользуясь неограниченнымъ его довѣріемъ и обладая блестящимъ умомъ и выдающимися способностями, баронъ Брунновъ долженъ былъ имѣть огромное вліяніе на ходъ переговоровъ между Россіею и Англіею по всѣмъ текущимъ политическимъ дѣламъ. Ему было суждено скрѣпить своею подписью лондонскія конвенціи относительно полунезависимаго Египта и закрытія Дарданельскаго и Босфорскаго проливовъ.

Если имѣть въ виду всѣхъ вышеназванныхъ высоко даровитыхъ русскихъ дипломатовъ, то нельзя не заключить, что рѣдко когда Россія была болѣе блестящимъ образомъ представляема при какомъ-либо иностранномъ дворѣ, чѣмъ въ Лондонѣ въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка.

Посмотримъ теперь, съ какими государственными людьми Англіи приходилось имѣть дѣло представителямъ Россіи за озна-

ченный періодъ времени, и какія политическія цѣли они себѣ ставили въ сношеніяхъ съ императорскимъ правительствомъ.

Въ продолженіе этого времени партія виговъ, съ лордами Греемъ и Мельборномъ во главѣ, держала въ своихъ рукахъ бразды правленія, а лордъ Пальмерстонъ былъ почти несмѣняемымъ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ. Личность лорда Пальмерстона кладетъ печать на всѣ дипломатическіе переговоры по самымъ важнымъ вопросамъ и, въ особенности, по бельгійско-голландскому и восточному. Внутреннее состояніе Англіи должно было также отражаться на международной ея политикѣ.

Весьма интересную характеристику какъ внутренняго, такъ и внѣшняго положенія Англіи мы находимъ въ замѣчательномъ донесеніи, отъ 24-го февраля (8-го марта) 1832 года, подписанномъ княземъ Ливеномъ и графами Поццо-ди-Борго и Матушевичемъ, но авторомъ котораго былъ одинъ графъ Поццо-ди-Борго. Основное положеніе этой записки слѣдующее: Англія и Франція, благодаря общности своихъ правительственныхъ порядковъ и политическихъ цѣлей, находятся въ тѣсномъ союзѣ. Отсюда слѣдуетъ, что три консервативныя монархіи континента: Россія, Австрія и Пруссія, должны составлять между собою союзъ, который могъ бы послужить твердымъ оплотомъ противъ всесокрушающихъ стремленій двухъ названныхъ великихъ державъ.

Внутреннее состояніе Англіи вполнѣ удовлетворительно объясняетъ такую группировку главнѣйшихъ европейскихъ державъ. Принятіемъ „Bill of reforme“ англійское правительство, съ лордами Греемъ, Пальмерстономъ и Брумомъ, вступило на путь преобразованій. Вслѣдствіе этого сближеніе и союзъ его съ революціонною Франціею, въ лицѣ короля Луи-Филиппа, представляются совершенно естественными. Знаменитая реформа лорда Грея привела, по словамъ тѣхъ трехъ нашихъ государственныхъ людей, къ слѣдующему результату.

„Прошло то время, когда министерство, какое бы оно ни было, могло разсчитывать на постоянное большинство, котораго сплоченность давала бы устойчивость правительству, и о которое должны были бы разбиваться нападки оппозиціи, наглость періодической печати и свирѣпость черни. Въ настоящее время каждый вопросъ зависитъ отъ того, какъ на него посмотритъ большинство отдѣльныхъ членовъ палаты общинъ... Что касается палаты лордовъ, то она почти совершенно потеряла значеніе той консервативной силы, которою останавливались заблужденія демократіи. Не взирая на громадныя богатства, принадлежащія фа-

миліямъ, ее составляющимъ, не взирая на столько знаменитыхъ родовъ и высокихъ талантовъ, зависть среднихъ классовъ и открытая война, предпринятая королемъ и его настоящими министрами противъ этого великаго и спасительнаго учрежденія во время борьбы за „реформу“,—все это вмѣстѣ привило къ развращенной публикѣ пагубную мысль, что палата лордовъ—врагъ народной пользы, и что ея рѣшенія не должны останавливать дѣйствія постановленій другой палаты, которая въ настоящее время больше, чѣмъ когда-либо прежде, считается единою представительницею народа.

„Изъ такого положенія вещей слѣдуетъ, что Англія de facto управляется и съ каждымъ днемъ будетъ все болѣе управляться *одною палатою*, и что то равновѣсіе властей, на которомъ преимущественно покоились прежде порядокъ и свобода, разрушено дѣйствіемъ послѣдней парламентской реформы“.—Партія торіевъ перестала играть какую-либо роль.

Если сопоставить это заключеніе трехъ выдающихся русскихъ государственныхъ людей тридцатыхъ годовъ съ общеизвѣстными фактами второй половины нынѣшняго вѣка, то нельзя не удивляться ихъ уму и проницательности. Современная агитація въ Англіи объ упраздненіи палаты лордовъ является неизбѣжнымъ результатомъ того новаго направленія, которое водворила реформа лорда Грея въ государственной жизни англійскаго народа.

Переходя затѣмъ къ характеристикѣ наиболѣе выдающихся англійскихъ государственныхъ людей того времени, авторъ мемуара останавливается, прежде всего, на лордѣ Греѣ, который признается человѣкомъ благороднымъ, но слабохарактернымъ и уставшимъ отъ трудовъ и лѣтъ. Лордъ Грей чаще покоряется получаемымъ отъ другихъ впечатлѣніямъ, нежели направляетъ самъ ихъ дѣйствія.

Лордъ-канцлеръ Брумъ достигъ высшей должности въ Англіи, благодаря не только своимъ замѣчательнымъ способностямъ и уму, но равнымъ образомъ одолѣвавшей его жаждѣ популярности, которая заставляла его угождать всѣми средствами вкусамъ и желаніямъ народныхъ массъ.

Лордъ Пальмерстонъ —„посредственный ученикъ торизма“. Когда партія виговъ должна была получить въ свои руки бразды правленія, лордъ Грей устроилъ свое министерство при содѣйствіи лорда Пальмерстона, который въ награду получилъ портфель статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ. „Опасаясь, что его коллеги, и въ особенности лордъ Дюрэмъ, могутъ пе-

рещеголять его въ либерализмѣ, лордъ Пальмерстонъ принужденъ выказывать себя съ каждымъ днемъ все бо̀льшимъ революціонеромъ, и въ своей посредственной и путанной головѣ (sic!) онъ составилъ планъ основать такъ называемую *конституціонную* систему въ противоположность старымъ монархическимъ порядкамъ. Основою этой системы является іюльская революція и сохраненіе орлеанской династіи во Франціи.

„Его высокомѣрный характеръ, его низменные взгляды и недостатокъ настоящаго образованія дипломата приводятъ его къ преступленіямъ и нарушеніямъ правилъ приличія, выдающимъ то, чего онъ желаетъ, или что̀ онъ долженъ бы скрывать. Но въ то же время онъ не останавливается ни предъ какимъ средствомъ: пути кривые и извилистые, клевета, умолчаніе, запирательство— все онъ считаетъ пригоднымъ.

„Россію считаетъ лордъ Пальмерстонъ главнымъ тормазомъ для осуществленія своихъ разрушительныхъ и безразсудныхъ проектовъ, и его ненависть ростетъ пропорціонально его неудачамъ и его безсилію“ [1]).

Огромное вліяніе на англійскаго премьера имѣлъ его зять— лордъ Дюрэмъ, который во всѣхъ вопросахъ придерживался противоположныхъ лорду Пальмерстону взглядовъ. Послѣ своего посольства въ С.-Петербургѣ, лордъ Дюрэмъ возвратился оттуда энергическимъ и убѣжденнымъ защитникомъ Россіи. Онъ постоянно опровергалъ фантастическіе и оскорбительные взгляды лорда Пальмерстона на цѣли русской политики. Лордъ Дюрэмъ— открытый противникъ лорда Пальмерстона, который былъ ярымъ сторонникомъ союза съ Франціею и вполнѣ подчинялся вліянію на него князя Талейрана. Если, благодаря „анти-англійской и нелѣпой политикѣ“ лорда Пальмерстона, Франція господствуетъ въ Голландіи, если въ Швейцаріи и въ Италіи открыто готовятся революціи, то этими бѣдствіями Европа всецѣло обязана англійскому министру иностранныхъ дѣлъ.

Къ этой характеристикѣ главнѣйшихъ политическихъ дѣятелей Англіи февральская записка присоединяетъ разборъ главныхъ политическихъ вопросовъ.

Въ бельгійско-голландскомъ вопросѣ „Леопольдъ — намѣстникъ Луи-Филиппа“, и Бельгія вполнѣ находится въ рукахъ французовъ. Лордъ Пальмерстонъ пользуется распрею между Гол-

---

[1]) Не безъинтересно отмѣтить, что эта оцѣнка лорда Пальмерстона, подписанная княземъ Ливеномъ, совершенно противорѣчитъ прежнему его взгляду на этого англійскаго государственнаго человѣка. Срав. мое „Собр. тракт. и конв.“, т. XI, стр. 444.

ландіею и Бельгіею съ цѣлью въ мутной водѣ ловить рыбу. Той же самой политики придерживается лордъ Пальмерстонъ въ Испаніи, Португаліи, Италіи и Швейцаріи: во всѣхъ этихъ странахъ, враги существующаго законнаго порядка находятъ поддержку и помощь со стороны англійскаго правительства. Что касается, наконецъ, восточнаго вопроса, то остается только удивляться близорукости англійской политики. Было время, когда присутствіе французовъ въ Алжирѣ, ихъ „господство" въ Тунисѣ и Триполисѣ и преобладающее вліяніе въ Египтѣ вызвали бы въ англійскомъ народѣ гнѣвъ и негодованіе. Теперь же англичанамъ кажется совершенно естественнымъ такое господство французовъ на сѣверномъ побережьѣ Африки.

Эта любопытная характеристика политическаго положенія Англіи оканчивается слѣдующими словами:

„Можно удивиться тому, что въ запискѣ, составленной объ Англіи и въ англійской столицѣ, имя короля не входитъ ни въ наши замѣчанія, ни въ наши соображенія. Къ несчастью, это имя и самое королевство сведены въ настоящее время къ пустой формулѣ. Уже будучи лишена бòльшей части своихъ прерогативъ, опасаясь потерять, что̀ изъ нихъ осталось, ставъ почти безвластною карать или награждать, королевская власть обратилась въ образъ, лишенный реальнаго значенія".

Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе февральской записки, составленной съ начала до конца графомъ Поццо-ди-Борго и подписанной также княземъ Ливеномъ и графомъ Матушевичемъ. Но послѣдній не вполнѣ удовлетворился трудомъ графа Поццо-ди-Борго и находилъ въ немъ существенные пробѣлы. Поэтому онъ считалъ своимъ долгомъ восполнить этотъ недостатокъ въ длинномъ письмѣ на имя вице-канцлера, отъ 22 февраля (6-го марта) 1833 года.

При чтеніи этого замѣчательнаго произведенія пера графа Матушевича нельзя не придти къ заключенію, что оно дѣйствительно восполняетъ характеристику англійскихъ государственныхъ дѣятелей, представленную графомъ Поццо-ди-Борго. Такъ, послѣдній совершенно забылъ сэра Роберта Пиля. По мнѣнію же графа Матушевича, надъ всѣмъ англійскимъ парламентомъ возвышается только одна сила — сэръ Робертъ Пиль. Его талантъ владычествуетъ надъ всею палатою, и его тщеславіе безпредѣльно. Вотъ почему настоящее министерство лорда Грея весьма недолговѣчно и вскорѣ должно будетъ выйти въ отставку. Но всякое другое англійское министерство будетъ страдать вну-

треннимъ безсиліемъ настолько, что Англія въ будущемъ не въ состояніи вести какую-либо европейскую войну.

Такое заключеніе основываетъ графъ Матушевичъ на разрушеніи основъ того стараго государственнаго порядка Англіи, который зиждился на соглашеніи порядка, власти и свободы. Эти основы, по его мнѣнію, исчезли съ того времени, когда королевская власть лишилась всякаго реальнаго значенія, дворянство своихъ вѣковыхъ правъ и церковь своего авторитета.

Въ виду такого состоянія Англіи, три сѣверныя монархическія державы должны сплачиваться все болѣе и болѣе и на общемъ конгрессѣ установить свою программу дѣйствія. Графъ Матушевичъ развиваетъ подробно программу такого конгресса монарховъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Этотъ конгрессъ въ дѣйствительности состоялся въ Мюнхенгрецѣ, осенью 1833 года, и его постановленія въ значительной части сходятся съ начертанною графомъ Матушевичемъ программою.

Если имѣть въ виду вышеизложенную характеристику внутренняго состоянія Великобританіи и ея государственныхъ дѣятелей, то понятно будетъ, почему въ дипломатическихъ переговорахъ со стороны лондонскаго двора постоянно обнаруживаются то стремительная энергія, то апатичная пассивность, то претензія на самое строгое соблюденіе установленныхъ формъ и обрядовъ, то явное нарушеніе такихъ приличій, которыя издавна соблюдаются въ дипломатическихъ сферахъ.

Въ видѣ примѣровъ можно указать на нѣсколько интересныхъ фактовъ.

Съ начала нынѣшняго столѣтія установился обычай, до назначенія новаго дипломатическаго агента къ иностранному двору, дѣлать конфиденціальный запросъ: угодно ли будетъ этому двору назначаемое лицо? Англійское правительство, въ лицѣ лорда Пальмерстона, находило возможнымъ нарушить этотъ обычай самымъ очевиднымъ образомъ. Въ 1831 году, оно назначило лорда Дюрэма великобританскимъ посломъ въ С.-Петербургъ безъ предварительнаго запроса. Посолъ князь Ливенъ узналъ объ этомъ назначеніи въ тотъ самый день, когда оно было уже подписано королемъ. Князь Ливенъ былъ чрезвычайно изумленъ такимъ образомъ дѣйствія и откровенно высказалъ свой взглядъ лорду Пальмерстону. Но своему правительству онъ все-таки совѣтовалъ, въ данномъ случаѣ, оставить безъ послѣдствій такое нарушеніе общепринятаго порядка.

Въ виду ума и огромнаго политическаго вліянія лорда Дюрэма, князь Ливенъ, его супруга и графъ Матушевичъ, въ одинъ

голосъ, совѣтовали императорскому правительству принять его въ качествѣ посла и сдѣлать ему пребываніе въ С.-Петербургѣ настолько пріятнымъ, чтобъ онъ возвратился изъ Россіи ея другомъ, а не врагомъ.

Императоръ Николай I согласился съ своими совѣтниками и устроилъ лорду Дюрэму самый блестящій пріемъ.

Гораздо менѣе удовлетворителенъ былъ исходъ внезапнаго и непредупрежденнаго назначенія Страффорда Каннинга великобританскимъ посломъ въ С.-Петербургъ. Въ октябрѣ 1832 г., въ лондонской оффиціальной газетѣ было объявлено объ этомъ назначеніи, и только десять дней спустя лордъ Пальмерстонъ объявилъ князю Ливену о намѣреніи сдѣлать это назначеніе, которое уже состоялось. Когда русскій посолъ объяснилъ англійскому министру всю необычайность его поступка, онъ получилъ слѣдующій запальчивый отвѣтъ: „Каждое правительство совершенно свободно въ выборѣ своихъ представителей при иностранныхъ дворахъ, и послѣдніе не могутъ, если не желаютъ, такъ сказать, вторгаться въ чужую компетенцію, вліять на его относящіяся сюда рѣшенія“.

Полтора часа поддерживалъ лордъ Пальмерстонъ то положеніе, что отказъ русскаго императора принять Страффорда Каннинга въ качествѣ великобританскаго посла равносиленъ veto, налагаемому имъ на рѣшенія его величества короля великобританскаго.

Лордъ Пальмерстонъ объявилъ, въ декабрѣ 1832 года, князю Ливену, что назначеніе Страффорда Каннинга не будетъ отложено, и что послѣдній непремѣнно отправится на свой постъ въ С.-Петербургъ. Если, доказывалъ англійскій министръ послу, придерживаться точки зрѣнія русскаго правительства, то англійскіе министры обязаны признать за иностраннымъ государемъ „совѣщательный голосъ“ въ великобританскомъ совѣтѣ, съ правомъ утвержденія или неодобренія его постановленій.

Когда князь Ливенъ возражалъ, что русскій императоръ не вмѣшивается ни въ какія дѣла совѣта англійскихъ министровъ, но только желаетъ сохранить свою независимость и оставаться полнымъ хозяиномъ у себя дома, лордъ Пальмерстонъ горячо сталъ доказывать, что своимъ отказомъ принять новаго великобританскаго посла русское правительство только обнаруживаетъ свое намѣреніе унизить Англію въ глазахъ всей Европы. Рѣшеніе русскаго правительства подтверждаетъ его желаніе создать англійскому кабинету всевозможныя затрудненія во время выбора новыхъ членовъ парламента и нанести ему „смертельный ударъ“.

Князь Ливенъ вполнѣ основательно опровергъ всѣ эти обвиненія англійскаго министра, доказывая, что если императоръ, его августѣйшій государь, не соглашается принять, въ качествѣ иностраннаго посла, непріятное ему лицо, то онъ только пользуется своимъ несомнѣннымъ правомъ оставаться полнымъ хозяиномъ у себя дома. Его независимость, но не независимость англійскаго правительства, будетъ нарушена, если послѣднее желаетъ ему навязать свой выборъ.

Наконецъ, князь Ливенъ не уставалъ доказывать лорду Пальмерстону, что „простое приличіе" установило обязательность предварительнаго согласія иностраннаго правительства на назначеніе къ нему опредѣленнаго лица въ качествѣ дипломатическаго агента. Но англійскій министръ все-таки продолжалъ настаивать на своемъ рѣшеніи отправить во что бы то ни стало Страффорда Каннинга посломъ въ С.-Петербургъ, приводя въ главное основаніе такого назначенія—партійныя соображенія. Англійскому кабинету нужно было отблагодарить за поддержку партію покойнаго Джорджа Каннинга, къ которой принадлежалъ Страффордъ Каннингъ.

Императоръ Николай I не усмотрѣлъ ни малѣйшей надобности, изъ уваженія къ партійнымъ интересамъ англійскихъ министровъ, допустить подобное нарушеніе обыкновеннаго приличія. Сверхъ того, государю была извѣстна открытая враждебность, съ которою Страффордъ Каннингъ, въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ, относился къ Россіи. Когда лордъ Пальмерстонъ продолжалъ настаивать, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, на этомъ назначеніи, вице-канцлеръ поручилъ князю Ливену категорически объявить ему, что Страффордъ Каннингъ не будетъ принятъ государемъ, и князь Ливенъ долженъ покинуть свой постъ, на который будетъ назначенъ повѣренный въ дѣлахъ. Только это категорическое заявленіе могло остановить знаменитаго англійскаго государственнаго человѣка отъ исполненія его каприза.

Впослѣдствіи мы познакомимся еще съ другими примѣрами, доказывавшими у руководящихъ англійскихъ министровъ довольно своеобразный взглядъ на порядокъ веденія дипломатическихъ переговоровъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы увидимъ, что если имъ противоставлялась несокрушимая воля, ихъ угрозы и нападки обыкновенно разбивались безъ всякихъ послѣдствій...

Обратимся теперь къ изложенію дипломатическихъ переговоровъ по *бельгійскому* дѣлу послѣ подписанія 24-хъ статей въ ноя-

брѣ 1831 года. Велика была общая радость членовъ лондонской конференціи по случаю подписанія ноябрьской конвенціи, которая должна была положить конецъ чрезвычайно жгучей бельгійско-голландской распрѣ. Въ особенности радовались заключенію этого международнаго акта уполномоченные Россіи на конференціи; ихъ положеніе было наиболѣе тяжелое: съ одной стороны, высшее правительство предписывало имъ не забывать близкаго родства и дружбы, соединяющихъ ихъ государя съ нидерландскимъ королемъ, и потому они обязывались защищать до послѣдней крайности права и интересы короля; съ другой же стороны, упрямство и настойчивость того же самаго короля парализовали всякую возможность дѣйствительнаго его покровительства.

Когда ноябрьскій трактатъ былъ подписанъ, договаривающіяся державы полагали, что онъ будетъ ратификованъ голландскимъ королемъ. Между тѣмъ, послѣдній наотрѣзъ отказался дать свою ратификацію, объявляя, что онъ никогда не признàетъ „ce Léopold“ бельгійскимъ королемъ. Императоръ Николай I сперва также отказывался дать свою ратификацію, не желая содѣйствовать полному обособленію своего зятя. Но опасаясь еще бо̀льшаго сближенія между Англіею и Франціею и не вполнѣ довѣряя Австріи, императоръ Николай I предвидѣлъ возможность полнаго распаденія того согласія четырехъ великихъ европейскихъ державъ, въ которомъ онъ усматривалъ единственный оплотъ противъ революціонной Франціи. Вотъ почему онъ рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку для измѣненія образа дѣйствія нидерландскаго короля Вильгельма II. Онъ отправилъ къ нему, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, графа А. Ѳ. Орлова, своего генералъ-адъютанта, пользовавшагося его особеннымъ довѣріемъ и личнымъ расположеніемъ.

Поѣздка графа Орлова черезъ Берлинъ въ Гагу и Лондонъ заслуживаетъ особеннаго вниманія какъ по личности этого генерала-дипломата, такъ и по результатамъ. При графѣ Орловѣ находился молодой баронъ Брунновъ, впослѣдствіи стяжавшій себѣ столь громкое имя среди самыхъ выдающихся русскихъ дипломатовъ.

Графъ Орловъ получилъ свои инструкціи лично отъ государя. Но все-таки вице-канцлеръ считалъ себя обязаннымъ дать ему письменное подтвержденіе возложеннаго на него порученія въ инструкціи отъ 18-го января 1832 года. Цѣль этого порученія была выражена въ слѣдующихъ словахъ: „дать голландскому королю послѣднее средство, чтобъ съ честью выйти изъ

своего затруднительнаго положенія". На пути, въ Берлинѣ, графъ Орловъ долженъ былъ остановиться для личнаго ознакомленія со взглядами прусскаго короля на послѣдній фазисъ бельгійско-голландской распри. Король обязался не давать своей ратификаціи безъ предварительнаго согласія русскаго императора. Графъ Орловъ, въ виду настойчивости голландскаго короля, получилъ право объявить прусскому королю, что государь освобождаетъ его отъ даннаго обязательства и разрѣшаетъ ему дать свою ратификацію на ноябрьскія 24-ре статьи, но не иначе, какъ подъ условіемъ непримѣненія противъ Голландіи принудительныхъ мѣръ за непринятіе этихъ самыхъ статей.

Въ Гагѣ графу Орлову могли представиться слѣдующія альтернативы: 1) король нидерландскій принимаетъ планъ переговоровъ, составленный русскими уполномоченными на лондонской конференціи. Въ этомъ случаѣ графъ Орловъ долженъ былъ принять, для передачи русскимъ уполномоченнымъ въ Лондонѣ, всѣ желанія и поправки, которыя имѣетъ король. Но графу было запрещено входить въ разсмотрѣніе этихъ поправокъ и измѣненій: онъ долженъ былъ только объявить, что эти измѣненія не могутъ переходить за разъ установленныя границы, и поданною королю деклараціею подтвердить отказъ свой сдѣлать какія-либо уступки. 2) Нидерландскій король отвергаетъ всякое средство соглашенія. Въ такомъ случаѣ графъ Орловъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы король отказался отъ такого рѣшенія. Если же онъ заупрямится, то графъ Орловъ дѣлаетъ декларацію въ вышеприведенномъ смыслѣ. Наконецъ, въ 3) русскій планъ дѣйствія, состоявшій въ предупрежденіи примѣненія принудительныхъ мѣръ противъ упрямаго голландскаго короля, не будетъ одобренъ лондонскою конференціею, и послѣдняя будетъ настаивать на принятіи королемъ 24-хъ статей, безъ всякихъ измѣненій. Эта гипотеза весьма невѣроятна. Но еслибъ она представилась, то слѣдуетъ только совѣтовать королю голландскому, чтобъ онъ покорился силѣ обстоятельствъ.

Побывавъ въ Гагѣ, графъ Орловъ, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ отправиться въ Лондонъ. Если голландскій король не принялъ бы предложеній конференціи, то русскіе уполномоченные должны были объявить конференціи, что поданною нидерландскому правительству графомъ Орловымъ деклараціею Россія признаетъ „фактическое существованіе Бельгіи, какъ нейтральнаго и независимаго государства" [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Рос-

[1]) Императоръ Николай I первоначальное слово: „reconnue" собственноручно вычеркнулъ и написалъ:„établie de fait".

сія признаетъ за Бельгіею всѣ предоставленныя ей постановленіями лондонской конференціи права и преимущества и не считаетъ ее обязанною приступить къ исполненію денежныхъ обязательствъ, установленныхъ ноябрьскимъ актомъ.

Наконецъ, графу Орлову были даны акты ратификаціи со стороны Россіи ноябрьскаго и декабрьскаго актовъ 1831 года съ тѣмъ, чтобы онъ приступилъ къ ихъ размѣну въ случаѣ согласія короля нидерландскаго на ратификацію.

Обоимъ уполномоченнымъ Россіи на лондонской конференціи, князю Ливену и графу Матушевичу, вице-канцлеръ, депешею отъ 19-го января 1832 года, объяснилъ подробнымъ образомъ цѣль командировки графа Орлова. Еще разъ подтверждается положительная воля государя не участвовать въ принудительныхъ мѣропріятіяхъ противъ Голландіи, но, прибавилъ графъ Нессельроде, „государь признаетъ за своими союзниками право на принятіе такихъ принудительныхъ мѣръ, которыя они признаютъ нужными, чтобъ заставить короля нидерландскаго уважать и не нарушать нейтралитета Бельгіи". Императоръ Николай I не согласился признать Бельгію и ея короля, пока они не будутъ признаны королемъ нидерландскимъ, подобно тому какъ свою ратификацію ноябрьскаго акта онъ желаетъ поставить въ зависимость отъ ратификаціи его голландскимъ королемъ.

Графъ Орловъ удостоился весьма милостиваго пріема со стороны голландскаго короля и его министровъ. Но онъ совершенно не достигъ поставленной ему цѣли: преодолѣть упрямство короля и заставить его принять рѣшенія лондонской конференціи. Напротивъ, порученіе, возложенное на графа Орлова, еще болѣе укрѣпило короля въ той мысли, что „въ его рукахъ вопросъ о мирѣ или войнѣ". Онъ окончательно утвердился въ убѣжденіи, что великія континентальныя державы, и въ особенности Россія, никогда его не оставятъ на произволъ судьбы, и навѣрно будутъ защищать его претензіи самымъ энергическимъ образомъ.

Когда графъ Орловъ увидѣлъ это, онъ немедленно совершенно измѣнилъ тонъ и содержаніе своихъ рѣчей: онъ сталъ доказывать голландскому королю, что онъ жестоко ошибается, если полагаетъ, что миръ Европы подвергается серьезной опасности. Если же русскій императоръ поручилъ своему генералъ-адъютанту совѣтовать нидерландскому правительству быть уступчивѣе и принять ноябрьскіе акты, то онъ не руководился соображеніями пользы Россіи, которая нисколько не заинтересо-

вана въ бельгійско-голландской распрѣ, но единственно имѣлъ въ виду интересы одной Голландіи.

Графъ Орловъ сказалъ королю, что онъ явился въ Гагу не для „переговоровъ, и не для судейской оцѣнки достоинства лондонскихъ актовъ“. Онъ явился только для того, чтобъ доказать дружбу своего государя къ голландскому королю, его зятю.

Въ „Note verbale“, отъ 11-го (23-го) февраля, поданной голландскому правительству, графъ Орловъ доказывалъ убѣдительнымъ образомъ необходимость для самой Голландіи поскорѣе положить конецъ нынѣшнему шаткому и опасному положенію. Эта нота произвела огромное впечатлѣніе на голландскихъ министровъ и на общественное мнѣніе Голландіи, желавшихъ прекращенія полу-военнаго обременительнаго положенія. Но король сердился, видя такое настроеніе, и съ досадою воскликнулъ: „Я не говорилъ, что я признаю Леопольда, но равнымъ образомъ я никогда не говорилъ, что я не признаю его“.

Графъ Орловъ не подавалъ вида, будто онъ радуется оппозиціи противъ короля—и даже ей потворствуетъ. Онъ только настаивалъ на скорѣйшемъ отвѣтѣ на свою февральскую „Note verbale“.

Не раньше 4-го марта графъ Орловъ получилъ голландскій отвѣтъ, прочитанный ему вслухъ голландскимъ министромъ Верстолькомъ. Этотъ отвѣтъ заключалъ въ себѣ категорическій отказъ уважить добрые совѣты, данные Голландіи отъ имени русскаго императора. Выслушавъ чтеніе этой голландской ноты, графъ Орловъ объявилъ министру, что онъ отказывается принять ноту, и ему остается только подать голландскому правительству заготовленную декларацію, констатирующую упрямство и полную обособленность Голландіи, и немедленно выѣхать изъ Гаги въ Лондонъ. Министръ Верстолькъ совсѣмъ растерялся и просилъ отсрочки для размышленія до слѣдующаго дня.

Возвратившись отъ голландскаго министра на свою квартиру, графъ Орловъ нашелъ тамъ только-что прибывшія изъ С.-Петербурга депешу и частное письмо отъ графа Нессельроде, отъ 11-го (23-го) февраля. Въ депешѣ осуждалось въ энергическихъ выраженіяхъ упрямство нидерландскаго кабинета и доказывалась совершенная невозможность, даже для Россіи, одобрить его предложенія лондонской конференціи, отъ 30-го января 1832 года. „Только одинъ голландскій король,—писалъ вице-канцлеръ,—не хочетъ понять того зла, которое онъ дѣлаетъ самому себѣ и всей Европѣ, продолжая свое безразсудное упорство“.

Изъ этихъ документовъ графъ Орловъ долженъ былъ убѣдиться, что, наконецъ, самъ императоръ Николай I потерялъ терпѣніе и отказывается поддерживать всѣ претензіи голландскаго короля. Графъ Орловъ, на другой же день утромъ, отправился къ голландскому министру и прочелъ ему депешу вице-канцлера, отъ 11-го февраля. Это чтеніе произвело на Верстолька самое удручающее впечатлѣніе. Черезъ нѣсколько дней графъ Орловъ получилъ голландскую ноту, въ которой доказывалось, что Голландія согласится признать Леопольда королемъ бельгійцевъ, „когда состоится соглашеніе насчетъ условій отдѣленія". Наконецъ, опять подтверждался отказъ Голландіи принять ноябрьскія постановленія.

Тогда графъ Орловъ объявилъ, что онъ подаетъ свою декларацію и проситъ прощальной аудіенціи у короля. Онъ также былъ возмущенъ подобною политикою гагскаго правительства, которое подъ рукою сообщало англійскому кабинету данные ему со стороны Россіи совѣты и умышленно выставляло въ Лондонѣ и въ Брюсселѣ такія новыя требованія, которыя не могли быть приняты.

Когда графъ Орловъ обратилъ серьезное вниманіе короля на неминуемыя послѣдствія его образа дѣйствія, то король воскликнулъ:

„Я не вижу, почему я долженъ пожертвовать моими принципами. Я держусь принциповъ. Я не хочу имѣть дѣла съ господиномъ Леопольдомъ" (sic!).

„Впрочемъ, — прибавилъ король Вильгельмъ II, — я только случайный король; я припоминаю, что я сынъ штатгальтера. Если я не въ состояніи защитить мое королевство, то съумѣю, по примѣру моего предка Вильгельма, потопить Голландію и переселиться въ Индію"!

На эти хвастливыя слова графъ Орловъ очень остроумно замѣтилъ: „Ваше величество, снъ это сказалъ, но сдѣлалъ ли онъ это"?—Король не могъ не разсмѣяться.

Когда англійское правительство отвергло невозможныя голландскія предложенія, король былъ въ восторгѣ, и его министры говорили графу Орлову, что имъ теперь нечего дѣлать, и великія державы сами должны найти выходъ изъ нынѣшняго положенія. Тогда графу Орлову ничего больше не осталось, какъ вручить голландскимъ министрамъ торжественную декларацію, отъ 10-го (22-го) марта, въ которой объявлялось, отъ имени Россіи, что государь отнынѣ не считаетъ болѣе возможнымъ оказывать Голландіи „какую-либо поддержку или помощь". Россія признаетъ

нейтралитетъ Бельгіи и не можетъ препятствовать великимъ державамъ принимать мѣры для ея защиты.

На прощальной аудіенціи король спросилъ графа Орлова: „Теперь вы дадите ратификацію на трактатъ?—Это видно изъ вашей деклараціи". Графъ Орловъ отвѣтилъ, что этого не знаетъ. Но, по его личному убѣжденію, ратификація ноябрьскихъ актовъ была бы теперь совершенно естественна и умѣстна. Въ самую послѣднюю минуту графъ Орловъ поставилъ королю категорическій вопросъ: „Намѣренъ ли онъ принять 24-ре статьи; да или нѣтъ"? Король отвѣтилъ: „Вы мнѣ ставите вопросъ совѣсти". Послѣ недолгаго размышленія, онъ прибавилъ рѣшительнымъ тономъ: „Лондонскія 24-ре статьи, въ настоящей ихъ формѣ, *я никогда не подпишу*. Если онѣ будутъ измѣнены—тогда другое дѣло; онѣ не будутъ тѣ же самыя. Онѣ были мнѣ навязаны нотою конференціи, *которую я не могу забыть*. До тѣхъ поръ пока народъ меня не оставитъ, и я не оставлю народъ. Если онъ перестанетъ меня поддерживать, если меня заставятъ подписать, тогда не я подпишу, но будетъ другой, кто за меня подпишетъ".

Такъ кончилась миссія графа Орлова въ Гагѣ. Изъ его частныхъ писемъ къ графу Нессельроде нельзя не убѣдиться, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ уѣхалъ изъ Голландіи въ Лондонъ, куда прибылъ 15-го (27-го) марта. „Въ Гагѣ,—писалъ онъ вице-канцлеру, 2-го (14-го) марта 1832 года, — всѣ хитрости вестфальскаго трактата, всѣ придирки и вѣроломства были пущены въ ходъ противъ меня". Онъ, по его словамъ, имѣлъ дѣло съ королемъ, отличающимся въ высшей степени характеромъ фальшивымъ, проникнутымъ эгоизмомъ и самолюбіемъ; съ министерствомъ, которое передъ нимъ трепетало, будучи неспособнымъ по своимъ талантамъ и дѣйствуя вѣроломнымъ образомъ изъ послушанія. Король и его министры выбивались изъ силъ, чтобъ обратить графа Орлова въ посредника между Голландіею и лондонскою конференціею и лишить его той независимости, которою онъ дорожилъ. Онъ отлично понялъ тактику короля, состоявшую въ томъ, чтобъ непринятіемъ лондонскою конференціею его новыхъ требованій вызвать рознь между великими державами и возбудить гнѣвъ императора Николая I. По убѣжденію графа Орлова, наступилъ моментъ рѣшительныхъ мѣръ для окончанія бельгійско-голландской распри.

„Наконецъ, любезный графъ,—заканчиваетъ графъ Орловъ свое письмо къ вице-канцлеру: — что касается меня, то дѣло кончено. Если вы можете представить себѣ радость болѣвшаго три недѣли лихорадкою въ тотъ день, когда эта гостья его болѣе

не посѣщаетъ; если вы догадываетесь о чувствѣ страдавшаго подагрою въ Шумлѣ (гдѣ свирѣпствовала чума въ 1828 году, когда тамъ находился графъ Орловъ) въ тотъ день, когда онъ больше не страдалъ и могъ сѣсть на коня; наконецъ, если вы имѣете понятіе о кошмарѣ, отъ котораго чувствуешь себя освобожденнымъ,—то вы въ состояніи будете себѣ представить ту радость, которую я чувствую, говоря: прощай!—королю и его министрамъ".

Вотъ съ какими чувствами графъ Орловъ покинулъ Голландію. Онъ усталъ отъ веденія переговоровъ съ голландскимъ королемъ и его министрами. Прощальная аудіенція продолжалась болѣе четырехъ часовъ, въ теченіе которыхъ король то говорилъ дѣло, то вызывалъ смѣхъ. Графъ Орловъ съ трудомъ держался на ногахъ и съ еще бо́льшимъ трудомъ удерживался отъ смѣха, когда король голландскій, съ паѳосомъ говорившій о своихъ принципахъ, вдругъ серьезно сталъ доказывать, что его приносятъ въ жертву,—но кому? Король этого не объяснилъ. Онъ только съ видомъ отчаянія воскликнулъ: „Я совершенно Ифигенія, которую греки отдали въ жертву"!

Король голландскій Вильгельмъ II—Ифигенія! Графъ Орловъ съ большимъ трудомъ удержался отъ смѣха и заключилъ: „это плохой адвокатъ хорошаго дѣла".

Донесенія графа Орлова произвели впечатлѣніе на императора Николая I: онъ, наконецъ, убѣдился, что нельзя безпредѣльно потворствовать упрямству нидерландскаго короля. Въ Лондонѣ графъ Орловъ явился спасителемъ для князя Ливена и графа Матушевича. Они не могли препятствовать тому, чтобъ вѣнскій и берлинскій кабинеты прислали свои ратификаціи на ноябрьскій трактатъ. Графъ Матушевичъ взывалъ къ графу Нессельроде, чтобъ Россія не изолировалась. „Если мы будемъ изолироваться,—писалъ онъ, 5 (17) марта 1832 года:—то мы передѣлаемъ то, что̀ сдѣлалъ Петръ Великій, и станемъ азіатскою державою". Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждали актовъ ратификацій изъ С.-Петербурга представители Россіи на лондонской конференціи.

Наконецъ, они были получены, при экспедиціи отъ 6 (18-го) апрѣля 1832 года. Велика была радость графа Орлова, а въ особенности князя Ливена и графа Матушевича. Но эта радость не была цѣльною, ибо императоръ Николай I согласился дать свою ратификацію съ двумя существенными оговорками: 1) соглашеніе между Голландіею и Бельгіею должно быть предоставлено полному усмотрѣнію обѣихъ державъ, и 2) государь не до-

пускаетъ мысли о принятіи припудительныхъ мѣръ противъ Голландіи и равнымъ образомъ не соглашается на возобновленіе непріязненныхъ дѣйствій противъ Бельгіи. Согласно съ этимъ императорское правительство потребовало измѣненія статей IX, XII и XIII ноябрьскаго трактата.

Англійское правительство очень обрадовалось рѣшенію русскаго императора дать свою ратификацію, но оно сперва не хотѣло допустить никакихъ оговорокъ этой ратификаціи, утверждая, что всякая ратификація международнаго трактата должна быть безусловная, безъ всякихъ оговорокъ. Совѣтъ англійскихъ министровъ собирался нѣсколько разъ для обсужденія этого капитальнаго вопроса и, наконецъ, рѣшилъ:—принять русскую ратификацію съ оговорками.

Этотъ фактъ былъ констатированъ протоколомъ лондонской конференціи, отъ 4-го мая.

Въ тотъ же самый день графъ Орловъ выѣхалъ изъ Лондона обратно въ С.-Петербургъ.

Однако, принятіемъ русской условной ратификаціи еще не было улажено бельгійско-голландское дѣло. Нужно было заставить нидерландскаго короля придти къ соглашенію съ Бельгіею. Но добиться добровольнаго согласія короля даже на измѣненный, въ смыслѣ русскихъ оговорокъ, ноябрьскій трактатъ, не было никакой надежды.

Представитель Бельгіи на лондонской конференціи, генералъ Гоблэ, готовъ былъ на всевозможныя уступки. Онъ доказывалъ, что даже послѣ оставленія голландцами Антверпена, все-таки бельгійская торговля и промышленность будутъ находиться въ зависимости отъ Голландіи, и послѣдняя будетъ имѣть много средствъ для нанесенія вреда бельгійцамъ. Онъ предлагалъ конференціи ограничиться составленіемъ „объяснительныхъ статей" къ ноябрьскому трактату. Графъ Матушевичъ и баронъ Вессенбергъ, австрійскій уполномоченный, составили въ этомъ смыслѣ два проекта и предложили ихъ на обсужденіе конференціи.

Но лордъ Пальмерстонъ самымъ энергическимъ образомъ возсталъ противъ этихъ новыхъ предложеній, доказывая, что пока голландскія войска не покинули Антверпена, излишне дѣлать Голландіи какія-либо примирительныя предложенія. По его мнѣнію, англійскій и французскій флоты должны блокировать голландскіе берега и захватывать голландскія суда—вотъ единственный аргументъ, который произведетъ благотворное дѣйствіе на голландскаго короля. Князь Ливенъ и графъ Матушевичъ немедленно протестовали противъ принятія какихъ бы то ни было

принудительныхъ мѣръ противъ Голландіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они были убѣждены, что Англія и Франція не остановятся предъ объявленіемъ войны Голландіи.

Однако, мало-по-малу лордъ Пальмерстонъ сдѣлался уступчивѣе. Онъ умѣрилъ тонъ въ сношеніяхъ съ уполномоченными Россіи, согласился на отмѣну статей IX и XII ноябрьскаго трактата и, наконецъ, далъ свое согласіе на сообщеніе голландскому королю новыхъ „объяснительныхъ статей". Графъ Матушевичъ предвидѣлъ отъ новаго отказа короля неминуемый разрывъ между Англіею и Голландіею.

„Дѣйствительно,—писалъ онъ, 3 (15) іюня 1832 года, вице-канцлеру:—князь Ливенъ и я находимся въ отчаянномъ положеніи. Не проходитъ дня, чтобъ король нидерландскій не ставилъ себѣ задачею унижать и оскорблять англійское правительство... Онъ относится къ Англіи съ оскорбительнымъ презрѣніемъ". Почти съ такимъ же презрѣніемъ онъ относился и къ Франціи, которая энергическимъ образомъ защищала интересы Бельгіи и вполнѣ согласно дѣйствовала съ Англіею противъ Голландіи.

По словамъ графа Матушевича, голландскій король не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на внутреннее состояніе Франціи, заставляющее короля Луи-Филиппа дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи. При этомъ случаѣ графъ Матушевичъ опять пророчески предсказываетъ будущность Франціи. „Альтернатива существуетъ между военнымъ режимомъ и республикою. Для основанія перваго нуженъ Бонапартъ (1851-й годъ!). Для основанія второй (республики) достаточно Луи-Филиппа. Я полагаю, что будетъ республика и съ нею междоусобная война" (іюль 1848 г. [1]).

При свойственномъ нидерландскому королю упрямствѣ понятно будетъ, что онъ не принялъ никакихъ новыхъ предложеній конференціи и наотрѣзъ отказался очистить Антверпенъ. Такое упрямство вывело англійское и французское правительства изъ терпѣнія, и въ октябрѣ 1832 года была заключена между ними конвенція, въ силу которой обѣ державы рѣшились силою оружія заставить Голландію принять постановленія ноябрьскаго трактата и очистить Антверпенъ. И дѣйствительно, голландскіе берега были объявлены въ блокадѣ, на голландскія суда въ англійскихъ и французскихъ водахъ было наложено эмбарго, и многія голландскія суда подверглись захвату въ открытомъ морѣ.

По полученіи русскими членами лондонской конференціи

---

[1]) Письмо гр. Матушевича, отъ 3 (15) іюня 1832 года.

извѣстія объ англо-французской конвенціи, они немедленно объявили, что, въ виду принятія мѣръ принужденія противъ Голландіи, они должны отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлахъ конференціи. Они вышли изъ зала засѣданій конференціи.

Надо замѣтить, что король бельгійцевъ также оказался менѣе уступчивымъ, чѣмъ ожидали. Онъ также отказался принять послѣднія, іюльскія, предложенія конференціи. Въ двухъ письмахъ, отъ 10-го іюня 1832 года, къ императору Николаю I и князю Ливену онъ старается оправдать свой образъ дѣйствія. Русскаго императора онъ проситъ установить съ нимъ правильныя дипломатическія сношенія и назначить русскаго посланника къ брюссельскому двору. Съ своей стороны, онъ намѣренъ назначить на постъ бельгійскаго посланника при с.-петербургскомъ дворѣ генерала графа ванъ-деръ-Бурга. Въ письмѣ къ князю Ливену король Леопольдъ доказываетъ, что онъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ уступокъ Голландіи. „Я далекъ отъ желанія,—пишетъ король,—требовать отъ Голландіи чего-либо разорительнаго или оскорбительнаго для ея національной чести. Пока я не вижу, чтобъ Голландія, какъ Голландія, могла бы жаловаться; она отнимаетъ отъ насъ земли, ей не принадлежавшія въ 1790 году, и она заставляетъ насъ платить ея долги“.

Князь Ливенъ рисковалъ вызвать неудовольствіе государя, принимая на себя передачу ему письма бельгійскаго короля. Но онъ оправдывался возможностью, въ своемъ отвѣтѣ Леопольду I, еще разъ настаивать на необходимости уступокъ съ его стороны въ пользу Голландіи.

Однако, этотъ добрый совѣтъ не произвелъ никакого дѣйствія на бельгійскаго короля, потому что императоръ Николай I категорически отказался вступить съ нимъ въ правильныя дипломатическія сношенія, пока не состоялось полнаго соглашенія между Бельгіею и Голландіею и пока въ бельгійскихъ войскахъ будутъ служить польскіе выходцы изъ царства польскаго.

Вообще императоръ Николай I старался оставаться послѣдовательнымъ въ своей политикѣ до послѣдней возможности. Результатъ миссіи гр. Орлова убѣдилъ его въ необходимости открыто выразить свое неодобреніе голландскому королю. Но дальше такого неодобренія, формальнымъ выраженіемъ котораго явилась ратификація ноябрьскаго трактата, государь идти не желалъ. Поэтому онъ смѣялся надъ предложеніемъ, сдѣланнымъ ему лордомъ Дюрэмомъ, о томъ, чтобъ вмѣстѣ съ Англіею дѣйствовать принудительными мѣрами противъ Голландіи. Великобританскій посолъ увѣрялъ его, что англійское правительство предпочтетъ,

во всѣхъ отношеніяхъ, русскіе флотъ и войска—французскимъ арміи и флоту для борьбы противъ Голландіи! Понятно, что такое предложеніе могло вызвать только улыбку на устахъ русскаго императора, который, съ своей стороны, сдѣлалъ англійскому послу предложеніе, чтобъ голландцы передали городъ Антверпенъ—яблоко раздора между Голландіею и Бельгіею—„на храненіе" англичанамъ. Это предложеніе должно было понравиться англійскому правительству, но оно не получило практическаго примѣненія.

Когда русскіе уполномоченные на лондонской конференціи отказались отъ дальнѣйшаго участія въ ея трудахъ, императорское правительство признало нужнымъ объяснить настоящій смыслъ такого шага. Если французскія войска займутъ Бельгію, то Пруссія будетъ протестовать противъ такой мѣры, и Россія поддержитъ ея протестъ, ибо императорское правительство сочтетъ вступленіе французовъ въ Бельгію за непріязненное дѣйствіе противъ Россіи. Въ такомъ случаѣ Россія поддержитъ Пруссію не отрядомъ какимъ-нибудь, но всѣми своими военными силами. Если же, напротивъ, голландцы нападутъ на бельгійцевъ, то Россія признаетъ за Англіею и Франціею право охранять неприкосновенность нейтралитета Бельгіи. Но если англійскій флотъ сожжетъ Роттердамъ, или французская армія начнетъ опустошать Голландію, то ни въ какомъ случаѣ они не могутъ это дѣлать, въ защиту нейтральной Бельгіи, именемъ Россіи. Согласіе Россіи на подобнаго рода дѣйствія было бы „политическимъ уродствомъ" и не соотвѣтствовало бы ея достоинству.

Государь не желалъ, выходя изъ лондонской конференціи, создать англійскому правительству какія-либо новыя затрудненія: онъ желалъ только соблюсти въ отношеніи Нидерландовъ „полное молчаніе" и не одобрять принятыхъ противъ нихъ вооруженныхъ дѣйствій. Полное пристрастіе Англіи и Франціи къ Бельгіи не подлежало никакому сомнѣнію въ глазахъ русскаго правительства.

Нельзя не видѣть въ этихъ объясненіяхъ императорскаго правительства его выхода изъ лондонской конференціи желанія смягчить значеніе этого давно впередъ объявленнаго рѣшенія. Императоръ Николай зналъ, что выходъ Россіи изъ конференціи произвелъ сильное впечатлѣніе на англійское общественное мнѣніе и вызвалъ новыя затрудненія для англійскаго министерства. Даже извѣстіе о взятіи Антверпена англійскимъ флотомъ произвело только мимолетную радость среди англійскаго народа, интересы котораго были нарушены блокадою голландскихъ портовъ.

Кромѣ того, въ С.-Петербургѣ было извѣстно, что самъ англійскій король Вильгельмъ IV совсѣмъ не одобряетъ непріязненную политику его министровъ противъ Голландіи. Между тѣмъ, полученныя изъ Англіи извѣстія о покушеніи на жизнь короля на скачкахъ въ Аскотѣ и о постоянномъ броженіи въ англійскомъ народѣ заставили русское правительство думать, что сама Англія на краю пропасти.

Вотъ что̀ писалъ графъ Нессельроде князю Ливену, отъ 26-го мая (7-го іюня) 1832 года: „Послѣднія извѣстія изъ Лондона, ваши донесенія, и все, что̀ печатается въ газетахъ, вызвали въ государѣ самыя серьезныя опасенія насчетъ состоянія Англіи. Онъ видитъ, что революція можетъ тамъ произойти во всякое время, и королю угрожаетъ судьба несчастнаго Карла X. Въ такомъ случаѣ его величеству благоугодно, чтобъ вы находились при королѣ и, такъ сказать, ухватились за его особу и не покидали его до новаго распоряженія. Вы были въ свое время свидѣтелемъ упрека, сдѣланнаго Поццо, и потому вы не будете удивлены, получивъ это наставленіе, которое я васъ прошу считать настолько же положительнымъ, какъ еслибъ оно было внесено въ оффиціальную депешу. Будемъ молить Бога, чтобъ вамъ никогда не пришлось исполнить его“.

Къ счастію, король Вильгельмъ IV скончался, оставаясь на англійскомъ престолѣ; князю Ливену не пришлось ухватиться за его августѣйшую особу, и никакой революціи не случилось въ Англіи.

Только данная князю Ливену инструкція доказываетъ, что императоръ Николай I дѣлалъ различіе между особою англійскаго короля и его министрами. Онъ зналъ, что король совершенно не одобрялъ политики своихъ министровъ въ бельгійско-голландскомъ вопросѣ и, напротивъ, открыто ее порицалъ. Онъ былъ убѣжденъ также, что король не могъ не порицать тѣхъ ожесточенныхъ нападокъ, которымъ подвергались въ англійскомъ парламентѣ личность и политика русскаго императора. Въ особенности политика государя въ отношеніи царства польскаго вызывала сильныя нападенія, и государь возмущался ими до глубины души. Князю Ливену было поручено предупредить англійское правительство, что взводимыя на государя обвиненія и клеветы могутъ вызвать взрывъ негодованія въ русскомъ народѣ, „ибо въ Россіи государь и народъ составляютъ единое нераздѣльное“. Еслибъ русскому народу сдѣлались извѣстны рѣчи „свирѣпыхъ демагоговъ“ палаты общинъ, то онъ возгорѣлся бы

такимъ негодованіемъ, котораго ничто не остановитъ. (Депеша графа Нессельроде, отъ 6-го (18) іюля 1832 года).

Но императоръ Николай I возмущался рѣчами и клеветами противъ него не только „членовъ-демагоговъ“ палаты общинъ. Онъ былъ еще болѣе возмущенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что англійскіе министры не останавливали членовъ парламента, нападавшихъ на него, и даже, въ своихъ рѣчахъ, еще подбавляли яду. Въ особенности его возмущали рѣчи лорда Пальмерстона, который публично нападалъ на русскую политику.

„Еслибъ его величество,—писалъ вице-канцлеръ князю Ливену, 25-го января 1833 года,—руководился только чувствомъ презрѣнія, которое ему внушаютъ обвиненія, не могущія подняться до него, онъ отвѣтилъ бы полнымъ молчаніемъ на нападки англійскихъ министровъ. Но Пальмерстонъ легко можетъ себѣ вообразить, что грубость его рѣчей наводитъ на насъ страхъ, и что основательность его упрековъ насъ смущаетъ“. Для того, чтобъ лордъ Пальмерстонъ не предавался такому заблужденію, князю Ливену было поручено прочесть ему депешу, въ которой заключалось подробное опроверженіе всѣхъ взводимыхъ на императорское правительство обвиненій.

„Политическая система Россіи, — говорится въ январьской депешѣ графа Нессельроде, — противъ которой англійское министерство въ настоящее время возстаетъ и которую оно осуждаетъ, существуетъ не со вчерашняго дня.

„Великобританія, нашъ старый другъ и союзница, слишкомъ долго раздѣляла съ нами тѣ же самые взгляды, чтобъ не знать ихъ основательнымъ образомъ... Мы продолжаемъ хотѣть, какъ и всегда хотѣли, поддержанія порядка, уваженія трактатовъ, неприкосновенности независимости и внутренней безопасности государствъ, словомъ—сохраненія европейскаго мира. Мы стремимся къ этой цѣли, и мы откровенно желаемъ также соотвѣтственныхъ ей средствъ.

„Мы не думаемъ, чтобъ революціонный духъ, гдѣ онъ господствуетъ, сдѣлалъ бы народы болѣе счастливыми, трактаты болѣе крѣпкими и миръ болѣе устойчивымъ. Вотъ почему основной принципъ нашей политики заставляетъ насъ прилагать всѣ старанія для сохраненія власти повсюду, гдѣ она существуетъ, для подкрѣпленія ея тамъ, гдѣ она ослабѣваетъ, и, наконецъ, для спасенія ея тамъ, гдѣ она открыто подвергается нападенію“.

Этими самыми началами всегда руководствовалось императорское правительство въ бельгійскомъ, германскомъ и другихъ текущихъ политическихъ вопросахъ. Между тѣмъ лондонскій каби-

нетъ, зная эти начала, рѣшается открыто нападать на нихъ и оказывать явную помощь и покровительство врагамъ Россіи. Англійскія суда подвозили возставшимъ полякамъ оружіе и военные снаряды, и польскіе выходцы, какъ графъ Платеръ, свободно пропагандируютъ войну противъ Россіи въ англійскихъ мануфактурныхъ центрахъ, которые они объѣзжаютъ съ этою цѣлью.

Князь Ливенъ прочелъ этотъ „profession de foi" императорскаго правительства лорду Пальмерстону, но не произвелъ тѣмъ на него особенно сильнаго впечатлѣнія. Лордъ Пальмерстонъ остался при убѣжденіи, что наступили обстоятельства, которыя коренньмъ образомъ измѣнили взгляды правительствъ на свои отношенія къ подданнымъ, что „теперь повсюду народы чувствуютъ непреодолимую потребность въ прогрессивномъ улучшеніи своей участи и своихъ учрежденій, что Франція и Англія сознаютъ эту всеобщую потребность, что такое общее ихъ расположеніе и государственные ихъ порядки создаютъ для нихъ однородные интересы, и отсюда является для каждой изъ нихъ больше удобствъ для взаимнаго пониманія и соотвѣтственнаго дѣйствія; что, напротивъ, другія континентальныя державы, отчасти по убѣжденію, отчасти по своему положенію, менѣе сообразуются съ желаніями народовъ, и такое различіе въ убѣжденіяхъ и интересахъ должно приводить къ различію во взглядахъ и дѣйствіяхъ".

Трудно было болѣе откровенно высказать свои тайныя мысли насчетъ новаго политическаго положенія Европы, чѣмъ это сдѣлалъ въ только-что приведенныхъ словахъ лордъ Пальмерстонъ. Эта откровенность совершенно озадачила князя Ливена, который, въ отвѣтъ на длинную рѣчь англійскаго министра, сохранилъ „глубочайшее молчаніе". Лордъ Пальмерстонъ ожидалъ какого-нибудь возраженія или замѣчанія. Но когда князь Ливенъ продолжалъ соблюдать свое краснорѣчивое молчаніе, онъ вскочилъ, подбѣжалъ къ своему письменному столу и взялъ какія-то старыя депеши, которыя вручилъ послу для прочтенія.

Эта неожиданная откровенность лорда Пальмерстона окончательно утвердила русскаго посла въ его уже сложившемся убѣжденіи, что Франція и Англія стремятся къ разрыву тройственнаго союза между Россіею, Австріею и Пруссіею, съ цѣлью „возвысить противъ всѣхъ законныхъ престоловъ новую анархическую власть". Между тѣмъ въ тройственномъ союзѣ усматривалъ князь Ливенъ „палладіумъ общаго спасенія и несокрушимую плотину противъ ихъ (Франціи и Англіи) революціоннаго тщеславія".

Откровенность лорда Пальмерстона объясняетъ намъ и его политику въ бельгійско-голландскомъ дѣлѣ и вообще во всѣхъ политическихъ вопросахъ тогдашняго времени. Ею же объясняется англійская политика въ греческомъ вопросѣ.

Когда члены лондонской конференціи подписали протоколъ 3-го февраля 1830 года, которымъ опредѣлялись основы будущаго греческаго королевства, они поздравляли другъ друга съ благополучнымъ окончаніемъ злополучнаго греческаго вопроса [1]).

Но весьма скоро оказалось, что эти взаимныя поздравленія дипломатовъ-членовъ лондонской конференціи были очень преждевременны. Послѣ долгихъ поисковъ за подходящимъ кандидатомъ на греческій престолъ, принцъ саксенъ-кобургскій Леопольдъ былъ принятъ всѣми великими державами. Но этотъ кандидатъ на греческій престолъ отказался отъ него, когда явилась возможность для него вступить на созданный іюльскою революціею бельгійскій тронъ.

Тогда великія державы должны были заняться новыми поисками за будущимъ греческимъ королемъ. Послѣ продолжительнаго обмѣна мыслей и основательнаго разбора достоинства всѣхъ предложенныхъ кандидатовъ, выборъ остановился на баварскомъ принцѣ Оттонѣ, второмъ сынѣ царствовавшаго въ Баваріи короля. Протоколомъ лондонской конференціи, отъ 2-го (14) февраля 1832 года, принцъ Оттонъ былъ провозглашенъ греческимъ королемъ.

Но этимъ актомъ еще не былъ разрѣшенъ весь греческій вопросъ, поставленный на очередь возстаніемъ 1821 года. Постоянно возникали новыя затрудненія, требовавшія разрѣшенія до вступленія перваго греческаго короля на престолъ. Весьма труденъ былъ вопросъ о вѣроисповѣданіи новаго короля. Отецъ ни за что не соглашался, чтобъ сынъ его перешелъ въ лоно православной церкви, но онъ не возражалъ противъ крещенія будущихъ дѣтей своего сына по обрядамъ этой церкви.

Западныя европейскія державы отнеслись къ этому вопросу или равнодушно, или поддерживали рѣшеніе баварскаго короля.

Только императоръ Николай I категорически требовалъ, чтобъ баварскій принцъ, до вступленія на престолъ, перешелъ въ православную вѣру. На донесеніи князя Ливена и гр. Матушевича, отъ 5-го (17) апрѣля 1832 года, государь собственноручно надписалъ: „Я ни въ какомъ случаѣ не могу согласиться на возведеніе принца Оттона на престолъ безъ формальнаго обязатель-

---

[1]) См. мое „Собр. тракт. и конв.“, стр. 423 и слѣд.

ства немедленно принять православную вѣру". Съ этимъ рѣшеніемъ согласились также Англія и Франція и, наконецъ, самъ король баварскій.

Другое затрудненіе заключалось въ гарантіи тремя покровительствующими державами займа въ 60 милліоновъ франковъ, который Греція должна была заключить. Въ особенности англійское правительство отказывалось дать такую гарантію. Наконецъ оно уступило подъ условіемъ, чтобъ каждая изъ трехъ державъ поручилась только за 20 милліоновъ франковъ.

Далѣе, баварскій король, отъ имени будущаго греческаго короля, потребовалъ измѣненія границъ греческаго королевства, въ смыслѣ ихъ расширенія на счетъ Турціи. Всѣ три державы категорически отказали въ уваженіи этого требованія.

Наконецъ, всѣ три державы-покровительницы единодушно отвергли требованіе греческаго народа устроить у него конституціонный порядокъ правленія, находя греческій народъ совершенно неподготовленнымъ для жизни подъ сложнымъ конституціоннымъ режимомъ.

Въ маѣ 1832 года, была подписана въ Лондонѣ конвенція по греческимъ дѣламъ, которою констатируется состоявшееся между тремя великими державами и Баваріею соглашеніе. Нужно замѣтить, что конвенція была въ дѣйствительности подписана не 7-го (19), но 13-го (25) мая 1832 года. Но лордъ Пальмерстонъ просилъ отнести день заключенія на 7-е мая, чтобы считать его состоявшимся до нанесенія министерству въ парламентѣ чувствительнаго пораженія.

Это желаніе было уважено.

Ф. Мартенсъ.

ТЯГА

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Морскимъ прибоемъ разливался несмолкаемый шумъ пятиэтажнаго кирпичнаго зданія по обширному двору мануфактуры.

Только-что пошелъ девятый часъ утра. Уже прогудѣла—точно вой пароходной трубы—восьмичасовая смѣна. Отъ другого зданія—красильно-набивной фабрики—одноэтажной, приземистой, съ нѣсколькими короткими трубами, тянулись рабочіе—мужчины и женщины.

Теплый свѣтъ падалъ на красный ситецъ юбокъ и платковъ и на кумачъ мужскихъ рубахъ. Женщины смотрѣли подгородными бабами. Мужчины, почти всѣ, совсѣмъ по-городски—въ пиджакахъ, пальто, многіе въ панталонахъ поверхъ сапогъ. Подростки были больше въ однѣхъ рубахахъ, иные въ опоркахъ, на босу̀ ногу.

Пятиэтажный фасадъ главнаго корпуса, откуда вырывался шумъ, похожій на морской прибой, блестѣлъ сотней оконъ и смотрѣлъ на югъ. Полузакрытый садикомъ, выступалъ противъ него красивый домъ, гдѣ жилъ директоръ прядильно-ткацкаго отдѣленія. Дальше виднѣлся, также деревянный, свѣтло-сѣрый хозяйскій домъ. Влѣво, недалеко отъ въѣзда съ фигурными воротами, протянулись еще два кирпичныхъ строенія — главная контора и тотъ домъ, гдѣ внизу помѣщались лавка и пекарня; а наверху—фабричная библіотека съ двумя большими залами.

Было тихо на дворѣ — ни крика, ни пѣсенъ, ни громкихъ разговоровъ, ни грохота возовъ. Изъ-за рѣчки, гдѣ шла большая стройка, глухо доносились лязгъ желѣза или удары молота. Возы и порожнія телѣги рѣдко двигались по проѣзду вдоль главнаго корпуса, съ широкимъ асфальтовымъ троттуаромъ, приподнятымъ надъ мостовой.

Куда ни оглянешься — вездѣ застроено въ оградѣ, на нѣсколько десятковъ десятинъ. Въ глубину уходятъ казармы рабочихъ — каменныя и деревянныя. Многихъ строеній и не видно, если стать по срединѣ двора, спиной къ большому зданію.

Съ крыльца каменной казармы съ нумеромъ „113"—вышелъ, тотчасъ какъ замолкъ вой смѣны въ красильно-набивномъ корпусѣ, рабочій въ темносѣрой блузѣ и картузѣ, не очень рослый, худой въ станѣ, на видъ лѣтъ тридцати-пяти. И лицо у него было худое, блѣдноватое, на лѣвомъ вискѣ замѣтный рубецъ; бородка темнорусая, большіе сѣрые глаза со слезой.

Блуза сидѣла на немъ ловко, подпоясанная кушакомъ, и панталоны, поверхъ сапогъ, изъ бумажнаго трико—все чистое, точно онъ принарядился по-праздничному. А день былъ будній, четвергъ, —по воскресеньямъ работы нѣтъ. Шелъ онъ неторопливо и не съ такимъ видомъ, какъ ходятъ на смѣну. Онъ поглядывалъ вправо и влѣво, бодро, съ усмѣшкой умнаго рта.

Пройдя по проулку, онъ взялъ вправо, вдоль садика, гдѣ дѣти возились, и одни, и—которыя помельче—при нянькахъ, изъ дѣвочекъ-подростковъ.

Что-то такое онъ подумалъ, когда глядѣлъ на ребятишекъ, снялъ картузъ и прошелся съ открытой головой шаговъ двадцать. Припекало порядочно, но онъ шелъ въ тѣни. Открытая голова его выходила гораздо больше, съ крутымъ лбомъ и рѣдѣющими волосами на взлобьѣ. Все лицо дѣлалось впечатлительнѣе и нервнѣе.

Онъ ускорилъ шагъ. Ему надо было пересѣчь пару рельсъ, положенныхъ вдоль двора для конныхъ вагоновъ.

Въ сторонкѣ, на узкой тропѣ, ждала работница, по всѣмъ признакамъ деревенская, въ ситцевомъ капотѣ и платкѣ, надвинутомъ на лобъ, босая, некрасивая. Глаза ея, съ рыжими рѣсницами, часто мигали отъ свѣта. Она переминалась съ ноги на ногу.

Рабочій въ блузѣ воззрился въ нее и подошелъ поближе.

— Ты кого?—спросилъ онъ немного глуховатымъ голосомъ.

Она назвала по имени и отчеству молодого хозяина.

— Просить нешто о чемъ?

И еще пристальнѣе вглядываясь въ нее, онъ сказалъ ласковѣе:

— Ты не Никитинская будешь?

— Мики-и-тская—нараспѣвъ повторила дѣвушка и тревожно вскинула на него подслѣповатыми глазами.

— То-то... я какъ будто призналъ... Ты чьихъ?

— Ѳеофановыхъ.

Онъ былъ изъ той же мѣстности.

— Я тебя что-то давно не видалъ, ни въ деревнѣ, ни здѣсь...

— Я на Сундуковской фабрикѣ жила.

— А здѣсь ты что̀ работаешь?

— Банбро̀сница я.

— Что̀ же съ тобой попритчилось?

Говорилъ онъ съ улыбкой въ сѣрыхъ смышлёныхъ глазахъ, какъ человѣкъ бывалый и цѣну себѣ знающій.

— Прогуляла малость.

— Въ деревню ходила, небось?

— Нешто̀.

— А великъ ли прогулъ?

— Съ субботы.

— Давно̀ ли здѣсь работаешь?

— Съ самой Пасхи.

— Такъ за это по головкѣ не погладятъ... милая. Къ Степану Васильевичу отъявлялась?

— Онъ не прима̀етъ.

— Чтожъ! Это—въ правилѣ. Безъ году недѣлю живешь, а прогулъ въ трое сутокъ цѣльныхъ. Нельзя, барышня, похвалить.

Онъ потрепалъ ее по плечу.

— Хозяинъ!—съ пугливымъ вздохомъ выговорила работница и рыжія ея рѣсницы быстро замигали.

— Просись... онъ доберъ... Можетъ, и оставитъ.

Изъ-за сторожки, слѣва, показалась рослая и плотная фигура молодого хозяина. Онъ шелъ нагнувъ голову и что-то читалъ въ записной книжкѣ. Солнце играло на его свѣтлой домашней тужуркѣ, шолковомъ мягкомъ картузѣ и овальныхъ румяныхъ щекахъ, съ короткой и пушистой бѣлокурой бородкой.

Рабочій въ блузѣ отошелъ къ забору садика, въ тѣнь, и опять снялъ картузъ.

По лицу его прошлась игра. Что-то ему такое захотѣлось сдѣлать; но онъ медлилъ.

Захотѣлось сначала подойти къ хозяину и сказать, что онъ вернулся вчера вечеромъ изъ Москвы, гдѣ цѣлыхъ три недѣли

работалъ на выставкѣ, какъ образцовый ткачъ. Его смѣнилъ теперь другой рабочій—директоръ назначилъ шесть человѣкъ, на все время, до закрытія въ сентябрѣ.

Хозяинъ давно знаетъ его по имени, вызывалъ къ себѣ въ кабинетъ, когда отправляли въ Москву, и на выставкѣ подошелъ и разговаривалъ. Вотъ бы теперь и отъявиться.

Но его удержало другое чувство.

Съ какой стати онъ будетъ выскочкой: „вотъ, молъ, я пріѣхалъ, имѣю честь кланяться, позвольте на чай за то, что я съ честью изображалъ собою ваше производство, ткалъ самыя модныя бумажныя матеріи — и фасонѐ, и киргизѝнъ, и туàль-деноръ".

„Подожду, сначала къ Степану Васильевичу явлюсь, посмотрю—какая будетъ отъ него ласка".

Хозяина остановила на-ходу босая работница и, кажется, хотѣла бухнуться ему въ ноги. Тотъ оглядѣлъ ее вбокъ, взялъ карандашъ, записалъ что-то въ книжкѣ, сдѣлалъ движеніе рукой и пошелъ по направленію къ новой постройкѣ, позади главнаго корпуса.

— Ну, что̀?—окликнулъ землячку рабочій въ блузѣ.

— Велѣлъ придти... въ контору... послѣ обѣда.

— Можетъ, и приметъ... Теперь самое горячее время. Не плошай! Такъ ты въ Ляхово хаживала? А какъ же ты меня не признала?

— Признала,—смѣлѣе выговорила дѣвушка. Вы Спиридоновыхъ будете? Иванъ Прокофьичъ?

— Онъ самый... Не теряй куражу... А впередъ зря не прогуливай.

У одного изъ угловыхъ крылецъ, гдѣ безсмѣнно стоитъ—день и ночь—сторожъ, Иванъ Спиридоновъ нашелъ уже не мало народа.

II.

Въ нижней конторѣ, у входа, директоръ принимаетъ, по утрамъ, новыхъ рабочихъ. Желающихъ всегда много, и лѣтомъ, и зимой. Теперь, въ началѣ лѣта, попасть легче, чѣмъ тотчасъ послѣ Пасхи.

Иванъ Спиридоновъ вошелъ и поклонился знакомому конторщику. Народъ стоялъ въ корридорѣ и на крыльцѣ. Въ тѣсной конторѣ, отдѣленной стеклянной перегородкой, на окнахъ и столахъ лежали вѣдомости, переплетенныя въ толстыя тетради,

и кучи рабочихъ книжекъ, въ цвѣтныхъ обложкахъ. Сверху доносился машинный гулъ по чугунной лѣстницѣ. Было и душно, и ярко.

Онъ примостился въ уголъ, за дверь, и черезъ стекло перегородки сталъ смотрѣть на весь этотъ народъ, „чающій движенія воды",—выговорилъ онъ мысленно, склонный къ готовымъ словамъ и изреченіямъ, которыя вычитывалъ изъ духовныхъ и всякихъ другихъ книгъ. Тутъ были молодые парни, бабы, дѣвки, подростки, пожилые рабочіе. У многихъ видъ нездоровый, лица худыя, ни роста, ни дородства; смотрятъ уныло или тревожно—точно ихъ привели въ участокъ, и они ждутъ разбирательства.

А развѣ ихъ положеніе лучше его? И онъ вотъ такъ бы клянчилъ, еслибы не воспитался тутъ же, на фабрикѣ и съ измальства не проходилъ всѣ степени. Ему легче это досталось — учился въ фабричной школѣ, вышелъ изъ первыхъ учениковъ. Тогда подростковъ принимали и моложе четырнадцати лѣтъ — законъ еще не запрещалъ. Удалось поступить въ „вызывальщики" къ тогдашнему директору-англичанину. Тотъ больше десяти лѣтъ въ Россіи жилъ, а съ трудомъ могъ понимать — что̀ ему говорятъ рабочіе, о чемъ просятъ, на что̀ жалуются. Мальчикомъ на побѣгушкахъ у директора—онъ рано ко всему присмотрѣлся. Кого только не зналъ въ лицо изъ тѣхъ, кто работалъ въ прядильно-ткацкомъ отдѣленіи? Оно тогда было на одну треть поменьше.

Побывавъ въ „вызывальщикахъ", онъ приставленъ былъ на работу сначала къ прядильнымъ машинамъ. Мало есть на фабрикѣ рабочихъ—кромѣ двухъ-трехъ подмастерьевъ—кто бы, какъ онъ, прошелъ черезъ столько разныхъ видовъ мастерства, такъ зналъ толкъ во всѣхъ приводахъ и станкахъ. Потому-то и вышелъ изъ него „образцовый" ткачъ, и посылали его на выставку показывать свое искусство.

А изъ тѣхъ, что̀ стоятъ и ждутъ прихода теперешняго директора, навѣрно больше половины—самый заурядный народъ; „маячили" до сего дня и будутъ маячить, перебиваясь съ хлѣба на квасъ. И такихъ тысячи! Только бы вертѣлись блоки и стучали рычаги, а этой „гольтепы" будетъ всегда—что̀ песку морского!..

Толпа дожидавшихся разступилась. Директоръ показался въ сѣняхъ. Спиридоновъ первый завидѣлъ его коренастый станъ и длинную бороду.

Теперь директоръ—настоящій русакъ. Такой, по счету, пер-

вый съ того времени, какъ стоитъ фабрика. Всегда были англичане, нѣмцы, одинъ изъ „чухонъ“—какъ называли фабричные.

Степана Васильевича онъ уважалъ за его пониманіе дѣла и толковость, зналъ про него, что онъ живалъ въ Англіи и считается изъ самыхъ „дошлыхъ“ во всей мануфактурной округѣ. Съ нимъ директоръ всегда былъ ласковъ, отличалъ его, сдѣлалъ прибавку къ заработку, поставивъ на такую работу, гдѣ процентовъ на двадцать выработаешь противъ миткаля, и выбралъ его перваго, когда хозяева рѣшили отправлять на выставку своихъ ткачей для работы передъ публикою.

Сейчасъ же начали подходить къ директору, соблюдая чередъ, „чающіе движенія воды“. Спиридоновъ не хотѣлъ выскакивать; на это онъ былъ особенно гордъ. Но Степанъ Васильевичъ самъ его замѣтилъ и окликнулъ:

— Иванъ Спиридоновъ! Здравствуй!

— Желаю здравствовать, Степанъ Васильевичъ.

— Ты ко мнѣ?

— Такъ точно.

— Когда пріѣхалъ?

— Вчера, подъ вечеръ.

— Подожди меня наверху.

— Покорно благодаримъ!

По тому, какъ съ нимъ обошелся директоръ, всѣ служащіе сейчасъ же сообразили, что Ивану „везетъ“—навѣрно, выйдетъ какое-нибудь повышеніе.

Онъ протѣснился къ двери, съ легкимъ поклономъ вышелъ и поднялся по чугунной лѣстницѣ во второй этажъ. Тамъ, на площадкѣ, ждали директора не одинъ десятокъ рабочихъ, мужчинъ и женщинъ. Съ девяти часовъ ежедневно происходитъ тутъ пріемъ по разнымъ дѣламъ: прогулъ, штрафы, отпуски, а главное, просьбы о выдачѣ денегъ впередъ, на всякія нужды, чаще всего деревенскія, и рѣже—жалобы на смотрителей, подмастерьевъ, распоряженія главной конторы.

Въ кабинетѣ директора—просторной высокой комнатѣ, полной свѣта, съ ясеневой мебелью—Иванъ Спиридоновъ бывалъ рѣдко, въ послѣдніе два-три года. Ни въ какія исторіи онъ не попадалъ, просить не любилъ, „канючить“ и „жалиться“ на свою нужду. Развѣ когда что-нибудь экстренное!

У большого письменнаго стола что-то отмѣчалъ въ „табельной“ книгѣ подручный конторщикъ—молодой еще малый, въ парусинномъ пиджакѣ, черноватый, съ острыми глазами. Спиридоновъ его недолюбливалъ за то, что къ народу нѣтъ у него

должнаго снисхожденія и покрикиваетъ не по чину. Но онъ съ нимъ непріятностей не имѣлъ.

Они поклонились другъ другу молча. Конторщикъ спросилъ отрывисто:

— Изъ Москвы?

— Изъ Москвы-съ, — отвѣтилъ Иванъ и прибавилъ тотчасъ же:

— Степанъ Васильевичъ приказали здѣсь ихъ подождать.

— Ладно.

Разспрашивать его о выставкѣ тотъ не поинтересовался, или некогда было: у него и видъ всегда такой, что вотъ-вотъ все рухнетъ, если онъ чего не отмѣтитъ въ книгѣ.

Вошелъ не директоръ, а главный мастеръ—крупнаго роста, дородный мужчина, лѣтъ сорока, съ большой лысиной и тоже въ парусинѣ. Онъ смотрѣлъ болѣе мастеровымъ, чѣмъ начальникомъ. Лицо его, полное и бѣлое, осталось такимъ же неподвижнымъ, когда онъ увидалъ Спиридонова и сказалъ ему глухо:

— А! Пріѣхалъ съ выставки? Все благополучно? На твое мѣсто кто же тамъ?

— Арсеній Кузьминъ.

— Такъ. Тебя Степанъ Васильевичъ вызвалъ сюда?

— Внизу приказали подняться сюда.

Ивану давно сдавалось, что мастеръ не особенно благоволилъ къ нему, хотя рѣдко взыскивалъ и вообще зря не придирался. Но не больше, какъ три мѣсяца назадъ, передъ Пасхой, умеръ подмастерье, изъ „запасныхъ"—Никита Харитоновъ. По всѣмъ правиламъ слѣдовало взять его—Ивана; и директоръ навѣрно бы утвердилъ, да мастеръ представилъ другого. Ему какъ будто не по душѣ — тѣ, кто считается особенно искуснымъ рабочимъ, кто грамотенъ и рѣчистъ и хочетъ идти дальше, насколько можно идти фабричному. А самъ онъ, какъ разъ, изъ ткачей, прошелъ, правда, черезъ ремесленную школу, но больше нигдѣ не учился. И вотъ, безъ малаго въ сорокъ лѣтъ—мастеръ, получалъ сначала до трехъ тысячъ, а теперь, поди, и всѣ четыре получаетъ, коли не пять!

Мастеръ что-то, глухимъ и скорымъ голосомъ, говорилъ конторщику. Спиридоновъ не захотѣлъ прислушиваться — не его дѣло.

Ровно въ четверть десятаго пришелъ директоръ. Мастеръ доложилъ ему насчетъ какой-то работы—и сейчасъ же удалился. И конторщикъ началъ-было ему докладывать, но онъ его остановилъ.

— Погодите! Вотъ я сперва Ивана Спиридонова отпущу.

Онъ сѣлъ за столъ, позади котораго висѣли на стѣнѣ двѣ большія платныя таблицы, отперъ ящикъ, вынулъ оттуда свою записную тетрадь, что-то черкнулъ на отдѣльномъ листкѣ бумаги и подозвалъ Спиридонова.

— Ну, Иванъ, теперь мнѣ некогда много съ тобой балакать. Ты мнѣ потомъ разскажешь, какъ ты тамъ дѣйствовалъ. Сегодня народу цѣлая уйма! Но я знаю, что тобой остались всѣ довольны. И молодой хозяинъ нашъ. Съ его согласія назначается тебѣ временная награда. Вотъ записка. Можешь представить въ кассу.

— Много благодаренъ, Степанъ Васильевичъ.

Голосъ Ивана дрогнулъ и онъ два раза мотнулъ головой.

— Всякое умѣнье и усердіе втунѣ не останутся—у насъ, по крайней мѣрѣ. Ты это знаешь. Погоди... Еще одно. Хотя есть и постарше тебя, но, во вниманіе къ твоему искусству, назначаю тебя подмастерьемъ, не запаснымъ, а комплектнымъ, —протянулъ директоръ.

— Много благодаренъ,—съ той же дрожью въ голосѣ повторилъ Иванъ, и краска выступила у него на худыхъ щекахъ.

— Петру Акимовичу уже извѣстно твое назначеніе.

Петромъ Акимовичемъ звали мастера.

Острые глаза конторщика остановились на лицѣ ткача:—„Какъ балуютъ! Точно за нимъ не водится грѣховъ“!—подумалъ онъ.

— Еще одно слово!—директоръ сталъ говорить тише.—Ты, до сихъ поръ, не былъ мною замѣченъ... ни въ чемъ. Но я здѣсь вновѣ. Мнѣ извѣстно, что ты прежде покучивалъ.

Иванъ сталъ блѣднѣть.

— Что̀ прощается иногда простому рабочему, то подмастерью ставится въ строку. Ты малый толковый, и самъ понимаешь.

— Помилуйте, Степанъ Васильевичъ. Постараюсь оправдать ваше довѣріе.

— Ну, съ Богомъ!

Директоръ кивнулъ головой. Иванъ поклонился и быстро вышелъ.

III.

Въ темноватомъ корридорѣ главной конторы цѣлый день снуетъ народъ. Слѣва и справа шли широкіе пролеты съ прилавками. Оттуда выглядывали головы конторщиковъ. Кому нужно

было изъ рабочихъ, подходили къ этимъ отверстіямъ. Другіе стояли вдоль стѣнъ, или присаживались къ окнамъ.

Иванъ Спиридоновъ получилъ уже свою награду и, не торопясь, направлялся къ двери въ кабинетъ завѣдующаго хозяйственной частью фабрики. До него есть просьба, и онъ знаетъ, что управляющій уважитъ ее при первой возможности. На кого другого, а на Сергѣя Сергѣевича онъ надѣется. Вотъ около десяти лѣтъ сидитъ тотъ на своемъ мѣстѣ и всегда былъ къ нему добръ, и бралъ его сторону, когда случались исторіи изъ-за жены его, Маѳы. Зимой вышелъ цѣлый скандалъ; и Маѳа была кругомъ виновата. По правиламъ слѣдовало ихъ обоихъ— онъ мужъ, глава—выселить изъ казармы на вольную квартиру; а Сергѣй Сергѣевичъ простилъ.

— Для тебя только и прощаю, Иванъ! Ты первый терпишь отъ шалой твоей супружницы.

И тогда же онъ обѣщалъ—какъ только освободится каморка на одну семью въ новой казармѣ—отдать ему. На Пасхѣ освободилось цѣлыхъ три; а онъ зажился въ деревнѣ, никто ему не далъ знать—Сергѣй Сергѣевичъ, надо полагать, запамятовалъ. Такъ они до сихъ поръ и ютятся въ каморкѣ — двѣ семьи: два мужика, двѣ бабы, да въ обѣихъ семьяхъ четверо ребятъ.

Сергѣй Сергѣевичъ толковалъ съ подрядчикомъ насчетъ какой-то земляной работы. Спиридоновъ подождалъ у двери. Управляющій ласково кивнулъ ему своей круглой, темнорусой головой, съ рѣдѣющей маковкой.

Подрядчикъ упирался въ цѣнѣ. Они ни на чемъ не поладили.

— Здравствуй, Иванъ Спиридоновъ! Съ пріѣздомъ!—заговорилъ пріятнымъ голосомъ управляющій, обернувшись лицомъ къ двери. — Читалъ о тебѣ въ газетѣ... Отличился, братъ,— поздравляю!

Иванъ сейчасъ же сообщилъ ему о наградѣ и своемъ повышеніи изъ простого ткача въ подмастерья.

— Душевно радъ... Только теперь уже надо за собой строже слѣдить.

Намекъ управляющаго заставилъ Ивана измѣниться въ лицѣ. Ему, въ званіи подмастерья, это показалось немного обидно, тѣмъ болѣе, что онъ слышалъ второе по счету внушеніе въ теченіе какой-нибудь четверти часа. Но онъ подавилъ въ себѣ непріятное чувство. Сергѣй Сергѣевичъ не хотѣлъ его обидѣть,— а такъ, къ слову, желая ему добра.

— Къ вамъ, Сергѣй Сергѣевичъ, все съ той же просьбишкой,—выговорилъ онъ, подходя къ столу.

И у директора, и здѣсь онъ произносилъ очень тихо, какъ и большинство рабочихъ. Кромѣ „субординаціи", въ этомъ сказывалась и непривычка ткачей, работающихъ въ неумолкаемомъ шумѣ, соразмѣрять звуки голоса, когда они не на фабрикѣ.

— Насчетъ чего это?

— Нельзя ли одиночную каморку, Сергѣй Сергѣевичъ?

— Аа!.. Чтожъ! Ты давно на очереди. Тогда, о Пасхѣ, самъ, милый, прозѣвалъ. Ну, да теперь ты, какъ подмастерье, имѣешь предпочтеніе.

— Сдѣлайте божескую милость! Тѣснота! У Степаниды Семеновой третій ребенокъ.

— Да и бабы все не ладятъ? — спросилъ управляющій и подмигнулъ.

И этотъ намекъ понялъ Иванъ. Сергѣю Сергѣевичу извѣстно, что его шалая Мароа, кромѣ всѣхъ своихъ „качествъ", еще ревнива до невозможности.

— Одно къ одному.

— Да я тебя какъ разъ поджидалъ,—заговорилъ управляющій благодушно-дѣловитымъ тономъ, закуривая папиросу.—Въ нашей новой слободкѣ, черезъ мѣсяцъ, много черезъ шесть недѣль, будутъ готовы еще четыре домика. Желающихъ, самъ знаешь, не перечтешь! И у насъ такъ положено, чтобы давать заслуженнымъ рабочимъ—семейнымъ и пожилымъ. Ты еще молодой мужчина... Но, во вниманіе къ твоей работѣ, я, съ своей стороны, буду говорить за тебя, если желаешь.

Иванъ не сразу отвѣтилъ.

— Самое, братъ, лучшее средство откладывать, что̀ можешь. Условія тебѣ извѣстны. Дворъ обойдется намъ на этотъ разъ подороже—ровно въ полторы тысячи, коли больше не вгонятъ! Ну, положимъ—и двѣ. Въ двѣнадцать лѣтъ, платя по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ, ты—собственникъ. Постояльцы дадутъ тебѣ, навѣрно, рублей до десяти. Двѣ горницы будешь сдавать, одну семейную, другую подъ холостую артель.

— Это, конечно... довольно лестно, Сергѣй Сергѣевичъ. Позвольте мнѣ, однако, все хорошенько сообразить.

— Твое дѣло. Только, любезный другъ, крайній срокъ—недѣли три, много четыре... чтобы другихъ не обидѣть. Самъ понимаешь. А пока, значитъ, вопросъ объ одиночной каморкѣ мы отложимъ. Можетъ, ты надумаешь, и завтра придешь съ отвѣтомъ.

— Нельзя ли повременить?.. Теперь, по новой должности,

въ деревнѣ надо побывать. Тамъ тоже свои есть разныя надобности... А это дѣло сурьезное, Сергѣй Сергѣевичъ.

— Зато домовладѣльцемъ будешь... Деревня-то плохой рессурсъ... безъ насъ не продышешь!.. На старости лѣтъ не больно сладко доживать въ курной избѣ, на полатяхъ.

— За мной задержки не будетъ, Сергѣй Сергѣевичъ! Раскинуть только умишкомъ.

— Это правильно. На томъ и положимъ.

И такъ же ласково отпустилъ его управляющій.

Спиридоновъ шелъ къ крыльцу замедленнымъ шагомъ. Такъ сразу все это налетѣло на него: награда, званіе подмастерья, предложеніе управляющаго пріобрѣсти на льготныхъ условіяхъ цѣлый домъ въ новой слободкѣ. Дѣло выгодное, и сколько на него будетъ народу злобствовать, если онъ перебьетъ у нихъ очередь. Это его смущало... И не одно это. Онъ не разъ и помногу думалъ о хозяйскихъ „домикахъ“, и его не очень что-то влекло сдѣлаться собственникомъ даже и на такихъ льготныхъ условіяхъ. Объ этомъ ему надо поговорить—не съ женой, а съ своей неизмѣнной совѣтницей и бывшей наставницей—Надеждой Николаевной, самой старшей учительницей изъ всѣхъ семи барышенъ, преподающихъ въ фабричной школѣ. Онъ почти не сомнѣвался, что она войдетъ въ то, что̀ его удерживаетъ отъ такого выгоднаго и почетнаго дѣла.

Задумавшись, вышелъ онъ на крыльцо и соображалъ: долго ли до школьной перемѣны, когда онъ могъ бы повидать хоть на минутку Надежду Николаевну въ училищѣ?

Ему надо было, сойдя съ крыльца, повернуть по троттуару налѣво.

Кто-то съ нимъ столкнулся. Онъ поднялъ голову и даже отшатнулся немного назадъ.

— Антонъ Егорычъ! Другъ любезный! Вотъ не ожидалъ!.. Почтеніе!..

Они взялись за руки и нѣсколько разъ крѣпко пожимали ихъ.

Спиридоновъ сильно обрадовался совершенно неожиданной встрѣчѣ съ своимъ молодымъ пріятелемъ Меньшовымъ, рисовальщикомъ, еще недавно работавшимъ здѣсь въ красильно-набивномъ отдѣленіи.

На его взглядъ Меньшовъ измѣнился: лицо желтоватое, нездоровое, глаза впали, хотя все такъ же блестятъ, одѣтъ плоше, чѣмъ прежде. Но все такой же красивый: курчавые русые волосы, бородка двумя клинушками, рослый; голову держитъ прямо, горделиво; не мастеровой видомъ, а точно художникъ.

— Здравствуйте, Спиридоновъ, здравствуйте! Мнѣ уже сказывали, что вы вернулись изъ Москвы.

Они были на „вы“.

Меньшовъ говорилъ по-московски, вздрагивающимъ, пріятнымъ голосомъ, и слегка картавилъ.

— Голубчикъ, Антонъ Егорычъ!—Спиридоновъ отвелъ его въ уголъ около крыльца:—вотъ чудесно! для радостной встрѣчи пивка парочку раздавить въ слободкѣ, въ заведеніи „Казбекъ“, наши прежнія душевныя рѣчи вспомнить и всякія мечтанія. Я же долженъ и спрыснуть... вотъ сейчасъ вамъ разскажу, что̀ именно.

Меньшовъ пытли̇во и съ усмѣшкой въ своихъ карихъ глазахъ поглядѣлъ на Спиридонова.

— Что̀ такое?

— Сейчасъ покалякаемъ. Такъ айда въ трактиръ?

И краска проступила въ щекахъ ткача.

— Сію минуту не могу. Теперь есть уже десять?

— Должно быть.

— Съ четверть часа—больше нельзя. У меня дѣло къ директору.

Меньшовъ назвалъ имя и отчество главнаго техника въ красильно-набивномъ отдѣленіи.

Они отошли еще нѣсколько шаговъ, спустились подъ березки и сѣли на скамью.

Сзади раздавались голоса дѣтей—ихъ было уже вдвое больше, чѣмъ въ часъ смѣны.

— Антонъ Егорычъ, любезный другъ! То-есть, какъ я доволенъ, что васъ опять вижу. Ей-Богу, право! Вы къ намъ на побывку? Къ маменькѣ своей пріемной, Настасьѣ Ильинишнѣ, ась?

Меньшовъ прошелся рукой по волосамъ и жестомъ рисовальщика, отведя ихъ за ухо, тряхнулъ головой.

— Работать здѣсь сбираюсь.

— Вотъ это превосходно! А тамъ за Москвой-то?.. Гдѣ вы—въ Орѣховѣ, никакъ, были на службѣ, или подъ Москвой?..

— Былъ, да не долго нажилъ.

— Что̀ такъ?

Яркія губы Меньшова повела усмѣшка. Глаза злобно сверкнули.

— Не ко двору, значитъ, пришелся. Шпіонство тамъ самое гнусное! Всю бы ихъ махинищу подпалить!

— Богъ съ вами, Антонъ Егорычъ! Больно ужъ вы тово̀...

Спиридоновъ опустилъ голову и покачалъ ею.

Онъ зналъ, что его пріятель давно уже и подъ Москвой, и на петербургскихъ фабрикахъ завелъ большое знакомство. И книжки сталъ доставать. Онъ и ему предлагалъ частенько почитать. Спиридоновъ къ такому товару не былъ склоненъ, не въ эту сторону у него голова работала. Меньшовъ не мало его язвилъ, называлъ „буржуемъ“, подсмѣивался надъ его мужицкой слабостью къ деревнѣ. Много они толковали и спорили. Иванъ сталъ не на шутку побаиваться, какъ бы Меньшова не запутали во что его столичные „благопріятели“. Боялся онъ за него всего сильнѣе, когда, два года тому назадъ, случилось здѣсь волненіе между ткачами. Меньшовъ къ этому не былъ причастенъ; онъ жилъ подъ Москвой, но попалъ сюда на побывку, какъ разъ, когда дѣло дошло до непріятностей.

— Нешто подозрѣвать стали?—спросилъ онъ потише.

— Шутъ ихъ знаетъ! Мастеръ сволочь! Хорошо еще, что онъ въ тотъ день, какъ мнѣ разсчетъ дали, на глаза не показывался, труса праздновалъ; а то бы я его угостилъ.

— Антонъ Егорычъ! По-деревенски сказать—не гоже!

Онъ положилъ ему ладонь руки на колѣно.

— А у васъ какъ все?—спросилъ Меньшовъ, обернувъ къ нему лицо.—Честно, благородно? Благодѣяніями хозяевъ дышете? А? Тишь да гладь! Только вонъ та прорва гудитъ.

И онъ указалъ рукой на главное зданіе, откуда лился ровный, безостановочный шумъ.

— Живемъ по-маленьку, — кротко выговорилъ Спиридоновъ и поднялъ голову. — Не могу пожаловаться на набольшихъ. И меня стали отличать. Вѣдь я, Антонъ Егорычъ, только-что изъ Москвы. На выставкѣ работалъ. Вы не попали туда?

— Былъ въ самомъ началѣ. Одни ящики валялись.

— Мнѣ было лестно. Безъ малаго мѣсяцъ продежурилъ. И вотъ награду получилъ, и съ сегодняшняго числа въ комплектныхъ подмастерьяхъ.

— Значитъ, въ набольшіе тоже произведены? — спросилъ Меньшовъ, прищуриваясь.

— Вы меня довольно знаете, Антонъ Егорычъ,—Спиридоновъ потупился: — своего брата рабочаго я выдавать не буду оттого только, что въ подмастерья попалъ. Безпорядку и озорству тоже потачки не намѣренъ давать—ужъ извините! Какъ я вамъ и допрежь говаривалъ, то же самое и теперь скажу: ежели нашъ братъ добиваться желаетъ другихъ правовъ, онъ долженъ въ первую голову такъ себя держать, чтобы ни сучка, ни за-

доринки. Тогда, въ случаѣ чего, вся правда на его сторонѣ. Да и скопомъ-то напирать—дѣло рисковое и убыточное.

— Старуха на̀-двое сказала!

— Ну, ладно, на радостяхъ не хочу спорить, Антонъ Егорычъ. Вамъ—къ спѣху? Стало, проситься сюда?

Меньшовъ всталъ. Ему слово „проситься“ не понравилось.

— Коли нужно — пускай берутъ! А клянчить—слуга покорный!

Поднялся и Спиридоновъ.

— Слышалъ и я, что у нихъ тамъ увеличиваютъ комплектъ. Такого рисовальщика, какъ вы, на дорогѣ не найдешь. Часъ добрый!

Онъ протянулъ руку ребромъ ладони. Меньшовъ пожалъ.

— А спрыснуть надо, Антонъ Егорычъ. Коли сёдни не удастся намъ, завтра что-ли? Гдѣ вы проживаете? У Настасьи Ильинишны?

— У ней всего одна комната съ перегородкой. Я тутъ у пріятеля... въ городѣ... вотъ сейчасъ, за̀ мостомъ.

— Такъ, выходитъ, дадите мнѣ знать? И сёдни бы забѣжали. Да вотъ чего лучше!.. Нонѣ четвергъ — въ библіотекѣ, послѣ пяти. И я у Настасьи Ильинишны книжку возьму. Больше мѣсяца ничего окромя газетъ не читалъ.

Меньшовъ пошелъ налѣво, Спиридоновъ повернулъ въ сторону казармы № 113.

IV.

Въ нижній корридоръ казармы, довольно широкій, свѣтъ проникалъ только изъ двухъ оконъ—по концамъ его.

Спиридоновъ жилъ тутъ, въ одной „каморкѣ“ съ семействомъ присучальщика—Семена Прохорова. Онъ зналъ, что его жена Мареа придетъ позднѣе. Заняться хорошенько обѣдомъ ей некогда — они ходятъ на фабрику въ разные часы. Прежде, когда женщинъ ставили и на ночную работу, мужья и жены могли въ одно и то же время и ѣсть, и отдыхать. А теперь только черезъ недѣлю, а то такъ и совсѣмъ не придется, за исключеніемъ много двухъ часовъ.

Къ этому онъ уже давно привыкъ. Свыкся и съ жизнью на міру, въ одной каморкѣ; но находилъ про себя, что даровая квартира, которой такъ добиваются, всего тяжелѣе для женатыхъ. Одинокимъ, особенно живущимъ артельно—гораздо удобнѣе. У тѣхъ и простору больше, даромъ, что въ камерѣ бы-

ваетъ до тридцати человѣкъ. И работа у нихъ часто въ одни часы. И готовитъ имъ кухарка. На нарахъ спятъ, а внизу мѣста еще достаточно для большого обѣденнаго стола.

Будь у его жены другой нравъ, она бы сладилась съ Степанидой—насчетъ готовленья. Та баба здоровая и проворная... Можно бы и сообща держать столъ. Но при ея характерѣ—нечего и думать. Когда Машутка, ихъ единственная дочь, была еще маленькой, они держали нянекъ-подростковъ, и тѣ умѣли кое-какъ стряпать. Теперь Машутка ходитъ въ школу и сама возвращается въ полдень голодная. Она все-таки смо̀жетъ кое-какъ собрать къ обѣду, горшокъ принесетъ изъ общей печи, хлѣба нарѣжетъ. А стряпухи Мароа не хочетъ брать: „всѣ-де онѣ воровки и развратницы". Изъ подростковъ-нянекъ никто больше полугода у нея не жилъ: къ каждой она начинала ревновать, хотя бы той было не больше десяти-двѣнадцати лѣтъ. Вся казарма считаетъ ее „тронутой"—до того она вздорная и шалая. И чуть что̀—припадки съ ней, трясется, дергаетъ ее всю, выгибаетъ ей спину, точно бѣсомъ одержима.

Доктора говорятъ, что никогда она не вылечится при фабричной жизни, а нужно ее въ деревню.

Объ этомъ и думалъ Спиридоновъ, когда входилъ въ корридоръ своей казармы.

Теперь онъ—подмастерье. Жалованье порядочное. Можно было бы и освободить жену отъ работы. Здѣсь она, по хворости, часто прогуливала, валялась на койкѣ. И работа ея—неопрятная и нездоровая—всегда въ ѣдкихъ парахъ. Мароа—красильщица. Больше она ничего не умѣетъ дѣлать и ежели на другую работу ее поставить—она ни въ жизнь не выучится.

Ребятишки возились въ корридорѣ. Но вообще—тихо. Представить себѣ трудно, что тутъ—въ одномъ нижнемъ этажѣ—помѣщается до трехсотъ душъ. Прежде, когда онъ былъ мальчикомъ, въ старыхъ деревянныхъ казармахъ народъ кишѣлъ какъ въ ульѣ; спали и подъ нарами, и просто въ повалку, въ сѣняхъ; темнота стояла и вонь порядочная. Все это измѣнилось, особливо съ тѣхъ поръ, какъ входитъ въ нужды рабочихъ мать теперешнихъ хозяевъ. Ея заботами все и завелось, и выросли, точно „по щучьему велѣнію", новыя казармы, школа, больница, родильный домъ, пріютъ и ясли, библіотека, читальня, двѣ залы для вечеровъ.

Въ каморкѣ на двѣ семьи, куда вошелъ Спиридоновъ, кровати стояли вдоль стѣнъ, справа и слѣва, безъ перегородокъ и даже безъ занавѣсей. Комната была высокая, съ двумя окнами;

но узкая и вся набитая: столы, сундуки, посуда въ шкапчикахъ, кіоты съ образами, лоханки, вѣники, платье, всякое тряпье. У самаго входа, справа, „зыбка“ для грудного сына Степаниды, недавно родившей. Двое другихъ ея ребятъ спали—ночью—въ повалку, на полу; а Машутка, дочь Спиридонова, стлала себѣ на сундукѣ, въ лѣвомъ углу, у окна.

Степанида—рослая и еще свѣжая баба—опрятная, въ кофтѣ и въ свѣтломъ клѣтчатомъ платкѣ на головѣ, отъ солнца, прибирала со стола, когда Иванъ вошелъ въ каморку съ горшкомъ щей. Онъ его досталъ изъ печки, въ особомъ отдѣленіи казармы.

— Иванъ Прокофьичъ, здравствуйте! Съ чѣмъ проздравить васъ?—звонко окликнула Степанида, подмигнувъ ему.

Она догадывалась, что онъ получилъ награду, а можетъ, и еще что-нибудь.

— Въ подмастерьяхъ буду ходить, — сказалъ Спиридоновъ, спокойно, съ достоинствомъ и тотчасъ присѣлъ къ столу.

На одномъ углу стола стояла солонка, лежали ломоть чернаго хлѣба и деревянная ложка.

— Въ подмастерьяхъ! — повторила Степанида и воззрилась въ него своими круглыми карими глазами навыкатъ... Проздравляю! Чтожъ! Вамъ по заслугамъ. Вы у насъ первый искусникъ. Это—нечего говорить.

Она тутъ же присѣла къ нему на скамью, и заговорила вполголоса и скоро.

— Голубчикъ, Иванъ Прокофьичъ, вамъ теперь каморку, а то и квартирку цѣлую дадутъ. Такъ вы ужъ порадѣйте за насъ. Сергѣй Сергѣичъ васъ любитъ. Семенъ-то вѣдь давно на очереди... цѣльную бы каморку намъ.... И здѣсь можно бы оставить... Трое ребятъ. А?

Ея глаза заиграли. Она даже толкнула его локтемъ, и щеки ея стали краснѣть.

Между нимъ и Степанидой „ничего такого“ не было, но онъ давно замѣчаетъ, что она къ нему льнетъ. Мужъ у ней потихоня, слабаго здоровья, простоватъ и получаетъ меньше жены. Она бой-баба, ткачиха изъ лучшихъ, опрятна, грамотна, не прочь и книжку послушать или почитать; всегда весела. Мароа ея не выноситъ и давно уже увѣровала въ то, что она—его любовница.

— Обѣщаться не могу, Өедоровна,—отвѣтилъ онъ ей довольно сдержанно.—Мнѣ и самому придется еще неизвѣстно сколько времени ждать другого помѣщенія. А случай выйдетъ, я скажу Сергѣю Сергѣичу.

— И на томъ спасибо! Значитъ, вы теперь мой набольшій, Иванъ Прокофьичъ?

Спиридоновъ быстро хлебалъ изъ чашки. Хлѣбъ былъ вчерашній. Папушникъ навѣрно припрятала Марѳа въ свой шкапчикъ и ключъ взяла, или ткнула куда-нибудь подъ тряпки.

Въ шкапчикѣ водилась у нихъ и водка. Въ Москвѣ Иванъ опять сталъ привыкать въ трактирѣ — передъ ѣдой пропустить рюмку „посурьезнѣе“. Сорокоушка у нихъ не переводилась. Ходила за ней Марѳа вечеромъ, когда стемнѣетъ; а самъ онъ не рисковалъ. Какой-нибудь сторожъ могъ его выдать.

Ѳедоровна замѣтила, что онъ все глядѣлъ вбокъ на шкапчикъ.

— Иванъ Прокофьичъ,—еще тише сказала она и опять подмигнула ему:—не угодно ли маленькую пропустить? У насъ найдется.

Онъ слегка смутился. Ему хотѣлось выпить — больше для того, чтобы поддержать въ себѣ возбужденное, веселое настроеніе. И совѣстно немножко было. Точно онъ тайкомъ отъ жены, да еще приметъ угощеніе отъ ненавистной ей бабы.

— Право-инъ?—подтолкнула Степанида, уже направляясь къ своему углу.

Она достала съ полки стаканчикъ и откуда-то отпитую на двѣ трети бутылочку изъ бѣлаго стекла, налила и поднесла ему съ поклономъ.

— На доброе здоровье... Съ новой должностью,—господинъ подмастерье!

Иванъ повелъ плечами и разсмѣялся.

— Проказница ты, Ѳедоровна!

Рука его потянулась къ стаканчику и немножко дрогнула. „Неужели руки стали дрожать“?—почти смущенно подумалъ онъ.

Водка была съ непріятнымъ запахомъ и обожгла ему горло. Онъ даже поперхнулся, утеръ усы рукой и заѣлъ корочкой хлѣба.

Степанидѣ и самой хотѣлось выпить, но она удержалась: передъ Иваномъ она во всемъ прихорашивалась, выставляла себя съ самой лучшей стороны.

Дверь кто-то сталъ отворять съ усиліемъ. Вошла Машутка, дочь Спиридонова, съ книжкой и грифельной доской, въ капотикѣ и съ двумя косичками. Ея блѣдное личико, съ впалыми бойкими глазками, смотрѣло старообразно, а ростомъ она была гораздо моложе своихъ лѣтъ: ей пошелъ двѣнадцатый годъ.

— Тятя... Ты ужъ обѣдаешь? — спросила она торопливо,

высокимъ голоскомъ и бросила боковой взглядъ на Ѳедоровну. —Я думала, ты въ одно время со мной придешь. Есть еще тамъ въ печи... Сейчасъ принесу.

— Чтò такое? Каша?

— Не простая, тятя, увидишь. Я сама стряпала.

Дѣвочка сбѣгала наверхъ, гдѣ помѣщаются печи, выстроенныя въ одинъ рядъ, и принесла, придерживая фартукомъ, горячую сковородку.

— Смотри... грибная кашица... Вчера въ рощу ходила... сыроѣжекъ насобирала.

Выговаривала она все это старательно и отчетливо, точно большая, и совершенно такъ, какъ она своими словами разсказывала какую-нибудь басню, или отрывокъ изъ хрестоматіи, въ классѣ, той же учительницѣ, которая занималась и съ ея отцомъ —ровно двадцать лѣтъ тому назадъ.

— Вонъ какая дòшлая! — похвалила Машутку Ѳедоровна, отходя къ своему концу общаго стола.

„Не въ маменьку рòдную“,—прибавила она про себя.

Маша, такъ же скоро и аккуратно, достала себѣ ложку, присѣла бокомъ, начала хлебать изъ чашки и подала отцу желѣзную, довольно ржавую вилку, чтобы ему удобнѣе было захватывать грибы, накрошенныя ею въ жирную грешневую кашу.

— Не потрафилъ я къ Надеждѣ Николавнѣ въ перемѣну,— заговорилъ Спиридоновъ, ласково поглядывая на дочь.

— А чтò жъ вы ей не скажете—окликнула изъ своего угла Ѳедоровна—насчетъ награды и прочаго?..

Маша вскинула на отца свѣтлыми рѣсницами.

— Тятя твой—подмастерье!..

Дѣвочка какъ-то странно усмѣхнулась — она была очень обидчива и побаивалась ткачиху, ея шуточекъ и вопросовъ.

— Ты, поди, Машутка, заважничаешь?—продолжала та балагурить.

— Она у насъ не такая,—сказалъ Спиридоновъ.—Всѣ мы равны здѣсь — кто рабочій, кто подмастерье, кто слесарь, кто простой шуровщѝкъ.

— Однако!.. Разница большая, Иванъ Прокофьичъ! Небось, должность свою не обмѣняете съ тѣми, чтò котлы чистятъ? Ха, ха!

Ѳедоровну начало разбирать недоброе чувство — не столько къ самому Спиридонову, сколько къ тому, что вотъ теперь эта мозглявая дѣвчонка будетъ норовить попасть въ швейную мастерскую, а потомъ и замужъ за приказчика или раклиста. Те-

перь съ той „трясучкой“ Мароой ужъ никакого не будетъ справу—до той поры, пока они не опростаютъ каморку. И отъ этого засвербило у нея въ груди. Семенъ дольше Ивана на фабрикѣ, мужикъ смирный и богомольный, у начальства на хорошемъ счету. Да и жаль ей было—скоро разставаться съ Иваномъ, и какъ разъ, когда онъ въ подмастерья попалъ. А можетъ, такъ и лучше. На фабрикѣ подмастерье не прикованъ къ одному мѣсту, съ нимъ безпрепятственно можно видѣться. И та трясучка не будетъ тутъ торчать на носу, и шипѣть, и подсматривать, и „шпынять“, и по всей казармѣ срамить ее разными позорными словами.

Отъ сердца скоро отлегло у Өедоровны. Она долго не могла разстроиваться и усѣлась на кровати и стала кормить грудью своего Өедюньку—головастаго и глазастаго мальчишку, съ клокомъ темныхъ волосиковъ на темени. Онъ уже давалъ о себѣ знать—сильнымъ пискомъ просилъ груди.

Старшая ея дочь сидѣла съ вторымъ мальчикомъ въ садикѣ и должна была придти позднѣе смотрѣть за груднымъ ребенкомъ.

Степанида могла бы относить своего Өедюньку въ ясли и ходить туда кормить его. Тамъ за нимъ бы былъ хорошій уходъ. Могла бы и старшаго сынишку оставлять по цѣлымъ недѣлямъ въ пріютѣ. Но она этимъ брезгала, стыдилась. И не она одна такъ смотритъ на фабрикѣ — даже изъ самыхъ бѣдныхъ работницъ, получающихъ въ мѣсяцъ не больше восьми рублей и живущихъ на вольныхъ квартирахъ, гдѣ за цѣлую каморку подай три съ полтиной въ мѣсяцъ, а то такъ и всѣ четыре рубля.

И она, и мужъ ея, много разъ говорили Ивану Спиридонову, когда заходила о томъ рѣчь, и онъ имъ совѣтовалъ хоть старшаго отдавать понедѣльно въ пріютъ, устроенный при ясляхъ.

— Зазорно!.. Точно мы нищенки какіе... Есть и бѣднѣе насъ. А мы у нихъ ровно отымаемъ. И сами будемъ содержать дѣтей—по силѣ возможности.

Машутка поѣла, достала изъ-подъ кровати свой сундучокъ, отперла его, положила книжку, которую принесла и взяла тетрадку—все это скоро-скоро.

— Тятя... Я пойду къ нашимъ... туда, за больницу.

— Ну, ступай, ступай!

— Что жъ отца-то не проздравишь?—кинула ей Өедоровна, продолжая кормить.

— А ты... въ самомъ дѣлѣ?—не договорила дѣвочка, подходя къ отцу.

— Въ самомъ дѣлѣ. Въ награду за мою работу... Только этимъ что же возноситься.

Она потянулась поцѣловать отца и тутъ только покраснѣла. У него были въ карманѣ блузы деньги, полученныя въ конторѣ. Надо ей сшить обнову. Онъ пойдетъ и купитъ въ фабричной лавкѣ. Марѳѣ ничего не скажетъ. Слѣдовало бы дать и ей на лакомства, да у него мелочи не было.

— Ну, ступай, побѣгай, а Надеждѣ Николавнѣ, коли она тебя насчетъ меня спроситъ — скажи, что я къ ней побываю.

Онъ поглядѣлъ ей вслѣдъ, какъ она перебирала худенькими ножками въ потертыхъ башмакахъ. Машутка не любила ходить босикомъ—какъ другія дѣти. Многіе лѣтомъ и въ школу ходятъ, и по двору бѣгаютъ босые—первое для нихъ удовольствіе.

Иванъ приподнялся и перекрестился на образъ. Покурить ему захотѣлось, а курева не было: на радостяхъ забылъ зайти въ лавку купить папиросъ.

Настоящая его работа начнется завтра. Идти въ читальню еще рано. И спать не хотѣлось. Онъ въ Москвѣ за весь годъ выспался, работалъ на выставкѣ только съ утра до захода солнца, да и то съ большими перерывами. И здѣсь всю первую ночь спалъ онъ отлично.

Степанида все еще кормила своего Ѳедюньку. Передъ Иваномъ она, и молоденькой бабой, не стѣснялась. И сидѣла она такая видная и плотная, немного покраснѣла отъ кормленія и плутовато взглядывала то на ребенка, то на Спиридонова.

Не въ первый разъ приходило Ивану на умъ: какъ это такъ вышло—въ одной каморкѣ вотъ живутъ двѣ пары, и слѣдовало бы имъ помѣняться женами. Семену и Марѳа была бы годна. Онъ такой потихоня и кислый, что все переносилъ бы, какъ и быть слѣдуетъ. А Степанида была бы ему—Ивану—подходящая жена. Въ сожительствѣ съ нимъ изъ нея бы не то вышло. А теперь еще удивительно, какъ она открыто не погуливаетъ. Впрочемъ, кто ее знаетъ!?..

Онъ подошелъ къ ней и сталъ гладить мальчика по головѣ.

Дверь потянули изъ корридора. Марѳа ввалилась босая, въ затрапезномъ капотѣ, запачканная краской, повязанная по-деревенски, съ горшкомъ въ одной рукѣ.

Глаза ея, тревожные, точно прыгающіе—такъ и забѣгали... отъ мужа къ ненавистной Степанидѣ. По ея поблеклому, изнуренному лицу шли желтыя пятна, оставшіяся когда-то послѣ родовъ. Опять беременная, она вся перекосилась. Острый носъ

выглядывалъ изъ-подъ платка. Жилистая шея обнажена была до торчавшихъ ключицъ.

„Охальница подлая“,—выбранила она про себя Степаниду, все еще сидѣвшую съ открытой грудью.

Ничего не говоря мужу, Марѳа поставила на столъ горшокъ съ такимъ видомъ, что Иванъ почуялъ въ воздухѣ приближеніе схватки. Но ему показалось малодушнымъ сейчасъ же уходить—точно и въ самомъ дѣлѣ жена „накрыла“ ихъ. Онъ сѣлъ къ окну, выжидая, что̀ будетъ.

V.

Къ домику, гдѣ жила учительница Надежда Николаевна, дорога ведетъ сначала по узкому проѣзду. Тутъ что-то строили, и доски лежали на самомъ проходѣ.

Спиридоновъ шелъ медленно, съ опущенной головой, совсѣмъ не глядя по сторонамъ. Онъ былъ слишкомъ полонъ того, что̀ вышло сейчасъ въ каморкѣ. Много ему нужно было надъ собою власти, чтобы на этотъ разъ не побить Марѳу. Прежде, въ первые годы, подъ хмелькомъ, онъ ее, бывало, пригнетъ и дастъ тукманку. И каждый разъ стыдно становилось и за себя, и за нее. Не такъ его наставляли въ школѣ, не зря прочелъ онъ, въ двадцать лѣтъ, столько хорошихъ книжекъ, чтобы драться. Надеждѣ Николаевнѣ первой—совѣстно было бы на глаза показаться.

Никогда еще такъ сильно не мозжила его мысль о томъ, что съ этакой женой онъ не выдержитъ: — либо самъ сковырнется, либо ее—въ лихой часъ—ножомъ полоснетъ. Такая шалая „психопатка“ — ему отлично было знакомо это слово—нестерпимая обуза для человѣка, какъ онъ — еще молодого, способнаго идти въ гору. Не то что уже для подмастерья — для самаго заурялнаго ткача она — срамная сожительница. И куда отъ нея уйдешь? Одно средство—отправить опять въ деревню. Такъ она—заартачится, содо̀мъ подыметъ, пойдетъ жаловаться и въ контору, и къ фабричному инспектору. Пробовалъ онъ оставлять ее въ деревнѣ—она тамъ недѣли не выжила,—переругалась со всѣми въ его домѣ, а у себя въ деревнѣ—она безъ роду, безъ племени, „выморочная“ какая-то.

И скаредность къ тому же. Все копитъ, все копитъ! Спусти онъ ее на вольную квартиру—скандалу надѣлаетъ, да и зазорно, особенно теперь, въ званіи подмастерья, идти самому въ холо-

стую камеру. Къ тому же и, по справедливости, не имѣетъ онъ права отнимать у нея заработокъ; а на деревенскую работу она негодна, хотя бы и согласилась жить въ деревнѣ.

Вотъ сейчасъ—чего только она не накричала и не надѣлала!

Начала все швырять, горшокъ разбила, кашу по полу разметала. И пошла, и пошла! Рванулась къ Степанидѣ, чуть ребенка не сбросила съ ея колѣнъ, стала кричать:

— Ты потаскуша! Мужа моего спаиваешь. Здѣсь водкой пахнетъ! Ты ему подносила, подлая!

Та отшучиваться-было хотѣла. Это еще пуще ее разожгло. Какъ есть бѣсноватая: повалилась на лавку и стала ногами дрыгать. Потомъ еще разъ къ Степанидѣ кинулась съ кулаками.

Ну, та ее маненько и толконула въ бокъ. Другая бы на ея мѣстѣ и до волосъ добралась. Закричала Мароа благимъ матомъ и на него накинулась — какъ онъ позволяетъ жену свою бить! Видимое дѣло, что эта „поскуда"—его „сударка". И опять затряслась. Онъ долженъ былъ взять ее за плечи и бросить на кровать. И такъ ему кровь прилила къ головѣ, что диво—какъ онъ не удушилъ ее!

И конца этому не видать! Мѣсяца черезъ три-четыре ей надо рожать. Не въ радость ему приращеніе семейства. Право хорошо, что трое ребятъ у нихъ примерли. Да и Машутка какая хилая и старообразная! Чѣмъ ближе подходитъ время родовъ — тѣмъ больше будетъ дурить Мароа.

Совсѣмъ не такъ онъ мечталъ еще сегодня утромъ и не съ тѣмъ явиться къ Надеждѣ Николаевнѣ. То-то бы она порадовалась его повышенію! А теперь въ немъ такая горечь накипѣла, что нельзя не вылить ей своей души. Не любилъ онъ и прежде жаловаться на супружескую жизнь; считалъ это унизительнымъ. Надежда Николаевна и сама знаетъ—каковъ сахаръ его Мароа. Когда у него, бывало, вырвется въ разговорѣ съ нею какое-нибудь слово „съ срыву"—она ему всегда напомнитъ, что Мароа—женщина хворая, „ненормальная", какъ она выражается. Но и она сама, не разъ, разсуждала съ нимъ о томъ—какъ болѣе „интеллигентному" рабочему трудно найти себѣ на фабрикѣ „подругу жизни", которая бы понимала его, могла бы раздѣлить всѣ его мысли и чувства, поговорить съ нимъ о томъ, что онъ находитъ въ хорошихъ книгахъ. И теперь такихъ-то „подругъ" врядъ ли найдешь хоть полдюжины на нѣсколько тысячъ. Кто попадаетъ въ швейную, дѣлаются, на видъ, настоящими модистками, бойко разговариваютъ и сильно франтятъ, но читаютъ мало или дрянцо какое-нибудь. Это ему и библіотекарша, На-

стасья Ильинишна, сколько разъ говорила и въ книгахъ указывала, гдѣ записываютъ все, что берется изъ библіотеки.

Курьёзное дѣло! Надежда Николаевна больше двадцати лѣтъ учитъ въ школѣ. Сколько черезъ ея руки прошло дѣвочекъ? Не одна тысяча! Учатся онѣ — многія — лучше мальчиковъ, понятливѣе, умѣютъ складно разсказывать своими словами, пишутъ красивѣе, стихи иныя такъ наизусть говорятъ — на удивленье!.. Одно слово — развитѣе. Мальчики не въ примѣръ тупѣе и зауряднѣе. Потомъ, что же выходитъ? Какъ подростетъ — швея ли она, ткачиха ли, мотальщица ли — никакой въ ней умственности нѣтъ, въ книжку не заглянетъ, или беретъ въ читальнѣ „Таинственнаго монаха“ да „Тайны Мадридскаго Двора“, или переводные любовные романы, да и то пока замужъ не угодила. А туповатый-то мальчуганъ — глядишь — лѣтъ черезъ десять всего Толстого прочтетъ, или къ историческимъ книжкамъ пристрастится; знаетъ и Соловьева, и Костомарова!..

Когда онъ въ возрастъ вошелъ, мать его все подталкивала — женись да женись на деревенской. У себя въ деревнѣ никто ему не нравился. Марѳа была тоже деревенская, сирота, тогда и собой не дурна, и тихая, до десяти рублей заработывала. Въ домѣ баба нужна была. Мать — тоже жила на фабрикѣ, отца, изъ-за пьянства, прогнали, и онъ при ней, въ слободкѣ, пробавлялся кое-какой поденщиной.

Въ деревнѣ Марѳа не нажила — оказалась слишкомъ неспособной къ полевой работѣ. А дѣло было сдѣлано — онъ женился. Не то что ужъ о прочитанномъ съ ней говорить — ему, въ то время, впервые, удалось уже прочесть „Одинъ въ полѣ не воинъ“, Шпильгагена, — а вообще-то найти въ ней что-нибудь выше фабричнаго толка все объ одномъ и томъ же — нечего было и думать.

Послѣ первыхъ родовъ она и пошла дурить — и такъ вотъ идетъ тринадцатый годъ!

Жена — не сапогъ! Не сбросишь ее съ ноги — особливо если имѣть хоть мало-мальски правила и мысли, и соблюдать себя, какъ благородной души человѣку.

Для него та самая Надежда Николавна, къ которой онъ шелъ, до сихъ поръ его — живая совѣсть. Ей только онъ исповѣдовался, какъ слѣдуетъ, а не попу. Тамъ какая же исповѣдь?!.. И станетъ тебя онъ разспрашивать, когда у него въ одинъ день нѣсколько сотъ говѣльцевъ! Сунулъ въ руку двугривенный, и отходи — не задерживай!

Но все-таки, какъ ему ни горько въ эту минуту, есть у

него, по крайней мѣрѣ, „сочувственница“. Онъ ее такъ давно прозвалъ, и ей это прозвище понравилось. Она одна умѣетъ и встряхнуть, и подбодрить. Даже голосъ ея сохранилъ для него такую же внушительность, какъ и двадцать-три года назадъ, когда она учила его читать.

VI.

Въ этотъ часъ Надежда Николаевна, навѣрно, пьетъ чай, тотчасъ послѣ своего ранняго обѣда.

Иванъ вошелъ въ маленькіе сѣнцы и тихо пріотворилъ дверь.

Такъ и есть, она сидитъ одна, за самоваромъ, и читаетъ газету... все такая же пышная и моложавая. Кто ей дастъ больше тридцати-двухъ — трехъ, а она на цѣлыхъ десять лѣтъ старше его. По лѣтнему жаркому времени—на ней батистовая кофточка, подпоясанная кушакомъ. Лицо — круглое, волосы густые, русые, кожа немного лоснится.

Она подняла глаза къ двери и сейчасъ же ему поклонилась съ той усмѣшечкой, которую они—въ школѣ—такъ любили.

— Не обезпокою васъ, Надежда Николавна?

— Пожалуйста, пожалуйста, Спиридоновъ. Очень рада. Хотите чаю? Садитесь.

Первая она подала ему руку, бѣлую, полуоткрытую почти до локтя. Она ему давно уже говоритъ „вы“, какъ только онъ началъ выравниваться и большимъ смотрѣть.

Сейчасъ же у него на душѣ стало проясняться, отъ одного ея голоса—ровнаго, груднаго, съ привычнымъ отчетливымъ произношеніемъ каждаго слога.

— Вы изъ Москвы?

— Такъ точно, Надежда Николавна.

— Мнѣ уже многіе говорили — какъ вы тамъ хорошо себя зарекомендовали. И замѣтку я прочла недавно въ газетѣ. Вы не читали?

— Не доводилось.

— Какъ же! Я сохранила номеръ. Найду послѣ. Онъ гдѣнибудь у меня на этажеркѣ.

— Не извольте безпокоиться.

— Разскажите, разскажите—какія вы вынесли впечатлѣнія съ выставки, что̀ видѣли? Это очень меня интересуетъ.

Все это она выговорила совершенно какъ въ классѣ, съ такой же пѣвучестью рѣчи и вѣскимъ тономъ. И ему захотѣлось

получше ей все передать—только онъ не находилъ въ себѣ настроенія.

— Многое есть поразсказать. Махиница — эта самая выставка! И по машинному отдѣлу, и по матеріямъ. Я пораньше, утречкомъ, до публики — частенько обхаживалъ — и съ каталогомъ. Только, Надежда Николаевна, — онъ запнулся, принимая изъ ея рукъ стаканъ чаю,—позвольте мнѣ до другого раза отложить. Хотѣлось мнѣ съ вами, съ первыми, по душѣ... И опять же я польщенъ теперь наградой, и въ подмастерья попалъ.

Глаза учительницы ласково блеснули.

— Поздравляю! Очень, очень рада!

— Да, все одно къ одному. Но въ настоящую минуту все мое расположеніе разлетѣлось прахомъ!

Когда Спиридоновъ говорилъ съ нею, онъ старался употреблять другіе слова и обороты, и рѣчь его выходила менѣе простой и складной.

— Чтò жъ такое? Дома что-нибудь?

Она пристально поглядѣла на него. Сколько разъ она, утѣшая его, заступалась и за Марѳу, какъ за „невропатку“. Но ей сегодня особенно жаль его. Она считала его однимъ изъ самыхъ выдающихся рабочихъ, съ хорошей головой, съ добрыми и нравственными побужденіями. И такая незадача въ женѣ! Ей было извѣстно также, что ему случалось покучивать, и она серьезно боялась — какъ бы при такой домашней жизни вино не взяло надъ нимъ верхъ.

Наклонивъ къ нему голову, она начала выслушивать его изліянія.

Никогда еще онъ не говорилъ съ такой горечью.

„Какъ быть“? — вотъ вопросъ, требующій разрѣшенія — и „безотлагательно“. Онъ чувствуетъ, что терпѣнію его наступилъ конецъ. Ежели и дадутъ ему отдѣльную каморку, не будетъ Степаниды—что-нибудь другое она выдумаетъ. Теперь поводовъ еще больше, чѣмъ было прежде. Онъ подмастерье — стало, не прикованъ къ одному станку. И подъ его надзоромъ очутятся и женщины. Сколько такая шалая баба, какъ Марѳа, можетъ наплести и придумать всякихъ шашней?!

Не то что отдѣльную каморку, а цѣлый домикъ предлагаетъ ему самъ управляющій. Но съ нравомъ Марѳы развѣ мыслимо вести хорошо хозяйство и держать постояльцевъ?

— А вы какъ насчетъ этихъ домиковъ въ новой слободкѣ?— спросила учительница и пытливо посмотрѣла на него.

— Да ежели бы баба моя и другая характеромъ и нравомъ была—и тогда я бы еще позадумался, Надежда Николавна.

— Почему такъ?

— Оно лестно — кто говоритъ! На это какъ на большую награду смотрятъ и добиваются. Сергѣй Сергѣичъ сами предложили и не впервой уже, значитъ, отличаютъ меня. Только я на этотъ предметъ свой собственный взглядъ имѣю.

— Разъясните!

Надежда Николаевна налила себѣ стаканъ и стала медленно пить, слушая его съ такой же игрой глазъ, какъ и въ школѣ, когда ученики ей разсказываютъ своими словами.

Иванъ не разъ про себя обдумывалъ это и свои мысли онъ сталъ высказывать складнѣе, уже не стараясь о выборѣ словъ и оборотовъ. Выходило такъ, что онъ и вообще смотритъ на этотъ видъ награды не съ особеннымъ одобреніемъ. Всего больше потому, что такимъ путемъ рабочій совсѣмъ отъ деревни отбивается.

— Спору нѣтъ,—продолжалъ онъ, одушевляясь:—тутъ я могу жить у себя, въ своей избѣ. Но чѣмъ же это должно кончиться, Надежда Николавна? У меня въ деревнѣ дворъ есть, семья... Я ихъ поддерживаю, вношу свою лепту, подъ старость я и вернусь туда, опять землепашцемъ буду, обществу послужу, по силѣ-мѣрѣ...

— Кто же вамъ помѣшаетъ?

— Позвольте, — остановилъ онъ ее движеніемъ руки:—за двумя зайцами не угоняешься. Тогда я совсѣмъ по другому начну себя чувствовать. Изъ-за чего мнѣ въ деревню ворочаться? Кто я такой буду? Дворникъ. Постоялый дворъ у меня, жильцы. Я на ихъ плату и долгъ-то свой покрою—въ двѣнадцать лѣтъ. А когда срокъ этотъ кончится—я уже, выходитъ, на ренту буду проживать. Буржуемъ стану. Развѣ не такъ, Надежда Николавна?

— Да, съ такой точки... конечно... Спиридоновъ,—не досказала она.

— Онъ встряхнулъ головой.

— Опять же, разсудите сами, Надежда Николавна.—Теперь, при назначеніи меня подмастерьемъ, сейчасъ пойдутъ каркать. Я, де, у другихъ, старыхъ и почтенныхъ людей, очередь перебилъ, клянчилъ и подходы пускалъ въ дѣйствіе А это для меня —мой характеръ вамъ извѣстенъ—всего чувствительнѣе. Пускай лучше потѣснѣе жить и въ домовладѣльцахъ не бывать, да чтобы никто не могъ ни сучка, ни задоринки найти въ томъ, какъ ты поступаешь!

— Съ вашими соображеніями, Спиридоновъ, я въ значительной мѣрѣ согласна,—выговорила учительница, по привычкѣ своей прищуривая глаза.—Это дѣло вашей совѣсти и вашихъ взглядовъ.

— Именно, Надежда Николавна. И все это — дѣло наживное. А вотъ то, что̀ у меня дома это—на вѣкъ. Вотъ что̀ меня гнететъ и ѣстъ.

Онъ съ горечью махнулъ рукой, всталъ и отошелъ къ окну, чтобы не показывать охватившаго имъ снова гнѣвнаго волненія.

— Послушайте, Спиридоновъ,—въ голосѣ учительницы зазвучали другія ноты:—я не хочу вѣрить, чтобы нельзя было дѣйствовать на вашу жену убѣжденіемъ.

— Эхъ, Надежда Николавна!.. Могила ее исправитъ—опричь этого ничто!

— Она больная... Но она не сумасшедшая.

— Хуже! Тогда ее посадили бы, и разсчетъ былъ бы короткій!

И точно устыдившись своего возгласа, онъ опять присѣлъ къ столу съ опущенной головой.

— Мочи моей нѣтъ!—повторилъ онъ со слезами въ голосѣ. —Передъ вами, Надежда Николавна, у меня никакой утайки нѣтъ. Я какъ на духу. И то довольно прискорбно, что пришлось жениться такъ, по настоянію родителей, безъ всякаго влеченія. Что̀ же мудренаго, коли эта шалая женщина ни настолько— онъ показалъ на пальцы — къ себѣ не привязала? Даже и то меня не трогаетъ, что у насъ дочь есть... Вотъ она опять тяжела — и мнѣ это скорѣе въ тягость; а я дѣтей люблю. Не очень-то легко съ такой душевной горечью соблюдать себя...

Онъ не досказалъ и сталъ глядѣть въ сторону окна.

— Надо ее жалѣть, Спиридоновъ.

— И крестъ свой нести?

Онъ хорошо понялъ, что Надежда Николавна ничего другого не можетъ ему сказать. Она умная, ученая, во все готова войти и все разсудить; но она жизнь знаетъ только издали и сбоку,— настоящую-то фабричную и мужицкую жизнь. Весь свой вѣкъ она возится съ малолѣтками и привыкла вести ихъ всѣхъ по одной дощечкѣ, умѣетъ и лѣнивыхъ сдѣлать хоть мало-мальски прилежными. Но характера она не передѣлаетъ, ни за что, даже и въ дѣвочкѣ-подросткѣ; а не то что уже въ такой бабѣ, какъ Маρѳа.

Ему стало вдругъ немного совѣстно за себя: точно онъ какой

баринъ изъ романа и пришелъ къ знакомой дамѣ изливаться и просить утѣшенія.

— Мнѣ на себя досадно,—заговорилъ онъ другимъ тономъ,—что я такъ малодушествую насчетъ Мареы. Въ нашемъ дѣлѣ такъ нельзя, Надежда Николавна. Вы, быть можетъ, и будете мной недовольны; но, клянусь Богомъ, я вотъ какъ сдѣлаю: дамъ ей срокъ — мѣсяцъ. Если случится опять такая гадость, какъ сейчасъ—либо она въ деревню отправляйся, либо иди на другую фабрику. А я буду жить одинъ и дѣвочку оставлю при себѣ... потому одинъ соблазнъ, и срамъ, и порча, видѣть такое безобразное поведеніе своей родительницы.

Спиридоновъ сталъ прощаться.

— А даете мнѣ слово, Иванъ Прокофьичъ, придти ко мнѣ передъ тѣмъ, какъ вы рѣшитесь на такой шагъ окончательно?

Она поднялась и протянула ему руку.

— Даю, Надежда Николавна. Можетъ, я въ настоящую минуту, въ черезчурномъ разстройствѣ. Подлости Иванъ Спиридоновъ ни подъ какимъ предлогомъ не сдѣлаетъ. А обо всемъ прочемъ позвольте побесѣдовать, когда уляжется мое сердце. Вотъ хорошую книжку возьму у Настасьи Ильинишны.

— Вы въ читальню идете?

— Такъ точно. И свиданіе у меня такъ назначено.

— Свиданіе?—переспросила она.

— Не съ женскимъ поломъ. Благопріятель мой отъявился сюда. Не изволили слышать—Антонъ Егорычъ?

— Меньшовъ?

— Какже... Сюда пріѣхалъ, мѣсто надѣется получить.

— Да, мнѣ Настасья Ильинишна говорила. Она боится, что онъ опять не наживетъ.

— Трудно ему. Слишкомъ горячъ и горделивъ.

Но въ тонѣ этихъ словъ Спиридонова слышалась его слабость къ Меньшову.

Опять учительница поглядѣла на него испытующимъ взглядомъ.

Ей было извѣстно, что Иванъ увлекался всегда воспитанникомъ своей сослуживицы, и даже одно время боялась за него—когда на фабрикѣ было волненіе.

— Вы, по прежнему, слабость къ нему имѣете, Спиридоновъ?—полушутливо спросила она.

— Что жъ... Имѣю... это точно,—также съ усмѣшкой выговорилъ Иванъ, и его лицо сейчасъ же прояснѣло.

— Мнѣ сдается, что гордость-то въ немъ не по разуму. И любви нѣтъ! Къ своему брату рабочему нѣтъ любви.

— Кто же, какъ не онъ, Надежда Николавна, понимаетъ всю суть нашихъ фабричныхъ мытарствъ?

— Да понимаетъ не такъ, какъ надо! А главное, не любитъ ни фабричнаго, ни мужика. Слишкомъ скоро забылъ, что онъ въ деревнѣ родился, въ крестьянской семьѣ, воображаетъ себя чѣмъ-то особеннымъ, точно онъ призванъ играть роль въ чужихъ судьбахъ. И этого нѣтъ! Еслибъ онъ готовилъ себя къ тому,—онъ бы личный свой задоръ сдерживалъ, уживался подольше на одномъ мѣстѣ, чтобы хорошо себя поставить и пріобрѣсти уваженіе.

— Это вы правильно говорите.

— Стало, для него главное—высказать свой задоръ и самомнѣніе. Такіе люди общему дѣлу не могутъ служить.

Она подошла поближе къ Спиридонову, стоявшему уже около двери.

— Вы знаете, Иванъ Прокофьичъ, какъ я отношусь ко всѣмъ трудящимся и ихъ иногда некрасной судьбѣ; но, повторяю, такіе люди за другихъ душу свою не положатъ. Онъ вѣдь ничѣмъ не рискуетъ. Сегодня здѣсь, завтра — тамъ; а вамъ надо подумать о своей дорогѣ. И теперь, когда вы уже въ подмастерьяхъ, васъ могутъ...

— Затянуть, что-ли?—подсказалъ онъ вполголоса.—На этотъ счетъ не смущайтесь, Надежда Николавна. Къ Антону Егорычу я дѣйствительно склонность имѣю. Но мы съ нимъ во многомъ не согласны. Я даже такъ вамъ скажу: ежели бы онъ что-нибудь такое сталъ затѣвать промежду нашими—меня онъ въ это втягивать не станетъ. Онъ вѣдь башка! Ужъ этого-то никто у него не отниметъ! Да и не такой у насъ народъ—не питерскій, не столичный! Вы развѣ не изволите помнить?

Онъ взглянулъ на нее съ особеннымъ выраженіемъ, намекая на то, что̀ здѣсь случилось года два назадъ.

— На то и разумъ есть, и голова на плечахъ, Надежда Николавна, чтобы зря не губить себя.

— Вы увидите, что онъ здѣсь не наживетъ. Опять выйдетъ исторія. А вѣдь бѣдная Настасья Ильинишна бьется какъ рыба объ ледъ. Онъ и ее ни чуточки не любитъ. Мнѣ—Богъ съ нимъ! Я не хочу злословить. Было бы очень хорошо, еслибъ хоть вы на него повліяли.

— За это я не берусь! У него срывчатый больно нравъ.

Тоже и онъ—какъ вы мою Мароу называете — ненормальный, что-ли? Такъ вѣдь?

Спиридоновъ тихо разсмѣялся.

— А погодите, я найду номеръ газеты, гдѣ про васъ говорится.

Она подошла къ этажеркѣ и стала просматривать пачку газетныхъ нумеровъ.

— Нашла! Нашла! Почитайте. Тутъ и взглядъ высказывается на русское мануфактурное дѣло вообще.

— Много благодаренъ, Надежда Николавна. А меня простите, что я—изъ-за своего разстройства—ничего вамъ толкомъ не разсказалъ про выставку.

— До другого раза!—крикнула она ему въ сѣни.

VII.

Въ первой залѣ читальни, гдѣ съ двухъ сторонъ шкафы съ книгами темнѣли за перилами, набралось, на этотъ разъ, особенно много народа.

Слѣва отъ входной двери помѣщалась конторка. За ней стояла молодая блондинка, въ свѣтломъ платьѣ—племянница библіотекарши—и еле успѣвала вносить въ книги то, что̀ приходящіе брали читать. Ихъ было уже нѣсколько десятковъ человѣкъ—и все еще прибывало.

Женщинъ—и взрослыхъ, и подростковъ—оказалось очень немного, не больше пяти-шести; остальные—все мужчины, главное, ткачи и прядильщики, нѣсколько слесарей и мелкихъ конторскихъ служащихъ.

Ткачи преобладали, какъ и во всемъ—на шесть тысячъ фабричнаго люда ткачей и ткачихъ значилось слишкомъ двѣ тысячи. И всѣ почти рабочіе изъ прядильно-ткацкаго зданія смотрѣли еще на половину по-деревенски—обстрижены въ кружа̀ло, въ красныхъ рубахахъ на выпускъ, подъ короткими пиджаками; иные въ опоркахъ и старыхъ калошахъ, а подростки и босикомъ, лица пыльныя, потныя, прямо отъ своихъ „карѐтокъ“, „ва̀теровъ“ и „жека̀рдовыхъ станковъ“.

Все съ той же тихой, печальной улыбкой посматривала на эту толпу—изъ-за перилъ—Настасья Ильинишна, завѣдующая читальней. Она доставала книги, нѣкоторыхъ спрашивала о прочитанномъ, другимъ предлагала взять ту или другую книжку, брала съ полки то, что̀ должно понравиться тому, кто былъ въ

нерѣшительности. Каталогъ имѣлся; но они не любятъ рыться въ немъ и предпочитаютъ брать или на авось, или по ея рекомендаціи, или же ту книжку, которая вдругъ пойдетъ между ними полнымъ ходомъ.

Сколько лѣтъ добрые глаза старушки глядятъ на эту рабочую „братію“, приходящую къ ней за умственной пищей. Она не многимъ меньше живетъ здѣсь, чѣмъ старшая учительница Надежда Николаевна. Совсѣмъ и состарилась на фабрикѣ. Поступила она сюда вдовой съ двумя дѣтьми. И обоихъ потеряла; сынъ уже былъ студентъ; дочь умерла молодой дѣвушкой въ дальнемъ сѣверномъ краѣ, гдѣ была народной учительницей.

Настасья Ильинишна въ послѣдніе два-три года сгорбилась, лицо все въ комочкѣ, съ мелкими морщинами, и зубовъ уже мало; волосы—бѣлокурые, съ просѣдью, по старинному зачесаны за уши. И неизмѣнно носитъ она черную наколку, въ родѣ чепчика, и темное шерстяное платье съ пелериной.

Сегодня ей повеселѣе. Передъ приходомъ сюда ея воспитанникъ—Меньшовъ—пришелъ сказать ей, что его приняли въ добавочные рисовальщики. Жалованьемъ онъ не особенно доволенъ; но все обойдется, и ему навѣрно прибавятъ. Она считала его необычайно даровитымъ. Только ему здѣсь не можетъ быть настоящаго хода, потому что у него „изящный вкусъ“, а фабрика работаетъ на простого покупателя.

Вонъ онъ тамъ сидитъ у окна и читаетъ газету.

Старушка, нѣтъ-нѣтъ, да и взглянетъ на него. Какъ она ни любила своихъ дѣтей, особенно сына,—Антоша и при ихъ жизни былъ точно ея кровное дитя. А теперь вся ея душа ушла въ питомца. Она любовалась его живописной головой и тонкимъ профилемъ, до сихъ поръ удивляясь, что въ избѣ, въ крестьянской семьѣ, могъ родиться мальчикъ съ такой внѣшностью и съ такой натурой. Но въ это свиданіе видъ Антоши смущалъ ее. Онъ, навѣрное, боленъ и скрываетъ свое нездоровье. Какой-нибудь внутренній недугъ: въ печени или въ сердцѣ. Отъ того, быть можетъ, онъ такъ и пылокъ.

Вотъ сколько здѣсь въ комнатѣ людей — и пожилыхъ, и его лѣтъ, и моложе. Развѣ онъ похожъ на нихъ? На всѣхъ нихъ лежитъ печать своего „рукомесла“. Фабрика дѣлаетъ ихъ малорослыми, узкогрудыми, съ кривыми плечами, даетъ хмурое или тупое выраженіе лицу.

Никто изъ служащихъ здѣсь, даже изъ учительницъ и докторовъ, не жалѣлъ фабричнаго люда больше ея—за что ей не мало доставалось иногда. Одно время ее какъ будто подозрѣвали

въ желаніи „мутить“ всѣхъ тѣхъ грамотныхъ, кто приходитъ за книгами. Но теперь давно уже разубѣдились и никто изъ „нàбольшихъ“ не приставалъ къ ней.

Она даетъ книги по своему разумѣнію и радуется, что въ послѣднія десять лѣтъ на ея глазахъ столько было прочитано ими хорошихъ вещей, не то что по одной русской, а и по всемірной литературѣ, въ переводахъ.

Никто не повѣритъ этому, не заглянувъ въ тѣ вонъ толстыя книги, чтò лежатъ за конторкой на столикѣ. Она помнитъ, какъ ея воспитанникъ, года два назадъ, началъ говорить, что здѣшній народъ—тупой, безъ всякихъ мыслей; если и читаетъ, то такъ, для „процесса чтенія“, какъ гоголевскій Петрушка. Она заставила его просмотрѣть книги, за три гòда, и убѣдиться: чтò прядильщики, и всего больше ткачи, перечли за это время.

Не мало уже такихъ, которымъ извѣстны всѣ образцовые русскіе писатели. Иной по нѣскольку разъ читалъ „Мертвыя Души“, „Отцы и Дѣти“, „Война и Миръ“, „Записки изъ Мертваго Дома“. Она ему указывала на такихъ, чтò пристращаются даже къ чтенію книгъ спеціальнаго характера: одинъ къ исторіи, другой къ популярнымъ научнымъ сочиненіямъ, третій къ путешествіямъ, четвертый къ поэзіи, и въ теченіе одного года переберетъ всѣхъ стихотворцевъ, какіе только есть въ библіотекѣ.

И на первыхъ порахъ она съ искреннимъ изумленіемъ спрашивала: когда они удосуживаются такъ читать? Да и до сихъ поръ это ее удивляетъ и трогаетъ.

Толпа стала немного рѣдѣть Къ Настасьѣ Ильинишнѣ протискивались вновь прибывающіе. Всѣхъ почти она знала поименно и успѣвала каждому что-нибудь сказать.

— Ты чтò желаешь теперь, Николаша?—спросила она у молодого малаго, въ вихрахъ и поношенномъ пиджакѣ въ накидку.

— „Старика Горіо“ позвольте, Настасья Ильинишна.

— Бальзака?

— Ужъ не знаю.

— А вамъ?

— „Векфильдскаго священника“.

— А ты принесъ мартовскую книжку журнала. Желаешь продолженіе?

— Соблаговолите „Путеводителя въ пустынѣ“.

— „Фрегàтъ-Палладу“ нельзя ли?

Заглавія книгъ чередовались долгой вереницей. Молоденькая племянница еле успѣвала вносить въ разныя книги имена изъ

обоихъ отдѣленій фабрики и служащихъ въ конторахъ. Фабричные—мужчины и женщины—отмѣчались по роду ихъ работы, съ обозначеніемъ лѣтъ, и сами ли читаютъ, или же берутъ для неграмотныхъ родителей.

Меньшовъ дочелъ, у окна, листъ газеты и повернулъ голову въ сторону перилъ, гдѣ все еще толпились приходящіе за книгами. Онъ ждалъ Спиридонова.

Не такъ смотрѣлъ онъ на все это, какъ его пріемная мать. Она увлекается, приписываетъ имъ то, до чего на самомъ дѣлѣ еще далеко.

„Спору нѣтъ,—думалъ онъ не въ первый разъ, попадая въ читальню,—фабрика расшатываетъ ихъ мозги. Отъ скуки—и благо есть грамотность—въѣдается и въ нихъ охота читать. Но развѣ голова ихъ работаетъ такъ, какъ бы могла работать? Какая въ томъ сладость, что самый усердный читатель—ткачъ? Но въ массѣ ткачи все-таки деревенщина, нѣтъ ни въ комъ настоящаго духа"...

Изъ передней входилъ Спиридоновъ. Меньшовъ тотчасъ же замѣтилъ его и приподнялся.

— Антонъ Егорычъ!—крикнулъ ему Иванъ отъ дверей.— Я сію минуточку... только книжку получу.

„Все читаетъ,—подумалъ Меньшовъ,—а какой толкъ? Въ одно ухо впуститъ, въ другое выпуститъ. Повѣстушками все больше пробавляется, да статьями газетными, которыхъ на половину не понимаетъ".

Онъ полюбопытствовалъ узнать, что̀ Иванъ возьметъ на этотъ разъ.

Спиридоновъ протискался къ периламъ, къ тому мѣсту, гдѣ была Настасья Ильинишна. И въ первый разъ въ немъ зашевелилось чувство своего новаго положенія. Все это—безличный рабочій людъ, а онъ, какъ-ни-какъ, а поставленъ выше заряднаго фабричнаго. Онъ—подмастерье. Показалось ему, что двa-три молодыхъ парня посторонились, чтобы пропустить его къ периламъ; навѣрно, они уже слышали о его повышеніи.

Настасья Ильинишна поклонилась ему издали и своимъ слабымъ голосомъ сказала:

— Съ пріѣздомъ, Иванъ Прокофьичъ.

И она была для него въ родѣ живой совѣсти, какъ и учительница, только больше насчетъ литературы; любила его выспрашивать, когда не такъ много дѣла, въ библіотечные дни, о томъ, что̀ онъ вычиталъ изъ такой-то книги; находила, почти всегда, его сужденія „правильными", шу̀тя говорила частенько,

что у нихъ „одинаковыя симпатіи", любила слушать его взгляды на такія лица, какъ Раскольниковъ, Базаровъ, Неждановъ, особенно же Толстовскіе герои — Ростовъ, Коротаевъ, Андрей и Безухій. Иванъ уже не иначе звалъ его, какъ Пьеръ", и говорилъ о немъ такъ, какъ будто это его пріятель. „Душа" Пьера всего сильнѣе привлекала его, и изъ-за него онъ, въ три-четыре года, перечелъ нѣкоторыя части романа до пяти разъ, и весь романъ читалъ недавно, подъ-рядъ, въ третій разъ.

Одобряла она его особенно, когда онъ попросилъ Бѣлинскаго, и убѣждалась, что онъ нѣкоторыя статьи, о Пушкинѣ, Грибоѣдовѣ, Лермонтовѣ, Кольцовѣ, прочелъ съ толкомъ и другимъ хвалилъ. Послѣ того многіе спрашивали сочиненія „Виссаріона Григорьича".

Вотъ и теперь какой-то подростокъ изъ вызывальщиковъ, лѣтъ не больше пятнадцати, просилъ первый томъ Бѣлинскаго, и Настасья Ильинишна достала ему книгу, спросивъ его:

— Въ первый разъ берешь?

Тѣмъ, кого она знала еще школьниками, она лѣтъ до восемнадцати говорила „ты".

Спиридоновъ стоялъ уже около перилъ и еще разъ ей поклонился.

— Антошу видѣли?—тихо спросила она его, наклонившись надъ барьеромъ.—Онъ вотъ тамъ,—прибавила она.

— Какъ же, Настасья Ильинишна. У насъ уговоръ былъ здѣсь свидѣться.

— Вѣдь приняли его.

Лицо старушки просвѣтлѣло.

— Ой ли! И какъ же я радъ!

Меньшовъ, лѣнивой походкой, пробирался къ нимъ.

— Ну, что̀ вы, Иванъ Прокофьичъ,—заговорилъ онъ шутливо:—за какимъ лакомствомъ сюда пришли?

— Онъ плохихъ книгъ не беретъ,—выговорила, покачавъ головой, Настасья Ильинишна.

— Хочется мнѣ опять „Анну Каренину", только со второй половины.

— Изъ-за чего такое рвеніе?—спросилъ все тѣмъ же тономъ шуточки Меньшовъ.

— Какъ же это ты такъ пытаешь Ивана Прокофьича? Такую вещь не грѣхъ и два раза прочесть.

— Барина того... Левина, значитъ... въ его душевный переломъ еще разъ вдуматься. Вы, Антонъ Егорычъ, напрасно. Вѣдь

онъ, выходитъ, прозрѣлъ. И отъ чего? Отъ того, что мужицкую правду позналъ.

Спиридоновъ говорилъ немного волнуясь; его худыя щеки стали краснѣть, и глаза блеснули.

— Ничего я въ этомъ прозрѣніи путнаго не вижу,—выговорилъ Меньшовъ, оттягивая пренебрежительно нижнюю губу.— Баринъ ты, такъ по-барски и разсуждай! И нечего у мужиковъ искать тамъ откровенія какого-то свыше. Для этого своя смекалка есть, книги хорошія, а не вся эта антимонія.

— Вотъ онъ какъ хлещетъ Льва-то Николаича!—покачалъ головой Спиридоновъ на пріятеля.

— Почему же не имѣть своего сужденія?—все такъ же полушутя спросилъ Меньшовъ и, облокотившись о баррьеръ, поднялъ голову своимъ обычнымъ, вызывающимъ жестомъ.

Наталья Ильинишна полѣзла за книгой. Она боялась, какъ бы ея Антоша не сталъ тутъ слишкомъ громко и рѣзко говорить.

— Вотъ вамъ, Иванъ Прокофьичъ, та часть, въ которой начинается жизнь Левина въ деревнѣ.

— Благодарствуйте. Мѣшать вамъ не будемъ—у васъ ныньче какое нашествіе народовъ.

— Ахъ, я и забыла, Иванъ Прокофьичъ,—сказала, опять низко наклонившись къ нему, Настасья Ильинишна:—вы повышеніе получили.

— Получилъ—это точно.

— Вы это заслужили. Мы за васъ всѣ рады.

Она кивнула имъ обоимъ головой. Спиридоновъ взялъ пріятеля подъ руку и протискался въ ту часть комнаты, гдѣ было совсѣмъ просторно.

Двое рабочихъ, игравшихъ въ шашки на краю стола, только-что встали.

— Не сразиться ли? — спросилъ Иванъ, чувствуя въ присутствіи Меньшова наплывъ возбужденія.

— Нѣтъ... душно здѣсь анаѳемски!

— А то туда перейдемъ, — указалъ Спиридоновъ на слѣдующую комнату, такую же размѣромъ, какъ и читальня.

Меньшовъ поморщился. Онъ не любилъ толкаться между всей этой мастеровщиной. Никакого „стоющаго“ разговора ни съ кѣмъ изъ нихъ не выйдетъ, а говорить про свои дѣла тутъ, на людяхъ, онъ не желалъ.

— Антонъ Егорычъ! — полушопотомъ заговорилъ Спиридоновъ.—Дружище! Двинемъ, что-ли, въ „Казбекъ“?

Онъ отвелъ пріятеля въ уголъ.

— Намъ вдвойнѣ слѣдуетъ спрыснуть. Вѣдь мнѣ Настасья Ильинишна сію минуту сказывала—вы, значитъ, съ мѣстомъ?

— Не важное кушанье—въ сверхкомплектные соизволили принять.

— На первыхъ порахъ и то не плохо. Выходитъ, вы нужны имъ.

Самолюбіе Меньшова задѣвало то, что его воспитательница усиленно просила за него, нѣсколько мѣсяцевъ кряду: это ему было извѣстно.

Онъ повелъ губами и ничего не отвѣтилъ.

— Такъ, значитъ, идемъ? Теперь въ самый разъ холодненькаго пивка. Ныньче я еще вольный казакъ; а завтра, съ ранней зоренькой, какъ только прогудитъ свистокъ—вступай, Иванъ Прокофьичъ, въ новую обязанность.

„Хожалаго"?—хотѣлъ подсказать Меньшовъ, но удержался.

— Больно ужъ я доволенъ, что васъ-то сюда мы теперь заполучимъ!

И, взявъ Меньшова за плечи, Иванъ повелъ его черезъ читальню.

VIII.

Сиплый оргàнъ гудѣлъ въ самой большой комнатѣ трактира „Казбекъ"—въ Преображенской слободѣ, сейчасъ за воротами, куда пошли пріятели.

Въ этой да въ другой слободѣ, позади главнаго зданія, по прозванію „Лихобòрка",—повторяли тѣ, кто на фабрикѣ любитъ говорить нравоучительно:—„сидитъ вся порча и весь соблазнъ". И тамъ, и здѣсь, на каждые три дома приходится шинокъ, или трактиръ, или питейная лавочка, или „депò вина". Буйнѣе и разгульнѣе считали „Лихоборку". Преображенская вела къ парадным воротамъ мануфактуры, и въ ней не такъ-то удобно, въ поздніе часы, „чертить" и „кулабродить"—такъ это слово произносили на фабрикѣ. Тутъ дежурилъ полицейскій—слобода входила въ черту города.

Домà пестрѣли вывѣсками питейныхъ заведеній, хорошо отстроенные, многіе обшиты тесомъ, съ яркой окраской ставней, крышъ и крышечекъ. Поближе къ фабричнымъ воротамъ жарились на солнцѣ нѣсколько досчатыхъ балаганчиковъ съ пряниками, рыбой воблой, сѣмечками и моченой грушей.

Въ „Казбекѣ" народу было немного. Шли послѣдніе дни до „дàчки", т.-е. до получки заработаннаго за мѣсяцъ или за двѣ

недѣли. Трактирщикъ и кабатчики позабрали уже двѣ трети того, чтò ихъ постояннымъ посѣтителямъ должно очиститься, когда имъ выдадутъ остатокъ изъ задѣльной платы—все это въ видѣ чая и сахара—изъ фабричной лавки. За четвертку чаю такой посѣтитель получалъ „бутылочку“ водки и чего-нибудь закусить. И въ „Казбекѣ“, и въ другихъ заведеніяхъ, накапливались горы такихъ четвертушекъ чаю, и хозяева спускали его дешевле, чѣмъ въ лавкахъ, наживаясь и на этомъ—не менѣе, чѣмъ на водкѣ.

Пріятели сидѣли во второй угловой комнатѣ, у окна.

Они доканчивали третью бутылку пива. Щеки Ивана разгорѣлись. Онъ, за стойкой, пропустилъ хорошую рюмку и закусилъ крутымъ яйцомъ. Меньшовъ отъ водки отказался.

На вино Иванъ былъ слабъ. Бутылка пива на большую рюмку очищенной уже забродила въ его головѣ. Но онъ не дѣлался задорнѣе отъ того, что слегка выпилъ. Напротивъ, ему хотѣлось какъ можно сердечнѣе вести свою бесѣду съ Меньшовымъ.

Тотъ все морщился отъ звуковъ сквернаго оргàна и вспоминалъ, какая машина играетъ въ Москвѣ, въ гостинницѣ „Россія“, куда онъ ходилъ пить чай, и гдѣ слышалъ вальсъ изъ „Евгенія Онѣгина“ Чайковскаго.

Ивана стало щемить то, что Меньшовъ ни однимъ словомъ не касался его повышенія.

И онъ весь встрепенулся, когда тотъ отхлебнулъ изъ стакана и, закуривъ папиросу, спросилъ его съ улыбочкой:

— Значитъ, съ завтрашняго дня вы вступаете въ новую должность?

— Обязательно!

— А какая у васъ, на этотъ конецъ, выработана программа, такъ сказать? — выговорилъ Меньшовъ, не то шутя, не то серьезно.

— Программа! Вонъ вы какъ, дружище! Словами пугаете! По просту сказать, какъ, молъ, я предполагаю вести себя съ народомъ?

— Ну, да.

— По совѣсти. Вотъ какъ. Первое дѣло: безъ всякаго кумовства, угощеній не принимать, а тѣмъ паче посуловъ. И на счетъ женскаго пола такимъ же манеромъ.

— Въ добродѣтели, стало, упражняться?

— Да вы полноте,—Иванъ протянулъ ладонь къ плечу пріятеля:—не ехидствуйте, Антонъ Егорычъ. Я къ вамъ всѣмъ моимъ

естествомъ... Нѣшто я не такъ говорю? Но чтобъ и народъ смотрѣлъ на меня съ оглядкой и чувствовалъ, что я не зря въ подмастерья попалъ... И чтобы каждый это чувствовалъ. Потому, надо, первымъ дѣломъ, честно работать. Книжка у тебя разсчетная есть—ты, значитъ, договоръ заключилъ съ хозяиномъ. Ну, и выполняй! Какъ бы тебѣ, по твоему подневольному положенію, ни было тяжело, ты все-таки оправдай къ себѣ довѣріе, хозяйское дѣло не порть, не отлынивай, не прогуливай изъ-за одного озорства! Такъ-то!

Спиридоновъ даже ударилъ кулакомъ по столу.

Глаза Меньшова все съ той же усмѣшкой глядѣли на него.

— И дальше вы не идете въ своихъ планахъ?—выговорилъ онъ и пустилъ въ бокъ дымъ папиросы, жмурясь на одинъ глазъ.

— Въ какихъ же это смыслахъ, Антонъ Егорычъ?

— Могли бы пріобрѣсти вліяніе... держать въ своихъ рукахъ не одну сотню ткачей...

Въ такомъ родѣ Меньшовъ и прежде говаривалъ, но больше вскользь. Ивану сейчасъ вспомнилось предостереженіе учительницы.

„Неужели онъ поступилъ сюда, чтобы мутить всѣхъ"?—невольно подумалъ онъ.

И точно не сразу понявъ, куда клонитъ его пріятель, Спиридоновъ началъ говорить все такъ же горячо:

— Держать-то въ рукахъ слѣдуетъ за совѣсть, а не за страхъ! И производить внушенія, своимъ порядкомъ. Да вотъ, первымъ дѣломъ, общество слѣдовало бы составить, въ родѣ самопомощи, малой платой, помѣсячно. И чтобы на случай всякой безотлагательной нужды—ссуды выдавать... А главное,—все оживляясь, продолжалъ Иванъ:—дѣйствовать противъ излишней выпивки.

Меньшовъ взглянулъ на него вопросительно.

— Что жъ! Антонъ Егорычъ! Нѣшто я пьющій человѣкъ? Не обижайте меня. Пьяницей я никогда не былъ. А ежели случается въ компаніи выпить, на это есть предѣлъ. Не стану объ этомъ долго растабарывать. И не во мнѣ тутъ суть! А слѣдуетъ теперь, когда нашъ братъ сталъ книжки читать—и въ порядочномъ количествѣ—обязательно совсѣмъ иначе жить, чтобы мы другъ за дружку держались. И собираться надо... вечера вмѣстѣ проводить. Молодежь пускай танцуетъ. Чтенія чтобы происходили. Сергѣй Сергѣичъ объ этомъ обѣщался похлопотать. Изъ округа разрѣшеніе только получить. А чтенія всего легче устроить—и учительницы, и изъ служащихъ, кто хорошо читать умѣетъ. А

чтобъ привлеченіе было и для женскаго пола—танцы. Управляющій и театръ желалъ бы имѣть изъ нашей братіи. Онъ и со мной толковалъ, и кое съ кѣмъ изъ нашихъ хорошо грамотныхъ ребятъ... И пущай комедь ломаютъ! Все это будетъ прямо противъ этихъ вотъ кровопивцевъ.

И онъ веселымъ жестомъ головы показалъ на дверь въ первую комнату трактира со стойкой.

— А также и это, Антонъ Егорычъ, другъ сердечный,— Спиридоновъ придвинулся и положилъ всю руку на спинку стула, гдѣ сидѣлъ Меньшовъ:—больно ужъ плохо приходится нашему брату оттого, что мы отклика себѣ не имѣемъ въ нашихъ, съ позволенія сказать, подругахъ, — выговорилъ онъ съ замѣтной горечью.

Попадая на свой излюбленный предметъ, Спиридоновъ весь разгорѣлся и сталъ говорить еще задушевнѣе и звукомъ потише.

— Какое намъ, по этой части, сладкое житье—вамъ, дружище, достаточно извѣстно. Опять тоже не о себѣ одномъ я кручинюсь. Значитъ, крестъ свой неси! А я про молодыхъ парней, про теперешнихъ, которымъ восемнадцать, много двадцать лѣтъ. Да какое! Мальчуганъ иной изъ вызывальщиковъ... Въ немъ росту всего аршинъ съ небольшимъ, а онъ сколько хорошихъ книжекъ прочелъ... Ужъ вы не обижайтесь, а я такъ полагаю, что вы въ его годы и заглавій-то такихъ не знали, какія онъ книжки доподлинно прочелъ. Да вотъ хоть бы къ примѣру .. На какомъ году вы прочли „Одинъ въ полѣ не воинъ“ господина Шпильгагена—и припомните—по моей рекомендаціи, потому я васъ постарше былъ лѣтъ на семь? Вамъ двадцать-два годка было, по малости. А онъ ужъ въ пятнадцать лѣтъ самаго этого *Лео*—Спиридоновъ выговаривалъ: „Леȯ“—прекрасно знаетъ и можетъ намъ, коли мы ему экзаменъ произведемъ, разсказать: что̀ съ кѣмъ изъ этихъ нѣмцевъ и нѣмокъ сталось, и какіе они между собою разговоры вели. Ась?

Онъ откинулся на спинку и выпилъ цѣлые полстакана.

— Ну, такъ что̀ жъ изъ этого?—спросилъ Меньшовъ, немного какъ бы задушевнѣе.

— Какъ что̀? Къ чему же я веду рѣчь свою? Извольте вникнуть, сударь, — выговорилъ Иванъ съ юморомъ.—Къ тому, милостивый государь, что такому вызывальщику, когда его потянетъ къ женскому полу, нужна и подруга подходящая. Въ мои молодые годы ея и совсѣмъ еще не было. Теперь она и могла бы объявиться, да надо для этого перво-на̀-перво постоянное общеніе. А то иная банбросница или опять моталка, которая получше

училась и могла бы, плечо въ плечо, съ нимъ идти, изъ нея умственность-то больно скоро вывѣтривается; читать путнаго не читаетъ, а одно франтовство да разный бабій вздоръ. Будутъ сходиться парни и барышни наши, какъ подобаетъ—тогда совсѣмъ другая музыка начнется. И не станетъ больше нашъ братъ, вкусившій отъ книжекъ, изнывать отъ своего одиночества. Такъ-то-съ!

Меньшовъ оглядѣлся по сторонамъ. У другого окна, черезъ столъ, сидѣли двое за чаемъ. Въ углу, около органа, одинъ медленно и мрачно допивалъ цѣлую сороковушку—молодой малый, въ закопченой блузѣ, съ испачканнымъ лицомъ, по всѣмъ признакамъ слесарь или кузнецъ.

— Все это не то!—вырвалось у него и онъ повелъ плечами.

— Почему же?—немного обидясь, откликнулся Иванъ.

— Общество трезвости! Чтенія съ туманными картинами! Танцы! Театръ! Знаете, Иванъ Прокофьичъ, какъ я все это называю?

— Какъ?

— Затычки!

— Ха, ха!..

Въ смѣхѣ Ивана слышалось, что въ головѣ его слегка зашумѣло...

— Затычки!—повторилъ Меньшовъ, довольный этимъ словомъ.—Какъ нынче газетчики выражаются—диверсія! Отводъ глазъ или предохранительный клапанъ!

— Почему же такъ? Не понимаю, друже, вотъ эта кость у меня крѣпка!—показалъ Иванъ на свой выпуклый лобъ и тихо разсмѣялся.

— Не мудрено понять,—строже выговорилъ Меньшовъ.— Все это конфетки, чтобы добропорядочность завести между нашимъ людомъ, совсѣмъ ручнымъ его сдѣлать. И чтобъ онъ восчувствовалъ, какъ о немъ заботятся. Нѣтъ, милѣйшій мой Иванъ Прокофьичъ, за моремъ не такъ разсуждаютъ...

— Вы думаете, я васъ подбивать желаю?—заговорилъ Меньшовъ, переходя къ насмѣшливому тону.—Мнѣ что̀! Моя хата съ краю!

Опять вспомнились Ивану горячія слова Надежды Николаевны:

„Никого онъ не любитъ! И рабочаго не любитъ“!

Выходило какъ будто по ея.

Въ головѣ его посильнѣе зашумѣло. Ему стало, въ эту минуту, обидно за своего пріятеля. У него такая къ нему „при-

вязка"; а все-таки есть между ними что-то; „заслонка" какая-то. И впервые его защемило и то, что они до сихъ поръ на „вы". Точно онъ, Меньшовъ, баринъ какой, говорящій ему, простецу, „вы"—изъ вѣжливости.

— Голубчикъ, Антонъ Егорычъ, не выпить ли намъ наливочки? Здѣсь есть вишневая... А?

— Нѣтъ, не хочется. Потомъ голова будетъ болѣть.

— Ну, еще пивка? Мнѣ дáвно желательно, дружище, пріятельство наше закрѣпить, значитъ. Какъ это по нѣмѣцкому называется?

— „Брудершафтъ", что-ли, выпить?—не очень чтобы радостно выговорилъ Меньшовъ.

Но онъ не хотѣлъ задѣвать Ивана, зная, что тотъ можетъ и вспылить. И теперь, когда онъ немного начинаетъ хмелѣть, выйдетъ, пожалуй, что-нибудь „некрасивое". А онъ этого всего пуще избѣгалъ.

— Не побрезгайте... господинъ художникъ.

Они выпили на „ты". Иванъ полѣзъ цѣловаться, чтò Меньшову не особенно понравилось.

— Ахъ, голубчикъ!—Иванъ глядѣлъ на пріятеля возбужденными глазами.—Положимъ, у меня кость крѣпка, вотъ на этомъ мѣстѣ,—онъ провелъ рукой по лбу,—а небось ты со мною давно въ разговоры вступать началъ. И мы книжки однѣ и тѣ же съ тобой почитывали. Хоть бы того же господина Шпильгагена, и ежели...

— Только, братецъ ты мой,—перебилъ его Меньшовъ:—мы и тогда съ тобой многое не одинаково понимали. Читать еще—не все! Вопросъ въ томъ—*какъ* читать? Тебѣ кто тогда особенно нравился? Изъ двухъ-то двоюродныхъ братьевъ ты все одобрялъ того, какъ бишь его?..

— Вальтера,—выговорилъ очень твердо Спиридоновъ.

— Ну, да, Вальтера. А онъ кто такой? Такъ, учителекъ въ гимназіи, романчики пописывать сталъ, середка на половинкѣ и разсужденія-то его тоже самыя буржуйныя!..

— Позволь,—остановилъ его, въ свою очередь, Спиридоновъ, и выпрямился.—Я тебѣ его въ обиду не дамъ. Извини! Память у меня куда потуже твоей, однако я и по сіе время еще ничего не забылъ. На чемъ онъ утвердился? „Всѣ мы-де до тѣхъ поръ и стòимъ чего-нибудь, пока мы сообща дѣйствуемъ. Міромъ-де мы держимся, согласомъ": такъ аль нѣтъ? Поэтому такое и заглавіе всей книгѣ дано: „Одинъ въ полѣ не воинъ". Русская пословица взята—самая коренная. А чтò она обозначаетъ?

Какъ разъ вотъ это: крѣпкò то, чтò ты не особнякомъ, а сообща дѣлаешь, ежели ты не фордыбачишь и не возносишься, ежели ты, какъ добрый служивый, простой рядовой, идешь въ ногу съ другими—въ строю! Вотъ чтò, братъ! Дорогого стоитъ такое правило. И изо всѣхъ насъ ничего путнаго не будетъ, коли мы начнемъ одного себя возвышать, отобьемся отъ міра, забудемъ и про то, что мы на землѣ сидимъ!..

Иванъ попадалъ и на другой свой конекъ. Онъ тутъ же перешелъ къ вопросу о домикѣ въ новой слободкѣ и еще горячѣе и пространнѣе, чѣмъ у Надежды Николаевны, началъ доказывать, какъ слѣдуетъ тому, кто „крѣпокъ землѣ", воздерживаться отъ такого соблазна.

— Нèшто изъ такихъ дворниковъ, Антонъ Егорычъ, не выйдетъ самыхъ закорузлыхъ буржуевъ?

И онъ искалъ глазами одобренія пріятеля.

— Уже насчетъ чего, а насчетъ этого надѣюсь получить одобреніе вашей милости.

Меньшовъ все время молчалъ; но слушалъ Ивана внимательнѣе и даже наклонилъ голову въ его сторону.

— Дворники изъ нихъ дѣйствительно выйдутъ, но полно, плохо ли это будетъ, любезный другъ?

Такого вопроса Иванъ рѣшительно не ожидалъ.

— Чтò ты! Чтò ты! Голубчикъ! Неужели и по-твоему не выходитъ, что надо нашему брату всячески сторониться отъ барышей—по ученому, отъ ренты. Какъ же тебѣ, Антону Меньшову, возможно противъ этого возражать?

— Вотъ видишь—возражаю, — выговорилъ Меньшовъ медленно и съ полузакрытыми глазами.

И, облокотившись о столъ, лицомъ къ окну, онъ сталъ говорить, не торопясь, точно взвѣшивая слова.

Иванъ жадно слушалъ его.

— Ты, братъ, все еще деревню твою обсахариваешь. Я, молъ, и фабричнымъ буду, и мужика изъ себя желаю изобразить, міру радѣть, землицу свою, коровушку жалѣть. Ха, ха! Все это, милый другъ, надо бросить. По-моему, коли людей потянуло на фабрику—эта тяга и должна его привести къ чему-нибудь почище твоей паршивой деревни. Ты чтò на меня глаза таращишь, Иванъ Прокофьичъ? Я вѣдь тоже крестьянинъ, и никакого въ этомъ благополучія нѣтъ! Совсѣмъ напротивъ! Ежели меня деревня держитъ, такъ для того единственно, чтобы изъ меня сокъ выжимать, чтобы я на нее работалъ, въ крѣпости у ней находился.

— Ты—не въ счетъ!

— И ты въ такой же крѣпости у твоего міра. Откупаешься деньгами да водкой—больше ничѣмъ... И ничего-то твоя деревня, сама по себѣ, не можетъ выдумать, начать, по-человѣчески начать, мозгами тряхнуть и найти средства и способы вылѣзти изъ нищенства. Ну, хоть ляховцы твои... чѣмъ они прежде держались? Землей, что-ли? Извозомъ да бурлачествомъ. А настроили здѣсь фабрикъ—потянуло васъ сюда и вы жить стали.

— Это точно!

— И никакого подспорья вамъ деревня не даетъ, а только тянетъ изъ васъ не меньше, чѣмъ кабакъ. Ты это не хуже меня знаешь.

Ивану стала выясняться мысль пріятеля. Послѣднихъ доводовъ онъ не могъ не принять; но съ тѣмъ, куда Меньшовъ метитъ—онъ это уже сталъ чуять—онъ ни въ жизнь не согласится.

— Стало, по-твоему, въ буржуи превращаться?—со сдержаннымъ пыломъ возразилъ онъ и тряхнулъ головой.

Въ головѣ его пары выпитой водки и пива стали проясняться—такъ возбуждали его слова Меньшова.

— И превращаться! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

— Ты это въ сурьёзъ?—тихо и даже съ дрожью въ голосѣ спросилъ Иванъ.

— А то какъ же?

— Нѣтъ, друже, ты шутишь. Или тебя кто ровно подмѣнилъ въ Москвѣ. И это матерія такой важности, что я тебя просительно попрошу обширнѣе все это изложить. А такъ нельзя!

Онъ всталъ и взмахнулъ руками. Поднялся и Меньшовъ.

— Изволь. Только не теперь. Мнѣ еще надо въ городъ поспѣть къ десяти. Смотри, ночь на дворѣ!..

Улица была уже полутемная. Зажигали керосиновые фонари; изъ-за воротъ мануфактуры полились первые лучи электрическихъ шаровъ.

— Да и не мѣсто здѣсь.

Около стойки начала бурлить компанія подгулявшихъ. Раздавались пьяные возгласы.

— Задача! — выговорилъ точно ошеломленный Иванъ.—За тобой разъясненіе. Коли такъ: айда! Вотъ только расплачусь!

Онъ пошелъ къ буфету. Меньшовъ закурилъ новую папиросу. Отъ сосѣдства пьяной мастеровщины ему сдѣлалось противно.

IX.

Стихало на дворѣ мануфактуры. Только пятиэтажное зданіе, залитое свѣтомъ внутри, издавало непрерывный шумъ, похожій на прибой морской волны—издали мягкій, на разстояніи нѣсколькихъ саженей—съ примѣсью особаго треска, гдѣ металлическіе звуки преобладали.

Спиридоновъ, простившись съ Меньшовымъ у воротъ съ золотымъ двуглавымъ орломъ,—когда вошелъ въ свѣтъ электрическихъ фонарей—замедлилъ шагъ и даже остановился на углу, около каменнаго крыльца главной конторы.

Щеки его еще горѣли; но въ головѣ не было уже никакихъ паровъ. Его слишкомъ возбудило то, что̀ онъ выслушалъ отъ Меньшова.

Такъ онъ не отстанетъ отъ пріятеля! Нѣтъ, тотъ отъ него не отвертится—шалишь! И столько нашлось бы у него, и теперь, вотъ сію секунду, самыхъ крѣпкихъ резоновъ, доказывающихъ, что тотъ ни подъ какимъ видомъ не правъ. И все-таки жуткія слова Меньшова сливались какъ-то въ одно вотъ съ этой махиной въ нѣсколько сотъ оконъ, горящихъ точно растопленныя печки, и съ этими электрическими шарами, на высокихъ столбахъ, съ ихъ ровнымъ, голубоватымъ свѣтомъ, по всей передней половинѣ фабричной усадьбы.

„Да, *тяга*! — повторялъ онъ, тихо двигаясь по троттуару, слово Меньшова, запавшее ему въ душу:—*тяга*! крѣпкая тяга, и деревнѣ противъ нея не выстоять“!

Почему-то прежде, и еще недавно, когда онъ на выставкѣ работалъ въ машинномъ отдѣленіи, передъ нимъ не выставлялось, какъ въ эту минуту, могущество вотъ такой „махинищи“, вотъ этой громадины, съ ея свѣтящимися, точно печи, окнами и пеленой мягкаго, изрѣдка мигающаго, свѣта фонарей—тамъ, въ воздухѣ, выше деревьевъ садика.

Только пройдя перекрестокъ, гдѣ съ нимъ встрѣтился и молча поклонился ему одинъ изъ ночныхъ хожалыхъ, съ палочкой, въ бѣломъ картузѣ, онъ вспомнилъ, что идетъ домой, спать, въ казарму № 113.

И тотчасъ охватило его тяжкое и недоброе чувство обиды за себя: что у него такая „поскудная“ семейная жизнь.

Вотъ войдетъ онъ, черезъ три минуты, въ коридоръ казармы и нащупаетъ дверь въ свою каморку. Тамъ всѣ уже спятъ. Если присучальщикъ, Семенъ Прохоровъ, мужъ Степа-

ниды, въ эту недѣлю не ходитъ въ ночную работу, то и онъ спитъ со своей бабой. И надо будетъ ложиться около постылой Маров. Можетъ, она еще не угомонилась. Бываетъ, что она круглыя сутки „кулабродитъ". И ночью ее по нѣскольку разъ схватываетъ. Тогда ребятишки Степаниды проснутся, грудной заоретъ, мать ихъ станетъ жаловаться. И опять—„битва".

Спертымъ и жаркимъ воздухомъ пахнуло ему въ лицо, когда онъ отворилъ дверь въ каморку. Степанида лежала одна. Ребятишки—въ углу, на лавкѣ. Люлька тихо колебалась. Обѣ кровати стояли совсѣмъ въ темнотѣ. Дыханіе Машутки, спавшей на сундукѣ—чуть слышное и быстрое—перебивало всхрапыванье Степаниды. Спала ли Мароа — трудно было распознать.

Тихо раздѣлся онъ, хотя у него опять закипѣло на душѣ. Не съ женой онъ деликатничалъ, а совѣстно было бы разбудить Машутку или Өедоровну.

Свѣчи онъ не зажигалъ. Изъ окна проникала полумгла двора, съ отдаленнымъ отсвѣтомъ электрическихъ фонарей.

Старательно повѣсилъ онъ свое платье на крючокъ и, ступая босыми ногами по засвѣжѣвшему асфальтовому полу, прилегъ, съ своего края, на кровать.

Мароа вся раскидалась и лѣвую руку закинула на подушку. Она спала навзничь, съ открытымъ ртомъ, всхрапывала и—это съ ней часто водилось — бормотала во снѣ.

Какъ всегда неопрятная, она куталась и ночью. Сверхъ заношенной рубашки навертѣла она на себя какія-то дурно пахнувшія тряпки. Отъ нечистоплотности не удалось ему въ тринадцать слишкомъ лѣтъ отъучить ее. А платья у нея есть, но она ихъ только копитъ — и держитъ въ сундукѣ.

Сильное дыханіе Өедоровны раздавалось отъ другой стѣны, и глаза Ивана могли уже свободно различать ея голову и круглое плечо, съ котораго спустилась рубаха. Отъ духоты она сбросила съ себя ситцевое одѣяло, и даже ея бѣлыя и крѣпкія ноги отдѣлялись отъ цвѣта одѣяла.

И онъ легъ навзничь. Повернуться, какъ онъ любилъ, на бокъ—не ловко было, а растолкать жену онъ не хотѣлъ. Пускай спитъ... Онъ мысленно прибавилъ: „хоть на вѣки вѣчные не просыпается"!

Этотъ внутренній возгласъ застылъ у него въ горлѣ. Онъ даже покраснѣлъ:—Чтò-жъ это такое? Ужли же, въ самомъ дѣлѣ, онъ дошелъ до такого „скареднаго" чувства къ своей женѣ? Вѣдь какъ-ни-какъ она мать его Машутки, и опять сбирается быть матерью. Дѣти-то вѣдь ничѣмъ не виноваты, что она „трò-

нутая". И хуже есть, и много хуже. Въ двадцать слишкомъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ жить въ казармахъ, чего онъ не насмотрѣлся?! Да и теперь водится, и не десятокъ, а добрая сотня, поскудныхъ бабёнокъ... Пьяницы, воровки, распутныя, готовы за двугривенный продавать себя, драчуньи, не такія, кака Мароа. Не то что дѣтей колотятъ до полусмерти, родныхъ матерей бьютъ, съ другими, такими же пьяными и распутными, дерутся, что твои разъяренные звѣри.

И ему представилось одно изъ такихъ побоищъ. Не такъ давно это было. Машуткѣ пошелъ уже шестой годъ. Они жили въ старой деревянной казармѣ. Случилось это лютой зимой. Въ корридорѣ стоялъ холодъ. И вонь всегда ходила ходуномъ отъ всякихъ кадушекъ и ушатовъ.

Поздно — часу въ двѣнадцатомъ — раздались дикіе крики около ихъ двери. Всѣ вскочили въ ближнихъ каморкахъ и выбѣжали. Ночники горѣли и чадили.

Двѣ работницы—обѣ пьяныя—вцѣпились въ волосы, потомъ начали рвать другъ на другѣ рубахи, съ воемъ и ругательствами, ободрались такъ, что совсѣмъ нагишомъ были, и все разъярялись; стали царапаться въ кровь, повалились на полъ и душили одна другую за горло, съ хрипомъ и ревомъ.

Вотъ какія бываютъ „подруги жизни".

То, что̀ ему теперь вспомнилось — немножко, какъ будто, смягчило его горькое и злобное чувство. Но лежать ему было неудобно.

И ему стало особенно обидно за то, что онъ по сіе время долженъ терпѣть отъ такого „пакостнаго" житья въ общей каморкѣ, съ чужими людьми. Ка̀къ онъ могъ выносить это больше десяти лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался примѣрнымъ ткачомъ и сталъ хорошо заработывать? Ну, не давали одиночной каморки, взялъ бы комнату, въ слободкѣ. Вѣдь три, хоть и четыре рубля за постой—не разорили бы его. Онъ и собирался, и не одинъ разъ. Опять Мароа! Она, съ своей скаредностью, отговаривала, хныкала, пугала расходами.

Никогда еще онъ такъ физически не страдалъ отъ такого „свальнаго" сожительства съ чужими. Точь-въ-точь, на каторгѣ, въ острогѣ. Всѣ тѣ мѣста „Записокъ изъ Мертваго Дома" припомнились ему сразу, гдѣ авторъ ихъ говоритъ про ужасъ безъисходной жизни на людяхъ. Вѣдь также и фабричный! до могильной ямы—что̀ твой каторжный душегубъ—лишенъ высшаго блага—быть совсѣмъ одному, у себя, въ своемъ хотя бы чуланчикѣ.

„А въ избѣ нѣшто лучше“?—вдругъ остановилъ онъ себя,—и лицо Антона Егорыча всплыло въ его мозгу—худое, съ блестящими глазами и насмѣшливой губой.

„Почему-нибудь да имѣетъ же Меньшовъ такое отвращеніе къ деревнѣ?—спрашивалъ онъ себя.—Ну, какъ въ каморкѣ ни скверно вести вотъ такое „свальное“ житье, а въ избѣ, хоть и со своими, развѣ не тошнѣе“?

Сколько душъ ихъ значилось, когда онъ мальчикомъ, лѣтъ до девяти, жилъ еще въ Ляховѣ! Изба не теперешняя стояла, а еще старая, всего съ двумя оконцами. Отецъ каждую субботу приходилъ съ фабрики. Мать оставалась дома. Ихъ у нея было четверо. Жила еще бабушка, полуслѣпая. Дядьевъ было двое—теперь остался одинъ въ живыхъ. Двѣ снохи, у второй тоже ребятишки. Ночью—и зимой, и лѣтомъ — духота и вонь нестерпимая. Спали какъ ни попало. И все творилось при дѣтяхъ—безъ всякаго зазрѣнія. Отецъ запивалъ по цѣлымъ недѣлямъ, и на фабрикѣ, пьяный и буйный приходилъ домой, по ночамъ приставалъ къ матери, билъ ее, воевалъ такъ, что много разъ его вязали возжами. И такъ—годами, десятками лѣтъ!..

Вотъ онъ давно думаетъ строить себѣ избу — противъ старой. Ежели Мароа родитъ еще не одного ребенка, и Машутку не скоро возьмутъ замужъ — онъ ихъ всѣхъ водворитъ въ деревнѣ; и въ такой избѣ будетъ немножко попросторнѣе; а все-таки тѣсно, безъ всякихъ постелей, тѣ же полати, да лавки, низкій потолокъ, тараканы, клопы, всякая нѣчисть.

И ему вдругъ представилась вся курьезная фигура фабричнаго „морйлы“ — особаго служащаго, изъ отставныхъ фельдшеровъ, получающаго двадцать-пять рублей за то, что истребляетъ таракановъ, клоповъ, крысъ—по казармамъ и всякимъ помѣщеніямъ. Какъ только тараканы одолѣваютъ — сходи въ контору, попроси и пришлютъ „морилу“!

И одно ли это? Печи для кушанья въ другомъ мѣстѣ, нѣтъ ни жары, ни дыма, ни духу отъ стряпни, вода проведена, кубъ для кипятка, папушникъ, баранки—въ хозяйской пекарнѣ дешевле и лучше, чѣмъ въ городѣ. Слегъ — въ больницѣ лежи, „какъ прынцъ“. Ходи въ „амбулаторію“ хоть каждый день. И лекарства тебѣ даровыя, родильный домъ, пріютъ, ясли.

А книжки? А читальныя залы? Чѣмъ это замѣнить? Въ Ляховѣ, ни зимой, ни лѣтомъ — некуда пойти для души своей хоть какую-нибудь пищу получить.

Опять ему заслышался ѣдкій голосъ Меньшова: все это, видишь ли, конфетки, все это... одна...

Иванъ не сразу вспомнилъ литературное слово. Но схватилъ-таки его, и шопотомъ выговорилъ: „диверсія“.

„Значитъ—отводъ глазъ“...

И вспомнилось ему, какъ не такъ давно, ужъ не Меньшовъ, и не свой братъ ткачъ, а мелкій конторщикъ одинъ, прогнанный потомъ за какую-то провинность, дѣлалъ ему—въ трактирѣ—подъ хмелькомъ—„раскладку“, со счетами въ рукахъ, сколько на аршинѣ миткаля—коли положить ему среднюю цѣну въ шесть копѣекъ—придется на мастеровыхъ и на всю работу, и сколько получатъ хозяева „ни за что“!—говорилъ озлобленный конторщикъ. Приходилось чуть не по двѣ копѣйки на аршинъ. А сколько кусковъ выброситъ фабрика каждый день? Больше двухъ тысячъ. Цифра поднялась не на одну сотню тысячъ. И только на простомъ миткалѣ! Знай этотъ разсчетъ Антонъ Егорычъ—что̀ бы онъ заговорилъ?

Сонъ точно совсѣмъ отлетѣлъ. Лежалъ Иванъ съ открытыми глазами и голова его продолжала усиленно работать. Пошли, послѣ цифръ, мелькать передъ нимъ безконечныя вереницы ткацкихъ и прядильныхъ колесъ, приводовъ, блоковъ, ремней. И вдругъ, совершенно неожиданно, всплылъ вопросъ: дѣйствительно ли онъ достоинъ званія подмастерья? Ежели предположить, что его поставятъ сразу не въ ткацкое, а въ прядильное отдѣленіе—все ли у него свѣжо въ памяти, какъ должно быть „на экзаментѣ“ въ какомъ-нибудь заведеніи, вотъ хоть бы въ томъ, откуда выпускаютъ ученыхъ техниковъ? Передъ тѣмъ какъ ѣхать на выставку, онъ у Степана Васильевича бралъ цѣлыхъ двѣ книжки—одна совсѣмъ русская, другая—переводъ съ аглицкаго. И провѣрялъ по нимъ все то, что̀ двадцать слишкомъ лѣтъ всаживали ему „въ башку“.

Въ его воображеніи стали проходить всѣ ступени обработки хлопка. Слова вылетали изъ головы, точно ихъ выбрасывала какая машина: угàръ, волчòкъ, мю̀ли, рингъ-вàтеръ, трепальни Крейтона, кàрды, прочёсъ, валья̀ны, шляпка, станѝна, вытяжка, рòвница, банкабрòша, подшинники, рейки, ватерà, сельфъ àкторы... Милліоны „початковъ“ вертѣлись передъ нимъ; „каретки“ ходили взадъ и впередъ, пряжа текла непрерывной волной. Прядильный отдѣлъ весь прошелъ передъ нимъ. Онъ даже вспомнилъ аглицкую фирму: „Говардъ и Булло“.

Такимъ же манеромъ и ткацкій отдѣлъ. Тутъ память заработала еще бойчѣе и отчетливѣе.

И опять термины ложились, точно рядами, въ его головѣ, не поддававшейся сну... Зачѝнокъ, снòвка, размòтка на мотовѝ-

лахъ, шлѝхта, и изъ чего она составляется, навой, прису́чка, ремѝзки, жомхѝ. И всѣ части станка: шкѝвы, валы́, повозки, фля́нсы, ло̀пасти, батана̀, груднѝцы, бёрда. И что̀ такое „рѣ́дочь“, и что̀ такое „недосѣ́ки“ съ „пролётами“. Иныя слова — теперь, когда онъ ихъ припоминалъ — почти смѣшили его: „шпарру́тки“, или „го̀нки“, или „погоня́лки“. Иныя звучали особенно хлёстко, почти щекотали ему ухо: „уто̀чная вилка, прокѝдка, подплётины, бля́зны“.

Отъ мозгового напряженія лобъ его сталъ влажнымъ.

Но онъ облегченно вздохнулъ и съ торжествомъ оглянулся. Память не измѣняла ему. Значитъ, онъ хоть не прочь выпить, а никакого въ немъ еще нѣтъ „алькоголизма“, какъ всѣ любятъ повторять въ больницѣ, — и оба доктора, и фельдшеръ, жалуясь на главную причину фабричныхъ заболѣваній и худосочія.

И всѣ сорта станковъ, на какихъ онъ работалъ въ разное время, прошлись передъ нимъ подъ конецъ: миткалевые, брильянтиновые, плисовые, рипсовые...

На „кареткахъ Добби“ онъ сталъ засыпать.

Его разбудилъ ударъ костлявой ноги. Мароа испуганно окликнула его, сейчасъ же перебралась черезъ него привычнымъ движеніемъ и, какъ угорѣлая, бросилась чиркать спички и одѣваться. Гулко доносился паровой „реву́нъ“. Она немного проспала. Ея смѣна начиналась.

Свѣтало.

Иванъ поглядѣлъ на нее, и вся горечь его всплыла разомъ.

„Каждый неси крестъ! Никуда отъ него не уйдешь“! — мысленно выговорилъ онъ и притворился спящимъ.

X.

Жаръ давно спалъ. Еще не звонили ко всенощной. Вольнѣе дышалось. По небу тихо плыли розоватыя облака. Пахло свѣжимъ сѣнокосомъ.

Тотчасъ за оградой большой прядильни, стоявшей по сосѣдству съ мануфактурой, за выселкомъ, шоссейная дорога ведетъ мимо усадьбы съ домомъ, гдѣ живетъ „владыка“.

Въ старой блузѣ и въ опоркахъ, для легкости ходьбы — Иванъ бодро шагалъ, подпираясь палочкой, съ котомкой за плечами, гдѣ у него лежалъ „гостѝнъ“ своимъ деревенскимъ, — московскій гостѝнъ. По пріѣздѣ съ выставки, онъ въ первый разъ шелъ домой, въ субботу, подъ вечеръ, на все воскресенье.

Ему всегда нравилось урочище, гдѣ стоитъ архіерейскій домъ—прудъ, рощица, лужайка, темныя купы липъ и кленовъ въ аллеяхъ сада, позади длиннаго двухъ-этажнаго желтоватаго дома, ничѣмъ не отгороженнаго отъ дороги.

Какую-то каменную стройку начали тутъ недавно. Но спросить было не у кого. Рабочіе пошабашили. У главнаго подъѣзда стояла городская извозчичья пролетка съ верхомъ, и служка балагурилъ, въ дверяхъ, съ извозчикомъ.

И тотчасъ за архіерейской усадьбой начинались поля. Тамъ и запахло сѣномъ. Чуть-чуть долеталъ съ высоты заливистый щебетъ жаворонка. Гдѣ-то заржала лошадь. Идти дѣлалось еще веселѣе.

Каждый разъ Иванъ, во всякую погоду — зимой и лѣтомъ, возвращается домой съ неизмѣннымъ чувствомъ. Онъ привыкъ имъ дорожить, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ему полюбилась „Власть земли". Хорошія книги—часто захватывали его вплотную и владѣли имъ подолгу. Но въ *этой* онъ нашелъ въ занятной и задушевной формѣ то, что̀ всегда казалось ему „правильнымъ".

Ему особенно цѣнно было сознавать въ себѣ вѣрность землѣ. Двадцать слишкомъ лѣтъ фабричной „мастеровщины" не выѣли изъ него крестьянина, не сдѣлали межеумкомъ или прямо отщепенцемъ, разорвавшимъ всякую связь вотъ съ этимъ полемъ, съ избой, гдѣ родился, съ кореннымъ мужицкимъ дѣломъ, какъ бы оно ни было тяжко.

Но чѣмъ онъ старше становится, тѣмъ яснѣе для него выходитъ, что и фабрика не вредитъ деревнѣ. А совсѣмъ напротивъ! По крайней мѣрѣ, вотъ въ такой близости, какъ Ляхово находится отъ мануфактуры, да и для тѣхъ селъ и деревень, что̀ разсыпаны по уѣзду, верстъ на двадцать и больше.

Давно ли ляховцы перебивались съ хлѣба на квасъ? Меньшовъ истинную правду говорилъ третьяго дня. Прежніе заработки насчетъ извоза „гужо̀мъ" и бурлачество окончательно рухнули. Надѣлъ имъ достался „сиротскій"—по десятинѣ три четверти на душу. Съ тѣхъ поръ на тридцать-три двора наросло сколько новыхъ душъ! Не то что нанимать—подати-то справить не изъ чего было. Изъ-за недоимокъ не прекращалась продажа скота и рухляди, безконечная „канитель" повальной мужицкой нужды, прямо сказать: нищенства.

И такъ было до тѣхъ поръ, пока не потребовалось столько народу на фабрики. Ляховцы слишкомъ натерпѣлись—и сразу же ихъ потянуло туда. Въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ въ каждомъ

дворѣ было уже по фабричному: и подростки, и пожилой народъ. Съ той самой поры и жить стали. Въ любомъ исправномъ домѣ лошадь, а гдѣ и двѣ, землицы принанимаютъ, станового-то, изъ-за недоимокъ, годами не видали; полъ-деревни, послѣ пожара, выстроилось за̀ново, вторымъ порядкомъ.

И все это на „заработку“ мужиковъ и бабъ, парней и „барышенъ“—какъ зовутъ своихъ дѣвицъ фабричные.

Коли на вино идетъ одна треть, а то и добрая половина, у пьющихъ—у всѣхъ тѣхъ, кто себя хоть мало-мальски соблюдаетъ, три четверти сбереженій беретъ деревня, домъ, хозяйственныя „потрѐбы“.

Какъ было прежде, двадцать лѣтъ назадъ, когда онъ состоялъ при директорѣ „вызывальщикомъ“, такъ и теперь это ведется. Сто̀итъ только постоять въ директорскомъ кабинетѣ, утромъ, и прислушаться: на что̀ просятъ выдачи впередъ. Разумѣется, есть, которые привираютъ. Такъ тѣмъ много и не выдадутъ. Только и слышишь: „корова пала, крыша обвалилась, полы новые, лошаденку прикупить, задаточекъ за аренду“.

„Кто же кого ѣстъ—фабрика деревню, или же деревня фабрику“?—спрашивалъ Иванъ, раздумывая все о томъ же.—Съ послѣдняго разговора въ трактирѣ „Казбекъ“ онъ и въ первые два дня своей новой должности, нѣтъ-нѣтъ, да мысленно и вернется къ тѣмъ „заковычкамъ“, какія выпалилъ ему Антонъ Егорычъ. Они съ нимъ ни вчера, ни сегодня не видались.

Меньшовъ, пожалуй, на томъ и подцѣпилъ бы его еще разъ.

„Стало, я правъ?—сказалъ бы онъ съ усмѣшкой.—Ты самъ находишь, что фабрикой только и держится твоя паршивая деревня. Да и не одно Ляхово, а цѣлыя округи. Чего же ты съ ней носишься, съ какой стати нюни распускаешь насчетъ вѣрности землѣ и тому подобнаго вздора“?

Что̀ на это отвѣтить?

„А вотъ что̀,—продолжалъ разсуждать Иванъ.—Подспорье великое идетъ отъ фабрики. Но при такомъ подспорьѣ какъ же не держаться земли? Гдѣ же тогда домъ у меня будетъ? Въ казармѣ, въ каморкѣ—безъ роду племени, точно въ арестантской ротѣ колодникъ, или же шатунъ-мастеровой, безъ крова и пристанища? Въ какомъ мѣстѣ заполучилъ рубль—тамъ и родина! Фабрика начала мозги расшевеливать, тысячи народа дѣлать грамотными. Спасибо ей! Но куда же нести это добро? Неужели не домой? Поумнѣетъ деревня, тогда будетъ и изъ скудной и дрянной землишки выколачивать деньгу, и своей грязи и дичи стыдиться“.

И тутъ даже сердце въ немъ ёкнуло отъ горделиваго и радостнаго чувства, когда онъ подумалъ, чѣмъ бы онъ остался въ Ляховѣ, по части умственной, и чѣмъ сталъ. Какой передъ нимъ разстилается кругозоръ, сколько онъ на койкѣ казармы—съ самыхъ молодыхъ годовъ—пережилъ чудесныхъ минутъ! Даже ночи напролетъ—отъ смѣны до смѣны—зачитывался до умиленья, до того, что иной разъ навзрыдъ плакалъ, или такъ у него дѣлалось необыкновенно на душѣ, что онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ и выбѣгалъ на дворъ—хотя бы въ трескучій морозъ—и ходилъ въ сладкомъ волненіи.

Идти было еще версты съ три. Иванъ поднимался на изволокъ. Справа, за рощицей, виднѣлись избы. Это—Никитское, та самая деревня, откуда родомъ бѣлобрысая „банбрòсница", чтò въ то утро, когда онъ шелъ къ директору, дожидалась хозяина. Вотъ вѣдь никитинцы... Долго всѣ „фордыбачили". „Не хотимъ-стà идти въ заводскіе батраки, женъ и дочерей нашихъ въ развратъ пущать, разводить ярыгъ и пропоицъ".

Тогда у нихъ состояла въ арендѣ земля и снята она была по дешевой цѣнѣ, да кое-какой заработокъ шелъ, зимой, по возкѣ дровъ. А какъ подошло имъ „ўзломъ"—небось подались, и половина деревни работаетъ на фабрикѣ".

Брезгаютъ фабричными всего сильнѣе козлихинскіе мужики, туда, подальше, къ петербургскому шоссе. У тѣхъ первый разговоръ, когда встрѣтятъ ткача или прядильщика—чваниться тѣмъ, что-де они—вольный народъ: чтò хотятъ, то и дѣлаютъ.

А чѣмъ они держатся? Въ городѣ по кабакамъ да по банямъ служатъ. Всѣ, отъ перваго до послѣдняго—прощалыги, шильники, съ дѣтскихъ лѣтъ во всякой мерзости. По-городски говоритъ, а самъ невѣжда безграмотный, ни одной молитвы не знаетъ, евангелія никогда и въ рукахъ не держалъ, книжки ни одной путной не прочелъ. И всѣ либо совсѣмъ отъ деревни отбиваются, либо изъ своего брата мужика жилы тянутъ ростовщичествомъ.

Иванъ даже сплюнулъ и завертѣлъ палочкой, усиливая шагъ.

Передъ самымъ спускомъ къ Ляхову идутъ поля землевладѣльца изъ нѣмцевъ. Онъ купилъ имѣніе у разорившихся дворянъ и сталъ пахать на двуконныхъ плугахъ. Отъ него и ляховцы переняли. И первый ихъ, Спиридоновскій, дворъ завелъ плугъ, только одноконный. Теперь въ десяти дворахъ есть уже такіе плужки.

Во все это онъ входилъ съ охотницкимъ чувствомъ. Его съ подростковъ назначили въ фабричные, но онъ, бывая въ деревнѣ

почти каждую недѣлю, а на праздникахъ и подолгу, припускалъ себя ко всякой мужицкой работѣ. Даже въ послѣдніе годы ничего не дѣлалось безъ его совѣта и участія, и онъ еще не помнитъ, чтобы оказался онъ въ чемъ-нибудь ничего несмыслящимъ. Настасья Ильинишна—библіотекарша—частенько давала ему книжки и по „агрономіи“.

Ляхово вынырнуло передъ нимъ на подъемѣ изъ низины, гдѣ обдало его запахомъ зрѣющей ржи.

Въ розоватомъ закатѣ деревня стояла бокомъ, въ два порядка, съ березками вдоль улицы.

Ворота околицы были притворены. И когда Иванъ подходилъ къ нимъ, ему всегда дѣлалось покойнѣе на душѣ. Тутъ только онъ чувствовалъ себя „дома“.

XI.

Сейчасъ же вдоль обоихъ порядковъ пошли исправныя избы, съ крытыми тесомъ кровлями. Попадались ставни, выкрашенныя въ свѣтлую краску, съ разными разводами. По окнамъ замелькали и занавѣски, бѣлыя и красныя. Кое-гдѣ и горшокъ цвѣтовъ.

„Вотъ каковы наши ляховцы“!—весело думалъ Иванъ, постукивая сучковатой палочкой по глинистому грунту улицы.

До той площадки, гдѣ росли два молодые дубка и въ сторонѣ стояли нѣсколько амбарцевъ, никто ему не попадался. И фабричные мужики, и тѣ изъ рабочихъ, кто угодилъ домой раньше, были всѣ въ полѣ, убирали сѣно—у кого есть—или двоили пашню.

У заваленки одного изъ амбарчиковъ собралась цѣлая орава ребятишекъ. Они окружили точильщика и такъ были поглощены этимъ, что никто изъ нихъ и не замѣтилъ „дядю Ивана“. Дѣти его любили. Онъ частенько приносилъ лакомствъ и бросалъ имъ изъ оконъ своей избы жемки и леденцы.

Съ крылечка, по лѣвому порядку, кто-то окликнулъ его:

— Ивану Прокофьичу—почтеніе!

Онъ повернулъ голову. Ему кланялся фабричный Павелъ Пантелеевъ, званіемъ „сушильный смотритель“, мужикъ уже въ лѣтахъ, лысый, широкій въ кости, бородатый. Его загорѣлое, желтоватое лицо улыбалось во весь ротъ и глаза щурились привѣтливо—точно онъ и въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно обрадовался Спиридонову.

Иванъ давно его раскусилъ. За одно онъ только и одобрялъ Павла—за то, что тотъ деревни не бросаетъ, исправный хозяинъ и старшаго своего парня оставилъ дома, въ фабричные не пустилъ. А могъ бы сейчасъ же пристроить его. Не любилъ онъ его за фальшивый нравъ и подхалимство передъ начальствомъ. Только у него и есть на языкѣ, что акаѳисты пѣть хозяевамъ—какъ они благодѣтельствуютъ „гольтепѣ“ и какъ всѣ ляховцы „денно и нощно должны за нихъ угодниковъ молить“.

— Проздравить позвольте!..

Павелъ сошелъ къ нему и протянулъ руку.

Онъ былъ въ одной кумачной рубахѣ, съ открытымъ воротомъ, и въ домашнихъ портахъ о босу ногу,—смотрѣлъ совсѣмъ по деревенски.

— Благодарю покорно,—отвѣтилъ Спиридоновъ суховато.

— Это они правильно. Давно слѣдовало васъ отличить. Потому, Степанъ Васильичъ—дошлый человѣкъ,—сталъ онъ расхваливать директора.—Была фабрика, и будетъ фабрика, а такого намъ не дождаться. Давно слѣдовало,—повторилъ онъ, слащаво усмѣхаясь.—Нужды нѣтъ, что вы, Иванъ Прокофьичъ, еще молодой совсѣмъ человѣкъ. Не большая вѣдь это и сласть подмастерьемъ быть простымъ. Вѣдь это не то, что старшимъ.

Павелъ хотѣлъ немного „посбить форсу“ сосѣду. Онъ самъ былъ смотритель въ сушильномъ отдѣленіи красильни—набивного корпуса. Такихъ смотрителей всего четверо, а подмастерьевъ по ткачеству—цѣлая рота.

— Вы въ комплектные угодили?

— Въ комплектные.

— Сколько же васъ значится? Небось около сотенки?

— Да, никакъ человѣкъ до восьмидесяти...

— Вонъ видите! Котомочку-то плотненькую несете... Поди, все московскіе гостинцы? У васъ есть кому: сколько женскаго-то сословія—и мамынька, и тетенька, и еще двѣ сродственницы. Авдотья-то ваша какая гладкая стала... И франтитъ же! Фу ты—ну ты! Что̀ наши барышни на фабрикѣ—моталки али швеи! Ей-Богу, право!

И что-то такое промелькнуло въ желтоватыхъ глазахъ Павла. На что-то онъ „пакостное“ намекалъ.

Пущай его! Авдотья—жена двоюроднаго брата, Власа, служившаго „бомбардиромъ“ въ артиллеріи вотъ уже второй годъ; бабёнка, правда, франтоватая; но ничего зазорнаго за ней не водилось, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени. Власъ стоялъ,

цѣлую зиму, по близости, въ городѣ, и частенько приходилъ повидаться съ женой. Теперь онъ въ лагеряхъ, подъ Москвой.

— Ну, я васъ задерживать не стану. Самъ-то вотъ баклуши бью. У насъ съ сѣномъ еще вчера убрались. Добраго здоровья, Иванъ Прокофьичъ!

Павелъ еще разъ протянулъ ему свою мозолистую ладонь и посмотрѣлъ ему вслѣдъ, думая что-нибудь ехидное.

Изба Спиридоновыхъ была также съ выкрашенными ставнями, но еще старой стройки, немножко низменна; но въ общемъ весь дворъ смотрѣлъ хозяйственно, глубокій, крытый; мшенникъ, закута для коровы и овецъ. Крылечко выходило прямо на улицу, въ углубленіи.

Противъ него—черезъ улицу—у нихъ лежалъ пустой порядочный кусокъ землицы. Тамъ прежде стояла баня. А теперь разбито было нѣсколько грядъ подъ лукъ. Вотъ тутъ Иванъ мечталъ вывести домикъ, въ двѣ просторныя комнаты, имѣть собственный уголъ, взять работника и завести свой клинъ земли. Тутъ же и старость скоротать!

Его домашніе не видали, какъ онъ подошелъ къ своему двору. Въ темныхъ сѣнцахъ онъ привычнымъ движеніемъ отыскалъ ручку двери и, не видя еще, кто въ избѣ, громко сказалъ, когда переступалъ порогъ:

— Богъ помочь!

Горницы у нихъ не было, и всѣ жили въ одной избѣ, довольно широкой, но низковатой, такъ что на полатяхъ было до потолка мѣста немногимъ больше полъ-аршина.

Весь красный уголъ и часть правой стѣны увѣшаны были образами—и совсѣмъ новыми, въ фольговыхъ окладахъ, и закоптѣлыми. Передъ ними—двѣ лампадки. Изъ-за иконъ торчали пучки вербы. У дверей—„зыбка“, куда еще клали Митюньку, годовалаго сынишку Авдотьи—двоюроднаго племянника Ивана.

— Кто-инъ это?—пѣвуче спросилъ изъ-за досчатой переборки низкій женскій голосъ, старый, но еще довольно твердый.

— Я, мамынька!

Мать свою, Катерину, Иванъ звалъ по-крестьянски „мамынька“ и не старался произносить это слово по-господски.

— Ванюша!

Старуха сейчасъ же показалась въ дверяхъ, сухая, немного сутулая, въ темномъ холщевомъ сарафанѣ и въ темномъ же ситцевомъ платкѣ, надѣтомъ не такъ, какъ ходили ляховскіе и фабричные, а съ распущенными по плечамъ концами. Лицомъ Катерина очень сохранилась: почти безъ морщинъ. И волосы у нея

не сѣдѣли. Тонкій носъ и темные, все еще красивые, глаза говорили про ея прежнее благообразіе.

Иванъ поцѣловался съ матерью истово, три раза, и сталъ снимать котомку.

— Молочка не желаешь ли? Крыночку я бы принесла... Съ дорожки-то?

У Катерины явственно звучало сѣверное „о“ въ говорѣ, а всѣ въ этой округѣ произносили съ московскимъ аканьемъ.

Отъ молока Иванъ отказался и присѣлъ на лавку, къ свѣту, у стола. Катерина помѣстилась тутъ же и глядѣла на сына умными и ласковыми глазами.

— Вотъ, мамынька, гостинчика вамъ... съ выставки.

— Покорно благодарствую, Ванюша... Вотъ когда всѣ домой придутъ—и развяжешь. А то еще судачить будутъ... Скажутъ, выклянчила себѣ, старая карга, что̀ получше.

Онъ зналъ, что мать его не очень-то въ большихъ ладахъ съ деверемъ. Но до ссоры у нихъ рѣдко доходило. Катерина была съ большой выдержкой, и Сидоръ тоже умѣлъ припрятывать все, что̀ у него въ головѣ или на сердцѣ шевелится.

Катерина, подперевъ голову ладонью, слушала, какъ Иванъ отличился на выставкѣ и награду получилъ, и будетъ теперь въ подмастерьяхъ ходить.

— Велика ли награда-то, Ванюша?—тихо спросила старуха, нагнувшись къ нему, послѣ того, какъ оглянулась на входную дверь.

Онъ сказалъ—во сколько рублей.

— Ты про эти деньги-то помолчи пока.

Она повела внизъ своей худощавой рукой.

— Я, мамынька, ни передъ кѣмъ ничего не утаиваю.

— Послушайся меня... Раи не знаешь? Почнутъ сейчасъ подходы дѣлать. То да сё... добро бы настоящее дѣло, а то...

Она не досказала.

— Ну, да Богъ съ ними. Не осуди, да не осудимъ будеши,— выговорила особымъ звукомъ Катерина и приподнялась.—И за то Матушку Владычицу денно и нощно славословить надо.

Она повернулась въ сторону иконъ, перекрестила себя крестомъ съ широкимъ заносомъ, какъ будто двумя перстами, и проговорила вполголоса:

— Достойно есть, яко во истину блажити тя Богородицу!..

Всю службу, Новый завѣтъ и много псалмовъ Катерина хорошо знала, и въ Ляховѣ слыла „начетчицей“. Ее считали даже „по старой вѣрѣ“, но она была церковная. Только родилась она

въ сосѣдней губерніи, въ округѣ, гдѣ много сектантовъ, и рано пріучили ее, и мать, и отецъ, „становиться на молитву“, затверживать тропари и псалмы, разбирать кириллицу—и все это съ сѣвернымъ выговоромъ на „о“. Она его не утратила и на фабрикѣ, куда попала дѣвочкой-подросткомъ, тамъ осиротѣла и вышла замужъ за Прокофья Спиридонова.

Свою богомольность передала она и сыну. Теперь онъ поотсталъ отъ хожденія въ церковь; но „суесловить“ насчетъ божественнаго не любитъ. Мать всегда Иванъ почиталъ и любилъ даже показывать это и своимъ, и чужимъ, часто вспоминая и здѣсь, въ Ляховѣ, и на фабрикѣ, какъ ею только все и держалось; а то бы вышелъ изъ него самый послѣдній пропойца.

Когда отца, за пьянство, прогнали и въ деревнѣ не на что было кормиться, Катерина цѣлыхъ пять лѣтъ содержала и мужа, и сына, и двоихъ дочерей, и все это на заработокъ ткачихи. На покоѣ она стала жить всего какихъ-нибудь три года.

— Частицу вынимала, Ванюша,—заговорила Катерина, опять присаживаясь къ сыну.—Точно я чуяла. И свѣчку Казанской Владычицѣ ставила.

Она положила оба локтя на столъ и спросила потише:

— Ну, а Мароа чтò?

Къ нимъ въ Ляхово сноха ея „не жаловала“ ходить; да и не очень-то объ этомъ здѣсь жалѣли.

— Все тоже. Можетъ, теперь отъ своего положенія еще несуразнѣе бываетъ.

— А она доподлинно тяжела?—какъ бы съ сомнѣніемъ спросила Катерина.

— На пятомъ мѣсяцѣ.

— Машутку-то что жъ не взялъ? Небось просилась? У насъ бы побѣгала. Все въ книжку да въ книжку читаетъ...

— Я хотѣлъ... да Мароа напустила на себя хворость нынче... почала привередничать. Той жалко стало.

— Извѣстно... мать, а не кто другой.

— Такъ я и оставилъ.

Помолчали.

Катерина никогда не „совала носа“ въ супружескую жизнь сына. Ей до сихъ поръ совѣстно, что она его подбивала взять эту фабричную „барышню“, за ея строгій видъ и незазорное поведеніе.

Она торопливо поднялась со скамьи.

— Что жъ это я?.. Самоваръ-то раздуть... Чайку, небось, попьешь? Скоро наши пошабашатъ. А Параша-то съ Митюнькой

пошли за околицу. Ходить его учитъ. Небось и ей гостинчикъ принесъ?—спросила старуха уже изъ сѣней, куда пошла хлопотать насчетъ самовара.

Отъ ходьбы Иванъ немного разомлѣлъ. Хотѣлось бы ему лечь и растянуться. Да гдѣ? На лавкѣ узко и жестко; а лѣзть на полати—не время; да и слишкомъ ужъ душно. Семья жила исправно, а кровати еще не водилось; и всѣ спали гдѣ придется. Только работникъ шелъ на сѣновалъ; а меньшой племянникъ Ивана, Ермилъ—молодой парень, не пошедшій въ фабричные—спалъ въ сѣняхъ, пока тепло, на доскахъ, покрытыхъ соломой и старымъ тулупомъ. Горницу только все еще сбирались примостить къ старому срубу. Осенью и зимой, когда справляютъ праздникъ съ гостями, въ такой тѣсноватой избѣ ночуетъ до двѣнадцати душъ и больше.

Нѣтъ, не такое помѣщеніе будетъ у него въ новой избѣ. Онъ ее выстроитъ домикомъ, на манеръ тѣхъ, что̀ стоятъ въ хозяйской слободкѣ, разумѣется, во много разъ подешевле, такъ, чтобы рублей на двѣсти все справить. И чтобъ непремѣнно было двѣ комнаты, одна съ большой печкой, другая безъ топки, съ лежанкой. Обѣ въ два окна. Выйдетъ Машутка замужъ или нѣтъ—пускай у нея свой уголъ будетъ, ежели Марѳа родитъ мальчика, и онъ на̀большимъ очутится.

Въ сберегательной кассѣ у него накопилась малая толика; у Марѳы навѣрно есть деньги; но она удавится—не дастъ. А со здѣшнихъ что̀ же взять? До сихъ поръ онъ вкладываетъ въ домъ, вотъ ужъ около десяти лѣтъ, чуть не каждый мѣсяцъ—когда восемь рублей, когда десять и больше. Кромѣ податей—ихъ сходитъ безъ малаго двадцать рублей—все, что̀ заведено и устроено—все изъ его фабричной „заработки": лишняя корова, овецъ десятокъ, жеребенокъ двухгодовалый, крыша новая, перестройка мшенника, платежъ аренды, полторы десятины низины, купленныя въ разсрочку—вотъ гдѣ сегодня косили.

Пора ему и о своемъ „пепелищѣ" подумать. Онъ никогда не считался съ дядей, избѣгалъ всякой свары, не шильничалъ, не кряхтѣлъ, не жаловался. Мать его кормятъ—вотъ вѣдь и вся ихъ „натуральная повинность", да съ собой что̀ придется захватить: мучки, толокна, капусты, картошки, творогу или маслица.

На деньги это во весь-то годъ не составитъ и тридцати рублей. А изъ его кармана-то и всѣ двѣсти вылетятъ, считая экстренныя выдачи.

Земля—по ту сторону улицы—по всѣмъ правамъ слѣдуетъ

ему „неукоснительно“. Отецъ, какъ человѣкъ слабый, не съумѣлъ во-время выдворить брата. А свой домъ гдѣ жъ ему было завести?

Но „дяденькѣ“ Сидору Петровичу такой разговоръ будетъ поперекъ горла. Мало ли что! Надо въ этотъ разъ „нащупать почву“,—подумалъ Иванъ книжнымъ оборотомъ, какъ ему часто случалось.

Онъ все-таки сталъ развязывать, полегоньку, котомку. Тамъ у него, кромѣ „гостинца“, лежали и кое-какія свои вещи: чистая рубаха, сапоги и его праздничная блуза, въ которой онъ работалъ на выставкѣ. Онъ ее завтра надѣнетъ къ обѣднѣ, поведетъ свою старуху, чтобы ей „лестно“ было смотрѣть на сына.

Никого онъ не забылъ: „дядѣ Сидору“ купилъ картузъ—тотъ любитъ принарядиться; „тетенькѣ“—ситцу на платье; Дунѣ—Власовой женѣ—„корсетку“ изъ брильянтина; Ермилу—матеріи на жилетку; Парашѣ—ленточку въ косицы, книжку и леденцовъ полъ-фунта; Митюнькѣ—дудочку; работнику Веденею—трубочку съ крышкой, на мѣдной цѣпочкѣ и табаку—нѣжинскихъ корешковъ. Матери онъ въ Москвѣ выбралъ мягкія нижегородскія валенки—она ногами стала тосковать—и шолковый платокъ, темнофіолетовый, букетами, надѣвать на голову, когда пойдетъ въ церковь.

Не мало все это стоило, да нельзя же съ пустыми руками придти, вернувшись изъ Москвы!

— Иди... братецъ-то Иванъ Прокофьичъ гостинцу принесъ!—раздался голосъ Катерины, изъ сѣней, въ полуоткрытую дверь.

Параша—высокенькая дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, въ свѣтломъ ситцевомъ капотѣ, босая, очень бѣлокурая, веснущатая, похожая немножко на его Машу—внесла на рукахъ своего племянника Митюньку—щекастаго, откормленнаго мальчугана, съ темнымъ пухомъ на круглой головѣ.

Она посадила его въ колыбель—онъ еще только начиналъ ходить—и подбѣжала къ Ивану.

— Братецъ, здравствуйте!—жиденькимъ голоскомъ пролепетала она и сейчасъ же покраснѣла.

Иванъ потрепалъ ее по лицу и погладилъ по мягкимъ, выжженнымъ солнцемъ волосамъ съ двумя косичками.

— Ну, что же, Параша, кончила училище?—спросилъ онъ ласково.

Парашу онъ любилъ больше всѣхъ въ семействѣ дяди.

— Кончила.

— И свидѣтельство получила?

— Получила.

— Вотъ тебѣ.

Онъ подалъ ей книжку съ картинками, потомъ нашелъ ленточку и леденцы. Параша стала вся пунцовая и ея рѣсницы усиленно замигали.

— Тому бутузу леденчикъ дай. Вотъ онъ какъ воззрился... Митюнька... Хочешь небось?

— Дя-я!—запросилъ лакомства мальчуганъ, протягивая руки.

— Подай ему и дудочку.

Митюнька сейчасъ же запихалъ себѣ за щеку леденецъ, схватилъ обѣими руками глиняный гудокъ и сталъ дудить въ него.

— Вонъ музыку-то какую поднялъ! Пострѣлъ!

Съ этими словами вошла его бабка—Агаѳья.

„Тетенька" Ивана—еще не старая, большого роста баба—рано отцвѣла, а была когда-то довольно красивая дѣвушка изъ сосѣдней деревни Никитское. Она „барышней" работала на фабрикѣ; но Сидоръ Петровъ обратилъ ее совсѣмъ къ крестьянскому дѣлу, и она долго скучала по фабричной жизни. Потомъ пошли дѣти. Мужъ прибралъ ее къ рукамъ, и она потеряла свою прежнюю бойкость „моталки", ходила по-деревенски, даже носила „повойникъ".

— Вонъ какой баловникъ дяденька-то у васъ! — говорила Агаѳья своимъ жирнымъ голосомъ, поздоровавшись съ Иваномъ. Нако поди! Всѣмъ по гостинцу! Митюнька теперь намъ спокою не дастъ съ дудкой.

Параша показала матери и ленточку, и леденцы, и книжку съ картинами.

— Почитай-ко, почитай-ко братцу,—сказала мать.—Она пишетъ ка̀къ, Иванъ Прокофьичъ! Что̀ твой конторщикъ. Вотъ теперь нашъ антирелистъ...

— Власъ?—окликнулъ Иванъ.

— Онъ, онъ самый. Кажный мѣсяцъ письмо пришлетъ. Вотъ Паранька у насъ и дѣйствуетъ—и прочтетъ, и сама напишетъ. Насчетъ этого мы всѣ темный народъ, окромя Ермиши. По печатному разбирать можемъ, а насчетъ прочаго плохи. Ѳедосѣевна!—крикнула она въ сѣни.—Пособить, что-ли, тебѣ?

— Управлюсь сама! — раздался сильный голосъ Катерины.

— Ладно-инъ!

Узкіе сѣрые глаза Агаѳьи забѣгали, когда она увидала, что Иванъ вынимаетъ изъ своей помѣстительной котомки что-то „матерчатое".

— Вотъ, тетенька, это вамъ московскій гостинъ.

Ея загорѣлыя, веснущатыя—какъ и у Параши—щеки побурѣли сразу. Она была падка на подарки и вообще умѣла подобраться и выудить чтò можно. Мужъ держалъ ее строговато, и случалось, что отбиралъ и ея собственныя деньги, съ лишней домашней работишки.

— Ахъ! Чудесный какой ситчикъ! — громко восхитилась она.—Покорно благодарствуйте, Иванъ Прокофьичъ.

Она потянулась къ нему цѣловаться.

Иванъ не считалъ ее ни умной, ни доброй, а съ хитрецой. Но она все-таки выходила троихъ дѣтей, была домовита и характера ровнаго. Его матери она не обижала.

— Чтò жъ ты, Паранька, не почитаешь братцу? Письмецо мы вчерашняго числа получили отъ Власа.

Она сейчасъ же отнесла подарокъ за перегородку и вернулась оттуда, держа въ рукѣ раскрытое письмо.

— Вотъ чайку напьемся—заставлю и почитать, и пописать, —сказалъ Иванъ, продолжая опоражнивать свою котомку. Глаза Агаѳьи слѣдили за нимъ.

— Паранька-то кончила ученье,—заговорила она, къ чему-то подбираясь.

— Сказывала сейчасъ.

— Вотъ, Иванъ Прокофьичъ... вы ужъ порадѣйте. И мужика мово обломайте. По-моему, можно бы ее и въ работу пустить. Мы, объ эту пору, ужъ по пяти рублей получали.

— Тогда, тетенька, не было запрета; а теперь не дозволено ставить на работу раньше пятнадцати лѣтъ.

— Ну, хошь бы чтò ни на есть! Все одно — дома будетъ зря торчать. Али вотъ съ Митюнькой валандаться. Такъ у него мать есть, и я могу присмотрѣть. А тамъ, хошь по крайности, до возраста въ няньки бы нанялась. Такъ мой Сидоръ Петровичъ все свое гнетъ... Избалуется, молъ, дѣвчонка на волѣ. Тамъ, молъ, одна развратность! А мы-то, небось, жили же на фабрикѣ съ десяти лѣтъ, и никакого изъяна въ насъ не было—до самаго вѣнца. Опять же... вы тамъ свой человѣкъ. И на виду. Попросить можно въ швейную принять. Она грамотѣйка. И смышленая у насъ. Кто же ее научитъ? А тамъ она мастерицей будетъ, и цеховую привилегію выдадутъ. Такъ вы пожалуста, Иванъ Прокофьичъ...

Агаѳья не докончила. Она первая увидала, какъ прошли съ косами и граблями мужъ ея, меньшой сынъ Ермилъ и работникъ Веденей.

Мужики вошли не вмѣстѣ. Сначала дядя Ивана — Сидоръ; Ермилъ и работникъ пришли, когда уже всѣ сидѣли за чаемъ. Кто-то сказалъ, что Авдотья придетъ позднѣе — она позамѣшкалась, зашла къ кому-то на порядкѣ.

Сидоръ былъ слишкомъ на десять лѣтъ моложе Прокофья Петрова, Иванова отца, и точно совсѣмъ другой породы—малый ростъ, длинное лицо и острый носъ, очень бѣлокурый, бородка жидкая, и гладкіе, изжелта-рыжеватые волосы, раздѣленные проборомъ по срединѣ лба.

Вернулся онъ съ сѣнокоса въ опрятной ситцевой рубашкѣ и сапогахъ, точно совсѣмъ и не полевой работникъ. Сейчасъ можно было замѣтить, что онъ молодится. Въ лѣвомъ ухѣ онъ носилъ сережку.

Ему уже говорилъ Павелъ Пантелеевъ, окликнувшій его изъ окна, что племянника слѣдуетъ „проздравить". Вѣроятно, сушильный смотритель провѣдалъ и про награду, полученную Иваномъ, по пріѣздѣ изъ Москвы.

Подарки были всѣ розданы: Сидору фуражка понравилась, и онъ сталъ всячески ублажать племянника, досталъ и водочки, зная, что Иванъ — не прочь выпить. Тихо улыбался гостинцу и Ермилъ—рослый парень лѣтъ восемнадцати—богатырскаго сложенія и совсѣмъ молчаливый.

Работникъ Веденей — косолапый, обросшій волосами и скуластый—осклабился и загоготалъ, когда Иванъ подалъ ему трубку. Оставался неотданнымъ только гостинецъ Авдотьи.

— Потрафилъ ты ей, Иванъ Прокофьичъ... потрафилъ!

Какъ-то особенно ухмыльнулся Сидоръ, когда всѣ стали разглядывать „корсетку" изъ брильянтина. Катерина сжала губы; Агаѳья опять побурѣла отъ зависти, или чего другого; но что-то такое тутъ да было—новое для Ивана.

Послѣ того всѣ начали усиленно пить чай. Подъ окнами набралось много ребятишекъ, пронюхавшихъ, что пришелъ „дядя Иванъ". Онъ и имъ припасъ, въ картузикѣ, мятныхъ пряниковъ и въ окно разбросалъ имъ весь картузикъ.

Дѣловой разговоръ съ дядей Иванъ рѣшилъ оставить до утра.

XII.

Потянулись ляховскія поля. Иванъ возвращался съ Катериной отъ обѣдни. Агаѳья осталась дома стряпать; Параша при Митюнькѣ. Мужики поднялись уже къ околицѣ. Поотстала отъ нихъ

Дуняша. Видно было, что она нарочно замедляетъ шагъ. Вчера она пришла домой, когда уже смерклось. Подаркомъ Иванъ ей очень угодилъ, и она отдала ему свою подушку, когда стали ложиться спать.

Шла она немного покачиваясь на бедрахъ, невысокая, плотная, талья въ рюмочку, въ новой дареной корсеткѣ и юбкѣ изъ свѣтлой шерстяной матеріи, съ шолковымъ платкомъ на головѣ и подъ зонтикомъ—такихъ франтихъ, одѣвающихся по-городски, въ Ляховѣ добрая половина всѣхъ молодыхъ бабъ и „барышенъ".

Утромъ рано Иванъ, на заваленкѣ, имѣлъ разговоръ съ дядей. Началъ не онъ, а Сидоръ—и, какъ всегда, съ „подхода". Къ этому Иванъ давно привыкъ. Безъ „контрибуціи" изъ деревни не уйдешь, да еще теперь, когда извѣстно, что онъ, кромѣ болѣе крупнаго заработка впереди, денежную награду получилъ.

Сидоръ крѣпко надумалъ пристройку—ту „горницу", о которой не первый годъ уже былъ разговоръ. И сталъ онъ пространно разсуждать, что-де тѣснота въ избѣ, особливо зимней порой, больно одолѣваетъ, да и непристойно дѣлается „въ разсужденіи женскаго пола". Параша входитъ въ возрастъ. Авдотья—бабёнка молодая, въ домѣ работникъ, да и съ Ермиломъ она что-то сладко говорить начала—долго ли до грѣха. Опять ежели Марѳа совсѣмъ окажется „одержимою"—надо будетъ и ее пріютить, а то такъ и Машутку. Куда же всѣхъ набить, ровно въ „Ноевъ ковчегъ".

Съ такими резонами Иванъ не могъ не согласиться. Но когда дядя его выговорилъ — сколько именно нужно на эту горницу, онъ увидалъ, что тотъ хочетъ почти всю денежную тягость взвалить на племянника.

Хитрить онъ не сталъ. Пора было заявить „форменно", что онъ сбирается къ будущей веснѣ завести себѣ „пепелище", и произведетъ это исподволь, годика въ два; иначе придется не по карману.

Сидору точно кто уксусу поднесъ, какъ только племянникъ заговорилъ о своемъ „дворѣ".

— Стало, вы желаете на раздѣлъ идти, Иванъ Прокофьичъ?— язвительно спросилъ онъ, переходя на „вы".

Никакого „генеральнаго раздѣла" онъ не хочетъ. Земля принадлежитъ ему „по всѣмъ правамъ". А что касается движимости—это еще не къ спѣху, и онъ никого обижать не намѣренъ и никакихъ кляузъ не терпитъ.

Сидоръ отъ злости ничего не могъ даже и говорить; а сей-

часъ же всталъ и, уходя въ избу—снаряжаться къ обѣднѣ, прошипѣлъ только:

— Такъ и будемъ знать!

На полпути отъ обѣдни Иванъ разсказалъ это матери. Она попеняла ему—зачѣмъ онъ съ ней „допрежь" не посовѣтовался.

— Больно поторопился ты, Ванюша... Мало ли время до той весны? А теперь онъ и меня поѣдомъ ѣсть будетъ.

— Не посмѣетъ! Я его душу-то іезуитскую знаю, мамынька! Безъ моего иждивенія зимы онъ не проживетъ. Вотъ это его и замозжило... Ежели насчетъ горницы... я—по силѣ возможности —поддержу. Опять же я не дойная корова. И что это на него за сухота такая напала — насчетъ соблазновъ отъ тѣсноты для женскаго пола? Одно слово: гувернеръ!

Катерина поглядѣла на сына изъ-подъ своего платка и повела ртомъ.

— Ишь ты! — выговорила она и остановилась.—И впрямь шельма какая, прости Господи!.. А самъ, грѣховодникъ...

Старуха такъ это сказала, что Иванъ сталъ опять о чемъ-то догадываться. Но ему не хотѣлось выпытывать у матери о такихъ вещахъ.

Авдотья стала еще отставать отъ Сидора и Ермила, и они скоро догнали ее.

Она какъ будто этого и хотѣла.

— Аль умаялась?—спросила ее Катерина.

— Нѣтъ, ничего,—пѣвуче протянула Авдотья, обернувшись къ нимъ.

Подъ полосатымъ цвѣтнымъ зонтикомъ ея лицо порозовѣло. Густыя русыя брови красили его. Темные глаза смотрѣли вбокъ.

Иванъ догадался, что ей надо съ нимъ поговорить. Почуяла это и умная старуха.

— Ну-йнъ, идите вы впередъ. А я потихоньку побреду.

Иванъ и Авдотья пошли рядомъ.

Ея мужа, Власа, онъ самъ когда-то „опредѣлилъ" на фабрику. Малый онъ толковый, трезвый, скоро сталъ хорошо заработывать,—въ прядильщикахъ. Женился онъ по собственному выбору. Авдотья жила на фабрикѣ въ нянькахъ — Власъ ее тогда еще замѣтилъ,—состояла года съ два въ подметальщицахъ, потомъ ее взяли опять въ домъ. Изъ деревни и замужъ шла. Черезъ полгода Власъ пошелъ въ солдаты и второй годъ служитъ.

Вчера Параша читала вслухъ письмо его—изъ Ходынскаго лагеря. Пишетъ онъ изрядно, жену любитъ и къ родителямъ почтителенъ. И „тетенькѣ" два раза въ письмѣ кланяется.

— Братецъ,—заговорила первая Авдотья:—у меня до васъ просьба есть.

Голосъ у нея пріятный, грудной, и она часто переводитъ духъ.

— Какого сорта?—веселѣе откликнулся Иванъ. Разговоръ съ матерью о „дяденькѣ" немного разстроилъ его.

— Ужъ не знаю... какъ и начать.

Она повела своими густыми бровями и опустила рѣсницы.

— Ужъ вы сдѣлайте одолженіе... пожалѣйте меня.

— Въ чемъ, Дуняша?

Лицо Авдотьи быстро измѣнило выраженіе. Ивану показалось, что она сейчасъ заплачетъ.

Онъ остановился и протянулъ правую руку къ ея плечу.

Авдотья дѣйствительно заплакала и даже нагнула голову къ его плечу.

— Что такое?.. Промежду васъ что-нибудь?.. Со свекровью нѣшто?

Она громко плакать не стала.

— Хочу къ вамъ на фабрику проситься.

— Совсѣмъ?

— Пока Власъ со службы не придетъ.

— Какая же причина?

— Не могу я такъ... Лучше отъ грѣха уйти.

Она отвернула голову.

— При такихъ батюшкиныхъ поступкахъ...

Тутъ Иванъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Значитъ,—тихо выговорилъ онъ,—дяденька Сидоръ Петровичъ начинаетъ подходы?

Авдотья, молча, кивнула головой.

— Не со вчерашняго дня... Съ самаго великаго поста еще. А какъ Власъ въ послѣдній разъ приходилъ на побывку и въ Москву его угнали—онъ началъ всячески улещать. Спервоначалу мнѣ не вдомёкъ, братецъ, — конфузливо вымолвила она.—На Пасху башмаки подарилъ и мыла дорогого кусокъ. И посулы разные дѣлалъ. А тамъ и грозить сталъ. Мочи моей нѣтъ!..—вдругъ всхлипнула она.

— Вотъ какая оказія!

Авдотья поклонилась по-крестьянски низко, и заговорила порывистѣе:

— Заступитесь... братецъ, Христа ради! Къ кому же я пойду? Кто за меня встанетъ? Срамъ одинъ, ежели жаловаться въ волость или земскому. Нѣшто можно его уличить? Дойди до

суда—его и свекровь выгораживать учнетъ. Мужъ да жена—одна сатана. И передъ Власомъ оплетутъ. Опостылѣла мнѣ здѣшняя жизнь... Хоть онъ и дядя вашъ, Иванъ Прокофьичъ, а, вѣрьте слову, иной разъ такъ бы его и удушила!

Щеки Авдотьи поблѣднѣли и взглядъ сдѣлался жестче.

— Такъ при васъ и скажу нынче—пущай отпустятъ меня. Я имъ глотку-то ненасытную согласна затыкать. Пущай отбираютъ хошь все, что̀ на работѣ получать буду... Иванъ Прокофьичъ, голубчикъ, братецъ милый,—Авдотья опять припала къ его плечу:—ослобоните меня! Васъ онъ только и боится. Вы его на свѣжую воду выведете, когда пожелаете. Вы и Власу все отпишите. Вы человѣкъ благородной души... Уведите вы меня отсюда!..

Тутъ только она горько расплакалась—и даже на новую корсетку попали слезинки.

— Вотъ оно что̀... Ну, ты перестань,—Ивана женскія слезы всегда смущали:—оботри лицо... Хочешь, у меня платокъ есть?

— Есть у меня и свой.

Авдотья достала носовой платокъ и начала утирать глаза и щеки.

— Ты, стало быть, сегодня же надумала еще при мнѣ съ этимъ покончить?

— Безпремѣнно. Постойте за меня, Христа ради! Нѐшто я черезъ васъ не найду мѣста... Хошь бы и въ моталки. Не великая мудрость! Да хошь въ самую черную работу—початки возить... А Митюньку буду отдавать въ пріютъ.

— Обдумай все хорошенько... Не дѣлай этого срыву.

— Нѣтъ, голубчикъ. Мочи моей нѣтъ! Безпремѣнно нынче.

И глаза Авдотьи глядѣли въ упоръ изъ-подъ платка.

— Ежели онъ до того дошелъ, — вдумчиво проговорилъ Иванъ:—извѣстное дѣло, надо уходить.

„Ай-да дяденька“!—подумалъ онъ и тряхнулъ головой.

Они уже поднялись къ околицѣ Ляхова.

Еще за̀свѣтло шелъ Иванъ обратно на фабрику, только другимъ путемъ—черезъ городъ. Опустѣвшая отъ подарковъ котомка не трудила ему плечъ. Идти легко—жаръ давно спалъ.

Шелъ онъ бойко; но на душѣ у него было не по праздничному.

И опять мысль его потянулась къ Меньшову. Это дѣлалось невольно. Да и ничего нѣтъ удивительнаго: все, что̀ на фабрикѣ

или у себя въ деревнѣ есть стоющаго оцѣнки и сужденія, то они перебирали или будутъ перебирать.

Какъ бы Антонъ Егорычъ подхихикивалъ теперь—будь онъ свидѣтель того, что̀ Иванъ видѣлъ и слышалъ въ какія-нибудь сутки, не больше!

„Вотъ, молъ, любезный другъ Иванъ Прокофьичъ, ваша хваленая деревня! Семейный очагъ! Сельская община! Ха, ха! Какъ, бишь, это господа сочинители пишутъ?.. *Устои*, что-ли"?

И ему даже слышался какъ бы смѣхъ Меньшова—отрывистый и высокій, проникающій „въ самое нутро".

А ничего вѣдь не вышло, въ эти сутки, такого небывалаго. Сплошь да рядомъ у мужиковъ это водится. Отчего жъ его теперь только такъ передернуло?

Но онъ шелъ съ чистой совѣстью, и ему ни передъ кѣмъ не стыдно будетъ, кто знаетъ, какъ онъ себя повелъ въ обоихъ случаяхъ.

„Скандалъ" съ Авдотьей огорчилъ его. Сидоръ ему всегда былъ „сумлителенъ"—по выраженію его матери. И вотъ предстояло показать ему, каковъ онъ, патріархъ, заботящійся о чистотѣ нравовъ въ избѣ, гдѣ много народу скучено.

Но онъ этимъ не воспользовался. На такое ехидство онъ не считалъ себя способнымъ. Правда, разбирала его охота, послѣ обѣдни, когда они пили чай, пройтись на счетъ дяденьки—„въ иносказательномъ родѣ". Онъ строго наказалъ Авдотьѣ оставить все до послѣобѣденнаго времени и отъ всякаго объясненія за чаемъ воздержаться.

Еще рано утромъ, до обѣдни, оповѣстилъ ихъ староста Ермолай Ѳедюшкинъ придти на сходъ по экстренному дѣлу.

Этого Ѳедюшкина онъ считалъ „переметной сумой" и „плутягой". Тотъ, не такъ еще давно, работалъ на фабрикѣ, подвернулся подъ машину, у него отхватило два пальца на лѣвой рукѣ, долго онъ хворалъ, сталъ добиваться денежнаго вознагражденія и добился того, что ему дали пожизненную пенсію. Въ старосты кому охода идти. Его сейчасъ же выбрали. Передъ начальствомъ подхалима, охотникъ изъ мухи слона дѣлать, чуть-что̀ произойдетъ насчетъ паспорта или другого чего, чванливъ, кляузникъ и все кряхтитъ, все кряхтитъ, выставляетъ себя—какъ, молъ, онъ за гроши справляетъ такую службу. А и службы-то никакой нѣтъ, потому что нѣтъ недоимокъ или самый пустякъ.

Экстренное дѣло оказалось вотъ какое.

Бездомный ляховецъ, Епифанъ Косой—„Епишка"—зоветъ его вся деревня, промышляющій давно отхожимъ промысломъ,

придурковатый и забулдыжный малый, въ послѣдніе два года сталъ совсѣмъ отъ рукъ отбиваться. За нимъ накопилась порядочная недоимка. Билета ему Ѳедюшкинъ въ Москву не высылалъ, его забрали, гдѣ-то на Хитровомъ рынкѣ, и препроводили по мѣсту жительства. Тутъ онъ, въ пьяномъ видѣ, накинулся на старосту и чуть не побилъ его.

Ѳедюшкинъ — въ волость и къ земскому. Епишку посадили въ холодную, гдѣ онъ и теперь находится.

Сходъ и былъ собранъ для постановленія приговора—Ѳедюшкинъ, подъ рукой, по-своему настроилъ добрую половину ляховцевъ: чтобы, долго не думая, представить начальству насчетъ высылки Епишки въ „мѣста не столь отдаленныя".

И навѣрно сослали бы, еслибъ не онъ—Иванъ Спиридоновъ.

Каковъ бы ни былъ этотъ Епишка, но тутъ сила не въ немъ, а въ томъ, что каждаго, кто бы онъ ни былъ, свои односельчане могутъ, какъ колодника, прогнать по этапу и водворить тебя на вѣки вѣчные въ сибирской тайгѣ, за ведро водки или по настоянію начальства.

Вотъ что впервые съ такой силой выяснилось передъ нимъ, когда онъ сталъ уговаривать ляховцевъ не поддаваться тому, чего желаетъ староста.

На сходѣ побольше половины оказалось „стариковъ", или совсѣмъ не бывавшихъ рабочими, или живущихъ въ деревнѣ на покоѣ. Но человѣкъ около десяти—и все близко ему знакомые по фабрикѣ—изъ прядильщиковъ и ткачей, и одинъ „ставельщикъ" —молодой еще малый, балагуръ и весельчакъ, Филатъ Барыковъ, большой охотникъ читать смѣшныя книжки—всѣ они стали на его сторону. Всего горячѣе поддержалъ его Филатка; онъ принялся срамить „почтенный синедріонъ" и они вдвоемъ добились-таки того, что цѣлыхъ восьмеро фабричныхъ, кромѣ ихъ двоихъ, не дали своихъ голосовъ, и приговоръ не состоялся. Ѳедюшкинъ сталъ хныкать и отказываться отъ должности.

— И не надо намъ такихъ Искаріотовъ!—крикнулъ Филатъ.

„Да, проведи Антонъ Егорычъ съ нимъ эти сутки въ Ляховѣ, онъ бы съумѣлъ выжать весь сокъ изъ такого вотъ схода. Иди по этапу въ Сибирь, потому что мы, твои односельчане, не желаемъ съ тобой возжаться! И чувствуй, что за благодать сельскій сходъ"!—думалъ про себя Иванъ Спиридоновъ.

А семейная-то исторія? Чего еще превосходнѣе?!.

Сидоръ весь этотъ день смотрѣлъ истуканомъ, только губы у него отъ злости вздрагивали. И на сходкѣ онъ молчалъ; но когда они съ Филатомъ начали усовѣщивать ляховцевъ—зашипѣлъ про-

тивъ разной „сволочи“, отъ которой надо очистить „обчество,“ и сталъ держать руку старосты.

Только-что пообѣдали, Авдотья убрала съ свекровью со стола и поглядѣла на него украдкой—можно-ли-де ей начинать? Онъ глазами ей отвѣтилъ.

Она, безъ всякаго хныканья, прямо, твердымъ голосомъ и смотря въ упоръ на свекра, запросилась на фабрику.

„Вамъ, молъ, я не нужна; въ домѣ цѣлыхъ трое мужчинъ, считая съ батракомъ; Параша подростаетъ; въ полѣ—въ рабочую пору—безъ нея управятся; а осень придетъ—такъ и ровно нечего дѣлать. Васъ-де объѣдаемъ съ Митюнькой. До прихода Власа со службы отпустите меня“.

Катерина сейчасъ поняла, что̀ подъ этимъ кроется. Агаѳья притворилась обиженной и жалобно заахала. У Сидора ротъ сразу перекосило, и онъ, вмѣсто прямого отвѣта, началъ ехидно донимать Авдотью: кто-де ее на это подстроилъ? И смотритъ пронзительно на племянника.

Агаѳья принялась опять корить сноху. Та не вытерпѣла и глухо выговорила:

— Вамъ, матушка, не слѣдъ въ это дѣло и вмѣшиваться, коли вамъ не вдомёкъ.

Тутъ и пошла „битва̀“.

Сначала Спиридоновъ выжидалъ, не хотѣлъ безъ толку впутываться въ такое разбирательство. Но „дяденька“ такимъ себя „Искаріотомъ“ выставилъ, что у молодой бабёнки кровь бросилась въ голову и она начала припирать свекра.

Агаѳья вскинулась на нее за мужа, и у нихъ чуть не дошло до рукопашной.

Тутъ только онъ вмѣшался и сказалъ Сидору:

— Ежели вы, дяденька, до того себя довели, что Авдотьѣ зазорно оставаться въ вашей семьѣ—не прогнѣвайтесь!.. Дойдетъ дѣло до начальства—у меня хоть и нѣтъ противъ васъ уликъ—но я за васъ стоять не буду, и мой совѣтъ—по доброй волѣ отпустить ее. Это дѣло ея совѣсти—правду или нѣтъ она на васъ показываетъ; никто ей не помѣха довести все это до свѣдѣнія своего мужа. Вы—его родитель, и вамъ авантажнѣе до этого жену его не доводить.

„Искаріотъ“ — ни единаго слова. Агаѳья заревѣла-было; онъ цыкнулъ на нее и прошипѣлъ:

— Скатертью дорога! Хошь на всѣ четыре стороны!

И все это слышала Параська изъ сѣней. Онъ же, Иванъ, и приказалъ ей взять Митюньку и выйти. А что̀ было еще по-

его уходѣ?.. Дѣвочка—по тринадцатому году, и отлично должна понимать, въ чемъ сноха уличала своего свекра.

Хорошо еще, что Авдотья показала себя бабёнкой съ характеромъ; а будь она поглупѣе и потрусливѣе, и было бы это шито-крыто...

„Ужли на фабрикѣ лучше?—спрашивалъ онъ себя, подходя къ городу, все еще не отдѣлавшись отъ того, что̀ пережилъ въ Ляховѣ.—Ужли лучше“?

Ему не хотѣлось отвѣтить на это утвердительно. Но на фабрикѣ никакому „большаку“ не позволятъ производить „пакости“ въ своей семьѣ. И сослать въ Сибирь нельзя потому только, что въ казармѣ, гдѣ живетъ артель человѣкъ въ двадцать, въ тридцать, ты не ко двору.

Авдотья выбѣжала къ нему за околицу—когда онъ уходилъ—и Христомъ-Богомъ просила похлопотать за нее; а она, на этой же недѣлѣ, найметъ подводу и уѣдетъ „безпремѣнно“; и Митюньку увезетъ.

Пристроить ее не особенно трудно—теперь лишній народъ нуженъ. Но изъ одной исторіи попадешь въ другую. Марѳа—какъ „пить дастъ“—увидитъ въ этомъ уговоръ. „Ты, молъ, съ Дунькой снюхался, опредѣлилъ ее на фабрику“... Можетъ, и не одной Марѳѣ такъ со стороны покажется: бабёнка смазливая, франтиха, и отводъ есть—сродственница“.

Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ мануфактурѣ, миновавъ сонный и пустой городъ, съ длинной Дворянской улицей, тѣмъ жутче дѣлалось у него на душѣ.

Сошелъ онъ съ моста черезъ рѣчку, и когда поднялся къ оградѣ мануфактуры—засвѣтились шары электрическихъ фонарей.

Тамъ ждала казарма съ постылой женой; а въ Ляхово теперь хоть глазъ не кажи! Противно ему ходить въ гости къ дяденькѣ-„Искаріоту“.

XIII.

Жаркій полдень. Паровой „ревунъ“ гудитъ смѣну въ красильно-набивномъ корпусѣ.

Пошли обѣдать „господа“ этого отдѣла... Такъ называлъ ихъ Иванъ Спиридоновъ, когда какой-нибудь „раклистъ“, работающій у набивныхъ машинъ, или „граверъ“, покажется ему черезчуръ большимъ „фордыбакой“.

Въ числѣ „господъ“ былъ и вновь поступившій, „сверхъ комплекта“, рисовальщикъ — Меньшовъ.

Работалъ онъ уже около недѣли; но про себя не разсчитывалъ остаться тутъ надолго. Мастера онъ нашелъ все того же, „Франца Левонтьича“, обрусѣлаго швейцарца—„швейцара“,—выговаривалъ презрительно Меньшовъ,—упрямаго и тупого, на его оцѣнку, вдобавокъ, еще грубоватаго, говорящаго всѣмъ „ты“, кто не настолько зубастъ, чтобы дать сдачи. Изъ „раклистовъ“ есть такіе трое-четверо, да изъ граверовъ. Онъ всѣхъ ихъ зналъ еще мальчиками. И Меньшова онъ началъ-было „тыкать“, да тотъ сейчасъ же пожаловался директору, и онъ, должно быть, сдѣлалъ „Левонтьичу“ замѣчаніе.

Но съ того самаго дня мастеръ придирается къ нему, и уже раза два кричалъ на него такъ, что еще немножко—онъ закатилъ бы ему „затрещину“. Такъ внутри ходуномъ все и заходило у него, и сердце стало биться часто-часто, даже до перехвата въ дыханіи.

Рисовальщики сидятъ въ свѣтлой комнатѣ, отдѣленной перегородкой отъ длиннаго помѣщенія, гдѣ граверы—одни, у оконъ и съ лупой, выводятъ части рисунка, другіе, въ рядъ, по срединѣ помѣщенія, переводятъ рисунокъ на мѣдные валы.

Въ среднемъ помѣщеніи, откуда доносится шумъ набивныхъ машинъ, заняты „раклисты“, человѣкъ до пятнадцати—самые первые „аристократы“, какъ тотъ же Иванъ Спиридоновъ давно прозвалъ ихъ, всѣ въ блузахъ и пиджакахъ, многіе бритые, что твои „увріеры“, иные съ брюшкомъ. Есть между ними и такіе, что получаютъ до ста-двадцати и больше рублей въ мѣсяцъ, при даровой квартирѣ въ двѣ и три комнаты.

Въ граверахъ давно такъ повелось: тѣ, которые сидятъ съ лупой у оконъ, хоть и получаютъ больше, а живутъ степеннѣе, кутежей за ними не водится, какъ и за „раклистами“; а тѣ, что переводятъ рисунки на валы—покучиваютъ немногимъ меньше, чѣмъ слесаря; а на слесарей принято смотрѣть какъ на „отпѣтый“ народъ.

Вотъ и сегодня вышелъ у Меньшова непріятный разговоръ съ „швейцаромъ“. Молодой хозяинъ самъ далъ ему образчикъ кретона, полученный изъ Мюльгаузена, и приказалъ измѣнить его; но чтобы цвѣта остались тѣ же.

Образчику Меньшовъ обрадовался. Какъ „артистъ“ — онъ давно такъ смотритъ на себя — онъ и прежде, когда работалъ здѣсь, страдалъ оттого, что ему приходилось составлять рисунки для ситцевъ и обойныхъ матерій, которые претили его вкусу. А теперь въ немъ требовательность еще поднялась. Онъ около года жилъ на ситцевой фабрикѣ, занявшей первое мѣсто по мод-

ному товару. Тамъ главный рисовальщикъ—французъ, выбираетъ превосходные образцы, и весь товаръ разсчитанъ на „тонкую" публику. Безпрестанно черезъ руки Меньшова проходили рисунки не однѣхъ бумажныхъ тканей, а и образчики ліонскихъ шелковъ. И они служили моделями для составленія рисунковъ ситцевъ, кретоновъ и обойныхъ матерій.

Тамъ его цѣнили. Но и тамъ онъ не ужился. Не потому, что мастеръ—„животное"; а изъ-за „подлаго подслуживанія", о которомъ онъ говорилъ въ ихъ первую встрѣчу съ Иваномъ Спиридоновымъ.

Сдѣлалъ онъ проектъ рисунка и пошелъ показывать мастеру. Тотъ все раскритиковалъ, да еще сталъ издѣваться.

„Это, молъ, для какихъ-такихъ принцессъ сочинилъ онъ букеты и разводы"?

И въ который разъ сталъ все одно и то же повторять, что мануфактура работаетъ не на московскіе пассажи, гдѣ модницы толкутся, а на оптоваго покупателя, на макарьевскую ярмарку, на простой народъ, на „восточныхъ человѣковъ".

Тутъ мастеръ сталъ припоминать, какіе модные рисунки совсѣмъ не пошли; сотни и тысячи кусковъ залеживались и спускались за полъ-цѣны. И чортъ знаетъ, что̀ вышло изъ проекта! Меньшовъ хотѣлъ-было отказаться перерисовывать. Хорошо, что хозяинъ подошелъ. Ему его работа понравилась. И съ нимъ заспорилъ мастеръ; однако долженъ былъ уступить.

Замѣтилъ Меньшовъ отлично, что его товарищи по работѣ—ихъ было шесть человѣкъ—точно радовались распеканьямъ мастера. Съ нимъ они почти-что не разговариваютъ. Да и въ немъ они никакого интереса не возбуждаютъ. Одинъ изъ нихъ, также швейцарецъ, откуда-то изъ нѣмецкихъ кантоновъ—похмурый и мало говорящій по-русски — „форменный идіотъ", на оцѣнку Меньшова; двое русскихъ со стороны—тоже изъ „михрютокъ", да три молодыхъ парня изъ здѣшнихъ учениковъ—въ полномъ подчиненіи у мастера, и ни на что не способны, кромѣ самой „казенной" работы".

Меньшовъ убралъ свои карандаши, краски и кисточки въ шкафикъ, вымылъ руки и пошелъ обѣдать. Работалъ онъ въ длинной парусинной блузѣ. Его ждала Настасья Ильинишна. Онъ „столовался" у нея, но жилъ въ казармѣ, въ одиночной каморкѣ. Ему, какъ рисовальщику, хотя и холостому, полагалась квартира въ двѣ комнатки, но свободной не оказалось, и онъ долженъ былъ удовольствоваться и этимъ. Кое-какую мебель добыла ему пріемная мать. Кромѣ чемоданчика съ платьемъ, бѣльемъ

и книжками, онъ до сихъ поръ еще никакой движимости не имѣлъ.

Въ сѣняхъ Меньшовъ поклонился одному „раклисту“—изъ самыхъ раздобрѣлыхъ — и двумъ граверамъ. Съ этимъ народомъ онъ водилъ компанію больше, чѣмъ съ ткачами или прядильщиками; но давно уже махнулъ на нихъ рукой—особенно на „раклистовъ“.

Что они стоятъ за фабричные порядки и не пойдутъ ни на какое требованіе—само собой разумѣется. Что же имъ еще—„какого рожна“! И на какой другой работѣ могли бы они такъ хорошо устроиться! Вотъ тотъ, чтò съ нимъ поздоровался,—считая даровую квартиру,—онъ до двухъ тысячъ рублей въ годъ имѣетъ. При такомъ достаткѣ, развѣ можно было бы жаловаться? На ткачей смотрятъ какъ на пьяницъ и „ярыжное мужичье“, а у самихъ-то мозговъ только и хватаетъ, что на скопидомство, на франтовство да на чванство? Деньгу копятъ, какъ самые закорузлые буржуа! Да это бы еще куда ни шло: копи, но копи для болѣе тонкой жизни. Покажи, что ты доросъ до другихъ, высшихъ запросовъ. Дальше книжечки на засыпку, да газетчёнки съ руготней, да дешеваго журнальчика съ иллюстраціями и олеографій на стѣнахъ своей квартиры—врядъ ли кто изъ нихъ пойдетъ. Почти то же и среди граверовъ. Тѣ, по крайней мѣрѣ, больше читаютъ, и когда зальютъ за галстухъ, любятъ разговаривать о „проклятыхъ“ вопросахъ... Но только на словахъ.

Небось, когда, три года назадъ, случилось здѣсь безпокойство — онъ пріѣзжалъ на побывку къ Настасьѣ Ильинишнѣ—рѣшили дѣло ткачи. Отъ нихъ это пошло, а не изъ красильно-набивного корпуса. Ежели „раклисты“ ставятъ себя такъ высоко надъ тѣми—вотъ и показали бы—какая въ нихъ умственность. Стали бы во главѣ, заставили бы довести дѣло до конца...

Какъ бы не такъ!

Часто Меньшовъ вспоминаетъ о той попыткѣ произвести тревогу—и каждый разъ кончаетъ тѣмъ выводомъ, что здѣсь—народъ рыхлый и тупой, *полумужики*. Нѣтъ въ нихъ ни злобности, ни задора, ни смѣлости...

„Полумужики“!—повторилъ онъ, довольный этимъ словомъ. Дальше того, чтò есть въ Иванѣ Спиридоновѣ, никто изъ ткачей не развился, развѣ изъ болѣе молодыхъ, да и то ему не вѣрится, чтобы чтеніе книжекъ шло имъ въ прокъ.

Меньшовъ двигался медленно, своей немного качающейся походкой. Ему было уже скучно на фабрикѣ. Здѣсь онъ все

равно, что подъ надзоромъ и на испытаніи. Его „благодѣтельница“ черезъ великую силу выпросила ему мѣсто. У нея онъ обѣдаетъ, къ ней же ходитъ и чай пить. Любитъ она его, какъ родная мать; но съ ней ему тяжеленько. Спорить не хочется, а поддакивать ей—тоже тошно. Ея пріятельница, Надежда Николаевна, его не жалуетъ. Съ той онъ часто вступаетъ въ пренія и показываетъ ей, что онъ ея учености не боится. И раньше подтрунивалъ надъ нею, находилъ, что у нея „фасоны“ старинные, все съ своими „шестидесятыми“ годами носится, какъ съ писаной торбой. Остальныхъ онъ мало знаетъ... Сказывали ему, что съ поста есть здѣсь новая учительница, собой очень красива и одѣвается по-петербургски, да онъ ея еще не видалъ.

— Меньшовъ!

Его окликнули сзади. Онъ обернулся. Было это въ проходѣ, ведущемъ къ проѣзду, гдѣ стоитъ школа.

— А! Вешняковъ! Вы, стало, опять здѣсь?

— Какже... Прокисаю въ этой трущобѣ.

Ему пожималъ руку молодой малый, небольшого роста, въ засаленой блузѣ. Курносое, прыщеватое и безбородое лицо смотрѣло съ гримасой воспаленными, подслѣповатыми глазами. Одно плечо у него было замѣтно выше другого. На курчавой головѣ—картузъ съ надтреснутымъ козырькомъ.

— Чѣмъ?.. Пригонщикомъ?

— Самъ чортъ не разберетъ, въ чемъ я состою! Всякую самую тяжелѣйшую работу наваливаютъ! Антонъ Егорычъ!—онъ остановилъ его за руку:—папиросочку одолжите.

— Я теперь почти-что не курю.

— Канальство. А капиталами не богаты? Хоть малость?

Слесарь осклабился.

— Со мной нѣтъ...

Меньшову не хотѣлось признаться, что онъ самъ сидитъ безъ копѣйки до жалованья.

Они пошли въ ногу.

— Огадили мнѣ здѣшніе порядки... Вѣдь я не на такіе себя готовилъ... Вы, небось, помните?

Оба они вышли изъ одной и той же школы. Вешняковъ былъ года на два моложе его по ученію. Но Меньшовъ помнилъ, что тотъ считался изъ хорошихъ учениковъ.

— У васъ тамъ, въ граверной, все тотъ же мастеръ?—спросилъ Вешняковъ.

— Все тотъ же.

— Дубина, кажется, порядочная? А въ нашей мастерской,

я вамъ скажу, такой аспидъ, такой аспидъ!.. За границей учился. Всю Европу изъѣздилъ. И по первоначалу мягко стелетъ. Никому „ты“ не говоритъ. А такая, я вамъ скажу, ехидна... Мало того, что на черной работѣ изводитъ, а еще ябедничаетъ новому директору... „Эти, молъ, московскіе изъ училища—бѣлоручки, все у нихъ изъ рукъ валится. Держать ихъ—деньгамъ переводъ“. А? Каково? Я бы давно удралъ...

— Да авансъ есть?—шутливо спросилъ Меньшовъ.

— И авансъ-то грошевый! Хоть теперь—бутылку пива, пачку папиросъ—и то не на что раздобыть. Только ежели этотъ аспидъ мнѣ еще при всѣхъ станетъ нотаціи читать насчетъ бѣлоручекъ—я его угощу...

— Хорохоритесь, Вешняковъ!

— Дайте срокъ... Не угодно ли на пари?

— На пари — глупо, — выговорилъ Меньшовъ, совсѣмъ серьезно.—А отповѣдь была бы нужна.

— Дайте срокъ! Антонъ Егорычъ!.. Выходитъ, безъ курева пропадай! А въ лавкѣ не дадутъ. Вы куда? Домой? Я бы довелъ васъ...

— На этотъ разъ, извините, Вешняковъ. У меня тоже—карманная чахотка.

— Вѣдь пакость какая! Нашему брату зазорно идти съ четверткой чаю въ трактиръ клянчить сорокоушку, а тѣ—онъ указалъ рукой на главное зданіе—зазрѣнія не имѣютъ.

Слесарь потоптался на одномъ мѣстѣ, выдѣлывая гримасы ртомъ—у него это было въ родѣ „тика“.

— Ну, коли такъ... прощевайте, Антонъ Егорычъ!

Онъ перешелъ дорогу, на ходу размахивая руками.

Меньшовъ поглядѣлъ ему вслѣдъ.

„Пустая башка“! — выбранился онъ про себя.—Техника, пожалуй, спьяна, и ударитъ, а что̀ толку? Пьянчужка, много о себѣ воображаетъ, а за красную ассигнацію всякую гадость сдѣлаетъ“!

Его бѣсили вотъ такіе „полу-интеллигенты“ на фабрикахъ и въ мастерскихъ. Ужъ коли ты считаешь себя выше чернорабочихъ—кочегаровъ, котлочистовъ или паровщиковъ—та̀къ себя и держи, вникай въ то, чего можешь добиться...

И все то же чувство одиночества владѣло Меньшовымъ теперь, съ возвращенія на эту фабрику, пожалуй еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

Такая ужъ его доля! Никто здѣсь не пойметъ его. Да онъ и не желаетъ никому показывать, къ какимъ мыслямъ и выво-

дамъ онъ пришелъ, и все самъ, своимъ собственнымъ пониманіемъ.

Такъ лучше! Пускай его считаютъ гордецомъ и „фордыбакой“. Онъ знаетъ, чѣмъ ему гордиться. А кто, какъ Иванъ Спиридоновъ, желаетъ все міру послужить, начитавшись вкривь и вкось „господина Шпильгагена“, тотъ этимъ самымъ показываетъ, что въ немъ все еще сидитъ мужицкая закваска.

Ивана онъ видѣлъ вчера мелькомъ. Тому, кажется, не очень-то сладко въ подмастерьяхъ. Но все подбадриваетъ себя. Съ какой-то онъ смазливой бабёнкой пошелъ въ контору. Пора бы ему разрѣшить „на вино и на елей“.—Мается съ такой шалой бабой, какъ его Марѳа, и все хочетъ „оправдать себя“ передъ своей наставницей—Надеждой Николаевной Вознесенской.

Вотъ эта „дѣвуля“ Меньшову еще противнѣе. Въ ней всего понемножку: и божественнаго, и благородства чувствъ, и просвѣщенія, и „добраго мужичка“, и жалости къ бѣднымъ чахоточнымъ фабричнымъ, и разглагольства о физическомъ „вырожденіи“, о смертности дѣтей, о ночной работѣ, о паденіи семейныхъ нравовъ, о скудости заработка, о пьянствѣ...

Когда Меньшовъ подошелъ къ деревянному дому, гдѣ въ нижнемъ этажѣ помѣщалась квартирка Настасьи Ильинишны, изъ открытаго, довольно низкаго окна онъ, какъ разъ, заслышалъ звонкій голосъ учительницы.

„Не притащилась ли обѣдать“?—недовольно спросилъ онъ и поглядѣлъ въ окно.

Кажется, уходитъ!

Меньшовъ вошелъ въ ту минуту, когда онѣ у дверей прощались.

Квартирка его пріемной матери состояла изъ большой комнаты съ перегородкой, гдѣ она спала, и другой—узенькой.

— Не удерживайте меня,—говорила своимъ зычнымъ голосомъ учительница.—Такъ рада, что принесла вамъ наконецъ книгу. Интересно, но слишкомъ мрачно. Я не люблю пессимизма... Здравствуйте, Антонъ Егорычъ,—поздоровалась она съ Меньшовымъ, какъ всегда, суховато-вѣжливо.

Онъ молча поклонился ей и сейчасъ же отошелъ къ столу, гдѣ уже были приготовлены два прибора.

— Вы—извѣстная пессимистка, Настасья Ильинишна.

Старушка покачала головой и сказала потише:

— Вы вотъ мнѣ не вѣрите, а я замѣчаю, что есть какое-то глухое недовольство.

Меньшовъ сталъ прислушиваться.

— Какая же причина?—возбужденнѣе спросила учительница.—Директоръ ведетъ себя, кажется, съ большимъ тактомъ, и если въ его отдѣленіи народъ доволенъ, то и все спокойно... Вы помните... тогда вѣдь это ткачи увлекли всѣхъ другихъ?

— Не хочу предсказывать, а что-то есть.

— Скорблю, если что-нибудь выйдетъ печальное... Да врядъ ли... Здѣсь все-таки не такой народъ.

— Какъ сказать!—обронила Настасья Ильинишна.

— Будемъ надѣяться на лучшее, а не на худшее... Простите, что задержала. Мнѣ самой пора.

— А съ нами бы откушали?

— Меня тоже ждутъ!

Вознесенская молча поклонилась Меньшову. Библіотекарша проводила ее до сѣней и крикнула своей такой же старенькой кухаркѣ, чтобы она подавала.

Она знала, что Антоша и Надежда Николаевна не могутъ спѣться и относятся другъ къ другу „односторонне“,—какъ она осторожно выражалась.

Когда они поѣли горячаго, Меньшовъ сказалъ съ улыбкой въ глазахъ:

— Оптимистка неисправимая—госпожа Вознесенская; но на этотъ разъ я съ ней согласенъ...

— Въ чемъ, Антоша?

— Въ томъ, что̀ она про здѣшнихъ фабричныхъ сказала. Ежели и поднимется недовольство...

— Есть признаки.

— Ничего стоющаго изъ этого не выйдетъ!..

— А ты чего же бы хотѣлъ? — спросила Настасья Ильинишна, и лобъ ея наморщился...

— Опять же госпожа Вознесенская права... вспоминая то волненіе, два года назадъ. Волненіе! — насмѣшливо повторилъ онъ.—Слово красивое. Другой подумаетъ—чуть не революція!.. А вы точно не помните, мамаша, какая картина умилительная была?.. Я вѣдь съ вами же стоялъ у окна въ пріютѣ. Оттуда весь уголъ двора вида̀ть...

— Что̀ жъ тутъ такого, Антонъ? Иначе и не могло быть. Они знали прекрасно, что мать хозяевъ всегда жалѣла ихъ... И никто за нихъ такъ не будетъ радѣть, какъ она. Она вышла на балконъ, и какъ только они ее увидали—разумѣется, и стали просить ее. Этакъ все-таки лучше.

— Какой же толкъ вышелъ?

— Директора смѣнили—чего же еще?

— Совсѣмъ не потому его смѣнили; а потому, что онъ хозяевамъ не нравился... Гордо держалъ себя съ ними. Эхъ, маменька!.. Вотъ вы все въ умиленіе приходите, что они у васъ хорошія книжки берутъ читать. Вѣрьте,—до тѣхъ поръ они останутся въ темнотѣ бродить, пока...

— Пока чтò?—тихо подсказала Настасья Ильинишна.

— Пока сами не пожелаютъ... такими же идолами быть, какъ...

— Точно ты это серьезно говоришь, Антоша?

— А вы чтò думаете? Да отдай имъ теперь хоть даромъ вотъ всю эту усадьбу, и корпуса, и казармы, и машины, и склады, и конный дворъ, все, все,—думаете, они по-божески будутъ управляться? Какъ бы не такъ! Перегрызутся и передушатъ другъ друга...

— Какъ тебѣ не стыдно такъ говорить!

Старушка повела губами.

— По крайней мѣрѣ, сбросили бы они при этомъ съ себя сразу все мужицкое, чтò ихъ еще къ деревнѣ тянетъ.

Настасья Ильинишна видѣла, что Антоша опять сводитъ разговоръ на ненавистную ему „деревню". А она хотѣла, именно сегодня, спросить его — скоро ли срокъ возобновлять его „мужицкій" паспортъ? Въ училищѣ онъ полнаго курса не кончилъ и никакихъ правъ не получилъ. Она знала также: Антоша не прощаетъ ей до сихъ поръ того, что она, вò-время не выправила ему званіе мѣщанина. Но она не торопилась; да и не на чтò было это сдѣлать. Даромъ его бы изъ сельскаго общества не пустили.

Она не одинъ разъ терпѣла его выходки: вспылитъ и пойдутъ попреки. И тогда онъ язвительно доказывалъ ей, что она оставила его „въ рабствѣ у мужичья" изъ-за своихъ сладкихъ взглядовъ на народъ, на крестьянскую общину.

А самъ онъ до сихъ поръ не могъ скопить себѣ сто рублей... Да и вѣчно будетъ онъ перебиваться... Свѣтлая голова и несчастный нравъ!

И теперь—навѣрно у него ни копѣйки! Просить онъ очень гордъ... Въ конторѣ могъ бы получить впередъ, по случаю „обзаведенія"; но на это онъ еще гордѣе.

Обѣдъ былъ всего изъ двухъ блюдъ и длился не больше двадцати минутъ.

— Покури.

— Папиросъ нѣтъ.

Меньшовъ замѣтно покраснѣлъ.

— Что жъ ты не скажешь?

— Чего же клянчить.

— Ахъ, Антоша!

Она пошла за перегородку и стала отпирать шкатулочку. Въ ней лежали одна зелененькая, одинъ серебряный рубль, одинъ бумажный и нѣсколько мелочи — весь ея капиталъ до „дàчки": такъ и учительница, и она называла, по фабричному, полученіе жалованья.

Рублевую бумажку она опустила въ руку пріемному сыну.

— Не забудь, Антоша... вѣдь объ эту пору надо тебѣ въ волость посылать... насчетъ вида.

Онъ ничего не отвѣтилъ и поцѣловалъ ей руку; только на порогѣ крикнулъ:

— Забуду, такъ они, небось, напомнятъ!

XIV.

Надо идти доканчивать рисунокъ. Тошно съ тѣми идіотами; да и въ своей „каморкѣ"—не вкусно.

Меньшовъ всталъ съ кровати и потянулся. Комната похожа на плохой нумерокъ въ захолустномъ городѣ. Одно еще хорошо— прохладно: казарма стоитъ окнами на востокъ, и солнце заглядываетъ только раннимъ утромъ.

На столѣ, покрытомъ ярославской скатертью — Настасья Ильинишна припасла и зеркальце—пустая коробка изъ-подъ папиросъ, гребень со щеткой, двѣ-три книги и нѣсколько тонкихъ брошюрокъ.

Прежде онъ любилъ, чтобы все у него было аккуратно разложено, и чтобъ смотрѣло поуютнѣе. Ко всему этому сталъ онъ равнодушенъ. И одѣвался небрежнѣе. Да и денегъ совсѣмъ нѣтъ, а должать — не хочетъ, считаетъ это „подлостью". Въ денежныхъ дѣлахъ онъ „до гадости" щепетиленъ; а вѣдь, въ сущности, по его взглядамъ, выходитъ, что все это—довольно таки глупо. Съ какой стати ему — чистѣйшему пролетарію — церемониться съ тѣми, у кого водится деньга? А если это работающій поденно человѣкъ — портной или сапожникъ—чѣмъ больше ему задолжаешь, тѣмъ, значитъ, сильнѣе будешь чувствовать, что ты самъ „мизерабель"... и надо выкарабкаться изъ такого подлаго положенія.

Но какъ? Давно ли онъ мечталъ объ этомъ, какъ о чемъ-то возможномъ? Мало ли что̀ бываетъ! Могъ попасть къ такимъ хозяевамъ, которые сразу бы оцѣнили его талантъ, вкусъ, сме-

калку, высшую умственность. Чѣмъ же онъ хуже такого скота „швейцара", получающаго пять тысячъ рублей? Примѣръ простого русака, мастера въ прядильно-ткацкомъ отдѣленіи, Петра Акимыча — давно дразнилъ его, больше, чѣмъ Ивана Спиридонова. Себя онъ имѣетъ право считать куда поразвитѣе его.

Но эти мечты расплылись, точно растаяли у него тамъ, въ душевномъ нутрѣ.

Зима додѣлала то, что̀ давно уже бродило въ его головѣ. Теперь для него все стало проясняться, и не потому, что онъ увѣровалъ въ какую-нибудь новую книжку, или его завербовали въ какую секту, общество или союзъ. Никто на него не дѣйствовалъ, не настраивалъ его и не сбивалъ въ свою вѣру.

Онъ самъ додумался! И это даетъ ему силу смотрѣть сверху внизъ на то, что̀ творится вокругъ него, да и на свою собственную житейскую долю.

Вонъ лежитъ на столѣ книжка... Онъ во второй разъ перечитываетъ ее. Переводный французскій романъ. Надо дать почитать Ивану. Пускай увидитъ—какихъ дѣловъ можно натворить...

А вѣдь собственно и это—великая глупость! Люди останутся такими же и послѣ того. Фантазіи, бредни—за какой „толкъ" ни возьмись! Отъ народниковъ онъ всегда сторонился. На „деревнѣ" его никто не проведетъ. Никакого спасенія нѣтъ ни въ хваленой общинѣ, ни въ землѣ, ни въ деревенскомъ семейномъ быту, ни въ круговой порукѣ, а только невѣжество, рабство, грязь, водка, дремучее суевѣріе, одно слово—мракъ кромѣшный!..

И толстовскую вѣру онъ не признаетъ, считаетъ ее „барской затѣей". Эка штука — папиросъ не курить да „убоины" не ѣсть. На войну не ходи! Отъ суда отказывайся! Да еслибъ его во̀-время отдали въ военное заведеніе — онъ, быть можетъ, въ „стратигахъ" бы очутился; а попади въ студенты—дошелъ бы до сенаторскаго званія.

И тѣ, кто мечтаетъ во всемъ государствѣ фабрики и заводы вести такъ, чтобы не было ни хозяевъ, ни рабочихъ, а правила бы и всѣхъ кормила одна рука — ежели этого и добились бы гдѣ-нибудь—не желаетъ онъ въ такой казармѣ жить!

Вотъ и въ такой „каморкѣ" онъ все-таки больше на волѣ.

Вспомнился ему разговоръ съ Иваномъ въ трактирѣ „Казбекъ". По правдѣ-то сказать, и хваленый „Лео", которымъ онъ самъ увлекался лѣтъ этакъ съ пять тому назадъ, тоже вѣдь пришибленъ былъ вѣрой въ то, что спасеніе придетъ отъ его хозяйничанья. А чѣмъ кончилось? Одного заводишка—и то не съумѣлъ

повести на „новыхъ началахъ“. Денегъ не хватило, началась свара, а потомъ и бунтъ, и поджогъ, и общая свалка!

— Ха, ха, ха!—громко разсмѣялся Меньшовъ и всталъ съ кровати.

Пора идти. Выкурить еще папиросу... Пачку онъ долженъ былъ купить въ лавкѣ, за воротами. „Харчевой книжки“ онъ не бралъ, да и не будетъ брать. Онъ не любитъ ничего, приравнивающаго къ фабричной толпѣ.

Коробочка спичекъ оказалась пустой.

Можно попросить у сосѣдки. Онъ уже разговаривалъ съ „барышней“, жившей рядомъ, въ квартиркѣ изъ двухъ комнатъ, при родителяхъ. Отецъ—приказчикъ въ складѣ хлопка. Мать—бывшая работница, смахиваетъ на старую няньку. Ее онъ видѣлъ мелькомъ. Съ отцомъ еще не случилось столкнуться.

„Барышня“—изъ швеекъ, на разговоръ бойкая, не „рожа“, совсѣмъ молодая; когда пойдетъ со двора—разрядится.

Не та, такъ другая; но безъ женскаго пола ему было бы еще тошнѣе; по крайней мѣрѣ хоть игра начнется, захочется одѣться получше.

Но развѣ можетъ хоть одна фабричная — хотя бы и изъ швеекъ — „захлестнуть“ его? Ужъ ежели Иванъ Спиридоновъ тоскуетъ о подругѣ „съ понятіемъ“, то какъ же долженъ чувствовать онъ—Антонъ Меньшовъ?

Сосѣдка была дома—и одна.

Когда онъ вошелъ въ первую комнату—побольше—съ занавѣсками и олеографіями по стѣнамъ, ее наполняло щелканье швейной машины. Ѳеничка Потапова работала у окна. Кругомъ лежали полосы ситца и обрѣзки.

Одѣта она была, хоть и по домашнему, но чистенько — въ свѣтлой кофточкѣ; хохолъ на лбу уже взбитъ и на шеѣ бархатка съ медальономъ.

Лицо у нея круглое, не очень бѣлое, искристые глазки, густые волосы орѣховаго цвѣта—и вся она такая миленькая... И руки, какъ у настоящей барышни, а не фабричной, даже пальцы не истыканы иголкой.

Она ловко и старательно дѣйствуетъ машиной. Легкій шумъ отворившейся двери не заставилъ ее обернуться.

— Простите за безпокойство,—окликнулъ Меньшовъ, остановившись у двери.

— А... Антонъ Егорычъ!

Она очень смѣло взглянула на него и прищурилась.

— Знаете, какъ меня зовутъ?!..

— Извѣстное дѣло. Это только вы на насъ неглижà всегда смотрѣли... А мы всѣ васъ давно знаемъ.

— Кто же это всѣ?—шутливо и тономъ старшаго спросилъ онъ и подошелъ поближе.

— Всѣ барышни... здѣшнія... подруги мои... которыя въ швейной учились.

— Аристократки—значитъ?

— Какъ это вы сказали?—переспросила Ѳеничка и искоса поглядѣла на красиваго сосѣда. Она была очень влюбчива; но „соблюдала" себя, мечтая выйти никакъ не меньше, какъ за гравера, а то и за „раклиста".

— Вы одна?

— Мамаша ушла въ лавку.

— Стало-быть, я удалиться долженъ?

— Будто вы такой страшный... Я не малолѣтокъ!

— А я за дѣломъ,—продолжалъ онъ въ томъ же тонѣ.

— Заказывать хотите? Блузу или сорочки? Такъ я только дамское платье шью.

И она засмѣялась тоненькимъ дѣтскимъ смѣхомъ, не отрываясь отъ работы.

— Пришелъ попросить пару спичекъ. Курить захотѣлось, а всѣ вышли.

— Съ моимъ удовольствіемъ. Вонъ тамъ, на книжкѣ, коробочка.

— А здѣсь соизволите закурить?

— Мы не раскольники... Папаша тоже куритъ.

— А вы?

— Такъ, баловалась прежде; только ко мнѣ это совсѣмъ не шло.

— Хорошо сказано... Не шло!.. А вы, кажется, очень этимъ интересуетесь, чтò къ вамъ идетъ?

— А то нѣтъ? Ха, ха!

Меньшовъ закурилъ папиросу.

— И вы такъ цѣлый день за машиной?

— Коли работа есть. Что жъ! У меня заказовъ даже слишкомъ довольно... Иногда и отказываю.

— Вотъ какъ!

— Я не хвастаю, Антонъ Егорычъ. Къ Свѣтлому празднику, али на святкахъ, отбою нѣтъ.

— А чтò всегò выгоднѣе работать, какой, такъ сказать, дамскій артикль?

— Ха, ха! Какъ вы назвали?

— Артикль. Какую, значитъ, часть костюма?

— Выгоднѣе всего юбки... ежели шерстяныя, которыя отдѣльно отъ корсетки шьются. Опять же накидки... вонъ такія.

Она указала на мантилью, висѣвшую у двери во вторую комнату.

— За нихъ по полтора рубля платятъ. А работы—полдня. Платье ситцевое—накладнѣе. Больше сутокъ работы; а цѣну ему до рубля съ четвертакомъ сбили.

Меньшовъ тихо разсмѣялся.

— Вонъ вы какой дѣлецъ! И машина у васъ своя?

— А то чья же? Семьдесятъ рублей за нее дадено.

— Капиталъ цѣлый! И во сколько мѣсяцевъ вы эту покупку покроете?

Ѳеничка не сразу поняла.

— Въ мѣсяцъ-то рублей пятнадцать заработаете, небось?

— Какъ можно! Ежели не лѣниться—и всѣ двадцать-пять.

— На родительскихъ харчахъ? Это выгоднѣе, чѣмъ ткачихой быть... Основательная барышня... Глядишь, годикъ, другой—приданое и готово.

— Скажите пожалуйста! Какъ будто мы только и мечтаемъ, что замужъ. Мужчины-то тоже сахаръ-медовичи!

— Это вѣрно!.. Прощайте, барышня.

— До свиданья. Ежели вамъ нужно новую блузу или насчетъ бѣлья... я могу порекомендовать подругу.

Ему стало повеселѣе. Курьезная дѣвчурка—кажется, себѣ на умѣ, а займись ею немножко—и будетъ виснуть. Эта врядъ ли пропадетъ, если и свернется. У нея и папенька съ маменькой, и машина, и аттестатъ виситъ на стѣнкѣ, въ рамкѣ, отъ ремесленной управы на званіе „подмастерья“ портновскаго цеха! А все-таки нетрудно ее поддѣть!

Онъ переходилъ мостовую передъ садикомъ. Изъ бокового, низковатаго зданія, гдѣ помѣщаются механическія мастерскія, кого-то точно вели, человѣкъ больше десяти. Но онъ не могъ хорошенько разглядѣть.

У крайняго входа въ главный прядильно-ткацкій корпусъ повстрѣчался онъ съ Иваномъ Спиридоновымъ.

Тотъ поздоровался съ нимъ и что-то хотѣлъ сказать, да воззрился въ сторону.

— Что̀ за притча!—замѣтилъ онъ.—Никакъ кого сцапали изъ слесарей?.. Стибрилъ, поди, что̀?!

Вели въ контору того самого слесарька, который просилъ у Меньшова денегъ на курево. Тутъ были нѣсколько рабочихъ, главный техникъ, хожалый съ палочкой.

Меньшовъ, сразу угадалъ, въ чемъ дѣло. Вешняковъ, оказалось, кинулся на техника и успѣлъ схватить его за бортъ пиджака. Его скрутили и вели въ контору.

— Антонъ Егорычъ!—крикнулъ слесарекъ, завидѣвъ Меньшова.—Чтò голубчикъ? Небось, я пари-то выигралъ?.. А?

Хожалый первый обернулся въ ихъ сторону.

— Чтò такое? Какое такое парé?—спросилъ хожалый и переглянулся съ техникомъ—блондиномъ малаго роста, очень блѣднымъ, который шелъ съ непокрытой головой.

— А вы думали, я такъ только... хвастался?—крикнулъ опять Вешняковъ, обернувшись еще разъ къ Меньшову.

— Зря болтаетъ! Чего тутъ!—испугавшись за пріятеля, кинулъ имъ вслѣдъ Иванъ.

Когда тѣ были уже около крыльца главной конторы, онъ тихо спросилъ:

— Антонъ Егорычъ... чтò за парé такое? Нешто ты съ нимъ въ уговорѣ?

— И не думалъ!..

— Пакостникъ какой этотъ Вешняковъ! Драться полѣзъ!

— Что жъ... господинъ подмастерье... это и съ вашей личностью можетъ случиться.

— Попробуй кто!

— И будутъ пробовать...

— Милый другъ... чтò это ты? Господь съ тобой!.. А ты бы все-таки пошелъ, сказалъ Сергѣю Сергѣичу, что никакого парè ты не держалъ. А мнѣ пора!

Иванъ, сильно встревоженный, исчезъ въ подъѣздѣ; Меньшовъ, не ускоряя хода, отправился не въ контору, а додѣлывать свой рисунокъ.

П. Боборыкинъ.

ОЧЕРКИ И НАБРОСКИ

изъ

СТАРОЙ И НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Старорусскій книжникъ, составляя или переводя сборникъ разнохарактерныхъ статей для общеполезнаго чтенія, любилъ сравнивать свой трудъ—по примѣру византійскихъ собратій—съ работой пчелы, собирающей съ медоносныхъ цвѣтовъ, капля по каплѣ, сладостный сокъ, или съ усердіемъ золотыхъ дѣлъ мастера, изготовляющаго, звено за звеномъ, дорогую цѣпь. Позднѣйшій вкусъ привелъ къ замѣнѣ метафоры „Пчелъ" и „Златыхъ цѣпей" душистымъ „Вертоградомъ", среди котораго блаженно могъ блуждать читатель, и другими сравненіями въ томъ же родѣ.— Трезвой порѣ нашей современности подъ стать другіе образы. Максъ Мюллеръ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дѣятельности на родинѣ нашедшій въ Англіи второе отечество, придалъ однажды сборнику своихъ мелкихъ работъ незатѣйливое заглавіе: „Chips from a german workshop" (London, 1868—75), т.-е. „Осколки изъ мастерской нѣмецкаго рабочаго". Онъ хотѣлъ этимъ напомнить, что если у мастерового послѣ производства остаются на верстакѣ дробныя частицы матеріала, не пошедшія на большое издѣліе, но все же не совсѣмъ безцѣнныя, то и у научнаго рабочаго съ годами накопляется запасъ наблюденій, замѣтокъ, набросковъ, не развившихся въ большую работу, но, быть можетъ, не безполезныхъ.

Къ фрагментамъ и наброскамъ изъ области старой и новой литературы, сгруппированнымъ въ настоящей статьѣ, подошло

бы заглавіе, напоминающее титулъ англійской книги. Они складывались попутно, разновременно, независимо одинъ отъ другого; такъ же свободно—zwanglos—станутъ они теперь въ рядъ.

I.

У русской независимой мысли, у литературы, сознающей наряду съ своимъ художественнымъ призваніемъ и общественныя обязанности, есть давній и почетный, хотя и не признанный ими родоначальникъ. Съ виду его любятъ и цѣнятъ, издаютъ, объясняютъ, заучиваютъ его произведеніе, но въ этомъ поклоненіи такъ много принужденнаго, обязательнаго, требуемаго культомъ „классическихъ" сочиненій, и такъ мало свободной и сознательной симпатіи! Сколько несправедливости къ человѣку, который горячо любилъ отечество, желалъ воли и силы своему народу, въ младенческую пору письменности съумѣлъ высказать свои завѣтныя мысли съ яркостью поэтическихъ красокъ, съ смѣлостью и негодованіемъ гражданина! Не часто проявлялись и въ болѣе оживленныя литературныя эпохи то воодушевленіе, та рѣшимость постоять за правду, та захватывающая нервность рѣчи, какими одаренъ былъ первый русскій литераторъ, чьего имени мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ.

Это—авторъ „Слова о полку Игоревѣ". Въ его единственномъ произведеніи все устарѣло; содержаніе совсѣмъ уже чуждое намъ, пріемы первобытные, языкъ порою обремененъ варваризмами; вокругъ насъ—разнообразіе литературной техники, рядъ сложныхъ задачъ, которыя ставитъ себѣ передовое человѣчество и старается усвоить и наша словесность, — но, должно быть, много скрыто энергіи въ старой „поэмѣ" (какъ неумѣло называла ее, бывало, наша піитика); въ своей допотопной русско-половецкой обстановкѣ она, чѣмъ чаще къ ней возвращаешься, влечетъ къ себѣ, овладѣваетъ читателемъ, раскрывая все больше и больше красотъ. Вкусъ и требовательность становятся все утонченнѣе и строже,—между тѣмъ въ старой любимицѣ научаешься цѣнить не только достопочтенное достояніе науки, но источникъ жизни и силы.

Въ кругу свѣтилъ народнаго эпоса, выразившихъ въ себѣ, какъ принято думать, творческій духъ главнѣйшихъ европейскихъ племенъ, „Слову" отводится извѣстное мѣсто, но гдѣ-то поодаль, скорѣе для полноты инвентаря и потому, что совсѣмъ обойти его нельзя, и только немногіе цѣнители рѣшались указать за-

падной наукѣ на его великое значеніе [1]). Сравнительное изученіе всѣхъ этихъ памятниковъ составило бы любопытный вкладъ въ „психологію народовъ“, и по силѣ драматизма, выдержанности характеровъ, искусству построенія и интересу разсказа, старшіе изъ этихъ памятниковъ, всесвѣтно извѣстные, сохранили бы за собой свои преимущества. Но зато не національное пристрастіе (всегда плохой совѣтчикъ), а точное изученіе фактовъ сблизитъ русскій памятникъ лишь съ пѣснью о Роландѣ и выдѣлитъ ихъ изъ всей группы по той чуткой отгадкѣ насущныхъ нуждъ народной жизни и бодрому, зовущему впередъ тону рѣчи, котораго напрасно стали бы мы искать среди мрачныхъ красотъ Нибелунговъ, Беовульфа, или даже среди пріукрашенныхъ и демократизованныхъ народной поэзіей, бурливыхъ и задорныхъ похожденій Сида.

Оба памятника, русскій и старофранцузскій, передавая съ большей или меньшей художественностью повѣсть о быломъ, пользуются ею для того, чтобъ поднять духъ народа, освѣжить его идеальными цѣлями всеобщей солидарности и гражданскаго долга,—и русскій памятникъ, еще открытѣе выходя на этотъ путь, становится политическою сатирой.

Отголоски миѳовъ, неизбѣжныя эпическія преувеличенія, красивые узоры сравненій и метафоръ,—все это народно-поэтическое убранство разсказа не отнимаетъ у него характера точнаго изображенія возмущающей душу дѣйствительности, гнѣвной передачи „былинъ“ проклятаго времени. Самый выборъ сюжета необыкновенно характеристиченъ. Можно бы ожидать, что авторъ остановится на фактахъ героизма и мужества, но онъ предпочелъ такія непривлекательныя черты, какъ пораженіе, плѣнъ, трусливое бѣгство. Русскій поэтъ и въ этомъ сходится съ авторомъ „Chanson de Roland“, которому лѣтописный разсказъ завѣщалъ также преданіе о пораженіи, разгромѣ, гибели. Но въ то время, какъ французская „Пѣсня“ доходитъ до величественныхъ эффектовъ драматизма, передавая, какъ погибали въ неравномъ, безнадежномъ, но славномъ бою всѣ до единаго воины Роландова войска, и какъ самъ вождь сложилъ свою буйную голову,—русскому поэту, обрисовавъ вскользь отвагу Всеволода, пришлось показать въ концѣ своего разсказа Игоря крадущимся на раз-

[1]) Вильгельмъ Гриммъ сравнивалъ, напр., „Слово“ съ сверкающимъ альпійскимъ потокомъ, вырывающимся изъ нѣдръ земли, съ невѣдомымъ ботанику и вновь открытымъ растеніемъ, чьи формы просты, но поражаютъ законченностью и совершенствомъ, чья внѣшность вызываетъ удивленіе неистощимой творческой силѣ природы.— Wilhelm Grimm, Kleinere Schriften, 1882, II Band, 41.

свѣтѣ изъ палатки, озираясь по сторонамъ, замирая отъ каждаго шума, испытывая безотчетный, паническій страхъ, думая только о самосохраненіи и забывая, что въ плѣну остаются дорогіе, близкіе люди. И авторъ „Слова" не пропуститъ ни малѣйшей подробности, не пріукраситъ правды; онъ даетъ въ своемъ Игорѣ не богатырскій образъ, а точный снимокъ съ живого лица, портретъ человѣка средняго, не выдающагося и не плохого, съ хорошими намѣреніями и слабой волей, выдвинувшагося впередъ лишь потому, что время стало сѣрое, люди стали мельче, корыстнѣе и равнодушнѣе. Это—пріемъ настоящаго реалиста. Встрѣтиться съ такой „трезвой правдой" въ періодъ эпическихъ гиперболъ, просвѣтленій и возвеличеній, — дѣло необычное, и тѣ изъ писателей новѣйшихъ временъ, которымъ русская литература обязана своимъ сближеніемъ съ жизнью, своимъ стремленіемъ къ реальной правдѣ, должны признать въ авторѣ „Слова", первомъ русскомъ литераторѣ, сознательно построившемъ свой разсказъ и при случаѣ умѣвшемъ выбрать краски, которыя могли бы его расцвѣтить, — въ то же время и перваго русскаго реалиста.

Но, преслѣдуя цѣли художественной правды, рисуя жизнь и людей такими, каковы они дѣйствительно были, авторъ видѣлъ въ этомъ пріемѣ переходную ступень къ чему-то высшему,—къ выполненію своего гражданскаго долга. Каковы бы ни были его спеціальныя, областныя, черниговскія или сѣверскія симпатіи, —не стôитъ тратить столько увлеченія на то, чтобъ разсказать, какъ нѣсколько князьковъ, затѣявъ необдуманно, очертя голову, походъ противъ несмѣтныхъ степныхъ хищниковъ, были разбиты на голову.

Въ минуты самаго тяжкаго несчастія, когда гибель становится неизбѣжною, и мысль озабочена лишь тѣмъ, чтобъ умереть можно было, не посрамивъ рыцарской чести, за Роландомъ и его товарищами, которые всѣ полягутъ на полѣ сраженія,— тоже сначала „напоивъ сватовъ кровавымъ виномъ",—виднѣется гигантскій призракъ мстителя Карла, олицетвореніе сильнаго, скрѣпленнаго его желѣзной волей, строя, который не пошатнулся отъ такихъ мелкихъ и случайныхъ уроновъ, какъ разгромъ въ Ронсевальскомъ ущельѣ. За безславной и ненужной битвой при Каялѣ виднѣется только гдѣ-то вдали жалкое, разрозненное, руководимое низкими влеченіями личной корысти, безстыдно безучастное, недоступное чувству круговой поруки, еще молодое, но уже дряблое общество. Никто не заступится за неудачниковъ, которые хоть и разбиты на голову, но все же имѣли безуміе выступить

въ походъ, ратуя не за себя, а за всѣхъ, за народъ, за „Русскую землю“.

„Douce France“ пѣсни о Роландѣ и „Русская земля“, къ которой нѣсколько разъ съ любовью обращается авторъ „Слова“,— понятія сходныя. Рыцари идутъ на смертный поединокъ не по приказу и не во имя своего повелителя, а ради чести и славы родной страны; нѣжность эпитета, неразлучнаго съ нею повсюду въ памятникѣ, становится еще поразительнѣе, когда, по волѣ поэта, и мавры какъ будто не смѣютъ назвать ее иначе, какъ „прекрасная, сладостная Франція“,—и если въ послѣднее время объяснители (преимущественно нѣмецкіе) нѣсколько поколебали прежнюю увѣренность въ томъ, что подъ этой эпической формулой скрывается широкое патріотическое содержаніе [1]), все же не родовая честь и не волшебное заклятіе, а идея высшаго порядка является здѣсь руководящей причиной поступковъ.

То же воззваніе къ единодушію, отстаиванію интересовъ всей земли, къ духовному единству и круговой порукѣ, становится еще цѣннѣе у современника удѣльной поры, вмѣсто традицій о могучемъ государствѣ Карла Великаго, имѣвшаго въ сказаніяхъ своего народа только блѣдный контуръ того благополучія и покоя, которые будто бы царили при Владимірѣ, и выступавшаго съ своей проповѣдью передъ людьми или недоросшими до нея, или забывшими о прежнемъ, лучшемъ строѣ. Онъ не можетъ ограничиться такими средствами, какъ повтореніе эпитета въ родѣ „douce France“, и видѣніе „Русской земли“ является у него, то требуя отмщенія и обороны, то въ жуткомъ полумракѣ, когда занесшіеся далеко въ степь воины оглядываются, а уже родная страна скрылась „за шеломянемъ“, — и любовь къ отечеству, преданность всему русскому народу онъ проповѣдуетъ не поучительными примѣрами геройства, а рѣзкими обличеніями сплошныхъ, повсемѣстныхъ отклоненій отъ идеала. Онъ зоветъ къ единству, но нигдѣ не является сторонникомъ подчиненія какой бы то ни было изъ удѣльныхъ силъ, хотя бы, напр., тому княжескому роду, съ которымъ такъ тѣсно связана была его личная судьба. Самоопредѣленіе каждой отдѣльной дроби русскаго народнаго цѣлаго увѣнчиваетъ свободная и сознательная защита общихъ интересовъ, стояніе всѣхъ за одного и одного за всѣхъ.

Онъ говорилъ это людямъ, для которыхъ житейскимъ пра-

---

[1]) Въ своей диссертаціи: „France, Francèis und Franc im Rolandslied“, Strassburg, 1891,—J. Th. Hoefft приходитъ къ заключенію, что чаще всего подъ „Франціею“ подразумѣвается лишь герцогство къ сѣверу отъ Луары, и только въ немногихъ случаяхъ это имя обозначаетъ все франкское государство безъ обозначенія границъ.

видомъ было—„вотъ это—*мое*, но и твое—*мое* же",—которые безстыдно и развязно прилагали этотъ взглядъ къ дѣлу, научились жить захватомъ, насиліемъ, вымогательствомъ, наживой, привыкли пренебрегать толпой и, совершенно равнодушно относясь къ общему дѣлу, „начаша про малое *се великое* мълвити". Горе патріота сливалось у него съ строгимъ судомъ обличителя.

Достаточно ли обращаемъ мы вниманія на то, что первые же памятники нашей свѣтской словесности отмѣчены открыто сатирическимъ направленіемъ? Даніилъ Заточникъ и авторъ „Слова" громятъ порядокъ вещей, гибельный для народа, осуждаютъ, предостерегаютъ, требуютъ улучшеній, заботъ о сѣромъ людѣ, о меньшей братіи; гнѣвомъ непримиримаго демократа дышатъ выходки Заточника противъ бояръ. Даже сквозь елейность, уравновѣшенность и благодушіе Мономаха пробивается тревога при мысли, чтобы вредные признаки поворота къ самоуправству и беззаконію, замѣченные имъ, не развились при его потомкахъ въ нестерпимый бытовой безпорядокъ. Вмѣсто того, чтобъ усыплять народное сознаніе лживыми восхваленіями дѣйствительности, или, возмущаясь зломъ, побуждать къ аскетическому удаленію отъ міра и его суетъ, старшіе, ранніе наши писатели шли на встрѣчу злу, вмѣшивались въ борьбу, громили виновныхъ и требовали лучшаго строя.

Я не знаю, почему мы не ведемъ исторію русской сатиры (въ широкомъ смыслѣ слова) съ галереи обличительныхъ портретовъ русскихъ князей, пережившей много вѣковъ въ рамкѣ „Слова о полку Игоревѣ". Не уступитъ она въ горячности, правдивости и язвительности портретной живописи Кантемира, связаннаго псевдо-классической манерой... Не съ тридцатыхъ же годовъ прошлаго вѣка русскіе люди научились съ гнѣвнымъ смѣхомъ порицать и презирать порокъ и зло! То „святое недовольство", безъ котораго словесность врядъ ли можетъ выполнить свое общественное призваніе, проявилось, къ чести ея, въ первые же годы ея существованія на Руси,—и въ этой строгой требовательности былъ залогъ движенія впередъ. Рядъ вредныхъ вліяній загубилъ потомъ эти ростки, и отродились они много позже,—но значеніе коренного факта отъ этого вовсе не умаляется. Безстрашныя рѣчи автора „Слова", обличенія Радищева или Щедрина—звенья одной и той же цѣпи.

Но неизвѣстный дружинникъ-писатель не хотѣлъ быть только гражданскимъ дѣятелемъ. На каждомъ шагу отгадываешь въ немъ поэта, художника,—конечно, въ тѣхъ предѣлахъ, которые ставила ему неопытность зарождающейся литературы. Въ но-

вѣйшее время наука отбросила, наконецъ, сентиментальный титулъ его, какъ *пѣвца* „Слова о полку Игоревѣ“, и вмѣсто рапсода показала въ немъ писателя-книжника, начитаннаго, опирающагося на источники, господствующаго надъ своимъ сюжетомъ и сознательно стремящагося соединить правду и силу своего разсказа съ красотой формы, въ которую облечена основная мысль. Умѣло и кстати возьметъ онъ поэтическое сравненіе или картину то въ народной пѣснѣ, то въ византійскомъ романѣ. Дѣятельный участникъ въ новой, съ виду сплошь христіанской современности, онъ свободно пользуется богатыми красками языческаго миѳа, вводитъ эпизоды и отступленія; то появляется на сцену самъ, оцѣнивая событія и людей, то даетъ фактамъ развиваться передъ читателемъ и кажется только лѣтописцемъ; то рисуетъ съ натуры, то призываетъ на помощь чудесное,—и на фонѣ бытовой картины выступаютъ Дѣва-Обида, зловѣщій дивъ; порою онъ щедро разсыпаетъ свои художественныя богатства, порою же (въ описаніи бѣгства Игоря) доводитъ скудость выраженій и оборотовъ до-нельзя,—и читатель переживаетъ тогда быструю смѣну ощущеній и настроеній, пронесшихся въ душѣ героя, этого „рыцаря печальнаго образа“, и уже охваченъ мыслью, удастся ли ему спастись.

Все это—пріемы писателя, надѣленнаго чутьемъ художественной формы, не пренебрегшаго ею ради глубокой соціально-политической идеи, но успѣшно сочетавшаго обѣ силы. Для начинающаго словесника, для первыхъ лѣтъ литературной исторіи, это—искусное рѣшеніе вопроса, такъ часто являвшагося спорнымъ въ наше время, о тенденціозномъ и чистомъ искусствѣ.

Обличитель и поэтъ, проповѣдникъ гражданскаго долга и народной солидарности, стилистъ, умѣющій завладѣть читателемъ, вызывать передъ нимъ яркіе и живые образы, авторъ „Слова“ завѣщалъ литературѣ своего народа традиціи, которыя она со временемъ развила, забывъ о первомъ зачинщикѣ. Не приторно романтическое возвеличиваніе старины или нетерпимое ко всему новому, хвастливо патріотическое освѣщеніе ея, а точный анализъ фактовъ требуетъ возстановленія истины и признанія заслугъ перваго русскаго писателя.

Когда въ 1870 году нѣмецкая армія желѣзнымъ кольцомъ окружила Парижъ, и всѣ мысли осажденныхъ сосредоточивались на организаціи всеобщаго, дружнаго отпора непріятелю, нынѣшній ветеранъ науки о французской литературной старинѣ, Гастонъ Парѝ, начинавшій тогда въ „Collège de France“ свою дѣятельность въ качествѣ suppléant, сдѣлалъ свой вкладъ въ на-

сущное дѣло возбужденія умовъ, прочитавъ своимъ слушателямъ, въ видѣ вступительной лекціи, прекрасную, воодушевленную рѣчь—о „Пѣснѣ о Роландѣ“ [1]). Ученый, котораго никто не упрекнетъ въ романтическомъ превозношеніи старины и народности, который трезвымъ, яснымъ методомъ своихъ изслѣдованій такъ много содѣйствовалъ ихъ изученію и пониманію, „нашелъ въ старомъ поэтическомъ памятникѣ источникъ живой воды, и, обращаясь къ молодежи, рвавшейся изъ аудиторіи на форты и баттареи, защищавшіе Парижъ, напутствовалъ ее разсказомъ о томъ, какъ въ старые годы умѣли жить и умирать за отечество.

Непріятель не стоитъ у нашихъ стѣнъ, и не воинственныя доблести нужны намъ. Насъ удручаютъ тѣ же общественные недуги, противъ которыхъ возставалъ авторъ „Слова“. Они въѣлись въ жизнь и губятъ наши силы, дробятъ ихъ, отравляютъ личными, сословными, узко-національными или мелко-партійными разногласіями, развивая эгоизмъ и хищничество въ ущербъ великимъ и живительнымъ общимъ идеямъ. Все рѣже слышится сильная, укоризненная, обличающая рѣчь. Прислушаемся же къ голосу стараго русскаго поэта съ его независимой мыслью, проповѣдью солидарности, строгими требованіями отъ людей, большимъ сатирическимъ даромъ,—и преданностью „русской землѣ“.

II.

„Литература дня“ полна возгласовъ въ честь забытаго и попраннаго идеализма; отъ него ждутъ возрожденія чистаго искусства, облагороженія творчества, сверженія ига, которое наложили на мысль и фантазію еще недавно повсюду торжествовавшія полчища реалистовъ, натуралистовъ и т. п. Движеніе это проявляется и въ словахъ, и на дѣлѣ, въ теоріи и въ творчествѣ. Отъ произведеній, отравленныхъ „злобой дня“, мысль несется къ безплоднымъ созданіямъ прерафаэлитовъ, отъ публицистической критики—къ Рэскину и его культу „Прекраснаго“. Можно подумать, что мы наканунѣ окончательнаго отрезвленія, прибереженнаго историческими судьбами къ концу девятнадцатаго вѣка. Расползется куда попало и притаится нѣчисть, и засіяетъ, наконецъ, солнце правды и красоты.

Вглядываясь, прислушиваясь и наблюдая, прежде чѣмъ за-

[1]) La chanson de Roland et la nationalité française (читано 8 декабря 1870 г.) впослѣдствіи включено въ первый томъ сборника „La poésie au moyen âge. Leçons et lectures“ par Gaston Paris. 1885.

нести въ свою лѣтопись фактъ совершившагося поворота въ эстетикѣ, историкъ литературнаго движенія найдетъ, конечно, прежде всего въ новомъ, пока еще мало выяснившемся направленіи перевѣсъ благихъ намѣреній надъ осязательными результатами, красивую холодность выставляемаго на показъ энтузіазма, избытокъ фразы и позы, болѣзненную чопорность и жреческое священнодѣйствіе, много риторическихъ упражненій на возвышенныя темы и мало умѣнья вызвать отзвукъ въ массѣ. Онъ сопоставитъ свои наблюденія съ тѣми, которыя, бывало, доставляла ему отброшенная теперь въ тѣнь литературная школа. Односторонности, крайности, неумѣренное усвоеніе пріемовъ естествознанія, психіатріи, дѣловитую, протокольную сухость, демонстративное пренебреженіе художественной стороной, отличавшія нѣкоторыхъ изъ ея дѣятелей, онъ считалъ исключеніями, безъ которыхъ немыслимо ни одно направленіе, и останавливался на положительныхъ итогахъ.

Избравъ другой путь къ той же цѣли, которую преслѣдовали лучшіе изъ идеалистовъ всѣхъ временъ, — путь, пролегавшій черезъ людскую толпу, гдѣ на каждомъ шагу приходилось подбирать раненыхъ въ битвѣ, заступаться за обездоленныхъ и забытыхъ, раскрывать неправду и гниль въ общественномъ строѣ, осуждаемый теперь „реализмъ“ много послужилъ гуманности и справедливости. Онъ вошелъ въ то теченіе мысли, въ которомъ литература встрѣчалась съ соціальными науками, и, принявъ дѣятельное участіе въ точномъ изученіи быта, намѣтивъ его слабыя и больныя мѣста, могъ служить основой и поддержкой для улучшеній и реформъ. Отвѣчая этими своими сторонами на нравственныя и общественныя требованія отъ литературы, но вмѣстѣ съ тѣмъ располагая нерѣдко сильными, выдающимися дарованіями, онъ на темномъ фонѣ безотрадной житейской картины могъ воздвигать художественныя созданія.

Его преемники задаются возвышенными цѣлями. Съ пренебреженіемъ глядя на пресмыкавшееся по землѣ искусство, они хотѣли бы вернуть поэзіи просторъ, свѣтъ, красоту, идеальныя очертанія и благородныя мысли. Смогутъ ли они выполнить свои намѣренія, показавъ, что не одна лишь красота звука, пластика формы и торжественность обстановки плѣняютъ ихъ? О, еслибъ ихъ поэзія могла „жечь сердца“, будить порывы, заглохшіе среди житейской сутолоки, вести за собой массу и воспитывать ее, развивая въ ней лучшія стороны душевной жизни, дѣйствуя не „сладкими“, а мощными, бодрыми „звуками“ на пассивное, опустившееся поколѣніе,—еслибъ эти эпигоны могли подняться на

высоту великихъ идеалистовъ прежняго времени, безспорную и для приверженцевъ иного направленія! Пока мы видимъ только поэтовъ въ умиленной жреческой позѣ передъ треножникомъ, слышимъ философскія рѣчи о „высокомъ и прекрасномъ“, и отъ всего этого псалмопѣнія никому ни тепло, ни холодно...

Торжествовать побѣду еще рано; ее нужно заслужить среди свободнаго состязанія направленій. Но какова бы она ни была, рано или поздно она смѣнится новымъ подъемомъ силы той школы, чье пораженіе считается въ настоящее время несомнѣннымъ, — и снова выпадетъ на долю „чистаго искусства“ лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Въ неизбѣжности такой смѣны убѣждаетъ рядъ наблюденій не надъ фактами словесности одного лишь какого-либо народа, а надъ жизнью всемірной литературы. Выводъ изъ этихъ наблюденій долженъ былъ бы войти въ кругъ тѣхъ основныхъ положеній, которыми упрочивается закономѣрность развитія словесности и научный характеръ ея историческаго изученія.

Прямого поступательнаго движенія, которое вело бы творчество къ полному проявленію его художественныхъ, нравственныхъ и общественныхъ силъ безъ отклоненій и колебаній, представить себѣ невозможно. Если въ механикѣ долго держалось (скрѣпленное авторитетомъ Декарта) воззрѣніе на движеніе по инерціи, совершающееся будто бы всегда по прямому направленію, то въ новѣйшей наукѣ оно вытѣсняется другимъ представленіемъ — о движеніи, подчиненномъ различнымъ вліяніямъ, и потому не прямомъ, а только „прямѣйшемъ“ (терминъ, введенный Герцомъ) [1]. Аналогія съ ходомъ развитія мысли или творчества здѣсь уже обозначилась, но ее можно пояснить примѣромъ изъ той же области. Когда движеніе происходитъ, напр., по поверхности волнистаго вида, оно совершается по такъ-называемой „геодезической кривой“, которая представляетъ собой прямѣйшій путь черезъ долины и горы этой поверхности. Такія уклоненія отъ простоты прямой линіи принимаются наукой во всѣхъ случаяхъ, когда какое-либо дѣйствіе подчиняется многочисленнымъ непредусматриваемымъ вліяніямъ, для такихъ случаевъ она установила особый *законъ погрѣшностей*. Онѣ неизбѣжны и происходятъ то „отъ окружающей природы, то отъ аппаратовъ, при помощи которыхъ производятся наблюденія, то отъ личности наблюдателя, отъ его душевнаго и тѣлеснаго со-

[1]) Revue scientifique, 1896, II, 4, „La mécanique cartésienne“, par le prof. M. A. Oumoff.

стоянія" и т. д., но постепенно уменьшаются по мѣрѣ того, какъ утончаются орудія наблюденія.

Если извилистая линія получила узаконенное значеніе въ точной наукѣ, то она должна быть еще болѣе изогнутою тамъ, гдѣ движеніе встрѣчаетъ на своемъ пути такія тонкія и сложныя вліянія, какъ воздѣйствіе національности, религіи, общественнаго строя, философскихъ ученій, особенностей творчества выдающихся, богато одаренныхъ лицъ, отраженіе условій природы на психологію народовъ, вліяніе литературнаго обмѣна между племенами, подражательности и усвоенія заимствованнаго и т. д. „Геодезическая кривая"—вполнѣ подходящій символъ для изображенія развитія міровой литературы, причемъ излучины и кривизны ея, сначала рѣзко обозначающіяся и пространныя, постепенно сглаживаются, и „змѣйка" кривой все болѣе производитъ иллюзію выпрямляющейся линіи.

Но аналогіи съ данными механики и физики еще недостаточно. Вліяніе *среды* (въ широкомъ смыслѣ слова) осложняется дуализмомъ, свойственнымъ художественному творчеству; въ немъ всегда стремились къ преобладанію два соперничающіе принципа,—или отдаленіе отъ земной прозы въ область чистой красоты и возвышеннаго искусства, или сближеніе съ этой прозой и служеніе нуждамъ дѣйствительности. Какія бы формы ни принимало то или другое изъ этихъ ученій, какими бы именами ни прикрывалось, псевдо-классицизмомъ, романтикой, Sturm und Drang'омъ, байронизмомъ, натурализмомъ, школой „парнассцевъ", величавой пластикой Гёте, въ основѣ остаются все тѣ же краеугольные принципы; отличительными ихъ именами, широко обобщающими и условными, какъ алгебраическіе знаки, пусть будутъ —*идеализмъ* и *реализмъ*. Борьба ихъ всегда вела за собой приливы и отливы силъ, подъемъ и паденіе. Благопріятное сочетаніе соціальныхъ, политическихъ, нравственныхъ, религіозныхъ условій обезпечивало извѣстному ученію болѣе или менѣе обширный періодъ преобладанія, но побѣжденная школа, никогда не вымирая вовсе, но запасаясь энергіею, выжидая новаго, соотвѣтствующаго ей поворота въ жизни народа, пользуясь тѣмъ, что ея соперница истощаетъ свои силы въ крайностяхъ и ошибкахъ, и располагая свѣжими дарованіями, рано или поздно вырывала первенство изъ рукъ непріятеля. Кривизна линіи, которая отъ отправной точки (зарожденія художественнаго творчества) ведетъ къ конечной цѣли, свободному и равноправному соединенію обоихъ элементовъ, и стройной красоты, и житейской правды, сама по себѣ

уже значительная вслѣдствіе разнообразныхъ вліяній *среды*, стала оттого еще волнистѣе.

Чтобъ прослѣдить на фактахъ механизмъ смѣны, возьмемъ два историко-литературныхъ примѣра, одинъ изъ французской, другой изъ русской словесности трехъ послѣднихъ вѣковъ.

Когда на развалинахъ средневѣковаго міра, съ его мистицизмомъ, аскетическимъ подвижничествомъ, таинственной символикой зодчества, литературой видѣній и откровеній, гимновъ и легендъ, земное начало, находившее себѣ, бывало, выраженіе въ рыцарской поэзіи, любовной лирикѣ трубадуровъ, бытовыхъ чертахъ фабліо, взяло верхъ подъ общимъ вліяніемъ гуманизма, возбужденіе французской общественной мысли XVI вѣка придало движенію оттѣнокъ заботы о насущныхъ интересахъ народа; строятся смѣлыя политическія теоріи, народныя права отстаиваются отъ гнета власти, свобода совѣсти — отъ клерикальнаго гнета, свобода изслѣдованія — отъ обскурантизма. Литература идетъ въ уровень съ движеніемъ, поддерживаетъ всѣ его запросы,—и, начиная съ великаго романа Рабле́ и до „Трагическихъ Пѣсенъ“ д'Обиньé, ревностно служитъ цѣлямъ реализма, не оставляя ни одного тайника жизни не разоблаченнымъ рѣзкой насмѣшкой своей, полной демократическаго задора, разстраивая гармонію прежняго міросозерцанія и провозглашая возрожденіе плоти. Но изъ волненій и междоусобій, охватившихъ собой всю пограничную полосу между двумя вѣками, выходитъ торжествующею королевская власть; умиротворенію страстей, облагороженію вкусовъ и образа жизни призвана теперь служить поощряемая свыше литература, изящная по формѣ, далекая отъ жизни, ищущая вдохновенія въ чужой старинѣ, въ миѳахъ о богахъ и герояхъ. Начинается царство псевдоклассицизма, ростки котораго стали замѣтны еще въ XVI столѣтіи, царство звучныхъ стиховъ, возвышенныхъ чувствъ и мыслей, исключительныхъ натуръ, и могущество его доходитъ почти до рубежа „просвѣтительнаго вѣка“. Можно бы подумать, что всѣ лучшія силы отданы движенію, чуждому повседневной жизни, — но въ самой сердцевинѣ школы готовятся уже расколъ и смѣна направленія. Лишь слабо связанный съ нею Мольеръ наполняетъ комедію чертами подлинныхъ нравовъ и живыхъ людей, борется съ общественными язвами, спускается до низшихъ слоевъ быта; за нимъ идетъ рядъ бытовыхъ комиковъ, замыкающійся Лесажемъ; рядомъ работаетъ надъ изученіемъ жизни группа романистовъ-нравоописателей, Сорель, Фюртьеръ. Для близкаго уже торжества реализма почва готова.

Тѣмъ временемъ дряхлѣетъ старый порядокъ, демократія рвется въ первые ряды, гуманная философія становится благовѣстіемъ для всѣхъ забытыхъ и безправныхъ,—и на всей передовой линіи, въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ, лозунгомъ становится освобожденіе, исцѣленіе, преобразованіе. Красивые звуки, стройныя формы, чистое искусство—не ко времени и не къ мѣсту; для нихъ остался еще пріютъ въ одѣ или трагедіи, да и эта послѣдняя у Вольтера гораздо менѣе занята идеей красоты, чѣмъ такой прикладной идеей, какъ вредъ фанатизма и законность свободы совѣсти. Все разростается и крѣпнетъ „реалистическое" направленіе литературы, охватывая собой и періодъ энциклопедизма, и революціонную пору съ ея политической трагедіей, обличительнымъ комическимъ театромъ, тучей журналовъ и памфлетовъ, и патріотической лирикой.

Вмѣстѣ съ возрожденіемъ стараго начала въ государствѣ и церкви, и походомъ противъ идей XVIII-го вѣка настаетъ гальванизированіе классицизма, поощряемое Наполеономъ; трагедія изъ мѣщанскаго платья снова наряжается въ тогу, ода торжественно звучитъ, академія стоитъ на стражѣ строгости стиля; Тальма на сценѣ, Давидъ въ живописи—увлекаютъ зрителя далеко вглубь прошлаго. Но въ то же время слышится унылая, звенящая, мечтательная нотка ранняго французскаго романтизма, среди разгрома міровъ и государствъ тоскующаго о первобытной жизни, о дѣтской вѣрѣ, о сліяніи съ природой, видящаго грезы среди бѣлаго дня. Цѣлое тридцатилѣтіе ушло на это искусственное, напряженное водвореніе „идеализма", послѣ разнузданной житейской прозы; Шатобріанъ и роялисты-эмигранты служили ему наравнѣ съ казенными стихотворцами и академиками Наполеона. Но съ первыхъ пѣсенъ Беранжé, смѣло нападавшихъ на старую партію въ государствѣ и творчествѣ, встрѣчное движеніе снова заявляетъ о себѣ; къ іюльскимъ днямъ оно окрѣпло, вывело романтизмъ изъ заколдованнаго круга старины къ современному народу, съ Викторомъ Гюго ворвалось на сцену и заявило съ ея подмостокъ о нуждахъ дня, съ Барбьé вторглось въ оду и сдѣлало ее могучимъ обличительнымъ орудіемъ. Широко понесшаяся въ теченіе „десятилѣтія" (Dix Ans), жизнь, съ ея соціальными теоріями, поисками лучшаго строя, заступничествомъ за интересы крестьянскаго и рабочаго люда, постановкой женскаго вопроса, демократическими движеніями, приливомъ писательскихъ силъ изъ народной массы, довершила перерожденіе романтизма въ реализмъ. Съ 1848 года почти на сорокъ лѣтъ раскинулось его новое владычество, принимавшее различные от-

тѣнки (Давидъ-Соважо обособляетъ „реализмъ индифферентный", „реализмъ дидактическій" [1]) и т. п.), пережившее нѣсколько поколѣній, отъ Бальзака до Мопассана, но въ главныхъ чертахъ неизмѣнное, несмотря на шумливо-возвѣщенное появленіе натурализма, какъ небывалаго откровенія.

Теперь снова отливъ. Необъятная масса скопившагося бытового, реалистическаго матеріала, очевидно, слишкомъ долго задержала мысль и воображеніе человѣчества на повседневности, на низменномъ и одностороннемъ, — и опять сказалась жажда идеальнаго. О поворотѣ къ нему мечтали еще „парнассцы"; въ послѣдніе годы допустили съ нимъ компромиссъ даже передовые изъ „натуралистовъ"; Золя пошелъ ему на встрѣчу въ своемъ „Rêve", заговорилъ о возможности „натуралистическаго классицизма", соединяющаго бытовую правду съ высокими душевными влеченіями; лирика поднимаетъ снова знамя чистаго искусства,—но не затихаетъ вѣковѣчное, очевидно неизгладимое, движеніе, заступающееся за человѣчество, свободу, справедливость и знаніе—не прекрасными словами, но трудной, черной работой изо дня въ день, и, окрѣпнувъ среди новыхъ общественныхъ движеній, дождется своей очереди.

Итакъ, въ теченіе трехъ столѣтій литература Франціи пережила пять *смѣнъ* одного изъ основныхъ направленій другимъ, иначе—шесть послѣдовательно выступавшихъ школъ. Сроки ихъ господства бывали неравномѣрны, извилины „кривой" причудливы, но періодичность смѣны осталась несомнѣнною, давая возможность въ извѣстной степени предвидѣть ближайшій ходъ литературнаго развитія и ожидать, напр. въ первой половинѣ двадцатаго вѣка, особаго оживленія бытового романа, соціальной комедіи, всего, что путемъ художественнаго слова поддерживаетъ сложную работу внутренняго переустройства жизни.

Другой примѣръ представитъ русская литература за три послѣдніе вѣка.

Широкое развитіе переводной дѣятельности въ XVII столѣтіи, пересаженный на русскую почву западный романъ съ его бытовыми, любовными, сатирическими темами, комическій театръ, выпустившій на волю осужденный аскетизмомъ смѣхъ, басня, новелла, фацеція,—все, узаконявшее, наконецъ, въ литературѣ мірской, житейскій элементъ, который врывался даже въ кіевскій академическій классицизмъ, указывало словесности единственный,

---

[1]) Le réalisme et le naturalisme dans la littérature et dans l'art, par. David-Sauvageot. 1889, 192 et pass.

казалось, пригодный для поры преобразованій путь,—изображеніе дѣйствительной жизни. Но къ тридцатымъ годамъ слѣдующаго вѣка условія мѣняются. Изолированный, кабинетный трудъ писателей „переходной поры", ихъ ученичество у псевдо-классиковъ запада, диктатура Буало, зависимость отъ двора и его церемоніала, отклонили преемниковъ реальнаго направленія въ сторону формализма, торжественности, миѳологическаго аппарата, благонамѣренныхъ общихъ мѣстъ, погони за благозвучіемъ и благообразіемъ. Но жизнь стучится въ ихъ размѣренное и выглаженное творчество, и яркими полосами свѣта заливаетъ сатиры или Ломоносовскіе трактаты. Это—признакъ ея близкой побѣды.

Недолго длилось у насъ неотразимое господство классиковъ—не болѣе тридцати лѣтъ, несмотря на такое поразительное обширное послѣсловіе къ нему, какъ дѣятельность Державина. Отовсюду и по русскому почину, изъ русскихъ источниковъ, и подъ вліяніемъ Запада, возникаютъ попытки свободно и правдиво изображать жизнь. Тронъ Сумарокова, едва воздвигнутый, уже шатается; слышенъ смѣхъ Фонвизинской поэзіи и сатирическихъ журналовъ, и рукоплесканія, встрѣтившія переводы изъ Бомарше. Просвѣтительный вѣкъ, какъ всюду въ Европѣ, поддержалъ и укрѣпилъ это направленіе, но зато послѣ печальной и грубой развязки русской „Aufklärung" затихаютъ и голоса ея дѣятелей, поработавшихъ, насколько силъ было, надъ изученіемъ дѣйствительности. Старый режимъ въ словесности, надежный, послушный и торжественный, беретъ верхъ. Онъ продержался до середины двадцатыхъ годовъ нашего вѣка, и старательно исполняя завѣщанную ему задачу разобщенія литературы съ жизнью, не двинулъ, однако, впередъ пониманія античной красоты, и, тщеславясь возвышеннымъ содержаніемъ, не поднялся въ своемъ „идеализмѣ" надъ уровнемъ моральныхъ сентенцій и общихъ мѣстъ.

Къ пѣснопѣніямъ академическихъ и вольно-практикующихъ греко-римлянъ вскорѣ присоединились, однако, туманныя элегіи романтиковъ и свѣтлые эллинскіе гимны Батюшкова. Въ смыслѣ простора для творчества, это—шагъ впередъ, по отношенію же къ запросамъ жизни, это—новое, красивое видоизмѣненіе отчужденности отъ нея. Не все ли равно, къ богамъ Олимпа или къ привидѣніямъ христіанской демонологіи, въ эллинскій бытъ или въ средневѣковое рыцарство—уходила мысль отъ современности? Но эта мысль согрѣта уже была гуманностью, чувство было искреннее, задумчивость или экстазъ были задушевны, и „идеализмъ" въ поэзіи начиналъ, наконецъ, выполнять свою миссію.

Только съ Пушкинымъ-байронистомъ, съ Грибоѣдовымъ, съ критиками „Полярной Звѣзды“ и „Московскаго Телеграфа“, традиція „реализма“ снова ожила. Сначала ходъ движенія колеблющійся, съ виду нервно-неправильный. Пушкинъ въ состояніи, послѣ воинствующей поэзіи, перейти къ культу красоты, и въ то же время привѣтствовать и направлять Гоголя, съ его чутьемъ пошлости и рѣзкимъ обличеніемъ. Самъ Гоголь переживаетъ такой же процессъ и переходитъ отъ смѣха къ гимнамъ и отъ чудовищъ къ безплотнымъ силамъ. Будущій объяснитель Гоголя, Бѣлинскій, со всей группой сверстниковъ сначала блуждаютъ въ полумракѣ гегельянства, стоившемъ, конечно, псевдо-классическаго игнорированія современности, и потомъ сразу перейдутъ, avec armes et bagages, въ лагерь реалистовъ. Все же приблизительно на сорокъ лѣтъ (съ появленія „Мертвыхъ Душъ“) устанавливается преобладаніе бытового, общественнаго теченія въ литературѣ. Въ „натуральной школѣ“ ближайшихъ преемниковъ Гоголя и въ позднѣйшемъ психологическомъ романѣ, у беллетристовъ-народниковъ и у западниковъ, въ комедіи, Некрасовской поэмѣ, Щедринской сатирѣ, нерѣдко даже въ славянофильскомъ очеркѣ изъ народнаго быта основнымъ пріемомъ являлось изученіе подлинной жизни; безъ этой реальной почвы казалось невозможнымъ никакое художественное, этическое, соціальное направленіе литературнаго творчества; когда же рядомъ стало развиваться, съ поры реформъ, научное и практическое, дѣловое изученіе той же жизни, солидарность его съ туманной заботой литературы обѣщала много добра.

Но времена перемѣнились. Пониженіе общественныхъ интересовъ, признаки слабости и односторонности въ наличномъ составѣ представителей реализма, отсутствіе сильной критической поддержки и руководства, надежда культурныхъ слоевъ найти въ „идеализмѣ“ опору во время остраго пароксизма, разочарованности и усталости,—наконецъ, неизбѣжная очередь смѣны направленій и вліяніе такого же идеалистическаго похода, начавшагося на Западѣ, дали возможность оживиться и подняться противникамъ реализма. Ихъ ученіе не переставало заявлять о себѣ и никогда не перестанетъ. Майковъ, Алексѣй Толстой и родные имъ поэты среди разлива реалистическаго направленія стали живой связью между Пушкинской эстетикой и „идеализмомъ“ конца вѣка. Насколько содержателенъ этотъ самоновѣйшій идеализмъ—другой вопросъ. Если царство идеаловъ уже настало, зачѣмъ медлятъ наши Шиллеры съ своими западающими въ душу гимнами въ честь красоты, добра и братства, почему та-

кимъ холодомъ вѣетъ отъ философствующихъ поэмъ, почему мертва наша трагическая сцена? Или мы только *наканунѣ* торжества, и заря едва занимается?..

Во всякомъ случаѣ, съ семнадцатаго вѣка, это въ русской литературѣ *пятая* смѣна школъ. Впереди—не поддающійся пока исчисленію рядъ такихъ же періодическихъ возвратовъ. Искривленной змѣйкой вьется вдаль линія литературныхъ судебъ, не прямая, но „прямѣйшая“. Отъ успѣховъ культуры, широкой и терпимой, будетъ зависѣть признаніе равноправности за той стороной творчества, которая вноситъ въ него повседневную жизнь съ ея горестями и радостями (и которая—нужно еще въ этомъ сознаться—дала до сихъ поръ въ русской литературѣ наибольшіе результаты), и тою, что̀ освѣщаетъ ее великими идеями, чудными образами, гармоніею звука. Если „идеализмъ“—не празднословіе и красивая вывѣска для литературной реакціи, ему найдется мѣсто въ творчествѣ будущаго, основанномъ на близости къ жизни и служеніи ей. Что̀ можетъ быть реальнѣе быстро ростущаго въ наше время сближенія народовъ на почвѣ общественной мысли, сглаживающаго различіе національностей, исповѣданій, государствъ? Но развѣ это не осуществленіе завѣтной Шиллеровской грёзы?

III.

Одно изъ украшеній нашей литературы, комедія, глохнетъ и вянетъ. По заведенному порядку мы признаемъ, что она смѣхомъ исправляетъ нравы, бичуетъ зло, освѣжаетъ душу, разряжаетъ энергію веселымъ отдыхомъ; мы любуемся знаменитымъ апоѳеозомъ комедіи въ концѣ „Театральнаго Разъѣзда“, противъ славы Мольера, Бомарше или Гоголя ничего не имѣемъ, и при всемъ этомъ равнодушно присутствуемъ при медленной смерти, отъ малокровія и безсилія, прежней красы русскаго театра. Самый смѣхъ, въ пользу котораго, бывало, говорилось столько прочувствованныхъ словъ, вызываетъ снисходительную улыбку или оскорбляетъ показную, фарисейскую серьезность. Невольное веселье овладѣваетъ подчасъ зрителями, но пьеса оканчивается при полномъ безмолвіи внезапно остывшей залы, застыдившейся того, что она за минуту передъ тѣмъ поддалась соблазну смѣха. Въ старомъ поединкѣ между драмой и комедіей теперь несомнѣнный перевѣсъ и неоспоримое торжество на сторонѣ драмы: одна только она призвана быть сценической выразительницей

тревогъ и запросовъ нашего времени. Намъ некогда и не къ лицу смѣяться.

Пусть такъ, но что же на дѣлѣ даетъ русская драма въ отвѣтъ на такія важныя требованія? Почти сплошь—рядъ психіатрическихъ сюжетовъ, коллекцію неудачниковъ, безпомощно борющихся, слабыхъ волей, прибѣгающихъ къ самоубійству, какъ къ готовой развязкѣ; нигдѣ (говоря по-гоголевски) „не вяжется сильнымъ узломъ драма", нигдѣ не выступаетъ во всей своей трагической глубинѣ конфликтъ личности и общества, борьба страсти и долга; зато въ изобиліи черты ненормальной, болѣзненной жизни души, отголоски уголовной хроники. Подходитъ уже время, когда къ пользованію драматическимъ искусствомъ приступитъ свѣжая и чуткая народная масса; тяжело подумать о впечатлѣніи, которое произведетъ на нее переданное въ живомъ сценическомъ дѣйствіи изображеніе нравственной разбитости, которую люди развитые считаютъ достойною возвеличенія и изученія, какъ будто указывая новичкамъ примѣръ для подражанія! И ради этой грустно правдивой, ноющей, безсильной кого-либо поднять, драмы отстраняется на задній планъ комедія съ ея великими, полуторавѣковыми заслугами; она низводится на степень фарса и карикатуры; не встрѣчая поддержки и оцѣнки, парализуются силы комическихъ писателей и комиковъ-актеровъ. У нихъ много самоотверженія, если они остаются вѣрными своему призванію.

Начиная съ Сумарокова и кончая школой Островскаго, русская комедія шла впереди всего театра на двойномъ пути общественности и художества. Въ то время, какъ трагедія не могла высвободиться изъ классическаго наряда, пѣла и тянула свои стихи, зналась только съ древними героями, ея бойкая сестра „вцѣплялась" въ порочныхъ людей и гнилые устои, обличала, бичевала, смѣшила, скоро постигла искусство изображать во весь ростъ живыхъ, подлинныхъ негодяевъ, и во всю ширь и глубь—тотъ строй вещей, при которомъ они торжествуютъ. Смѣнялись поколѣнія и вліянія; просвѣтительная пора, либерализмъ и реакція Александровской эпохи, сороковые, шестидесятые годы опредѣляли духовное содержаніе литературы и театра, и всегда комедія откликалась первою на призывъ; ея Фонвизины, Капнисты, Грибоѣдовы, Гоголи, Островскіе боролись въ передовыхъ рядахъ литературы и общественнаго движенія и выставили рядъ произведеній съ сильнымъ соціальнымъ и художественнымъ значеніемъ, въ то время, какъ драма, оживившись ненадолго послѣ Пушкинской прививки, по большей части вела жизнь „золотой

середины". И теперь намъ чуть что не говорятъ, что комедія отжила свой вѣкъ, что она болѣе не нужна, что ей некуда идти впередъ. Стало быть, *все* сказано, добродѣтель и правда восторжествовали, и нашъ міръ—le meilleur des mondes possibles? Стоитъ только опредѣленно формулировать этотъ выводъ, чтобъ тотчасъ же высказалась вся несостоятельность вызвавшаго его недоразумѣнія.

Въ нашемъ нерасположеніи къ комедіи кроются глубокія и давнія, общія причины. Какою утѣшительницей ни являлась она во всѣ вѣка для народныхъ массъ, въ классическую старину и въ новомъ мірѣ, въ культурныхъ классахъ не разъ замѣтно было предпочтеніе героизма, торжественности, сложной и тонкой психологіи. Мнѣнія, высказывавшіяся въ этомъ духѣ въ прежніе вѣка, кажутся заявленными вчера. Въ „Критикѣ на школу женщинъ" Мольеръ, устами Доранта, возражая на такое мнѣніе, съ горячностью доказывалъ, что „гораздо легче щеголять возвышенными чувствами, громить въ стихахъ фортуну, обвинять судьбу и говорить дерзости богамъ, чѣмъ вникнуть вглубь смѣшныхъ сторонъ людей и заинтересовать на театрѣ изображеніемъ повседневныхъ пороковъ. Когда вы выводите героевъ, вы поступаете совершенно свободно. Это портреты условные, въ которыхъ никто не ищетъ сходства; вамъ остается лишь отдаться влеченію фантазіи, которая часто покидаетъ правдивое, чтобъ достигнуть чудеснаго. Когда же вы изображаете простыхъ людей, вамъ необходимо рисовать съ натуры. Отъ васъ потребуютъ сходства портретовъ, и вы ничего не добьетесь, если въ нихъ не узнаютъ вашихъ современниковъ. Однимъ словомъ, въ серьезныхъ пьесахъ достаточно, чтобъ не заслужить порицанія, оставаться на уровнѣ здраваго смысла и писать красиво, но этого мало въ комедіяхъ; тамъ ѐще нужно забавлять,—а нелегкая задача—съумѣть разсмѣшить порядочныхъ людей". Столѣтіе спустя, Гаррикъ говорилъ беззаботно стремившемуся на комическую сцену Джону Баннистеру: „вы на нѣсколько времени можете съ успѣхомъ морочить публику въ качествѣ трагика, но, милый мой, *комедія—дѣло серьезное*; итакъ, не трогайте ее пока" (you may humbug the town well enough as a tragedian for a while; but comedy is a serious thing, my boy; so don't try that just yet)... Безъ малаго столѣтіе спустя, у Гоголя вырвались извѣстныя задушевныя жалобы на пренебреженіе комедіею: „не слышатъ могучей силы смѣха; что̀ смѣшно, то низко, говоритъ свѣтъ; только тому, что̀ произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, придаютъ названіе высокаго". Три сто-

лѣтія, въ трехъ различныхъ національностяхъ, дали образцы настойчивой и постоянно вызываемой необходимостью защиты комизма и смѣха. Очевидно, близорукость въ такомъ вопросѣ— застарѣлый недугъ; только сильнымъ дарованіямъ отдѣльныхъ лицъ или дружной работѣ цѣлой школы комическихъ писателей удавалось преодолѣть его и отвоевывать для смѣха почетное мѣсто на сценѣ. Но вѣдь то, что̀ оказалось возможнымъ въ былые вѣка, выполнимо и въ наше время; была бы добрая воля и... талантъ, Ждать мессіи, который произвелъ бы переворотъ единичными своими силами, немыслимо; убыль слишкомъ велика, застой длился слишкомъ долго; необходима коллективная работа.

Но не загородитъ ли ей сразу дорогу впередъ настойчивое требованіе „новыхъ словъ“ и сознаніе, что она ихъ не знаетъ, что всѣ важнѣйшія темы уже затронуты и приходится жить повтореніями и перепѣвами? Не ставитъ ли критика въ укоръ каждой современной пьесѣ, прежде всего, что въ ея содержаніи и характерахъ рѣшительно нѣтъ ничего новаго? Безвыходный, заколдованный кругъ не выпускаетъ на волю.

Когда авторъ „шумнаго роя“ остроумныхъ и блестящихъ фантазіею венеціанскихъ комедій прошлаго вѣка, Карлъ Гоцци, на основаніи наблюденій надъ драмой всѣхъ народовъ, выставилъ предположеніе, будто всѣ сценическія фабулы, какія только можно вообразить, сводятся къ весьма ограниченному числу основныхъ сюжетовъ, которые только во внѣшней своей оболочкѣ измѣняются, и даже съ математической точностью привелъ и самое число—*тридцать шесть*,—это мнѣніе показалось бьющимъ на эффектъ парадоксомъ. Въ своихъ эстетическихъ бесѣдахъ съ Гёте Шиллеръ возсталъ противъ заявленія Гоцци, предпринялъ фактическую его провѣрку и пришелъ къ цифрѣ, почти совпадавшей съ указанною. Недавно [1]) выполнена была новая провѣрочная работа; тысяча художественныхъ произведеній, въ томъ числѣ 800 драматическихъ пьесъ, была подвергнута анализу со стороны психологической или же бытовой основы ихъ содержанія, и та же цифра 36 охватила собой всѣ группы, на которыя распалось столь значительное количество беллетристическаго матеріала. Пусть исчисленіе это останется приблизительнымъ (Жераръ де Нерваль стоялъ, напр., за 24 группы), во всякомъ случаѣ каждая попытка подобнаго счета напоминаетъ намъ, къ какому скромному циклу основныхъ дра-

---

[1]) Въ статьяхъ Georges Polti, появлявшихся сначала въ „Mercure de France“, потомъ отдѣльной книгой, „Les 36 situations dramatiques“, 1895.

матическихъ положеній и эмоцій сводится внушительное, казалось, разнообразіе и богатство всемірной драматургіи. Всѣ проблемы любви, столкновенія личности съ обществомъ, всѣ виды самопожертвованія, мщенія, соперничества, трагической преступности, умышленнаго или случайнаго убійства, политическихъ переворотовъ, заговоровъ и возстаній, семейныхъ драмъ насилія и гнета и т. д., представлены въ данномъ перечнѣ сюжетовъ многочисленными пьесами, взятыми изъ театра старой Индіи, Греціи, Рима и изъ литературъ новой Европы. Наблюденія давно сдѣланы, характеры обрисованы, темы исчерпаны; то, что̀ будетъ изображать драма двадцатаго столѣтія, неизбѣжно будетъ повтореніемъ намѣченнаго предшествующими вѣками творчества. Новаго нѣтъ, и никогда больше не будетъ.

И, несмотря на это, передъ драматическимъ писателемъ каждой эпохи открывается широкое поле самостоятельной дѣятельности, и на „новое слово“ онъ имѣетъ столько же права, какъ его предшественники. Его время, его національная, общественная, религіозная, политическая среда облекаютъ старыя, какъ міръ, наблюденія и истины, такъ же какъ и самихъ людей—въ новые наряды. Притворство съ незапамятныхъ временъ подмѣчено и стало достояніемъ комедіи, но, олицетворенное на французской сценѣ XVII вѣка, оно изъ окружавшихъ ее бытовыхъ данныхъ дало Тартюффа; въ Англіи XVIII столѣтія воплотилось въ Джозефа Сорфэса (въ „Школѣ Злословія“); въ Россіи XIX вѣка дало образъ Городничаго;—неужели наше время, богатое лицемѣрными масками всякаго рода, не раскрыло бы передъ наблюдательнымъ комикомъ обширной коллекціи оригиналовъ для сценическаго снимка?... Борьба личности съ обществомъ и протестъ ея противъ нетерпимости и давленія на мысль и совѣсть была много разъ темой соціальной комедіи и драмы,—но изъ того, что въ XVII вѣкѣ рѣзкія истины сказалъ современникамъ Мольеровскій Альцестъ, въ XVIII столѣтіи—Фигаро, въ русской средѣ 20-хъ годовъ—Чацкій, въ нѣмецкой—Уріэль Акоста, выразитель идей молодой Германіи,—вѣдь не слѣдуетъ, чтобъ все было высказано этими предшественниками, тема исчерпана, надобности въ обличеніи не представлялось, и чтобъ злоба дня въ концѣ XIX вѣка не могла вызвать новаго Чацкаго или новаго Фигаро на сильный протестъ и безстрашныя рѣчи?

Старыя, общечеловѣческія темы комедіи постоянно обновляются самой жизнью; только тогда комедія выполнитъ свою задачу относительно ея времени и ея народа, когда отразитъ въ себѣ всѣ видоизмѣненія этихъ старыхъ темъ, вызванныя новыми

осложненіями быта. Можно ли утверждать это въ защиту современнаго комическаго театра нашего? Высшіе, достигнутые до сихъ поръ образцы его, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, въ бытовомъ отношеніи прикрѣплены къ отжившимъ соціальнымъ условіямъ, къ чиновничеству и барству первой четверти вѣка, къ купечеству пятидесятыхъ годовъ. Изъ мозаической работы послѣдующихъ комиковъ не составишь полной общественной картины; добросовѣстно выполняли они отмежеванную ими же самими частицу своей великой работы, постоянно проходя мимо богатыхъ залежей комическихъ сюжетовъ.

Въ странѣ, гдѣ еще такъ живуче сословное начало, трудъ комика часто по неволѣ спеціализировался, пріурочиваясь къ изображенію извѣстнаго отдѣла соціальной жизни, и комедія получала купеческій, дворянскій, народный, чиновничій колоритъ. Хоть въ этихъ-то рамкахъ все ли сдѣлано ею? Въ свое время она отмѣтила дворянское оскудѣніе, но попытки выйти изъ него, вернуть себѣ старыя льготы, оживленіе кастовой спѣси и другіе отголоски Грибоѣдовской поры оставлены ею безъ вниманія. Купечество было открыто и завоевано Островскимъ для комедіи, но съ каждымъ годомъ тускнѣютъ бытовыя черты въ его пьесахъ, формы жизни кажутся уже архаическими, нравы и характеры мѣняются, и комедія, сжившаяся было съ Китъ Китычемъ и Любимомъ Торцовымъ, спѣшитъ въ послѣдніе годы догнать ушедшихъ въ другую сторону ихъ преемниковъ... Три четверти столѣтія спустя послѣ Капнистовской „Ябеды" авторъ „Доходнаго Мѣста" съумѣлъ изъ той же среды хищничества и взятокъ извлечь новыя данныя для обличенія стараго, закоснѣлаго русскаго порока, не повторивъ пріемовъ своего предшественника и обставивъ фабулу картиной общественнаго броженія передъ реформами. Прошло съ того времени снова нѣсколько десятилѣтій съ ихъ треволненіями—нужно думать, что справедливость и законность, наконецъ, упрочились навсегда: комедія безпечно отвернулась отъ связанныхъ съ ними вопросовъ... Народная, деревенская жизнь заняла извѣстное мѣсто на сценѣ, но, если въ драмѣ она дождалась сильнаго и правдиваго изображенія, комическое освѣщеніе деревни пробавляется грубыми эффектами попоекъ и разгула. Гдѣ тотъ мѣткій юморъ, которымъ блещутъ народная рѣчь, сказки, пѣсни, комическія „народныя легенды", сельскія игрища"? Хоть бы его призанять, чтобъ народъ въ комедіи являлся не условной, сочиненной массой, а сборищемъ живыхъ людей со всевозможными оттѣнками характеровъ!... Обширный слой мѣщанства, ремесленной и рабочей жизни—едва затронутъ; комедіи изъ литератур-

ныхъ нравовъ (хотя бы подъ стать „Журналистамъ“ Фрейтага) мы не имѣемъ; даже мѣстный комическій жанръ не развился у насъ,—послѣ „Бальзаминовской трилогіи“ Островскаго *московская* бытовая комедія (столь же правоспособная, какъ „Wiener Stück“ или венеціанская шутка) замолкла, а въ Москвѣ ли, казалось бы, съ ея пестрымъ населеніемъ, не развиться бойкому локальному фарсу?

Но кромѣ этого богатства бытовыхъ данныхъ, оставленныхъ въ пренебреженіи, современная комедія не коснулась ряда общихъ вопросовъ и положеній, вызванныхъ осложнившимися общественными отношеніями. Разладъ между поколѣніями, столкновенія убѣжденій, торговля ими и ренегатство, новыя формы хищничества, наживы, русскаго панамизма, семейный строй, женское движеніе въ его борьбѣ съ старымъ порядкомъ,—не оберешься насущныхъ и благодарныхъ темъ.

Пусть не ссылаются въ оправданіе на трудность обличенія при данныхъ условіяхъ жизни. Дѣло комика всегда и вездѣ было нелегко; не въ средѣ, проникнутой благодушіемъ и терпимостью, писали Грибоѣдовъ, Капнистъ, Гоголь, Островскій; исторія „Ябеды“, „Горя отъ ума“, „Ревизора“, „Своихъ людей“, „Доходнаго Мѣста“—полна запрещеній, преслѣдованій, уродованій и искаженій, и несмотря на то побѣда осталась за ними, и люди, имѣвшіе за душой *что* сказать обществу, сдѣлали это съ честью. Смѣлѣе же впередъ, робко прижавшееся къ сторонкѣ и малочисленное поколѣніе комиковъ,—и за дѣло! Пусть иронизируетъ кто хочетъ надъ старымъ изреченіемъ, утверждавшимъ, что театръ — школа народная (любопытно, что въ прошломъ вѣкѣ его повторяли Екатерина и дѣятели 1789 года); комедіи выпала теперь на долю немалая обязанность народнаго воспитанія въ духѣ правды и долга; съ тѣхъ поръ, какъ со смертью Щедрина не раздается болѣе смѣлое укоризненное слово сатиры, только съ комической сцены, вѣрной завѣтамъ великихъ комиковъ, общество можетъ услышать столь нужную ему суровую истину.

IV.

Одинъ изъ товарищей молодого Гёте, Генрихъ Леопольдъ Вагнеръ, въ остроумной сатирѣ: „Voltaire am Abend seiner Apotheose“ [1]), тотчасъ послѣ смерти Вольтера заглянулъ въ будущее

[1]) Эта очень рѣдкая брошюра перепечатана была Б. Зейфертомъ, Heilbronn, 1881.

и попытался отгадать судъ о немъ потомства черезъ столѣтіе. Впавшій въ дѣтство, суетный и тщеславный Вольтеръ, его нянька, и колоссальная фигура Духа XIX вѣка—дѣйствующія лица сатиры. Старикъ бредитъ, на яву, грядущимъ своимъ безсмертіемъ; раздраженная его самомнѣніемъ, сидѣлка произноситъ тайкомъ надъ жаровней заклинаніе, обводитъ волшебный кругъ,—и геній будущаго столѣтія является какъ Фаустъ передъ духомъ земли. Вольтеръ смущается и слышитъ отъ духа странныя вещи: его оцѣнятъ только по заслугамъ, выдѣлятъ то, что̀ стоитъ хвалить,—а *какъ* это сдѣлаютъ,—пусть объ этомъ онъ самъ прочтетъ. Удалившись, призракъ оставляетъ Вольтеру книгу; это—„Dictionnaire raisonné de la littérature française", который помѣченъ 1875 годомъ, правда, не безъ ошибки на заглавной страницѣ, потому что мѣсто печати: Paris, de l'imprimerie royale... И что̀ же? Отзывъ будущаго критика необыкновенно сухъ и придирчивъ, уничтожаетъ массами Вольтеровскія произведенія, оставляя лишь кое-гдѣ нетронутыя вершины, въ родѣ „Traité sur la Tolérance", одобряя остроуміе, но строго порицая его примѣненіе въ ущербъ религіи и нравамъ. Въ годъ изданія словаря всѣ довольствуются уже сокращеннымъ изданіемъ сочиненій Вольтера,—а послѣсловіе къ статьѣ лексикона гласитъ, что къ слѣдующему изданію, черезъ двадцать пять лѣтъ, т.-е. къ началу двадцатаго вѣка, произведено будетъ еще болѣе тщательное очищеніе, и выпущенъ будетъ только „Esprit de Voltaire", въ *двухъ* маленькихъ томахъ, въ одномъ—трактатъ о вѣротерпимости, какъ напоминаніе о прежнемъ варварствѣ, во второмъ—извлеченныя съ большимъ трудомъ изъ сорока томовъ, мѣткія, хорошія, не всегда новыя мысли... Книга выпадаетъ изъ рукъ великаго старца, и онъ лишается чувствъ.

Не странно ли, что почти въ тотъ самый срокъ, когда предсказано было появленіе этого „Voltaire épuré", Эмиль Фагэ, въ концѣ довольно суроваго этюда о Вольтерѣ[1]), высказалъ мнѣніе, что „всегда будутъ охотно читать *десятитомнаго* Вольтера, рѣдкое воплощеніе французскаго остроумія и тонкой сатиры"?... Разногласіе, стало быть, лишь въ томъ, какую часть необъятной дѣятельности мыслителя признать навѣки нерушимой, способной всегда будить и просвѣщать умы. Но самъ Вольтеръ врядъ ли иначе представлялъ себѣ подведеніе итоговъ жизни пи-

[1]) Въ его книгѣ „Le dix-huitième siècle", 1890. Но тотъ же критикъ, участвуя въ популярно-научной коллекціи Lecène et Oudin, выпустилъ цѣлую книгу о Вольтерѣ, почти вовсе свободную отъ скептическихъ выходокъ. Зачѣмъ это различіе отборной публики, которую можно побаловать эксцентричностью, отъ грамотной массы, обязанной питаться старымъ критическимъ хламомъ?

сателя потомствомъ. Онъ находилъ, что въ сколько-нибудь выдающейся книгѣ есть всегда нѣсколько страницъ, полныхъ существеннаго содержанія,—а затѣмъ повторенія, многословіе, пространныя толкованія. Онъ часто сохранялъ въ своей библіотекѣ не полный текстъ книгъ, а только выдержки изъ нихъ, вырванныя, наклеенныя, сброшюрованныя. Ему казалось, что такъ яснѣе раскроется передъ нимъ духъ мыслителя, талантъ художника. Свой умственный трудъ, трудъ геніальнаго пропагандиста, публициста, обязаннаго въ борьбѣ съ „злобой дня" много разъ возвращаться къ неизмѣннымъ темамъ своей проповѣди, онъ, конечно, обрекалъ на такой же судъ потомства. „Я буду повторяться до тѣхъ поръ, пока истина не восторжествуетъ"!—съ обычной горячностью восклицаетъ онъ, и съ этимъ признаніемъ предстаетъ передъ этотъ неизбѣжный, неумытный судъ.

Вопросъ о томъ, какъ происходитъ „судъ потомства", что̀ вліяетъ на произносимый имъ приговоръ надъ писателемъ,—при жизни, быть можетъ, ослѣпившимъ современниковъ своей славой, что̀ остается отъ этой славы,—одинъ изъ любопытныхъ и мало разработанныхъ въ литературной критикѣ. Даровитый представитель ея во французской наукѣ, Поль Стапферъ, нѣсколько времени тому назадъ попытался разобраться въ немъ и цѣлую книгу посвятилъ изученію зарожденія и развитія того, что̀ онъ называетъ „литературными репутаціями" [1]). Отъ ученаго, составившаго себѣ извѣстность независимыми и оригинальными сужденіями о такихъ увѣнчанныхъ традиціею писателяхъ, какъ Шекспиръ, Расинъ, Гюго, Мольеръ [2]), можно было ожидать съ одной стороны сравнительно-историческаго этюда въ широкой рамкѣ всеобщей литературы, съ другой—свободной расцѣнки, точныхъ итоговъ и вывода изъ наблюденій, существенно помогающаго рѣшенію вопроса. Смѣло проходя въ литературномъ пантеонѣ среди боговъ и героевъ, красующихся на своихъ пьедесталахъ, и отмѣчая то, что̀ *дѣйствительно* уцѣлѣло изъ ихъ наслѣдія, онъ могъ бы ввести историко-литературную оцѣнку въ надежное русло фактической достовѣрности, не боясь, что отъ такой провѣрки потускнѣетъ иной ореолъ, или развѣнчается чело, привыкшее къ лаврамъ.

Но задача осталась невыполненной; среди остроумной cause-

---

[1]) Paul Stapfer. Des réputations littéraires; essais de morale et d'histoire. P. 1893.

[2]) Остроумная книга его: „Petite comédie de la critique littéraire", 1866, сопоставила всѣ странности и нелѣпости, высказанныя о Мольерѣ критикой разныхъ школъ.

гіе, разбросаны мѣткія сужденія о пружинахъ успѣха, тайнахъ удачи, случайномъ и умышленномъ добываніи славы, о литературномъ честолюбіи, объ „оптическихъ иллюзіяхъ“; авторъ зачѣмъ-то признается въ томъ, что и самъ онъ взялся за составленіе настоящей книги, истомленный тщетнымъ ожиданіемъ блестящей репутаціи, которая могла бы наградить его долгую писательскую жизнь и постоянныя старанія выдвинуться чѣмъ-нибудь своеобразнымъ. Если и это — вспышка юмора, то она совсѣмъ неудачна и сводитъ тему изслѣдованія на избитую почву внѣшняго успѣха, состязанія, охоты за счастьемъ. Порою нашъ эссеистъ группируетъ авторитетныя мнѣнія по затронутому имъ предмету, не замѣчая, что они наносятъ рѣшительный ударъ его собственнымъ соображеніямъ. Когда онъ цитируетъ (всего ближе относящіяся къ наукѣ) слова Ренана (изъ „Avenir de la science“): „*насъ не будутъ читать* послѣдующія поколѣнія, мы это знаемъ, мы этому радуемся, и поздравляемъ нашихъ преемниковъ; нашъ трудъ состоялъ лишь въ томъ, чтобъ подвинуть впередъ пониманіе вещей, сдѣлать возможнымъ для потомковъ не читать нашихъ книгъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести въ движеніе мысли элементъ неизгладимый“, — отъ этого безнадежнаго предсказанія рушится только-что сложенный, затѣйливый карточный домикъ, мнимый храмъ литературной славы.

Передъ нами обрисовалось, стало быть, три мнѣнія: искусно взвѣсивъ всѣ благопріятные шансы, писатель *можетъ обезпечить себѣ жизнь въ потомствѣ*, — отъ его дѣятельности *уцѣлѣетъ лишь немногое*, строго отобранное позднѣйшими критическими школами, — его *совсѣмъ не станутъ читать*, но вспомнятъ о его заслугахъ въ общемъ движеніи мысли (если только онъ содѣйствовалъ ему). Вторая, посмертная жизнь занимаетъ немалое мѣсто во всѣхъ трехъ теоріяхъ; даже предвидя гибель того, во что вложилъ онъ лучшія свои душевныя силы, человѣку хочется вѣрить, что потомки помянутъ добрымъ словомъ его исканіе истины. Еще стремительнѣе неслась на встрѣчу будущему мысль такихъ опережающихъ свое столѣтіе писателей, какъ Дидро; въ горячей полемической перепискѣ его съ Фальконетомъ, дорожившимъ судомъ современниковъ, онъ не вѣритъ его приговору, всегда отравленному пристрастіемъ, предразсудками, личными счетами, и заявляетъ, что вся оцѣнка писателя *только* въ судѣ далекаго потомства...

Но вѣдь этотъ судъ — не условная фикція; для многихъ онъ уже наступилъ; мы сами въ немъ участвуемъ; историческая давность уполномочиваетъ насъ къ тому. По той провѣркѣ „литературныхъ репутацій“ семнадцатаго и восемнадцатаго вѣковъ,

которая выполняется въ настоящее врéмя и въ историко-литературной наукѣ, и въ критикѣ, и въ сужденіяхъ развитой части читающей массы, можно составить себѣ понятіе о томъ, чтò скажутъ наши преемники о главныхъ двигательныхъ силахъ литературы истекающаго столѣтія. Стапферъ берется же, напримѣръ, подвести итоги вѣку Людовика XIV, признаетъ, что слава Паскаля, Ларошфуко, Лабрюйэра, Боссюэ—закатилась, что Мольеръ, Лафонтенъ, Корнель, Расинъ и Буало (?) выдержали искусъ и т. д. Фагэ каждымъ новымъ сборникомъ своихъ критическихъ этюдовъ производитъ же опустошеніе то въ періодѣ Раблé и Монтаня, то въ XVII вѣкѣ, то въ прошломъ столѣтіи...

Пусть французскій эссеистъ съ фактами въ рукахъ настаиваетъ на томъ, что успѣхъ во множествѣ случаевъ зависѣлъ отъ счастливой случайности, искусно выбраннаго момента, отъ блестящей импровизаціи, звонкой и красивой, или же наоборотъ—загадочной, мистической, туманной, оттого что пробилъ „часъ явиться генію“ (l'heure du génie),—онъ признаетъ существованіе болѣе глубокихъ и твердыхъ основъ литературнаго безсмертія. Отдавая справедливость красотѣ формы, онъ находитъ одностороннимъ и устарѣвшимъ заявленіе Бюффона, будто только „изящно написанныя“ (bien écris) произведенія переходятъ къ потомству, и требуетъ отъ писателя оригинальности, свободы замысла и выполненія, не подвластнаго „правиламъ“, ждетъ отъ него „идеаловъ“, соотвѣтствія важнѣйшимъ запросамъ своего времени или назрѣвающимъ идеямъ будущаго; очевидно, эти требованія ставятъ поэта-мыслителя и гражданина выше счастливаго авантюриста, съ налету схватывающаго славу.

Итакъ, даже въ той средѣ, которая такъ долго плѣнялась внѣшней литературной красотой, и въ наше время, ради надежды найти новыя наслажденія, готова была признать блуждающій огонекъ символизма за путеводную звѣзду,—устанавливается здоровая, живительная требовательность. Непосредственнаго дарованія, подкупающаго своею искренностью вдохновенія, музыкальнаго чутья, становится недостаточно. „Догорятъ огни, отцвѣтутъ цвѣты“, и поблекнутъ поэтическія краски, казавшіяся когда-то очаровательными; вызываетъ же у насъ улыбку сентиментальность, которая для предковъ нашихъ была лучшимъ выраженіемъ ихъ мечтаній и чувствованій... Немногимъ лирикамъ любви и поэтамъ одинокаго раздумья, немногимъ занимательнымъ и беззаботнымъ разсказчикамъ или сценическихъ дѣлъ мастерамъ, не заглядывавшимъ дальше своего искусства, удалось, благодаря выдающейся талантливости, удержаться въ памяти—не исторіи литературы, обязанной все помнить, все заносить въ свой без-

конечный лѣтописный свитокъ—а громадной массы читающаго и воспріимчиваго человѣчества. Но столѣтія проходятъ, а полныя мысли и энергіи созданія живутъ вѣчно юной жизнью. Во всемъ своемъ средневѣковомъ нарядѣ „Божественная Комедія" ближе и дороже намъ многаго, что̀ возникло вчера.

Въ широкой рамкѣ, которую даетъ для обозрѣнія судьбы „литературныхъ репутацій" исторія всеобщей словесности, должно найтись мѣсто и для точныхъ итоговъ славы русскихъ писателей. Но попытка подведенія этихъ итоговъ сдѣлана была слишкомъ давно и не возобновлялась въ томъ же размѣрѣ и съ тою же цѣлью. То были „Литературныя Мечтанія" Бѣлинскаго. Весь персоналъ почти столѣтняго періода словесности былъ вызванъ на судъ безстрашнаго и независимаго юноши-критика, и какъ мало именъ выдержало искусъ!.. Когда перечитываешь эти страстныя статьи, кажется, будто передъ тобой поле сраженія, усѣянное трупами, или музей скульптуры, куда ворвался вихрь и снесъ съ пьедесталовъ и разбилъ въ дребезги чуть не всѣ статуи.

Съ тѣхъ поръ прошелъ весьма внушительный срокъ; накопился опытъ, выработались требованія, сравнительное изученіе литературы многому научило. Необходимъ новый пересмотръ. Если Маколей былъ правъ, высказывая желаніе, чтобъ біографіи замѣчательныхъ людей періодически предпринимались различными изслѣдователями и измѣняющіеся съ каждымъ поколѣніемъ взгляды и оцѣнки могли этимъ путемъ заявляться и содѣйствовать лучшему пониманію заслугъ дѣятеля,—то и въ области, которой мы коснулись, полезны такіе же пересмотры и провѣрки.

Выполненіе подобной работы вышло бы изъ предѣловъ летучихъ набросковъ. Это—тема, способная, казалось бы, привлечь и заинтересовать массой самостоятельнаго труда. Пригодныя для нея лица найдутся. Имъ можно пожелать полнаго безпристрастія, научной точности, умѣнья собрать и разработать сложный матеріалъ, измѣряющій степень распространенности и „читаемости" писателейи ихъ отдѣльныхъ произведеній въ культурныхъ слояхъ и грамотной массѣ, оцѣнку ихъ современной критикой и историко-литературной наукой, — умѣнья не робѣть передъ завѣщанными традиціею авторитетами, и не съ воинственнымъ пыломъ молодого Бѣлинскаго, имѣвшимъ, конечно, свое оправданіе, а съ спокойствіемъ естествоиспытателя или статистика обобщать наблюденія.

Ихъ ждетъ изученіе многихъ преодолѣвшихъ разрушительную силу времени, художественныхъ красотъ, — ждутъ и недоумѣнія, и открытые вопросы, а прежде всего тотъ, который у Стапфера выразился въ формулѣ „соотвѣтствія руководящимъ

идеямъ своего времени или будущихъ поколѣній", и который въ данномъ случаѣ обнаружитъ недочеты и пробѣлы. Имъ придется, быть можетъ, отмѣтить тотъ фактъ, что общество, такъ долго поклонявшееся на разныхъ поприщахъ „непосредственнымъ натурамъ", чуднымъ самородкамъ, и въ творчествѣ принуждено было чествовать прежде всего изобиліе талантливости, а затѣмъ уже извѣстный идейный запасъ; что современники не разъ мирились съ недостаткомъ этого „соотвѣтствія" съ отчужденностью отъ запросовъ жизни, ради сильнаго и чарующаго дарованія, и что медленно развивалась требовательность даже у потомства, не испытавшаго обаянія того или другого выдающагося таланта. Тамъ, гдѣ въ біографіяхъ замѣчательныхъ писателей то-и-дѣло повторяется заунывный припѣвъ о скудномъ воспитаніи, долгой и мучительной борьбѣ за существованіе, страстномъ и неровномъ самообученіи,—и, для оттѣнка, о рано наступающемъ переломѣ, утомленіи, равнодушіи, раскаяніи, сожженіи самимъ человѣкомъ того, чему онъ поклонялся,—гдѣ туманные, мистическіе взгляды могли съ успѣхомъ выдаваться за стройное міросозерцаніе, — иначе и быть не могло.

Но, быть можетъ, выясненіе хоть такого факта навело бы на небезполезныя соображенія и вознаградило бы за напряженіе предпринятой сложной работы...

Есть двѣ превосходныя, и по мысли, и по формѣ, защитительныя рѣчи въ честь дорогого достоянія русскаго народа,—его языка. Одна изъ нихъ всѣмъ знакома, другая забыта или малоизвѣстна; первая принадлежитъ Тургеневу, вторая—Ломоносову, съ которымъ романистъ случайно сошелся вполнѣ даже въ выраженіи мысли. Для Тургенева—„въ дни сомнѣній и тягостныхъ раздумій" былъ поддержкой и опорой „великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ". Ломоносовъ [1]) мечталъ о томъ, чтобы „россійское слово, отъ природы богатое, сильное, здравое, прекрасное, нынѣ еще во младенчествѣ своего возраста, добродѣтелей Россіи изображеніемъ растущее и укрѣпляющееся, превзошло бы достоинство всѣхъ другихъ языковъ".

Широко понятое, это желаніе процвѣтанія родного языка, конечно, охватываетъ собой и совершенство художественной формы, стиха, яркой и живой прозы, всего, что̀ обусловлено развитіемъ *рѣчи*. Но съ торжествомъ ея долженъ соединиться и прогрессъ —*мысли*.

Алексѣй Веселовскій.

Москва.

---

[1]) Слово благодар. на торжеств. инавгурац. университета. 1760.

ЛИДА

Романъ въ двухъ частяхъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Солнце было уже низко и послѣдними лучами освѣщало желтыя нивы. Вдали по пыльной дорогѣ, скрипя, тянулись телѣги, нагруженныя снопами. Гдѣ-то далеко слышалась пѣснь.

По межнику, между еще несжатою рожью, шли двое, оба одѣтые въ суроваго цвѣта коломянку. Одинъ молодой, другой въ лѣтахъ, но до того похожіе другъ на друга, что тотчасъ въ нихъ можно было признать сына и отца. Оба небольшого роста, широкоплечіе, круглолицые, оба съ широкими, расплывшимися носами. Но одинъ былъ уже съ лысиной на сѣдѣющей головѣ, а другой съ всклокоченной шапкой русыхъ волосъ. Старикъ былъ толще; ему, казалось, было тяжело нести свое грузное тѣло—онъ немного запыхался.

— Такъ неужели завтра ѣдешь?—спросилъ отецъ.

— Да... а впрочемъ... я хотѣлъ поговорить съ вами,—сказалъ сынъ и замолкъ.

Старикъ взглянулъ на сына.

— Я знаю... я боюсь, что мамаша будетъ противъ,—продолжалъ, запинаясь, сынъ:—но вы...—онъ опять запнулся.

Старикъ остановился, обернулся къ нему, снялъ фуражку и, вытирая потъ съ краснаго, загорѣлаго лица, своими добрыми сѣрыми глазами изъ-подъ нависшихъ косматыхъ бровей въ упоръ смотрѣлъ на сына, дожидаясь, что̀ онъ скажетъ.

Тотъ тоже остановился и, стоя въ полуоборотъ отъ отца, сорвалъ колосъ и внимательно вынималъ изъ него зерно за зерномъ.

— Я знаю,—повторилъ сынъ,—мамаша недолюбливаетъ ее...—но вы, вы всегда относитесь такъ сердечно къ ея матери и къ ней... она—такая хорошая, милая дѣвушка...

Онъ видимо конфузился и не зналъ, какъ выразить то, что̀ хотѣлъ сказать.

— Вотъ что̀! — протянулъ старикъ, и, надѣвъ опять картузъ, тихою поступью, съ перевальцемъ пошелъ дальше.—Вотъ что̀, жениться вздумалъ! Жениться на Лидочкѣ. Что-жъ! Хороша она, что̀ и говорить! Красавица. Коль любите друга друга—по моему, совѣтъ вамъ, да любовь, да счастье...

И вдругъ, спохватившись, прибавилъ:

— Да почему думаешь ты, что маменька будетъ противъ? Лидія Александровна—дѣвушка милая. Въ семейномъ отношеніи, т.-е. фамилія ея — не намъ съ тобою тягаться съ баронами Мюльбахами: ея отецъ былъ гвардейскій офицеръ... кончилъ плохо—ну, да это дѣло его... По матери же она вѣдь Дорсакова; а ты знаешь, они люди съ фанаберіей были, старики-то Дорсаковы съ нашими князьями тягались... Состояніе... Да вѣдь и мы съ тобой лишь рабочіе люди: я приказчикъ, иль управитель—какъ зовутъ меня; ты—докторъ. Ну, конечно, докторъ не то: докторъ—это великая вещь! А все-жъ, докторъ медицины Иванъ Павловичъ Синякинъ можетъ, не уронивъ собственнаго достоинства, жениться на баронессѣ Лидіи Александровнѣ Мюльбахъ. А на счетъ состоянія... Запутаны дѣла ихъ, что̀ и говорить! Мамаша вѣдь, баронесса-то, милая она, а ничего не понимаетъ. Ну, да мы въ руки возьмемъ, авось и поправимъ. Вѣдь ты знаешь, я уже кое-что и выплатить ее заставилъ. Да еще увидишь, что̀ сдѣлаемъ. Землица-то вѣдь хорошая. Вѣдь ихъ земля почти что получше нашей, княжеской, будетъ... Что̀ же, по-моему, дѣло хорошее, я такъ и маменькѣ скажу... А тебя, значитъ, поздравить можно?

— Нѣтъ, я ни слова еще не говорилъ съ ней, я хочу сегодня. Вонъ она сидитъ, видите, тамъ надъ оврагомъ въ травѣ, вонъ ея платье виднѣется; я пойду къ ней.

— Ну, ступай, ступай, а я къ баронессѣ на балконъ заверну.

Межникъ, по которому шли отецъ и сынъ Синякины, оборвался, рожь кончилась, и передъ ними, черезъ выгонъ, раскрылся

видъ на двѣ усадьбы, отдѣленныя оврагомъ одна отъ другой и вовсе непохожія другъ на друга.

По сю сторону оврага, маленькій, низенькій сѣрый домикъ, съ сѣрой дощатой старой крышей, еле виднѣлся за старыми березами и кустами сирени и бузины. А по ту сторону гордо возвышался большой каменный, двухъ-этажный домъ, съ такими же кругомъ его каменными флигелями, службами, оранжереями. Сюда, къ оврагу, черезъ который на него смотрѣлъ убогій, деревянный домикъ, большой домъ былъ виденъ лишь бокомъ, фасадомъ же выходилъ на разбитый въ англійскомъ вкусѣ садъ, террасами спускавшійся къ широкому пруду. За прудомъ, отражаясь въ его тихой, стоячей водѣ, тянулось большое село Березенки бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ князей Березенскихъ. Бѣлая каменная церковь виднѣлась за домомъ.

Павелъ Матвѣевичъ Синякинъ уже слишкомъ двадцать лѣтъ управлялъ Березенками. Ни самъ князь, ни сынъ его, никогда не живали здѣсь. Одинъ жилъ всегда въ Петербургѣ, другой—за границей. Они были очень богаты, у нихъ было нѣсколько имѣній въ другихъ губерніяхъ, были дачи въ Крыму и подъ Петербургомъ, и Березенки, гдѣ старый князь родился и провелъ дѣтство, были забыты имъ.

Иногда, очень рѣдко, разъ въ два, три года, Синякинъ вызывался къ князю либо въ Петербургъ, либо въ одно изъ его другихъ имѣній, для свиданія съ нимъ,, а въ сущности полновластно управлялъ Березенками; и, видно, давалъ хорошіе доходы, такъ какъ князь всегда былъ очень доволенъ имъ и ставилъ его въ примѣръ другимъ своимъ управляющимъ.

Березенки принадлежали князю не цѣликомъ. Маленькое имѣньице лѣпилось у его бока. По ту сторону оврага было небольшое, всего въ нѣсколько сотъ десятинъ, имѣніе Дорсаковыхъ. Покойный князь, отецъ теперешняго владѣльца, очень желалъ пріобрѣсти этотъ клочокъ, чтобы округлить свои владѣнія, но старикъ Дорсаковъ, дѣдъ баронессы Мюльбахъ, былъ неподатливъ, и устоялъ противу богатаго сосѣда. Онъ не любилъ князя; увѣрялъ, что тотъ выскочка, что фамилія князей Березенскихъ явилась на свѣтъ Божій, когда его предки, Дорсаковы, были давнымъ давно столбовыми дворянами... Между сосѣдями возгорѣлась ненависть—они, живя рядомъ, не видались годами и умерли, не простивъ другу другу, сами не зная, чего именно...

По смерти стариковъ обѣ усадьбы опустѣли.

Но лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ полуразвалившійся деревянный домикъ пріѣхала послѣдняя изъ рода Дорсаковыхъ,

молодая вдова баронесса Мюльбахъ. Она родилась, воспитывалась и замужъ вышла въ Петербургѣ. О ней ничего въ Березенкахъ не знали, и никто не интересовался ею до ея появленія тамъ; но когда пріѣхала эта молодая, видимо убитая горемъ женщина, о ней стали разсказывать всякую всячину. Говорили, что она виновата въ смерти мужа, покончившаго съ собой—говорили одни, убитаго на дуэли—говорили другіе. Сама она никогда ни съ кѣмъ не говорила ни о себѣ, да и ни о чемъ. Съ ней—такая же молчаливая, какъ и она—пріѣхала бонна-швейцарка, ни слова не понимавшая по-русски, и веселая, рѣзвушка, трехлѣтняя Лидочка, болтавшая на разныхъ языкахъ, но особеннымъ, никому непонятнымъ лепетомъ. И красавица Лидочка, и мать ея, какъ только появились въ Березенкахъ, сдѣлались любимой темой разговоровъ березенскихъ дамъ. Попадья по секрету передала школьной учительницѣ, что баронесса наложила на себя эпитимью, ни съ кѣмъ не водитъ знакомства во всю жизнь свою, съ тѣхъ поръ какъ ея полюбовникъ убилъ ея мужа. А жена становогo, дѣлая свой ежегодный визитъ супругѣ управляющаго, Амаліи Ивановнѣ Синякиной, всячески старалась выпытать у нея, какъ умеръ мужъ баронессы? Правда ли, что онъ засталъ ее со своимъ товарищемъ и лучшимъ другомъ и застрѣлилъ и его, и себя самого? Но Амалія Ивановна, сухая, долговязая нѣмка, исключительно интересующаяся своимъ хозяйствомъ, рѣзко отвѣчала женѣ становогo, что она ничего не знаетъ и знать не хочетъ, что такія дамы, какъ баронесса, которыя всю жизнь свою сидятъ сложа руки, читаютъ романы и не смотрятъ за тѣмъ, что̀ кругомъ ихъ дѣлается, ее, Амалію Ивановну не интересуютъ, и что она баронессу никогда и не видитъ.

— Но,—не безъ ехидства замѣтила супруга становогo,—говорятъ, Павелъ Матвѣевичъ у нея сиднемъ сидитъ.

Амалія Ивановна вспыхнула:

— Это ужъ дѣло, его, Павла Матвѣевича, — отвѣчала она рѣзко:—онъ ей въ дѣлахъ помогаетъ, совѣтами ее не оставляетъ; это ужъ его дѣло.

Жена становогo, зная, что Амалія Ивановна ей ничего больше не скажетъ, а говорить ей непріятности не входило въ ея планы, перевела разговоръ на другое и стала разспрашивать о красотѣ дочки баронессы. Но и эта тема не понравилась Амаліи Ивановнѣ:

— Ребенокъ, какъ ребенокъ, набалованъ только,—отрѣзала она.

А мужъ Амаліи Ивановны дѣйствительно заинтересовался молодой вдовой.

Павелъ Матвѣевичъ былъ сынъ мелкопомѣстнаго, разорившагося помѣщика. Онъ съ малыхъ лѣтъ мечталъ лишь о томъ, что, какъ кончитъ курсъ ученія, поселится въ деревнѣ и возьметъ хозяйство изъ слабыхъ и неумѣлыхъ рукъ отца. За то отецъ, видя, что имѣньице не прокормитъ сына, желалъ только, чтобы сынъ прошелъ черезъ университетъ и поступилъ на службу. Для помѣщика, получающаго доходы лишь иногда и урывками, казалось верхомъ блаженства положеніе чиновника, получающаго жалованье каждое двадцатое число. Но мечтамъ ни того, ни другого не суждено было исполниться: имѣніе было продано съ молотка почти въ тотъ же день, какъ Павелъ Матвѣевичъ провалился на послѣднемъ экзаменѣ въ петербургскомъ университетѣ. Старикъ умеръ съ горя, и сынъ, вынужденный искать себѣ способъ существованія, обратился къ протекціи бывшаго тогда главнымъ управляющимъ надъ имѣніями князя Березенскаго, Ивана Карловича Шмидта, за дочерью котораго, Амаліей, онъ, будучи студентомъ, немного ухаживалъ. Старикъ Шмидтъ взялъ Синякина въ контору князя. Года черезъ два, или три, Павелъ Матвѣевичъ, обвѣнчанный съ начинавшей уже блекнуть и высыхать Амаліей, уѣхалъ управлять сначала небольшимъ имѣніемъ князя въ калужской губерніи, а по смерти Шмидта уже самимъ княземъ былъ назначенъ управляющимъ Березенками. Павелъ Матвѣевичъ былъ человѣкъ смирный, тихій, безхарактерный съ женой, но настойчивый и справедливый съ крестьянами. Его всѣ уважали и любили. Какъ всѣ русскіе люди, онъ былъ неаккуратенъ, неряшливъ, но эти недостатки вполнѣ пополнялись нѣмецкой аккуратностью Амаліи Ивановны, державшей въ рукахъ мужа. У нихъ родился лишь одинъ сынъ; другихъ дѣтей не было. То, о чемъ мечталъ для него его отецъ, и чего ему не удалось достичь для самого себя, Павелъ Матвѣевичъ, подъ вліяніемъ своей практичной жены, задумалъ осуществить въ сынѣ, т.-е. сдѣлать изъ него чиновника. Но и тутъ опять мечты не исполнились: изъ молодого Синякина не вышелъ чиновникъ; онъ самъ выбралъ себѣ спеціальность и сталъ врачемъ, а затѣмъ и докторомъ медицины. Его взялъ къ себѣ ассистентомъ одинъ изъ свѣтилъ Петербурга, и къ радости и гордости своихъ родителей, Ванюша ихъ становился извѣстенъ и зарабатывалъ уже не мало денегъ. Каждый годъ, хотя не надолго, онъ пріѣзжалъ въ Березенки. Тутъ онъ выросъ, и Березенки были его сердцу почти такъ же милы, какъ и самому

Павлу Матвѣевичу, считавшему Березенки какъ бы своей собственностью.

Когда баронесса Мюльбахъ поселилась въ своемъ имѣньицѣ, Павелъ Матвѣевичъ взялъ привычку каждый вечеръ переходить оврагъ и просиживать часъ или два у кресла баронессы, гдѣ она, исхудалая, съ чахоточнымъ румянцемъ на впалыхъ щекахъ, проводила свою грустную жизнь. Молодой Синякинъ, не находя въ обществѣ вѣчно хлопотавшей по хозяйству матери своей, Амаліи Ивановны, большого удовольствія, сталъ также съ отцомъ, или и безъ отца, ходить въ сѣрый домикъ къ сосѣдкамъ; но вмѣсто того, чтобы сидѣть у кресла баронессы, онъ гулялъ по саду съ Лидочкой, читалъ ей сказки, разсказывалъ о бабочкахъ и о букашкахъ; потомъ, когда она подросла, онъ приносилъ ей книжки, спорилъ съ нею, больше шутя, она же возражала серьезно, иногда сердясь и горячась.

Въ этомъ году, пріѣхавъ въ началѣ лѣта, онъ не узналъ Лиду. Изъ хорошенькой, веселой дѣвочки она превратилась въ красавицу. Длинное платье дѣлало ее выше; формы округлились; лицо стало овально; глаза ея, темносиніе, глубокіе глаза, хватали за сердце всякаго, на кого она вскидывала ихъ; ея пунцовыя губы, открываясь для улыбки, показывали два ряда бѣлыхъ, маленькихъ зубовъ, а прозрачныя, тонкія ноздри вздрагивали. Однимъ словомъ, Иванъ Павловичъ въ послѣдній свой пріѣздъ, какъ увидѣлъ ее, такъ и остался въ Березенкахъ—вмѣсто предполагаемыхъ двухъ недѣль—два мѣсяца.

Теперь онъ подходилъ къ ней съ бьющимся сердцемъ... Лида не замѣтила его. Она сидѣла на камнѣ, на самомъ краю оврага, среди лопуховъ и полыни. На ней было простое, слишкомъ простое, почти бѣдное свѣтлое ситцевое платье, широкая блуза, перетянутая кожанымъ поясомъ. Ея роскошные темнопепельные волосы были заплетены въ одну тяжелую косу, падающую чуть не до колѣнъ. Она не то задумалась, не то засмотрѣлась на большую каменную усадьбу за оврагомъ, теперь всю освѣщенную розовыми лучами заходящаго солнца.

— Можно къ вамъ подсѣсть? — сказалъ Иванъ Павловичъ и, не дожидаясь отвѣта, опустился на траву пониже дѣвушки. Лида серьезно, безъ улыбки, посмотрѣла на него и опять перевела глаза на большой бѣлый домъ по ту сторону оврага.

— О чемъ задумались?—спросилъ онъ ее.

— О чемъ?.. Хотите скажу?—чуть улыбнувшись, отвѣчала она, и, не дожидаясь отвѣта, продолжала:—а знаете, Иванъ Пав-

ловичъ, какой я сегодня странный сонъ видѣла? Я никогда такого сна не видала.

Замѣтно любуясь ею, съ улыбкой на губахъ, молодой человѣкъ спросилъ:—Какой сонъ?—Но видимо не изъ любопытства узнать о снѣ, а изъ удовольствія слушать ея голосъ, смотрѣть на ея раскрывающіяся губы, на мелькающіе бѣлые зубы.

— Я видѣла, что я тамъ, — она рукой показала черезъ оврагъ,—въ большихъ комнатахъ наверху, и что всѣ чехлы съ мебели сняты,—знаете, какъ когда Амалія Ивановна чиститъ все?.. Но мебель стоитъ въ порядкѣ, и вездѣ горятъ лампы и свѣчи въ люстрахъ, и я тамъ хожу въ бѣломъ платьѣ, въ цвѣтахъ на головѣ и тутъ, на платьѣ... Чтò это значитъ, когда видишь себя въ бѣломъ, въ цвѣтахъ?.. Не смѣйтесь. Почему вы знаете, что это вздоръ? Кто можетъ сказать, что сны ничего не предвѣщаютъ?

— А чтò же вашъ сонъ можетъ предвѣщать? — спросилъ Иванъ Павловичъ.

— Чтò онъ можетъ предвѣщать?—переспросила Лида:—не знаю. Знаю лишь, чтò именно я желала бы, чтобы онъ предвѣстилъ.

— А чтò бы вы желали?

Дѣвушка зарумянилась и, смѣючись и отвернувъ голову,—а почему ему не предвѣстить, что я буду хозяйкой тамъ? — проговорила она.

— Какъ?—оторопѣвъ, спросилъ Иванъ Павловичъ.

Лида не замѣтила его выраженія: она смотрѣла въ сторону и, все еще улыбаясь, досказала, какъ бы шутя:

— Ну, почему не можетъ сюда пріѣхать молодой князь, влюбиться въ меня, какъ это бываетъ въ романахъ и сказкахъ: прелестный, могущественный принцъ встрѣчаетъ бѣдную дѣвушку у стѣны своего замка, беретъ ее за руку, ведетъ къ родителямъ и говоритъ: „вотъ она, избранница моего сердца“. Родители благословляютъ ихъ, и т. д., и т. д...

Улыбка сбѣжала съ поблѣднѣвшихъ губъ молодого человѣка; онъ отвернулся и всталъ.

— И вы вышли бы за князя, еслибы онъ посватался за васъ? — спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, не глядя на дѣвушку.

Она засмѣялась и тоже встала.

— А вы чтò же думаете? Вы думаете, я бы сказала:—прекрасный принцъ, иди своей дорогой; я люблю пастушка — онъ по ночамъ играетъ мнѣ на свирѣли... Да у меня и пастуха-то

нѣтъ... И вы думаете, что я не уцѣплюсь обѣими руками за такое счастье?

— Счастье?—переспросилъ онъ.

— Конечно, счастье! Какъ! Быть тамъ хозяйкой, быть богатой, быть княгиней! Развѣ это не было бы счастьемъ?

Она не то шутила, не то иронизировала, не то говорила серьезно. Потомъ, замѣтивъ, можетъ быть, измѣнившееся лицо молодого человѣка, она вдругъ перестала смѣяться и совсѣмъ другимъ голосомъ продолжала:

— Иванъ Павловичъ, пойдемте къ maman; она очень кашляла ночью, и теперь такъ устала. Что̀ дѣлать намъ? Я очень боюсь за нее.

Въ ея голосѣ звучали слезы. Молодой человѣкъ, уже растроганный, смотрѣлъ на нее.

„Она дитя",—подумалъ онъ и проговорилъ громко:

— Что̀ дѣлать, Лидія Александровна. Баронессѣ нуженъ теплый климатъ. Если бы она могла всегда жить гдѣ-нибудь на югѣ Франціи, кто знаетъ? можетъ, она и поправилась бы.

— Пойдемте къ ней, она на балконѣ,—сказала Лида и, смахнувъ пальцами слезу съ длинныхъ рѣсницъ, побѣжала къ дому; а за ней, съ серьезнымъ лицомъ, шелъ человѣкъ, котораго она безсознательно, шутя, оттолкнула отъ себя; человѣкъ, который, можетъ быть, далъ бы ей счастье лучше, нежели то, о которомъ она сейчасъ говорила.

II.

Въ глубокомъ креслѣ, заставленномъ отъ вѣтра ширмами, на террасѣ, обвитой дикимъ виноградомъ и жимолостью, сидѣла баронесса Мюльбахъ. Около нея стоялъ столъ съ чайнымъ приборомъ и всякими флаконами и стклянками съ лекарствомъ, уксусомъ, о-де-колономъ. Она была вся въ черномъ, закутана во что-то, на ногахъ черный кашемировый платокъ, на плечахъ и на головѣ—кружево, тюль. Какъ-то все это граціозно сливалось съ ея тонкой фигурой. На ея исхудаломъ лицѣ еще ясно видны были слѣды красоты. Это была безвременно состарѣвшаяся, больная, но еще интересная женщина. Черные волосы ея, сбитые на лбу, кое-гдѣ уже серебрились, щеки ввалились, на вискахъ просвѣчивали синія жилки, на лбу, между бровей, легла складка, но глаза ея, большіе, темные, еще блестѣли по временамъ. Теперь, съ разрумянившейся одной щекой, она нагнулась впередъ

къ своему собесѣднику и съ непривычнымъ вниманіемъ слушала его. Передъ ней на старомъ креслѣ сидѣлъ Павелъ Матвѣевичъ. Онъ отхлебывалъ изъ стакана жиденькій чай съ лимономъ и держалъ на отлётѣ, подальше отъ баронессы, свою толстую, дымящуюся папиросу. Лицо его, почти всегда довольное и спокойное, теперь было совершенно счастливое и сіяло отъ удовольствія. Онъ что-то, размахивая руками, расказывалъ баронессѣ, а она жадно слушала его.

— Вотъ, мамà, я привела къ тебѣ нашего доктора,—вбѣгая по расшатаннымъ ступенямъ балкона, сказала Лида.

— Mon enfant,—обратилась къ ней мать, не слушая ея и разсѣянно подавая руку Ивану Павловичу:—ты слышала новость? Князь пріѣзжаетъ сюда.

— Который? Молодой?—вскричала она.

— Нѣтъ-съ, барышня,—вставая и здороваясь съ ней, сказалъ Павелъ Матвѣевичъ:—не молодой, а самъ князь Николай Ѳедоровичъ.

— Ну, — надувъ губки, проговорила Лида и сейчасъ же, взглянувъ на потемнѣвшее лицо доктора, засмѣялась.

— Ты подумай о томъ, что намъ надо прилично прибрать комнаты; нельзя же такъ принять его,—замѣтила мать.

— Ахъ, maman, старика-то! Не все ли равно. Да еще и соблаговолитъ ли онъ нанести визитъ своимъ бѣднымъ сосѣдкамъ...

— Не говори вздора, Лида,—откинувшись на спинку кресла, упрекнула ее баронесса ослабѣвшимъ голосомъ.

— Какъ вы сегодня себя чувствуете?—спросилъ ее молодой докторъ.

— Все тоже, — махнувъ рукой, отвѣчала она:—всю ночь прокашляла...

— Я пришелъ проститься съ вами, я завтра уѣзжаю,—сказалъ докторъ.

— Ахъ, а мнѣ вы ни слова не сказали!—воскликнула Лида.

— Не успѣлъ, Лидія Александровна; вы мнѣ такой интересный сонъ разсказывали...

Старикъ отецъ посмотрѣлъ на сына и на дѣвушку, и понялъ, что дѣло не слажено.

— И я тоже прощусь съ вами, баронесса,—пожимая ея тонкую, бѣлую руку, проговорилъ онъ:—дѣлъ вò сколько, по горло: надо и домъ приготовить, и людей принанять. Амаліи Ивановнѣ придется въ городъ съѣздить, а у меня тутъ жнитво въ полномъ разгарѣ... А насчетъ того, чтò вы говорили, вы

не безпокойтесь, я устрою: заставлю его задатокъ за рожь теперь дать, устроимъ дѣло...

Синякины ушли.

— Лида, сейчасъ надо подумать о туалетахъ,—проговорила баронесса.

— Зачѣмъ, мама? Что̀ намъ за дѣло до князя!

— Лида!—баронесса въ изнеможеніи закашлялась.

— Хорошо, maman, хорошо, подумаемъ... Сейчасъ сбѣгаю за Ѳеней и устроимъ—мнѣ бѣлое кисейное, а вамъ ваше черное crépon; я на дняхъ вынимала его изъ сундука; тамъ огромный тюникъ,—сдѣлаемъ изъ него лифъ, и все обошьемъ испанскими кружевами, споремъ ихъ съ мантильи...

— Тебѣ нужна шляпка!—едва переводя духъ послѣ пароксизма кашля, проговорила баронесса.

— И шляпку достанемъ... Мама̀, я сбѣгаю къ Ѳенѣ.

— Зачѣмъ же сама! пошли кого-нибудь...

Но Лида уже не слышала словъ матери. Она спрыгнула съ крылечка террасы въ садъ и почти бѣгомъ направилась къ оврагу. Бѣгомъ спустилась она по извилистой тропинкѣ, перебѣжала по качающейся подъ ней дощечкѣ надъ ручейкомъ и, запыхавшись, вбѣжала на противоположный крутой берегъ. Между кустами желтой акаціи пробралась она налѣво, къ отдѣльно стоящему маленькому флигельку. Она быстро вошла на крыльцо, отворила дверь и, пройдя черезъ темныя сѣни, очутилась въ маленькой чистой кухнѣ.

— Кто тамъ?—послышался за перегородкой молодой голосъ.

— Это я, Ѳеня,—сказала Лида и прошла за перегородку.

Тамъ помѣщеніе было большое. Въ глубинѣ у печки стояла высокая кровать, и на ней, на грудѣ ситцевыхъ подушекъ, лежала старая, сморщенная, высохшая старуха. По другой стѣнѣ стояла другая кровать, поменьше. Надъ комодомъ, покрытымъ бѣлой вязаной скатертью, висѣло на стѣнѣ нѣсколько выцвѣвшихъ фотографій и поблекшій дагерротипъ дамы съ тонкимъ лицомъ, а рядомъ—другой дагерротипъ красиваго юноши съ вьющимися бѣлокурыми волосами. У окна сидѣла у швейнаго стола смуглая дѣвушка въ темномъ ситцевомъ платьѣ. Она что-то дошивала при слабомъ свѣтѣ сумерѐкъ, но при появленіи Лиды положила на столъ свою работу и встала.

— Здравствуйте, барышня,—сказала она мягкимъ, пріятнымъ голосомъ.

— Здравствуй, Ѳеня, ты новость слышала?

— Слышала, барышня, слышала, какъ не слыхать! Амалія

Ивановна сами мнѣ сказывали; велѣли завтра приходить въ домъ; все будутъ чистить, чехлы снимать...

— Ахъ, Ѳеня, какъ же быть?—воскликнула Лида:—вѣдь меня мамаша прислала за тобой—платье мнѣ шить, и ей надо перешить что-нибудь. Вѣдь слѣдуетъ князю показаться въ приличномъ видѣ!

— Успѣемъ, барышня, все успѣемъ! Вонъ у меня бабушка-то что-то прихворнула.

— Да? она спитъ?

— Спитъ.

— А она знаетъ?

— Знаетъ, какъ же! Ужъ такъ обрадовалась! Вѣдь выкормила его, да сколько лѣтъ потомъ няней была. Говоритъ, любила его больше своего сына и больше насъ всѣхъ, внуковъ и правнуковъ.

— Ахъ, Ѳеня! Сколько лѣтъ ей? Вѣдь старому князю, должно быть, уже не мало, а она была его кормилицей! Сколько же ей? Я объ этомъ никогда не думала.

— Да я полагаю: около девяноста будетъ,—отвѣчала Ѳеня.

— А сколько ему? Князю?

Съ постели послышался старческій кашель. Старуха открыла глаза и приподнялась.

— Здравствуйте, Прасковья Осиповна!—сказала и подошла къ ней Лида.

— Здравствуйте, красавица наша,—хриплымъ голосомъ проговорила старуха.

— Вотъ, я спрашиваю, Прасковья Осиповна, сколько лѣтъ князю старому, котораго вы выкормили?

— Сколько лѣтъ? Ну вотъ, считайте сами,—помолчавъ, отвѣчала старуха, садясь на постели и спуская ноги, обутыя въ толстые шерстяные чулки и войлочныя туфли.—Онъ, касатикъ мой, родился въ тотъ годъ, какъ полякъ бунтовалъ.

— Чтò вы, Прасковья Осиповна!—усмѣхнулась Лида:—поляки бунтовали въ шестидесятыхъ годахъ, а князю сколько?

Старуха, шамкая беззубымъ ртомъ, слезливыми, впалыми глазами, смотрѣла на дѣвушку, не зная, чтò сказать.

— Это они уже второй разъ бунтовали,—за нее пояснила Ѳеня, жившая долго въ городѣ у портнихи, гдѣ научилась многому еще, кромѣ шитья нарядовъ.

— А когда же въ первый разъ?—спросила Лида.—Да, да! знаю, я это учила, должно быть! Въ двадцатыхъ или тридца-

тыхъ, кажется... Ѳеня,—продолжала она:—представь, я ничего не знала, что князь пріѣзжаетъ, а какой странный сонъ видѣла..

Лида присѣла на стулъ у постели старухи, а Ѳеня все еще стояла у своего рабочаго стола.

Лида разсказала свой сонъ.

— Не хорошо,—послышался съ постели голосъ старухи:—не хорошо это, себя въ бѣломъ видѣть... Вотъ княгиня наша такъ-то себя видѣла, и говоритъ мнѣ: „кормилица, такая нарядная я сегодня ночью все тутъ по дому ходила"...

— Ну, бабушка, кто знаетъ, можетъ, это къ счастью,—остановила ее Ѳеня.—Пріѣдетъ князь, къ нему гости наѣзжать будутъ, приглянется кто барышнѣ, онѣ замужъ выйдутъ, да такая нарядная будутъ въ Петербургѣ по баламъ ѣздить.

— Ахъ, Ѳеня! твоими бы устами,—засмѣялась Лида.—Поѣду въ Петербургъ, тогда тебя съ собой возьму.

— Ой, хорошо бы!—засмѣялась и Ѳеня, но украдкой кивнула на бабушку: та ужъ опять дремала, сидя на кровати.

— Вонъ связа-то моя!—шепнула она.

Лидѣ, должно быть, тоже пришла на умъ ея больная мать, и она вздохнула.

Но ея веселые глаза никогда подолгу не заволакивались тучей. Черезъ минуту она опять весело болтала съ Ѳеней. Ихъ разговоръ опять разбудилъ старуху, и она, все еще думая о вопросѣ, чтò ей сдѣлала Лида, опять заговорила.

— Да, вотъ, какъ полякъ-то взбунтовался, моего Семена и забрили... Я вѣдь была кровь съ молокомъ, да рослая, да сильная—меня въ кормилицы и взяли къ князю-то, новорожденному. Ужъ здоровѣе да пригожѣе меня ни одной молодухи на селѣ не было... И какъ взяли меня въ барскій домъ, да стала я кормить князька-то, мнѣ строго-нà-строго запретили, чтобы мужа, Семена-то моего, не видать. Ну, да ишь оно, дѣло-то молодое. Разъ сижу я, обѣдаю, а мнѣ дѣвушка—Маша ее звали—и говоритъ: „Кормилица, выдь на крыльцо, вонъ тамъ, за акаціей-то, тебя кто дожидается". Я и шмыгнула изъ-за-стола; а тамъ Семенъ стоитъ, за кустами-то. Да только и словечкомъ обмѣняться не успѣли, анъ, глядь, кофишонка—Агаѳьей Никитишной ее звали—и бѣжитъ прямо на насъ. Злюка она была. Ну, да конечно и приказанье барское исполняла... Взяла меня за руку, да къ княгинѣ самòй и потащила... „Вотъ, говоритъ, съ мужемъ свиданіе имѣетъ". Княгиня разгнѣвалась... Вотъ за это мой Семенъ въ солдаты и угодилъ... Такъ и не видала я его больше, и проститься не позволили: „плакать, говорятъ, будешь, молоко

испортится“. А въ ту пору полякъ бунтовалъ... такъ его тамъ и убили... и не вернулся онъ.

— Значитъ, она была злая, эта княгиня?—спросила Лида.

— И! нѣтъ, матушка; добрая она была, царство ей небесное... но, вѣстимо, господа! Ихъ была господская воля надъ нами.

III.

Въ тотъ солнечный весенній день, когда баронесса Мюльбахъ лишилась мужа и того, кого любила, или думала, что любила больше мужа, когда въ ея хорошенькую петербургскую квартирку ворвалась полиція, за ней гробовщики и духовенство, и за ними толпа кредиторовъ, а она, со стыда ли, или съ горя, рыдала и ломала свои бѣлыя руки,—къ ней тогда отнесся симпатично лишь одинъ человѣкъ; это былъ судебный приставъ, производившій опись имущества умершаго. Онъ, разспросивъ ее о ея имущественномъ положеніи, посовѣтовалъ ей отказаться отъ наслѣдства послѣ мужа, которое не могло покрыть долговъ; онъ же любезно позволилъ ей взять изъ квартиры все, что̀ принадлежало ей: ея платья, бѣлье, кое-какія вещи, серебро, брилліанты. Онъ помогъ даже продать часть этихъ вещей, для покрытія необходимыхъ расходовъ и чтобы было съ чѣмъ уѣхать изъ Петербурга. Баронесса не хотѣла никого видѣть, и не приняла и тѣхъ немногихъ, что̀ пріѣзжали къ ней послѣ похоронъ ея мужа. Она уложила свои наряды,—наряды, бывшіе до сихъ поръ главнымъ занятіемъ и развлеченіемъ ея жизни, взяла свою трехлѣтнюю Лиду и ея бонну-швейцарку и уѣхала къ себѣ въ свое родовое имѣньице, при селѣ Березенкахъ. Она никогда не бывала тамъ. Доходы присылались приказчикомъ, доходы очень небольшіе за послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ какъ умеръ ея отецъ. Но почему-то въ ея завитой и хорошенькой головкѣ сложилась мысль, что въ деревнѣ можно жить даромъ; а главное, ей ничего больше не оставалось, какъ уѣхать туда: ей негдѣ было приклонить эту свою головку. У нея не было родныхъ. Пріятельницъ было много, пріятелей еще больше; но въ такую минуту она не то что видѣть ихъ, она ни о комъ и слышать, думать не могла. Зарыться гдѣ-нибудь, пропасть для всѣхъ—вотъ чего ей хотѣлось. „Проживу лѣто въ деревнѣ,—думала она,—а зимой уѣду за границу, тамъ можно жить дешево“. Но, пріѣхавъ въ полуразвалившійся, покосившійся деревянный домикъ, стоявшій между заросшимъ крапивой дворомъ и заглох-

шимъ садомъ, надъ которымъ каркали стаи галокъ и грачей, подѣлавшихъ гнѣзда на чердакѣ дома и по верхушкамъ засыхающихъ березъ въ саду, баронесса скоро увидала, что ни заграницу и никуда ей ѣхать будетъ невозможно, что и тутъ прожить ей дай Богъ какъ-нибудь.

Первые мѣсяцы своего пребыванія въ Березенкахъ она была въ страшномъ положеніи: она ничего не понимала въ хозяйствѣ; на каждомъ шагу ее обманывали приказчикъ, ключница, кухарка. Она не умѣла, да и не хотѣла за что-либо взяться сама. Въ петербургской ея крошечной квартиркѣ, гдѣ у нея было всего трое человѣкъ прислуги, хозяйство ея шло, какъ многія петербургскія хозяйства: кухарка воровала въ мѣру; лакей носилъ иногда крахмальное бѣлье барона и ухаживалъ за смазливой горничной баронессы, носившей чулки и юбки баронессы,—но все это было шито и крыто. Теперь въ деревнѣ неопрятная горничная, привезенная приказчикомъ изъ города, не хотѣла обѣдать съ прачкой. Судомойка обижалась, что ее зовутъ судомойкой, говоря, что здѣсь и должностей-то такихъ нѣтъ, что судомойкой зовутъ тряпку, которой подтираютъ полъ. Кухарка, судомойка, прачка и горничная, съ ключницей во главѣ, всѣ ссорились между собой, бранились, кричали, и голоса ихъ раздавались по всему дому; потомъ поочередно приходили просить разсчета. Кучеръ продавалъ овесъ въ кабакъ; туда же кухарка носила масло. Въ одну ночь срубили въ саду и увезли пять дубковъ, и кучеръ увѣрялъ и божился, что приказчикъ самъ ихъ продалъ. Изъ амбара, просверливъ подъ нимъ дыру въ полу, высыпали и выкрали гречиху, и приказчикъ доложилъ баронессѣ, что къ дѣлу этому причастны ключникъ и ночной сторожъ. Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилось хозяйство баронессы въ деревнѣ и не ушло ли бы имѣнье съ молотка, какъ мебель въ петербургской квартирѣ,—если бы на выручку молодой женщины не явился сосѣдній управляющій князя Березенскаго—Павелъ Матвѣевичъ Синякинъ.

Павелъ Матвѣевичъ тогда уже лѣтъ десять какъ управлялъ Березенками. Онъ жилъ одинъ съ своей женой, сынъ его былъ уже въ гимназіи. Амалія Ивановна, когда-то тонкая, немного сентиментальная нѣмочка, превратилась теперь въ сухую, долговязую, съ длиннымъ утинымъ носомъ и громкимъ голосомъ, образцовую хозяйку. Она вставала до свѣту, сама за всѣмъ смотрѣла, во все входила и въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, и въ барскомъ. Ни у кого не велись такія индѣйки, какъ у Амаліи Ивановны; ни у кого не было такого образцоваго сливочнаго масла,

какъ отъ березенскихъ, экономіи князя Березенскаго, коровъ. Управляющій помѣщался въ нижнемъ этажѣ одного изъ флигелей, соединеннаго галереей съ большимъ княжескимъ домомъ. Это помѣщеніе управляющаго—широкій корридоръ съ большими комнатами по обѣимъ сторонамъ—содержалось въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ, какъ и весь домъ, въ которомъ владѣльцы давнымъ-давно уже не жили. Амалія Ивановна по извѣстнымъ днямъ созывала всю женскую прислугу и сама во главѣ ея выносила наружу и выбивала всю мебель. Чехлы снимали со старой, style empire, мебели и бронзы, съ картинъ, портретовъ и статуй. Чехлы мыли, а вещи чистили; мели и натирали полы. Амалія Ивановна звонкимъ голосомъ отдавала приказанія. Эта сухая, смахивающая на старую дѣву, женщина, казалось, жила лишь для хлопотъ. Для нея не было ни книги, которой она зачиталась бы, ни задушевнаго разговора за чашкой чаю, что̀ такъ любилъ ея мужъ. Павелъ Матвѣевичъ немного побаивался жены: онъ отдавалъ ей полную справедливость, ставилъ ее высоко, хвалилъ ея наливки и заготовки, но невыносимо скучалъ въ ея обществѣ. Съ тѣхъ поръ какъ его сынъ, умный, способный мальчикъ Ванюша, былъ отданъ въ гимназію въ губернскій городъ, домъ его сталъ ему нестерпимо скученъ. Можно себѣ представить, какъ онъ обрадовался, когда рядомъ съ нимъ, тутъ же черезъ оврагъ, поселилась хорошенькая молодая вдова. Павелъ Матвѣевичъ обладалъ мягкимъ, нѣжнымъ сердцемъ; безпомощность, безвыходность положенія и горе, страшное горе, какъ камень придавившее молодую женщину, тронули его. Бережно, какъ съ ребенкомъ, началъ онъ обходиться съ ней; и не прошло и года, какъ баронесса всѣ свои дѣла, всѣ заботы передала ему. Онъ заставилъ ее уволить приказчика, поставилъ ей старосту изъ мужиковъ и сталъ хозяйничать на ея землѣ, какъ хозяйничалъ на землѣ князя. Понемногу, не давая ей денегъ въ руки, убѣдясь, что деньги у нея идутъ лишь на прихоти, Синякинъ сталъ исправлять ея домикъ и усадьбу и сдѣлалъ послѣднюю возможной для жизни въ ней. Доходовъ было немного; имѣньице было очень маленькое, и на немъ еще былъ долгъ. Пришлось уплатить просроченные проценты, недоимки; пришлось покупать новую или чинить старую мебель; завести немного скота, птицы. Въ имѣніи ничего не было: все было расхищено. Баронесса не сразу довѣрилась Синякину: она считала его гораздо ниже себя по положенію, чувствовала инстинктивную антипатію къ Амаліи Ивановнѣ и даже сначала побаивалась, что онъ хочетъ ее обобрать. Когда она убѣдилась однако, что все, что̀ онъ дѣлаетъ,

ведетъ къ ея пользѣ, и что Амалія Ивановна къ ней ходить не будетъ,—она, какъ ребенокъ, все отдала въ его руки, и какъ ребенокъ же, избалованный и капризный, не понимая, что деньги нужны на хозяйство, стала требовать ихъ на удовлетвореніе то одной, то другой прихоти. Но Павелъ Матвѣевичъ былъ въ этомъ отношеніи съ характеромъ и даже съ хитрецой: напримѣръ, когда баронесса вздумала съ отчаянья продать все и уѣхать за границу, онъ возсталъ противъ этого, доказывалъ ей ея неосновательность, говоря, что на вырученный крохотный капиталъ она жить не будетъ въ состояніи; а когда она на эти доводы все же не сдавалась—онъ сталъ увѣрять ее, что хлопочетъ о продажѣ, но что покупщиковъ нѣтъ. Баронесса Мюльбахъ была женщина не способная ни на какое дѣло. Наряды и выѣзды были ея занятіемъ въ Петербургѣ. Теперь наряжаться было не для кого, да и на что! Выѣздовъ здѣсь не могло быть; она и не хотѣла ни съ кѣмъ знакомиться, считая всѣхъ кругомъ ниже себя и не ожидая удовольствія отъ общества жены станового или акцизнаго чиновника. Здоровье ея скоро пошатнулось. Она стала худѣть, кашлять. Мѣсяцами не выходила она изъ дома, и ея единственнымъ времяпрепровожденіемъ было чтеніе романовъ изъ библіотеки князя, а потомъ, когда запасъ этотъ истощился, она стала получать ихъ по абонементу изъ города. Послѣдніе года она уже почти не покидала кресла. Вѣчно закутанная въ черное кружево, съ романомъ въ рукахъ, сидѣла она лѣтомъ на верандѣ, зимой въ своей крошечной гостиной, гдѣ заботливой рукой Синякина была собрана мебель помягче и поизящнѣе, гдѣ на окнахъ стояли цвѣты изъ оранжерей князя, на стѣнахъ висѣло нѣсколько картинокъ, выкопанныхъ имъ откуда-то. По вечерамъ, онъ, покончивъ съ работами и разсчетами, приходилъ туда, садился напротивъ хозяйки и терпѣливо выслушивалъ или ея сѣтованія на судьбу, на здоровье, или замѣчанія о прочитанномъ романѣ, въ которомъ ничего не понималъ и котораго никогда не читалъ, но всякое слово въ устахъ этой граціозной женской фигуры принимало для него особый интересъ.

Такъ шло время, проходили года. Баронесса все худѣла и кашляла все больше; въ ея черныхъ волосахъ кое-гдѣ показались серебряныя нити, но Павелъ Матвѣевичъ не замѣчалъ этого. Его волосы также посѣдѣли, и на головѣ уже образовалась порядочная лысина. Онъ дѣлался толстымъ и уже запыхаясь поднимался по крутой тропинкѣ изъ оврага, но переходилъ онъ оврагъ, идя въ сѣрый домикъ, все съ тѣмъ же удовольствіемъ и

выходилъ изъ него всегда успокоенный и довольный проведеннымъ вечеромъ въ обществѣ милой ему женщины.

Незамѣтно выросла Лида. Ея воспитаніе не доставило хлопотъ ея матери. Она развивалась и росла какъ цвѣтокъ подъ солнцемъ. Швейцарка, вывезенная баронессой изъ Петербурга, была ея единственной воспитательницей. Она привязалась къ дѣвочкѣ и все то немногое, чему выучилась въ швейцарской школѣ, передала Лидѣ. Она выучила ее говорить, читать и писать по-французски и по-нѣмецки. Сама она знала порядочно эти языки. Маленькіе учебники, привезенные m-lle Grillet изъ Швейцаріи, по которымъ она сама училась въ школѣ, стали учебниками Лиды. По нимъ она получила понятіе объ исторіи, о географіи. Англійскому языку гувернантка выучилась вмѣстѣ съ Лидой одна, спрашивая у баронессы, какъ произносить слова. Изъ ариѳметики она знала лишь четыре правила. Этотъ пробѣлъ въ воспитаніи Лиды пополнилъ молодой Синякинъ, пріѣзжая къ родителямъ въ Березенки на вакаціи. Онъ же выучилъ Лиду писать по-русски болѣе или менѣе безъ ошибокъ. Вообще воспитаніе Лиды, хотя безъ всякихъ затратъ и заботъ, въ результатѣ вышло такое же, какъ воспитаніе большинства барышенъ, имѣющихъ учителей и гувернантокъ. Только искусствамъ ее никогда не обучали, но у нея былъ хорошій слухъ и маленькій пріятный голосокъ, и она иногда распѣвала пѣсни, выученныя отъ Ѳени, ея единственной пріятельницы.

Когда закралось въ душу молодого Синякина болѣе теплое чувство къ Лидѣ?—онъ бы и самъ не могъ сказать. Пріѣхавъ въ Березенки въ этомъ году, онъ былъ пораженъ ея красотой и почувствовалъ, что любитъ ее, но ему казалось, что она всегда была безконечно дорога ему, что онъ всегда любилъ ее. А она? — Она смотрѣла на него какъ на старшаго товарища дѣтства, какъ на самаго преданнаго ей человѣка; но смотрѣла на него немного свысока, какъ на стоящаго ступенью ниже ея по общественному положенію. Ей и въ голову не приходило, чтобы этотъ, съ всклокоченными волосами, сутуловатый, неуклюжій докторъ, сынъ управляющаго и смѣшной Амаліи Ивановны, могъ мечтать о ней. Въ ея головѣ, набитой романами, унесенными украдкой со стола матери, носились мечты о прелестномъ, богатомъ, статномъ юношѣ, который, какъ увидитъ ее, падетъ къ ея ногамъ, пораженный ея красотой. Гдѣ встрѣтитъ она этого юношу, она не знала; въ ея семнадцатилѣтней головкѣ мечты были еще неопредѣленны, не выснены, но ей вдали виднѣлось золотое облако, а за нимъ счастье ожидало ее. Она знала, что она хороша собой.

Всѣ, и мать, и Ѳеня, и старый Синякинъ, всѣ называли ее красавицей: да и зеркало говорило ей то же, и она ждала, увѣренная, что хоть какъ-нибудь, но счастье все же придетъ къ ней.

Первое, единственное горе Лиды случилось годъ тому назадъ: ея вѣрная, любящая m-lle Grillet, проболѣвъ нѣсколько недѣль, умерла. Лида горько плакала, пока не схоронили ея гувернантку; потомъ тосковала, поблѣднѣла, похудѣла; но пришла весна, Лида стала бѣгать по саду, ходить съ Ѳеней въ лѣсъ за земляникой, грибами, и забыла свое горе, опять смѣялась и рѣзвилась, точно горя и не было. Конечно, она чувствовала себя безъ m-lle Grillet болѣе одинокой, не съ кѣмъ было поговорить, почитать; мать не любила общества дочери. Она, повидимому, любила Лиду, любовалась ею, но никогда ни о чемъ не говорила съ нею. И Лида любила мать, но какъ-то чуждалась ея. Между ними было что-то точно недосказанное. Не было ли это воспоминаніе объ отцѣ, котораго Лида помнила смутно, какъ сквозь сонъ?

IV.

Уже нѣсколько дней князь Николай Ѳедоровичъ Березенскій жилъ въ своемъ старомъ помѣстьѣ. Встрѣтили его всѣ служащіе въ его экономіи, съ Синякинымъ во главѣ, съ хлѣбомъ и солью. Князь вышелъ изъ дормеза, довезшаго его со станціи желѣзной дороги, и на крыльцѣ, принявъ хлѣбъ-соль, благодарилъ всѣхъ и сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ управляющему, благодаря его за „образцовое управленіе имѣніемъ“,—какъ онъ выразился. Подошелъ подъ благословеніе священника, тутъ же встрѣтившаго его, и пригласилъ и священника, и Павла Матвѣевича, съ собой откушать, „чѣмъ Богъ послалъ“. Обѣдъ былъ приготовленъ поваромъ, присланнымъ княземъ за два дня до его пріѣзда изъ Петербурга. Послѣ обѣда, когда священникъ удалился, Синякинъ предложилъ князю принести ему конторскія книги, но князь любезно отклонилъ это предложеніе, обѣщавъ на другой день самъ зайти въ контору, что̀ на слѣдующее утро и исполнилъ. Контора, большая, длинная комната, выходила въ тотъ же корридоръ, гдѣ были комнаты управляющаго, и князь, просмотрѣвъ слегка книги и не особенно вникнувъ въ нихъ, опять благодарилъ „за образцовое веденіе ихъ“. При этомъ Павелъ Матвѣевичъ не безъ гордости замѣтилъ, что хотя онъ и имѣетъ отличныхъ конторщиковъ (оба они стояли тутъ же, одинъ съ сѣдой бородой, другой маленькій, тщедушный, молодой брюнетъ), но что главный контроль

книгъ ведется его женой, Амаліей Ивановной. Это была правда: всякій вечеръ, когда Павелъ Матвѣевичъ уходилъ черезъ оврагъ къ баронессѣ, Амалія Ивановна приходила со свѣчой въ контору и провѣряла дневныя записи и ярлыки рабочихъ. Знавшая неаккуратность своего мужа, она съ первыхъ лѣтъ супружества взяла въ руки эту часть его обязанностей. Можетъ быть, оттого управленіе Синякина имѣніемъ и шло такъ удачно. Онъ самъ никогда не обижался этимъ предположеніемъ,—онъ всегда и во всемъ старался выказать хорошія качества своей жены, ея умъ и умѣлость вести дѣла.

Князь на это заявленіе Синякина не могъ, по присущей ему любезности, не сказать, что желалъ бы самъ лично поблагодарить Амалію Ивановну.

Управляющій повелъ князя въ свою гостиную, и тамъ Амалія Ивановна, вся сіяя отъ чести, оказанной ей посѣщеніемъ князя, предложила ему чашку чая.

Вечеромъ, въ тотъ же день, камердинеръ князя принесъ Амаліи Ивановнѣ запечатанный пакетикъ и визитную карточку князя. Это былъ подарокъ, привезенный имъ женѣ управляющаго.

Можно предположить, что еслибы князь познакомился съ Амаліей Ивановной раньше, до покупки ей подарка, онъ выбралъ бы для нея какой-либо другой. Когда она распечатала пакетикъ, въ немъ оказался бѣлый бархатный футляръ, а въ немъ брошь въ видѣ бабочки изъ разноцвѣтныхъ камней и брилліантовъ. Но ни Амалія Ивановна, ни мужъ ея, оба очень польщенные вниманіемъ князя, ни минуты не подумали, чтобы подарокъ не подходилъ къ ней, и Синякинъ, хотя и противъ воли жены, вечеромъ снесъ показать баронессѣ бабочку-брошь, и та похвалила вкусъ князя; но Лида за то, какъ посмотрѣла на бабочку, такъ и разсмѣялась, „Богъ знаетъ отчего и почему“, подумалъ Синякинъ, но Амаліи Ивановнѣ объ этомъ не сообщилъ.

Князь выполнилъ такимъ образомъ все, что̀ требовалось отъ него положеніемъ владѣльца, успокоился, и рѣшилъ, что теперь будетъ жить, наслаждаясь деревенской тишиной.

Несмотря на свои немолодые годы, онъ былъ еще очень свѣжъ, бодръ и изященъ во всей своей фигурѣ. Большой, съ узкими плечами, впалой грудью, съ очень длинными ногами и руками, онъ былъ очень бѣлокуръ, и сѣдина ничего почти не измѣнила въ его свѣтлыхъ волосахъ и бакахъ: усовъ онъ не носилъ. Зубы его — свои или фальшивые — были безукоризненны (онъ никогда не курилъ). Онъ велъ жизнь весьма гигіеничную, позволяя себѣ всякія удовольствія въ мѣру, и не торопясь, не

задумываясь надъ жизнью, подошелъ къ старости. Она подкралась къ нему незамѣтно. Лишь въ концѣ прошлой зимы почувствовалъ онъ, что сталъ труднѣе входить на лѣстницу, что театръ сталъ утомлять его, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ одновременно почувствовалъ большую нравственную усталость: какое-то равнодушіе ко всему; ему стало все—все равно. И ему пришла мысль о смерти. Онъ не испугался ея: ему и смерть казалась не стоющей вниманія, какъ и самая жизнь.

„Но надо умереть дома, у себя, comme chaque animal qui sent la mort se retire dans son repaire“,—подумалъ князь по-французски, какъ онъ почти всегда думалъ.—Но гдѣ у себя?

Въ Петербургѣ, въ своемъ роскошномъ особнякѣ на набережной, онъ чувствовалъ себя, конечно, всего болѣе дома, но нельзя же лѣто остаться въ Петербургѣ. Онъ по лѣтамъ всегда уѣзжалъ куда-нибудь на воды за границу; осень проводилъ въ своей дачѣ въ Крыму.

И вдругъ мысль его остановилась на Березенкахъ. Тамъ родился онъ, тамъ схоронены его отецъ и мать, дѣдъ и бабка; тамъ, конечно, и его схоронятъ. Такъ не лучше ли и умереть тамъ?

Ему вспомнился большой, просторный домъ, съ высокими, прохладными комнатами, и видъ черезъ садъ на деревню за прудомъ, и тихій прудъ, въ которомъ купались наклоненныя въ него вѣтки ивы и ветлы, и широкія поля, и дубовый лѣсокъ за домомъ на холмѣ, гдѣ, бывало, онъ ѣздилъ верхомъ на маленькой бѣлой лошадкѣ, сопровождаемый берейторомъ Игнатомъ.

Подробности дѣтства вспомнились ему; онъ вспомнилъ, какъ бѣгалъ по саду, срывая цвѣты. Онъ вспомнилъ своего суроваго, вѣчно всѣмъ недовольнаго отца, и тонкое, задумчивое лицо матери. Онъ вспомнилъ свои игры и ссоры со старшей сестрой—Лили, какъ звали ее тогда, и невольно улыбнулся, вспоминая, какая хрупкая, тоненькая и бѣлокурая была тогда его сестра, превратившаяся теперь въ толстую, грузную, сѣдую старуху-генеральшу, какъ звали ее всѣ домашніе и прислуга. Его единственная сестра, Елена Ѳедоровна Ожогина, была на нѣсколько лѣтъ старше его; она рано овдовѣла, никогда не имѣла дѣтей и застыла въ петербургскомъ свѣтѣ, какъ памятникъ прежнихъ, отжившихъ временъ. Она жила одна, какъ и князь жилъ одинъ; но онъ на болѣе широкую ногу; она иногда обѣдала у него, любя его тонкую кухню; онъ же никогда не обѣдалъ у нея, не довѣряя ея повару. Они были другъ съ другомъ любезно-вѣжливы, и болѣе ничего. Она по лѣтамъ всегда живала на его дачѣ въ Царскомъ, гдѣ онъ никогда не жилъ.

Когда онъ сообщилъ ей о своемъ намѣреніи ѣхать на лѣто въ Березенки, она вопросительно посмотрѣла на него, точно спрашивая: въ умѣ ли онъ? Тогда онъ, желая передъ ней, очень боявшейся смерти, выказать свое хладнокровіе къ этому событію, повторилъ ей фразу о животномъ и его гераіге. Она разсердилась, надулась и возразила, что не достойно человѣка ничего не дѣлать для своего здоровья. Князь не заставилъ долго уговаривать себя и согласился продѣлать всегдашнюю „cure" въ Киссенгенѣ, а потомъ уже поѣхать „отдохнуть" въ Березенки. Отказаться отъ Березенокъ ему почему-то не хотѣлось, его тянуло туда не умирать, какъ онъ говорилъ шутя, но посмотрѣть старое гнѣздо своего дѣтства.

Такъ онъ и сдѣлалъ. Вотъ почему князь попалъ въ Березенки лишь въ іюлѣ. Послѣ леченія на водахъ онъ чувствовалъ себя гораздо бодрѣе, и мысль о смерти уже не приходила ему на умъ.

Съ непонятнымъ самому себѣ удовольствіемъ расхаживалъ онъ теперь по комнатамъ дома и аллеямъ сада, и предавался грустнымъ и пріятнымъ воспоминаніямъ о своей прожитой жизни. И не только дѣтство его проходило передъ нимъ: онъ вспоминалъ и года молодости, несчастные года его жизни, какъ онъ называлъ ихъ. Да, князь Березенскій, богатый, красивый, воспитанный человѣкъ, для котораго, казалось, все въ жизни было предуготовлено судьбой, испыталъ довольно горя. Онъ два раза былъ женатъ, и оба раза женитьба не дала ему счастья.

Первый разъ онъ женился еще очень молодымъ человѣкомъ, по желанію отца и матери своихъ, на очень богатой дѣвушкѣ, которая была ему симпатична физически, но которую онъ совсѣмъ не зналъ. Она оказалась капризною, злою и, родивъ сына и измучивъ мужа своей ревностью и капризами, умерла послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружества.

Второй разъ князь женился, когда его сыну было уже лѣтъ десять. Онъ отдалъ его въ привилегированное закрытое заведеніе, чтобы онъ не мѣшалъ его счастію съ женщиной, которую онъ долго и безнадежно любилъ. Она только-что овдовѣла, когда князь женился на ней. Лишь годъ прожилъ онъ со второй женой. Она умерла въ родахъ, унеся и ребенка съ собой, и князь опять остался одинъ съ сыномъ, любить котораго онъ никакъ не могъ себя принудить: онъ слишкомъ напоминалъ ему свою мать, нелюбимую имъ жену.

Тогда изъ князя Березенскаго мало-по-малу образовался тотъ

вѣжливый, спокойный человѣкъ, котораго свѣтъ зналъ за послѣднія тридцать лѣтъ.

Князь служилъ, т.-е. числился гдѣ-то, засѣдалъ въ какихъ-то комитетахъ; служба давала ему чины и почти никакого дѣла. Онъ ѣздилъ въ свѣтъ, читалъ то, что̀ надо читать, чтобы быть au courant того, о чемъ говорятъ въ свѣтѣ; за нимъ не знали ни странностей, ни пороковъ, ни особыхъ добродѣтелей. Онъ былъ безукоризненный свѣтскій человѣкъ, джентльменъ въ полномъ смыслѣ слова.

Къ сыну онъ не питалъ ни любви, ни ненависти. Сынъ воспитывался не у него въ домѣ,—а когда вышелъ изъ заведенія, былъ уже совершеннолѣтнимъ и вступилъ сейчасъ же во владѣніе всѣмъ громаднымъ состояніемъ своей умершей матери. Эта матеріальная независимость какъ бы сама собой сдѣлала его и нравственно независимымъ отъ отца; а тотъ, всегда относясь холодно къ сыну, и не настаивалъ на поддержкѣ своего авторитета.

Ни физически, ни характеромъ, молодой князь не походилъ на своего отца, и чѣмъ больше дѣлался онъ взрослымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе расходился съ отцомъ во взглядахъ, вкусахъ, привычкахъ, убѣжденіяхъ. Молодой князь относился къ отцу всегда немного иронически, а отецъ къ сыну—съ чуть замѣтнымъ раздраженіемъ. Но оба они были люди воспитанные, сдержанные, и можетъ быть потому никогда серьезныхъ недоразумѣній не было между ними.

Когда сынъ бывалъ въ Петербургѣ,—что̀, впрочемъ, бывало не часто,—онъ жилъ въ домѣ отца, гдѣ имѣлъ элегантный аппартаментъ въ нижнемъ этажѣ.

Несмотря на увѣщанія отца, онъ никогда не соглашался поступить на службу и больше жилъ въ Парижѣ, иногда въ Римѣ, много путешествовалъ во всѣхъ частяхъ свѣта и очень рѣдко даже переписывался съ отцомъ.

V.

Недѣля прошла, какъ князь жилъ въ Березенкахъ, и все еще онъ не сдѣлалъ визита сосѣдкѣ своей, баронессѣ Мюльбахъ. Знакомъ съ нею въ Петербургѣ онъ не былъ, но баронесса не могла представить себѣ, чтобы, поселившись отъ нея въ двухъ шагахъ, онъ сталъ игнорировать ее. Пріѣздъ его произвелъ такой переполохъ, что ей казалось, будто и она причастна къ нему. Баронесса жила почти пятнадцать лѣтъ въ полномъ одиночествѣ, не видя почти

никого, кромѣ Синякиныхъ, а ихъ считала людьми не своего круга; появленіе человѣка, стоящаго выше ея въ свѣтѣ, заставило ее неудержимо желать познакомиться съ нимъ. Кромѣ того, она, скрывая это отъ Синякина, таила въ душѣ своей надежду, что князь купитъ ея землю, и тогда она, свободная, вырвется изъ этого постылаго гнѣзда и уѣдетъ на югъ, куда-нибудь на Ривіеру, и тамъ заживетъ новой жизнью.

Каждый день она ждала визита князя, и каждый день ожиданія ея не сбывались. Съ давно забытымъ стараніемъ она ежедневно накалывала кружева на голову и располагала ихъ граціозными складками по плечамъ. Она болѣе старательно сбивала кольчики волосъ на лбу, вырывала нѣсколько сѣдыхъ волосъ, тщательно разсматривала и разглаживала свои морщинки кругомъ глазъ и рта; на ночь смазывала ихъ кольдъ-кремомъ и пудрила днемъ. Лида, съ своей стороны, не надѣвала своихъ ситцевыхъ платьевъ, а носила батистовыя или суровыя полотняныя, которыя, какъ ей казалось, особенно шли ей. Она поднимала свою тяжелую косу и дѣлала тугой греческій узелъ на своей маленькой головкѣ. И все это дѣлали онѣ даромъ;—прошла недѣля, а князь все еще не приходилъ. Конечно, Лида могла бы легко встрѣтить его, перебѣгая, какъ она привыкла дѣлать, раза два въ день на ту сторону оврага, то къ Ѳенѣ, то въ садъ—за цвѣтами къ старику садовнику, покоренному давно ея веселостью и хорошенькимъ личикомъ, какъ она покоряла всѣхъ, кого судьба сталкивала съ нею, исключая, впрочемъ, Амаліи Ивановны, относившейся къ ней всегда со сдержанной серьезностью, какъ къ пустой, вѣтренной дѣвочкѣ; но съ пріѣзда князя баронесса строго запретила дочери переходить черезъ оврагъ:

— Il te prendrait pour une gamine,—сказала она ей.

Баронесса молчала, но видимо раздражалась тѣмъ, что князь не идетъ къ ней. Лида простосердечно говорила, что желала бы посмотрѣть, какой онъ, и разспрашивала про него Синякина.

Пришло воскресенье. Баронесса, почти никогда не посѣщавшая церкви, собралась къ обѣднѣ. Она надѣла черную, изящную шляпу, передѣланную Ѳеней изъ старой петербургской. На Лиду надѣли бѣлое кисейное платье и маленькую соломенную шляпу съ голубой лентой. Синякинъ распорядился, чтобы для баронессы было поставлено въ церкви кресло.

Конечно, князь не могъ не замѣтить, среди чернаго, простого народа и женъ служащихъ, этихъ двухъ граціозныхъ женскихъ фигуръ. Онъ сейчасъ же догадался, кто онѣ, а услужливый управляющій подтвердилъ ему на ухо его догадку.

Подходя къ кресту, князь любезно предложилъ дамамъ приложиться раньше его, что̀ баронесса сдѣлала серьезно, какъ что-то подобающее ей, а Лида при этомъ покраснѣла и вскинула глаза на князя, который, теперь ясно разсмотрѣвъ ея лицо, былъ пораженъ ея красотой и свѣжестью. На паперти, выходя изъ церкви, князь заговорилъ съ баронессой по-французски и былъ пріятно удивленъ, что не только она, но и Лида говорятъ правильнымъ французскимъ языкомъ, съ пріятнымъ акцентомъ.

— Vous me permettrez, baronne, de me présenter chez vous?— сказалъ князь, подсаживая баронессу на маленькую линеечку, въ которой онѣ пріѣхали, такъ какъ баронесса побоялась перейти оврагъ пѣшкомъ.

— Venez prendre une tasse de thé avec nous, mon prince...— отвѣчала баронесса.

И въ четыре часа, въ тотъ же день, князь сидѣлъ въ маленькой гостиной баронессы и пилъ чай изъ хорошенькой фарфоровой чашки, спасенной отъ молотка аукціона любезнымъ приставомъ въ Петербургѣ. Сама баронесса полулежала въ креслѣ, вся закутанная кружевами, а Лида, сидя противъ князя, разливала чай изъ серебрянаго чайника. Она очень ловко и граціозно перебирала чайныя принадлежности своими красивыми, хотя немного загорѣлыми руками. Щеки ея разрумянились; грудь ея, подъ бѣлой кисеей, высоко вздымалась, приподнятая непривычнымъ корсетомъ.

Мать казалась очень утомленной и сѣтовала на судьбу, забросившую ее „dans ce nid de sauvages", а дочь весело и оживленно разсказывала князю, какъ она любитъ ходить въ старый его домъ, когда Амалія Ивановна провѣтриваетъ и чиститъ его; какъ въ дѣтствѣ она бѣгала и кружилась по большой залѣ съ колоннами, и вдругъ, разсмѣявшись:

— Ахъ, князь,—воскликнула она,—какъ могли вы привезти бабочку Амаліи Ивановнѣ?

— Вамъ не нравится мой вкусъ?—спросилъ князь.

— О, нѣтъ! напротивъ!—бабочка прелестна, но представьте себѣ Амалію Ивановну съ бабочкой на груди!

— Я не имѣлъ удовольствія знать лично Амалію Ивановну, когда выбиралъ ей подарокъ,—улыбаясь, возразилъ онъ.—Вы не знаете, онъ не нравится ей?

— Напротивъ, страшно нравится, и ей, и ея мужу,—продолжала Лида:—это-то и смѣшно. Они оба гордятся подаркомъ, показываютъ его всѣмъ, и теперь, въ торжественные дни, Амалія

Ивановна будетъ ходить съ бабочкой подъ своимъ острымъ подбородкомъ.

— Лида!—прервала ее мать:—Амалія Ивановна такая достойная женщина.

— Да, да, мама, я знаю, но все же подбородокъ у нея острый и на немъ ростетъ сбоку пукъ волосъ...—Вдругъ, перемѣнивъ тонъ:

— Ахъ, князь,—опять заговорила Лида,—какъ счастлива ваша кормилица, что наконецъ увидала васъ! Она не выпускаетъ изъ рукъ подарка, чтò вы привезли ей, цѣлуетъ его и плачетъ, плачетъ отъ радости. И какой вы добрый! вы были у нея уже три раза...

— Вы почему это знаете?—спросилъ князь.

— Я часто хожу къ ней. Теперь, съ тѣхъ поръ, какъ вы здѣсь,—прибавила Лида, лукаво посматривая на мать,—мнѣ не позволяютъ перебѣгать за оврагъ, но я все же вчера вечеромъ потихоньку убѣжала къ кормилицѣ.

— Отчего же вамъ не позволяютъ теперь ходить туда?—спросилъ князь.—Если я виною этому, въ такомъ случаѣ мнѣ придется скорѣе уѣхать отсюда, чтобы не мѣшать вамъ.

— Нѣтъ, не уѣзжайте!—вырвалось у Лиды:—съ вами веселѣе...

Всѣ разсмѣялись.

— Лида!—укоризненно покачала головой баронесса.

— Но, въ такомъ случаѣ, обѣщайте, что вы будете приходить туда, на ту сторону, и въ садъ, и въ оранжереи. Я желалъ бы, чтобы все тамъ было къ вашимъ услугамъ,—прибавилъ любезно князь.—Et pour commencer, сдѣлайте мнѣ честь и удовольствіе, баронесса: откушайте обѣ у меня завтра.

— Съ удовольствіемъ, князь, конечно.

На другой день баронесса, въ своемъ передѣланномъ ѳеней черномъ crépon, а Лида въ суровомъ фулярѣ, обшитомъ валансьенами, обѣдали у князя. Въ маленькой, полутемной столовой, которую князь теперь только устроилъ себѣ, за большимъ квадратнымъ столомъ, покрытымъ тончайшей скатертью, съ вышитыми иниціалами князя не въ углахъ, а посреди скатерти и салфетокъ, какъ еще Лида никогда не видала, сидѣлъ князь, а по обѣ его стороны—баронесса и ея дочь. На тяжеломъ, старинномъ фарфорѣ четверо лакеевъ подавали имъ кушанья, какихъ Лида никогда еще не ѣдала. Массивное серебро было тоже диковинкою для нея: тутъ были серебряные широкіе ножи для рыбы, были для зелени вилки со спаенными между собою

до половины зубьями; все это было до того ново для Лиды, что она украдкой посматривала на мать и князя, чтобы не ошибиться, какъ и чѣмъ ѣсть. Но никто бы не замѣтилъ въ ней, что она видитъ все это въ первый разъ. Она обладала тѣмъ природнымъ тактомъ и тою находчивостью, которыми отличаются многія женскія натуры. Она весело разговаривала съ княземъ по-французски, нисколько не стѣсняясь его, но и безъ излишней развязности. Даже баронесса, всегда склонная критиковать дочь, теперь была довольна ею. А князь былъ совершенно очарованъ ея свѣжестью душевной, какъ онъ назвалъ про себя ея манеры, и веселостью, непринужденностью, а главное ея изящной, рѣдкой красотой, красотой, до того поразившей его, знатока женской красоты, что онъ, не спуская глазъ, любовался ею. Послѣ обѣда перешли въ библіотеку, теперь не похожую на то, чѣмъ она была безъ князя. Вездѣ въ длинной комнатѣ, со свѣтомъ, падающимъ сверху, стояли диванчики и кресла въ видѣ маленькихъ établissements. Большія вольтеровскія кресла были придвинуты къ камину, а очагъ его теперь, въ теплый іюльскій день, былъ, вмѣсто огня, полонъ живыхъ цвѣтовъ. Маленькіе диванчики стояли подъ косымъ угломъ со столиками розоваго дерева, инкрустированными бронзой и украшенными фарфоровыми медальонами. На полу были постланы мягкіе персидскіе ковры; по большимъ, тяжелымъ столамъ вездѣ лежали газеты, журналы. Князь усадилъ баронессу въ покойную chaise-longue и сталъ просить ее прилечь.

— Да,—сказала Лида:—maman всегда дремлетъ послѣ обѣда. Оставимте ее, князь, и покажите мнѣ весь домъ; я его такимъ видѣла лишь во снѣ.

Сонъ былъ разсказанъ, и князь улыбался, слушая его. Они оставили баронессу на кушеткѣ передъ чашкой кофе и рюмочкой ликера, и князь повелъ Лиду по дому. Они, не торопясь, обошли портретную галерею, и князь разсказалъ Лидѣ нѣсколько анекдотовъ и о храбрости своего дѣда, служившаго при Суворовѣ, и объ оригинальности нелюдима-отца, и о кротости и добротѣ матери. Въ большой залѣ съ колоннами и хорами, съ блестящими паркетными полами, князь остановился и спросилъ Лиду:—не хорошо ли было бы тутъ потанцовать.

— Я никогда не танцовала,—отвѣчала Лида.

— Никогда? Неужели?—удивился князь.

— Да съ кѣмъ же?—Я живу здѣсь съ трехлѣтняго возраста, и у насъ нѣтъ никого знакомыхъ, рѣшительно никого. Лишь Синякины...

— Они не вашего общества,—прервалъ ее князь.

— Конечно нѣтъ,—съ убѣжденіемъ отвѣчала Лида:—но онъ хорошій, добрый человѣкъ, maman его очень любитъ и вѣритъ ему, а онъ помогаетъ ей въ дѣлахъ. Она безъ него пропала бы со всѣми этими хозяйственными дѣлами.

— Да, онъ отличный управляющій, но не человѣкъ общества,—повторилъ князь.—И неужели вы не скучаете, живя тутъ однѣ и зиму, и лѣто?

— Я не знаю другой жизни,—отвѣчала просто Лида:—и не нахожу ее скучной.

— И вамъ никуда не хочется?

— Куда же, князь?

— Въ свѣтъ, гдѣ бы вы блистали, царили?

— Не знаю,—помолчавъ, серьезно отвѣчала дѣвушка.—Я не знаю ни свѣта, ни его удовольствій, и, откровенно говоря, думаю, что счастье можетъ быть какъ въ глуши, такъ и въ свѣтѣ.

— И въ глуши скорѣе, нежели въ свѣтѣ,—убѣжденно сказалъ князь, которому въ эту минуту казалось, что именно здѣсь, въ глуши, такой милый цвѣтокъ, какъ эта непочатая, наивная, какъ ему казалось, натура дѣвушки могла бы составить счастье человѣка.

Послѣ установившагося такимъ образомъ знакомства, князь сталъ часто среди дня заходить къ своимъ сосѣдкамъ, не замѣчая, что, приходя на чашку чая въ четыре часа, онъ мѣшаетъ ихъ обѣду: самъ онъ обѣдалъ въ семь. Онъ часто сталъ приглашать ихъ къ себѣ, то обѣдать, то завтракать, и Лида стала опять перебѣгать черезъ оврагъ. Теперь она уже рѣдко заглядывала къ Ѳенѣ и ходила чаще въ садъ, куда князь, завидя ее изъ оконъ говорящею со старымъ садовникомъ, поспѣшными старческими шагами спускался по широкой бѣлаго камня лѣстницѣ, ведущей изъ верхней галереи въ садъ, и предлагалъ ей самые великолѣпные цвѣты, или громадный персикъ, или кисть винограда изъ оранжерей. Но и помимо этого, и цвѣты, и фрукты посылались баронессѣ ежедневно. Не прошло и мѣсяца, какъ князь уже не могъ дня провести, не видавъ своихъ сосѣдокъ, или, вѣрнѣе, молоденькой сосѣдки своей. Замѣчала ли баронесса, что старикъ-князь увлеченъ ея дочерью, или не замѣчала, но во всякомъ случаѣ она не говорила съ нимъ о продажѣ своей земли, можетъ быть инстинктивно не желая возбуждать денежные, дѣловые вопросы, чтобы нечаянно не оттолкнуть его. Сама она была съ княземъ задушевно мила, меньше

жаловалась на судьбу, забросившую ее въ эту трущобу; она даже меньше кашляла въ его присутствіи. А Лида? Она, конечно, не замѣчала страстныхъ взглядовъ, обращенныхъ на нее. Она прямо смотрѣла въ его глаза своими ясными синими глазами, способными захватить душу всякаго, не только старика. Она въ первый разъ была въ обществѣ человѣка съ изящными манерами и привлекательной наружностью. Она въ первый разъ видѣла человѣка элегантнаго во всемъ: въ одеждѣ, въ обращеніи,—человѣка выхоленнаго, надушеннаго. Князь, несмотря на свои годы, конечно, казался ей и по внѣшности интереснѣе и привлекательнѣе бѣднаго молодого доктора Синякина, единственнаго человѣка, на котораго Лида могла бы смотрѣть какъ на мужчину. Кромѣ этого, ей легко и весело болталось съ княземъ. Онъ улыбался всякой ея шуткѣ, ловилъ случай сказать ей что-либо пріятное, лестное. Лида наивно предавалась удовольствію быть въ его обществѣ. Всякая ея прихоть была закономъ для него. Онъ ждалъ только случая, чтобы исполнить то, чего она желала, спрашивалъ ея совѣта въ убранствѣ комнатъ, въ распланировкѣ новыхъ дорожекъ или клумбъ въ саду. А когда неопытный вкусъ Лиды ошибался, или не подсказывалъ ей ничего, онъ деликатно предлагалъ такой или иной планъ, но всегда въ такой формѣ, что Лида могла думать, будто это она придумала его. Лида съ нимъ чувствовала себя какъ-то самостоятельнѣе, нежели безъ него. Все, что онъ своимъ старымъ опытомъ и вкусомъ внушалъ ей, ей казалось, что это она сама дошла до этого. И она такъ по-дѣтски, просто и мило относилась къ нему, что онъ, старикъ, забывалъ свои годы, и ему казалось, будто онъ еще молодой человѣкъ и можетъ нравиться ей, можетъ внушить ей чувство болѣе теплое, нежели дружба. Онъ понималъ, что можетъ дать этой дѣвушкѣ все то, что богатство и положеніе въ свѣтѣ могутъ дать, и ему казалось, что, давая это, онъ можетъ дать ей и счастье. Онъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, думавшій о смерти и о томъ, что жизнь кончена для него, вдругъ увидалъ, что чаша жизни не испита еще имъ до дна и что жизнь можетъ ему еще дать такое счастье, о которомъ онъ давно и мечтать уже не смѣлъ. „Пріобрѣсти любовь молодой дѣвушки, красавицы, чистой и наивной, доброй, веселой, граціозной, и дѣвушки bien née!!.. да это все, чего можетъ желать, о чемъ можетъ мечтать человѣкъ“, думалъ князь. Ему, ослѣпленному собственной любовью, казалось, что и она любитъ его: какъ всѣ влюбленные, онъ, точно неопытный юноша, принималъ ея слова дружбы за слова любви.

VI.

Былъ послѣднiй день августа. Погода, стоявшая весь мѣсяцъ великолѣпная, вдругъ испортилась: небо сдѣлалось сѣрое и маленькiй дождь моросилъ съ утра. Лида съ матерью обѣдали у князя и въ восемь часовъ, когда онѣ вышли изъ-за стола и усѣлись въ библiотекѣ, стало совершенно темно, какъ зимой. Въ каминѣ, вмѣсто бывшихъ прежде тамъ цвѣтовъ, пылалъ огонь, и баронесса полулежала на вольтеровскомъ креслѣ и, положивъ ноги на высокiй мягкiй табуретъ, дремала подъ тихое потрескиванiе горящихъ дровъ. Лида перешла на другой конецъ длинной комнаты, сѣла подъ свѣтъ лампы у стола и развернула только-что полученную англiйскую иллюстрацiю. Князь сѣлъ рядомъ съ ней, положивъ локоть на столъ, будто тоже смотря на развернутый журналъ, но глаза его не покидали головку дѣвушки. Мягкiй свѣтъ карсели освѣщалъ ея гладкiй лобъ и гладко причесанные пепельно-каштановые волосы. Глаза ея были опущены: она засмотрѣлась на хорошо исполненную гравюру, любуясь ея сюжетомъ и исполненiемъ, потомъ лицо ея омрачилось, и она, поднявъ свои прелестные, глубокiе глаза на князя, проговорила:

— Чтò буду я дѣлать безъ васъ, князь, когда вы опять уѣдете? Вы такъ избаловали меня, что я съ ужасомъ отгоняю мысль опять остаться одною.

— Я никогда не уѣду,—отвѣчалъ князь серьезно, и прибавилъ тише:—если вы желаете, чтобы я остался.

— Въ такомъ случаѣ, — улыбнулась Лида: — вы обречены здѣсь провести всю вашу жизнь.

— Мою жизнь, весь остатокъ моей жизни я желалъ бы посвятить вамъ,—дрогнувшимъ голосомъ отвѣчалъ князь.

Лида удивленно смотрѣла на него.

Онъ молча и серьезно тоже смотрѣлъ въ ея глаза.

— Вы хотите...—начала дѣвушка, и вдругъ она поняла, чтò онъ хочетъ сказать, и все лицо ея загорѣлось яркимъ румянцемъ.

— Да, я хочу, отъ всего сердца хочу, чтобы вы были моею,— отвѣчалъ князь, и что-то въ лицѣ Лиды дало ему смѣлость взять ея руку и поднести къ губамъ.

— Вы будете моей?.. прошепталъ онъ.

— Женой?—спросила Лида, широко открывая глаза.

— Да, женой: милой, доброй подругой и женой, — сказалъ онъ.

Будто ослѣпленная, Лида на мгновеніе закрыла глаза. Ей почудилось, что золотое облако, то самое облако, за которымъ, какъ всегда казалось, скрывается ея будущность, вдругъ спустилось на нее и ослѣпило ее своимъ блескомъ. Она раскрыла глаза и обвела ими всю роскошь, окружающую ее.

„Все это будетъ мое“,—пронеслось въ ея головѣ. Потомъ взглядъ ея остановился на князѣ. Былъ ли онъ похожъ на тѣхъ прекрасныхъ юношей, которые являлись въ ея воображеніи, падая очарованные къ ея ногамъ? Она видѣла склоненнаго къ ней, все еще державшаго ея руку, красиваго, изящнаго мужчину, старика, конечно, но безъ непріятныхъ подробностей старости; и этотъ человѣкъ смотрѣлъ на нее такими влюбленными глазами, что что-то зашевелилось въ груди Лиды, что-то, чего она никогда не испытывала еще; и она, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что̀ дѣлаетъ, совершенно инстинктивно протянула князю и вторую руку. Онъ взялъ ихъ обѣ и сталъ цѣловать. Лида, немного испуганная этой незнакомой ей лаской, встала.

Онъ тоже всталъ, взялъ ея руку подъ свою и повелъ ее черезъ комнату къ креслу баронессы:

— Baronne!—проговорилъ онъ, отвѣчая на ея вопросительный взглядъ при ихъ появленіи подъ-руку,—cet ange du ciel daigne m'accepter pour mari.

— Mon enfant!—тихо воскликнула мать, протягивая объятія дочери, и та—чуть не въ первый разъ въ своей жизни—опустила голову на грудь матери.

Вошелъ лакей и доложилъ, что экипажъ поданъ: князь всякій разъ, какъ дамы обѣдали у него, посылалъ за ними свой экипажъ и въ немъ же отвозилъ ихъ: баронессѣ трудно было перебираться пѣшкомъ черезъ оврагъ, а въ обходъ его до ихъ усадьбы было версты полторы. Князь проводилъ своихъ гостей до крыльца и самъ съ лакеемъ подсадилъ въ карету свою будущую тещу и свою невѣсту...

Да, невѣсту. Онъ былъ женихомъ. Вернувшись наверхъ, онъ прошелъ въ свой кабинетъ и долго ходилъ изъ угла въ уголъ комнаты, и самыя противоположныя мысли тѣснились въ его головѣ. То онъ страстно мечталъ о красавицѣ-дѣвушкѣ, которая скоро будетъ его... „Но,—думалъ онъ,—вѣдь я старикъ. Какого счастья могу ожидать я? Будетъ ли она любить меня? Или даже не то, что любить любовью, но даже захочетъ ли быть моею, когда пойметъ обязанности жены и увидитъ меня какимъ я есть,

не пріодѣтымъ и прикрашеннымъ старикомъ? Но,—сейчасъ же успокаивалъ онъ себя,—вѣдь прикраситься можно и во всякомъ déshabillé... мнѣ надо будетъ зорко смотрѣть за собой и—ne pas me laisser aller. Она вѣдь ничего не знаетъ, не понимаетъ, да у нея и сравненія не будетъ: я буду, конечно, держать ее вдалекѣ отъ всѣхъ, отъ всего... Затѣмъ, она умна, она пойметъ, что я далъ ей все—она будетъ благодарна... Но я? я? Въ мои годы жениться? Вѣдь это сумасшествіе. Un vieux ramoli, скажутъ обо мнѣ всѣ—и сестра, и... сынъ—да, сынъ первый скажетъ... Ну, да Богъ съ нимъ: какое мнѣ дѣло, чтò онъ скажетъ. Я хочу, хочу быть счастливымъ—и хотя бы годъ, хоть мѣсяцъ одинъ, но буду безгранично, страшно счастливъ—я испытаю еще разъ въ жизни полное счастіе... Да чтò говорю я, такого счастія я еще никогда не испытывалъ. Даже Marie (такъ звали вторую жену князя), даже Marie я никогда не любилъ, какъ люблю эту дѣвочку. Да развѣ и можно сравнить ихъ? Marie была вдова, ей было тридцать лѣтъ; она была прелестна, обворожительна—но не то, не то! Эта—красавица, какихъ я не видалъ, и умна, и добра, et si douce, si douce... И она любитъ, да, она любитъ меня"!..

Князь поздно легъ спать. Его немного трясла лихорадка, и долго ворочался онъ съ боку на бокъ въ своей широкой, подъ штофнымъ балдахиномъ, кровати style empire. То ему дѣлалось страшно за будущность, то нетерпѣливо ждалъ онъ минуты, когда Лида будетъ его женой; то вдругъ ему дѣлалось стыдно глупости, которую онъ сдѣлалъ, посватавшись, и онъ начиналъ думать, не лучше ли отступиться? Но страсть одержала верхъ, и князь, усталый, разбитый, всталъ утромъ съ твердою рѣшимостью жениться.

Лида тоже долго не спала въ эту ночь. Она лежала на своей узенькой желѣзной кровати съ мочальнымъ, тоненькимъ матрасикомъ. Глаза ея были широко раскрыты и, лежа на спинѣ съ закинутыми за голову руками, она смотрѣла передъ собой въ темноту. Ей было такъ странно: не то жутко, не то весело. Съ дѣтства привыкшая къ самой пуританской жизни, къ самой простой, чтобы не сказать—бѣдной обстановкѣ, она инстинктивно любила, какъ мать, все красивое, элегантное. Ребенкомъ она прыгала, когда на нее надѣвали новое платьице; она съ восхищеніемъ заглядывала въ шкатулку матери, когда та перебирала остатки своихъ драгоцѣнностей. Тѣ, чтò были подороже, давно ушли на покрытіе неотложныхъ расходовъ. Идеаломъ богатства и роскоши ей съ дѣтства представлялся громадный домъ

князя. Туда украдкой пробиралась она, когда Амалія Ивановна чистила и провѣтривала комнаты, засматривалась на картины, статуи и, осторожно приподнимая чехлы, любовалась золоченою мебелью, и своей маленькой бѣлой ручкой проводила по свѣтло-зеленому съ бѣлыми разводами штофу, которымъ была обита мебель въ большой гостиной.

— Не трогайте, Лида!—раздавался за ней рѣзкій голосъ Амаліи Ивановны. И Лида сконфуженно отдергивала руку и убѣгала подальше съ глазъ жены управляющаго. И вотъ теперь, все это, все—будетъ ея собственностью. Голова кружилась отъ такого счастья. Лида зажгла свѣчу, стоящую въ мѣдномъ невычищенномъ подсвѣчникѣ на бѣломъ березовомъ столикѣ у ея постели, и обвела взоромъ свою маленькую комнатку, въ которой она выросла. Окно, съ расшатанной, полусгнившей рамой, выходило въ садъ, прямо на кустъ бузины и не имѣло даже сторы, такъ какъ кустъ достаточно защищалъ его отъ свѣта. У окна стоялъ старый ломберный столъ,—за нимъ Лида выучилась всему, что̀ знала. Передъ нимъ два тяжелыхъ, старыхъ стула, обитые потертымъ тикомъ; за кроватью сосновый табуретъ съ полусѣрыми, самаго дешеваго сорта, фаянсовыми принадлежностями для умыванья; маленькій шкафъ съ дырой вмѣсто замка, да хромой комодъ съ бѣльемъ—и какимъ бѣльемъ! толстымъ, ничѣмъ не обшитымъ...

На все это Лида смотрѣла, точно видѣла это въ первый разъ. „Что̀ еслибы князь вошелъ въ эту комнату?—подумала она:—пожалуй, я стала бы противна ему въ этой обстановкѣ“! —и невольный страхъ заполонилъ ея сердце; но она вспомнила о своей красотѣ, о своей молодости и свѣжести и успокоилась. Она потушила свѣчу, но ей все не спалось. Теперь другія мысли наполнили ея голову: она вспомнила свои неопредѣленныя мечты, вызванныя прочитанными романами; она, бывало, мечтала о любви, о прекрасныхъ, красивыхъ юношахъ, съ геройскимъ характеромъ, храбрыхъ, сильныхъ, уносившихъ ее въ своихъ объятіяхъ отъ неизвѣстной опасности, а вотъ теперь она сдѣлается женою старика. „Сколько лѣтъ ему?—задала она себѣ вопросъ, и вспомнила, что Прасковья Осиповна сказала ей, что князь родился во время польскаго бунта.—Надо у кого-нибудь спросить, когда былъ этотъ бунтъ,—рѣшила она.—Но не все ли равно, —прибавила она мысленно,—будь ему сто лѣтъ, все же я выйду за него. За другого я не могу выйти, потому что другого нѣтъ; и проживи я сто лѣтъ, другого такого не найду, такого, который далъ бы мнѣ то, что̀ даетъ этотъ“. И вдругъ почему-то

Лида вспомнила о своемъ снѣ, и о томъ, что̀ она тогда сказала шутя молодому Синякину о молодомъ князѣ;—образъ доктора предсталъ передъ нею, и она въ первый разъ въ своей жизни спросила себя: не любитъ ли онъ ее? Она прищурилась, будто отъ навязчивой, непріятной мысли, перевернулась на бокъ и заснула.

Спальня баронессы была стѣна объ стѣну съ комнатой Лиды, но не было двери, соединяющей эти двѣ комнаты. Баронесса мало спала по ночамъ, ее мучилъ кашель, удушье. Сегодня она чувствовала себя удивительно бодрой и почти не кашляла; но все же и ей не спалось. Она лежала на большой, старой, краснаго дерева кровати, на грудѣ подушекъ и подушечекъ, вездѣ подложенныхъ подъ ея спину и худые бока. Окна были завѣшаны шерстяными занавѣсками, заколотыми одна къ другой, чтобы не пропускать утренняго свѣта. Между окнами стоялъ старый, уже кое-гдѣ облупившійся туалетъ, съ разбросанными на немъ гребенками, шпильками, коробками съ пудрой; на одной изъ колоннокъ, поддерживающихъ потускнѣвшее зеркало, на обломанномъ бронзовомъ бра̀ висѣла фальшивая коса баронессы. На краю столика, за ширмами, горѣлъ ночникъ: простой фитиль съ бумажкой, плавающій въ маслѣ, налитомъ въ стаканъ, поставленный на загрязненномъ старыми фитилями и прилипшими ночными бабочками блюдечкѣ. Ночникъ освѣщалъ груду юбокъ, снятыхъ съ баронессы и брошенныхъ заспанной и неряшливой Парашей. Баронесса посмотрѣла на эти юбки и уже протянула руку, чтобы позвонить горничную, велѣть прибрать и прочитать горничной нотацію; она была довольно взыскательна и мѣняла обыкновенно по нѣскольку горничныхъ въ году; но на этотъ разъ она чувствовала себя до того счастливой и довольной, что мысленно махнула рукой на Парашу.

Въ ея головѣ, подъ бѣлымъ чепцомъ, изъ-подъ котораго торчали завитки волосъ, вертѣлся мотивъ побѣдоноснаго марша, на слова, сказанныя княземъ, когда онъ подвелъ ей Лиду въ библіотекѣ: „Veut bien m'accepter pour mari“.—„Глупый старикашка“! подумала съ улыбкой мать Лиды, безъ малѣйшей горечи въ этомъ скорѣе ласкательномъ эпитетѣ... „Veut bien m'accepter pour mari“! Еще бы не захотѣла! Конечно, старъ онъ; но, Боже, онъ стоитъ двадцати, сотни молодыхъ. Вотъ и Синякинъ, докторишка, молодъ, и я съ ужасомъ видѣла, что Лида ему нравится“... Баронесса лгала себѣ: она замѣчала это безъ всякаго ужаса, и вѣроятно нашла бы, что партія съ Синякинымъ, vu les circonstances, подходяща, и даже очень; но теперь, когда

князь посватался за Лиду, ей казалось, что она никогда не допустила бы такой mésalliance.

И подъ кисейнымъ чепцомъ баронессы начали одна за другой пробѣгать мысли: „приданое“—была первою изъ нихъ. „Приданое... Конечно, князь пойметъ и дастъ денегъ на приданое. Le linge, surtout le linge doit être soigné“,—подумала баронесса, и сейчасъ же ей пришло въ голову, что и ей самой слѣдовало бы возобновить свое бѣлье... „Князь, конечно, не оставитъ меня въ этой трущобѣ“,—продолжала мечтать она;—„я должна ѣхать въ теплый климатъ, должна“!—и она придумывала, какъ бы, въ какой формѣ намекнуть ему о томъ, что ей надо жить въ тепломъ климатѣ, и что для этого надо... сколько?.. Шесть тысячъ?.. Да что̀ ему шесть тысячъ,—захочетъ, двѣнадцать дастъ! Пусть самъ, гдѣ хочетъ, наслаждается счастьемъ съ красавицей женой, а она,—она тамъ гдѣ-нибудь поселится на югѣ Франціи, и выздоровѣетъ, помолодѣетъ, опять расцвѣтетъ...

VII.

Павелъ Матвѣевичъ Синякинъ теперь гораздо рѣже видѣлся со своей милой сосѣдкой. Не то чтобы князь своимъ присутствіемъ занималъ все его время; нѣтъ, къ князю онъ обыкновенно заходилъ до завтрака, и то не каждый день. Съ любезной улыбкой князь сказалъ ему, что онъ пріѣхалъ въ деревню отдохнуть, а не дѣлами заниматься: „а съ имѣніемъ,—добавилъ онъ, — конечно, вы, любезнѣйшій Павелъ Матвѣевичъ, управитесь лучше меня“. Управляющій былъ польщенъ, хотя съ удовольствіемъ поговорилъ бы съ владѣльцемъ и о томъ, и о другомъ хозяйственномъ вопросѣ; но, попробовавъ нѣсколько разъ завести разговоръ о хлѣбопашествѣ, онъ убѣдился, что князь не только не интересуется хозяйствомъ, но и не понимаетъ въ немъ ничего. Иногда князь оставлялъ Синякина завтракать съ собой,—что̀ тоже льстило его самолюбію,—но завтракъ въ 12 часовъ, состоящій изъ легкихъ, деликатныхъ блюдъ, не насыщалъ Павла Матвѣевича, а отнималъ лишь аппетитъ къ обѣду; вечеромъ онъ опять былъ голоденъ, спрашивалъ себѣ ужинать, и этотъ безпорядокъ въ часахъ ѣды сердилъ Амалію Ивановну.

Синякинъ теперь рѣже ходилъ къ баронессѣ, зная, что она съ дочерью часто обѣдаетъ и вечеръ проводитъ у князя, и кромѣ того, ему показалось, что баронесса стала какъ-то свысока относиться къ нему. Онъ даже намекнулъ объ этомъ Амаліи

Ивановнѣ, и та разразилась потокомъ словъ о неблагодарности „модныхъ барынь“, какъ она выразилась.

— Ну, полно, полно, Амалія Ивановна!—уговаривалъ ее мужъ.

— Нѣтъ, не полно,—звонко и ясно отчеканивая всякое слово, говорила она:—вотъ князь уѣдетъ, тогда опять будетъ за тобой присылать, да просить то того, то сего: и муки взаймы, и дрожжей... безъ отдачи...

— Ну, ну, Богъ съ тобой!—проговорилъ Павелъ Матвѣевичъ, и вышелъ изъ дому, зная, что бѣгство—единственное средство спастись отъ языка жены.

Былъ седьмой часъ вечера. Синякинъ, да и никто еще не подозрѣвалъ того, что наканунѣ князь сдѣлалъ предложеніе Лидѣ. Павелъ Матвѣевичъ шелъ теперь въ сѣрый домикъ сообщить баронессѣ, что за рожь еще никто не даетъ порядочной цѣны, и потому продавать ее еще рано. Онъ зналъ, что баронесса будетъ очень недовольна, что деньги ей нужны теперь, что она тратитъ ихъ на наряды, съ тѣхъ поръ какъ князь пріѣхалъ... „И для чего все это“!—подумалъ управляющій.

На балконѣ домика баронессы Синякинъ столкнулся съ княземъ, выходящимъ изъ двери гостиной съ какимъ-то, показалось ему, страннымъ лицомъ. Но онъ не успѣлъ еще поклониться, какъ князь схватилъ его за обѣ руки и, потрясая ихъ, проговорилъ:

— Вы еще ничего не знаете? Нѣтъ? Ну, подите, онѣ скажутъ вамъ. А я еще и еще благодарю васъ за всѣ ваши хлопоты и попеченія о нихъ. Вѣрьте, что я не забуду этого...

И, потрясая еще разъ руки Синякина, князь скорыми, совсѣмъ непривычно бодрыми шагами спустился по расшатаннымъ ступенямъ балкона и направился къ оврагу.

Синякинъ, ошеломленный и ничего не понимая, смотрѣлъ ему вслѣдъ. Когда фигура князя исчезла за кустами бузины, Павелъ Матвѣевичъ обернулся и увидалъ Лиду, стоявшую въ дверяхъ балкона, въ двухъ шагахъ отъ него. Она, лукаво улыбаясь, смотрѣла на него. Синякинъ, молча, съ удивленнымъ лицомъ, протянулъ ей руку.

— Ну, что̀ же вы не спрашиваете?—проговорила, все еще улыбаясь, дѣвушка.

— О чемъ же я долженъ спрашивать?—проговорилъ онъ.

— Пойдите сюда, Павелъ Матвѣевичъ!—послышался изъ маленькой гостиной голосъ баронессы: — пойдите сюда, милый Павелъ Матвѣевичъ!—и, протягивая ему обѣ свои тонкія руки

и потрясая его толстые, загорѣлые пальцы, какъ сейчасъ сдѣлалъ князь, баронесса продолжала:

— Порадуйтесь на наше счастье. Лида невѣста. Князь сдѣлалъ ей предложеніе!

И мать, и дочь, обѣ улыбаясь, одна томно, другая лукаво, смотрѣли на него и видимо ждали отъ него чего-то. Но чего? Синякинъ рѣшительно не зналъ, чего ждутъ отъ него. Мысль, что онъ долженъ поздравить ихъ, даже не пришла ему въ голову. Онъ стоялъ и, какъ человѣкъ, упавшій съ высоты, въ первую минуту не знаетъ, точно ли онъ упалъ, или только это ему кажется,—такъ и Синякинъ раздумывалъ:—что это? правда ли все то, что̀ онъ слышитъ и видитъ? или это у него голова закружилась, и ему лишь все это кажется?

— Садитесь, присядьте здѣсь, милый Павелъ Матвѣевичъ,— говорила баронесса, указывая ему на кресло противъ себя:— сядьте и какъ всегда будьте милы и помогите мнѣ со всѣми хлопотами...

Павелъ Матвѣевичъ опустился въ кресло и выслушалъ всѣ подробности событія. Онъ узналъ, какими словами князь сообщилъ баронессѣ, что женится на ея дочери. Боясь, что онъ не пойметъ французской фразы, баронесса перевела ему ее по-русски: „Этотъ ангелъ небесный, ваша дочь, приняла мое предложеніе и соглашается быть моей женою“...

Потомъ Синякинъ узналъ, что князь просилъ ничего не дѣлать, кромѣ вѣнчальнаго платья, и что Лида хочетъ, чтобы его сшила Ѳеня, что князь сегодня же пошлетъ въ городъ купить бѣлаго атласа, и все, что̀ нужно, а что бѣлье и все остальное онъ выпишетъ изъ Петербурга, для чего просилъ дать старое платье Лиды, чтобы послать его сейчасъ же въ Петербургъ на мѣрку. Что онъ умоляетъ, „чуть не на колѣняхъ“, чтобы свадьбу не откладывать, что онъ проситъ; чтобы она была „не позже, какъ черезъ двѣ недѣли“...—Онъ хотѣлъ черезъ недѣлю, но я возстала,—говорила баронесса,—гдѣ же успѣть! Что молодые останутся здѣсь, въ Березенкахъ, гдѣ проведутъ медовый мѣсяцъ, или пока Лида не пожелаетъ уѣхать, такъ какъ съ сегодняшняго дня не онъ, а Лида, говоритъ онъ, будетъ распоряжаться его жизнью... И наконецъ, баронесса съ еще бо̀льшимъ восторгомъ сообщила, что сама она въ день свадьбы уѣзжаетъ за границу. Что свадебное путешествіе сдѣлаютъ не молодые, а она, и что „князь такъ, такъ деликатно сказалъ ей, что не онъ, замѣтьте, не онъ, а Лида, конечно, никогда не допуститъ, чтобы ея мать въ чемъ либо нуждалась... и что онъ умоляетъ обѣихъ насъ

всѣ эти дѣла рѣшить между нами и сообщить ему лишь о нашемъ рѣшеніи"...

И еще, и еще разсказывала баронесса Синякину, и даже забывала кашлять, а Лида стояла за кресломъ матери и, все улыбаясь, смотрѣла на него. А онъ... онъ сидѣлъ и слушалъ, и глазами хлопалъ. Хорошо ли это? Дурно ли? Онъ рѣшительно не соображалъ, но въ его глазахъ вдругъ мелькнулъ межникъ между десятинами спѣлой ржи и широкоплечая, мѣшковатая фигура сына его, Ванюши, одѣтая въ коломянку, и ему послышался его голосъ, говорившій: „Она такая хорошая, милая дѣвушка"... и что-то подступило къ простому сердцу старика, и чуть-чуть замѣтная слеза засвѣтилась въ его глазахъ. И еще вспомнились ему длинные зимніе вечера, которые онъ просиживалъ тутъ, на этомъ креслѣ, противъ этой самой, теперь сіяющей счастьемъ женщины, и невольно слеза омочила его рѣсницы и скатилась на его загорѣлую, толстую щеку.

— Вотъ, вотъ другъ!—протянула ему опять руку баронесса, не понявшая этой слезы: — вотъ другъ, настоящій другъ! Я знала, что вы любите насъ и порадуетесь нашему счастью.—И сама она, закрывъ глаза батистовымъ надушеннымъ платкомъ, откинулась на спинку кресла и закашлялась.

А Лида перестала улыбаться, отвернулась, подошла къ окну и стала обрывать лепестки цвѣтка, распустившагося въ горшкѣ на подоконникѣ.

Синякинъ вернулся отъ баронессы уже въ десятомъ часу. Войдя въ широкій корридоръ своего помѣщенія, онъ увидалъ свѣтъ въ конторѣ, и зная, что найдетъ тамъ жену за книгами, прошелъ туда.

Амалія Ивановна, въ ночной кофтѣ и пестрой стеганой юбкѣ, съ очками на своемъ длинномъ утиномъ носу, провѣряла громадную конторскую книгу. Передъ ней на столѣ горѣла маленькая керосиновая лампочка, освѣщавшая кругъ на клеенкѣ стола и большую руку Амаліи Ивановны, на развернутой исписанной книгѣ. При появленіи мужа, она лишь вскинула на него глаза, опять опустила ихъ и, шевеля губами, продолжала подводить итогъ чиселъ, проводя по нимъ тупымъ пальцемъ своей руки, а правой рукой щелкая косточками счетовъ.

Павелъ Матвѣевичъ подошелъ къ столу, взялъ стулъ и сѣлъ противъ жены.

— Ну, Амалія Ивановна, вотъ тебѣ новость,—проговорилъ онъ не своимъ и до того страннымъ голосомъ, что обѣ руки

Амаліи Ивановны остановились, одна на книгѣ, другая на счетахъ, и она черезъ очки посмотрѣла на мужа.

— Лидочка, т.-е. Лидія Александровна,—поправился онъ,—объявлена невѣстой: она выходитъ замужъ за князя.

— Чтò?—строго проговорила Амалія Ивановна:—чтò за глупая шутка!

— Совсѣмъ не шутка!—и Павелъ Метвѣевичъ съ какимъ-то злорадствомъ, столь необычнымъ въ его характерѣ, началъ разсказывать женѣ всѣ подробности.

Но Амалія Ивановна не интересовалась ими.

— Это невозможно!—прервала она его.

— Возможно, или невозможно, а такъ оно есть,—отвѣчалъ Синякинъ.

— А Ванюша нашъ?—вдругъ проговорила Амалія Ивановна.

Онъ посмотрѣлъ на жену:

— Я думалъ, ты этого не знаешь,—упавшимъ голосомъ сказалъ онъ.

— Я мать, Павелъ Матвѣевичъ,—сказала Амалія Ивановна, и вдругъ случилось чудо: губы Амаліи Ивановны вытянулись, носъ сморщился, она сняла очки, и слезы потекли изъ ея всегда сухихъ глазъ. Амалія Ивановна плакала, плакала въ первый разъ въ своей жизни, или, по крайней мѣрѣ, плакала въ первый разъ передъ своимъ мужемъ, и она все повторяла: „Я мать, я мать“!

— Ну, ну, полно, чтò же дѣлать! — проговорилъ Синякинъ; вставая, онъ обошелъ столъ, подошелъ къ женѣ и поцѣловалъ ее въ жесткій, желтый лобъ. Изъ его глазъ тоже текли слезы. Почему плакала Амалія Ивановна? О сынѣ ли? Были ли ея слезы вызваны жалостью къ сыну, или не плакала ли она отъ обиды, что „эта пустая дѣвчонка“, какъ она всегда называла Лиду, теперь будетъ хозяйкой здѣсь—ея госпожей? Можетъ быть и эти мысли волновали сухую грудь Амаліи Ивановны, но ея непривычныя слезы тронули мягкое сердце ея мужа. Она скоро осушила глаза и рѣзко проговорила:

— Этого не будетъ! Князь одумается: вѣдь онъ старикъ, а она дѣвчонка.

Павелъ Матвѣевичъ не отвѣчалъ; онъ молча ходилъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, этому не бывать! — произнесла еще разъ Амалія Ивановна, и, взявъ лампу, пошла въ спальню. Павелъ Матвѣевичъ пошелъ за ней. Молча раздѣлись они оба и молча улеглись на свои рядомъ стоящія кровати. Амалія Ивановна задула свѣчу, но долго еще, въ то время, какъ храпъ Павла Матвѣевича уже

давно раздавался по комнатѣ, жена его лежала съ открытыми глазами и—думала о чемъ-то.

VIII.

Амалія Ивановна проснулась гораздо ранѣе обыкновеннаго. Она одѣлась нáскоро, не шумя, чтобы не разбудить мужа, и прошла въ его кабинетъ. Тамъ она сѣла за его письменный столъ, взяла листъ почтовой бумаги и стала писать круглымъ, твердымъ почеркомъ: „Ваше сіятельство, князь Димитрій Николаевичъ, позвольте доброжелательному вамъ лицу сообщить вамъ, что папенька вашъ, многопочитаемый князь Николай Өедоровичъ, сдѣлался жертвой хитросплетенныхъ сѣтей, что ихъ опутали и, воспользовавшись ихъ слабостью сердечной и годами, помышляютъ женить его на дѣвицѣ Мюльбахъ, молодой дѣвушкѣ съ большими задатками кокетства, а мать ея, баронесса Мюльбахъ, самаго предосудительнаго характера, чтò доказывается тѣмъ, что супругъ ея даже черезъ нее лишился жизни“, и т. д. и т. д. Письмà этого Амалія Ивановна не подписала, а на конвертѣ поставила адресъ петербургскаго дома князя, съ прибавленіемъ: „отослать по назначенію“. Потомъ она опустила письмо въ карманъ, измышляя, какъ бы-его отослать на почту, чтобы никто не зналъ, что она написала молодому князю, а затѣмъ со спокойной совѣстью пошла хлопотать по хозяйству.

Она была занята разборкой бѣлья, когда въ десятомъ часу Павелъ Матвѣевичъ вошелъ въ ея комнату съ довольнымъ и немного заискивающимъ лицомъ:

— Я отъ князя,—сказалъ онъ женѣ: — онъ очень, очень проситъ тебя сходить къ баронессѣ и спросить, чтò надо привезти изъ города для подвѣнечнаго платья Лидіи Александровны, а также для нея самой, и вообще узнать про все, чтò имъ нужно, и проситъ тебя сегодня же ѣхать въ городъ и все это закупить.

Первой мыслью Амаліи Ивановны было:

„Вотъ, кстати, я тамъ и письмо опущу въ ящикъ; вотъ, право, судьба“!

Это соображеніе, можетъ, и сдѣлало то, что она не заупрямилась и безъ ропота приняла порученіе. Впрочемъ, можетъ быть, и потому, что она уже не считала возможнымъ бравировать ту, которая могла черезъ двѣ недѣли сдѣлаться княгинею Березенскою.

Баронесса очень благосклонно приняла Амалію Ивановну; она была такъ счастлива, что теперь благоволила ко всѣмъ и

очень тактично и хитро навела Амалію Ивановну саму на мысль взять себѣ въ подмогу для закупокъ Ѳеню, такъ какъ на вкусъ самой Амаліи Ивановны положиться она боялась.

Въ тотъ же день князь послалъ своего дворецкаго въ Петербургъ съ заказами въ лучшіе магазины столицы бѣлья, платья, золотыхъ и серебряныхъ вещей, мебели, однимъ словомъ, всего того, что̀ могъ онъ придумать для своей невѣсты. И все должно было быть готово черезъ двѣ недѣли: князь страшно торопилъ свадьбой. Одновременно князь написалъ письмо своей сестрѣ, старой генеральшѣ, и въ короткихъ словахъ сообщилъ ей, что онъ женится. Онъ не хотѣлъ, чтобы сказали, что онъ скрылъ свой бракъ; но написать сыну онъ еще медлилъ; ему была непріятна эта обязанность и непріятно было говорить съ нимъ о дѣвушкѣ, которую онъ любитъ.

Въ березенскомъ большомъ домѣ пошли суета и работы. Изъ города были выписаны столяры и обойщики. Изъ большихъ окованныхъ сундуковъ, такъ ревностно оберегаемыхъ Амаліей Ивановной цѣлыя четверть столѣтія, были вынуты старыя шолковыя матеріи, ковры. Князь, самъ направляя работы неумѣлыхъ провинціальныхъ мастеровыхъ, съ утра до ночи наблюдалъ за отдѣлкой комнатъ, предназначенныхъ для его молодой жены. Онъ, вѣрный принятому рѣшенію, не показываться женѣ въ случайномъ négligé сна, рѣшилъ остаться въ своей спальнѣ, а для Лиды предназначилъ бывшую спальню своей матери, большую комнату, рядомъ съ нимъ. Ее всю обили немного выблекшимъ розовымъ штофомъ. Подъ такой же драпировкой, падающей тяжелыми складками на бѣлый коверъ, съ разбросанными на немъ розами, поставили старинную розоваго дерева съ бронзой кровать, двуспальную, но могущую по теперешнимъ понятіямъ называться лишь полуторной. Съ потолка спускалась розоватая лампа-ночникъ. Рядомъ со спальной, за маленькой, краснаго дерева дверью, была уборная, съ фарфоровой ванной и туалетомъ vieux saxe, принадлежавшимъ еще старой княгинѣ, матери его. Мебель въ будуарѣ была голубая, вся въ кружевахъ, новая, выписанная скорымъ поѣздомъ изъ Петербурга. Однимъ словомъ, все, что̀ деньги и вкусъ могли сдѣлать—все было сдѣлано. Князь такъ увлекся всѣми приготовленіями, что видѣлъ свою невѣсту меньше, нежели прежде. Да и ей было некогда. Тамъ цѣлый штатъ портнихъ работалъ подъ руководствомъ Ѳени. Лида то-и-дѣло примѣряла наряды, о которыхъ ей и во снѣ никогда не могло сниться. Ей было некогда, и мать не позволяла уже ей

ходить одной черезъ оврагъ, находя непристойными частыя посѣщенія ею жениха.

Баронесса, пользуясь случаемъ и тѣмъ, что деньги лились щедрой рукой князя, дѣлала и себѣ цѣлое приданое, хотя, конечно, не столь роскошное, какъ приданое Лиды. Она рѣшила въ день свадьбы ѣхать прямо черезъ Варшаву и Вѣну въ Ниццу и пробыть тамъ зиму. По рекомендаціи Амаліи Ивановны, знавшей нѣмецкую колонію губернскаго города, была взята для баронессы горничная-нѣмка, немного понимавшая по-французски, чтобы сопровождать ее за границу. Что касается до Лиды, то она, несмотря на желаніе матери приставить къ ней пожилую женщину, несмотря даже и на то, что это желаніе раздѣлялъ видимо и князь, такъ мило просила его позволить ей взять въ горничныя себѣ Ѳеню, что онъ только засмѣялся и сказалъ ей и повторилъ, что она всегда и во всемъ будетъ дѣлать все, что̀ захочетъ, и что онъ никогда ни въ чемъ ее стѣснять не будетъ.

Наканунѣ дня, назначеннаго для свадьбы, все въ большомъ домѣ было готово, все стояло по мѣстамъ, и князь, съ удовольствіемъ потирая руки, рѣшилъ отдохнуть. Онъ послѣ утренняго кофе прошелъ въ комнаты, приготовленныя для его будущей жены, еще разъ окинулъ все взглядомъ и прошелъ въ свой кабинетъ. Онъ сѣлъ у раскрытаго окна. Былъ совершенно лѣтній день; онъ взялъ послѣдній нумеръ „Revue des deux Mondes“, полученный уже нѣсколько дней тому назадъ, но еще не разрѣзанный. Ему не читалось. Его мысли были ему интереснѣе книги,—онъ былъ настроенъ слишкомъ счастливо, чтобы читать. Вошелъ камердинеръ, неся на серебряномъ подносикѣ только-что привезенную со станціи желѣзной дороги почту. Онъ положилъ на столикъ передъ княземъ нѣсколько писемъ, а газеты и журналы унесъ въ библіотеку. Князь взялъ письма. Было нѣсколько счетовъ изъ магазиновъ и два письма. Онъ сейчасъ узналъ ихъ по почерку: одно было отъ его сестры, другое—отъ сына. Князь поморщился и распечаталъ прежде письмо генеральши.

„Mon cher frère,—писала она ему по-французски,—ваше письмо застало меня au fond de mon lit, я была страшно больна желудкомъ, у меня была диссентерія. Сегодня лишь я въ состояніи взять перо въ руки и пишу вамъ. Вы можете представить себѣ, какъ поразило меня ваше письмо. Mon frère, mon cher frère, что̀ вы дѣлаете. Опомнитесь: вы, въ ваши годы... Будь у меня силы, я поскакала бы къ вамъ, но что̀ могу я, несчастная, больная старуха. Пусть Господь Богъ услышитъ мои молитвы. Пусть все случится, какъ угодно Его святой волѣ“... и т. д., и т. д.

ровно четыре страницы. Потомъ князь распечаталъ письмо сына. Оно было написано по-русски: „Многоуважаемый батюшка,—прочелъ князь:—я на дняхъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Норвегіи; какъ почтительный племянникъ былъ вчера у тетушки въ Царскомъ, и узналъ отъ нея и изъ другихъ источниковъ о счастливомъ событіи, готовящемся въ нашей семьѣ. Предполагаю, что ваше письмо ко мнѣ съ объявленіемъ о вступленіи вашемъ въ бракъ пошло въ Парижъ, который я оставилъ нѣсколько недѣль тому назадъ. Какъ почтительному сыну, мнѣ остается лишь радоваться вашему счастью и спросить васъ, не пожелаете ли вы, чтобы я присутствовалъ на вашей свадьбѣ. Въ такомъ случаѣ я сейчасъ же поѣду въ Березенки. Прошу васъ поцѣловать за меня руку моей будущей мачихи и принять увѣреніе въ моей совершенной вамъ преданности.—Вашъ послушный сынъ Димитрій“.

Князь швырнулъ письмо отъ себя; онъ точно видѣлъ передъ собой насмѣшливое лицо сына, говорившаго ему съ ироніею все то, что̀ написано было въ письмѣ. Письмо сестры мало тронуло его,—какъ вообще ея мнѣніе его никогда не трогало; но письмо сына уничтожило въ немъ все его хорошее расположеніе духа. Чтобы дать улечься дурному впечатлѣнію, онъ всталъ, взялъ шляпу, трость, и вышелъ изъ дому. Онъ перешелъ оврагъ, поднялся къ сѣренькому домику, который сталъ теперь для него самымъ милымъ мѣстомъ на свѣтѣ. Онъ засталъ Лиду одну, на балконѣ. Она сидѣла на садовой скамейкѣ и своими ловкими, красивыми руками устраивала матери дорожную шляпку. Присланная изъ города шляпа не понравилась баронессѣ, и Лида передѣлывала ее.

Увидавъ князя, Лида подняла на него счастливые, улыбающіеся глаза, и, не поднимаясь со скамьи, не выпуская изъ рукъ работы, мило косясь на него, подставила ему щеку. Эта еще небывалая ласка, съ ея стороны, захватила за сердце стараго жениха. Онъ нѣжно, осторожно поцѣловалъ ея щеку, потомъ, нагнувшись, нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руки и сѣлъ противъ нея на кресло баронессы.

— Мама̀ еще спитъ,—тихо сказала Лида:—она опять прокашляла всю ночь, и заснула лишь утромъ“.

— Мы не разбудимъ ее,—такъ же тихо сказалъ князь, и оба замолкли. Лида все свое вниманіе, казалось, сосредоточила на шляпѣ, а князь, какъ всегда, засмотрѣлся на ея красоту и думалъ: „Богъ съ ними, со всѣми, и съ сестрой, и съ сыномъ. Что̀ они мнѣ? Я въ моемъ блаженствѣ съ этимъ ангеломъ забуду весь міръ... и кто знаетъ! Можетъ, у насъ еще родится

ребенокъ. Она—воплощенное здоровье и женственность, а я, я...“ Князь не любилъ вспоминать о своихъ годахъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ былъ женихомъ; но онъ считалъ себя еще совершенно сохранившимся умственно и физически. Онъ вспомнилъ, что не далѣе, какъ шесть лѣтъ тому назадъ, хорошенькая Маруся Тихонова, балерина, которую онъ содержалъ „для гигіены“, какъ онъ самъ себѣ говорилъ, сдѣлалась.... Она, правда, не доносила, но князь имѣлъ полное основаніе думать, и до сегодняшняго дня былъ увѣренъ въ томъ, что ребенокъ былъ бы отъ него... Правда, тому прошло шесть лѣтъ... развѣ шесть? А не пять? нѣтъ, шесть лѣтъ. А въ шесть лѣтъ можно постарѣть. Но онъ чувствовалъ себя съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Березенки, отлично, совершенно бодрымъ и здоровымъ. „У насъ родится сынъ,—мечталъ князь, любуясь пышной красотой своей невѣсты и представляя ее себѣ съ ребенкомъ на рукахъ,—да, сынъ, настоящій князь Березенскій“. Почему князь вдругъ какъ бы началъ считать своего старшаго, нелюбимаго сына не настоящимъ княземъ Березенскимъ, онъ и самъ бы не могъ сказать, но ему казалось, что этотъ новый сынъ, котораго онъ уже мысленно видѣлъ лежащимъ у груди своей красавицы жены, будетъ гораздо болѣе настоящимъ, нежели тотъ, которому уже за тридцать лѣтъ и который такъ досадилъ ему сегодня своимъ письмомъ... „А вдругъ, —пронеслось въ головѣ князя,—вдругъ у меня не только уже не можетъ быть дѣтей, но и въ мужья я больше не гожусь! Кто знаетъ!? Съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ Марусей, а этому будетъ скоро пять... или четыре? нѣтъ, пять лѣтъ—съ тѣхъ поръ я не зналъ ни одной женщины“... Князь весь похолодѣлъ и лицо его поблѣднѣло.

— Вамъ холодно здѣсь,—сказала Лида:—войдемте въ гостиную.

— Нѣтъ, нѣтъ!—и князь поспѣшно всталъ:—мнѣ надо идти, мнѣ некогда, я лишь пришелъ на минуту, взглянуть на... на тебя... —И князь, поцѣловавъ руку невѣсты, ушелъ домой.

IX.

Все приходитъ тому, кто умѣетъ ждать,—говоритъ французская пословица. И вотъ, всѣ дождались дня свадьбы: и баронесса, съ замираніемъ сердца боявшаяся, какъ бы не разстроился по какимъ-нибудь причинамъ этотъ столь пріятный для нея бракъ, и Лида, ждавшая этого дня съ трепетомъ, любопытствомъ и ра-

достью, и влюбленный женихъ, и всѣ многочисленные работники, конюха, кучера, скотники, всѣ знавшіе, что княжеской свадьбы безъ выпивки быть не можетъ. Павелъ Матвѣевичъ ждалъ свадьбы, чтобы потомъ отдохнуть: онъ совсѣмъ захлопотался со всѣми этими приготовленіями. Амалія Ивановна съ ужасомъ ждала этого ужаснаго для ея самолюбія дня; ей почему-то казалось, что фактъ женитьбы князя на Лидѣ составляетъ какъ бы личную ей обиду, личное оскорбленіе: дѣвочка, которую она всегда считала ниже себя, которую она съ такимъ удовольствіемъ обрывала и которую почти прогоняла изъ княжескаго, т.-е. ея дома,—вдругъ теперь сдѣлается хозяйкой — ея госпожей. Амалія Ивановна ждала съ замираніемъ сердца, что вотъ, вотъ пріѣдетъ молодой князь, котораго ни она и никто въ Березенкахъ никогда не видѣли,— пріѣдетъ и разрушитъ однимъ словомъ всѣ замыслы хитрой баронессы и ея дочери.

Съ утра подулъ сильный, порывистый осенній вѣтеръ. Онъ то нагонялъ облака на солнце, то опять сгонялъ ихъ, и солнце блистало и свѣтило, но, казалось, не грѣло. Легкая пыль вилась по полевой дорогѣ за деревней; туда всѣ посматривали съ одиннадцати часовъ, не показывается ли экипажъ, посланный на станцію желѣзной дороги за генераломъ Остяшковымъ, давнишнимъ пріятелемъ князя, недавно назначеннымъ на постъ губернатора въ эту же губернію. Князь никого не хотѣлъ звать на свадьбу: „но надо же кому-нибудь хотя вѣнецъ держать,—пришло ему въ голову,—и расписаться въ книгѣ свидѣтелемъ". Онъ рѣшительно не зналъ, на комъ остановиться—но судьба сама натолкнула его на Остяшкова. Объѣзжая губернію, губернаторъ заѣхалъ къ князю въ Березенки и засталъ его за приготовленіями къ свадьбѣ. Князь сейчасъ же признался своему старому знакомому, что онъ женихъ, что свадьба будетъ черезъ нѣсколько дней, что онъ никого на свадьбу не звалъ и не ждетъ, но что онъ былъ бы несказанно благодаренъ генералу, если тотъ согласится исполнить при немъ роль шафера. Губернаторъ, старый холостякъ, сейчасъ же съ полнымъ удовольствіемъ согласился и долженъ былъ, пріѣхавъ съ утреннимъ поѣздомъ, уѣхать съ вечернимъ, послѣ свадьбы, съ тѣмъ самымъ поѣздомъ, съ которымъ уѣзжала и баронесса.

Вотъ подкатила къ подъѣзду коляска, и губернаторъ, высокій, широкоплечій, съ раскраснѣвшимся отъ вѣтра лицомъ, потряхивая генеральскими эполетами, вошелъ по широкой лѣстницѣ наверхъ.

— Ну, благодарю, благодарю, — пожимая ему руку обѣими своими, говорилъ князь, встрѣтивъ его наверху лѣстницы:—ты

мнѣ великую службу сослужилъ и доставляешь истинное удовольствіе.

— Очень радъ, — пріятнымъ басомъ отвѣчалъ Остяшковъ.— Намъ, старымъ холостякамъ, только и остается, что вѣнчать пріятелей.

Они прошли въ кабинетъ, гдѣ были сервированы чай и закуски. Завтракъ, или déjeuner dînatoire, долженъ былъ быть послѣ вѣнчанія въ три часа.

Спокойная и ясная стояла въ церкви Лида. Въ ея хорошенькой, немного склоненной головкѣ, подъ вуалемъ и fleurs d'oranger толпилось столько мыслей, столько ощущеній тѣснилось въ ея сердцѣ подъ зашнурованнымъ муаровымъ бѣлымъ корсетомъ, что она не могла разобраться во всемъ томъ, о чемъ думала и что̀ чувствовала. Но общее настроеніе ея было радостное.

За ней, высоко держа въ вытянутой рукѣ вѣнецъ, красный, съ вспотѣвшимъ лицомъ, во фракѣ, заказанномъ для этого случая, стоялъ Павелъ Матвѣевичъ. Въ его широкой груди, подъ туго накрахмаленной сорочкой тоже собралось много противоположныхъ чувствъ. Онъ былъ гордъ, исполняя ту же обязанность при невѣстѣ, какую рядомъ съ нимъ исполнялъ начальникъ края при князѣ. Онъ былъ радъ за свою милую баронессу, что ей такъ хорошо удалось пристроить дочь; но безконечно грустно, что она уѣзжаетъ сегодня и, кто знаетъ, не навсегда ли. Онъ радовался за Лиду—и немного боялся за князя. Мысль о сынѣ, о своемъ Ванюшѣ, онъ упорно отгонялъ, старался не думать объ этомъ, старался увѣрить себя, что никакой серьезной привязанности у него къ Лидѣ не было... такъ: вспышка молодого сердца.

Князь былъ блѣденъ и нервно подергивалъ лѣвой рукой, въ которой держалъ свѣчу. Генералъ Остяшковъ, держа на немъ вѣнецъ, все вкось посматривалъ на профиль невѣсты, и этотъ профиль, видно, смущалъ его, потому что онъ два раза надѣлъ вѣнецъ совсѣмъ на лобъ князя.

Баронесса сидѣла на поставленномъ для нея креслѣ, немного позади дочери. Она была удивительно моложава и авантажна въ сѣромъ gris de lin атласѣ—и то-и-дѣло прижимала батистовый съ кружевомъ платокъ то ко рту, то къ глазамъ. Съ противоположной стороны дальше, за княземъ, прямая какъ стрѣла, стояла Амалія Ивановна. Она была одѣта въ шолковое, цвѣта feuilles mortes платье; голову свою, съ бѣлымъ кружевнымъ чепцомъ и сиреневой на немъ вѣткой, она держала не-

много откинутой назадъ, точно чѣмъ-то обидѣлась, и не шелохнувшись, смотрѣла прямо передъ собой на образъ Божіей Матери. Ея тонкія губы были сжаты, руки сложены одна на другую. Подъ ея острымъ подбородкомъ была приколота бабочка-брошь, подаренная ей княземъ.

Князь черезъ Синякина просилъ священника не томить долгой службой,—и вѣнчаніе мигомъ кончилось.

— Честь имѣю поздравить и пожелать самаго недосягаемаго счастья,—проговорилъ, улыбаясь, губернаторъ, цѣлуя руку молодой княгини.

— Дай вамъ Богъ всего хорошаго! — сказалъ серьезно Синякинъ, пожимая руку Лиды.

— Сердечно поздравляю, — съ улыбкой во весь ротъ, подходя къ ней, сказала Амалія Ивановна. Лида протянула ей руку и вдругъ, увидѣвъ бабочку, чуть не разсмѣялась. Она взглянула на мужа, тотъ замѣтилъ ея взглядъ на брошь и сдержанный смѣхъ, и любовно, какъ ребенку, улыбнулся своей молодой женѣ.

Къ завтраку были приглашены не только Синякинъ и священникъ, но и Амалія Ивановна. Этотъ завтракъ, котораго князь немного боялся, какъ бы онъ не вышелъ натянутымъ, прошелъ очень оживленно, благодаря генералу Остяшкову: онъ выбралъ предметомъ своихъ любезностей Амалію Ивановну и такъ тонко и умѣло повелъ съ ней рѣчь, что очаровалъ ее; а Павелъ Матвѣевичъ немного даже удивленно смотрѣлъ на губернатора, занятаго его женой, и наивное удивленіе выразилось на его лицѣ, точно онъ спрашивалъ: „И что̀ же онъ нашелъ въ ней“? Онъ не могъ уловить мимолетныхъ взглядовъ, перекидываемымъ между генераломъ, княземъ, баронессой и молодой княгиней. Лишь они четверо, точно люди иного свѣта, понимали, что любезности генерала были лишь шуткой.

Поѣздъ проходилъ черезъ ближайшую отъ Березенокъ станцію въ десять часовъ вечера. До станціи было почти пятнадцать верстъ; дорога нехороша или, какъ выразился губернаторъ, отсутствіе дороги было полное, и потому въ восьмомъ часу баронесса уже прощалась съ дочерью и зятемъ.

— Берегите моего ребенка! — томно говорила баронесса, цѣлуя въ гладкій лобъ князя, пока онъ цѣловалъ ея руку, и на ухо шепнула ему:—elle est pure et naïve, comme un enfant, qui vient de naître.

Князь потупилъ глаза и поклонился.

— Прощайте, баронесса! — говорилъ со слезами въ голосѣ Павелъ Матвѣевичъ, укутывая плэдомъ ноги своей пріятельницы,

когда она уже сидѣла въ дормезѣ князя, въ которомъ ѣхала до желѣзной дороги: — Прощайте! Радуюсь за васъ, но тяжело мнѣ будетъ тутъ одному...

— Другъ мой,—нѣжно проговорила баронесса:—благодарю васъ за все, за все, а главное за вашу дружбу...

Нѣмка-горничная, сидѣвшая рядомъ въ дормезѣ, смотрѣла въ противоположную сторону, въ окно, точно боялась увидать что-либо непристойное.

Губернаторъ ѣхалъ впереди, въ коляскѣ.

— Я вамъ расчищаю путь, баронесса, — громко крикнулъ онъ ей, приподнимая военную фуражку.

Лида, совершенно не отдавая себѣ отчета—почему, заплакала, когда мать прощалась съ ней. Она рѣшительно не могла бы сказать, было ли ей грустно разстаться съ матерью, съ которою никогда не разставалась, но съ которой у нея никогда и не было никакихъ сердечныхъ изліяній. Она не могла бы также сказать, страшно ли, или жутко ей было вступать въ новую жизнь, но слезы невольно полились изъ ея синихъ глазъ, и она сейчасъ же почувствовала взглядъ князя, устремленный на нее. Она взглянула на него и увидала выраженіе такой жалости, такой симпатіи въ его взглядѣ, что ея слезы полились еще сильнѣе, и сквозь нихъ она улыбнулась ему, а онъ украдкой пожалъ ея руку.

Молодые остались одни. Лида, когда карета отъѣхала отъ подъѣзда, быстро повернулась и побѣжала по лѣстницѣ наверхъ. Князь на своихъ длинныхъ, но уже негибкихъ ногахъ, съ трудомъ слѣдовалъ за ней. Она остановилась на площадкѣ, взяла его подъ-руку, и онъ, прижимая ея полную руку къ себѣ, повелъ ее наверхъ и черезъ всѣ парадныя комнаты въ ея будуаръ. Лида уже мелькомъ видѣла приготовленные ей аппартаменты, когда послѣ церкви мать провела ее въ уборную снять подвѣнечное платье и когда на нее надѣвали другое, тоже бѣлое, а на ея маленькую головку накололи едва прикрывавшій ея густые волосы кусочекъ кружева, какъ эмблему замужества.

Какъ въ волшебномъ снѣ, Лида была поражена великолѣпіемъ убранства комнатъ.

Теперь въ будуарѣ былъ сервированъ на геридонѣ чай. Лида сѣла передъ серебрянымъ „ти-кэтломъ“.

Голубой будуаръ освѣщался съ потолка матовымъ свѣтомъ фонаря, а на низкомъ столѣ горѣла лампа подъ блѣднорозовымъ шолковымъ абажуромъ, завѣшаннымъ кружевомъ. Странный полусвѣтъ былъ въ комнатѣ. Голова будто немного кружилась у

Лиды. Она столько пережила за послѣднія недѣли. Безпрестанные подарки, роскошные туалеты, то-и-дѣло примѣряемые ею, незнакомыя, новыя для нея, хотя и очень сдержанныя ласки жениха, все это были ощущенія, пережитыя ею, но еще не усвоенныя: ей некогда было думать за все это время. Она слишкомъ просто провела всю свою жизнь, и вдругъ на нее налетѣлъ какъ бы радужный вихрь и завертѣлъ ее. Она ждала чего-то, ждала съ нетерпѣніемъ, трепетомъ, радостью и вмѣстѣ боязнью. „Naïve comme un enfant“... сказала про нее ея мать. Была ли она въ дѣйствительности такая наивная, и мать ея вѣрила ли тому, что̀ сама говорила? Матери въ этихъ вопросахъ почти всегда заблуждаются; и кромѣ того, наивность—вещь очень относительная.

Князь самъ былъ убѣжденъ, что Лида наивна, какъ новорожденный ребенокъ, а потому слова баронессы казались ему излишними. Но слова эти, однако. смутили его. Смутили не тѣмъ, что бросили подозрѣніе въ его душу,—нѣтъ, подозрѣніе было для него немыслимо въ отношеніи боготворимой имъ дѣвушки; его смущали совсѣмъ другія мысли... И онъ, этотъ влюбленный человѣкъ, считавшій дни и часы до свадьбы, торопившій ее какъ самый пылкій юноша, теперь невольно сталъ задумываться... Лида, всегда такая говорливая, была молчалива. Князь ломалъ себѣ голову, чтобы занять и развлечь ее. Онъ усадилъ ее на causeuse, въ будуарѣ, отперъ столикъ-boule и одинъ за другимъ сталъ вынимать и класть на ея колѣни всѣ драгоцѣнности, что̀ онъ выписалъ для нея изъ Петербурга. Онѣ получены были лишь вчера, и онъ еще не успѣлъ ихъ дать ей, такъ какъ при ихъ простой свадьбѣ не могло быть рѣчи о corbeille de noce. Онъ не могъ съ лакеемъ послать ей въ ея убогій домикъ всѣ эти фамильные, старинные бриллiанты, что̀ онъ выписалъ сюда, чтобы ослѣпить ее.

Лида любила все красивое. Какъ въ сказкѣ, передъ ней разсыпались бриллiантовыя рѣки. Еслибы она увидѣла все это въ другой день, вѣроятно, она пришла бы въ неописанный восторгъ; но сегодня, хотя она и улыбалась мужу и благодарила его и даже, вставъ, нагнулась и поцѣловала сидѣвшаго на стулѣ передъ столикомъ князя, мысли ея были не всецѣло заняты роскошными подарками... И чѣмъ дальше шло время, чѣмъ ближе къ концу подвигался вечеръ, тѣмъ Лида дѣлалась болѣе разсѣянною, а князь—болѣе нервнымъ...

X.

Дневной свѣтъ чуть-чуть сквозилъ изъ-за блѣднорозовыхъ занавѣсокъ на окнахъ, а круглая лампа-ночникъ все еще свѣтилась розоватымъ шаромъ на потолкѣ.

На розоваго дерева кровати, обрамленной тяжелыми складками розоваго штофа, облокотясь круглымъ локтемъ на смятыя подушки и придерживая другой рукой спавшее на половину на полъ атласное бѣлое одѣяло, вся въ бѣломъ батистѣ и кружевахъ, сидѣла Лида.

Ея густая, развившаяся коса упала и разсыпалась по обнаженному плечу. Большіе синіе глаза были широко раскрыты и неподвижно устремлены куда-то. Она казалась блѣднѣе обыкновеннаго, и маленькая непривычная складка легла между бровей. Лида думала; думала сосредоточенно и не могла додуматься.

Что-то случилось съ княземъ еще вчера. Онъ цѣловалъ ее, ласкалъ, такъ ласкалъ, какъ она никогда не воображала, чтобъ можно было ласкать, но...

Но затѣмъ онъ сегодня умолялъ ее никогда его не оставлять?! Какой странный, смѣшной человѣкъ! Оставить его! Зачѣмъ же она оставитъ его? И куда же она можетъ уйти? Куда? Къ матери? Да и мать, развѣ она не ѣдетъ теперь во Францію на его же деньги? Что же, выписать ее назадъ и опять жить въ сѣромъ домикѣ, какъ онѣ жили всѣ эти годы! Какая глупая идея! Да развѣ эта жизнь возможна была бы теперь, когда и она сама, и мать ея вкусили сладость роскоши? А главное, зачѣмъ?.. Брови Лиды сдвинулись еще ближе, она старалась хорошенько понять свое положеніе... Что же все это значитъ? Что у нея не будетъ дѣтей? Но развѣ безъ дѣтей не живутъ? Онъ, вѣрно, это принялъ очень трагично къ сердцу, слишкомъ трагично. Надо успокоить его; онъ увидитъ, какою милою, доброю, веселою женою она будетъ ему. Надо утѣшить его и доказать ему, что ей ничего больше не надо, и что безъ дѣтей они могутъ быть вполнѣ счастливы...

Лида протянула руку и въ первый разъ въ своей жизни дотронулась до пуговки электрическаго звонка.

Вошла Ѳеня.

— Скорѣй, Ѳеня, отдерни занавѣси и скорѣй, скорѣй одѣваться!—заговорила Лида своимъ обычнымъ веселымъ голосомъ.— Князь уже одѣлся?

— Они давно ужъ у себя въ кабинетѣ,—отвѣчала Ѳеня,—

кажется, ужъ и кофе накушались. Ваше сіятельство, что̀ изволите надѣть?

— Это ты меня такъ называешь?—засмѣялась Лида.

— А то какъ же, ваше сіятельство! — почти обиженнымъ тономъ сказала Ѳеня.

Лида хотѣла что-то возразить и замолчала: конечно, она стала княгиней: она „ваше сіятельство"!—и ей стало еще веселѣе.

Черезъ полчаса молодая княгиня, одѣтая въ прелестный déshabillé, входила въ кабинетъ своего мужа.

— On entre?—спросила она въ дверяхъ.

— Toujours...—отвѣчалъ князь, приподнимаясь съ глубокаго кресла, гдѣ онъ сидѣлъ передъ каминомъ.

Онъ поцѣловалъ ея руку, она—въ лобъ; потомъ онъ, не выпуская ея руки, умоляющимъ взоромъ, смотря внизъ въ ея приподнятые къ нему глаза, близко, близко нагнулся къ ней, чтобы сказать ей что-то.

Но Лида, обвивъ его шею обѣими руками и становясь на цыпочки, чтобы поцѣловать его, предупредила словами:—Я люблю тебя, и мы будемъ всегда счастливы,—да?

Онъ прижалъ ея полную грудь къ своей и осыпалъ поцѣлуями ея лицо, шею, руки. И старое, осунувшееся лицо князя засвѣтилось улыбкою счастья...

Гр. Е. В. Т.

АНТИЧНАЯ ГУМАННОСТЬ

ОЧЕРКЪ.

I.

Въ движенiи каждаго народа на пути къ самосознанiю наступаетъ моментъ, когда онъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, ощущаетъ потребность разобраться въ томъ смутномъ нравственномъ чутьѣ, которое—путемъ ли наслѣдственности, или другимъ—вложено въ душу каждаго нормальнаго человѣка,—и вылить его въ форму опредѣленнаго нравственнаго закона. Всѣ попытки въ этомъ направленiи, какъ бы онѣ ни были несовершенны въ каждомъ данномъ случаѣ, мы должны будемъ признать за системы (хотя бы и эмбрiональныя) *чистой* этики; говорю—чистой, потому, что творцы этихъ системъ имѣютъ въ виду наивысшую, постижимую ихъ уму, степень нравственнаго совершенства, независимо отъ того, насколько она осуществляется окружающею ихъ жизнью. Вотъ почему ея требованiя суровы и непреклонны; нравственный долгъ, который она налагаетъ на своихъ адептовъ, ощущается или какъ нѣчто свыше тяготѣющее надъ ними,—нѣчто такое, къ чему они должны стремиться, *укрощая* свою природу, а не слѣдуя ей.

Но разъ законъ данъ, отношенiе къ нему современниковъ и потомковъ можетъ быть двоякаго рода. Они могутъ безусловно подчиниться ему—за примѣрами ходить недалеко. Въ такомъ случаѣ, нравственный законъ непосредственно вступаетъ въ жизнь, будучи осуществляемъ и совершенствомъ правыхъ, и сознанiемъ грѣховности со стороны провинившихся; чистая этика совпадаетъ съ практической. Такое отношенiе, повторяю,

возможно; но возможно—и другое. Въ народѣ можетъ найтись достаточное число сильныхъ и самоувѣренныхъ личностей, далеко не пренебрежительно относящихся къ собственной природѣ и не наклонныхъ къ самоуничиженію. Эти люди не станутъ непремѣнно въ враждебныя отношенія къ общему закону нравственности, но они признаютъ безусловно обязательнымъ для себя лишь тотъ, въ образованіи котораго участвовала, болѣе или менѣе сознательно, ихъ собственная природа. Такимъ образомъ, мы получаемъ различающуюся въ принципѣ отъ чистой этики, этику *практическую*, непосредственно осуществляемую жизнью личностей; это—равнодѣйствующая въ параллелограмѣ сила, въ которомъ составляющими являются съ одной стороны — общій нравственный законъ, кодексъ чистой этики, а съ другой—индивидуальность даннаго человѣка. Требованія этой этики имѣютъ скорѣе поучительный, чѣмъ повелительный характеръ; нравственный долгъ, который она проповѣдуетъ, сознается нами, не какъ нѣчто извнѣ намъ навязанное, а какъ порожденіе нашей собственной, оплодотворенной нравственнымъ закономъ природы; измѣняя ему, мы ощущаемъ не состояніе грѣховности, требующее искупленія, а лишь нарушеніе равновѣсія нашего собственнаго *я*, тѣмъ болѣе томительное, чѣмъ болѣе мы дорожимъ своей индивидуальностью, чѣмъ менѣе у насъ склонности къ самоуничиженію.

Для психолога эта вторая, практическая этика гораздо интереснѣе первой. Видѣть, какъ человѣкъ самъ себя понимаетъ, въ чемъ онъ усматриваетъ равнодѣйствующую между нравственнымъ закономъ и собственнымъ *я*—это такое умственное наслажденіе, выше котораго трудно и представить себѣ. Конечно, для этого нужно быть „ищущимъ", подобно древнему Сократу,—а при особыхъ условіяхъ нашей жизни это несовсѣмъ удобоисполнимо; къ тому же такіе поиски рѣдко бываютъ успѣшны. Мало кто сознательно опредѣлилъ свои отношенія къ нравственному закону; гораздо удобнѣе и менѣе головоломно признать его въ теоріи цѣликомъ, а уклоненія отъ него либо отмаливать, либо малодушно извинять слабостью человѣческой природы. Мало кто въ стремленіи установить кодексъ своей индивидуальной этики заходитъ далѣе безплоднаго отрицанія и дешеваго скептицизма; достаточно вѣдь и послѣдняго для того, чтобы смѣяться надъ людьми и самодовольно драпироваться Гамлетомъ или Байрономъ. Мало кто, наконецъ, исполнивъ серьезно свою задачу, бываетъ склоненъ или способенъ подвергнуть свое рѣшеніе серьезной критикѣ въ бесѣдѣ съ другимъ человѣкомъ. Да, успѣхи, достающіеся на долю

„ищущаго“, очень и очень рѣдки; но чѣмъ они рѣже, тѣмъ они дороже. На этой почвѣ выростаетъ интеллектуальная дружба, полная и прочная, подобная той, какая въ героическую эпоху исторіи мысли соединяла Сократа съ Алкивіадомъ и Платономъ, съ Аспазіей и Діотимой.

Все же, отдѣльные кодексы практической этики, при безконечномъ разнообразіи личностей, должны были бы въ своей совокупности представляться чѣмъ-то безпорядочнымъ и хаотическимъ, не будь одного очень важнаго закона; законъ же этотъ состоитъ въ томъ, что сами личности безсознательно подчиняются той загадочной, неудобоопредѣлимой силѣ, которую мы называемъ „духомъ времени“. Благодаря этому закону, практическая этика дѣлается интереснымъ предметомъ изслѣдованія также и для историка: получается возможность говорить объ этикѣ отдѣльныхъ историческихъ эпохъ, такъ какъ, несмотря на кажущееся разнообразіе въ характерѣ руководящихъ личностей, ихъ индивидуальные нравственные кодексы оказываются построенными, такъ сказать, на одинъ общій, основной тонъ.

Трижды въ исторіи человѣчества мы встрѣчаемся съ эпохой, въ которую этотъ общій основной тонъ, на который были настроены нравственные кодексы руководящихъ личностей, совпадалъ съ понятіемъ „*человѣкъ*“: это было, во-первыхъ, въ первые вѣка до Рождества Христова; во-вторыхъ, въ періодъ Возрожденія; въ-третьихъ, въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Тогда именно „человѣчность“, humanitas, была лозунгомъ избраннаго меньшинства; передовой человѣкъ хотѣлъ быть не аѳиняниномъ, французомъ, патриціемъ, рыцаремъ, христіаниномъ, протестантомъ и т. д., а прежде всего и главнымъ образомъ—„человѣкомъ“. Въ этой повторяемости заключается несомнѣнно нѣчто очень утѣшительное для истиннаго друга просвѣщенія; она же можетъ заставить серьезно призадуматься тѣхъ, которые, видя одно лишь настоящее и преувеличивая значеніе нѣкоторыхъ его не въ мѣру навязчивыхъ явленій, поторопились навсегда похоронить „общечеловѣка“. Извѣстны музыкальныя композиціи, въ которыхъ основная тема, съ легкими измѣненіями, всегда возвращается, смѣняясь поочередно первой, второй и т. д. побочными темами; можно утверждать, что „человѣчность“ составляетъ именно такую основную тему всемірной исторіи, которая непремѣнно должна вернуться, когда пѣсня нынѣшнихъ кумировъ будетъ спѣта.

Итакъ, мы можемъ говорить о „гуманности“ (употребляемъ это слово въ его первоначальномъ значеніи, въ смыслѣ не „филан-

тропіи", а „антропизма") древнихъ временъ, гуманности Возрожденія и гуманности XVIII-го вѣка, разумѣя подъ послѣднимъ французское просвѣщеніе и нѣмецкій нео-гуманизмъ, время Вольтера и Гёте. Присматриваясь ближе къ этимъ послѣднимъ эпохамъ, мы безъ труда замѣтимъ, что ихъ гуманный характеръ былъ результатомъ сознательнаго пріобщенія античной гуманности: истощенное аскетизмомъ средневѣкового христіанства, реформаціоннымъ и контръ-реформаціоннымъ фанатизмомъ и убожествомъ XVII-го вѣка, человѣчество охотно вернулось къ нормальной пищѣ здоровой античности. Отсюда слѣдуетъ, однако, что именно античная гуманность была коренной темой, остальныя же — „всѣ ренессансы, которые были и которымъ еще предстоитъ быть", говоря словами Ренана — являются искусными и интересными варіаціями этой темы; кто хочетъ понять варіаціи, тотъ долженъ изучить тему. Въ этомъ заключается важность античной гуманности также и для историковъ новѣйшихъ временъ, а съ ними и для всѣхъ тѣхъ, кто интересуется исторіей и ея прогрессомъ.

II.

Спрашивается, однако, гдѣ намъ удобнѣе всего ее уловить — эту античную гуманность? На первый взглядъ отвѣтъ затрудненій не представляетъ: мы чувствуемъ ея духъ въ каждомъ античномъ произведеніи, поскольку въ немъ отразилась сама душа античности. Она внушала творцу древнѣйшей греческой поэмы идею, являющуюся ея конечнымъ выводомъ, — идею о тщетѣ такого счастья, которое обусловливается чужимъ несчастьемъ, о тщетѣ такой славы, которая заставляетъ насъ забывать о долгѣ любви. Она подсказала пѣвцу другой, младшей поэмы — примиряющій отвѣтъ на главный изъ „проклятыхъ вопросовъ", не перестававшій смущать человѣчество съ самаго пробужденія его сознанія: *для того испытали вы столько страданій, чтобы была пѣсня среди людей*! Она устами Эсхила проповѣдовала принципъ самобытности человѣческой воли въ противоположность къ вѣрѣ въ неотвратимость судьбы, принципъ прощенія въ противоположность къ свойственному старинному нравственному закону, принципу безусловнаго и безжалостнаго возмездія. Она побудила Софокла, въ конфликтѣ закона съ правомъ, воздавая честь первому, взять сторону послѣдняго; въ конфликтѣ воли божества съ честнымъ стремленіемъ человѣка, преклоняясь передъ первой, возвеличить послѣднее. Она навела Эврипида на

великую мысль, что наши внѣшнія дѣянія—не болѣе какъ безразличные символы, которымъ лишь то, что̀ происходитъ внутри насъ, придаетъ смыслъ и содержаніе,—„заданныя риѳмы“ (bouts rimés), какъ много позднѣе выразился Ларошфуко̀, къ поэмѣ нашего внутренняго мышленія и чувствованія. Она научила Геродота ввести въ описаніе національныхъ греческихъ войнъ то чувство смиренія передъ вышнею волей и симпатіи къ побѣжденному и униженному врагу-зачинщику, которое производитъ столь странное впечатлѣніе на современнаго читателя, привыкшаго къ хвастливому діапазону и псевдо-патріотическому задору батальнаго стиля новѣйшихъ временъ. Она представила уму Ѳукидида тотъ идеалъ гуманнаго государства, развивающаго всѣ лучшія силы человѣка, которое онъ изобразилъ устами Перикла въ его знаменитой надгробной рѣчи. Она создала ученія Платона, стоиковъ, Эпикура,—различными путями, но въ одинаковомъ направленіи старающіяся осуществить идеалъ гуманной жизни, обусловленный гармоніей обоихъ его началъ, счастья и добродѣтели.

Вотъ, безъ сомнѣнія, силы, создавшія античную гуманность; все же не на нихъ намъ удобнѣе всего ее изучить, разъ мы видимъ въ ней систему не чистой, а практической этики. Потребовалась работа нѣсколькихъ столѣтій для того, чтобы всесторонне воздѣлать систему античной гуманности; а когда она была готова, Греція уже перестала быть удобной почвой для проведенія ея въ жизнь: не стало людей, не стало великихъ задачъ. Другой народъ смѣнилъ на всемірной аренѣ истощенную Элладу, народъ грубый и воинственный, мало надѣленный творческой силой, но способный удивляться всему великому, усвоивать его и, главное, проводить усвоенное въ жизнь. Во второмъ вѣкѣ до Р. Х. знакомство съ эллинской гуманностью проникаетъ въ Римъ; ея очагъ—Сципіоновскій кружокъ, собиравшій лучшихъ людей Рима, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, и служившій центромъ тяготѣнія наиболѣе здоровыхъ умственныхъ силъ тогдашней Греціи, историковъ, ораторовъ, философовъ. Въ силу традиціонализма, отличающаго римскую жизнь, кружокъ этотъ не вымиралъ; онъ продолжалъ существовать и тогда, когда Сципіоновъ не стало; въ первомъ вѣкѣ его главнымъ представителемъ былъ Цицеронъ. Этотъ послѣдній, благодаря сравнительному обилію и разнообразію своихъ сочиненій, является для насъ призваннымъ о̀рганомъ тенденцій всего Сципіоновскаго кружка; ему мы обязаны тѣмъ, что можемъ изучить и изложить античную гуманность какъ систему практической этики, какъ цѣльное

и стоящее въ непосредственной связи съ жизнью міросозерцаніе.

Попытка исполнить эту задачу была сдѣлана недавно нѣмецкимъ философомъ школы Гартмана М. Шнейдевиномъ въ очень солидной, какъ по объему, такъ и по содержанію, книгѣ (Antike Humanität. Берлинъ 1897); наша цѣль, однако, существенно отличается отъ той, которую преслѣдовалъ онъ. Признавая вполнѣ заслуги почтеннаго автора (я воздалъ имъ должную дань уваженія въ другомъ мѣстѣ), я все же не могу не замѣтить, что его трудъ—скорѣе инвентарь, нежели система античной гуманности. Наша задача — достроить зданіе, фундаментъ которому заложилъ онъ, охарактеризовать античную гуманность именно какъ ту тему, которая въ разнообразныхъ варіаціяхъ повторялась и будетъ повторяться въ исторіи новѣйшаго человѣчества. Для этого придется откинуть всю ту массу деталей, которая у нѣмецкаго автора загромождаетъ и затемняетъ руководящія идеи, откинуть, далѣе, всѣ тѣ особенности, которыя, въ силу своей условности, не оказали и не могли оказать дѣйствія на послѣдующія времена. Взамѣнъ этого, должно установить связь между центральной идеей античной гуманности и отдѣльными ея развѣтвленіями, не упуская изъ виду и тѣхъ изъ послѣднихъ, которыя въ античной гуманности существовали лишь въ видѣ зародышей, не находившихъ себѣ пищи въ окружающей жизни, но получили должное развитіе, когда все растеніе было перенесено на почву новой Европы.

Мы разсмотримъ сначала теоретическую оснрву античной гуманности; затѣмъ—ея практическое проявленіе въ соціальной, политической и интеллектуальной сферѣ.

III.

Говоря о теоретической основѣ античной гуманности, мы не должны, однако, воображать, будто она-то, эта основа, и породила ее, — какъ, пожалуй, можно представить дѣло въ теоретическомъ изложеніи; но въ дѣйствительности происходило обратное. *Античная гуманность требовала прежде всего положительнаго отношенія къ жизни*, не потому, чтобы это положительное отношеніе было логическимъ выводомъ изъ прочно обоснованныхъ посылокъ, а потому, что ея представители были люди физически и нравственно сильные и здоровые, въ которыхъ жизнь била ключомъ, которымъ она живо давала чувствовать себя какъ

источникъ высшаго счастья. Но эти люди были, сверхъ того, и люди мыслящіе; будучи такими, они чувствовали потребность сознательно отнестись къ главному двигателю своего естества, превратить свою психологическую увѣренность въ логическую, вѣру —въ знаніе. Это повело къ установленію нѣкоторыхъ принциповъ отчасти метафизическаго характера, которые, вмѣстѣ взятые, и составляютъ то, что̀ я назвалъ выше теоретической основой античной гуманности.

Первый изъ этихъ принциповъ касается нашего отношенія къ макрокосму: античная гуманность признавала единство, порядокъ и гармонію мірозданія. Надобно сознаться, что при тогдашней (т.-наз. нынѣ птолемеевской) системѣ такая увѣренность могла возникнуть гораздо легче, чѣмъ теперь, когда и человѣкъ, и земля, и само солнце, являются лишь атомами въ безконечномъ пространствѣ. Трудно представить себѣ болѣе уютную, если можно такъ выразиться, вселенную, чѣмъ ту, которая, благодаря подавляющему авторитету Эратосѳена и Гиппарха, была тогда общепризнанной въ образованномъ обществѣ: красавица-земля, нерушимо покоящаяся въ центрѣ мірозданія; надъ нею, въ семи восходящихъ сферахъ небесныя свѣтила, плавно и правильно совершающія свой путь вокругъ нея, дающія ей свѣтъ и теплоту, опредѣляющія времена дня, мѣсяца и года; еще выше—голубой сводъ, тихо вращающійся съ недвижимыми на немъ звѣздами, видимыми искрами огненнаго эѳира; и наконецъ, великая тайна, ожидающая насъ по ту сторону этой „пылающей стѣны вселенной". Научная несостоятельность этой системы часто заставляетъ насъ забывать объ ея красотѣ; на дѣлѣ же не было никогда обмана, болѣе „возвышающаго" человѣка. Положимъ, уже тогда не всѣ ему вѣрили: Эпикуръ пробилъ брешь въ „стѣну вселенной", доказывая безконечность міровъ въ безпредѣльномъ пространствѣ; Аристархъ Самосскій выставилъ теорію движенія земли; ея же касается и Цицеронъ, въ томъ исторически замѣчательномъ мѣстѣ своихъ „академическихъ разсужденій", которое дало толчокъ уму Коперника и навело его, послѣ тридцати-трехъ-лѣтнихъ размышленій, на теорію, носящую его имя. Но это были единицы; въ гуманномъ же обществѣ Рима крѣпко держалась старая система.

Какъ земля была центромъ вселенной, такъ высшимъ земнымъ существомъ былъ *человѣкъ*; антропоцентрическое мышленіе, нелѣпое въ наше время, имѣло тогда подъ собою прочное, научное основаніе. Сто̀итъ призадуматься надъ значеніемъ этого различія. Мы знаемъ изъ математики, что если знаменатель безконеченъ,

то дробь равна нулю; открытія космологовъ—отъ Дж. Бруно до Лапласа — увеличили до безконечности знаменатель дроби, именуемой человѣкомъ; что же такое этотъ человѣкъ, обитатель одного изъ безчисленныхъ спутниковъ одной изъ безчисленныхъ звѣздъ? Съ объективной точки зрѣнія, конечно, правъ Нитше, называющій насъ живой проказой больной земли. А съ субъективной точки зрѣнія мы продолжаемъ отводить себѣ первое мѣсто въ мірозданіи, продолжаемъ ставить человѣческую жизнь выше всего прочаго въ мірѣ. Такъ-то у насъ и получается *разладъ* между объективной и субъективной самооцѣнкой: одно говоритъ разумъ, другое — воля; мы охотно посѣщаемъ астрономическія лекціи и восторгаемся квадрильонами нашего знаменателя, а живемъ такъ, какъ будто всѣ рычаги небесной механики существуютъ спеціально ради насъ.

Такого-то именно разлада въ эпоху античной гуманности не было: при научно доказанномъ центральномъ положеніи человѣка въ мірозданіи, при его не менѣе несомнѣнномъ исключительномъ положеніи, какъ единственнаго разумнаго обитателя единственнаго обитаемаго міра—мнѣніе, что все существующее существуетъ ради него, могло считаться достаточно обоснованнымъ. Эмпирія охотно шла на встрѣчу этому выводу: цѣлесообразность—и именно, антропоцентрическая цѣлесообразность—окружающей человѣка природы была очевидна постольку, поскольку эта природа была понята. Отсюда слѣдуютъ два одинаково отрадныхъ заключенія. Во-первыхъ, то, что міромъ управляетъ разумъ... „Не безуміе ли, допускать, чтобы то, что едва можетъ быть постигнуто нами путемъ сильнѣйшаго напряженія нашего разума, само было лишено разума"? Дѣйствительно, цѣлесообразность предполагаетъ наличность разума; антропоцентрическая же цѣлесообразность требуетъ, сверхъ того,—разума, пекущагося о человѣкѣ. Итакъ, существованіе божества (или боговъ—число въ этомъ случаѣ значенія не имѣетъ) и его забота о человѣкѣ доказаны; „міръ—общее государство боговъ и людей".

Это—разъ. Вторымъ же, не менѣе отраднымъ выводомъ изъ вышесказаннаго должно было явиться убѣжденіе въ *совершенствѣ природы* того существа, которое занимаетъ такое выдающееся положеніе во вселенной. Такъ-то получилась та знаменитая вѣра, то центральное положеніе въ міросозерцаніи у „просвѣтителей" XVIII вѣка. Но въ XVIII вѣкѣ оно было лишь постулатомъ, совершенно не соотвѣтствующимъ отношенію человѣка ко вселенной у Бруно и Коперника; оно и понятно,—просвѣти-

тели съ юношескимъ жаромъ заимствовали его изъ античной гуманности, слѣдуя своему субъективному чувству и ни мало не заботясь о разладѣ между субъективной и объективной самооцѣнкой человѣка; въ эпоху же античной гуманности и оно было разумно обосновано, находясь въ полной гармоніи съ прочимъ ея міросозерцаніемъ. А въ прочемъ, какъ въ XVIII вѣкѣ, такъ и тогда, положеніе о совершенствѣ человѣческой природы имѣло огромное нравственное значеніе. Разъ, природа человѣка совершенна,—нѣтъ надобности навязывать ей свыше нравственный законъ; нравственный законъ—не что̀ иное, какъ требованіе самой человѣческой природы; никакая сверхъестественная сила не участвовала въ его составленіи. Изучая свойства, которыя сама природа вложила въ человѣка, мы путемъ послѣдовательныхъ заключеній можемъ получить полный кодексъ морали; нравственъ тотъ, кто во всемъ слѣдуетъ природѣ... Да, но *какой* природѣ? *Обще*человѣческой ли, или своей собственной, индивидуальной?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ имѣть рѣшающее значеніе; отъ него будетъ зависѣть наше мнѣніе объ этикѣ античной гуманности. Допуститъ ли она отличную отъ чистой этики—этику практическую, или отожествитъ обѣ? Дастъ ли она просторъ индивидуальности, или задушитъ ее въ обязательной формѣ породы? Сдѣлаетъ ли она изъ человѣчества общество, или стадо? Вотъ ея отвѣтъ, и мы сообщимъ его словами самого о̀ргана античной гуманности: „Всѣми силами должны мы охранять, поскольку онѣ не уродливы, наши индивидуальныя особенности; тогда только достигнемъ мы того личнаго идеала, къ которому мы стремимся. Вообще должно поступать такъ: ни въ чемъ не насилуя общечеловѣческую природу (universa natura), избрать руководительницей свою индивидуальность (propria natura), и даже признавая высшее совершенство за другими—мѣрить свои поступки на мѣру своей личной природы". Этимъ индивидуальность признана нравственнымъ факторомъ; на ряду съ общечеловѣческимъ идеаломъ добра, honestum, стоитъ идеалъ личный,—то, что̀ ко *мнѣ* спеціально идетъ, decorum.

Возвеличивая до такой степени индивидуальность, призывая ее такъ настоятельно къ самосовершенствованію, античная гуманность не могла отказать ей и въ томъ, безъ чего этотъ призывъ здоровому уму показался бы горькой насмѣшкой—въ безсмертіи ея души. И это не было постулатомъ: безсмертіе индивидуальной души было доказано греческой философіей, насколько вообще метафизическое положеніе можетъ быть доказано. Правда,

въ нашихъ глазахъ послѣдняя оговорка уничтожаетъ всю мысль, но въ древности было иначе, и человѣкъ могъ подчиниться авторитету Платона въ полной увѣренности, что онъ остается на почвѣ науки. Такъ и поступало гуманное общество. Безсмертіе души было принято имъ не какъ догматъ, а какъ научно обоснованное положеніе. Но дальнѣйшее развитіе эсхатологіи души оно предоставляло индивидуальной вѣрѣ каждаго; она могла приводить загробную жизнь въ связь съ великой тайной, ожидающей насъ по ту сторону пылающей стѣны міроздания, или спускаться съ Платономъ въ миѳическія сумерки подземнаго міра. Одно только было желательно: чтобы не всѣхъ послѣ смерти ждала одинаковая участь. Гуманное общество не упивалось жестоко-страстными мечтаніями о наказаніяхъ другихъ; это—излюбленное утѣшеніе безсилія, а то общество было здоровымъ и сильнымъ. Но культъ индивидуальности требовалъ и здѣсь выдѣленія избраннаго меньшинства выдающихся личностей: „души всѣхъ безсмертны, но души добрыхъ—божественны". Кто же эти „добрые"? Праведники?—Нѣтъ.—Для гуманнаго общества добродѣтель была положительнымъ, а не отрицательнымъ понятіемъ; добрымъ былъ человѣкъ дѣятельный, съ напряженіемъ всѣхъ силъ трудившійся на пользу друзей, родины, человѣчества; для такихъ людей уже естественная привязанность къ дѣлу, долженствующему пережить ихъ, служитъ залогомъ загробной жизни и общенія съ тѣмъ, что̀ имъ было дорого на землѣ. Имъ-то Цицеронъ и отводитъ наднебесный міръ; но онъ дѣлаетъ это въ описаніи сна, приснившагося нѣкогда, будто бы, Сципіону Младшему. Ясное указаніе, что мы находимся въ области грёзъ.

Окидывая еще разъ взоромъ то, что̀ мы назвали выше теоретической основой античной гуманности, мы замѣчаемъ безъ труда, что въ ея составъ входятъ и недоказуемыя съ точки зрѣнія нашей науки и завѣдомо ложныя положенія. И все-таки выводъ о несостоятельности само̀й античной гуманности былъ бы слишкомъ поспѣшнымъ. Не забудемъ, что мы имѣемъ дѣло съ практической системой, для которой теоретическое обоснованіе было лишь средствомъ успокоенія пытливой мысли, между тѣмъ какъ ея истинной основой было физическое, нравственное и умственное здоровье выставившаго ее общества. Вотъ почему дальнѣйшая ея судьба не находилась и не будетъ находиться въ зависимости отъ признанія или непризнанія ея теоретической основы. Умъ человѣка вообще выносливъ; онъ легко мирится съ непослѣдовательностями, если онѣ спасаютъ его идеалы—исто-

рія умственной культуры полна примѣровъ тому. Для самой же идеи гуманности было великимъ счастьемъ, что она выработалась въ такое время, когда ея теоретическая основа не встрѣчала себѣ противорѣчія со стороны разума; сознавая себя въ согласіи съ данными науки, она выросла и окрѣпла настолько, что могла въ будущемъ своимъ собственнымъ обаяніемъ побѣждать и сердца, и умы.

IV.

Что природа всѣ свои дары создала для людей—можно было доказать безъ труда; но для чего же созданы сами люди? „Другъ для друга“,—отвѣчаетъ античная гуманность. Съ строго логической точки зрѣнія къ этому отвѣту можно, такъ сказать, придраться, но на практической почвѣ—а на нее мы и вступаемъ теперь—онъ оказывается правильнымъ. Самые могучіе инстинкты, вложенные природой въ нашу грудь, имѣютъ предметомъ нашихъ ближнихъ; и высшее счастье, и глубочайшее несчастье, испытываются въ сношеніяхъ людей между собою: „человѣкъ человѣку богъ“—homo homini deus est.

При такомъ воззрѣніи на отношеніе человѣка къ своимъ ближнимъ неудивительно, что ученіе о самодовлѣющей личности, принятое нѣкоторыми греческими философами, не могло найти себѣ почвы въ гуманномъ обществѣ Рима. Мы всѣ зависимъ отъ людей, но и они зависятъ отъ насъ; развивая послѣдовательно эту мысль, мы легко поймемъ, въ чемъ состоитъ та свобода, законное стремленіе къ которой навело только-что упомянутыхъ мыслителей на противоестественное требованіе независимости для совершеннаго мудреца: свобода—это уравновѣшенность власти и подчиненія.

Античная гуманность предоставила намъ формулировать это положеніе, но на практикѣ проводила его вездѣ; само римское государство, идеалъ свободнаго государства (libera respublica) для тѣхъ временъ, подавало ей въ этомъ примѣръ. Вотъ почему вопросъ о томъ, была ли нравственность античной гуманности эгоистична или альтруистична, теряетъ всякое значеніе; она не была ни тѣмъ, ни другимъ; если угодно, мы можемъ назвать ее индивидуалистичной, поскольку ея главнымъ требованіемъ являлось развитіе и самосовершенствованіе индивидуальности въ указанномъ самой природою направленіи. Слѣдуя ея указаніямъ, мы неизбѣжно наталкиваемся на людей, т.-е. на такія же индивидуальности, какъ и мы сами, имѣющія такіе же виды на насъ, какъ и мы на нихъ;

мы должны служить имъ для того, чтобы они служили намъ; уравновѣшенность власти и подчиненія является самой естественной и прочной формой согласованія этихъ двухъ стремленій. Такимъ-то образомъ индивидуалистическая мораль античной гуманности, будучи эгоистична въ своей цѣли, оказывается обязательно альтруистической въ своихъ средствахъ.

Таково правило; примѣняется же оно различно, смотря по тому, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Гуманное общество составляло въ Римѣ, какъ это и понятно, избранное меньшинство; только для его членовъ могла быть рѣчь о практической этикѣ, такъ какъ только они могли преломлять нравственный законъ въ своей индивидуальности. Избранному меньшинству личностей противополагалась *масса* съ ея массовыми инстинктами и свойствами; понятно, что отношеніе гуманнаго человѣка къ человѣку принимало различную форму, смотря по тому, принадлежалъ ли послѣдній къ гуманному обществу, или къ массѣ. Начнемъ съ послѣдней возможности.

Тутъ, однако, прежде всего рождается вопросъ: могу ли я, какъ гуманный человѣкъ, примириться съ этимъ различіемъ? Не долженъ ли я стремиться къ тому, чтобы культъ гуманности обнималъ все человѣчество? Другими словами: чувствовала ли античная гуманность *потребность пропаганды*, или нѣтъ? Здѣсь мы имѣемъ образчикъ того явленія, на которое я намекалъ выше: идея существуетъ въ зародышѣ уже въ античной гуманности, но, не находя для себя удобной почвы, она была лишена возможности развиваться, и получаетъ ее только тогда, когда ее вмѣстѣ со всей античной гуманностью переносятъ въ болѣе благопріятныя условія. Дѣйствительно, центральной идеей античной гуманности была, какъ мы видѣли, вѣра въ благородство человѣческой природы вообще; а отсюда слѣдуетъ несомнѣнно признаніе совершенствуемости всякаго существа, носящаго обликъ человѣческій. Античная гуманность этого вывода не сдѣлала, не сдѣлала его и гуманность „возрожденія“; сдѣлало его, съ болѣе или менѣе значительными оговорками, французское „просвѣщеніе“, и безъ всякихъ оговорокъ—французская революція. Преемственность здѣсь очевидна и можетъ быть удостовѣрена цитатами.

Итакъ, пропаганда гуманности среди массы, вполнѣ соотвѣтствующая духу практической этики нашей эпохи, не допускается пока внѣшними условіями; остается одно: *ужиться* съ нею. Для этого требуется нѣкоторая житейская мудрость, не то чтобы лицемѣрная, но и не грѣшащая откровенностью. Рекомендуется качество, греческое названіе котораго соотвѣтствуетъ нашему

слову „глубина“: человѣкъ долженъ представлять изъ себя глубокій колодезь, въ которомъ дна не разглядѣть; противоположность къ этимъ „глубокимъ“ натурамъ—гётевскіе несчастливцы, которые и въ своемъ неразуміи не съумѣли уберечь своего „слишкомъ полнаго сердца“, которые „обнаружили свои чувства передъ чернью“, и которыхъ за это чернь „распинала и сожигала“. Но для того, чтобы обезопасить себя, для того, чтобы управлять людьми, лучшее средство—*доброта*. Въ этомъ признаніи сказывается вліяніе вѣры въ благородство человѣческой природы.

Особенно интересно примѣненіе этого послѣдняго предписанія въ той области, которая была больнымъ мѣстомъ античнаго соціальнаго организма—въ сферѣ отношеній гуманнаго хозяина къ *рабамъ*. Античная гуманность переняла институтъ рабства, навязанный ей неизбѣжными условіями жизни, но старалась на практикѣ согласовать его со своими принципами: „къ рабамъ,—говоритъ Цицеронъ,—относись такъ же, какъ и къ работающимъ у тебя за плату: требуй отъ нихъ работы и давай имъ то, что̀ имъ за нее слѣдуетъ“,—причемъ особенно интересно приравненіе рабовъ къ тому сословію, которое было призвано смѣнить ихъ. Вообще можно сказать, что движеніе къ улучшенію быта рабовъ, подготовленное греческой поэзіей и философіей, практически началось въ средѣ гуманнаго общества; объ его прогрессѣ мы узнаёмъ изъ писемъ Плинія Младшаго, который въ эпоху Траяна продолжалъ традиціи Цицерона. „По отношенію къ моимъ рабамъ,—пишетъ этотъ просвѣщенный и благородный человѣкъ,—я руководствуюсь двумя правилами. Во-первыхъ, указаніемъ нашихъ предковъ, которые домохозяина назвали *отцомъ челяди* (pater familias), а во-вторыхъ—словами Гомера: *какъ отецъ, онъ былъ кротокъ всечасно*“. Въ силу этихъ правилъ онъ признаетъ дѣйствительными всѣ сельско-имущественные контракты своихъ рабовъ, несмотря на то, что по законамъ они еще никакого значенія не имѣли. Отсюда видно, что законодательство, медленно улучшавшее положеніе римскихъ рабовъ, только слѣдовало за подъемомъ правового сознанія гуманнаго общества. Филантропы XVIII вѣка, какъ извѣстно, и въ этомъ отношеніи продолжали традиціи античной гуманности.

Но довольно о массѣ. Прежде чѣмъ перейти къ избранному меньшинству, умѣстно будетъ остановиться на отношеніяхъ античной гуманности къ двумъ безразличнымъ, въ смыслѣ принадлежности къ той или другой группѣ, частямъ общества—женщинамъ и дѣтямъ. Какъ смотрѣла античная гуманность на то, что̀ мы называемъ нынѣ *женскимъ вопросомъ*, и на воспитаніе?

Что касается, прежде всего, перваго, то не слѣдуетъ забывать, что первый толчокъ женскому вопросу былъ данъ Платономъ, который выставилъ требованіе, чтобы дѣвушки получали качественно одинаковое воспитаніе съ мальчиками и юношами, хотя количественно—вслѣдствіе меньшей ихъ физической крѣпости—въ нѣсколько сокращенномъ объемѣ. Въ Греціи это требованіе было неосуществимо; но въ Римѣ условія были гораздо болѣе благопріятны, по крайней мѣрѣ для умственной стороны воспитанія, и въ гуманномъ обществѣ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ выдающихся женщинъ, съ которыми мужчины бесѣдуютъ и разговариваютъ какъ съ равными себѣ. Уже въ числѣ первыхъ именъ Сципіоновскаго кружка, этого питомника гуманнаго общества, мы встрѣчаемъ рядомъ съ именемъ Сципіона Старшаго, его основателя, имя его славной дочери Корнеліи, письма которой къ сыновьямъ, обоимъ Гракхамъ, славились въ Римѣ какъ одни изъ древнѣйшихъ и лучшихъ памятниковъ римской литературы, да и на насъ производятъ сильное впечатлѣніе, въ тѣхъ жалкихъ отрывкахъ, которые уцѣлѣли отъ нихъ. Нѣсколько позже встрѣчаемъ мы въ этомъ кружкѣ Лелію, жену юриста Сцеволы, дочь послѣдняго Муцію, жену оратора Красса, и дочь Красса, Лицинію, столь же умныхъ, сколько и образованныхъ женщинъ, если судить по бѣглымъ упоминаніямъ о нихъ въ сочиненіяхъ Цицерона. Эпоха послѣдняго особенно богата выдающимися женщинами, начиная Витторіей Колонной тѣхъ временъ, Порціей, дочерью Катона и женой Брута, характеристика которой у Плутарха вдохновила Шекспира создать самый возвышенный изъ его женскихъ типовъ,—и кончая ихъ своего рода Лукреціей Борджіей, той пресловутой Клодіей, которую Катуллъ возвеличилъ и опозорилъ подъ именемъ Лезбіи. О роли же женщины въ тогдашнемъ обществѣ можно судить по слѣдующему мимоходному упоминанію которое, однако, говоритъ о томъ, что̀ насъ интересуетъ, какъ о самомъ естественномъ и заурядномъ фактѣ. Рѣчь идетъ о политическомъ столкновеніи между Цицерономъ и народнымъ трибуномъ Метелломъ; первый изъ нихъ пишетъ по этому поводу брату послѣдняго, проконсулу Галліи, весьма дипломатическое и осторожное письмо, въ которомъ встрѣчаются слѣдующія слова: „Узнавъ, что онъ всю силу своего трибуната направляетъ къ моей гибели, я вступилъ въ переговоры съ твоей супругой Клавдіей и съ вашей (двоюродной) сестрой Муціей, расположеніе которой ко мнѣ я испыталъ во многихъ дѣлахъ, прося ихъ внушить ему воздержаться отъ своихъ неправыхъ дѣйствій“.

Слѣдуетъ замѣтить, что и въ этомъ отношеніи законодательство старалось держаться на уровнѣ общественнаго правового сознанія; путемъ очень рискованныхъ интерпретацій старинныхъ постановленій, женщинамъ въ Римѣ была дана такая матеріальная независимость отъ власти мужей и опекуновъ, о какой онѣ потомъ, вплоть до нашего времени, и думать не смѣли.

Одно обстоятельство насъ поражаетъ, когда мы съ нашей современной точки зрѣнія смотримъ на отношенія того гуманнаго общества къ женщинамъ: мы можемъ ихъ долго разбирать, ни разу не встрѣчаясь съ тѣми двумя словами, которыя мы привыкли считать какъ бы родственными съ понятіемъ женщины—со словами „любовь" и „красота". Ни объ одной изъ упомянутыхъ выше женщинъ (если не считать Клодіи, занимавшей, въ качествѣ Лукреціи Борджіи того общества, особое мѣсто) мы не узнаемъ, была ли она красива; очевидно, римлянинъ счелъ бы такой эпитетъ оскорбительнымъ для honestissima femina. Мы видимъ, какъ заключаются и расторгаются браки, но ни разу въ числѣ мотивовъ того и другого не находимъ наличности или отсутствія любви—сплошь и рядомъ вспоминаются характерныя слова римскаго поэта: „Не забывай, что она тебѣ—жена, а не любовница". Дѣйствительно, если мы чего-нибудь не встрѣчаемъ въ римскомъ гуманномъ обществѣ, такъ это—положительнаго отношенія къ любви. Ее извиняли у молодыхъ людей, какъ присущую возрасту слабость, а не уважали какъ силу, да и то требовали, чтобы ей угождали гдѣ-нибудь на сторонѣ, въ кругу отпущенницъ и рабынь; самъ Цицеронъ, очень снисходительно относившійся къ геніальнымъ повѣсамъ въ родѣ Куріона, Целія и др., замѣчаетъ про себя, что его, даже въ годы его юности, „все это" ни мало не привлекало. Рѣшительно, любовь не „засѣдала участницей во власти среди великихъ нравственныхъ началъ", какъ этого требовалъ для нея еще Софоклъ; какъ согласовать этотъ фактъ съ центральной идеей гуманности? Здѣсь ли не имѣемъ мы силы, самой природой вложенной въ человѣка? Здѣсь ли не дается индивидуальности просторъ къ напряженію своихъ способностей, къ побѣдоносному проявленію самой себя, къ самосовершенствованію? Здѣсь ли не дѣйствуетъ болѣе могучій, чѣмъ гдѣ-либо, *соціальный* инстинктъ человѣка, не сказывается ощутительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, справедливость изреченія, что „человѣкъ человѣку—богъ"? Все это неоспоримо; и все-таки идея положительнаго отношенія къ любви лишь въ зародышѣ была дана античной гуманностью; сила традиціи ее подавила. Подавила, конечно, не совсѣмъ: будучи исключена изъ той сферы, въ кото-

рой царитъ гармонія физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ началъ, она пробила себѣ доступъ въ сферу низшую, сферу преобладающей, хотя и не исключительной чувственности. Здѣсь мы встрѣчаемъ ее во всю эпоху процвѣтанія лирической поэзіи въ Римѣ, начиная Катулловымъ „Vivamus, mea Lesbia, atque amemus“, и кончая послѣдней, дѣйствительно поэтической поэмой Рима, „Всенощной Венеры“, съ ея сладострастнымъ припѣвомъ: „cras amet, qui nunquam amavit, quique amavit, cras amet“. Со временемъ дичекъ былъ облагороженъ: это время наступило не тогда, когда „maistre Ovide“ научилъ любить средневѣковыхъ труверовъ и миннезингеровъ, а когда новѣйшіе романтики возобновили эту науку въ благочестивомъ и патріотическомъ мнѣніи, что они этимъ противоставляютъ античности—христіанское и національное начало.

Переходя затѣмъ къ вопросу о *воспитаніи*, съ точки зрѣнія античной гуманности, мы никакихъ пробѣловъ, никакихъ недомолвокъ не замѣчаемъ. Теорія воспитанія была правильно и послѣдовательно извлечена изъ центральной идеи гуманности, и практика послушно пошла по слѣдамъ теоріи. Вѣра въ благородство человѣческой природы столь же неизбѣжно должна была повести, — выражаясь кратко, — къ педагогическому оптимизму, какъ позднѣе вѣра въ принципіальную испорченность этой природы—къ педагогическому пессимизму. Воспитатель долженъ не укрощать природу ребенка, не насиловать его наклонности, а развивать вложенныя въ него природой хорошія силы: для этого требуется любовь и терпѣніе, которыми та же природа надѣлила родителей; они, поэтому, и являются естественными воспитателями своихъ дѣтей. Традиціи римской жизни не только не шли наперекоръ этому ученію, но какъ нельзя лучше его подготовляли; глядя на гуманное общество Рима, Руссо не имѣлъ бы случая воскликнуть: „ah, les devoirs! le dernier entre tous, sans doute, est celui d'être père“—отношенія между отцами и дѣтьми были съ этой точки зрѣнія отличныя, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, сравнительно крупное число сочиненій, посвященныхъ писателями-отцами своимъ подростающимъ сыновьямъ. Вездѣ, гдѣ мы только можемъ заглянуть въ интимную область римской жизни, мы встрѣчаемъ школу лишь въ роли помощницы родителей; самоупраздненіе семьи въ дѣлѣ воспитанія, совершающееся повсемѣстно на нашихъ глазахъ, при громкомъ одобреніи занятыхъ своимъ дѣломъ отцовъ и особенно матерей, показалось бы въ Римѣ чѣмъ-то уродливымъ.

По странной случайности, практика гуманнаго воспитанія въ

римской литературѣ опередила теорію; первую мы можемъ изучить уже на отношеніяхъ Цицерона къ сыну и племяннику; вторую же написалъ лишь болѣе, чѣмъ сто лѣтъ спустя, римскій учитель краснорѣчія, Квинтиліанъ. Теорія эта, во всѣхъ своихъ частностяхъ—развитіе основного правила, что воспитатель долженъ путемъ увѣщанія, поощренія, возбужденія соревнованія, примѣра, вызывать *хорошіе* инстинкты своего питомца и избѣгать тѣлесныхъ наказаній, принижающихъ и порабощающихъ его духъ. Съ паденіемъ римской образованности и эта теорія пала; мудрость Квинтиліана была смѣнена другою „мудростью", гласившей такъ: кто щадитъ розгу, тотъ ненавидитъ сына! Но она воскресла въ эпоху „Возрожденія"; ея свѣтлый оптимизмъ былъ какъ нельзя болѣе по душѣ жизнерадостному обществу тѣхъ временъ. Открытіе забытаго Квинтиліана стало, поэтому, событіемъ первой важности; всѣ педагоги „Возрожденія" вдохновлялись его идеями, а отъ нихъ пошла, послѣ многихъ затмѣній, и новѣйшая педагогика, мало-по-малу осуществляющая на практикѣ требованія античной гуманности въ дѣлѣ воспитанія.

Это воспитаніе было, какъ видно изъ сказаннаго, единственной пропагандой гуманности: оно вербовало новыхъ адептовъ для избраннаго меньшинства римскаго общества. Слѣдуя намѣченному выше плану, мы переходимъ теперь къ этому меньшинству, и къ отношенію его членовъ другъ къ другу.

Нечего и говорить, что эти отношенія—самыя сердечныя; если „глубина" житейской мудрости была умѣстна въ обращеніи съ массою, то здѣсь, среди своихъ, она должна уступить мѣсто откровенности: „inter bonos bene agi oportet". Если душа у насъ благородна, а наши собесѣдники умѣютъ цѣнить благородство, то къ чему ее скрывать? Именно этой откровенностью римское гуманное общество болѣе всего расходится съ подозрительнымъ скрытничествомъ „варваровъ" даже въ кругу близкихъ, даже въ собственной семьѣ; мудрый скандинавскій стихъ: „пустой домъ отпертъ, полный—закрытъ", оно приняло бы лишь съ оговоркой: „но для своихъ и полный домъ открытъ".

Между своими должна царить откровенность: это не значитъ, однако, чтобы мы имѣли право вести себя какъ вздумается, и говорить, что̀ попало. Душа гуманнаго человѣка—очень тонкій и очень тщательно настроенный инструментъ; общеніе двухъ-трехъ такихъ душъ требуетъ большой внимательности со стороны каждой изъ нихъ, чтобы не вышло диссонансовъ. Мы дорожимъ одобреніемъ гуманнаго человѣка, но когда мы слишкомъ явно стараемся вызвать его на то, мы дѣлаемся смѣшными; мы знаемъ, что

онъ нашимъ мнѣніемъ дорожитъ, но когда мы слишкомъ усердно его выражаемъ, ему дѣлается неловко. Мы должны здѣсь и во всемъ прочемъ держаться очень узкой тропинки, чтобы избѣгнуть всего того, что̀, не будучи дурнымъ само по себѣ, можетъ показаться неумѣстнымъ; только тотъ, кто умѣетъ искусно и граціозно выступать по этой тропинкѣ, ни въ чемъ не показывая вида, что онъ неволитъ себя, заслуживаетъ почетнаго эпитета „homo urbanus“. Характерно то, что въ оба періода воскрешенія античной гуманности воскресла и эта тонкая эстетика общественныхъ отношеній; отсюда видно, до какой степени она является естественнымъ развитіемъ центральной идеи гуманности. Нѣтъ спора, что при одностороннемъ культѣ этой эстетики онъ можетъ выродиться въ культъ пустыхъ, неосмысленныхъ формъ, какъ это и случилось въ XVIII вѣкѣ; античная гуманность не могла подвергнуться этой опасности уже потому, что требовала отъ своихъ адептовъ равномѣрнаго развитія всѣхъ ихъ силъ. При равномѣрномъ питаніи и упроченіи всѣхъ органовъ, гипертрофія какого-нибудь одного изъ нихъ немыслима; человѣкъ, выступающій поперемѣнно въ роли сенатора, судьи, военачальника, помѣщика, руководителя своихъ кліентовъ во всякаго рода практическихъ дѣлахъ, писателя и ученаго дилеттанта, — естественно не подвергается риску превратиться въ односторонне-свѣтскаго человѣка, подобно какому-нибудь маркизу, вся жизнь котораго состоитъ изъ сплошного faire la cour.

Со всѣмъ тѣмъ, эстетика общественныхъ отношеній была развита довольно подробно также и въ римскомъ гуманномъ обществѣ; мы однако въ частности вдаваться не будемъ. Характерное свойство этого общества заключается въ томъ, что оно образуется путемъ достиженія каждымъ изъ его членовъ извѣстной степени нравственнаго или умственнаго совершенства, возбуждающаго уваженіе въ прочихъ сочленахъ, а не путемъ взаимной аттракціи двухъ или нѣсколькихъ личностей изъ его среды; тамъ же, гдѣ дѣйствуетъ эта аттракція, получается меньшій кругъ внутри того большого; основа взаимныхъ отношеній членовъ *этого* меньшаго круга—*дружба*. Дружба античной гуманности стояла на такой высотѣ, которая нынѣ стала недосягаема; недосягаема не потому, чтобы запасъ идеализма былъ въ современномъ обществѣ меньше, а потому, что—по справедливому замѣчанію Гартмана — современная дружба имѣетъ въ лицѣ *любви* опаснаго конкуррента, котораго не знала древность. Почему не знала—видно изъ сказаннаго выше по поводу этого пункта. Но любовь,—я говорю здѣсь о любви *полной*, основан-

ной на гармоніи нравственнаго, умственнаго и физическаго началъ,—будетъ обязательно полнѣе и поэтому выше даже самой идеальной античной дружбы; современная же дружба, даже самая сердечная, будетъ ниже античной уже тѣмъ, что ей отводится, въ сравненіи съ любовью, лишь второе мѣсто. Кодексъ дружбы античной гуманности извѣстенъ—онъ сохраненъ намъ въ извѣстномъ сочиненіи Цицерона объ этомъ предметѣ. Но даже оставляя его въ сторонѣ и пользуясь одними фактами, которыхъ, какъ извѣстно, очень много, можно придти къ убѣжденію, что союзъ дружбы въ духѣ античной гуманности предоставлялъ друзьямъ очень широкія права и налагалъ на нихъ очень серьезныя обязанности: изъ всѣхъ средствъ, которыми другъ можетъ помочь другу, ни одно не считалось чрезмѣрнымъ, поскольку оно было совмѣстимо съ честью. Послѣдняя оговорка, однако, не имѣетъ значенія, такъ какъ дружба, по опредѣленію античной гуманности, только и мыслима въ предѣлахъ чести. Это очень важно. Въ сущности, истинная дружба внѣ гуманнаго общества невозможна. Конечно, и внутри массы никому не возбраняется называть тѣхъ или другихъ своими друзьями; но если присмотрѣться ближе къ этимъ дружбамъ, то окажется, что всѣ онѣ держатся на взаимности матеріальныхъ выгодъ. А между тѣмъ именно отсутствіе этого послѣдняго побужденія характеризуетъ истинную дружбу; истинная дружба—самое совершенное развитіе соціальныхъ инстинктовъ, вложенныхъ природой въ сердце человѣка. Въ качествѣ таковаго она обязательно нравственна, такъ какъ „добродѣтель—законченная въ себѣ самой и доведенная до совершенства природа“—и служитъ лучшимъ подтвержденіемъ основного положенія, съ котораго мы начали настоящій отдѣлъ, что все сущее создано природой для людей, а люди—другъ для друга.

V.

Положительное отношеніе къ соціальнымъ инстинктамъ человѣческой природы заставило античную гуманность, въ противоположность мизантропическому ученію о самодовлѣніи личности, признать законнымъ стремленіе людей къ общенію другъ съ другомъ; не трудно, при этомъ, убѣдиться, что по той же причинѣ она должна была, въ противоположность ученію о желательности и разумности политическаго квіетизма, вмѣнить своимъ адептамъ въ обязанность дѣятельное участіе въ дѣлахъ государства, членами котораго они состоятъ. Дѣйствительно, государство, это—

„союзъ людей, основанный на общности правовыхъ понятій и интересовъ, и обязанный своимъ происхожденіемъ самой природѣ человѣка“. Какъ таковое, оно играетъ по отношенію къ отдѣльному человѣку двойную роль.

Во-первыхъ, роль охранительную—единственную, къ слову сказать, которую за нимъ оставилъ англійскій либерализмъ. Съ этой точки зрѣнія, необходимость для гражданина служить своему государству обусловливается простою взаимностью; „таковъ высшій долгъ свободнаго человѣка: охранять государство, которое охраняетъ его“,—слѣдуя формулировкѣ Шиллера. Античная гуманность живо сознавала обязательность этой взаимности; ея (рѣдко достижимый) идеалъ данъ въ пожеланіи Цицерона другу: „старайся, чтобы государство было обязано тебѣ не менѣе, чѣмъ ты ему“. Это вполнѣ ясно; но для античной гуманности этой идеи о государствѣ, какъ объ охранительной силѣ, этой Nachtwächteridee, какъ ее называлъ Лассаль, было мало; какъ вѣрная ученица греческой философіи, она признавала за государствомъ и другое, высшее значеніе.

Эта вторая роль государства—роль *воспитательная*. Разумѣется, не въ смыслѣ заботы объ образованіи подростающаго поколѣнія (именно, эта забота въ эпоху античной гуманности была предоставлена частному почину), а въ томъ смыслѣ, что отъ характера государственныхъ учрежденій зависитъ нравственное направленіе гражданъ. „Невозможно жить хорошо (въ нравственномъ значеніи слова) въ дурномъ государствѣ“. Изъ этого второго, исторически очень важнаго представленія о государствѣ вытекаетъ, что на гражданина не только возложены обязанности относительно государства, но ему даны и права: право содѣйствовать учрежденіямъ, поощряющимъ хорошія наклонности гражданъ, и обратно—по отношенію учрежденій, препятствующихъ ихъ развитію. Какъ извѣстно, эта мысль была жадно подхвачена политическими писателями XVIII вѣка.

Итакъ, римскій гражданинъ обязанъ принимать самое живое участіе въ дѣлахъ своего государства; къ этому выводу приводятъ одинаково оба представленія. Чтобы понять все его значеніе, надобно помнить, что государственная служба во всѣхъ видахъ, представлявшихъ интересъ для гуманнаго общества, была безплатной, а иногда требовала и крупныхъ затратъ со стороны исправляющаго ее. Но между тѣмъ какъ первое представленіе подчиняло гражданина любому государству, лишь бы только послѣднее охраняло его, и въ своемъ логическомъ развитіи должно было повести къ „Левіаѳану“ Гоббса,—второе, самое характер-

ное для античной гуманности, имѣло естественнымъ послѣдствіемъ для гражданина *право критики* государственныхъ учрежденій. Изъ нихъ главныя: религіозныя учрежденія, администрація, суды, òрганы финансоваго дѣла; сюда же относятся и сношенія съ иностранными народами, òрганомъ которыхъ было все государство. Не всегда критика, которую античная гуманность производила въ отношеніи всѣхъ этихъ институтовъ и вопросовъ, имѣла основаніемъ ясно сознанную связь съ центральной идеей самой гуманности. Мы можемъ, напримѣръ, съ увѣренностью сказать, что въ примѣненіи къ политической экономіи эта идея, съ ея высокимъ мнѣніемъ о значеніи индивидуальности и широкаго развитія ея силъ, должна была послѣдовательно повести къ принципу свободной конкурренціи въ противоположность покровительственнымъ мѣрамъ и стѣсненіямъ со стороны государства; мы можемъ указать на то, что въ XVIII вѣкѣ она и повела къ установленію этого принципа; наконецъ, мы можемъ сослаться на антипатію гуманнаго общества Рима ко всякому вмѣшательству государства въ имущественныя отношенія (исключая, впрочемъ, ростовщичества), въ родѣ реформъ Гракховъ и т. д. Но далѣе идти нельзя: наука политической экономіи въ Римѣ не существовала, а съ нею и сознательное отношеніе къ финансовому дѣлу было невозможно. Легче было разобраться въ остальныхъ вопросахъ.

На первомъ планѣ стоитъ *религія* и ея учрежденія; въ примѣненіи къ ней центральная идея гуманности должна была дать ясный и опредѣленный результатъ: свободу совѣсти. Если я признаю религіозность силой, рукою самой природы вложенной въ сердце человѣка; если я признаю за человѣкомъ право развивать свои природныя силы въ опредѣляемомъ его индивидуальностью направленіи, то я не имѣю никакого права допускать какія бы то ни было религіозныя стѣсненія. И дѣйствительно, мы видимъ, что оба возрожденія античной гуманности повели къ установленію принципа свободы совѣсти. Но дала ли античная теорія тѣ же практическіе результаты уже въ древнее время? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надобно сначала знать, что̀ разумѣла античная гуманность подъ словомъ „религія“; къ удивленію современнаго человѣка, окажется, что она допускала не одну религію, а цѣлыхъ три. Во-первыхъ, религію поэтическую, т.-е. совокупность миѳовъ о богахъ и герояхъ; ее мы тотчасъ же можемъ исключить, такъ какъ она ни для кого обязательна не была и допускала только эстетическое къ себѣ отношеніе, такъ же, какъ и нынѣ. Во-вторыхъ, религію гражданскую, т.-е.

совокупность учрежденныхъ и охраняемыхъ государствомъ культовъ. Наконецъ, въ-третьихъ, религію философскую, т.-е. ученіе метафизиковъ о божествѣ, душѣ и загробной жизни. Можно бы соединить ихъ въ одно цѣлое, разумѣя подъ ними повѣствовательную, обрядовую и догматическую части единой религіи, но, въ виду неодинаковой ихъ обязательности для отдѣльныхъ лицъ, это было бы непрактично.

Для которой же изъ нихъ можетъ серьезно быть возбужденъ вопросъ о свободѣ совѣсти? Очевидно, только для третьей, только она вѣдь и касалась совѣсти. И тутъ античная гуманность рѣшаетъ вопросъ въ самомъ либеральномъ смыслѣ,—мало того, она совсѣмъ не ставитъ его, не считая даже возможнымъ, чтобы на этотъ счетъ были допущены какія-либо сомнѣнія. Цицеронъ, напр., въ своей философской религіи допускалъ безсмертіе души; его лучшій другъ Аттикъ, въ качествѣ эпикурейца, его отрицалъ; но нигдѣ не видно, чтобы это разногласіе причиняло ему серьезное безпокойство. Пылающіе гробы, въ которыхъ у Данте страдаютъ эпикурейцы, еще не были изобрѣтены; если всѣ души безсмертны, то безсмертна и душа Аттика, и ее ждетъ участь, опредѣленная душѣ прекраснаго человѣка, совершенно независимо отъ того, признаетъ ли онъ безсмертіе души, или нѣтъ. Счастливая безпечность древняго міра на этотъ счетъ можетъ возбудить только зависть современнаго человѣка.

Не такъ отнеслась античная гуманность къ религіи гражданской; по отношенію къ ней она, пожалуй, приняла бы удивительное по своей откровенности опредѣленіе Гоббса: ...„она называется религіей, поскольку она утверждена государствомъ, и суевѣріемъ, поскольку она не утверждена имъ“. Дѣйствительно, по отношенію къ ней правило Цицерона гласитъ коротко и ясно: „охранять отцовскіе обряды и не допускать чужеземныхъ superstitiones“. Откуда такая строгость? Послѣдовательнѣе было бы, во всякомъ случаѣ, и здѣсь предоставить каждому выборъ тѣхъ обрядовъ, которые могли его удовлетворить. Въ теоріи оно такъ бы, вѣроятно, и вышло; непослѣдовательность получилась на почвѣ практики. Римская религія, при всемъ формализмѣ своей обрядности, была богата величавыми, поэтическими моментами—всякій помнитъ Гораціево—„dum Capitolium scandet cum tacita virgine pontifex“; будучи освобождена, путемъ искусной интерпретаціи, отъ остатковъ варварской эпохи, она представляла изъ себя, безъ сомнѣнія, самую чистую изъ языческихъ религій. На совѣсть она никакихъ узъ не налагала: справляя, въ качествѣ консула, предписанные традиціей обряды, римлянинъ чувство-

валъ себя только членомъ своей великой общины. Напротивъ, чужеземные культы, находившіе себѣ въ Римѣ, благодаря массѣ иностранцевъ-рабовъ, все болѣе и болѣе широкую и благодарную почву, во-первыхъ—имѣли дурное вліяніе на нравственность; не даромъ Овидій въ своей „теоріи любви" обращалъ особое вниманіе на храмъ Изиды, говоря, что она „многихъ (женщинъ) дѣлаетъ тѣмъ, чѣмъ она сама была для Юпитера"; во-вторыхъ, многіе изъ нихъ прямо-таки смущали умы необразованной толпы дикими ученіями объ ея грѣховности (это—извращеніе глубокомысленныхъ орфическихъ и др. таинствъ), отъ которой ей предлагались грубые и жестокіе очистительные обряды. Вотъ эти-то явленія и заставили гуманное общество желать сохраненія отцовскихъ обрядовъ и устраненія чужеземныхъ культовъ; послѣднее, впрочемъ, государствомъ осуществлено не было, и нельзя сказать, чтобы опасенія того общества оказались неосновательными.

Но если тутъ и была нѣкоторая непослѣдовательность, то она никакого вреднаго дѣйствія на дальнѣйшія эпохи не имѣла. Предписанія Цицерона относительно римской гражданской религіи, какъ чисто условныя, были преданы забвенію вмѣстѣ съ нею самой; осталось поученіе объ общечеловѣческой философской религіи, и оно, переложенное на почву новѣйшей культуры, дало съ теченіемъ времени прекрасный плодъ—вѣротерпимость.

Второе мѣсто мы отводимъ *правительству*; тутъ никакихъ неясностей, никакихъ сомнѣній быть не могло. Мы видѣли, что центральная идея античной гуманности, въ своемъ примѣненіи къ соціальнымъ инстинктамъ человѣка, должна была повести къ опредѣленію свободы какъ состоянія уравновѣшенности власти и подчиненія. Античная гуманность не могла допустить другого государства, кромѣ такого, въ которомъ это главное условіе было соблюдено; а въ римской республикѣ тѣхъ временъ, при всѣхъ ея многочисленныхъ изъянахъ, оно дѣйствительно было соблюдено. Годичность магистратской власти, коллегіальность ея представителей, принципіальное отдѣленіе законодательной власти отъ исполнительной, подчиненіе намѣстниковъ сенату, трибунскій надзоръ, полномочія цензоровъ, суды по дѣламъ превышенія власти (majestatis, какъ гласитъ знаменательный римскій терминъ)—все это были мѣры къ тому, чтобы властвующій чувствовалъ себя тѣмъ болѣе подчиненнымъ, чѣмъ шире объемъ его власти. Вотъ причина, почему гуманное общество въ принципѣ принимало римскую республику въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала тогда; правда, вслѣдствіе чрезмѣрной искусственности ея равновѣсія, оно было неустойчивымъ; но тѣмъ

яснѣе былъ долгъ всѣхъ добрыхъ гражданъ поддерживать его всѣми своими силами. Вотъ также причина, почему Цезарь въ своемъ стремленіи къ единовластію имѣлъ все гуманное общество Рима противъ себя, почему оно и въ раннюю эпоху имперіи вообще относилось недоброжелательно къ высшей власти: эта власть, нарушавшая принципъ римской свободы, противорѣчила центральной идеѣ античной гуманности. О вліяніи же ея теоріи на политическую науку новѣйшихъ временъ можно и не говорить: оно извѣстно всѣмъ, кто занимался этой послѣдней.

Въ-третьихъ—судебное дѣло и *юриспруденція* вообще. Ее мы привыкли считать гордостью римскаго имени; и дѣйствительно, ея прогрессивный характеръ, огромное вліяніе, которое она, благодаря тому, имѣла на законодательства новѣйшихъ народовъ, вполнѣ оправдываютъ такой взглядъ на нее. Но врядъ ли она обладала бы этимъ прогрессивнымъ элементомъ, еслибы не было побѣдоносной дѣятельности гуманнаго общества; считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ пунктѣ, оставленномъ безъ вниманія историками римскаго права.

Древнѣйшая исторія народовъ показываетъ намъ неизмѣнно *религію* въ роли родительницы и охранительницы первобытнаго права. Благодаря этому, характеръ неприкосновенности былъ отъ религіи естественно перенесенъ на право: недодуманныя мысли, неловкіе обороты мудреца сѣдой старины были объявлены священными и обязательными навсегда. Такова первая ступень въ исторіи права; его дальнѣйшее развитіе, согласно сказанному въ началѣ, могло быть двояко. Потомки могли смириться передъ обаяніемъ могущественнѣйшей изъ культурныхъ силъ человѣчества—тогда первобытное право оставалось незыблемымъ на всѣ времена, и роль правовѣдовъ сводилась къ тому, чтобы путемъ всевозможныхъ кляузъ и ухищреній строить „изгородь вокругъ закона". Но могло выйти иначе—и въ Греціи оно и вышло иначе. Авторитету законодателя оказывалось полное почтеніе—онъ никому не мѣшалъ, такъ какъ оставался открытымъ вопросъ, правильно ли онъ въ „словѣ" своего закона выразилъ свою „мысль"; на эту-то „мысль" и ссылались друзья юридическаго прогресса въ противоположность съ консерваторами, коснѣвшими на „словѣ" (ставимъ эти термины въ ковычки, такъ какъ въ своей греческой формѣ, ῥητὸν и διάνοια, они стали настоящимъ боевымъ кличемъ въ лагеряхъ враждующихъ партій). Къ сожалѣнію, судебное дѣло аѳинянъ не обладало институтомъ, который могъ бы, путемъ соотвѣтственныхъ дополненій, развитій и толкованій, подчинять „слово" вліянію „мысли" и этимъ

возстановлять нарушенное равновѣсіе правового сознанія; изгнанная изъ юридическаго законодательства, „мысль“ нашла себѣ убѣжище въ греческой реторикѣ, —причемъ я прошу читателя помнить, что эта реторика—съ тѣмъ, что̀ мы нынѣ разумѣемъ подъ этимъ словомъ—почти ничего общаго не имѣла. Благодаря этому появленію юридической „мысли“, греческая реторика стала настоящей юриспруденціей in partibus.

Съ теченіемъ времени, греческая образованность, а съ нею и греческая реторика, проникли на римскую почву; здѣсь шансы юридической „мысли“ были несравненно значительнѣе, такъ какъ именно Римъ обладалъ тѣмъ правовымъ институтомъ, котораго недоставало аѳинянамъ въ лицѣ ихъ претуры. Дѣломъ претора было именно толкованіе, развитіе и поясненіе законовъ въ области гражданскаго права; его руководительницей могла бы быть при этомъ скрывавшаяся въ греческой реторикѣ юридическая „мысль“, если бы послѣдней удалось побѣдоносно заявить о своемъ существованіи и о своихъ правахъ. Къ счастью намъ извѣстны нѣкоторыя подробности о томъ, какъ это случилось;—нечего говорить, что дѣло произошло на почвѣ гуманнаго общества, проводника греческой образованности въ Римѣ. Нѣкій римлянинъ, ожидавшій почему-то отъ своей жены ребенка, умирая, завѣщалъ свое состояніе ему, этому ожидаемому ребенку, а въ случаѣ его смерти до достиженія совершеннолѣтія—своему лучшему другу. Послѣ его смерти оказалось, однако, что его разсчеты были ошибочны—ожидаемый ребенокъ не появился на свѣтъ. Этимъ и воспользовались ближайшіе родственники покойника, требуя, чтобы его завѣщаніе было признано недѣйствительнымъ. Со стороны „слова“ они были правы, такъ какъ имущество было завѣщано другу завѣщателя только на случай смерти ребенка, а это условіе осуществлено не было; но со стороны „мысли“ не подлежало никакому сомнѣнію, что завѣщатель хотѣлъ оставить свое состояніе именно другу, а не родственникамъ. Процессъ состоялся; строгій юристъ Сцевола вступился за „слово“; ораторъ Крассъ, глава гуманнаго общества—за „мысль“; онъ восторжествовалъ, и „мысль“—вмѣстѣ съ нимъ. По его слѣдамъ пошелъ Цицеронъ: въ своихъ рѣчахъ по гражданскимъ дѣламъ онъ является неутомимымъ поборникомъ „мысли“ и противникомъ авторитета „слова“. А его вліяніе на позднѣйшую юриспруденцію не могло быть незначительно: великій реформаторъ римскаго права, Лабеонъ, былъ ученикомъ его ученика.

Такова роль гуманнаго общества въ исторіи развитія права; не трудно убѣдиться, что эта роль была продиктована ему цен-

тральной идеей античной гуманности. Одно только сознаніе умственной немощи можетъ заставить человѣка смириться передъ „словомъ“ тамъ, гдѣ его несоотвѣтствіе „мысли“ ясно; чѣмъ кто сильнѣе умомъ, тѣмъ болѣе будетъ онъ склоненъ содѣйствовать торжеству мысли надъ словомъ. А развитіе умственной силы было прямымъ требованіемъ центральной идеи античной гуманности.

Остается, въ-четвертыхъ, отношеніе гражданина къ государству въ его сношеніяхъ съ иностранными народами. Тутъ государство является въ роли отечества; отношеніемъ гражданина къ своему отечеству опредѣляется его *патріотизмъ*. Каковъ же былъ патріотизмъ гуманнаго общества?

Патріотизмъ бываетъ двухъ родовъ: есть патріотизмъ дѣла, есть и патріотизмъ словъ. Патріотъ дѣла видитъ свою задачу въ томъ, чтобы своими заслугами украшать національное знамя; патріотъ словъ пользуется этимъ знаменемъ для того, чтобы прикрыть свою собственную позорную наготу.

Если взглянуть на дѣло съ другой стороны, то получаются двѣ другія разновидности: есть патріотизмъ безобидный, есть и патріотизмъ злобный. Первый довольствуется возвеличеніемъ собственнаго отечества; второй требуетъ еще ненависти къ другимъ народамъ, если не ко всѣмъ, то хоть къ нѣкоторымъ. Съ этими различіями необходимо считаться. Внимательнымъ людямъ извѣстно, что наиболѣе распространенный нынѣ типъ, это—злобный патріотъ словъ; его-то исключительно и разумѣетъ гр. Толстой въ своей статьѣ о патріотизмѣ, гдѣ онъ утверждаетъ, что этотъ патріотизмъ происхожденія не христіанскаго, а языческаго. Но послѣднее утвержденіе требуетъ, впрочемъ, оговорки: патріотизмъ гуманнаго общества—безобидный патріотизмъ словъ. Правда, Цицеронъ въ своихъ судебныхъ рѣчахъ мѣстами отзывается невыгодно о галлахъ, малоазіатахъ, евреяхъ; но онъ дѣлаетъ это не изъ патріотизма, а потому, что представители этихъ народностей были свидѣтелями противной стороны—тогдашняя судебная практика допускала этотъ пріемъ. Въ одной сенатской рѣчи онъ подробно распространяется о грозящей Риму отъ галловъ опасности, но опять-таки не изъ патріотизма, а для того, чтобы сенатъ не отнималъ у Цезаря его галльскія провинціи. Наилучшимъ образчикомъ патріотизма гуманнаго общества представляется та рѣчь, въ которой Цицеронъ требуетъ назначенія Помпея военачальникомъ; въ этой рѣчи много говорится о чести и славѣ Рима, но мы не найдемъ въ ней ни одного обиднаго слова по адресу враговъ, мало того—мы не узнаемъ изъ нея даже имени того народа, съ которымъ Римъ собирался вести войну.

Иначе и быть не могло. Тайна поразительнаго роста идеи гуманности заключалась именно въ томъ, что она обращалась къ человѣку какъ къ таковому, независимо отъ его принадлежности къ той или другой націи. Узко-римское міросозерцаніе никогда не привилось бы къ народамъ новой Европы; античная гуманность привилась именно потому, что видѣла въ человѣкѣ прежде всего человѣка. Она признавала привязанность гражданина къ его родинѣ, какъ одну изъ самыхъ благородныхъ и могучихъ человѣческихъ силъ, но не могла допускать, чтобы отсюда вытекало презрѣніе и ненависть къ другимъ группамъ человѣческаго общества.

Анализъ нашъ конченъ. Мы задались цѣлью разсмотрѣть отношеніе античныхъ гражданъ къ отдѣльнымъ сторонамъ государственной жизни, поскольку оно опредѣлялось вліяніемъ на него центральной идеи античной гуманности; теперь намъ остается вспомнить сказанное въ началѣ этого отдѣла о двойной роли государства, какъ охранителя и воспитателя гражданъ. Для того, чтобы гуманный человѣкъ могъ отдавать свои силы государству, оно само должно было быть таково, чтобы, служа ему, онъ не нарушалъ вѣрности идеѣ гуманности. Вотъ почему онъ всѣми силами долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы его государство осуществляло собой эту идею; но допустимъ, какъ это и случалось въ дѣйствительности, что его силъ не хватало для этой задачи; что ему оставалось дѣлать?

Былъ одинъ, позволительный—по ученію многихъ философовъ—исходъ, спасавшій все: героическое самоубійство Катона, не пожелавшаго пережить гибели соотвѣтствующаго его идеалу государства; былъ ли этотъ исходъ согласенъ съ идеей античной гуманности? Объ этомъ стоитъ подумать: это—тотъ пунктъ, гдѣ сталкиваются два міросозерцанія, героическое и гуманное. Герой—это дерево, ростущее въ одинъ сукъ; отрубите этотъ сукъ, и дерево погибло. Гуманный человѣкъ — это дерево съ равномѣрно развитыми раскидистыми вѣтвями; потеря одной вѣтви можетъ его искалѣчить, но не погубитъ. Катонъ добровольно погибъ вмѣстѣ съ республикой послѣ побѣды Цезаря. Цицеронъ ее пережилъ; несмотря на всѣ страданія, которыя ему причиняла погибель политическихъ вѣтвей его естества, онъ продолжалъ жить, такъ какъ ему оставались другія вѣтви, куда и стали направляться его жизненные соки. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, которое міросозерцаніе стоитъ выше; но мы должны были добавить эту черту, дополняющую нашу характеристику гуманнаго человѣка въ его отношеніи къ государству.

VI.

Мы назвали выше гуманное міросозерцаніе кодексомъ практической этики; съ этой точки зрѣнія могло бы показаться на первый взглядъ, что *интеллектуальная* сфера находится внѣ области его примѣненія. Но этотъ выводъ справедливъ только отчасти: онъ справедливъ, поскольку рѣчь идетъ о наукахъ, какъ о таковыхъ, но онъ несправедливъ, коль скоро мы говоримъ объ отношеніи къ нимъ человѣка. Ни одна система нравственности не можетъ обойти молчаніемъ этого послѣдняго вопроса.

Не обошла его и этика античной гуманности; мало того, она отвела ему одно изъ первыхъ мѣстъ: „Стремленіе къ истинѣ—одна изъ первыхъ потребностей человѣка. Вотъ почему мы, будучи свободными отъ насущныхъ дѣлъ и заботъ, жаждемъ увидѣть, услышать что-нибудь, увеличить запасъ нашихъ знаній, и считаемъ необходимымъ условіемъ для счастливой жизни изученіе скрытыхъ отъ поверхностнаго взора или возбуждающихъ наше удивленіе предметовъ". На этомъ основаніи „мудрость", sapientia, въ этикѣ античной гуманности оказывается въ числѣ четырехъ основныхъ добродѣтелей—это воззрѣніе унаслѣдовала, какъ извѣстно, и христіанская этика.

Итакъ, интересъ къ наукѣ, какъ къ простому обогащенію нашего знанія, свойственъ человѣку, какъ одна изъ силъ, самой природой вложенныхъ въ его душу; это воззрѣніе, правильность котораго мы теперь, черезъ двѣ тысячи лѣтъ, можемъ съ увѣренностью подтверждать, чрезвычайно характерно для античной гуманности. Характерно оно не столько своей положительной стороной, сколько отрицательной,—тѣмъ, что о *практической пользѣ*, которую могутъ приносить науки, ни полслова не сказано. Упущенія этого мы не сочтемъ случайнымъ, если вспомнимъ вполнѣ аналогичное отношеніе античной гуманности къ соціальнымъ стремленіямъ человѣка и къ ихъ вѣнцу—дружбѣ. Тутъ уже—ex silentio заключать не приходится; съ настоящимъ ожесточеніемъ возстаетъ Цицеронъ противъ мнѣнія тѣхъ, которые стремленіе человѣка къ дружбѣ объясняли утилитарными разсчетами. Аналогія полная: какъ тамъ, такъ и здѣсь, античная гуманность отвергаетъ утилитаризмъ, видя въ основномъ свойствѣ человѣческой природы, необъяснимомъ, но реальномъ и непосредственно сознаваемомъ, достаточно основанія для его стремленія къ наукѣ.

Таково первое положеніе античной гуманности въ интеллектуальной сферѣ; надъ нимъ стóитъ призадуматься. Извѣстно, что

Бэконъ съ большимъ апломбомъ противопоставилъ этой гуманитарной теоріи свою, утилитарную, выставивъ требованіе, чтобы наукой занимались исключительно въ разсчетѣ на практическую пользу, которую она можетъ принести, и это открытіе—благодаря незаслуженному ореолу, которымъ чарующее краснорѣчіе Маколея окружило мнимаго изобрѣтателя экспериментальнаго метода—все еще выставляется какимъ-то подвигомъ разными популяризаторами, ничего не знающими о строгой, но справедливой критикѣ Либига. Станемъ на точку зрѣнія Бэкона; пускай польза будетъ условіемъ права на существованіе наукъ; посмотримъ, которая изъ названныхъ двухъ теорій была оправдана исторіей, т.-е. на чью долю пришлось больше полезныхъ открытій—тѣхъ ли, которые занимались наукой ради науки, или тѣхъ, которые занимались ею съ цѣлью извлекать изъ нея пользу. Балансъ будетъ очень краснорѣчивъ: всѣ крупныя открытія (именно „открытія", а не „изобрѣтенія", т.-е. болѣе или менѣе остроумныя примѣненія чужихъ открытій) придутся на долю первыхъ, между тѣмъ какъ вторые, начиная съ самого Бэкона, ничѣмъ не заслужили занесенія ихъ въ списокъ благодѣтелей человѣчества. Наука горда и самолюбива и не отдается тому, кто любитъ ее не ради ея самой, а ради ея приданаго.

Вотъ почему для дальнѣйшаго развитія человѣчества было очень важно, что античная гуманность выставила принципъ науки ради науки; вмѣстѣ съ самой античной гуманностью и этотъ принципъ былъ привитъ новой Европѣ въ эпоху „Возрожденія". Когда удалось изгнать безплодную рутину средневѣковой практики, стали разработывать науку на всѣхъ пунктахъ, гдѣ она была оставлена греко-римской древностью, и среди множества самоотверженныхъ и безкорыстныхъ ученыхъ, посвятившихъ ей свою жизнь ради ея самой, былъ и истинный изобрѣтатель экспериментальнаго метода—Леонардо да-Винчи.

Будучи, такимъ образомъ, одной изъ главныхъ вѣтвей въ богатомъ организмѣ гуманнаго человѣка, наука вполнѣ способна принимать въ себя его жизненные соки въ тѣхъ случаяхъ, когда другія его вѣтви отрублены или надломлены; она является утѣшительницей человѣка, когда его соціальныя отношенія отравлены потерей любимой особы, а политическія стремленія ослаблены невозможностью дѣйствовать въ государствѣ согласно со своими убѣжденіями, — какъ это испыталъ и Цицеронъ въ диктатуру Цезаря. Счастливому же она приноситъ свой самый драгоцѣнный даръ—то неопредѣлимое величіе характера, въ силу котораго человѣкъ становится выше всѣхъ низменныхъ, мелоч-

ныхъ, пошлыхъ побужденій. Но для достиженія этой цѣли античной гуманностью ставится одно условіе, и въ немъ заключается ея *второе* положеніе въ интеллектуальной сферѣ—*универсализмъ*.

Въ сущности, этотъ универсализмъ — логическій выводъ изъ центральной идеи античной гуманности, требовавшей развитія *всѣхъ* силъ, которыми природа надѣлила человѣка; и надобно сознаться—гуманное общество серьезно старалось собственнымъ примѣромъ доказать практическую исполнимость того требованія, которое оно ставило въ теоріи. Съ этой цѣлью оно, прежде всего, ограничило кругъ дѣйствительно полезныхъ человѣку наукъ, исключая тѣ, сложность и трудность коихъ не находились въ соотвѣтствіи съ той долей общей истины, которую онѣ могли обнаружить; оно требовало для остальныхъ—методическихъ, ясно и красиво составленныхъ руководствъ; но со всѣмъ тѣмъ цѣль оказывалась недостижимой. Гуманное общество жило вѣдь не въ IV-мъ вѣкѣ, когда одному человѣку еще можно было вмѣстить въ своемъ умѣ все знаніе своей эпохи, да и тогда для этого требовался такой человѣкъ, какъ Аристотель. А съ тѣхъ поръ прошло много времени, которое было, благодаря трудамъ александрійскихъ ученыхъ, самымъ блестящимъ временемъ греческой науки. Универсализмъ сталъ невозможенъ въ смыслѣ знанія; но онъ былъ все еще достижимъ въ смыслѣ *любознательности*. Интересуйся всѣмъ, не пренебрегай ни однимъ случаемъ увеличить запасъ своего знанія, расширить свой кругозоръ—вотъ что̀ твердила потомству, во всѣхъ своихъ литературныхъ памятникахъ, античная гуманность.

Сто̀итъ ли напоминать о томъ, какой богатый урожай дало это сѣмя универсализма въ обѣ эпохи возрожденія классической древности? Сто̀итъ, такъ какъ объ этомъ слишкомъ часто забываютъ. Но факты на лицо; имена Джіамбаттиста Амберти и Леонардо да-Винчи, Вольтера и Гёте показываютъ, до какой степени принципъ универсализма могъ быть плодотворенъ, не только при чисто воспринимательной, но и при творческой дѣятельности. Теперь мы говоримъ объ этихъ временахъ, какъ о прошломъ; девизъ „Возрожденія“: „будь разностороненъ и просвѣщенъ“, съ XVIII-го вѣка смѣнился новымъ девизомъ: „будь одностороненъ и солиденъ“; ученые стали спеціалистами. Отдѣльныя науки въ накладѣ не остались: онѣ процвѣтаютъ болѣе, чѣмъ когда-либо,— съ этой точки зрѣнія отсутствіе универсализма вреда не принесло. Но не въ немъ ли заключается причина—или, по крайней мѣрѣ, одна изъ причинъ той неудовлетворенности, которая все болѣе и болѣе даетъ о себѣ знать, тѣхъ жалобъ на „бан-

кротство науки", которыя мы слышимъ все чаще и чаще? При гипертрофіи одного органа и атрофированіи другихъ, нечего удивляться, если радостное чувство жизни исчезаетъ, и человѣкъ дѣлается ипохондрикомъ. Вотъ почему намъ кажется, что современный научный духъ могъ бы съ пользой для себя подчиниться вліянію античнаго. Конечно, универсализмъ въ смыслѣ знанія теперь еще менѣе осуществимъ, чѣмъ въ эпоху античной гуманности; но въ смыслѣ любознательности онъ осуществимъ и теперь. Пусть каждый ученый, оставаясь спеціалистомъ въ сферѣ своей науки, изучаетъ ее, такъ сказать, съ наклономъ къ той общей цѣли всѣхъ наукъ, которую мы можемъ пока только смутно чувствовать, а не сознавать; пускай онъ не упускаетъ случая оріентироваться въ общенаучномъ зданіи. Для геометра трехъ точекъ достаточно, чтобы опредѣлить всю площадь; точно также для одареннаго научнымъ духомъ человѣка достаточно сравнительно немногихъ данныхъ изъ разныхъ отраслей науки для того, чтобы составить себѣ понятіе о всей системѣ и имѣть возможность правильно регистрировать факты, которые онъ можетъ почерпать изъ обыденной жизни.

А затѣмъ, не слѣдуетъ терять изъ виду, что задача ученаго нашихъ временъ въ одномъ пунктѣ чрезвычайно облегчена: кто интересуется наукой, тотъ имѣетъ возможность посвящать ей всю свою жизнь. Если у него есть средства — общественное мнѣніе благосклонно относится къ его научнымъ занятіямъ; если нѣтъ—государство приходитъ ему на помощь, предлагая ему соотвѣтствующее его наклонностямъ занятіе. Въ эпоху античной гуманности этого не было. Ея представители принадлежали къ высшему кругу общества и въ этомъ качествѣ имѣли доступъ къ должностямъ съ ихъ сложными и, вслѣдствіе чрезвычайной централизаціи, трудными задачами по финансовому, административному, судебному дѣлу. Но, вотъ, годъ службы прошелъ—вчерашній преторъ или консулъ отправлялся въ провинцію, которою управлялъ почти на монархическихъ началахъ. И хорошо, если провинція была не на военномъ положеніи; а то приходилось начальствовать легіонами и, пользуясь воспоминаніями о прежней службѣ въ войскѣ, нѣсколькими книжками по военному дѣлу и совѣтами посѣдѣвшихъ въ строю начальниковъ—вести ихъ противъ врага. Вернувшись домой, нашъ римлянинъ терялъ военную власть, но зато дѣлался вновь сенаторомъ: приходилось посѣщать засѣданія, быть готовымъ всякій разъ, отвѣчая на вопросъ консула, излагать свое мнѣніе по самымъ разнообразнымъ

дѣламъ. У себя тоже отдыха было мало; нужно было принимать „кліентовъ“: одинъ собирался купить домъ, второй выдавалъ дочь, третьяго притянули къ отвѣтственности передъ судомъ; каждый требовалъ совѣта, какъ бы ему поступить повыгоднѣе, чтобы не запутаться въ сѣтяхъ гражданскаго права. Наконецъ, наступило лѣто, можно отдохнуть; его такъ и тянетъ въ свою усадьбу, въ Тускулъ, въ Анцій, въ Артинъ, „къ тихой своей колыбели, въ тѣнистыя горы родныя“; но и тутъ покоя нѣтъ: управляющій въ счетахъ напуталъ, вѣроятно желая скрыть одну изъ своихъ продѣлокъ, которую и нужно разоблачить; водопроводъ не дѣйствуетъ; архитекторъ въ новомъ перистилѣ колонны не такъ поставилъ, нужно ихъ снести и возвести новыя; сосѣдъ-помѣщикъ, оставшійся въ Римѣ, просилъ присмотрѣть за работами въ его имѣніи и подтянуть подрядчика, который, пользуясь отсутствіемъ хозяина, еще болѣе разлѣнился, чѣмъ обыкновенно. А книги, тѣмъ временемъ, въ прекрасно обставленной библіотекѣ, все ждутъ да ждутъ. Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ у нашего римлянина подчасъ исторгается душевный вопль:—ахъ, бросить бы всѣ эти дрязги, большія и малыя, отдаться бы всѣмъ своимъ существомъ наукѣ! Но неудивительно также и то, что эти вопли выражали собой только минутное настроеніе утомленной и жаждущей отдыха души, а не ея серьезное рѣшеніе. Дѣйствительно, и въ этомъ мы вправѣ усмотрѣть *третье* положеніе античной гуманности въ интеллектуальной сферѣ—потребностью этой души было *равновѣсіе теоретическихъ и практическихъ интересовъ.*

Удивляться этому, повторяю, нечего—это прямой, логическій выводъ изъ центральной идеи античной гуманности, о которой рѣчь была много разъ. Нѣтъ также надобности распространяться о томъ, насколько такое отношеніе къ дѣлу должно было способствовать дѣльности и зрѣлости ученаго, какъ человѣка. Зато зарождается другого рода вопросъ: было ли при этихъ условіяхъ возможно серьезное и плодотворное занятіе наукой, а если и было въ тѣ времена,—что̀ можно легко доказать ссылкой, напр. на Варрона,—то возможно ли оно теперь? Не могу не привести по этому поводу слѣдующаго замѣчанія извѣстнаго историка матеріализма Ф. А. Ланге: „Намъ, нѣмцамъ, привыкшимъ, благодаря невольной ассоціаціи идей, представлять себѣ подъ философомъ профессора, съ приподнятымъ указательнымъ пальцемъ сидящаго на своей каѳедрѣ,—должно показаться страннымъ, что среди англійскихъ философовъ было столько государственныхъ людей,

и, что̀ едва-ли не болѣе еще замѣчательно, что въ Англіи государственные люди бываютъ иногда философами". Что обѣ эпохи возрожденія классической древности и *это* сѣмя античной гуманности взошло вмѣстѣ съ другими,—достаточно хорошо извѣстно; поставленный флорентійцами Микель-Анджело памятникъ имѣетъ надпись: „Художнику и гражданину", и Гёте былъ не только творцомъ „Фауста" и авторомъ „метаморфозы растенія", но и первымъ министромъ своего государя. Но вообще и это требованіе античной гуманности можетъ быть принято съ тою же оговоркой, какъ и требованіе универсализма внутри области науки: пускай равновѣсіе теоретической и практической жизни неосуществимо въ смыслѣ дѣятельности—но въ смыслѣ *интереса* оно осуществимо и должно быть осуществлено во избѣжаніе вредной для организма гипертрофіи умственной части человѣческаго естества.

VII.

Нашъ очеркъ преслѣдовалъ, главнымъ образомъ, историческую цѣль. „Воскрешеніе античнаго міросозерцанія" въ эпоху „Возрожденія"—въ XVIII вѣкѣ стало ходячей фразой; но для того, чтобы оно было болѣе чѣмъ фразой, необходимо знать, въ чемъ состояло это воскрешенное міросозерцаніе. Мнѣ думается, что это вопросъ важный не для однихъ только историковъ, но и для всѣхъ образованныхъ людей, поскольку они интересуются исторіей.

Отвѣтъ на него я попытался дать въ предъидущихъ главахъ; критика же и оцѣнка античной гуманности не входила въ предѣлы моей задачи. Но уже самый характеръ соприкасающихся съ областью нравственности вопросовъ таковъ, что о нихъ трудно говорить чисто повѣствовательнымъ тономъ—а если это кому и удается, то такое равнодушіе кажется читателю притворнымъ и скрывающимъ въ себѣ, смотря по обстоятельствамъ, симпатію или антипатію. Естествоиспытатель можетъ спокойно излагать условія воспламеняемости керосина, не опасаясь, что его спокойный тонъ будетъ принятъ за выраженіе сочувствія петролерамъ; историкъ, психологъ, моралистъ—этого преимущества лишены.

Поставимъ же прямо вопросъ объ оцѣнкѣ античной гуманности, какъ о системѣ практической этики. Замѣчу тутъ же —чтобы не осложнять задачи безъ нужды,—что эта оцѣнка можетъ быть дана независимо отъ нашего мнѣнія объ обѣихъ великихъ эпохахъ, въ которыхъ античная гуманность возродилась.

Пускай яблочное сѣмя содержитъ сколько угодно химикамъ синильной кислоты—наше мнѣніе о достоинствѣ плодовъ выросшей изъ него яблони отъ этого не пострадаетъ.

Имѣя въ своей основѣ индивидуализмъ, міросозерцаніе античной гуманности должно быть противопоставлено всѣмъ существующимъ и возможнымъ міросозерцаніямъ, лишеннымъ этого элемента. Тутъ сравнительная оцѣнка не можетъ быть сомнительна. Пусть мы находимъ въ рядахъ той или другой партіи—мы можемъ назвать ея членовъ традиціоналистами—массу симпатичнѣйшихъ людей, пусть ея массовая работа необходима, какъ прочный устой нашей и всякой другой культуры — все-таки останется въ силѣ фактъ, что индивидуализація, какъ разновидность общаго понятія дифференціаціи, составляетъ и условіе, и плодъ умственнаго и нравственнаго прогресса, и что, слѣдовательно, человѣкъ-личность, просто какъ антропологическій типъ, выше человѣка-массы, и индивидуалистическая мораль выше традиціоналистической.

Не такъ легко справиться съ другимъ различіемъ, которое мы встрѣчаемъ въ самомъ лагерѣ индивидуализма. Мы уже встрѣтились съ нимъ, говоря объ отношеніяхъ гражданина къ государству, о томъ, можетъ ли человѣкъ настолько отожествить себя съ гражданиномъ, чтобы добровольно отказаться отъ жизни, разъ соотвѣтствующее его убѣжденіямъ государство перестало существовать. Вопросъ о томъ, насколько спеціально Катонъ удовлетворялъ вообще требованіямъ античной гуманности, для насъ безразличенъ; мы можемъ представить себѣ человѣка, который, испытывая много радостей въ жизни, тѣмъ не менѣе жертвуетъ всѣмъ ради одной, излюбленной идеи и, по словамъ Ленау, „съ улыбкой смотритъ, какъ догораетъ послѣднее дерево его эдема“. Намъ припоминаются великодушныя и прямо великія личности, пожертвовавшія собою ради дружбы, любви, религіи, гражданственности, патріотизма, науки, искусства; ихъ мы называемъ „героями“. Итакъ, что̀ же мы отвѣтимъ? Какое міросозерцаніе стоитъ выше—героическое или гуманное?

Мы могли бы указать на то, что героизмъ имѣетъ оборотную сторону, называемую фанатизмомъ, между тѣмъ какъ оборотная сторона гуманности, понятой въ смыслѣ антропизма, даетъ гуманность же, понятую въ смыслѣ филантропіи; мы могли бы указать на вулканическую натуру героизма и противопоставить ей сравнительно спокойный, нептуническій характеръ гуманности. Но лучше будемъ откровеннѣе и сознаемся, что у насъ нѣтъ

убѣдительныхъ критеріевъ для того, чтобы произвести сравнительную оцѣнку обоимъ этимъ міросозерцаніямъ. Это не помѣшаетъ намъ отнестись съ полной симпатіей къ античной гуманности, хотя бы за то одно, что она дала нашему главному адепту возможность сказать про себя: „Какъ дѣятельный человѣкъ и какъ философъ, я всегда считалъ жизнь чѣмъ-то весьма прекраснымъ"!..

Ѳ. Зѣлинскій.

ОЖИДАНІЕ

Еще молитвеннаго зова
Въ колокола не прозвучало;
Но храмъ открытъ и все готово;
Ужъ близко всенощной начало.

Онъ наполняется народомъ;
Предъ образами ставятъ свѣчи;
И въ тишинѣ, подъ гулкимъ сводомъ,
Звучатъ шаги и говоръ рѣчи.

Но все смолкаетъ понемногу.
Стоятъ и ждутъ безмолвно люди;
И только вздохъ невольный къ Богу
Порою вырвется изъ груди...

О, еслибъ былъ я удостоенъ
Съ грядущей смертью тихой встрѣчи;
И таялъ, свѣтелъ и спокоенъ,
Какъ предъ иконой таютъ свѣчи;

И ждалъ конца, какъ ждемъ, что скоро
Наступитъ строгое мгновенье
Удара въ колоколъ собора,
Чтобъ началось богослуженье!

* * *

По городу бродя, зашелъ я въ садъ,
Чтобъ отдохнуть вблизи монастыря.
Предъ самымъ храмомъ сѣлъ я на скамью
И прислонился къ молодому клену.
Безоблачный, весенній, теплый вечеръ!
Вотъ всенощной служенье отошло.
Толпою пестрою, крестясь на церковь,
Уходятъ постепенно богомольцы.
Потомъ и нищіе, и съ кружкой старцы,
Просящіе на построенье храма—
Всѣ разошлись по разнымъ направленьямъ
И близъ меня нѣтъ больше никого.
Замолкнулъ говоръ; и теперь мнѣ слышно,
Какъ ласточки звенятъ съ высотъ воздушныхъ,
То свой полетъ игривый замедляя,
То съ быстротой стремительною мчась.
Изъ сада свѣтъ дневной уже уходитъ;
Но на стѣнѣ церковной все еще
Отчетливо могу я видѣть фрески;
А выше ярко солнцемъ заходящимъ
Озарены и главы, и кресты.
И, въ этотъ мигъ безмолвія въ саду,
Часы на монастырской колокольнѣ
Сперва прелюдію сыграли бѣгло,
Потомъ внушительно пробили восемь...
Спокойная и добрая картинка!
Какъ будто бы у ней своя есть цѣль—
Настроить человѣка благодушно.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Май, 1897.

БЕЗПОЧВЕННИКИ

— „Les Déracinés", rom., par Maurice Barrès. Par. 1897".

I.

Въ лицеѣ.

I.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1879 года, когда возобновились занятія въ лицеѣ города Нанси, на лекціи философіи господствовало сильное волненіе. Молодой профессоръ, Поль Бутелье́, былъ тамъ еще вновѣ, и его голосъ, складъ его рѣчи, всѣ его свойства вообще, далеко превосходили все, что̀ юноши-лицеисты могли себѣ представить самаго изящнаго, возвышеннаго. Вотъ уже съ мѣсяцъ, какъ они живутъ подъ живымъ впечатлѣніемъ его слова, его вліянія, и какое-то необычное броженіе происходитъ у нихъ въ умахъ. Какіе-то толки загораются въ классныхъ помѣщеніяхъ, на рекреаціонномъ дворѣ подъ навѣсомъ, въ столовой и даже въ дортуарѣ. Для того, чтобы дать себѣ право критиковать его коллегъ и всю администрацію лицея, учащіеся сравнивали ихъ съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ.

До сихъ поръ этимъ юношамъ давали только жевать да пережевывать кой-какія начальныя понятія; теперь же имъ преподаются мысли и убѣжденія современной имъ эпохи. Не тѣ убѣжденія, не тѣ мысли, которыя были хороши и новы, и убѣдительны для учащихся до-революціонной норы, но тѣ самыя, которыя и теперь еще въ ходу у насъ, въ современномъ француз-

скомъ обществѣ, въ нашихъ кружкахъ,—у насъ, такъ сказать, на улицѣ, и которыя дѣлаютъ изъ нашихъ современниковъ или героевъ, или безумцевъ.

Въ 1879 году, эти дѣти провинціи еще только рождались на свѣтъ: до той минуты они даже не понимали хорошенько, что̀ такое жизнь и смерть, и находились въ какомъ-то особомъ состояніи, съ которымъ еще не связаны мечты и разсужденія о своемъ *я*, и которое въ сущности равносильно какой-то *живой* смерти, если можно такъ назвать состояніе грудного ребенка на рукахъ у кормилицы.

Для того, чтобы уяснить себѣ, что̀ происходило въ 1879-1880 учебномъ году, когда нѣкоторые изъ умнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ людей нашего времени вышли изъ періода растительной жизни и приняли опредѣленныя формы, надо постараться ясно себѣ представить, что̀ такое былъ этотъ лицей,—это общество юношей, являющееся (какъ и всякая группа людей) благопріятной почвой для развитія умственныхъ явленій эпидемическаго характера и того особаго направленія, которое до могилы остается отличительной чертою большинства лицейскихъ баккалавровъ.

Французскому лицею аналогичны два учрежденія: монастырь и казармы. Какъ монахъ, такъ и солдатъ—типы вполнѣ опредѣленные. Французскій лицеистъ, въ свою очередь, также представляетъ собою совокупность извѣстныхъ добродѣтелей и недостатковъ, и также имѣетъ свое особое представленіе объ идеальномъ человѣкѣ.

Юношѣ, которому приходится подчинять жизнь свою дисциплинѣ, не знать ни минуты уединенія, ни привязанности безъ недовѣрія, и въ голову не придетъ сдѣлаться дѣйствующимъ элементомъ тѣхъ побудительныхъ причинъ, которыя ведутъ его къ удовлетворенію своихъ личныхъ стремленій. У него одна только забота, это — чтобы всѣ другіе были о немъ самаго выгоднаго мнѣнія. Чутко воспринимать впечатлѣнія красотъ природы и размышлять о тонкостяхъ нравственнаго чувства, — это ужъ дѣло юноши, воспитаннаго на лонѣ природы, когда ему минетъ лѣтъ семнадцать! Что̀ же касается лицеистовъ, то они вѣчно цѣпляются одинъ за другого, вѣчно мучаются тревогой, какъ бы ихъ не подняли на смѣхъ, и, благодаря этому, развиваютъ въ себѣ до чудовищныхъ размѣровъ, вслѣдствіе педагогической системы „мѣстничества“, одно единственное свойство—свое тщеславіе. Благодаря такому порядку вещей, они готовятъ себѣ въ будущемъ способность чувствовать зависть и испытывать чувство при-

ниженности, — способность, подобную которой не встрѣтишь ни въ какой другой странѣ; но въ то же время къ нимъ прививается способность претерпѣть все на свѣтѣ, лишь бы имѣть поводъ отличиться, выдвинуться передъ другими.

Но зато есть у нихъ и свое достоинство, которое, пожалуй, можетъ вознаградить ихъ за этотъ недостатокъ: это—духъ товарищества. Того, кто удостоенъ отличія за стихосложеніе, или за конкурсный экзаменъ, или кто—главное—добрый товарищъ, лицеисты называютъ на своемъ жаргонѣ „chic-type". А быть добрымъ товарищемъ (съ ихъ тòчки зрѣнія)—это значитъ, прежде всего,—не подчиняться дисциплинѣ. И въ самомъ дѣлѣ, трудно не чувствовать къ ней нерасположенія; даже тѣ, которые призваны примѣнять ее, сами за нее краснѣютъ. И лицейскій цензоръ, и провизоръ, которые кичатся своей властью и величіемъ передъ младшими классами, ощущаютъ нѣкоторую неловкость передъ „философами" и кандидатами въ высшія правительственныя „училища" (Ecoles). Воспитатели („пѣшки", какъ ихъ называютъ), которые въ дни отпуска сталкиваются со своими бывшими воспитанниками въ ресторанѣ или въ какихъ-нибудь другихъ веселыхъ мѣстахъ, уже предчувствуютъ, какое разстояніе можетъ въ будущемъ ихъ раздѣлить, и стремятся стать съ учениками скорѣе на товарищескую, нежели на начальническую ногу,—стараются держать себя какъ товарищи, которые недовольны выпавшей на ихъ долю обязанностью.

Итакъ, вотъ чтò создаетъ пребываніе въ интернатѣ: совокупность людей, которые возмущаются противъ его правилъ и законовъ, солидарность рабски-подчиненныхъ лицъ, которыя хитрятъ, лукавятъ и ведутъ борьбу, а не людей свободныхъ, воспитанныхъ по извѣстнымъ правиламъ. Чувство чести и собственнаго достоинства проявляется у нихъ въ стремленіи слиться воедино въ презрѣніи къ дисциплинѣ. Сверхъ того, эти юноши погружены въ самое полное невѣдѣніе жизни и ея реальныхъ сторонъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какое представленіе могли бы они получить о самомъ человѣчествѣ, о людяхъ вообще?.. Они теряютъ изъ вида своихъ согражданъ-земляковъ и всю свою родню; они отвыкаютъ видѣть въ отцѣ и въ матери людей непогрѣшимыхъ, или хоть, по крайней мѣрѣ, своего рода помощь, которая могла бы поддержать силу и привлекательность родственныхъ узъ. Женщины въ ихъ глазахъ отнюдь не люди, живущіе полной жизнью: это просто существа женскаго пола, и въ ихъ присутствіи „лицеистъ" неспособенъ думать ни о чемъ, кромѣ тѣхъ способовъ

прельщать красавицъ, въ которыхъ изощрялись юные французы XVIII-го вѣка, и которые имъ, лицеистамъ, недоступны, благодаря ихъ замкнутой жизни. Во время ихъ прогулокъ, по воскресеньямъ и по четвергамъ, главное развлеченіе „лицеистовъ“ состоитъ въ томъ, чтобы производить оцѣнку женщинамъ, которыхъ они встрѣчаютъ на улицѣ, и они судятъ о нихъ скорѣе строго, нежели снисходительно. При первомъ же увлеченіи они способны вмѣнить себѣ въ обязанность отвѣчать на любовь каждой, хотя бы она и не особенно была имъ по вкусу. Этотъ пріемъ такъ же плохо подготовляетъ къ страсти, какъ, напримѣръ, къ развитію дружбы между молодыми англичанами и англичанками подготовляетъ любимая ихъ игра „lawn tennis“. Но главное, что̀ уменьшаетъ цѣну лицеистамъ, это—что они не посѣщаютъ стариковъ. Привязанность къ юношѣ человѣка уже пожилого имѣетъ въ себѣ нѣчто трогательное и даже вполнѣ естественное, и сверхъ того приноситъ юношѣ большую пользу. Ребенокъ лѣтъ двѣнадцати понимаетъ, насколько онъ долженъ уступать старику, и уважаетъ въ немъ жизненную опытность. Онъ самъ старается внушить къ себѣ уваженіе, и мирится съ предчувствіемъ, на чисто нравственной и поэтической подкладкѣ, что и они сами также будутъ стариками.

Разлученные съ группой людей, среди которыхъ они родились, и воспитанные единственно на системѣ соревнованія, юноши-лицеисты получаютъ самое ничтожное, самое превратное понятіе о томъ, что̀ такое жизнь, ея условія и ея цѣль. Ходячей истиной сдѣлалось въ лицеѣ города Нанси предположеніе, что человѣкъ, сильный физически, какъ учитель гимнастики, полиглотъ, какъ учители языковъ нѣмецкаго и англійскаго языка, и латинистъ, какъ докторъ юридическихъ наукъ,—несомнѣнно покорятъ весь міръ. Они и не подозрѣвали, что есть на свѣтѣ такая твердость нравственныхъ началъ, то-есть характеръ, который внушаетъ къ себѣ уваженіе, или, наконецъ, что есть такія обстоятельства, которыя подавляютъ развитіе самыхъ блестящихъ задатковъ. Они были убѣждены, что къ ногамъ такого чуда свѣта сами притекутъ всякія сокровища. Питомцы лицея, которымъ прислуживаютъ неопрятные въ одеждѣ, но пунктуальные служителя, еще не знаютъ, что̀ такое работа изъ-за хлѣба насущнаго, и, получивъ степень баккалавра, они будутъ удивляться, что имъ, можетъ быть, придется самимъ чистить себѣ сапоги.

Таковъ вкратцѣ духъ французскаго интерната, которому даже экстерны плохо сопротивляются. Каждый изъ приходящихъ развивается въ своей особой семейной обстановкѣ, и они не имѣютъ,

такимъ образомъ, сплоченной силы, которая могла бы противиться обычнымъ и безспорно установившимся понятіямъ, составляющимъ за порогомъ лицея, такъ сказать, атмосферу, въ которой вращаются „старшіе", „средніе" и младшіе" питомцы лицея.

На курсѣ философіи, правда, было человѣкъ десять выдающихся учениковъ, то-есть, такихъ, у которыхъ впечатлѣнія принимали индивидуальную форму. Они особенно одарены способностью къ воспринятію какъ добрыхъ, такъ и дурныхъ общественныхъ началъ, и стоятъ головою выше своихъ современниковъ; они же станутъ послѣ и во главѣ другихъ, тогда какъ остальные сольются съ большинствомъ, которое отмѣчено лицейскимъ режимомъ. Но даже и у этихъ ограниченныхъ людей являются менѣе грубыя черты въ томъ возрастѣ, когда чувство любви овладѣваетъ всѣмъ ихъ существомъ; это—одинъ изъ періодовъ человѣческаго существованія, когда большинство мужчинъ переживаетъ совершенно безкорыстное волненіе; случается, что человѣкъ, преданный интригамъ и зависти, въ семнадцать лѣтъ испытывалъ болѣе возвышенныя чувства. А на курсѣ философіи, о которомъ идетъ рѣчь, уже и то можно поставить въ заслугу каждому самому дрянному изъ школьниковъ, что онъ былъ способенъ восхищаться профессоромъ Бутелье́.

II.

На первой же лекціи молодой профессоръ взошелъ на каѳедру, и до тѣхъ поръ просматривалъ какую-то книгу, пока не счелъ истекшее время достаточнымъ для того, чтобы каждый изъ учащихся усѣлся на своемъ мѣстѣ, и тогда только поднялъ глаза. Водворилось полнѣйшее молчаніе,—и съ этой минуты не осталось сомнѣній, что профессоръ Бутелье́ принадлежитъ къ числу людей, которые выходятъ побѣдителями изъ всякаго рода обстоятельствъ.

Цвѣтъ лица у него былъ матовый, поблекшій, какъ это бываетъ у людей, живущихъ взаперти; размышленія и умственный трудъ кладутъ на такое лицо отпечатокъ серьезности. Взглядъ его не былъ ни разсѣянъ, ни тупъ, но бо́льшей частью опущенъ; если же онъ смотрѣлъ прямо въ лицо ученику, то наказаніе тогда являлось излишнимъ. Онъ имѣлъ вѣсъ въ глазахъ лицеистовъ, и сверхъ того съумѣлъ вызвать въ нихъ чувство собственнаго достоинства.

Онъ началъ говорить, и прежде всего указалъ на то, какую

большую отвѣтственность взялъ онъ на себя, явившись къ нимъ съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ людей и французскихъ гражданъ. Но и у нихъ вѣдь есть свои обязанности—развивать въ себѣ чувства патріотизма и солидарности... Нѣкоторые изъ учениковъ записывали для себя его слова, но онъ попросилъ этого не дѣлать.

— Это не входитъ въ составъ нашего курса, — замѣтилъ онъ:—объ этомъ не будутъ спрашивать у васъ на экзаменѣ; но это для васъ нужнѣе всякаго диплома. Необходимо, чтобы вы подумали о томъ, какія узы связываютъ насъ, для того, чтобъ вы яснѣе сознали свое собственное достоинство...

При этихъ словахъ, одинъ изъ воспитанниковъ, Альфредъ Ренодéнъ, засмѣялся: ему и въ голову никогда не приходило, чтобы у него, у лицеиста, могло быть чувство собственнаго достоинства.

Профессоръ тотчасъ же умолкъ, и на лицѣ его отразилось такое непоколебимое рѣшеніе, что изо всего класса ни одна душа не посмѣла даже оглянуться на провинившагося. Затѣмъ, послѣ долгаго молчанія:

— Господа!—прибавилъ онъ.—Я никогда не буду примѣнять къ вамъ никакого рода наказаній, потому что считаю это недостойнымъ учителя и учениковъ; но тѣ изъ васъ, которые нарушатъ порядокъ, необходимый для насъ по праву, должны будутъ выйти изъ класса. Итакъ, пусть выйдетъ тотъ, который велъ себя непристойно!

На этотъ разъ (неслыханный позоръ!) сочувствіе лицеистовъ оказалось не на сторонѣ ихъ товарища—Ренодена. Съ тѣхъ поръ Ракадò и Мушфрѐнъ, друзья и сосѣди его, позволяли себѣ шалить и развлекаться только за уроками исторіи и географіи, живыхъ языковъ и прочихъ наукъ. Къ концу недѣли произошло еще одно обстоятельство, не менѣе знаменательное, чѣмъ вышеназванное. Каждую субботу провизоръ, въ сопровожденіи цензора лицея, являлся читать воспитанникамъ вслухъ отмѣтки. Ученики замѣтили, что Бутелье́ дѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ этихъ членовъ административнаго управленія; значитъ, онъ презираетъ ихъ. И этимъ онъ привелъ въ восторгъ возмущенныхъ юношей и въ ихъ глазахъ показался имъ старшимъ братомъ,—сочувствующимъ и всемогущимъ. Его обхожденіе они подвели подъ одну категорію съ поступкомъ профессора высшей математики, который имѣлъ смѣлость ногой захлопнуть дверь, которую цензоръ оставилъ открытой. Общее мнѣніе привѣтствовало ихъ независимое обхожденіе.

Юноши говорили межъ собой во время перемѣны:

— Что̀ такое провизоръ? Простой полицейскій!

Молодой профессоръ могъ теперь читать имъ что̀ угодно объ уваженіи къ законамъ, къ общественнымъ порядкамъ. Онъ самъ, во имя своего личнаго превосходства, выказалъ презрѣніе къ лицу, которое выше его стояло въ учебной іерархіи.

Между тѣмъ, цензоръ и провизоръ тоже совѣщались:

— Его манеры подтверждаютъ мои справки. У него есть протекція,—говорилъ провизоръ.

— А! Кто же именно?

— Быть можетъ, самъ Гамбетта,—понизивъ голосъ, отвѣчалъ провизоръ.

Въ глазахъ бѣдныхъ дѣтей, простыхъ и грубоватыхъ, привыкшихъ трепетать передъ своими учителями, которыхъ только самые бойкіе юноши имѣли смѣлость презирать, — преподаватель философіи, Бутелье́, занялъ мѣсто юнаго бога „умственнаго развитія“. Ихъ пламенное чувство, не имѣвшее примѣненія, покрыло его значительною славой. Конечно, Морисъ Ремерспахе́ръ, Анри Галланъ-де-Сенъ-Фленъ, Франсуа Стюрель, Жоржъ Сюре-Лефоръ, Альфредъ Реноде́нъ, Оноре́ Ракадо̀, и Эмиль Мушфренъ, показались бы очень отсталыми, сравнительно съ „философами“ Парижа. Хотя въ нихъ и таится энергія взрослаго мужчины, но въ рѣчахъ и движеніяхъ своихъ они еще сущія дѣти. Развитіе въ провинціи идетъ замедленными шагами; потому-то и юноши провинціалы, благодаря наивности своей, вообще любознательнѣе юношей-горожанъ, которые слабы здоровьемъ и растратили свою любознательность на воскресныя развлеченія и удовольствія.

Юные дикари-провинціалы, тѣснясь другъ къ другу на своихъ скамейкахъ, сначала довольно недовѣрчиво слѣдили за новымъ преподавателемъ, за его малѣйшимъ движеніемъ и приручались понемногу. Ихъ восхищала въ немъ даже его безукоризненная опрятность,—и такъ какъ юношеству свойственно обезьянить, то и лицеисты города Нанси перестали душиться, потому что Поль Бутелье́ вовсе не употреблялъ духовъ и не нуждался въ нихъ для того, чтобы нравиться. Въ умѣ своемъ, они соединяли представленіе о немъ со всѣмъ, что̀ имъ казалось самымъ современнымъ.

Инстинктивно они считали славой и символомъ могущества ихъ родины самое имя народника и республиканца — Виктора Гюго. Старики-преподаватели младшихъ классовъ отказывали ему въ талантѣ, и только въ „реторикѣ“ еще допускали красоты

нѣкоторыхъ его произведеній. Всѣ эти несправедливости раздражали и возмущали лицеистовъ 1879-го года.

Но вотъ, въ одинъ прекрасный день, Бутельè принесъ и прочелъ имъ вслухъ „Гимнъ Землѣ", давая къ нему объясненія какимъ-то особеннымъ, благоговѣйнымъ тономъ; и это открыло юношамъ, еще не посвященнымъ, тайныя красоты поэтической тоски.

Безподобный сырой матеріалъ представляли собою эти будущіе мужчины, которые жадно и довѣрчиво вслушивались въ его слова. Даже самыми безразличными своими поступками Бутельé вліялъ на ихъ грядущее развитіе. Его слава росла; нѣкоторые изъ родителей, которые, впрочемъ, не подозрѣвали, что онъ пересоздавалъ и отнималъ у нихъ дѣтей, пожелали познакомиться съ нимъ, но онъ своей холодностью отклонилъ всякія къ этому попытки: онъ требовалъ, чтобъ каждой минутой его времени дорожили. Такъ, напримѣръ, когда бабушка де-Сенъ-Флена пожелала поговорить съ молодымъ профессоромъ, тотъ пригласилъ ее къ себѣ, въ неубранную комнату, и принялъ ее стоя передъ ней въ халатѣ. На этотъ разъ грубость обхожденія была съ его стороны предумышленная и стòила не мало насмѣшекъ внуку почтенной старушки, юношѣ живому, по небрежности безпечному къ самому себѣ и лишенному всякаго лукавства; бабушка отказалась впредь сочувствовать его восторженному поклоненію профессору Бутельé, а шутки товарищей его унижали. Отъ природы привѣтливый и нѣжный, но страдавшій слабостью нервовъ, онъ искалъ въ другихъ ласки, сочувствія. До поступленія своего въ лицей, онъ жилъ дома, въ богатомъ помѣстьѣ, и занимался одинъ съ домашнимъ учителемъ; жизнь въ семьѣ, понятно, сдѣлала то, что, по истеченіи полуторагодового пребыванія въ лицеѣ, Галланъ де-Сенъ-Флёнъ былъ все еще новичкомъ въ средѣ товарищей. Реальныя стороны жизни для него сосредоточивались по прежнему въ его семейной жизни, въ его любви къ природѣ. Въ своемъ неумѣньѣ приноровиться къ правиламъ лицейской дисциплины онъ нерѣдко забавлялъ товарищей своими выходками. Такъ напримѣръ, когда Бутельé, окончивъ „Гимнъ Землѣ", замѣтилъ:

— Мнѣ чрезвычайно пріятно познакомить васъ съ однимъ изъ самыхъ глубокихъ произведеній поэта-философа!

Сенъ-Фленъ подхватилъ поспѣшно:

— Я уже съ нимъ знакомъ; но съ удовольствіемъ прослушалъ его еще разъ. Это астрономическія и доисторическія кар-

тины. Въ деревнѣ мнѣ были, впрочемъ, понятнѣе нѣкоторыя другія его произведенія.

Такія разсужденія, въ которыхъ чувствуется вліяніе образованной, но недалекой по духовному развитію личности, хотя и могли бы показаться интересны, но не нравились Бутелье́, потому что возбуждали веселость его юныхъ слушателей и тѣмъ ослабляли впечатлѣніе его собственнаго слова; да онъ и вообще недолюбливалъ Сенъ-Флена. Воспитанники, собравшіеся въ лицей со всѣхъ концовъ провинціи, питали въ сильной степени горячее чувство равенства, развитое во французскомъ крестьянинѣ. И потому они живо постигли причину, по которой Бутелье́ непріязненно относился къ ихъ товарищу, и грубо обошелся съ его бабушкой: и онъ, и его бабушка, были врагами республики! Какъ только слухъ этотъ облетѣлъ весь лицей, слава его еще болѣе распространилась.

Французское министерство народнаго просвѣщенія—могучее орудіе въ рукахъ правительства: въ былое время оно внушало подданнымъ преданность Бонапартамъ; позже, въ 1879—1880 годахъ, оно же учило ихъ понимать славу и мощь республики. Во всякое время обязанность его была служить французамъ для превозношенія установленнаго порядка государственнаго управленія.

Въ лицеяхъ—настроеніе республиканское; въ духовныхъ училищахъ оно исключительно клерикальное и противодѣйствующее. И Жоржъ Сюре-Лефоръ, поступившій въ лицей изъ гимназіи духовнаго вѣдомства, не любилъ республики. Его самолюбіе было задѣто кичливостью дѣтей-лицеистовъ, которыя были богаче и выше его по общественному положенію. Онъ гордился своимъ воспитаніемъ и порицалъ республиканское. Съ изумительнымъ искусствомъ этотъ юноша умѣлъ распредѣлить свое время и успѣвалъ ежедневно прочесть кое-что изъ „Историческаго Словаря“ Булье́, такъ что могъ пересказать біографіи нѣкоторыхъ изъ знаменитѣйшихъ представителей Первой имперіи. Изъ числа же республиканцевъ только знаменитые революціонеры восхищали его романическое воображеніе; но ихъ вереница пресѣклась и исчезла,—думалъ онъ. Однако, когда Поль Бутелье́, у него на глазахъ, выразилъ свою готовность служить республикѣ, антипатіи юноши къ этому государственному строю исчезли.

— Только вотъ бѣда, что такихъ, какъ онъ, у насъ немного!—объявилъ онъ товарищамъ.

Итакъ, Бутелье́ воплощалъ въ себѣ два главнѣйшихъ образа, которые витали надъ Франціей въ то время: Виктора Гюго и

республику. Онъ вкратцѣ пробѣжалъ съ лицеистами установленный курсъ философіи, но особенно остановился на подробномъ разборѣ исторіи философіи. Онъ стремился поднять этихъ восторженныхъ юношей выше страстей ихъ времени, пробудить въ нихъ сознательность и человѣчность. Въ ихъ глазахъ онъ дѣйствительно являлся олицетвореніемъ современнаго духа народа, когда говорилъ о его представителяхъ—Гюго или Гамбеттѣ; онъ прямо мѣтилъ прослыть демократомъ, который гордится своими плебейскими свойствами. Когда онъ диктовалъ имъ и вдругъ останавливалъ, требуя, чтобы они все вниманіе свое сосредоточили на его словахъ, имъ казалось, что сама вселенная гласитъ его устами: люди ввѣряютъ ей свои грезы; она имъ открываетъ свои правила, свои законы. Замѣчательно, что молодые люди, начиная съ 1870-го года, занимаются философскими науками отлично, а реторикой—только посредственно. Когда Бутелье началъ имъ объяснять древнихъ іонійскихъ мыслителей, когда онъ указалъ имъ на близость основъ ученія о переселеніи душъ, ради очищенія ихъ отъ грѣха, къ современнымъ теоріямъ перерожденія въ природѣ и къ міровымъ законамъ, на совпаденіе теорій, которыя преподавались въ философскихъ школахъ древней Греціи съ философскими воззрѣніями, которыя преподаются намъ въ академіяхъ парижской и берлинской,—все это привело юношей въ упоеніе, близкое къ содроганію. Нѣтъ для нихъ больше тѣсныхъ классовъ, нѣтъ рекреаціонныхъ залъ;—есть только безконечно широкіе, подвижные и внезапно открывшіеся горизонты! Но эти горизонты видоизмѣнялись каждую недѣлю, смотря по точкѣ зрѣнія того философа, о которомъ приходилось профессору толковать своимъ усерднымъ слушателямъ; и они совершенно терялись среди множества разнообразныхъ, великихъ и взаимно противорѣчащихъ философскихъ истинъ... Профессоръ, однако, поспѣшилъ ихъ успокоить: онъ опредѣлилъ и представилъ имъ истину въ томъ видѣ, въ какомъ она ему самому представлялась по Канту,—его великому учителю.

— Весь міръ,—говорилъ онъ,—не чтò иное, какъ воскъ, которому нашъ умъ, какъ печать, придаетъ свой отпечатокъ. Нашъ умъ видитъ вселенную въ подраздѣленіяхъ, которыя зависятъ отъ пространства, отъ времени, отъ причины; но мы не имѣемъ возможности провѣрить, соотвѣтствуютъ ли дѣйствительно эти категоріи чему-либо осязаемому, реальному...

Морисъ Ремерспахéръ послѣ того написалъ отцу своему такое неутѣшительное письмо о границахъ сознанія, что тотъ, перечитывая его однажды своему другу, замѣтилъ, пожимая плечами:

— Если я самъ сдѣлалъ его такимъ, я долженъ съ этимъ помириться; но мнѣ кажется, что и его, и меня, насъ обоихъ передѣлали.

Ихъ состояніе, однако, ничуть не походило на тревоги Жуфруа или Ренана,—имъ просто приходилось еще въ юныхъ лѣтахъ перейти отъ понятій сознательныхъ и положительныхъ къ отрицательнымъ, благодаря краснорѣчію молодого профессора. Въ тѣ годы, когда было бы хорошо и полезно для юношей принять самыя простыя и ясныя правила для своихъ поступковъ, онъ ихъ опьянялъ опасными и сильными ядовитыми ароматами. Слишкомъ сильная доза вызвала въ нихъ отчаянную увѣренность въ себѣ, но Бутелье надѣялся, что послѣ экскурсіи въ область абсолютнаго скептицизма, онъ воззваніемъ къ ихъ сердечнымъ чувствамъ возстановить въ средѣ учениковъ своихъ извѣстную степень нравственности и твердыхъ убѣжденій... Напрасныя надежды. Они больше ужъ не слѣдили за его мыслью! Ихъ мысли уже получили вовсе не такое нравственное, возвышенное направленіе.

Въ дортуарѣ, лежа въ кровати, Франсуа Стюрель смотритъ въ окно на звѣздное небо, и не возвышенныя, а грѣшныя, честолюбивыя чувства загораются у него въ душѣ. Зная изъ біографіи Наполеона, что у знаменитыхъ людей есть у каждаго своя звѣзда, юноша проливалъ слезы надъ вопросомъ, съ которымъ онъ обращался къ небесному свѣтилу всей своей смятенною душой:

— Найду ли я, достигну ли своей жизненной цѣли?—Но не этими словами выражалъ онъ свою мысль, онъ вопрошалъ звѣзды:

— Буду ли я когда такимъ же геніемъ, какъ Бутелье?

III.

Въ лицеѣ Нанси была библіотека, подраздѣлявшаяся, согласно возрасту лицеистовъ, на три части. Въ ней были, однако, небольшія „книжонки“ такихъ, напримѣръ, философовъ, какъ Руссо, которыми воспитанники зачитывались въ самыхъ неподходящихъ для чтенія мѣстахъ, при свѣтѣ газа. Сельскій просторъ, открытый горизонтъ, чистый воздухъ дали бы ихъ мыслямъ болѣе ровное, болѣе нравственное направленіе; но въ тѣснотѣ своихъ лицейскихъ келій юноши рвутся воображеніемъ впередъ, томятся безъисходною тоской, которая является могучимъ подспорьемъ въ дѣлѣ возбужденія,—а именно это взялъ на себя Бутелье. Впро-

чемъ, онъ несомнѣнно самъ бы удивился, еслибъ могъ констатировать продолжительность вліянія его слова на умственный складъ своихъ юныхъ слушателей. Это, конечно, самая любопытная сторона поведенія профессора Бутелье́: онъ широкимъ взмахомъ бросаетъ сѣмена на почву, и совершенно не знаетъ, что̀ съ ними сталось? Для того, чтобы онъ могъ это предугадать, ему надо было бы изучить сначала эту самую почву, но къ этого рода занятію онъ относится съ пренебреженіемъ. Онъ даже самъ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что если онъ достигъ извѣстной высоты культуры и избѣжалъ узкости взглядовъ, то это уже само по себѣ является въ воспитателѣ юношества значительною силой, которая налагаетъ на него обязанность уяснить себѣ условія жизни своихъ учениковъ, которые, конечно, различны въ различной же средѣ. И прежде чѣмъ приступить къ изученію ихъ личныхъ семейныхъ условій, развѣ онъ не долженъ ознакомиться съ общимъ характеромъ ихъ родины? Иначе онъ рискуетъ дать имъ пищу, которую они не совсѣмъ переварятъ. Развѣ для ихъ собственной пользы и для общественнаго блага не является необходимымъ узнать и сгладить ихъ достоинства и недостатки, а узнавъ—воспитать и развивать юношей согласно подходящему къ нимъ методу развитія?

Вотъ это-то и отрицаетъ Бутелье́.

Ему хотѣлось употребить съ пользою свое временное пребываніе въ Нанси, и, съ цѣлью опредѣлить учебный округъ Мёрты-и-Мозели, онъ собралъ многочисленныя свѣдѣнія о своихъ юныхъ ученикахъ. Но воспитатель вѣдь не пощадитъ въ нихъ тѣ личныя свойства, которыя политическій дѣятель стремится изгладить? И, наконецъ, чего ему стѣсняться, этому человѣку, оторванному отъ родной среды, не имѣющему ни почвы подъ собой, ни общества, ни (какъ онъ думаетъ) предразсудковъ? Чего ему стѣсняться въ своемъ стремленіи въ будущемъ сдѣлать изъ этихъ дѣтей безпочвенниковъ, оторвать ихъ отъ родной земли, вырвать изъ общественной среды, гдѣ все приковываетъ, все сплочиваетъ ихъ, вырвать для того только, чтобы вывести ихъ за предѣлы предразсудковъ въ среду отвлеченной мысли?

Поль Бутелье́ былъ сынъ ремесленника города Лилля; восьмилѣтнимъ ребенкомъ онъ обратилъ на себя вниманіе и получилъ стипендію въ нормальной школѣ, изъ которой и вышелъ первымъ. Воспитанный внѣ родной среды, вдали отъ которой онъ проводилъ въ школѣ даже всѣ отпуски и каникулы, онъ выросъ сиротою и былъ вынужденъ самъ выработать себѣ характеръ и воззрѣнія, которыя предварительно самъ же взвѣши-

валъ и обсуждалъ. Поэтому онъ, и не смущаясь, допускаетъ предположеніе, что жизнь каждаго зависитъ отъ умѣнья ею управлять, и что это-то умѣнье и ставитъ каждому въ обязанность имѣть цѣль и занятіе. Почему бы ему не воспользоваться для воспитанія другихъ тѣми же принципами, на которыхъ онъ самъ себя воспиталъ? Впрочемъ, какъ бы ни хотѣлось властвовать этому человѣку, воспитанному внѣ условій своей родной среды, онъ все же обращаетъ усердное вниманіе на то, чтобы строго исполнять обязанности службы, возложенныя на него правительствомъ. Онъ своего рода унтеръ-офицеръ, обучающій рекрутовъ теоріямъ, установленнымъ въ высшихъ сферахъ; и аккуратнѣйшимъ образомъ онъ раздаетъ имъ старыя тетрадки, записанныя имъ восемь лѣтъ тому назадъ; изъ нихъ же онъ диктовалъ своимъ ученикамъ въ Ниццѣ и въ Брестѣ, какъ диктуетъ теперь въ Нанси. И въ то время, какъ эти старыя тетради, въ видѣ горячихъ рѣчей профессора, открываютъ обаятельныя, новыя истины его новымъ слушателямъ, онъ самъ, слушая себя, смягчаетъ голосъ, пробуетъ эффекты тихихъ вступительныхъ словъ, которыя заставляютъ публику насторожиться; онъ ищетъ и находитъ удачныя позы и интонаціи, полныя трогательныхъ правдивыхъ порывовъ, которые наиболѣе подходятъ къ характеру его дарованій.

Словомъ, Бутелье мало-по-малу пріобрѣтаетъ власть, перерождая души мальчиковъ-провинціаловъ и въ то же время готовитъ имъ болѣе широкое поле дѣятельности. Онъ смотритъ на своихъ учениковъ, но видитъ за ними, вдали,—Гамбетту. На ихъ ничтожныхъ сочиненіяхъ онъ дѣлалъ помѣтки, которыя служили впослѣдствіи этому знаменитому оратору въ преніяхъ палаты по вопросу народнаго образованія. Охваченный неутомимой жаждой знать все, что̀ творится во Франціи, Гамбетта желалъ бы знать каждаго изъ французовъ въ отдѣльности. Бутелье́ доставлялъ ему свѣдѣнія объ учебномъ округѣ Мёрты-и-Мозели, и эти свѣдѣнія повлекли за собою многочисленныя перемѣщенія и увольненія изъ числа учебнаго персонала. Это дѣлалось, конечно, негласно; тѣмъ не менѣе, никакія старанія, напримѣръ, не могли спасти старика-сторожа Фанфурно, на увольненіе котораго повліялъ Бутелье́, за его преданность бонапартизму: сынъ сторожа, мальчикъ слабенькій и нервный, такимъ образомъ лишился своей стипендіи въ лицеѣ, и даже у „мелюзги“, которая въ холодной зимній вечеръ прощалась съ товарищемъ своимъ Луи, были слезы на глазахъ.

Подозрѣніе пало на Бутелье. Его сослуживцы втихомолку

осуждали его; ученики считали, что онъ за это неотвѣтственъ,— это было исполненіе долга и его неумолимыхъ требованій. Но эта роль доносчика не ложилась ему тяжело на совѣсть: она опиралась всецѣло на правила нравственности, которыя онъ выработалъ во время своихъ размышленій въ тиши кабинета, и которыя никогда не подвергалъ обсужденію. Въ бытность профессора еще школьникомъ, одинъ изъ его товарищей стащилъ часы и былъ уличенъ въ воровствѣ; но такъ какъ онъ плакалъ и умолялъ о прощеніи, то пострадавшій простилъ ему его вину. Тогда Поль Бутелье́ торжественно принесъ жалобу на это провизору и потребовалъ исключенія виновнаго. Онъ успокаивался на принципѣ Канта:

— „Я всегда долженъ поступать такъ, чтобы имѣть возможность желать, чтобы мои поступки служили правиломъ для всего міра“.

И эти сухія разсужденія сослужили службу Бутелье́. Благодаря ли его энергичнымъ трудамъ, или ихъ добросовѣстному исполненію, а только онъ заслужилъ вниманіе и уваженіе Гамбетты, который повсюду набиралъ себѣ сотрудниковъ...

IV.

Въ одинъ прекрасный день, въ маѣ мѣсяцѣ, молодой профессоръ взошелъ на каѳедру еще серьезнѣе, еще блѣднѣе, чѣмъ обыкновенно, и учениковъ его охватило жуткое предчувствіе бѣды.

— Господа!—началъ онъ:—мнѣ только-что пришлось пережить одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ кризисовъ, какіе мнѣ приходилось испытывать, начиная съ 1871 года, когда понятія о нравственности, о любви и обязанности къ отечеству были затуманены, какъ и понятіе о человѣколюбіи. Сегодня, въ ночь, мнѣ приходилось избрать одно изъ двухъ. Республиканское правительство призываетъ меня въ Парижъ, въ одинъ изъ его лицеевъ. Вотъ въ чемъ вопросъ: долженъ ли я согласиться? Долженъ ли оставить тѣхъ, къ которымъ привязался, и которымъ могу еще быть полезенъ? Мнѣ нечего васъ убѣждать, что мысль о повышеніи ни при чемъ въ моихъ внутреннихъ сомнѣніяхъ. Тому, который вотъ уже сколько мѣсяцевъ идетъ, какъ добрый товарищъ, рука объ руку съ вашей мыслью, вы отдадите, конечно, справедливость, что онъ стремится только туда, гдѣ можетъ принести наибольшую долю пользы. Но, при данныхъ условіяхъ, могу ли я самъ быть судьей той пользы, которую при-

ношу? И если правительству угодно располагать моими силами, моимъ умѣньемъ, развѣ я не обязанъ преклоняться передъ его волей? Возраженія, которыя я могъ бы сдѣлать, пожалуй, помимо моей воли, опирались бы на то удовольствіе, на ту отраду, которую, я вижу, вы ощущаете. Ну, да! самое трудное въ нашей общей задачѣ мы уже прошли: мы научились познавать другъ друга. Правда, мы нѣсколько дольше остановились на философахъ іонійскихъ колоній, но не легко вѣдь разставаться съ Сократомъ! Послѣ изученія философскихъ убѣжденій эллиновъ, намъ уже только оставалось пробѣжать обозрѣніе высшей цивилизаціи нѣкоторыхъ замѣчательныхъ народовъ, которая однако для васъ, господа, не представляетъ жизненнаго интереса. Наконецъ, мы приступили бы къ нашей главной цѣли, къ основной мысли, на которую я вамъ уже указывалъ неоднократно, а именно: какими путями абсолютное отрицаніе и скептицизмъ Канта приводятъ его къ принципамъ положительнымъ. Онъ говоритъ:— Одно только въ мірѣ дѣйствительно существуетъ: это—законы нравственности!.. Прекрасныя картины будущаго, которыя, къ сожалѣнію, намъ не суждено изучать вмѣстѣ! Но, подготовленные моими стараніями, вы еще не разъ пожелаете къ нимъ вернуться. Увѣренность, что дальнѣйшее пребываніе мое среди васъ будетъ для меня удовольствіемъ, заставляетъ меня относиться недовѣрчиво къ моему личному желанію васъ не покидать. Обыкновенно, долгъ бываетъ облеченъ въ болѣе суровую форму; но потому-то и надо опасаться, чтобъ не послужить своему эгоизму. Наконецъ, быть можетъ, въ другомъ мѣстѣ меня ожидаетъ болѣе тяжелый трудъ, и люди, болѣе нуждающіеся въ совѣтѣ и въ руководствѣ. Я вамъ ввѣряю ихъ судьбу; что̀ же касается меня, я уже принесъ въ жертву свое личное желаніе. Вотъ потому-то я и не зналъ всю ночь покоя, потому что считалъ своей обязанностью согласиться на тяжкую для меня разлуку съ вами. Теперь ваша очередь взвѣсить: въ состояніи ли вы пожертвовать лучшимъ цѣлямъ несомнѣнной пользой продолжать подготовку къ экзаменамъ подъ руководствомъ одного и того же учителя? Пустимъ этотъ вопросъ на голоса́, но прошу васъ высказаться не стѣсняясь, и я покорюсь мнѣнію большинства. Ваше мнѣніе только покажетъ, такіе ли вы люди, которые могутъ уступить чувству долга. Тѣ, кто согласенъ съ постановленіемъ правительства, подымите руки!

Переглянувшись, всѣ воспитанники подняли руки кверху.

— А затѣмъ, пускай поднимутъ тѣ, которые протестуютъ!

Одинъ только де-Сенъ-Фленъ на этотъ разъ поднялъ руку, и товарищи освистали его; но Бутелье́ заставилъ ихъ молчать.

— Г-нъ де-Сенъ-Фленъ воспользовался своимъ неотъемлемымъ правомъ; я только попрошу его сказать намъ, если онъ ничего противъ этого не имѣетъ: на чемъ онъ основываетъ свой протестъ, который, какъ я вижу—единичный фактъ.

Смущенный, оробѣвшій де-Сенъ-Фленъ вытянулся въ струнку, какъ отвѣчая урокъ, и его желтовато-блѣдное лицо чуть закраснѣлось:

— Я думаю, въ Парижъ могли бы отправить того профессора, который къ намъ назначенъ на ваше мѣсто; такимъ образомъ здѣсь все осталось бы по старому.

Этотъ аргументъ, какъ ни былъ робко формулированъ, былъ до того очевидно простъ и логиченъ, что всѣмъ стало бы неловко, еслибъ не Бутелье́, который возразилъ своимъ красивымъ, глубокимъ голосомъ:

— Я тронутъ, что вы такъ сожалѣете о моемъ отъѣздѣ, г. де-Сенъ-Фленъ; но вѣрьте мнѣ, правда на нашей сторонѣ. Отъ исполненія своего долга не слѣдуетъ уклоняться, и наши личныя предпочтенія не должны служить помѣхой ничему, что̀ носитъ на себѣ характеръ общественной пользы. Помните (мы ужъ не разъ формулировали эту мысль), что основой нашей нравственности должно быть стремленіе поступать всегда такъ, чтобъ каждый нашъ поступокъ могъ служить общимъ правиломъ. Слѣдовательно, необходимо подчиняться законамъ своего отечества и волѣ своего начальства въ служебной іерархіи... Итакъ, я уѣзжаю въ Парижъ, куда призываетъ меня г. министръ народнаго просвѣщенія. Мы съ вами разстаемся, но жизнь насъ не разлучитъ: я буду слѣдить за вами, за вашей карьерой. Вы перестаете быть моими учениками; вы становитесь моими друзьями. Я всегда буду радъ, если кто изъ васъ забѣжитъ ко мнѣ наверхъ... Однако, прежде чѣмъ отъ васъ уѣхать, я хотѣлъ бы еще разъ быть вамъ полезенъ. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ объ экзаменахъ: вы можете быть совершенно увѣрены въ благополучномъ ихъ исходѣ. Мнѣ бы хотѣлось гораздо дальше заглянуть впередъ, и постараться заранѣе намѣтить, въ какомъ именно отношеніи вы будете полезны судьбамъ своего отечества...

Такъ кончилъ этотъ прекраснѣйшій изъ смертныхъ и сошелъ съ каѳедры, направляясь межъ рядовъ скамеекъ. Проходя мимо каждаго изъ дѣтей, трепетавшихъ отъ гордости и волненія, онъ (какъ въ древности кудесникъ) предрекалъ имъ будущее. Они видѣли въ лицѣ его —философа, между тѣмъ какъ онъ былъ лишь администраторъ и смотрѣлъ на каждаго не какъ на человѣка,

котораго надо развивать, а какъ на орудіе, которое можно съ пользою употребить.

— Г-нъ Ремерспахéръ!—началъ онъ:—вамъ надо идти въ „Нормальную школу“. У васъ есть много силы къ труду и мало способности къ мечтательности; но зато есть здравый смыслъ и, такъ сказать, умственное здоровье. Но это именно и нужно для правительства въ такое время, когда важно, чтобы достигалось по возможности однообразіе характеровъ...

— Вамъ, тоже, г. Стюрель,—продолжалъ онъ,—можно бы посовѣтовать идти въ „Нормальную школу“; вы сдѣлались бы однимъ изъ самыхъ образованныхъ умныхъ людей. Но, съ моей точки зрѣнія, современный воспитатель юношества вовсе не нуждается въ умственномъ блескѣ для того, чтобы воспитать поколѣніе, преданное республикѣ. Зато изъ васъ выйдетъ прекраснѣйшій судья; а если (какъ это довольно вѣроятно) у васъ, вдобавокъ, есть еще и даръ слова, то вы, конечно, сдѣлаете карьеру.

— Вы, г. Галланъ де-Сенъ-Фленъ,—обратился профессоръ къ аристократу, и весь классъ насторожился, готовый покатиться со смѣху:—вамъ слѣдовало бы поступить въ Сенъ-Сиръ.

— Бабушка не хочетъ!—былъ наивный отвѣтъ.

Бутелье улыбнулся и сдѣлалъ рукою движеніе, которое могло означать:

— Чего ты не наскажешь, мальчуганъ!

На всѣхъ скамейкахъ воспитанники задвигались отъ восторга. Бутелье успокоилъ ихъ тѣмъ, что продолжалъ говорить де-Сенъ-Флену:

— Въ такомъ случаѣ, вамъ самое лучшее—управлять своими помѣстьями, но изрѣдка необходимо заглядывать въ Парижъ, чтобы не слишкомъ отстать отъ современнаго общества, отъ его новѣйшихъ условій. Для васъ лично мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы прошли Сенъ-Сиръ; это васъ сдержало бы въ рамкахъ дисциплины, сдѣлало бы болѣе уравновѣшеннымъ... Все равно, я увѣренъ, что вы никогда не будете человѣкомъ неаккуратнымъ, безпорядочнымъ!

На возраженіи бабушки, на отвѣтѣ ея внука, Бутелье не останавливается ни минуты; онъ понимаетъ, что ея воззрѣнія наиболѣе цѣлесообразны для ребенка, который, оставшись сиротою, выросъ подъ ея крыломъ; изъ него, понятно, выйдетъ скорѣе всего сельскій хозяинъ, тѣмъ болѣе, что сама бабушка изучила интересы землевладѣнія болѣе близко и подробно, нежели какой-нибудь кочевникъ-философъ. Онъ ищетъ только слугъ правительству, и презираетъ маленькаго человѣчка, который цѣпляется за

свою семью. Подчиняясь единственно чувству справедливости, онъ не хочетъ разстаться съ этимъ юношей съ насмѣшкой надъ нимъ, и говоритъ въ видѣ заключенія.

— Не смѣйтесь, господа! Г-нъ де-Сенъ-Фленъ добрый французъ: онъ послужитъ отечеству въ дни невзгодъ.

— Въ васъ, г. Ракадò, много твердости и постоянства. Если складъ вашего ума,—скорѣе сильный и основательный, нежели быстрый,—не позволитъ вамъ въ опредѣленный срокъ поступить въ „Нормальную школу", отчего бы вамъ не попробовать выдержать экзаменъ на званіе адъюнктъ-профессора по языковѣдѣнію? Впрочемъ, какой бы администраціи ни оказывали вы свое содѣйствіе, вы всегда будете прекраснѣйшимъ служакой, человѣкомъ, твердо стоящимъ на своемъ посту и полезнымъ начальству.

Останавливаясь передъ Сюре-Лефоромъ, въ которомъ онъ уважалъ его серьезность, Бутельé продолжалъ:

— Васъ я вижу въ будущемъ не иначе, какъ ораторомъ, и думаю, что могу надѣяться, что вы не затеряетесь въ мелочныхъ, личныхъ интересахъ, которые иной разъ можно, пожалуй, считать уважительными. Еслибы вамъ, уже умудренному опытомъ и довѣріемъ своихъ согражданъ, случилось принять участіе въ великихъ дебатахъ свободнаго народа, я разсчитываю, что вы окажете содѣйствіе тѣмъ принципамъ общественности, которые составляютъ самую основу философіи, какъ ее понимаетъ тотъ, кому было поручено правительствомъ преподавать вамъ законы нравственности и ихъ вліяніе на дѣятельность человѣчества...

Такъ онъ поочередно обращался къ каждому изъ своихъ учениковъ, и тѣ, въ восторгѣ, упивались звукомъ его голоса, любовались его положительностью и авторитетнымъ обращеніемъ.

„Ѣдетъ въ Парижъ! — думалъ каждый. — И какъ быстро идетъ впередъ, а самъ еще такъ молодъ! Выпадетъ ли такая жизнь и мнѣ на долю"?

Эти мысли, эти выраженія, за послѣдніе полгода, были главнымъ ихъ совѣтчикомъ, поводомъ къ подчиненію нуждамъ родной страны, къ уваженію законовъ; но выше всего въ ихъ глазахъ стоялъ побѣдоносный òбразъ, который ихъ пересоздавалъ по своему собственному образцу и покорялъ себѣ ихъ волю.

Слѣдуя впередъ по рядамъ скамеекъ, Бутельé наткнулся на стипендіатовъ Ренодена и Мушфрена, и, вѣроятно, понялъ чутьемъ, какъ трудно что-нибудь имъ предсказать. Вѣдь между ученымъ дипломомъ и занятіемъ доходной должности лежитъ цѣлая пропасть, перешагнуть черезъ которую бѣднякъ почти без-

силенъ. Поэтому онъ рѣшилъ нѣсколько повременить высказываться на ихъ счетъ, и вернулся на каѳедру.

— Господа! Быть можетъ, найдутся среди васъ и такіе, которымъ я не воздалъ должнаго. Прошу у нихъ прощенья! Послѣднія мои слова будутъ обращены къ тѣмъ изъ вашихъ товарищей, которымъ происхожденіе ихъ не дало особыхъ правъ и привилегій, и которые образованіемъ своимъ обязаны общественной иниціативѣ. Общество слѣдовало въ этомъ лишь правиламъ справедливости. Наслѣдство, оставленное трудами мыслящихъ людей,—одинаково является достояніемъ каждаго, а не людей исключительно богатыхъ; но на тѣхъ, которые пользуются имъ, это налагаетъ обязанность особенно быть преданными республиканскому правительству. Гг. Реноденъ и Мушфренъ, не бойтесь превратностей на жизненномъ пути! Нѣтъ ничего недоступнаго для людей честныхъ и трудящихся упорно, терпѣливо. Я самъ горжусь тѣмъ, что получилъ воспитаніе на общественный счетъ. Это для меня еще одинъ новый поводъ къ тому, чтобы особенно вами интересоваться. Не имѣя возможности всѣмъ вамъ пожать руку, господа, я жму ее радушно *всѣмъ* въ лицѣ васъ двоихъ, въ этотъ послѣдній тяжкій часъ разлуки!

Показалось ли ему, что они испытываютъ разочарованіе? Понялъ ли онъ, что, являясь въ ихъ глазахъ побѣдителемъ вселенной, онъ въ то же время давалъ имъ слишкомъ мало?.. Онъ махалъ шляпой и, стоя передъ всѣмъ классомъ, вставшимъ со скамеекъ, говорилъ горячо о своей увѣренности, что они всегда будутъ себя вести какъ вѣрные слуги своего правительства, какъ добрые, настоящіе французы.

О, да! Они настоящіе французы,—эти юноши съ небритыми подбородками, съ пальцами, замазанными чернильными пятнами, возбужденные, наэлектризованные краснорѣчіемъ любимаго учителя и его авторитетнымъ вліяніемъ.

— Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ республика!—кричатъ они единодушно.

Франція! Республика! Государство!.. Все это выраженія администратора, который умѣетъ внушить извѣстнаго рода принципъ: но это все не то, что̀ нужно. Необходимо поставить каждаго въ такія условія, чтобы онъ могъ хорошо знать свою родину и чувствовалъ бы удовольствіе въ исполненіи своихъ обязанностей въ своей естественной средѣ, подчиняя свои личные интересы интересамъ общественнымъ. Между тѣмъ, французовъ воспитываютъ такъ, какъ еслибы имъ въ будущемъ пришлось вовсе не имѣть оте-

чества, вовсе въ немъ не нуждаться. Въ самой ихъ юности съ самаго дѣтства разрываютъ ихъ связь съ мѣстными условіями.

Профессоръ Бутелье́ не съумѣлъ сказать своимъ ученикамъ:

— Займите свое мѣсто въ рядахъ земляковъ; а для того, чтобы идти вѣрною дорогой, идите прежде всего по стопамъ своихъ покойниковъ. Вы, Сюре-Лефоръ и де-Сенъ-Фленъ!—обратите вниманіе на то, какъ провинція Ба̀ра близится къ упадку; городъ Баръ-ле-Дюкъ пересталъ быть ея главнымъ центромъ, но на васъ лежитъ обязанность сдѣлать его виднымъ и значительнымъ. А замѣтили вы, Мушфренъ, какъ, по иниціативѣ одного только г-на Лорена, окрестности Лонгви превратились въ роскошный бассейнъ? Ремерспахе́ръ! Говорятъ, соляныя копи вашего округа разрушаются. Помните, что Барруа, Сейльскій округъ, окрестности Лонгви и Воге́зы придаютъ всей Лотарингіи каждый свой особый отпечатокъ, которымъ никогда нельзя пренебрегать и который не надо допускать до полнаго уничтоженія!

Но министерство просвѣщенія, такое радушное, такое снисходительное къ древней культурѣ, все еще не рѣшается полюбить исторію Франціи; оно еще колеблется, прежде чѣмъ начать восторгаться всѣми видами и проявленіями жизни во Франціи. Такъ и Бутелье́, вмѣсто того, чтобы ознакомить учениковъ своихъ съ осязательными, реальными сторонами французской жизни, сдѣлалъ ихъ гражданами не Франціи, а всего человѣчества;—свободными людьми, на которыхъ сошло откровеніе чистаго разума. Но это вѣдь такое состояніе, котораго дѣйствительно удостоиваются лишь немного людей за цѣлый вѣкъ, и даже самъ великій Гёте, прежде чѣмъ сдѣлаться философомъ, основательно укрѣпилъ за собою званіе „нѣмца“. Но имъ-то, имъ—этимъ лицеистамъ, которые трепещутъ восторженнымъ чувствомъ,—какія точки опоры въ ихъ собственной средѣ далъ имъ Бутелье́? Онъ вѣдь одинъ былъ ихъ центромъ, ихъ связующимъ звеномъ.

Во время слѣдующей же классной перемѣны всѣ тѣ, которыхъ отличилъ своимъ вниманіемъ любимый профессоръ,—Стюрель, Сюре-Лефоръ, Ракадо̀, Мушфренъ, аристократъ Сенъ-Фленъ, умница Ремерспахе́ръ и хитрецъ Реноденъ,—всѣ инстинктивно сплотились, оставивъ своихъ обычныхъ товарищей. И впредь между этими избранными останется какъ бы нѣчто сближающее ихъ, и между ними возникнетъ какъ бы нѣкоторое единеніе мысли, своего рода духовный союзъ.

Подобные союзы возникаютъ сами собою, привлекая другъ къ другу, невольно, тѣхъ лицъ, которыя одушевлены однимъ и тѣмъ же чувствомъ, съ одной и той же мыслью, къ одному и тому же

великому событію или человѣку. Такъ, напримѣръ, Бальзакъ описываетъ союзъ тринадцати, которые условились (въ 1828 году) поддерживать другъ друга въ жизни во всякихъ обстоятельствахъ, и которые, будто бы, успѣшно противились общественнымъ порядкамъ. Въ дѣйствительности же такъ оно и бываетъ, что кучка людей высшаго ума и сословія увлекаетъ своимъ примѣромъ все общество, но въ данномъ случаѣ романистъ только облекъ ихъ союзъ въ фантастическую форму. Друзья Виктора Гюго заключили такого рода союзъ въ 1830 году, приверженцы принца-президента—также; постоянные посѣтители Гамбетты сомкнулись вокругъ его великаго національнаго чувства. Тэнъ еще въ училищѣ подружился съ Прево̀-Парадолемъ, съ которымъ вмѣстѣ развивалъ свои нравственныя чувства, и съ Плака̀ (Марселенъ въ „Парижской Жизни"), который просвѣтилъ его по части нравовъ артистической и свѣтской жизни, съ Корнеліемъ де-Виттъ, который былъ страстный поклонникъ англійскаго языка и литературы и который ввелъ его въ домъ Гизо. Тамъ же, въ „Нормальной школѣ", Тэнъ сошелся съ Абу, Сарсэ, Либе́ромъ, Зуккау, Альберомъ, Мерлэ и другими.

Но наши юные провинціалы, какими они заняты мечтами?

Ихъ уже влечетъ ко всему неизвѣстному—къ странѣ, съ которой они еще незнакомы; къ обществу, которое для нихъ еще закрыто; къ дѣлу, къ которому ихъ близкіе и родные еще не были причастны. Незамѣтно для себя, они стремятся быть разрушителями и, сбросивъ съ себя свою природную оболочку, отдѣлиться отъ родной почвы...

Въ концѣ мая 1880 года Поль Бутелье́ уѣхалъ въ Парижъ, но за свое кратковременное пребываніе въ Нанси успѣлъ вызвать къ дѣятельности молодыя силы, которыя онъ, однако, не успѣлъ закалить.

Въ то же время обиженные, разъяренные Фанфурно—отецъ и сынъ—направились туда же, съ цѣлью обивать пороги вліятельныхъ лицъ, въ тщетной надеждѣ найти себѣ защиту.

II.

Въ родной семьѣ.

I.

До конца года лицеисты готовились къ экзаменамъ на баккалавра и, сдавъ ихъ благополучно, окончательно разстались съ лицеемъ для того, чтобы вернуться къ себѣ домой. Они были теперь свободны и счастливы, но не въ томъ отношеніи, въ какомъ бы имъ этого хотѣлось.

Любви къ природѣ, къ родному гнѣзду, къ своему уголку родной земли, не могло имъ дать пребываніе въ закрытомъ заведеніи. Всѣ силы, всѣ помыслы ихъ—исключительно отвлеченнаго, умственнаго свойства; и всѣ эти провинціалы кричатъ только объ одномъ:

— Въ Парижъ!.. Въ Парижъ!..

Но изъ-подъ внѣшней оболочки, которую привилъ имъ Бутельѐ, быть можетъ, когда она нѣсколько поизотрется, проглянетъ природная подкладка провинціаловъ, такъ долго сокрытая подъ курткой лицеиста?.. Вотъ потому-то и являются особенно интереснымъ элѐментомъ современной Франціи всѣ эти юноши-лотарингцы: Стюрель и Ремерспахѐръ, Ракадо̀ и Мушфренъ и аристократъ де Сенъ-Фленъ; они, съ точки зрѣнія историка и лѣтописца оказываются плодами самой разнородной среды, какъ въ смыслѣ историческихъ, такъ и географическихъ условій, при которыхъ имъ пришлось жить и развиваться...

Ремерспахеръ, который, наравнѣ съ своимъ товарищемъ Сюре-Лефоромъ, былъ лучшимъ ученикомъ Бутельѐ, родился въ Номени (округа Мѐрты-и-Мозели), гдѣ его прадѣдъ былъ сборщикомъ государственныхъ налоговъ до революціи и послѣ присоединенія Лотарингіи къ французскимъ владѣніямъ. Юноша-Морисъ—весельчакъ и здоровый малый, какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи; онъ добрый товарищъ; волосы у него рыжіе, а всего замѣчательнѣе его лобъ,—большой, но не изъ тѣхъ лбовъ, которые по величинѣ своей заставляютъ предположить водянку въ головѣ, а изъ тѣхъ, которые служатъ явнымъ признакомъ настоящаго умственнаго развитія; зубы у него чудесные, плечи широкія... Словомъ, все это, вмѣстѣ взятое,

дѣлаетъ изъ Ремерспахера честнаго, славнаго малаго, который (хоть объ закладъ побьюсь!) окажется достойнымъ внукомъ своего неподражаемаго дѣда.

Послѣдній, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ—типичная личность. Союзники во Франціи въ 1815 году и вторженіе пруссаковъ въ 1870 — чаще всего доставляютъ старику темы для разсказовъ. Разсказчикъ онъ хорошій, потому что въ его словахъ проглядываетъ духъ пограничнаго жителя.—Отечество въ опасности!..—восклицаетъ онъ, или, для того, чтобы обрисовать характеръ человѣка, произноситъ:

— Вотъ настоящій воинъ!..

— Я думалъ, что сейчасъ начну харкать кровью!—поясняетъ онъ, напримѣръ, для того, чтобы передать весь трагизмъ минуты; и, несмотря на свой преклонный возрастъ, начинаетъ порывисто шагать вокругъ стола, всѣми пальцами дергая себя за сѣдые концы волосъ. Но все это у него выходитъ такъ горячо и такъ чистосердечно, что слушателю хотѣлось бы подбѣжать къ нему, потрясти ему руки и выразить ему свою признательность.

— Вы рѣдкій, вы замѣчательный старикъ! Въ наши дни уже никто съ такимъ жаромъ не сочувствуетъ страданіямъ и славѣ народныхъ массъ!

Онъ энтузіастъ, онъ лотарингецъ и больше всѣхъ своихъ земляковъ обладаетъ удивительнымъ даромъ смотрѣть правдѣ въ глаза. Самая любимая изъ его аксіомъ гласитъ:

„Если садишься въ лодку, долженъ знать, гдѣ ловится рыба“.

У него въ запасѣ—воспоминанія о цѣлыхъ поколѣніяхъ; вотъ, напримѣръ, какъ онъ опредѣляетъ дворянъ стараго закала, которыхъ онъ перевидалъ немало, начиная съ 1815 года:

„Они не то, чтобъ были народъ разнузданный, безпутный; въ нихъ этого было даже меньше, чѣмъ въ современномъ дворянствѣ; но зато тѣ были слишкомъ для этого горды“!..

Теперь, когда онъ критически разбираетъ затраты правительства, его считаютъ консерваторомъ; но, самъ того не зная, онъ скорѣе радикалъ. Вотъ тому наглядный примѣръ.

Около „16-го мая“ онъ былъ выбранъ въ присяжные засѣдатели по дѣлу одного журналиста, обвиненнаго въ оскорбленіи словомъ маршала Макъ-Магона. Старикъ Ремерспахéръ былъ противъ обвиняемаго, потому что маршалъ былъ честный воинъ. Но прокуроръ заговорилъ на тему о необходимости уважать правительство, каково бы оно ни было само по себѣ, — потому только, что оно есть власть, авторитетъ.

Старикъ слушалъ его, возбужденно двигаясь на своей скамьѣ, а въ совѣщательной комнатѣ разразился потокомъ гнѣвныхъ рѣчей:

— У всякаго есть совѣсть! Всякій можетъ и долженъ обсуждать дѣйствія правительства!..

Наконецъ, онъ потребовалъ, чтобы къ нему вызвали предсѣдательствующаго, и сказалъ ему:

— Этому журналисту цѣна невелика; но мы все-таки его оправдаемъ, наперекоръ господину прокурору, въ видѣ нагляднаго протеста, что прежде всего надо слушать свою совѣсть!

Таковъ этотъ дѣдъ, съ добродушнымъ лицомъ, какъ у честнаго старика-садовника. Онъ трудился и разбогатѣлъ въ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ и соляными болотами, роскошная зелень которыхъ покрывается осенью сплошь лиловыми цвѣтами.

Въ сторонѣ отъ современнаго города Номені живетъ этотъ старый дѣдъ. Одинъ изъ его сыновей умеръ батальоннымъ командиромъ въ колоніяхъ; второй окончилъ курсъ лѣсного института въ Нанси и занимаетъ хорошее мѣсто; третьему (отцу нашего Мориса) всегда былъ вреденъ городской воздухъ, и онъ занимается своими помѣстьями. Онъ, какъ и старикъ-отецъ, радъ, что Морисъ идетъ въ доктора: оба прекрасно знаютъ, что, водворившись на житье въ родномъ округѣ, д-ръ Ремерспахеръ будетъ самымъ вліятельнымъ, самымъ важнымъ лицомъ... Но почему же Морисъ такъ упорно доказывалъ имъ, что серьезно готовиться къ экзамену на доктора медицины можно только въ Парижѣ?

Стюрель проводитъ каникулы у матери своей въ Вогезахъ, гдѣ его отецъ жилъ и умеръ отъ ревматизма, схваченнаго имъ на охотѣ по ночамъ. Ни до чего, кромѣ ружья и своры, не было ему дѣла. Когда онъ, уже больной, не могъ выходить на воздухъ, онъ говорилъ, бывало, своему слугѣ:

— Викторъ, поди-ка, подразни собакъ!..—и по нѣскольку разъ днемъ и ночью Виктору приходилось дразнить собакъ, чтобы больной могъ хоть въ воображеніи тѣшить себя картинами удалой охоты.

Такого рода выходки смущали и коробили его молодую жену, отъ которой и сынъ унаслѣдовалъ такую щекотливость, что долго не могъ привыкнуть къ грубымъ сторонамъ лицейскаго интерната. Дикіе крики, хохотъ и движенія товарищей до того пугали его, что онъ и боялся, и презиралъ ихъ, и заливался слезами, какъ только оставался одинъ. Для ребенка съ чистою и нѣжною душой большое горе, если ему передъ сномъ некого обнять, поцѣловать на сонъ грядущій. Когда эта привычка дѣтства уже

оставлена въ силу суровой необходимости, въ душѣ у него словно увядаетъ что-то мягкое и доброе; и на всю жизнь такой ребенокъ остается какимъ-то недовѣрчивымъ и необщительнымъ.

Живость и оригинальность характера Франсуа Стюрель, говорятъ, унаслѣдовалъ отъ своей бабушки съ отцовской стороны. Эта бабушка помѣстила сына своего въ гимназію Нанси, и когда онъ вернулся на каникулы, сказала ему, просматривая его учебники:

— Нѣтъ, милый мой, все это слишкомъ глупо! Въ гимназію ты больше не вернешься!

И сынъ ея сдѣлался охотникомъ.

Впрочемъ, если не считать такого, довольно рѣзкаго, заключенія о лицейскомъ образованіи, она была женщина умная. Сестры ея — тоже женщины неглупыя, еще были живы въ 1880 году и обѣ вдовѣютъ давно; обѣимъ—отъ восьмидесяти до девяноста лѣтъ. Нельзя сказать, чтобы Стюрель научился отъ нихъ какимъ-нибудь интереснымъ разсказамъ; но онѣ сами по себѣ, со всѣми своими понятіями о нравахъ, о медицинѣ, о неприкосновенности нѣкоторыхъ обычаевъ и привычекъ, уже служатъ ему типами для изученія провинціальной старины. У нихъ свой особый способъ предохранять себя отъ холода, лечить больныхъ и праздновать какъ-то особенно нѣкоторые *особенные* праздники и торжества. Ихъ стряпня и ихъ собственныя выраженія вполнѣ удовлетворили бы Стюреля, если бы ученіе Бутельé не показало ему всю ихъ неестественность.

Онѣ не ханжи, но посѣщаютъ храмъ Божій и довольствуются католической церковью и своимъ приходомъ, какъ единственной сферой дѣятельности, въ которой имъ, какъ женщинамъ, возможно властвовать.

Для внучатнаго племянника, когда онъ былъ еще ребенкомъ, у нихъ всегда былъ припасенъ какой-нибудь гостинецъ, сморщенное яблочко, парочка крупныхъ сливъ.

— Опять тебѣ ѣхать въ училище!—говорили старушки, провожая мальчика изъ дому.—Какъ теперь много учатся!.. Только смотри, не слишкомъ убивайся надъ ученьемъ!

Онѣ, конечно, осуждаютъ Стюреля за желаніе готовиться въ Парижѣ, когда это можно сдѣлать сидя дома, въ Нёвшатò. Но мать на его сторонѣ. Ей тоже тяжело было подъ гнетомъ, хоть и небольшимъ, сначала у свекрови, а потомъ у старушекъ; ей, молодой, хорошенькой, грустно было не имѣть своей гостиной въ большомъ вѣковомъ замкѣ Стюрелей, гдѣ, по старому

обычаю, вечеръ проводили по-просту у камелька, въ просторной кухнѣ...

А между тѣмъ, этой самой строгости въ соблюденіи особенностей и нравовъ старины Франсуа обязанъ тому прочному фундаменту, на которомъ Бутелье́ воздвигъ зданіе своихъ блестящихъ теорій.

Сюре-Лефоръ и *Галланъ-дѐ-Сенъ-Фленъ* хотя и сосѣди, такъ какъ оба уроженцы провинціи Барруа, присоединеннаго къ Франціи одновременно съ Лотарингіей въ 1766 году, но никогда не бываютъ одинъ у другого,—слишкомъ велика разница въ ихъ общественномъ положеніи. *Сюре-Лефоръ* живетъ въ скромной квартиркѣ „Верхняго“ города Баръ-ле-Дюкъ, о своеобразной, тонкой прелести котораго не думаетъ никто изъ его обитателей. Они не замѣчаютъ, въ заботахъ о будущемъ, что величайшее произведеніе стариннаго искусства въ церкви св. Стефана грозитъ обратиться въ прахъ, скудно защищенное и даже обезображенное рѣшетчатымъ колпакомъ...

Преданіе гласитъ, что Ренэ Шалонскій, принцъ Оранскій, былъ убитъ на войнѣ въ 1544 году, а Луиза Лотарингская, его супруга, въ доказательство своей любви къ нему, даже мертвому, заказала нашему великому скульптору-лотарингцу Лигье́-Ришье́ сдѣлать изъ бѣлаго мрамора во весь ростъ его скелетъ, который на рукѣ своей держитъ въ позолоченномъ сосудѣ свое сердце, свое сгнившее сердце. Въ глазахъ своей любящей супруги, этотъ скелетъ и молодъ, и красивъ, и полонъ юной отваги, какъ въ дни своей жизни. Даже Титанію, которая ласкаетъ воображаемаго красавца—осла, мнѣ не такъ жаль, какъ эту бѣдную принцессу, которая видитъ предъ собою друга своего, какимъ его сдѣлали могильные черви, видитъ, что онъ, разрушаясь, протягиваетъ къ ней свое сердце, чтобы она спасла его отъ тлѣна!..

Домъ, въ которомъ живетъ семья Лефора, изящнѣйшая постройка XVI вѣка, которую недостаточно цѣнятъ ея обитатели; имъ не до того, чтобы заниматься археологіей,—ихъ интересуетъ только ужаснѣйшая ссора предсѣдателя суда съ отцомъ Жоржа Сюре-Лефора. Какъ ни былъ могучъ духъ этого представителя города, имѣвшаго высшую власть надъ нимъ, умъ его былъ не въ силахъ бороться съ судейскимъ знатокомъ законовъ. Убѣжденный, что ему нарочно стараются сдѣлать непріятность, въ отместку за его консервативныя мнѣнія, онъ воспиталъ сына на враждѣ къ оппортунистамъ, и, мало-по-малу, на его глазахъ,

даже сама партія реакціонистовъ роковымъ образомъ примкнула постепенно къ магистратурѣ.

Жоржъ, несмотря на свои восемнадцать лѣтъ, отличается рѣдкой способностью договаривать начатыя предложенія, что̀ замѣчается лишь у молодыхъ парижанъ. Да, этотъ юноша съ темно-каштановыми волосами, съ милыми и благовоспитанными манерами, поражаетъ именно своимъ толковымъ мышленіемъ, своимъ умѣньемъ говорить точно и разсудительно—способность рѣдкая для лицеиста на западѣ Франціи. Взглянуть на него—можетъ, пожалуй, показаться, что онъ слабый, тщедушный мальчикъ, но, присмотрѣвшись, можно замѣтить, что онъ даже силенъ, если судить по его огромнымъ рукамъ. Городъ Баръ, изъ котораго были родомъ маршалъ Удино и маршалъ Эксельмансъ, доставлялъ государству исключительно солдатъ, и ихъ портретами полна одна изъ залъ музея. Но юный баккалавръ Жоржъ Сюре-Лефоръ одаренъ пыломъ иного свойства, иной доблести, вовсе не военной.

Анри де-Сенъ-Фленъ живетъ на полдорогѣ отъ Баръ-ле-Дюка въ Верденъ, близъ села Вареннъ, среди полей, въ мірѣ крупныхъ землевладѣльцевъ. Тамъ люди часто предаются воспоминаніямъ о былой автономіи, и если не вполнѣ сокрушаются объ ея утратѣ (лотарингцы вѣдь все-таки французы!), тѣмъ не менѣе снисходительно относятся къ ея слѣдамъ.

Сенъ-Фленъ тоже не интересуется археологическими сторонами своей родной земли, но зато онъ чутко понимаетъ и любитъ природу. Онъ такъ чувствителенъ и воспріимчивъ, что зелень лѣсовъ, игра облаковъ въ солнечныхъ лучахъ, способны умилить его до слезъ. Онъ сочиняетъ стихи по образцу Ламартина. Это ему такъ же пристало, какъ и его появленіе на свѣтъ въ лѣсахъ Аргонны, которые служатъ продолженіемъ излюбленныхъ Шекспиромъ чащъ Арденскихъ. Душа его еще окутана дымкой утренней зари, а лицо, которымъ онъ мало занимается, которое прелестно своимъ открытымъ выраженіемъ, обрамлено ниспадающими на лобъ блѣдно-русыми прядями. Это милый, искренній ребенокъ; но эти два качества могли бы развиться до степени наивности, если бы его бабушка не догадалась помочь этой бѣдѣ тѣмъ, что отправила его въ лицей; теперь она считаетъ, что для него Парижъ необходимъ. Сенъ-Фленъ—большое помѣстье, въ которомъ есть и „за̀мокъ", и мыза. Г. Галланъ, дѣдъ юнаго Анри, родомъ изъ хорошей семьи землевладѣльцевъ, брачными узами породнился съ виднѣйшими изъ владѣтельныхъ родовъ провинціи Ба̀ра и, слѣдуя довольно рас-

пространенному обычаю, который медленно, но все-таки близится къ окончательному утвержденію, присоединилъ къ фамиліи своей названіе своихъ земель: *де-Сенъ-Фленъ*. Въ началѣ текущаго столѣтія этотъ же самый дѣдъ перестроилъ свой зàмокъ и насадилъ въ паркѣ эффектно-смѣшанную растительность тюльпановыхъ деревъ и черныхъ тополей. Вокругъ стоятъ могучіе лѣса, гдѣ каждую зиму убиваютъ наибольшее число волковъ.

По всей странѣ еще живо воспоминаніе о бѣглецѣ, Людовикѣ XVI, который былъ узнанъ знаменитымъ Друэ по дорогѣ къ границѣ. Друэ сдѣлалъ двадцать километровъ пути по лѣсамъ въ то время, какъ тяжелый королевскій экипажъ долженъ былъ сдѣлать двадцать-восемь, и добравшись, наконецъ, до главной улицы Варенна, въ двѣнадцатомъ часу ночи, прокричалъ, вбѣгая въ мѣстное кафé:

— Вы—патріоты?

Онъ убѣдилъ четверыхъ молодыхъ людей придти къ нему на помощь; они сообща воздвигли баррикаду на мосту, и разбудили, подняли на ноги весь городъ съ помощью мальчишки, котораго послали кричать подъ окнами обывателей:

— Пожаръ! Пожаръ!..

Друэ остановилъ на мосту королевскую карету и, несмотря на правильность и законность паспортовъ, единственно на свой страхъ задержалъ королевскую семью въ Вареннѣ. Его же посланные забили въ набатъ во всѣ колокола, и тысячи крестьянъ съ дрекольями сбѣжались и довершили дѣло.

Итакъ, предъ лицомъ вѣнценоснаго Бурбона, этотъ грубый крестьянинъ и невѣжда явился повелителемъ, главою. Впослѣдствіи его здѣсь то превозносили, то унижали до того, что ему приходилось обращаться въ бѣгство, скрываясь подъ чужимъ именемъ. Мѣстные жители, ближайшіе свидѣтели драматической развязки бѣгства короля Людовика, умерли постепенно не своею смертью. Одинъ изъ потомковъ Друэ, Флериссель, просилъ и получилъ разрѣшеніе носить его имя. Въ окрестностяхъ Сенъ-Флена его за это осуждали; въ Вареннѣ, наоборотъ, превозносили.

Юноша Сенъ-Фленъ развивался въ средѣ самыхъ разнорѣчивыхъ мнѣній; но какъ не сочувствовалъ онъ неучу Друэ, такъ не сочувствовалъ и униженію, до котораго спустился король, согласно преданію, свято хранимому бабушкой Сенъ-Фленъ. Приниженность и подчиненіе грубой толпѣ, когда Друэ принудилъ короля сдаться въ памятный день 22-го іюня 1791 года, не допустятъ никогда юнаго баккалавра Анри до того, чтобы стать

монархистомъ. Изъ числа историческихъ воспоминаній, онъ предпочиталъ герцоговъ Баррскихъ и старое время, когда крупные землевладѣльцы управляли всей страной.

Теперь во дворѣ музея города Баръ-ле-Дюкъ безъ славы, безъ почестей покоится прахъ герцоговъ Баррскихъ, и, плохо защищенный отъ вѣтра и непогодъ, онъ разрушается постепенно, какъ разрушаются и самые преданія и нравы, современные этимъ нѣкогда славнымъ властелинамъ. Складу мысли, въ которомъ росъ и былъ воспитанъ Анри де-Сенъ-Флёнъ, также грозитъ совершенное уничтоженіе...

Слѣдствіемъ громаднѣйшихъ переворотовъ явился тотъ фактъ, что какой-то *Ракадо* очутился товарищемъ и сосѣдомъ на школьной скамьѣ аристократа де-Сенъ-Флена. Совершенно ложно предположеніе, что съ прошлымъ столѣтіемъ уже наступила полная отмѣна рабской зависимости, т.-е. прикрѣпленности къ землѣ, принадлежащей вельможѣ во Франціи. Гражданская свобода не сразу проникла въ провинціи, и дѣдъ лицеиста Оноре́ Ракадо родился въ 1782 въ рабскомъ подчиненіи церковному управленію земель Кюстинскаго округа, благодаря „своимъ рабскимъ личнымъ свойствамъ, которыя прямо вытекаютъ изъ наслѣдственнаго рабства человѣка по отношенію къ его повелителю". Такого рода *крѣпостные* находились въ полнѣйшемъ подчиненіи у своего повелителя, который могъ отнять у нихъ все, что у нихъ есть, по смерти ихъ или даже еще при жизни, и держать ихъ въ „тюрьмѣ тѣлесной" сколько разъ ему будетъ угодно, и безразлично—правы или виноваты... 4-го августа 1789 года народное собраніе нанесло рѣшительный ударъ этого вида землевладѣнію и уничтожило его безповоротно.

Очутившись въ лицеѣ, Ракадо̀ чувствовалъ себя неловко; работалъ онъ туго и съ усиліемъ, словно желая сдвинуть засѣвшій ему поперекъ лба засовъ: говорилъ и смотрѣлъ такъ, что именно получалось такое впечатлѣніе. Хмурый, неловкій, онъ въ девятнадцать лѣтъ былъ похожъ на двадцати-пятилѣтняго и не умѣлъ нравиться; впрочемъ, женщины, не изъ самыхъ молодыхъ, обращали на него вниманіе. Отецъ и дѣдъ его остались въ душѣ зависимыми и рабами; но Оноре́ стремился въ Парижъ, и его отецъ,—разбогатѣвшій на перепродажѣ скота пруссакамъ и на убыткахъ, которыхъ онъ не потерпѣлъ, но за которые вознаградило его правительство, — охотно отпустилъ своего сына-лицеиста въ Парижъ, но прикинулся бѣднякомъ, для того, чтобы ассигновать ему не больше, какъ сто франковъ въ мѣсяцъ. Дождавшись совершеннолѣтія, Оноре́ явится, сверхъ

того, наслѣдникомъ материнскаго имущества въ сорокъ тысячъ франковъ, а лѣтъ черезъ пять Ракадо-отецъ купитъ ему нотаріальную контору и тогда только вручитъ ему всѣ деньги.

Антуанъ Мушфренъ, сынъ фотографа въ Лонгви (Мёрта-и-Мозель), человѣка порядочнаго, но страшно бѣднаго,—извѣстнаго въ округѣ въ качествѣ агента оппортунистскихъ выборовъ,—что считается непохвальнымъ ремесломъ. Въ награду за свои труды, Мушфренъ получилъ право помѣстить на казенный счетъ въ лицей г. Нанси своего старшаго сына, Антуана.

Наружность этого юноши мало симпатична. Ротъ у него лимфатическій, большой; голосъ обыкновенно звучитъ какъ у евнуха; онъ никогда не умывается, а волосы роститъ себѣ какъ спутанные колосья. Семейство Мушфренъ, которое бьется изъ-за куска хлѣба, съ горечью непрерывно думаетъ о своей неудачѣ. Стоило ли бросать землю, которая могла бы ихъ обогатить, какъ обогатила совершенно случайно какого-то Ферй, сельскаго хозяина (впослѣдствіи хлѣбнаго торговца), который воспользовался открытіемъ скромныхъ поселянъ, нечаянно замѣтившихъ у себя въ полѣ признаки металловъ. Фери понялъ всѣ выгоды этого открытія и провелъ самъ желѣзнодорожный путь отъ Лонгви до Вильрюпта. Дорога оживила окрестности; выросли и задымились трубы многочисленныхъ чугуно-литейныхъ заводовъ, которые исключительно снабжаютъ чугуномъ почти всю Францію. Досада брала Мушфрена: не самъ ли онъ виноватъ, что продалъ свои картофельныя поля въ 1782 году, чтобы обзавестись фотографіей въ Лонгви! Эти размышленія раздражали его самого и возстановляли противъ него жену и дѣтей.

Кажется, забросай ихъ кусками всей руды, которая добывается на этихъ поляхъ,—и то имъ не будетъ больнѣе!..

Альфредъ Реноденъ, сынъ скромнаго сборщика косвенныхъ налоговъ, вслѣдствіе удара, который неожиданно лишилъ его отца силъ, самъ сталъ во главѣ семьи. Пенсію паралитика ликвидировали, и юный баккалавръ написалъ своему бывшему профессору въ Парижъ, что и онъ намѣренъ туда переселиться вмѣстѣ съ матерью и съ двадцатилѣтнею сестрой.

Въ одинъ прекрасный день, во время одного изъ знаменитыхъ завтраковъ у Гамбетты, послѣдній спросилъ Бутелье́, не знаетъ ли тотъ какого-нибудь молодого человѣка, который пожелалъ бы сдѣлать карьеру въ качествѣ журналиста. Профессоръ указалъ ему на Ренодена, и этому юношѣ секретарь знаменитаго трибуна предложилъ заниматься въ газетѣ „89-й годъ“, органѣ передовыхъ партій.

Ему объяснили, что ему придется бывать въ собраніяхъ и составлять для печати отчеты въ смыслѣ сочувственномъ вождямъ-соціалистамъ; что ему придется встрѣчаться въ ними у нихъ же на дому въ качествѣ собрата, и что отъ времени до времени онъ долженъ будетъ заходить къ Гамбеттѣ въ его собственный кабинетъ, говорить про нихъ. Реноденъ удивился (кто не бываетъ свѣжъ душою въ восемнадцать лѣтъ!), предупредилъ объ этихъ условіяхъ Бутельѐ, который отсовѣтовалъ ему соглашаться. Но Гамбетта самъ убѣдилъ молодого профессора въ необходимости и въ пользѣ для родины имѣть точныя свѣдѣнія о партіяхъ соціалистовъ: онѣ уже начинаютъ формироваться, и въ ихъ личномъ составѣ республика найдетъ себѣ прекраснѣйшихъ слугъ и помощниковъ. Въ этомъ нѣтъ ничего похожаго на полицейское шпіонство. Статьи не могутъ вмѣстить всѣхъ курьёзовъ и нерѣдко представляютъ правду въ искаженномъ видѣ. Этотъ молодой человѣкъ, еще не умѣющій писать, гораздо лучше и дѣльнѣе сообщитъ все на словахъ тѣмъ, кому необходимо слѣдить за настроеніемъ народнымъ.

Гамбетта умѣлъ убѣждать и убѣдилъ Бутельѐ, а Бутельѐ, въ свою очередь, убѣдилъ Ренодена.

Издатель „Направленія 89-го года“, хотя и былъ противникомъ оппортунистовъ, но въ сущности былъ не прочь оказать одолженіе Гамбеттѣ, и безъ малѣйшихъ затрудненій пристроилъ у себя юнаго провинціала.

Словомъ, недѣлю спустя послѣ своего переѣзда въ Парижъ со всѣмъ семействомъ по волѣ самой неожиданной судьбы, Реноденъ сразу очутился на мѣстѣ съ значительнымъ содержаніемъ, въ редакціи большой парижской газеты. Впрочемъ, Гамбетта ни разу не воспользовался его сообщеніями и даже ни разу не принялъ его у себя въ кабинетѣ, когда бы тотъ ни являлся въ пріемную.

Молодой репортеръ, который велъ переписку со своими друзьями и убѣждалъ ихъ примкнуть къ нему, все-таки еще не былъ (судя по тону своихъ писемъ) настоящимъ парижаниномъ. Онъ еще недостаточно цѣнилъ философію, хотя она и была въ модѣ уже въ 1880 году; въ противномъ случаѣ, онъ вѣроятно помѣстилъ бы въ своихъ письмахъ приблизительно нижеслѣдующія разсужденія:

„Первымъ, что̀ сдѣлалъ для меня Бутельѐ въ лицеѣ, было приказаніе выйти изъ класса, потому что я усомнился въ томъ, что у меня есть чувство собственнаго достоинства. Первымъ его дѣломъ для меня въ Парижѣ—было посягатель-

ство на это чувство. Неужели всѣ партійные вожди и ихъ послѣдователи такъ легко привыкаютъ притворяться, дабы съ помощью лицемѣрія прикрывать свои личныя выгоды? Не оказывается ли на дѣлѣ слишкомъ труднымъ примѣненіе его любимаго жизненнаго правила: „Поступай всегда такъ, чтобы твой поступокъ могъ служить общимъ правиломъ“. Я былъ свидѣтелемъ, что онъ колебался рѣшить, что̀ нужнѣе: уважать душу человѣческую или государственную службу“?..

Стюрель и Сенъ-Фленъ были освобождены отъ воинской повинности, какъ единственные сыновья при матери-вдовѣ; Реноденъ, по слабости тѣлосложенія, получилъ отсрочку, а тщедушный Мушфренъ былъ принятъ, несмотря на свой малый ростъ. Вмѣстѣ съ нимъ пошли въ военную службу Ремерспахѐръ, Ракадо̀ и Сюре-Лефоръ.

Военная служба должна бы давать молодымъ людямъ возможность столкновенія съ нравственными сторонами общественной жизни, но извѣстно, на что̀ она у насъ похожа, благодаря недостатку въ хорошихъ фельдфебеляхъ. Наши юные лотаринцы вынесли изъ нея только знакомство съ кутежами и попойками; словомъ, ничего такого, что̀ замѣнило бы вліяніе Бутелье̂. Это вліяніе и самый образъ любимаго учителя все глубже и глубже внѣдрялись въ памяти юныхъ баккалавровъ, становились какъ бы нераздѣльной частью ихъ самихъ и влекли ихъ въ Парижъ съ такою силой, что они съумѣли добиться согласія своихъ родителей.

Конечно, для бабушки Анри де-Сенъ-Флена совершенно довольно и того, чтобы ея почтенный, аристократическій родъ не прекращался; но уже родители Стюреля и Ремерспахера стремятся возвеличить свой родъ въ лицѣ его юныхъ представителей и сообразно съ требованіями новѣйшихъ современныхъ условій развитія. Что̀ же касается фотографа Мушфрена, агента Сюре-Лефора, вдовы Реноденъ и отца Ракадо, они все счастіе своихъ дѣтей, Антуана, Жоржа, Альфреда и Оноре́, считаютъ въ томъ, чтобы эти талантливые мальчики не имѣли въ будущемъ ничего общаго съ тѣмъ ничтожествомъ, какимъ они когда-то сами были.

— Мы жили скудно,—говорятъ они.—Но если наши сыновья окажутся умны, ихъ жизнь будетъ діаметрально противоположна нашей...

Бѣдная Лотарингія! Плодоносная страна, которая родитъ себѣ самыхъ разнообразныхъ, самыхъ даровитыхъ защитниковъ,

чѣмъ она заслужила, чтобы они бросили ее на произволъ судьбы и летѣли бы, какъ всѣ другіе, на помощь блестящему счастливцу—Парижу?..

III.

Первые шаги въ Парижѣ.

I.

Когда поѣздъ изъ внутреннихъ провинцій выгружаетъ на дебаркадеръ столицы юношей-новичковъ съ ихъ чемоданчиками въ рукахъ, постороннему зрителю такъ и хочется, глядя на нихъ, угадать, какія чувства испытали всѣ эти будущіе вожаки, эти юноши, отмѣченные судьбой для власти, для побѣды надъ другими,—подъ какимъ впечатлѣніемъ сдѣлали они свои первые шаги въ оглушительно-людномъ, Богомъ возлюбленномъ Парижѣ?

Во французскихъ провинціяхъ теперь уже не часто приходится слышать о Богѣ; гласъ Его чаще раздается въ городахъ, или вѣрнѣе въ одномъ только городѣ—въ Парижѣ. Между тѣмъ, на познаніи божества вѣдь зиждется всякое представленіе о совокупности человѣческихъ стремленій,—все то, что возбуждаетъ и сливаетъ во-едино восторженныхъ людей одного и того же поколѣнія. Это какъ бы предвидѣли, предчувствовали наши лицеисты.

Въ тотъ день, когда умеръ Гамбетта, 31 декабря 1882 года, въ Парижъ явился Франсуа Стюрель. Прекрасный день для появленія на свѣтъ! Будто сама судьба повелѣваетъ смерти:

— „Сторонись! Прочь съ дороги! Дорогу нашимъ лотарингцамъ“!

Самый цвѣтъ молодежи, семеро юношей, которые полны здоровыхъ и еще пока довольно неопредѣленныхъ силъ, несутъ ихъ въ даръ житейской борьбѣ и жизненнымъ стремленіямъ.

Стюрелю, несмотря на его чудный возрастъ—девятнадцать лѣтъ,—и въ умъ не приходило воспользоваться имъ для наслажденій; онъ только гореванъ о томъ, что много времени потратилъ дома у матери на подготовку къ первому экзамену на степень доктора правъ. Теперь, пріѣхавъ въ Парижъ, онъ прямо направился на лѣвый берегъ Сены, въ отель и пансіонъ г-жи Кулонвò, отъ которой слышалъ, что нѣкая г-жа Ализонъ съ до-

черью, жена богатаго фабриканта-лотарингца, живетъ у нея по нѣскольку мѣсяцевъ въ году и хвалитъ ея домъ и садъ.

Но Франсуа Стюрель, проведя даже цѣлыхъ пять дней въ обстановкѣ, дѣйствительно прекрасной для юноши слабаго здоровья, не могъ бы ничего сказать про удобства или недостатки пансіона. Онъ занятъ былъ заботами высшаго свойства. Онъ даже не замѣтилъ, что еслибы не вывѣска, то отель Кулонво ничѣмъ не отличался бы отъ частныхъ домовъ самаго строгаго стиля; не обратилъ вниманія и на то, что все впечатлѣніе портитъ кухня, которая выходитъ окнами на улицу и всякаго вошедшаго обдаетъ кухоннымъ запахомъ. Надъ столовою и гостиною помѣщаются два этажа, которые заняты комнатами жильцовъ. Въ 1882 году тамъ жили: двѣ *самыхъ настоящихъ* англичанки; супруги, которымъ опротивѣло вести собственное хозяйство; нѣсколько старичковъ, старушекъ и не особенно старыхъ, но и не особенно интересныхъ дамъ. Единственнымъ представителемъ молодежи былъ Стюрель, который не подозрѣвалъ, что успѣлъ привлечь вниманіе четверыхъ или пятерыхъ изъ этихъ бездѣйствующихъ квартирантовъ. Робкій, почти дикарь въ обращеніи, этотъ юноша былъ занятъ мыслями, полными отваги; жажда страсти и славы одинаково волнуетъ его въ то время, какъ за нимъ съ любопытствомъ слѣдятъ окружающіе, завидуя его молодости и новизнѣ его взглядовъ на Парижъ. Своей свѣжестью онъ какъ бы освѣжилъ все общество отеля Кулонво и сообщилъ ему общее ощущеніе чего-то новаго, бодрящаго и молодого.

— Я свободенъ! Свободенъ!—ликовалъ онъ тѣмъ временемъ, считая себя чуть не царемъ и властителемъ судебъ вселенной.

Послѣ лицея, онъ все еще чувствовалъ себя связаннымъ даже на улицахъ Нёвшато (которыхъ только и есть, что четыре на весь городъ); но зато теперь... теперь, среди садовъ Парижа—и въ комнатѣ своей, и вездѣ, вездѣ онъ чувствуетъ, что онъ на волѣ! Одна у него только есть забота: какъ найти средства употребить эту волю на пользу общей жизни, широко раскрытой передъ нимъ.

II.

Въ четвергъ вечеромъ 6-го января, колоколъ, призывающій къ табльдоту, заставилъ Франсуа прервать чтеніе, которое, однако, до того казалось ему интереснымъ, что онъ продолжалъ его даже во время общаго обѣда.

Вокругъ него только и говорили, что о похоронахъ Гам-

бетты; о роскоши, съ какой оно было обставлено, о незамѣнимой для Франціи утратѣ великаго человѣка... Безучастная холодность Стюреля, углубившагося въ книгу, показалась всѣмъ неприличной, и г-жа Кулонвò сочла даже своимъ долгомъ замѣтить ему матерински-участливо:—Въ ваши годы естественно предпочитать занимательный романъ всякому болѣе серьезному вопросу!

— „Раболѣпство передъ памятью Гамбетты"! — подумалъ юноша и вслухъ проговорилъ:

— Ахъ, помилуйте! да эта книга верхъ совершенства!— Но тотчасъ же, по старой привычкѣ въ лицеѣ, испугавшись, что другимъ можетъ показаться смѣшнымъ такое горячее проявленіе личныхъ чувствъ, не переводя духа, прибавилъ:

— Это такая книга, о которой ни одна женщина не можетъ дурно отозваться!

И такой былъ въ его глазахъ огонь, что сочувствіе всѣхъ женщинъ мигомъ очутилось на его сторонѣ. Понизивъ голосъ, онъ сталъ тихонько объяснять молодой дѣвушкѣ, своей сосѣдкѣ, чтò такое „Новая Элоиза", и, замѣтивъ, что къ его словамъ прислушиваются всѣ остальные, покраснѣлъ отъ восторга. Г-жа Кулонвò, противная своимъ мясистымъ, отвислымъ подбородкомъ, крупной головой, грузнымъ станомъ, напоминаетъ ему разжирѣвшую, сытую фигуру классическаго Вителлія. Она, рожденная, повидимому, для того, чтобы изображать собою этого древняго толстяка, игрой судьбы водворена на почетномъ мѣстѣ хозяйки табльдота, и ее забавляетъ, какъ юноша-провинціалъ иной разъ морщитъ свое худенькое личико съ утомленными глазами. Для того, чтобы этого достигнуть, ей стòитъ только говорить все, чтò въ голову придетъ. Довольно тяжеловѣсная какъ въ отношеніи нравственномъ, такъ и физическомъ, г-жа Кулонвò вполнѣ, однако, заслуживаетъ имени честной женщины; тѣмъ болѣе, что она привыкла уважать и считать за правду все, чтò носитъ на себѣ оффиціальный ярлыкъ честности и добродѣтели: честныхъ полицейскихъ, неподкупныхъ судей, просвѣщенныхъ и знаменитыхъ академиковъ и ученыхъ, „нашу несравненную" Французскую Комедію, блестящія академіи и институты, членовъ Сорбонны, орденъ почетнаго легіона,—ну, словомъ, все тò, чтò на языкѣ порядочныхъ людей носитъ извѣстные, ими же самими установленные эпитеты. Эти-то благодушныя воззрѣнія и раздражаютъ молодого человѣка, который еще не отрѣшился отъ дѣтской привычки требовать, чтобы во всемъ и всегда люди поступали искренно, логично и „по правдѣ".

— Вѣдь признаёте же вы сами, что Гамбетта великій человѣкъ!—говоритъ она — Такой великій постъ вѣдь нельзя занимать, не будучи выдающейся личностью.

Стюрель, который былъ согласенъ съ первымъ положеніемъ, до того вознегодовалъ на второе, что отвѣтилъ лишь презрительнымъ молчаніемъ.

— Надѣюсь, вы побудете у насъ сегодня вечеромъ? Въ тотъ четвергъ вы убѣжали...—спросила хозяйка дома. Четверги были торжественными днями въ отелѣ Кулонвô; тогда появлялись молодые люди, знакомые квартирантовъ, и, въ свою очередь, приводили съ собой своихъ знакомыхъ. Но Стюрель отвѣчалъ, что онъ никакъ не можетъ остаться дома въ этотъ день.

— А если наши дамы попросятъ васъ съ ними потанцовать?—настаивала она.

— Я не умѣю!

„Вотъ такъ неучъ“!—подумала г-жа Кулонво и снисходительно, немного свысока, прибавила вслухъ:

— О, васъ научатъ! Это такой пустякъ: какихъ-нибудь три-четыре урока. Въ двадцать лѣтъ танцы такая же необходимость, какъ въ тридцать—вистъ.

— Я считаю, что танцовать смѣшно,—возразилъ Стюрель, изъ боязни, чтобы ему не навязали новое покровительство. И эта рѣзкость мигомъ потушила всѣ симпатіи къ нему.

Виною его рѣзкостей, вопреки всяческимъ догадкамъ, была его крайняя застѣнчивость, которая, однако, не помѣшала ему замѣтить, что присутствующіе обмѣнивались взглядами, очевидно означавшими:

— Высокомѣріе юности!

Но юноша смѣрилъ ихъ такимъ жесткимъ взглядомъ, что имъ подумалось: не лучше ли относиться къ нему съ бòльшимъ уваженіемъ?

Одна только сосѣдка его, барышня лѣтъ семнадцати, наблюдала за нимъ безъ непріязни, и въ ея большихъ, красивыхъ глазахъ свѣтилось и дружеское чувство, и какъ бы желанье разсмѣяться. Миніатюрная, стройная, хорошенькая, она понравилась Стюрелю своимъ дѣтскимъ видомъ, потому что онъ и самъ чувствовалъ себя еще ребенкомъ. И когда разговоръ сдѣлался общимъ, онъ обратился къ ней тѣмъ искреннимъ тономъ, которымъ зналъ, что способенъ очаровать:

— Право, я не до такой уже степени, какъ думаютъ „эти господа“, безчувственъ къ удовольствію, которое могъ бы встрѣтить сегодня въ гостиной!

На этотъ разъ опять столько было презрѣнія и гордости въ его словахъ, что его юная сосѣдка невольно изумилась.

Франсуа тоже съ удивленіемъ и любопытствомъ поглядываетъ на дѣвушку, которая такъ мило болтаетъ со своимъ сосѣдомъ, но и не думаетъ освѣдомиться, какъ его зовутъ, несмотря на то, что онъ уже шесть дней, какъ сидитъ за однимъ столомъ рядомъ съ нею. Впрочемъ, онъ и не подозрѣваетъ, что его собесѣдница—не кто иная, какъ Тереза Ализонъ, его землячка; ему пріятно съ нею говорить,—вотъ и все.

Мать ея вышла замужъ за богатаго заводчика, человѣка грубаго и распущеннаго, но развода не требовала во избѣжаніе матеріальнаго ущерба для дочери. Изъ двѣнадцати мѣсяцевъ въ году, десять она проводитъ вмѣстѣ съ Терезой внѣ дома, въ путешествіяхъ. Въ своей кочевой жизни г-жа Ализонъ, полная воззрѣній мелкопомѣстнаго городка, главнымъ образомъ старалась отстранить отъ себя нареканія, которыя неизбѣжно влечетъ за собою положеніе женщины, живущей отдѣльно отъ мужа. По этому частной, замкнутой жизни она предпочитала жизнь на виду, въ обществѣ постояльцевъ отеля Кулонвò. Разнообразіе и частая перемѣна въ условіяхъ дорожныхъ и общественныхъ имѣли на Терезу такое вліяніе, что она утратила свою прежнюю робость, а потому ей приходилось мало-по-малу поступаться предразсудками, пока ихъ не осталось и слѣда.

На первый взглядъ бойкая развязность молодой дѣвушки могла показаться слишкомъ большою вольностью, но ея прямое, непринужденное обращеніе, искренность ея рѣчей далеко не были похожи на дѣтскую недалекую наивность; напротивъ, эта прямота даже забавно проглядывала въ ея взглядахъ и движеніяхъ. Пропорціонально сложенная, средняго роста, миловидная во всѣхъ подробностяхъ своего лица и фигуры, она умѣетъ держаться естественно; умѣетъ показать свои хорошенькія плечики, свои крохотныя ручки и ножки, которыя какъ будто созданы не для ходьбы. Глядя на нихъ, какъ-то не вѣрится ея словамъ:

— Когда я была маленькой, у меня всегда были ссадины на рукахъ и синяки на тѣлѣ: я играла съ мальчишками и лазила по деревьямъ!

Она прекрасно знаетъ цѣну своимъ прелестямъ и выгодному впечатлѣнію, которое она производитъ. Ея свѣтлое личико, какъ сіяніемъ обрамленное густыми каштановыми волосами, свѣтится выраженіемъ счастья и довѣрчивости.

Вся бѣда въ томъ, что это милое дитя, благодаря своему кочевому образу жизни, получило способность воспринимать тонъ

и манеры каждой среды, каждаго общества, въ которое бы оно ни попало, и приносить имъ въ жертву свои собственныя. Такова судьба многихъ дѣвушекъ, у которыхъ нѣтъ отцовскаго осѣдлаго и скромнаго очага.

Уже чуткая какъ болѣе опытная молодая женщина, Тереза угадала и въ душѣ инстинктивно одобрила отвѣтъ молодого человѣка, не отдавая себѣ отчета въ томъ, сколько тонкихъ чувствъ было въ этомъ молодомъ человѣкѣ.

— Ну, такъ останьтесь!—сказала она.—Я, правда, люблю танцовать, но только съ тѣми, которые такъ же безукоризненно танцуютъ, какъ и я сама; а такихъ здѣсь нѣтъ. Мы потолкуемъ о вашемъ Жанъ-Жакѣ.

Вмѣсто отвѣта, Франсуа перелисталъ книгу и подалъ ее молодой дѣвушкѣ, открытую на письмѣ XXXIII-мъ—Юліи къ Сенъ-Прэ:

— „О, другъ мой! Большое общество—плохое убѣжище для влюбленныхъ! Какая мука видѣться и сдерживать себя! Во сто разъ лучше было бы вовсе не видаться. Можно ли имѣть видъ спокойный при такомъ волненіи? Можно ли быть настолько непохожимъ на себя? Можно ли думать о столькихъ предметахъ, когда озабочена только однимъ"?..

Тереза Ализонъ удивилась смыслу, который хотѣлъ придать ихъ разговору молодой человѣкъ, сидѣвшій шесть дней рядомъ съ нею и не догадавшійся ни разу сказать ей хотя бы самую обыкновенную любезность. Она вернула ему книгу безо всякихъ возраженій, но съ ледяной холодностью.

„Здѣсь, кажется, всякій считаетъ своимъ долгомъ давать мнѣ уроки",—подумалъ онъ, и преспокойно вырвалъ страницу.

— Если вамъ не нравится это письмо, мнѣ остается только его уничтожить!

Всѣ вставали изъ-за стола, и Тереза вышла вмѣстѣ съ матерью изъ столовой.

„Бѣдный мальчикъ, изъ-за моей—можетъ быть даже глупой—щекотливости испортилъ свою книгу,—думала она.—Онъ не совсѣмъ такая пѣшка, какъ мнѣ сперва казалось. Въ глазахъ у него загорѣлся такой огонекъ, что всѣ наши „сони" встрепенулись"!

III.

Франсуа Стюрель направился въ библіотеку, изъ которой была взята его „Новая Элоиза".

„Этотъ романъ только бы читать да перечитывать, если хочешь научиться тому, что у взрослыхъ называется „нѣжнымъ чувствомъ“,—думалъ онъ.—За тѣ три дня, которые я продержалъ эту книгу у себя, я долженъ отдать восемнадцать су; за эту цѣну я вѣроятно могъ бы достать довольно сносный экземпляръ у букинистовъ, а за этотъ испорченный мнѣ придется дорого заплатить въ библіотеку“...—И онъ наизусть повторяетъ дивныя слова Юліи въ ея послѣднемъ письмѣ: — „Мой нѣжный другъ, прости! Когда ты увидишь эти строки, черви будутъ глодать лицо той, которую ты любилъ, и ея сердце, въ которомъ тебя ужъ не будетъ“.

Отъ этой грустной ласки юношу охватывалъ трепетъ. Впрочемъ, немного странной кажется ему эта книга, гдѣ всѣ поступки двухъ молодыхъ влюбленныхъ не только предаются разоблаченію, но даже извиняются и восхваляются. Иногда Юлія его оскорбляетъ, и кажется ему такой вульгарной!.. Совсѣмъ иначе чувствуетъ онъ себя, думая о Терезѣ Ализонъ. Воображеніе не рисуетъ ему красоты ея юныхъ формъ, ни даже ея отвлеченныхъ совершенствъ; она является ему и дразнитъ его какъ охотника — добыча, которую онъ угадываетъ при первомъ шорохѣ листвы; она для него просто интересная, трудно достижимая цѣль.

На выставкахъ Одеона, несмотря на страшный холодный сквознякъ, всегда толпится учащаяся молодежь, силясь, при свѣтѣ мерцающаго газа, пробѣжать глазами неразрѣзанныя книги. Въ то время какъ Стюрель разсматривалъ и сравнивалъ со своимъ изданіемъ томики Руссо, кто-то его окликнулъ. Онъ положилъ книжки на прилавокъ, оглянулся и узналъ—Ракадо.

Старый другъ взялъ у него въ долгъ пять франковъ, и проговорилъ:

— Ты не узналъ бы теперь нашего мелюзгу Мушфрена! Въ полку онъ пріобрѣлъ страшную способность выпивать. Въ какую-нибудь недѣлю мы проглотили цѣлый мѣсячный бюджетъ.

Стюрелю было до боли жалко смотрѣть на оголенную, обвѣтрившую руку товарища, въ которой тотъ сжималъ мерзлое яблоко.

— И это—твой обѣдъ?—чтобы пошутить, спросилъ Франсуа.

— Ну, да! Мушфренъ зашелъ съ моей Леонтиной въ одинъ ресторанъ, гдѣ намъ нѣсколько разъ уже случалось всѣмъ обѣдать. Ему повѣрятъ въ долгъ, а даму всегда разрѣшается ввести. Втроемъ насъ бы не впустили. А я пообѣдаю и яблокомъ, которое далъ Леонтинѣ одинъ изъ ея друзей.

Французы тѣмъ и отличаются отъ студентовъ всякой другой

національности, что вовсе не стыдятся своей нищеты; въ ихъ средѣ многіе даже кичатся скудостью средствъ. Однако Ракадо̀ съ видимымъ удовольствіемъ распространился о томъ, что онъ теперь совершеннолѣтній, и получилъ право требовать свое материнское наслѣдство—*сто тысячъ франковъ*! Онъ годъ прослужилъ гдѣ-то у нотаріуса, а теперь состоитъ младшимъ помощникомъ нотаріуса въ Сенъ-Жерменскомъ фобургѣ, и потому знаетъ теперь самъ, какія операціи вѣрнѣе всего могутъ обратить простого смертнаго въ капиталиста. Онъ оправился уже настолько, что въ разговорѣ даже пожалѣлъ одинокаго Стюреля.

— Пойдемъ съ нами; у насъ сегодня, у товарищей по лицею, rendez-vous: будетъ нашъ молодецъ Мушфренъ, журналистъ Реноденъ, юристъ Лефоръ. А въ четыре часа утра мы всѣ—прямо на поѣздъ, встрѣчать Ремерспахе́ра.

Какъ порядочный и честный провинціалъ, Стюрель былъ отъ природы гордъ и неспособенъ первый навязываться другимъ, а также и отталкивать любезность. Онъ самъ былъ обидчивъ, и боялся обидѣть другихъ. Со временъ лицея привыкшій подчиняться духу товарищества, Стюрель въ душѣ оставался все-таки при своемъ независимомъ мнѣніи, и это было замѣтно по игрѣ мускуловъ его подвижного лица.

Товарищи зашли въ ресторанъ на улицѣ Медичи, куда должны были придти и остальные.

Подготовленный классической программой правительства къ служенію ему же, весь сонмъ выпущенныхъ изъ лицея молодыхъ существъ, какъ у моря погоды, въ полномъ бездѣйствіи ожидаетъ своего назначенія; а пока имъ некуда дѣваться, они сидятъ себѣ въ грязныхъ, людныхъ и душныхъ кафѐ и ресторанахъ.

Когда всѣ были уже въ сборѣ, Леонтина приступила къ разсказу, какъ она познакомилась съ пріятелемъ своимъ Ракадо̀ на одномъ изъ спиритическихъ сеансовъ въ Вердёнѣ, — въ кафѐ, который она тамъ держала.

— И во второй же сеансъ столъ назвалъ его свиньею!— продолжала та свои воспоминанія. — Мнѣ это было очень досадно, потому что онъ могъ подумать, будто я столу подсказала.

— Я зналъ, что ты слишкомъ благовоспитана для такой шутки,—возразилъ Ракадо̀ съ ужасной улыбкой.

Реноденъ загоготалъ отъ смѣха, и всѣ товарищи опять, въ послѣдній разъ въ жизни, на мигъ превратились въ школьниковъ-шалапаевъ.

— Еслибъ здѣсь очутился Бутелье́, онъ бы тебя опять вышвырнулъ за дверь! — замѣтилъ Стюрель Ренодену.

Заслыша имя Бутельé, всѣ какъ бы мгновенно состарились на десять лѣтъ; всѣ лица вытянулись. Въ самый день своего пріѣзда въ Парижъ, Сюре-Лефоръ забросилъ на квартиру профессору Бутельé свою карточку съ письмомъ:

„Дорогой учитель! Не хочу злоупотреблять вашимъ временемъ, и приберегаю себѣ напередъ удовольствіе явиться къ вамъ, какъ вы любезно предложили вашимъ ученикамъ въ Нанси, но только тогда, когда у меня будетъ на это нѣкоторое основаніе. Я послѣдовалъ совѣту, который вы мнѣ такъ любезно дали, и пріѣхалъ въ Парижъ закончить свое образованіе по законовѣдѣнію, чтобы готовиться къ адвокатурѣ...“

Скрытный отъ природы, онъ, однако, не сказалъ товарищамъ объ этомъ посѣщеніи.

— А чтò, вы шли за погребальной процессіей Гамбетты?— спросилъ онъ, чтобъ перемѣнить разговоръ. — Я былъ съ делегатами отъ курсовъ Молэ.

— Ахъ, эти болтушки!—съ презрѣніемъ отозвался Стюрель.

Но Реноденъ высказалъ свое одобреніе Лефору за то, что онъ слушаетъ лекціи на курсахъ Молэ, которые прошло большинство политическихъ дѣятелей.

Всѣ умолкали, когда говорилъ Реноденъ; устами репортера друзья его думали набраться парижской мудрости. Самъ великій Несторъ, кажется, не могъ бы похвалиться такимъ авторитетомъ.

Реноденъ былъ такого рода человѣкъ, что учился жить на собственномъ опытѣ, а не по книгамъ, которыя мало ему говорили. Ему грозила судьба навѣки погрязть въ журналистикѣ, мелочи которой у него выходили удачно. Слава его, какъ журналиста, была нехороша; но онъ зналъ, что дольше не забываютъ тѣхъ, которые привыкли все хулить, а не наоборотъ, и потому смѣло нападалъ на все и на всѣхъ, не стѣсняясь. Кстати, и на лицѣ у него была экзема, которая не могла внушать къ нему довѣрія. Какъ, право, мало людей, знакомыхъ съ медициной! Никого вѣдь нельзя увѣрить, что эта накожная болѣзнь не есть признакъ испорченной души. Не получивъ настоящей оцѣнки какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи, Реноденъ былъ въ жизни опытнѣе другихъ.

Ракадò тихонько спросилъ его, въ какомъ часу приличнѣе всего придти къ Бутельé.

— А въ чемъ твоя просьба?

Мушфренъ и Ракадо взглядами снеслись между собою:

— Съ нашимъ Реноденомъ нéчего секретничать: онъ вѣдь уже „пробился“!—замѣтилъ Ракадо.—Мушфренъ хотѣлъ бы со-

стоять при немъ въ качествѣ секретаря или помощника, сопровождать его, заступать его мѣсто на пріемахъ и даже безвозмездно, если окажется необходимымъ; а мнѣ, признаться, больше по вкусу возиться съ дѣлами, такъ я вотъ и предлагаю, что буду его „подставнымъ".

— „Подставнымъ"?!

— Ну, да! Онъ вѣдь не богатъ; а, говорятъ, собирается пуститься въ политику.

Реноденъ не всегда поступалъ эгоистично, и на этотъ разъ далъ товарищамъ вволю посмѣяться шуткѣ, которая нравилась ему самому.

— Тсс! Тише!—дернулъ его за рукавъ Ракадо.—Они, чего добраго, способны встать завтра раньше моего!..

Но тотъ продолжалъ вслухъ шутливо:

— Гг. Мушфренъ и Ракадо! Если у васъ есть что̀ передать Бутелье́, поручите это нашему общему другу Сюре-Лефору, потому что нашъ знаменитый профессоръ, польщенный его запиской, поручилъ мнѣ передать ему, что онъ принимаетъ по вторникамъ отъ 11 до 12 часовъ.

Эта новость произвела сильное впечатлѣніе.

Чтобы разогнать свою досаду, Ракадо и Мушфренъ принялись дразнить Стюреля по поводу его „семейнаго пансіона"; но онъ возразилъ только, что такъ и жить, и питаться удобнѣе. Въ душѣ къ тому же искренно подумалъ, что его одинокая комнатка, въ уединенномъ участкѣ Парижа, несравненно пріятнѣе этого грязнаго и грубаго кафѐ.

— Съ моей точки зрѣнія одиночество не можетъ быть полезно, когда вступаешь въ жизнь!—началъ Сюре-Лефоръ.—Пока намъ еще только двадцать лѣтъ, мы должны ими пользоваться всесторонне и обучаться всему вообще.

— А я такъ думаю, — возразилъ Стюрель Лефору,—что юноши, очутившіеся на парижской мостовой, врядъ ли встрѣтятъ себѣ мѣста, удобныя для того, чтобъ наслаждаться жизнью, и что самое лучшее примѣненіе нашей наблюдательности, это побольше размышлять и подробно взвѣшивать свои средства и способности.

Мушфренъ и Леонтина усмѣхнулись. Сюре-Лефоръ сухо замѣтилъ имъ:

— Мушфренъ! Наши собранія будутъ совершенно безполезны, если мы сами на себя не въ состояніи смотрѣть серьезно.

— Вотъ еще, вздоръ какой! Ужъ не сегодня мы подшучиваемъ надъ Стюрелемъ!—вступился грубый Ракадо.

— Въ старину—да; еще куда ни шло!—возразилъ Реноденъ.—Но сегодня помни, что ты единственно благодаря ему имѣешь возможность пообѣдать; и впредь, сдается мнѣ, онъ еще не разъ будетъ ссужать „пятифранковикомъ" нашего друга Мушфрена.

Смыслъ этого замѣчанія непріятно поразилъ молодыхъ людей. Разница въ ихъ общественныхъ условіяхъ обрисовывалась яснѣе. Ракадо и Мушфрену пришлось уступить сравнительному аристократизму; но вслѣдъ затѣмъ, во время странствій по дешевымъ ресторанамъ съ женскимъ элементомъ, какъ это было въ модѣ въ Латинскомъ кварталѣ, превосходство оказалось на ихъ сторонѣ.

Когда пришла пора идти на вокзалъ, друзья закончили свои увеселенія шествіемъ по улицамъ, съ возбужденнымъ Мушфреномъ во главѣ. Онъ заставлялъ товарищей, особенно Ракадо и Леонтину, умирать со смѣху, продѣлывая весьма распространенную казарменную штуку надъ каждымъ одинокимъ прохожимъ. Бросаясь къ нему, онъ восклицалъ:

— А! Вотъ и Ремерспахе́ръ!.. Ахъ, прошу прощенія: я обознался! Я принялъ васъ за нашего друга Ремерспахѐра.

Кучки какихъ-то студентовъ и ихъ спутницъ присоединились къ нимъ, тоже выкрикивая.

— Ремерспахе́ръ!.. Ремерспахе́ръ!..—и прохожіе говорили:

— Это студенты идутъ въ полицію выручать товарища!

Образовалась цѣлая толпа; полицейскіе стали слѣдовать за нею, подозрительно поглядывая на молодыхъ людей.

IV.

На вокзалѣ западныхъ желѣзныхъ дорогъ шальная веселость молодежи привлекла всеобщее вниманіе, но никто не препятствовалъ друзьямъ шумѣть. Когда поѣздъ остановился у дебаркадера и путешественники стали выходить, крикъ и шумъ товарищей слились въ непрерывный гамъ, пока всѣ пятеро не различили, наконецъ, въ толпѣ добродушную курчавую голову Ремерспахе́ра. Дневной свѣтъ слѣпилъ ему глаза, и онъ нетвердо ступалъ со своимъ чемоданчикомъ въ рукахъ.

Друзья стали въ шеренгу и вытянулись въ струнку, по военному; и Ремерспахе́ръ, впадая имъ въ тонъ, торжественно и важно прослѣдовалъ мимо, напутствуемый криками:

— Да здравствуетъ Ремерспахе́ръ! Ура!..

Мушфренъ вертѣлся около него, подскакивая (какъ онъ по-

яснилъ), чтобы изобразить горячаго коня; но затѣмъ вдругъ скомандовалъ:

— Кру-гомъ! Ма-ршъ!..

И всѣ двинулись впередъ, съ путешественникомъ въ центрѣ группы. Ремерспахѐръ шелъ серьезно, какъ бы въ полуснѣ, но все-таки взволнованный торжественностью этой важной минуты въ своей жизни.

Онъ шелъ бодрымъ шагомъ юности, и сердце его билось счастьемъ, готовое въ ра̀дости обнять хоть весь Парижъ.

Товарищи его шумѣли; а онъ шелъ себѣ степенно подъ-руку съ молчаливымъ и тоже сосредоточеннымъ Стюрелемъ, и оба безъ словъ понимали, что, идя подъ-руку (дѣло для нихъ необычное), они тѣмъ самымъ какъ бы заключаютъ безмолвный, но прочный договоръ вмѣстѣ стремиться къ познанію всего прекраснаго на свѣтѣ, къ обоюдной поддержкѣ и помощи.

Идя позади, Реноденъ вправилъ въ глазъ свой монокль—и то-и-дѣло, въ видѣ шутки, повторялъ:

— Каковъ, каковъ!.. настоящій папа римскій!

На бульварѣ Сенъ-Мишель друзья зашли въ виноторговлю, которая помѣщалась тогда на углу улицы Медичи. За ними ввалилось еще человѣкъ пятьдесятъ. Ремерспахѐръ знàкомъ показалъ, что желаетъ говорить, и всѣ потребовали молчанія.

— Господа!—возгласилъ Ремерспахѐръ.—Я не Жиль-Блазъ, въ первый разъ попавшій на постоялый дворъ. Я тронутъ вашимъ радушнымъ пріемомъ; но не имѣю намѣренія предложить вамъ пуншъ, на который вы могли бы, пожалуй, разсчитывать.

— Прекрасно!—подхватили его друзья, и онъ прибавилъ, обращаясь къ Стюрелю:

— Подвинься, *Франсуê*!

Ремерспахѐръ, по привычкѣ, произнесъ съ лотарингскимъ акцентомъ имя *Франсуа*, какъ это велось у нихъ въ лицеѣ, гдѣ товарищи-лотаринги говорили, слѣдуя своему мѣстному выговору: „biênn“ вмѣсто „bien“, а Стюреля иначе не называли, какъ только *Франсуê*. Въ шуткахъ и обычаяхъ, какъ они ни малы и ничтожны, все-таки держится отличіе народностей, и оно ярко проявлялось въ добродушіи и разсудительности Ремерспахѐра. Не заботясь больше о шумѣвшей толпѣ, онъ подсѣлъ къ Стюрелю и засыпалъ его разспросами.

— Ну, говори: что̀ такое Парижъ? Что̀ онъ: красивъ, великъ?

— И больше, и красивѣе, чѣмъ намъ когда-либо могло присниться.

— Но слишкомъ переполненъ,—съиронизировалъ Реноденъ.

Ремерспахéръ продолжалъ разспрашивать Стюреля о его первыхъ впечатлѣніяхъ въ Парижѣ; и на этотъ разъ къ нимъ примкнули всѣ остальные, увлеченные горячимъ любопытствомъ и твердой увѣренностью въ себѣ вновь прибывшаго. Теперь каждый находилъ удовольствіе въ томъ, что могъ высказаться передъ другими и, такимъ образомъ, оглянуться на себя.

— Ты говоришь, что твой Руссо можетъ дать больше для изученія чувства страсти, нежели весь бульваръ Сенъ-Мишель, вмѣстѣ взятый?—допрашивалъ Ремерспахéръ.—Но зачѣмъ такое предпочтеніе? Жизнь, кишенье толпы, болѣе широкое поле умственной дѣятельности,—вотъ чего я хочу отъ Парижа. Какъ пылко я стремился къ улицамъ его! Ихъ граціозный безпорядокъ подчиненъ своего рода законамъ. Искусства, и законы, и физіологія, все это лишь выразители тайныхъ силъ, скрытой мощи народа! Я хочу слиться съ нимъ для того, чтобы ихъ постигнуть.

— Мнѣ больше всего нравится, что здѣсь я самъ себѣ господинъ! Но, правду сказать, одно только мѣсто въ Парижѣ всегда меня привлекаетъ...—продолжалъ повѣствовать Стюрель.

— Знаю!—перебилъ его Ремерспахéръ, и ввернулъ веселую шутку; но тотчасъ же, какъ бы извиняясь, ласково положилъ свою руку на руку друга, который всегда былъ серьезнѣе своего возраста.

— Ты былъ у Бутельé?

— Мнѣ нѐ о чемъ его просить!—гордо отвѣчалъ Стюрель.

— Зато онъ былъ на Père-Lachaise'ѣ,—своимъ грубымъ голосомъ вмѣшался Ракадо. — И даже повторилъ клятву Растиньяка послѣ похоронъ старика Горіò, когда тотъ возглашаетъ:—„Поборемся, Парижъ“!

Стюрель отрицательно качнулъ головою.

— Растиньякъ выросъ въ деревнѣ со своими очаровательными сестрами; я выросъ—вотъ, со всѣми вами!

Этотъ намекъ былъ слишкомъ тонокъ для того, чтобы достигнуть цѣли, когда слушатели утомлены и уже разсвѣло; но смыслъ его былъ вѣренъ правдѣ. Когда имъ будетъ пòдъ-тридцать, толстякъ Ремерспахéръ и суровый законовѣдъ Сюре-Лефоръ, и всѣ остальные получатъ способность любить роскошь и другіе изящно обставленные пороки, которые порождаетъ успѣхъ и которыхъ не понимаетъ, которымъ не сочувствуетъ поклонникъ книгъ. Юные лотарингцы одарены всѣми свойствами, которыя имъ дадутъ возможность цѣнить хорошенькихъ женщинъ; но тонкости ихъ совершенствъ они не въ состояніи понять.

— Пусть себѣ Реноденъ смѣется надо мной!—мило замѣтилъ Стюрель.—А только меня привлекаютъ единственно книжные ряды Одеона.

— Нѣтъ, главная прелесть Парижа—въ томъ, что въ немъ есть что̀ почитать и не по-печатному! — пояснилъ Реноденъ.— Вотъ, напримѣръ, сегодня у насъ на глазахъ разыгрался спектакль, болѣе поучительный, чѣмъ всѣ книги, которымъ суждено за эту зиму явиться на свѣтъ. А ты не удостоилъ быть свидѣтелемъ погребальнаго шествія на похоронахъ Гамбетты!

— Чудо, что̀ за роскошь!—подхватила Леонтина.

— „Видѣть" можетъ всякій; но не всякій прочтетъ видѣнное, какъ по книжному, — продолжалъ Реноденъ тономъ презрѣнія, какимъ говоритъ *парижанинъ*, вернувшись на родину, къ себѣ въ деревню.—Друзья покойнаго еще много лѣтъ будутъ поддерживать республику. Они еще разъ повторили тѣ же клятвы, которыя принесли въ послѣдніе годы имперіи. Какія обстоятельства, какая борьба, какая помощь будутъ необходимы для того, чтобъ они допустили новое поколѣніе примкнуть къ ихъ договору? Вотъ что̀ любопытно.

— Ну, а я вамъ ручаюсь, что пяти лѣтъ не пройдетъ, какъ Бутелье́ попадетъ въ депутаты!—воскликнулъ Мушфренъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли какихъ другихъ присягъ, кромѣ старой? Какихъ-нибудь новыхъ формулъ, выраженій? Почему бы, напримѣръ, не противопоставить этому старому союзу какой-либо новый?

Къ этому воззрѣнію юный провинціалъ пришелъ, слѣдуя своему природному инстинкту, который говоритъ ему, что, примкнувъ къ общимъ рядамъ, меньше вызовешь къ себѣ страха и уваженія, нежели аттакуя особнякомъ и съ фронта.

— Что̀ политика? Политика даетъ слишкомъ мало,—возразилъ Стюрель.—Недолго проживетъ еще Викторъ Гюго. Во главѣ партій долженъ стоять человѣкъ, который былъ бы выразителемъ своей страны.

— Ч-ч-чортъ возьми!—перебилъ его кто-то.—Провинціалы-то стоятъ за королевское правительство!

— Всѣ они пустозвоны! — прокричалъ еще какой-то неизвѣстный.

— Милостивый государь! Прошу васъ оставить насъ въ покоѣ!—съ яростью осадилъ его Ракадо.

Еще какой-то неучъ и невѣжа продолжалъ ворчать. Мушфренъ накинулся на него, осыпая его цѣлымъ градомъ грубыхъ и грязныхъ ругательствъ. Эта мѣра, наконецъ, водворила

молчаніе и, несмотря на всю свою рѣзкость, имѣла ту добрую сторону, что показала Ракадо и Мушфрена способными вступиться за право человѣка высказывать свободно чувства, надъ которыми они сами издѣвались до появленія Ремерспахéра. Въ ихъ годы охотнѣе всего пускается молодежь въ философскія разсужденія. Даже на отупѣвшемъ лицѣ Леонтины полуоткрытыя губки свидѣтельствуютъ о ея восторженномъ поклоненіи ихъ уму. Она любитъ Ракадо за то, что онъ ей пара; Мушфрена — за то, что онъ такой смѣшной; Реноденъ ей кажется какимъ-то особеннымъ, сравнительно съ другими; но въ эту минуту все ея вниманіе отдано этимъ *другимъ*. Какое смутное и смѣшанное ощущеніе можетъ испытывать это грубое, жалкое созданіе, глядя на сдержаннаго, но лукаваго, какъ кошка, Сюре-Лефора, на котораго пріятно смотрѣть, какъ на рѣдкое явленіе; на Стюреля, романтически-задушевнаго и серьезнаго; на Ремерспахèра, свободнаго и сильнаго въ движеніяхъ? Его голова, съ крупными чертами лица, покрыта кудрями; жилетъ разстегнутъ и видна ненакрахмаленная рубаха изъ грубаго полотна.

Силою своего примѣра онъ далъ возможность вырваться на волю настоящимъ чувствамъ, которыя до тѣхъ поръ робко таились въ каждомъ изъ его товарищей. Теперь, вызванныя на свѣтъ Божій, они кажутся тѣмъ сильнѣе, чѣмъ они дружнѣе, и каждому начинаетъ казаться, что для него лично уже важна каждая мельчайшая подробность впечатлѣній его товарища въ Парижѣ, какъ полезная для него самого. Оглядываясь затѣмъ вокругъ на толпу студентовъ и ихъ спутницъ, безпорядочно шумѣвшихъ въ облакахъ ѣдкихъ табачныхъ и винныхъ паровъ, наши провинціалы невольно молча сравнивали себя съ общей массой этой молодежи, которая, повидимому, считала для себя нормальнымъ наслажденіемъ безпорядочно проведенную ночь въ грязной обстановкѣ кабаковъ и попоекъ и могла безпечно кричать и смѣяться...

— Стюрель!—началъ къ нему рѣчь Мушфренъ:—именемъ всемогущаго Бутелье́ (да осѣнитъ онъ насъ своимъ покровомъ!) тебѣ говорю: передай мнѣ свой кошелекъ, и я покажу тебѣ, въ чемъ заключается самая сила власти. Господа! Ремерспахèръ изъ Номени,—отнынѣ онъ же „Ремерспахèръ парижскій“—угощаетъ васъ ромомъ на прощанье. Ну, дружнѣй: — „Долой Нанси! Да здравствуетъ Парижъ“!

— Долой Нанси!.. Да здравствуетъ Парижъ!..

Эти слова неблагодарности и отреченія не внушены имъ Бутелье́, но все же, въ силу обстоятельствъ, вызваны въ нихъ

его теоріей, его ученіемъ. Пискливые голоса женщинъ и неудержимый гамъ мужчинъ долго потрясаютъ воздухъ, и шуму настаетъ конецъ только на улицѣ, куда хозяинъ кафè выгоняетъ всю ватагу...

День вставалъ холодный, пронзительно-вѣтряный; грязная пыль крутилась въ воздухѣ. Молодые провинціалы, очутившись на холодѣ послѣ духоты и жара, жались въ своемъ поношенномъ платьѣ. Лѣтъ въ тридцать-пять вся эта обстановка навела бы на нихъ уныніе, но теперь они ея не видѣли, не замѣчали.

Съ шалостями и шутками несла кучка товарищей чемоданчикъ Ремерспахéра, котораго они и водворили въ отелѣ, напротивъ знаменитой гостинницы „Saint-Quentin'a", которая вмѣстѣ съ улицей была срыта въ 1888 году и въ которой проживали поочередно: Жанъ-Жакъ-Руссо, Бальзакъ и его герои, Жоржъ-Зандъ, Валлèсъ, — всѣ тѣ, чья душевная чуткость пролагала дорогу юнымъ философамъ-провинціаламъ.

Идя по набережной къ себѣ домой, Стюрель все еще сжималъ подъ мышкой томикъ „Новой Элоизы" и только нечаянно замѣтилъ, что не получилъ обратно своего кошелька, въ которомъ было двѣсти франковъ. Адресъ Мушфрена былъ ему неизвѣстенъ.

V.

Стюрель вовсе не ложился въ эту ночь и продолжалъ упиваться страстью, которая заманчиво рисовалась ему на страницахъ „Новой Элоизы". Событія минувшей ночи пробудили въ немъ чувства тщеславія и дружбы; Руссо говорилъ о чувствѣ любви и чувственной страсти. Ему казалось, что онъ оживаетъ и готовъ жить полнѣе, разнообразнѣе... Ему хотѣлось властвовать, любить!..

Къ завтраку, въ полдень, онъ явился немного сонный, но зато съ прекраснымъ аппетитомъ. Мать и дочь Ализонъ отсутствовали, а двѣ-три „разогрѣтыя" старыя шутки, съ которыми къ нему обратились, Франсуа принялъ такъ холодно, что все вниманіе табльдота перешло исключительно на новое лицо, пріѣхавшее въ отель г-жи Куланвò. Про нее шопотомъ сообщали другъ другу:

— Красавица Востока! Ну, кто бы подумалъ?.. Турчанка... Вдова, весьма приличнаго происхожденія; зовутъ ее: Астинò

Аравьянъ; она—близкая родственница посланника Порты въ Петербургѣ.

Въ этой молодой женщинѣ лѣтъ тридцати, бѣлолицой и черноволосой, больше всего поражала продолговатая форма ея лица и линія черныхъ бровей, которыя спускались къ переносицѣ и, описавъ крутую дугу, поднимались къ вискамъ. Она пріѣхала прямо изъ Константинополя, и утомленіе придавало только еще больше прелести ея томнымъ глазамъ.

Взглядомъ незнакомка ласково слѣдила за молодымъ человѣкомъ, не стѣсняясь перешептываніемъ присутствующихъ и любезностями хозяйки дома. Когда встали изъ-за стола, г-жа Аравьянъ обратилась къ молодому человѣку, не будучи съ нимъ знакома, но съ такой простотой, въ которой онъ увидѣлъ только товарищескую непринужденность:

— А что̀ это за книга, которая, говорятъ, помѣшала вамъ вчера обѣдать? — И, не дожидая отвѣта, прибавила:—Сегодня у меня нѣтъ никакого дѣла. Быть можетъ, чтеніе, которое не даетъ другимъ ѣсть, помогло бы мнѣ прогнать сонъ?..

Стюрель поспѣшилъ исполнить ея желаніе и самъ принесъ ей свою книгу въ комнату, заставленную грудой развязанныхъ сундуковъ, въ которыхъ виднѣлись перерытыя платья, шляпы, бѣлье, украшенное ленточками, и сверкали зеркала и другія бездѣлушки Востока, ладонки на цѣпочкахъ, легкія ткани и покрывала нѣжнѣйшихъ цвѣтовъ...

— Вы смотрите на мои украшенія, на мои дикія вооруженія? Я вѣдь пріѣхала изъ Константинополя, и это—отовсюду понемногу. Но успокойтесь: я умѣю наряжаться, какъ парижская куколка, и тогда не буду вамъ казаться такъ страшна.

„А вѣдь она, кажется, считаетъ меня за молокососа, который ничего на свѣтѣ не видалъ! Между тѣмъ, мое воображеніе, пожалуй, превзойдетъ ея житейскій опытъ“!—обидчиво думалъ Франсуа Стюрель; но не обидѣлся въ конецъ и не ушелъ, потому только, что она была красива и ея платья распространяли запахъ тончайшихъ духовъ.

Держа двумя пальцами книгу, она разглядывала ея обложку и болтала, разсказывая свои первыя впечатлѣнія въ отелѣ „Куланво̀“.

— Никогда не встрѣчала я на своемъ вѣку лачуги, отъ которой такъ несло бы затхолью, какъ отъ этого дома!—говорила она, повѣряя ему свои впечатлѣнія. — Я здѣсь пробуду шесть недѣль, пока найду и устрою себѣ другое помѣщеніе. Но молодому человѣку здѣсь нечего дѣлать...

Стюрель почти не слушалъ ее, отдаваясь нѣгѣ яркаго огня въ каминѣ и пріятнаго тепла, которое оно разливало по его усталому тѣлу. Г-жа Аравьянъ показывала ему камни своей „безсмертной“ бирюзы, которая отъ времени не зеленѣла и которой у нея было очень много; но не самая бирюза, а то, что ее подарилъ какой-то персидскій князь, заинтересовало Франсуа. Они курили душистыя сигаретки, и молодая женщина рѣзко, безжалостно повторяла своему гостю пересуды постояльцевъ госпожи Куланвò про ихъ хозяйку:

— Она мелочна; у нея конекъ—ея дворянское происхожденіе; она поклоняется грошамъ; млѣетъ передъ каждымъ мужчиной, угождаетъ каждой женщинѣ... Словомъ, это предупредительнѣйшая, „наилюбезнѣйшая тетушка Куланвò“.

Говорилось это сухимъ, слишкомъ смѣлымъ тономъ, но картинность, образность рѣчи съ иностраннымъ акцентомъ скрашивала эту рѣзкость. Подчиняясь невольному порыву, въ которомъ мышленіе не играло никакой роли, и который пробудилъ въ немъ внезапное вниманіе и сочувствіе каждому движенію молодой женщины, Стюрель вдругъ обхватилъ ее, когда онаприблизилась къ нему, и пролепеталъ:

— Простите!.. О, простите!..—какъ малый ребенокъ, котораго слишкомъ соблазняетъ сладкій пирожокъ, но онъ не въ силахъ противиться искушенію, хотя и знаетъ, что это—нельзя, запрещено!

Г-жа Аравьянъ не обидѣлась и своимъ мягкимъ, прекраснымъ голосомъ, безъ малѣйшаго смущенія, только проговорила, когда онъ пересталъ ее душить:

— Ахъ, вы, дитя!..—и улыбаясь, чтобы его не обидѣть, просила посидѣть немного, пока она выйдетъ въ сосѣднюю комнату. Стюрель остался одинъ, пораженный тѣмъ, какой простой и приличный видъ она съумѣла придать его дерзкой выходкѣ, которая казалась ему слишкомъ смѣлой.

„Какъ видно, это общее правило,—подумалъ юноша:—крайняя вѣжливость и тонкость обхожденія выручаютъ людей изъ какого угодно неловкаго положенія“.

Пока молодая женщина вернулась, Франсуа, какъ настоящее дитя, соскучившись одинъ, даже успѣлъ безпечно задремать. Появленіе Астины въ изящномъ нарядѣ въ первую минуту поразило его. Но въ комнатѣ было такъ уютно и тепло, красавица была такъ обворожительно мила, что, несмотря на усталость послѣ безсонной ночи, несмотря на то, что его клонило ко сну, Стюрель такъ и не ушелъ къ себѣ.

Часовъ въ пять вечера Астина разбудила его, говоря:

— Пора вставать, одѣваться къ обѣду! — но никакія увѣщанія не помогли, и она сѣла около него писать письма, промолвивъ съ улыбкой, которая немного освѣтила ея матовое, темное лицо:

— Вотъ эгоистъ!..

Къ обѣду она сошла одна. Зато поздно вечеромъ Стюрель проснулся, отдохнувшій, веселый. Красавица-армянка просила, чтобы онъ подарилъ ей свою „Новую Элоизу“, на которую она смотрѣла какъ на рѣдкость, поясняя при этомъ, что даже на Востокѣ, гдѣ такъ развратенъ народъ, не найти такой грязи, какъ въ этой книгѣ.

Стюрелю показалось забавнымъ, что такая беззастѣнчивая женщина говоритъ такъ презрительно и высокомѣрно, и ей на память онъ вырвалъ изъ засаленнаго томика страницу.

— Самую лучшую!—прибавилъ онъ.—Вы ее можете вклеить въ самый любимый изъ вашихъ романовъ,—и вырвалъ письма: L и LI—„Упреки Юліи ея возлюбленному въ грубости на словахъ и на дѣлѣ послѣ ужина... Влюбленный извиняется...“

Армянку забавляла эта дѣтская шутка, но часа два спустя страничка Руссо, не прочитанная, сгорѣла въ каминѣ.

Въ эту самую минуту Тереза Ализонъ упрекала себя, зачѣмъ она не взяла предложенный ей листокъ.

А. Б—г—.

ЗАДАЧИ МЕДИЦИНЫ

ВЪ БУДУЩЕМЪ

I.

Умирали люди всегда до насъ, умираютъ они и теперь, будутъ умирать, конечно, и послѣ. Но, спрашиваютъ нѣкоторые, слѣдуетъ ли отсюда, что умъ, вооруженный знаніями, никогда не положитъ предѣла этому „послѣ“, и что смерть останется вѣчнымъ удѣломъ человѣчества?

Каждый организмъ—всего прежде опредѣленная сумма матеріи; являясь ея источникомъ, земной шаръ можетъ поставлять ее въ опредѣленныхъ только предѣлахъ. Если бы какой-либо зоологическій видъ могъ, нормально размножаясь, безконечно жить, то долженъ былъ бы наступить моментъ, когда бы онъ вытѣснилъ собою все живущее и ростущее на землѣ, когда бы онъ поглотилъ весь запасъ матеріи, за счетъ которой развивается и существуетъ все способное къ жизни. А тогда либо голодъ положилъ бы конецъ безсмертію, либо—до того еще—потеря способности къ размноженію, предупредивъ приростъ безконечно живущаго, предупредила бы и неизбѣжность голода. Такимъ образомъ, самое меньшее, что̀ требовалось бы для осуществленія принципа безсмертія—это потеря способности къ поддержанію вида. А это—вещь и нежелательная, и невозможная.

Нежелательна она потому, что безъ этой способности жизнь, съ одной стороны, лишилась бы поэтической окраски, скрадывающей тягости ея, съ другой—она лишилась бы смысла и цѣли,

создаваемыхъ привязанностью и необходимостью заботы о потомствѣ.

Невозможна она потому, что способность къ размноженію, это—основное свойство всего живого вообще и живой клѣтки въ частности. Безъ этого свойства немыслимо существованіе какого бы то ни было организма: всѣ жизненные процессы протекаютъ при обильныхъ тканевыхъ тратахъ, при постоянномъ умираніи входящихъ въ составъ тканей клѣтокъ. Не располагай клѣтки, оставшіяся еще въ живыхъ, способностью къ размноженію, траты эти не могли бы возстановляться, и организмъ чрезвычайно быстро изнашивался бы и погибалъ.

Представляясь роковой необходимостью въ качествѣ неизсякаемаго источника обновленія жизни, смерть проявляетъ неодинаковое отношеніе къ различнымъ индивидуумамъ. Въ то время, какъ одни умираютъ въ очень раннемъ возрастѣ, другіе умираютъ очень поздно; тогда какъ организмъ однихъ разрушается при страданіяхъ, и при страданіяхъ, подчасъ, весьма жестокихъ, организмъ другихъ идетъ къ своему концу съ такою же незамѣтной постепенностью, съ какой онъ росъ и развивался. Свидѣтельствуя о томъ, что въ большинствѣ люди живутъ гораздо меньше, чѣмъ они могли бы жить, и что умираютъ они при условіяхъ, незаконно отягощающихъ процессъ умиранія, факты эти въ то же время выдвигаютъ вопросъ о томъ, нельзя ли, во-первыхъ, жизнь безъ физическихъ страданій и смерть отъ старости изъ возможнаго сдѣлать обычнымъ,—изъ исключенія превратить въ правило; во-вторыхъ, нельзя ли путемъ искусственнаго замедленія процесса изнашиванія организма значительно отодвинуть какъ наступленіе старости, такъ и самый моментъ смерти?

Практическое разрѣшеніе поставленной задачи всего прежде наталкивается на вопросъ: въ чемъ секретъ смерти, какими путями природа всегда добивается этой роковой необходимости?

Сущность жизни сводится къ постоянному переходу скрытой энергіи въ живыя силы—въ тепло и движеніе. Основанный на процессахъ окисленія, переходъ этотъ сопряженъ съ уничтоженіемъ, со сгораніемъ тканей организма. Убыль послѣднихъ постоянно пополняется на счетъ пищевыхъ веществъ, которыя, послѣ соотвѣтственной переработки въ пищеварительномъ каналѣ, поступаютъ въ кровеносную систему и, уподобляясь организму, превращаются въ живыя ткани. Такимъ образомъ, жизнь протекаетъ при постоянномъ обмѣнѣ веществъ, при постоянной тканевой тратѣ и при постоянномъ возстановленіи всего того, что̀ поглощается жизненными процессами. Казалось бы поэтому, что

для смерти нѣтъ разумныхъ физіологическихъ основаній; что до тѣхъ поръ, пока въ организмъ вводится соотвѣтственное количество пищевыхъ веществъ, нѣтъ причинъ къ его изнашиванію. И дѣйствительно, въ молодости организмъ не только, повидимому, не разрушается, но, напротивъ, развивается, увеличиваясь какъ въ вѣсѣ, такъ и въ размѣрахъ. Это увеличеніе, очень рѣзкое въ ранніе годы жизни, начинаетъ постепенно уменьшаться и, пріостановившись затѣмъ, смѣняется вѣсовой убылью, прогрессивно наростающей до самой смерти. Очевидно, что въ болѣе ранніе періоды своего существованія организмъ мало того, что располагаетъ способностью возстановлять свои траты, но онъ располагаетъ еще опредѣленнымъ запасомъ силъ, подъ вліяніемъ котораго уподобленіе пищевыхъ веществъ происходитъ въ предѣлахъ, превышающихъ тканевой расходъ. Разъ это такъ, разъ здоровый организмъ располагаетъ врожденной способностью съ избыткомъ доставлять все нужное для текущей своей жизни, то очевидно, что причину его изнашиванія нужно искать не столько въ немъ самомъ, сколько во вліяніяхъ, внѣ его лежащихъ.

Молодость, зрѣлость и старость наступаютъ въ болѣе или менѣе одинаковомъ возрастѣ у всѣхъ насъ. Значитъ, въ среднемъ, сумма внѣшнихъ вліяній, подтачивающихъ организмъ—величина болѣе или менѣе постоянная; а потому нужно думать, что вліянія эти должны лежать въ томъ, съ чѣмъ человѣкъ постоянно сталкивается и безъ чего мы не можемъ себѣ его представить. Немыслимъ же онъ безъ воды и пищи, внѣ воздуха и условій борьбы за существованіе.

Воздушная атмосфера, доставляющая нашему организму самый необходимый для его существованія элементъ, кислородъ, состоитъ изъ газовъ съ примѣсью пыли и водяныхъ паровъ.

Многочисленными изслѣдованіями твердо установлено, что газы воздуха хотя и могутъ подвергаться нѣкоторымъ количественнымъ колебаніямъ, но въ такой незначительной степени, что, не грѣша противъ истины, можно говорить о постоянствѣ состава воздушной среды. Фактъ этотъ можно себѣ весьма просто объяснить тѣмъ, что сумма міровыхъ процессовъ, протекающихъ внѣ земли, на ней и въ нѣдрахъ ея, болѣе или менѣе правильно повторяется изъ года въ годъ; завися отъ этихъ процессовъ, составъ атмосферы не можетъ, конечно, подвергаться рѣзкимъ колебаніямъ. Это ничуть не исключаетъ частныхъ вліяній, отражающихся на качествѣ воздуха даннаго мѣста. На берегу моря, напримѣръ, кислорода будетъ больше, чѣмъ надъ поверхностью болота; въ городѣ, гдѣ матеріала для гніенія больше,

чѣмъ въ деревнѣ, воздухъ будетъ богаче аммiакомъ; въ мѣстахъ, гдѣ геологическiе процессы въ глубокихъ слояхъ земли даютъ множество углекислыхъ источниковъ, воздухъ будетъ насыщеннѣе углекислотой, въ то время какъ при устьяхъ рѣкъ, гдѣ подъ влiянiемъ гнiющихъ растенiй происходитъ постоянное возстановленiе сѣрнокислой соли морской воды, онъ будетъ изобиловать сѣроводородомъ. Однако сфера влiянiя этихъ частныхъ условiй очень ограничена; уже въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ источникомъ усиленнаго образованiя того или иного газа какъ качественныя, такъ и количественныя особенности воздуха даннаго мѣста исчезаютъ. Зависитъ это отъ того, что воздушная атмосфера никогда не находится въ состоянiи абсолютнаго покоя; при самой тихой погодѣ въ ней происходитъ безостановочное передвиженiе слоевъ, благодаря которому входящiе въ ея составъ газы быстро между собою диффундируютъ, смѣшиваются. Обезпеченная опредѣленнымъ, болѣе или менѣе постояннымъ количествомъ газовъ, атмосфера обезпечивается такимъ образомъ и отъ неравномѣрнаго ихъ распредѣленiя.

Все относящееся къ газамъ воздуха въ значительной степени относится и къ механическимъ къ нему примѣсямъ.

Принимая въ соображенiе, что температура воздуха и земли, степень высыханiя и вывѣтриванiя почвы, сумма ея испаренiй, общее количество всего живущаго, ростущаго и гнiющаго на землѣ и въ воздухѣ, должны изъ года въ годъ повторяться приблизительно въ однѣхъ и тѣхъ же среднихъ цифрахъ, можно à priori допустить, что общая сумма взвѣшенныхъ въ воздухѣ неорганическихъ, органическихъ и организованныхъ частицъ болѣе или менѣе постоянна. Само собою разумѣется, что въ одномъ мѣстѣ количество и характеръ этихъ пылеобразныхъ частицъ могутъ быть одни, въ другомъ—иные; однако и тутъ постоянное перемѣщенiе воздушныхъ слоевъ создаетъ тенденцiю къ болѣе или менѣе равномѣрному распредѣленiю частицъ и извѣстному, значитъ, однообразiю состава.

Что опредѣленное минимальное количество механическихъ примѣсей въ воздухѣ не только обычно, но обязательно, вытекаетъ изъ того одного уже, что примѣси эти являются для насъ факторомъ первостепенной важности. Приспособленный къ воспрiятiю отраженнаго только свѣта, нашъ зрительный аппаратъ не получалъ бы свѣтовыхъ впечатлѣнiй, еслибы въ воздухѣ не были взвѣшены твердыя пылеобразныя частицы. Весьма простые опыты Тиндаля дѣлаютъ очевиднымъ, что при отсутствiи механическихъ примѣсей мы были бы погружены во мракъ. Удаляя гдѣ-

нибудь по пути электрическаго луча воздушную пыль, Тиндаль въ соотвѣтственномъ мѣстѣ прерывалъ лучъ темнымъ пятномъ. Если, напримѣръ, лучъ пропускался сквозь стеклянный колоколъ, наполненный какимъ-нибудь химически чистымъ газомъ, то мѣсто, соотвѣтствовавшее колоколу (газу), представлялось совершенно чернымъ [1]).

Нашъ зрительный аппаратъ, до тѣхъ поръ, пока онъ здоровъ, ни на одну секунду не лишается способности воспринимать свѣтовыхъ впечатлѣній; стало быть, воздушная атмосфера, способствующая плавающей въ ней пылью акту свѣтового воспріятія, ни на одну секунду не перестаетъ содержать опредѣленнаго минимума механическихъ примѣсей. Если принять въ соображеніе, что примѣси эти, будь онѣ неорганическія, органическія или организованныя, всегда болѣе или менѣе вредны для нашего здоровья, то окажется, что въ воздушной атмосферѣ параллельно съ элементомъ, способствующимъ жизни (кислородъ), всегда встрѣчается ей враждебный элементъ. Если же къ этому прибавить постоянство состава воздушной среды, то станетъ очевиднымъ, что оба указанные элемента должны находиться въ опредѣленномъ между собою соотношеніи, т.-е. на данный объемъ того, что̀ способствуетъ цѣлямъ жизни, долженъ всегда падать соотвѣтственный минимумъ того, что̀ способствуетъ цѣлямъ смерти.

Воздухъ мы вводимъ въ нашъ организмъ безпрерывно въ теченіе дня и ночи и притомъ въ извѣстномъ среднемъ суточномъ количествѣ; стало быть, въ цѣляхъ жизни мы мало того, что вынуждены наносить нашему организму безпрерывный вредъ, но при обычныхъ условіяхъ вредъ этотъ никогда не падаетъ ниже опредѣленнаго минимума.

Сказанное о воздухѣ въ значительной мѣрѣ относится также къ пищѣ и къ водѣ.

Вода—это среда, въ изобиліи населенная. Все живое поставляетъ ей ядовитые продукты своей жизни; все мертвое, разлагаясь, отравляетъ ее. Такимъ образомъ, служа интересамъ жизни, питьевая вода въ то же время всегда служитъ интересамъ смерти; при этомъ ущербъ, наносимый ею нашему организму, въ общемъ не можетъ падать ниже опредѣленнаго минимума, такъ какъ съ одной стороны мы потребляемъ извѣстный суточный минимумъ воды, а съ другой—самая лучшая питьевая вода заключаетъ въ себѣ опредѣленный минимумъ неорганическихъ, органическихъ и организованныхъ началъ.

---

[1]) Доброславинъ. Гигіена по лекціямъ, 1878 г.

Въ пищевыхъ веществахъ вредный элементъ обыченъ до обязательности. Растительной пищей мы, вмѣстѣ съ необходимымъ для жизни, вносимъ начала ненужныя, обременяющія (клѣтчатка), вредныя и прямо ядовитыя. Растительная пища очень богата калійными солями, а онѣ — весьма сильный ядъ. По вычисленіямъ Richet [1]), мы въ теченіе пяти сутокъ поглощаемъ при обычной пищѣ нашей смертельную дозу этого яда.

Съ животной пищей дѣло обстоитъ не лучше. Не говоря о томъ, что и она содержитъ въ себѣ калійныя соли, не говоря также о томъ, что нерѣдко въ пищу употребляются органы и ткани больныхъ животныхъ, и что никогда почти животная пища не доставляется намъ абсолютно свѣжей,—мнѣ думается, что пища эта должна быть всегда болѣе или менѣе ядовитой.

Химико-физическіе процессы, лежащіе въ основаніи жизни, приводя съ одной стороны къ развитію тепла и движенія, съ другой—приводятъ къ образованію побочныхъ ядовитыхъ продуктовъ. При нормальныхъ условіяхъ организмъ ограждаетъ себя отъ ихъ гибельнаго вліянія отчасти путемъ обезвреживанія, отчасти путемъ удаленія ихъ почками, кишечникомъ, легкими и кожей. При опредѣленныхъ ненормальныхъ условіяхъ сила образованія этихъ продуктовъ въ такой степени возрастаетъ, что наличныхъ силъ организма не хватаетъ ни на удаленіе, ни на нейтрализацію ихъ; наводнивъ собою поэтому организмъ, они вызываютъ самоотравленіе, способное привести къ полной гибели.

Случаи изъ патологіи человѣка учатъ, что подъ вліяніемъ нервныхъ потрясеній самоотравленіе можетъ развиться почти моментально. Я имѣю здѣсь въ виду такъ-называемую Базедову болѣзнь, которая съ одной стороны появляется обычно вслѣдъ за психическимъ толчкомъ, и сущность которой, съ другой стороны, сводится новѣйшими изслѣдованіями къ отравленію организма собственными побочными продуктами жизни.

Шарко [2]) наблюдалъ у одной дамы Базедову болѣзнь, которая развилась подъ вліяніемъ испуга отъ открывшейся бомбардировки Александріи. Первые симптомы недуга появились сейчасъ же за испугомъ, а полная картина болѣзни развернулась въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Grube [3]) наблюдалъ женщину, которая заболѣла подъ вліяніемъ сильнаго испуга отъ извѣстія, что у нея въ мочѣ найденъ

---

[1]) Richet. Самозащита организма. Русск. пер. 1895.

[2]) Поликлин. въ русск. пер. 1887—1888.

[3]) Neürologisch. Centrbl. 1894 г. № 6.

сахаръ. Типичная картина болѣзни развилась у нея въ теченіе двухъ недѣль, а черезъ полтора мѣсяца она была уже трупомъ. Болѣе этого назидателенъ случай, опубликованный Moore [1]). Получивъ письмо съ извѣстіемъ о смерти брата, одна дѣвушка до того была потрясена, что непосредственно за прочтеніемъ письма проявила картину весьма бурной формы Базедовой болѣзни. Въ теченіе двухъ сутокъ она совершенно выздоровѣла. Не такъ благопріятно протекъ случай Chevalier [2]), гдѣ въ теченіе четырехъ дней больной умеръ въ конвульсіяхъ.

Нечего, конечно, доказывать, что никакое нервное потрясеніе не можетъ сравниваться съ тѣмъ, которое переживаетъ приговоренный къ смерти въ моментъ осуществленія приговора. У животныхъ, погибающихъ на бойняхъ, тѣмъ труднѣе допустить отсутствіе сознанія предстоящей имъ смерти, что убой производится на ихъ глазахъ, и что въ отдѣльныхъ случаяхъ они проявляютъ это сознаніе не только безпокойствомъ, но яростью и стремленіемъ уйти отъ рукъ своихъ палачей.

Допустивъ, что животныя сознаютъ предстоящую имъ опасность, нельзя не допустить, что подъ вліяніемъ ими переживаемаго ужаса организмъ ихъ долженъ чрезмѣрно продуцировать ядовитые продукты жизни, которые пропитываютъ и отравляютъ идущіе намъ въ пищу ткани и органы [3]).

Стремясь обезпечить за собою опредѣленную долю счастья, человѣку приходится съ одной стороны бороться съ природой, съ другой—съ конкуррирующими собратьями. Требуя напряженія умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ силъ, борьба эта протекаетъ при цѣломъ рядѣ удачъ и неудачъ и при вытекающей изъ нихъ смѣнѣ радостей и горя. Нѣтъ человѣка, который бы абсолютно стоялъ въ сторонѣ отъ этой борьбы; равно какъ нѣтъ человѣка, который достигъ бы абсолютнаго счастья. И какъ нѣтъ перваго и второго, такъ нѣтъ также человѣка, который въ теченіе своей жизни многократно не извѣдалъ бы непріятностей и горя. Если принять въ соображеніе губительное дѣйствіе на организмъ чрезмѣрнаго мышечнаго и нервнаго напряженія вообще и сильныхъ нервныхъ потрясеній въ частности, если къ этому прибавить, что непріятное чувство является дробной частью этихъ

---

[1]) P. Mannheim. Morbus Gravesii. Berlin, 1894.

[2]) Тамъ же.

[3]) Указанныя условія усиливаютъ только ядовитость и безъ того ядовитой животной пищи. Если при обычныхъ условіяхъ мясо не вызываетъ видимаго отравленія, то исключительно потому, что мы вводимъ его въ недостаточномъ для того количествѣ.

потрясеній, то станетъ очевиднымъ, что въ погонѣ за счастьемъ человѣкъ не только утомляется и страдаетъ, но, дѣлая то и другое, вступаетъ къ конфликтъ съ интересами своего здоровья, покупая дорогой цѣной то, что ему кажется счастьемъ.

Только-что сдѣланная характеристика той среды и тѣхъ условій, которыя являются насущными для жизни, вполнѣ опредѣляетъ и тотъ путь, которымъ природа всегда добивается гибели живущаго.

Не говоря о томъ ущербѣ, который мы вынуждены наносить нашему организму, отвоевыя себѣ право на существованіе, мы, чтобы жить, должны дышать, ѣсть и пить; а дѣлая одно, другое и третье, мы, вмѣстѣ съ необходимымъ для жизни, неизбѣжно вводимъ въ наше тѣло опредѣленный минимумъ разрушающихъ его началъ. Самъ по себѣ взятый слѣдъ этого разрушенія является въ каждый данный моментъ совершенно незамѣтной величиной, но, суммируясь изо дня въ день, слѣдъ этотъ принимаетъ все болѣе и болѣе ясныя очертанія. Въ началѣ онъ тѣмъ легче ускользаетъ отъ вниманія, что, касаясь очень малыхъ дробныхъ частей запасныхъ силъ организма, не препятствуетъ прогрессивному тѣлесному и духовному развитію на счетъ нетронутой еще части резерва. Но по мѣрѣ того, какъ резервъ этотъ истощается, прогрессивное развитіе организма все болѣе и болѣе понижается; такъ дѣло тянется до тѣхъ поръ, пока вся наличность запасныхъ силъ не истощится. Настаетъ зрѣлость, т.-е. моментъ, когда вредное начинаетъ посягать уже на основныя силы организма. Захваченныя процессомъ разрушенія, также и онѣ начинаютъ понемногу идти на убыль. Незамѣтно подкрадывается такимъ образомъ старость, а за нею и смерть.

Итакъ, мы умираемъ потому, что условія *жизни* нераздѣльны съ условіями *смерти*. Являясь безконечнымъ источникомъ обновленія первой, смерть должна быть внѣ всякихъ случайностей; поэтому природа въ такой степени тѣсно сплела ее съ жизнью, что, еле успѣвъ родиться, мы начинаемъ уже умирать и, разъ начавъ, мы не знаемъ остановокъ,—мы умираемъ каждый день, каждый часъ, каждую минуту. Мечтать при указанныхъ условіяхъ, какъ это дѣлаетъ д-ръ Гуринъ [1]), о безсмертіи, — это

[1]) Заканчивая въ „Русской Медицинѣ“ описаніе способа леченія легочной чахотки, д-ръ Гуринъ замѣчаетъ: „послѣ безконечно великихъ побѣдъ человѣческаго генія эта задача не будетъ изъ трудныхъ. Если для насъ очевидно, въ тайнѣ какихъ процессовъ непрерывно сохраняется и совершается жизнь земныхъ организмовъ изъ поколѣній въ поколѣніе, то скоро будетъ ясно, какими средствами мы достигнемъ неувядаемой юности и произвольнаго долголѣтія. Никогда природа не скрывала своихъ тайнъ отъ понимающихъ и испытывающихъ ее“.

значило бы мечтать выйти побѣдителемъ изъ войны со всѣми законами природы. Если мы смѣемъ на что-либо надѣяться, то во всякомъ случаѣ не на уничтоженіе нераздѣльной связи смерти и жизни, но на то лишь, чтобъ связь эту сдѣлать менѣе тѣсной,—на то, чтобъ, оставаясь вѣрными данниками смерти, мы могли общую сумму ею получаемыхъ съ насъ поборовъ распредѣлить на болѣе продолжительный только періодъ времени.

Какъ всегда раньше, такъ всегда и впредь, мы будемъ стремиться обезпечить за собою возможно бóльшую сумму счастья. И какъ въ прошломъ, такъ всегда и въ грядущемъ, мы въ упорной борьбѣ за счастье будемъ терять жизнь.

Ни теперь, ни въ будущемъ, мы не можемъ, конечно, отказаться отъ воздуха, воды и пищи.

Но если мы никогда не перестанемъ нуждаться въ пищѣ, то это не значитъ, что и всегда въ будущемъ мы не въ состояніи будемъ осуществить идеала гигіенистовъ, мечтающихъ о химически чистыхъ продуктахъ, какъ о совершенныхъ пищевыхъ веществахъ. Есть полное, однако, основаніе усомниться въ томъ, чтобъ осуществленіе ихъ идеала оправдало возлагаемыя на него надежды. Мнѣ думается, что, въ качествѣ пищевыхъ веществъ, химически чистые продукты никогда не замѣнятъ собою тканей и óргановъ. Въ послѣднихъ, помимо „питательнаго", т.-е. помимо началъ, которыя могутъ переработаться, усвоиться и уподобиться организму, заключаются еще продукты ихъ спеціальной дѣятельности, которые, въ зависимости отъ особенностей данной ткани или органа, то служатъ цѣлямъ самозащиты организма, то имѣютъ назначеніемъ уничтожать ядовитые продукты жизни, то способствуютъ обмѣну веществъ, то поддерживаютъ дѣятельность нервной системы, то облегчаютъ переработку и усвоеніе пищи. Вносимыя въ готовомъ уже видѣ, начала эти экономизируютъ въ молодомъ организмѣ затрачиваемыя на ихъ производство силы; въ организмѣ же поношенномъ, неспособномъ къ совершенной физіологической дѣятельности, они пополняютъ собой ихъ недопроизводство и тѣмъ предохраняютъ организмъ отъ быстраго разрушенія.

При опредѣленныхъ преимуществахъ, химически чистыя пищевыя вещества имѣютъ такимъ образомъ отрицательное значеніе болѣе чреватое послѣдствіями, чѣмъ тотъ вредъ, который, какъ мы выше видѣли, свойственъ растительной и животной пищѣ.

Въ отношеніи воды мы въ болѣе счастливомъ положеніи, такъ какъ давнымъ давно уже научились добывать идеально-чистую, перегнанную воду. Вопросъ только, насколько такая вода

соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ требованіямъ организма? Не существуютъ ли наряду съ бактеріями, ненужными и вредными для здоровья, также полезныя и необходимыя для нашей жизни? Исключивъ изъ питьевой воды всѣхъ микробовъ, мы, быть можетъ, одно вредное замѣстили бы другимъ?

Въ 1885 году Declaux [1]) опубликовалъ экспериментальную работу, которая доказываетъ, что молодыя растенія прекрасно ростутъ и развиваются на почвѣ, богатой органическими веществами, но лишенной микробовъ и ихъ зародышей, что, иными словами, микробы не являются элементомъ, необходимымъ для жизни растеній.

Это нисколько не помѣшало Пастеру высказать предположеніе, что безъ участія бактерій молодыя животныя должны плохо питаться и погибать.

Соглашаясь съ Пастеромъ, что существуютъ бактеріи, производящія начала, тожественныя началамъ, вырабатываемымъ пищеварительными железами, и что существуютъ, стало быть, микробы, полезные для дѣла питанія организма, Declaux [2]) въ то же время принимаетъ, что и безъ ихъ участія пищеварительный каналъ способенъ продуцировать все необходимое для совершенной физіологической его дѣятельности.

Nencki [3]) отказываетъ Пастеру даже и въ этой уступкѣ. Онъ находитъ, что продукты дѣятельности микробовъ—это ароматныя кислоты, онѣ же больше вредны, чѣмъ полезны.

Чрезвычайно цѣннымъ въ рѣшеніи затронутаго вопроса является экспериментъ, произведенный въ послѣднее время Nutal и Thierfelder [4]). У морской свинки въ послѣдніе дни беременности ея они произвели кесарское сѣченіе при соблюденіи всѣхъ правилъ асептики и антисептики. Извлеченную свинку они немедленно перенесли въ стеклянный колоколъ, который былъ такъ устроенъ, что воздухъ, лишенный углекислоты и водяныхъ паровъ, поступалъ туда безъ всякой примѣси бактерій. Путемъ очень остроумнаго приспособленія всѣ экскременты животнаго весьма легко удалялись. Пища, въ видѣ кипяченаго молока, доставлялась свинкѣ при посредствѣ особеннымъ образомъ приспособленнаго гуттаперчеваго соска. Экспериментъ, въ виду многосложности своей, продолжался всего 8 дней. Въ теченіе ихъ свинка повидимому прекрасно себя чувствовала, нормально раз-

1) Comptes Rendus, t. c., p. 68.
2) Annales de l'institut Pasteur, p. 897, 1895.
3) Archiv f. exp. Pathol. u. Pharmak. T. XX, p. 385, 1886.
4) Annales de l'institut Pasteur, p. 899, 1895.

вивалась и увеличилась съ 73 граммовъ первоначальнаго своего вѣса до $82^1/_2$, т.-е. на 10 почти граммовъ. Въ то же время контрольная свинка (родной братъ экспериментируемой), росшая при обычныхъ условіяхъ, вѣсила въ моментъ окончанія эксперимента тоже 83 только грамма. Изслѣдованіе содержимаго кишечника и колокола доказало полное въ нихъ отсутствіе бактерій. Такимъ образомъ, участіе микробовъ въ дѣлѣ питанія и роста организма не является, по всѣмъ видимостямъ, дѣломъ обязательнымъ. А потому представляется возможнымъ допустить, что при прочихъ своихъ преимуществахъ перегнанная вода не является вредной при отсутствіи въ ней бактерій. Правда, вода эта имѣетъ противный, тошнотворный вкусъ, но этотъ недостатокъ ея зависитъ отъ отсутствія въ ней газовъ и легко устранимъ: стоитъ только пропустить такую воду сквозь воздушный слой, поглотивъ изъ него газы, и она возвращаетъ себѣ обычный вкусъ питьевой воды. Главный недостатокъ ея—это дороговизна, дѣлающая ее недоступной для громаднаго большинства, а при такихъ условіяхъ она теряетъ свои преимущества для отдѣльныхъ лицъ.

Находясь постоянно въ кругу вреднаго и опаснаго для жизни, организмъ быстро погибалъ бы, если бы не располагалъ способностью къ самозащитѣ. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о сущности этой способности, укажу только, что въ общемъ организмъ тѣмъ легче и совершеннѣе приспособляется къ опасности, чѣмъ медленнѣе она надвигается. Неся опредѣленныя жертвы, организмъ не только можетъ приспособиться къ самому страшному яду, но даже къ порціямъ, во много превышающимъ смертельную дозу его.

Тотъ, кто всегда пьетъ скверную, загрязненную воду, поставленъ въ условія систематически отравляемаго. Неся опредѣленную дань вредному, онъ въ то же время болѣе или менѣе ограждаетъ себя путемъ соотвѣтственнаго приспособленія отъ опасностей грознаго характера. Тотъ, кто пьетъ всегда воду идеальной чистоты, избавляетъ себя, конечно, отъ условій, способствующихъ болѣе быстрому изнашиванію организма, но въ то же время онъ устраняетъ себя отъ условій, вызывающихъ привычку къ вредностямъ питьевой воды. Дороговизна и, стало быть, крайняя ограниченность круга потребителей дистиллированной воды ставила бы пользующихся ею въ необходимость прибѣгать отъ времени до времени къ услугамъ обыкновенной питьевой воды. Она же, попавъ въ организмъ, мало къ ней приспособленный, должна вызвать съ его стороны бурную, болѣзнен-

ную реакцію, а при извѣстныхъ условіяхъ смертельное даже заболѣваніе. Такимъ образомъ, невозможность всегда и всюду имѣть подъ рукой дистиллированную воду совершенно уничтожаетъ ея преимущества. То же относится къ водѣ, раціонально фильтрованной, т.-е. къ водѣ, примѣси которой устранены путемъ продавливанія ее сквозь фаянсовые цилиндры. Къ тому же такая вода не соотвѣтствуетъ требованіямъ идеальной чистоты, такъ какъ фильтръ, задерживая все нерастворенное въ водѣ, пропускаетъ въ то же время все растворенное въ ней.

Единственно доступнымъ для всѣхъ является обезвреживаніе воды путемъ кипяченія. Убивая высокой температурой все живущее въ водѣ, мы оставляемъ однако въ ней все мертвое, взвѣшенное и растворенное. Устраняя, значитъ, то, что можетъ явиться источникомъ опасныхъ заболѣваній (микробы), мы очень мало, однако, задѣваемъ общій минимумъ заключенныхъ въ водѣ вредностей.

Вліять на количественный и качественный составъ воздушной атмосферы—внѣ нашей власти. Я не имѣю, конечно, въ виду того случайнаго и неслучайнаго, наличность котораго связана съ устранимыми особенностями даннаго мѣста и съ устранимыми условіями жизни. Проведя дренажъ и осушивъ болотистое мѣсто, раздвинувъ стѣны и снабдивъ вентиляціей тѣсное и загрязненное жилье, осушивъ и освѣтивъ сырой и темный подвалъ, озаботившись о мостовыхъ и о правильномъ и своевременномъ уничтоженіи отбросовъ, мы, конечно, можемъ въ данномъ мѣстѣ уменьшить въ воздухѣ наличную сумму міазмовъ, болѣзнетворныхъ бактерій и вредныхъ для организма газовъ. Но тотъ минимумъ вреднаго, который зависитъ не отъ частныхъ условій, а отъ общеміровыхъ процессовъ, изъ года въ годъ болѣе или менѣе правильно протекающихъ въ воздухѣ, на землѣ и въ нѣдрахъ ея,—этотъ минимумъ всегда былъ и всегда останется неприкосновеннымъ, такъ какъ въ грядущемъ, какъ и въ прошломъ, процессы эти могутъ отчасти только стать игрушкой каприза и воли человѣка.

Безсильные видоизмѣнить составъ воздуха, мы располагаемъ, однако, возможностью въ значительной мѣрѣ оградить себя отъ примѣсей его.

Какъ извѣстно, воздухъ, проходя сквозь слой ваты, оставляетъ на ней все плавающее въ немъ. Поэтому, плотно прикрывъ ею отверстія рта и носа, мы могли бы доставлять организму воздухъ безъ всякихъ механическихъ примѣсей. Не говорю о томъ, что закупорить свой носъ и ротъ, это значитъ обречь

себя на мученичество и отказаться, въ сущности, отъ жизни ради болѣе продолжительнаго прозябанія; но несомнѣнно и то, что если бы любитель безконечнаго прозябанія и нашелся, то онъ не достигъ бы своей цѣли. Дѣло въ томъ, что безпрерывно жить подъ колпакомъ человѣкъ не можетъ. Онъ долженъ находиться въ общеніи, ѣсть и пить; отъ времени до времени, значитъ, онъ вынужденъ открывать доступъ вреднымъ механическимъ примѣсямъ. Попавъ въ организмъ, мало или совсѣмъ къ нимъ не приспособленный, онѣ, какъ уже раньше указано, должны будутъ оставить болѣе глубокій сравнительно слѣдъ своего воздѣйствія. И такимъ образомъ то, что̀ выиграется на счетъ количественнаго уменьшенія вреднаго, съ избыткомъ потеряется на степени разрушительнаго вліянія его.

Заключеніе, къ которому приводитъ все вышеизложенное, неутѣшительно не только для настоящаго, но и для отдаленнаго будущаго. Мы не можемъ отказаться отъ воздуха, и въ то же время мы не можемъ ни устранить изъ него все вредное, ни устранить себя отъ этого вреднаго.

Не можемъ мы тоже отказаться и отъ пищи,—и въ то же время мы не умѣемъ добывать ее въ совершенно обезвреженномъ видѣ. Быть можетъ и придетъ то время, когда мы будемъ умѣть извлекать все вредное изъ употребляемой нами растительной и животной пищи, но время это въ такомъ безконечно далекомъ будущемъ, за которымъ едва ли угнаться нашему воображенію.

Не можемъ мы отказаться отъ питьевой воды, и въ то же время широкое массовое пользованіе идеально-чистой водой въ будущемъ, какъ и въ настоящемъ, встрѣтитъ непреодолимое препятствіе со стороны дороговизны ея.

Такимъ образомъ, продленіе человѣческой жизни на счетъ уменьшенія общей суммы того вреда, который постоянно на него дѣйствуетъ, если и не является абсолютно призрачнымъ, то и въ будущемъ осуществимо во всякомъ случаѣ въ очень ограниченныхъ только предѣлахъ.

Остается, значитъ, не отказавшись абсолютно отъ только-что очерченнаго малонадежнаго пути, искать выхода еще и по другому.

Если внѣ власти человѣка устранить и устраниться отъ опасностей, неразрывныхъ съ условіями жизни, не можетъ ли онъ противопоставить имъ свои естественныя силы и, разумно направляя ихъ, уменьшить уязвимость организма?

II.

Предъ нами широкая задача—съ одной стороны разобраться въ сущности насъ окружающихъ вредностей, съ другой—ближе познакомиться съ тѣми орудіями самозащиты, которыми организмъ отражаетъ угрожающія ему опасности, и широкое, разумное пользованіе которыми могло бы, быть можетъ, оградить насъ и отъ незаконныхъ страданій, и отъ преждевременной гибели.

Въ общемъ, какъ источниками заболѣваній, такъ и причинами изнашиванія организма являются яды, микробы, механическія и термическія вліянія.

Нормальное теченіе жизненныхъ процессовъ нашего тѣла возможно при опредѣленной лишь температурѣ его. Какъ слишкомъ большое пониженіе, такъ и чрезмѣрное повышеніе ея ведетъ къ полному прекращенію функцій организма [1]). Такимъ образомъ, непремѣннымъ условіемъ нашего существованія является наличность механизма, который, сообразно обстоятельствамъ, давалъ бы нашему тѣлу возможность то отогрѣваться, то охлаждаться. Цѣлесообразное устройство такого теплового регулятора предполагаетъ въ немъ чуткость къ малѣйшимъ колебаніямъ температуры нашего тѣла. Такъ какъ сознательная оцѣнка недочета или избытка тепла въ организмѣ возможна только при большихъ сравнительно уклоненіяхъ отъ нормы, то тепловой регуляторъ долженъ представлять собою приспособленіе, дѣятельность котораго внѣ зависимости отъ органовъ сознанія.

Источникомъ тепла въ тѣлѣ являются химическіе процессы окисленія — горѣнія тканей.

Побочнымъ продуктомъ этого горѣнія является углекислота. Опредѣляя количество послѣдней въ выдыхаемомъ воздухѣ, можно въ каждый данный моментъ оріентироваться на счетъ напряженности тканевого горѣнія и силы теплопроизводства организма.

Факты учатъ, что въ средѣ болѣе холодной количество выводимой изъ организма углекислоты увеличивается, а въ средѣ менѣе холодной оно уменьшается.

Когда Richet [2]) погружалъ двухъ человѣкъ въ ванны различной температуры, тотъ изъ нихъ, который находился въ болѣе холодной ваннѣ, выводилъ больше углекислоты, чѣмъ тотъ, который находился въ ваннѣ болѣе теплой.

---

[1]) Человѣкъ погибаетъ при максимальной температурѣ въ 42½ и при минимальной въ 35° Ц.

[2]) Travaux de laboratoire, t. I, p. 503.

Такимъ образомъ, тепловыя отношенія нашего тѣла всего прежде регулируются усиленіемъ или ослабленіемъ теплопроизводства его.

Вторымъ факторомъ, поддерживающимъ постоянство температуры организма, является механизмъ, регулирующій наши тепловыя траты. Въ основаніи дѣятельности этого механизма лежитъ способность кожныхъ кровеносныхъ сосудовъ сокращаться, съуживаться подъ вліяніемъ холода и расширяться подъ вліяніемъ тепла. Въ холодѣ поэтому общая поверхность крови, протекающей въ кожномъ нашемъ покровѣ, съузится, уменьшится; въ теплѣ же оня расширится, увеличится. А такъ какъ при прочихъ равныхъ условіяхъ количество тепла, отдаваемаго внѣшней средѣ, понижается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ охлаждаемой поверхности и повышается вмѣстѣ съ увеличеніемъ ея, то при внѣшней температурѣ болѣе низкой уменьшенная кровяная поверхность тѣла будетъ меньше относительно отдавать тепла, чѣмъ при температурѣ болѣе высокой.

Защищаясь, стало быть, отъ охлажденія усиленіемъ теплопроизводства и уменьшеніемъ тепловыхъ тратъ, организмъ противодѣйствуетъ усиленному согрѣванію извнѣ уменьшеніемъ теплопроизводства и увеличеніемъ тепловаго расхода.

Все это не удовлетворяло бы, однако, цѣлямъ самозащиты, еслибы организмъ не былъ снабженъ очень сильнымъ спеціальнымъ охладителемъ. Охладитель этотъ—потовыя железы. Приспособляя силу своей дѣятельности къ условіямъ, способствующимъ то бо̀льшему, то ме́ньшему накопленію тепла въ тѣлѣ, потовыя железы выносятъ на поверхность кожныхъ покрововъ то бо̀льшее, то меньшее количество воды. Превращаясь въ паръ, послѣдняя отнимаетъ отъ тѣла огромное количество тепла, и тѣмъ въ соотвѣтственной степени охлаждаетъ организмъ. Какихъ значительныхъ степеней можетъ достигнуть это охлажденіе, видно изъ того одного уже, что въ теченіе сутокъ организмъ нашъ производитъ всего шестую часть того тепла, которое требуется для превращенія литра воды въ паръ.

Что въ цѣломъ тепловой регуляторъ въ совершенствѣ охраняетъ тѣло отъ сколько-нибудь рѣзкихъ колебаній температуры, доказывается слѣдующими опытами Richet и Pictet.

Richet [1]) погружалъ двухъ человѣкъ съ одинаковой температурой тѣла въ воду различной теплоты. Одинъ помѣщался въ ваннѣ горячей—тридцати-семи градусной, другой—въ ваннѣ хо-

---

[1]) Самозащита организма. Русск. пер. 1895 г.

лодной—двадцати-градусной. Первый попадалъ, значитъ, въ среду, температура которой равнялась температурѣ его тѣла, и въ которой охлажденіе его не могло поэтому имѣть почти мѣста; второй же долженъ былъ нести крупныя тепловыя потери, такъ какъ окружавшая его среда была на 17 градусовъ холоднѣе его тѣла. Послѣ получасовой продолжительности ваннъ соотвѣтственныя измѣренія доказали, что температура обоихъ испытуемыхъ была совершенно одинакова.

Тотъ же наблюдатель, погружая въ ледяную воду собакъ, констатировалъ, что въ теченіе двухчасоваго пребыванія въ такой ваннѣ, температура ихъ тѣла не понижалась.

Еще болѣе удивителенъ опытъ Pictet [1]). Онъ помѣщалъ собаку въ ящикъ, температура воздуха котораго была охлаждена до—92°. Въ первые полчаса температура тѣла собаки, вслѣдствіе чрезмѣрной реакціи организма, не только не понизилась, но поднялась даже на ½ градуса. Въ послѣдующіе же 1½ часа она оставалась неизмѣнно нормальной.

Несмотря на то, что мы въ совершенствѣ вооружены противъ холода, несмотря также и на то, что мы облегчаемъ себѣ еще борьбу съ нимъ соотвѣтственно устроеннымъ жильемъ и платьемъ, тѣмъ не менѣе неосторожность или случай неизбѣжно ставятъ насъ нерѣдко въ условія, при которыхъ тѣло внезапно и сильно охлаждается. Въ такихъ случаяхъ можетъ развиться заболѣваніе, и нерѣдко весьма тяжелаго характера.

Въ вопросѣ о простудѣ особенно интереснымъ является то, что подъ ея вліяніемъ часто заболѣваетъ не охлажденная, а отдаленная отъ нея часть тѣла, и что самое заболѣваніе имѣетъ обычно характеръ инфекціоннаго. Ступивъ босикомъ на холодный полъ, мы получаемъ не болѣзнь ступни, а насморкъ; подъ вліяніемъ же сквозняка у насъ можетъ развиться крупозное воспаленіе легкихъ, т.-е. болѣзнь несомнѣнно микробнаго происхожденія.

Завѣса таинственности, такъ долго прикрывавшая собою вопросъ о сущности простуды, въ послѣднее время въ значительной мѣрѣ приподнята изслѣдованіями Пастера, Трапезникова и Bouchard. Изслѣдованіями этими твердо установлено, что подъ вліяніемъ охлажденія способность организма противодѣйствовать микробамъ замѣтно понижается.

Курица, какъ извѣстно, не воспріимчива къ сибирской язвѣ.

---

[1]) Revue scientifique, 1893.

Но когда Пастеръ охлаждалъ тѣло ея, эта невосприимчивость исчезла [1]).

Трапезниковъ [2]) вспрыснулъ въ кровь курицы сибиреязвенные зародыши. Курица не погибла, и въ теченіе 180 дней въ кровяныхъ тѣльцахъ ея можно было доказать присутствіе сибиреязвенныхъ зародышей. Когда же, по истеченіи полугода, тѣло ея охладили, зародыши развились, и бактеріи, освободившись отъ кровяныхъ шариковъ, вызвали заболѣваніе и гибель курицы.

Пастеръ, а за нимъ и Bouchard нашли, что въ крови нѣтъ ни микробовъ, ни ихъ зародышей. Однако, когда Bouchard [3]). понижалъ охлажденіемъ температуру тѣла свинокъ до 31 градуса, въ посѣвахъ изъ крови ихъ выростали бактеріи.

Изъ послѣдняго опыта явствуетъ, что если въ крови не находятъ обычно бактерій, то не потому, что онѣ не поступаютъ въ кровеносную систему, но вслѣдствіе того, что онѣ быстро тамъ погибаютъ. Когда же путемъ охлажденія гибельное вліяніе крови на бактеріи ослабляется, онѣ, попавъ въ кровеносную систему, продолжаютъ тамъ еще жить. До тѣхъ же поръ, пока онѣ тамъ живутъ, въ посѣвахъ изъ крови должны выростать, конечно, микробы.

Если нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что холодъ способствуетъ развитію инфекціонныхъ заболѣваній тѣмъ, что увеличиваетъ уязвимость организма для микробовъ, то есть основаніе сомнѣваться въ томъ, чтобы однимъ этимъ исчерпывалась вся сущность простуды.

Дѣло въ томъ, что черезъ дыхательные пути Гамалѣѣ удавалось зараженіе животныхъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ лишь тогда, когда соотвѣтственнаго вида микробы вводились туда послѣ предварительнаго нарушенія цѣлости слизистой оболочки; при неповрежденномъ ей состояніи зараженіе животныхъ никогда ему не удавалось [4]).

Это всего прежде могло зависѣть отъ того, что ненарушенный въ своей цѣлости слизистый покровъ непроходимъ для микробовъ; встрѣчая барьеръ, преграждающій имъ доступъ въ глубь тѣла, микробы не могутъ, конечно, вызвать зараженія.

Но, какъ мы уже видѣли изъ опыта Bouchard и какъ увидимъ еще дальше, слизистыя оболочки въ дѣйствительности про-

---

[1]) S. Bernheim. Immunisation et ser.-thérap., p. 14, 1895.

[2]) Тамъ же.

[3]) Congrès de Berlin, 1890.

[4]) S. Bernheim. Immunisation et ser.-thérap., 1885, p. 17.

ницаемы для микробовъ [1]). Стало быть, неудачныя попытки Гамалѣи во всякомъ случаѣ зависѣли не отъ того, что микробы не попадали въ глубь организма. А тогда становится вѣроятнымъ, что, пробираясь сквозь ткань слизистаго покрова, низшіе организмы обычно подвергаются съ его стороны какому-то вліянію, ослабляющему ихъ жизненность. Вслѣдствіе этого, когда слизистая оболочка не нарушена въ своей цѣлости, микробы, ослабляясь ея вліяніемъ, попадаютъ въ глубь тѣла при уменьшенной способности къ самооборонѣ. Слабые, они легко гибнутъ въ борьбѣ съ организмомъ, не вызывая его зараженія.

Когда же слизистая оболочка нарушена въ своей цѣлости, микробы проходятъ въ глубь, минуя ее,—минуя, значитъ, этапъ, ослабляющій ихъ способность къ самозащитѣ. Въ борьбѣ съ организмомъ они могутъ поэтому развить значительную ему противодѣйствующую силу и, оставшись побѣдителями, размножаться и вызвать заболѣваніе.

Основано ли ослабляющее вліяніе слизистой оболочки на той или иной активной дѣятельности ея клѣтокъ, во всякомъ случаѣ дѣятельность эта предполагаетъ присутствіе крови, являющейся, въ качествѣ питательнаго матеріала, основой всякой клѣточной работы. Увеличивается количество этого питательнаго матеріала— и клѣточная дѣятельность наростаетъ; уменьшается оно—понижается и клѣточная работа. А такъ какъ работа эта отражается на жизненности микробовъ, то всякое вліяніе, уменьшающее притокъ крови къ слизистымъ оболочкамъ, являясь условіемъ, благопріятствующимъ микробамъ проникнуть въ глубь при сохранности ихъ оборонительныхъ силъ, служитъ въ то же время условіемъ, благопріятствующимъ инфекціонному заболѣванію.

Холодъ, вызывая съуженіе сосудовъ, вызываетъ также значительный отливъ крови отъ слизистыхъ оболочекъ, и тѣмъ ставитъ организмъ въ положеніе, благопріятное для заболѣванія.

Если принять въ соображеніе, что Brown-Séquard и Толованъ, охлаждая водой одну свою руку, вызывали поблѣднѣніе кожи руки стороны противоположной, то станетъ очевиднымъ, что холодъ не только вліяетъ на сосуды въ районѣ непосредственнаго своего приложенія, но вызываетъ съуженіе ихъ и въ частяхъ, отдаленныхъ отъ этого района. Такимъ образомъ, онъ, не только можетъ явиться толчкомъ къ заболѣванію, но заболѣ-

---

[1]) Неповрежденная кожа абсолютно непроходима для микробовъ. Стало быть попасть въ кровеносную систему они могутъ только проходя сквозь ткань слизистыхъ оболочекъ.

ваніе, ему обязанное своимъ происхожденіемъ, можетъ развиться также вдали отъ мѣста непосредственнаго его приложенія.

Итакъ, уменьшая, съ одной стороны, оборонительныя силы организма, холодъ, съ другой стороны, способствуетъ микробамъ проникать въ глубь тѣла, при значительной сохранности ихъ способности къ самозащитѣ, и тѣмъ вдвойнѣ благопріятствуетъ развитію инфекціонныхъ заболѣваній.

Человѣкъ, систематически пріучающій себя къ холоду, въ то же время пріучаетъ нервы свои слабѣе чувствовать, слабѣе раздражаться холодомъ. Меньшее раздраженіе нервовъ вызываетъ меньшее сокращеніе сосудовъ и меньшій отливъ крови. Поэтому у такихъ людей клѣточная работа, отрицательно вліяющая на жизненность микробовъ, пробирающихся въ глубь тѣла, незначительно только понизится.

Тѣ же, которые привыкаютъ купаться и всегда согрѣвать свои кожные нервы, пріучаютъ ихъ въ то же время сильнѣе чувствовать, сильнѣе раздражаться холодомъ. Болѣе сильное раздраженіе нервовъ вызоветъ болѣе сильное сокращеніе сосудовъ, большій отливъ крови и хотя временное, но болѣе сильное пониженіе той клѣточной работы, которая отражается на жизненности микробовъ, пробирающихся въ глубь организма.

Благодаря этому, люди первой категоріи должны дѣлаться менѣе предрасположенными къ простуднымъ заболѣваніямъ, чѣмъ люди категоріи второй. Въ дѣйствительности оно такъ и бываетъ.

Въ то время какъ человѣкъ, систематически закалившій себя противъ холода, безъ всякихъ вредныхъ для себя послѣдствій обнажаетъ тѣло на морозѣ и бросается въ ледяную воду, привыкшій прятаться отъ холода не можетъ промочить своей обуви безъ того, чтобы не простудиться и не заболѣть.

Если несомнѣнно, что организмъ достаточно совершенно вооруженъ противъ вліяній, способныхъ чрезмѣрно поднять его температуру, то несомнѣнно также и то, что существуютъ условія, которыя вносятъ въ механизмъ, регулирующій тепловыя отношенія, полную неурядицу. При усиленномъ увеличеніи химическихъ процессовъ горѣнія тѣла, кожные сосуды могутъ оказаться съуженными, тепловыя траты ослабленными, а спеціальный охладитель организма бездѣйствующимъ. Получающееся отъ всего этого накопленіе тепла съ внѣшней стороны выразится замѣтнымъ повышеніемъ температуры тѣла.

Факты, однако, учатъ, что обычнымъ поводомъ къ такого рода физіологической неурядицѣ служатъ инфекціонныя заболѣванія,

и что микробы, являющіеся причиной этихъ заболѣваній, ослабляются, теряютъ жизненность подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго тепла. Такимъ образомъ, то, что̀ сразу производитъ впечатлѣніе физіологической нелѣпости, въ дѣйствительности оказывается факторомъ, увеличивающимъ для организма шансы на побѣду въ борьбѣ съ проникшими въ него бактеріями. Но о нихъ рѣчь впереди.

III.

Осторожность въ присутствіи незнакомаго, страхъ предъ сильнымъ, отвращеніе къ вредному,—вотъ тѣ орудія, которыми природа ограждаетъ насъ отъ видимыхъ враговъ. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ мы или уходимъ отъ надвигающейся опасности, или собираемся съ силами, чтобы противопоставить ихъ ей. Когда же при передвиженіяхъ нашихъ въ пространствѣ мы становимся слишкомъ смѣлыми, чувство головокруженія (Richet) пресѣкаетъ наше безумство и заставляетъ отказаться отъ того, что̀ могло бы стать роковымъ для нашего здоровья или жизни.

Эта нѣжная забота о нашемъ благоденствіи на первый взглядъ совершенно не клеится съ тѣмъ, что природа, окруживъ насъ несмѣтнымъ количествомъ враговъ, неустанно стремящихся къ собственному процвѣтанію на счетъ соковъ и тканей нашего организма, сдѣлала ихъ совершенно невидимыми для невооруженнаго глаза. Однако противорѣчіе это—только кажущееся. Видѣть врага цѣлесообразно лишь тогда, когда можно или устранить его, или устраниться отъ него. Не можемъ мы уйти отъ воздуха, воды и пищи. Не можемъ мы, стало быть, избѣгнуть и всего того, что̀ населяетъ эти среды. При такихъ условіяхъ чувство страха и отвращенія явилось бы только источникомъ совершенно ненужныхъ мукъ и страданій. Избавивъ насъ отъ нихъ, природа оказала намъ тѣмъ бо̀льшую услугу, что одновременно съ этимъ снабдила органами самозащиты, которые, не справляясь ни съ нашими чувствами, ни съ желаніями, день и ночь стоятъ на стражѣ нашихъ интересовъ, неустанно отражая нападенія враговъ.

Въ какой степени совершенства мы охраняемся отъ посягательства микробовъ, можно заключить изъ того, что на каждый кубическій метръ воздуха приходится около 27.000 низшихъ организмовъ; вода же Сены содержитъ 200.000 ихъ на каждый свой литръ. Исходя изъ этихъ цифръ и принимая, что въ сутки человѣкъ потребляетъ 2 литра воды и 20 кубическихъ

метровъ воздуха, Richet [1]) приходитъ къ заключенію, что въ теченіе сутокъ въ наши пищевые и дыхательные пути поступаетъ около милліона микробовъ. И со всѣмъ этимъ мы хотя и безсознательно, но болѣе или менѣе успѣшно боремся.

Давнымъ-давно уже знали про существованіе повальныхъ эпидемическихъ болѣзней. Знали при этомъ также и то, что однѣ изъ нихъ проявляютъ какое-то особенное тяготѣніе къ строго опредѣленнымъ мѣстностямъ, въ которыхъ онѣ гнѣздятся то круглый годъ, то опредѣленную только часть его, и что другія, не проявляя никакихъ обязательныхъ отношеній къ мѣсту своего появленія, имѣютъ склонность разбрасываться на громадныя протяженія и исчезать послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго своего существованія.

Зная все это, не знали лишь, откуда эти заболѣванія и какова ихъ сущность. Въ погонѣ за соотвѣтственными разъясненіями не останавливались ни передъ чѣмъ. То происхожденіе ихъ окутывали „астрологической мистикой“, связывая ихъ съ вліяніемъ солнца, луны, планетъ и ихъ спутниковъ; то вина взваливалась на наводненія, землетрясенія и вулканическія изверженія; то причину бѣдъ искали во вліяніяхъ атмосферическихъ, въ какой-то „невещественной порчѣ воздуха“; то, наконецъ, религіозная и національная вражда подсказывала мысль о преднамѣренномъ отравленіи рѣкъ и колодцевъ, приводя къ бѣдствіямъ, во много разъ превышавшимъ самыя бѣдствія отъ заболѣваній. Задумываясь надъ всѣмъ, не задумывались лишь надъ возможностью существованія живого заразнаго начала. Правда, и въ старину еще Varro и Columella [2]) высказались за то, что нѣкоторые виды болотныхъ лихорадокъ зависятъ отъ проникновенія въ тѣло низшихъ организмовъ. Но ихъ мысль не нашла ни сочувствія, ни отклика. Только въ XVII-мъ столѣтіи, когда Левенчукъ впервые открылъ инфузоріи, мысль о томъ, что микроскопическія животныя — истинная причина заразныхъ болѣзней, овладѣла очень многими; но въ какой дикой и каррикатурной формѣ! Этихъ животныхъ рисовали себѣ въ формѣ крылатыхъ хищниковъ, снабженныхъ когтями и искривленнымъ клювомъ и летающихъ въ воздухѣ на подобіе саранчи [3]). Ихъ предлагали поэтому разсѣивать запугиваніемъ. Музыка, крики, барабанный

[1]) Самозащита организма. 1895.

[2]) De re rustica.

[3]) Liebermeister. Руководство къ частной патологіи, изд. Ziemssen'омъ, т. II, ч. 1, 1875.

бой, пушечная пальба—вотъ тѣ предохранительныя мѣры, которыя вытекали изъ извращенно истолкованныхъ научныхъ данныхъ.

Прошли года... И отъ низшихъ организмовъ, какъ источника заболѣваній, стали открещиваться. Нашли, что открываемые при различныхъ болѣзняхъ организмы эти ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ инфузорій; и такимъ образомъ временно померкъ тотъ лучъ свѣта, который былъ брошенъ микроскопомъ въ дѣло разъясненія сущности эпидемическихъ заболѣваній.

Все это было тѣмъ болѣе странно, что способность инфекціонныхъ болѣзней безконечно множиться—прямо наталкивала на мысль, что въ основаніи ихъ должно лежать тѣло изъ растительнаго или животнаго царства. Но заблужденіе изворотливо. Можетъ же пламя безконечно рости, не будучи живымъ существомъ, разсуждали одни. Можно же переносомъ минимальнаго количества матеріи изъ среды въ среду безконечно переносить также процессъ броженія, разсуждали другіе. Такъ разсуждая, болѣе или менѣе успокоились и порѣшили, что въ основаніи заразныхъ болѣзней лежитъ какой-то химическій процессъ—процессъ, вѣроятно, броженія. Тогда еще не знали, что и броженіе находится въ тѣсной причинной связи съ жизнедѣятельностью низшихъ организмовъ.

Первый, кто ясно, твердо и опредѣленно произнесъ слово „микробъ“, былъ Пастеръ. Но если ему бактеріологія обязана своимъ существованіемъ, то несомнѣнно, что Мечникову всего прежде медицина обязана разъясненіемъ сущности самозащиты организма отъ микробовъ. Его заслуги тѣмъ болѣе велики, что, будучи естествоиспытателемъ, онъ со свойственной ему широтой взгляда и во всеоружіи эксперимента вынужденъ былъ вступить въ совершенно чуждую ему область—область медицины.

Нужно замѣтить, что кровь, выпущенная изъ сосудовъ, представляется жидкой и въ такомъ видѣ извѣстна подъ названіемъ кровяной плазмы. Постоявъ нѣкоторое время, она начинаетъ свертываться, т.-е. выдѣлять изъ себя твердую волокнистую массу, такъ называемый фибринъ. Кровяная плазма, лишенная фибрина и кровяныхъ тѣлецъ, называется сывороткой. Стало быть, кровь состоитъ изъ сыворотки, фибрина и кровяныхъ тѣлецъ. Громадное большинство послѣднихъ безцвѣтно и располагаетъ способностью мѣнять свою форму и самостоятельно передвигаться. Около 20% ихъ, названныхъ лейкоцитами или фагоцитами, и являются, по мнѣнію Мечникова [1]), элементомъ самозащиты организма отъ микробовъ.

[1]) Untersuch. u. intracellul. Verdauung. Arbeit aus d. Zoolog. Institut. d.

Когда въ организмъ нашъ проникаетъ посторонній предметъ, лейкоциты начинаютъ массами выходить изъ кровеносныхъ сосудовъ и, устремляясь къ мѣсту опасности, обволакиваютъ этотъ предметъ и стараются втянуть внутрь своего тѣла для того, чтобъ подвергнуть его вліянію своего пищеварительнаго сока, переварить и уничтожить. Удается имъ это — опасность устранена; не удается—развивается заболѣваніе.

Если проникшій предметъ—микробъ, онъ начинаетъ рости и размножаться. Наводняя тѣло ядовитыми продуктами своей жизни и своею все увеличивающейся массою, микробы нарушаютъ нормальныя функціи организма и могутъ привести его къ полной гибели [1]).

Въ то время какъ Мечниковъ накоплялъ все бо̀льшую сумму экспериментальныхъ доказательствъ своей теоріи внутри-клѣточнаго пищеваренія, Grohmann [2]), а за нимъ Nutal [3]), Fodor [4]), Niessen [5]), Behring, Pane [6]), Zagari et Innocente [7]) констатировали, что кровь обладаетъ способностью убивать микробовъ. Такимъ образомъ стала нарождаться химическая теорія, истымъ творцомъ которой является Бюхнеръ [8]).

Согласно его ученію, сущность самозащиты организма отъ микробовъ сводится къ присутствію въ крови растворѳннаго химическаго начала, которое располагаетъ способностью убивать низшіе организмы. Вещество это онъ назвалъ Alexin, что̀ значитъ вещество защищающее. Выносясь изъ организма вмѣстѣ съ выпущенной изъ сосудовъ кровью, вещество это временно сохраняетъ за послѣдней способность убивать микробовъ и внѣ тѣла, въ пробирной даже стклянкѣ. Что же касается фагоцитоза,

---

Univers. Vien B. V. 1884 üb. d. pathol. Bedeut. d. Intracellul. Verdauung. Fortschr. d. Med. II 1884. L'immunité dans les maladies infectieuses—Sem. médicale, 1892.

[1]) Если это не всегда случается, то потому, что организмъ старается освободиться отъ ядовъ отчасти путемъ ихъ обезвреживанія, отчасти путемъ ихъ выведенія; въ противовѣсъ же самимъ бактеріямъ онъ выдвигаетъ усиленное горѣніе тканей. Высокая температура тѣла понижаетъ жизненность микробовъ и тѣмъ ставитъ лейкоцитовъ въ положеніе, дающее имъ опредѣленные шансы на успѣшный реваншъ.

[2]) Bernheim, Immunisat. et Serotherap. 1895.

[3]) Nutal, Zeitschrift. f. Hyg., 1884.

[4]) Fodor, Deutsch. med. Woch., 1887.

[5]) Niessen, Zeitschr. f. Hyg., 1889.

[6]) Pane, 5-ème Congrès italien de médecine interne, 1892.

[7]) Zagari et Innocente, Arch. Ital. de biologie, 1893.

[8]) Büchner. Unters. u. d. Bacter. feindlich. Wirk. d. Blut u. Blutser. Arch. f. Hyg., X, 1890. Üb. d. Bactertödt. Wirk. d. Zellfreien. Bltser. Centrlblt. f. Bacter. v. 1889.—Üb. d. Näher. Nat. d. Bactertödt. im Blutser. Centrlbltt. f. Bacter. VI, 1898.

то онъ смотритъ на него какъ на процессъ вторичный и второстепенный. Лейкоциты, по его мнѣнію, хотя и поглощаютъ низшіе организмы, но только послѣ того, какъ они убиты уже вліяніемъ Alexin'a Такимъ образомъ, ихъ назначеніе низводится къ роли простыхъ санитаровъ, подбирающихъ съ поля битвы сраженныхъ уже враговъ.

Однимъ изъ ярыхъ противниковъ теоріи лейкоцитоза является также и Pfeiffer. Въ противовѣсъ наблюденіямъ Мечникова онъ выдвинулъ, между прочимъ, изслѣдованія, доказывающія, что въ организмѣ животнаго, предохраненнаго отъ холеры, соотвѣтственнаго вида бактеріи погибаютъ безъ всякаго участія лейкоцитовъ. Когда онъ такому животному впрыскивалъ въ брюшную полость холерныя запятыя, онѣ очень быстро сморщивались, превращались въ комочки, распадались и, все болѣе и болѣе блѣднѣя, совершенно исчезали. Весь этотъ процессъ протекалъ очень быстро и при этомъ внѣ тѣла лейкоцитовъ [1]).

На международномъ конгрессѣ въ Будапештѣ Мечниковъ, возражая противъ химической теоріи, указалъ на то, что свойство крови убивать микробовъ внѣ тѣла объясняется быстрымъ переносомъ изъ организма въ новую для нея внѣшнюю среду; что, значитъ, кровь, сразу попавъ въ совершенно ей чуждую среду, пріобрѣтаетъ несвойственную ей при нормальныхъ условіяхъ способность гибельно вліять на бактеріи. Далѣе онъ отмѣтилъ, что Бюхнеръ, какъ и онъ самъ, въ сущности признаетъ за лейкоцитами главенствующую роль въ дѣлѣ самозащиты организма, такъ какъ, приписывая Alexin'у способность убивать бактеріи, онъ въ то же время принимаетъ, что самый-то Alexin выдѣляется лейкоцитами. Стало быть, и съ точки зрѣнія Бюхнера фагоциты устремляются къ мѣсту опасности не для того, чтобы подбирать трупы микробовъ, а для того, чтобы выдѣлять Alexin,—для того, значитъ, чтобъ убивать враговъ организма.

Что фагоциты далеко не на вторыхъ роляхъ, доказывается, по мнѣнію Мечникова, наблюденіями Roux надъ восточной чумой. Онъ констатировалъ, что въ легкихъ случаяхъ чумы производящіе ее микробы находятся въ большомъ количествѣ внутри лейкоцитовъ; что, иными словами, когда лейкоциты въ состояніи поглощать болѣзнетворную причину, сама болѣзнь имѣетъ легкое теченіе; когда же они почему-либо этой способностью не располагаютъ, когда, стало быть, въ ихъ тѣлѣ микробы вовсе не заключаются или заключаются въ небольшомъ лишь количествѣ, чума принимаетъ тяжелое теченіе и оканчивается смертью.

[1]) Über d. specifisch. Bedeut. d. Choler. Immunit. v. Prof. R. Pfeiffer, и d-r Isaeff. Zeitschrft. f. Hygien. u. Infect. Krankh. Bd. 17, 1894.

Что касается опытовъ Pfeiffer'а, то Мечниковъ утверждаетъ, что при впрыскиваніи въ брюшную полость предохраненнаго животнаго холерныхъ запятыхъ послѣднія, вопреки указанію Pfeiffer'а, въ ней не погибаютъ. Оттуда извлеченныя и перенесенныя въ питательную для нихъ среду, онѣ продолжаютъ проявлять жизнь ростомъ и размноженіемъ. Отказывая же фагоцитамъ въ роли защитниковъ организма, Pfeiffer, по мнѣнію Мечникова, вступаетъ лишь въ противорѣчіе со многими собственными наблюденіями, изъ которыхъ вытекаетъ, что лейкоциты не только поглощаютъ микробовъ, но поглощаютъ ихъ живыми.

Давно уже былъ извѣстенъ фактъ, что перенесшій какую-нибудь инфекціонную болѣзнь на болѣе или менѣе продолжительное время обезпечивается отъ вторичнаго заболѣванія. Отсюда весьма естественно было искать способовъ искусственно вызывать возможно болѣе слабыя формы заразныхъ болѣзней для огражденія организма отъ формъ тяжелыхъ. Полусознательное осуществленіе этого стремленія, ограничиваясь продолжительное время оспенной лишь вакциной, благодаря случаю и генію Пастера, получило научное обоснованіе и проложило себѣ болѣе широкій путь въ жизнь практическую.

Находившіяся въ лабораторіи Пастера культуры бактерій куриной холеры за время каникулъ до того ослабѣли въ своей ядовитости, что подъ ихъ вліяніемъ куры перестали умирать. Когда же куръ этихъ, противостоявшихъ ослабленнымъ бактеріямъ, стали заражать бактеріями, поголовно убивавшими куръ свѣжихъ, то онѣ все же продолжали оставаться невоспріимчивыми къ заболѣванію. Такимъ образомъ былъ открытъ общій способъ предохранительныхъ прививокъ посредствомъ ослабленныхъ бактерій [1]).

Найдя затѣмъ способъ предупреждать бѣшенство, Пастеръ остановился на предположеніи, что въ предохраненіи отъ заболѣваній главная роль должна принадлежать не микробамъ, а началамъ, ими выдѣляемымъ [2]). Его предположеніе оправдалось, и, благодаря этому, народился второй способъ прививокъ — способъ химическій. Предохраненія животныхъ стали достигать впрыскиваніемъ не микробовъ, но продуктовъ ихъ жизнедѣятельности.

Въ 1888 году, Richet и Hericourt [3]) констатировали, что кровь предохраненнаго животнаго обладаетъ вакцинирующей си-

[1]) Мечниковъ. Очеркъ современныхъ направленій въ терапіи инфекціонныхъ болѣзней. Южно-Русск. Мед. газ. 1892 г.

[2]) Мечниковъ. Очеркъ современныхъ направленій въ терап. инфек. заболѣв. Южно-Русск. Мед. газ. 1892 г.

[3]) Semaine médicale, 1888.

лой. Перенесенная въ организмъ воспріимчивый, она уничтожаетъ эту воспріимчивость. Позже двумя годами фактъ этотъ былъ подтвержденъ изслѣдованіями Behring и Kitasato [1]), причемъ, помимо этого, они еще доказали, что въ сывороткѣ крови предохраненнаго животнаго заключаются антитоксины, т.-е. начала, уничтожающія микробные яды соотвѣтственной болѣзни. Въ то время какъ, напримѣръ, отдѣльно взятые продукты жизни дифтеритныхъ бактерій вызываютъ заболѣваніе воспріимчиваго животнаго, тѣ же продукты въ смѣси съ сывороткой животнаго, предохраненнаго отъ дифтерита, являются средой, совершенно лишенной ядовитыхъ своихъ свойствъ и потому безразличной для организма.

Это замѣчательное открытіе съ одной стороны положило основаніе сывороточной терапіи, съ другой давало, казалось, возможность объяснить физіологическую сущность прививокъ.

Въ крови предохраненнаго животнаго содержатся антитоксины; стало быть, ослабленные микробы или яды ихъ, попавъ въ организмъ воспріимчивый, вызываютъ въ немъ образованіе соотвѣтственныхъ противоядій, которыя сохраняются въ тѣлѣ продолжительное время. До тѣхъ же поръ, пока они тамъ остаются, введеніе свѣжихъ бактерій должно остаться болѣе или менѣе безразличнымъ для организма, такъ какъ ядовитые продукты ихъ жизнедѣятельности уничтожаются этими противоядіями.

Перенеся кровь или сыворотку ея отъ животнаго предохраненнаго въ организмъ воспріимчивый, мы въ то же время переносимъ туда и ядо-уничтожающія начала, а съ тѣмъ—и самую невоспріимчивость.

Вводя сыворотку вмѣстѣ съ наличными въ ней противоядіями въ организмъ уже заболѣвшій, мы вносимъ туда начала, которыя, нейтрализируя накопившіеся яды, пресѣкаютъ явленія отравленія, стало быть и самую болѣзнь.

Въ дальнѣйшемъ, однако, такой взглядъ оказался несовсѣмъ согласнымъ съ фактами. Было доказано, что между ядоуничтожающей способностью крови и невоспріимчивостью не только можетъ не существовать пропорціональности, но что въ отдѣльныхъ случаяхъ животное вакцинированное можетъ не заключать вовсе антитоксиновъ въ своей крови, все же сохраняющей при этомъ за собой предохранительную силу [2]). Въ рядѣ случаевъ, значитъ, оказалось, что предохраненіе животнаго зависитъ не

[1]) Deutsche Medic. Wochenschrift. 1890, № 49.

[2]) Мечниковъ былъ первымъ, доказавшимъ этотъ фактъ при свиной холерѣ. Русск. Архивъ 1896, т. I, стр. 113.

отъ растворенныхъ въ крови и сокахъ химическихъ началъ, но отъ увеличенія противодѣйствующей силы самого организма, т.-е. отъ усиленія гибельнаго вліянія на микробовъ либо лейкоцитовъ, либо тканевыхъ клѣтокъ.

Значеніе тканевыхъ клѣтокъ въ дѣлѣ самообороны организма и рѣзкое повышеніе ихъ дѣятельности подъ вліяніемъ сейчасъ описанныхъ условій чрезвычайно наглядно иллюстрируется слѣдующимъ опытомъ Pfeiffer'а [1].

Чтобы устранить самую возможность выхожденія лейкоцитовъ изъ кровеносныхъ сосудовъ, наблюдатель этотъ предварительно умертвилъ животныхъ, надъ которыми экспериментировалъ. Затѣмъ одному изъ нихъ впрыснулъ въ брюшную полость холерныя бактеріи, другому же онъ вмѣстѣ съ холерными бактеріями впрыснулъ еще и противохолерную сыворотку. Предварительное испытаніе послѣдней доказало, что въ ней, во-первыхъ, не заключалось антитоксиновъ, и что, во-вторыхъ, внѣ организма, въ пробирной, значитъ, стклянкѣ, она не располагала способностью убивать бактеріи.

Черезъ 20 минутъ послѣ произведенныхъ впрыскиваній, Pfeiffer могъ убѣдиться, что холерныя запятыя продолжали жить у того животнаго, которому онѣ были введены безъ примѣси противохолерной сыворотки; у того же, въ брюшную полость котораго онѣ были впрыснуты въ смѣси съ сывороткой, онѣ оказались погибшими. Такъ какъ самой обстановкой опыта лейкоциты были совершенно устранены изъ акта самозащиты организма, то не они, во всякомъ случаѣ, могли быть причиной гибели бактерій. Такъ какъ, далѣе, противохолерная сыворотка не убивала бактерій внѣ организма, то гибель ихъ въ брюшной полости не могла быть также объяснена ея непосредственнымъ вліяніемъ на холерныя запятыя. А потому онъ принимаетъ, что противохолерная сыворотка — это стимулъ, заставляющій тканевыя клѣтки (эндотелій) выдѣлять какое-то химическое начало, убивающее холерныя бактеріи.

Обобщая раньше и сейчасъ сказанное, можно принять, что, вводя въ организмъ заболѣвшій сыворотку крови предохраненнаго животнаго, мы вносимъ туда или ядоуничтожающія начала, или стимулъ, который повышаетъ противодѣйствующую силу лейкоцитовъ и клѣтокъ организма. Благодаря этому, либо нейтрализируются микробные яды, либо уничтожаются сами микробы.

---

[1]) Weitere Untersuch. u. d. Wezen d. Choler. Immunit. et cet. Zeitschrft. f. Hyg. u. Infect. Krankh. Bd. XVIII, 1894.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно одно, что какъ въ дѣлѣ предохраненія отъ заразныхъ болѣзней, такъ и въ дѣлѣ леченія ихъ лежитъ одинъ и тотъ же принципъ. Разница лишь въ томъ, что при вакцинаціи мы увеличиваемъ противодѣйствующую силу организма путемъ искусственно вызваннаго заболѣванія; при леченіи же мы черпаемъ стимулъ для повышенія противодѣйствующей силы заболѣвшаго организма изъ крови предварительно предохраненнаго животнаго.

Въ примѣненіи къ борьбѣ съ заразными болѣзнями бактеріологія дала уже весьма существенные практическіе результаты.

Съ успѣхомъ лечимъ мы теперь дифтеритъ, а предохранительная прививка желтой лихорадки [1]), главное же оспы и бѣшенства у людей и сибирской язвы у животныхъ, и теперь уже дала неоцѣнимые практическіе результаты. При нѣкоторомъ весьма законномъ оптимизмѣ мы можемъ поэтому надѣяться, что въ болѣе или менѣе недалекомъ грядущемъ въ рукахъ нашихъ будутъ надежные способы предохраненія и леченія всѣхъ заболѣваній, связанныхъ съ проникновеніемъ въ тѣло болѣзнетворныхъ бактерій. А какое важное значеніе это должно будетъ имѣть для человѣчества можно заключить изъ того, что по существу своему болѣзни простуднаго характера—микробнаго происхожденія, и что такого же происхожденія—всѣ болѣзни заразныя. Въ связи съ бактеріями находятся, по всѣмъ видимостямъ, и всѣ злокачественныя опухоли; со всякаго же рода пораненіями, разъ они не касаются жизненно-необходимыхъ органовъ, приходится постольку лишь считаться, поскольку въ дѣло заживленія ихъ вмѣшиваютси низшіе организмы. Вычеркнувъ изъ списка всѣ болѣзни микробнаго происхожденія, мы въ то же время вычеркнемъ подавляющее большинство заболѣваній. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ общее количество преждевременныхъ смертей низведется на очень небольшой минимумъ, сумма физическихъ человѣческихъ страданій рѣзко понизится, а смерть отъ глубокой старости изъ возможнаго станетъ дѣломъ обычнымъ.

Но выиграемъ ли мы отъ всего этого въ вопросѣ о долголѣтіи? Отодвинется ли этимъ путемъ крайній предѣлъ человѣческой жизни? Отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ нѣтъ, какъ мнѣ кажется, ни малѣйшаго основанія.

Нужно замѣтить, что дѣленіе микробовъ на патогенные, т.-е. болѣзнетворные, и сапрофитные, т.-е. неболѣзнетворные, искусственно и имѣетъ лишь относительное значеніе.

---

[1]) S. Bernheim. Immunisat. et sér.-thérap. 1895, p. 70

Не говоря о томъ, что между патогеннымъ и сапрофитнымъ безконечный рядъ переходовъ, и что болѣзнетворнымъ мы называемъ лишь то, что̀ грубо нарушаетъ функціи нашего организма; но то, что̀ патогенно для одного вида животныхъ, оказывается сапрофитнымъ для животныхъ другого вида, и то, что̀ болѣзнетворно для одного человѣка, далеко не всегда болѣзнетворно для другого; мало того, то, что̀ для даннаго субъекта, повидимому, безразлично сегодня, не безразлично уже завтра, и тѣ самыя бактеріи, которыя не болѣзнетворны въ данномъ количествѣ, патогенны въ количествѣ бо̀льшемъ. Очевидно, что вся разница между болѣзнетворными и неболѣзнетворными бактеріями—не въ томъ, что однѣ изъ нихъ вредны, а другія безвредны, но въ томъ лишь, что организмъ различно относится къ бактеріямъ различнаго вида. Дайте возможность самой невинной на первый взглядъ бактеріи развиться и обсѣмениться въ организмѣ, и она вызоветъ отравленіе и заболѣваніе [1]).

Съ вдыхаемымъ воздухомъ мы въ теченіе сутокъ вводимъ въ организмъ 600.000 микробовъ. Въ нами же выдыхаемомъ воздухѣ ихъ абсолютно нѣтъ. Стало быть, они остаются въ организмѣ. Еслибы живыми или мертвыми они осѣдали въ дыхательныхъ нашихъ путяхъ, то, по прошествіи бо̀льшаго или мѐньшаго промежутка времени, пути эти закупорились бы и стали бы непроходимыми для воздуха. Такъ какъ этого въ дѣйствительности не бываетъ, то нужно принять, что изъ дыхательныхъ путей микробы пробираются въ глубь организма, гдѣ послѣ опредѣленной борьбы они погибаютъ. Но прежде чѣмъ погибнуть, они живутъ и борются и, живя, продуцируютъ ядовитые продукты своей жизни. Разрушительный слѣдъ протекшаго существованія каждаго микроба, отдѣльно взятаго, очень ничтоженъ, и его можно было бы совершенно игнорировать, еслибы онъ не повторялся 600.000 разъ въ теченіе сутокъ и сутки за сутками. Отъ такого безпрерывнаго воздѣйствія неисчислимой массы сапрофитныхъ и полупатогенныхъ бактерій должна сложиться опредѣленная солидная сумма вреда, которая не можетъ не отразиться на благоденствіи нашего организма и на его долговѣчности.

Какъ бы совершенна ни была медицина, какъ бы тонко мы ни умѣли опредѣлять, въ каждую данную минуту, присутствіе въ организмѣ сапрофитной бактеріи, какимъ бы арсеналомъ предо-

[1]) Выше уже указано, что если говорятъ о существованіи полезныхъ бактерій, то имѣютъ въ виду лишь тѣ изъ нихъ, которыя попадаютъ въ пищеварительный каналъ, гдѣ онѣ могутъ выдѣляемыми ими продуктами оказать пользу дѣлу пищеваренія. Но и это еще не абсолютная истина.

хранительныхъ и лечебныхъ средствъ насъ ни снабдила бактеріологія, мы все же вынуждены будемъ стоять съ безсильно опущенными руками предъ медленной, но систематической и упорной разрушительной работой сапрофитныхъ микробовъ: дѣлать предохранительныя прививки отъ всѣхъ безконечныхъ видовъ существующихъ бактерій и невозможно, и нелѣпо, такъ какъ и безъ нашего содѣйствія организмъ предохраненъ отъ сапрофитныхъ микробовъ. Если они опасны для насъ, то не тѣмъ, что организмъ не въ состояніи съ ними справиться, а тѣмъ лишь, что они оставляютъ въ немъ опредѣленный слѣдъ своего кратковременнаго пребыванія.

Лечить организмъ отъ того вреда, который ему наносятъ всѣ въ него проникающія бактеріи, это значило бы гоняться за каждой изъ нихъ въ отдѣльности, а гоняться за ними—значило бы изображать опереточнаго жандарма, вѣчно опаздывающаго на помощь.

Оградить организмъ отъ той разнообразной массы ядовъ, которые безпрерывно въ него вносятся микробами, можно бы лишь тогда, когда бы былъ открытъ одинъ общій антитоксинъ для ядовъ, выдѣляемыхъ всѣми видами микробовъ. При такихъ условіяхъ мы могли бы ежедневно вводить въ организмъ опредѣленное соотвѣтственное количество противояднаго начала и тѣмъ предупреждать вредное вліяніе ядовъ, ежедневно вносимыхъ микробами. Но въ настоящее время нѣтъ, къ сожалѣнію, ни малѣйшихъ основаній къ такого рода розовымъ надеждамъ, такъ какъ факты учатъ, что для каждаго вида микробовъ требуется спеціальное противоядіе. Животное, предохраненное отъ бѣшенства, не предохранено отъ сапа, а человѣкъ, предохраненный отъ оспы, не предохраненъ отъ тифа, дифтерита и скарлатины.

Обѣщая намъ очень многое въ будущемъ, бактеріологія не можетъ такимъ образомъ явиться источникомъ осуществленія всѣхъ врачебныхъ идеаловъ. Забыть объ этомъ значило бы принести въ жертву призрачному реальные интересы человѣчества. Интересы же эти требуютъ поисковъ путей къ осуществленію достижимаго, а чрезмѣрное увлеченіе чѣмъ-либо однимъ, приводя къ односторонности, уничтожаетъ самую мысль о такой необходимости и тѣмъ съуживаетъ широкій прогрессъ науки.

А. Г. Богровъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Уродилася рожь золотистая,
Воротила труды намъ сторицею;
Порадѣла, знать, Матерь Пречистая
Надъ крестьянскою скудной землицею.

Двѣ весны подъ-рядъ были холодныя,
И до тла вызябàли озѝмые...
Жутко было, какъ дѣтки голодныя
Съ плачемъ хлѣба просили—родимыя!

Два ужъ года, какъ мы со скотиною
Безобидно харчами дѣлилися,
На двѣ трети съ овсянной мякиною
И хлѣбà-то, бывало, мѣсилися.

Еще ждали весной прошлогоднею,
Что съ тепломъ, можетъ, ржица поднимется.
Уповали на благость Господнюю,
Что бѣда неминучая минется.

Чтò свѣчей той порой сожигалося,
Чтò грошей на молебны потрачено;
Только втунѣ молитва осталася,—
На роду было, видно, назначено.

Верстъ на триста, пожалуй, съ прибавкою,
Чтò покойнички—нивы чернѣлися,

Только межи, поросшія травкою,
Словно на смѣхъ кругомъ зеленѣлися.

Было горя тогда и заботушки:
Надорвалися всѣ, истомилися,
Изъ-за хлѣба искали работушки,
Въ кабалу изъ-за хлѣба просилися.

Да не брали нигдѣ,—опасалися,
Зачастую не пустятъ въ околицу;
Міроѣды одни наживалися,
Богатѣли за эту безкормицу.

Тамъ лихія нахлынули болѣсти,
Голодуха имъ, видно, понравилась;
Много люда убавилось въ волости,
А жильцовъ на погостѣ прибавилось.

И когда бы не Матерь Пречистая,
Еще бъ больше мы горя извѣдали!
Дозрѣвай же скорѣй, колосистая,
Чтобъ мы свѣжаго хлѣбца отвѣдали!

II.

Тихо и влажно въ ночной полумглѣ;
Стелется сѣрый туманъ по водѣ;
Воздухъ прохладною сыростью дышетъ —
Вѣтеръ ночной тростника не колышетъ.

Звѣзды на небѣ чуть видно горятъ,
Точно слезой ихъ подернулся взглядъ;
Звѣзды тѣ, небо и лѣса вершины,
Все опрокинулось въ лоно пучины.

Грозно, безмолвно стоитъ подъ водой
Тѣнь ихъ, какъ будто бы зàмокъ какой,
Сверху и дòнизу весь освѣщенный,
Чарой волшебною въ сонъ погруженный.

Чу! будто стали огни угасать;
Вотъ уже замка почти не видать...
Нѣтъ! то, сгустившись надъ синей волною,
Ниже спустился туманъ пеленою.

Скоро зажжется зарею востокъ;
Надо пораньше забраться въ челнокъ;
То не рыбакъ, если къ утру для лова
Съ вечера снасть у него не готова.

Тихо, безъ шума челнокъ мой скользитъ,
Водную гладь подъ собой бороздитъ;
Слѣдъ водяной раздвоился за челномъ;
Звѣзды, какъ искры, дробятся по волнамъ.

Мѣсто для лова я знаю давно:
Чисто и гладко песчаное дно,
Круто, подъяро, не слишкомъ глубоко,
Щитъ тамъ отъ вѣтра—густая осока.

Къ берегу ближе, у самой хвощи,
Держатся линь, красноперка, лещи,
Есть и примѣта,—три старыя ели
Противъ него на бору уцѣлѣли.

Болѣе вѣка тѣ ели стоятъ,
Старцевъ маститыхъ крестьяне щадятъ.
Даже и въ пору густого тумана
Ясно видны эти три великана.

Вотъ ужъ челнокъ мой и къ цѣли приплылъ,
Прочно я къ кольямъ его прикрѣпилъ;
Жду себѣ утра, бросая за корму,
Рыбѣ въ приманку, различнаго корму.

Блѣдно алѣетъ зарею востокъ;
Рыба всплеснулась, оставивъ кружокъ.
Мигомъ съ наживой заброшены снасти,
Руки дрожатъ отъ волненья и страсти.

Вотъ поплавокъ шевельнулся слегка...
Дрогнуло сердце въ груди рыбака;

Вмѣстѣ и жутко ему, и пріятно.
Чувство такое не многимъ понятно,—

Чувство надежды какой-то въ груди,
Словно всѣ блага васъ ждутъ впереди...
Все забывается въ эти мгновенья:
Ваши недуги и ваши сомнѣнья!

В. П. Марковъ.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ

ВЪ

БОЛГАРІИ

ЕГО ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Современная хроника переполнена примѣрами пробужденій, вызванныхъ сильнымъ подъемомъ національнаго самосознанія у народовъ, въ теченіе многихъ вѣковъ терпѣливо переносившихъ грубое чужеземное иго. Однако, при всей своей многочисленности, пробужденія этого рода въ своихъ существенныхъ чертахъ мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга. Общность основного мотива сглаживаетъ обыкновенно ихъ особенности, зависящія отъ различія исторической среды, въ которой имъ приходится совершаться, и придаетъ имъ всѣмъ извѣстную одинаковость. Есть, однако, и исключенія изъ этого общаго правила. Къ числу такихъ исключеній принадлежитъ, намъ кажется, исторія болгарскаго возрожденія. Съ начала до конца,—особенно съ начала,—болгарское національное движеніе отличается такой практичностью въ выборѣ путей и средствъ, такой цѣлесообразной экономіей въ тратѣ силъ, такой, наконецъ, быстротой и полнотой въ разрѣшеніи національной задачи, какихъ не найдешь ни въ одномъ изъ аналогичныхъ ему движеній, какихъ, казалось бы, и нельзя ожидать найти въ стихійномъ историческомъ процессѣ. Выступивъ на путь возрожденія значительно позже всѣхъ своихъ сосѣдей и бывшихъ со-рабовъ, болгарскій народъ съ удивитель-

ной быстротой прошелъ всѣ его обычныя фазы. Онъ не только освободился самъ, но освободилъ и—вопреки всѣмъ трактатамъ—присоединилъ къ себѣ Восточную Румелію, образовалъ достаточно крѣпкое государственное тѣло и попутно подготовлялъ присоединеніе къ себѣ въ недалекомъ будущемъ если не всей, то большей части Македоніи. Конечно, такому результату болгарскаго освободительнаго движенія способствовалъ цѣлый рядъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, но не въ малой мѣрѣ обязанъ онъ и тому своеобразному практическому характеру, которымъ оно отличалось съ самаго своего возникновенія.

Первые сколько-нибудь серьезные признаки національнаго пробужденія среди болгарскаго народа начинаютъ замѣчаться лишь къ серединѣ нашего столѣтія, ко времени крымской войны. Къ этому времени турецкое владычество на Балканскомъ полуостровѣ было уже въ значительной степени расшатано. Одна за другою подвластныя Турціи христіанскія народности поднимались съ оружіемъ въ рукахъ и начинали героическую борьбу со своими вѣковыми угнетателями. Эта борьба стоила имъ потоковъ крови и неисчислимыхъ жертвъ, но результатомъ ея во всѣхъ случаяхъ было болѣе или менѣе полное освобожденіе. Греція была къ этому времени совершенно независимымъ королевствомъ. Румынія и Сербія, хотя и оставались еще номинально вассальными турецкими княжествами, въ дѣйствительности же пользовались почти полною политическою автономіею. Очередь была за Болгаріею. Все толкало ее на тотъ же путь освободительной борьбы,—и слабость Турціи, обратившейся изъ всеобщаго нѣкогда грознаго страшилища въ осужденнаго на смерть „больного человѣка“, и сочувствіе Европы, и примѣръ освободившихся народовъ, еще недавно раздѣлявшихъ съ нею ненавистное иго. Все, казалось, звало ее взяться за оружіе и, опираясь на готовые кадры никогда не переводившихся въ Балканахъ гайдутскихъ шаекъ, начать такую же открытую кровавую борьбу.

И освободительное движеніе въ Болгаріи дѣйствительно началось, но съ самаго же начала оно пошло совсѣмъ по иному пути, принявъ характеръ не политическій, а національно-просвѣтительный. Вмѣсто того, чтобы обратиться противъ Турціи и турецкаго владычества, оно сначала обратилось противъ греческаго духовенства и его панэллинистическихъ тенденцій. Вмѣсто ятагана и ружья, орудіемъ борьбы была сдѣлана болгарская грамота и болгарская школа. Въ этомъ инстинктивномъ выборѣ подготовительнаго пути ясно сказался практическій характеръ народа; имъ былъ напередъ опредѣленъ дальнѣйшій ходъ событій. Безсозна-

тельно, какимъ-то чутьемъ, былъ выбранъ именно путь наименьшаго сопротивленія. Главный врагъ, сохранившій еще въ своей слабости громадный запасъ репрессивной энергіи, былъ благоразумно оставленъ до поры до времени въ сторонѣ, и всѣ наличныя силы были обращены противъ врага второстепеннаго, въ національномъ смыслѣ не менѣе опаснаго, но въ то же время слабаго и плохо вооруженнаго, борьба съ которымъ была возможна даже для неподготовленнаго, неорганизованнаго и мало сознательнаго народа. Греческое духовенство само занимало подневольное и до извѣстной степени безправное положеніе по отношенію къ правительству султана. Оно не обладало никакими, прямо ему принадлежащими орудіями принужденія и репрессіи. Его оффиціально-властное положеніе по отношенію къ болгарскому населенію далеко не отличалось прочностью,—особенно въ виду того, что турецкое правительство всегда съ извѣстнымъ удовольствіемъ смотрѣло на раздоры среди подвластныхъ ему элементовъ, видя въ нихъ лучшее средство поддерживать между ними равновѣсіе взаимнаго безсилія. Вся сила его лежала, такимъ образомъ, скорѣе въ умственномъ и культурномъ, чѣмъ въ физическомъ превосходствѣ. Оно было сравнительно образованно; оно ясно понимало свои цѣли; оно имѣло за собою преемственный авторитетъ византійской церкви. Въ этомъ главнымъ образомъ заключались тѣ его преимущества, которыя вообще оно могло противопоставить нравственному авторитету болгаръ, бравшихъ на себя задачу пробужденія невѣжественнаго и вѣками порабощеннаго народа.

Однако, благодаря духовенству, греческая пропаганда въ Болгаріи дала къ этому времени очень значительные результаты. Уничтоживъ, вслѣдствіе упраздненія ипекской и охридской патріархій (въ концѣ XVIII-го вѣка), послѣдніе слѣды независимости болгарской церкви, и подчинивъ ее іерархически константинопольскому патріарху, греческое духовенство на этомъ не успокоилось. Оно рѣшило обратить ее въ свое послушное орудіе для подавленія самой болгарской народности. Съ этою цѣлью оно систематически заполняло болгарскія епископскія каѳедры греками или ренегатами-болгарами и безжалостно гнало и заточало въ монастыряхъ тѣхъ болгарскихъ священнослужителей, въ которыхъ національное чувство еще не было окончательно вытравлено. Рядомъ съ этимъ, оно всячески преслѣдовало рѣдкія болгарскія школы и повсюду открывало свои, греческія, въ которыхъ съ болгарскихъ учениковъ тщательно стирались всѣ ихъ національныя особенности. Наконецъ, оно изгнало изъ употреб-

ленія въ церковномъ богослуженіи самый славянскій языкъ и замѣнило его непонятнымъ для массы населенія греческимъ.

Печальнѣе всего было то, что въ своей анти-болгарской дѣятельности греческое духовенство находило себѣ поддержку въ средѣ самого болгарскаго народа,—особенно среди его состоятельныхъ *чорбаджійскихъ* слоевъ. Озабочиваемые прежде всего сохраненіемъ своего сравнительно привилегированнаго положенія, богатые *чорбаджіи* всегда старались держаться поближе къ власти и ладить съ сильными міра сего. Низкопоклонничая передъ турецкими агами и беями, они низкопоклонничали и передъ греками. Они стыдились своего языка и своей національности, какъ клейма рабства; охотно перенимали греческія формы жизни, усвоивали греческій языкъ, въ которомъ видѣли какъ бы сословное отличіе, отдѣлявшее ихъ отъ массы населенія, и посылали своихъ сыновей въ греческія училища, изъ которыхъ тѣ выходили ренегатами и грекофилами.

Такъ медленно, но вѣрно, греческая пропаганда проникала все глубже въ нѣдра народной жизни, стирая съ нея одну за другою ея національныя особенности. Предоставленный своему естественному теченію, этотъ процессъ, несомнѣнно, скоро привелъ бы къ болѣе или менѣе полной эллинизаціи болгаръ. Къ счастію для Болгаріи, при всей своей хитрости и ловкости греки не обладали нужнымъ для этого тактомъ и выдержкой. Относясь къ болгарской національности съ глубочайшимъ презрѣніемъ, видя въ болгарскомъ народѣ только „стадо", церемониться съ которымъ нечего, они очень мало заботились о томъ, какими средствами вѣрнѣе всего можетъ быть выполнена ихъ „культурная миссія". Когда ихъ тиранническое управленіе болгарскою церковью вызывало въ населеніи ропотъ, этотъ ропотъ не смущалъ ихъ ни мало, пока у нихъ была возможность задушить его силою, хотя бы это была ненавистная сила турецкой полиціи. Они прибѣгали къ оффиціальной поддержкѣ свѣтской власти при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, видя въ этомъ способѣ улаживать возникающія недоразумѣнія самый быстрый и простой, а потому и самый лучшій методъ подчиненія и ассимиляціи „невѣжественнаго и варварскаго народа".

Такіе пріемы „культурнаго воздѣйствія" не могли не вызывать въ массѣ болгарскаго населенія глубокаго недовольства. Благодаря имъ, греческое духовенство отождествлялось въ ея глазахъ съ угнетателями турками и становилось само предметомъ ненависти тѣмъ болѣе интенсивной, что насилія и притѣсненія, исходившія отъ „сотоварищей по рабству", должны были

казаться народу еще болѣе обидными и тяжелыми, чѣмъ „естественныя“ и привычныя насилія со стороны „нехристей“. Эта пока затаенная и не всегда сознательная ненависть ждала только случая, чтобы проявиться на дѣлѣ. Она представляла собою готовую почву, на которой при благопріятныхъ обстоятельствахъ могло возникнуть и получить быстрое развитіе сильное національное движеніе. Для такого движенія недоставало только вождей, которые взяли бы на себя его иниціативу, ясно формулировали бы его причины и дали бы ему опредѣленную цѣль. Наконецъ, нашлись и вожди. Ихъ дала болгарская молодежь, учившаяся въ заграничныхъ университетахъ, и болгарская эмиграція, которая успѣла къ этому времени образовать вліятельные центры въ южной Россіи, въ сосѣднихъ Румыніи и Сербіи и среди богатой болгарской колоніи въ Цареградѣ. Ихъ призывъ нашелъ себѣ горячій откликъ въ Болгаріи. Подхваченный въ монастыряхъ, которые свято хранили въ теченіе столѣтій память о быломъ величіи болгарской церкви и быломъ блескѣ староболгарской письменности, поддержанный униженными и гонимыми представителями болгарскаго духовенства, онъ легко и быстро проникъ черезъ посредство этихъ, такъ сказать, естественныхъ руководителей населенія и въ народную массу.

Національному движенію въ Болгаріи было, такимъ образомъ, положено начало. Характеръ его иниціаторовъ и главныхъ агентовъ, настроеніе массы, характеръ врага, противъ котораго приходилось прежде всего бороться, и всѣ вообще обстоятельства среды и момента опредѣлили и его направленіе. Оно вылилось въ форму движенія церковно-просвѣтительнаго по преимуществу, какую форму и сохранило почти неприкосновенною въ теченіе долгихъ годовъ. Были, правда, еще тогда же, на зарѣ движенія попытки со стороны отдѣльныхъ энтузіастовъ придать ему боевой характеръ, сразу поставить его на національно-политическую почву, но эти попытки были единичны, слабы и не встрѣчали себѣ сочувствія въ забитой народной массѣ. Очевидно, что раньше, чѣмъ бросать ее на опасную борьбу съ турками, въ ней надо было пробудить элементарное національное самосознаніе, ее надо было научить стремиться къ чему-нибудь и бороться за что-нибудь. Эту-то подготовительную работу и выполнила сравнительно легкая борьба противъ притязаній греческаго духовенства, борьба за прадѣдовскую вѣру, за свой языкъ, за самостоятельность своей церкви.

Пріемы этой борьбы — по существу своему мирной — были предопредѣлены ея характеромъ и условіями, при которыхъ она

должна была происходить. Греческое духовенство преслѣдовало свои цѣли, опираясь, съ одной стороны, на свѣтскую власть, поддержку которой оно покупало подкупомъ, интригами и хлопотами передъ султанскими чиновниками и фаворитами, съ другой—на свои многочисленныя училища, въ которыхъ перемалывалось на греческій ладъ болгарское юношество. Вожакамъ болгарскаго возрожденія, очевидно, приходилось противопоставить ему свои усилія и хлопоты въ Константинополѣ, свои училища-дома. Первыя были необходимы по одному тому, что безъ „хлопотъ“ въ Турціи ничего не дѣлалось. Къ тому же, благодаря обычной тактикѣ турецкаго правительства, видѣвшаго въ взаимной враждѣ своихъ христіанскихъ подданныхъ лучшій залогъ своего господства, онѣ были не только необходимы, но и вполнѣ цѣлесообразны. Важность своихъ училищъ была еще болѣе очевидною. Одной инстинктивной ненависти было недостаточно для успѣха борьбы съ образованнымъ, хитрымъ и предпріимчивымъ врагомъ. Эту ненависть надо было сдѣлать сознательной. Невѣжественную массу надо было сколько-нибудь просвѣтить; надо было напомнить ей ея исторію, ея старую письменность, ея языкъ, исковерканный греческими и турецкими примѣсями. Наконецъ, ей надо было дать сколько-нибудь образованныхъ вожаковъ въ ея собственной средѣ, которые знали бы, куда идти и чего искать. Все это могла бы сдѣлать только школа, которая должна была стать для болгарской пропаганды такимъ же могучимъ рычагомъ, какимъ для греческой пропаганды были греческія училища.

Но именно въ этомъ отношеніи болгарскій народъ былъ менѣе всего вооруженъ для борьбы. Правда, со времени открытія перваго болгарскаго училища въ Габровѣ (извѣстнымъ Неофитомъ Рыльскимъ, въ 1835 г.), въ странѣ было открыто еще нѣсколько десятковъ болгарскихъ первоначальныхъ школъ, но, обставленныя крайне бѣдно и безпощадно преслѣдуемыя греками, всѣ онѣ влачили самое жалкое существованіе и оставались безъ всякаго вліянія на жизнь. Онѣ не годились даже какъ кадры, которыми можно бы было воспользоваться для цѣлесообразной организаціи національнаго образованія. Это дѣло приходилось, поэтому, начинать съ самаго начала. Какъ ни трудна была эта задача, вожаки движенія не отступили передъ ней. Противъ нихъ было, казалось, все: и невѣжество населенія, и преслѣдованія властей, и отсутствіе средствъ, и наполовину законченная эллинизація состоятельныхъ слоевъ болгарскаго народа. За нихъ былъ лишь ихъ патріотическій энтузіазмъ, да начинавшееся въ

странѣ броженіе. И однако этого оказалось достаточно, чтобы побѣдить всѣ препятствія.

Для устройства болгарскихъ школъ нужны были прежде всего средства, потому что существовавшимъ въ странѣ школьнымъ налогомъ распоряжалось духовенство, тратившее его исключительно на свои греческія училища. Эти средства нашлись въ видѣ добровольныхъ пожертвованій, въ которыхъ рядомъ съ немногими богатыми „чорбаджіями" приняла участіе и масса населенія. Для школъ нужны были учителя; въ учителя пошли лучшіе люди тогдашней болгарской интеллигенціи, не останавливаясь ни передъ ничтожнымъ вознагражденіемъ, ни передъ униженіями и даже опасностями, съ которыми сопряжено было званіе учителя болгарской школы. Несмотря на всевозможныя препятствія со стороны властей, болгарскія училища открывались одно за другимъ, привлекая къ себѣ все большее и большее число болгарскихъ дѣтей, которыя до того времени или совсѣмъ не учились, или посѣщали греческія школы. Эти училища были бѣдны и жалки; уровень преподаванія въ нихъ былъ крайне низокъ и сводился въ большинствѣ случаевъ къ обученію грамотѣ и къ чтенію псалтыри. Въ числѣ учителей, рядомъ съ людьми, стоявшими на высотѣ европейскаго образованія, были люди совсѣмъ невѣжественные, сами едва умѣвшіе читать и писать. Среди учениковъ сплошь и рядомъ попадались великовозрастные юноши и взрослые, бородатые, люди, впервые бравшіеся за указку, и т. д. и т. д. Но всѣ эти слабыя, подчасъ комичныя, стороны тогдашнихъ училищъ съ избыткомъ покрывались тѣмъ патріотическимъ духомъ, той національной подкладкою, которыми они были проникнуты. Въ нихъ бился пульсъ новой жизни. Они были могучимъ бродиломъ, будившимъ и одухотворявшимъ затхлую, апатичную среду. Тамъ болгарское юношество, а черезъ него и болгарскій народъ знакомилось съ позабытою исторіею своей родины, съ ея былымъ величіемъ, съ исторіею паденія и порабощенія своей церкви, съ враждебной и ненавистной ролью, которую играло въ этомъ порабощеніи греческое духовенство. Тамъ его инстинктивное отвращеніе къ грекамъ пріобрѣтало характеръ сознательной національной ненависти къ угнетателямъ. Оттуда раздавался постоянный призывъ къ сопротивленію и борьбѣ. Тамъ обсуждались и подготовлялись всѣ тѣ враждебныя демонстраціи, которыя скоро стали излюбленнымъ способомъ борьбы болгарскаго населенія противъ своихъ греческихъ епископовъ и митрополитовъ. Тамъ впервые начали устраиваться торжественныя празднества въ честь славян-

скихъ просвѣтителей, Кирилла и Меѳодія. Тамъ впервые население слышало во время богослуженія свой родной языкъ. Туда шли за совѣтомъ и поученіемъ окрестные жители; туда они несли для разбирательства свои взаимныя жалобы и ссоры. Тамъ обсуждались общинныя дѣла, при рѣшеніи которыхъ голосъ учителя имѣлъ первостепенное значеніе. Учитель былъ не только учителемъ, но и судьей, и докторомъ, и духовнымъ наставникомъ, вообще главнымъ авторитетомъ населенія во всѣхъ его житейскихъ дѣлахъ. Училищѐ было не только школой, не только очагомъ антигреческой агитаціи и національной пропаганды, но и центромъ мѣстной общественной жизни, съ самой широкой компетенціей, съ самымъ всестороннимъ вліяніемъ.

Параллельно съ этимъ ростомъ значенія училищъ, росло и развивалось въ странѣ и національное движеніе. Пассивное сопротивленіе населенія его оффиціальнымъ духовнымъ руководителямъ принимало характеръ активной борьбы, уже не мѣстной и случайной, а систематической и національной. Въ Цариградѣ, гдѣ имѣлась довольно значительная, богатая и вліятельная болгарская колонія, въ Бухарестѣ, Бѣлградѣ и другихъ центрахъ болгарской эмиграціи начали выходить многочисленныя агитаціонныя брошюры и газеты („Цариградскій Вѣстникъ", „Совѣтникъ", „Время", „Дунайскій Лебедь", „Право" и др.), въ которыхъ раздавался одинъ и тотъ же призывъ къ защитѣ своего языка, церкви и національности. Эти брошюры и газеты проникали въ Болгарію, съ жадностью читались во всѣхъ слояхъ болгарскаго населенія и производили громадное впечатлѣніе. Въ главныхъ центрахъ мѣстнаго движенія—въ Пловдивѣ, Виддинѣ, Рущукѣ—и во многихъ городахъ Македоніи начинались волненія и безпорядки, не обѣщавшіе ничего хорошаго для греческой іерархіи. Когда при богослуженіи упоминалось имя константинопольскаго патріарха, между прихожанами раздавались протесты и крики. Когда священнослужитель не обращалъ вниманія на требованія прихожанъ совершать служеніе на славянскомъ языкѣ, въ церквахъ происходили скандалы, доходившіе подчасъ до кровопролитія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ возбужденіе населенія доходило до того, что нападали на дома своихъ греческихъ епископовъ и изгоняли ихъ изъ городовъ каменьями. Однимъ словомъ, всѣ прежнія завоеванія греческаго духовенства пошли прахомъ. Отъ ихъ недавняго престижа даже среди болгарскихъ чорбаджіевъ не осталось скоро ни слѣда. Если оно еще держалось въ странѣ, то исключительно благодаря формаль-

ному положенію константинопольской патріархіи, признаваемой турецкимъ закономъ и поддерживаемой турецкою силою.

Но и этому, очевидно, приходилъ конецъ. Усиленіе значенія константинопольскаго патріарха вовсе не входило въ планы турецкихъ политиковъ. Отдавая въ распоряженіе греческаго духовенства свою полицію, арестовывая по его указанію и отправляя въ малоазійскія крѣпости болгарскихъ священниковъ и агитаторовъ, турки въ то же время благосклонно выслушивали жалобы болгарскаго населенія, принимали ихъ всеподданнѣйшія ходатайства и даже удовлетворяли ихъ, поскольку это было возможно безъ открытыхъ конфликтовъ съ патріархатомъ. Такое поведеніе очень походило на подстрекательство и, конечно, не сдерживало, а усиливало движеніе, придавая ему большую смѣлость и требовательность. Начавъ съ требованія введенія въ богослуженіе славянскаго языка и назначенія на епископскія каѳедры людей, знающихъ этотъ языкъ, хотя бы и грековъ, въ 60-хъ годахъ болгары перешли къ требованію полнаго отдѣленія болгарской церкви отъ греческой и назначенія, въ качествѣ ея главы, обще-болгарскаго экзарха. Параллельно съ этимъ росла и интенсивность движенія, которое съ каждымъ годомъ обострялось и принимало опасный для внутренняго порядка характеръ. Турецкое правительство, державшееся до сихъ поръ какъ бы въ сторонѣ, начало тревожиться и попыталось водворить нарушенный въ странѣ миръ, понудивъ патріархатъ къ уступкамъ. Оно возвратило изъ заточенія болгарскихъ епископовъ и священниковъ и перестало оказывать греческому духовенству вооруженную помощь. Оно какъ бы омыло руки и сложило съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія, предоставивъ грекамъ защищаться, какъ знаютъ. Лишенный единственной опоры въ странѣ, сплошь враждебно настроенной, патріархъ (Григорій VI) принужденъ былъ пойти на уступки. Онъ согласился на учрежденіе самостоятельной болгарской экзархіи, но лишь въ предѣлахъ дунайскаго вилайета. Уступка, которая нѣсколько лѣтъ назадъ удовлетворила бы болгаръ, теперь показалась имъ насмѣшкой. Они чувствовали свою силу, выработали въ борьбѣ сознаніе своего національнаго единства и не хотѣли останавливаться на полдорогѣ. Волненіе, охватившее страну, не улеглось, и чтобы положить ему конецъ, турецкое правительство увидѣло себя вынужденнымъ взять рѣшеніе вопроса въ свои собственныя руки. Въ 1870 г. былъ изданъ султанскій фирманъ, учреждавшій обще-болгарскій экзархатъ, совершенно независимый отъ константинопольскаго патріархата.

Первый этапъ движенія былъ, такимъ образомъ, пройденъ. Побѣда болгаръ была полная, но результатъ ея былъ совсѣмъ не таковъ, какого желало и ожидало правительство султана. Пока оно надумало выступить на сцену въ качествѣ миротворца, національное болгарское движеніе успѣло уйти далеко отъ своего исходнаго пункта и замѣтно измѣнило свой первоначальный —мирный и исключительно церковно-просвѣтительный — характеръ. Успѣшная борьба съ греческимъ духовенствомъ совершенно преобразила до того времени безотвѣтную и пассивную болгарскую „райю". Въ ней появилось сознаніе своей силы и солидарности, нѣчто въ родѣ сознанія своего историческаго національнаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и идея политическаго освобожденія, еще недавно ей совершенно чуждая, или, въ лучшемъ случаѣ, чисто платоническая. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ факторовъ болгарское движеніе уже задолго до 1870 г. начало входить въ новую фазу и принимать характеръ политическій. Среди заграничныхъ дѣятелей стараго типа начали появляться агитаторы съ рѣзко выраженнымъ революціоннымъ направленіемъ (Раковскій, Л. Каравеловъ и др.). Прежнія, чисто культурныя формы борьбы казались имъ слишкомъ узкими, и если они еще не отказывались отъ нихъ, то лишь потому, что видѣли въ нихъ удобную агитаціонную почву для своей новой проповѣди. Въ Бухарестѣ и Бѣлградѣ возникли тайные революціонные комитеты, и начали выходить революціонныя газеты („Свобода", „Независимость" и пр.), призывавшія народъ къ борьбѣ уже не съ константинопольскимъ патріархомъ, а съ самимъ правительствомъ султана. Разрабатывались планы общаго вооруженнаго возстанія; организовались „четы", которыя вторгались, подъ предводительствомъ извѣстныхъ воеводъ (Панайота, Филиппа Тотю, Ст. Караджи и др.), въ предѣлы Болгаріи и гибли тамъ одна за другою подъ пулями турецкаго низама, или подъ ятаганами башибузуковъ. Во всѣхъ концахъ Болгаріи начали появляться таинственные эмиссары изъ-за границы (В. Левскій и др.), разносившіе повсюду новое благовѣстіе и клавшіе начало организаціи мѣстныхъ повстанскихъ комитетовъ. Фирманъ 1870 г. не только не положилъ конца этой агитаціи, но далъ ей еще новый толчокъ. Освободивъ болгарскихъ патріотовъ отъ другихъ заботъ, онъ позволилъ имъ сосредоточить всѣ свои усилія на пропагандѣ и подготовкѣ возстанія.

Въ этой новой фазѣ движенія наиболѣе серьезную работу дѣлали опять-таки тѣ же новоустроенныя болгарскія училища. Переброшенная изъ-за границы идея политической борьбы при-

нялась прежде всего здѣсь, среди молодыхъ учителей-патріотовъ, подъ вліяніемъ которыхъ училища стали скоро такими же центрами революціонной агитаціи, какъ раньше были центрами агитаціи противогреческой. Они были ячейками мѣстныхъ комитетовъ, въ которыхъ учителя были естественными, такъ сказать, вождями и главными дѣятелями. Изъ нихъ расходились по странѣ заграничныя брошюры и газеты. Въ нихъ находили себѣ пріютъ эмиссары заграничныхъ комитетовъ. Въ нихъ собирались для совѣщаній мѣстныя революціонныя организаціи. Въ нихъ собирались пожертвованія на пріобрѣтеніе оружія, набирались революціонныя дружины и подготовлялись планы возстанія. Училища, однимъ словомъ, были мѣстными отдѣленіями заграничнаго революціоннаго комитета, и лишь благодаря имъ этотъ послѣдній —далекій и оторванный отъ почвы,—могъ пріобрѣсти то значеніе въ дѣлѣ пробужденія страны и подготовленія возстанія, какое онъ имѣлъ.

Въ нашу задачу не входитъ пересказъ событій, приведшихъ въ концѣ концовъ — черезъ герцоговинское возстаніе, сербско-турецкую войну, „болгарскіе ужасы“ и русско-турецкую войну— къ освобожденію Болгаріи и къ провозглашенію ея независимымъ княжествомъ. Если мы остановились такъ долго на предшествовавшихъ этапахъ движенія, то лишь потому, что исторія его возникновенія и роста является въ то же время и исторіей возникновенія роста въ Болгаріи училищнаго дѣла. Изъ нашего краткаго очерка читатель могъ видѣть, какую важную роль въ національномъ возрожденіи Болгаріи играли ея училища; какъ неразрывно и тѣсно связано было съ нимъ ихъ развитіе; какъ могуче способствовали они успѣху освободительной борьбы; съ какою, наконецъ, признательностью, любовью и уваженіемъ привыкъ за это время тяжелыхъ испытаній относиться къ нимъ болгарскій народъ. Съ тѣмъ же культомъ образованія и его внѣшняго выраженія—школы—вошла Болгарія въ новую эру своего независимаго существованія. Этотъ культъ сказался на первыхъ же порахъ, при самой выработкѣ основной конституціи для молодого княжества. Всеобщее обязательное обученіе и полная доступность средняго, и даже высшаго, образованія для всѣхъ, ищущихъ его, болгарскихъ юношей была введена въ конституціонный уставъ въ качествѣ одного изъ основныхъ его параграфовъ.

Такое начало обѣщало многое. Будь проведенъ такъ торжественно признанный принципъ всеобщаго образованія сколько-нибудь послѣдовательно и систематично, вся послѣдующая исторія

Болгаріи могла бы пойти совсѣмъ по иному, безконечно болѣе спокойному и нормальному пути. Къ сожалѣнію, этого не случилось. Съ освобожденіемъ для Болгаріи впервые открылась возможность поставить у себя дѣло народнаго образованія на истинно-демократическую ногу. Но то же освобожденіе выдвинуло передъ страной цѣлый рядъ совершенно новыхъ безотлагательныхъ задачъ, которыя мало было разрѣшить во что бы то ни стало, и притомъ тотчасъ же. Ей пришлось создавать, можно сказать, изъ ничего, всѣ сложные аттрибуты самостоятельнаго государственнаго организма, закрѣплять только-что наскоро установленный режимъ и заботиться о его дальнѣйшемъ развитіи. Естественно, что передъ этой основной задачей государственнаго строительства дѣло народнаго образованія, само собою, отошло на второй планъ, какъ такое, съ устройствомъ котораго можно было подождать до болѣе благопріятнаго и свободнаго момента. Такого момента, однако, не наступило. Напротивъ, политическая жизнь страны приняла скоро крайне бурный характеръ, какой она и сохранила до самаго послѣдняго времени. Румелійскій переворотъ, сербско-болгарская война, сверженіе князя Александра Баттенбергскаго, незаконный выборъ новаго князя, не признаннаго ни Россіей, ни Европой, и, наконецъ, Стамбуловская диктатура, бывшая крайне жестокимъ и опаснымъ, но, быть можетъ, единственнымъ, остававшимся для Болгаріи, средствомъ сохранить—вопреки всѣмъ трактатамъ — свою фактическую независимость; вся эта цѣпь грозныхъ событій требовала отъ молодого народа постояннаго напряженія всѣхъ силъ и отвлекала его отъ нормальной культурной работы внутри. Удивительно ли, что ни правительство, заваленное по горло текущими дѣлами и потрясаемое постоянными заговорами и переворотами, ни интеллигенція, погрязшая въ партизанскихъ распряхъ, ни народная масса, отодвинутая на задній планъ и ставшая игрушкою въ рукахъ политикановъ, не могли и думать все это время о правильной организаціи народнаго образованія, какъ ни торжественно требовала этого конституція, какъ ни сознавали его громадное культурное значеніе люди, руководившіе въ это время судьбами страны.

И однако, народное просвѣщеніе все-таки не было совсѣмъ заброшено. И правительство, и населеніе, дѣлали въ этомъ отношеніи все, что могли дѣлать при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, указанныхъ выше. Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ сколько-нибудь точныхъ и полныхъ статистическихъ свѣдѣній о состояніи народнаго образованія въ Болгаріи, непосредственно передъ освобожденіемъ, чрезвычайно трудно установить сравнительную цѣн-

ность достигнутыхъ въ этомъ отношеніи результатовъ въ первые годы послѣ освобожденія. Вмѣсто точныхъ цифръ, въ данномъ случаѣ приходится довольствоваться случайными показаніями дѣятелей той эпохи въ ихъ воспоминаніяхъ и разбросанныхъ по разнымъ журналамъ статьяхъ. Какъ ни недостаточны такія показанія, они, однако, устанавливаютъ внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что результаты, достигнутые въ области народнаго просвѣщенія въ первые же годы послѣ освобожденія, были довольно существенны, а въ иныхъ случаяхъ—особенно въ округахъ, въ турецкое время бывшихъ отсталыми и заброшенными — и очень значительны. Вотъ нѣкоторыя, относящіяся сюда, данныя, которыя намъ удалось почерпнуть изъ оффиціальныхъ рапортовъ и другихъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, источниковъ.

Въ кюстендильской околіи (нѣчто въ родѣ нашего уѣзда) до войны было всего 8 болгарскихъ училищъ (на 50.000 жителей), изъ которыхъ только 2 были поставлены сколько-нибудь сносно. Остальныя 6 были простыя „киліи“, въ которыхъ дѣти обучались церковному чтенію—и болѣе ничему. Въ 1880—81 учебномъ году, къ которому относится лежащій передъ нами докладъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, Иречека, въ околіи было устроено 30 мужскихъ школъ, съ 35 учителями и 1.246 учениками, и 1 — женская, съ 2 учительницами и 104 ученицами. Въ сосѣдней изворской околіи (съ населеніемъ въ 25.000 чел., почти сплошь безграмотныхъ) до войны было всего 4 самыхъ первобытныхъ училища; а въ 1880—81 гг. тамъ имѣлось уже 15 недурныхъ училищъ, съ 15 учителями и 519 учениками. Въ треискомъ округѣ (съ 65.000 ж.), присоединенномъ къ Болгаріи лишь въ 1879 г., считалось въ это время 16 училищъ, съ 385 учениками, а черезъ два года въ немъ было 2 классныхъ (нѣчто въ родѣ нашихъ уѣздныхъ училищъ) и 50 первоначальныхъ училищъ съ 58 учителями и 1.820 учениками.

Такой же прогрессъ замѣчается и въ восточныхъ и придунайскихъ округахъ, населеніе которыхъ и въ турецкое время не мало дѣлало для своихъ училищъ. Такъ, напр., по сообщенію инспектора Блескова во всѣхъ училищахъ шуменскаго округа въ 1875—76 г. считалось 41 учитель и 2.420 учениковъ (изъ которыхъ половина почти принадлежала самому окружному городу). Черезъ 5 лѣтъ число учителей въ округѣ поднялось до 79, а число учениковъ—до 4.128. Въ провадійскомъ окр. въ 1875—76 гг. было 16 училищъ съ 25 учителями и 1.065 учениками. Въ 1880—81 гг. въ немъ было 42 училища, съ 52 учителями и 2.480 учениками. Въ видинскомъ округѣ до войны было 51

училище, съ 50 учителями и 1.350 учениками; въ 1880—81 гг. тамъ было уже 89 училищъ, съ 97 учителями и 4.000 учениковъ. Въ ловчанскомъ округѣ въ 1878—79 гг. было всего 16 училищъ; черезъ два года ихъ было уже 64, не считая 3-классныхъ. Въ варненскомъ окр. въ 1878—79 гг. было 15 училищъ; черезъ два года это число болѣе чѣмъ удвоилось (34). Наконецъ, во всей Болгаріи въ 1878—79 гг. считалось около 1.100 болгарскихъ училищъ, съ 1.379 учителями и 57.000 учениковъ (48.500 мальчиковъ и 8.500 дѣвочекъ); а въ 1880—81 гг. число такихъ училищъ поднялось до 1.427 (1.327 мужскихъ и 100 женскихъ), съ 1.760 учителями и приблизительно съ 70.000 учениковъ.

Параллельно съ заботами о первоначальныхъ народныхъ школахъ, правительство дѣлало, что̀ могло, для распространенія въ странѣ средняго и высшаго образованія, при помощи какъ своихъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, такъ и широко поставленной системы стипендій для молодыхъ людей, обучавшихся въ заграничныхъ университетахъ. Въ турецкое время эта сторона дѣла была совсѣмъ заброшена. Во всей Болгаріи было всего 2 среднихъ учебныхъ заведенія (въ Габровѣ и Пловдивѣ), подходившихъ по своей программѣ къ типу заграничныхъ реальныхъ гимназій, и одна духовная семинарія (въ Петропавловскомъ монастырѣ). Въ 1880—81 гг. среднихъ учебныхъ заведеній въ Болгаріи было уже 12: 1 духовная семинарія, 1 классическая гимназія (Софія); 4 реальныхъ гимназіи (Габрово, Ломъ, Кюстендиль и Варна); 2 женскихъ гимназіи (Софія и Тырново); 2 трехклассныхъ училища (нѣчто въ родѣ нашихъ прогимназій (Силистра и Царибродъ) и 2 педагогическихъ училища (Вратца и Шуменъ). Въ этихъ училищахъ считалось до 1.600 учениковъ (1.350 мальчиковъ и 250 дѣвочекъ) и около 65 учителей, изъ которыхъ, однако, лишь меньшинство получило университетское образованіе. Наконецъ, на стипендіи было въ 1880 г. потрачено правительствомъ 156.000 фр. въ мѣстныхъ училищахъ и 45.000 въ заграничныхъ университетахъ.

Вышеприведенныя данныя относятся лишь къ сѣверной Болгаріи, которая и составляла тогда собственно княжество Болгарское. Южная Болгарія, или иначе Восточная Румелія, какъ извѣстно, представляла до 1886 г. автономную область, формально принадлежавшую Турціи, но имѣвшую свою особенную конституцію и свое самостоятельное управленіе. Болѣе культурная и богатая, чѣмъ сѣверная Болгарія, еще и до русско-турецкой войны, она, естественно, стояла, въ 1880—81 гг., выше

ея и по отношенію къ дѣлу народнаго образованія. При почти вдвое меньшемъ населеніи, въ этомъ году въ ней было до 900 первоначальныхъ училищъ (только болгарскихъ, не считая многочисленныхъ католическихъ, протестантскихъ, еврейскихъ, армянскихъ и турецкихъ), съ 1.200 учит. и болѣе, чѣмъ 50.000 учениковъ. Принимая все число дѣтей школьнаго возраста въ 70.000, получимъ, что посѣщали училища до 70%. Въ сѣверной Болгаріи процентъ дѣтей, посѣщавшихъ училища, въ самыхъ передовыхъ округахъ доходилъ только до 60%. Разница, какъ видитъ читатель, очень значительная въ пользу Румеліи. Эта разница становится еще болѣе значительной, если мы обратимъ вниманіе на пропорцію между числомъ мальчиковъ и дѣвочекъ, посѣщавшихъ училища въ сѣверной и въ южной Болгаріи. Въ то время, какъ въ первой дѣвочки едва составляли 18% всего числа учениковъ, во второй изъ 50.000 учениковъ дѣвочекъ было не менѣе 11.000, т.-е. около 28%.

Кромѣ первоначальныхъ училищъ, въ 1880—81 гг. въ южной Болгаріи было до 25 классныхъ училищъ съ 3.000 учениковъ, и 4 среднихъ учебныхъ заведенія: 2 мужскихъ гимназіи (въ Сливнѣ и Пловдивѣ) и 2 женскихъ (въ Пловдивѣ и Ст.-Загорѣ), съ 60 жителями и 1.500 учениковъ. Наконецъ, на заграничныя стипендіи было въ этомъ году истрачено правительствомъ до 300.000 фр., и на стипендіи въ мѣстныхъ училищахъ—до 400.000 фр.

Таковы цифры, относящіяся къ этому времени. Если судить только по нимъ, можетъ показаться, что народное образованіе уже 15 лѣтъ тому назадъ, т.-е. едва 3—4 года послѣ освобожденія, было поставлено въ Болгаріи (особенно въ южной) очень и очень недурно. Къ сожалѣнію, цифры говорятъ лишь о внѣшней, показной сторонѣ дѣла. Дѣйствительно, новыхъ училищъ было открыто очень много; дѣйствительное число учениковъ въ нихъ возросло въ очень значительной степени, но сами училища въ громадномъ большинствѣ были еще совсѣмъ плохи, и обученіе въ нихъ было крайне неудовлетворительно. Всѣ относящіеся къ этому времени отчеты училищныхъ инспекторовъ и доклады министровъ, которые намъ удалось пересмотрѣть, переполнены по этому поводу всевозможными жалобами. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе крайне неравномѣрное распредѣленіе училищъ въ странѣ. Именно въ тѣхъ заброшенныхъ въ турецкое время округахъ, которые особенно нуждались въ училищахъ, учебное дѣло и было поставлено хуже всего. Такъ, тогда какъ въ шуменскомъ округѣ (одинъ изъ самыхъ передовыхъ) одинъ ученикъ

приходился на 8 жителей, въ тырновскомъ—1 на 17; въ свиштовскомъ—1 на 13; въ рущукскомъ—1 на 20, въ западныхъ округахъ княжества, напр. въ кюстендильскомъ округѣ, 1 ученикъ приходился на 35—40 жит., и число дѣтей, посѣщавшихъ училища, не составляло и 25—30% всего числа дѣтей школьнаго возраста. Главною, конечно, причиною такого неудовлетворительнаго положенія вещей было то, что само населеніе этихъ заброшенныхъ и бѣдныхъ округовъ, чуть не сплошь безграмотное, совершенно не понимало пользы ученья и видѣло въ немъ лишь ненужную роскошь, лишь способъ отрывать дѣтей отъ домашнихъ работъ. Правительству приходилось открывать здѣсь училища чуть не насильно, чуть не насильно приводить въ нихъ дѣтей, надъ которыми матери плакали, какъ надъ погибшими. Общины отказывались поддерживать открытыя училища, не снабжали ихъ необходимыми пособіями, не давали дровъ для ихъ отопленія, не платили жалованья учителямъ и т. п. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ училища прозябали, что во всемъ, напр., кюстендильскомъ округѣ (съ васеленіемъ въ 143.000) изъ 10.500 дѣтей школьнаго возраста учениками было записано лишь 4.000 (изъ которыхъ дѣвочекъ всего 32), большая половина которыхъ совсѣмъ, или почти совсѣмъ, не посѣщали училищъ и не являлись на экзамены.

Въ восточныхъ и придунайскихъ округахъ, гдѣ главнымъ образомъ возникло и развивалось національное движеніе, дѣло обстояло, конечно, лучше. Тамошнее населеніе было болѣе подготовленнымъ, понимало пользу ученья и охотно посылало своихъ дѣтей въ заводимыя правительствомъ школы. Но качество преподаванія въ этихъ школахъ и ихъ общее состояніе и тамъ оставляли желать многаго, вслѣдствіе, главнымъ образомъ, бѣдности населенія и малой культурности страны. Училища помѣщались обыкновенно въ совершенно неприспособленныхъ къ дѣлу зданіяхъ,—въ полуразрушенныхъ монастыряхъ, при церквахъ, или просто въ негодныхъ ни для чего другого—и тѣмъ менѣе годныхъ для школьныхъ занятій—старыхъ общинскихъ постройкахъ. Общины и училищныя настоятельства, на которыхъ лежитъ здѣсь обязанность заботиться о матеріальномъ поддержаніи училища, снабжать ихъ отопленіемъ, освѣщеніемъ и учебными пособіями, помогать бѣднымъ ученикамъ, слѣдить за исполненіемъ закона о всеобщемъ обученіи и уплачивать часть жалованья учителямъ, относились къ этимъ обязанностямъ, въ большинствѣ случаевъ, халатно и невнимательно. Отцы, учившіеся въ свое время у полуграмотныхъ учителей, практиковавшихъ свою профессію въ

сараяхъ и чуть не хлѣвахъ, или совсѣмъ нигдѣ не учившіеся, смотрѣли на министерскіе циркуляры, толковавшіе о гигіеническихъ удобствахъ, о какихъ-то дѣтскихъ садахъ, гимнастикахъ и кубическихъ объемахъ воздуха, какъ на праздныя выдумки, совершенно не заслуживающія того, чтобы тратить изъ-за нихъ скудные общинные гроши. Также сквозь пальцы смотрѣли они на неаккуратное посѣщеніе училищъ своими дѣтьми, которыхъ съ спокойной совѣстью отрывали отъ школьныхъ занятій для домашнихъ и полевыхъ работъ. Въ результатѣ ученье шло плохо; болѣе половины дѣтей совсѣмъ не учились, да и изъ тѣхъ, которыя были записаны, какъ ученики, едва половина дотягивала до экзаменовъ. Остальные бросали школу въ серединѣ ученія, чтобы не возвращаться въ нее болѣе никогда.

Крайне невыгодно отзывалось на обученіи и отсутствіе установленныхъ и приспособленныхъ къ нуждамъ населеній программъ. Эти программы постоянно мѣнялись и перекраивались въ министерскихъ канцеляріяхъ. Затѣмъ онѣ подвергались новымъ перекраиваніямъ со стороны самихъ учителей, часто совершенно некомпетентныхъ въ своемъ дѣлѣ и незнакомыхъ съ педагогической наукой. На это послѣднее обстоятельство, т.-е. на слабую подготовку большинства учителей, жалуются всѣ инспекторскіе отчеты того времени. И неудивительно: въ турецкое время въ учителя шли лучшіе представители болгарской интеллигенціи. Съ одной стороны, другого дѣла у нихъ и не было; съ другой, это были люди идеи, находившіе въ положеніи учителя лучшій способъ служить ей. Съ освобожденіемъ, все это радикально перемѣнилось. Люди потребовались вездѣ; для знаній и способностей открылось широкое поприще, и всѣ вчерашніе народные учителя заняли лучшія мѣста въ министерствахъ, въ судебныхъ учрежденіяхъ и въ администраціи. Въ селахъ остались лишь тѣ, которые ни къ чему другому годны не были. Учительскія мѣста пришлось замѣщать какъ попало, не присматриваясь ни къ знаніямъ, ни къ способностямъ, ни—менѣе всего — къ дипломамъ кандидатовъ. Зналъ человѣкъ кое-какъ грамотѣ, имѣлъ свидѣтельство объ окончаніи первоначальнаго училища и выражалъ готовность идти въ село, на тяжкій и скудно оплачиваемый трудъ учителя народной школы,—этого было достаточно,—болѣе, чѣмъ достаточно. Его назначали учителемъ и отправляли просвѣщать деревенскій народъ. Въ результатѣ болѣе 80% училищнаго персонала народныхъ школъ въ 188⁰/₁ г. были люди полуграмотные, принявшіеся за трудное ремесло педагога безъ всякой педа-

гогической подготовки, въ иныхъ случаяхъ не окончившіе даже курса первоначальнаго училища.

Какъ, однако, ни велики были всѣ эти недостатки въ организаціи учебнаго дѣла въ Болгаріи въ первые годы ея самостоятельной національной жизни, они, конечно, постепенно исчезли бы при условіи нормальнаго и спокойнаго внутренняго развитія страны. Къ сожалѣнію, именно этого-то условія и не оказалось въ наличности. Не успѣла еще молодая страна оглядѣться и стать прочно на ноги, какъ она попала въ кипучій водоворотъ политическихъ бурь, которыя отодвинули далеко на задній планы чисто культурныя задачи. Къ внутренней политической борьбѣ, раздѣлившей и правящіе классы, и массу населенія на враждебныя партіи, присоединились внѣшнія осложненія, въ видѣ румелійскаго переворота и вызванной имъ сербско-болгарской войны, которая поставила на карту самое существованіе Болгаріи. Правда, и переворотъ, и война, окончились для нея благополучно. Неожиданно для всѣхъ — въ томъ числѣ для самой себя—она вышла изъ тяжелаго испытанія побѣдительницей. Она побѣдоносно отразила чужеземное нашествіе, почти удвоила свою территорію, не поступившись при этомъ ни мало своею независимостью, и наконецъ, вмѣсто удалившагося князя (Александра Баттенбергскаго) успѣла избрать себѣ другого. Но за всѣ эти успѣхи ей пришлось заплатить дорогою цѣною, ибо послѣдствіемъ всѣхъ этихъ потрясеній было установленіе безпощадной диктатуры Стамбулова, которая продержалась цѣлыхъ восемь лѣтъ; пагубныя традиціи ея живы до сихъ поръ какъ въ мѣстныхъ нравахъ, такъ и во всемъ строѣ мѣстной общественно-политической жизни. Весьма вѣроятно, что эта диктатура была дѣйствительно единственнымъ, какъ говорятъ ея защитники, средствомъ спасти Болгарію отъ внутреннихъ смутъ и внѣшнихъ опасностей, угрожавшихъ странѣ. Дикая энергія Стамбулова—этого типичнаго восточнаго деспота—въ нѣсколько лѣтъ укрѣпила потрясенные въ своихъ основаніяхъ государственные устои; укрѣпила армію и, изгнавъ изъ нея революціонныя тенденціи, сдѣлала ее снова послушнымъ орудіемъ правительства; задушила почти всякую оппозицію и, такимъ образомъ, въ полной мѣрѣ возстановила нарушенный въ странѣ „внутренній порядокъ". Но не говоря уже о глубокой деморализаціи, внесенной ею въ политическіе нравы населенія, прямымъ результатомъ Стамбуловской системы управленія было рѣшительное нарушеніе въ процессѣ культурнаго развитія неокрѣпшаго еще государственнаго организма. Всѣ его нормальныя отправленія были прі-

остановлены и принесены въ жертву административно-полицейскимъ функціямъ, поглощавшимъ всю энергію и всѣ творческія силы правительства. Занятый борьбою съ оппозиціонными и революціонными теченіями внутри страны и окруженный опасностями, вытекавшими для Болгаріи изъ ея критическаго международнаго положенія, Стамбуловъ впалъ въ ту же ошибку, въ которую фатально впадали всѣ „спасители отечества", попадавшіе въ его положеніе. Прочность *своей* власти онъ отождествилъ съ спасеніемъ „независимой Болгаріи", которая *безъ него* должна была, по его мнѣнію, стать неизбѣжной добычей внутренней анархіи и внѣшнихъ интригъ. Естественнымъ результатомъ этого самомнѣнія было то, что на укрѣпленіе этой власти и созданнаго имъ режима онъ и обратилъ всѣ силы своего недюжиннаго ума и своей изумительной энергіи. Мирной творческой работой заниматься ему было некогда; да, наконецъ, такая дѣятельность и не вязалась съ системой террористической репрессіи, въ которой онъ видѣлъ единственное средство спасенія, какъ для себя лично, такъ и для Болгаріи вообще.

Естественно, что дѣло народнаго образованія, которое требовало для своего правильнаго прогресса всего вниманія центральной власти, оказалось въ первые годы диктатуры Стамбулова совершенно заброшено. Въ немъ царило то же недовѣріе, та же рутина и тотъ же реакціонный духъ, какъ и въ другихъ сферахъ внутренней жизни. Министры народнаго просвѣщенія были лишены какой бы то ни было иниціативы и самостоятельности въ своемъ дѣлѣ. При ихъ назначеніи принимались въ разсчетъ не способности человѣка исполнять свои обязанности, а лишь его политическая благонадежность, его полная готовность служить вѣрой и правдой Стамбулову. Тотъ же единственный критерій примѣнялся въ свою очередь министрами при выборѣ своихъ ближайшихъ помощниковъ, при назначеніи и отчисленіи инспекторовъ и учителей, при распредѣленіи правительственной помощи между тѣми или другими общинами, селами и городами. Интересы самого дѣла не играли при этомъ никакой роли, и народное образованіе, обратившееся въ подчиненную отрасль политической, или, вѣрнѣе, административно-полицейской системы, не только не прогрессировало, а скорѣе падало, и количественно, и качественно.

Таково было положеніе вещей въ первые годы Стамбуловской диктатуры. Перемѣна къ лучшему начинаетъ замѣчаться лишь тогда, когда „дѣло умиротворенія" было завершено, и Стамбуловъ началъ чувствовать себя утвердившимся, а свой режимъ—

окрѣпшимъ окончательно. Упадокъ учебнаго дѣла въ странѣ, выражавшійся въ отсутствіи цѣлесообразнаго законодательства, въ недостаткѣ и заброшенности школъ, въ негодности учителей, единственнымъ цензомъ для которыхъ была „политическая" благонадежность, въ ихъ крайней матеріальной необезпеченности, въ небрежномъ посѣщеніи школъ учениками и въ полномъ отсутствіи какого бы то ни было компетентнаго контроля надъ школьнымъ преподаваніемъ,—обратилъ, наконецъ, на себя вниманіе правительства. Начались попытки поправить дѣло. Въ началѣ робкія, одиночныя и, потому, безплодныя, онѣ постепенно привели правительство къ сознанію необходимости полной реформы, прежде всего, конечно, законодательной. Результатомъ этого сознанія и былъ „законъ о народномъ образованіи", выработанный Живковымъ и принятый въ 1891 году народнымъ собраніемъ. Со времени изданія этого закона для народнаго образованія въ княжествѣ наступила, можно сказать, новая эра. Во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ онъ остается въ силѣ и до сего дня, и потому съ нимъ слѣдуетъ познакомиться ближе. Вотъ вкратцѣ самое его содержаніе.

Училища подраздѣляются на *первоначальныя* или „основныя", *среднія* (гимназіи, прогимназіи, классныя училища, педагогическія семинаріи и пр.) и *высшія* (университеты и пр.). Основныя училища предназначаются для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста (отъ 6 до 12 лѣтъ); обученіе въ нихъ безплатно и, согласно конституціи, обязательно. Полный курсъ ученія въ нихъ продолжается шесть лѣтъ и проходится въ трехъ отдѣленіяхъ,—въ низшемъ, среднемъ и высшемъ, въ каждомъ по два года. По окончаніи первыхъ двухъ отдѣленій, ученикъ можетъ быть принятъ безъ экзамена въ первый классъ гимназіи; окончаніе же полнаго курса основного училища даетъ ему право поступленія (безъ экзамена) въ 3-й классъ средняго училища. Программа обученія въ основномъ училищѣ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе предметы преподаванія: Законъ Божій, правоученіе, болгарскій и старо-болгарскій языкъ, отечествовѣдѣніе, гражданское ученіе, краткія познанія по всеобщей исторіи и географіи, ариѳметика, геометрія, краткія познанія по физикѣ, химіи, естественнымъ наукамъ и гигіенѣ, рисованіе, пѣніе, гимнастика и, для дѣвочекъ, рукодѣліе.—Всякое село, въ которомъ имѣется болѣе 50 домовъ, должно имѣть свое училище. Мелкія сосѣднія села могутъ соединяться по нѣскольку въ одну общину и содержать общее училище, соблюдая, однако, то условіе, чтобы одно училище приходилось не болѣе какъ на 50 домовъ. Училища должны строиться

по планамъ, утверждаемымъ министерствомъ, и отвѣчать всѣмъ требованіямъ школьной гигіены. Расходы на поддержаніе училищъ (освѣщеніе, отопленіе, учебныя пособія, помощь бѣднымъ ученикамъ и пр.) возлагаются на общины. На нихъ же возлагается обязанность выплачивать учителямъ $^1/_3$ ихъ жалованья (остальныя $^2/_3$ платитъ государство), а также и расходы по постройкѣ новыхъ училищъ (въ этихъ расходахъ принимаетъ, однако, участіе и государство своими единовременными пособіями). Неаккуратное посѣщеніе дѣтьми училищъ наказывается штрафами (отъ 3 до 40 фр.), налагаемыми на ихъ родителей. Какъ дополненіе къ обученію въ основныхъ училищахъ, въ городахъ и селахъ поощряется открытіе вечернихъ и воскресныхъ курсовъ и устройство при училищахъ библіотекъ. Обязанность слѣдить за исполненіемъ всѣхъ этихъ предписаній закона и заботиться объ успѣхѣ обученія возлагается на особое при каждомъ училищѣ училищное настоятельство, состоящее изъ предсѣдателя (мѣстный „кметъ", т.-е. голова) и двухъ (въ городахъ 4) избранныхъ общиною членовъ. Наконецъ, въ каждомъ административномъ округѣ учреждается центральный училищный совѣтъ, состоящій изъ окружного управителя (предсѣдатель), директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній округа, окружного училищнаго инспектора, предсѣдателя окружного суда, окружного и городского врача, двухъ учителей, избранныхъ учительскимъ совѣтомъ, предсѣдателя „постоянной коммиссіи" (нѣчто въ родѣ нашего земства) и, наконецъ, городского кмета. Эти окружные училищные совѣты заботятся о преуспѣяніи учебнаго дѣла въ округѣ, наблюдаютъ за надлежащимъ исполненіемъ относящихся къ нему законовъ и программъ, контролируютъ дѣятельность училищныхъ настоятельствъ и посредничествуютъ между ними и учителями; ему же принадлежитъ дисциплинарная власть надъ послѣдними; онъ подаетъ свои мнѣнія насчетъ постройки новыхъ училищныхъ зданій, ремонта старыхъ, насчетъ правительственныхъ пособій общинамъ, и т. д., и т. д. Это—промежуточная инстанція между общинными училищами и министерствомъ съ самой широкой нравственной и административной компетенціей.

Учителя основныхъ училищъ должны обладать свидѣтельствомъ объ окончаніи педагогическаго училища, или соотвѣтствующаго учебнаго заведенія, и кромѣ того выдержать спеціальный государственный экзаменъ. Исключеніе допускается лишь для лицъ, которыя до обнародованія закона были уже учителями въ теченіе не менѣе пяти лѣтъ. Временно могутъ назначаться учителями и лица, не удовлетворяющія вышеприведеннымъ условіямъ, но съ

условіемъ выдержать въ опредѣленный срокъ государственный экзаменъ. Невыполненіе этого условія влечетъ за собою, согласно закону, потерю мѣста и права на учительство. Учителя дѣлятся на перворазрядные, второразрядные и третьеразрядные, при чемъ повышеніе въ степени дѣлается черезъ каждыя 5 лѣтъ безпорочной службы. Перворазрядные учителя получаютъ въ годъ 1.800 фр., второразрядные—1.500 и третьеразрядные—1.200. Жалованье учительницъ такое же. Назначеніе учителей дѣлается министерствомъ, но изъ числа кандидатовъ, представляемыхъ ему мѣстными училищными настоятельствами и училищными совѣтами; оно же является и послѣдней инстанціей въ области дисциплинарнаго воздѣйствія на учителей. Въ видахъ улучшенія учительскаго персонала на министерство возлагается особенность устраивать (вакаціонные) временные педагогическіе курсы, собирать учительскіе съѣзды, способствовать организаціи учительскихъ библіотекъ, обществъ и т. п. Въ случаѣ особо успѣшной дѣятельности избранные учителя награждаются стипендіями въ высшемъ училищѣ или командировками за границу, для усовершенствованія въ своей спеціальности.

Среднія училища имѣютъ цѣлью дать способнымъ юношамъ общее образованіе и подготовить ихъ къ университету. Обученіе въ нихъ продолжается семь лѣтъ и обнимаетъ слѣдующіе предметы преподаванія: Законъ Божій, болгарскій языкъ, гражданское ученіе, исторію, географію, математику, физику, химію и естественную исторію, гигіену, французскій (или нѣмецкій) языкъ, психологію, логику, этику и, наконецъ, латинскій, греческій языкъ и литературу въ классическихъ гимназіяхъ, начатки высшей математики въ реальныхъ, и педагогію, рукодѣліе и домашнее хозяйство въ женскихъ гимназіяхъ. Плата за обученіе минимальна: отъ 8 до 12 фр. въ годъ, да и отъ той ученики освобождаются очень легко. Она образуетъ фондъ, предназначенный прежде всего для помощи неимущимъ ученикамъ, которыхъ въ здѣшнихъ гимназіяхъ очень много. Учителя среднихъ учебныхъ заведеній назначаются министерствомъ. Они должны имѣть высшее образованіе. Исключенія допускаются лишь для лицъ, учительствовавшихъ до обнародованія закона не менѣе 8 лѣтъ (но и то съ условіемъ, чтобы они выдержали въ опредѣленный срокъ государственный экзаменъ), и для спеціалистовъ иностранцевъ, назначеніе которыхъ разрѣшается впредь до появленія компетентныхъ спеціалистовъ изъ своихъ подданныхъ. Учителя дѣлятся на тѣ же три категоріи (перворазрядные, второразрядные и третьеразрядные), съ жалованьемъ отъ 3.300 фр. въ годъ до 5.000 фр.

Дисциплинарная власть надъ учителями принадлежитъ министерству, при чемъ, однако, въ важныхъ случаяхъ необходимымъ условіемъ наложенія наказанія является предварительное слѣдствіе училищнаго совѣта, съ заключеніемъ котораго министерство должно считаться.

Наконецъ, высшія училища (университеты, академіи, политехникумы и т. п.) открываются и управляются на основаніи особыхъ законовъ, вносимыхъ для каждаго отдѣльнаго случая министерствомъ народнаго просвѣщенія на утвержденіе народнаго собранія.

Какъ видно изъ вышесказаннаго, „Законъ Живкова", во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ остающійся неизмѣннымъ и до настоящаго времени, впервые внесъ опредѣленныя и точныя нормы въ тотъ хаосъ, который царилъ до него въ области народнаго образованія въ княжествѣ. Онъ установилъ опредѣленный образовательный цензъ для учителей и обезпечилъ ихъ матеріальные интересы; выработалъ единообразныя программы обученія и сложныя формы контроля надъ нимъ; точно опредѣлилъ обязанности общинъ и училищныхъ настоятельствъ въ дѣлѣ матеріальнаго и моральнаго поддержанія школъ, и открылъ имъ широкую возможность прибѣгать во всѣхъ важныхъ случаяхъ—и притомъ безъ самомалѣйшей потери своей независимости и своихъ правъ—къ денежной помощи государства. Съ этимъ закономъ дѣло народнаго образованія въ странѣ было впервые поставлено на солидную почву, и ему былъ указанъ опредѣленный путь дальнѣйшаго развитія. Успѣхи его на этомъ пути зависѣли отнынѣ прежде всего отъ культурнаго прогресса и сознательной иниціативы самого населенія.

Было бы, однако, большою ошибкою думать, что съ изданіемъ „Живковскаго закона" всѣ указанные выше недостатки учебнаго дѣла въ Болгаріи сразу исчезли и въ немъ воцарился полный порядокъ. Законъ—одно, а приложеніе и исполненіе его—совсѣмъ другое. Въ его строгихъ нормахъ надо было видѣть скорѣе desiderata,—идеалъ, къ которому слѣдовало стремиться, а не нѣчто незыблемо установленное и неизбѣжно обязательное. Для выполненія всѣхъ его предписаній мало было доброй воли не только центральной власти, но и населенія. Для этого нужна была наличность общекультурныхъ условій, которыхъ въ странѣ не было, да и быть не могло. Законъ предписывалъ для учителей опредѣленный образовательный цензъ, но при отсутствіи людей, удовлетворявшихъ этому требованію, по неволѣ приходилось держать въ школахъ учителей некомпетентныхъ и непод-

готовленныхъ къ своему дѣлу. Правда, ихъ называли „временными“, но суть дѣла отъ этого не мѣнялась, и то, что̀ законъ допускалъ лишь какъ исключеніе, долго еще оставалось общимъ правиломъ. Законъ настаивалъ на посѣщеніи школъ *всѣми* дѣтьми школьнаго возраста и угрожалъ непокорнымъ штрафами и наказаніями,—но какое значеніе могли имѣть эти угрозы, когда „непокорными“ оказывалась половина населенія, и когда ея „непокорство“ обусловливалось прежде всего недостаткомъ школъ. Законъ обязывалъ каждую общину имѣть свою школу,—и притомъ школу, удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ гигіены,—но что̀ было дѣлать, когда община, сплошь и рядомъ, не имѣла средствъ для возведенія училища, а государство, обязанное приходить къ ней на помощь, могло дѣлать это только въ исключительныхъ случаяхъ, опять-таки изъ-за недостатка въ свободныхъ средствахъ. Наконецъ, законъ весьма точно опредѣлялъ взаимныя отношенія между настоятельствами, съ одной стороны, и учителями съ другой—и, такимъ образомъ, какъ бы обезпечивалъ за этими послѣдними извѣстную долю независимости, по крайней мѣрѣ въ ихъ спеціальной области; но что̀ было толку во всѣхъ этихъ „гарантіяхъ“, когда сами контролирующія инстанціи (инспектора и пр.) были только игрушкой въ рукахъ мѣстныхъ депутатовъ, кметовъ и другихъ „сильныхъ людей“, которые, благодаря своему политическому вліянію, могли дѣлать что̀ угодно и совершенно безнаказанно нарушать всѣ божескіе и человѣческіе законы!...

Понятно, что при такихъ условіяхъ „законъ Живкова“ могъ прилагаться лишь болѣе или менѣе случайно и его благодѣтельные результаты могли сказаться лишь постепенно, въ зависимости отъ общаго культурнаго и политическаго роста страны. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что такіе результаты были, и дѣло народнаго образованія въ Болгаріи съ 1891 года идетъ впередъ хотя и не очень быстрымъ, но правильнымъ шагомъ. За послѣднія пять лѣтъ оно несомнѣнно выросло не только качественно, но и количественно. Въ такой общей формѣ это заключеніе не подлежитъ спору. Къ сожалѣнію, обосновать его точными цифрами оказывается далеко не такъ легко, потому что оффиціальная училищная статистика въ Болгаріи крайне неполна и не разработана. Все же и изъ нея можно почерпнуть кое-какія интересныя данныя. Посмотримъ же, что̀ говорятъ эти данныя прежде всего въ области первоначальнаго образованія.

Ко времени изданія закона Живкова, въ 1890—91 учебномъ году, въ Болгаріи было 2.750 основныхъ училищъ (только

болгарскихъ; всего же первоначальныхъ училищъ, считая турецкія, еврейскія, католическія, протестантскія и др. школы,—было 4.200), съ 197.000 учениковъ (154.000 мальчиковъ и 43.000 дѣвочекъ) и съ 4.260 учителей (3.456 учителей и 804 учительницы). Оказывается, такимъ образомъ, что съ 1880 года число учителей и учениковъ увеличилось почти въ полтора раза, тогда какъ число училищъ увеличилось всего на 18%. Не особенно улучшился за это время и учительскій персоналъ съ точки зрѣнія педагогической подготовки, какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ данныхъ, относящихся къ степени образованія учителей основныхъ училищъ въ 1890—91 году. Изъ всѣхъ 5.943 учителей (считая въ томъ числѣ и 1.683 учителя *не*-болгарскихъ первоначальныхъ училищъ) было всего 1.500, т. е. менѣе 25%, имѣвшихъ образованіе не ниже прогимназическаго, причемъ только 390 изъ нихъ имѣли свидѣтельство о прохожденіи 1-го, 2-го или 3-го курса педагогическаго училища. Остальныя, т.-е. 75%, получили образованіе или въ первоначальныхъ училищахъ, (до 500 человѣкъ), или въ турецкихъ „медресе" и „руджіе" (до 750 ч.), или въ низшихъ классахъ гимназіи и семинаріи (такъ, изъ всѣхъ учителей—бывшихъ гимназистовъ (3.500) только 150 человѣкъ имѣли свидѣтельства объ окончаніи VI-го класса. Всѣ остальные были изъ низшихъ классовъ,—болѣе всего изъ третьяго (до 1.350 человѣкъ).

Но вотъ прошло пять лѣтъ со времени изданія закона, и картина значительно измѣняется къ лучшему. Число учителей въ однихъ болгарскихъ основныхъ училищахъ въ 1895—96 учебномъ году опредѣляется въ 6.458 (5.203 учителя и 1.255 учительницъ), т. е. за пять лѣтъ оно возросло болѣе чѣмъ на 50%. Въ соотвѣтствующей же степени увеличилось за это время какъ число учениковъ (во всѣхъ начальныхъ училищахъ княжества, считая и иновѣрныя—болѣе 300.000), такъ и количество училищъ (однихъ болгарскихъ болѣе 3.000). Не меньшій прогрессъ замѣчается и въ подготовкѣ учителей. Правда, и теперь еще чуть не половина учителей не удовлетворяетъ требуемому закономъ цензу, но, какъ показываютъ слѣдующія данныя, улучшеніе въ подборѣ учителей, въ сравненіи съ 1891—92 г., очень значительно: 3.552 уч.,—т.-е. болѣе 55% всего числа учителей,—имѣютъ свидѣтельства объ окончаніи не менѣе какъ IV-го класса гимназіи. Изъ нихъ до 1.500 ч. учились въ педагогическихъ училищахъ или семинаріяхъ и болѣе 630 окончили полный гимназическій курсъ. Съ образованіемъ менѣе чѣмъ прогимназическимъ было менѣе 3.000 ч., т.-е. около 45% всего

числа учителей (на 75% въ 1890—91 г.), причемъ изъ первоначальныхъ училищъ было всего 218, т.-е. немногимъ болѣе 3% (на 8—9% въ 1890—91 году).

Еще бо́льшій прогрессъ замѣчается въ области средняго образованія, которое вообще становится понемногу какъ бы излюбленнымъ дѣтищемъ болгарскаго правительства, по мѣрѣ того какъ процессъ классовой дифференціаціи, несомнѣнно совершающійся въ странѣ, выдѣляетъ изъ ея недавно еще однороднаго населенія все болѣе вліятельный и многочисленный буржуазный слой. Въ 1880—81 году во всей Болгаріи было всего 12 полныхъ средних учебныхъ заведеній (гимназіи, педагогическія училища, семинаріи и пр.) и до 30 неполныхъ (прогимназіи и такъ называемыя трехклассныя училища). Въ 1895 — 96 г. заведеній перваго типа было уже 22 (9 мужскихъ гимназій, 7 женскихъ и 6 педагогическихъ училищъ) и болѣе 120 заведеній второго типа. Въ 1880—81 г. въ 12 среднихъ учебныхъ заведеніяхъ считалось 125 учителей и 3.100 учениковъ. Въ 1895—96 г. въ 22 заведеніяхъ было 630 учителей (изъ которыхъ 103 учительницы) и болѣе 14.000 учениковъ (изъ которыхъ 4.070 дѣвочекъ), т.-е. число и тѣхъ и другихъ увеличилось почти въ 5 разъ. Если же включить въ рубрику средняго образованія и 120 прогимназій и трехклассныхъ училищъ съ ихъ 19.260 учениками (изъ которыхъ 8.500 дѣвочекъ) и съ 1.366 учителями (изъ которыхъ 260 учительницъ), то прогрессъ, достигнутый въ этой области, становится еще болѣе поразительнымъ.

Параллельно съ количественнымъ ростомъ средняго образованія, т.-е. съ увеличеніемъ на 400—500% какъ числа учебныхъ заведеній, такъ и числа учениковъ въ нихъ, за это время достигнуто очень значительное улучшеніе и въ самомъ преподаваніи, и въ подборѣ учителей, которые, 15 лѣтъ тому назадъ, были почти такъ же плохи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ и въ первоначальныхъ училищахъ. Конечно, и тутъ еще далеко до точнаго выполненія предписаній закона, относящихся къ требуемому отъ учителей образовательному цензу, но все же систематическія усилія министерства народнаго просвѣщенія въ этомъ направленіи дали, сравнительно говоря, блестящіе результаты. Такъ, теперь изъ всего числа (630) учителей гимназій и педагогическихъ училищъ почти половина (46%) имѣетъ полное высшее образованіе, и до 11%—высшее неполное. Учителя съ полнымъ среднимъ образованіемъ составляютъ 35% и, наконецъ, съ неполнымъ среднимъ—только 8%.

Много, конечно, хуже, обстоитъ въ этомъ отношеніи дѣло въ неполныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но и тутъ учительскій персоналъ въ значительной степени обновленъ и улучшенъ по сравненію съ тѣмъ, чтò было еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Главный контингентъ этихъ учителей (до 65%) имѣетъ среднее образованіе, а нѣкоторая часть изъ нихъ—даже высшее (65 учителей имѣютъ полное высшее образованіе и 61—неполное высшее).

Соотвѣтственно съ этимъ улучшеніемъ и расширеніемъ дѣла народнаго образованія въ странѣ росли, конечно, и расходы на него какъ со стороны государства, такъ и со стороны самихъ общинъ. Вотъ нѣкоторыя данныя, по которымъ можно судить о быстротѣ этого роста за послѣднія 15 лѣтъ.

Въ 1880 году всѣ расходы болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія не превышали 1.200.000 фр., изъ которыхъ около 700.000 шло на среднее и высшее образованіе (содержаніе мѣстныхъ учебныхъ заведеній 500.000; стипендіи ученикамъ этихъ заведеній—160.000; стипендіи болгарскимъ студентамъ за границей—45.000 и т. д.), и около 400.000 фр.—на первоначальное обученіе (государственная помощь общиннымъ училищамъ—350.000; училищная инспекція—60.000 и т. д.). Жалованье учителямъ первоначальныхъ училищъ платили тогда сами общины, но мы нигдѣ, къ сожалѣнію, не могли найти общей суммы расходовъ на этотъ предметъ въ 1880 году.

Черезъ 10 лѣтъ (въ 1891 году) бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія возросъ до 5 слишнимъ милліоновъ франковъ. На среднее и высшее образованіе въ этомъ году было ассигновано около 2½ милліоновъ, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: содержаніе мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній—1.800.000; пансіоны при нихъ—70.000; стипендіи для ихъ учениковъ—190.000; заграничныя стипендіи—250.000 и т. д. На первоначальное обученіе было израсходовано 1.100.000 франковъ, изъ которыхъ на государственную помощь общиннымъ училищамъ пошло 850.000; на училищную инспекцію—225.000 и т. д. Жалованье учителямъ первоначальныхъ училищъ продолжали платить сами общины, израсходовавшія на этотъ предметъ въ 1891 году около 3.000.000 фр.

Прошло еще пять лѣтъ, „законъ Живкова" вошелъ въ силу, и вмѣстѣ съ нимъ ⅔ расходовъ на жалованье народнымъ учителямъ были перенесены съ общинъ на казну. Въ Софіи было открыто высшее училище, впрочемъ безъ медицинскаго факультета. Бюджетъ народнаго просвѣщенія сразу поднялся и въ

1896 году достигъ 9.250.000 фр., т.-е. увеличился за пять лѣтъ почти вдвое. На среднее и высшее образованіе было въ 1896 году ассигновано около 3½ милліоновъ франковъ, изъ которыхъ болѣе 2.000.000 пошло на жалованье учителямъ среднихъ учебныхъ заведеній; 260.000—на жалованье профессорамъ высшей школы; 115.000—на пансіоны при мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ; 510.000—на стипендіи дома и за границею, и около 500.000—на матеріальное поддержаніе среднихъ учебныхъ заведеній и высшей школы. На первоначальное обученіе было ассигновано 5.300.000 фр., изъ которыхъ на жалованье учителямъ, не считая 1½ милліона, израсходованнаго на этотъ предметъ общинами—пошло болѣе 4½ милліоновъ; на училищную инспекцію 250.000; на государственную помощь общиннымъ училищамъ—450.000 и т. д.

Такимъ образомъ, за 15 лѣтъ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія возросъ въ 7—8 разъ. Въ такой же приблизительно пропорціи возросли и расходы на образованіе въ общинахъ, за исключеніемъ, конечно, расхода на личный составъ учителей, ⅔ котораго были, какъ мы видѣли, перенесены съ нихъ на казну.

Нашъ очеркъ былъ бы неполонъ, если бы мы ограничились результатами, достигнутыми въ дѣлѣ народнаго образованія въ предѣлахъ болгарскаго княжества, и оставили въ сторонѣ ту сторону дѣятельности болгарскаго правительства, которая проявляется за границей,—именно въ Македоніи. Что бы ни говорили сербскіе и греческіе публицисты, но главная масса македонскаго населенія, и этнографически, и лингвистически, и исторически, несомнѣнно принадлежитъ къ болгарской національности. Такъ смотритъ на нихъ Болгарія; такъ—и это самое важное—смотрятъ на себя и сами македонцы, всегда чувствовавшіе свою родственную связь съ болгарскимъ населеніемъ княжества и тяготѣвшіе къ нему со всею силою естественнаго національнаго инстинкта. Говоря въ началѣ нашей статьи о пробужденіи среди болгаръ національнаго самосознанія, мы уже имѣли случай указать на роль, которую играло македонское населеніе, принявшее въ немъ самое живое и дѣятельное участіе. Ему даже въ значительной степени принадлежала честь почина въ дѣлѣ болгарскаго возрожденія, и какъ въ первыхъ рядахъ болгарскихъ дѣятелей того времени мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ имена македонцевъ (братья Миладиновы и др.), такъ въ числѣ мѣстностей, бывшихъ главными очагами борьбы болгарскаго народа съ греческимъ духовенствомъ и центрами болгар-

ской пропаганды, фигурируютъ Солунъ (Солоники), Битоля и др. македонскіе города. Если это церковно-просвѣтительное движеніе не успѣло въ Македоніи превратиться въ національно-политическое и не привело къ прямой освободительной борьбѣ, то не столько по внутреннимъ, сколько по внѣшнимъ причинамъ. Осуществись въ 1878 г. русская программа „Санъ-Стефанской Болгаріи", освобожденная Македонія такъ же легко слилась бы съ Болгаріей въ единый народъ и единое государство, какъ впослѣдствіи слилась съ нею Восточная Румелія, и вопросъ о національности македонскаго населенія былъ бы рѣшенъ разъ навсегда, и притомъ окончательно и безапелляціонно. Но, какъ извѣстно, этого не случилось. Берлинскій конгрессъ насильственно раздѣлилъ судьбы двухъ отростковъ единаго племени и, оставивъ до поры до времени Македонію за Турціей, сдѣлалъ ее ареной ожесточеннаго соперничества между различными претендентами и создалъ, такимъ образомъ, вѣчный источникъ смутъ и потрясеній на Балканскомъ полуостровѣ.

Единственнымъ положительнымъ результатомъ борьбы, которую македонское населеніе вело рука объ руку съ своими братьями въ Болгаріи противъ греческаго патріархата, было созданіе въ Цариградѣ болгарской экзархіи, компетенція которой была распространена на все православное болгарское населеніе турецкой имперіи. Эта экзархія и сдѣлалась очень скоро естественнымъ соединительнымъ звеномъ между двумя искусственно раздѣленными народностями, могучимъ рычагомъ, которымъ, при умѣломъ съ нимъ обращеніи, можно было прекрасно воспользоваться для сохраненія и укрѣпленія не только церковнаго, но и національно-политическаго единства между ними. Болгарія, конечно, и воспользовалась имъ. Какъ только она стала на ноги, она поспѣшила овладѣть экзархомъ. Сдѣлать это было не трудно. Въ качествѣ главы болгарской церкви, экзархъ былъ до извѣстной степени, хотя и не формально, подчиненъ болгарскому правительству. А тотъ фактъ, что значительную долю своихъ матеріальныхъ рессурсовъ онъ получалъ опять-таки отъ Болгаріи,—дѣлалъ эту зависимость тѣмъ болѣе прочною. Въ концѣ концовъ экзархъ и весь зависѣвшій отъ него штатъ македонскаго духовенства стали простымъ орудіемъ въ рукахъ болгарскаго правительства, не оффиціальнымъ, но отъ этого не менѣе дѣйствительнымъ проводникомъ его панболгарской пропаганды. А съ нимъ вмѣстѣ и болгарскій дипломатическій агентъ въ Константинополѣ занялъ, въ концѣ концовъ, какое-то странное положеніе предстателя передъ султаномъ не только за вассальную

Болгарію, но и за болгарское населеніе въ Македоніи, до котораго ему по международному праву не было и не могло быть ни малѣйшаго дѣла. Совершенно невозможное съ корректно-дипломатической европейской точки зрѣнія, это оригинальное отношеніе болгарскаго правительства къ своему сюзерену, султану, оказалось въ Турціи совершенно умѣстнымъ, какъ бы въ порядкѣ вещей. То униженно прося, то, смотря по обстоятельствамъ, требуя и угрожая, болгарское правительство постоянно ходатайствовало передъ Портой „о расширеніи правъ болгарской національности въ Македоніи", о созданіи новыхъ епископскихъ каѳедръ, о разрѣшеніи строить болгарскія церкви, открывать болгарскія школы, и такимъ образомъ пріучало македонское населеніе, да и само турецкое правительство, смотрѣть на себя какъ на естественнаго и въ родѣ какъ бы признаннаго защитника и покровителя. Турецкое правительство относилось къ этимъ ходатайствамъ вполнѣ серьезно, выслушивало и отчасти удовлетворяло ихъ. Престижъ Болгаріи среди македонцевъ росъ, и ихъ взаимно-національная связь крѣпла.

Но Болгарія не удовлетворялась этой, такъ сказать, дипломатической формой дѣятельности. Отлично понимая, что чувство благодарности—лишь дымъ, на дѣятельную силу котораго разсчитывать не слѣдуетъ; что дѣйствительнымъ залогомъ будущаго объединенія можетъ быть лишь надлежащая обработка самой, такъ сказать, народной подоплёки, въ смыслѣ укрѣпленія въ массѣ македонскаго населенія болгарскаго національнаго самосознанія, оно главныя свои усилія направило именно въ эту сторону. Однимъ изъ лучшихъ средствъ для достиженія этой цѣли было насажденіе въ средѣ македонскаго населенія болгарской грамоты, поддержаніе болгарскаго языка при помощи спеціально болгарскихъ школъ. Чрезвычайно послѣдовательно и настойчиво начало оно заботиться объ устройствѣ и размноженіи такихъ школъ, не останавливаясь при этомъ ни передъ денежными расходами, ни передъ дипломатическими попытками, ни передъ болѣе или менѣе невидимой агитаціей черезъ посредство своихъ тайныхъ коммиссаровъ. Оно посылало въ Македонію своихъ учителей, наводняло ее своими учебниками, и не скупилось тратить на устройство въ ней болгарскихъ училищъ свои средства. Насколько велики были эти траты, опредѣлить, къ сожалѣнію, нѣтъ никакой возможности. Оффиціальная сумма, расходуемая болгарскимъ правительствомъ на содержаніе цариградской экзархіи (отъ 200.000 до 300.000) не говоритъ ничего, потому-что главные расходы дѣлались всегда изъ „особыхъ фон-

довъ“ при разныхъ министерствахъ, особенно при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. О величинѣ этихъ расходовъ можно судить лишь по достигнутымъ результатамъ, да и то только отчасти, потому что, помимо чисто матеріальнаго фактора въ видѣ денежныхъ пособій со стороны Болгаріи, въ нихъ входитъ и чрезвычайно важный моральный факторъ, въ видѣ сохранившихся въ странѣ традицій церковно-учительскаго движенія и безкорыстнаго вліянія мѣстнаго духовенства, вѣрой и правдой служащаго, благодаря экзархіи, „болгарскому дѣлу“.

Вотъ нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія, относящіяся къ болгарскимъ училищамъ въ Македоніи за 1894—5 учебный годъ. Всѣхъ первоначальныхъ училищъ въ македонскихъ вилайетахъ было 667 (367—для мальчиковъ, 45—для дѣвочекъ и 259—смѣшанныхъ). Учениковъ въ нихъ считалось 36.623 (28.649 мальчиковъ и 7.974—дѣвочекъ), и учителей 946 (791—учителей и 158—учительницъ). 556 изъ этихъ училищъ находились въ селахъ и 111—въ городахъ. Наибольшее число училищъ приходится на солунскій вилайетъ (238) съ 12.963 учениками, за которымъ слѣдуютъ: битольскій вилайетъ—съ 193 училищами и 10.957 учениками, скопскій вил.—съ 126 училищами и 6.664 учениками, одринскій (адріанопольскій)—съ 108 училищами и 6.194 учениками и цариградскій—съ двумя училищами и 115 учениками.

Классныхъ (болгарскихъ) училищъ было въ этомъ году въ Македоніи—69, въ томъ числѣ двѣ полныхъ гимназіи (одна мужская, другая женская, обѣ въ Солунѣ) и одна духовная семинарія (въ Цариградѣ). 32 изъ нихъ для мальчиковъ, 10—для дѣвочекъ и 27—смѣшанныхъ. Учениковъ въ нихъ было 2.350 (1.924—мальчиковъ и 426—дѣвочекъ), а учителей—246 (202—мужчинъ и 44—женщинъ).

Къ сожалѣнію, мы не могли найти сколько-нибудь достовѣрныхъ данныхъ, относящихся къ болгарскимъ школамъ въ Македоніи за ранніе годы, и потому не можемъ судить о быстротѣ развитія этого дѣла. Но у насъ есть такія данныя за 1893—4 учебный годъ, и изъ сравненія съ ними оказывается, что за этотъ одинъ годъ число первоначальныхъ училищъ увеличилось на 63, число учениковъ въ нихъ—на 3.476 и учителей—на 83. Число же классныхъ училищъ увеличилось за этотъ годъ на 9, а учениковъ въ нихъ—на 327. Насколько можно судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ даннымъ, имѣющимся у насъ подъ рукою, разсматриваемый годъ не принадлежитъ къ какимъ-нибудь особымъ исключеніямъ, и потому указанный приростъ

какъ въ количествѣ школъ, такъ и въ числѣ учениковъ можетъ считаться приблизительно нормальнымъ среднимъ годовымъ приростомъ. И такъ какъ онъ въ значительной степени обязанъ болгарскимъ рессурсамъ, то окажется, что дѣятельность болгарскаго правительства въ области народнаго образованія далеко не исчерпывается тѣми успѣхами, которые мы констатировали, говоря о развитіи народо-образовательнаго дѣла въ самой Болгаріи.

Естественно возникаетъ вопросъ: въ какой же мѣрѣ разсмотрѣнная выше дѣятельность болгарскаго правительства въ области народнаго образованія достигла своей цѣли? По скольку она способствовала подъему культурнаго уровня народа и образовательнаго ценза общества? Въ какой, наконецъ, степени приблизила она осуществленіе того основного требованія болгарской конституціи, согласно которому первоначальное образованіе въ странѣ должно быть всеобщимъ, даровымъ и обязательнымъ для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста? На этотъ вопросъ можно отвѣчать различными способами, въ зависимости отъ того критерія, который бы мы выбрали. Полный отвѣтъ на него можно было бы дать, лишь разсмотрѣвъ всѣ стороны литературной, соціальной и политической жизни современной Болгаріи, и сравнивъ ихъ съ тѣмъ, что̀ представляла собою Болгарія 15—20 лѣтъ тому назадъ. Но, не говоря о томъ, что это потребовало бы по меньшей мѣрѣ цѣлаго ряда статей, сами выводы, къ которымъ пришелъ бы въ результатѣ такого изслѣдованія авторъ, неизбѣжно носили бы на себѣ слѣды его индивидуальности и, потому, всегда подлежали бы сомнѣнію и оспариванію. Желая оставаться до конца въ предѣлахъ полнаго безпристрастія и не полагаясь на свои личныя впечатлѣнія, мы предпочли не нарушать „статистическаго“ характера нашей работы и выбрать чисто объективный критерій, а именно: распространеніе грамотности среди болгарскаго населенія, тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи у насъ имѣется подъ рукою болѣе или менѣе точный статистическій матеріалъ, доставленный результатами общей переписи населенія въ 1893 году. Итакъ,—ка̀къ отразилась народопросвѣтительная дѣятельность болгарскаго правительства на грамотности болгарскаго народа?

Въ 1893 году *грамотныхъ* въ Болгаріи было 517.441, изъ которыхъ мужчинъ—410.973 и женщинъ—106.418, а *неграмотныхъ*—2.793.272, изъ которыхъ мужчинъ 1.279.653 и женщинъ —1.513.619. Такимъ образомъ, на одного грамотнаго муж-

чину приходилось 3 неграмотныхъ; на одну грамотную женщину—14 неграмотныхъ, и на 1 грамотнаго вообще—болѣе 5 неграмотныхъ; иначе говоря, на каждые 100 жителей—грамотныхъ было только 15,63. Процентъ грамотныхъ среди городского населенія, конечно, гораздо выше, чѣмъ среди сельскаго. На каждые 100 жителей городского населенія—грамотныхъ было 35,90: мужчинъ—47,43; женщинъ—23,29. На каждые 100 жителей сельскаго населенія—грамотныхъ было только 10,30, а именно, 17.89—мужчинъ и только 2,37—женщинъ; женское населеніе въ селахъ оказывалось почти сплошь безграмотнымъ.

Вышеприведенный средній процентъ грамотныхъ ($15^{1}/_{2}$%) полученъ для *всего* населенія княжества. Онъ значительно повысится, если мы скинемъ со счетовъ тѣ категоріи населенія, которыя и не могутъ быть грамотными, т.-е. дѣтей ниже школьнаго возраста, слѣпыхъ, глухо-нѣмыхъ, сумасшедшихъ и пр., и которыя заключаютъ въ себѣ не менѣе 700.000 жителей; безъ нихъ же на каждые 100 жителей—грамотныхъ было 19,88 (мужчинъ 30,88 и женщинъ—8,37). Процентъ грамотныхъ возросъ бы еще болѣе, если бы мы не принимали въ разсчетъ магометанскаго населенія княжества, которое остается почти сплошь безграмотнымъ, хотя и владѣетъ—на бумагѣ—большимъ количествомъ своихъ духовныхъ школъ. Вотъ таблица грамотности бракосочетавшихся въ 1893 г., сгруппированныхъ по вѣроисповѣданіямъ. На каждые сто браковъ было грамотныхъ:

	мужчинъ:	женщинъ:	среднее:
Евреевъ	76,96	59,69	68,32
Армяно-Грегоріанцевъ. .	77,29	52,27	64,77
Протестантовъ	60,00	60,00	60,00
Католиковъ	35,39	30,90	33,15
Православныхъ	42,39	13,24	27,82
Магометанъ.	6,50	3,13	4,81
Въ среднемъ	36,75	12,20	24,48

Такимъ образомъ, выходитъ, что самое грамотное населеніе—еврейское; оно почти въ $2^{1}/_{2}$ раза грамотнѣе православнаго. Немногимъ ниже стоятъ армяне и протестанты. По грамотности же женщинъ впереди всѣхъ стоятъ протестанты, за которыми слѣдуютъ опять-таки евреи и армяне. По грамотности своего мужского населенія православные стоятъ выше католиковъ, но они значительно уступаютъ имъ по грамотности своихъ женщинъ. Магометане стоятъ безконечно ниже всѣхъ остальныхъ и въ томъ, и въ другомъ отношеніи. Они въ 6 разъ менѣе грамотны, чѣмъ православные, и въ 15 разъ—чѣмъ евреи. Это подтверждается вполнѣ и свѣдѣніями, собираемыми военнымъ

министерствомъ при пріемѣ новобранцевъ. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что на 100 рекрутовъ грамотныхъ было:

	христіанъ:	магометанъ:	въ среднемъ:
въ 1888 г.	36,58	5,41	31,65
„ 1889 „	38,38	3,25	31,62
„ 1890 „	35,92	4,44	30,75
„ 1891 „	40,64	4,20	34,17
„ 1892 „	59,49	4,87	51.17
„ 1893 „	50,61	3,93	43,25

т.-е. въ то время какъ число грамотныхъ среди христіанъ возрастаетъ почти правильно и съ большой быстротой, среди магометанъ продолжаетъ царить по прежнему—и даже болѣе, чѣмъ прежде—почти сплошная безграмотность.

Наконецъ, попытаемся опредѣлить мѣсто, занимаемое Болгаріею, по грамотности своего населенія, въ ряду другихъ государствъ Европы.

На сто рекрутовъ было грамотныхъ:

въ Германіи	99,90	по данным	1891	г.
„ Швеціи	99,80	„ „	1890	„
„ Франціи	92,60	„ „	1891	„
„ Бельгіи	84,00	„ „	1890	„
„ Австро-Венгріи . . .	66,00	„ „	—	„
„ Италіи	58,00	„ „	—	„
„ Болгаріи	34,17	„ „	1891	„
„ Россіи	31,34	„ „	1887	„
„ Сербіи	20,70	„ „	1881	„
„ Румыніи	10,90	„ „	1892	„

Такимъ образомъ, по грамотности своихъ новобранцевъ Болгарія оставила далеко позади своихъ сосѣдей и соперниковъ на Балканскомъ полуостровѣ—Сербію и, особенно, Румынію,—несмотря на то, что начала жить независимой жизнью гораздо позже ихъ. Правда, данныя, касающіяся Сербіи, относятся къ 1881 году, но это мало измѣняетъ дѣло, какъ видно изъ слѣдующихъ частичныхъ таблицъ:

На сто жителей (считая и дѣтей ниже 6 лѣтъ) было грамотныхъ:

	мужчинъ:	женщинъ:	въ среднемъ:	
въ Бельгіи	64,35	60,40	62,37	за 1891 г.
„ Сербіи „	17,73	3,55	10,83	„ 1891 „
„ Болгаріи	24,31	6,57	15,63	„ 1893 „

и безъ дѣтей до-школьнаго возраста:

	мужчинъ:	женщинъ:	въ среднемъ:	
въ Бельгіи	72,68	68,22	70,45	1891 г.
„ Сербіи	23,02	4,74	14,17	1891 „
„ Болгаріи	30,88	8,37	19,88	1893 „

Процентъ грамотности, выражаемый цифрою 15,63 (на 100 жителей, считая въ томъ числѣ и дѣтей до-школьнаго возраста), не Богъ знаетъ какъ великъ, и гордиться имъ — даже передъ Сербіей — повидимому не приходится. Но онъ пріобрѣтаетъ совсѣмъ иное значеніе, если мы сравнимъ его съ положеніемъ вещей въ Болгаріи всего за пять лѣтъ раньше. По переписи 1888 года въ странѣ на 100 жителей было грамотныхъ:

мужчинъ:	женщинъ:	всего:
17,06	4,12	10,71

а въ 1893 году ихъ было, какъ мы видѣли:

мужчинъ:	женщинъ:	всего:
24,31	6,57	15,63

Иными словами, число грамотныхъ мужчинъ увеличилось за эти пять лѣтъ на 42%; женщинъ—на 60%, а грамотныхъ вообще—на 46%. Если мы примемъ во вниманіе, что все населеніе княжества увеличилось за это время всего на 156.338 чел., т.-е. на 5%, то увидимъ, что грамотность въ Болгаріи ростетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ населеніе, и, значитъ, дѣло народнаго образованія стоитъ на хорошемъ пути. Если такъ будетъ продолжаться и дальше, то скромные $15^1/_2$% черезъ какихъ-нибудь 15—20 лѣтъ обратятся въ 50% и больше.

Какъ бы, однако, мы ни оцѣнивали полученные до сихъ поръ результаты, мы не должны забывать, что они получены при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ общественно-политической жизни; что болгарское общество пока дѣйствовало слабо, и страна обязана успѣхами въ школьномъ дѣлѣ всецѣло и исключительно оффиціальной дѣятельности правительства. Начатое личной иниціативой немногихъ патріотовъ-революціонеровъ и на первыхъ порахъ горячо поддержанное населеніемъ, дѣло болгарскаго просвѣщенія очень скоро пережило этотъ періодъ возбужденнаго, какъ бы обще-народнаго движенія. Лишь только Болгарія освободилась и зажила независимой государственной жизнью, положеніе вещей въ этомъ отношеніи сразу измѣнилось. Вся тогдашняя болгарская интеллигенція, всѣ сколько-нибудь просвѣщенные и сознательные участники освободительной борьбы, были почти безъ остатка поглощены правительствомъ. И такъ какъ, внѣ импровизированнаго чиновничества, другой интеллигенціи въ странѣ не было, то естественно, что всѣ заботы о меньшей братіи, о просвѣщеніи народа, о служеніи ему и о его культурномъ развитіи,—

заботы, которыя въ той или другой степени одушевляютъ образованное общество всякой страны,—оказались исключительнымъ достояніемъ правительственныхъ канцелярій. Съ теченіемъ времени, конечно, въ странѣ успѣла народиться своя интеллигенція, но, благодаря особеннымъ общественно-политическимъ условіямъ, сопровождавшимъ ея ростъ и развитіе, она до сихъ поръ несетъ на себѣ печать своего искусственнаго—чиновничьяго—происхожденія и не представляетъ изъ себя сколько-нибудь самостоятельнаго общественнаго слоя. Она или прямо входитъ въ составъ бюрократической организаціи государства и растворяется въ ней, или вращается вокругъ нея, какъ вокругъ своей оси, тяготѣетъ къ ней, какъ къ единственному источнику жизни и творческой энергіи. Обладаніе властью, а слѣдовательно самозащита существующаго правительства во всемъ и борьба за власть, а значитъ огульная и ожесточенная оппозиція существующему правительству, съ цѣлью занять его мѣсто,—вотъ чѣмъ исчерпывается вся общественная дѣятельность мѣстной интеллигенціи, свободной отъ какихъ бы то ни было общественныхъ идеаловъ и культурныхъ стремленій, интересующейся только политиканствомъ, занятой исключительно или партійностью, или формальнымъ выполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей. Въ результатѣ получается чрезвычайно своеобразная—и не менѣе печальная—картина: въ странѣ имѣются въ наличности всѣ формальныя условія для самой широкой общественной самодѣятельности, но ими никто не пользуется, хотя у всякаго подъ рукою непочатый уголъ живой, настоятельной культурной работы. Въ ней есть интеллигенція, едва успѣвшая выдѣлиться изъ народной массы, но ей меньше дѣла до этой массы, чѣмъ до „прошлогодняго снѣга". Въ ней есть учащаяся молодежь, крайне нуждающаяся въ просвѣщенномъ руководительствѣ, и, съ другой стороны, многочисленный штатъ учителей, профессоровъ, литераторовъ, обладающихъ всѣмъ необходимымъ для такого руководительства опытомъ и знаніемъ, но эти два лагеря живутъ каждый своей особенной жизнью; между ними нѣтъ никакой внутренней связи, никакого общенія и взаимнаго интереса. Здѣсь даже въ столицѣ никогда не читаютъ публичныхъ лекцій, не устраиваютъ кружковъ самообразованія, не дѣлаютъ ни малѣйшихъ попытокъ пересадить къ себѣ столь широко распространенное теперь во всей Европѣ движеніе для популяризаціи университетскаго образованія...

Едва ли не единственнымъ, сравнительно, свѣтлымъ пятномъ на этомъ мрачномъ фонѣ безъидейности и общественнаго индиф-

ферентизма являются народные учителя. Это почти сплошь молодежь,—только-что со школьной скамьи. У нихъ впереди нѣтъ деморализующихъ „карьерныхъ перспективъ“; они не вкусили прелестей бульварной жизни болгарскихъ стипендіатовъ за границей и еще не успѣли растерять въ житейской тинѣ благородныхъ идеаловъ, свойственныхъ юности. Они искренно хотѣли бы „служить народу“ и, несомнѣнно, могли бы, благодаря своей близости къ народной массѣ, принести ей громадную пользу, заводя воскресныя и вечернія школы, устраивая сельскія библіотеки, организуя бесѣды и чтенія и т. п. Къ сожалѣнію, именно они-то и оказываются связанными въ своей дѣятельности по рукамъ и по ногамъ. Скудно обезпеченные, лишенные какихъ бы то ни было гарантій, они являются жалкой игрушкой въ рукахъ мѣстныхъ заправилъ—депутатовъ, кметовъ, кулаковъ, кабатчиковъ, околійскихъ начальниковъ, которые смотрятъ на нихъ лишь какъ на избирательныхъ агентовъ и относятся къ ихъ дѣятельности исключительно съ точки зрѣнія своихъ личныхъ или такъ называемыхъ „партійныхъ“ интересовъ. Малѣйшая попытка учителя уклониться отъ навязываемыхъ ему съ ихъ стороны обязанностей и принять самостоятельное участіе въ мѣстной жизни,—конечно, въ интересахъ темной массы,—создаетъ почву для безконечныхъ жалобъ и доносовъ, неизмѣннымъ результатомъ которыхъ является переводъ, отчисленіе, выговоры, рядъ невыносимыхъ униженій и преслѣдованій. Такъ было при Стамбуловѣ. Не лучше—если не хуже—стало и послѣ его паденія. Понадѣявшись на „новую эру“, наступившую для Болгаріи послѣ паденія тирана, учителя рѣшились искать себѣ спасенія въ общемъ дѣйствіи и организовались въ „учительскій союзъ“, главныя задачи котораго сводились: 1) къ обобщенію и систематизаціи свободной просвѣтительной работы среди народныхъ массъ, и 2) къ самозащитѣ—при помощи круговой поруки — противъ несправедливыхъ преслѣдованій и притѣсненій. Министерство имѣло полную возможность пойти на встрѣчу этому движенію, завладѣть имъ и направить его по желательному руслу. Къ сожалѣнію, оно этого не сдѣлало. Оно отнеслось къ начинанію учителей съ своимъ обычнымъ близорукимъ формализмомъ. Увидѣвъ въ союзѣ только попытку борьбы съ властью, оно сразу заняло по отношенію къ нему враждебное положеніе и тѣмъ толкнуло учителей въ оппозицію. Въ результатѣ получилось лишь обостреніе борьбы и внесеніе партійныхъ страстей въ область, которая легко могла бы остаться отъ нихъ свободной. Драгоцѣнное сотрудничество безкорыстной самодѣятельности учителей было

отвергнуто, и дѣло народнаго образованія по прежнему продолжаетъ вестись исключительно на бюрократическихъ помочахъ. Мы видѣли, что и при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ оно безостановочно прогрессируетъ. Легко себѣ представить, какой могучій толчокъ впередъ получило бы оно при условіи дружной работы рука объ руку министерства съ „учительскимъ союзомъ! До сихъ поръ такая работа оказывалась невозможной. Станетъ ли она возможной въ близкомъ будущемъ? Мы въ этомъ сомнѣваемся. Для этого нужно, чтобы переродились болгарскіе общественно-политическіе нравы. Пока же не видно никакихъ признаковъ, которые указывали бы на близость такого возрожденія...

К—ъ.

ИСПОЛНЕНІЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ

ЗА 1896 ГОДЪ.

Окончательные итоги исполненія государственнаго бюджета за 1896 годъ значительно разнятся не только отъ предположеній росписи, но и отъ тѣхъ предварительныхъ свѣдѣній, какія въ началѣ истекшаго года были сообщены въ „Вѣстникѣ Финансовъ" [1]). Наибольшее измѣненіе оказывается по двумъ рубрикамъ: по обыкновеннымъ доходамъ и по чрезвычайнымъ расходамъ. Обыкновенные доходы, болѣе или менѣе удовлетворительное поступленіе которыхъ имѣетъ наибольшее значеніе, были опредѣлены по росписи въ $1.239^1/_2$ милл. руб.; въ дѣйствительности ихъ получено, съ остатками отъ заключенныхъ смѣтъ, 1.428 милл. руб.,—болѣе на $188^1/_2$ милл. руб. Вслѣдствіе этого избытокъ обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами, ожидавшійся всего въ 8 милл. руб. съ небольшимъ, достигъ огромной цифры—199 милл. рублей.

Зато чрезвычайные расходы, хотя и по росписи они были испрошены въ суммѣ 130 милл. рублей, многимъ превышающей отпуски прежнихъ лѣтъ, но по исполненіи цифра ихъ почти удвоилась и дошла до 255 милл. руб. слишкомъ, такъ что ими не только поглощенъ весь доходный избытокъ, но еще, по общему исполненію росписи, пришлось добавить изъ свободной наличности государственнаго казначейства 10 милл. рублей.

Какъ видно изъ отчета государственнаго контроля, исполненіе росписи представляется въ такомъ видѣ:

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", май 1897 г., стр. 324 и слѣд.

По обыкновенному бюджету:	
Доходовъ	1.368.719.351 руб.
Остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ	59.278.270 „
Всего обыкновенныхъ доходовъ .	1.427.997.621 руб.
„ „ расходовъ.	1.229.044.280 „
Превышеніе доходовъ надъ расходами	198.953.341 „
По чрезвычайному бюджету:	
Поступленій.	43.500.457 руб.
Остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ	2.810.64 „
Всего	46.310.521 руб.
Расходовъ.	255.308.655 „
Превышеніе расходовъ надъ доходами	208.998.133 руб.
Всего по росписи доходовъ и поступленій. . .	1.474.308.142 „
Расходовъ.	1.484.352.934 „
Общій недоборъ по росписи	10.044.792 „

Нужно однако замѣтить, что изъ чрезвычайныхъ выдачъ около половины—не расходовъ, а перечисленій. Поэтому въ результатѣ получается не недоборъ, а весьма крупное приращеніе государственнаго денежнаго достоянія, хотя оно и попадаетъ не въ свободную наличность государственнаго казначейства, а въ кассы и кладовыя государственнаго банка.

Сумма обыкновенныхъ доходовъ 1896 года (1.428 милл. руб.), на 188½ милл. руб. превысившая смѣтное исчисленіе и на 199 милл. р. цифру обыкновенныхъ расходовъ, получилась въ зависимости главнымъ образомъ отъ крупныхъ поступленій, попавшихъ на этотъ разъ именно въ роспись 1896 года: отъ единовременнаго зачисленія въ доходъ казны разнаго рода суммъ, оставшихся неразобранными въ депозитахъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (38,4 милл. рублей), и суммъ, исключенныхъ за ненадобностью изъ особаго фонда, предназначеннаго для выкупа безсрочныхъ займовъ (47,5 милл. руб.). Если эти случайныя поступленія устранить изъ разсчета, то избытокъ постоянныхъ доходовъ надъ расходами по обыкновенному бюджету выразится цифрою 113 милл. рублей.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ поступленій росписи является таможенный доходъ, котораго въ 1896 году получено около 182½ милл. руб., болѣе, сравнительно съ средней цифрой дохода двухъ предшествовавшихъ лѣтъ, на 12 милл. руб. Это увеличеніе объясняется усиленіемъ привоза товаровъ, цѣнность котораго въ 1896 году, по свѣдѣніямъ таможеннаго департамента о внѣшней торговлѣ за 1896 годъ, составляла 589 милл. руб., болѣе средней цифры привоза двухъ предшествовавшихъ лѣтъ на 40 милл. рублей [1]). Любопытны сопоставленія, ко-

[1]) Иностранныхъ товаровъ было привезено въ 1894 г. на 560 милл. руб. и въ

торыя могутъ быть сдѣланы на основаніи данныхъ, доставляемыхъ какъ отчетомъ государственнаго контроля, такъ и таможеннымъ департаментомъ. Въ 1887 году товаровъ было привезено на 393 милл. руб. и поступило таможеннаго дохода 97 милл. руб., что̀ составляетъ пошлину въ 25 процентовъ; въ 1894 году пошлина повысилась до 30%, а въ 1896 году—до 31 процента. Еще болѣе наглядное представленіе о размѣрѣ повышенія пошлинъ въ послѣднія 26 лѣтъ даетъ сопоставленіе ихъ, въ процентномъ отношеніи, къ цѣнностямъ по разнымъ группамъ приведенныхъ товаровъ. Приводимъ наиболѣе характеризующіе годы, по свѣдѣніямъ таможеннаго департамента:

Группа товаровъ:	1869 г.	1879 г.	1890 г.	1893 г.	1896 г.
Жизненные припасы	31%	41%	70%	71%	72%
Сырые и полуобр. матеріалы .	5%	10%	19%	25%	27%
Издѣлія	9%	15%	28%	30%	26%

По наиболѣе цѣнной группѣ, составляющей болѣе половины, отъ 57 до 60% всего привоза, пошлина въ теченіе 26 лѣтъ повышена въ $5^1/_2$ разъ; по группѣ жизненныхъ припасовъ, въ которую входитъ и чай, пошлина увеличилась въ $2^1/_2$ раза, и въ 3 раза по издѣліямъ. Среднее увеличеніе во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ втрое. По счету государственнаго контроля за десятилѣтіе 1887—1896 г. приростъ таможенныхъ доходовъ составляетъ 85 милл. руб., соотвѣтственно привозу иностранныхъ товаровъ, съ 333 милл. руб., по европейской границѣ (?) въ 1887 году до 540 милл. руб. въ 1896 году, и соотвѣтственно возвышенію таможенныхъ пошлинъ на 22,4%.

Поступленіе косвенныхъ налоговъ, къ составу которыхъ причисленъ и таможенный, было исчислено по росписи $539^1/_2$ милл. руб.; въ дѣйствительности ихъ поступило $582^1/_2$ милл. руб., болѣе на 43 милл. руб. Эта неточность—слишкомъ крупная. Разбирая роспись на 1896 годъ, мы указывали на неполноту исчисленія росписи, и по двумъ лишь статьямъ, питейному и таможенному доходамъ, опредѣляли погрѣшность („Вѣстн. Европы“, февраль 1896 г. стр. 818), при весьма осторожномъ исчисленіи, въ 33 милл. руб. Наше предположеніе дѣйствительно оказалось нѣсколько скромнымъ, такъ какъ оба налога, вмѣсто исчисленныхъ по росписи 438 милл. руб. ($284^1/_4+153^3/_4$ милл. руб.), доставили $476^1/_2$ милл. руб. ($294^1/_4+182^1/_4$).

Сахарнаго дохода поступило $42^1/_2$ милл. руб., менѣе, сравнительно съ поступленіемъ предшествовавшаго года, на 5 милл. руб. Приводимъ цѣликомъ изъ отчета государственнаго контроля объясненіе причинъ

1895 г. на 538 милл. руб. Мы беремъ для сравненія не одинъ, а два года потому, что, вслѣдствіе повышенія пошлины на хлопокъ съ 1895 года, часть хлопка, которая безъ этого была бы выпущена въ 1895 г., оказалась очищенной пошлиною въ концѣ 1894 года.

этого недобора, такъ какъ оно знакомитъ съ существующей регламентаціей сахарнаго производства, все еще составляющей загадку для потребляющей сахаръ публики.

„Недоборъ сахарнаго дохода,—говорится въ объяснительной запискѣ,—противъ поступленія его въ предшествующемъ году находится въ связи съ мѣрами, принятыми закономъ 20-го ноября 1895 года противъ оказавшагося въ томъ году значительнымъ перепроизводства сахара, вызвавшаго исключительное по величинѣ поступленіе въ томъ году акциза съ сахара. Упомянутымъ закономъ установлены предѣлы для выпуска на внутренній рынокъ сахара, обложеннаго нормальнымъ акцизомъ, по 1 р. 75 к. съ пуда; выпускаемый же сверхъ сихъ предѣловъ на внутреннее потребленіе сахаръ подлежитъ обложенію дополнительнымъ налогомъ по 1 р. 75 к. съ пуда. Означенный предѣлъ для сахара, вывареннаго въ періодъ 1895—96 гг., былъ установленъ, положеніемъ комитета министровъ 29-го ноября 1895 г., въ 25,5 милл. пуд. Общее количество учтеннаго въ періодъ 1895—96 года сахара составило 41,5 милл. пуд. противъ 32,5 милл. пуд. предшествующаго періода; изъ этого количества (41,5 милл. пуд.) въ отчетномъ году вывезено за ґраницу 13,8 милл. пуд. (противъ 5,8 милл. пуд. вывоза предшествующаго года) и осталось въ предѣлахъ имперіи 27,7 милл. пуд., изъ коихъ часть пошла на образованіе на заводахъ неприкосновеннаго и свободнаго запасовъ сахара, предназначенныхъ служить для урегулированія рыночныхъ цѣнъ на этотъ продуктъ. Изъ таковыхъ запасовъ, въ случаѣ поднятія цѣнъ на сахаръ свыше опредѣленнаго комитетомъ министровъ уровня, положено выпускать на внутренній рынокъ необходимое для пониженія цѣнъ количество сахара безъ платежа дополнительнаго налога, съ оплатою лишь акцизомъ на общемъ основаніи“.

Если затѣмъ и это объясненіе покажется недостаточно яснымъ, то причиной этого должно считать самую мѣру. Дѣйствительно, не легко понять, чьи и какіе интересы оберегаются ею. Повидимому она направлена разомъ противъ всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ сторонъ: противъ сахарозаводчиковъ, стѣсняя ихъ дѣятельность; противъ потребителей сахара, ограничивая конкурренцію, а слѣдовательно поддерживая высокую цѣну продукта; и наконецъ противъ интереса государственнаго казначейства, уменьшая расходъ сахара внутри имперіи и умаляя этимъ акцизный доходъ. Едва ли успокоительнымъ отвѣтомъ на это можетъ быть признанъ бюллетень „внѣшней торговли“, сообщающій, что въ 1896 году было вывезено за границу 11.600.000 пудовъ сахара, цѣнностью около 22 милл. руб., что составляетъ за пудъ менѣе 1 руб. 90 коп., т.-е. цѣну, слишкомъ втрое ниже той, по которой можно пріобрѣтать сахаръ у себя дома. Конечно,

въ 1 р. 90 к. заключается и стоимость провоза продукта съ завода до границы. Напрашивается самъ собою вопросъ: если сосѣди могутъ имѣть нашъ сахаръ дешевле 5 коп. за фунтъ, за что же мы уплачиваемъ за него за фунтъ 15, 16 коп. и выше? Даже со включеніемъ акциза, 1 р. 75 к. съ пуда, онъ все-таки долженъ бы стоить у насъ не дороже 10 коп., въ крайнемъ случаѣ 11 к. за фунтъ.

Выкупныхъ платежей за крестьянскіе надѣлы поступило 97 милл. рублей, сравнительно съ предположеніемъ росписи болѣе почти на 8 милл. р. При обзорѣ росписи на 1896 годъ, мы высказывали, по поводу внесенія въ нее поступленій выкупныхъ платежей въ недостаточной цифрѣ, сожалѣніе, что при составленіи росписей утратился пріемъ прежнихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ о росписяхъ, когда всякое исчисленіе сопровождалось изложеніемъ его основаній [1]). Очень можетъ быть, что осторожность смѣтнаго исчисленія казалась необходимой, какъ вслѣдствіе закона 7 февраля 1894 г. объ отсрочкѣ и разсрочкѣ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ, такъ и въ виду льготъ, какія по нимъ могли послѣдовать по ожидавшемуся коронаціонному манифесту. Льготы и послѣдовали, но выразились лишь въ томъ, что платежей поступило всего на милліонъ рублей менѣе, чѣмъ слѣдовало по окладамъ. Несомнѣнно, впрочемъ, что причиной недоимокъ при существующей суровой системѣ ихъ взысканія оказывались державшіяся въ прошломъ году низкія цѣны на хлѣбъ, а равно и то, что населеніе все еще не успѣло оправиться. Доказательствомъ послѣдняго служитъ положеніе 19 губерній, особенно пострадавшихъ отъ недорода 1891 и 1892 гг., съ присоединеніемъ къ нимъ псковской губерніи, испытавшей бѣдственный неурожай въ ближайшее время. Недоимка по этимъ губерніямъ, равнявшаяся по многимъ изъ нихъ не только полуторному и двойному, но даже тройному и четверному годовому окладу, составляла къ 1896 году 82 милл. р., а къ 1897 году возросла до 83.400.000 руб. По псковской губерніи недоимка составляетъ 1.469.000 руб. и почти равняется полутора-годовому окладу (1.054.982 руб.).

При такомъ положеніи, отсрочки, пока разрѣшенныя по 20 губерніямъ въ суммѣ $15^1/_2$ милл. руб., т.-е. пятой части недоимокъ, являются для неимущихъ крестьянъ благодѣяніемъ; но не только отсрочкой, а даже и полнымъ прощеніемъ недоимки едва ли можетъ быть возстановлено потрясенное хозяйство наиболѣе обездоленныхъ.

Отъ *казенныхъ желѣзныхъ дорогъ* поступило 293 милл. руб., болѣе противъ предъидущаго года ($194^1/_2$ милл. руб.) на $98^1/_2$ милл. руб. Это превышеніе объясняется главнымъ образомъ поступленіемъ до-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, февраль 1896 г., стр. 818.

ходовъ отъ дорогъ: юго-западныхъ, западно-сибирской и южно-уссурійской, болѣе 48 милл. руб., и во-вторыхъ, перечисленіемъ въ доходъ казны въ отчетномъ году 29 милл. руб. изъ сборовъ по эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ за прежнее до 1896 года время, оставшихся въ депозитахъ, и 6½ милл. руб. возврата казнѣ суммъ, позаимствованныхъ въ 1894 г. на расходы по эксплуатаціи. Выручка же собственно за 1896 г. желѣзныхъ дорогъ, обороты которыхъ занесены въ государственную роспись, составляетъ, по не вполнѣ еще провѣреннымъ даннымъ, сумму 267½ милл. руб. Съ присоединеніемъ къ этой выручкѣ поступленій московско-брестской желѣзной дороги, въ цифрѣ 7½ милл. руб., общая выручка всѣхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, по ихъ эксплуатаціоннымъ отчетамъ, составитъ 275 милл. руб., а чистый доходъ—безъ малаго 120 милл. руб. Въ этотъ счетъ не вошли, конечно, расходы казны по уплатѣ процентовъ и погашенія за принятые казною на себя долги желѣзныхъ дорогъ, [1]) и за капиталы, употребленные на ихъ постройку.

Объ общемъ результатѣ желѣзнодорожнаго хозяйства будетъ сказано въ обзорѣ оборотовъ и операцій казны.

Прибылей отъ участія казны въ доходахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ поступило свыше 3½ милл. руб., на милліонъ слишкомъ больше сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ. Нужно прибавить, что это прибыли эксплуатаціи не 1896 г., а 1895 г., такъ какъ разсчетъ съ желѣзными дорогами можетъ быть произведенъ лишь въ слѣдующемъ за отчетнымъ году.

Дохода отъ *казенной продажи питей* поступило 27¾ милл. руб., менѣе противъ росписи почти на 3½ милл. руб. Недоборъ объясняется тѣмъ, что заводчиками южныхъ и юго-западныхъ губерній, гдѣ казенная продажа была введена, какъ извѣстно, съ 1-го іюля прошлаго года, передъ этимъ временемъ были заготовлены и выпущены въ обращеніе крупные запасы вина.

Тою же причиной объясняется недоборъ на 3½ милл. руб., сравнительно со смѣтнымъ предположеніемъ дохода, отъ казенной продажи питей. По четыремъ восточнымъ губерніямъ, гдѣ казенная продажа дѣйствовала второй годъ, выручка, за исключеніемъ акциза, перечисляемаго въ общій питейный доходъ, доставила около 12 милл. руб., изъ которыхъ чистой прибыли—около 4 милл. руб., болѣе на 200.000 руб. противъ 1895 года. Результаты же винной продажи въ десяти южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ она была введена съ 1-го іюля 1896 года, пока не могли быть выяснены.

---

[1]) По смѣтѣ государственнаго кредита показано расходовъ 1896 года по уплатѣ желѣзнодорожныхъ долговъ 101.212.000 руб. болѣе предшествовавшаго года почти на 2½ милл. руб.

О *монетномъ* доходѣ въ $11^1/_2$ милл. руб. слишкомъ, превысившемъ на 11 милл. руб. поступленіе предшествовавшаго года, мы уже говорили при обозрѣніи предварительныхъ свѣдѣній о бюджетѣ 1896 года [1]. Главная часть дохода состояла въ томъ, что было куплено серебра на 32 милл. руб. кред., а изъ него начеканено серебряной, такъ называемой банковой (полноцѣнной), монеты на $42^1/_2$ милл. руб. Такая выгодная операція могла совершиться только потому, что цѣна серебра по сравненію съ золотомъ пала на половину противъ той, по которой серебро обращалось лѣтъ двадцать тому назадъ; серебряная же наша монета по вѣсу осталась прежняя. Такимъ образомъ, если на 3 кред. рубля можно купить серебра на 4 рубля и въ то же время 3 кред. рубля можно обмѣнять на 2 руб. золотомъ, оказывается: 3 кредитныхъ рубля равны 2 рублямъ золотымъ и равны 4-мъ рублямъ серебрянымъ; въ обращеніи же серебряный рубль равенъ кредитному. Въ печати былъ возбужденъ вопросъ: если за $7^1/_2$ кредитныхъ рублей можно получить въ банкѣ золотой полуимперіалъ, а серебряный рубль равенъ кредитному, то можно ли непосредственно получать этотъ полуимперіалъ за $7^1/_2$ руб. серебряныхъ? Вопросъ остается пока открытымъ. Мы выражали предположеніе, что дальнѣйшій выпускъ серебряныхъ рублей, имѣющихъ на четвертую часть своей цѣны значеніе кредитныхъ знаковъ, прекратится, но чеканка серебряной монеты, насколько мы знаемъ, продолжалась и въ 1897 г.; въ отчетѣ за этотъ годъ, по всей вѣроятности, снова появится монетный доходъ, равный доходу 1896 года. Но дѣйствительный ли доходъ—этотъ условный лажъ на серебряную монету? По замѣчанію одного журнала [2], онъ исчезнетъ, какъ только серебряные рубли снова поступятъ въ казначейство.

Въ связь съ усиленнымъ выпускомъ серебряныхъ рублей ставится изъятіе изъ обращенія рублевыхъ и трехрублевыхъ кредитныхъ билетовъ. Общество недоумѣваетъ, для чего понадобилась эта замѣна привычнаго и удобнаго денежнаго знака другимъ, все-таки не полноцѣннымъ и въ то же время для всѣхъ въ большомъ количествѣ обременительнымъ. Отнести выпускъ серебряныхъ рублей къ составу возстановленія металлическаго обращенія едва ли можно до тѣхъ поръ, пока въ денежномъ международномъ обращеніи не будетъ установлено болѣе или менѣе точное и постоянное отношеніе серебра къ золоту.

Словомъ, совершающаяся у насъ реформа денежнаго обращенія далеко еще не можетъ считаться законченной. Она нуждается въ

[1]) „Вѣстникъ Европы", май 1897 года, стр. 325 и др.
[2]) „Русскій Вѣстникъ" апрѣль 1897 года.

общемъ систематическомъ законоположеніи, обнимающемъ всѣ ея стороны.

Въ томъ же нуждается и отношеніе государственнаго казначейства къ государственному банку и къ его все болѣе и болѣе развивающимся операціямъ.

Обыкновенныхъ расходовъ было назначено по росписи 1.231 милл. руб., со включеніемъ 12 милл. руб. на расходы, не предусмотрѣнные смѣтами на экстренныя въ теченіе года надобности. Дѣйствительно израсходовано 1.229 милл. руб., сравнительно съ расходами предшествовавшаго года болѣе на 111 милл. руб. Это крупное увеличеніе вызвано главнымъ образомъ расходами на слѣдующіе предметы: на введеніе и распространеніе казенной продажи питей (28 милл. руб.), на включеніе въ роспись оборотовъ по юго-западнымъ, западно-сибирской и уссурійской желѣзнымъ дорогамъ (22 милл. руб.), улучшеніе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и усиленіе движенія по нимъ (около 13 милл. руб.), расширеніе потребностей военнаго вѣдомства (15 милл. р.), расходы по случаю священнаго коронованія Ихъ Величествъ (7½ милл. руб.), увеличеніе числа церковно-приходскихъ школъ (3½ милл. руб.), устройство первой всенародной переписи (1½ милл. руб.) и др.

Изъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ, отпущенныхъ въ размѣрѣ 7.601.180 руб., наибольшей суммой оказывается пособіе въ 5.656.842 руб. крестьянскому поземельному банку.

Дополнительные кредиты изъ 12 м. р., на непредвидѣнные расходы, распредѣлились между всѣми вѣдомствами; главнымъ же образомъ достались на долю министерствъ: финансовъ (4½ м. р.), императорскаго двора (около 1½ м. р.), морского (столько же) и внутреннихъ дѣлъ (около 1¼ м. р.). По остальнымъ вѣдомствамъ отпущено отъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ до полумилліона.

Увеличеніе расходовъ въ 1896 году, сравнительно съ предшествующимъ годомъ, оказалось особенно крупнымъ по министерству финансовъ, а именно на 48 м. р., изъ которыхъ 27 м. р. по казенной продажѣ питей и по подготовительнымъ работамъ по введенію и распространенію этой продажи 6.734.061 руб. на усиленіе средствъ крестьянскаго земельнаго банка; 5 м. р. на расходы по случаю священнаго коронованія и 2.700.000 р. на пособіе обществу добровольнаго флота. По министерству путей сообщенія расходы увеличились на 33 м. р., вслѣдствіе внесенія въ роспись новыхъ желѣзныхъ дорогъ: юго-западныхъ, западно-сибирскихъ и уссурійской (всего на 22½ милл. руб.) и вслѣдствіе усиленія эксплуатаціонныхъ расходовъ нѣкоторыхъ дорогъ, ранѣе внесенныхъ въ смѣтные обороты: полѣсскихъ, сызрано-вяземской, самаро-златоустовской и др. (на 3¾ м. р.). По министерству внутреннихъ дѣлъ расходы увеличились на разныя на-

добности, въ томъ числѣ на производство первой народной переписи (1.576.000 руб.). По вѣдомству святѣйшаго синода увеличеніе расходовъ на $3^{3}/_{4}$ милл. руб. объясняется упомянутымъ выше отпускомъ 3.278.000 руб. на устройство и содержаніе школъ народнаго образованія и (499.338 р.) по содержанію городского и сельскаго духовенства. Увеличеніе на 9 милл. руб. съ небольшимъ по военному министерству объясняется усиленіемъ издержекъ (свыше 4 м. р.) на новыя постройки и капитальныя перестройки по инженерному вѣдомству и единовременными отпусками на возмѣщеніе купоннаго налога и убытковъ отъ конверсіонныхъ операцій по спеціальнымъ капиталамъ (2.723.000 руб.).

Не безъ увеличенія расходовъ, а слѣдовательно и не безъ увеличенія средствъ оказалось министерство народнаго просвѣщенія. Уже 8 лѣтъ тому назадъ, въ 1889 г., бюджетъ его былъ въ 22 милл. руб., и въ этомъ положеніи, съ небольшими колебаніями въ одну и въ другую сторону, онъ оставался до 1895 года, когда онъ подвинулся наконецъ до $23^{1}/_{2}$ м. р. Въ 1896 году расходы министерства увеличились еще на $1^{1}/_{2}$ милл. руб. и значатся въ суммѣ 24.995.041 руб.; правда, сумма могла бы и перейти немного за 25 м. р., но почти по всѣмъ расходнымъ статьямъ оказались сбереженія по нѣскольку тысячъ рублей и въ заключеніе кредиты на 127.000 руб. были закрыты, по примѣру прежнихъ лѣтъ. На 1897 годъ кредиты министерства народнаго просвѣщенія еще увеличены на полмилліона, 278.000 р. на среднія учебныя заведенія и 355 на низшія. Но насколько все это недостаточно, видно изъ общей картины, рисуемой проф. Г. Эн. въ одной изъ петербургскихъ газетъ. „Множества каѳедръ,—говоритъ профессоръ,—необходимыхъ по современной дифференціаціи знаній и наукъ, въ нашихъ университетахъ вовсе нѣтъ: ихъ не хватаетъ и въ академіи наукъ, гдѣ нѣтъ, напр., даже каѳедры философіи, имѣющейся во всѣхъ академіяхъ наукъ всего міра (вѣдь и самыя академіи-то основаны „философомъ“ Лейбницемъ). Въ окраинныхъ университетахъ, особенно въ юрьевскомъ, бюджетъ такъ малъ, что многіе профессора получаютъ меньшіе оклады, чѣмъ въ русскихъ университетахъ, и на каѳедры приходится назначать только-что начинающихъ профессорскую дѣятельность приватъ-доцентовъ безъ ученыхъ степеней, вслѣдствіе чего надъ русскою наукою нѣмцы смѣются и злорадствуютъ, что бывшій нѣмецкій университетъ падаетъ (такъ ли дѣйствовали сами нѣмцы въ Страсбургѣ, когда преобразовывали французскій университетъ въ германскій и усиленными окладами привлекли въ свой новый университетъ лучшія силы изъ другихъ германскихъ университетовъ). Вслѣдствіе недостаточности окладовъ профессоровъ, нѣкоторыя важныя каѳедры въ университе-

тахъ пустуютъ, даже на многолюднѣйшемъ юридическомъ факультетѣ. Недавно мы читали въ газетахъ, что въ Харьковѣ 4 юридическія каѳедры не замѣщены. Въ Одессѣ, Кіевѣ и Казани тоже есть каѳедры вакантныя. Молодые люди, оставляемые при университетахъ для приготовленія къ профессурѣ, не получаютъ почти никогда никакихъ пособій и стипендій и, перебиваясь жалкими уроками, большею частью забрасываютъ любимую науку и застываютъ въ своемъ развитіи. Мы знаемъ десятки такихъ юношей. Приватъ-доцентура почти совсѣмъ и почти никогда не оплачивается иначе, какъ грошевымъ для большинства приватъ-доцентовъ гонораромъ. Сама растлѣвающая борьба изъ-за гонораровъ происходитъ на почвѣ недостаточнаго вознагражденія профессоровъ".

„Въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ та же картина: бѣдность учебныхъ пособій, необезпеченность учителей, борьба ихъ между собою изъ-за числа плохо оплачиваемыхъ дополнительныхъ уроковъ. Помѣщенія гимназій тѣсны, съ дурнымъ воздухомъ, вслѣдствіе крайняго переполненія классовъ учащимися. Мы уже не говоримъ объ отсутствіи почти во всѣхъ среднихъ школахъ гимнастическихъ залъ и большихъ дворовъ для игръ и прогулокъ. А какъ обстоитъ дѣло— все изъ-за той же крайней скудости средствъ—въ школахъ народныхъ, гдѣ учителя иногда буквально голодаютъ,—объ этомъ распространяться нечего. Знаетъ всякій и то, что крестьянскія дѣти, чтобы учиться въ школѣ, должны ходить зимою въ метель и вьюгу часто за 5—10 верстъ отъ своей деревни—такъ мало у насъ школъ. Иногда и на десять верстъ въ округѣ школы нѣтъ никакой. Сколько дѣтей гибнетъ въ этихъ условіяхъ отъ стужи, болѣзней и невѣжества"! [1])

Прошлымъ лѣтомъ, какъ подробно разсказывалось въ печати, г. товарищъ министра народнаго просвѣщенія посѣтилъ нѣкоторыя изъ восточныхъ губерній имперіи и вынесъ самое печальное впечатлѣніе о мѣстныхъ начальныхъ училищахъ, ихъ малочисленности и о невыгодныхъ условіяхъ, въ какія они поставлены.

Въ печати постоянно встрѣчаются извѣстія о томъ, что по недостатку свободныхъ мѣстъ не только въ среднихъ, но даже въ низшихъ школахъ столькимъ-то мальчикамъ отказано въ пріемѣ, или что дѣти не только въ мужскія и женскія среднія учебныя заведенія, но и въ низшія, принимаются по *конкурсу*—порядокъ пріема въ общеобразовательныя заведенія, какія бы они ни были, высшія, среднія или начальныя, не только жестокій, но прямо варварскій!

Въ виду указаннаго, даже удвоенный, сравнительно съ нынѣшнимъ, бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія—и то только на пер-

---

[1]) „Новое Время", 28 октября 1897 года.

вое время—не можетъ быть признанъ чрезмѣрнымъ. Но, конечно, дѣло не въ одномъ бюджетѣ, а также въ порядкахъ, въ программахъ и въ учащемъ персоналѣ.

Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія въ упомянутомъ нами размѣрѣ—отъ 45 до 50 милл. руб.—несомнѣнно возможенъ при огромныхъ избыткахъ обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами въ послѣдніе годы. Государственный контроль въ объяснительной къ отчету запискѣ подвелъ итогъ росписей послѣдняго отчетнаго десятилѣтія 1887-1896 годовъ. Избытокъ доходовъ за 10 лѣтъ оказался въ 446 милл. руб. При этомъ подчетъ сдѣланъ (что̀ совершенно правильно) не на основаніи соотвѣтствующихъ отчетовъ объ исполненіи росписи каждаго года, а согласно классификаціи росписей, установленной съ 1895 года, по которой многіе крупные расходы, зачислявшіеся прежде по чрезвычайной росписи, переведены въ обыкновенную: расходы по перевооруженію, по устройству портовъ, устройству и ремонту желѣзныхъ дорогъ и вспомоществованію имъ и пр. Это уменьшило балансъ за десять лѣтъ на сумму отъ 300 до 400 милл. руб. Сверхъ того, въ счетъ обыкновенныхъ доходовъ не зачислены (что̀ совершенно неправильно) такъ называемые остатки отъ заключенныхъ росписей по долголѣтнимъ кредитамъ. Эти остатки несомнѣнно составляютъ принадлежность обыкновеннаго бюджета и, по нашему счету, за десять лѣтъ доходятъ до суммы 135 милл. руб. Такимъ образомъ, общая сумма избытка обыкновенныхъ доходовъ достигаетъ 580 милл. руб., среднимъ числомъ 58 милл. руб. въ годъ, несмотря на то, что два года изъ десятилѣтія—1887-й и 1891-й—посчитаны съ крупнымъ дефицитомъ, за оба года свыше 100 милл. руб. [1].

Но избытки обыкновенныхъ доходовъ по большей части поглощаются чрезвычайными расходами. Нагляднымъ примѣромъ этого можетъ служить чрезвычайный бюджетъ 1896 года.

Чрезвычайные доходы таковы: вкладовъ на вѣчное время около 7 м. р. и другихъ поступленій 11 м. р.; затѣмъ 25.868.489 руб. отъ реализаціи 4% государственной ренты на нарицательный капиталъ 30 милл. руб. для возмѣщенія государственному казначейству части расходовъ по пріобрѣтенію у государственнаго банка золота на 75 милл. руб. и передачи его въ размѣнный фондъ. Итого около 44 м. р., изъ которыхъ, однако, бюджетное значеніе могутъ имѣть только 18 м. руб., такъ какъ реализація ренты есть кредитная операція, заемъ, и въ бюджетный оборотъ входить не можетъ.

Въ расходѣ показано всего 255 м. р.: 132½ м. р. на желѣзныя

[1]) По современнымъ отчетамъ, составленнымъ согласно прежней классификаціи, недоборъ 1887 года не превышалъ 4 милл. руб., а за 1891 годъ было получено 20 милл. руб. избытка обыкновенныхъ доходовъ.

дороги, въ томъ числѣ 85 м. р. на сооруженіе сибирской желѣзной дороги и предпріятій, съ нею связанныхъ, на нѣкоторыя выдачи въ размѣрѣ около 5 милл. руб. и наконецъ 117¾ м. руб. на особенныя операціи. Эти операціи не признаются и государственнымъ контролемъ дѣйствительнымъ расходомъ. 117.743.300 руб.,—говорится въ объяснительной запискѣ (стр. 77),—представляютъ собою не дѣйствительный расходъ, а лишь отчисленіе на особый счетъ суммъ для обезпеченія государственныхъ кредитныхъ билетовъ; *безъ этого оборота исполненіе государственной росписи 1896 года дало бы излишекъ не расходовъ, а доходовъ въ суммѣ 107.698.507 рублей.*

Мы въ то же время и изъ доходовъ считали бы необходимымъ исключить указанные 25.868.489 рублей отъ реализаціи ренты. Такимъ образомъ, по нашему разсчету, *превышеніе доходовъ надъ расходами по исполненію государственной росписи 1896 г. составляетъ 81.830.018 рублей.*

Возвращаемся къ указываемому государственнымъ контролемъ *обороту.* Онъ таковъ: уплачено 1) на усиленіе размѣннаго фонда 75 милл. рублей, 2) на покупку золота 25.860.000 руб., 3) 16.883.300 руб. на погашеніе части безпроцентнаго долга по выпуску государственныхъ билетовъ, которая и уплачена государственному банку.

Мы не совсѣмъ понимаемъ, что̀ означаетъ уплата 16 милл. руб. банку на погашеніе кредитныхъ билетовъ. Эти билеты не банковые, а государственные, обезпечиваемые всѣмъ достояніемъ государства. Платить за нихъ банку, повидимому, нѣтъ основанія, такъ какъ очень не трудно ихъ ликвидировать, т.-е. уничтожить. Къ чему оплачивать кредитные билеты и въ то же время оставлять ихъ въ обращеніи? Въ основѣ такой операціи, очевидно, лежитъ представленіе о долгѣ государственнаго казначейства банку за кредитные билеты [1]). Правда, такъ смотрѣли на эту операцію еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, и тогда казна уплачивала банку за 417 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ для надобностей Турецкой войны. Но тогда они передавались подъ условіемъ ихъ уничтоженія (что̀ было впрочемъ исполнено только отчасти), да и самая уплата скоро стала фиктивною; нынѣ же уплата производится дѣйствительнымъ передвиженіемъ суммъ изъ государственнаго казначейства въ кассы и кладовыя банка.

Не совсѣмъ для насъ понятна также операція расхода въ суммѣ около 26 милл. руб. на покупку золота. Если золото было куплено, хотя бы въ слиткахъ, то оно могло даже и въ этомъ случаѣ счи-

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", іюнь 1897 года: „Еще о денежной реформѣ", Л. З. Слонимскаго.

таться деньгами; почему же его не показать поступленіемъ въ графѣ доходовъ? Въ 1894 году въ чрезвычайныхъ доходахъ являлись даже закладные листы центральнаго поземельнаго банка на номинальную сумму 44½ милл. рублей.

Мы не будемъ останавливаться на расходѣ въ 75 милл. на усиленіе размѣннаго фонда. Расходъ этотъ очевидно стоитъ въ связи съ совершающимся, но все еще не довершеннымъ, преобразованіемъ системы денежнаго обращенія. Замѣтимъ только, что въ 1895 году на усиленіе размѣннаго фонда было отпущено 157½ милл. руб.; въ два года, слѣдовательно, этотъ расходъ составляетъ 232 милл. руб., большая часть которыхъ упала на избытки обыкновеннаго бюджета. Но вопросъ не только въ этихъ перечисленіяхъ изъ одной кассы въ другую, но и въ крупныхъ дѣйствительныхъ чрезвычайныхъ расходахъ на желѣзныя дороги.

Страна, подъ страхомъ умаленія и внутренняго ея благосостоянія, и политическаго значенія, обязана доставлять правительству всѣ необходимыя средства для текущихъ потребностей государства, для его безопасности и постепеннаго развитія. Но справедливо ли на настоящее поколѣніе возлагать всею тяжестью осуществленіе огромныхъ предпріятій, польза которыхъ окажется только въ будущемъ? Особенно несправедливо это по отношенію къ предпріятіямъ, которыя, если только они вызваны вѣрно понятой потребностью и успѣшно исполнены, со временемъ могутъ окупиться. А таковы именно желѣзныя дороги. По исчисленію бухгалтеріи государственнаго контроля содержаніе лишь дѣйствующихъ дорогъ въ теченіе десятилѣтія 1887—1896 годовъ обошлось казнѣ въ 258 милл. руб. превышенія ихъ расходовъ надъ доходами, да на постройку новыхъ дорогъ въ теченіе этого времени израсходовано 409 милл. руб.; всего 667 милл. руб., среднимъ числомъ около 67 милл. руб. въ годъ. Особенно великъ расходъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ послѣдніе годы. Въ 1894 году на это истрачено около 49 милл. руб.; въ 1895 г.—около 96 милл. р. и наконецъ въ 1896 году—132 милліона рублей! Очевидно такія траты едва ли подъ силу текущимъ повинностямъ населенія, и не должны были бы на него ложиться.

Такое заключеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ Высочайше утвержденному 4 іюня 1894 года мнѣнію государственнаго совѣта о классификаціи росписей обыкновенной и чрезвычайной. Въ коммиссіи, на которую была возложена разработка этой классификаціи, и въ государственномъ совѣтѣ возбуждался вопросъ, нужны ли двѣ росписи,—не правильнѣе ли ограничиться одной, въ которую вносились бы всѣ ожидаемыя поступленія и всѣ государственные расходы, и текущіе

обычные, и такіе, которые вызываются какими-либо особыми, случайными или чрезвычайными потребностями?

Послѣ долгихъ соображеній, какъ сообщалось въ печати, одержало верхъ мнѣніе о распредѣленіи росписи на два отдѣла: обыкновенной и чрезвычайной. Основаніемъ служило соображеніе, что осуществленіе желѣзнодорожныхъ предпріятій требуетъ огромныхъ средствъ, затрата которыхъ непосильна для текущихъ государственныхъ рессурсовъ, въ какомъ бы блестящемъ положеніи они ни находились, и что поэтому для оплаты такихъ расходовъ нужно было бы на много усилить обложеніе населенія.

Изъ этого ясно видно, что, по мнѣнію государственнаго совѣта, желѣзнодорожныя предпріятія (вѣроятно, и другія подобныя же) не должны осуществляться на счетъ обложенія населенія, т.-е. за счетъ обыкновенной доходной росписи, размѣръ которой, очевидно, долженъ соотвѣтствовать упадающему на нее удовлетворенію потребностей,—а изъ другихъ источниковъ, т.-е. займовъ. При этомъ, конечно, уплата процентовъ по займамъ, а равно, если нужно, и процентъ погашенія долга до того времени, пока предпріятіе станетъ оплачиваться его доходами, должны упадать на обыкновенную роспись.

Въ приведенномъ соображеніи заключается цѣлая финансовая программа, полагающая предѣлъ тѣхъ требованій, которыя могутъ быть наложены на живущее поколѣніе, и слѣдовательно предусматривающая правильность не только повышенія налоговъ, но и ихъ пониженіе, когда предѣлъ этотъ достигнутъ, указаніемъ чего долженъ служить обыкновенный бюджетъ. Что этотъ предѣлъ, повидимому, перейденъ, доказывается балансами исполненія обыкновенной росписи, по которымъ избытокъ доходовъ простирается до 100, 150 и даже 200 милл. рублей.

Не должно забывать, что этотъ результатъ достигнутъ двукратнымъ почти общимъ повышеніемъ налоговъ, въ 1887 и 1892 годахъ, и затѣмъ почти ежегоднымъ повышеніемъ то одного, то другого обложенія. Ежегодное извлеченіе изъ средствъ даже зажиточнаго населенія такихъ суммъ не можетъ не отозваться вредно и на его производительности, и на его культурѣ. Можно сказать съ увѣренностью, что крупное возвышеніе налоговъ во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ придало бѣдствіямъ 1891 и 1892 годовъ такой размѣръ, какого безъ этого истощенія народныхъ средствъ они не могли бы достигнуть. Около половины того, что̀ лишняго извлечено казною въ теченіе 1880—1890 гг. увеличеніемъ налоговъ, потрачено ею (161 м. рублей) на помощь бѣдствовавшему населенію, но это далеко не можетъ быть признано достаточнымъ возмѣщеніемъ: во̀-время рубль, сохраненный не только въ мошнѣ, но и въ кошелькѣ, сто̀итъ полутора

и даже двухъ рублей. Конечно, для многихъ совершенно незамѣтной величиной можетъ являться налогъ въ одну тридцатую копѣйки въ день (какъ было высчитано по неосуществленному проекту возстановленія соляного акциза). Но тѣ же самыя лица предаются вовсе не веселому раздумью по поводу $4^1/_2$ коп. акциза, уплачиваемыхъ за каждый фунтъ сахара, $1^1/_2$ коп. за фунтъ керосина, 2 коп. за десятокъ папиросъ, копѣйку или двѣ за выпитую передъ обѣдомъ рюмку водки да четвертака пошлины за „четвертку" чая.

Совершенно обезпеченное положеніе бюджета, какъ извѣстно, даетъ полную возможность пониженія налоговъ. Первый шагъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ и у насъ: пониженъ поземельный сборъ, отмѣненъ паспортный, разсрочены выкупные платежи, но всего этого еще недостаточно. Слѣдовало бы отмѣнить налоги почти въ томъ же размѣрѣ, какъ они были повышены въ послѣднее десятилѣтіе, благо казна избавилась мало-по-малу отъ огромныхъ приплатъ по желѣзнымъ дорогамъ. Преимущественно было бы необходимо понизить косвенные налоги, доставляющіе казнѣ несравненно менѣе того, что̀ населеніе уплачиваетъ по нимъ или теряетъ отъ порождаемыхъ ими стѣсненій промышленности и торговли.

Есть поводъ предполагать, что въ высшихъ финансовыхъ сферахъ, и нынѣ, какъ и прежде, косвенному обложенію предпочитаются въ принципѣ прямые налоги, и въ особенности подоходный въ чистомъ его видѣ,—какъ обложеніе общаго дохода, а не его источниковъ, и на томъ, именно, основаніи, что только такой налогъ является налогомъ на достатокъ, тогда какъ косвенные налоги составляютъ обложеніе потребностей. Но въ то же время все еще признается введеніе подоходнаго налога неосуществимымъ, вслѣдствіе недостатка у насъ культурности и гражданскаго развитія. Послѣднее несомнѣнно вѣрно, какъ вѣрно и то, что, не трогаясь съ мѣста, въ виду предполагаемыхъ трудностей пути, всегда будешь оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Около двадцати лѣтъ тому назадъ, введеніе у насъ подоходнаго налога было настольнымъ административнымъ вопросомъ, который дѣятельно разработывался особою коммиссіей, образованной при министерствѣ финансовъ изъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ. Работы коммиссіи уже заканчивались, когда въ 1881 году, съ назначеніемъ министромъ финансовъ А. А. Абазы, вопросъ этотъ былъ снятъ съ очереди. Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, при Н. Х. Бунге, онъ снова былъ поднятъ, но въ видѣ обложенія промысловъ и денежныхъ капиталовъ. Проектъ подоходнаго налога, который былъ внесенъ на законодательное обсужденіе въ началѣ 1892 года, но не принятъ, имѣлъ также характеръ обложенія источниковъ. Желателенъ между тѣмъ подоход-

ный налогъ въ видѣ основного, соразмѣреннаго съ чистымъ доходомъ облагаемыхъ лицъ, само собою разумѣется, съ соотвѣтственнымъ пониженіемъ или отмѣной нынѣ существующихъ налоговъ. Кромѣ достоинства равномѣрности, такой налогъ обладаетъ эластичностью, дозволяющею безъ особаго труда регулировать обложеніе соотвѣтственно размѣру насущныхъ государственныхъ потребностей.

Такой налогъ избавитъ отъ надобности, въ случаѣ бюджетныхъ затрудненій, обращаться къ изысканію новыхъ обложеній или повышенію существующихъ, т.-е. къ мѣрѣ, которая, съ трудомъ допуская отмѣну разъ установленнаго налога, является часто,—какъ нынѣ, напримѣръ,—излишнимъ обремененіемъ платежной силы населенія.

О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1898.

Истекшій годъ.—Правила и инструкція о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени.—Изъятія изъ общихъ нормъ: работы непрерывныя, вспомогательныя, сверхъурочныя.—„Правила въ руководство цензурѣ", и безцензурная печать.—Общій духъ законовъ о печати и примѣненіе ихъ на практикѣ.—Двѣ губернаторскія рѣчи.—„Избирательное начало".

Наши январьскія обозрѣнія намъ уже нѣсколько лѣтъ сряду приходится начинать указаніемъ на неопредѣленность ближайшаго прошлаго, а слѣдовательно—и ближайшаго будущаго. Ничего другого нельзя сказать и о минувшемъ годѣ. Крупныя задачи, давно стоящія на очереди, остаются все еще нерѣшенными; къ нимъ присоединяются новыя, судьбу которыхъ нельзя ни предугадать, ни предвидѣть. Проектъ уголовнаго уложенія, совершенно законченный еще весной 1895-го года, до сихъ поръ не внесенъ въ государственный совѣтъ, и утвержденія его трудно ожидать раньше 1899-го года. Пересмотръ судебныхъ уставовъ близится къ концу, но начала, которыя будутъ положены въ его основу, установлены еще далеко не всѣ. Пересмотръ положеній о крестьянахъ все еще не вышелъ изъ подготовительнаго фазиса; въ его активъ можно поставить только распубликованіе свода заключеній, къ которымъ пришли губернскія совѣщанія—распубликованіе, имѣвшее цѣлью расширить область обсужденія спорныхъ вопросовъ. Не положенъ еще конецъ тѣлеснымъ наказаніямъ, какъ по приговорамъ волостныхъ судовъ, такъ и безъ суда, во время (или, лучше сказать, послѣ) прекращенія безпорядковъ. Нѣкоторыя существенно важныя перемѣны въ дѣйствующемъ законодательствѣ совершаются, какъ и прежде, внѣ порядка, установленнаго основными законами (припомнимъ, напримѣръ, ограниченіе свободы перехода періодическихъ изданій отъ одного собственника къ другому, или запрещеніе жить въ Москвѣ нѣкоторымъ категоріямъ евреевъ, до сихъ поръ пользовавшихся этимъ правомъ). О работахъ совѣщанія, образованнаго для разсмотрѣнія нуждъ помѣстнаго дворянства,

пока еще ничего не слышно. Нѣсколько болѣе яркую окраску носитъ группа мѣръ, относящихся къ иновѣрцамъ и инородцамъ (отмѣна процентнаго сбора съ недвижимыхъ имѣній лицъ польскаго происхожденія; отмѣна общей предклассной молитвы въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ много иновѣрцевъ; отмѣна обязательнаго посѣщенія учениками-иновѣрцами, въ табельные дни, православнаго богослуженія; допущеніе лицъ не-христіанскаго исповѣданія въ женскій медицинскій институтъ). Придавать имъ принципіальное значеніе было бы, однако, преждевременно. Какъ ни антипатичны органы печати, усиливающіеся доказать, что никакой *новой эры* на окраинахъ и для окраинъ не наступало, въ *фактическихъ* точкахъ опоры для этихъ усилій нѣтъ, къ сожалѣнію, недостатка... Наибольшее значеніе изъ всѣхъ государственныхъ актовъ истекшаго года имѣетъ законъ 2-го іюня о нормировкѣ рабочаго времени. Мы говорили о немъ подробно въ сентябрьскомъ обозрѣніи; теперь намъ остается только разсмотрѣть правила и инструкцію, которыми онъ разъясненъ и дополненъ (какъ правила, такъ и инструкція утверждены 20-го сентября министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ).

Замѣтимъ, прежде всего, что правила 20-го сентября вовсе не касаются производствъ, особенно вредныхъ для здоровья рабочихъ. Пун. 3 статьи 9 закона 2-го іюня предоставилъ подлежащимъ министрамъ уменьшать для такихъ производствъ наибольшую продолжительность рабочаго времени, въ зависимости отъ свойственнаго имъ вреда и отъ тѣхъ мѣръ предосторожности, которыя приняты къ его ослабленію. Разбирая законъ 2-го іюня, мы выразили сожалѣніе, что уменьшеніе рабочаго времени въ производствахъ особенно вредныхъ не установлено въ самомъ текстѣ закона; намъ казалось, что не было причины откладывать принятіе мѣры, настоятельно необходимой въ интересахъ народнаго здоровья. Какія производства приносятъ наибольшій вредъ рабочимъ—это давно извѣстно; перечислить ихъ въ законѣ было бы нетрудно, и на долю дополнительныхъ правилъ и инструкцій осталось бы, затѣмъ, только опредѣленіе значенія, которое могутъ имѣть тѣ или другія мѣры предосторожности, направленныя къ уменьшенію вреда. Какъ бы то ни было, пробѣлъ закона могъ быть немедленно пополненъ путемъ правилъ—что̀, повидимому, и предполагалось, при редактированіи пун. 3 ст. 9 закона 2 іюня. Правила 20-го сентября отвѣчаютъ, однако, лишь на два первые пункта ст. 9; о работахъ особо вредныхъ для здоровья рабочихъ говорится лишь въ инструкціи, и притомъ говорится только слѣдующее: „если чины фабричной инспекціи усмотрятъ, что какія-либо работы, по свойству самаго производства и по обстановкѣ, въ которой онѣ производятся, особенно вредны для здоровья рабочихъ, то они должны представлять о семъ департаменту торговли

и мануфактуръ, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ о томъ, какія требованія, по ихъ мнѣнію, необходимо предъявить по отношенію къ продолжительности и распредѣленію рабочаго времени въ такихъ случаяхъ, въ зависимости отъ способовъ производства и принятыхъ мѣръ предосторожности для устраненія вреднаго вліянія вышеозначенныхъ работъ на здоровье рабочихъ". Итакъ, движеніе вопроса, во многихъ отношеніяхъ совершенно яснаго, подробно разработаннаго и практикой, и наукой, поставлено въ зависимость отъ иниціативы фабричныхъ инспекторовъ, болѣе или менѣе случайной, неодинаково быстрой и энергичной. Немало времени пройдетъ, по всей вѣроятности. пока въ министерство финансовъ поступятъ представленія отъ всѣхъ инспекторовъ, немало времени потребуетъ и ихъ разработка — и пока она не будетъ приведена къ концу, положеніе рабочихъ въ особенно вредныхъ производствахъ ничѣмъ не будетъ отличаться отъ положенія остальныхъ, поставленныхъ въ менѣе неблагопріятныя условія. Намъ кажется, что составленіе перечня работъ особенно вредныхъ—перечня, который могъ бы быть впослѣдствіи дополненъ и исправленъ—едва-ли потребовало бы болѣе времени, труда, чѣмъ составленіе приложеннаго къ инструкціи перечня работъ, для которыхъ можетъ быть допускаемо *увеличеніе* рабочаго времени.

Только-что упомянутый перечень работъ, при которыхъ возможно *увеличеніе* рабочаго времени, обнимаетъ собою такъ называемыя *непрерывныя* работы, т.-е. такія, которыя не могутъ быть произвольно прерываемы безъ порчи приборовъ, обработываемыхъ матеріаловъ или приготовляемыхъ издѣлій. Эти работы, въ отступленіе отъ общихъ нормъ, установленныхъ закономъ 2-го іюня и правилами 20-го сентября, могутъ быть производимы безъ перерыва для отдыха, съ удлиненіемъ рабочаго времени, какъ въ будни, такъ и въ праздники, но съ соблюденіемъ слѣдующихъ двухъ условій: 1) число рабочихъ часовъ въ теченіе двухъ послѣдовательныхъ сутокъ не должно превосходить для каждаго рабочаго двадцати-четырехъ, въ теченіе же тѣхъ двухъ сутокъ, на которыя приходится ломка смѣнъ—тридцати, и 2) каждый рабочій долженъ быть освобождаемъ отъ работы на двадцать четыре часа сряду не менѣе трехъ разъ въ мѣсяцъ, если число его рабочихъ часовъ въ сутки (не считая дней ломки смѣнъ) не превосходитъ восьми, и не менѣе четырехъ разъ въ мѣсяцъ, если упомянутое число болѣе восьми. Инструкціею эти правила разъяснены въ такомъ смыслѣ, что въ иные дни максимальное число рабочихъ часовъ можетъ дойти до *шестнадцати* (если работа идетъ восьмичасовыми смѣнами) или даже до *восемнадцати* (въ дни ломки смѣнъ, производимой для того, чтобы одному изъ комплектовъ не приходилось постоянно работать ночью). Максимумъ рабочихъ часовъ удлиняется,

такимъ образомъ, на $4^1/_2$ или даже $6^1/_2$ часовъ противъ нормальнаго *дневного* рабочаго времени, на 6 или 8 часовъ—противъ *ночного*. Правда, увеличеніе числа рабочихъ часовъ въ теченіе одного дня компенсируется, до извѣстной степени, уменьшеніемъ ихъ въ теченіе другого; но въ окончательномъ выводѣ рабочее время, при непрерывныхъ работахъ, все же оказывается удлиненнымъ на $^1/_2$ ч. противъ нормальнаго дневного рабочаго времени, на два часа—противъ ночного. Четыре свободныхъ дня въ мѣсяцъ, гарантируемые рабочему, вознаграждаютъ его за потерю воскресныхъ дней (и то не вполнѣ, такъ какъ четыре дня въ мѣсяцъ составляютъ сорокъ восемь дней въ годъ, а воскресныхъ дней въ году—пятьдесятъ-два, иногда даже пятьдесятъ-три), но не за потерю другихъ праздничныхъ дней. Самый отдыхъ въ будни вовсе не имѣетъ того значенія, какъ отдыхъ въ воскресенье или праздникъ. Чрезвычайно трудно, вдобавокъ, слѣдить за точнымъ исполненіемъ правила о четырехъ (или трехъ) свободныхъ дняхъ, между тѣмъ какъ удостовѣреніе въ соблюденіи воскреснаго или праздничнаго отдыха не представляетъ никакихъ затрудненій. Все это вмѣстѣ взятое усиливаетъ сожалѣніе, выраженное нами при разборѣ закона 2-го іюня—сожалѣніе о томъ, что не установленъ срокъ дѣйствія изъятій, клонящихся къ удлиненію рабочаго времени. Только этимъ путемъ можно было бы достигнуть, въ близкомъ будущемъ, такого измѣненія условій фабричной работы, которое устраняло бы надобность въ обремененіи рабочихъ свыше общихъ нормъ, опредѣленныхъ закономъ.

Отступленіе отъ нормъ, допущенное для непрерывныхъ работъ, введено, по крайней мѣрѣ, въ извѣстные предѣлы, обставлено извѣстными условіями. Ни того, ни другого не сдѣлано для второй категоріи отступленій, предусмотрѣнныхъ правилами. Удлиненіе рабочаго времени, работа безъ перерывовъ, въ ночное время, въ воскресные и праздничные дни—все это допущено безъ всякихъ ограниченій по отношенію къ рабочимъ, занятымъ вспомогательными работами (текущимъ ремонтомъ, уходомъ за котлами, двигателями и приводами, отопленіемъ, водоснабженіемъ и освѣщеніемъ фабрично-заводскихъ зданій, сторожевой и пожарной службой и т. п.). Правда, инструкція обязываетъ фабричную инспекцію разсматривать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ чемъ именно должны состоять отступленія отъ нормъ и какъ далеко они должны простираться; но этимъ, очевидно, не можетъ быть восполненъ недостатокъ точныхъ опредѣленій, безусловно обязательныхъ и для фабрикантовъ, и для фабричной инспекціи. Чтобы доказать невозможность примѣненія къ рабочимъ, занятымъ вспомогательными работами, общихъ нормъ, установленныхъ закономъ 2-го іюня и правилами 20-го сентября, инструкція при-

водить слѣдующій примѣръ: „при однокомплектной работѣ заведенія кочегаръ долженъ выйти на работу за 1—1$^1/_2$ ч. до пуска заведенія въ ходъ, дабы успѣть приготовить котелъ къ дѣйствію; по окончаніи работъ въ заведеніи онъ можетъ отойти отъ котла не ранѣе, какъ черезъ $^1/_2$—1 ч., не говоря уже о томъ, что онъ не можетъ оставить котла и на время перерыва, даваемаго остальнымъ рабочимъ для отдыха. Вмѣнять въ этомъ случаѣ въ непремѣнную обязанность соблюденіе 11$^1/_2$ час. нормы—значило бы, очевидно, требовать въ тѣхъ случаяхъ, когда въ заведеніи имѣется даже одинъ котелъ, содержанія двухъ комплектовъ кочегаровъ. Для мелкихъ заведеній такое требованіе было бы крайне обременительно, особенно въ виду того, что у насъ, вслѣдствіе недостаточнаго числа спеціальныхъ школъ, ощущается сильный недостатокъ въ опытныхъ кочегарахъ, которымъ можно было бы довѣрить котелъ безъ опасности за послѣдствія". Итакъ, кочегару, при дѣйствіи новыхъ правилъ, можетъ предстоять до *четырнадцати* часовъ *непрерывной* работы, и притомъ не въ видѣ исключенія, а постоянно. Не говоря уже объ изнурительности такой работы для самого кочегара, она едва ли можетъ быть признана безопасной для остальныхъ рабочихъ; утомленіе легко можетъ привести къ невниманію, отъ котораго недалеко и до катастрофы. Для труда кочегаровъ регламентація рабочаго времени необходима, быть можетъ, еще больше, чѣмъ для всякаго другого. Если внезапному, значительному увеличенію числа рабочихъ, занятыхъ при паровыхъ котлахъ, препятствуетъ, въ настоящую минуту, недостатокъ опытныхъ кочегаровъ, зависящій, въ свою очередь, отъ недостатка спеціальныхъ школъ, то разрѣшить удлиненіе рабочаго времени кочегаровъ слѣдовало бы лишь на срокъ, заранѣе опредѣленный. Это побудило бы фабрикантовъ озаботиться учрежденіемъ спеціальныхъ школъ для кочегаровъ, по примѣру западно-европейскихъ государствъ, гдѣ содержаніе такихъ школъ часто берутъ на себя союзы владѣльцевъ фабрично-заводскихъ заведеній [1]). Ко времени окончанія срока новыя школы успѣли бы приготовить необходимое число рабочихъ, умѣющихъ обращаться съ паровыми котлами.

Законъ 2-го іюня ничего не установилъ насчетъ перерыва работъ для отдыха рабочихъ, включивъ этотъ вопросъ въ число тѣхъ, которые должны быть разрѣшены путемъ инструкцій и правилъ. На основаніи правилъ 20-го сентября, при числѣ рабочихъ часовъ въ сутки болѣе десяти, для каждаго рабочаго долженъ быть установленъ

---

[1]) Какъ полезны подобные союзы и въ другихъ отношеніяхъ и до какой степени желательно перенесеніе ихъ на нашу почву—объ этомъ даетъ понятіе интересная статья: „Іонское общество владѣльцевъ паровыхъ котловъ", напечатанная въ № 343 „Русскихъ Вѣдомостей".

по крайней мѣрѣ одинъ свободный перерывъ (не входящій въ счетъ рабочаго времени), продолжительностью не менѣе одного часа, въ зависимости отъ условій производства и вообще отъ мѣстныхъ условій. Рабочему должна быть предоставлена возможность принятія пищи не рѣже какъ чрезъ каждые шесть часовъ. Если продожительность рабочаго времени между двумя свободными перерывами превышаетъ шесть часовъ и потому не представляется возможнымъ пріурочить выполненіе этого требованія къ перерывамъ работы, то рабочему должна быть предоставлена возможность принятія пищи въ теченіе рабочаго времени, при чемъ въ правилахъ внутренняго распорядка должно быть обозначено *мѣсто* пріема пищи. Инструкція поясняетъ, что это послѣднее правило установлено на тотъ случай, если, по свойствамъ производства, принятіе пищи въ рабочихъ помѣщеніяхъ было бы сопряжено съ вредомъ для здоровья рабочихъ. Намъ кажется, что если, по мѣстнымъ условіямъ,—напр., вслѣдствіе отдаленности мѣста жительства рабочихъ,—рабочіе вынуждены ѣсть не уходя изъ фабрики, то имъ *всегда* слѣдовало бы отводить для этого особое помѣщеніе; этого требуютъ гигіеническія соображенія, примѣнимыя, въ большей или меньшей степени, ко всѣмъ производствамъ. Не совсѣмъ понятно для насъ и то, почему свободный перерывъ признается обязательнымъ лишь при рабочемъ времени, продолжающемся болѣе десяти часовъ; едва ли можно считать нормальной работу, продолжающуюся безъ перерыва семь, восемь часовъ. Правда, могутъ быть случаи, когда продолжительный перерывъ работы (вычитаемый, какъ уже сказано выше, изъ рабочаго времени, т.-е. замедляющій его окончаніе) нежелателенъ, неудобенъ для самихъ рабочихъ (если, напримѣръ,—какъ это указано въ инструкціи,—рабочіе пользуются квартирами при фабрикѣ и для перехода ихъ съ фабрики на квартиру и обратно требуется весьма мало времени); но для этихъ случаевъ достаточно было бы уменьшить продолжительность перерыва. Всего нормальнѣе было бы, кажется, назначить обязательный перерывъ черезъ пять или шесть часовъ работы, т.-е. приблизительно на половинѣ рабочаго времени; это совпало бы и съ опредѣляемымъ въ правилахъ срокомъ для принятія пищи. Продолжительность перерыва (одинъ часъ) могла бы быть уменьшаема не иначе, какъ по просьбѣ самихъ рабочихъ.

Правила 20-го сентября различаютъ сверхъурочныя работы, подлежащія включенію въ договоръ найма (т.-е. обязательныя для рабочаго, заключившаго договоръ), и остальныя сверхъурочныя работы, допускаемыя лишь по особому соглашенію завѣдывающаго промышленнымъ заведеніемъ съ рабочимъ. Къ числу работъ перваго рода могутъ быть относимы лишь такія, которыя, будучи необходимы по

техническимъ условіямъ производства, вызываются исключительно случайными, и притомъ зависящими отъ свойства самого производства, отклоненіями отъ нормальнаго его хода (въ видѣ примѣра инструкція называетъ сезонныя работы, типографскія работы передъ выходомъ въ свѣтъ еженедѣльнаго или ежемѣсячнаго періодическаго изданія, нѣкоторые химическіе или механическіе процессы, окончаніе которыхъ случайно не совпадаетъ съ окончаніемъ рабочаго времени). Всѣ эти работы могутъ быть признаны обязательными для рабочихъ лишь тогда, когда въ правилахъ внутренняго распорядка, расцѣнкахъ, тарифахъ и т. п. указаны условія ихъ производства. Вслѣдствіе случайнаго характера этихъ работъ, рабочій, очевидно, не можетъ опредѣлить съ точностью размѣра принимаемыхъ имъ обязательствъ; при частомъ повтореніи извѣстныхъ условій, средняя продолжительность рабочаго времени можетъ оказаться несравненно больше той, которая опредѣлена закономъ. Сверхъурочныя работы второго рода, не предусмотрѣнныя договоромъ, ограничены только однимъ условіемъ: число часовъ, имъ посвященныхъ, не должно превышать для каждаго рабочаго 120 въ годъ. Другими словами, $^{2}/_{5}$ всѣхъ рабочихъ дней (считая ихъ 300 въ году) могутъ быть удлинены, по „особому соглашенію", на одинъ часъ. И это уже немало, особенно если принять во вниманіе возможность существованія, рядомъ съ добровольными, обязательныхъ сверхъурочныхъ работъ; но на практикѣ цифра 120 весьма легко можетъ оказаться крайне эластичною. Правда, ст. 20-я правилъ обязываетъ завѣдывающаго заведеніемъ вести точный учетъ сверхъурочнымъ работамъ (по правиламъ и формамъ, утвержденнымъ инспекціею), такъ чтобы всегда можно было опредѣлить, сколько часовъ, когда именно и на какихъ условіяхъ каждый рабочій былъ занимаемъ сверхъурочными работами; но гдѣ же ручательство въ томъ, что такой учетъ будетъ производимъ съ надлежащей точностью и полнотою? Въ наблюденіи со стороны самихъ рабочихъ? Но вѣдь они иногда заинтересованы въ томъ, чтобы набирать на себя побольше сверхъурочныхъ работъ. Въ опасеніи отвѣтственности? Но вѣдь эта отвѣтственность, при отсутствіи особыхъ каръ за неисполненіе закона 2-го іюня и правилъ 20-го сентября, очень невелика (денежный штрафъ не свыше 100 рублей, за нарушеніе „правилъ внутренняго распорядка"), да и доказать неправильность учета безъ содѣйствія рабочихъ чрезвычайно трудно. Весьма возможно, поэтому, что изъ двухъ однородныхъ и сосѣднихъ между собою фабрикъ одна станетъ исполнять правила о сверхъурочныхъ работахъ на самомъ дѣлѣ, другая — только на словахъ. Не будетъ достигнута, слѣдовательно, та одинаковость внѣшнихъ условій, которую имѣлъ въ виду установить законъ 2-го іюня и которая необхо-

дима не только въ интересѣ рабочихъ (правильно понятомъ), но и въ интересѣ фабрикантовъ, разсматриваемыхъ какъ одно цѣлое.

Въ одной изъ комедій Островскаго кѣмъ-то изъ дѣйствующихъ лицъ ставится вопросъ: что̀ лучше—ждать и не дождаться, или имѣть и потерять? Для русской печати этотъ вопросъ не существуетъ: она испытываетъ на себѣ, въ одно и то же время, дѣйствіе обѣихъ указанныхъ въ немъ альтернативъ. Она давно ждетъ и до сихъ поръ не дождалась закона, который бы упрочилъ и улучшилъ ея положеніе, признавъ за нею извѣстную сумму правъ, неотъемлемыхъ иначе какъ въ судебномъ порядкѣ. Она имѣла и потеряла такія гарантіи, какъ уничтоженіе книгъ и отдѣльныхъ нумеровъ періодическихъ изданій лишь по суду, какъ запрещеніе періодическихъ изданій лишь по опредѣленію перваго департамента правительствующаго сената, какъ свободный, безъ предварительнаго разрѣшенія администраціи, переходъ періодическихъ изданій изъ однѣхъ рукъ въ другія. Временныхъ правилъ, оказывающихся болѣе долговѣчными, чѣмъ многія постоянныя, у насъ вообще немало; но нигдѣ эта аномалія не бросается въ глаза такъ рѣзко, какъ именно въ законодательствѣ о печати. Прошло почти тридцать-три года со времени изданія закона 6-го апрѣля 1865 г., имѣвшаго съ самаго начала переходное значеніе—и онъ не только не уступилъ мѣста другому, окончательному, но потерпѣлъ, путемъ изданія новыхъ *временныхъ* мѣръ, весьма существенныя измѣненія, въ свою очередь остающіяся въ силѣ цѣлые десятки лѣтъ. Прежде эти измѣненія совершались, по крайней мѣрѣ, въ томъ самомъ порядкѣ, какой установленъ для изданія новыхъ законовъ: они проходили черезъ государственный совѣтъ (напр., законъ 1872 г., предоставившій комитету министровъ право уничтоженія книгъ и отдѣльныхъ нумеровъ повременныхъ изданій). За послѣднія пятнадцать лѣтъ мѣсто государственнаго совѣта, по отношенію къ такъ называемымъ временнымъ мѣрамъ противъ печати, занимаетъ комитетъ министровъ; въ форму его положеній облечены какъ правила 1882 года, уже болѣе пятнадцати лѣтъ вліяющія на нашу печать, такъ и прошлогоднее распоряженіе, отмѣнившее, для газетъ и журналовъ, свободу гражданскихъ сдѣлокъ (а можетъ быть и наслѣдственное право). Законодательство о печати—съ тѣхъ поръ какъ оно не исчерпывается одними постановленіями о цензурѣ — непрерывно, по нѣмецкому выраженію, находится (или признается находящимся) im Werden, и для этого процесса все еще не предвидится конца. Въ 1872 г., какъ показываютъ мотивы къ вышеупомянутому мнѣнію государственнаго совѣта, былъ уже предпринятъ „общій пересмотръ дѣйствующихъ узаконеній о пе-

чати"; предполагалось только, что, „по обширности сей работы и необходимости подробнаго соображенія ея при участіи различныхъ вѣдомствъ, она не можетъ получить утвержденія въ весьма скоромъ времени". Не знаемъ, была ли эта работа пріостановлена формально или просто „положена подъ сукно"; во всякомъ случаѣ о ней не было и рѣчи, когда въ 1880 г., въ эпоху „новыхъ вѣяній", рѣшено было расширить свободу печати: коммиссія, образованная съ этою цѣлью, приступила къ дѣлу такъ, какъ будто бы пересмотръ законовъ о печати былъ только-что поставленъ на очередь. Перемѣной обстоятельствъ труды коммиссіи были прерваны въ самомъ ихъ началѣ; но измѣненіе въ законодательномъ порядкѣ дѣйствующихъ постановленій о печати все-таки продолжало считаться необходимымъ и близкимъ—и именно этимъ былъ мотивированъ *временной* характеръ правилъ 1882-го года. Послѣ ихъ изданія, все, однако, осталось по старому—и объ „измѣненіи, въ законодательномъ порядкѣ, правилъ о печати" упоминается вновь только въ положеніи комитета министровъ 28-го марта 1897-го года, установившемъ новое *временное* стѣсненіе правъ печати. Нужно надѣяться, что на этотъ разъ пересмотръ постановленій о печати, наконецъ, не только начнется, но и приведетъ къ желанному результату, не увеличивъ, а уменьшивъ бремя, лежащее на печати. Насколько тяжесть этого бремени усиливается переходнымъ характеромъ законодательства о печати, состоящаго изъ частей разнородныхъ, разновременныхъ, несогласованныхъ между собою—объ этомъ съ особенною ясностью свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ фактовъ, относящихся къ самому послѣднему времени.

Распоряженіемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, состоявшимся 1-го минувшаго декабря, газета „Биржевыя Вѣдомости" лишена права печатать частныя объявленія. Основаніемъ къ этой карѣ указано нарушеніе пун. 1 ст. 96 уст. о ценз. и печ., въ статьѣ: „Что думаютъ и дѣлаютъ въ провинціи", приписывающей помѣщику бѣлостокскаго уѣзда, графу Ридигеру, угнетеніе народа незаконными, будто бы, распоряженіями, нарушающими хозяйственныя права крестьянъ. Отдѣленіе восьмое устава о цензурѣ и печати, въ составъ котораго входитъ и та ст. 96-ая, озаглавлено: „Правила въ руководство цензурѣ", и относится, слѣдовательно, къ печати подцензурной, а не къ безцензурнымъ періодическимъ изданіямъ, дѣятельность которыхъ регулируется слѣдующими отдѣленіями устава, девятымъ („о повременныхъ изданіяхъ") и десятымъ („о мѣрахъ противъ распространенія произведеній печати, обнаружившихъ вредное направленіе, и объ административныхъ взысканіяхъ"), а также постановленіями уголовнаго характера, перешедшими изъ закона 6-го апрѣля 1865 года въ уложеніе о наказаніяхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить первый

пунктъ ст. 96 уст. о ценз. и печ. съ ст. 1036 уложенія. На основаніи 1 пун. ст. 96, не допускаются къ печати статьи, въ которыхъ „возбуждается непріязнь и ненависть одного сословія къ другому". Ст. 1036-ая уложенія запрещаетъ, подъ страхомъ наказанія, „учиненіе въ печати воззванія, возбуждающаго вражду въ одной части населенія государства противъ другой, или въ одномъ сословіи противъ другого". Цѣль обѣихъ статей—болѣе или менѣе одна и та же: но первая изъ нихъ содержитъ въ себѣ указаніе цензорамъ (т.-е. имѣетъ въ виду печать подцензурную), вторая — угрозу повременнымъ изданіямъ, освобожденнымъ отъ цензуры. Для одновременнаго или безразличнаго примѣненія обоихъ правилъ нѣтъ, слѣдовательно, мѣста: каждое изъ нихъ имѣетъ свою особую сферу дѣйствія. Не тождественны они и по своему существу: ст. 1036-ая не случайно говоритъ о *воззваніи*, возбуждающемъ *вражду*, между тѣмъ какъ въ ст. 96 просто идетъ рѣчь о возбужденіи ненависти и непріязни. Подъ именемъ *воззванія* законодатель разумѣлъ, очевидно, *призывъ* къ страстямъ, къ предубѣжденіямъ, къ предразсудкамъ, господствующимъ въ разныхъ слояхъ общества—призывъ, совершенный съ *намѣреніемъ* возбудить *вражду*, т.-е. активно-непріязненныя отношенія между сословіями. Нельзя *догадываться* о существованіи такого намѣренія, нельзя выводить его, путемъ предположеній, изъ *возможныхъ* послѣдствій статьи или книги; нужно, чтобы оно было выражено положительно и прямо. Другое дѣло —ст. 96-ая; центръ тяжести ея лежитъ не въ намѣреніи автора, а въ дѣйствіи, которое *могутъ* произвести его слова, хотя бы помимо его воли. Оба постановленія соотвѣтствуютъ условіямъ, при которыхъ они возникли. Ст. 96-ая, основанная на законѣ 12-го мая 1862 года,—когда безцензурной печати не было еще вовсе, а подцензурную признано было необходимымъ нѣсколько „подтянуть",—имѣла въ виду охрану „тиши и глади", устраненіе всего грозившаго хотя бы легкимъ броженіемъ умовъ; законъ 1865 г. допускалъ и освящалъ борьбу мнѣній, лишь бы она оставалась въ предѣлахъ благоразумія и умѣренности. Припомнимъ, что̀ и какъ говорилось, во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, по поводу вопросовъ сословныхъ и національныхъ: не ясно ли, что въ то время не было и мысли о примѣненіи къ безцензурной печати правила, установленнаго для совершенно другихъ цензурныхъ порядковъ? Не ясно ли, что при дѣйствіи ст. 96-й не могли бы, напримѣръ, появиться въ свѣтъ ни статьи „Московскихъ Вѣдомостей" объ остзейскомъ дворянствѣ, ни многія статьи „Вѣсти" о крестьянахъ?.. Въ одномъ отношеніи, впрочемъ, ст. 96 уст. о ценз. и печ. ничѣмъ не отличается отъ ст. 1036 уложенія: и тутъ, и тамъ идетъ рѣчь о возбужденіи вражды или непріязни между *сословіями*. Иными словами, и объектомъ вражды, и ея субъектомъ, какъ тамъ, такъ и тутъ, является цѣлая общественная

группа. Ни подъ ту, ни подъ другую статью не можетъ, слѣдовательно, быть подведено возбужденіе враждебнаго чувства въ отдѣльныхъ лицахъ—противъ сословія, или въ сословіи — противъ отдѣльныхъ лицъ, или, наконецъ, въ отдѣльныхъ лицахъ—противъ отдѣльныхъ лицъ (или отдѣльнаго лица). „Биржевыя Вѣдомости" приписали отдѣльному лицу незаконныя распоряженія, которыми нарушаются хозяйственныя права другихъ отдѣльныхъ лицъ. Чья же непріязнь или ненависть можетъ быть этимъ возбуждена, и противъ кого? Если распоряженія гр. Ридигера дѣйствительно и существенно нарушаютъ права мѣстныхъ крестьянъ, то непріязнь въ средѣ послѣднихъ существовала помимо и раньше появленія газетной статьи; если же непріязни не было, то ея, конечно, не создастъ и статья, по всей вѣроятности, вдобавокъ, вовсе неизвѣстная крестьянамъ. О возбужденіи противъ графа Ридигера непріязни со стороны всего крестьянскаго сословія, или хотя бы со стороны всѣхъ крестьянъ бѣлостокскаго уѣзда не можетъ быть и рѣчи: слишкомъ мало еще развита солидарность между крестьянами различныхъ мѣстностей, чтобы обида, испытываемая одними, могла быть такъ живо принята къ сердцу всѣми или многими другими. Еслибы, наконецъ, и могло возникнуть въ крестьянской массѣ нѣчто въ родѣ враждебнаго чувства противъ землевладѣльца, притѣсняющаго небольшую ея долю, то это чувство не имѣло бы ничего общаго съ непріязнью противъ всего дворянства или противъ всего помѣщичьяго класса; кто же не понимаетъ, что многочисленная общественная группа, представители которой раскинуты, притомъ, по всей имперіи, а связаны между собою, и то весьма слабо, только въ предѣлахъ губерніи, не несетъ на себѣ отвѣтственности за поступки одного изъ своей среды? Въ гродненской губерніи, вдобавокъ, уже нѣсколько десятилѣтій не бываетъ дворянскихъ собраній; ея дворянство не имѣетъ, слѣдовательно, даже и тѣхъ немногихъ средствъ воздѣйствія на одного изъ своихъ членовъ, которыми располагаютъ (но фактически почти никогда не пользуются) дворянскія корпораціи коренныхъ русскихъ губерній. Если законъ беретъ на себя охрану мира между сословіями, то это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что сословная вражда угрожаетъ спокойствію государства, во-вторыхъ, —тѣмъ, что сословія, не образуя, въ цѣломъ своемъ составѣ, юридическихъ лицъ, не имѣя представителей, которые были бы уполномочены дѣйствовать вмѣсто нихъ и отъ ихъ имени, не могутъ защищаться сами, не могутъ ни отвѣчать на нападенія, ни отражать ихъ путемъ судебнаго иска. Для отдѣльнаго лица, наоборотъ, вполнѣ доступно и то, и другое: отъ него зависитъ возстановить искаженные факты, изобличить ложь, предъявить къ оскорбителю обвиненіе въ диффамаціи или клеветѣ. Это устраняетъ всякую надобность въ адми-

нистративномъ вмѣшательствѣ, одинаково неудобномъ для обѣихъ сторонъ: для частнаго лица — потому что оно остается подъ бременемъ взведеннаго на него и ничѣмъ не опровергнутаго обвиненія; для періодическаго изданія — потому что оно лишено возможности доказать достовѣрность сообщенныхъ имъ фактовъ или справедливость высказанныхъ имъ сужденій. Представимъ себѣ, что разбираемый нами случай, стоящій до сихъ поръ совершеннымъ особнякомъ въ исторіи русской печати, пріобрѣтетъ значеніе прецедента: всякое сообщеніе, неблагопріятное для частнаго лица, будетъ признаваться неблагопріятнымъ для общественной группы, къ которой это лицо принадлежитъ, и, слѣдовательно, недопустимымъ въ печати, какъ возбуждающее непріязнь къ цѣлому сословію. Во что обратится тогда возможность обнаруженія, путемъ печати, разныхъ злоупотребленій, притѣсненій, беззаконій? И теперь уже эта возможность ограничена весьма сильно, съ одной стороны—закономъ о диффамаціи и административнымъ нерасположеніемъ къ обвиненіямъ, прямо или косвенно затрогивающимъ дѣятельность власти, съ другой—„обывательскою“ враждою къ гласности, столь тяжело отзывающеюся въ особенности на провинціальныхъ корреспондентахъ. Не встрѣчая отпора, оставаясь безгласными, нежелательныя явленія будутъ повторяться все чаще и чаще, обостряться все больше и больше—и параллельно съ этимъ будетъ рости взаимная непріязнь, гораздо болѣе глубокая, чѣмъ та, которую могло бы вызвать самое рѣзкое изобличительное слово.

Статья 96-ая уст. о ценз. и печ.—далеко не единственное „правило въ руководство цензурѣ“, признаваемое, въ послѣднее время, относящимся не только къ подцензурной, но и къ безцензурной прессѣ. Одновременно съ прекращеніемъ печатанія частныхъ объявленій въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, та же карательная мѣра примѣнена къ „Русскому Труду“, за „сообщеніе слуховъ о содержаніи неопубликованной еще во всеобщее свѣдѣніе государственной росписи на 1898-ой годъ“. Ст. 100-ая уст. о ценз. и печ., которою на этотъ разъ мотивирована кара, помѣщена въ томъ же восьмомъ отдѣленіи уст. о ценз. и печ. и основана на томъ же законѣ 12 мая 1862 года. Она не дозволяетъ „распубликованія по однимъ слухамъ предполагаемыхъ, будто бы, правительствомъ мѣръ, пока онѣ не объявлены законнымъ образомъ“. Еслибы эта статья была не только указаніемъ для цензоровъ, но и правиломъ, обязательнымъ для редакцій, то не проходило бы дня, когда подъ дѣйствіе ея не подошло бы нѣсколько періодическихъ изданій. Сообщенія о приготовляемыхъ или проектируемыхъ мѣрахъ, законодательныхъ или административныхъ, составляютъ ежедневно непремѣнную часть газетной хроники и до такой степени вошли въ привычку, что никакихъ сомнѣній относительно

ихъ законности ни у кого не возникало: требовалось только, чтобы они не были завѣдомо невѣрны и не касались такихъ предметовъ, на обсужденіе которыхъ въ печати наложено спеціальное административное veto. Ст. 100-ая разсматривалась, очевидно, какъ остатокъ другой эпохи и развѣ въ исключительныхъ случаяхъ принималась въ соображеніе даже тѣми лицами и учрежденіями, для которыхъ она когда-то была написана, т.-е. цензорами и цензурными комитетами. Антикварный ея характеръ доказывается уже и тѣмъ, что она говоритъ только о *распубликованіи* предполагаемыхъ мѣръ, а не объ ихъ *разборѣ*. Въ настоящее время совершенно обычнымъ является именно *разборъ* законопроектовъ, оффиціально не оглашенныхъ—и не встрѣчаетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, никакихъ затрудненій. Измѣнить этотъ порядокъ вещей, значило бы возвратиться къ до-реформенной эпохѣ, когда печать могла только буквально воспроизводить содержаніе обнародованныхъ постановленій, воздерживаясь отъ всякихъ собственныхъ сужденій — даже похвальныхъ, такъ какъ возможность похвалы предполагаетъ возможность порицанія.

Что ст. 96-ая и 100-ая, наравнѣ со всѣми другими, входящими въ составъ отдѣленія восьмого устава о цензурѣ и печати, имѣли и имѣютъ только значеніе инструкцій цензурѣ, даже для нея, съ теченіемъ времени, отчасти потерявшихъ свою силу — это показываетъ съ особенною ясностью содержаніе статей 97-ой и 98-ой того же отдѣленія, заимствованныхъ все изъ того же закона 12 мая 1862 г. На основаніи ст. 97, „при разсмотрѣніи сочиненій и статей о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій, дозволяются къ печати только спеціальныя ученыя разсужденія, написанныя тономъ приличнымъ предмету и притомъ касающіяся такихъ постановленій, недостатки которыхъ обнаружились уже на опытѣ“. Совершенно иными условіями обставленъ разборъ дѣйствующихъ постановленій закономъ 6 апрѣля 1865 г., въ той его части, которая образовала примѣчаніе къ ст. 1035 улож. о наказ. „Не вмѣняется въ преступленіе“—читаемъ мы здѣсь—„и не подвергается наказаніямъ обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій оскорбительныхъ для установленныхъ властей“. Для безцензурной печати не существуетъ, слѣдовательно, двухъ ограниченій, установленныхъ ст. 97 уст. о ценз. и печати. Не требуется, чтобы указаніе на недостатки закона или законодательства было облечено въ форму „спеціальнаго ученаго разсужденія“; не требуется также, чтобы указываемые недостатки обнаружились уже на опытѣ. Другими словами, законы, только-что всту-

пившіе въ силу, подлежатъ разбору наравнѣ съ законами дѣйствующими издавна, и самому разбору можетъ быть данъ какъ научный, такъ и публицистическій характеръ, съ соблюденіемъ только сдержанности тона и уваженія къ обязательной силѣ закона. Совершенно невозможнымъ представляется, очевидно, одновременное примѣненіе къ однимъ и тѣмъ же произведеніямъ печати какъ ст. 97 уст. о ценз. и печ., такъ и прим. къ ст. 1035 уложенія; послѣдній изъ этихъ двухъ законовъ устраняетъ, для безцензурной печати, дѣйствіе перваго—а отсюда прямо слѣдуетъ выводъ, что и другія „правила въ руководство цензурѣ“ сохраняютъ свою силу лишь въ предѣлахъ вѣдомства *предварительной* цензуры. Такой же выводъ вытекаетъ и изъ ст. 98-ой, по которой „въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи и судебныхъ мѣстъ не допускается печатанія именъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учрежденій“. Еслибы это правило было примѣнимо къ безцензурной печати, то совершенно непонятной являлась бы та часть ст. 1039-ой уложенія (основанной на законѣ 6-го апрѣля 1865 г.), которая грозитъ наказаніемъ за оглашеніе въ печати, о *должностномъ лицѣ* или объ *установленіи*, обстоятельствъ, могущихъ повредить ихъ чести, достоинству или доброму имени. Здѣсь имѣется въ виду, несомнѣнно, *наименованіе* должностного лица или установленія—т.-е. нѣчто совершенно невозможное при дѣйствіи ст. 98 уст. о ценз. и печ. Если обвиняемый по ст. 1039 докажетъ, посредствомъ письменныхъ доказательствъ, справедливость позорящаго обстоятельства, касающагося служебной или общественной дѣятельности лица, занимающаго должность по опредѣленію отъ правительства или по выборамъ, то онъ освобождается отъ наказанія за диффамацію. Допускается, такимъ образомъ, не только поименное указаніе должностныхъ лицъ, дѣятельность которыхъ несвободна отъ „недостатковъ“ и „злоупотребленій“—допускается даже прямое обвиненіе ихъ въ дѣяніяхъ позорныхъ, если оно можетъ быть подтверждено на судѣ, путемъ доказательствъ, признаваемыхъ наиболѣе достовѣрными. Не ясно ли, что законъ 6-го апрѣля 1865 г. порвалъ всякую связь съ искусственнымъ обереганіемъ должностныхъ лицъ, выросшимъ на почвѣ канцелярской тайны, административнаго произвола, негласнаго суда, и нашедшимъ себѣ выраженіе въ ст. 98-ой уст. о ценз. и печати?

За необходимость скорѣйшаго пересмотра законовъ о печати, въ видахъ согласованія и объединенія ихъ между собою, въ видахъ исключенія изъ нихъ всего устарѣвшаго, отжившаго, безъ всякой надобности затрудняющаго свободу слова, говорятъ не только мотивы административныхъ каръ, но и самыя кары. И „Биржевымъ Вѣдомостямъ“, и „Русскому Труду“ запрещено, какъ мы видѣли, печатаніе частныхъ

объявленій — запрещено въ силу ст. 155 уст. о ценз. и печ., предоставляющей министру внутреннихъ дѣлъ, по его личному усмотрѣнію, прекращать въ періодическихъ изданіяхъ, получившихъ право печатанія частныхъ объявленій, помѣщеніе ихъ на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ. Источникомъ этой статьи послужило Высочайшее повелѣніе 12 мая 1863 г., относящееся къ такому времени, когда вся печать подлежала еще дѣйствію предварительной цензуры. Въ законъ 6-го апрѣля 1865 года, установившій цѣлую систему карательныхъ мѣръ по отношенію къ безцензурной печати, правило о запрещеніи печатанія объявленій введено не было—и этимъ самымъ, собственно говоря, было признано потерявшимъ свою силу. Въ составъ продолженія 1876 года оно включено,—какъ доказалъ еще въ 1880 г. профессоръ (нынѣ первоприсутствующій сенаторъ) Н. С. Таганцевъ, — лишь вслѣдствіе кодификаціонной ошибки, повторенной и во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ устава о цензурѣ и печати. Обстоятельства, при которыхъ состоялось Высочайшее повелѣніе 12 мая 1863 г., давно уступили мѣсто другимъ, существенно различнымъ. Въ 1863 г. только-что была отмѣнена монополія на печатаніе объявленій, принадлежавшая нѣкоторымъ казеннымъ изданіямъ (академическія „С.-Петербургскія Вѣдомости", университетскія „Московскія Вѣдомости" и др.). Право печатать объявленія казалось, вслѣдствіе этого, какъ бы подаркомъ, сдѣланнымъ ежедневной прессѣ — подаркомъ, который можно и должно взять назадъ, если одаренный не оправдываетъ ожиданій дарителя. Въ газетномъ бюджетѣ объявленія не играли тогда большой роли; ихъ было сравнительно мало, мода на нихъ еще не успѣла распространиться, и запрещеніе ихъ печатать не могло нанести газетѣ *очень* большого матеріальнаго ущерба. Меньше была тогда и конкурренція между газетами—меньше, слѣдовательно, опасность невознаградимыхъ потерь для той изъ нихъ, которой запрещено на время печатаніе объявленій. Иное дѣло теперь, когда соперничество газетъ значительно обострилось, объявленія вошли въ обычай, и о монополіи, нѣкогда на нихъ существовавшей, всѣ давно забыли. Запрещеніе печатать объявленія имѣетъ теперь характеръ денежнаго штрафа, чрезвычайно неравномѣрнаго — для однихъ изданій едва чувствительнаго, для другихъ почти равносильнаго разоренію. Въ оправданіе административныхъ мѣръ, примѣняемыхъ къ печати, часто указываютъ на то, что непосредственною ихъ цѣлью и непосредственнымъ результатомъ служитъ предупрежденіе вреда, приносимаго „неблагонамѣренною" печатью: запрещеніе розничной продажи, напримѣръ, уменьшаетъ число читателей газеты, предостереженіе заставляетъ ее измѣнить тонъ или самое содержаніе статей. О запрещеніи печатать объявленія нельзя сказать даже

и этого: оно является прямо *наказаніемъ*, налагаемымъ безъ суда, безъ выслушанія объясненій, безъ соображенія съ степенью вины и съ состоятельностью виновнаго. Элементъ предупрежденія можно усмотрѣть развѣ въ томъ, что запрещеніе опредѣляется иногда безъ назначенія срока: періодическому изданію какъ бы дается знать, что отъ него зависитъ поскорѣе освободиться отъ кары, посредствомъ того, что̀ англичане называютъ good behaviour. Едва ли, однако, это согласно съ смысломъ закона, по которому помѣщеніе объявленій прекращается на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ: какой именно срокъ установленъ въ данномъ случаѣ—это должно быть означено въ самомъ распоряженіи, прекращающемъ печатаніе объявленій.

До какой степени примѣненіе законовъ о печати разошлось съ ихъ первоначальнымъ духомъ и смысломъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, нѣкоторыя изъ предостереженій, объявляемыхъ повременнымъ изданіямъ. Въ журналѣ коммиссіи, подготовившей законъ 6 апрѣля 1865 г., было высказано слѣдующее основное положеніе: „административныя взысканія находятъ для себя *единственное* извиненіе и *почти единственный* случай примѣненія, когда въ періодическомъ изданіи является такъ называемое *вредное направленіе*". Какъ ни эластично понятіе о вредномъ направленіи, оно предполагаетъ, во всякомъ случаѣ, *цѣлый рядъ* статей, написанныхъ въ одномъ и томъ же духѣ и обращенныхъ противъ основныхъ началъ государственнаго и общественнаго устройства или, по меньшей мѣрѣ, противъ господствующей системы управленія. Такъ смотрѣли на дѣло и авторы французскаго декрета 1852 г., откуда къ намъ перенесена система административныхъ взысканій. „Право пріостанавливать повременное изданіе послѣ двухъ мотивированныхъ предостереженій"—сказано въ циркулярѣ французскаго министра полиціи къ префектамъ отъ 30-го марта 1852 г.—„будетъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ противъ изданій, *систематически враждебныхъ правительству*. Вы будете пользоваться имъ съ справедливою твердостью, когда журналъ, не совершая опредѣленныхъ проступковъ, за которые онъ могъ бы подвергнуться судебному преслѣдованію, будетъ, тѣмъ не менѣе, *опасенъ для порядка, религіи и собственности*". Само собою разумѣется, что французская администрація не осталась въ предѣлахъ, которыя были начертаны при установленіи системы предостереженій: свойство административнаго *усмотрѣнія* заключается именно въ томъ, что оно не знаетъ и не признаётъ никакихъ границъ и ограниченій. Во Франціи, предостереженіямъ очень скоро стали подвергаться и такія періодическія изданія, которымъ никто и не думалъ приписывать вредное направленіе—подвергаться за отдѣльныя статьи, не содержавшія въ себѣ ровно ничего опаснаго для порядка, религіи и

собственности, для государственнаго и общественнаго строя. У насъ въ шестидесятыхъ годахъ дѣло дошло до пріостановки „Московскихъ Вѣдомостей", до прекращенія „Москвы". Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ большое впечатлѣніе произвели предостереженія, данныя почти одновременно „Гражданину" и „Руси", причемъ „Руси" (Аксаковской „Руси"!) былъ поставленъ въ вину „тонъ, несовмѣстный съ истиннымъ патріотизмомъ". Недавно та же судьба постигла такія несомнѣнно благонамѣренныя газеты, какъ „Свѣтъ" и „Русскій Трудъ". Предостереженіе, полученное „Русскимъ Трудомъ" дано за допущенную этой газетой, въ статьѣ о православномъ духовномъ вѣдомствѣ, *рѣзкость выраженій*. Эпитетъ: *рѣзкій*, встрѣчался въ предостереженіяхъ и прежде, но всегда, сколько намъ помнится, въ связи съ указаніями на самое содержаніе статьи (*рѣзкое* порицаніе правительственныхъ мѣропріятій — въ одномъ изъ предостереженій, данныхъ „Москвѣ"; непозволительная по своей *рѣзкости* статья, явно извращающая смыслъ закона и стремящаяся подорвать уваженіе къ нему—въ предостереженіи „Гражданину"). Сама по себѣ взятая, „рѣзкость" выраженій (не говоря уже о неопредѣленности и эластичности этого термина), очевидно, не входитъ въ кругъ тѣхъ проступковъ печати, для предупрежденія и пресѣченія которыхъ была введена система административныхъ взысканій.

2-го минувшаго декабря, при открытіи въ Курскѣ очередного губернскаго земскаго собранія, курскимъ губернаторомъ, гр. А. Д. Милютинымъ, была произнесена рѣчь, обратившая вниманіе собранія на необходимость сокращенія земскихъ расходовъ. Похваливъ обоянское уѣздное земство за уменьшеніе земскаго обложенія слишкомъ вдвое (18 коп. съ десятины вмѣсто 37) и выразивъ сожалѣніе, что остальныя земства (особенно пострадавшія въ нынѣшнемъ году отъ неурожая—тимское, фатежское и щигровское) не послѣдовали этому хорошему примѣру и даже увеличили обложеніе, гр. Милютинъ указалъ на громадную цифру недоимокъ, накопившуюся на курской губерніи, и приписалъ ее „непосильному бремени, лежащему на населеніи вслѣдствіе всего распорядка земской экономической системы". Земледѣлецъ, по словамъ губернатора, „*не въ силахъ* уже платить земству; необходимо, слѣдовательно, сократить расходы; если ужъ земской интеллигенціи не жаль себя, то пусть, по крайней мѣрѣ, пожалѣетъ она крестьянскую копѣйку! Вѣдь ее неоткуда взять, хотя бы на прекрасныя гуманныя цѣли, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, преслѣдуетъ губернское земское собраніе, назначая непосильные расходы". Само собою разумѣется, что рѣчь гр. Милютина пришлась какъ нельзя

болѣе по сердцу тѣмъ органамъ печати, которые уже давно возмущались „расточительностью“ земства. „Оффиціальное свидѣтельство курской губернской администраціи“ -- восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“ —„вновь подтверждаетъ, насколько мы были правы, поднявъ голосъ противъ нигдѣ въ мірѣ невиданной и неслыханной тягости нашихъ мѣстныхъ налоговъ, и можно лишь искренно порадоваться, что находятся просвѣщенные и гуманные администраторы, принимающіе на себя, въ предѣлахъ своихъ полномочій, защиту населенія противъ по истинѣ жестокаго земскаго хозяйничанья“. Ликующая газета даже и не думаетъ о томъ, что̀ означаетъ, на практикѣ, уменьшеніе земскаго обложенія, да еще такое крупное, какое осуществлено въ обоянскомъ уѣздѣ. За невозможностью коснуться обязательныхъ расходовъ (къ числу которыхъ принадлежатъ и взносы въ дорожный капиталъ, образованный закономъ 1-го іюня 1895 г.), всякое сокращеніе уѣздныхъ смѣтъ упадаетъ на необязательныя статьи расхода, т.-е., въ огромномъ большинствѣ случаевъ, на народное образованіе и народную медицину. Закрываются школы, обрѣзывается безъ того уже жалкое содержаніе учащихъ, дѣлаются сбереженія на безъ того уже скудныхъ учебныхъ пособіяхъ, уменьшается число кроватей въ больницахъ и пріемныхъ покояхъ, увольняется отъ службы часть земскаго врачебнаго персонала—однимъ словомъ, происходитъ ломка и порча въ тѣхъ частяхъ земской работы, которыя имѣютъ особенную цѣнность для массы населенія. Въ одну минуту разрушается дѣло цѣлыхъ годовъ или десятилѣтій—разрушается такъ основательно, что для починки, когда она, рано или поздно, будетъ рѣшена, понадобится періодъ времени, можетъ быть, не меньшій, чѣмъ употребленный на первоначальную постройку. Послушаемъ, что̀ говоритъ по этому поводу свидѣтель, достовѣрность котораго, конечно, не станутъ отрицать „Московскія Вѣдомости“. Почти въ одно время съ курскимъ открыто и вятское губернское земское собраніе—и вотъ что̀ сказалъ, при его открытіи, вятскій губернаторъ, г. Клингенбергъ, недавно переведенный въ Вятку изъ Ковна, гдѣ при немъ разыгралось извѣстное крожское дѣло: „заботами по народному образованію вятское губернское земское собраніе минувшаго трехлѣтія оставило по себѣ слѣды неизгладимые, воздвигло себѣ памятникъ, къ которому тропа не заростетъ. По этому пути остается идти все дальше и дальше, воздвигать новые памятники, помня, что въ народномъ просвѣщеніи—благосостояніе и будущность нашей родины. *Останавливаться на встрѣчаемыхъ препятствіяхъ нельзя, нужно ихъ преодолѣвать, потому что малѣйшая остановка равносильна шагу назадъ*; каждая копѣйка, внесенная на великое дѣло образованія, возвратится сторицею, такъ что даже простой экономическій разсчетъ побуждаетъ затратить эту ко-

пѣйку" [1]). Вятская губернія также пострадала отъ неурожая, цифра недоимокъ въ ней также велика, хотя и ниже, чѣмъ въ курской губерніи [2]); и однако губернаторъ, котораго еще меньше, чѣмъ какого-либо другого, можно заподозрить въ „гуманитаризмѣ" или „либерализмѣ", прямо рекомендуетъ земству не останавливаться, идти впередъ, продолжать крупныя затраты на дѣло народнаго образованія, въ виду той несомнѣнной пользы, которую онѣ должны принести населенію. Очевидно, что и съ точки зрѣнія администраціи бережливость во что бы то ни стало—далеко не всегда заслуга, далеко не всегда добродѣтель... Есть еще одна сторона вопроса, невыясненная въ рѣчи курскаго губернатора: это—отношеніе между различными категоріями недоимщиковъ. Наиболѣе значительныя недоимки земскаго сбора оказываются нерѣдко за наиболѣе состоятельными изъ числа плательщиковъ—за крупными землевладѣльцами, допускающими накопленіе ихъ по небрежности, по равнодушію и невниманію къ земскому дѣлу. Ростутъ эти недоимки и остаются непополненными вслѣдствіе неудовлетворительности правилъ, опредѣляющихъ порядокъ взысканія земскихъ сборовъ; добиться продажи или хотя бы описи имѣнія, сколько бы на немъ ни числилось недоимокъ, для земства, въ большинствѣ случаевъ, чрезвычайно трудно—и эта трудность увеличивается, сплошь и рядомъ, прямо пропорціонально размѣру и цѣнности имѣнія... Сокращеніе земскихъ расходовъ далеко не всегда, наконецъ, имѣетъ цѣлью сбереженіе „крестьянской копѣйки"; гораздо чаще оно рекомендуется или предпринимается въ интересахъ землевладѣльческаго рубля. Только о немъ помышляетъ, безъ сомнѣнія, и реакціонная печать, когда мечетъ громы въ „по истинѣ жестокое земское хозяйничанье". Съ ея точки зрѣнія это вполнѣ логично, потому что ко всему хорошему, устроиваемому на земскій счетъ, она относится либо враждебно, либо индифферентно; но едва ли послѣдовательно признавать цѣли, преслѣдуемыя земствомъ, „прекрасными" и „гуманными"—и въ то же время убѣждать земство отказаться отъ средствъ, необходимыхъ для достиженія этихъ цѣлей. Очередной задачей для всѣхъ дѣйствительно сочувствующихъ земской дѣятельности должно быть, въ настоящую минуту, не уменьшеніе земскихъ (необязательныхъ) расходовъ, а увеличеніе земскихъ доходовъ.

Еще въ бо̀льшей степени, чѣмъ высокимъ размѣромъ земскихъ

---

[1]) Припомнимъ, что въ смѣту вятскаго губернскаго земства вносится, съ 1897 г., по 150 тыс. руб. въ годъ на новыя начальныя школы, за что оно подверглось ожесточеннымъ нападеніямъ „Московскихъ Вѣдомостей" (см. Внутр. Обозр. въ №№ 5 и 12 за 1896 г.).

[2]) Въ 1893 г. сумма недоимокъ въ вятской губерніи составляла 34%, въ курской—61% оклада.

расходовъ, „благородное негодованіе“ „охранительной“ печати вызывается толками о возможномъ и желательномъ распространеніи избирательнаго права, въ городахъ, на квартиронанимателей, одновременно съ привлеченіемъ ихъ къ уплатѣ въ пользу города квартирнаго налога. Возмутительною признается уже самая мысль о пересмотрѣ городового Положенія 1892 г., изданнаго всего пять лѣтъ тому назадъ—и о пересмотрѣ его, притомъ, въ направленіи прямо противоположномъ тому, которое восторжествовало въ 1892 г.: тогда рѣшено было *съузить* кругъ избирателей—какимъ же образомъ теперь можетъ идти рѣчь о его *расширеніи*?.. Оберегая, такимъ образомъ, одну изъ основъ городового Положенія, „охранительная“ печать съ легкимъ сердцемъ подкапывается подъ другую, несравненно болѣе существенную: она возстаетъ противъ *избирательнаго начала*, усматривая въ немъ „первопричину“ всѣхъ непорядковъ въ городскомъ хозяйствѣ. Другими словами, *пересматривать* городовое Положеніе нельзя, потому что это значило бы нарушить уваженіе къ столь недавно выраженной волѣ законодателя—но совершенно *уничтожить* его можно и должно: логика, какъ видно, совершенно особеннаго сорта. Что отмѣна избирательнаго начала была бы равносильна уничтоженію городового положенія — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ нашихъ городахъ выборное начало никогда, собственно говоря, не исчезало совершенно. Уже первымъ—екатерининскимъ—городовымъ Положеніемъ къ участію въ веденіи городского хозяйства были призваны сами горожане, въ качествѣ *избирателей* и *избираемыхъ*. Кругъ дѣйствій городского самоуправленія былъ болѣе или менѣе широкъ, самостоятельность его—болѣе или менѣе велика, но, за исключеніемъ короткаго промежутка времени при императорѣ Павлѣ I-мъ, въ основаніи его никогда не переставало лежать выборное начало. И въ чемъ же усматривается его несостоятельность, чѣмъ мотивируется необходимость его упраздненія? Избирательное начало,—говорятъ намъ,— „сортируетъ людей только по ихъ внѣшнимъ признакамъ; до умственныхъ и нравственныхъ свойствъ человѣка ему нѣтъ дѣла“. На почвѣ избирательнаго начала нельзя выйти изъ „заколдованнаго круга ценза“, а „цензъ не можетъ служить гарантіей ни ума, ни честности, ни дѣловитости“. Въ этой аргументаціи смѣшаны два момента, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга: составленіе списка избирателей и выборы. Первое производится, безспорно, на основаніи „внѣшнихъ признаковъ“, т.-е. на основаніи предположенія (болѣе или менѣе правильнаго, въ зависимости отъ достоинствъ или недостатковъ избирательной системы), что лица, удовлетворяющія извѣстнымъ условіямъ (положительнымъ и отрицательнымъ), способны къ исполненію обязанности, возлагаемой на нихъ въ качествѣ избирателей. Другое дѣло—

самое избраніе; о немъ уже никакъ нельзя сказать, что оно совершается безъ принятія въ соображеніе „умственныхъ и нравственныхъ качествъ человѣка". Напротивъ того, именно эти качества должны оказывать рѣшающее вліяніе на выборы—и оказываютъ его на самомъ дѣлѣ, насколько это возможно при дѣйствующихъ избирательныхъ порядкахъ и при данной обстановкѣ выборовъ. Конечно, избиратели могутъ руководствоваться и посторонними соображеніями, не имѣющими ничего общаго съ личными достоинствами избираемыхъ; они могутъ и заблуждаться, и увлекаться, и кривить душой, и поддаваться нежелательнымъ вліяніямъ. Но развѣ достаточно устранить избирательное начало, чтобы создать гарантію противъ ошибокъ и злоупотребленій? Нужно быть или слишкомъ смѣлымъ, или слишкомъ наивнымъ, чтобы признавать за *назначеніемъ*, съ этой точки зрѣнія, безусловное преимущество передъ *избраніемъ*. Доказательствомъ противнаго служитъ ежедневный опытъ, удостовѣряющій, что въ среднемъ выводѣ дѣятели *избираемые*, несмотря на крайне неудовлетворительныя избирательныя системы, стоятъ у насъ не ниже *назначаемыхъ*... Чего собственно хотятъ наши газетные охранители, чѣмъ они желали бы замѣнить земскія и городскія учрежденія—это, по обыкновенію, остается въ туманѣ. Они мечтаютъ, повидимому, о какихъ-то мѣстныхъ „нотабляхъ", т.-е. о *совѣщательныхъ* собраніяхъ, члены которыхъ *назначались* бы изъ числа земле- и домовладѣльцевъ, удовлетворяющихъ опредѣленному цензу (имущественному, а можетъ быть также образовательному и сословному); путемъ *назначенія* замѣщались бы и исполнительныя должности по мѣстному хозяйству. Къ чему привелъ бы такой порядокъ—угадать нетрудно; стоитъ только припомнить, чѣмъ были городскія думы въ эпоху ихъ подчиненія администраціи или комитеты земскихъ повинностей въ до-реформенное время...

Усердно подбирая такіе „плоды самоуправленія", которыми подтверждалось бы ея „caeterum censeo", реакціонная печать особенно охотно останавливается на отдѣльныхъ фактахъ, неблагопріятныхъ для земскихъ и городскихъ больницъ. Недавно съ ея страницъ не сходили вопіющія безобразія, обнаруженныя въ одесскихъ больницахъ; теперь она эксплуатируетъ печальныя свѣденія, сообщенныя въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" о владимірской губернской земской больницѣ. Что въ дѣятельности городовъ и земствъ далеко не все обстоитъ благополучно, этого мы никогда не отрицали; скажемъ болѣе—это и не можетъ быть иначе, при тѣхъ избирательныхъ системахъ, которыя созданы Положеніями 1890 и 1892 гг. Возмутительно, въ нашихъ глазахъ, не раскрытіе злоупотребленій—раскрытіе, желательное въ интересѣ самихъ городовъ, самого земства; возмутительны обобщенія

въ родѣ тѣхъ, которыми заканчивается статья „Московскихъ Вѣдомостей“ о владимірской земской больницѣ. Утверждая, что дѣятели самоуправленія неуязвимы, пока нѣтъ на лицо очевиднаго преступленія, московская газета восклицаетъ: „не правда ли, какое удобное положеніе? Стоитъ ли, наслаждаясь имъ, особенно утруждать себя? Важно, чтобы *преступленія* не было, а на остальное смѣло можно махнуть рукой: пусть себѣ больные дохнутъ, какъ мухи! Туда имъ и дорога! Такъ большинство земскихъ и городскихъ *самоуправцевъ* и поступаетъ“. Чтобы оцѣнить вполнѣ смѣлость газеты, приписывающей подобныя мысли и подобный образъ дѣйствій *большинству* земскихъ дѣятелей, стоитъ только припомнить, что именно земствомъ, никѣмъ другимъ какъ земствомъ, создана въ Россіи народная медицина, до существованія которой больные крестьяне дѣйствительно умирали какъ мухи... Что касается до городского самоуправленія, то огульныя обвиненія его въ невниманіи къ больничной части всегда напоминаютъ намъ блестящую характеристику петербургскихъ городскихъ больницъ до и послѣ принятія ихъ въ вѣденіе города, сдѣланную, въ 1890 г., свидѣтелемъ вполнѣ „достовѣрнымъ“ и для „Московскихъ Вѣдомостей“—К. К. Случевскимъ. Она напечатана въ № 5097 „Новаго Времени“, обширныя выписки изъ нея приведены нами въ январьскомъ обозрѣніи 1891 г. (стр. 382—383); теперь мы выпишемъ изъ нея лишь нѣсколько словъ, вполнѣ достаточныхъ для нашей цѣли. „1-го сентября 1885 года передана въ вѣденіе города обуховская больница. Немедленно вслѣдъ за этимъ расширились, распахнулись окна, до того малыя, тюрьмообразныя, и за-одно со свѣтомъ дохнулъ въ больницу и свѣжій воздухъ. По тщательномъ и добросовѣстномъ изслѣдованіи больные стали получать все, что имъ слѣдовало; исчезли знаменитые супы, варившіеся изъ однихъ только костей, жилъ, жира и обрѣзковъ; исчезли знаменитыя семь лахановъ, съ семью классическими прачками, мывшими все колоссальное количество бо̀льшею частью заразнаго бѣлья; исчезли знаменитые узлы съ лохмотьями, нерѣдко продававшіеся, и въ помѣщеніе которыхъ нельзя было войти безъ того, чтобы не быть покрытымъ тысячами насѣкомыхъ; исчезъ возмутительный порядокъ наблюденія за дисциплиною между больными, которыхъ за нарушеніе ея сажали на овсянку или заключали въ безпокойное отдѣленіе“... А вѣдь управленію обуховскою больницею, до 1-го сентября 1885 г., было совершенно чуждо вредоносное „избирательное начало“!..

Наше обозрѣніе было уже окончено, когда въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 344) появилась интересная корреспонденція изъ Курска. Двое сутокъ,—говоритъ корреспондентъ,—„обсуждался курскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ вопросъ о продовольствіи, и все-таки

многое осталось невыясненнымъ. Громадную путаницу внесло то обстоятельство, что очереднымъ собраніямъ не предшествовали по примѣру прежнихъ лѣтъ, экстренныя, вслѣдствіе чего гласные и на уѣздныя и на губернское собранія явились неподготовленными. Экстренныя собранія были замѣнены такъ называемыми „совѣщаніями", подъ предсѣдательствомъ губернатора, куда приглашались предсѣдатели управъ; но, понятно, „совѣщанія" эти никоимъ образомъ не могли замѣнить собраній, а наоборотъ, внесли ту путаницу, о которой говорится выше. Такъ напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ сначала увѣдомилъ, что для курской губерніи высылается 700.000 пуд. ржи, а затѣмъ, немного позже, пришло извѣщеніе и о высылкѣ 700.000 пуд. овса. Наскоро собранныя „совѣщанія" распредѣлили то и другое по уѣздамъ, не выяснивъ многихъ существенныхъ сторонъ. Начать съ того, что земства опредѣлили нужду въ продовольствіи 986.863 пудами ржи, а въ обсѣмененіи—2.000.000 пуд. яровыхъ сѣмянъ. Отсюда ясно, что самъ собою напрашивался вопросъ, чѣмъ руководствовалось министерство, высылая по 700.000 пуд. ржи и овса? Далѣе, на какихъ условіяхъ высылаются хлѣба? По какимъ цѣнамъ? Какого качества овесъ—годенъ ли онъ только для корма или для обсѣмененія? Такіе вопросы телеграммою и сдѣланы собраніемъ уполномоченному министерства, причемъ, опасаясь невыгодности условій, собраніе высказалось, что приметъ хлѣба лишь при условіи возвращенія или пудъ за пудъ, или по рыночнымъ цѣнамъ. Когда было закончено обсужденіе продовольственнаго вопроса, гласный А. Н. Рутценъ заявилъ приблизительно слѣдующее: вотъ мы полныхъ два засѣданія говоримъ о нуждахъ населенія, придумали шаблонныя мѣропріятія, но, конечно, изъ этого ничего не выйдетъ, такъ какъ бѣдствіе объясняется болѣе глубокими причинами. Вспомнимъ послѣдній періодъ: въ 1891—92 г. мы голодали; въ 1893—94 г. мы не знали, куда дѣваться съ нашимъ хлѣбомъ; сейчасъ мы опять голодаемъ—развѣ это нормальныя явленія? Надо подумать о болѣе широкихъ мѣропріятіяхъ для всей центральной полосы Россіи, несомнѣнно глубоко потрясенной въ самыхъ основахъ хозяйственной и экономической жизни. Въ виду этого гл. Рутценъ предложилъ ходатайствовать о созывѣ выборныхъ представителей центральной полосы Россіи въ особое совѣщаніе при министерствѣ земледѣлія, для выработки мѣропріятій, въ виду тяжелаго экономическаго положенія названной полосы. Собраніе единогласно согласилось съ этимъ предложеніемъ и для мотивировки ходатайства избрало особую коммиссію".

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что путь, указанный курскимъ губернскимъ земствомъ, вѣрнѣе многихъ другихъ можетъ привести къ желанной цѣли.

ЗАМѢТКА.

Заключенія университетскихъ совѣтовъ о системѣ гонорара.

Лѣтомъ истекшаго 1897 года министерство народнаго просвѣщенія обратилось къ совѣтамъ шести университетовъ, въ коихъ дѣйствуетъ уставъ 1884 г., съ вопросомъ: какія желательны измѣненія въ системѣ гонорара, введенной этимъ уставомъ, и не будетъ ли болѣе цѣлесообразнымъ дѣлить болѣе равномѣрно взимаемый со студентовъ гонораръ между отдѣльными профессорами и другими преподавателями? Этотъ вопросъ породилъ уже цѣлую литературу журнальныхъ и газетныхъ статей и брошюръ, при чемъ, за весьма немногими исключеніями, общее мнѣніе было противъ гонорара, и его защитники въ послѣднее время даже совсѣмъ замолкли. Теперь намъ извѣстны и мнѣнія университетскихъ совѣтовъ, о которыхъ мы имѣемъ немало сообщеній въ періодической прессѣ.

Мы уже высказали увѣренность, что отвѣтъ университетскихъ совѣтовъ для нынѣ дѣйствующей системы будетъ неблагопріятнымъ, и что профессора выскажутся за уничтоженіе гонорара, которое для студентовъ будетъ равносильно пониженію платы за слушаніе лекцій [1]. Подведемъ теперь итоги подъ мнѣніями отдѣльныхъ университетовъ, и замѣтимъ, что вездѣ вопросъ этотъ разсматривался сначала по факультетамъ, потомъ коммиссіями, составленными изъ профессоровъ разныхъ факультетовъ, и уже послѣ этого совѣтами.

Въ петербургскомъ университетѣ совѣтъ почти безъ преній принялъ докладъ коммиссіи, которая высказалась за полную отмѣну системы гонорара. Въ этомъ докладѣ вопросъ былъ разсмотрѣнъ всесторонне, и общій выводъ былъ сдѣланъ такой, что, будучи обременительна для учащихся, эта система въ то же время противна нашимъ понятіямъ о достоинствѣ университетскаго преподавателя, вообще противорѣчитъ условіямъ, порядкамъ и нравамъ нашего университетскаго быта, и можетъ имѣть только вредное вліяніе на ходъ университетской жизни. Если отмѣна гонорара и повлечетъ за собою нѣкоторыя неудобства, то это, по мнѣнію коммиссіи, не должно служить ни оправданіемъ для системы нецѣлесообразной и вредной,

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“ 1897 г., ноябрь, стр. 384.

ни предлогомъ для отсрочки полной ея отмѣны: это одно изъ тѣхъ золъ, которыя устраняются тѣмъ труднѣе, чѣмъ они старѣе. Измѣненіе, предложенное министерствомъ, признано тоже недостигающимъ цѣли.

Совѣтъ московскаго университета, равнымъ образомъ, призналъ желательнымъ уничтоженіе гонорара, хотя и не такъ рѣшительно, какъ совѣтъ петербургскаго университета. Вмѣстѣ съ желаніемъ отмѣны нынѣ дѣйствующей системы, выражено было и другое, а именно, чтобы увеличено было содержаніе педагогическому персоналу университета. Только въ томъ случаѣ, если бы это оказалось невозможнымъ, реформа должна была бы, по мнѣнію совѣта, ограничиться болѣе справедливымъ распредѣленіемъ гонорарной суммы каждаго университета между его профессорами и замѣняющими ихъ лицами. Въ частности при этомъ распредѣленіи должно было бы приниматься въ разсчетъ количество лѣтъ службы того или другого профессора. Во всякомъ случаѣ нынѣшняя система признана и здѣсь подлежащей отмѣнѣ.

Гонорарная коммиссія харьковскаго университета привлекла къ обсужденію вопроса и приватъ - доцентовъ, что̀ слѣдуетъ признать совершенно правильнымъ. Вопросъ о системѣ гонорара, подвергшейся весьма основательной критикѣ въ докладѣ этой коммиссіи, въ харьковскомъ университетѣ тоже былъ связанъ съ вопросомъ о недостаточности профессорскаго содержанія, но полная отмѣна гонорара, которую и здѣсь совѣтъ университета, согласно докладу коммиссіи, призналъ необходимою (между прочимъ, по ея обременительности для громаднаго большинства студентовъ), не ставится въ зависимость отъ увеличенія профессорскаго содержанія. И харьковскій университетъ, подобно петербургскому, нашелъ неудобнымъ предложеніе о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи взимаемой со студентовъ гонорарной суммы между отдѣльными преподавателями.

Въ Казани гонорарная коммиссія тоже высказалась и противъ теперешней системы гонорара,—между прочимъ, въ виду ея обременительности для студентовъ,—и противъ какихъ бы то ни было ея модификацій. Если министерство желало гонорарною системою увеличить вознагражденіе профессоровъ, то цѣли этой оно не достигло: повышеніе содержанія могло бы быть произведено только на счетъ казны. Совѣтъ казанскаго университета принялъ заключеніе коммиссіи.

Совѣтъ кіевскаго университета, которому также была представлена обширная записка профессорской коммиссіи объ отрицательныхъ сторонахъ гонорарной системы, равнымъ образомъ высказался за полное ея упраздненіе, при чемъ нашелъ неудобнымъ замѣнить гонорарное вознагражденіе какимъ-либо инымъ распредѣленіемъ суммы, вносимой студентами за слушаніе лекцій. Вопросъ о необходимости повышенія

профессорскаго жалованья былъ поднятъ и въ кіевскомъ университетѣ. но отмѣна гонорара въ зависимость отъ него не была поставлена. Кромѣ того, большинство совѣта кіевскаго университета признало желательнымъ установить плату со студентовъ въ 80 рублей, что̀, конечно, является нѣкоторымъ пониженіемъ сравнительно съ теперешнею платою въ соединеніи съ гонораромъ, но было бы повышеніемъ сравнительно съ теперешнею платою безъ гонорара.

Наконецъ, и въ одесскомъ университетѣ гонорарная коммиссія пришла къ тому заключенію, что существующая система гонорара должна быть измѣнена, и что приплата къ пятидесяти рублямъ въ пользу университета могла бы быть удержана лишь въ томъ случаѣ, если бы ей дано было иное, чѣмъ теперь, назначеніе (напр., на улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій). По первому пункту совѣтъ раздѣлилъ соображенія коммиссіи и высказался за уничтоженіе профессорскаго гонорара, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ желаніе, чтобы плата за слушаніе лекцій не превышала суммы, взимаемой въ настоящее время въ спеціальныя средства университета.

Подведемъ итоги. Изъ изложеннаго видно, что всѣ шесть университетовъ высказались противъ существующей системы гонорара, признавъ ее подлежащею отмѣнѣ. Только одинъ московскій университетъ поставилъ эту отмѣну въ зависимость отъ увеличенія профессорскаго содержанія. Четыре университета (петербургскій, харьковскій, казанскій и кіевскій) нашли, что и измѣненіе, предложенное министерствомъ народнаго просвѣщенія, не можетъ исправить системы, которая въ самой основѣ своей неудовлетворительна. Можно полагать, что таково же мнѣніе и еще одного университета (одесскаго), разъ имъ безусловно выражается желаніе, чтобы студенческая плата не превышала пятидесяти рублей, вносимыхъ въ университетъ и въ настоящее время. Другіе университеты, стоящіе за безусловную отмѣну гонорара, равнымъ образомъ тѣмъ самымъ высказываются за уничтоженіе приплаты къ этимъ пятидесяти рублямъ, и только въ кіевскомъ университетѣ возобладало мнѣніе о повышеніи этой платы до 80 рублей. Въ концѣ концовъ университеты такимъ образомъ высказались за полную отмѣну гонорара и сложеніе лишней тяготы со студентовъ.

Въ предложеніи министерства народнаго просвѣщенія совѣтамъ шести университетовъ о разсмотрѣніи гонорарнаго вопроса сказано, что онъ не иначе можетъ быть окончательно рѣшенъ, какъ законодательнымъ порядкомъ. Остается только пожелать, чтобы и въ слѣдующихъ инстанціяхъ, т.-е. и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, и въ государственномъ совѣтѣ система гонорара встрѣтила такое же осужденіе, какое оно нашла уже въ печати и въ университетскихъ совѣтахъ. Каково бы, однако, ни было окончательное рѣшеніе вопроса,

нельзя не порадоваться тому, что подавляющее большинство профессоровъ отнеслось къ системѣ гонорара самымъ отрицательнымъ образомъ.

Прибавимъ еще, что доклады гонорарныхъ коммиссій заключаютъ въ себѣ весьма цѣнный матеріалъ для сужденія о результатахъ этой системы за тринадцать лѣтъ ея существованія, и что отмѣна гонорара должна была бы повлечь за собою, какъ на то также указываютъ эти доклады, пересмотръ нѣкоторыхъ статей устава 1884 г. Но объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ слѣдуетъ поговорить особо.

Н. Карѣевъ

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1898.

Особенности новѣйшей международной политики.—Система союзовъ и соглашеній.—Колоніальная предпріимчивость и военныя традиціи.—Милитаризмъ и миролюбіе.—Главныя событія истекшаго года.—Восточныя дѣла и турецкое общественное мнѣніе.—Парламентскія войны и стычки.—Министерскія перемѣны.—Рабочее движеніе.

Истекшій годъ внесъ мало новаго и плодотворнаго въ политическую жизнь западной Европы. Главнѣйшее событіе—греко-турецкая война—было логическимъ послѣдствіемъ безконечныхъ дипломатическихъ проволочекъ и разногласій между державами по вопросу о судьбѣ Кандіи и ея христіанскаго населенія, возставшаго противъ турецкаго гнета. Согласіе кабинетовъ относительно необходимыхъ практическихъ мѣръ всегда устанавливалось слишкомъ поздно; но оно оказывало все-таки сильное вліяніе на ходъ восточныхъ дѣлъ, ограничивало предѣлы и значеніе возникавшихъ конфликтовъ, сдерживало Турцію и не допустило полнаго разгрома Греціи.

Совмѣстная коллективная политика въ области международныхъ задачъ, имѣющихъ прямую или косвенную связь съ интересами общаго мира, настолько вошла уже въ нравы и традиціи европейской дипломатіи, что всякая попытка какой-либо державы дѣйствовать отдѣльно и самостоятельно въ этой области кажется теперь чѣмъ-то непозволительнымъ и вызываетъ энергическіе упреки и протесты общественнаго мнѣнія. Система прочныхъ союзовъ и соглашеній обнимаетъ въ настоящее время всю континентальную Европу: „союзы“ дѣлятъ ее какъ будто на два враждебные лагеря, которые въ дѣйствительности объединяются частными соглашеніями подъ знаменемъ мира. То, что̀ введено было княземъ Бисмаркомъ съ воинственными цѣлями, превратилось въ надежное орудіе мирнаго единенія, которое, быть можетъ, со временемъ подготовитъ почву для постоянной обще-европейской международной организаціи. Когда Германія предпринимаетъ какой-нибудь серьезный шагъ на дальнемъ Востокѣ,—напр., при недавнемъ столкновеніи съ Китаемъ и при послѣдовавшемъ затѣмъ занятіи города и бухты Кіао-Чау,—она сообщаетъ объ этомъ заранѣе Россіи и слѣдовательно также Франціи, для избѣжанія возможныхъ недоразумѣній или ошибочныхъ толкованій; также точно и Россія предупреждаетъ другія державы о своемъ намѣреніи оставить эскадру для зи-

мовки въ незамерзающей гавани Портъ-Артура. Ничто не дѣлается во внѣшней политикѣ безъ вѣдома заинтересованныхъ государствъ; каждое изъ послѣднихъ можетъ въ свою очередь принять мѣры для охраны своихъ особыхъ интересовъ, также съ согласія другихъ, и въ общемъ получается правильная система соглашеній, измѣняющая самый характеръ дипломатіи. Даже раздѣлъ наиболѣе выгодныхъ прибрежныхъ территорій Китая между европейскими націями,—о чемъ въ послѣднее время серьезно говорили газеты,—совершился бы не только по взаимному согласію участниковъ и конкуррентовъ, но и съ согласія самой китайской имперіи: таковъ уже духъ компромисса, свойственный нынѣ международнымъ отношеніямъ и предпріятіямъ. Этотъ духъ проявляется между прочимъ и въ личныхъ свиданіяхъ государей и правителей, равно какъ и въ съѣздахъ и совѣщаніяхъ ихъ руководящихъ министровъ. Активное соперничество между Австро-Венгріею и Россіею на Балканскомъ полуостровѣ, повидимому, не существуетъ больше; пребываніе императора Франца-Іосифа въ Петербургѣ, въ апрѣлѣ прошлаго года, было не только визитомъ вѣжливости, но свидѣтельствовало о перемѣнѣ политической атмосферы, какъ это подтверждено было позднѣе тронною рѣчью 17-го ноября (нов. ст.) при пріемѣ делегацій и откровенными объясненіями графа Голуховскаго. Дружественныя чувства къ Россіи выражаются и Вильгельмомъ II, который въ бытность свою въ Петергофѣ, 8-го августа (28-го іюля), торжественно заявлялъ о солидарности обѣихъ сосѣднихъ имперій въ заботахъ о сохраненіи мира. Наконецъ, наши близкія отношенія съ Франціею еще болѣе укрѣпились, благодаря поѣздкѣ президента французской республики въ Россію, въ августѣ, при чемъ впервые было оффиціально произнесено завѣтное слово: „alliance“.

Миръ и дружба царствуютъ повсюду между культурными націями; но милліонныя арміи не сокращаются, а увеличиваются по мѣрѣ средствъ и силъ; военные бюджеты ростутъ прогрессивно, и вмѣстѣ съ ними начинаютъ рости въ грандіозныхъ размѣрахъ затраты на сооруженіе могущественныхъ военныхъ флотовъ, особенно со времени японско-китайской войны. Германія съ наибольшею энергіею стремится занять мѣсто въ ряду первоклассныхъ морскихъ державъ; въ этомъ смыслѣ выработанъ ея правительствомъ и настойчиво защищается въ имперскомъ сеймѣ широкій проектъ, предполагающій колоссальное увеличеніе морского бюджета. Въ далекихъ краяхъ и моряхъ ожидаются захваты новыхъ колоній для передовыхъ европейскихъ народовъ; Африка уже почти вся раздѣлена, и такая же судьба предстоитъ и восточной Азіи, бѣдствующей подъ безсильнымъ китайскимъ владычествомъ, которое тщетно ищетъ опоры въ робкихъ попыткахъ реформъ. Мечты нѣкоторыхъ китайскихъ реформаторовъ объ

оживленіи и обновленіи ихъ отечества при существующемъ традиціонномъ режимѣ останутся напрасными, и во всякомъ случаѣ онѣ не помѣшаютъ Европѣ распорядиться по-своему и устроить для себя приморскія колоніальныя владѣнія въ предѣлахъ Китая. Германія, съ ея возрастающими избытками культурнаго и трудолюбиваго населенія, несомнѣнно нуждается въ колоніяхъ, и ея энергическія усилія къ созданію военнаго флота имѣютъ въ этомъ свое оправданіе. Труднѣе объяснить постепенный ростъ сухопутныхъ армій и ихъ бюджетовъ при всеобщемъ неуклонномъ миролюбіи великихъ державъ.

Военный духъ крѣпко держится не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ; необычайное патріотическое возбужденіе, вызванное во Франціи спорами о возможной судебной ошибкѣ по дѣлу Дрейфуса, наглядно показало, въ какой степени укоренилось во французскомъ обществѣ исключительное, почти болѣзненное отношеніе ко всему, касающемуся арміи, и какою лихорадочною жизненностью обладаютъ воинственныя чувства французовъ относительно нѣмцевъ и Эльзаса-Лотарингіи. Толки о систематическомъ шпіонствѣ, о секретныхъ сношеніяхъ германскихъ военныхъ агентовъ съ продажными французскими офицерами, о постоянныхъ стараніяхъ найти доступъ къ военнымъ тайнамъ сосѣдей, раскрываютъ печальную изнанку внѣшняго вооруженнаго мира. Страстная вѣра въ призваніе арміи смыть позоръ Седана, т.-е. одолѣть Германію въ новой кровавой борьбѣ, обнаружилась съ неожиданной силою во многихъ эпизодахъ недавней полемики о дѣлѣ Дрейфуса. Инстинкты войны дремлютъ подъ покровомъ мирной будничной жизни; они обуздываются сильнѣйшими матеріальными и нравственными интересами, всѣмъ современнымъ бытомъ и культурою народовъ, но, очевидно, могутъ еще вырваться на просторъ и навлечь неисчислимыя бѣдствія на Европу, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ и увлеченій. И для нынѣшнихъ французовъ, какъ и для средневѣковыхъ, нѣтъ ничего выше и священнѣе военной славы; они чувствуютъ и исповѣдуютъ это такъ ярко, съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ, что никто не усомнится въ полной искренности ихъ военно-политическихъ идеаловъ. Крайніе радикалы, въ родѣ Рошфора, ничѣмъ не отличаются въ этомъ отношеніи отъ бонапартистовъ и реакціонеровъ; военный патріотизмъ вызываетъ въ нихъ порывы какого-то безотчетнаго повальнаго безумія, непонятнаго для постороннихъ наблюдателей. Иностранцы не могли объяснить себѣ, почему большинство французовъ увлекалось до самозабвенія генераломъ Буланже и его чернымъ конемъ; многіе неспособны также понять, отчего мысль о пересмотрѣ отдѣльнаго военно-судебнаго дѣла представляется величайшею опасностью для страны и побуждаетъ людей съ яростью обвинять другъ друга въ желаніи унизить армію и про-

дать отечество врагамъ. Враги, т.-е. нѣмцы, хранятъ военныя традиціи съ гораздо бо̀льшимъ спокойствіемъ и самообладаніемъ; и когда императоръ Вильгельмъ II по какому-нибудь случаю упоминаетъ о грозномъ мечѣ или о „покрытомъ бронею кулакѣ",—какъ недавно въ Килѣ, при прощальномъ обращеніи къ принцу Генриху, отправлявшемуся съ эскадрою въ китайскія воды,—то нѣмецкія газеты и нѣмецкая публика отлично понимаютъ, что употребленныя выраженія не должны быть толкуемы буквально и вовсе не предвѣщаютъ войны. Прусскій милитаризмъ есть учрежденіе, составная часть государственнаго строя; французскій культъ арміи лежитъ въ самыхъ правахъ и понятіяхъ общества, въ его задушевныхъ стремленіяхъ и мечтаніяхъ. Въ Германіи нѣтъ популярныхъ генераловъ или вообще военныхъ; тамъ любимцы толпы рѣдко принадлежатъ къ арміи, тогда какъ во Франціи военный мундиръ чаще всего привлекаетъ широкія общественныя симпатіи. Французы не признаютъ и не понимаютъ патріотизма безъ военной подкладки или обстановки; въ этомъ отношеніи армія играетъ у нихъ даже болѣе значительную роль, чѣмъ у нѣмцевъ.

Такимъ образомъ, въ западной Европѣ замѣчается двойственность политическихъ настроеній: съ одной стороны, государства и народы стремятся къ согласію и единству въ главныхъ вопросахъ текущей политики, избѣгая всего, что̀ можетъ дать поводъ къ пререканіямъ и замѣшательствамъ, а съ другой стороны—грандіозныя вооруженія направляются къ опредѣленнымъ національнымъ цѣлямъ, соотвѣтствующимъ военному духу различныхъ націй. Практика компромиссовъ и соглашеній служитъ какъ бы прикрытіемъ для внутренней международной розни и вражды. Желательно думать, что дипломатическая практика повліяетъ и на общественныя понятія и идеи, что она смягчитъ значеніе милитаризма и поставитъ извѣстныя границы воинственнымъ инстинктамъ и традиціямъ. Практика жизни вырабатываетъ свои обязательные принципы, которымъ по неволѣ подчиняются старые идеалы и мечтанія. Нѣтъ болѣе миролюбивой страны, чѣмъ Франція за послѣднія десятилѣтія, несмотря на всю силу господствующихъ въ ней военно-патріотическихъ чувствъ. Германія, наиболѣе озабоченная вооруженіями, ни разу не нарушила мира со времени своихъ побѣдъ надъ Франціею. Это практическое миролюбіе тѣсно связано, безъ сомнѣнія, съ установившеюся системою союзовъ.

Если воинственность когда-нибудь достойна сочувствія, то, конечно, прежде всего при заступничествѣ за угнетенныхъ и бѣдствующихъ. Греція однако вызывала только раздраженіе въ Европѣ своею настойчивою рѣшимостью помочь злосчастнымъ кандіотамъ. Она не съумѣла вмѣшаться тогда, когда это могло принести пользу критянамъ; она слишкомъ откровенно руководилась мыслью присоединить островъ къ

своимъ владѣніямъ и раздвинуть свои границы на счетъ Турціи, для чего и готовилась къ войнѣ. Греческое правительство приступило къ задуманнымъ дѣйствіямъ въ самый неблагопріятный для себя моментъ, когда дѣло умиротворенія Крита находилось уже въ рукахъ европейской дипломатіи и когда броненосцы великихъ державъ охраняли критскія воды. Аѳинскіе патріоты располагали ничтожными военными силами и средствами; они твердо вѣрили въ чудеса и храбро выступили противъ Турціи вопреки совѣтамъ и угрозамъ Европы. Въ началѣ февраля удалось полковнику Вассосу пробраться на Критъ съ своимъ отрядомъ и водвориться отъ имени Греціи во внутренней части острова; вслѣдъ затѣмъ европейскія эскадры заняли Канею и нѣкоторые другіе прибрежные пункты. Борьба броненосцевъ противъ войскъ Вассоса и поддерживаемыхъ имъ критянъ представляла нѣчто странное и грустное. Державамъ пришлось дѣйствовать за-одно съ турками противъ грековъ и союзныхъ съ ними туземныхъ христіанъ; особенно памятна въ этомъ отношеніи бомбардировка форта Малаксы, занятаго инсургентами. Въ самой Греціи возбужденіе росло, и 18 (6) апрѣля началась формальная война. Черезъ нѣсколько дней греки успѣли убѣдиться въ огромномъ превосходствѣ турецкихъ военныхъ силъ, которыя неудержимо подвигались впередъ въ Ѳессаліи, подъ начальствомъ Эдхема-паши. Турки заняли Лариссу и Турнавосъ; неудачные греческіе полководцы повторяли въ своихъ депешахъ обычныя фразы о численномъ превосходствѣ непріятелей, и тысячи людей погибали безъ цѣли и смысла, не пытаясь даже защищаться серьезно. Остатки греческихъ войскъ были окончательно разбиты при Домокосѣ, 17 (5) мая, послѣ чего великія державы, съ Россіею во главѣ, побудили, наконецъ, турецкаго султана положить конецъ кровопролитію. Министерство Дельяниса, столь легкомысленно вовлекшее Грецію въ эту нелѣпую войну, пало еще въ апрѣлѣ; оно уступило мѣсто кабинету Ралли, который держался затѣмъ до сентября. Европейской дипломатіи предстояла трудная и щекотливая задача—заставить побѣдоносную Турцію отказаться отъ занятой ея войсками Ѳессаліи и удовольствоваться возможно болѣе скромными условіями мира. Греція спаслась отъ разгрома исключительно благодаря заботливой опекѣ Европы. Допущено было только нѣкоторое измѣненіе ѳессалійской границы въ пользу турокъ; послѣ многихъ усилій достигнуто было согласіе Порты на эти важныя уступки, и проектъ новой границы былъ принятъ и утвержденъ въ іюнѣ. Англія настаивала, чтобы назначенъ былъ точный и непродолжительный срокъ для очищенія Ѳессаліи турками; съ этимъ согласились и другія державы. Цифра военнаго вознагражденія опредѣлена въ 4 милліона фунтовъ стерлинговъ. На

такихъ основаніяхъ подписанъ 18 (6) сентября предварительный миръ, а окончательный заключенъ лишь 4 декабря.

Почти цѣлый годъ тянулась эта печальная исторія, такъ много повредившая не только грекамъ, но и всѣмъ христіанскимъ народностямъ Турціи. Военныя побѣды дали туркамъ возможность повысить тонъ въ сношеніяхъ съ европейской дипломатіей относительно реформъ и уступокъ въ пользу подвластныхъ христіанъ; пресловутыя армянскія реформы совершенно забыты, и вопросъ объ участіи Кандіи остался въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ и раньше. Автономія острова давно признана въ принципѣ, но какъ осуществить ее на практикѣ и какъ примирить съ присутствіемъ турецкихъ гарнизоновъ и командировъ—это столь же мало извѣстно теперь, какъ и прежде. Кандидаты, поочередно предлагаемые на постъ критскаго генералъ-губернатора, отказываются отъ этой сомнительной чести, пока не выяснена будущая роль турецкихъ войскъ и ихъ начальниковъ на островѣ. Общее положеніе восточныхъ дѣлъ значительно ухудшилось; въ мусульманствѣ замѣчается патріотическій подъемъ духа, и Порта прониклась самоувѣренностью, опираясь на новую силу турецкаго общественнаго мнѣнія. Армянамъ, уцѣлѣвшимъ отъ бывшихъ избіеній, предоставлено пользоваться жизнью по старому, подъ охраною турецкаго режима,—если только они не навлекутъ на себя подозрѣнія въ сочувствіи къ погибшимъ жертвамъ и въ солидарности съ неблагонамѣренными людьми, попавшими въ руки турецкаго правосудія. Армянскіе обыватели Турціи должны быть довольны великими милостями султана и щедротами его пашей, пока не подверглись обычной расправѣ по случайному почину какихъ-нибудь башибузуковъ; если же они осмѣлятся выразить безпокойство въ виду подобной шаткости и ненадежности своего существованія, то будутъ стерты съ лица земли на законномъ основаніи, по всѣмъ правиламъ турецкаго военно-полицейскаго управленія. Такія перспективы не могутъ дѣйствовать успокоительно на просвѣщенную европейскую дипломатію,—но нѣтъ практическихъ способовъ измѣнить мысли и желанія турецкихъ патріотовъ, ссылающихся притомъ на свое право распоряжаться свободно у себя дома, въ родной Турціи. Самое худшее то, что у турокъ тоже есть усердные, убѣжденные патріоты, что они тоже имѣютъ свое патріотическое общественное мнѣніе и что на эти новые элементы внутренней жизни начинаютъ серьезно ссылаться представители и дѣятели Порты. Правда, турецкое общественное мнѣніе можетъ быть упразднено въ каждый данный моментъ по желанію мѣстнаго или высшаго начальства; патріотизмъ можетъ быть сокращенъ или направленъ въ другую сторону,—но удобно ли иностранцамъ требовать ограничительныхъ мѣръ для туземнаго общественнаго мнѣнія и патріо-

тизма? Опираться на эти самобытныя политическія силы чрезвычайно удобно и заманчиво для турецкихъ пашей, когда самыя эти силы находятся въ ихъ безконтрольномъ распоряженіи и могутъ быть выпущены противъ кого угодно и затѣмъ обратно заперты или уничтожены безъ всякихъ стѣсненій. Говорятъ, что нѣкоторые министры конституціонныхъ государствъ завидуютъ такому отзывчивому и податливому общественному мнѣнію; но никто изъ нихъ—и даже графъ Бадени—не пожелалъ бы помѣняться съ турецкими сановниками, не знающими сегодня, что̀ имъ предстоитъ завтра, при всегдашней перемѣнчивости настроеній во дворцѣ султана. Турція остается тою же самою, какою была, и вопросъ о турецкихъ реформахъ надо теперь считать похороненнымъ надолго. Какъ облегчить при этомъ судьбу народностей, подвластныхъ Портѣ,—это задача, которую едва ли разрѣшитъ дипломатія при обычномъ мирномъ ходѣ вещей.

Кромѣ греко-турецкой войны, происходила въ прошломъ году еще одна продолжительная и упорная война, хотя и не кровавая,—въ австрійскомъ парламентѣ. Подробности этой борьбы волновали умы ничуть не меньше и во всякомъ случаѣ занимали гораздо больше мѣста въ газетныхъ и телеграфныхъ извѣстіяхъ, чѣмъ отчеты о битвахъ въ Өессаліи. Въ противоположность грекамъ, заблаговременно отступавшимъ предъ численнымъ превосходствомъ турокъ, маленькая группа лицъ въ палатѣ депутатовъ австрійскаго рейхсрата сама нападала на большинство съ отчаянною храбростью, неустанно бомбардировала противниковъ и брала штурмомъ одну позицію за другою, пока, наконецъ, не вынудила непріятеля къ отступленію. Въ началѣ года, австрійскій министръ-президентъ графъ Бадени возъимѣлъ несчастную мысль разрѣшить спорный вопросъ о языкахъ въ Чехіи простыми министерскими распоряженіями, безъ предварительныхъ переговоровъ съ представителями одной изъ главныхъ заинтересованныхъ сторонъ—богемскихъ нѣмцевъ. Принятыя мѣры должны были получить свою силу только съ начала наступающаго столѣтія; тѣмъ не менѣе онѣ возбудили энергическіе протесты и сдѣлались предметомъ такой страстной борьбы, какой не бывало еще въ исторіи скромнаго австрійскаго парламентаризма. Лѣтомъ, 2 іюня (нов. ст.), парламентская сессія была закрыта, но когда засѣданія возобновились въ сентябрѣ, 23 числа, палата сразу превратилась въ арену шумныхъ столкновеній и битвъ, при руководящемъ участіи нѣсколькихъ энергическихъ и неутомимыхъ дѣятелей, съ двумя героями во главѣ—Вольфомъ и Шенереромъ. Оскорбленія словами и дѣйствіями сыпались во всѣ стороны; графъ Бадени вызвалъ Вольфа на дуэль, но этимъ не успокоилъ и не удовлетворилъ своихъ враговъ. Оппозиція твердо рѣшила не допустить никакихъ правильныхъ обсужденій до тѣхъ поръ, пока не будутъ отмѣнены министерскіе цирку-

ляры, признаваемые ею незаконными; она воспользовалась при этомъ весьма удобнымъ оружіемъ — стоявшимъ на очереди правительственнымъ проектомъ возобновленія австро-венгерскаго соглашенія на дальнѣйшее десятилѣтіе — проектомъ, принятіе котораго парламентомъ было безусловно необходимо для правительства въ виду истеченія срока компромисса къ концу декабря. Чтобы помѣшать разрѣшенію этого вопроса при ненавистномъ министерствѣ графа Бадени, употреблялись необычайныя усилія и совершались неслыханные подвиги; депутатъ Лекеръ заставилъ палату слушать одну его рѣчь съ вечера 28 (16) октября до утра слѣдующаго дня; въ ночномъ засѣданіи съ 4 на 5 ноября состоялось все-таки первое чтеніе законопроекта, но до второго чтенія дѣло не дошло. Не помогли и исключительныя мѣры противъ буйствовавшихъ депутатовъ; онѣ только перенесли волненіе на улицу, и засѣданія 24 — 26 ноября окончились серьезными безпорядками въ Вѣнѣ. Графъ Бадени не могъ остаться у власти при такомъ возбужденіи умовъ; 28-го числа онъ вышелъ въ отставку. Преемникомъ его назначенъ баронъ Гаучъ фонъ Ротентурнъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, человѣкъ еще сравнительно молодой — 46 лѣтъ отъ роду. Парламентская сессія прекратилась, и новый кабинетъ обнаруживаетъ рѣшимость возстановить мирныя отношенія съ оппозиціонною нѣмецкою партіею, безъ ущерба для интересовъ чешскаго населенія. Соглашеніе съ Венгріею возобновлено пока на одинъ годъ императорскимъ указомъ, согласно конституціи. Депутаты Шенереръ и Вольфъ одержали побѣду при помощи средствъ, которыя трудно назвать парламентскими; оба они удивляли публику своими громовыми голосами и выказали необыкновенную личную физическую силу въ происходившихъ стычкахъ. Эта война не сопровождалась тяжелыми жертвами и не разоряла государства, какъ греко-турецкая; она привела къ практическому результату, котораго добивались австрійскіе нѣмцы,—хотя и цѣною временнаго упадка нравственнаго авторитета парламента и парламентаризма въ Австріи.

Въ Германіи парламентская дѣятельность отличается дѣловитостью и спокойствіемъ; даже рѣзкія стычки между членами правительственныхъ партій и соціаль-демократами имѣютъ какой-то академическій, резонерскій характеръ. Парламентъ не вліяетъ на назначеніе и смѣну министровъ, хотя и критикуетъ и отвергаетъ ихъ проекты безъ всякихъ стѣсненій. Законъ объ ограниченіи права публичныхъ собраній, направленный преимущественно противъ соціаль-демократіи, горячо отстаивался прусскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-деръ-Реке, и отчасти также новымъ вице-президентомъ прусскаго министерства,

Микелемъ; но изъ самаго обсужденія его выяснилось, что полицейской власти предоставлено было бы отличать соціалистическія идеи или замѣчанія отъ не-соціалистическихъ по собственному усмотрѣнію въ каждомъ данномъ случаѣ, и всякая сходка могла бы быть закрыта подъ предлогомъ соціализма, что̀ равносильно было бы стѣсненію или даже упраздненію права публичныхъ собраній для всѣхъ вообще нѣмецкихъ гражданъ,—а это не входило въ намѣренія консервативныхъ и умѣренно-либеральныхъ группъ парламента. Законопроектъ окончательно потерпѣлъ неудачу; палата депутатовъ прусскаго сейма рѣшительно отклонила его въ засѣданіи 24-го (12) іюля, несмотря на защиту его Микелемъ.

Общій ходъ дѣлъ въ Пруссіи нисколько не измѣнился съ отставкою фонъ-Беттихера, бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ вице-президентомъ прусскаго министерства и главнымъ руководителемъ внутренней политики страны; по прежнему существуетъ и поддерживается антагонизмъ между политическими стремленіями правительства и господствующимъ общественнымъ мнѣніемъ; министры склонны ограничивать и запрещать то, что̀ есть внѣшній признакъ нежелательныхъ имъ внутреннихъ теченій національной жизни, но измѣнить или направить въ другую сторону самыя эти теченія они не въ состояніи. Нѣмецкая соціаль-демократія долго подвергалась преслѣдованіямъ и стѣсненіямъ; она должна была скрываться въ полутьмѣ—и овладѣвала умами съ поразительнымъ успѣхомъ, пользуясь пріобрѣтеннымъ ею при содѣйствіи правительства ореоломъ таинственности. Подъ покровомъ запретительныхъ мѣръ партія выросла и окрѣпла, нашла массу сторонниковъ и получила прочную организацію; ея популярность усиливалась съ каждымъ днемъ,—и специальные законы, приведшіе къ столь страннымъ результатамъ, были отмѣнены. Соціаль-демократія могла дѣйствовать открыто, и первымъ послѣдствіемъ этой свободы было появленіе внутреннихъ раздоровъ между вождями партій, отпаденіе отъ нея группы „независимыхъ" или молодыхъ, постепенное превращеніе бывшихъ апостоловъ соціализма въ буржуазныхъ парламентскихъ дѣятелей, невольно идущихъ на компромиссы и сохраняющихъ свои широкіе принципы только для избирательныхъ программъ. На ежегодныхъ съѣздахъ партіи раздаются жестокія нападки на произвольное распоряженіе денежными ея фондами со стороны центральнаго бюро, на неправильное и одностороннее веденіе ея оффиціальнаго органа „Vorwärts", на чрезмѣрныя притязанія и деспотическіе пріемы Либкнехта и Бебеля. Принципіальные вопросы обсуждаются рѣдко, большею частью только на почвѣ личныхъ пререканій, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы уязвить непріятнаго сочлена, обвинить въ отступничествѣ или оппортунизмѣ. Такъ было и на послѣднемъ кон-

грессѣ въ Гамбургѣ, гдѣ депутатъ Максъ Шиппель имѣлъ неосторожность высказать ту заурядную патріотическую мысль, что нельзя отказывать въ хорошемъ оружіи нѣмецкимъ солдатамъ, когда имъ придется, быть можетъ, дѣйствовать противъ хорошо вооруженныхъ иностранныхъ армій; это замѣчаніе вызвало цѣлый походъ противъ Шиппеля въ слѣдующемъ же засѣданіи, такъ какъ допущеніе военнаго бюджета въ нынѣшнемъ его видѣ противорѣчитъ основнымъ идеямъ партіи. Виновный не рѣшился выступить въ свою защиту, предоставивъ сдѣлать это самому Либкнехту; послѣдній оправдывалъ его, какъ могъ, признавалъ неудачность выраженія и просилъ отнестись къ Шиппелю снисходительно. Шиппель остался, конечно, при своихъ взглядахъ, но будетъ уже остерегаться говорить откровенно передъ несочувствующею ему аудиторіею. Въ сущности основные принципы партіи давно оставлены въ сторонѣ; они постоянно забываются ея представителями и вождями съ тѣхъ поръ какъ она сдѣлалась вполнѣ парламентскою, практическою партіею. Соціалистъ Бебель считается теперь однимъ изъ сильнѣйшихъ и интереснѣйшихъ ораторовъ германскаго парламента; онъ всегда оживляетъ пренія своими умными и дѣльными указаніями, яркими житейскими примѣрами и доводами, оригинальными оборотами мысли и фразы. Онъ даетъ часто матеріалъ для продолжительныхъ обсужденій и споровъ; иногда около одной его рѣчи вертятся пренія въ продолженіе нѣсколькихъ засѣданій. Въ имперскомъ сеймѣ, 11-го декабря (нов. ст.), Бебель говорилъ противъ представленнаго правительствомъ бюджета; онъ успѣлъ затронуть столько вопросовъ и вѣдомствъ своею ѣдкою критикою, что ему должны были поочередно возражать почти всѣ министры, начиная съ самого канцлера. Обстоятельныя рѣчи произнесены по этому поводу княземъ Гогенлоэ, военнымъ министромъ фонъ-Госслеромъ, статсъ-секретаремъ по внутреннимъ дѣламъ графомъ Посадовскимъ, министромъ торговли и промышленности Брефельдомъ и саксонскимъ уполномоченнымъ въ союзномъ совѣтѣ, графомъ Гогенталемъ; сверхъ того нѣсколько словъ сказалъ морской министръ Тирпицъ. Эти отвѣтныя рѣчи заняли почти два засѣданія, 11 и 13 декабря. Дѣло шло о важныхъ практическихъ предметахъ, и еслибы въ рѣчахъ не упоминалось имя Бебеля, то трудно было бы догадаться, что представители имперской власти спорятъ съ вождемъ соціализма: это былъ просто обмѣнъ спокойныхъ дѣловыхъ разсужденій между людьми, одинаково признающими необходимость руководствоваться общими интересами Германіи и ея народа, но различно понимающими эти интересы на практикѣ. Соціаль-демократія сдѣлалась во многомъ оппортунистскою; это видно и изъ недавняго рѣшенія участвовать въ предстоящихъ выборахъ въ прусскую палату депутатовъ, несмотря на то, что прусское избирательное право

основано на принципахъ, безусловно отвергаемыхъ соціалистами. Умѣренно-консервативная часть нѣмецкаго общества могла убѣдиться на дѣлѣ, что соціаль-демократическая партія перестала быть опасною и революціонною со времени равноправнаго выступленія ея на публичную парламентскую арену; оттого прусскій законопроектъ объ ограниченіи права публичныхъ собраній былъ мало популяренъ даже между консерваторами и встрѣтилъ оппозицію среди такихъ испытанныхъ союзниковъ правительства, какъ національ-либералы.

Мало измѣнилось также направленіе внѣшней германской политики съ выходомъ въ отставку статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, Маршалля фонъ-Биберштейна, и съ замѣною его фонъ-Бюловымъ. Занятіе китайской бухты Кіао-Чау мотивировано слѣдующимъ образомъ въ тронной рѣчи, которою открыта была 30-го ноября (нов. ст.) сессія имперскаго сейма: „Убійство нѣмецкихъ миссіонеровъ и нападенія на состоящія подъ моимъ императорскимъ покровительствомъ и близкія моему сердцу учрежденія миссій въ Китаѣ вынудили меня послать мою восточно-азіатскую эскадру въ ближайшую къ мѣсту дѣйствія бухту Кіао-Чау и высадить тамъ войска, чтобы добиться полнаго возмездія и надлежащихъ гарантій противъ повторенія подобныхъ печальныхъ событій“. Такъ какъ городъ Кіао-Чау находится на полуостровѣ, ограничивающемъ съ юго-востока Печилійскій заливъ, а на берегу послѣдняго помѣщается столица Китая, Пекинъ, то военная мѣра Германіи, хотя и вызванная случайными обстоятельствами, можетъ имѣть важное политическое значеніе для будущаго. Оккупація совершилась безъ сопротивленія со стороны китайцевъ. Двѣ сотни нѣмецкихъ матросовъ съ двумя орудіями вступили въ городъ Кіао-Чау, расположенный въ 18 миляхъ разстоянія отъ бухты того же имени, и заняли городскія стѣны и укрѣпленія (3-го декабря нов. ст.); отправленныя затѣмъ дальнѣйшія военныя силы съ эскадрою принца Генриха составятъ въ общемъ отрядъ въ $4^1/_2$ тысячи человѣкъ. Германская дипломатія требуетъ не только строгаго наказанія виновныхъ въ разгромѣ нѣмецкихъ миссій и крупнаго денежнаго вознагражденія, но также отвода значительныхъ угольныхъ копей близъ бухты и предоставленія устроить желѣзныя дороги на полуостровѣ; изъ этого видно, что занятая мѣстность не будетъ покинута нѣмцами по полученіи удовлетворенія отъ Китая.

Въ Англіи главныя событія истекшаго года—празднованіе шестидесятилѣтняго юбилея царствованія королевы Викторіи въ іюнѣ, попытки сблизиться съ Канадою и съ другими колоніями, для образованія великой британской федераціи, голодъ въ Индіи и война съ горными племенами у границъ Афганистана. Въ сферѣ внутренней жизни

обращаетъ на себя особенное вниманіе продолжающаяся съ лѣта стачка машиностроительныхъ рабочихъ, которой противостоитъ такая же стачка заводчиковъ; споръ возникъ преимущественно изъ-за требованія рабочихъ установить восьмичасовой рабочій день, и хозяева не обнаруживали готовности къ соглашенію, надѣясь на этотъ разъ покончить съ однимъ изъ богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ рабочихъ союзовъ Англіи. Машиностроительный союзъ имѣлъ въ своей кассѣ свыше 300 тысячъ фунтовъ стерлинговъ (до 3 милл. рублей), когда началась стачка, и онъ давно бы разорился или долженъ былъ бы сдаться на капитуляцію, еслибы не пользовался щедрою денежною поддержкою отъ рабочихъ обществъ не только Англіи, но и Германіи и Франціи. Союзъ выдаетъ еженедѣльно по 35 тысячъ фунтовъ на содержаніе 80 тысячъ рабочихъ; въ субботу 18 (6) декабря была уже 24-я выдача такого рода, и слѣдовательно всего выдано рабочимъ, взамѣнъ заработной платы, до 840 тысячъ фунтовъ (болѣе 8 милліоновъ рублей!) со времени пріостановки работъ. Союзъ получаетъ правильные взносы и субсидіи съ разныхъ концовъ страны, такъ что онъ могъ сохранить еще почти половину своего первоначальнаго капитала для покрытія другихъ обязательныхъ расходовъ (на пенсіи, выдачи по страхованію и т. п.). Хозяева, которые сами терпятъ огромные убытки, начинаютъ разочаровываться въ своихъ ожиданіяхъ; но происходившіе до сихъ поръ переговоры объ условіяхъ компромисса не привели еще къ положительному результату. Общественное мнѣніе высказывалось въ началѣ противъ рабочихъ, находя требованія ихъ произвольными и притомъ выраженными въ неподходящей формѣ ультиматума; но впослѣдствіи стало ясно, что заводчики желаютъ избавиться отъ рабочихъ союзовъ вообще и съ этою цѣлью отказали отъ работы всѣмъ членамъ рабочихъ организацій. Практика массовыхъ отказовъ людямъ, желающимъ работать, служитъ орудіемъ борьбы противъ устроителей рабочаго движенія или стачки; такая практика не можетъ пользоваться сочувствіемъ въ обществѣ, и англійская печать, не исключая даже консервативнаго „Times“, относится съ порицаніемъ къ федераціи хозяевъ, искусственно затягивающей стачку послѣ ряда уступокъ со стороны рабочихъ. Полное спокойствіе, съ какимъ ведутъ себя десятки тысячъ рабочихъ, считающихъ себя произвольно отпущенными съ заводовъ и, слѣдовательно, обиженными, вызываютъ симпатію и одобреніе во всѣхъ классахъ англійскаго общества; рабочіе ждутъ исхода легальнаго спора въ мирномъ сознаніи своихъ легальныхъ правъ и интересовъ, и если окажется, что они ошиблись въ разсчетѣ, они примутъ неудачу столь же спокойно, какъ результатъ своихъ собственныхъ увлеченій и какъ полезный урокъ для будущаго.

Въ остальныхъ государствахъ западной Европы продолжалось сравнительное затишье въ политической жизни.

Франція не имѣла ни одного министерскаго кризиса, и кабинетъ Мелина ловко обходитъ всякіе подводные камни, попадающіеся ему на пути; онъ выдержалъ, безъ ущерба для своего авторитета, даже такую непостижимую бурю, какъ отчаянная газетная перепалка по поводу дѣла Дрейфуса-Эстергази,— хотя подобнаго общественнаго умопомраченія было бы достаточно для сверженія нѣсколькихъ министерствъ.

Въ Италіи кабинетъ Рудини подкрѣпился (въ началѣ декабря) привлеченіемъ въ его составъ наиболѣе выдающагося и талантливаго представителя лѣвой, Цанарделли; новая министерская комбинація весьма популярна въ странѣ и повидимому обѣщаетъ быть долговѣчною.

Въ Испаніи правительство все еще считаетъ своею главною задачею насильственное подчиненіе и умиротвореніе Кубы, на что̀ тратитъ значительнѣйшую часть средствъ бѣднаго вообще государства; кубанцы, однако, воюютъ понемножку и не хотятъ оставаться подъ испанскою властью,—и они могутъ дѣйствовать въ этомъ родѣ еще очень долгое время, истощая терпѣніе и рессурсы метрополіи. Новый министръ-президентъ Сагаста, замѣнившій убитаго въ августѣ Кановаса дель-Кастильо, обѣщалъ Кубѣ автономію; но возможно ли въ дѣйствительности устроить эту автономію, при сохраненіи оффиціальнаго владычества Испаніи надъ злополучнымъ островомъ,—сказать трудно.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1898.

— Бенжаменъ Киддъ. Соціальная эволюція. Съ предисловіями Н. К. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Переводъ съ англійскаго. Спб., 1897 (изд. Н. О. Поповой).
— Веніаминъ Киддъ. Соціальное развитіе (Social Evolution). Съ предисловіемъ проф. Вейсмана. Переводъ съ англійскаго М. Чепинской. Спб., 1897 (изд. Ф. Павленкова).

Книга Кидда, появившаяся въ оригиналѣ три года тому назадъ, едва ли обратила бы на себя особенное вниманіе за границей, еслибы не была снабжена одобрительнымъ предисловіемъ такого авторитетнаго ученаго, какъ профессоръ Вейсманъ. Имя Вейсмана часто упоминалось въ послѣдніе годы въ научной литературѣ и пріобрѣло даже значительную популярность, благодаря полемикѣ его съ Гербертомъ Спенсеромъ. Вейсманъ дополнилъ ученіе Дарвина весьма существеннымъ выводомъ, основаннымъ на многихъ біологическихъ данныхъ,— выводомъ, смыслъ котораго заключается въ томъ, что борьба за существованіе играетъ главную роль не только въ усовершенствованіи организмовъ, но и въ закрѣпленіи и удержаніи пріобрѣтенныхъ послѣдними преимуществъ. Киддъ опирается на теорію Вейсмана въ своихъ разсужденіяхъ, и Вейсманъ рекомендуетъ его „удивительную" (или „замѣчательную", въ переводѣ г-жи Чепинской) книгу, въ качествѣ „строго-объективнаго научнаго изслѣдованія", построеннаго на „послѣднихъ данныхъ біологіи". По словамъ Вейсмана, авторъ „старается извлечь изъ разнообразныхъ общественныхъ явленій, какъ нашихъ, такъ и прошлыхъ временъ, все существенное, старается изслѣдовать и обсудить его спокойно и безпристрастно". Біологія даетъ автору матеріалъ для новыхъ и смѣлыхъ обобщеній по вопросу о человѣческомъ прогрессѣ. „Подобно тому, какъ у животныхъ, живущихъ въ условіяхъ вѣчнаго мрака, глаза атрофируются вслѣдствіе того, что они являются безполезными и потому не подпадаютъ дѣйствію отбора, такъ и человѣческое общество должно регрессировать, какъ скоро въ

его средѣ подавлено соперничество. Заключеніе это неблагопріятно для соціалистическихъ стремленій, если только эти ученія дѣйствительно увѣрены, что могутъ устранить господствующее въ человѣческомъ обществѣ соперничество, искусственно регулировать приростъ населенія и авторитетно указать каждому члену его мѣсто среди даннаго общества". Но вмѣстѣ съ тѣмъ Киддъ „признаетъ главною цѣлью развитія общества подъемъ и улучшеніе положенія низшихъ классовъ населенія, хотя онъ видитъ въ этомъ же средствѣ орудіе для дальнѣйшаго развитія, ибо оно нисколько не устраняетъ соперничества, а скорѣе наоборотъ, распространяетъ его дѣйствіе на болѣе обширныя области жизни". Самымъ замѣчательнымъ кажется Вейсману взглядъ Кидда на религію, какъ на важнѣйшее орудіе подчиненія личныхъ интересовъ общественнымъ и какъ на необходимое поэтому условіе успѣха и побѣды въ общественной борьбѣ.

Профессоръ Вейсманъ вполнѣ вѣрно резюмируетъ главныя идеи Кидда въ своемъ маленькомъ предисловіи; но всякій, кто прочтетъ самую книгу, долженъ будетъ убѣдиться, что она имѣетъ очень мало общаго съ „строго-объективнымъ изслѣдованіемъ", что она полна поверхностныхъ замѣчаній и ничѣмъ не доказанныхъ положеній, и что въ ней проявляется странная вѣра въ чудодѣйственную силу слова „эволюція".

Появленіе у насъ книги Кидда сразу въ двухъ переводахъ свидѣтельствуетъ о значительномъ спросѣ на „эволюцію" среди нашей образованной публики; для многихъ этотъ терминъ самъ по себѣ есть уже признакъ научности и глубокомыслія, и то, чего никакъ нельзя было бы извлечь изъ скромнаго слова „развитіе", дается очень легко и просто подъ прикрытіемъ моднаго понятія объ эволюціи. Когда говорятъ о послѣдовательномъ развитіи цѣлаго общества или какого-нибудь отдѣльнаго учрежденія или института, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что это развитіе имѣетъ опредѣленный, правильный ходъ и совершается по извѣстнымъ обязательнымъ законамъ; но когда то же самое понятіе передается словомъ „эволюція", то мысль о правильномъ ходѣ явленій и объ опредѣляющихъ его законахъ незамѣтно вплетается въ наши разсужденія, сообщаетъ имъ особый тонъ и характеръ, служитъ исходной точкой для обобщеній, для которыхъ нѣтъ достаточнаго матеріала въ фактахъ. Есть слова, которыя дѣйствуютъ на умы въ извѣстномъ направленіи, независимо отъ обозначаемыхъ ими понятій,—именно потому, что эти слова слишкомъ неопредѣленны или двусмысленны, и что они заранѣе предполагаютъ въ явленіяхъ то, что надо еще отыскать въ нихъ и выяснить: къ числу подобныхъ словъ, сбивающихъ нашу мысль съ пути истины, несомнѣнно принадлежитъ модная нынѣ „эволюція". Любопытно, что изъ двухъ перево-

довъ книги Кидда одинъ—въ изданіи г. Павленкова—производитъ не такое впечатлѣніе, какъ другой, въ изданіи г-жи Поповой, — единственно лишь благодаря употребленію слова „развитіе“ вмѣсто эволюціи—не только въ заглавіи, но часто и въ текстѣ. Еслибы сдѣланъ былъ опытъ, и все содержаніе книги Кидда передано было въ точности, съ совершеннымъ устраненіемъ слова „эволюція“, то не подлежитъ сомнѣнію, что широкіе выводы и предсказанія автора сразу потеряли бы значительную долю своей убѣдительной силы и своего правдоподобія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на конгрессѣ британской научной ассоціаціи, лордъ Сольсбери, который, будучи политическимъ дѣятелемъ, есть въ то же время одинъ изъ наиболѣе тонкихъ и образованныхъ мыслителей Англіи (онъ писалъ когда-то талантливыя и остроумныя статьи въ журналахъ, когда носилъ еще титулъ лорда Сесиля), высказалъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній по поводу этого злоупотребленія словомъ „эволюція“, на что Гербертъ Спенсеръ съ своей стороны отвѣтилъ интереснымъ разъясненіемъ, напечатаннымъ затѣмъ отдѣльной брошюрою. Киддъ не имѣлъ въ виду этихъ сомнѣній; онъ съ полною довѣрчивостью отнесся къ эволюціи и построилъ на ней цѣлое маленькое зданіе, имѣющее какъ будто связь съ солидными научными результатами изслѣдованій Дарвина и Вейсмана. Между тѣмъ, все это теоретическое построеніе напоминаетъ въ сущности карточный домикъ, разваливающійся отъ перваго толчка критики.

Для характеристики сочиненія Кидда укажемъ на одно интересное обстоятельство. Авторъ категорически утверждаетъ, что общественной науки или соціологіи еще вовсе не существуетъ (стр. 1, 5 и др., въ изданіи г-жи Поповой). Мало того: многіе представители науки, занимающіеся соціальными задачами, „сами не имѣютъ понятія о проблемахъ, съ которыми борется міръ, насколько онъ можетъ“. Ясно,— заключаетъ Киддъ,—„что наука сама не имѣетъ опредѣленнаго представленія о сущности соціальной эволюціи, которой мы подвергаемся. Она даже не сдѣлала серьезной попытки объяснить явленія нашей западной цивилизаціи. Мы не имѣемъ *никакого знанія законовъ ея жизни и развитія*, или принциповъ, лежащихъ въ основѣ процесса общественной эволюціи, совершающейся вокругъ насъ“. Къ работамъ Герберта Спенсера, творца современной соціологіи, Киддъ относится вообще отрицательно или, вѣрнѣе сказать, пренебрежительно. Съ точки зрѣнія автора, никто ничего не понимаетъ до сихъ поръ въ области соціальныхъ явленій. „Даже писатели, считающіеся авторитетами, — говоритъ онъ, — весьма плохо понимаютъ природу и значеніе этого процесса (т.-е. постепеннаго роста гуманитарныхъ чувствъ въ западной Европѣ). Путаница идей, порождаемыхъ стремленіями нашего

времени, лучше всего представлена въ сочиненіяхъ Герберта Спенсера. Въ своихъ „Основахъ нравственности" писатель этотъ и т. д. (стр. 146). Словомъ, Киддъ не видитъ даже элементовъ для будущей соціальной науки въ современной литературѣ; онъ находитъ кругомъ только непониманіе, незнаніе и путаницу понятій. И въ то же время онъ въ своей книгѣ разсуждаетъ такъ, какъ будто имѣетъ въ своихъ рукахъ готовую науку, на которую можно смѣло опереться, и которая даетъ уже разработанный матеріалъ для положительныхъ выводовъ и заключеній. Значитъ ли это, что Киддъ создаетъ цѣликомъ не только основанія науки и ея методъ, но и всю ея систему, даже съ практическими приложеніями ея къ современной западно-европейской дѣйствительности? Однако, для созданія новой и притомъ столь важной науки необходимы были бы обширныя предварительныя работы, которыхъ не видно и слѣда въ небольшомъ сочиненіи Кидда. Авторъ воздвигаетъ свою теоретическую постройку безъ фундамента и безъ достаточнаго фактическаго матеріала, и онъ дѣлаетъ это съ какою-то непонятною стремительностью и быстротою, разрѣшая или обходя нѣсколькими словами самые сложные и трудные вопросы. Такую смѣлость и рѣшительность онъ почерпаетъ именно въ понятіи объ эволюціи, въ которомъ усматриваетъ источникъ всевозможныхъ, легко добываемыхъ истинъ.

По мнѣнію Кидда, общественныя науки „какъ будто забыли или не знали, что... всѣ отрасли знанія, имѣющія дѣло съ общественными явленіями, въ сущности основаны на біологическихъ наукахъ"; между тѣмъ „всѣ эти соціальныя явленія, изучаемыя нами подъ многочисленными заглавіями политики, исторіи, этики, экономики и религіи, должны быть разсматриваемы какъ тѣсно связанныя между собою явленія науки и жизни въ ея самыхъ сложныхъ формахъ" (тамъ же, стр. 23—4). Конечно, послѣ Огюста Конта и Спенсера не было надобности говорить о забвеніи или незнаніи того, что соціальныя науки должны имѣть своею основою біологію; но для Кидда не существуетъ предшественниковъ. Указавъ на біологію, онъ беретъ изъ нея нѣкоторыя положенія и прямо примѣняетъ ихъ, безъ дальнихъ разговоровъ, къ оцѣнкѣ общественно-историческихъ явленій. „Вездѣ, съ начала жизни,—говоритъ онъ,—прогрессъ вызывается однѣми и тѣми же причинами, и это не можетъ происходить иначе"; эти причины установлены изслѣдованіями Дарвина и „замѣчательными произведеніями профессора Вейсмана" (стр. 31),—и авторъ ни на минуту не сомнѣвается, что этими же причинами опредѣляются условія прогресса человѣческихъ обществъ, хотя изученіемъ послѣднихъ не занимались ни Дарвинъ, ни Вейсманъ. „Мы слышимъ, что отъ времени до времени,— продолжаетъ Киддъ, — люди, далеко не вполнѣ понимающіе условія,

въ которыя поставлена жизнь, разсуждають о томъ, стоитъ ли прогрессъ заплаченной за него цѣны (слѣдовательно, рѣчь идетъ о человѣческомъ соціально-культурномъ прогрессѣ). Но у насъ въ дѣйствительности нѣтъ выбора. Прогрессъ есть необходимость, отъ которой спасенія нѣтъ и не было съ самаго начала жизни. Наблюдая въ прошломъ исторію жизни до появленія человѣка, мы находимъ, что она представляетъ съ одной стороны непрестанный прогрессъ, съ другой—непрерывную борьбу и соревнованіе. Этотъ благоустроенный и прекрасный міръ вокругъ насъ былъ прежде, какъ и теперь, сценой безпрестаннаго соперничества между всѣми формами жизни, населявшими землю,—соперничества не столько между различными видами, сколько между индивидами того же вида", и т. д. Въ животномъ царствѣ, особенно между высшими типами, борьба становится болѣе сложною и разносторонней. Біологи, и опять-таки профессоръ Вейсманъ, начинаютъ признавать насущною частью эволюціонной теоріи мысль о безусловной необходимости соперничества для удержанія жизни на достигнутомъ ею уровнѣ. „Другими словами, если бы всѣмъ индивидамъ каждаго поколѣнія какого бы то ни было вида дана была возможность продолжать свой родъ безъ борьбы, то средній уровень каждаго поколѣнія постоянно стремился бы упасть ниже уровня предшествовавшаго, и видъ подвергнулся бы процессу медленнаго, но постояннаго вырожденія. Изъ этого, конечно, вытекаетъ неизбѣжный законъ жизни высшихъ формъ, а именно, что соперничество и отборъ не только должны сопутствовать прогрессу, но что они должны существовать въ каждой формѣ жизни, не подверженной регрессу" (стр. 33—4). Далѣе, „все (?) доказываетъ, что человѣкъ такъ же безсиленъ избѣжать этой борьбы, какъ самый простой организмъ, стоящій на самой низкой ступени жизни". Между человѣческими обществами „борьба не знала остановки, исключая тѣхъ случаевъ, когда отъ времени до времени къ тому принуждало истощеніе силъ. Наука не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно того, что такимъ образомъ передъ болѣе сильными и болѣе успѣшными расами исчезали слабыя расы" (стр. 36). На пространствѣ нѣсколькихъ страницъ дѣлается затѣмъ бѣглый обзоръ исторіи человѣчества, отъ древнѣйшихъ временъ до настоящей эпохи (стр. 39—44). Наиболѣе энергическіе и закаленные въ суровой борьбѣ народы сѣвера, съ англо-саксонской расою во главѣ, постепенно завладѣваютъ міромъ. Борьба и соперничество между личностями внутри отдѣльныхъ обществъ неминуемо сопровождаются подавленіемъ или гибелью болѣе слабыхъ элементовъ; „вездѣ и всюду прогрессъ отмѣченъ тѣми же неизбѣжными послѣдствіями неудачи и исключенія возможности пользоваться высшими благами жизни,—по крайней мѣрѣ для значительнаго числа индиви-

довъ“ (стр. 60). Эти условія внутренней борьбы „необходимы для прогресса, и не только будущіе интересы общества, къ которому мы принадлежимъ, но даже будущія расы пострадали бы отъ устраненія этихъ условій“. Устраненныя или побѣжденныя личности не признаютъ и не одобряютъ этихъ убійственныхъ для нихъ, но необходимыхъ условій общественнаго прогресса; разумъ (вѣрнѣе — чувство) пострадавшихъ въ борьбѣ находится въ постоянномъ конфликтѣ съ прогрессомъ (стр. 61 и слѣд.).

Такимъ образомъ, если, напр., англійская поземельная аристократія и промышленный классъ, унаслѣдовавшій свои богатства отъ предковъ, пользуются успѣхомъ и процвѣтаніемъ въ жизненной борьбѣ, то это доказываетъ лишь превосходство ихъ надъ остальнымъ населеніемъ,—и ихъ владычество составляетъ, слѣдовательно; необходимое условіе общаго прогресса, согласно законамъ біологіи; а люди, обладающіе лишь способностью къ труду и не находящіе примѣненія своимъ силамъ, напр. въ періоды экономическихъ кризисовъ, пропадаютъ правильно, для общаго блага, хотя и протестуютъ своимъ „разумомъ“, при содѣйствіи доктрины соціализма. Впрочемъ, даже соціалистическія ученія не идутъ достаточно далеко въ этихъ протестахъ разума бѣдствующихъ народныхъ массъ противъ условій прогресса, ибо „разумная санкція въ этомъ дѣлѣ возможна только въ такомъ обществѣ, гдѣ всѣ получаютъ одинаковую долю, мудрый и глупый, талантливый и бездарный“ (стр. 71). Почему чувство называется у Кидда разумомъ, и по какому основанію разумъ противопоставляется наукѣ, съ которою онъ долженъ бы быть солидарнымъ,—неизвѣстно. Такъ какъ — разсуждаетъ далѣе Киддъ — интересы соціальнаго организма (совпадающіе для автора съ интересами землевладѣльцевъ и капиталистовъ) взаимно противоположны и должны остаться такими, и такъ какъ интересы перваго должны преобладать, то поэтому невозможно найти въ разумѣ отдѣльной личности санкцію для поведенія въ обществѣ, гдѣ существуютъ условія прогресса (стр. 75). Изъ этого вытекаетъ выводъ, что подобная санкція можетъ быть только сверхъестественная, супра-раціональная, т.-е. религіозная, побѣждающая разумъ. Религія обезпечиваетъ непрерывный прогрессъ путемъ добровольнаго подчиненія интересовъ личности высшимъ интересамъ общества и расы. Чувство человѣчности и альтруизма побуждаетъ высшіе классы уступать трудящимся массамъ одну позицію за другою, безъ сопротивленія или съ сопротивленіемъ крайне слабымъ и колеблющимся, при чемъ мало-по-малу возстановляется будто бы для всѣхъ равенство шансовъ борьбы и соперничества; къ числу этихъ великихъ уступокъ авторъ причисляетъ фабричные законы, восьмичасовой рабочій день и т. п. (стр. 214 и др.), хотя трудно было бы опредѣлить, какія важ-

ныя „позиціи“ уступлены владѣльческими классами изданіемъ этихъ законовъ.

Киддъ особенно умиляется самоотверженіемъ и безкорыстіемъ англійскихъ „властвующихъ“ классовъ, которые подъ вліяніемъ альтруизма „покидаютъ свои укрѣпленія, сдаютъ свои позиціи, очищаютъ траншеи одну за другою по всей линіи“ въ пользу рабочаго класса (стр. 186). Подъ этими укрѣпленіями, позиціями и траншеями авторъ, очевидно, разумѣетъ ту обстановку накопленія богатствъ, которая мѣшала спокойно пользоваться пріобрѣтенными преимуществами и выгодами. Киддъ настойчиво повторяетъ,—вопреки элементарнымъ указаніямъ политической экономіи,—что улучшеніе быта рабочихъ совершается будто бы *на счетъ* болѣе состоятельныхъ классовъ и на средства капитала (стр. 214); и въ то же время онъ, по обыкновенію, хочетъ увѣрить читателей, что до него никто не понималъ смысла и значенія происходящей нынѣ „эволюціи“. Даже направленіе современнаго соціальнаго законодательства, по его словамъ, является „загадкой (!) для многихъ членовъ прогрессивной школы, еще не уяснившихъ себѣ природы совершающагося процесса развитія“ (тамъ же). Къ счастью, явился Киддъ и все разъяснилъ какъ слѣдуетъ; — и нашлись многіе почтенные люди, которые повѣрили ему и признали его легковѣсныя замѣчанія весьма вѣскими и серьезными.

Извлекая изъ „эволюціонной науки“ и въ частности изъ теоріи Дарвина совершенно неожиданное и „весьма замѣчательное“ (по его собственной аттестаціи) заключеніе, что современная общественная эволюція есть не умственный, а религіозный процессъ (стр. 225 и др.), Киддъ имѣетъ въ запасѣ свою практическую идею, которая несомнѣнно подрываетъ „научное“ значеніе его вывода: онъ даетъ понять, что англо-саксонская раса призвана господствовать надъ всѣми другими, ибо она отличается, во-первыхъ, наибольшею религіозностью, и, во-вторыхъ, обладаетъ наибольшими запасами альтруистическихъ чувствъ, благодаря „смягченію и углубленію характера“ подъ вліяніемъ реформаціи. „Замѣчательные“ выводы этого рода не стоитъ и разбирать.

Сочиненіе Кидда написано въ особомъ повышенномъ тонѣ, который въ концѣ концовъ раздражаетъ;—все у него „поразительно“, „необычайно“, „не бывало еще въ исторіи“, „чудесно“, „удивительно“, и эти эпитеты постоянно прилагаются имъ къ общеизвѣстнымъ фактамъ и явленіямъ текущей западно-европейской жизни, подъ тѣмъ предлогомъ, что истинный смыслъ ихъ никѣмъ еще не былъ понятъ и впервые открылся только Кидду. Едва ли найдется въ литературѣ книга, проникнутая большею притязательностью, болѣе навязчивымъ самомнѣніемъ и—скажемъ прямо—самохвальствомъ, въ связи съ такою

поверхностностью и бѣдностью содержанія. Видимый успѣхъ такого рода сочиненій, выпускаемыхъ подъ ложнымъ флагомъ научности, представляетъ печальный симптомъ современнаго умственнаго броженія.

Что касается качествъ перевода въ обоихъ изданіяхъ, то они вообще удовлетворительны; переводъ г-жи Чепинской, повидимому, ближе къ подлиннику (котораго мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ руками), хотя и въ немъ встрѣчаются неточности: такъ, на стр. 30 говорится о „развитіи индивидуальнаго обязательства“ вмѣсто „индвидуальной отвѣтственности“ (какъ переведено вполнѣ правильно въ изданіи г-жи Поповой, стр. 49); на стр. 38-й упоминается объ очеркахъ Фабіана, вмѣсто „фабіанскаго общества“, и др. Въ изданіи г-жи Поповой, на стр. 24—5, говорится о какомъ-то біологѣ, который прежде „былъ насильно удаленъ изъ этой области (изученія человѣческаго общества), и съ нимъ обращались злобно и нетерпимо“ и т. д.; вѣроятно, рѣчь идетъ о біологахъ вообще (какъ въ переводѣ г-жи Чепинской, стр. 17); далѣе, по поводу изслѣдованія быта рабочихъ и бѣдняковъ въ Лондонѣ, предпринятаго Чарльзомъ Бутсомъ, переводчикъ дѣлаетъ отъ себя примѣчаніе, что Бутсъ—„генералъ арміи спасенія“ (стр. 185), хотя въ дѣйствительности это совсѣмъ другое лицо (см. „Вѣстникъ Европы“, 1897, май, стр. 406 и слѣд.). Конечно, было бы лучше всего, еслибы усердіе переводчиковъ и издателей направлялось на болѣе цѣнныя произведенія западно-европейской мысли и литературы, чѣмъ книга Кидда.—Л. С.

— З. Н. Гиппіусъ (Мережковская). Зеркала. Вторая книга разсказовъ. СПБургъ, 1898 г. Стр. 504.

Въ небольшихъ разсказахъ г-жи Гиппіусъ привлекаетъ читателя спокойное, ясное и безпритязательное изображеніе поэтическихъ сторонъ жизни самой обыденной. Авторъ умѣетъ сочетать изысканность замысловъ съ изображеніемъ наиболѣе простыхъ, иногда даже намѣренно сѣрыхъ людей и обстоятельствъ. Вотъ, напр., одинъ изъ наиболѣе удачныхъ разсказовъ сборника,—„Живые и мертвые“. Героиня разсказа—дочь смотрителя на протестантскомъ кладбищѣ; она живетъ среди зелени и цвѣтовъ кладбища, и все окружающее полно для нея своеобразной живой красоты. Очень оригинально описаніе кладбища въ разсказѣ; отъ него вѣетъ не тишиной смерти, а напротивъ, разнообразіемъ и полнотой жизни.

„Шарлотта не любила похоронъ, не любила и боялась покойниковъ. Скорѣе, скорѣе надо ихъ спрятать въ землю, насыпать красивый, правильный бугорокъ, положить свѣжій дернъ... По утрамъ въ сирени поетъ соловей, роса мочитъ дернъ и черные крупные анютины глазки

у креста. И ихъ нѣтъ, тѣхъ длинныхъ, холодныхъ желтыхъ людей, которыхъ приносятъ въ деревянныхъ ящикахъ. Есть имя, быть можетъ, есть воспоминаніе, слѣдъ въ сердцѣ, и есть свѣжій дерновый бугорокъ. Шарлотта никогда не думала о костяхъ людей, могилы которыхъ она лелѣяла и убирала. Они были всегда съ нею, всегда живые, невидные, безплотные, какъ звуки ихъ именъ, всегда молодые, неподвластные времени. Въ уголкѣ, въ концѣ второй боковой дорожки, были двѣ крошечныя могилки. Надпись на крестѣ гласила, что это Фрицъ и Минна, дѣти-близнецы, умершіе въ одинъ день. Шарлотта особенно любила Фрица и Минну... Давно умерли Фрицъ и Минна. Судя по надписи, это было до рожденія самой Шарлотты. Но они вѣчно остались для нея двухлѣтними дѣтьми, маленькими, милыми, изъ году въ годъ неизмѣнными. Она сама садила имъ цвѣты и баловала ихъ вѣнками, искусно сдѣланными изъ яркихъ бусъ... Рядомъ на могилѣ какого-то Норденшильда, на рукѣ громаднаго ангела въ неестественной позѣ, некрасиво висѣлъ полузасохшій вѣнокъ. Шарлотта поправила вѣнокъ и прошла. Она не любила Норденшильда. Вообще могилы съ гигантскими памятниками, всегда неуклюжими, съ длинными надписями и стихами, очень не нравились ей: тутъ уже не было воспоминаній и не было тишины: ее нарушала суетливая глупость живыхъ".

Въ кажущемся однообразіи и тишинѣ кладбища авторъ находитъ особый міръ ощущеній и происшествій, правда очень скромныхъ, вносимыхъ въ кладбищенскую тишь перемѣной временъ года, измѣненіемъ внѣшняго вида могилъ и т. п.—И найдя тихую жизнь, т.-е. вѣчное спокойствіе природы тамъ, гдѣ обыкновенно видятъ печаль и смерть, авторъ устами своей героини описываетъ то, что представляетъ смерть среди жизни, вѣчное присутствіе труповъ среди людей, гніеніе и тлѣнъ. Ярче всего это сопоставленіе контрастовъ рисуется въ картинѣ мясной лавки: „Шарлотта помнила, какъ однажды съ отцомъ случайно зашла въ лавку Іоганна. Лавка была свѣтлая, чистая. Остро пахло кровью и только-что раздробленными костями. Самые свѣжіе, свѣтло-красные трупы быковъ безъ кожи, съ обнаженными мышцами, съ обрубленными и распяленными ногами, пустые какъ мѣшки, висѣли у дверей и по стѣнамъ. Пониже висѣли маленькіе телята съ тѣломъ гораздо блѣднѣе и пухлѣе, почти сѣрымъ, такіе же пустые, такъ же распростирая кости ногъ до колѣннаго сустава. На блистающемъ столѣ изъ бѣлаго мрамора лежали въ сторонкѣ темные, вялые куски мякоти съ золотистыми крупинками жира по краямъ"... Когда влюбленный въ Шарлотту сынъ мясника спрашиваетъ ее, какъ ей не жутко быть съ мертвецами, дѣвушка удивленно смотритъ на него: „Что вы! Какіе же мертвецы? Здѣсь нѣтъ мертвецовъ. Они подъ зем-

лей, глубоко... Здѣсь только могилы и цвѣты. Вотъ у васъ...—осмѣлилась прибавить она,—у васъ точно мертвецы... Я помню: все тѣла мертвыя, кровь"...

Къ этому сопоставленію кажущагося съ реальнымъ сводится большинство разсказовъ г-жи Гиппіусъ. Жизнь кажется ей прекрасной лишь своими отраженіями; людей она изображаетъ, какъ бы видя ихъ въ зеркалѣ, т.-е. нѣсколько отвлеченными и безжизненными. Эту теорію отраженій авторъ излагаетъ въ первомъ очеркѣ „Зеркала", и остается ей вѣрной во всѣхъ разсказахъ. Желая серьезно проводить какія-то неясныя отвлеченныя идеи, г-жа Гиппіусъ впадаетъ часто въ теоретичность, превращающую нѣкоторыя повѣсти въ поученія. Идейные замыслы ея разсказовъ большей частью идутъ въ разрѣзъ съ общепринятой моралью, когда она ополчается, напр., противъ состраданія къ людямъ во имя какого-то совершенно отвлеченнаго долга („Луна"); иногда, впрочемъ, какъ, напр., въ повѣсти „Зеркала", она превозноситъ широкую стихійную любовь, которая все покоряетъ, даже зло, тѣмъ, что понимаетъ его. Носители этихъ отвлеченныхъ идей большей частью сочинены и теоретичны, какъ, напр., оба героя „Зеркалъ"—добрый и злой, одинаково блѣдные и безцвѣтные.

Г-жа Гиппіусъ изображаетъ, между прочимъ, нѣкоторые типы изъ простонародья, обнаруживая при этомъ наблюдательность и юморъ. Въ разсказѣ „Родина", напр., рисуется съ большими подробностями петербургскій бытъ и все, что въ немъ кроется и пошлаго, и трагическаго. Наблюдательный пунктъ автора—лѣстница громаднаго петербургскаго дома и швейцарская, гдѣ доживаетъ свой вѣкъ швейцаръ Петръ, который страдаетъ ногами, еле двигается и все мечтаетъ уѣхать на „родину". Этого тѣснаго угла, гдѣ ничто не происходитъ, потому что всѣ идутъ мимо, достаточно для автора, чтобы отразить мельканіе жизни и сочетаніе суетнаго съ неожиданно трагичнымъ. Самый видъ изъ оконъ швейцарской соотвѣтствуетъ сѣрости жизни, преддверіемъ которой служитъ типичная швейцарская. Съ весной и раскрываемыми рамами врывается въ домъ грохотъ мостовой.—„Гремятъ", равнодушно произнесла Аксинья Филипповна, поглядывая на ломовыхъ и на мелочную лавку напротивъ, въ томъ же грязномъ красномъ домѣ, съ лѣстницей внизъ, подъ погнутымъ желѣзнымъ навѣсомъ. Стоячія вывѣски наравнѣ съ тротуаромъ и окнами изображали большой витой хлѣбъ, свѣчи, составленныя тѣснымъ ровнымъ рядомъ, сигарные ящики и какія-то круглыя коробочки, причудливо расположенныя, со сводчатой надписью на верху: „Россійская масляная вакса".—И въ своемъ постоянномъ исканіи контрастовъ авторъ тотчасъ же обращается мыслью съ иному просторному и ясному горизонту—и рисуетъ ту тихую „родину", о которой можно лишь мечтать среди

шумной и пустой суеты жизни. Въ устахъ безхитростнаго старика швейцара эти мечты становятся особенно значительными по своей простотѣ, которая кажется углубляющей смыслъ самихъ словъ.— „Здѣсь вонъ грохотъ этотъ, каменья,—произнесъ вдругъ Петръ, измѣняя тонъ... Онъ говорилъ съ суровостью.—Да, грохотъ. Пыль, это, какая лѣтомъ. А тамъ-то, у насъ-то, дома-то благодать! Сосны, это, шумятъ. Вверху такъ шумятъ, словно поютъ. Далеко слышно, какъ идетъ шумъ, идетъ-идетъ—и прокатится. Озеро, это, свѣтлое, холодное. Зелень такая по холмамъ... А вѣтеръ широкій-широкій, страсть! Потому воля ему"... и т. д. Эта „родина" принимаетъ въ мечтахъ Петра все болѣе неопредѣленный характеръ; онъ говоритъ о горахъ, озерахъ, о томъ, что эта родина „ни городъ, ни что", и что „названій такихъ особенныхъ, чтобы, нѣту"... и наконецъ, когда болѣзнь и смерть мѣшаютъ ему уѣхать въ родную деревню, онъ, умирая, говоритъ о томъ, что онъ, наконецъ, „на родинѣ, на волѣ".—А между тѣмъ, на его лѣстницѣ разыгрывается еще одна судьба: онъ видѣлъ начало драмы—блѣдную бонну, спасающуюся отъ нахальнаго офицера,—и конецъ ея—дѣвушка бросается изъ окна на камни, о которыхъ она предъ тѣмъ говорила со старикомъ. Вся жизнь въ миніатюрѣ проходитъ мимо швейцара, равнодушно „дающаго звонки" въ разные этажи развязнымъ юнцамъ, измученнымъ жизнью женщинамъ, дѣтямъ и цѣлой вереницѣ людей, которые изобличаютъ всю пошлость души однимъ какимъ-нибудь словомъ. И только моментъ смерти является освобожденіемъ отъ этой безпросвѣтной суеты, какъ бы возвращеніемъ на родину.

Сцены, гдѣ дѣйствуетъ простонародье, т.-е. преимущественно прислуга, встрѣчаются, кромѣ „Родины", еще въ „Вѣдьмѣ"; но полуинтеллигентный языкъ, на которомъ говорятъ дѣйствующія лица, далеко не выдержанъ авторомъ. Солидные, простые мужики-кучера, развязные парни-лакеи и веселыя барышни-горничныя, болѣе естественны въ описаніяхъ г-жи Гиппіусъ, пока не начинаютъ разсуждать отвлеченно. Интересенъ кучеръ Ѳеогностъ, который „говорилъ рѣдко, но, начавъ, долго не могъ кончить". Онъ сильнѣе, чѣмъ молодежь, чувствуетъ скуку жизни и безъисходную тоску о томъ, что нарушило бы однообразное теченіе вещей, и высказываетъ это со своеобразной картинностью деревенскаго книжника: „Всѣ мы черви ползучіе,—наѣстъ, наѣстъ гусеница на одномъ листѣ—переберется на другой, вотъ-те и все. И сотворилъ же Господь экую людямъ скуку смертную! Народился, погалдѣлъ, поболѣлъ, округъ себя потрясъ—и въ земельку полѣзай"...

Изображая людей высшей культуры, г-жа Гиппіусъ старается приблизить ихъ къ природѣ и заставить ихъ читать въ ней какіе-то осо-

бые уроки морали. Одинъ изъ самыхъ характерныхъ разсказовъ въ этомъ отношеніи—„Луна“. Отмѣтимъ въ немъ одно мѣсто о музыкѣ: „Я слушаю музыку только въ тишинѣ... и для моей музыки еще не выдуманъ инструментъ. Вотъ, что вы теперь слышите? Вотъ—вѣтеръ пронесъ струю воздуха, вотъ умершее эхо тонкаго колокола съ берега, вотъ по водѣ всплескъ, даже не всплескъ, а только желаніе всплеска, отъ далеко скользнувшей гондолы, вотъ звонъ чуть вздрогнувшей гдѣ-то струны, задѣтой случайно вѣтромъ, вотъ трепетъ желтаго паруса на взморьѣ — вотъ тѣ нѣжные, безхитростные и глубокіе звуки, изъ которыхъ можетъ выйти еще небывалая и неродившаяся гармонія! И я записываю эти звуки, но боюсь соединить ихъ въ аккорды, не умѣю... я думаю, что Богъ въ тишинѣ, и потому слушаю музыку въ тишинѣ“.

Разсказы г-жи Гиппіусъ отличаются вообще поэтическимъ колоритомъ и при всей иногда парадоксальности содержанія производятъ пріятное впечатлѣніе на читателя.—Н.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовъ, Я. В.—Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Спб. 97. Стр. 123.

Анненковъ, К.—Система русскаго гражданскаго права. Т. III: Права обязательственныя. Спб. 98. Стр. 477. Ц. 3 р.

Аскоттъ Р. Гоопъ.—Семь мудрыхъ школяровъ. Съ англ. М. Гранстремъ. Съ 96 рис. Спб. 98. Стр. 293.

Байронъ, лордъ.—Манфредъ, драмат. поэма. Перев. съ англ. А. Янъ-Рубана. М. 98. Стр. 77. Ц. 40 к.

Барацъ, С. М.—Курсъ коммерческой корреспонденціи. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 98. Стр. 610. Ц. 2 р. 50 к.

Бартъ, А.—Религіи Индіи. Переводъ подъ редакціею и съ предисловіемъ кн. С. Трубецкого. (Научно-популярная библіотека („Русской Мысли“). М. 1897. IX и 337 стр. Ц. 1 р.

Берте, Эли.—Маленькія школьницы пяти частей свѣта. Съ франц. М. Гранстремъ. Съ 164 рис. Спб. 98. Стр. 312.

Боккачіо, Дж.—Декамеронъ. Избранныя новеллы, въ переводѣ русскихъ писателей, п. р. П. В. Быкова. Спб. 98. Стр. 185 in 4°. Съ портр. и 40 рис.

Буслаевъ, Ѳ. И., акад.—Мои Воспоминанія. Съ портретомъ автора. Изд. В. фонъ-Бооля. М. 97. Стр. 387. Ц. 1 р. 50 к.

Венгеровъ, С. А.—Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ, частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими крит.-біограф. статьями, біографич. примѣчаніями и портретами. Спб. 97. Вып. VI Стр. 413. Ц. 2 р.

——— Русскія книги. Съ біограф. данными объ авторахъ и переводчикахъ. Вып. XIX: Бильбилистокъ—Блиновъ. Спб. 97. Стр. 385—432. Ц. 40 к.

Веретенниковъ, И. В.—Брачность, рождаемость и смертность среди крестьянскаго населенія. Тифл. 98. Стр. 68.

Виноградовъ, П. Г.—Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей. Вып. 2. М. 97. Стр. 965. Ц. 3 р. 30 коп.

Гиппіусъ, З. Н. (Мережковская).—Зеркала. Вторая книга разсказовъ. Спб., 1898. Стр. 503. Ц. 1 р. 50 к.

Грибовскій, В. М. (Гриденъ).—Студенческіе разсказы. Спб. 98. Стр. 408. Ц. 1 р. 50 к.

Д—к—ъ, С. Н.—Стихъ на христославленіе. Подражаніе стариннымъ сказаніямъ. Съ рис. В. Крюкова и П. Никитина. Спб. 97. Ц. 25 к.

Дружининъ, Н.—Новое сельское общество. Разсказъ о томъ, какъ устроили свои общественныя дѣла крестьяне трехъ грамотныхъ деревень. Спб. 1898. Стр. 237.

Зиберъ, Н. И.—Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Изд. 3-е. (Политико-экономическая библіотека. Изд. тов. И. Д. Сытина, отдѣлъ Н. А. Рубакина). Спб., 1898. Стр. 546. Ц. 2 р. 25 к.

Кальдеронъ.—Жизнь есть сонъ. Комедія. Перев. съ исп. Д. К. Петрова. Спб. 98. Стр. 169. Ц. 1 р.

Кожевниковъ, В. А.—Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и раціонализму XVIII в. и къ критической философіи. Ч. I. М. 97. Стр. 757. Ц. 2 р.

Кольбъ, Г. Фр.—Исторія человѣческой культуры, съ очеркомъ формъ государственнаго правленія, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Перев. съ нѣм. п. р. А. А. Рейнгольдта. Вып. V (всего 8 вып.). Подп. ц. 3 р. 50 к. Кіевъ, 97

Кроненбургъ.—Философія Канта и ея значеніе въ исторіи развитія мысли. Съ портретомъ Канта. Перев. съ нѣм. В. Щигловой. Спб. 98. Стр. 121.

Куньи, Гастонъ.—Античное искусство. Греція—Римъ. Сборникъ статей по исторіи искусства, эстетикѣ, археологіи и пр. Переводъ съ французскаго В. Смирнова. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1898. III и 343 стр. Ц. 1 руб. 75 коп.

Лалаевъ, М. С., ген. отъ артиллеріи.—Очеркъ жизни и дѣятельности въ Бозѣ почивающаго В. Кн. Михаила Павловича. Къ столѣтію со дня его рожденія. 1798—1898 гг. Съ 2 портр. Спб. 98. Стр. 94. Ц. 1 р.

Ларра.—Общественные очерки Испаніи. 1832—37 гг. Перев. съ испанск. М. В. Ватюнъ. Спб. 98. Стр. 422. Ц. 2 р. 50 к.

Летурно, Ш.—Соціологія, основанная на этнографіи. Перев. съ франц. Вып. III (послѣдній). Съ 39 рис. Спб. 98. Стр. 287. Ц. 90 к.

Лукьяновъ, С. М.—Основанія общей патологіи пищеваренія. 10 лекцій. Спб. 97. Стр. 380. Ц. 3 р. 50 к.

Неустроевъ, А. А.—Картинная галлерея Императорскаго Эрмитажа. Съ автотипическими репродукціями, исполненными въ цинкографическомъ заведеніи Лемана съ фотографическихъ снимковъ Н. А. Неустрова. Спб. 1898. VII, 360 и VIII стр. Ц. 1 р. 75 коп.

Облеуховъ, Я. Д.—Отраженія. Оды—Поэмы—Лирика. М. 1898. Стр. 222. Ц. 2 руб.

О., В.—Стихотворенія. Спб. 98. Стр. 109.

Павловъ, проф. А. П.—Поѣздка въ исторіи науки объ ископаемыхъ организмахъ. Съ 22 рис. М. 97. Стр. 88. Ц. 40 к.

Позняковъ, Н. И.—Почитать-бы!.. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. 3-е изд., дополн. 3 разск. и 4 стихотвор. Съ рисунками. Спб. 97. Стр. 242.

——— Товарищъ. Повѣсть изъ школьной жизни. Второе изд., съ рис. Спб. 1897. Стр. 248.

Романовскій, В. Е.—Государственныя учрежденія древней и новой Россіи. Тифл. 97. Стр. 229. Ц. 1 р.

Рубакинъ, Н. А.—Подъ гнетомъ времени. Хроника XIII ст. объ альбигойскихъ еретикахъ (переводъ). Для взрослыхъ. М. 98. Стр. 98. Ц. 50 к.

Рышковъ, В.—1) На больничныхъ койкахъ, три очерка. 2) Въ паутинѣ, землевладѣльческая эпопея. Спб. 98. Стр. 407. Ц. 1 р.

Сегаль, С. Л.—Курсъ гигіены, читанный въ Новочеркасской общинѣ сестеръ милосердія Краснаго Креста. Новочерк. 96. Стр. 172. Ц. 1 р.

Скворцова, Е.—Забытыя письма. Повѣсть. М. 97. Стр. 135.

Снессорева, Софія.—Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворныхъ ея иконъ, чтимыхъ православною церковью, на основаніи св. писанія и церковныхъ преданій, съ изображеніемъ въ текстѣ праздниковъ и иконъ Божіей Матери. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 648. Ц. 3 р.

Сосновскій, Михаилъ.—Очеркъ дѣятельности полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества, въ связи съ общими условіями экономической жизни Россіи. Полт. 97. Стр. 96.

Сорель, А.—Монтескье. Перев. М. Г. Васильевскаго, п. р. Н. И. Карѣева. Спб. 98. Стр. 210. Ц. 75 к.

Спенсеръ, Гербертъ.—Происхожденіе науки. Перев. съ англ. Спб. 1898. Стр. 87. Ц. 30 к.

Сталь, П. Ж.—Этюды современныхъ нравовъ. Сцены изъ частной и общественной жизни животныхъ, съ иллюстраціями Гранвилля. Перев. съ франц. п. р. И. Ф. Василевскаго (Буква). Спб. 97. Стр. 279. (Главная премія ж. „Стрекоза").

Старковъ, д-ръ мед., И.—Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Отчетъ, удостоенный на Всероссійской выставкѣ 1891 г. диплома I разряда. Спб. 97. Стр. 187. Ц. 2 р.

Талько-Гринцевичъ, Ю.—Климатъ Троицкосавска-Кяхты въ гигіеническомъ отношеніи. Ирк. 97. Стр. 99.

Текутьевъ, Ф. С.—Историческій очеркъ каѳедры и клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней при Имп. военно-медицинской академіи. Съ 5-ю портр., 4 план. и 3 видами. Спб. 97. Стр. 299.

Тимченко, Е. Русско-малороссійскій словарь. Т. I: *А.-О.* Кіевъ, 1897. Стр. 307. Ц. 2 р.

Трачевскій, А.—Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. Спб. 98. Стр. 292. Ц. 1 р. 25 к.

Фарраръ, Ф. В.—Безхарактерность — причина многихъ бѣдствій. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англ. Ф. Комарскаго. Въ 2 частяхъ. Спб. 1898. Стр. 586. Ц. 2 р.

Циглеръ, Т.—Нѣмецкій студентъ конца XIX-го вѣка. Перев. съ нѣм. п. р. и съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Спб. 98. Стр. 223. Ц. 50 к.

Эсманъ, проф. А.—Общія основанія конституціоннаго права. Перев. съ франц. п. р. проф. В. Дерюжинскаго. Спб. 98. Стр. 357. Ц. 1 р. 75 к.

Slonimski, Ludwig, Karl Marx, national-oekonomische Irrlehren.—Eine Kritische Studie. Uebersetzt und eingeleitet von Max Schapiro. Berlin, 1898. (Johannes Räde, Stuhr'sche Buchhandlung). Стр. 203. Ц. 2 м. 50 пф.

— **Исторія труда въ связи съ исторіею нѣкоторыхъ формъ промышленности. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften". Переводъ съ нѣм. подъ редакціей С. Н. Булгакова. Съ приложеніемъ статьи Ф. Кноппа: Рабство и свобода въ сельскомъ трудѣ. Переводъ В. Дена. Изданіе М. И. Водовозовой. Спб., 1897. Стр. 352. Ц. 1 р. 50 к.**

— **Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній за 1896—97 г. Спб. 97. Стр. 121. Ц. 25 к.**

— **Кустарные промыслы. Текущая статистика за 1895—96 сельско-хозяйственный годъ. Спб. 97. Стр. 200.**

— **Памяти профессора Е. П. Богдановскаго. Спб. 98. Стр. 27. Ц. 25 к.**

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— *M. G. Mulhall.* Industries and Wealth of Nations, London, 1897.

Вопросъ, насколько одинъ народъ богаче другого, далеко не праздный, такъ какъ болѣе или менѣе точный отвѣтъ на него является въ то же время и отвѣтомъ на вопросъ: какъ разбогатѣть? Въ нашъ вѣкъ народы живутъ, такъ сказать, открытымъ домомъ. Ихъ финансы, промыслы, капиталы и политическія учрежденія составляютъ всемірное достояніе, и всѣ тѣ факторы, которые содѣйствуютъ богатству народовъ, столь же доступны изученію, сколько и языкъ и нравы ихъ. И поэтому книга, имѣющая цѣлью дать въ сжатомъ и ясномъ видѣ все то, что̀ извѣстно о сравнительномъ ростѣ промышленности и богатствѣ у разныхъ народовъ, должна имѣть для насъ огромное значеніе и интересъ. Такого-то рода книгой является именно недавно вышедшая „Industries and Wealth of Nations", составленная извѣстнымъ статистикомъ M. G. Mulhall'омъ, авторомъ „Статистическаго Словаря" (Dictionary of Statistics).

Въ своемъ новомъ трудѣ Мюлголъ не только сравниваетъ между собою народы, но и эпохи. Онъ беретъ настоящее время и сопоставляетъ его съ прошлымъ, сравнительно недалекимъ, отстоящимъ отъ насъ всего лѣтъ на 50—60, и посредствомъ накопившихся статистическихъ данныхъ старается прослѣдить экономическій ростъ цивилизованныхъ народовъ и накопленіе у нихъ богатства. Конечно, разсуждая о богатствѣ какой-нибудь страны, раньше всего является вопросъ: что̀ такое богатство, какіе его признаки и источники? Для политико-эконома богатство народа заключается въ извѣстныхъ реальныхъ предметахъ, будетъ ли это земля и ея продукты, или, какъ для иныхъ, еще книжки ссудо-сберегательныхъ кассъ и чековыя книжки банковъ. Для статистика же этого мало. Онъ имѣетъ дѣло не съ предметами производства или потребленія, не съ вкладами и сбереженіями, а съ цифрами, съ отвлеченными величинами, которыя ему нужны для сравнительныхъ таблицъ и діаграммъ. Ему, слѣдовательно, раньше всего нуженъ вѣрный масштабъ, общая мѣра, которую бы можно было прикладывать къ разнымъ предметамъ, привести все, такъ сказать, къ одной единицѣ. Въ этомъ—цѣль и задача статистики. Поэтому для

сужденія о сравнительномъ богатствѣ разныхъ народовъ Мюлголъ долженъ былъ ввести въ свое изслѣдованіе и такія рубрики, которыя для политико-экономическаго термина „богатство“ вовсе не подходятъ,—какъ, напр., величину народонаселенія, сумму національнаго долга, количество рабочей энергіи, тяжесть податей и др.

Каждый взятый имъ признакъ народнаго богатства Мюлголъ разсматриваетъ отдѣльно, сравнивая его во всѣхъ христіанскихъ государствахъ, затѣмъ даетъ очеркъ каждаго взятаго имъ государства отдѣльно въ отношеніи всей его экономической дѣятельности. Этотъ-то детальный очеркъ по государствамъ составляетъ главную часть книги, занимающую около 320 страницъ. Къ ней въ концѣ книги приложенъ рядъ таблицъ съ болѣе подробными данными и алфавитный указатель. Въ видѣ же введенія дана объяснительная глава, въ которой авторъ указываетъ, какія единицы мѣры онъ принялъ для сравненія и какой системы разсчетовъ придерживался въ своихъ дальнѣйшихъ выкладкахъ. Богатство діаграммъ, которыхъ помѣщено 32 приложенія, дѣлаетъ книгу особенно цѣнной, облекая, такъ сказать, въ плоть и кровь ея цифровой скелетъ.

Конечно, для спеціалиста-статистика, для человѣка, который спеціально слѣдитъ за экономическимъ развитіемъ народовъ, въ книгѣ Мюлгола наврядъ ли найдется что-либо новаго, такъ какъ авторъ ея черпалъ свои данныя главнымъ образомъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, слѣдовательно уже напечатанныхъ и извѣстныхъ. Но не говоря уже о томъ, что группировка цифръ принадлежитъ всецѣло Мюлголу, кругъ спеціалистовъ, которымъ доступны всѣ оффиціальные даже источники, очень ограниченъ. Огромному же кругу среднихъ читателей, даже изъ тѣхъ, которые интересуются экономическими вопросами, остаются малоизвѣстными и даже всѣмъ доступныя цифры. Вотъ почему считаю не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя изъ наиболѣе интересныхъ цифръ и выводовъ изъ новой книги Мюлгола.

Очеркъ каждаго отдѣльнаго государства Мюлголъ начинаетъ съ населенія, такъ какъ, говоритъ онъ, безъ населенія не можетъ быть богатства. Обширныя земельныя пространства, орошаемыя Амазонской рѣкой, не стоютъ теперь и по шести пенсовъ за акръ; маленькій же островъ Барбадосъ, населенный лишь неграми, имѣетъ огромную стоимость. Но при этомъ не слѣдуетъ, конечно, забывать, что одна густота населенія еще не можетъ служить причиной процвѣтанія страны или увеличенія заработковъ въ ней. Сравнивая густоту населенія въ разныхъ государствахъ и отношеніе его къ площади еще совершенно незанятыхъ плодородныхъ земель, начинаешь невольно чувствовать себя гораздо бодрѣе. Безпощадный законъ Мальтуса, находящій и еще понынѣ вѣрующихъ, оказывается миѳомъ, и люди мо-

гутъ плодиться и множиться, сколько имъ угодно, безъ всякой боязни, что имъ въ концѣ концовъ мѣста не хватитъ на землѣ, и что они умрутъ голодной смертью. Изъ книги Мюлгола мы узнаемъ, что Шотландія населена не меньше, чѣмъ Ирландія, а между тѣмъ богатство первой на 60% больше второй. Англія населена втрое больше Франціи, а заработная плата почти одинакова. Испанія имѣетъ рѣдкое населеніе, Италія—густое, а обѣ страны одинаково бѣдны. Что же касается до средствъ существованія, которыя можетъ дать земля, то достаточно сказать, что если переселить всю Европу въ Южную Америку, то и тогда тамъ приходилось бы лишь всего 22 человѣка на одну квадратную милю.

Кромѣ населенія, т.-е. живой человѣческой энергіи, въ богатствѣ страны играетъ еще роль и механическая рабочая сила, и животная. Мюлголъ, подсчитывая всю рабочую силу христіанскихъ государствъ, опускаетъ работу воловъ, какъ не употребляющуюся въ главныхъ странахъ Европы. Онъ также не включаетъ ословъ, работа которыхъ слишкомъ незамѣтна въ создаваніи богатствъ народовъ, и затѣмъ, въ виду отсутствія данныхъ, не включаетъ работы вѣтряныхъ мельницъ и водяной силы. Пропускъ этотъ, впрочемъ, по мнѣнію Мюлгола, не можетъ особенно вліять на выводы, тѣмъ болѣе что повсюду, за исключеніемъ Голландіи, вѣтряныя мельницы выходятъ изъ употребленія, а водяная сила играетъ значительную роль лишь въ Швейцаріи, гдѣ она доставляетъ 17% расходуемой населеніемъ производительной энергіи. Къ сожалѣнію, Мюлголъ также не принимаетъ почему-то во вниманіе работу электричества, что̀ значительно умаляетъ значеніе его цифръ. Однако, и тѣ данныя, которыя были въ его распоряженіи, довольно ярко характеризуютъ промышленную дѣятельность разныхъ народовъ. Главный ростъ энергіи выпадаетъ, конечно, на паръ, который израсходовался въ 1840 году въ среднемъ во всѣхъ христіанскихъ государствахъ въ количествѣ 6.750 милліоновъ футотоннъ, а въ 1895 году — 222.320 милліоновъ ф.-тоннъ. Въ это количество не входитъ паровая энергія военнаго флота, не имѣющаго производительнаго значенія. Благодаря пару, средній человѣкъ сталъ энергичнѣе больше чѣмъ вдвое, т.-е. пять человѣкъ въ состояніи теперь исполнить работу, которая 50 л. тому назадъ требовала одиннадцати человѣкъ.

Сравнивая количество энергіи, истрачиваемой производительно на жителя въ каждомъ государствѣ отдѣльно, и принимая энергію взрослаго человѣка въ 300 футо-тоннъ, получимъ, что самая работящая страна, самая дѣятельная въ экономическомъ смыслѣ, это—Шотландія, въ которой на каждаго жителя приходится въ день 2.300 футо-тоннъ, затѣмъ въ нисходящемъ порядкѣ идутъ послѣдовательно Австралія,

Канада, С.-Американскіе Штаты, Англія, Данія, Германія, Бельгія, Ирландія, Франція, Россія (775 ф.-тоннъ) и т. д. до Португаліи, тратящей всего триста футо-тоннъ на душу населенія.

Обращаясь затѣмъ къ самимъ производствамъ, Мюлголъ беретъ раньше всего земледѣліе, какъ главное занятіе человѣчества. Всего занято имъ 49% всего рабочаго, т.-е. трудоспособнаго мужского населенія обозрѣваемыхъ народовъ, и въ одной Европѣ считается свыше 86 милліоновъ земледѣльцевъ. Несмотря на то, что земледѣліе съ незапамятныхъ временъ составляло главный народный промыселъ, оно въ большинствѣ европейскихъ странъ до средины текущаго вѣка оставалось на той же ступени развитія, на какой оно было при фараонахъ въ Египтѣ. Лишь въ послѣднія сорокъ лѣтъ, съ полной эмансипаціей земледѣльческихъ рабочихъ, начинается введеніе машинной обработки земли и улучшенныхъ системъ хозяйства. Изъ сопоставленія разныхъ странъ Мюлголъ выводитъ заключеніе, что Европа, благодаря худшему веденію хозяйства, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, отстаетъ отъ послѣдней въ четыре раза, т.-е. въ то время какъ американскій земледѣлецъ производитъ 12 тоннъ зерна, европейскій производитъ всего три тонны (Мюлголъ приводитъ разные продукты земли и скотоводства къ одной мѣрѣ, выраженной въ бушеляхъ и тоннахъ пшеницы). Или, говоря иначе: несмотря на свой болѣе тяжкій трудъ (безъ машинъ), четыре европейскихъ крестьянина производятъ лишь столько, сколько одинъ рабочій на американской фермѣ. Если же считать на деньги, то среднее производство американца превышаетъ втрое результаты работы европейца. Что же касается до земледѣлія въ каждомъ государствѣ отдѣльно, то на каждаго земледѣльца въ Соединенныхъ Штатахъ Америки приходится 486 бушелей, Англіи — 290, Франціи — 227, Германіи—174, Австро-Венгріи—104 и Россіи—89.

Такимъ образомъ, оказывается, что русскій крестьянинъ, хотя и трудится не меньше другихъ, производитъ хлѣба вдвое меньше нѣмца, въ 3½ раза меньше англичанина и въ шесть разъ меньше американца, благодаря, конечно, лишь дурнымъ условіямъ его труда. Если же взять стоимость продуктовъ по отношенію къ площади земли, то каждый обработанный акръ въ Англіи даетъ 6,3 фунтовъ стерлинговъ, во Франціи—4,2, Германіи—4,0 и Россіи—1,5. Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки акръ земли даетъ всего 2,2 фунта стерлинга, но земледѣліе все-таки тамъ выгоднѣе, чѣмъ въ Европѣ, такъ какъ одинъ рабочій обработываетъ тамъ 21 акръ, въ то время какъ, напр., въ Англіи 8 акровъ и во Франціи 9. Цѣны на земледѣльческіе продукты, конечно, взяты, какъ онѣ стоятъ на мѣстѣ производства.

Послѣднее мѣсто Россія также занимаетъ и въ отношеніи доли

земледѣльческаго капитала, выпадающей на жителя. По даннымъ Мюлгола, первое мѣсто занимаетъ Франція, съ ея 80 ф. стерлинговъ на душу населенія. За нею по пятамъ слѣдуютъ британскія колоніи, а затѣмъ, отступивъ на почтительное разстояніе, Соединенные Штаты, Англія и Германія. Россія же стоитъ въ концѣ ряда, съ суммой 26 ф. стер. на душу.

Слѣдующимъ за земледѣліемъ производствомъ, по числу занимающихся имъ лицъ, идетъ фабрично-заводское, которое развилось за послѣднія 50 лѣтъ куда быстрѣе земледѣлія. Въ 1840 г. оно дало продуктовъ на 1.810 м. фунтовъ, а въ 1894 году на 5.676 милліоновъ. Обработка волокнистыхъ веществъ составляетъ седьмую часть этой суммы, при чемъ замѣчается главнымъ образомъ быстрый ростъ хлопчатобумажнаго производства, обогнавшаго шерстяное больше чѣмъ вдвое, если судить по вѣсу потребленнаго сырого матеріала. Ежедневно производится на свѣтъ разныхъ ситцевъ, суконъ, полотенъ, коленкоровъ и прочихъ волокнистыхъ издѣлій на три милліона фунтовъ стерлинговъ, а считая на вѣсъ — около 20.000 тонъ. Англія въ этомъ производствѣ является первымъ государствомъ, а Россія—послѣднимъ. Первая производитъ въ годъ 1.402.000 тоннъ или 80 фунтовъ на жителя, вторая—460.000 тоннъ или 10 ф. на жителя.

Еще бо̀льшій прогрессъ, чѣмъ обработка волокнистыхъ веществъ, оказала обработка металловъ, которая возросла съ 2.680.000 тоннъ желѣза въ 1840 году до 26.010.000 тоннъ въ 1894 г., т.-е. въ десять разъ. Въ этой отрасли человѣческой производительности произошли любопытныя перемѣны за послѣднія 50 лѣтъ. Англія, доставлявшая раньше больше, чѣмъ половину всего желѣза на свѣтѣ, доставляетъ его теперь лишь четвертую часть, и въ ряду народовъ первое мѣсто, вмѣсто нея, занимаютъ Соединенные Штаты Америки. До 1860 г. послѣ Англіи стояла тотчасъ Франція, производившая тогда желѣзо вдвое больше Германіи, а теперь эти двѣ послѣднія страны обмѣнялись мѣстами, и Германія производитъ вдвое больше Франціи. Изъ данныхъ Мюлгола, между прочимъ, видно, что обработанные металлы въ среднемъ пріобрѣтаютъ въ девять разъ бо̀льшую цѣну, чѣмъ необработанные.

Обработка кожъ, по стоимости продуктовъ, слѣдуетъ за металлической, составляя 450 милліоновъ въ годъ или полтора милліона фунтовъ стерлинга въ день. Самое большое количество кожи на жителя приходится въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, а именно, по 10 фунтовъ, а самое малое—въ Россіи, всего по 2 ф., между ними стоятъ Англія—7 ф., Германія—6 и Франція съ 5 ф.

Говоря же вообще о размѣрахъ фабрично-заводской промышленности среди христіанскихъ народовъ, слѣдуетъ сказать, что Соеди-

ненные Штаты производятъ одну треть всего, въ то время какъ население ихъ меньше одной шестой части населенія всѣхъ обозрѣваемыхъ государствъ. Начиная съ 1840 года, американское производство возросло въ 22 раза, а европейское—всего вдвое. Мюлголь приписываетъ этотъ прогрессъ въ Америкѣ пользованію машинной работой, давшей возможность одному взрослому американцу производить въ годъ товара на 270 фун. стерлинговъ, вмѣсто того, чтобы производить лишь на 93 ф. стерл., какъ средній европейскій рабочій.

Еще болѣе крупный успѣхъ за послѣдніе полвѣка оказало горное дѣло. Въ то время какъ продукты сельскаго хозяйства удвоились, а обработывающей промышленности учетверились, горное дѣло увеличилось въ 13 разъ. Въ 1840 году было добыто 26.000.000 тоннъ минераловъ, считая и уголь, на сумму 17.800,000 ф. стерл., въ 1894 году добыто 746.000.000 тоннъ на 302 милліона ф. стерл.

Изъ этого количества уголь составляетъ 70%. Благодаря успѣху въ изобрѣтеніяхъ машинъ и разнымъ техническимъ улучшеніямъ, одинъ рудокопъ добываетъ теперь 240 тоннъ вмѣсто добывавшихся имъ 50 лѣтъ тому назадъ 125 тоннъ. По вѣсу Соединенные Штаты добываютъ треть всего минеральнаго богатства міра, Англія—другую треть, и остальное—всѣ другія государства, вмѣстѣ взятыя. Россія добываетъ около 4% всего количества.

Касаясь же спеціально добычи золота и серебра, Мюлголь указываетъ на тотъ интересный фактъ, что паденіе цѣнности серебра вовсе не зависитъ отъ отношенія его добычи къ золоту. Такъ, въ 1848 г. серебра было въ 32 раза больше золота, теперь же его всего въ двадцать разъ больше, а между тѣмъ цѣнность его сравнительно съ прежней уменьшилась на 50%, когда, наоборотъ, казалось бы, что она должна быть выше. Мюлголь почему-то находитъ въ этомъ фактѣ доводъ противъ притязаній биметаллистовъ, хотя послѣдніе могли бы съ большимъ правомъ увидѣть въ немъ подтвержденіе своей теоріи, а именно, что серебро „искусственно вытѣсняется“ его болѣе счастливымъ соперникомъ, золотомъ.

Очень интересны данныя Мюлгола о международной и внутренней торговлѣ разныхъ государствъ. Съ 1840 г. международныя торговыя сношенія возросли въ шесть разъ, и съ 574 милліоновъ фун. стерлинговъ они достигли въ 1894 г. 3.305 милліоновъ. Само собою разумѣется, что вывозъ одной страны составляетъ ввозъ другой, но уже съ увеличившейся цѣнностью, такъ какъ къ цѣнѣ товаровъ прибавляются расходы по перевозкѣ, страхованію и др. Такимъ образомъ, стоимость ввоза за десятилѣтіе 1871 — 80 гг. превышалъ вывозъ на 13½ процентовъ, но въ слѣдующее десятилѣтіе, кончившееся 1890 годомъ, разница въ стоимости упала до 8%; вслѣдствіе удешевленія

фрахта, развитія телеграфа и другихъ причинъ. Средняя стоимость перевозимой теперь тонны товара на половину меньше, чѣмъ она была 50 лѣтъ тому назадъ. Это показываетъ, что теперь перевозятъ изъ страны въ страну такіе грузы, какіе полвѣка тому назадъ не было никакого разсчета перевозить. При томъ, вообще, цѣны на товары значительно упали. Мюлголь приводитъ таблицу цѣнъ на десять главныхъ предметовъ торговли (мясо, сахаръ, кофе, желѣзо, мѣдь, шолкъ и др.), начиная съ 1794 г., изъ которой видно, что паденіе цѣнъ началось сейчасъ послѣ наполеоновскихъ войнъ, и съ 60-хъ годовъ нашего вѣка цѣны безпрерывно идутъ по покатой плоскости внизъ, что̀ слѣдуетъ объяснить, главнымъ образомъ, распространеніемъ машинъ и улучшеніемъ средствъ сообщенія. Иные склонны искать причину паденія цѣнъ во вздорожаніи золота, но это очевидная нелѣпость, такъ какъ эта причина, еслибы дѣйствительно существовала, вліяла бы рѣшительно на все одинаково, а между тѣмъ заработная плата, квартирная плата, жалованье и вообще вознагражденіе за личныя услуги сильно вздорожали за послѣднія 40 — 50 лѣтъ во всѣхъ странахъ свѣта.

Въ международной торговлѣ Англія стоитъ впереди другихъ, давая въ среднемъ за пятилѣтіе 1888 — 92 гг. 728 милліоновъ ф. стерлинговъ въ годъ, Германія — 355, Соединенные Штаты — 350 и Франція—316 милл. Изъ данныхъ о международной торговлѣ, между прочимъ, видно, насколько металлическія деньги потеряли свою прежнюю роль въ торговыхъ отношеніяхъ. Въ то время какъ перевозка другихъ товаровъ увеличилась, за послѣднія 25—30 л., чуть ли не вдвое, золото переливается изъ одной страны въ другую въ прежнихъ размѣрахъ, такъ что одна унція золота теперь справляется съ тою же величиной торговыхъ оборотовъ, какъ двѣ унціи 30 л. тому назадъ. Фактъ, о которомъ биметаллисты почему-то не любятъ распространяться.

Какъ бы, однако, ни была велика внѣшняя торговля народа, она всегда составляетъ лишь небольшую долю его внутренней торговли, которая и является лучшимъ мѣриломъ народнаго процвѣтанія и благосостоянія. Въ отношеніи Россіи Мюлголь выводитъ, что (онъ считаетъ населеніе въ 105 милліоновъ) на каждаго жителя въ среднемъ выходитъ меньше, чѣмъ десять фунтовъ стерлинговъ международнаго оборота, т.-е. почти вдвое меньше, чѣмъ въ Германіи.

Въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ Соедин. Штаты опередили всѣ другія государства. Въ 1893—4 г. средняя перевозка грузовъ въ день достигала 2.840.000 тоннъ, или 95 фунтовъ на жителя. За Америкой идетъ Германія съ 470.000 тоннъ въ день и съ 21 фунтомъ на жителя. Затѣмъ слѣдуютъ въ нисходящемъ порядкѣ Англія, Франція,

Австро-Венгрія, Россія и Италія. Послѣднія двѣ страны перевозятъ по 4 фунта на жителя въ день. Маленькая Бельгія перевозитъ въ день всего 50.000 тоннъ, но по величинѣ вѣса на жителя она стоитъ между Англіей и Франціей, перевозя 18 фунтовъ въ день.

Всего богатства у христіанскихъ народовъ имѣется на 70 милліардовъ фунт. стерлинговъ, что составляетъ въ шесть разъ больше ихъ ежегоднаго дохода. Изъ этой суммы 32½ милліарда составляютъ недвижимое имущество и 37½—движимое. На долю Россіи приходится около 6½ милліардовъ, Англіи—11,8, Соед. Штатовъ—16,35, а Австро-Венгріи и Италіи вмѣстѣ всего около 8 милліардовъ. Если же считать на жителя, то первою окажется Англія съ 302 фунт. стерлинг., а за нею въ послѣдовательномъ порядкѣ идутъ: Австралія, Франція, Соед. Штаты, Канада, Германія, Австрія, Италія. Ежегодный же заработокъ на человѣка больше, чѣмъ вездѣ, въ Австраліи (46 фунт. стерлинговъ), затѣмъ слѣдуютъ Соедин. Штаты, Канада, Англія, Франція, Германія, Австро-Венгрія и Италія (всего 14 фунт. стерл.). Въ Россіи въ 1894 г. средній заработокъ на душу населенія Мюлголь высчиталъ въ 10 фунт. стерл., т.-е. около 25 копѣекъ въ день; если же принять во вниманіе численность населенія по даннымъ послѣдней переписи, то и этотъ крайне скудный заработокъ еще сократится почти на одну четверть, т.-е. упадетъ до 18—19 коп.

Доходы населенія даютъ между прочимъ и хорошій критерій для сужденія о томъ, насколько тяжко обложена налогами и податями та или другая страна. Слѣдуетъ только взять сумму налоговъ и сопоставить ихъ съ суммой доходовъ и принять опредѣленный процентъ за норму. Мюлголь такъ и дѣлаетъ, взявъ за норму десятую часть дохода. Если, значитъ, налоги составляютъ меньше десяти процентовъ по отношенію къ доходамъ населенія, то налоги можно считать легкими, если больше 10%—тяжелыми. Такимъ образомъ, Мюлголь нашелъ, что Италія, Франція, Испанія и Австро-Венгрія обложены слишкомъ высоко, особенно Италія, гдѣ каждый житель въ среднемъ отдаетъ въ казну 19% своего годового дохода; Германія (10,1%) и Россія (9,5%) сравнительно легко, но уже достигли границы обложенія. Англія съ ея 8,6% тоже близка къ предѣлу, и совершенно легко обложены жители Соед. Штатовъ, платящіе всего 5,2% своихъ доходовъ.

Если принять также десять процентовъ, какъ норму отношенія національнаго долга къ богатству страны, то окажется, что Италія и Франція слишкомъ задолжались, такъ какъ ихъ долгъ составляетъ 14% ихъ богатства, а Соедин. Штаты и тутъ отличились, имѣя всего 2½% долга. Самый меньшій долгъ имѣетъ Германія, всего 1,4%; долгъ Россіи, Англіи и Австро-Венгріи сравнительно небольшой.

Въ заключеніе Мюлголь даетъ таблицы, представляющія расходы разныхъ народовъ на пищу. Это, такъ сказать, итогъ всѣхъ цифръ, и во всякомъ случаѣ самыя характерныя данныя для опредѣленія сравнительнаго благосостоянія народовъ. Человѣкъ, правда, не живетъ однимъ „хлѣбомъ", но экономическая дѣятельность всякаго народа все-таки въ концѣ концовъ сводится къ извѣстному количеству заработковъ и тратѣ ихъ на ѣду.

Какъ и слѣдовало ожидать, пальма первенства принадлежитъ Соед. Штатамъ и Англіи. Въ первой странѣ тратится на пищу лишь одна шестая часть заработковъ, а во второй—немного болѣе четвертой части, и въ то же время эти траты сами по себѣ больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ люди иногда съѣдаютъ больше трети своихъ заработковъ. Такъ, американецъ заработываетъ въ день 29 пенсовъ и тратитъ на пищу 4,9; англичанинъ заработываетъ 23,9, тратитъ 6,4; французъ заработываетъ 20,5, тратитъ 5,8; нѣмецъ заработываетъ 16,2, тратитъ 5,1; русскій заработываетъ 6,2, а тратитъ 2,4, т.-е. всего около десяти копѣекъ. Если же обратиться къ роду пищи, то увидимъ, что чѣмъ бѣднѣе страна, тѣмъ больше въ ней хлѣбъ вытѣсняетъ мясо. Замѣчательно, что, по Мюлголу, на Россію приходится и самое малое потребленіе крѣпкихъ напитковъ, а на Англію—самое большое: въ первой выпивается въ годъ жителями всего на четыре шиллинга,—рубля, значитъ, на два,—а во второй на 47 шиллинговъ, т.-е. чуть ли не въ 12 разъ больше, чѣмъ въ Россіи.

Такимъ образомъ, по даннымъ Мюлгола выходитъ, что Россія—самая бѣдная страна, и что причину этой бѣдности слѣдуетъ, какъ будто, искать не въ слишкомъ большомъ обложеніи, не въ задолженности и не въ пьянствѣ населенія. Наоборотъ, русскій человѣкъ тратитъ на напитки меньше другихъ и обложенъ даже легче, чѣмъ французъ или нѣмецъ. Бѣденъ же онъ потому, что слишкомъ мало выработываетъ продуктовъ. Отчего же, спрашивается, онъ такъ поразительно мало производитъ, несмотря на то, что трудится не меньше другихъ? На этотъ вопросъ таблицы Мюлгола не даютъ прямого отвѣта, но если вы присмотритесь къ нимъ поближе, то замѣтите тотъ несомнѣнный фактъ, что чѣмъ больше развита свобода личности въ государствѣ, тѣмъ личность энергичнѣе въ экономическомъ отношеніи и тѣмъ больше населеніе производитъ. Другого объясненія къ богатству одного народа и къ бѣдности другого пока статистика не даетъ.

С. И. Ра—тъ.

II.

„The Pamirs and the source of the Oxus". By George Curzon M. P. („Памиры и источники Оксуса". Джоржа Кёрзона, члена парламента).

Нынѣшній товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Англіи, Джоржъ Кёрзонъ, будучи, впрочемъ, еще лишь просто членомъ парламента, добровольно, или по приказанію свыше, посѣтилъ Памиры въ 1894 г., а оттуда съѣздилъ въ гости къ афганскому эмиру. Вернувшись въ Англію, онъ о своемъ путешествіи прочелъ рядъ лекцій въ королевскомъ географическомъ обществѣ и въ королевскомъ институтѣ.

Рядъ докладовъ его королевскому географическому обществу о Памирахъ вышелъ нынѣ отдѣльной книгой, и хотя Памиры, по признанію Кёрзона, нами, русскими, основательнѣе, чѣмъ англичанами, изслѣдованы и извѣстны, тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ въ краткихъ словахъ передать содержаніе работы Д. Кёрзона, тѣмъ болѣе, что она имѣетъ не только научный интересъ. „Оксусъ" и „Памиръ" въ настоящее время пріобрѣли такую политическую важность, что съ географическихъ картъ перешли въ международные договоры. „Наше недостаточное знакомство съ Центральной Азіей, — меланхолически замѣчаетъ Hunter въ „Times'ѣ", говоря о работѣ Кёрзона, — повело недавно еще къ топографической ошибкѣ, вызвавшей въ свою очередь запутанные переговоры. Благодаря настойчивости англійскихъ изслѣдователей и терпимости руководящихъ дипломатовъ Россіи, терпимости, выгодно отличающейся отъ враждебныхъ тенденцій русскихъ пограничныхъ генераловъ, Великобританія выпуталась изъ ошибочнаго положенія съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ какой можно было ожидать, но не должно упускать изъ виду вѣроятности вооруженныхъ столкновеній въ будущемъ".

Фельдмаршалъ лордъ Робертсъ, давая заключеніе на послѣднемъ докладѣ Кёрзона, „сердечно поздравилъ м-ра Кёрзона съ успѣхомъ, которымъ увѣнчалось предпринятое имъ путешествіе", и согласился подписаться подъ каждымъ его словомъ, когда онъ говоритъ „о настоятельной необходимости вполнѣ приготовиться ко всякой случайности, могущей возникнуть на сѣверо-западной границѣ Индіи".

Интересна работа Кёрзона, однако, не только въ этомъ отношеніи, но и въ другихъ. День-за-днемъ слѣдить за путешествіями члена парламента по горамъ и доламъ Памира мы не можемъ, конечно, въ краткой рецензіи, какъ не можемъ привести здѣсь in extenso и заключеній, къ которымъ онъ пришелъ,—скажемъ лишь, что вопросъ объ истокахъ Оксуса остается спорнымъ. За таковые Д. Кёрзонъ признаетъ *Вакудягиръ* (37° с. ш. и 74½° в. д.), съ чѣмъ несогласны многіе ан-

глійскіе авторитеты, не говоря уже о русскихъ географахъ, принявшихъ вслѣдъ за Венюковымъ Аксу, какъ истокъ Оксуса. Но всѣ изслѣдователи англичане, начиная съ Т. Гордона и кончая кап. Энгесбандомъ, признаютъ точность и законченность прочихъ работъ Д. Кёрзона. Было бы преждевременнымъ высказывать свое сужденіе о предметахъ спорныхъ даже для спеціалистовъ, но ничто не мѣшаетъ намъ оцѣнить по достоинству историческую сводку изысканій о Центральной Азіи, данную м-ромъ Кёрзономъ, тѣмъ болѣе, что для этого не нужно быть спеціалистомъ. Обозрѣвая открытія, сдѣланныя во время путешествій лицъ различныхъ національностей, когда-либо посѣтившихъ Памиры, Д. Керзонъ дѣлитъ эти путешествія на три класса. Къ первому онъ относитъ пилигримовъ и путешественниковъ азіатскихъ и европейскихъ, отъ начала христіанской эры и до начала настоящаго вѣка; ко второму разряду—англійскихъ, индійскихъ и европейскихъ изслѣдователей въ теченіе настоящаго столѣтія и, наконецъ, къ третьему классу — русскихъ изслѣдователей за тотъ же періодъ. Относительно первой категоріи путешественниковъ мнѣнія современныхъ географовъ нѣсколько разъ существенно измѣнялись. Разсказы китайскихъ пилигримовъ-буддистовъ, предпринимавшихъ въ своемъ религіозномъ усердіи опасныя путешествія изъ Китая въ Индію между 399 и 629 гг. послѣ Р. Х., проливаютъ первый свѣтъ на предметъ изслѣдованій г. Кёрзона. При возрожденіи географическихъ знаній въ первую половину текущаго столѣтія, ихъ разсказы являлись предметомъ ученыхъ толкованій и споровъ. Но многія критическія замѣчанія, сдѣланныя по поводу этихъ разсказовъ, были совершенно апріорными, и только въ послѣднія 30 лѣтъ они были провѣрены изысканіями на мѣстѣ. Интересно отмѣтить, что, по мнѣнію м-ра Кёрзона, „достовѣрность древнихъ авторовъ, отбрасывая неизбѣжныя восточныя преувеличенія несомнѣнно возрастаетъ (по мѣрѣ изысканій)". Занавѣсъ падаетъ вслѣдъ за буддистскими пилигримами и поднимается вновь только спустя 600 лѣтъ. Въ 1274 г. на сценѣ появляется великій вездѣсущій венеціанецъ Марко Поло, съ его замѣчательно достовѣрными описаніями, цѣнность которыхъ еще болѣе возросла, благодаря позднѣйшимъ замѣчательнымъ комментаріямъ не менѣе вездѣсущаго покойнаго сэра Генри Юла (Henry Yule).

Проходитъ снова около шести вѣковъ, въ теченіе которыхъ было совершено только одно путешествіе іезуитомъ Бенедиктомъ Гоэцомъ (Benedict Goez), пока опять начались изслѣдованія Памира. Въ 1838 г. капитанъ Джонъ Вудъ (John Wood), принадлежавшій къ индійскому флоту, начинаетъ собой періодъ изслѣдованія Центральной Азіи, которое, по справедливости, можетъ быть названо научнымъ. М-ръ Кёрзонъ приписываетъ его путешествію значеніе, равное путешествіямъ

буддистовъ 14 вѣковъ тому назадъ, и Марка Поло въ 1274 г. Открытія Вуда возобновили въ публикѣ интересъ къ предмету, хотя ихъ цѣнность была до извѣстной степени подорвана ошибочными заключеніями объ истокахъ рѣкъ, и вообще о гидрографіи Памира. Индійское правительство продолжало, при посредствѣ туземныхъ эмиссаровъ, начатыя изслѣдованія. Одна изъ самыхъ интересныхъ частей работы м-ра Кёрзона посвящена этимъ туземнымъ индійскимъ изслѣдователямъ и произведеннымъ ими важнымъ поправкамъ неизбѣжныхъ ошибокъ, сдѣланныхъ не-туземными изслѣдователями. Самой ранней, хорошо снаряженной, экспедиціей, предпринятой англійскими агентами, была экспедиція 1874 г., при участіи капитана (нынѣ полковника) Троттера (Trotter), лейтенанта (нынѣ сэра) Томаса Гордона (T. Gordon), капитана (нынѣ полковника) Дж. Биддольфа (J. Biddulph) и д-ра Столицы (Stolieza). Отчеты этой экспедиціи являются первымъ серьезнымъ вкладомъ со стороны англичанъ въ сокровищницу научнаго изученія Памира. Вслѣдъ затѣмъ индійское правительство опять продолжало начатую вышеупомянутой экспедиціей работу, какъ при посредствѣ туземныхъ индійскихъ изыскателей, такъ равно пользуясь услугами такихъ изслѣдователей, какъ м-ръ Ней Эліасъ (Ney Elias) въ 1885 г. и полковникъ (нынѣ сэръ) В. Локгартъ (W. Lokhart) и его товарищи въ 1886 и послѣдующихъ годахъ. Въ 1876 г. трое французскихъ ученыхъ сдѣлали первое путешествіе (сопровождавшееся научнымъ отчетомъ о немъ) по Памиру съ сѣвера на югъ, т.-е. отъ русской границы въ Ферганѣ до британской территоріи въ Читралѣ. Особенно плодотворными въ области изслѣдованія Памира оказались послѣднія 8 лѣтъ; начиная съ путешествія м-ра Ст. Джоржа Литтльдаля (St. George Littledale) въ 1888 г., эти годы богаты такими извѣстными именами, какъ майора Кумберлэнда (Cumberland), капитана Боуэра (Bower), капитана Ф. Юнггозбэнда (Yonnghousband), всѣми оплакиваемаго покойнаго лейтенанта Дэвисона (Davison), лорда Дюнмора (Dunmor) и другихъ. Къ вышеперечисленнымъ именамъ необходимо добавить еще барона де-Понсана (de Ponçins) въ 1893 г., голландскаго путешественника графа де-Биллэндта (de Bylandt) въ 1894 г. и шведа д-ра Свена Гедина (Sven Hedin) въ 1895 г. Этотъ длинный списокъ блестяще заключается англійской пограничной памирской коммиссіей, подъ руководствомъ генералъ-майора Джерарда (Gerard) и полковника Голдича (Holdich), демаркаціонныя работы которыхъ на границѣ между озеромъ Викторія и китайской границей исправили карту южнаго Памира въ концѣ прошлаго (1895) года.

Мы переполнили нашъ краткій обзоръ столькими именами не безъ уважительныхъ причинъ. Принявъ во вниманіе продолжительность и упорство усилій, употребленныхъ для разрѣшенія вышеуказанной за-

дачи изслѣдователями различныхъ національностей, не трудно наглядно убѣдиться въ той важности, которую ей приписываютъ въ современной Европѣ. Если въ настоящее время установилось, какъ кажется, полное пониманіе въ этомъ вопросѣ между Англіей и Россіей, то это въ значительной степени необходимо, безъ сомнѣнія, приписать накопленію изслѣдованій по данному вопросу, произведенныхъ независимыми путешественниками, не преслѣдовавшими никакихъ политическихъ задачъ. Д. Кёрзонъ находитъ также, что не слѣдуетъ уменьшать и заслугъ русскихъ изслѣдователей. Россія выступила на это поприще позднѣе Великобританіи, но непосредственная близость ея границъ, послѣдовательное покровительство ея правительства и, наконецъ, случайные набѣги въ область британской зоны помогли ей наверстать потерянное время. Патріотизмъ м-ра Кёрзона не мѣшаетъ ему признать тотъ фактъ, что русскіе агенты произвели болѣе детальное изслѣдованіе сѣвернаго и центральнаго Памира, чѣмъ какое съ ихъ стороны признавалось возможнымъ. „Въ большинствѣ мѣстностей",—говоритъ онъ,—„русскіе не были первыми изслѣдователями. Но когда они прибыли туда, они въ общемъ сдѣлали больше своихъ предшественниковъ. Начало русскихъ изысканій въ области Памира можетъ быть отнесено къ 1871 году. Экспедиціонныя силы Скобелева въ 1876 г. открываютъ дѣйствительный періодъ русскихъ изслѣдованій въ этой области и уже въ слѣдующемъ году генералъ Кауфманъ посылаетъ первую дѣйствительно научную русскую экспедицію. Въ 1878 году двѣ другихъ русскихъ экспедиціи изъ различныхъ отправныхъ пунктовъ преслѣдовали ту же задачу. Вторая оффиціальная большая экспедиція была отправлена въ 1883 г. Ея работы получили дальнѣйшее развитіе, благодаря ряду выдающихся русскихъ изслѣдователей, наиболѣе извѣстными среди которыхъ въ нашей странѣ являются: капитанъ императорской гвардіи (?) Громбчевскій, князь Голицынъ и полковникъ Іоновъ. Въ 1895 году генералъ Швейковскій съ честью представлялъ Россію въ демаркаціонной коммиссіи, и благодаря ему бо̀льшая часть Памира перешла въ русское владѣніе, оставляя въ видѣ „буффера" лишь ненаселенный Малый Памиръ.

„Эра изслѣдованій и открытій въ этой области",—говоритъ въ заключеніе м-ръ Кёрзонъ,—„можно сказать съ увѣренностью—пришла къ концу. Границы области уже опредѣлены и не подадутъ законнаго повода къ какимъ-либо политическимъ столкновеніямъ". Съ своей стороны, мы можемъ лишь сказать, что если М. Кёрзонъ въ этомъ отношеніи окажется добрымъ пророкомъ, то ему простятся многія прегрѣшенія, какъ въ области политики, такъ и науки.—Л. А. Б—чъ.

III.

René Doumic. Études sur la littérature française. Paris, 1898. Стр. 320.

Среди современныхъ французскихъ критиковъ Ренэ Думикъ составилъ себѣ своеобразное положеніе. Онъ сочувствуетъ начинаніямъ новѣйшихъ писателей, поэтовъ и романистовъ, и въ своей книгѣ „Les jeunes“ съ воодушевленіемъ говоритъ о нѣсколькихъ новѣйшихъ романистахъ, отвергнувшихъ всѣ національныя традиціи и обогатившихъ современную литературу вполнѣ оригинальными элементами. Онъ признаетъ значеніе всякой новизны, насколько она мирится, однако, съ самымъ духомъ французской литературы. Вотъ почему этотъ другъ „молодыхъ“ писателей въ то же время очень рѣзко осуждаетъ новаторскія попытки нѣкоторыхъ поэтовъ, занятыхъ исключительно ломкой установленныхъ формъ и созиданіемъ новыхъ рамокъ для будущаго содержанія. Въ новой книгѣ Думика находимъ интересный и обстоятельный, несмотря на краткость, очеркъ, посвященный новой поэзіи и ея внѣшнимъ пріемамъ. Очеркъ этотъ озаглавленъ: „Вопросъ о свободномъ стихѣ“ (La question du vers libre). Созидателемъ свободнаго стиха въ новѣйшей поэзіи считается Густавъ Канъ, авторъ „Palais nomade“ и нѣсколькихъ другихъ стихотворныхъ сборниковъ.

Канъ самъ даетъ опредѣленіе вводимой имъ новизны. „Свободный стихъ,—говоритъ онъ,—въ противоположность прежнему стиху, т.-е. прозаическимъ строчкамъ, прерываемымъ правильной риѳмой, долженъ существовать самъ въ себѣ, помимо риѳмы. Строфа исходитъ изъ перваго стиха, самаго важнаго для развитія поэтическаго періода. Развитіе мысли, создающей строфы, создаетъ и самую поэму или стихотворную главу стихотворной поэмы“. Этимъ опредѣляется главное различіе новаго стиха. Онъ отрицаетъ правильное слѣдованіе двѣнадцатисложныхъ александрійскихъ стиховъ и замѣняетъ ихъ строчками самой разнообразной длины, при чемъ иногда тема намѣчается въ короткомъ шести- или семисложномъ стихѣ, за которымъ слѣдуетъ развитіе или какъ бы варіація основного стиха въ длинномъ, иногда четырнадцатисложномъ стихѣ. Чередованіе мужской и женской риѳмы тоже замѣнено болѣе произвольнымъ сочетаніемъ риѳмы, при чемъ самыя риѳмы лишены прежняго стремленія къ богатству и полнотѣ, а напротивъ, представляютъ склонность къ намѣренной неправильности, къ тому, чтобы не повторять одного и того же звука, а такъ, что отвѣтная риѳма является болѣе слабымъ напоминаніемъ той, къ которой она относится. Въ своемъ идеалѣ свободный стихъ новыхъ фран-

цузскихъ поэтовъ приближается къ ритмической прозѣ. „Стихи есть въ языкѣ вездѣ, гдѣ есть ритмъ, — сказалъ одинъ изъ новыхъ поэтовъ: — въ томъ, что принято называть прозой, встрѣчаются стихи, иногда изумительные, всевозможныхъ ритмовъ. Всякое стилистическое усиліе есть своего рода стихосложеніе". Это приближеніе свободнаго стиха въ своихъ крайнихъ стремленіяхъ къ прозѣ—служитъ его же осужденіемъ, и главные свои доводы противъ новыхъ поэтовъ Думикъ черпаетъ изъ ихъ собственныхъ опредѣленій. „Нельзя,—говоритъ онъ,—отрицать всякаго рода искусственность и все-таки создавать ритмъ. Внѣ правильности не можетъ быть ритмичности. Уничтожая совершенно правило, можно придти только къ прозѣ. Стихъ же долженъ повиноваться законамъ размѣренной рѣчи, правда весьма гибкимъ и растяжимымъ, но вполнѣ твердымъ въ своей растяжимости". Думикъ выступаетъ защитникомъ установленныхъ стихотворныхъ формъ, при чемъ доказываетъ, что традиціонный французскій стихъ менѣе всего ограниченъ александрійскимъ стихомъ, и что всѣ вольности, которыя позволяютъ себѣ новые поэты, оставаясь въ предѣлахъ стиха, уже существовали отчасти у романтиковъ, отчасти у старыхъ поэтовъ XVI в.

Малербъ написалъ знаменитую граціозную пѣсню девятисложнымъ стихомъ. Смѣсь размѣровъ и неправильное чередованіе риѳмъ встрѣчается у столь классическихъ поэтовъ, какъ Лафонтэнъ. Такимъ образомъ, то, что̀ есть допустимаго въ нововведеніяхъ теперешнихъ поэтовъ, оказывается не вполнѣ самобытнымъ. А крайности ихъ начинаній, переходъ къ прозѣ, уже не заслуживаютъ сочувствія.

Доводы критика въ значительной степени справедливы. Но они не касаются самаго главнаго,—того, что стихотворныя преобразованія имѣютъ значеніе лишь тогда, когда они не касаются одной формы. У Верлэна, сочетающаго смѣлость въ обращеніи съ стихомъ съ особенностью настроеній, для которыхъ онъ искалъ новыхъ формъ, поэтическое впечатлѣніе создается взаимодѣйствіемъ формы и содержанія. Если же свободные стихи Кана и нѣкоторыхъ его товарищей производятъ впечатлѣніе сочиненности и какой-то ненужности, то это происходитъ потому, что поэзія, выразительница настроеній, превращена въ своего рода научно-литературный экспериментъ надъ словами и ихъ сочетаніями. Тамъ, гдѣ внѣшняя форма не обусловлена внутреннимъ содержаніемъ, очевидно, роковымъ образомъ отсутствуетъ поэзія.

Строгій къ поэтамъ различныхъ новыхъ школъ, Думикъ относится съ уваженіемъ къ нѣкоторымъ изъ болѣе старыхъ писателей. Онъ не раздѣляетъ предубѣжденія другихъ критиковъ противъ писателей, имѣющихъ вліяніе на толпу; онъ думаетъ, что отсутствіе художе-

ственныхъ достоинствъ не составляетъ условія широкой популярности и доступности. Такъ, напр., говоря о Франсуа Коппэ, большинство критиковъ или принимаетъ вѣжливый тонъ, за которымъ скрывается равнодушное отношеніе, или открыто протестуетъ противъ этого академическаго поэта, пѣвца униженныхъ и оскорбленныхъ. Думикъ справедливо различаетъ въ Коппэ двухъ различныхъ писателей: поэта прежнихъ лѣтъ и публициста, стремящагося заинтересовать читателей газетъ трогательными исторіями добродѣтельныхъ работницъ, влюбленныхъ ремесленниковъ и всякихъ обиженныхъ судьбой дѣтей парижской мостовой. Какъ поэтъ, Коппэ имѣетъ несомнѣнно большія достоинства. Его „Прохожіе“ (Les passants), послужившіе, около 30 лѣтъ тому назадъ, дебютомъ для Сары Бернаръ, не утратили до сихъ поръ свѣжести настроенія, молодости страсти и въ особенности обаянія чистой красоты. Просто и трогательно разсказана въ этой небольшой одноактной пьесѣ въ стихахъ мгновенная вспышка любви у равнодушной, испорченной куртизанки и проснувшаяся вмѣстѣ съ любовью жажда чистоты. Первая любовь влечетъ распутную красавицу къ первой жертвѣ. Она тихо отстраняетъ отъ себя юношу, заставляетъ его уйти, чтобы не испортить его жизнь и даже не омрачить его молодой души пониманіемъ той жертвы, которую она принесла. Искреннее и нѣжное чувство свѣтится въ каждомъ стихѣ этой истинно-молодой поэмы, съ которой выступилъ никому неизвѣстный въ то время, поразительно красивый юноша Коппэ, писавшій свои первые стихи подъ вліяніемъ любви къ актрисѣ, создавшей славу его первой драмѣ. Литературная дѣятельность Коппэ и сценическая карьера Сары Бернаръ начинается съ одной и той же пьесы и шли съ тѣхъ поръ параллельно, доставивъ и поэту, и его первой любви неувядаемую славу. Разсказывая исторію парнасскаго движенія, Катуллъ Мендесъ удѣляетъ большое мѣсто автору „Les passants“, и нужно обратиться къ его книгѣ, чтобы понять литературное значеніе Коппэ. Онъ былъ поэтомъ въ періодъ расцвѣта безкорыстной и безстрастной парижской поэзіи, а когда Ренэ Думикъ говоритъ о поэтическихъ достоинствахъ Коппэ, сужденія его относятся именно къ тому времени, къ которому относились и восторги Мендеса. Потомъ Коппэ избралъ себѣ особый путь: въ немъ выступила чисто французская и даже отчасти парижская черта—чувствительность. Извѣстно, что нигдѣ нельзя встрѣтить столько чувствительности, какъ въ средѣ остроумныхъ, иногда циничныхъ парижанъ, очень легко умиляющихся до слезъ, съ тѣмъ, чтобы черезъ минуту поддаться совершенно противоположному настроенію. Чувствительность Коппэ и сдѣлала его популярнымъ поэтомъ. Онъ началъ умиляться надъ судьбой старой газетчицы, разсматривающей политическія событія, какъ сред-

ство купить теплые чулки своему внучку; онъ сталъ воспѣвать поэзію любовныхъ идиллій въ рабочихъ кварталахъ или защищать рабочихъ, бѣдствующихъ во время стачекъ. Весь современный Парижъ во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ сложной экономической и политической жизни облекается въ цѣломъ рядѣ длинныхъ и короткихъ поэмъ Коппэ въ образы, дѣйствующіе почти исключительно на чувствительность читателя. Въ этой полосѣ своего творчества Коппэ становится все менѣе и менѣе поэтомъ. Чисто-художественныя задачи отступаютъ на второй планъ, и онъ становится всеобщимъ печальникомъ, популярнымъ общественнымъ дѣятелемъ, который дорогъ истиннымъ любителямъ поэзіи только по воспоминаніямъ о прошломъ. Идя по этому пути, Коппэ долженъ былъ придти къ тому, чѣмъ онъ и сталъ за послѣдніе годы,—популярнымъ публицистомъ, который въ своихъ хроникахъ заступается за всѣ жертвы человѣческой несправедливости. Думикъ относится съ большимъ сочувствіемъ къ Коппэ-журналисту. Онъ находитъ, что чувствительность, представителемъ которой Коппэ несомнѣнно является,—законный и полезный элементъ общественнаго организма. Онъ припоминаетъ всѣ заслуги Коппэ, какъ филантропа, призывающаго людей къ дѣятельности на пользу ближнихъ. Думикъ разбираетъ новѣйшій романъ Коппэ: „Le coupable", въ которомъ авторъ старается оправдать преступника, при чемъ выбираетъ объектомъ своей защиты убійцу, совершившаго преступленіе не подъ вліяніемъ страсти, а съ цѣлью грабежа. Разсматривая прошлую жизнь преступника, Коппэ показываетъ, что настоящій виновникъ преступленія — не нравственно-павшій юноша, а его отецъ, человѣкъ изъ общества, бросившій соблазненную имъ дѣвушку и ея ребенка на произволъ судьбы. Не брезгая никакими мелодраматическими эффектами для доказательства своей мысли, Коппэ заканчиваетъ романъ драматической сценой въ судѣ, гдѣ оказывается, что прокуроръ—отецъ обвиняемаго. Какъ этотъ мелодраматическій конецъ, такъ и весь романъ производитъ впечатлѣніе намѣренной сантиментальности. Но Думикъ сочувствуетъ стремленіямъ автора и восхваляетъ въ немъ учителя нравовъ. Къ заслугамъ Коппэ онъ причисляетъ всѣ его хроники и воззванія въ пользу то рабочихъ, то поляковъ, то всякихъ другихъ жертвъ политики и экономическихъ условій. Такимъ образомъ, начавъ съ поэта-Коппэ, достоинства котораго, въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнны, критикъ постепенно переноситъ свои симпатіи на общественную проповѣдь Коппэ, забывая, что она стоитъ совершенно внѣ его литературныхъ достоинствъ, и что хроники его, такъ же, какъ и романъ, написаны слабо, ординарно. Для того, чтобы быть искреннимъ моралистомъ и учить людей любви, нужно быть такимъ же самобытнымъ и проникновеннымъ, какъ для того, чтобы быть большимъ поэтомъ.

А этихъ внутреннихъ достоинствъ сантиментальныя проповѣди Коппэ не имѣютъ.

Интересенъ въ книжкѣ Думика очеркъ, написанный по случаю смерти Э. Гонкура и посвященный главнымъ образомъ психологическому анализу его личности и только отчасти его произведеніямъ. Критикъ относится очень рѣзко къ тщеславію или, вѣрнѣе, литературному кокетству, составлявшему основную черту старшаго изъ Гонкуровъ. Уже издавна принято считать, что Гонкуры, въ особенности старшій изъ нихъ, были яркими типами литераторовъ, живущихъ только своимъ литераторствомъ, равнодушныхъ ко всему, что̀ ихъ окружало, занятыхъ только своими книгами и ихъ судьбой и, кромѣ того, еще судомъ надъ другими писателями. Думикъ рѣзко осуждаетъ этотъ „омделетризмъ", которымъ сами Гонкуры отчасти гордились, и жалѣетъ писателей, которые намѣренно съуживали горизонтъ своихъ наблюденій. „Гонкуры,—говоритъ онъ,—были очень тонкими наблюдателями, не умѣющими, правда, проникать въ глубину вещей и читать въ живыхъ сердцахъ, но приспособленными къ внѣшней наблюдательности, къ тому, чтобы отмѣчать вѣрно и точно всѣ внѣшніе оттѣнки. Но по странной особенности и намѣренной искусственности ихъ манеры они закрывали себѣ сами горизонтъ и устраняли предметы наблюденія. Они не вмѣшивались въ жизнь равныхъ себѣ, они презирали свою эпоху и тѣмъ самымъ лишали себя возможности знать ее; политическіе вопросы, религіозные и общественные интересы такъ же чужды имъ, какъ еслибы они жили на пустынномъ островѣ. Семейная жизнь связана была въ ихъ умѣ только съ непріятнымъ долгомъ новогоднихъ посѣщеній. Дружбу они видѣли только сквозь литературныя сношенія, т.-е., другими словами, отрицали ее. Они совершенно не знали любви, а удовольствія и развлеченія оставляли въ нихъ послѣ себя такое отвращеніе, что они старались удалить образъ ихъ. Ничто изъ того, что̀ обыкновенно трогаетъ сердца, не встрѣчало въ нихъ отголоска, и можно сказать, что все человѣчное имъ чуждо. Литературная сторона жизни нѣсколькихъ современниковъ и ихъ собственная душа—вотъ единственное поле ихъ наблюденій". Въ этомъ опредѣленіи Думика вѣрно подмѣчена исключительность Гонкуровъ, сосредоточившихъ всю свою жизнь на своемъ отношеніи къ искусству, на томъ, чтобы не жить, а только отражать жизнь. Но эта узкость горизонта вовсе не ведетъ за собой, какъ думаетъ Думикъ, бѣдность фантазіи; напротивъ, именно въ этой ограниченной области Гонкуры выказали чудеса наблюдательности и необычайное богатство психологическихъ наблюденій, которыя тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что направлены не на яркія чувства, а на оттѣнки внутреннихъ переживаній. Литературнаго тщеславія было у нихъ, ко-

нечно, очень много, но въ немъ сказывалась также особенная искренность. Думикъ отмѣчаетъ факты, которые, по его мнѣнію, рисуютъ смѣшную сторону отчужденности Гонкуровъ. Такъ, напр., извѣстно, что они не могли простить Наполеону III того, что coup d'état, начавшее его царствованіе, совпало какъ разъ съ выходомъ въ свѣтъ ихъ перваго произведенія. „Нелѣпая" парижская публика такъ огорчена была политическими событіями, что не обратила вниманія на другое, болѣе крупное, по мнѣнію Гонкуровъ, событіе—литературное рожденіе новыхъ писателей. Старшій изъ Гонкуровъ въ старости тоже жаловался на преслѣдованія судьбы изъ-за того, что выходъ въ свѣтъ седьмого тома его „Дневника" опять совпалъ съ крупнымъ политическимъ происшествіемъ — на этотъ разъ съ убійствомъ Карно. Отмѣчая эту, по его мнѣнію, дѣтскую черту тщеславія Гонкуровъ, Думикъ поздравляетъ его съ тѣмъ, что смерть его, по крайней мѣрѣ, произошла въ надлежащій сезонъ—въ глухую лѣтнюю пору, когда никакія общественныя и политическія событія не помѣшали газетамъ и журналамъ наполнять столбцы и страницы статьями о старшемъ изъ Гонкуровъ, пережившемъ на 20 лѣтъ больше своего младшаго брата и литературнаго двойника. Крайнее литературное тщеславіе Гонкуровъ показываетъ, впрочемъ, только необычайную цѣльность натуры обоихъ братьевъ. Они, въ самомъ дѣлѣ, жили не для жизни, а для искусства, и только то, что̀ связано было съ интересами искусства, казалось имъ единственно важнымъ. Себя самихъ они считали жрецами красоты, и, отдавъ всю свою душу и всѣ свои человѣческія чувства на служеніе одной литературѣ, они были совершенно искренни въ своемъ восторженномъ отношеніи къ литературѣ и очень презрительномъ—къ жизни. Въ ихъ искусственномъ отчужденіи отъ общественныхъ условій и отъ общаго теченія современности есть полная искренность,—въ этомъ ихъ оправданіе и ихъ значеніе, которое, однако, Думикъ не хочетъ признать, упорно считая эту замкнутость искусственнымъ пріемомъ и слѣдствіемъ пустого тщеславія.

Изъ произведеній Гонкуровъ Думикъ отдаетъ предпочтеніе тѣмъ, которыя написаны были вмѣстѣ обоими братьями. Позднѣйшія сочиненія одного старшаго Гонкура онъ считаетъ тщетнымъ и жалкимъ усиліемъ удержаться на той высотѣ, которая создана была единственнымъ въ своемъ родѣ сотрудничествомъ. Въ томъ же, что̀ оба брата писали вмѣстѣ, онъ видитъ тонкость внѣшнихъ наблюденій, артистичность, любовь къ предметамъ, доведенную до художественной полноты, и главнымъ образомъ ихъ нервность и чуткость, которую, по мнѣнію критика, они искусственнымъ образомъ въ себѣ воспитали. Но зато онъ отрицаетъ въ нихъ умъ. Мысли Гонкуровъ были, по мнѣнію критика, большею частью ничтожны, неглубоки и главное—не

умны, несмотря на ихъ кажущуюся оригинальность. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Думикъ приводитъ, въ самомъ дѣлѣ, цѣлый рядъ очень своеобразныхъ сужденій, въ родѣ, напр., слѣдующихъ: „Больше всего мысли являются людямъ послѣ обѣда: полный желудокъ выдвигаетъ мысль, подобно растеніямъ, у которыхъ выступаетъ на листьяхъ потъ послѣ того, какъ оросили почву, на которой они ростутъ... Мнѣ приходитъ ужасная мысль, что для населенія вѣковъ существуетъ только опредѣленное число душъ, проходящихъ и возвращающихся въ міръ, подобно солдатамъ въ театральномъ шествіи, входящимъ и выходящимъ изъ-за кулисъ... Всякій человѣкъ, женщина или мужчина, который любитъ рыбу, имѣетъ очень тонкій вкусъ. Какъ ужасны должны быть угрызенія совѣсти послѣ преступленія у привратника: ночью совѣсть его должна просыпаться съ каждымъ звонкомъ“ и т. п. Эти изреченія въ самомъ дѣлѣ рисуютъ умъ писателей какъ будто въ неблагопріятномъ свѣтѣ, но, конечно, нельзя опредѣлять умъ писателя по отдѣльнымъ подобраннымъ изреченіямъ, и подобнаго рода букеты выраженій можно собрать у кого угодно. Но въ общемъ Думикъ правъ, считая, что Гонкуры возродили манерность въ современной французской литературѣ, и что ихъ вліяніе отразилось болѣе на стилѣ и внѣшнихъ пріемахъ, чѣмъ на внутреннемъ содержаніи писателей молодого поколѣнія.—З. В.

АЛЬФОНСЪ ДОДЭ.

† 6 (18) декабря 1897.

Въ лицѣ Альфонса Додэ исчезаетъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ французскихъ романистовъ, соединявшій въ себѣ истинно художественный талантъ съ полной доступностью для средняго круга читателей. Смерть застигла Додэ еще неустанно работающимъ, несмотря на болѣзнь, которая подтачивала его силы. Въ текущемъ году вышелъ сборникъ его разсказовъ (La Fédor), большая повѣсть (Le Trésor d'Arlatan), одна изъ его лучшихъ провансальскихъ вещей; въ настоящее время печатается романъ Додэ въ одной изъ парижскихъ газетъ—и, вѣроятно, много другихъ законченныхъ вещей и отрывковъ, найденныхъ въ его бумагахъ, выйдутъ еще въ свѣтъ послѣ смерти романиста. Альфонсу Додэ было пятьдесятъ-восемь лѣтъ. Онъ родился въ Нимѣ, въ Провансѣ, въ 1840 году, провелъ дѣтство и часть молодости въ южной Франціи, долго жилъ въ Ліонѣ, питая

свое воображеніе жизнью юга, до него мало отраженнаго въ литературѣ, и проникаясь колоритомъ Прованса, свѣтлостью природы, яркостью непосредственныхъ чувствъ и настроеній, свойственной южанамъ, съ ихъ открытостью и непосредственностью. Молодость Додэ, лишенія, среди которыхъ онъ учился, тяжелыя жизненныя условія, недолгая учительская дѣятельность и, наконецъ, первое время парижской жизни, томительное начало литературной дѣятельности,—все это хорошо извѣстно читателямъ Додэ. Непосредственность его натуры побуждала его разсказывать собственную жизнь и вкладывать свой собственный душевный опытъ въ героевъ своихъ повѣствованій. Сдѣлавшись романистомъ, войдя въ близкія отношенія съ родственной ему по духу группой писателей, — Флоберомъ, Гонкурами, Зола̀, Мопассаномъ, онъ внесъ въ новый французскій романъ своеобразные и вполнѣ опредѣленные элементы. Онъ не былъ ученикомъ почитаемыхъ имъ и превосходящихъ его по силѣ таланта мастеровъ—Флобера и Гонкуровъ. Въ то время, когда онъ началъ писать, у него была вполнѣ опредѣленная, выяснившаяся личность, богатый міръ пережитыхъ чувствъ, своеобразно настроенная душа. И только для отраженія всего этого, только по литературнымъ пріемамъ и общему эстетическому пониманію, онъ сталъ не столько послѣдователемъ и ученикомъ, сколько союзникомъ писателей натуралистической школы.

Додэ обыкновенно причисляютъ къ натуралистамъ, удѣляя ему второстепенное мѣсто, ставя его ниже Гонкуровъ и Зола̀ и считая его болѣе слабымъ выразителемъ анти-буржуазныхъ идей, чѣмъ такіе крайніе обличители современности, какъ Зола̀. Додэ ставятъ въ упрекъ его южную сантиментальность, заставляющую его уклоняться отъ рѣзкой правды и какъ бы дѣлать уступки существующему порядку вещей, умиляться передъ тѣми, которые достойны презрѣнія. Таковы ходячія мнѣнія о Додэ; въ дѣйствительности же, онъ—одинъ изъ представителей „романа парижскихъ нравовъ", собиратель „documents humains", заходящій даже такъ далеко въ своей погонѣ за такими „фактами", что нѣкоторые изъ его портретовъ—почти прозрачныя сатиры на извѣстныхъ всему Парижу лицъ. Онъ писалъ много романовъ „съ ключомъ", изображалъ тѣхъ или другихъ героевъ дня подъ очень прозрачными масками, описывалъ въ своихъ романахъ Гамбетту, герцога Морни, извѣстныхъ академиковъ, вводилъ въ содержаніе романовъ процессы, памятные всѣмъ по газетнымъ извѣстіямъ, и описывалъ то яркія и общеизвѣстныя происшествія парижской жизни, то невѣдомые уголки пестрой столичной суеты, изученной имъ до совершенства. Но, въ сущности, этотъ „паризіанизмъ" не составляетъ главной особенности Додэ, и сопоставлять его съ группой его литературныхъ друзей только потому, что и онъ, какъ они, описывалъ парижскіе нравы,—

едва-ли будетъ справедливо по отношенію къ писателю, у котораго есть совершенно своеобразныя достоинства. Какъ романистъ, примкнувшій къ реалистической школѣ, Додэ представляетъ, быть можетъ, больше недостатковъ, чѣмъ качествъ. Въ его парижскихъ романахъ нѣтъ психологической глубины. Рисуя дѣйствительность, онъ остается на поверхности ея. Парижъ отразился въ романахъ Додэ только своей живописной стороной. Движенія массъ, свѣтскій и буржуазный бытъ, скрытые уголки нравовъ, нищета и нравственная порча, сказывающаяся въ запутанныхъ отношеніяхъ людей, господство случайности въ жизни большого города, безотрадность лихорадочно-шумныхъ и безнадежно-пустыхъ существованій и гибель личности въ суетѣ внѣшнихъ событій,—все это вошло въ парижскіе романы Додэ и дѣлаетъ ихъ иллюстраціей современности. Но дальше этой бытовой иллюстраціи Додэ въ своихъ романахъ не пошелъ. Типы чуждой ему парижской жизни онъ не могъ понять глубоко. Какъ художникъ прежде всего непосредственный, съ лирической душой, Додэ вкладываетъ свой природный оптимизмъ въ изображеніе характеровъ, а это придаетъ сантиментальность его мнимо-реальнымъ повѣстямъ и романамъ. У него слишкомъ много личнаго отношенія къ его героямъ, и это лишаетъ его реалистическіе романы полной выдержанности. Онъ не умѣетъ изображать ничего безотносительно, безъ суда. Въ его романахъ намѣчаются тотчасъ же положительные и отрицательные типы, при чемъ и тѣ, и другіе, изображаются слишкомъ густыми красками, и доводятся иногда до шаржа въ ту или другую сторону. Никто изъ современныхъ романистовъ не изображалъ столь умилительныхъ типовъ честныхъ тружениковъ, преданныхъ женщинъ, безкорыстныхъ друзей, жертвующихъ собой, безмолвныхъ жертвъ своего любящаго, вѣрнаго сердца, а съ другой стороны—сухихъ эгоистовъ, живущихъ на счетъ чужой доброты, „борцовъ за жизнь“, хладнокровно поѣдающихъ свои безобидныя жертвы, и т. д. Въ сущности, въ психологическомъ отношеніи, только эти контрасты эгоизма и самоотверженія онъ и представилъ въ своихъ романахъ. Старый Рислéръ, добрый геній своего недостойнаго друга и благородная жертва бездушной кокетки; мать Жака, женщина съ пустой головой, вѣтреная, но любящая и потому ставшая игрушкой сухого эгоиста и обреченная быть вѣчной мученицей; семейство Делобэлей, гдѣ корректный и благородный глава семейства живетъ, и поддерживаетъ свое достоинство цѣной всѣхъ радостей жизни и даже самой жизни труженицы дочери и ея безропотной матери; идиллическая семья мелкаго чиновника, гдѣ отецъ и дочери живутъ въ любви и въ невѣдѣніи зла, какъ ангелы въ раю, и становятся всѣ жертвой непонятнаго, чуждаго имъ людского зла, —и рядомъ съ группой безсознательныхъ эгоистовъ и ихъ столь же

безсознательныхъ жертвъ выступаетъ въ позднѣйшихъ романахъ новая группа людей, въ которой сохраняются тѣ же отношенія: сознательные борцы за жизнь, карьеристы въ политикѣ, въ ученомъ мірѣ и въ общественной жизни, пробиваютъ себѣ властно дорогу, понявъ и принявъ ученіе о борьбѣ за жизнь, и жертвы ихъ, т.-е. опять тѣ же любящія женщины или наивные кабинетные люди, не знающіе жизни, продолжаютъ ложиться подъ ноги властителей, которыхъ имъ послала судьба.

Эгоизмъ, какъ основа общественной жизни, и создаваемая имъ борьба, сознательная или безсознательная,—вотъ все, что ясно видѣлъ Додэ въ современности, и къ этому сводится психологическая сторона всѣхъ его парижскихъ романовъ, сантиментальныхъ уже по самой постановкѣ вопроса. Обличая эгоизмъ и умиляясь передъ его жертвами, Додэ, очевидно, становится моралистомъ и тѣмъ самымъ утрачиваетъ пониманіе многосложности всякой души, такъ же какъ утрачиваетъ объективность и философскую холодность, т.-е. то, что наиболѣе необходимо художнику-реалисту.

Вотъ почему романы Додэ интереснѣе именно своей внѣшней стороной. У Додэ большая наблюдательность, большое чутье жизни и онъ понимаетъ жизнь въ ея большихъ и безсознательныхъ проявленіяхъ. Онъ можетъ дать и даетъ вѣрныя и яркія изображенія общественныхъ настроеній, особой поэзіи внѣшней и на видъ пустой жизни, умѣетъ передать атмосферу какого-нибудь парижскаго квартала или изобразить общественныя катастрофы, въ которыхъ каждый погибаетъ по-своему, и каждая гибель имѣетъ свою выдержанность и красоту. Въ изображеніи толпы, какая бы она ни была, и движеній, захватывающихъ общимъ настроеніемъ разнородные элементы, Додэ, можно сказать, дома. Но отъ него ускользаетъ индивидуальность, и, какъ реалистъ, онъ всегда останется лишь бытописателемъ и иллюстраторомъ парижской жизни, но не психологомъ, которому ясенъ внутренній механизмъ, создающій явленія внѣшней жизни. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ несомнѣнно ниже Гонкуровъ, съ ихъ болѣе широкимъ пониманіемъ жизни и большимъ проникновеніемъ въ оттѣнки и контрасты человѣческой психологіи. Ниже Гонкуровъ онъ стоитъ еще по своей сантиментальности и нравоучительности. Гонкуры —тѣ рѣдкіе французскіе художники, у которыхъ нѣтъ этой національной слабости французскихъ писателей.

Но Додэ отличается отъ современныхъ ему французскихъ реалистовъ не только своими недостатками, но и положительными свойствами своего несомнѣнно большого дарованія. Если онъ и не реалистъ, то онъ во всякомъ случаѣ поэтъ; если онъ не знаетъ глубины парижской психологіи, то онъ весь проникнутъ пониманіемъ и чув-

ствомъ иной психологіи—южной. Заслуга Додэ—въ томъ, что онъ внесъ югъ во французскую литературу. Отразить какое-нибудь жизненное явленіе значитъ возсоздать его,—и въ типахъ Нумы Руместана, Тартарена и цѣломъ рядѣ мелкихъ фигуръ провансальцевъ, мужчинъ и женщинъ, простыхъ поселянъ и людей, вышедшихъ изъ Прованса и покорившихъ себѣ Парижъ, Додэ создалъ нѣчто, въ самомъ дѣлѣ, оригинальное и тѣмъ самымъ цѣнное для литературы. Творчество Додэ въ его изображеніи Прованса носитъ лирическій характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ ту глубину психологическаго проникновенія, которая отсутствуетъ въ его парижскихъ романахъ. Додэ извлекаетъ своихъ южанъ изъ глубины собственнаго сознанія, и потому они у него выходятъ жизненными до конца, полными тѣхъ противорѣчій и переходовъ въ характерѣ и чувствахъ, создаваемыхъ жизнью и идущихъ въ разрѣзъ со всякими предвзятыми нравственными сужденіями. Парижане у Додэ—то ангелы, заставляющіе плакать о себѣ, то негодяи, отталкивающіе сухостью и мелочностью своей души. Южане же его—настоящіе живые люди, прежде всего вызывающіе сочувствіе своей жизненной силой, своей отзывчивостью ко всему, что жизнь создаетъ и привлекательнаго, и огорчительнаго. Въ нихъ воплощенъ принципъ жизни, и вслѣдствіе этого они не могутъ не быть привлекательными, какъ бы велики ни были ихъ недостатки и пороки, какъ бы разногласіе воли и непосредственнаго чувства ни дѣлало ихъ источникомъ страданій для другихъ, какъ бы, наконецъ, увлеченіе и, такъ сказать, утопаніе въ моментѣ,—въ ущербъ тому, что можетъ произойти черезъ минуту,—ни дѣлало ихъ измѣнчивыми, безразсудными, почти преступными. Создавая типы южанъ, Додэ не хотѣлъ ни поднять ихъ на пьедесталъ, ни повторять обычныя обличенія ихъ въ лживости, плутоватости и всякихъ мелкихъ порокахъ. Всѣ ихъ дурныя стороны онъ изобразилъ съ полной ясностью, но не какъ моралистъ, а какъ поэтъ. Онъ освѣтилъ своихъ южанъ ослѣпительнымъ блескомъ солнца ихъ родины, и въ этомъ свѣтѣ мелкіе лгунишки сдѣлались безсознательными поэтами, живущими всегда въ области фантазіи, видящими жизнь и предметы только въ освѣщеніи этого обманчиваго, всеукрашающаго солнца. „Не мы лжемъ, а наше солнце обманываетъ насъ", говоритъ одинъ изъ героевъ Додэ. Художникъ подмѣтилъ непосредственность чувства, которая таится за кажущейся лживостью натуры, и изъ этихъ контрастовъ создалъ безсмертные типы людей, всегда готовыхъ покорять міры и живущихъ иллюзіями и своихъ силъ, и своихъ побѣдъ. Во всѣхъ слояхъ общества Додэ находитъ представителей коварнаго и прекраснаго юга. Въ частной жизни, среди мелкихъ будничныхъ условій выработывается типъ Тартарена, человѣка, соединяющаго благородное донкихотство съ безсознательнымъ хвастовствомъ, съ вѣч-

нымъ опьяненіемъ и съ особой южной стихійностью, широко задумывающій жизнь и дополняющій воображеніемъ то, что̀ дѣйствительность не можетъ дать. Тартаренъ стремится къ подвигамъ. Онъ хочетъ прославить свою родину и себя, и воображеніе дѣлаетъ все для него возможнымъ. Онъ воображаетъ себя охотникомъ за львами, но, къ сожалѣнію, только воображеніе его полно жажды подвиговъ, а тѣло его слабо,—онъ трусливъ по натурѣ, и исторія его охоты за львами и того, какъ онъ почти поймалъ стараго слѣпого льва, убѣжавшаго изъ звѣринца, представляетъ мало пищи его геройскому честолюбію. Но тутъ открывается широкое поприще для южнаго воображенія. Онъ выдумываетъ подвиги, которыхъ не могъ совершить, и, выдумывая ихъ, начинаетъ самъ имъ вѣрить. Еще болѣе эти контрасты трусости и предпріимчивости, наивной довѣрчивости, плутоватости и стихійной лжи, которая не отдаетъ себѣ сама отчета въ томъ, какъ и для чего она уклонилась отъ истины, сказываются во второй серіи подвиговъ Тартарена, его путешествіи по Швейцаріи и въ безсознательныхъ подвигахъ, проистекающихъ, въ сущности, изъ сочетанія трусости и хвастовства. Тартарену кто-то въ шутку сказалъ, что всѣ швейцарскія крутизны, въ сущности, показныя и устроены компаніей, которая эксплуатируетъ путешественниковъ, соблазняя ихъ мнимыми опасностями и обирая ихъ карманы. Тартаренъ самъ такой чистосердечный лгунъ, что не можетъ не вѣрить всякому другому человѣку, и, увѣренный въ безопасности всякихъ горныхъ восхожденій, взбирается на самыя опасныя вершины, подсмѣиваясь надъ компаніей, которой не удалось провести его. Во всякомъ эпизодѣ этой остроумной эпопеи характеръ ея героя дополняется новой чертой, и въ общемъ получается грандіозная фигура безсознательнаго геройства и столь же безсознательнаго благородства души, которое сочетается страннымъ образомъ съ мелкимъ плутовствомъ, какимъ-то полудѣтскимъ тщеславіемъ и широкимъ эпическимъ даромъ лжи, которая по своей чистой безкорыстности переходитъ уже въ особое безсознательное творчество, въ сліяніи съ безпредѣльнымъ творчествомъ природы въ странѣ солнца и голубыхъ волнъ. Нужно было быть истиннымъ поэтомъ, чтобы окружить ореоломъ поэзіи этотъ типъ, со всѣми его мелкими и непривлекательными чертами. Нужно было понять чувство жизни, составляющее стихійное начало сложной и таинственной по своей безсознательности натуры Тартарена и нужно было не наблюдать ее со стороны, а исходить изъ самой ея сущности и возсоздать ее столь же богатою и сильною своими противорѣчіями, какою сдѣлала ее природа. И это удалось Додэ. Въ лицѣ Тартарена онъ объяснилъ, т.-е. оправдалъ, стихійность человѣческой натуры и внесъ въ разсудочность классическаго французскаго сѣвера яркую полноту жизни юга.

Понявъ Тартарена на низшихъ ступеняхъ жизни, среди мелкихъ явленій провинціальнаго быта, Додэ прослѣдилъ южный элементъ въ жизни Франціи на представителяхъ высшихъ классовъ. Отъ охотника за африканскими львами онъ перешелъ къ министру и управителю судьбами страны—къ Нумѣ Руместану, для котораго, къ тому же, онъ имѣлъ живую модель въ лицѣ Гамбетты. Перенесенный на сѣверъ, въ среду людей, не понимающихъ роковыхъ противорѣчій воли и силы, Нума Руместанъ долженъ былъ непремѣнно возбудить больше непріязни и осужденія, чѣмъ пониманія. Все подпадаетъ его обаянію не потому, что его широкая, увлекающаяся натура привлекала бы сама по себѣ, а потому, что ему вѣрятъ и дѣлаютъ изъ словъ его выводы, ожидая отъ него поступковъ, между тѣмъ какъ весь онъ—въ словахъ и намѣреніяхъ. Додэ показываетъ трагическія слѣдствія разлада между южаниномъ и чуждой ему сѣверной средой. Всѣ вокругъ него несчастны; никто не хочетъ понять, что это человѣкъ, созданный для толпы, для улицы, а не для интимности и не для законченныхъ, послѣдовательныхъ поступковъ. Перенесенный въ сферу общественной дѣятельности, типъ Тартарена, воплощенный въ Нумѣ Руместанѣ, становится трагическимъ, и въ этомъ тоже сказалось тонкое чутье Додэ, страннымъ образомъ сказывающееся всегда, когда дѣло касается излюбленнаго и всецѣло ему понятнаго юга, и оставляющаго его, когда онъ изображаетъ чуждую ему среду.

Въ маленькихъ разсказахъ Додэ, посвященныхъ изображенію южной жизни, т.-е. драмамъ, происходящимъ въ натурахъ, живущихъ однимъ сердцемъ, Додэ проявляетъ себя тѣмъ же субъективнымъ поэтомъ, полнымъ лирическихъ настроеній. „Провансальскія сказки" Додэ, быть можетъ,—лучшее, что онъ создалъ въ художественномъ отношеніи. Поэтическія подробности южной природы сочетаются тамъ съ изображеніемъ простыхъ и трогательныхъ чувствъ, или съ весельемъ, черпающимъ свой источникъ въ голубой прозрачности неба и безконечно разнообразной игрѣ голубыхъ волнъ. Стихійная красота, стихійныя чувства, стихійные контрасты въ людяхъ, не разсуждающихъ о добрѣ и злѣ, а живущихъ такъ, какъ свѣтитъ ихъ солнце—вотъ область, въ которой Додэ полный и совершенный художникъ, творенія котораго будутъ жить всегда. Но выходя изъ этой области, изображая людей въ отношеніяхъ другъ къ другу, въ обстоятельствахъ такъ или иначе вліяющихъ на характеръ, Додэ становится опять нѣсколько сантиментальнымъ и условнымъ.—З. В-ва.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1898.

Московскій комитетъ для содѣйствія устройству студенческихъ общежитій.—Рѣчи проф. Виноградова и Чупрова, статьи проф. Филиппова.—Русскія общежитія и англійскіе „колледжи“.—„Вѣчные“ помощники присяжныхъ повѣренныхъ.—Всеобщее обученіе и школа грамоты.—Рѣчь полтавскаго губернатора.—Post-Scriptum.

Въ Москвѣ энергично подвигается впередъ дѣло устройства студенческихъ общежитій. Къ суммѣ въ 300 тысячъ рублей, отпущенной на этотъ предметъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, отъ 9-го мая 1896 г., изъ государственнаго казначейства, присоединяются значительныя частныя пожертвованія (въ томъ числѣ 50 т. и 8 т. руб.— отъ профессоровъ московскаго университета Новацкаго и Снѣгирева). На участкѣ земли, пріобрѣтенномъ для устройства общежитій, предполагается возвести три дома, каждый, приблизительно, на сто пятьдесятъ человѣкъ. Первый изъ нихъ будетъ готовъ осенью 1898 г. и обойдется въ 221 тыс. руб.; остальныхъ имѣющихся на лицо денегъ будѐтъ почти достаточно для постройки второго дома, а на постройку третьяго скоро, нужно надѣяться, пріищетъ средства вновь образованный комитетъ для содѣйствія устройству общежитій. Судя по рѣчамъ, произнесеннымъ учредителями комитета въ собраніи 7-го декабря, общежитія будутъ заботиться не объ одномъ только матеріальномъ благосостояніи студентовъ: они сдѣлаются,—говоря словами проф. Виноградова,—„учрежденіями, въ которыхъ молодые люди дѣйствительно будутъ жить общею жизнью, учрежденіями, благопріятно направляющими и развивающими присущій молодежи духъ товарищества“. „Съ разныхъ курсовъ и съ разныхъ факультетовъ,—продолжалъ П. Г. Виноградовъ,—сойдутся въ общежитіе студенты. При этомъ чисто-профессіональныя задачи по необходимости отступятъ нѣсколько назадъ, а выдвинется впередъ основа общаго образованія, къ которой всѣ спеціальности такъ или иначе примыкаютъ. Прискорбная односторонность, которую такъ часто приходится наблюдать въ обособившихся кружкахъ спеціалистовъ, смягчится при постоянномъ общеніи съ представителями другихъ спеціальностей“. Если общежитіямъ удастся достигнуть этой цѣли, они окажутъ великую услугу не только отдѣльнымъ студентамъ или группамъ студентовъ, но и всей учащейся молодежи, а слѣдовательно и всему русскому обществу. Они сдѣлаютъ, хотя бы отчасти, то, что̀ недоступно теперь для оффиціальнаго университетскаго преподаванія: они увеличатъ сумму знаній, не пріуроченныхъ

ни къ какой спеціальности, ни къ какой карьерѣ,—знаній, которыя особенно важно пріобрѣсти именно въ молодые годы, до вступленія въ практическую жизнь, какъ противовѣсъ всему, что̀ встрѣтится въ ней замкнутаго, ограниченнаго, узкаго... *Какъ* предполагается организовать эту сторону студенческаго быта въ общежитіяхъ—въ рѣчи проф. Виноградова подробно не объяснено: выражена только надежда, что „библіотека, читальня, научныя и литературныя бесѣды, музыкальныя занятія и всякаго рода проявленія интеллигентной и облагораживающей общественности найдутъ благодарную пищу въ общежитіи". Нѣсколько дольше ораторъ остановился лишь на возможности завести при общежитіи „учебно-воспитательную часть—практическія занятія всякаго рода, въ которыхъ теперь чувствуется такая потребность... Вспомогательное преподаваніе, разсчитанное на небольшія группы студентовъ, призывающее ихъ къ постоянной самодѣятельности, приближенное къ ихъ индивидуальнымъ потребностямъ и особенностямъ, могло бы оказать драгоцѣнную помощь въ чисто-учебномъ отношеніи. Конечно, участіе въ такихъ занятіяхъ должно быть вполнѣ добровольное; но опыты практическихъ курсовъ въ самомъ университетѣ показываютъ, что такіе курсы могутъ разсчитывать на прочное и ревностное сочувствіе студентовъ. Еслибы намъ удалось завести при нашихъ общежитіяхъ нѣчто хотя бы отчасти напоминающее педагогическую дѣятельность коллегій при англійскихъ университетахъ, то это навѣрное будетъ поставлено намъ въ заслугу"... „Какъ бы ни была велика—читаемъ мы дальше—разница между нашимъ демократическимъ студенчествомъ и сыновьями обезпеченныхъ людей, которые составляютъ главный контингентъ университетской молодежи въ Англіи, едва ли будетъ сочтено предосудительнымъ попытаться и посреди нашихъ студентовъ развить тотъ духъ джентльменскаго товарищества, ту привязанность къ своему общежитію, то умѣнье жить вмѣстѣ и воспитывать другъ друга, которыми по справедливости гордятся питомцы англійскихъ колледжей. Бѣдные люди способны на все это не менѣе богатыхъ, а нуждаются они въ этихъ свойствахъ, пожалуй, болѣе богатыхъ".

Что студенты и у насъ могутъ имѣть воспитательное воздѣйствіе другъ на друга, что привязанность къ общежитію можетъ увеличить ихъ внутреннюю связь съ университетомъ—это совершенно вѣрно; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы нужно было искусственно приближать наши общежитія къ типу англійскихъ колледжей. Весьма вѣроятно, что объ этомъ вовсе не думаетъ и проф. Виноградовъ; мы хотимъ только возразить противъ *возможнаго* толкованія его словъ. Между англійскими колледжами и нашими студенческими общежитіями существуетъ, прежде всего, то глубокое различіе, что первые обни-

мають собою почти всѣхъ учащихся въ университетѣ, вторыя—только небольшое, сравнительно, ихъ меньшинство. Въ колледжахъ можетъ быть организована, поэтому, система преподаванія общая для всѣхъ и никому не предоставляющая никакихъ преимуществъ; въ общежитіяхъ „вспомогательное преподаваніе" легко могло бы пріобрѣсти характеръ чего-то привилегированнаго, напоминающаго университетскіе классы лицея Цесаревича Николая. Это значило бы провести демаркаціонную черту между студентами, живущими въ общежитіяхъ, и всѣми остальными, между тѣмъ какъ желательною представляется, наоборотъ, возможно бо̀льшая ихъ близость. „Вспомогательное преподаваніе"—т.-е. практическія занятія всякаго рода, прямо относящіяся къ факультетскому курсу, къ тѣмъ или другимъ спеціальнымъ предметамъ — можетъ быть организовано и въ стѣнахъ университета, гдѣ оно и ведется на самомъ дѣлѣ, принимая съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Можно, конечно, отвести ему мѣсто и въ общежитіяхъ — но едва ли полезно было бы развивать его здѣсь въ ущербъ „задачамъ общаго образованія", значеніе которыхъ такъ правильно и такъ ярко освѣщено самимъ проф. Виноградовымъ. Преслѣдовать въ одно и то же время и въ одинаковой мѣрѣ двѣ существенно различныя цѣли—значило бы не достигнуть ни той, ни другой. Разбирая, въ свое время, статью кн. С. Н. Трубецкого о различныхъ формахъ группировки студентовъ [1]), мы имѣли уже случай замѣтить, что организація „кружковъ самообразованія"—прекрасной почвой для которыхъ являются общежитія—не можетъ и не должна быть вполнѣ аналогичной съ организаціей „научныхъ кружковъ", составляющихъ непосредственное дополненіе къ университетскому преподаванію. Починъ устройства „научныхъ кружковъ" по необходимости принадлежитъ профессору; онъ составляетъ програму занятій и не только руководитъ ими, но и вноситъ въ нихъ главную массу матеріала, направляя ея разработку къ имъ же намѣченной цѣли. Въ „кружкахъ самообразованія", наоборотъ, иниціатива въ выборѣ темъ, въ распредѣленіи занятій, въ пріисканіи докладчиковъ и оппонентовъ должна принадлежать самимъ студентамъ, а за профессоромъ должно оставаться лишь общее руководство. Мы продолжаемъ думать, что только при соблюденіи этого условія кружки самообразованія, оффиціально разрѣшенные и пріуроченные къ общежитіямъ (но открытые и для такихъ студентовъ, которые живутъ не въ общежитіяхъ), могутъ взять верхъ надъ другими и соединить въ себѣ лучшую часть студенчества.

Что студенческія общежитія, при разумной постановкѣ дѣла, мо-

---

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 5 „Вѣстн. Европы" за 1897 г.

гуть обратиться въ средство сближенія студентовъ между собою, съ профессорами и вообще съ окружающимъ ихъ обществомъ—это признають, въ настоящую минуту, люди весьма различныхъ направленій. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, напримѣръ (№ 337), очень много справедливыхъ замѣчаній по этому предмету сдѣлалъ г. А. Филипповъ. „Руководство домашними занятіями—говоритъ онъ,—которое принимаютъ на себя въ настоящее время студенческія организаціи и разнаго рода постороннія лица, съ самыми разнообразными цѣлями, охотно возьмутъ на себя (въ общежитіяхъ) профессора и приватъ-доценты университета, и даже извѣстныя университету частныя лица. Теперь какое бы то ни было сближеніе съ молодежью вызываетъ, съ одной стороны, нареканіе въ стремленіи создать себѣ популярность, съ другой — ведетъ къ подозрѣнію въ пропагандѣ нежелательныхъ идей. Оттого молодежь и бросается изъ стороны въ сторону, какъ бы во мракѣ, предоставленная самой себѣ, а тотъ, кто готовъ и могъ бы чѣмъ-либо помочь ей — остается бездѣятельнымъ, силою вещей. При организаціи общежитій студенчество могло бы смѣло и явно сближаться съ представителями науки и общества“. Совершенно раздѣляя это мнѣніе, мы думаемъ, что для полнаго успѣха дѣятельности общежитій необходимо было бы еще одно: разрѣшеніе, въ извѣстныхъ предѣлахъ и съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, всякихъ вообще студенческихъ кружковъ, хотя бы и не пріуроченныхъ къ общежитіямъ. Общежитія, какъ студенческіе центры, будутъ имѣть на своей сторонѣ столько фактическихъ преимуществъ, что незачѣмъ укрѣплять за ними какую-то монополію, какое-то privilegium odiosum. Около общежитій студенты будутъ группироваться тѣмъ охотнѣе, чѣмъ меньше будетъ стѣснено образованіе и расширеніе другихъ кружковъ. Свободно выбранный изъ числа многихъ, кружокъ общежитія будетъ гораздо дороже для своихъ участниковъ, чѣмъ еслибы они присоединились къ нему по неволѣ, за отсутствіемъ иныхъ формъ организаціи. Трудно предположить, притомъ, чтобы кружки, пріуроченные къ общежитію или общежитіямъ, могли съ самаго начала вмѣстить въ себѣ *всѣхъ* желающихъ; бо̀льшая или меньшая ихъ часть не найдетъ себѣ тамъ мѣста и по неволѣ примкнетъ къ группамъ, существующимъ внѣ и помимо закона. Предупредить связанныя съ этимъ неудобства можно только путемъ легализаціи землячествъ и другихъ кружковъ, которые — по признанію хотя бы того же г. Филиппова [1])—имѣютъ много хорошихъ сторонъ и уклоняются отъ своего первоначальнаго назначенія именно потому, что принуждены дѣй-

---

[1]) См. статью его: „Московское студенчество“ въ № 4 „Русскаго Обозрѣнія“ за 1897 г., изъ которой сдѣланы выписки въ нашей прошлогодней майской хроникѣ.

ствовать въ тайнѣ. Правда, въ своей послѣдней статьѣ г. Филипповъ высказывается противъ землячествъ; но почему? Главнымъ образомъ потому, что заботы о матеріальныхъ интересахъ землячества отвлекаютъ его членовъ отъ интересовъ умственнаго, научнаго характера. Но что же дѣлать, если въ общежитіяхъ нѣтъ и долго еще не будетъ мѣста для *всѣхъ* нуждающихся студентовъ? Нѣкоторымъ изъ нихъ по неволѣ приходится обращаться къ помощи товарищей, и если у распорядителей землячества пріисканіе квартиръ и т. п. отнимаетъ много времени, то, съ другой стороны, оно этимъ самымъ сберегается у его членовъ. „Предоставленная окончательно самой себѣ—продолжаетъ г. Филипповъ,—молодежь, вслѣдствіе чрезмѣрнаго поглощенія разнаго рода матеріальными соображеніями, и притомъ не въ одиночку, какъ прежде, а группами, въ которыхъ неизбѣжно будутъ царить раздоры, еще легче, чѣмъ прежде, будетъ попадать въ руки совершенно случайныхъ элементовъ и вѣяній". Здѣсь что ни слово, то недоразумѣніе. „Матеріальныя соображенія", т.-е. заботы о матеріальномъ обезпеченіи товарищей, не только не усиливаютъ воспріимчивость къ „случайнымъ вѣяніямъ", но напротивъ, служатъ противъ нихъ гарантіей, заставляя думать о ближайшемъ, практическомъ, удобоосуществимомъ. Рѣчь идетъ, дальше, не о томъ, чтобы *создать* новыя группы, а о томъ, чтобы *узаконить* существующія. Раздоры одинаково возможны и въ группѣ оффиціально-признанной, и въ группѣ скрывающейся отъ наблюденія; но въ первой они гораздо скорѣе могутъ уступить мѣсто соглашенію. И тамъ, и тутъ они могутъ привести, но могутъ и не привести—къ торжеству случайныхъ вѣяній: вся разница въ томъ, что группа, обладающая правильнымъ устройствомъ и дѣйствующая открыто, представляетъ сравнительно благопріятную почву для соглашенія и примиренія.

Кстати о г. А. Филипповѣ. Въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Обозрѣнія" напечатано продолженіе его статьи о „Московскомъ студенчествѣ", представляющее немало любопытнаго. Изъ фактовъ, сообщаемыхъ авторомъ, часто вытекаетъ вовсе не то заключеніе, которое онъ изъ нихъ выводитъ, но самые факты не становятся отъ этого менѣе интересными. Случается и такъ, что авторъ колеблется между двумя противоположными взглядами, но въ концѣ концовъ склоняется на сторону болѣе правильнаго. Такъ напримѣръ, приведя разные доводы противъ дарового обученія, г. Филипповъ заканчиваетъ свою аргументацію слѣдующими словами, которыхъ мы не ожидали встрѣтить на страницахъ „охранительнаго" журнала: „Разъ у насъ университеты поставлены ходомъ вещей на почву демократизма, разъ одною рукой задерживается притокъ недостаточныхъ людей, другою сугубо поощряется ихъ постоянное пребываніе въ университетахъ, разъ, наконецъ,

платъ приданъ спеціальный полицейскій характеръ, то само собою разумѣется, что отмѣна ея явилась бы мѣропріятіемъ весьма разумнымъ"... Какъ г. Филипповъ опровергаетъ самого себя, объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру. Возставая противъ уступокъ, которыми начальство старалось предупредить такъ называемыя студенческія исторіи, утверждая, что „исторій бы не было, если бы ихъ не боялись", г. Филипповъ разсказываетъ, вслѣдъ затѣмъ, объ однихъ безпорядкахъ въ Петровской земледѣльческой академіи (1889-го года), вызвавшихъ волненіе и въ московскомъ университетѣ. Одному изъ общежитій академіи былъ кѣмъ-то пожертвованъ рояль; онъ былъ помѣщенъ въ библіотечную залу, сдѣлавшуюся, вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ-то въ родѣ клуба, мѣстомъ бесѣдъ и споровъ. Начальству это показалось противозаконнымъ и опаснымъ, и потому оно приказало перенести рояль къ себѣ на квартиру. Молодежь нашла это распоряженіе несправедливымъ; началось бурливое настроеніе, выражавшееся, впрочемъ, только въ посылкѣ депутацій къ директору и въ срываніи объявленій, запрещавшихъ сидѣть группами въ библіотекѣ. „Казалось бы, этотъ эпизодъ, заключавшій въ себѣ меньше всего политическихъ элементовъ, долженъ былъ окончиться мирно; *но престижъ начальства требовалъ, чтобы уступокъ не было*, а молодежь не могла примириться съ явною, по ея мнѣнію, несправедливостью"— и волненіе разрослось, цѣлое общежитіе было арестовано и отвезено въ Москву. Оказывается, такимъ образомъ, нѣчто прямо противоположное тому, о чемъ сначала говорилъ г. Филипповъ: безпорядки произошли не отъ того, что были сдѣланы „уступки", а отъ того, что „уступокъ" сдѣлано не было! Или, можетъ быть, уступокъ не хотѣло дѣлать только начальство академіи, а начальство университета дѣлало ихъ слишкомъ много? Изъ дальнѣйшаго изложенія „исторіи" этого вовсе не видно, и „мораль" разсказа г. Филиппова — если изъ него можно извлечь какую-нибудь мораль — оказывается совсѣмъ не та, о которой онъ возвѣстилъ въ началѣ. Большого значенія за статьей г. Филиппова, въ виду всего этого, признавать нельзя, но она не безполезна какъ сборникъ данныхъ, освѣщающихъ нѣкоторыя мало извѣстныя стороны недавняго прошлаго. Мы узнаемъ изъ нея, напримѣръ, что оскорбленіе дѣйствіемъ, нанесенное, лѣтъ десять тому назадъ, инспектору студентовъ, надѣлавшее тогда много шуму и очень дорого стоившее его виновнику, было вызвано „многими прегрѣшеніями инспектора, въ родѣ развитія цѣлой системы шпіонства среди молодежи и неправильнаго распредѣленія концертныхъ суммъ между недостаточными студентами"; мы видимъ наглядно, изъ какихъ разнородныхъ и неопасныхъ элементовъ складываются иногда студенческія движенія, какъ случайно распредѣляются кары

между ихъ участниками и даже не-участниками, и какъ мало „уступчивости“ заключаетъ въ себѣ, подчасъ, способъ прекращенія безпорядковъ. „Въ ворота университета — разсказываетъ г. Филипповъ, какъ очевидецъ,—черезъ нѣсколько минутъ послѣ ухода инспектора (ведшаго переговоры съ студентами) въѣзжали казаки и жандармы съ такою поспѣшностью, какъ будто боялись, чтобы толпа не разбѣжалась. Но этого не могло быть, потому что заднія ворота двора были предусмотрительно заперты, и толпа глядѣла на рыцарски подскакивавшихъ жандармовъ больше съ удивленіемъ, нежели со страхомъ“.

Возвращаемся къ рѣчамъ, произнесеннымъ 7-го декабря при открытіи комитета для содѣйствія устройству общежитій. Очень много интересныхъ фактовъ собрано въ рѣчи А. И. Чупрова. Изъ 4.147 студентовъ, находившихся въ московскомъ университетѣ къ 1 января 1896 г., было: 1.085 мѣщанъ, разночинцевъ и сыновей купцовъ 2-й гильдіи, 271 духовнаго званія, 200 крестьянъ, 78 казачьяго сословія. Такимъ образомъ,—продолжалъ ораторъ,—„1.644 человѣка принадлежали къ сословіямъ, въ большинствѣ случаевъ неотличающимся зажиточностью. Правда, въ спискахъ числилось 1.949 сыновей дворянъ и чиновниковъ; но больше половины этого числа (1.205)—дѣти мелкихъ чиновниковъ, которые принадлежатъ къ самымъ недостаточнымъ слушателямъ университета и сплошь и рядомъ бываютъ бѣднѣе крестьянскихъ дѣтей“. Изъ числа получающихъ стипендіи или пособія и освобожденныхъ отъ платы за слушаніе лекцій проф. Чупровъ выводитъ заключеніе, что нуждающихся въ университетѣ не менѣе 60%. Родились и учились въ Москвѣ только 643 студента, т.-е. менѣе одной шестой; вся остальная масса студенчества привлекается изъ провинцій—и это А. И. Чупровъ справедливо считаетъ „однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ къ сплоченію нашей разноплеменной страны“. „Можно сказать съ увѣренностью,—говоритъ онъ,—что полякъ, латышъ, бурятъ, осетинъ, пробывъ четыре года въ московскомъ университетѣ, навсегда останутся нечуждыми общерусской жизни“. Заканчивается рѣчь А. И. Чупрова горячимъ призывомъ къ русскому обществу. „Желательность помощи студентамъ,—говоритъ глубокоуважаемый профессоръ, у котораго слово никогда не расходится съ дѣломъ,—вытекаетъ не изъ одного только сочувствія къ нуждающимся людямъ, не изъ одного порыва доброй души, ищущей облегчить тяжкое положеніе молодыхъ собратій. Въ основѣ ея должно лежать, кромѣ того, сознаніе высокаго общественнаго и государственнаго значенія этой помощи. Не нужно забывать, что та молодежь, которая сидитъ нынѣ на скамьяхъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ свое время будетъ направлять матеріальную и духовную жизнь страны. Нынѣшніе студенты будутъ со временемъ учить, ле-

чить, судить нашихъ дѣтей. Отъ степени познаній, энергіи и преданности долгу тѣхъ, кому мы собираемся помогать теперь, будетъ зависѣть, пойдетъ ли наша страна ровно и бодро по пути прогресса, или же она будетъ коснѣть въ вяломъ существованіи. Между тѣмъ будущій образъ дѣйствій молодежи, кромѣ разныхъ другихъ вліяній, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, какъ живется ей теперь. Молодой человѣкъ, которому приходится влачить студенческіе дни въ сырой, холодной квартирѣ, довольствоваться скудной пищей, дрожать каждые полгода изъ страха быть исключеннымъ за невзносъ платы, искать отдыха и развлеченія тамъ же, гдѣ ищетъ его заурядный мастеровой,—представляетъ мало шансовъ выработаться къ зрѣлымъ годамъ въ общественнаго дѣятеля, бодраго тѣломъ и духомъ. Напротивъ, эта жизнь, полная непрерывныхъ лишеній, губитъ здоровье, расшатываетъ энергію, поддерживаетъ апатію и подготовляетъ людей разочарованныхъ, надломленныхъ, которые едва способны сами выносить борьбу за существованіе, а не то что ободрять и направлять другихъ. Въ жизни человѣка и общества все находится въ связи: то доброе, что̀ мы сдѣлаемъ для нынѣшней молодежи, сторицею, въ разнообразныхъ видахъ и формахъ, отплатится слѣдующимъ за нами поколѣніямъ". Эти прекрасныя слова обращены, безъ сомнѣнія, не къ одной только Москвѣ и касаются не одного только московскаго университета. Вездѣ для учащейся молодежи дѣлается еще слишкомъ мало; вездѣ ея судьба должна быть одною изъ главныхъ заботъ русскаго общества.

Недавно въ адвокатской средѣ чествовалось двадцатипятилѣтіе существованія коммиссіи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Въ одной изъ рѣчей, произнесенныхъ по этому поводу, В. Д. Спасовичъ указалъ, между прочимъ, на необходимость облегчить доступъ въ присяжную адвокатуру для евреевъ. Противъ этого поспѣшило возстать „Новое Время" (№ 7833). Евреевъ въ средѣ петербургской адвокатуры безъ того уже, по мнѣнію газеты, слишкомъ много: изъ 447 присяжныхъ повѣренныхъ округа с.-петербургской судебной палаты евреевъ къ 1 декабря 1896 г. было 74, изъ 260 помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ—102. Газета выводитъ отсюда, что г. Спасовичъ „ломится въ открытую дверь" и что благовременнѣе было бы подумать о мѣрахъ противъ инородцевъ, „утѣсняющихъ" русскую національность. Что̀ это такое—незнаніе общеизвѣстныхъ фактовъ, или нежеланіе знать ихъ? Съ 8-го ноября 1889 г., когда пріемъ евреевъ въ присяжные повѣренные поставленъ былъ въ зависимость отъ разрѣшенія министра юстиціи, это разрѣшеніе не было дано, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, *ни одного раза*. Отсюда образованіе среди

помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ особой группы, непредусмотрѣнной ни закономъ, ни практикой—группы *вѣчныхъ* помощниковъ, давно получившихъ право на званіе присяжнаго повѣреннаго и признанныхъ совѣтомъ достойными этого званія, но удерживаемыхъ въ рядахъ помощниковъ отсутствіемъ министерской санкціи. Понятно, что, оставаясь помощниками по неволѣ, они увеличиваютъ собою процентное отношеніе евреевъ къ другимъ національностямъ, наводящее ужасъ на юдофобскую газету. Такое положеніе вещей создано не закономъ, а его примѣненіемъ: еслибы имѣлось въ виду вовсе закрыть евреямъ доступъ въ присяжные повѣренные, то такъ, безъ сомнѣнія, и было бы сказано въ Высочайшемъ повелѣніи 8-го ноября 1889 года. Ничто не мѣшаетъ, такимъ образомъ, разрѣдить массу евреевъ въ сословіи помощниковъ, допустивъ переходъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ присяжные повѣренные. Такой исходъ былъ бы тѣмъ болѣе правиленъ, что въ категоріи „вѣчныхъ“ помощниковъ есть не мало лицъ, способныхъ занять выдающееся мѣсто въ присяжной адвокатурѣ: нѣкоторые изъ нихъ извѣстны какъ ученые, даже за предѣлами Россіи, другіе пользуются общимъ уваженіемъ среди русскаго юридическаго міра. По отношенію къ нимъ нескончаемое „помощничество“ является тѣмъ бо́льшею аномаліей, что они давно уже перешли за рубежъ первой молодости, давно и благополучно выдержали всевозможные искусы и испытанія... Намъ скажутъ, можетъ быть, что переходъ „вѣчныхъ“ помощниковъ въ ряды присяжной адвокатуры, уменьшивъ процентное число евреевъ между помощниками, увеличитъ его въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ. Конечно, это неизбѣжно; но куда же дѣваться евреямъ, допущеннымъ въ университеты, окончившимъ полный курсъ юридическихъ наукъ и затѣмъ устраняемымъ со всѣхъ поприщъ, кромѣ адвокатскаго? Какой бѣды, наконецъ, можно ожидать отъ евреевъ-адвокатовъ? Нравственный уровень присяжной адвокатуры остается прежній, несмотря на значительное число евреевъ; надзоръ совѣта сохраняетъ всю свою силу, требованія его—всю свою строгость. Нѣтъ, притомъ, основаній думать, чтобы пересмотръ судебныхъ уставовъ принесъ съ собою совершенное уничтоженіе стѣсненій, установленныхъ по отношенію къ евреямъ; предполагается установить извѣстный процентъ, дальше котораго число присяжныхъ повѣренныхъ-евреевъ идти не можетъ. Явнымъ нарушеніемъ справедливости было бы признаніе за этимъ правиломъ обратной силы; оно не должно быть распространяемо на тѣхъ евреевъ, которые вступили въ помощники до 8-го ноября 1889 г., когда никакихъ ограниченій по отношенію къ евреямъ еще не существовало.

Несмотря на вопли реакціонной печати, несмотря на болѣе реальныя преграды, съ которыми кое-гдѣ приходится бороться, участіе губернскихъ земствъ въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія становится явленіемъ все болѣе и болѣе обычнымъ. Въ нынѣшнемъ году къ числу губернскихъ земскихъ собраній, принимающихъ на себя иниціативу перехода къ всеобщему обученію, присоединилось харьковское, ассигновавшее, по предложенію гласнаго Н. Н. Ковалевскаго, 200 тысячъ рублей на открытіе и содержаніе новыхъ начальныхъ школъ. По разсчету Н. Н. Ковалевскаго, ассигновка еще такой же суммы изъ средствъ государственнаго казначейства позволила бы открыть школу въ каждомъ селеніи, имѣющемъ не менѣе 50 дворовъ, т.-е. если и не осуществить всеобщее обученіе, то подойти къ нему весьма близко. Между возраженіями, встрѣченными гласнымъ Ковалевскимъ, были весьма странныя. Одинъ изъ гласныхъ старался запугать собраніе указаніемъ на суровость нашихъ зимъ и обусловливаемую этимъ народную бѣдность; ему отвѣчали, что въ Швеціи, Норвегіи и Финляндіи климатъ еще суровѣе, почва несравненно бѣднѣе—а для народнаго образованія дѣлается гораздо больше, чѣмъ въ Россіи. Другой гласный разсчиталъ, что для открытія восьмисотъ начальныхъ школъ понадобится 2.800.000 руб., т.-е. по 3.500 руб. на школу (вдесятеро больше противъ обыкновенной ея стоимости)! Къ счастію, собраніе было успокоено объясненіями предсѣдателя губернской земской управы (П. В. Кондратьева), показавшаго, что обложеніе возрастетъ, вслѣдствіе ассигновки 200 тысячъ, только на сумму отъ 1,96 до 6,56 коп. съ десятины (смотря по уѣзду). Очень искусно предсѣдатель управы связалъ интересы народнаго образованія съ интересами землевладѣнія, защитниками которыхъ выступаютъ обыкновенно сторонники „земской экономіи"; онъ показалъ, что небрежности рабочихъ, отъ которой страдаютъ землевладѣльцы, можно положить конецъ не мѣрами полиціи, а только образованіемъ, хотя бы и въ далекомъ будущемъ. Какъ отнесется къ постановленію харьковскаго земства мѣстная администрація—этого нельзя предвидѣть; въ разныхъ губерніяхъ взгляды губернаторовъ на самый жгучій вопросъ земской жизни оказываются различными и даже противоположными. Законное и желательное въ глазахъ вятской губернской администраціи [1]) является незаконнымъ въ глазахъ тамбовской, отрицающей право губернскаго земства помогать уѣзднымъ въ дѣлѣ развитія начальной школы. Состоявшееся въ этомъ смыслѣ, годъ тому назадъ, постановленіе тамбовскаго губернскаго земскаго собранія было опротестовано губернаторомъ и отмѣнено губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ. Въ продолженіе нынѣш-

---

[1]) См. выше, Внутреннее Обозрѣніе.

ней своей сессіи тамбовское губернское земское собраніе рѣшило обжаловать опредѣленіе губернскаго присутствія. Дѣло, такимъ образомъ, дойдетъ до сената, разъясненіе котораго будетъ имѣть руководящую силу какъ для администраціи, такъ и для земствъ.

Кромѣ формальныхъ затрудненій, создаваемыхъ узкимъ, буквальнымъ толкованіемъ закона, заботливость земства объ увеличеніи числа начальныхъ школъ встрѣчаетъ препятствіе въ широко распространенномъ взглядѣ, противопоставляющемъ земской школѣ школу грамоты, какъ вполнѣ достаточную или даже наилучшую форму начальнаго обученія. Чѣмъ меньше, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, эта школа соотвѣтствуетъ потребностямъ народной жизни, тѣмъ прискорбнѣе встрѣчать между ея защитниками почтенныхъ, заслуженныхъ людей, имя которыхъ можетъ быть обращено въ орудіе для достиженія мало симпатичныхъ цѣлей. Тяжелое впечатлѣніе произвела на насъ, поэтому, статья г. С. Рачинскаго: „Возродившіяся школы грамотности", напечатанная на дняхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 343). „Всего отраднѣе,—говоритъ г. Рачинскій,—всего новѣе, при глубокой своей древности, типъ возродившейся школы грамотности, съ учителемъ-молодымъ мѣстнымъ крестьяниномъ, достигшимъ грамотности болѣе сознательной и полной, чѣмъ его сверстники-грамотѣи". Дальше г. Рачинскій рисуетъ въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ одну изъ такихъ школъ, открывшуюся недалеко отъ его имѣнія. Мы готовы повѣрить всему хорошему, что̀ онъ говоритъ о ней—готовы потому, что въ сосѣдствѣ съ такимъ дѣятелемъ, какъ г. Рачинскій, подъ непосредственнымъ руководствомъ „энергическаго молодого священника" и „неутомимаго труженика-учителя", процвѣтать и дѣйствовать благотворно на своихъ учениковъ можетъ всякая школа, какъ бы она ни называлась; но величайшей ошибкой было бы выводить изъ подобныхъ фактовъ, рѣдкихъ и единичныхъ, *общее* заключеніе въ пользу школы грамоты. Почти вездѣ, въ силу основныхъ условій своего устройства, она удовлетворяетъ развѣ самымъ скромнымъ требованіямъ или существуетъ не столько на самомъ дѣлѣ, сколько по имени, предоставленная сама себѣ, безъ попеченія и руководства, ничему, въ сущности, не обучая и еще меньше воспитывая. При другихъ обстоятельствахъ, при общемъ содѣйствіи всѣхъ друзей народнаго образованія, не обращающемся въ *соперничество*, но постоянно поддерживающемъ *соревнованіе*, школы грамоты, сгруппированныя вокругъ нормальныхъ училищъ, какъ школы-дочери вокругъ школъ-матерей, могли бы съиграть видную роль въ развитіи всеобщаго обученія и занять мѣсто, на первое время, въ стройной школьной системѣ; но не по этому пути онѣ идутъ съ тѣхъ поръ, какъ онѣ безусловно и всецѣло отрѣзаны отъ земской школы. *Всего болѣе отраднымъ*—типъ школы, дающій даже въ лучшемъ случаѣ только точку опо-

ры для дальнѣйшаго обученія, не могъ бы быть названъ даже при наилучшей его организаціи; тѣмъ меньше это названіе подходитъ къ нему въ настоящее время. Не даромъ же земства, работающія надъ планами всеобщаго обученія и всюду, если мы не ошибаемся, принимающія въ соображеніе церковно-приходскія школы, нигдѣ не вводятъ въ свои разсчеты школы грамоты, какъ величины совершенно неустойчивыя, измѣнчивыя и ненадежныя. Въ одномъ изъ уѣздовъ с.-петербургской губерніи было произведено недавно изслѣдованіе школьнаго дѣла, путемъ разсылки вопросовъ множеству лицъ самыхъ различныхъ общественныхъ положеній. Одинъ изъ этихъ вопросовъ заключался въ томъ, какія изъ наличныхъ школъ грамоты можно признать „прочными", т.-е. сколько-нибудь обезпеченными въ своемъ существованіи. Утвердительный отвѣтъ былъ данъ только относительно 10 школъ изъ 44— и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что къ однородному результату привело бы всякое изслѣдованіе, гдѣ бы оно ни было предпринято. Непрочность школъ грамоты обусловливается, притомъ, не только недостаточностью матеріальныхъ средствъ, но и личнымъ составомъ учителей, рѣдко привлекающихъ къ себѣ и къ школѣ довѣріе и расположеніе населенія, а также равнодушіемъ большинства священниковъ, тяготящихся школами грамоты, какъ лишнимъ источникомъ хлопотъ и отвѣтственности.

Недѣлей позже, чѣмъ рѣчь курскаго губернатора, приведенная нами во Внутреннемъ Обозрѣніи, появилась въ печати [1]) рѣчь полтавскаго губернатора, произнесенная по случаю освященія въ Полтавѣ новаго зданія ремесленнаго земскаго училища, за нѣсколько часовъ до открытія очередного губернскаго земскаго собранія. Упомянувъ о томъ, что нѣкоторыми гласными ставится на очередь вопросъ о сокращеніи земскихъ расходовъ, губернаторъ (А. К. Бельгардъ) высказался не только противъ такого сокращенія, но даже за увеличеніе расходовъ, разъ что оно „необходимо для расширенія плодотворной дѣятельности земства на благо населенія губерніи". „Исторія какъ государствъ, такъ и другихъ общественныхъ союзовъ—замѣтилъ А. К. Бельгардъ — намъ неоднократно доказала, что всякія попытки идти назадъ въ дѣлѣ прогресса кончались неудачей. Несомнѣнно, что и земское дѣло въ полтавской губерніи, такъ много сдѣлавшее для населенія, можетъ идти только впередъ, но не останавливаться или идти назадъ". Въ заключеніе А. К. Бельгардъ выразилъ надежду, что стремленіе нѣкоторой части собранія къ сокращенію смѣты не будетъ имѣть успѣха, и что дѣятельность губернскаго земства останется вѣр-

---

[1]) „Новое Время", № 7835.

ною своему исторически сложившемуся направленію — развивать и расширять земское дѣло на пользу всѣхъ классовъ населенія губерніи. Эти слова тѣмъ болѣе знаменательны, что А. К. Бельгардъ, какъ видно изъ его рѣчи, самъ принадлежитъ къ числу землевладѣльцевъ полтавской губерніи.

P.-S.—17-го декабря, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" напечатано слѣдующее сообщеніе: „Министры внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокуроръ Св. Синода, на основаніи примѣчанія къ ст. 148 Устава о ценз. и печ., Св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., въ совѣщаніи 10-го декабря постановили совершенно прекратить изданіе журнала „Новое Слово", выходящаго въ свѣтъ въ С.-Петербургѣ".—Примѣчаніе къ ст. 148-ой основано на временныхъ правилахъ 27-го августа 1882 г., а самая ст. 148-ая, заимствованная изъ закона 6-го апрѣля 1865 г., постановляла, что если послѣ третьяго предостереженія министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ нужнымъ, независимо отъ предварительнаго пріостановленія повременнаго изданія на извѣстный срокъ, вовсе прекратить это изданіе, то онъ входитъ о томъ съ представленіемъ въ первый департаментъ правительствующаго сената. Совѣщаніе четырехъ министровъ замѣнило собою, „впредь до измѣненія, въ законодательномъ порядкѣ, дѣйствующихъ постановленій о печати" (слова примѣчанія къ ст. 148), первый департаментъ сената — но сохранило ли свою силу требованіе прежняго закона, чтобы совершенному прекращенію изданія предшествовали, по меньшей мѣрѣ, три предостереженія? Мы не можемъ теперь же взять на себя обсужденіе этого вопроса.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Н. Карѣевъ. Введеніе въ изученіе соціологіи. Спб., 1897. Стр. XVI+418. Ц. 2 р.

Новая книга проф. Карѣева представляетъ собою опытъ систематическаго руководства для лицъ, желающихъ оріентироваться въ соціологической литературѣ и познакомиться съ обсуждаемыми въ ней вопросами и съ различными существующими въ ней направленіями и теоріями. Литература соціологіи настолько разрослась въ послѣднее десятилѣтіе, что польза такого руководства не можетъ подлежать сомнѣнію. Какъ видно изъ предисловія, авторъ съ осени 1891 года ежегодно читаетъ въ университетѣ краткій курсъ (въ одну лекцію) исторической энциклопедіи, въ которомъ разсматриваетъ какой-либо изъ наиболѣе общихъ вопросовъ соціологической теоріи исторіи; изъ этихъ курсовъ и составилась отчасти настоящая книга. Главнымъ достоинствомъ сочиненія проф. Карѣева должна считаться полнота литературныхъ указаній; авторъ старательно отмѣчаетъ всякую журнальную статью, посвященную вопросамъ соціологіи, и придаетъ большое значеніе различнымъ мнѣніямъ и взглядамъ, высказаннымъ въ нашей литературѣ и журналистикѣ, причемъ не всегда соблюдаетъ должную перспективу въ оцѣнкѣ ихъ сравнительной важности для соціологіи. Книга распадается на шестнадцать главъ, въ которыхъ говорится въ послѣдовательномъ порядкѣ о происхожденіи современной соціологіи, о разныхъ соціологическихъ направленіяхъ и методахъ, о роли личности въ исторіи и объ идеѣ прогресса.

Ф. Г. Гиддингсъ. Основанія соціологіи. Анализъ явленій и соціальной организаціи. Переводъ съ англійскаго Н. Н. Спиридонова. Москва, 1897. Стр. XI+418. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненіе Гиддингса, профессора соціологіи въ Нью-Іоркѣ, заключаетъ въ себѣ сжатый обзоръ всего содержанія соціологической науки въ ея современномъ видѣ. Авторъ строитъ свои положенія не на отвлеченныхъ разсужденіяхъ, а на анализѣ фактическаго матеріала, даваемаго психологіею, исторіею культуры и этнологіею; этимъ онъ существенно отличается отъ нѣкоторыхъ нашихъ соціологовъ и въ томъ числѣ отъ проф. Карѣева, который вообще разсуждаетъ дедуктивно и руководствуется главнымъ образомъ отвлеченными теоріями, мнѣніями и взглядами. Книга Гиддингса состоитъ изъ четырехъ частей: въ первой говорится объ элементахъ соціальной теоріи, во второй—объ элементахъ и структурѣ общества, въ третьей—объ исторической эволюціи общества, въ четвертой—о соціальномъ процессѣ, его законахъ и причинахъ.

Общественная жизнь Англіи. Изданіе Г. Д. Трайля. Томъ III. Отъ воцаренія Генриха VIII до смерти Елисаветы. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1897. Стр. 514. Цѣна 2 р. 50 к.

Заглавіе этого изданія не совсѣмъ правильно; въ дѣйствительности это общественная *исторія* Англіи, представленная въ рядѣ очерковъ и характеристикъ различныхъ сторонъ англійскаго быта съ древнѣйшихъ временъ до настоящей эпохи. Эти очерки, принадлежащіе разнымъ авторамъ, изображаютъ состояніе религіи, законодательства, науки и искусства, промышленности и торговли, литературы, нравовъ и обычаевъ въ различные періоды англійской исторіи. Весь матеріалъ распредѣленъ по царствованіямъ; вышедшій нынѣ третій томъ обнимаетъ время отъ воцаренія Генриха VIII до смерти Елисаветы, т.-е. отъ начала шестнадцатаго до начала семнадцатаго вѣка. Очерки даютъ массу фактическихъ свѣдѣній и читаются съ большимъ интересомъ.

Фридрихъ Нитцше, какъ художникъ и мыслитель. Проф. А. Риля. Переводъ съ нѣмецкаго З. Венгеровой. Съ портретомъ Нитцше. Изданіе редакціи журнала „Образованіе". Спб. 1898. Стр. 150. Ц. 50.

Весьма содержательная и живо написанная книжка Риля даетъ довольно ясное представленіе о личности и идеяхъ философа, пріобрѣвшаго необыкновенную славу въ послѣдніе годы. Несчастный мыслитель, потерявшій способность мыслить, сдѣлался самымъ моднымъ философомъ нашихъ дней. Въ изложеніи и критикѣ теорій Нитцше проф. Риль придерживался правила, выраженнаго въ афоризмѣ самого Нитцше: „Для наилучшаго изображенія значительнаго предмета слѣдуетъ заимствовать краски у него самого, такъ чтобы самые предѣлы и переходы красокъ создавали рисунокъ". Такая система, безъ сомнѣнія, наиболѣе цѣлесообразна и полезна для читателей.

Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ, въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ, съ подлинныхъ текстовъ. О. Петерсонъ и Е. Балабановой. Въ 8-хъ томахъ. Т. II. Спб. 98. Стр. 308. Ц. 2 р.

Первый томъ этого изданія былъ посвященъ средневѣковой литературѣ романскихъ народовъ; содержаніе второго тома составляютъ памятники скандинавской литературы, писанные на старо-исландскомъ языкѣ, а именно, извлеченные изъ Эдды стихотворной и прозаической, и нѣсколько образчиковъ древнѣйшихъ исландскихъ сагъ. Слѣдующій выпускъ займетъ Германія.

Путеводитель по небу. Практическое руководство къ астрономическимъ наблюденіямъ невооруженнымъ глазомъ и малой трубой. К. Покровскаго. 2-е дополн. изд. Спб. Стр. 289. Ц. 2 р.

Настоящее руководство предназначается, по выраженію автора, для астронома-любителя; оно имѣетъ цѣлью дать общее обозрѣніе небесной панорамы невооруженнымъ глазомъ и поставить даже и не-спеціалиста въ возможность дѣлать наблюденія при помощи трубы отъ 2 до 3 дюймовъ въ діаметрѣ. Книга снабжена 5 картами звѣзднаго неба и картою луны и заключаетъ въ текстѣ болѣе 100 рисунковъ.

Мои воспоминанія. Академика Ѳ. И. Буслаева. Съ портретомъ автора. Изд. В. фонъ Бокля. М. 1897. Стр. 387. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣтъ шесть-семь тому назадъ, „Воспоминанія" покойнаго нынѣ Ѳ. И. Буслаева появились въ нашемъ журналѣ. Кромѣ эпохи дѣтства и школы, въ „Воспоминанія" вошла и дѣятельность его въ эпоху Николая I и Александра II. Дополненія къ нимъ составятъ позже особую часть.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ **1898** г.
(Тридцать-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	6 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель", Невск. пр., 68—40.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнец.-Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Печковскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. Е. П. Распопова, Дерибасовская улица.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Новый-Свѣтъ.

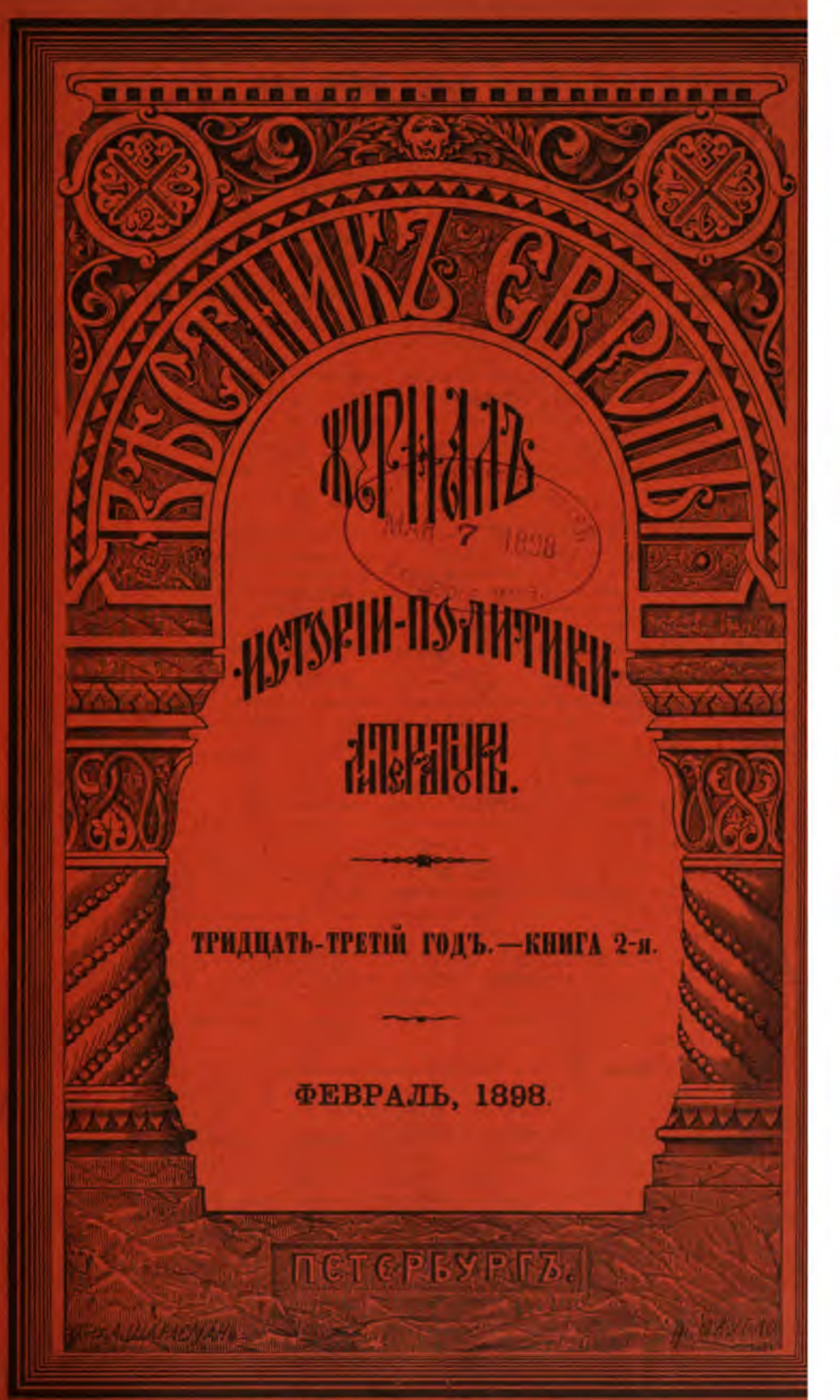
Примѣчаніе.—1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика.—2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала *высылаются* Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1898.

Стр.

I.—РОССІЯ И АНГЛІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.—II-III.—**Ф. Ф. Мартенса** . . . 465

II.—ТЯГА.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая: XV-XXVI.—**П. Д. Боборыкина** . . . 503

III.—КОНСТАНТИНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ КАВЕЛИНЪ. — Изъ моихъ личныхъ о немъ воспоминаній.—I-VIII.—**В. Д. Спасовича** . . . 559

IV.—ЛИДА.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая и послѣдняя.—**Гр. Е. В. Т.** 629

V.—ОПЫТЫ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРІИ.—П. Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры. Ч. II: Церковь и Школа.—**А. П.** . . . 681

VI.—БЕЗПОЧВЕННИКИ.—„Les Déracinés, rom. par M. Barrès.—IV: Друзья и женщины.—V: Тэнъ и Наполеонъ.—VI: Бутелье и „Настоящая Республика“.—**А. Б—г—** . . . 725

VII.—ИЗЪ „LES AMOUREUSES“, А. ДОДЭ. — I. На смерть А. де-Мюссе. — II. Равнодушіе природы.—III. Реквіемъ любви.—**О. Михайловой** . . . 775

VIII.—ХРОНИКА.—Государственная роспись на 1898 годъ.—**О.** . . . 779

IX.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Продовольственный вопросъ въ губерніяхъ воронежской и тульской.—Опросъ крестьянъ воронежскими земскими статистиками.—Мнѣнія земствъ о размѣрахъ, срокахъ и видахъ продовольственной помощи.—Указанія опыта, какъ возможная основа будущаго продовольственнаго устава.—Новая серія дворянскихъ „прожектовъ“.—Тульское губернское дворянское собраніе.—Разные способы борьбы съ „несогласно-мыслящими“.—Нѣчто о цензѣ.—Графъ И. Д. Деляновъ † . . . 792

X.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Одностороннія свѣдѣнія о французскихъ дѣлахъ.—Ошибки и иллюзіи читателей газетъ.—Рошфоръ и Дрюмонъ.—Странная судьба дѣла Дрейфуса.—Два военныхъ процесса и ихъ результаты. 817

XI.—СТОЛѢТІЕ ГАЗЕТЫ „ALLGEMEINE ZEITUNG“.—Письмо изъ Германіи. —**Г. Б.** . . . 832

XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Императоръ Александръ Первый, Н. К. Шильдера, т. III.—Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, ч. 1.—Мои воспоминанія, Ѳ. И. Буслаева.—**Т.**—Новыя книги и брошюры . . . 842

XIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. P. Schlenther, Gerhart Hauptmann, sein Lebensgang und seine Dichtung.—II. W. Stead, Satan's invisible world displayed.—III. Edm. Rostand, Cyrano de Bergerac, comédie en vers.—**З. В.** . . . 857

XIV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Тульское общество вспомоществованія учащимъ и учившимъ.—Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей и его тенденціозные противники. — Литературный третейскій судъ и судъ чести. — Еще нѣсколько словъ о гонорарѣ. — А. Д. Шумахеръ †. — Post-Scriptum . . . 873

XV.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I.—Отъ Редакціи „Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли“.—II. Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ . . . 886

XVI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—На досугѣ, сборникъ юридич. статей съ 1870 г., И. Я. Фойницкаго.—О географическомъ распредѣленіи государств. расходовъ Россіи, П. П. Яснопольскаго.—Канада, Н. А. Крюкова.—Давидъ Рикардо и К. Марксъ, Н. И. Зибера.—Музыкальные фельетоны и замѣтки П. И. Чайковскаго.

XVII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1898 года.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

РОССІЯ И АНГЛІЯ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

II *).

Въ то самое время, когда происходили дипломатическіе переговоры по дѣламъ Греціи и бельгійскаго королевства, вниманіе великихъ европейскихъ державъ было особенно поглощено событіями, театромъ дѣйствія которыхъ была оттоманская имперія. Творецъ современнаго Египта, предпріимчивый и счастливый Мегеметъ-Али, поднялъ знамя возстанія противъ своего государя, турецкаго султана, и открыто стремился къ полной независимости своего пашалыка. По мѣрѣ того какъ война между Турціею и Египтомъ стала обнаруживать полную безпомощность и безсиліе турецкаго правительства, по мѣрѣ того силою обстоятельствъ ставился грозный вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи въ Европѣ оттоманской имперіи. Страшный восточный вопросъ снова требовалъ дружныхъ усилій европейской дипломатіи къ водворенію мира между обѣими воюющими сторонами и къ спасенію совершенно расшатанной имперіи турецкихъ султановъ отъ неизбѣжной гибели.

Цѣль, которую себѣ поставила тогда политика великихъ европейскихъ державъ, была достигнута: несмотря на полное пораженіе турецкихъ армій и войскъ Мегеметомъ-Али, все-таки послѣдній принужденъ былъ признать надъ собою сюзеренную власть сул-

---

*) См. выше: янв., стр. 5.

тана. Но если эта цѣль была достигнута и тѣмъ окончательное разрѣшеніе восточнаго вопроса отсрочено, то Европа обязана была такимъ результатомъ, прежде всего, Россіи и дальновидной политикѣ императора Николая I. Русской политикѣ волею царя была поставлена совершенно опредѣленная цѣль: предупредить всѣми средствами разрушеніе престола султана на берегахъ Мраморнаго моря, ибо для Россіи несравненно выгоднѣе имѣть сосѣдомъ безсильную оттоманскую имперію, нежели новое и жизнеспособное мусульманское государство. Мегеметъ-Али, при его огромномъ политическомъ талантѣ и выдающемся умѣ, вполнѣ въ состояніи былъ низложить съ престола султана, занять этотъ престолъ и вдохнуть новую жизнь въ разслабленный постоянными смутами и внутренними недугами организмъ оттоманской имперіи. Вотъ почему императоръ Николай I энергическимъ и неуклоннымъ образомъ поддерживалъ верховную власть султана и спасалъ ее отъ неизбѣжной гибели. Въ сознательномъ и послѣдовательномъ стремленіи къ этой цѣли заключался залогъ успѣха русской политики въ царствованіе императора Николая I. Даже само англійское правительство принуждено было признать „мудрость и безкорыстіе“ русской политики въ египетскомъ вопросѣ. Когда лордъ Пальмерстонъ узналъ о порученіи, возложенномъ Николаемъ I на генералъ-лейтенанта Муравьева, онъ откровенно восторгался „великодушіемъ“ политики русскаго императора и признавался, что Англія не въ состояніи была оказать Турціи такую помощь, какъ Россія.

Съ перваго взгляда кажется, что въ виду положительнаго намѣренія также и Англіи поддерживать всѣми силами оттоманскую имперію, Россія и Англія должны были бы дѣйствовать въ египетскомъ вопросѣ вполнѣ согласно и дружескимъ образомъ. Традиціи англійской восточной политики также вмѣняли лорду Пальмерстону въ обязанность спасать во что бы то ни стало Порту отъ угрожающей гибели.

Но на самомъ дѣлѣ такого желательнаго согласія между политическими видами обѣихъ великихъ державъ не существовало. Напротивъ, по мѣрѣ того какъ усложнялся египетскій вопросъ, обнаруживался полный разладъ между с.-петербургскимъ и лондонскимъ кабинетами, чуть не приведшій въ 1833 году къ войнѣ между обѣими державами. Такое разногласіе объясняется въ значительной степени чувствомъ взаимнаго недовѣрія и опасливой завистливости Англіи. Императоръ Николай I не могъ питать никакого довѣрія къ англійской политикѣ, пока

лордъ Пальмерстонъ усматривалъ въ союзѣ съ Франціею лучшее средство для разрѣшенія турецко-египетской распри. Государь зналъ, что политика Луи-Филиппа въ египетскомъ вопросѣ совершенно расходилась съ его собственными политическими видами. Французское правительство открыто поддерживало стремленія Мегемета-Али къ полной независимости, и императоръ Николай I не могъ понять близорукости лондонскаго кабинета, первоначально увлекавшагося мечтами объ англо-французскомъ союзѣ. Съ другой стороны, блестящій успѣхъ русской политики въ Константинополѣ и Каирѣ, выразившійся въ знаменитомъ союзномъ трактатѣ ункіаръ-искелесскомъ, не могъ не вызвать чувства досады и зависти въ англійскихъ государственныхъ дѣятеляхъ, все равно къ какой бы политической партіи они ни принадлежали.

Этими соображеніями можетъ быть объясненъ ходъ дипломатическихъ переговоровъ между Россіею и Англіею по египетскому вопросу.

Руководствуясь чувствомъ недовѣрія къ англо-французской политикѣ, императоръ Николай I постоянно поручалъ своимъ представителямъ въ Лондонѣ: предупреждать всякое предложеніе объ *общемъ* посредничествѣ великихъ державъ между турецкимъ султаномъ и его строптивымъ египетскимъ пашою. Онъ желалъ сохранить за собою полную свободу дѣйствія, ибо „виды, которыми въ настоящее время руководствуются кабинеты лондонскій и парижскій, слишкомъ расходятся съ нашими видами", — писалъ графъ Нессельроде князю Ливену въ сентябрѣ 1832 года.

Въ началѣ 1833 года князь Талейранъ, состоявшій въ это время французскимъ посломъ при с.-джемскомъ дворѣ, предложилъ англійскому правительству заключить конвенцію для опредѣленія общаго плана дѣйствія въ турецко-египетской распрѣ. Англійское правительство не приняло этого предложенія, но, съ другой стороны, оно подтвердило свое рѣшеніе дѣйствовать сообща съ французскимъ правительствомъ „для спасенія оттоманской имперіи отъ окончательнаго распаденія".

Не желая связывать свободы дѣйствія Англіи съ судьбою правительства Луи-Филиппа, лордъ Пальмерстонъ придумалъ проектъ союзной конвенціи между Англіею, Франціею, Австріею и Россіею, которымъ узаконялось постоянное вмѣшательство этихъ союзныхъ державъ во внутреннія дѣла Турціи. Князь Ливенъ категорически отказался вступить въ обмѣнъ мыслей объ этой конвенціи, и австрійскій посланникъ при с.-джемскомъ дворѣ равнымъ образомъ отклонилъ подписаніе проектированнаго акта.

Князь Ливенъ доказывалъ лорду Пальмерстону, что Россія не вмѣшивается во внутреннія дѣла оттоманской имперіи, но готова оказать помощь султану противъ его подданнаго-бунтовщика. Лордъ Пальмерстонъ отказывался понять такое различіе между вмѣшательствомъ и оказаніемъ помощи, подобно тому какъ онъ не въ состояніи былъ уразумѣть и настоящихъ мотивовъ русской политики въ египетскомъ вопросѣ.

„Если" — признавался благородный лордъ австрійскому посланнику барону Нейману — „паденіе султана будетъ имѣть послѣдствіемъ установленіе въ Константинополѣ сильнаго правительства—посредствомъ ли учрежденія регентства съ Ибрагимомъ-пашою во главѣ, или посредствомъ возведенія его же на престолъ, то Англія примирится съ такимъ порядкомъ вещей. Все, чего добивается англійская политика, это — существованіе независимаго и прочнаго правительства въ этой странѣ" (т.-е. въ Турціи).

Оба представителя Россіи—князь Ливенъ и графъ Поццо-ди-Борго — были возмущены такими взглядами англійскаго министра и утверждали, что лордъ Пальмерстонъ выдалъ только-что приводимыми словами „не только тайну англійскаго правительства, но также обнаружилъ свое невѣжество". Какимъ образомъ, спрашивали они, англійское правительство можетъ думать, что желаемый имъ переворотъ всего государственнаго порядка Турціи можетъ совершиться безъ сильнѣйшихъ потрясеній всего Востока?

Намъ кажется, что князь Ливенъ и графъ Поццо-ди-Борго не совсѣмъ справедливо относились къ лорду Пальмерстону: въ его опредѣленіи цѣли англійской политики нисколько не обнаруживалось его невѣжества, а, напротивъ, проглядывало полное сознаніе дѣйствительныхъ цѣлей англійской политики въ отношеніи Турціи. Англійское правительство считало возможнымъ и желательнымъ водвореніе въ оттоманской имперіи лучшаго государственнаго порядка и болѣе прочнаго правительственнаго строя. Императорское же правительство признавало установленіе новыхъ и лучшихъ правительственныхъ порядковъ въ Турціи невозможнымъ и нежелательнымъ.

Пока оба правительства исходили изъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія и ставили себѣ совершенно противоположныя цѣли—согласіе между ними въ восточномъ вопросѣ могло быть только случайное и мимолетное. Когда наступитъ время сознанія со стороны великобританскаго правительства невозможности и нежелательности созданія въ Турціи новаго и

лучшаго порядка вещей, полное его согласіе съ видами русской политики обнаружится само собою.

Этотъ моментъ еще не наступилъ въ 30-хъ годахъ, во время турецко-египетской распри. Поэтому постоянныя столкновенія и взаимное недовѣріе явились нормальными послѣдствіями взаимныхъ отношеній Россіи и Англіи. Въ особенности рельефно подтвердилось это положеніе непосредственно послѣ заключенія ункіаръ-искелесскаго союзнаго трактата между Россіею и оттоманскою имперіею, въ іюлѣ 1833 года.

Въ секретномъ письмѣ отъ 24-го іюля 1833 г. къ князю Ливену вице-канцлеръ гр. Нессельроде поздравляетъ князя и себя съ благополучнымъ окончаніемъ турецко-египетской распри, благодаря счастливому исходу порученій, возложенныхъ государемъ на генерала Муравьева и графа Орлова въ Константинополѣ. Государю одному удалось предохранить Европу отъ послѣдствій, неминуемо долженствовавшихъ вытекать изъ паденія оттоманской имперіи.

„Если“ — пишетъ гр. Нессельроде — „миръ на Востокѣ возстановленъ, если власти Египта положены предѣлы и она отодвинута за Тавръ, если судоходство и торговля еще пользуются въ Босфорѣ покровительствомъ, обезпеченнымъ за ними нашими трактатами, наконецъ, если въ настоящее время престолъ султана еще цѣлъ, то исключительно благодаря государю императору, который этого желалъ для спокойствія Европы и въ виду разумно понятой пользы Россіи“.

Подписанный въ Ункіаръ-Искелесси трактатъ оборонительнаго союза между Россіею и Турціею имѣлъ цѣлью обезпечить будущее, послѣ того какъ настоящее улучшено и упорядочено. Этотъ актъ даетъ Россіи двѣ несомнѣнныя выгоды, по словамъ графа Нессельроде:

„Во-первыхъ, онъ остановитъ честолюбивые замыслы египетскаго паши, который не пожелаетъ имѣть врагомъ Россію. Во-вторыхъ, онъ будетъ препятствовать тому, чтобъ отнынѣ Порта, какъ она дѣлала въ послѣднее время, колебалась между Англіею, Франціею и Россіею, потому что только послѣдняя держава, посредствомъ формальнаго акта, обязалась оказывать ей помощь и покровительство... Наше вооруженное вмѣшательство въ дѣла Турціи получило законный базисъ... Заключеніе этого акта имѣетъ весьма положительное значеніе“.

Князю Ливену не было поручено сообщить лондонскому кабинету текстъ русско-турецкаго союзнаго трактата, подписаннаго графомъ Орловымъ и Бутеневымъ, пока сама Порта не

опредѣлить момента такого сообщенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, послу было объяснено, что сама Порта пожелала подписать этотъ актъ въ моментъ возвращенія русскихъ войскъ, пришедшихъ въ Константинополь для спасенія престола султана, обратно въ Россію.

Извѣстно, что наиболѣе важнымъ постановленіемъ этого союзнаго трактата была секретная статья, вмѣняющая Портѣ въ обязанность закрывать Дарданельскій (не Босфорскій) проливъ для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Эта статья, по словамъ депеши графа Нессельроде, отъ 5-го (17-го) августа 1833 г., „не налагаетъ на Порту никакого обременительнаго условія и не заставляетъ ее подчиниться какому-нибудь новому обязательству. Она только служитъ подтвержденіемъ факта закрытія Дарданелловъ для военныхъ судовъ иностранныхъ державъ, т.-е. системы, которой Порта всегда держалась, и отъ которой она дѣйствительно не можетъ отказаться безъ нарушенія своихъ наиболѣе близкихъ интересовъ“.

Въ виду этого положительнаго факта, ни Англія, ни Франція, не имѣютъ права протестовать противъ этой секретной статьи ункіаръ-искелесскаго трактата, потому что съ давнихъ временъ Дарданельскій проливъ былъ закрытъ для военныхъ судовъ иностранныхъ государствъ. Кромѣ того, это общее правило должно получить примѣненіе равнымъ образомъ къ русскимъ военнымъ судамъ, въ пользу которыхъ не устанавливается никакой привилегіи. Слѣдовательно, ни одна морская держава „не можетъ жаловаться на лишеніе ея права, котораго Россія, въ видѣ исключенія, не установила въ свою собственную пользу“.

Послѣ предварительнаго соглашенія съ Портою, императорское правительство предписало своему послу въ Лондонѣ сообщить англійскому кабинету копію съ ункіаръ-искелесскаго трактата. Князь Ливенъ исполнилъ это предписаніе, въ началѣ августа, прочтеніемъ лорду Пальмерстону объяснительной депеши графа Нессельроде, отъ 19-го іюля. Хотя благородный лордъ уже зналъ объ этомъ актѣ чрезъ вѣнскій кабинетъ, все-таки сообщеніе русскаго посла произвело на него потрясающее впечатлѣніе. По его мнѣнію, сама тайна, при которой этотъ актъ былъ заключенъ, производитъ непріятное впечатлѣніе. Отъ остальныхъ державъ искусно скрывалось подписаніе этого акта. При дружескихъ отношеніяхъ, существующихъ между Англіею и Россіею, англійское правительство имѣло право разсчитывать на бо̀льшую откровенность и довѣріе. Что же касается содержанія этого акта, то онъ, очевидно, ставитъ Порту въ вассальную за-

висимость отъ Россіи, и потому мѣсто, занятое Турціею въ европейской системѣ, оказывается свободнымъ, и наступила необходимость восполнить этотъ пробѣлъ другими политическими комбинаціями". Въ заключеніе лордъ Пальмерстонъ объявилъ, что для Англіи союзный трактатъ между Россіею и Турціею „не существуетъ".

Русскій посолъ былъ нѣсколько озадаченъ чувствомъ возмущенія, съ которымъ англійскій министръ отнесся къ сообщенному ему трактату. Онъ вспомнилъ, что весьма недавно, въ маѣ мѣсяцѣ, тотъ же лордъ Пальмерстонъ съ восторгомъ отзывался о великодушіи русскаго царя, который своими военными силами пришелъ на помощь султану и спасъ послѣдняго отъ гибели. Тогда благородный лордъ сознавался, что Англія не была въ состояніи оказать такой дѣйствительной помощи Турціи.

Теперь же лордъ Пальмерстонъ не затруднялся въ рѣзкихъ выраженіяхъ порицать образъ дѣйствія императорскаго правительства, по мнѣнію котораго ункіаръ-искелесскій союзный трактатъ долженъ былъ только обезпечивать на будущее время за Портою ту самую помощь со стороны Россіи, оказаніе которой лѣтомъ 1833 года лордъ Пальмерстонъ самъ признавалъ поступкомъ великодушнымъ и благороднымъ.

Между тѣмъ, не только лорды Грей и Пальмерстонъ, но и все общественное мнѣніе въ Англіи—все болѣе и болѣе ожесточались противъ Россіи по поводу союзнаго трактата съ Турціею, объявляя его оскорбленіемъ для всего англійскаго народа. По распоряженію англійскаго правительства, вооруженіе англійскаго военнаго флота приняло лихорадочную поспѣшность, и англійскій народъ, казалось, желалъ войны съ Россіею.

Англійскій посланникъ въ С.-Петербургѣ подалъ 17-го (29-го) октября 1833 года вице-канцлеру ноту, заключавшую въ себѣ формальный протестъ противъ іюльскаго русско-турецкаго трактата. Въ этомъ протестѣ было сказано, въ началѣ, что великобританское правительство съ горестью узнало о заключеніи этого акта.

„Этотъ трактатъ,—продолжала англійская нота, — кажется, по мнѣнію правительства его величества, производитъ измѣненіе отношеній между Турціею и Россіею, противъ чего другія европейскія державы имѣютъ право протестовать. Нижеподписавшійся уполномоченъ объявить, что если постановленія сего трактата могли бы впослѣдствіи привести къ вооруженному вмѣшательству Россіи во внутреннія дѣла Турціи, то великобританское правительство оставляетъ за собою, въ такомъ случаѣ, свободу дѣй-

канцлеру ноту, отъ 21-го ноября (3-го декабря), въ которой выражается надежда англійскаго правительства, что іюльскій трактатъ не нарушитъ добрыхъ отношеній между Англіею и Россіею. Въ Лондонѣ лордъ Пальмерстонъ вступилъ въ подробныя объясненія съ русскимъ посломъ насчетъ *дѣйствительнаго* содержанія и цѣли ункіаръ-искелесскаго трактата. Эти разговоры между лордомъ Пальмерстономъ и княземъ Ливеномъ заслуживаютъ серьезнаго вниманія, какъ по своей формѣ, такъ и по своему содержанію.

Лордъ Пальмерстонъ пригласилъ посла къ себѣ въ гости, въ свой замокъ, и послѣ хорошаго обѣда между ними завязался слѣдующій разговоръ. Англійскій министръ началъ съ обвиненія Россіи въ воинственномъ настроеніи (sic!), ибо она вооружается на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ. Само собою разумѣется, что эти вооруженія направлены только противъ Англіи. Но, спрашиваетъ лордъ Пальмерстонъ: почему Россія желаетъ воевать съ Англіею? Вѣдь англійское правительство только подтверждаетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что вслѣдствіе ункіаръ-искелесскаго трактата Турція сдѣлалась вассальною въ отношеніи Россіи державою. „Вмѣсто независимаго государства на своей границѣ“,— доказывалъ англійскій министръ,—„Россія отнынѣ будетъ имѣть вассальное государство. Вмѣсто того, чтобъ, въ случаѣ войны, бояться нападенія со стороны врага, она получаетъ право на помощь союзника“.

Лордъ Пальмерстонъ не остановился на такомъ искаженіи фактовъ; онъ продолжалъ обвинять Россію въ постоянномъ нарушеніи правъ Великобританіи—посредствомъ укрѣпленія Аландскихъ острововъ! Когда русскій посолъ, какъ это ни странно, сталъ доказывать англійскому министру, что русскія укрѣпленія на Аландскихъ островахъ столько же угрожаютъ Англіи, сколько угрожаетъ ей Кронштадтъ, лордъ Пальмерстонъ сталъ опровергать это мнѣніе, говоря, что „Аландскіе острова расположены въ началѣ Ботническаго залива, который почти никогда не замерзаетъ, и слѣдовательно движенія Россіи, въ случаѣ нападенія, будутъ гораздо свободнѣе и независимѣе съ этого пункта, нежели съ другого“. Онъ прибавилъ, что, владѣя крѣпостью Або, Россія имѣетъ полную безопасность со стороны Швеціи, и что, „слѣдовательно, укрѣпляясь на Аландскихъ островахъ, мы (Россія) можемъ имѣть въ виду только Англію“ (sic!).

Къ сожалѣнію, князь Ливенъ не прервалъ этого разговора насчетъ Аландскихъ острововъ простымъ указаніемъ на неотъемлемыя права территоріальнаго верховенства надъ Аландскими

островами. Если на парижскомъ конгрессѣ 1856 года Англія могла провести въ жизнь свою невѣроятную претензію насчетъ Аландскихъ острововъ, то это случилось послѣ побѣдоносной противъ Россіи войны. Но въ 1833 году войны между обѣими державами не было, и потому претензія, заявленная лордомъ Пальмерстономъ, была вполнѣ неосновательная.

Съ своей стороны, князь Ливенъ сталъ доказывать англійскому министру, что рѣзкій отвѣтъ императорскаго правительства на англійскій протестъ противъ ункіаръ-искелесскаго трактата былъ исключительно вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что лондонскій кабинетъ не одинъ, но вмѣстѣ съ Франціею, заявилъ свой протестъ. Кромѣ того, лордъ Пальмерстонъ жестоко ошибается, полагая, что по іюльскому трактату, въ случаѣ войны Россіи съ какою-либо европейскою державою, Турція обязалась воевать на сторонѣ Россіи. Подобнаго постановленія нѣтъ въ трактатѣ ункіаръ-искелесскомъ.

Тогда лордъ Пальмерстонъ всталъ, досталъ означенный трактатъ и прочелъ ему сепаратную статью, устанавливавшую подобное обязательство Турціи. Посолъ справедливо возразилъ, что такое обязательство было включено въ первоначальный проектъ трактата, но потомъ устранено, и что его нѣтъ въ подписанномъ Россіею и Портою трактатѣ. Англійскій министръ не повѣрилъ послу и просилъ его принести свой экземпляръ этого акта. Его желаніе было исполнено, и онъ принужденъ былъ удостовѣриться въ ошибочности своего экземпляра ункіаръ-искелесскаго трактата. Оказалось, что сообщенный англійскому правительству Портою списокъ трактата былъ неточенъ, и эту неточность князь Ливенъ объяснилъ плохимъ французскимъ переводомъ съ турецкаго оригинальнаго текста, сдѣланнымъ самою Портою.

Вслѣдъ затѣмъ, англійскій министръ занялся ядовитою критикою сепаратной статьи о Дарданеллахъ. Онъ доказывалъ, что въ силу этой статьи Дарданельскій проливъ будетъ отнынѣ закрытъ для военныхъ судовъ всѣхъ воюющихъ противъ Россіи державъ и открытъ только для русскаго военнаго флота. Такимъ образомъ, ункіаръ-искелесскій актъ отмѣнилъ англо-турецкій трактатъ 1809 года, въ силу котораго Англія обязалась уважать закрытіе Дарданельскаго пролива, если послѣдній будетъ закрытъ для военныхъ судовъ всѣхъ, безъ исключенія, народовъ.

Въ отвѣтъ на такое заявленіе англійскаго министра посолъ прочелъ ему депешу графа Нессельроде, отъ 5-го августа, въ которой убѣдительнымъ образомъ доказывалось, что общее запре-

щеніе прохода военныхъ судовъ относится ко всѣмъ, безъ исключенія, военнымъ судамъ, и что, слѣдовательно, въ пользу русскихъ военныхъ судовъ не установлено никакой привилегіи русско-турецкимъ союзнымъ трактатомъ. По этому поводу посолъ сталъ восхвалять великодушіе своего государя, который не воспользовался чрезвычайно благопріятными обстоятельствами, чтобъ добиться какихъ-нибудь исключительныхъ для Россіи выгодъ.

Тогда лордъ Пальмерстонъ довольно язвительно спросилъ русскаго посла: „Однако, если этотъ трактатъ не принесъ вамъ ни выгодъ, ни новыхъ привилегій, кто же васъ заставилъ заключить его“? На этотъ вопросъ князь Ливенъ отвѣтилъ, что Порта настаивала на его заключеніи въ виду возможныхъ новыхъ нападеній, чтобъ имѣть за собою „моральную гарантію, равносильную всѣмъ матеріальнымъ гарантіямъ“.

„Итакъ, по вашему“, — возразилъ лордъ Пальмерстонъ, — „Порта первая предложила этотъ актъ? Однако, мы знаемъ изъ вѣрнаго источника, что отъ васъ исходило предложеніе, что Бутеневу было приказано сдѣлать такое предложеніе даже до прибытія въ Константинополь графа Орлова, и что въ то время многіе члены дивана возставали противъ него“. Когда князь Ливенъ сталъ оспаривать такое утвержденіе англійскаго министра, послѣдній ему въ упоръ поставилъ вопросъ: „Въ такомъ случаѣ, почему вы окружали такою тайною это дѣло“? Не только отъ Англіи и Франціи, но даже отъ Австріи, всегда горою стоявшей за безкорыстіе русской политики на Востокѣ, заключеніе ункіаръ-искелесскаго трактата было сохранено въ величайшемъ секретѣ.

Русскій посолъ объяснилъ сохраненіе тайны враждебною политикою Англіи и Франціи противъ Россіи. Тогда лордъ Пальмерстонъ совершенно откровенно признался, что Англія ничего не имѣетъ противъ занятія Мегеметомъ-Али турецкаго престола. На это посолъ замѣтилъ, что именно этого Россія никогда не допуститъ.

Однако, по мѣрѣ того какъ Англія убѣждалась въ невозможности воевать съ Россіею, не имѣя никакихъ надежныхъ союзниковъ, по мѣрѣ того лордъ Пальмерстонъ смягчалъ тонъ своихъ объясненій съ русскимъ посломъ. Въ январѣ 1834 года онъ сталъ даже отрицать, что соглашался видѣть египетскаго пашу на престолѣ султановъ. Онъ поправился въ томъ смыслѣ, что будто сказалъ: если турецкій престолъ долженъ занять русскій императоръ, то онъ предпочелъ бы видѣть на немъ Мегемета-Али. Лордъ Пальмерстонъ даже поручилъ англійскому посланнику, Mr. Bligh, объявить императорскому правительству, что

онъ удовлетворенъ данными ему княземъ Ливеномъ объясненіями насчетъ происхожденія и цѣли русско-турецкаго трактата.

Въ виду такой перемѣны поведенія англійскаго кабинета, императоръ Николай I счелъ возможнымъ также измѣнить тонъ и содержаніе своихъ объясненій съ Англіею.

„Такъ какъ Англія становится любезною“,—писалъ гр. Нессельроде въ январѣ 1834 года,—„то и мы также будемъ любезны. Мы всегда будемъ ей платить ея собственною монетою“. И такъ какъ англійское правительство учтиво *проситъ* (не требуетъ) объясненій по нѣкоторымъ вопросамъ, то посолъ можетъ ему ихъ дать. Онъ можетъ положительно утверждать, что русскій военный флотъ въ Черномъ морѣ нисколько не увеличенъ. Въ Балтійскомъ морѣ число военныхъ судовъ то же самое, что было при Екатеринѣ II и Александрѣ I. Въ городѣ Або совсѣмъ нѣтъ укрѣпленій. На Аландскихъ островахъ построена на 2 баталіона „укрѣпленная казарма“. Утверждать, что эта казарма угрожаетъ безопасности Англіи — по меньшей мѣрѣ смѣшно. Не менѣе странною представляется жалоба Англіи на русскія вооруженія въ царствѣ польскомъ, когда сосѣднія съ Россіею государства ничего не возражаютъ противъ этихъ укрѣпленій. Наконецъ, спрашиваетъ вице-канцлеръ, развѣ согласіе Англіи—на мѣсто дружескаго по отношенію къ Россіи султана возвести на турецкій престолъ врага ея—Мегемета-Али—не представляетъ гораздо бо́льшую для Россіи опасность, нежели для Англіи укрѣпленная казарма на Аландскихъ островахъ?

Князю Ливену не суждено было продолжать эти переговоры насчетъ цѣли и содержанія русско-турецкаго союзнаго трактата. По случаю достиженія наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ совершеннолѣтія, государь императоръ назначилъ князя Ливена, указомъ отъ 22-го апрѣля 1834 года, попечителемъ къ великому князю. Князь Ливенъ былъ чрезвычайно доволенъ этой высокой честью и лѣтомъ того же года покинулъ свой постъ при с.-джемскомъ дворѣ. Лордъ Пальмерстонъ не скрывалъ своей радости по случаю удаленія князя Ливена. Но эта радость продолжалась весьма недолго: онъ весьма скоро узналъ, что на постъ русскаго посла въ Лондонѣ назначается графъ Поццо-ди-Борго, котораго онъ зналъ, какъ ловкаго дипломата и сознающаго свое достоинство человѣка.

Для временнаго управленія дѣлами императорскаго посольства былъ переведенъ изъ Парижа въ Лондонъ совѣтникъ посольства—графъ Медемъ. Въ инструкціи, отъ 1 (13) іюня 1834 года, графу Медему объясняется основная точка зрѣнія

императорскаго правительства на отношенія его къ Англіи. Англійскимъ министрамъ, говорится въ этомъ любопытномъ актѣ, засѣла въ голову мысль, что Россія проникнута враждебными замыслами противъ Англіи. Вездѣ имъ мерещатся враги, двинутые Россіею противъ англійскихъ интересовъ не только въ Европѣ, но также въ Азіи и Америкѣ. Но графъ Медемъ обязанъ постоянно имѣть въ виду непоколебимое рѣшеніе государя поддерживать съ Англіею самыя дружескія отношенія, которыя „въ продолженіе уже стольких лѣтъ соединяютъ Россію съ Великобританіею".

„Это желаніе,—продолжаетъ гр. Нессельроде,—всегда руководило и не перестаетъ руководить политикою государя императора, ибо онъ убѣжденъ въ томъ, что союзъ обоихъ народовъ настолько же выгоденъ для ихъ коммерческихъ интересовъ, насколько необходимъ для охраненія великихъ интересовъ Европы и въ особенности для укрѣпленія всеобщей тишины".

Императоръ вовсе не желаетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ, но онъ также не допуститъ вмѣшательства въ свои собственныя дѣла. „Однако, еслибъ когда-либо англійское правительство" — заявляетъ вице-канцлеръ — „посягнуло на осуществленіе нашимъ августѣйшимъ государемъ своихъ законныхъ правъ въ отношеніи какого-либо дѣйствительно русскаго вопроса, разрывъ былъ бы неминуемымъ послѣдствіемъ, и государь принялъ бы всѣ вытекающія изъ него обстоятельства съ полною увѣренностью въ справедливости своего дѣла". Но споръ изъ-за русско-турецкаго трактата кончился мирно. Лордъ Пальмерстонъ вызвалъ это столкновеніе только потому, что чувствовалъ, насколько плачевна была роль Англіи въ восточныхъ дѣлахъ сравнительно съ блестящею ролью Россіи.

Лордъ Пальмерстонъ принялъ графа Медема весьма любезно и немедленно вступилъ съ нимъ въ откровенности. Онъ, можетъ быть, желалъ доказать императорскому правительству, что такой повѣренный въ дѣлахъ, какъ графъ Медемъ, лучше, чѣмъ графъ Поццо-ди-Борго, можетъ поддерживать согласіе между лондонскимъ и с.-петербургскимъ дворами. Такъ, говоря съ Медемомъ объ азіатскихъ дѣлахъ и въ частности о Персіи, лордъ однажды воскликнулъ: „*Съ того момента, какъ Россія и Англія между собою согласны, миръ въ Азіи обезпеченъ*"!

Великія слова, даже въ устахъ лорда Пальмерстона! Къ крайнему сожалѣнію, весьма рѣдко великобританскіе государственные люди вспоминаютъ о великой истинѣ, заключающейся

въ приведенныхъ словахъ знаменитаго англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Русскій повѣренный въ дѣлахъ охотно пошелъ на встрѣчу благодушному настроенію лорда Пальмерстона и вызвалъ его на еще бо́льшія откровенности. Онъ ему откровенно сказалъ, что совершенно не понимаетъ англійской политики. Съ одной стороны, лордъ постоянно увѣряетъ его въ своемъ намѣреніи въ восточныхъ дѣлахъ идти рука объ руку съ Россіею; съ другой же стороны, англійскій посолъ въ Константинополѣ, лордъ Понсонби, дѣйствуетъ въ противоположномъ смыслѣ. Россія всѣми силами старается удерживать султана отъ воинственныхъ замысловъ противъ Египта, но англійское правительство увѣрено, что Россія, напротивъ, поддерживаетъ Мегемета-Али и всѣми силами желаетъ вызвать катастрофу на Востокѣ и гибель оттоманской имперіи.

Какъ же понять такія явныя противорѣчія?

Лордъ Пальмерстонъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ весьма откровенно слѣдующими словами: „Можетъ быть, это ложно, но мы приписываемъ вашему правительству секретные планы насчетъ раздѣленія или расчлененія оттоманской имперіи. Однако, тѣмъ не менѣе вѣрно, что эта идея будетъ здѣсь господствовать до тѣхъ поръ, пока Турція будетъ находиться въ состояніи зависимости, въ которое ее поставилъ трактатъ отъ 8-го іюля... Мы отдаемъ справедливость умѣренности вашего государя; мы признаемъ его усилія для сохраненія мира, но наши опасенія не исчезнутъ насчетъ послѣдствій господства Россіи на Востокѣ“.

Такимъ образомъ, по словамъ лорда Пальмерстона, только ункіаръ-искелесскій трактатъ возбуждалъ и поддерживалъ чувства зависти и непріязни Англіи въ отношеніи Россіи. Но весьма скоро оказалось, что отмѣна этого трактата нисколько не уменьшила ея враждебныхъ чувствъ.

Вотъ почему графъ Медемъ былъ совершенно правъ, когда онъ изъ откровенныхъ разговоровъ съ англійскими государственными людьми вывелъ слѣдующія три заключенія: 1) „Никогда мы не успѣемъ вселить Англіи дѣйствительнаго довѣрія къ нашему безкорыстію и добросовѣстности, какія бы усилія мы ни дѣлали для этой цѣли; 2) англійское правительство будетъ пользоваться каждымъ новымъ случаемъ, чтобъ всѣми имѣющимися у него средствами вредить нашимъ дружескимъ отношеніямъ къ Портѣ; 3) если лондонскій дворъ изъявляетъ желаніе согласиться съ нами для поддержанія и упроченія оттоманской имперіи, то

онъ вынужденъ это дѣлать въ силу необходимости сохранять миръ и контролировать дѣйствіе нашего вліянія".

Характеристика англійской политики, данная графомъ Медемомъ, не только вызвала полное одобреніе императора Николая I, написавшаго на его донесеніи: „Медемъ отлично говорилъ", но она вполнѣ оправдывалась во всѣ послѣдующія времена. Наконецъ, самъ Медемъ могъ въ этомъ убѣдиться по случаю перемѣны англійскаго министерства. Кабинетъ лорда Грея, вмѣстѣ съ лордомъ Пальмерстономъ, долженъ былъ уступить свое мѣсто торійскому министерству, во главѣ котораго стали герцогъ Веллингтонъ и сэръ Робертъ Пиль. Это случилось въ декабрѣ 1834 года.

Пока эти оба государственные человѣка были не у дѣлъ, они горячо осуждали образъ дѣйствія лордовъ Пальмерстона и Грея въ отношеніи Россіи по поводу іюльскаго трактата. Вотъ почему императорское правительство, депешею отъ 26-го декабря 1834 года, предписало графу Медему откровенно объяснить новымъ министрамъ обстоятельства, при которыхъ упомянутый трактатъ былъ подписанъ. Графъ Медемъ поспѣшилъ объясниться съ сэромъ Робертомъ Пилемъ и герцогомъ Веллингтономъ. Онъ имъ сообщилъ копіи съ полученныхъ изъ С.-Петербурга депешъ и съ увлеченіемъ доказывалъ, что исключительно желаніемъ спасти Турцію отъ неминуемой гибели было вызвано заключеніе русско-турецкаго союзнаго трактата.

Какъ же отнеслись къ этимъ откровенностямъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ оба знаменитые англійскіе государственные дѣятеля?

Сэръ Робертъ Пиль не оспаривалъ обстоятельствъ, при которыхъ іюльскій трактатъ былъ заключенъ, и даже согласился признать его благотворное вліяніе на Турцію. Но онъ не могъ признать необходимости заключенія этого акта, и меньше всего включенія въ него отдѣльной статьи о проливахъ. „Для чего этотъ трактатъ",—спросилъ онъ гр. Медема,—„для чего постановленіе о Дарданеллахъ; для чего это названіе: *отдѣльное*, если русскій кабинетъ силится доказать, что онъ этимъ актомъ не обезпечилъ за собою никакой исключительной выгоды, никакого права, которымъ онъ раньше не обладалъ? Нѣтъ особенно рѣзкой разницы между *оборонительнымъ* и *наступательнымъ* союзомъ, ибо все зависитъ отъ толкованія, которое желаешь дать этимъ словамъ въ случаѣ надобности".

Графъ Медемъ прервалъ сэра Роберта Пиля и горячо сталъ доказывать, что его государь желалъ только спасти Турцію отъ

неминуемой гибели. Англійскій министръ не отрицалъ великодушныхъ намѣреній русскаго царя, но все-таки не могъ понять, почему такою непроницаемою тайною были окружены переговоры между графомъ Орловымъ и Портою. Наконецъ, сэръ Робертъ Пиль поставилъ русскому повѣренному слѣдующій вопросъ: „Что сдѣлаетъ ваше правительство, если какая-либо морская держава, находящаяся въ войнѣ съ вами, пожелала бы прорваться черезъ проливы, и если турки не считали бы себя въ силахъ препятствовать проходу"?

Графъ Медемъ отвѣтилъ на этотъ очень важный и щекотливый вопросъ: если Порта уступитъ угрозѣ и пропуститъ чрезъ проливы, то она „сдѣлается нашимъ врагомъ". Если она воспротивится, „мы поспѣшимъ къ ней на помощь со всѣми нашими свободными силами".

Такова была бесѣда русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ съ тѣмъ англійскимъ государственнымъ мужемъ, который по своимъ замѣчательнымъ политическимъ способностямъ и уму былъ въ полномъ смыслѣ слова душою новаго торійскаго министерства. Нельзя не замѣтить, что въ вопросѣ о значеніи русско-турецкаго союзнаго трактата сэръ Робертъ Пиль совершенно раздѣлялъ взгляды лорда Пальмерстона. Можетъ быть, единственно въ этомъ вопросѣ эти англійскіе государственные дѣятели были совершенно одинаковаго мнѣнія.

Посмотримъ теперь, какъ отнесся герцогъ Веллингтонъ къ этому самому акту послѣ занятія имъ министерскаго кресла. Онъ началъ свою бесѣду съ графомъ Медемомъ съ увѣренія, что, по его глубокому убѣжденію, Россія и Англія всегда должны быть связаны узами союза и дружбы. Но, прибавилъ онъ, въ послѣднее время на горизонтѣ ихъ взаимныхъ отношеній появились двѣ тучи: польское дѣло и русско-турецкій трактатъ. Въ царствѣ польскомъ государь императоръ поступилъ совершенно законнымъ образомъ, и герцогъ Веллингтонъ вполнѣ одобряетъ отмѣну вольностей, дарованныхъ полякамъ императоромъ Александромъ I.

Другое дѣло: іюльскій трактатъ! Герцогъ не сталъ спорить насчетъ обстоятельствъ и мотивовъ, приведшихъ къ заключенію этого акта. Но,—продолжалъ онъ,—„имѣется одинъ явный и положительный фактъ, это—*существованіе этого трактата*, который, по общественному мнѣнію всѣхъ странъ, ставитъ Турцію въ положеніе вассальности по отношенію къ Россіи. Это общее мнѣніе, которое будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать этотъ трактатъ, и между нами (министрами) не

найдется никого, кто осмѣлился бы защищать этотъ актъ, хотя я допускаю, что въ сущности онъ не имѣетъ никакого значенія для императорскаго правительства, и что отдѣльная статья не обезпечиваетъ за нимъ никакой новой или исключительной выгоды"...

„Я иду еще дальше,—продолжалъ старый герцогъ съ рѣдкою прозорливостью,—я утверждаю, что этотъ актъ не только не обезпечиваетъ за Россіею преобладающаго вліянія на Востокѣ, но даже онъ ни въ чемъ не увеличиваетъ ручательства сохраненія мира въ тѣхъ странахъ" (1854-ый годъ). Въ видѣ доказательства герцогъ Веллингтонъ привелъ тотъ фактъ, что Мегеметъ-Али долженъ былъ покориться не только по волѣ Россіи, но также и другихъ великихъ державъ.

„Въ виду такого опыта,—продолжалъ свою рѣчь герцогъ,—и въ виду того, что само императорское правительство убѣждено и намъ доказываетъ, что этотъ трактатъ, въ сущности, не имѣетъ никакого положительнаго для него значенія,—почему, если султанъ, съ своей стороны, изъявитъ свое согласіе, не отмѣнитъ оно акта, возбуждающаго въ такой степени и во всѣхъ странахъ, а въ особенности въ Англіи, національную ненависть? Я совершенно откровенно объявляю, пока этотъ трактатъ будетъ имѣть обязательную силу, намъ невозможно будетъ упрекать себя иногда въ недовѣріи къ вашему правительству, съ которымъ мы такъ желаемъ быть въ согласіи по всѣмъ вопросамъ".

Впрочемъ, герцогъ Веллингтонъ не замедлилъ прибавить, что онъ не осмѣливается обратиться къ императору Николаю I съ требованіемъ. Онъ только выражаетъ свое сердечное желаніе. въ виду великой пользы добрыхъ отношеній и согласія между Англіею и Россіею.

Нѣтъ сомнѣнія, что вышеприведенныя слова герцога Веллингтона значительно отличаются отъ оцѣнки іюльскаго трактата, высказанной имъ прежде князю Ливену и графу Матушевичу. Вліяніе министерскаго поста и связанной съ нимъ отвѣтственности проявляется и въ данномъ случаѣ весьма рельефнымъ образомъ. Но, съ другой стороны, безпристрастіе требуетъ признать за словами герцога большую логику и весьма трезвый взглядъ на политическое положеніе, созданное русско-турецкимъ союзомъ на берегахъ Мраморнаго моря. Герцогъ Веллингтонъ также сходился съ лордомъ Пальмерстономъ въ данномъ вопросѣ. Но его аргументація проникнута искреннимъ желаніемъ поддерживать добрыя отношенія съ Россіею.

Императоръ Николай I не сдѣлалъ никакой надписи на инте-

ресномъ донесеніи графа Медема, въ которомъ былъ данъ отчетъ о вышеприведенныхъ бесѣдахъ съ сэромъ Робертомъ Пилемъ и съ герцогомъ Веллингтономъ. Но если вспомнить, съ какимъ глубокимъ уваженіемъ относился императоръ Николай Павловичъ къ герою ватерлооской битвы, то будетъ понятно впечатлѣніе, произведенное на него словами герцога Веллингтона. Можетъ быть неошибочно будетъ думать, что вышеприведенныя откровенности герцога существеннымъ образомъ повліяли на рѣшеніе императора не возобновлять ункіаръ-искелесскій трактатъ и обратить его сепаратную статью въ особенный общеобязательный международный актъ. Это случилось въ 1841 году.

Впрочемъ, когда графъ Поццо-ди-Борго, въ началѣ 1835 г., явился въ Лондонъ для занятія своего новаго поста, ему было предписано не вступать въ споръ съ англійскимъ правительствомъ насчетъ цѣлей и значенія іюльскаго трактата 1833 года. Императоръ выражалъ свое искреннее желаніе не воздвигать министерству герцога Веллингтона никакихъ затрудненій. Положеніе императорскаго правительства останется, по отношенію къ Англіи, „сильнымъ, спокойнымъ и совершенно независимымъ“.

Что касается іюльскаго трактата, то, на основаніи инструкціи отъ 14-го января 1835 года, графъ Поццо-ди-Борго обязанъ былъ помнить, что „пока будетъ продолжаться мирное состояніе, столь согласное съ нашими видами, этотъ трактатъ останется въ нашихъ архивахъ историческимъ документомъ, которымъ гордится Россія, но котораго дѣйствіе она нисколько не спѣшитъ вызвать“.

Императорское правительство признавало, въ 1835 году, сохраненіе іюльскаго союзнаго трактата не только „дѣломъ достоинства и чести“, но также „политическою необходимостью“. Вотъ почему графъ Нессельроде не могъ согласиться со всѣми критическими замѣчаніями герцога Веллингтона на іюльскій трактатъ. Герцогу слѣдуетъ напомнить, что послѣ адріанопольскаго трактата онъ обвинялъ Россію въ намѣреніи разрушить оттоманскую имперію. Теперь же онъ опять недоволенъ Россіею за заключеніе акта, имѣющаго единственною цѣлью сохраненіе той же оттоманской имперіи.

Въ первой же бесѣдѣ, которую новый русскій посолъ имѣлъ съ герцогомъ Веллингтономъ, послѣдній категорически настаивалъ на необходимости изданія императоромъ Николаемъ I декларація, возстановляющей нарушенное іюльскимъ трактатомъ ра-

венство всѣхъ великихъ державъ въ отношеніи Турціи. Графъ Поццо-ди-Борго столь же рѣшительно объявилъ, что никогда его государь не издастъ подобной деклараціи. Посолъ не видѣлъ надобности продолжать подобные разговоры объ іюльскомъ трактатѣ уже потому, что былъ совершенно увѣренъ въ близкомъ паденіи торійскаго министерства съ герцогомъ Веллингтономъ во главѣ.

Дѣйствительно, въ мартѣ 1835 года министерство Веллингтона-Пиля должно было подать въ отставку, и во главѣ новаго правительства стали лордъ Мельборнъ, какъ премьеръ, и лордъ Пальмерстонъ, какъ статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ. Англійскій король, по словамъ русскаго посла, плакалъ, когда разставался съ герцогомъ Веллингтономъ. Самъ же графъ Поццо-ди-Борго былъ того мнѣнія, что отъ новаго министерства „мы встрѣтимъ лучшія формы и ту же самую злую волю“.

Съ цѣлью доказать основательность своего мнѣнія, новый посолъ набросалъ характеристику внутреннихъ правительственныхъ порядковъ Англіи. По его мнѣнію, послѣдній кризисъ обнаружилъ существованіе въ Англіи двухъ главныхъ партій: на одной сторонѣ находятся — король, большинство членовъ палаты лордовъ, протестантская признанная закономъ церковь, именитое купечество и большинство землевладѣльцевъ трехъ соединенныхъ королевствъ; на другой—старые виги, измѣнившіе аристократіи, члены сектъ и диссиденты, мелкая буржуазія, вмѣстѣ съ шотландскими республиканцами и ирландскими католиками.

Послѣдніе имѣютъ въ лицѣ О'Коннеля замѣчательно ловкаго и умнаго коновода, имѣющаго огромное вліяніе на всѣ рѣшенія правительства. Старое раздѣленіе политическихъ партій и „старая конституція“ уже болѣе не существуютъ. Королевская власть обратилась въ Англіи „въ тѣнь безъ тѣла“ и не имѣетъ средствъ ни „чтобъ заставить себя бояться, ни чтобъ заставить себя любить“. Она лишилась всякаго вліянія и дѣйствительнаго значенія.

Съ того времени, доказываетъ графъ Поццо-ди-Борго своему правительству, какъ король и поземельная аристократія лишились политической власти, перешедшей въ руки промышленной народной массы, монархіи былъ нанесенъ смертельный ударъ, и она обратилась въ форму безъ всякаго внутренняго содержанія. На союзѣ виговъ съ радикалами — вотъ на чемъ зиждется современный правительственный порядокъ Англіи. „Партійный духъ убилъ въ Англіи духъ политическій“.

Имѣя въ виду эти обстоятельства, понятно будетъ, почему

новое англійское правительство относится съ нескрываемою ненавистью къ великимъ консервативнымъ державамъ на европейскомъ материкѣ. Вотъ почему лордъ Пальмерстонъ получилъ такое преобладающее вліяніе въ англійскомъ правительствѣ. „Сдѣлавшись якобинцемъ“,—пишетъ русскій посолъ про благороднаго лорда,—„потому что онъ отщепенецъ, онъ соединяетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ буйностью характера, злой нравъ и много злой воли. Его умъ, хотя дѣятеленъ, все-таки недалекій и смутный. Никогда онъ не согласится на что-нибудь примирительное и способное установить дружескія отношенія между Англіею и великими союзными монархіями“.

Про лорда Джона Росселя, тогда только-что выдвигавшагося, русскій посолъ писалъ, что это „маленькій холодный, честолюбивый и злопамятный человѣкъ, имѣющій много выдержки и готовый идти, если нужно, для сохраненія своей власти, отъ одной реформы къ другой — до республики... У высшей аристократіи, къ которой онъ принадлежитъ, нѣтъ болѣе заклятаго врага“.

При такомъ вліяніи на англійскую политику лордовъ Пальмерстона и Джона Росселя, нечего было разсчитывать на постоянство добрыхъ отношеній Англіи къ Россіи. Оба эти государственные человѣка ловко эксплуатируютъ общественное мнѣніе Англіи, столь сильно возбужденное противъ Россіи. Виги и радикалы усматриваютъ въ Россіи „краеугольный камень монархическаго зданія“. Ненавистью къ Россіи проникнуты не только англійскіе революціонеры, но „почти всѣ въ этой странѣ“ — писалъ гр. Поццо-ди-Борго.

Личное настроеніе графа Поццо-ди-Борго и его взглядъ на вновь образованное либеральное англійское министерство не могли содѣйствовать сближенію обоихъ правительствъ. Русскій посолъ часто имѣлъ столкновенія съ главою англійскаго Foreign Office, и онъ не скрывалъ того недовѣрія, съ которымъ онъ къ нему относился. Онъ былъ возмущенъ, между прочимъ, слѣдующимъ поступкомъ лорда Пальмерстона: послѣдній просилъ у посла, для личнаго прочтенія, депешу графа Нессельроде, въ которой выражается удовольствіе русскаго двора по случаю предположеннаго назначенія лорда Дюрэма великобританскимъ посломъ въ С.-Петербургъ. Благородный лордъ показалъ эту депешу королю, который возмутился тѣмъ, что о такомъ назначеніи говорятъ и пишутъ раньше, чѣмъ онъ его одобрилъ. Графъ Поццо-ди-Борго писалъ своему двору о назначеніи лорда Дюрэма, какъ о пред-

положенія, и совершенно не зналъ, что довѣренная имъ лорду Пальмерстону депеша перейдетъ въ руки англійскаго короля.

„Ваша свѣтлость",—писалъ графъ Поццо-ди-Борго князю Ливену, временно-управлявшему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, —„лучше всѣхъ поймете, насколько затруднительно имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ, какъ лордъ Пальмерстонъ. Вы сами имѣете горькій опытъ за много лѣтъ. Я могу васъ, князь, увѣрить, что его дурной нравъ не только не улучшился, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ ухудшается. Что касается меня, я буду избѣгать вызывать его. Но я не позволю ему въ отношеніи меня тона и вольностей, которыхъ не могу терпѣть. Что касается его враждебныхъ плановъ, то мы ихъ откроемъ во-время. И такъ какъ наши наибольшіе прямые интересы сосредоточиваются именно въ такихъ мѣстахъ, куда направляется его зловредная дѣятельность, то и наша дѣятельность будетъ не менѣе живою, бдительною и плодотворною, съ цѣлью парализовать и уничтожить его планы".

Императоръ Николай I вполнѣ одобрилъ образъ дѣйствія и намѣренія своего посла при лондонскомъ дворѣ. Онъ повелѣлъ вице-канцлеру передать ему, что государь настолько раздѣляетъ его взгляды, что признаетъ его донесенія о внутреннемъ положеніи Англіи написанными „какъ бы по его диктовкѣ". „Нашъ августѣйшій монархъ",—писалъ гр. Нессельроде 10-го апрѣля 1853 года графу Поццо-ди-Борго,—„никогда не руководился правиломъ слишкомъ полагаться на добро или слишкомъ опасаться зла, которое намъ можетъ сдѣлать Англія". Россія побѣдоносно вышла изъ всѣхъ затрудненій, бывшихъ какъ на Востокѣ, такъ и въ Польшѣ"...

„Эти результаты, какъ вы знаете",—писалъ вице-канцлеръ,—„были достигнуты только потому, что одинъ и тотъ же принципъ лежалъ въ основаніи нашей системы дѣйствій, а именно: открыто заявлять готовность пойти на рискъ войны всякій разъ, когда требовалось защищать наши интересы и наши права въ какомъ-либо вопросѣ, въ которомъ Россія можетъ имѣть непосредственное дѣйствіе. Съ другой стороны, мы умѣряли наши слова и воздерживались отъ всякаго рискованнаго шага въ вопросѣ, фактически поставленномъ внѣ нашей сферы дѣйствія и не касающемся дѣйствительныхъ интересовъ Россіи, какъ, въ частности, дѣла Португаліи и Испаніи".

Слѣдуя такой безусловно разумной политикѣ, Россія, подтверждаетъ гр. Нессельроде, никогда не возвѣщала о рѣшеніяхъ, которыхъ она не въ состояніи была привести въ исполненіе, а съ

другой стороны, она всегда могла осуществить свои планы, признанные государемъ отвѣчающими пользамъ и чести своего народа.

Руководствуясь такими разумными принципами въ своей международной политикѣ, императоръ Николай могъ соблюдать полное хладнокровіе во время воинственныхъ криковъ, которые отъ времени до времени раздавались въ Англіи. Такъ, лордъ Пальмерстонъ, то тономъ фамильярности, то съ видимою злобою, говорилъ русскому послу о явномъ намѣреніи Россіи завоевать Хиву и сдѣлать „шагъ впередъ къ Индіи".

Когда, послѣ тёплицкаго совѣщанія [1]), три сѣверныя союзныя державы рѣшили отмѣнить краковскую республику и ввести туда австрійскія войска, англійское правительство протестовало въ весьма сильныхъ выраженіяхъ противъ этой мѣры. Императоръ Николай I повелѣлъ своему вице-канцлеру оставить этотъ протестъ безъ отвѣта.

Гораздо сильнѣе были крики въ англійской періодической печати и обществѣ по поводу конфискаціи русскими властями въ Черномъ морѣ англійскаго судна „Vixen". Это судно было захвачено въ гавани Судчукъ-Кале съ грузомъ пороха и военныхъ припасовъ. Въ силу IV-й статьи адріанопольскаго трактата, все побережье кавказское, отъ устьевъ Кубани до порта Св. Николая, находилось подъ русскою властью, и только два порта: Анапскій и Редутъ-Кале, были открыты для торговыхъ оборотовъ всѣхъ націй. Судно „Vixen" умышленно нарушило какъ это постановленіе, такъ равно и объявленное русскимъ посольствомъ въ Константинополѣ всѣмъ иностраннымъ миссіямъ при Портѣ распоряженіе о запрещеніи торговли съ кавказскимъ побережьемъ, за исключеніемъ двухъ упомянутыхъ портовъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ англійское судно „Vixen", вмѣстѣ съ грузомъ, было конфисковано. Императорскій посолъ въ Лондонѣ былъ предупрежденъ, что всѣ англійскіе протесты встрѣтятъ со стороны Россіи формальный отказъ, и „что Государь Императоръ не отступитъ ни предъ какими послѣдствіями", которыя могутъ быть вызваны актомъ правосудія, совершеннаго въ отношеніи „Vixen". Сверхъ того, лондонскому и другимъ императорскимъ посольствамъ и миссіямъ было предписано постоянно имѣть въ виду, что никогда Россія не допуститъ, чтобъ ея территоріальныя права, основанныя на трактатахъ, заключенныхъ съ Турціею, были обсуждаемы третьей державою, въ нихъ не участвовавшею.

---

[1]) Сравн. мое „Собр. тракт. и конв.", т. IV, ч. I, № 138.

Великобританскій посолъ при русскомъ дворѣ, лордъ Дюрэмъ, прибывшій съ большою торжественностью въ С.-Петербургъ чрезъ Средиземное и Черное море, вполнѣ былъ доволенъ объясненіями гр. Нессельроде по дѣлу судна „Vixen“. Совершенно иначе отнесся къ этому дѣлу лордъ Пальмерстонъ, который сталъ съ жаромъ доказывать русскому послу, что Россія не имѣетъ права на все кавказское побережье, и что Турція не могла уступить Россіи такихъ правъ владѣнія, которыхъ она сама не имѣла. На эти слова гр. Поццо-ди-Борго самымъ категорическимъ образомъ заявилъ, что его государь считаетъ эти земли находящимися подъ его властью, и что онъ никому (кромѣ Порты) не позволитъ толковать его благопріобрѣтенныя отъ Турціи права. Но лордъ Пальмерстонъ все-таки въ продолженіе цѣлаго часа доказывалъ, что Кавказъ не принадлежалъ Россіи, и что русскія власти тамъ распоряжаться не могутъ.

Несмотря на энергическое нападеніе на русское правительство по поводу судна „Vixen“, посолъ, однако, предполагалъ, что англійское правительство все сдѣлаетъ, чтобы скорѣе покончить это дѣло. Но онъ не скрывалъ, что „предразсудки этой страны противъ Россіи почти всеобщіе. Англійскій народъ ревнивъ и ничего не понимаетъ въ иностранныхъ дѣлахъ“.

Но графъ Поццо-ди-Борго долженъ былъ скоро убѣдиться въ ошибочности своего взгляда насчетъ духа примиренія, приписаннаго имъ англійскому правительству. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца лордъ Пальмерстонъ хранилъ молчаніе насчетъ дѣла „Vixen“. Онъ явно избѣгалъ разговаривать съ русскимъ посломъ. Но 18-го (30-го) апрѣля благородный лордъ разразился невѣроятною филиппикою противъ Россіи. Онъ еще съ большею силою сталъ оспаривать права Россіи на Кавказъ, признанныя адріанопольскимъ мирнымъ трактатомъ. Графъ Поццо-ди Борго снова энергически протестовалъ и отрицалъ право Англіи принимать на себя роль „верховнаго трибунала надъ трактатомъ между независимыми державами“. Далѣе, посолъ рѣшительно защищалъ умѣренность русской политики въ отношеніи Турціи. которой была прощена часть контрибуціи, Дунайскія княжества возвращены и т. д. Тутъ лордъ Пальмерстонъ не выдержалъ: эти слова русскаго посла окончательно его раздражили, и онъ съ жаромъ отвѣчалъ ему цѣлымъ обвинительнымъ актомъ противъ Россіи, въ которомъ съ рѣзкостью доказывалъ, что Европа слишкомъ долго спала; что она наконецъ проснулась, чтобы положить предѣлъ системѣ захватовъ, которую императоръ намѣренъ привестя въ исполненіе на всѣхъ границахъ своей обширной

имперіи; что Россія угрожаетъ Пруссіи и Австріи, что въ Дунайскихъ княжествахъ она сѣетъ смуту, чтобы имѣть предлогъ туда возвратиться; что она строитъ большія крѣпости въ Финляндіи съ цѣлью навести страхъ на Швецію и т. д.

Графъ Поццо-ди-Борго выслушалъ этотъ обвинительный актъ противъ своего правительства съ полнымъ хладнокровіемъ, и когда лордъ Пальмерстонъ кончилъ, онъ ему только сказалъ: странно, что онъ такъ безпокоится насчетъ судьбы Пруссіи и Австріи— державъ, живущихъ въ полномъ мирѣ и искренней дружбѣ съ Россіею.

„Вы въ правѣ это сказать",—возразилъ благородный лордъ, —„онѣ находятся въ заблужденіи. Но Англія должна исполнить свою роль *покровительницы независимости народовъ*, и если овцы молчатъ, то пастухъ долженъ говорить".

Съ улыбкою на устахъ замѣтилъ въ отвѣтъ русскій посолъ: „Пастуху много будетъ дѣла, если онъ желаетъ принять на себя обязанность охраны тѣхъ, кого онъ называетъ овцами, но которые не овцы и не ищутъ его покровительства". Что касается Швеціи, то графъ Поццо-ди-Борго замѣтилъ, что она находится въ наилучшихъ отношеніяхъ къ Россіи и ни на какія вооруженія въ Финляндіи никогда не жаловалась.

Эти хладнокровныя возраженія русскаго посла вывели изъ терпѣнія англійскаго министра. Съ жаромъ сталъ онъ доказывать, что „султанъ укрѣпляетъ Дарданеллы съ помощью прусскихъ инженеровъ, посланныхъ ему по приказанію императора для того, чтобы не вызвать скандала посылкою русскихъ офицеровъ". Когда русскій посолъ остановилъ лорда Пальмерстона замѣчаніемъ, что султанъ имѣетъ право укрѣплять каждое мѣсто на своей территоріи, и въ особенности Дарданеллы, обезпечивающіе безопасность его столицы, лордъ Пальмерстонъ воскликнулъ: „Нѣтъ, милостивый государь, *противъ насъ* онъ укрѣпляетъ Дарданеллы, ибо нѣтъ другой державы, которая въ состояніи была бы прорваться чрезъ нихъ".

Наконецъ, лордъ Пальмерстонъ перешелъ къ дѣлу судна „Vixen" и сказалъ, что „Англія оставляетъ за собою всѣ права, которыя она намѣрена осуществлять въ другихъ частяхъ побережья (кавказскаго)"!

На это заявленіе русскій посолъ категорически объявилъ, что „Россія не признаетъ этихъ правъ и поддержитъ свои собственныя".

Этотъ разговоръ съ лордомъ Пальмерстономъ, который графъ Поццо-ди-Борго назвалъ „изумительнымъ и почти невѣроят-

нымъ", привелъ посла къ твердому убѣжденію, что англійскій министръ желаетъ войны, и если онъ еще долго останется у дѣлъ, то достигнетъ своей цѣли. Онъ не можетъ помириться съ мыслью, что англійскій народъ его не уважаетъ, ибо чего онъ добивается,—оканчивается полнымъ фіаско для него. Посредствомъ войны съ Россіею онъ надѣется сдѣлаться „популярнымъ и великимъ человѣкомъ". Главную поддержку въ своемъ воинственномъ настроеніи лордъ Пальмерстонъ находитъ въ королѣ. „Король"—писалъ своему двору посолъ—„желаетъ войны съ Россіею тѣмъ болѣе энергически, чѣмъ меньше самъ понимаетъ ея причину". Развѣ только его увлекаетъ мысль, что униженіе Россіи можетъ быть пьедесталомъ для его собственнаго величія.

На этомъ замѣчательномъ донесеніи графа Поццо-ди-Борго, отъ 20-го апрѣля (2-го мая) 1837 года, императоръ Николай I сдѣлалъ слѣдующую собственноручную надпись для вице-канцлера:

„Я вамъ разрѣшаю прочесть это донесеніе *цѣликомъ* Дюрэму, въ доказательство моего къ нему уваженія и довѣрія. Вы прибавите, что я ни въ чемъ не измѣню моего образа дѣйствія; что я останусь хладнокровнымъ, но что я буду защищать наши права во что бы то ни стало".

Вообще государь былъ очень доволенъ донесеніями своего посла въ Лондонѣ и поручилъ своему вице-канцлеру сказать ему, что его донесенія служатъ „новымъ доказательствомъ того высокаго превосходства таланта и той высокой силы характера", съ которыми онъ всегда защищалъ права и честь Россіи. Императорское правительство твердо рѣшилось въ дѣлѣ судна „Vixen" придерживаться двухъ началъ: 1) не позволять Англіи оспаривать законности захвата этого судна, и 2) считать конфискацію этого судна безповоротно совершившимся фактомъ.

По мѣрѣ того какъ англійское правительство убѣждалось въ непоколебимости, энергіи Россіи въ защитѣ своихъ правъ на кавказское побережье, по мѣрѣ того оно стало измѣнять свой воинственный тонъ. Старанія императорскаго кабинета изолировать Англію и привести ее къ сознанію ея совершенной изолированности увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Лордъ Пальмерстонъ остался безъ всякихъ союзниковъ противъ Россіи, и даже общественное мнѣніе самой Англіи открыто высказывалось за сохраненіе европейскаго мира. При такихъ обстоятельствахъ англійское правительство принуждено было признать законность рѣшенія русскаго суда въ дѣлѣ конфискаціи корабля „Vixen". Въ маѣ 1837 года, графъ Поццо-ди-Борго могъ донести своему прави-

тельству, что лордъ Пальмерстонъ очень радъ окончанію дѣла о захватѣ судна „Vixen", хотя императоръ Николай I ни на одну іоту не отступилъ отъ своего первоначальнаго рѣшенія. Столь внезапная уступчивость со стороны англійскаго правительства можетъ быть объяснена согласіемъ Россіи отпустить другое англійское судно „Lord Ch. Spencer", также захваченное близъ кавказскаго берега. Но это судно было отпущено на свободу, и капитана и экипажъ его Россія согласилась вознаградить за понесенные убытки и ущербъ—вслѣдствіе неправильнаго захвата судна.

При обсужденіи возбужденнаго, по поводу захвата „Lord Ch. Spencer", вопроса о пространствѣ территоріальнаго моря, императорское правительство энергическимъ образомъ опровергало обязательность мнѣнія о трехмильномъ разстояніи отъ берега, составляющемъ будто бы пространство территоріальнаго моря. Вице-канцлеръ графъ Нессельроде написалъ великобританскому послу, лорду Дюрэму, письмо, отъ 10-го марта 1837 года, заслуживающее особеннаго вниманія за ясность постановки спорнаго и по сіе время вопроса о границахъ территоріальнаго моря.

Англійское правительство оспаривало законность захвата судна „The Lord Ch. Spencer" на томъ основаніи, что территоріальное море простирается только на 3 морскихъ мили, судно же было задержано на гораздо большемъ разстояніи отъ берега. На это графъ Нессельроде отвѣчаетъ слѣдующимъ вопросомъ: „Трехмильное разстояніе, установленное англійскимъ законодательствомъ (по свидѣтельству англійскаго правительства) для осуществленія своего права юрисдикціи, можетъ ли быть признано, какъ господствующее правило, освященное международнымъ правомъ? Мы далеки отъ того, чтобъ раздѣлять такое мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, если обратиться къ авторитету публицистовъ, то убѣждаешься въ томъ, что никогда не существовало общаго правила, опредѣляющаго права державы на воды, омывающія ея берега. Одни распространяютъ эту юрисдикцію на 60 миль, до видимаго горизонта, до 3 миль, между тѣмъ какъ другіе ограничиваютъ ея предѣлъ только на пушечный выстрѣлъ (sic!)".

Далѣе, вице-канцлеръ указываетъ на разнообразіе постановленій трактатовъ, доказывающее отсутствіе общеустановленнаго правила. Такъ, по парижскому трактату 1763 года свобода рыболовства въ заливѣ Св. Лаврентія ограничена 3 милями отъ британскаго берега и 15 милями отъ мыса Бретонскаго. Въ

силу же трактатовъ относительно негроторговли репрессивныя мѣры, принимаемыя державами, распространяются на 20 миль отъ берега.

Въ заключеніе, вице-канцлеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „не существуетъ и общаго соглашенія, установившаго обязательное для всѣхъ державъ и во всѣхъ мѣстностяхъ правило. Напротивъ, можно видѣть, что каждое правительство оставляло за собою право, по собственному усмотрѣнію и безконтрольно, разрѣшать этотъ вопросъ соотвѣтственно своимъ удобствамъ и интересамъ. Но если есть начало, насчетъ котораго и публицисты, и правительства, всегда были одинаковаго мнѣнія, то это—слѣдующее: каждое государство имѣетъ право и обязанность сообразоваться прежде всего съ потребностями своей собственной безопасности".

Англійское правительство не соглашалось съ мнѣніемъ с.-петербургскаго кабинета и настаивало на 3-хъ-мильномъ разстояніи территоріальнаго моря, совершенно ложно утверждая, что англійское законодательство уже издавна утвердило это именно начало. Въ дѣйствительности, только въ 1878 году (Territorial Waters Jurisdiction Act) это начало было признано англійскимъ законодательствомъ.

Въ такомъ мало удовлетворительномъ состояніи находились отношенія между Россіею и Англіею, когда скончался король Вильгельмъ IV и на англійскій престолъ вступила принцесса Викторія.

III.

Вступленіе на великобританскій престолъ королевы Викторіи, само собою разумѣется, не остановило поступательнаго движенія политическихъ дѣлъ, главное руководительство которыми осталось въ рукахъ лорда Пальмерстона. Продолжались переговоры по греческому, египетскому, голландско-бельгійскому и другимъ дѣламъ. Совершенно особенное значеніе получили въ это самое время среднеазіатскія дѣла.

Постараемся сообщить вкратцѣ наиболѣе интересныя данныя, относящіяся къ этимъ дипломатическимъ переговорамъ.

Лордъ Пальмерстонъ, въ качествѣ покровителя всѣхъ либеральныхъ тенденцій, считалъ себя обязаннымъ заставить греческаго короля Оттона дать конституцію своему народу. Многіе государственные люди, и въ числѣ ихъ графъ Поццо-ди-Борго. были совершенно противъ этой мысли. Посолъ энергическимъ

образомъ доказывалъ лордамъ Мельборну и Пальмерстону, что греческій народъ, будучи „бѣднымъ, безъ предварительнаго образованія, безъ финансовъ, безъ общественной власти, безъ средствъ содержать ихъ и почти безъ законовъ", еще не выросъ до конституціоннаго порядка управленія. Но лордъ Пальмерстонъ настоялъ на своемъ, и греческій народъ получилъ свою конституцію.

Вообще нельзя было отказать этому англійскому министру въ энергіи, равно и въ отсутствіи застѣнчивости въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Когда онъ убѣдился, что лордъ Дюрэмъ совсѣмъ подпалъ подъ обворожительное вліяніе императора Николая I и постоянно защищалъ русскую политику, лордъ Пальмерстонъ отозвалъ его изъ С.-Петербурга, предложивъ ему еще болѣе почетный постъ генералъ-губернатора канадскаго. На мѣсто лорда Дюрэма посломъ былъ назначенъ маркизъ Кланрикардъ, въ іюлѣ 1838 года.

Только предъ несокрушимою волею лордъ Пальмерстонъ считалъ нужнымъ уступать. Въ дѣлѣ судна „Vixen" онъ уступилъ въ виду рѣшительнаго отказа императора Николая возвратить конфискованное судно. Онъ даже подъ рукою сталъ отсовѣтовать англійскимъ промышленникамъ посылать оружіе и другіе товары въ кавказскіе порты, въ нарушеніе русскихъ законовъ. Но онъ совершенно не раздѣлялъ мнѣнія своего премьера, лорда Мельборна, сказавшаго русскому послу, что лучшее средство для уничтоженія происковъ англійскихъ искателей приключеній было бы скорѣйшее завоеваніе русскими всего Кавказа. „Постарайтесь это сдѣлать поскорѣе", сказалъ лордъ Мельборнъ русскому послу.

Такое же противорѣчіе въ словахъ и дѣйствіяхъ между англійскимъ первымъ министромъ и его товарищемъ, управлявшимъ почти безконтрольно внѣшнею политикою Англіи, обнаруживалось постоянно въ египетскомъ вопросѣ, когда онъ съ 1838 года опять былъ поставленъ ребромъ по волѣ Мегемета-Али.

Выше мы видѣли, что лордъ Пальмерстонъ не прочь былъ видѣть Мегемета-Али на турецкомъ престолѣ. Но, убѣдившись въ абсолютной рѣшимости Россіи препятствовать осуществленію этого плана и не будучи увѣреннымъ въ серьезной поддержкѣ со стороны Франціи, онъ призналъ болѣе благоразумнымъ отсовѣтовать египетскому пашѣ добиваться полной независимости. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ зналъ, что Мегеметъ-Али нисколько не вѣрилъ въ рѣшимость великихъ державъ, за исключеніемъ

одной Россіи, въ случаѣ надобности силою оружія остановить его на пути въ Константинополь.

Въ виду такого положенія вещей и русско-турецкаго союзнаго трактата, лондонскій кабинетъ поставилъ себѣ задачею: предупредить, во что бы то ни стало, одностороннее вмѣшательство Россіи въ турецко-египетскія дѣла. Для этой цѣли казалось ему самымъ лучшимъ средствомъ сосредоточеніе всѣхъ дипломатическихъ переговоровъ по этимъ дѣламъ въ Лондонѣ, гдѣ должна быть созвана конференція изъ представителей великихъ европейскихъ державъ. Предсѣдательство на этой конференціи по праву принадлежало бы лорду Пальмерстону. Выяснивъ себѣ эту цѣль, благородный лордъ сталъ стремиться къ ней съ свойственною ему беззастѣнчивостью.

Въ сентябрѣ 1838 года, графъ Поццо-ди-Борго, на основаніи полученныхъ инструкцій (отъ 10-го мая), обратился къ лорду Пальмерстону съ просьбою назначить ему свиданіе. Англійскій министръ назначилъ слѣдующій день въ четыре часа. Когда русскій посолъ явился въ Downingstreet, въ назначенный часъ, онъ уже нашелъ у лорда Пальмерстона представителей Франціи, Австріи и Пруссіи. Такимъ простымъ способомъ благородный лордъ желалъ импровизировать дипломатическую конференцію объ египетско-турецкой распрѣ, собравъ въ одинъ и тотъ же часъ въ своемъ кабинетѣ представителей пяти великихъ державъ. Англійскій министръ открылъ совѣщаніе изъявленіемъ своего желанія согласія между всѣми великими державами въ египетскомъ вопросѣ.

Но графъ Поццо-ди-Борго, возмущенный устроенною лордомъ Пальмерстономъ ловушкою, не промолвилъ ни единаго слова. Его примѣру послѣдовали австрійскій и прусскій посланники. Только французскій посолъ, генералъ Себастіани, выразилъ готовность немедленно начать переговоры объ египетскомъ вопросѣ. Однако гробовое молчаніе трехъ другихъ членовъ импровизованной дипломатической конференціи разрушило всѣ иллюзіи англійскаго министра.

Лордъ Мельборнъ совершенно не одобрялъ такого способа созванія конференціи и открыто осуждалъ образъ дѣйствія лорда Пальмерстона. Онъ высказывалъ русскому послу свое задушевное желаніе видѣть полное согласіе между великими державами и раздѣлялъ одно мнѣніе лорда Пальмерстона насчетъ нежелательности односторонняго вмѣшательства въ турецкія дѣла одной Россіи. Но не всѣ средства и ловушки казались англійскому премьеру дозволенными.

Вотъ почему гр. Поццо-ди-Борго былъ правъ, совѣтуя своему правительству серьезно готовиться къ тому времени, когда султанъ, въ силу трактата, обратится къ Россіи за союзною помощью. Эта помощь должна быть оказана значительною арміею, потому что „какъ только одинъ русскій батальонъ вступитъ въ Босфоръ, слова: Константинополь, Дарданеллы, Индія, тщеславіе Россіи, громовымъ раскатомъ разнесутся въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Поэтому, если недостаточная демонстрація подыметъ противъ насъ всѣ преграды, какія только можетъ вызвать ревность, то благоразуміе и наше благо намъ предписываютъ обратить эту демонстрацію въ прочную оккупацію, способную дать отпоръ нападеніямъ нашихъ враговъ“.

„Съ того момента“,—справедливо заявляетъ гр. Поццо-ди-Борго,—„когда императорскія войска займутъ прочнымъ образомъ берега Босфора и Дарданелловъ, безъ опасенія потерять ихъ, Россія спокойно можетъ ожидать, безъ всякихъ другихъ эксцентричныхъ движеній, грядущихъ событій. Намъ не нужно будетъ удаляться съ береговъ Босфора и Дарданелловъ для войны противъ Мегемета-Али ни въ Сирію, ни еще менѣе въ Египетъ“.

Русскій посолъ пророчески предвидѣлъ союзъ между Англіею и Франціею противъ Россіи съ цѣлью парализовать одностороннее ея вмѣшательство въ турецкія дѣла. Онъ отлично понималъ основные мотивы, которыми руководилась политика Англіи.

„Нѣтъ сомнѣнія“,—писалъ онъ своему правительству 26-го августа 1838 года,—„что могущество Великобританіи огромно, если ее изучать въ отдѣльныхъ ея частяхъ. Но у нея нѣтъ людей, въ особенности въ настоящемъ министерствѣ, чтобъ соединить эти части и направить ихъ. Внѣшняя ея политика направляется страстями и доктринерствомъ. Ищутъ сотрудниковъ-революціонеровъ, а не союзниковъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Результатомъ такого клубнаго духа является то, что Англія имѣетъ случайныхъ сообщниковъ, но ни одного постояннаго друга; что ея комбинаціи легковѣсны и неудовлетворительно исполняются“. „Имперія“,—замѣчательно вѣрно заключаетъ посолъ,—„обнимающая весь извѣстный міръ, придирается къ всевозможнымъ мелочамъ. Она нарушаетъ миръ слабыхъ и не позволяетъ имъ наслаждаться своимъ счастіемъ; но она останавливается предъ сильными или старается имъ вредить мелочными и темными способами. Въ виду такихъ жалкихъ пріемовъ дѣлать зло,—разумъ, кажется, совѣтуетъ намъ оставаться спокойными, умножать свою силу и укрѣплять свое положеніе“. „Та-

ково положеніе Государя",—заканчиваетъ гр. Поццо-ди-Борго свое донесеніе, отъ 26-го августа (7-го сентября) 1838 года.

Императоръ Николай I былъ совершенно согласенъ съ своимъ замѣчательно умнымъ представителемъ въ Лондонѣ. Онъ поручилъ ему рѣшительно отклонить идею о конференціи, ибо всѣ великія державы между собою согласны, что на Востокѣ нужно сохранить statusquo. „Кризисъ прошелъ",—писалъ вице-канцлеръ послу въ Лондонѣ 9-го сентября 1838 года,—„и согласіе между державами полное. Для чего же вызывать обсужденіе возможныхъ случайностей"? По мнѣнію графа Нессельроде, „въ политикѣ нѣтъ ничего болѣе опаснаго, какъ желаніе вызывать обсужденіе болѣе или менѣе отдаленныхъ случайностей, которыя, можетъ быть, никогда не осуществятся". Поэтому только „абсолютною необходимостью" и „неминуемымъ кризисомъ" можетъ быть оправдываемо созваніе конференціи по турецко-египетскимъ дѣламъ. Такой же необходимости не существуетъ, и вотъ почему императорское правительство, „ни въ принципѣ, ни въ практикѣ", не видитъ пользы отъ международной конференціи. Англійское правительство было чрезвычайно недовольно такимъ рѣшительнымъ отказомъ Россіи участвовать въ конференціи. Оно объявило, устами лорда Пальмерстона, что оно не допуститъ односторонняго вмѣшательства въ турецкія дѣла одной великой державы и „готово даже рисковать войною". Вотъ почему Англія поддерживала близкія отношенія съ Франціею, ибо французскія войска, соединенныя съ англійскимъ флотомъ, въ состояніи были дать сильный отпоръ Россіи.

На этомъ донесеніи посла императоръ Николай I сдѣлалъ собственноручно слѣдующую надпись: „Этого нужно было ожидать. Но опасность идетъ изъ Константинополя, и тамъ нужно рекомендовать Бутеневу быть весьма осмотрительнымъ, чтобъ Порта намъ не измѣнила".

Между тѣмъ, по извѣстіямъ изъ Константинополя султанъ все болѣе и болѣе поддавался вліянію англійскихъ происковъ и не намѣренъ былъ ни возобновлять союзнаго трактата съ Россіею, ни просить о ея помощи противъ Мегемета-Али. Вѣнскій кабинетъ также сталъ склоняться на сторону англійской политики. Если еще прибавить, что „Франція противъ Россіи положитъ на вѣсы страшную тяжесть", — какъ выразился графъ Поццо-ди-Борго,—то понятно будетъ рѣшеніе императора Николая I предупредить скрѣпленіе союза великихъ западно-европейскихъ державъ противъ Россіи. Для разрѣшенія этой задачи

одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дипломатовъ, баронъ Брунновъ, былъ въ 1839 году командированъ въ Лондонъ.

Но раньше, чѣмъ приступить къ изложенію результатовъ миссіи барона Бруннова, необходимо остановиться на переговорахъ о *среднеазіатскихъ* дѣлахъ, получившихъ въ это время совершенно исключительное значеніе.

Мы уже имѣли случай выяснить взглядъ русскаго правительства, начала столѣтія, на отношенія между Россіею и Англіею въ Средней Азіи. Въ 1816 году, императоръ Александръ I доказывалъ, что отношенія Россіи къ среднеазіатскимъ народамъ и племенамъ до такой степени своеобразны, что никакъ нельзя примѣнять къ нимъ начала, легшія въ основаніе политическихъ отношеній Европы. Тогда Россія провозглашала принципъ полнаго невмѣшательства европейскихъ державъ, и въ особенности Англіи, въ свои отношенія къ среднеазіатскимъ народамъ, ибо она „разсматривала эти отношенія скорѣе какъ домашнія дѣла" [1]).

Такое положеніе вещей существеннымъ образомъ измѣнилось въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. По мѣрѣ того какъ обнаруживалось рѣшительное вліяніе Россіи на дѣла Персіи и по мѣрѣ того какъ въ Средней Азіи сталъ распространяться страхъ предъ русскою властью, по мѣрѣ того Средняя Азія становилась ареною борьбы между русскими и англійскими интересами. Когда персидскій шахъ предпринялъ въ 1838 году походъ противъ Герата, считавшагося подъ властью афганскаго эмира, англійское правительство приписывало этотъ походъ русскимъ внушеніямъ. Графъ Поццо-ди-Борго доказывалъ лорду Пальмерстону, что приписываемый Россіи планъ завоеванія Индіи есть не что иное, какъ средство бить въ набатъ противъ Россіи и поддерживать постоянную тревогу въ Англіи.

Англійскій министръ, который самъ систематически возбуждалъ общественное мнѣніе своего народа противъ Россіи, отвѣчалъ, что, разумѣется, въ настоящее время не можетъ быть рѣчи объ исполненіи этого плана. „Но"—прибавилъ онъ—„если хотятъ взять какую нибудь крѣпость, то не начинаютъ осаду брешью, но дѣлаютъ рекогносцировки и издали начинаютъ рыть апроши съ цѣлью мало-по-малу подготовить аттаку".

Императоръ Николай I призналъ необходимымъ опровергнуть самымъ энергическимъ образомъ обвиненія Россіи въ завоевательныхъ замыслахъ насчетъ Индіи. Сообщивъ графу Нессель-

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", ноябрь 1896 года, стр. 107 и слѣд.

роде свои мысли о цѣляхъ русской политики въ Средней Азіи, онъ поручилъ ему выработать подробную инструкцію для графа Поццо-ди-Борго. Вице-канцлеръ написалъ замѣчательную депешу, отъ 20-го октября 1838 года, которая доказывала миролюбіе русской политики въ Средней Азіи.

Россія—писалъ графъ Нессельроде—нечего скрывать насчетъ своей среднеазіатской политики. Она не отрицаетъ поѣздки Витkевича въ Кабулъ, вызванной посылкою въ 1837 году въ С.-Петербургъ агента Достъ-Мегемеда, хана афганскаго, выразившаго желаніе завязать съ Россіею торговыя сношенія. На миссію Виткевича никакая иностранная держава не можетъ быть въ претензіи, ибо этотъ агентъ не былъ отправленъ въ Кабулъ „ни для заключенія коммерческаго трактата, ни для преслѣдованія какихъ-либо политическихъ комбинацій“.

Если есть держава, имѣющая законное право жаловаться, то это — Россія, ибо англійскіе путешественники и агенты систематически распространяютъ въ среднеазіатскихъ народахъ сѣмена безпокойства и смутъ, доходящихъ до русскихъ границъ. Россія желаетъ только права участвовать въ свободной конкурренціи на аренѣ среднеазіатской торговли, которую, напротивъ, англичане желаютъ конфисковать въ свою исключительную пользу.

Графъ Нессельроде вполнѣ рельефно въ первый разъ высказывался въ смыслѣ знаменитой „теоріи буфферовъ“, которыми русскія владѣнія въ Средней Азіи должны быть отдѣлены отъ англійскихъ.

Цѣль этой октябрьской ноты графа Нессельроде была двоякая: 1) нужно было откровенно объяснить Англіи мотивы русской политики въ Средней Азіи, и 2) нужно было заставить англійское правительство высказаться насчетъ его враждебной въ отношеніи Персіи политики. Графу Поццо-ди-Борго, въ секретной депешѣ отъ того же 20-го октября, было поручено вступить съ лордомъ Пальмерстономъ въ самый дружескій обмѣнъ мыслей.

„Въ продолженіе разногласій“—писалъ гр. Нессельроде,—„которыя намъ приходилось въ теченіе послѣднихъ лѣтъ имѣть съ Англіею, не было ни одного, которое въ нашихъ глазахъ представлялось бы болѣе серьезнымъ, чѣмъ только-что народившееся. Странная боязнь, заставляющая англійское министерство приписывать намъ враждебные замыслы противъ британскаго владычества надъ Индіею, увлекаетъ его къ крайнимъ мѣрамъ, которыя являются въ его глазахъ мѣрами предосторожности, имѣющими цѣлью предупредить бѣдствіе, котораго оно опа-

сается, но которыя, на дѣлѣ, именно могутъ вызвать столкновеніе, предупредить которое оно желаетъ".

Англійская политика полна необъяснимыхъ самопротиворѣчій. Она боится въ Средней Азіи конфликта и нарушенія statusquo, но въ то же время захватываетъ персидскія земли и нарушаетъ этотъ statusquo. Она опасается нарушенія мира въ Турціи и въ то же время старается парализовать консервативное вліяніе Россіи.

Графъ Поццо-ди-Борго прочелъ лордамъ Мельборну и Пальмерстону октябрьскую ноту графа Нессельроде и оставилъ имъ съ нея копію. Англійскій премьеръ былъ совершенно доволенъ русскою нотою. Когда же посолъ напомнилъ лорду Мельборну ноту лорда Пальмерстона, отъ 5-го сентября 1834 года, также доказывавшую необходимость соглашенія съ Россіею по средне-азіатскимъ дѣламъ, то премьеръ отвѣтилъ: — Это все, чего мы желаемъ. Такъ оно и будетъ. Мы возстановимъ положеніе вещей, бывшее въ 1834 году".

Лордъ Пальмерстонъ не скоро отвѣтилъ на русскую октябрьскую ноту. Онъ сперва ограничивался восхваленіями „великодушія и возвышенности идей" императора Николая. Только нотою отъ 20-го декабря лордъ Пальмерстонъ счелъ возможнымъ подтвердить, что русская точка зрѣнія на среднеазіатскія дѣла, изложенная въ октябрьской нотѣ, „вполнѣ удовлетворительна". Между Великобританіею и Россіею существуютъ издавна союзъ и дружба. Вотъ почему слѣдуетъ устранить „всякое обстоятельство, могущее нарушить столь желательное и полезное согласіе между обоими государствами. Но при этомъ случаѣ лордъ Пальмерстонъ призналъ возможнымъ выразить желаніе, чтобы отнынѣ русскіе агенты въ Средней Азіи дѣйствовали согласно съ полученными ими отъ своего правительства инструкціями.

Примирительный тонъ англійской ноты не доказывалъ искренняго намѣренія англійскаго правительства возстановить въ Средней Азіи нарушенный имъ statusquo. Императоръ Николай I не признавалъ себя удовлетвореннымъ, пока англійская эскадра не покинула Персидскаго залива и пока островъ Каракъ не былъ возвращенъ Персіи. Между тѣмъ Англія заставила шаха снять осаду Гарета; но она не думала возвращать захваченнаго ею персидскаго острова. Россія же, напротивъ, отозвала поручика Витковича изъ Кабула и чрезъ генерала Дюгамеля, заступившаго мѣсто гр. Симоновича, объявила шаху и афганскому эмиру, что она желаетъ поддерживать съ Афганистаномъ исключительно коммерческія сношенія.

Чѣмъ примирительнѣе дѣйствовала Россія, тѣмъ болѣе дерзкимъ становился образъ дѣйствія Англіи въ Средней Азіи. Графъ Поццо-ди-Борго выражалъ свое убѣжденіе, что англійскій кабинетъ, на дѣлѣ, нисколько не желаетъ соглашенія съ Россіею насчетъ персидскихъ дѣлъ, но добивается низверженія съ престола царствующаго шаха и революціи въ самой Персіи.

Такая вызывающая политика осуждалась въ самой Англіи весьма компетентными людьми. Такъ, мы видѣли, что знаменитый индійскій генералъ-губернаторъ, маркизъ Веллеслей, братъ герцога Веллингтона, вполнѣ осуждалъ среднеазіатскую политику лорда Пальмерстона, сказавъ русскому послу, что Англія не могла поступить хуже, чѣмъ заставить шаха броситься въ наши объятія.

Однако, ни взгляды такого авторитетнаго знатока среднеазіатскихъ дѣлъ, какъ маркизъ Веллеслей, ни искренность заявленій императора Николая I, не остановили лорда Пальмерстона на пути систематическаго возбужденія народныхъ страстей, на которомъ постоянно находился этотъ англійскій министръ.

Безцеремонность въ обращеніи была безпредѣльна у лорда Пальмерстона, который нисколько не стѣснялся открыто высказывать свою ненависть къ Россіи. Бывало и такъ, что русскій посолъ, потерявшій два часа въ передней англійскаго министра, уходилъ отъ него ни съ чѣмъ, безъ всякихъ объясненій. Такъ случилось съ графомъ Поццо-ди-Борго, когда онъ явился къ лорду Пальмерстону для объясненія русской политики въ Средней Азіи. Лордъ Пальмерстонъ не удостоилъ посла никакого отвѣта. Тогда посолъ написалъ лорду Мельборну и просилъ свиданія у него. Англійскій премьеръ немедленно самъ пришелъ къ послу и, выслушавъ его, сознался, что и по его мнѣнію отправляемая изъ Индіи въ Афганистанъ экспедиція совершенно излишня и даже опасна, но что онъ безсиленъ остановить ее. Когда посолъ сталъ доказывать, что между Россіею и Англіею должны быть всегда миръ и согласіе, какъ прежде, англійскій первый министръ почти въ отчаяніи воскликнулъ: „Вы правы! Но всѣ эти дѣла находятся въ рукахъ министра иностранныхъ дѣлъ, и трудно всегда предупреждать и устранять дѣла, которыхъ мы не вполнѣ одобряемъ. Я буду имѣть въ виду все, о чемъ мы говорили, и надѣюсь, что миръ и доброе согласіе между нами будутъ сохранены".

Черезъ нѣсколько дней лордъ Пальмерстонъ дѣйствительно говорилъ съ русскимъ посломъ въ болѣе благосклонномъ тонѣ

и, нотою отъ 4-го апрѣля, даже выразилъ свое удовольствіе по поводу полученныхъ отъ императорскаго правительства объясненій. Но все-таки онъ не считалъ возможнымъ убавить свои чрезмѣрныя требованія, предъявленныя персидскому шаху вслѣдствіе задержанія персидскими властями англійскаго дипломатическаго курьера.

Императорское правительство, защищая полную свою самостоятельность въ азіатскихъ дѣлахъ, не считало возможнымъ прямо вмѣшаться въ англо-персидскую распрю. Но, съ другой стороны, оно искренне желало скорѣйшаго окончанія этой распри и возвращенія Персіи острова Каракъ, — что̀ было обѣщано Англіею Персіи.

Въ іюнѣ 1839 года, графъ Поццо-ди-Борго получилъ изъ С.-Петербурга письмо перваго персидскаго министра къ лорду Пальмерстону, въ которомъ персидское правительство изъявляетъ свое согласіе дать Англіи полное удовлетвореніе и подписываетъ всѣ ея требованія. Посолъ долженъ былъ постараться вручить самому лорду Пальмерстону это письмо. Но если онъ имѣетъ основаніе думать, что англійскій министръ усмотритъ въ этомъ шагѣ вмѣшательство или посредничество со стороны Россіи, то долженъ былъ вручить письмо персидскому посланнику въ Лондонѣ, для передачи по принадлежности.

Должно думать, что графу Поццо-ди-Борго не удалось представить лорду Пальмерстону это письмо перваго министра шаха, ибо лордъ даже не принялъ прибывшаго въ Лондонъ чрезвычайнаго персидскаго посла Гуссейнъ-хана. Онъ его призналъ „простымъ туристомъ“! Обращеніе лорда Пальмерстона заставило наконецъ графа Поццо-ди-Борго подать въ отставку. Но раньше, чѣмъ покинуть свой постъ въ Лондонѣ, онъ считалъ нужнымъ совершенно откровенно высказать государю свои взгляды насчетъ цѣлей англійской политики въ Средней Азіи. Онъ это сдѣлалъ въ своемъ донесеніи графу Нессельроде, отъ 11-го (23-го) апрѣля 1839 года.

По словамъ графа Поццо-ди-Борго, лорду Пальмерстону и его клеврету, Mac-Neill, англійскому посланнику въ Тегеранѣ, принадлежитъ честь возбужденія общественнаго мнѣнія Англіи противъ Россіи насчетъ средне-азіатскихъ дѣлъ. Обѣ экспедиціи шаха противъ Герата приписываютъ вліянію графа Симонича. Ихъ неудача не успокоила англичанъ. Появленіе Витвевича въ Кабулѣ немедленно было эксплуатируемо, какъ новый шагъ Россіи противъ англійской Индіи. Лордъ Пальмерстонъ и его многочисленные агенты въ среднеазіатскихъ земляхъ тщательно со-

бираютъ всѣ факты, могущіе поддерживать лихорадочное настроеніе англійскаго народа, вызванное боязнью за свои индійскія владѣнія. Англійское правительство даже издало цѣлый сборникъ, полный свѣдѣніями о замышляемомъ Россіею походѣ противъ Индіи. Mac-Neill награжденъ за составленіе этого сборника и за свою дѣятельность въ Персіи орденомъ „Бани" первой степени, и почти всѣ англичане вѣрятъ въ завоевательные планы, приписываемые Россіи.

„Общественное мнѣніе"—пишетъ гр. Поццо-ди-Борго—„заражено дуновеніемъ правительства и самыми разрушительными доктринами и, въ то же время, возбуждено мыслью, что существуетъ держава, которую Англія встрѣчаетъ на пути своего безпредѣльнаго тщеславія и своихъ несправедливостей". Все будетъ зависѣть отъ поля брани: чѣмъ меньше Россія удалится отъ естественнаго базиса своего могущества, тѣмъ лучше.

„Чѣмъ болѣе"—заключаетъ графъ Поццо-ди-Борго—„я изучаю факты, исходящіе отъ англійскаго кабинета, и чѣмъ болѣе стараюсь вникнуть въ ихъ внутренній смыслъ, тѣмъ больше, мнѣ кажется, обнаруживается планъ систематической враждебности противъ Россіи".

Графъ Нессельроде находилъ, что графъ Поццо-ди-Борго видитъ среднеазіатскія дѣла и отношенія Россіи и Англіи въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ. Императоръ Николай раздѣлялъ мнѣніе своего вице-канцлера, но съ нѣкоторыми оговорками.

Вотъ что̀ онъ написалъ собственноручно на запискѣ вице-канцлера, при которой донесеніе гр. Поццо-ди-Борго было представлено на Высочайшее усмотрѣніе: „Я раздѣляю вашъ взглядъ, мой любезный другъ, но полезно быть осторожнымъ, и если сумасшествіе—ибо это такъ—довело бы Англію до желанія вступить въ бой съ моими войсками въ пустыняхъ Персіи, я уповаю на Бога и на храбрость нашихъ войскъ, чтобъ заставить ихъ въ этомъ раскаяться".

Но ни въ 1839 году, ни позже, русскія и великобританскія войска еще не встрѣчались на полѣ сраженія въ персидскихъ пустыняхъ.

Ф. Мартенсъ.

ТЯГА

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XV *).

Давно прошло и бабье лѣто. Конецъ сентября. Сразу закрутила мокрая „сиверка". По утрамъ моросить сквозь туманъ. Всѣ—хмурые и злые. „Ревунъ" по нѣскольку разъ въ день сердито гудитъ. Кромѣ часовъ смѣны, и народу что-то не видно на дворѣ передъ главнымъ корпусомъ.

И въ кабинетѣ директора — въ ясную погоду такомъ веселомъ—стоятъ осеннія сумерки. Въ началѣ десятаго Степанъ Васильевичъ уже сидитъ за большимъ письменнымъ столомъ и принимаетъ докладъ того же подручнаго, только не въ парусинномъ пиджакѣ, а въ суконномъ сакъ-пальто. На площадкѣ, куда врывается шумъ станковъ, ждутъ, какъ всегда, человѣкъ до тридцати—мужчинъ и женщинъ.

— Да вотъ и самъ Петръ Акимычъ,—доложилъ подручный директору.—А Иванъ Спиридоновъ долженъ сейчасъ явиться.

Мастеръ—съ лѣта—сталъ еще полнѣе. Лицо обгорѣло,—бѣлесовато-желтое, точно съ отекомъ. Онъ въ поношенномъ пиджакѣ и съ шерстянымъ шарфомъ на шеѣ.

— Чтò, какъ ваше горло, Петръ Акимычъ? Все еще заложило? — спросилъ директоръ, протягивая руку мастеру чрезъ столъ.

---

*) См. выше: янв., стр. 32.

— Получше,—отвѣтилъ тотъ хрипло.

— Анаѳемская погода! И меня все знобитъ, ни съ того, ни съ сего... Насчетъ Ивана Спиридонова... я вчера дѣлалъ имъ очную ставку. Вы какъ же полагаете? Есть ли большая вина со стороны собственно подмастерья?

— Оплошность есть... хотя ткачъ больше виноватъ.

— Не ограничиться ли намъ простымъ замѣчаніемъ? Вѣдь онъ малый толковый и усердный.

— Срывчатъ ужъ больно. Никакой нѣтъ выдержки. Накидывается, когда и не слѣдуетъ.

— Позовите его!—приказалъ директоръ.

Иванъ вошелъ съ поклономъ и перекрестился на образъ.

Съ лѣта онъ замѣтно постарѣлъ. Теперь ему всякій далъ бы лѣтъ подъ сорокъ. Лицо стало нервное и морщинистое, лобъ обнажился на взлызахъ. Одѣтъ онъ былъ небрежнѣе, чѣмъ прежде, когда состоялъ въ простыхъ рабочихъ: пиджакъ въ накидку, косоворотка, подержанный жилетъ и опорки.

Онъ зналъ, что мастеръ ему не проститъ его „яко бы“ вины и по меньшей мѣрѣ подведетъ его подъ выговоръ. Вотъ уже во второй разъ, съ назначенія подмастерьемъ, какъ его зовутъ въ кабинетъ Степана Васильевича. У прежняго директора заведено было такъ: коли три раза тебя призвали — бери разсчетъ и ступай на всѣ четыре стороны — держать тебя не будутъ. Больше изъ-за этого и вышла попытка стачки, надъ которой Меньшовъ такъ часто любитъ подшучивать.

По лицу Степана Васильевича онъ могъ замѣтить, что совсѣмъ даромъ дѣло не обойдется.

— Иванъ Спиридоновъ! — довольно строго окликнулъ его директоръ.—Петръ Акимычъ не могъ вчера быть здѣсь по нездоровью. Но онъ того-мнѣнія, что если Никаноръ Ѳедуловъ и подлежитъ штрафу, то и ты, какъ подмастерье, выказалъ оплошность...

— Позвольте доложить,—началъ-было Иванъ.

— Твое оправданіе я вчера выслушалъ. Кое-что тебя выгораживаетъ, однако не все... Предполагая даже, что Ѳедуловъ изъ озорства это сдѣлалъ, по „насердкамъ“ на тебя, какъ у васъ здѣсь говорится, то и тутъ ты не вполнѣ правъ. Не онъ одинъ сталъ обижаться на тебя... Надо, братецъ, дѣйствовать съ умомъ... а не накидываться... Это называется—усердіе не по разуму.

— Народъ отчаянный, Степанъ Васильевичъ!..

— Мы съ тобой, любезный другъ, достаточно знаемъ его.

Ты самъ выросъ на фабрикѣ. Дѣлай такъ, чтобы слушались одного твоего слова, безъ всякихъ исторій.

Мастеръ стоялъ съ неподвижнымъ лицомъ — точно это совсѣмъ его не касается. Тратить много словъ онъ не любилъ. Спиридоновъ и прежде, ткачомъ, былъ ему не особенно по душѣ—онъ считалъ его „гордецомъ“ и „тайнымъ смутьяномъ“.

— Кто поставленъ хоть на одну ступень выше простого рабочаго,—продолжалъ директоръ,—тотъ обязанъ за собою строго слѣдить. А вотъ вчера Ѳедуловъ, при мнѣ, загнулъ тебѣ такое слово, котораго ни въ какомъ разѣ подмастерье не долженъ вызывать.

— Да помилуйте, Степанъ Васильевичъ,—взволнованно возразилъ Иванъ.—Это одно озорство и клевета...

— Погоди! Всѣмъ извѣстно, что слесарь Вешняковъ показывалъ на Меньшова, про пари тамъ какое-то. А Меньшова считаютъ твоимъ пріятелемъ... И ежели его не спровадили тогда —это благодаря просьбамъ его воспитательницы. Теперь, чуть чтò—Ѳедуловъ ли, другой ли—сейчасъ и загуторятъ, что ты-де дружбу водишь съ такимъ господиномъ.

Иванъ, смущенный, опустилъ голову и сжалъ губы.

— Вотъ и опять на тебя жалоба.

Подручный уже впустилъ въ комнату женщину съ сыномъ, подросткомъ лѣтъ четырнадцати, худую, въ шерстяномъ платкѣ, завязанномъ за спиной, простоволосую, съ желчнымъ лицомъ и красноватыми вѣками. Мальчикъ — обстриженъ въ кружало, въ ситцевой рубахѣ и порткахъ, босой, бѣлокурый, веснущатый, тщедушный, съ повязкой на лѣвомъ вискѣ.

Она искоса взглянула на Ивана, потомъ на мастера, уставилась глазами на директора и стояла вся напряженная.

— Ты ткачиха Настасья Абрамова?—спросилъ онъ.

— Такъ точно, господинъ директоръ, — пѣвуче выговорила ткачиха.

— Вотъ она,—обратился директоръ къ Ивану,—приноситъ на тебя жалобу: ты такъ толкнулъ ея парнишку, что онъ стукнулся о станокъ и получилъ ушибъ головы. Въ амбулаторіи ему дѣлали перевязку.

— Извольте, господинъ директоръ, сами посмотрѣть, до сихъ поръ не затянуло еще... и гноится.

Она хотѣла-было свернуть повязку.

— Не надо, — остановилъ директоръ. — Ушибъ не важный. Но слѣдовало ли такъ обойтись съ нимъ?

— Помилуйте,—возбужденнѣе заговорилъ Иванъ:—мальчикъ

пакостникъ и замѣченъ былъ неоднократно, баловалъ съ початками...

— Ни въ жисть—Өедюшка ни въ какомъ такомъ баловствѣ не причиненъ,—уже заголосила ткачиха.

— Ты бы оштрафовалъ его,—замѣтилъ директоръ.

— Проймешь ихъ штрафами! И дѣло тутъ не въ немъ, Степанъ Васильевичъ, а я вотъ, и въ присутствіи господина мастера, на чистоту скажу... Въ женскомъ полѣ тутъ сидитъ вся суть, вотъ въ такихъ маменькахъ, какъ хошь бы эта самая Настасья Абрамова.

— Батюшки! Да я-то тутъ чѣмъ провинилась?

Баба сбиралась заплакать.

— Набалованы они были превыше всякой мѣры при томъ подмастерьѣ. Чуть чтò — сейчасъ шпильки подпущать, ровно змѣи шипятъ, ни съ чѣмъ несуразное судаченье поднимется.

— Извѣстно,—порывисто заговорила ткачиха:—которыя Ивану Прокофьичу не по нраву пришлись—тѣхъ онъ и штрафуетъ, и никакъ нельзя потрафить. А ежели... своихъ сродственницъ—такъ сдѣлайте одолженіе.

— Чтò ты брешешь?—гнѣвно осадилъ ее Иванъ.

— Господинъ директоръ... Онъ и при вашей милости чуть не драться лѣзетъ, а чтò же заглазно?.. Небось, ляховская Дуняшка чуть не сразу въ моталки попала... Потому, значитъ, она ему племянница, а то и поближе приходится...

— Довольно, матушка,—остановилъ директоръ.—Лишняго не болтай. Чего же ты желаешь?

— Какъ вашей милости будетъ угодно. А какъ же это такъ оставить?.. Такое увѣчье...

— Увѣчья нѣтъ никакого. Ежели подмастерье превысилъ свою власть,—мы взыщемъ.

— Степанъ Васильичъ!—голосъ бабы поднялся на двѣ ноты.—Защитите, Христа ради! Извольте на него взысканіе какое наложить въ нашу пользу!

— Ужъ ты насъ, милая, не учи, какъ мы должны поступать.

— Воля ваша... а что теперича... одно остается... къ господину фабричному инспектору идти... Потому какъ они за малолѣтковъ должны отвѣчать передъ начальствомъ.

— Иди, матушка!—съ усмѣшкой отозвался директоръ.—Проси о вознагражденіи, коли желаешь... А лучше построже держи своего Өедюшку. Совѣтую тебѣ покончить дѣло миромъ.

— Я по-божески прошу... Опять ежели бы Иванъ Прокофьичъ сказалъ мнѣ вотъ при васъ: „извини, молъ, Абрамовна,

я твоего сынка толконулъ въ сердцахъ"... Между прочимъ, въ немъ закоренѣлость такая и фанаберія: точно мы ему крѣпостные достались.

— Ничуть я ея сына не билъ, и драться не намѣренъ; а толконулъ, потому что балуется. Въ этомъ ни одного подмастерья нельзя ограничить. Тогда и съ малолѣтками никакого справу не будетъ.

Директоръ переглянулся съ мастеромъ.

— Можешь идти,—сказалъ онъ бабѣ.—Больше нечего тутъ канючить.

Ткачиху вывели.

— Иванъ Спиридоновъ!—началъ директоръ.—И Петръ Акимычъ, и я, не можемъ вполнѣ оправдать тебя. Во всякомъ случаѣ, это — превышеніе власти. Да и не желаетъ мануфактура поощрять такіе порядки. Все у насъ должно быть по правиламъ. Во вниманіе къ твоей службѣ на этотъ разъ мы формальнаго выговора не сдѣлаемъ тебѣ. Но если изъ-за тебя будетъ исторія съ инспекціей, мы тебя выгораживать особенно не намѣрены... Ступай!

Иванъ, весь красный отъ волненія, отдалъ общій поклонъ и медленно вышелъ.

Угрюмый отправился Иванъ обѣдать, когда кончилась его смѣна.

Скверно у него было на душѣ, такъ скверно, какъ давно не бывало. Хорошо еще, что Степанъ Васильевичъ цѣнитъ его. Будь другой директоръ—пожалуй бы смѣстили изъ „комплектныхъ" въ „запасные" подмастерья.

Быть „смѣннымъ", хоть и „комплектнымъ" подмастерьемъ—невеликая сласть. Неси такую же службу, какъ и самый зауряднып ткачъ, только эта служба вдвое отвѣтственнѣе. Еслибъ еще у нихъ заведена была, по старинному, денная и ночная работа. Выпади тебѣ удача состоять въ денныхъ—ты бы хоть вдосталь выспался. При этихъ „хваленыхъ" короткихъ смѣнахъ, броди цѣлый день, точно въ туманѣ. А являйся первымъ, за пять минутъ до начала работы, и прогулы отмѣть, и во все взойди, и каждаго неумѣлаго научи, и слѣди за всей своей командой, какъ за одной махиной, гдѣ—кромѣ воя зубцовъ, рева блоковъ—и живые люди исправляютъ должность машины.

И раньше, когда онъ проходилъ черезъ выучку прядильщика и ткача, Иванъ на себѣ самомъ позналъ, что̀ такое быть въ хлопчато-бумажномъ дѣлѣ. Чернорабочіе на фабрикѣ, плотники,

землекопы, ломовики, да и деревенскіе мужики, смотрятъ на фабричныхъ какъ на „бѣлоручекъ“. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ это за работа для взрослаго мужика? Цѣлый день ходи мелкимъ шагомъ за „кареткой“, или маячь между двумя самоткацкими станками и наблюдай. Ни спина, ни руки, ни плечи, ни даже ноги не заняты и на одну десятую противъ того, что̀ доводится каменщику, пахарю или жнецу въ страдную пору. А глядишь, парень двадцати, двадцати-пяти лѣтъ—на кого онъ похожъ? Дохлый, узкогрудый, кашляетъ, безсонницей мается, ровно нервная барыня.

Отчего? Отъ неустаннаго напряженія, отъ духоты, отъ пыли, отъ сквозняковъ, отъ снованья каретокъ и зудѣнья станковъ! И не тѣло твое разомлѣваетъ,—голова!.. А у подмастерья голова не вдвое, а впятеро должна больше напрягаться, чѣмъ у простого рабочаго. Какъ тутъ уберечься отъ гнѣва, отъ браннаго окрика, особливо ежели вся твоя команда была набалована и на тебя ехидствуетъ за твою строгость?

Его мозжило гораздо сильнѣе не исторія съ тѣмъ ткачомъ, изъ-за котораго чуть самъ не попалъ подъ штрафъ, а вотъ то, что онъ „толконулъ“ мальчика, и тотъ ушибся о машину.

Могло вѣдь и еще хуже кончиться! Не то, что за такое „превышеніе власти“, а даже за всякое увѣчье рабочаго, тѣмъ паче подростка, онъ, подмастерье, въ первую голову отвѣчаетъ. Его прямая обязанность—растолковать каждому, какъ слѣдуетъ обращаться съ машиной и чего надо остерегаться, чтобы не быть изувѣченнымъ.

А онъ, вонъ, драться полѣзъ! Съ нимъ это случилось въ самый первый разъ. Но онъ чувствуетъ—вотъ уже болѣе мѣсяца,—что въ него точно совсѣмъ другой человѣкъ вселяется. Видно, быть „набольшимъ“, хоть и такимъ, какъ подмастерье—сейчасъ же ставишь себя выше своего брата-рабочаго, думаешь только о себѣ, стараешься заявить себя передъ начальствомъ, выгородить свою отвѣтственность. Важнѣе всего ходъ дѣла, а не то, каково приходится Петру или Семену, подростку Ѳедюшкѣ или матери его Настасьѣ Абрамовой. Люди—въ отдѣльности—уходятъ отъ тебя, а стоитъ только передъ тобою подчиненная команда.

Но самая фабричная-то жизнь сдѣлалась ли слаще оттого, что ты на̀большій? Никогда еще его такъ не тянуло къ деревнѣ, какъ теперь. Нужды нѣтъ, что тамъ, въ Ляховѣ, водятся свѣкры, какъ его дяденька Сидоръ Петровичъ, и „стариковъ“ сельскаго схода ведро водки и окрикъ земскаго въ какую хочешь повер-

нуть сторону. Водись въ этой округѣ домашнее ручное ткачество—онъ сію минуту промѣнялъ бы фабрику на горницу съ ручнымъ станкомъ, построилъ бы себѣ избу и сталъ бы кустаремъ. Только этому не бывать и не вырваться ему изъ клещей фабрики, пока не придетъ пора коротать вѣкъ въ деревенскихъ старикахъ.

Мелкій дождь мочилъ ему лицо. Идти приходилось въ самый конецъ фабричной усадьбы — туда, гдѣ стоятъ амбары хлопка. Отдѣльную „каморку“ дали ему недавно въ самой старой деревянной казармѣ. Тамъ же живетъ и ткачиха Настасья Абрамова съ своимъ подросткомъ во вдовьей каморкѣ. Она еще вчера успѣла наголосить на всю казарму про то, какъ онъ „изувѣчилъ“ ея Ѳедюшку. И если она отправится къ инспектору и Степанъ Васильевичъ его не поддержитъ—тогда хоть уходи по доброй волѣ изъ комплектныхъ или просись въ другое отдѣленіе, къ прядильщикамъ, Настасья—настоящая „скнипа“ и съ Марѳой у ней, навѣрняка, будутъ схватки. Можетъ, онѣ и теперь уже ругаются въ корридорѣ. Или Настасья станетъ ее науськивать насчетъ Дуняши. Марѳа и безъ того не выноситъ „сестрицы“. Дуняша начала-было ходить къ нимъ „столоваться“— и помогала стряпать. Не прошло и недѣли, какъ она сама отказалась обѣдать съ ними. Марѳа стала донимать ее, что она объѣдаетъ ихъ, а потомъ пошли и другіе попреки. Та—бабёнка съ характеромъ, до „битвы“ себя не довела и попросилась въ другую казарму, чтобы „уйти отъ пересудъ“.

Удерживать онъ ее не сталъ и женѣ онъ ничего не сказалъ. Она для него теперь совсѣмъ какъ чужая. Терпишь ее до поры до времени. И то хорошо, что рѣже ее корчитъ. Да онъ почти и не видитъ ее.

И къ Машуткѣ онъ охладѣваетъ. Прежде, бывало, начнетъ ее разспрашивать: какъ учится; заставитъ читать вслухъ или просмотритъ тетрадку — лучше ли стала писать. Ему претитъ и то, что лицомъ она стала слишкомъ похожа на Марѳу. Онъ видитъ, что она къ нему чаще льнетъ, чѣмъ къ матери, но и это его не трогаетъ. Когда она тутъ, онъ норовитъ сейчасъ же уйти, чтобы при ней не было перебранокъ между отцомъ съ матерью.

Книжки тоже уходятъ отъ него. Въ ткачахъ у него голова была не въ примѣръ свѣжѣе. Точно катился по рельсамъ. А въ подмастерьяхъ у тебя въ головѣ цѣлая дюжина ткачей сидитъ. Въ виски вступитъ, разомлѣешь весь, пришелъ домой—сейчасъ завалишься. И сонъ нейдетъ, а къ чтенію по прежнему не тя-

нетъ. Вотъ уже никакъ три недѣли прошло, какъ онъ ничего не бралъ у Настасьи Ильинишны.

Съ Меньшовымъ они подолгу не видятся. Тотъ по вечерамъ въ городъ закатится—у него тамъ новые пріятели завелись. И любовную закрутилъ онъ канитель съ сосѣдкой швеей—кажется, ужъ на „послѣднемъ градусѣ". Да и не влечетъ его къ разговору по душѣ—ровно онъ теряетъ „баланецъ". И если теперь поддаться пріятелю—пожалуй, начнешь не о своемъ дѣлѣ думать, а о томъ, какъ бы хорошо было, еслибъ вся эта фабричная махинища сразу стала и хозяева почуяли бы, какова силища въ шести тысячахъ рабочихъ, когда они съумѣютъ за умъ взяться.

У казармы № 113, гдѣ онъ жилъ прежде съ семьей Семена Прохорова, повстрѣчался онъ съ Авдотьей.

Она только-что сошла съ крыльца и держалась около стѣны, чтобы не очень мочило. И въ такую погоду она была чисто одѣта, на ногахъ калоши, короткое пальтецо въ накидку—такая гладкая, бѣлая въ лицѣ.

— Домой пробираетесь, братецъ?—кликнула она ему своимъ нутрянымъ голосомъ и на ходу ласково оглянула его.

Глаза ея точно говорили: „горюнъ, молъ, ты горюнъ, домъ тебѣ давно опостылѣлъ, а ты терпи".

Ему сейчасъ припомнилось, какъ ткачиха ехидничала у директора насчетъ его „сродственницы". Всѣ гуторятъ, что онъ съ ней „живетъ". Другой бы и добился; а онъ „соблюдаетъ себя"—чтобы его наставница, Надежда Николаевна, была имъ довольна. Вотъ пойти—взять бы Дуняшу сейчасъ и увести въ трактиръ.

Онъ махнулъ рукой и доплелся до своей казармы.

XVI.

День „дачки". Съ ранняго утра за воротами фабрики стоятъ подводы. Двѣ-три телѣги пробрались и во дворъ. Пріѣхали деревенскіе, больше жены рабочихъ, занимающихся хмелемъ, спасать ихъ заработки.

Въ широкомъ корридорѣ главной конторы было людно. И по стѣнамъ, и у пролетовъ, откуда видны конторки, толпился народъ.

За дачкой пришелъ и Меньшовъ. Онъ уже получилъ свое жалованье и немного замѣшкался—встрѣтилъ одного служащаго сверху, гдѣ помѣщается „бухгалтерія" — они съ нимъ почти вмѣстѣ росли, оба были сначала въ „пріютскихъ".

Конторщикъ, маленькій и черноватый, прощаясь съ нимъ, не доходя сѣней, спросилъ его:

— Кажется, Антонъ Егорычъ, у васъ съ сосѣдкой-то дѣло на мази?

Меньшовъ повелъ плечомъ и усмѣхнулся глазами. Онъ, противъ того, какъ былъ лѣтомъ, сталъ здоровѣе на видъ и франтоватѣе. Волосы отпустилъ и бородку остригъ узкимъ клиномъ, и еще сильнѣе походилъ на артиста.

— Что-жъ!.. барышня ничего... Одобряю!.. И одѣвается шикарно! Всего хорошаго!

Конторщикъ поспѣшно пожалъ ему руку и побѣжалъ къ лѣстницѣ во второй этажъ.

Въ сѣняхъ Меньшова остановилъ сторожъ.

— Ваша честь,—васъ спрашиваютъ, давно ужъ здѣсь дожидаются.

— Кто такое?

Меньшовъ оглянулся.

Къ нему осторожно подошелъ мужикъ, въ азямѣ, съ приподнятымъ воротникомъ, и снялъ шапку. Баба въ полушубкѣ и съ головой, увязанной платкомъ, оставалась въ углу.

Не сразу узналъ Меньшовъ своего дядю Перфила. Баба была его вторая жена. Онъ ея никогда и не видалъ. Въ деревню онъ не попадалъ больше десяти лѣтъ.

— Сродственники мы ваши, значитъ,—заговорилъ шепеляво мужикъ, и его темные узкіе глаза просительно и лукаво глядѣли на племянника, смотрѣвшаго молодымъ бариномъ.

— А—а!—глухо протянулъ Меньшовъ.

— Повидаться, значитъ... какъ мы извѣстны, что вы въ настоящее время находитесь опять...

— Ну, такъ что-жъ?

Это появленіе „сродственниковъ" въ день дачки показалось Меньшову „паскуднымъ". Прежде такихъ „фасоновъ" его деревенская родня не позволяла себѣ. Онъ вспомнилъ тутъ же, что до сихъ поръ ему не присылаютъ вида, а онъ деньги давно отправилъ.

Надо было „по первому же абцугу" оборвать „дяденьку". Мужиченко фальшивый, любитъ клянчить; когда онъ остался сиротой, никто о немъ тамъ въ деревнѣ и не подумалъ; а потомъ стали попрошайничать, прознавъ, что можно отъ него поживиться.

Меньшовъ отвелъ Перфила къ окну и самъ присѣлъ на подоконникъ. Съ бабой онъ и не поздоровался.

— Ты вотъ что̀ мнѣ скажи!—такъ же глухо заговорилъ онъ:—по какой причинѣ не высылаютъ мнѣ пачпорта?.. Деньги я отправилъ.

— Въ этомъ мы не причинны, милый...

— А кто же причиненъ?

— Обчество̀—значитъ.

— При чемъ тутъ обчество̀?—еще сердитѣе спросилъ Меньшовъ.

— А какъ теперича послѣ пожара... оскудѣли мы, значитъ. И разверстка опять же пошла... съизнова, значитъ,—обчество̀ и обижается... на меня. Твой, молъ, паря, сродственникъ... теперича при такомъ, выходитъ, дѣлѣ...

— Пойдемъ, пойдемъ!—рѣзко перебилъ его Меньшовъ...—Здѣсь нечего разводы разводить.

Онъ покраснѣлъ отъ злобнаго чувства, вызваннаго этимъ ловкимъ подходомъ мужика.

Дядя спустился за нимъ съ крыльца. Его жена осталась въ сѣняхъ.

Меньшовъ отвелъ его къ садику и сѣлъ на скамью. День стоялъ сухой, съ легкимъ морозцемъ.

— Чего же собственно ты добиваешься? — спросилъ Меньшовъ и поглядѣлъ на дядю въ упоръ.—Я вѣдь васъ знаю. Сейчасъ и пожаръ, и скотный падежъ, и всякая штука!

— Порадѣй хоть маленько. У меня отъ этой бабы четверо, да отъ первой трое. Съ Покрова хлѣбъ покупаю. Избенку коекакъ справили... Издолжались!..

— Нечего, нечего... Сколько? Говори! А мнѣ некогда. И пожалуйста, въ другой разъ, не извольте въ день да̀чки являться сюда... Я не пьянчуга—прядильщикъ или ткачъ, у которыхъ жены деньги отбираютъ.

— Мы безъ всякаго... значитъ...

— Пачпортъ привезъ?—спрашиваю я.

— Мы не причинны, милый... Обчество̀, значитъ...

— Вотъ мой сказъ: сначала, чтобы пачпортъ былъ высланъ... Ни въ какой я зависимости отъ вашего дурацкаго обчества́ не желаю быть. На мнѣ тягла не лежитъ, земли у меня нѣтъ, и драть съ себя съ живого шкуру я не дамъ—такъ и запиши.

— Побойся Бога, Антонъ Егорычъ!.. Не срамись!

Мужикъ повелъ бровями, и глаза его смотрѣли на Меньшова уже безъ всякой сладости.

— Вотъ... синяя ассигнація... Больше у меня нѣтъ, да и то глупость дѣлаю. Говорю тебѣ толкомъ: ежели вы еще разъ

сюда пожалуете—ни единой полушки не получите отъ меня, ни единой! Теперь мнѣ идти надо! Времени у меня нѣтъ. Ежели ваше обчествò будетъ мнѣ пакости дѣлать, я до земскаго дойду, а то такъ и до самòго губернатора.

И, не слушая, чтò Перфилъ говоритъ ему вслѣдъ, Меньшовъ перебѣжалъ черезъ дорогу и взялъ сейчасъ влѣво, съ угла того дома, гдѣ наверху помѣщается читальня.

Ему не было ни капельки стыдно за то, что онъ такъ обошелся съ дядей. Не хочетъ онъ быть „дойной коровой“ ненавистной для него деревенщины. Это только вотъ такіе „благосердые“, какъ его пріятель Спиридоновъ, несутъ добровольную барщину, Богъ знаетъ изъ-за чего. Чтобы идти помирать на полатяхъ, гдѣ живого тебя съѣдятъ клопы, блохи и тараканы, изведетъ вонючій угаръ!

Онъ шелъ къ себѣ, чтобы запереть деньги, а то на фабрикѣ еще какъ-нибудь обронишь. У него до сихъ поръ и портмонэ порядочнаго нѣтъ, да и неудобно въ немъ держать бумажки.

И зачѣмъ только онъ отвалилъ тому лукавому мужику цѣлыхъ пять рублей?.. Много ли у него останется отъ дачки? И живи цѣлый мѣсяцъ.

Столвàться даромъ у Настасьи Ильинишны ему совѣстно. Онъ самъ ей предложилъ шесть рублей. Деньгами онъ долженъ ей больше десяти. Портному надо заплатить столько же, а то не принесетъ пальто съ мерлушечьимъ воротникомъ, и „понтируй“ по морозу въ осеннемъ пальтишкѣ. Еще есть должишки. Въ городѣ маркеру за билліардныя партіи и буфетчику. Пожалуй, больше пятнадцати рублей не останется.

И прыгай до новой дачки! А на прибавку—надежда плохая. Точно они всѣ въ заговорѣ противъ него... „Швейцаръ“—все такой же грубый болванъ, то-и-дѣло все бракуетъ его рисунки. Молодой хозяинъ тоже морщится и почти не смотритъ на него, когда зайдетъ къ нимъ.

Все это съ глупой исторіи слесаря Вешнякова. Наболталъ тотъ о своемъ „парè“—какъ здѣсь фабричное мужичье выговариваетъ; а никакого пари не было. И все начальство теперь волкомъ смотритъ на него. Еслибъ не Настасья Ильинишна—его бы давно по шапкѣ.

И это его мозжило... Уйти? Куда? Въ Москвѣ можно наголодаться. Онъ уже пробовалъ. Куда ни обратись — сейчасъ спросъ: почему не ужился на такой мануфактурѣ, гдѣ хозяева „благодѣтели и кормильцы“—стало, есть какой изъянъ. Сейчасъ

справку... Отвѣтъ, извѣстно, какой дадутъ: „дерзитъ, смутьянъ, нерадивъ, умничаетъ, человѣкъ сомнительный".

Ужъ кто-то изъ служащихъ въ бухгалтеріи прозвище ему далъ, когда прочелъ романъ Золя—„мусьё Суварѝнъ".

Есть ему охота тайнымъ агентомъ быть! Такимъ бараньимъ стадомъ пускай другіе интересуются. Вотъ они который годъ ноютъ, что имъ на миткалѣ совсѣмъ обидно приходится; а хозяева съ матерій цѣлую треть станковъ обратили на миткалевые. Отстроятъ новый корпусъ, миткаля будутъ въ пять разъ больше выработывать, потому что имъ не хватаетъ его для набивныхъ ситцевъ, и они должны его покупать на сторонѣ.

Все это ткачи знаютъ, какъ свои пять пальцевъ, и не могутъ добиться, чтобы имъ хоть по двѣ копѣйки на кусокъ накинули. Директоръ имъ зубы заговариваетъ, на разныхъ пустякахъ заигрываетъ съ ними. А двухъ копѣекъ все-таки не выхлопочетъ имъ у хозяевъ. Да если вдругъ „съ бацу" и прекратятъ работу—будетъ тоже, что два года назадъ: чинно-благородно соберутся на дворѣ, а какъ только команда покажется въ ворота и станетъ ихъ окружать, они—бухъ на колѣни.

Не очень онъ былъ доволенъ и балагурствомъ того мелкаго служащаго—его товарища по пріюту. Какое пакостное сплетничество! Ужъ сейчасъ по всей фабрикѣ чешутъ языки о немъ и о Ѳеничкѣ Потаповой. Отецъ у нея взбалмошный, еще полѣзетъ жаловаться.

— Ну, да шутъ съ ними!—выбранился онъ, входя на крыльцо своей казармы.

Его сосѣдка навѣрно сидитъ за машиной. Она услышитъ его шаги и будетъ его поджидать.

Но онъ не зайдетъ къ ней. Такъ онъ рѣшилъ еще вчера—и вотъ уже больше сутокъ, какъ они не видались.

Такой „канители" онъ не признаетъ. Сама стала заигрывать всячески, а потомъ и вѣшаться на шею. Одинъ разъ чуть мать не накрыла ихъ... Кажется, Ѳеничка этого и добивается, чтобы подвести молодца подъ вѣнецъ „отъ камени чѐстна". Это ему очень не понравилось, и онъ далъ почувствовать „барышнѣ", что ловить его „совершенно напрасно". Жениться онъ не желаетъ—только „пролетаріевъ плодить"; да и нельзя же изъ-за того, что дѣвицѣ на возрастѣ съ тобой цѣловаться хочется, на вѣки вѣчные кабалить себя? Онъ ее не соблазняетъ ни капельки; но „канители" не терпитъ. Можетъ, она и сохранила „свое сокровище" — ему опять-таки до этого дѣла нѣтъ. На фабрикѣ и при родителяхъ сплошь да рядомъ прегрѣшаютъ...

А замужъ выходятъ одна на десять, да и то больше за деревенскихъ.

Его каморка смотрѣла теперь поприглядиѣе. Ѳеничка приколола ему кисейныя занавѣски, но онъ за нихъ заплатилъ. Даромъ онъ ничего не желаетъ имѣть отъ женскаго пола. И на столѣ лежитъ чистая цвѣтная салфетка. Платье, которое виситъ на гвоздикѣ, покрыто ситцевой занавѣской. Это тоже ея забота.

Онъ заперъ деньги въ ящикъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, съ папиросой во рту.

Стѣны деревянныя, и сосѣдкѣ слышны его шаги; да и подошвы у него скрипятъ.

По его соображенію, ежели она дѣйствительно въ него „врѣзавшись", она должна сейчасъ же постучаться. Это онъ ее научилъ—не входить такъ, прямо.

Швейная машина смолкла. Видно, встала и оправляется передъ зеркаломъ, накинетъ мантилью, расшитую стеклярусомъ, а то такъ и чистый стоячій воротничокъ. Бѣлое къ ней идетъ.

Постучали тихонько, чуть слышно.

— Войдите!—крикнулъ онъ и сталъ посреди каморки.

Ѳеничка просунула сначала голову—въ красномъ шолковомъ платочкѣ, со взбитыми на лбу волосами. Щеки у нея блѣдны и вѣки красноваты. Значитъ, всплакнула. Это у нихъ дешевый товаръ—слезы.

— Войдите... — повторилъ онъ съ усмѣшкой и подвинулся впередъ шага на два.

Они давно уже на „ты"; но теперь съ какой же стати баловать ее?

Ѳеничка переступила порогъ, молча, въ мантильѣ съ стеклярусомъ и въ чистомъ стоячемъ воротникѣ.

— Здравствуйте... Антонъ Егорычъ. Какъ изволите поживать? — выговорила она, смотря на него вкось и стараясь придать своему голосу шутливый тонъ.

— Ничего, — благодарствуйте, Ѳедосья Филипповна.

— Вы говорили намедни... у васъ на двухъ сорочкахъ нарукавники обились. Такъ вотъ, ежели желаете, я бы могла...

— Спасибо. Это еще не къ спѣху.

— Однако... все же лучше.

Онъ бросилъ окурокъ въ уголъ и взялся за фуражку, лежавшую на постели.

— Ежели такъ... извините за безпокойство. Вамъ—я вижу—разговаривать со мною нелестно.

Она отвернулась къ двери.

„Вотъ сейчасъ зареветъ“, — подумалъ Меньшовъ, надѣлъ фуражку, и когда обернулся къ Ѳеничкѣ, она уже всхлипывала, утираясь платкомъ.

— Это совсѣмъ лишнее, Ѳеня—помягче сказалъ онъ и присѣлъ на край кровати.

— Ни крошечки,—прерывисто выговорила швея, — ни крошечки жалости нѣтъ!

— Чтò же тебѣ изъ моей жалости? Ха, ха! Шубы не сошьешь! Коли кто кому нравится... какъ слѣдуетъ—что-жъ тутъ торговаться и разводы разводить? Я вѣдь не мальчуганъ. И со мною и такъ, и этакъ—нельзя.

Ѳеничка пододвинулась къ кровати.

— Нèшто я такая? Грѣхъ тебѣ моимъ словамъ не вѣрить... Ни съ кѣмъ — Христомъ Богомъ клянусь—не было у меня ничего... А ты со мною — ровно я моталка какая или банбросница.

— Это при тебѣ и останется.

— Антоша! Голубчикъ! Больно мнѣ тяжко!

Она очутилась у него на колѣняхъ, голову опустила на плечо и всхлипывала. Потомъ крѣпко обняла его за шею и стала порывисто цѣловать.

— Хочешь, въ городѣ... подъ вечеръ... на Дворянской? По правому тротуару... Пойдешь купить чего-нибудь въ суровскую лавку. И я отпрошусь часомъ раньше. А? Придешь?..

— Приду... — чуть слышно выговорила она и отерла лицо платкомъ.

XVII.

— Не желаешь ли въ пирамидку?

— Нѣтъ, ужъ лучше въ пять шаровъ, Антонъ Егорычъ. Только ты мнѣ двадцать впередъ. Хошь и обидно, а ничего не подѣлаешь!

Спиридоновъ зашелъ съ Меньшовымъ въ трактиръ „Палермо“, на Дворянской улицѣ. Они были уже на обратномъ пути изъ города. Сыграть партію на билліардѣ предложилъ Меньшовъ.

Въ этомъ самомъ заведеніи, дней десять передъ тѣмъ—онъ провелъ два часа въ отдѣльномъ номерѣ „для пріѣзжающихъ“ съ Ѳеничкой Потаповой. Хвалиться своей побѣдой онъ не сталъ передъ Иваномъ, но намекнулъ, что былъ тутъ недавно, и не одинъ. Иванъ догадался—съ кѣмъ.

Пріятели ходили къ городскимъ знакомымъ Меньшова. Тамъ они пили чай. Сегодня работа на фабрикѣ — въ обоихъ корпусахъ — кончилась раньше, чѣмъ обыкновенно въ субботу. Граверы, раклисты и рисовальщики были свободны съ обѣда. На понедѣльникъ приходился большой мѣстный праздникъ, и народъ изъ ближайшихъ деревень отпущенъ былъ на цѣлыхъ двое сутокъ.

Иванъ въ деревню не пошелъ, да и завтра не пойдетъ. Сильно онъ мечтаетъ о своей избѣ; но къ дяденькѣ ходить ему противно. Всѣ тамъ на него волкомъ глядятъ. И старуху его стали „поѣдомъ ѣсть“, такъ что онъ подумываетъ переселить ее временно въ одну изъ слободъ.

Играя на билліардѣ, онъ былъ еще сильно возбужденъ недавнимъ разговоромъ у „знакомцевъ“ Меньшова. Пили они чай у одного „временно проживающаго“ господина. Тамъ, кромѣ хозяина, сидѣли еще какой-то юноша, пріѣхавшій изъ Москвы, и старичокъ, неизвѣстно какого званія, но большой „умственности“.

Всѣмъ имъ было занятно разспрашивать его про фабрику. Къ Меньшову они относились какъ къ своему человѣку; но Ивану показалось, будто они его считаютъ не тѣмъ, что̀ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Должно быть, смотрятъ на него какъ на какого-то „вожака“. А вѣдь этого нѣтъ и до сихъ поръ, вотъ уже сколько мѣсяцевъ, какъ онъ на фабрикѣ, а Иванъ не подмѣтилъ, чтобы Антонъ Егорычъ что-нибудь тайно распространялъ или даже якшался съ простыми рабочими.

Себя самого Иванъ передъ этими господами не желалъ представлять въ ложномъ свѣтѣ. Какихъ-нибудь листковъ и запрещенныхъ книжекъ онъ не ищетъ и другихъ не смущаетъ. А чтеніе съизмальства любилъ. И тутъ онъ сталъ жаловаться этимъ господамъ, что въ подмастерьяхъ пропадаетъ у него охота къ чтенію, особенно съ тѣхъ поръ, какъ его—точно въ видѣ наказанія — перевели изъ ткацкаго отдѣленія въ прядильное и приставили къ чесальнымъ машинамъ. Захотѣлось ему и оправдаться передъ ними, тѣмъ болѣе, что хозяинъ квартиры оказался знакомъ съ фабричнымъ инспекторомъ.

Ткачиха Настасья Абрамова довела-таки дѣло до него. Мальчо̀нкѣ своему она, должно быть, сама растравила ссадину на головѣ, и она прикинулась болѣть. Инспекторъ вмѣшался, и начальство—чтобы унять бабу—дало ей маленькое вознагражденіе, а Ивана поставили къ чесальнымъ машинамъ.

Онъ не сталъ запираться передъ этими господами въ томъ,

что онъ „толконулъ" Ѳедюшку. Но, быть можетъ въ первый разъ въ жизни — горько началъ онъ говорить про фабричное дѣло, какъ оно каждому, поставленному надсматривать за своимъ братомъ рабочимъ, „портитъ душу", разжигаетъ ему „нутро", отбиваетъ охоту потѣшить себя хорошей книжкой, дѣлаетъ „внѣ себя" отъ постояннаго напряженія.

Теперь, при чесальныхъ машинахъ, еще больше всякой копотливой заботы и надзора. За чѣмъ только не долженъ надзирать комплектный подмастерье? Рѣшительно до всего ему дѣло: ремни, веревки, шестерни, чистка машинъ, холсты, барабаны, ленты, масло. Безъ счету надо дѣлать окриковъ, предостерегать, учить, грозить, выводить на свѣжую воду. А въ печатной книжкѣ правилъ говорится, что подмастерье „не долженъ употреблять бранныхъ выраженій и помнить, что увѣщаніемъ можно принести больше пользы, чѣмъ крикомъ и бранью".

Онъ самъ это отлично понимаетъ и чувствуетъ. А каково себя сдерживать, ежели вамъ попадется, какъ нарочно, такая команда, гдѣ на одного толковаго рабочаго пять-шесть никуда негодныхъ?..

— Иванъ Прокофьичъ!—замѣтилъ Меньшовъ:—да ты, братъ, какъ ворона зѣваешь! Этакъ тебѣ надо пятьдесятъ-девять впередъ просить!

Спиридоновъ, дѣйствительно, попалъ всего три раза въ лузу: даже и „маркелъ" сталъ надъ нимъ подсмѣиваться.

— Доподлинно. Въ головѣ у меня не то, Антонъ Егорычъ. Кончай партію. Тебѣ вѣдь надо, ты сказывалъ, еще въ другое мѣсто?

Меньшовъ кончилъ партію, когда у Ивана было всего двадцать-восемь очковъ. Заплатили они пополамъ — такъ у нихъ было условлено. Ивану досадно было, что онъ не можетъ посидѣть еще съ нимъ въ заведеніи за бутылкой пива и побесѣдовать всласть. Столько бы ему хотѣлось задать вопросовъ насчетъ тѣхъ господъ, съ которыми они на дняхъ бесѣдовали. И не хитритъ ли онъ съ нимъ, не затѣваетъ ли чего подъ шумокъ?

И выпить ему еще хотѣлось. Передъ игрой на билліардѣ онъ пропустилъ рюмку настойки, а теперь бы пивка. Да Меньшовъ торопится.

На перекресткѣ Меньшовъ окликнулъ извозчика. Они взяли его на общій счетъ, съ тѣмъ уговоромъ, что Иванъ доѣдетъ до фабрики, а Меньшова довезетъ до Острожной улицы, гдѣ тотъ долженъ былъ выйти.

Давно уже стемнѣло. Ночь была довольно теплая, для конца

октября. Слѣпо мигали керосиновые фонари. Пролетку такъ и качало отъ разъѣзженной мостовой дальнихъ улицъ.

— Антонъ Егорычъ?—окликнулъ Иванъ и заглянулъ въ лицо пріятеля...—Ты въ этомъ самомъ заведеніи былъ намедни... въ номерахъ?

— Да, въ номерахъ.

— Вдвоемъ, значитъ?

Меньшовъ кивнулъ утвердительно головой.

— Выходитъ, совсѣмъ сладились? Я вѣдь, дружище, не хочу допытываться... Твое дѣло.

И — противъ воли — ему стало обидно. Вотъ, пользуются же люди, да еще по своему выбору. И не какую-нибудь неумою, или зазорную бабу-солдатку, а „барышню"—изъ самыхъ стоющихъ. Грамотная, собою недурна, работящая, при родителяхъ, одѣвается „по журналу".

„Только Антоша въ законъ не вступитъ. Не таковскій!"—подумалъ Иванъ.

— А ты скажи мнѣ, другъ милый,—заговорилъ онъ потише.— Ежели она, къ примѣру, была какъ слѣдуетъ дѣвица? Нѣшто это не обвязываетъ?

— Не тотъ, такъ другой. Неужели мы съ тобой хуже какого-нибудь слесаришки или конторщика на десять рублей жалованья?

— А коли грѣхъ приключится?

— Никого, братъ, я въ жизни не соблазнялъ,—можешь мнѣ вѣрить. А въ такомъ дѣлѣ канителиться я не согласенъ... Стой!—крикнулъ Меньшовъ извозчику...—Я тутъ вылѣзу. И тебѣ, братецъ, пора бы на сторонѣ утѣшиться, хоть съ сестрицей бы! Она—бабёнка въ соку. Прощай!.. Коли тебѣ занятно показалось у тѣхъ господъ—и еще сходимъ.

— Спасибо!.. Милый!

Иванъ потянулся пожать руку пріятелю, и ему стало еще досаднѣе, что долженъ онъ ворочаться на фабрику одинъ.

Заискрились издали электрическіе шары. Ихъ свѣтъ на вольномъ воздухѣ всегда ему нравился послѣ миганья грязныхъ фонарей и тупой мертвенности города.

Извозчикъ зналъ хорошо дорогу и, миновавъ монастырь, лихо прокатилъ вдоль слободки, гдѣ всѣ трактиры и питейные дома были еще отперты.

Вывѣска „Казбекъ" привлекла Ивана. Ему сильно захотѣлось выпить хоть бутылку „пивка". Онъ вылѣзъ изъ пролетки и заплатилъ извозчику.

У буфета онъ заказалъ услужающему.

— Иванъ Прокофьичъ!

Его окликнулъ одинъ изъ подмастерьевъ — молодой малый, изъ ихъ же деревни, родной братъ ставельщика Филатки.

Тотъ сейчасъ же отвелъ его въ сторону.

— Вы откуда?—спросилъ онъ вполголоса.

— А что? Я изъ города.

— У васъ неблагополучно.

„Марѳа Богу душу отдала“! подумалъ онъ,—и его ударило въ ноги отъ этой мысли.

— Гдѣ? Въ чесальномъ или въ казармѣ?

— Хожалый васъ ищетъ по всей фабрикѣ.

Видно было, что тотъ стѣсняется сейчасъ же сказать — въ чемъ дѣло!

— Ужъ вы бы туда поскорѣе. Дѣло для васъ зазорное. Да вонъ никакъ и хожалый. Онъ вамъ все отрапортуетъ.

Иванъ выбѣжалъ на крыльцо. Хожалый, съ палочкой, въ своемъ просторномъ балахонѣ, шелъ къ воротамъ. Онъ нагналъ его.

— Максимъ Ефимычъ! Вамъ меня требуется?

Это былъ какъ разъ тотъ хожалый, котораго онъ считалъ совсѣмъ „добропорядочнымъ“. И фамилія у него была такая: „Благомѣрный“.

— Иванъ Спиридоновъ! Съ ногъ сбился, тебя искавши.

Хожалый снялъ картузъ и отеръ лобъ клѣтчатымъ платкомъ.

— Что̀ такое стряслось?

— Скверное, братъ, дѣло... Бабу твою сторожъ съ поличнымъ накрылъ, при обыскѣ.

— Съ чѣмъ?

— Два аршина ситцу обвязала себѣ вокругъ живота... А онъ—малый дошлый.

— Господи!—вырвалось почти съ плачемъ у Ивана.

— И сугубое, братецъ мой, отягощающее обстоятельство—то, что въ сундукѣ мы должны были сдѣлать обыскъ — и тамъ нашелся цѣлый комплектъ.

— Чего?

— Разныхъ матерій... И ловко же она это производила!

— Быть этого не можетъ!

Иванъ стоялъ на тротуарѣ, со̀всѣмъ убитый.

— Воровка?! Несуразная она женщина, шалая, бѣсомъ одержима бывала; но этого я за ней—душу отдалъ бы на закланіе—

не подозрѣвалъ. Максимъ Ефимычъ! И на меня такой срамъ падетъ?

— Ты—въ сторонѣ... Начальство тебя знаетъ. Идемъ сейчасъ же къ Сергѣю Сергѣичу. Я, было,—извини—хотѣлъ ее въ сторожку; да онъ разрѣшилъ въ каморкѣ оставить; только чтобы сторожъ дежурилъ въ корридорѣ, у самой двери.

Молча дошли они до дома управляющаго. Ничего еще такого не приключалось съ Иваномъ за всю его фабричную жизнь. Онъ, считавшій себя разчестнѣйшимъ —и вдругъ жена его воровка, и какая? Закоренѣлая. Значитъ, она нѣсколько лѣтъ этимъ занимается. И кто повѣритъ, что онъ не былъ ея соучастникомъ и укрывателемъ? Какъ будто это что-нибудь чрезвычайное? Воруютъ круглый годъ! Не проходитъ недѣли, чтобы кто не поймался. И все больше бабы и дѣвки, особенно въ красильно-набивномъ корпусѣ. У ткачихъ рѣже, потому что менѣе сподручно воровать. Припомнился ему разговоръ съ молодымъ бариномъ, живущимъ въ хозяйскомъ домѣ, который завѣдуетъ судейской частью, вродѣ какъ ходатай. Баринъ—добрый, и ему тяжко бываетъ доводить дѣло до суда. Украдетъ она на полтинникъ ситцу, а отсидитъ три мѣсяца въ острогѣ. Сколько случаевъ оставлялъ онъ безъ огласки... Такъ вѣдь и тутъ пойдетъ толкъ. Тѣ, кто отсиживаютъ, сейчасъ загуторятъ:—вамъ, молъ, прощаютъ, а меня засадили!.. А сколько останутся непойманными по всѣмъ корпусамъ! Не то, что аршинъ ситцу, а цѣлые куски мѣди проносятъ. Давно ли на всю мануфактуру было разговоровъ—какъ въ машинной мастерской оказалась мѣдь, купленная на сторонѣ, съ клеймомъ фабрики. Хозяева считаютъ, что у нихъ въ годъ уворовываютъ всякаго товара тысячъ на десять, а то и больше.

Все это прыгало въ головѣ Ивана; а внутри онъ ощущалъ дрожь.

Хожалый первый позвонилъ съ задняго крыльца.

Былъ уже десятый часъ вечера.

— Дома ли?—шопотомъ спросилъ Иванъ.

— Какже... Сейчасъ чай пили.

Дрожь не пропадала—точно его самого захватили съ поличнымъ и ведутъ на допросъ.

Имъ отворила горничная. Хожалый прошелъ въ кабинетъ. Побылъ онъ тамъ не больше трехъ минутъ. Управляющій вышелъ въ столовую, въ халатѣ, и позвалъ Спиридонова.

— Батюшка, Сергѣй Сергѣичъ!

Ивана душило. Онъ могъ съ трудомъ выговаривать слова.

— Слышалъ?

— Христомъ Богомъ клянусь, что въ дѣлѣ я...

Слезы глушили его голосъ.

— Никто тебя и не обвиняетъ.

— Не за нее прошу; а за себя и за дочь... Не доводите до суда!

— Своей властью я, братецъ, не могу замять это. Въ хозяйскомъ домѣ уже знаютъ, и директоръ—своимъ чередомъ. Марѳу твою мы въ будку не сажали. Она—подъ домашнимъ арестомъ. Ты за нее отвѣтишь, ежели она что-нибудь накуралеситъ. Завтра разсудимъ. Иди! Только, братецъ, самосуда мы не любимъ. Понимаешь? Вдобавокъ, она, кажется, въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременна...

— Вы же ее... пропащую женщину, жалѣете!

— Для меня—всѣ равны.

Съ этими словами управляющій вышелъ изъ столовой.

— Павелъ Павлычъ—съ полчаса будетъ—вернулись,—говорилъ ему Благомѣрный.—Они навѣрняка уже у васъ въ казармѣ производили дознаніе.

Павелъ Павлычъ и былъ тотъ добрый баринъ изъ хозяйскаго дома.

У крыльца казармы стояла кучка сторожей и хожалыхъ. Пролетка виднѣлась въ углубленіи между двумя крыльцами. И въ корридорѣ, тускловато освѣщенномъ лампочкой, шушукали бабы и дѣвчонки.

Въ глазахъ Ивана сразу точно помутилось, и вся кровь бросилась ему въ голову. Онъ еле нащупалъ дверь своей каморки.

Павелъ Павлычъ — молодой человѣкъ, бѣлокурый, рослый, плечистый, въ темномъ пиджакѣ и большихъ сапогахъ—сидѣлъ у стола и записывалъ въ книжку. Марѳа стояла у кровати съ посинѣлыми губами и безкровнымъ лицомъ. Животъ ея сильно выдавался. Она повернула голову въ уголъ, и ея острый носъ бѣлѣлъ изъ-за низко надвинутаго платка. Она была боса. Машутка, забившись за сундукъ, всхлипывала, опустивъ голову на руки. Другой хожалый и сторожъ изъ этой казармы только-что раскрывали сундукъ Марѳы, откуда смотрѣли цвѣтные разводы ситцевыхъ кусковъ, въ свѣтѣ керосиновой висячей лампы.

— А, вотъ и ты Иванъ!—окликнулъ его молодой человѣкъ.

Иванъ кинулъ взглядъ на Марѳу, и такъ она ему сдѣлалась гадка, что онъ сейчасъ же бы и расказнилъ ее.

— Да, Павелъ Павлычъ, вотъ она какихъ дѣловъ надѣлала!

—перехваченнымъ голосомъ еле выговорилъ онъ...—Можетъ, эта бѣсноватая и меня оговорила?

Маrѳа немного повернула къ нему голову и вся вздрогнула.

— Нѣтъ, она тебя не оговаривала. Запираться ей тоже нельзя... Вдвойнѣ... съ поличнымъ попалась.

— Однако, Павелъ Павлычъ,—началъ Иванъ, разгорячаясь,—всякій можетъ и меня заподозрить. Какъ могъ я, живя съ ней больше двадцати лѣтъ, ничего не замѣтить? Клянись я чѣмъ угодно—кто повѣритъ?

Слезы опять прорвались въ его голосѣ.

— Напрасно мучиться будешь... Тебя никто не подозрѣваетъ.

— Не для нея... а для дочери и меня жалѣючи, прошу васъ просительно, Павелъ Павлычъ... предстательствовать передъ хозяевами и директоромъ—не доводить дѣло до суда.

И, совсѣмъ противъ воли, онъ сталъ на колѣни.

Марѳа стояла все такъ же неподвижно.

— Встань... Не надо! Самъ я не могу, Иванъ... Завтра дѣло рѣшится. Теперь я все отмѣтилъ, что̀ нужно. Закройте и возьмите!—показалъ онъ на сундукъ.

Тутъ только Марѳа бросилась къ сундуку.

— Не отдамъ я!—взвизгнула она.—Мое, небось, добро! Не одинъ ситецъ... Кровное мое...

Хожалый и сторожъ оттолкнули ее. Въ эту минуту у нея было совсѣмъ безумное лицо.

— Нишкни! Подлая! — глухо крикнулъ на нее Иванъ, схватилъ за обѣ руки и повалилъ на постель.

Марѳа сначала вся вытянулась, потомъ истерически захохотала и заметалась.

Молодой баринъ всталъ и поморщился. Онъ не былъ привыченъ къ такимъ сценамъ.

— Не отправить ли ее въ больницу? — тихо спросилъ онъ хожалаго.

— Нѣтъ, ваше высокородіе, она такая... Еще всѣхъ тамъ испужаетъ. Да и не досмотрятъ. Ужъ позвольте здѣсь ей переночевать.

— Вы лучше уберите ее!—нервно крикнулъ Иванъ.

— Вы ужъ, дяденька, полегче!—пошутилъ съ нимъ молодой баринъ.

Иванъ смолкъ и отошелъ въ уголъ.

— Идемъ!—сказалъ Павелъ Павлычъ обоимъ хожалымъ. А съ тебя,—обернулся онъ къ сторожу,—въ первую голову взыщется, ежели что-нибудь неладное будетъ здѣсь.

И хожалый, и сторожъ, вышли вслѣдъ за нимъ и унесли сундукъ Маръы.

Она продолжала визжать, выть и судорожно задирать руки. Машутка полегче всхлипывала, но боялась еще встать и однимъ глазомъ смотрѣла, ожидая, что̀ будетъ. Сердце у нея билось, какъ птичка; боялась и за мать, и стыдно ей было, и отца жалко.

Иванъ, точно пьяный, подошелъ къ кровати.

— Замолчишь ты... паскуда? Да или нѣтъ?!—выговорилъ онъ такъ злобно, какъ никогда, даже въ самыхъ сильныхъ схваткахъ съ женой.

Маръа не унималась.

— Ахъ ты... проклятая воровка! — бѣшено крикнулъ онъ, схватилъ ее за плечо и за шею, поднялъ на ноги и началъ душить.

Машутка кинулась къ нему, обвила его руками за колѣни и заголосила:

— Тятенька! Тятенька! Не бейте!... Миленькій, не бейте!

Но онъ не могъ сдержать себя, и рука его тяжело опускалась по плечамъ и по головѣ Маръы. Та завопила. Въ комнату вбѣжалъ сторожъ и рознялъ ихъ.

— Такъ не годится, любезнѣйшій! Чего тутъ драться! Лучше бы смотрѣлъ раньше за ней. А то срамъ какой! Подмастерье, а жена—форменная воровка!

— Срамъ!—подхватилъ Иванъ.—Срамъ!—Не воръ, а укрыватель! Ха, ха!

И онъ повалился головой на столъ. Рыда̀нія колыхали его. Смертельная боль раздирала ему душу. Будь тутъ ножъ на столѣ— онъ бы перерѣзалъ себѣ горло.

XVIII.

Въ хозяйскомъ домѣ всѣ окна нижняго этажа были ярко освѣщены. Съ утра пріѣхали члены правленія и пробудутъ до завтра. Сѣли они обѣдать поздно, въ девятомъ часу.

Въ передней дожидался Меньшовъ. Больше негдѣ ему было ждать. Онъ присѣлъ на ясеневый диванъ, рядомъ съ вѣшалкой. Свертокъ съ своими рисунками онъ положилъ рядомъ съ собою.

Онъ слышалъ громкій разговоръ въ столовой. Говорили разомъ нѣсколько человѣкъ. Онъ различалъ всего отчетливѣе голосъ молодого хозяина, живущаго постоянно на фабрикѣ; Сте-

пана Васильевича и директора красильно-набивного отдѣленія—почти-что не было слышно. Раздавался и говоръ пріѣзжаго члена правленія, отрывочный и быстрый, и высокій голосъ другого члена—завѣдующаго оптовой продажей—стариковскій, теноровый. Онъ считается „докой“ по части выбора рисунковъ, навѣрняка угадываетъ, какой рисунокъ ходко пойдетъ у „городового“ покупателя, а какой—нѣтъ.

Его-то Меньшовъ и считалъ главнымъ виновникомъ того „мужицкаго“ вкуса, какой, на его оцѣнку, былъ почти обязателенъ для рисовальщиковъ.

Къ пріѣзду „членовъ“ ему заказаны были шесть новыхъ образцовъ. Сегодня, засвѣтло, имъ некогда было заняться ими въ мастерской. Ему велѣли принести во время обѣда.

Лакей давно о немъ доложилъ и сказалъ, что „приказано подождать“.

Обѣдъ все затягивался. Его начинало разбирать злобное чувство.

Кто они такіе — эти члены, даже и съ техниками на придачу? Всѣ до одного—разночинцы. Одни—изъ выучившихся мѣщанъ или писарскихъ дѣтей; другіе—купчишки, хотя бы и потомственные почетные граждане, но внуки и правнуки мужиковъ, простыхъ прядильщиковъ и много много „горшечниковъ“, промышлявшихъ мелкимъ набивнымъ дѣломъ.

Какая есть разница между нимъ, Антономъ Меньшовымъ, и вотъ такимъ членомъ, который будетъ мудрить надъ его рисунками? Гдѣ тотъ учился? Въ какихъ такихъ наукахъ дошелъ до диплома?

Всѣ его права на теперешнее содержаніе—чуть не въ пятнадцать тысячъ—то, что у него была оптовая торговля, и онъ считался „дошлымъ“ по части пусканія въ ходъ товара и привлеченія покупателя. А значительнымъ торговцемъ онъ былъ потому, что ему тятенька оставилъ капиталъ и налаженное дѣло. Точно также и другіе „члены“. Еще молодой хозяинъ учился, дипломъ имѣетъ, и за границей жилъ, и за всѣмъ слѣдилъ... А остальные? Мошна крѣпка, тятенька наладилъ многомилліонное дѣло. Тѣшь свою утробу, чертоги себѣ строй, по Европѣ разъѣзжай, на рысакахъ призы бери, „чертй“ по всей бѣлокаменной, изъ шампанскаго уху лопай, хоть пять любовницъ разомъ держи. И умничай—вотъ въ такіе наѣзды. Въ остальное время ѣзди въ амбаръ и на биржу, да важничай въ компаніи, у Тѣстова, въ Славянскомъ-Базарѣ, въ клубѣ. Больше нѣтъ у тебя

никакихъ „правòвъ“ на барышъ въ двѣ сотни тысячъ, на худой конецъ.

Вотъ онъ, Антонъ Меньшовъ, и съ талантомъ, и книжекъ много читалъ, и на все свой взглядъ имѣетъ, рѣшительно на все, чѣмъ держится житейская машина, а никогда ему не выбиться изъ своего „паскуднаго“ положенія. Дѣды и прадѣды хозяевъ изъ „сиволапыхъ“ дѣлались милліонщиками; въ этомъ вся суть! А такимъ, какъ онъ, нѣтъ хода и быть не можетъ. Это онъ сознавалъ все сильнѣе. Такъ страстно и упорно выѣдалъ онъ изъ своей души всякую связь съ деревней. Зато онъ—„интеллигентъ“ и вѣритъ, что только въ этомъ и есть спасеніе для всѣхъ тѣхъ „барановъ“, которыхъ всѣ эти господа, что̀ пьютъ теперь ликеры съ кофеемъ, стригутъ „честно-благородно“, на началахъ свободнаго контракта.

„Тебѣ, душечка, не нравится корпѣть на миткалевыхъ станкахъ и получать скаредную задѣльную плату? Мы тебя, милый, не удерживаемъ. Иди на всѣ четыре стороны. Такая наука есть—политическая экономія. Она гласитъ, что все должно держаться свободной конкурренціи. Накинуть тебѣ гривенникъ на кусокъ миткаля? Да вѣдь это, голубчикъ, значитъ семидесяти тысячъ цѣлковыхъ въ годъ лишиться. А ты какъ бы думалъ? И двухъ копѣекъ не накинемъ по доброй волѣ; а заартачишься — намъ сейчасъ помощь пришлютъ изъ города, сколько пожелаемъ“...

Голова его разгорѣлась и даже губы беззвучно двигались, произнося эти вымышленныя рѣчи. Его и возмущало, и смѣшило то, что вотъ онъ, Антонъ Меньшовъ, уразумѣвшій всю суть ихъ хозяйскихъ „правòвъ“, долженъ дожидаться въ лакейской, пока ихъ степенствамъ „благоугодно будетъ“ позвать его къ себѣ. Да еще случиться можетъ, что членъ, завѣдующій оптовой продажей, будетъ его „тыкать“, какъ перваго попавшагося „шуровщика“ или „подавальщика“. Имъ теперь ни одному и въ башку не влѣзетъ, что какой-то тамъ рисовальщикъ, Антонъ Меньшовъ, прочищаетъ ихъ, какъ черезъ фильтръ, въ своихъ мозгахъ.

„Да и тѣ фабричные,—размышляетъ онъ,—хоть промежду собой и ноютъ о плохихъ заработкахъ, а того не могутъ понять,—какъ слѣдуетъ, безъ всякихъ смягченій и оговорокъ,—что они всѣ, сколько ихъ тамъ ни есть, съ бабами и ребятишками, во всѣхъ ихъ селахъ и деревняхъ—чистѣйшіе крѣпостные ихъ степенствъ, вышедшихъ изъ такого же мужичья, какъ и они.

„Каждый ткачъ, подъ хмелькомъ, воображаетъ, что онъ „воль-

ная птица". Какъ бы не такъ! Хуже крѣпостного, въ милліонъ разъ хуже!

„Въ чемъ его воля? По гудку ложится, по гудку встаетъ, спитъ по собачьи, когда придется, ѣстъ мерзость, ни семьи, ни своего угла, ни повою! Ни одной ниткой не можетъ онъ распорядиться, ни единымъ гвоздикомъ. Ни временемъ, ни руками своими, ни головой. Крѣпостной-то оброкъ представилъ разъ въ годъ—и дѣлай, что̀ хочешь, живи хоть въ Царьградѣ. И на барщинѣ—отработалъ на барина—мудри съ своимъ добромъ, какъ душѣ твоей угодно: у себя въ избѣ—ты владыка!

„Были крѣпостные у баръ; а теперь нѣтъ—ни крѣпостныхъ, ни господъ!..

„Что̀ такое помѣщикъ, дворянинъ въ своей вотчинѣ? Да коли онъ начальство: земскій, предводитель—его слушаются и шапку снимаютъ, при случаѣ и зуботычину получаютъ безпрекословно. А если просто баринъ, проживающій въ усадьбѣ—кто его боится, чѣмъ онъ *заставитъ* работать на себя? Христомъ-Богомъ молитъ иной разъ: „поди, голубчикъ, ко мнѣ въ батраки, вотъ тебѣ и харчи, и жалованье, и помѣщеніе хорошее"! И нейдутъ. Волкомъ воютъ господа, ничѣмъ не могутъ залучить народъ. Въ рабочую пору—ни за какія деньги, хоть по три рубля въ сутки посулѝ!..

„И всѣ „прутъ" на фабрику, цѣлыми селами, цѣлыми волостями. Вотъ кто — господа-то теперешніе, помѣщики и милостивцы—это ихъ степенства, что̀ сидятъ въ столовой и прохлаждаются за ликерами.

„Эти только свисни—и налетятъ къ нимъ сотни и тысячи мужичья, и бабъ, и дѣвокъ, и подростковъ, и малолѣтковъ. Въ ихъ рукахъ теперь вотчинная власть. Чуть что̀—и вся губернія ходуномъ заходитъ:—„Что̀-молъ вашему степенству будетъ угодно? Какъ вы прикажете, такъ и станемъ дѣйствовать".

„Вотъ гдѣ сила"!..

Воображеніе Антона разгорѣлось.

Между тѣмъ, часы въ кабинетѣ густо пробили половину десятаго. Меньшовъ приподнялся. Его опять схватила обида: точно онъ полотеръ какой.

— Любезнѣйшій!—остановилъ онъ лакея, проходившаго въ буфетную.

— Чего вамъ? Видите, некогда!—огрызнулся тотъ.

— И мнѣ некогда. Я голодный. И ждать больше не намѣренъ... Спроси еще разъ: войти мнѣ, что-ли?

Лакей мотнулъ головой и скрылся.

Съ досады Меньшовъ началъ кусать ногти и, сильно скрипя сапогами, ходить по передней.

Показался лакей.

— Ну, чтò?

— Приказано оставить чтò вы принесли. Рисунки, что-ли, какіе... Теперь, значитъ, этимъ не будутъ заниматься.

— Нà, возьми!

Меньшовъ сунулъ человѣку свертокъ, схватилъ картузъ и пошелъ черезъ черный ходъ, ругаясь про себя.

На крыльцѣ его казармы сторожъ прикурнулъ—должно быть, выпилъ. Въ корридорѣ пахло плохимъ керосиномъ—фитиль коптѣлъ; было темно, хоть голову расшиби. И угольный чадъ бросился ему въ носъ.

Противъ его двери — у стѣны — кто-то возился съ самоваромъ.

— Антоша!—шопотомъ окликнула его Ѳеничка.—Это я для тебя. Работница завалилась спать. А ты вѣдь еще не пилши чаю? Заварить тебѣ?

— Спасибо.

— Только потише, голубчикъ. Папаша можетъ хватиться меня. Онъ и такъ бранитъ—чтò, молъ, все бѣгаешь въ корридоръ. Отвори потише дверь... А я войду—и заварю тебѣ чаю.

Онъ вошелъ, чиркнулъ спичку, зажегъ лампочку и впустилъ Ѳеничку съ самоваромъ. На столѣ было все приготовлено къ чаю: баранки, колбаса и еще какая-то домашняя ѣда.

Они продолжали говорить вполголоса. Ѳеничка—въ платочкѣ на головѣ и ситцевомъ простенькомъ платьѣ — въ лицѣ похудѣла и глаза у нея замѣтно покраснѣли.

Меньшовъ поглядѣлъ на нее.

— Что-жъ... родитель-то, видно, опять изволилъ производить разносъ?

Ѳеничка нагнулась къ нему и заговорила еще тише:

— Все сплетни. Ему тамъ кто-то наушничать сталъ. Онъ и на мамашу какъ кричалъ... Она тоже накидывается, по нѣскольку разъ на дню. Папаша хочетъ идти къ управляющему, чтобы тебя, значитъ, выдворить отсюда;—такъ и говоритъ: „выдворить“.

— Откуда? Съ фабрики?—спросилъ Меньшовъ, злобно улыбнувшись.

Онъ началъ закусывать, запивая чаемъ.

— Отсюда... должно быть, изъ казармы... что-ли...

„И прекрасно бы было“!—подумалъ онъ.

Ѳеничка стала приближаться къ нему.

— Ты бы хоть съ мамашей какъ слѣдуетъ познакомился, Антоша... Все равно — она вѣдь, небось, замѣчаетъ. По крайности, хоть для меня-то было бы не такъ опасно. И папаша видѣлъ бы, что ты нашъ гость. А не то что какъ теперь— все крадучись, все крадучись.

По голосу онъ ожидалъ, что она сейчасъ „разрюмится". Онъ этого не выносилъ, и изъ-за ея „хныканья" бывали у нихъ на одной недѣлѣ по нѣскольку схватокъ.

Съ какой стати будетъ онъ отдаваться живымъ въ руки папеньки съ маменькой, жениха изъ себя изображать, когда ему уже и теперь „довольно тошно" съ этой самой обыкновенной фабричной „барышней"? Еслибы она и еще сильнѣе въ него влюбилась—это „не резонъ". Такимъ подходамъ онъ не намѣренъ давать потачку.

— Совершенно это лишнее!—выговорилъ онъ небрежно и опять принялся закусывать.

— А ежели вдругъ сейчасъ папаша—шасть сюда въ дверь?

— Не ходи. Я не требую. По моему, это слишкомъ рискованное дѣло.

— Ахъ, Антоша!

Она отвернулась и вынула носовой платокъ.

— Ну, пожалуйста, безъ хныканья. Я тебѣ говорю въ твоемъ же интересѣ... На что̀ ты меня подводишь?

— Я тебя подвожу? Какъ не стыдно такъ говорить!

— Разумѣется, подводишь. Дѣйствительно, сейчасъ твой папаша—передразнилъ онъ—шасть сюда и произойдетъ карамболяжъ! Буду я вашимъ гостемъ, или не буду—все равно, онъ по головкѣ тебя не погладитъ, за то, что ты у меня въ такую пору находишься.

— Нѐшто я могу собою управлять? Господи!

— Вздоръ! Кто кого хоть немножко любитъ—тотъ его не станетъ подводить подъ непріятности. Ты — не малолѣтокъ. И прекрасно знала—на что̀ ты шла.

Ѳеничка стала ему въ эту минуту прямо въ тягость. Ничего онъ не нашелъ въ ней, кромѣ того, что она, до него, ни съ кѣмъ „не жила". И никакой у него къ ней жалости нѣтъ. Точно нарочно подвернулась ему вотъ такая „барышня". Ежели его скрутятъ и поставятъ подъ вѣнецъ, еще труднѣе ему будетъ вылѣзти изъ „мастеровщины". Да и безъ всякой законной „привязки"—такая барышня—развѣ она годится ему въ „подруги"? Всей-то ея куриной душонки хватаетъ на то, чтобы набивать

себѣ въ мѣсяцъ бѣлую ассигнацію, копить и одѣваться по картинкѣ, когда пойдетъ къ обѣднѣ или въ городъ.

— Ну да, ну да,—шептала Ѳеничка, чуть слышно всхлипывая.—Я во всемъ виновата. Срамъ приняла по доброй волѣ.

Сердце у него точно остановилось. Онъ поблѣднѣлъ, ударилъ кулакомъ по столу и вскочилъ со стула.

— Баста!—крикнулъ онъ.—Уходи! Сдѣлай одолженіе, уходи! Женихомъ я твоимъ не буду! Слышишь?

Она, съ испуганнымъ видомъ, шарахнулась къ окну.

Дверь изъ корридора отворилась. Она совсѣмъ похолодѣла —а вдругъ отецъ!

Но на порогѣ стоялъ Иванъ Спиридоновъ.

— Наше почтеніе... барышня, — выговорилъ онъ, точно не своимъ голосомъ.—Антоша, извини. Не впопадъ я?

Ѳеничка стремглавъ выбѣжала изъ комнаты. Иванъ, давая ей дорогу, въ двери, покачнулся и сейчасъ же сѣлъ на кровать.

Меньшовъ не замѣтилъ этого. Сердце у него щемило и билось.

XIX.

Иванъ сидѣлъ на краю кровати, въ картузѣ и въ ваточномъ пальто. Онъ видѣлъ, какъ Меньшовъ схватился рукой за грудь и опустился на стулъ, около самовара.

— Чтò, Антонъ Егорычъ? Иль приспичило? Непріятности, значитъ, пошли съ барышней? Съ женскимъ поломъ не свой братъ хороводиться?

— Ничего... отошло.

На блѣдномъ лбу Меньшова выступили капли пота.

— Коли тебѣ неможется — поди, лягъ на постель. Вижу, я непрошеный гость—хуже татарина.

И онъ поднялся и подошелъ къ Меньшову.

— Лягъ, Антоша... Сердце нѣшто бьется? У меня, братъ, это бывало. Лягъ, милый. Не храбрись; а потомъ хуже будетъ.

Онъ взялъ его подъ локоть и повелъ къ кровати.

Тутъ только Меньшовъ замѣтилъ, что Спиридоновъ сильно выпилъ.

— Ты откуда?—спросилъ онъ вдругъ ослабшимъ голосомъ.

— Откуда?—переспросилъ Иванъ, когда тотъ прилегъ на постель.—Послѣ смѣны и у меня, братъ, заныло вотъ тутъ,— онъ указалъ на грудь, — только по другому.—И я зашелъ въ

„депо“... понимаешь—какое? А потомъ вотъ къ тебѣ потянуло. Куда же я больше пойду, другъ ты мой любезный? Да и ты, Антоша... Богъ съ тобой!—Иванъ махнулъ рукой.—Горько мнѣ, горько, можетъ горше всего, что я для тебя все едино, что вотъ это...

Иванъ концомъ сапога отпихнулъ на полу окурокъ папиросы.

Отъ него сильно пахнуло виномъ. Такимъ Меньшовъ еще никогда не видалъ его. Ему было извѣстно—на другой же день —что̀ случилось съ Мароой. Но видѣлись они мелькомъ третьяго дня, когда, на дворѣ, Иванъ, съ дрожью въ голосѣ, признался ему, что чуть не задушилъ и не зарѣзалъ жену. Ее прогнали съ фабрики, и онъ за нее просить не сталъ. Она теперь—въ слободкѣ, ходитъ на сосѣднюю фабрику поденщицей. Машутку онъ ей не отдалъ и держитъ при себѣ. Управляющій и Павелъ Павлычъ дѣло замяли, во вниманіе къ его службѣ.

Жалобный тонъ Ивана Меньшовъ объяснилъ хмелемъ.

И сейчасъ же, какъ только ему стало полегче — онъ приподнялся въ кровати и жестомъ руки остановилъ упрекъ Ивана.

— Вотъ это, братецъ, не ладно,—заговорилъ онъ, все еще ослабшимъ голосомъ,—что ты свои непріятности началъ въ винѣ топить. Лекарство плохое.

— Нѣшто я не знаю?

— Видно, не знаешь... Это въ тебѣ мужицкая закваска сидитъ. Чуть на что нарвался — надо, видите ли, за сорокоушку приниматься. Что̀ же ты думаешь... У меня совѣсть-то не такая же, какъ у тебя? И я, братъ, гордъ! Гордости у меня побольше, чѣмъ у васъ всѣхъ, кто здѣсь на фабрикѣ значится. Твоей чести у тебя никто не отниметъ. Баба—шалая, а то и полусумасшедшая. Можетъ, въ ней это безуміе дѣйствовало, что она куски ситцу воровала? Такая болѣзнь есть... я читалъ. Она тебѣ давно опостылѣла. Ни чуточки ты ее не любилъ, да и любить не могъ. Ну, прогнали ее. И превосходно! Тебѣ же лучше. Забудь, что она на свѣтѣ есть... Живи себѣ... вдовцомъ. Ну, сойдись, что-ли, съ молодой, неглупой бабёнкой. Изъ-за чего же, скажи на милость, сейчасъ въ „мерехлюндію“ удариться и въ „депѣ“ сивуху тянуть? Вотъ она, хваленая-то твоя крестьянская душа, и сказывается. Чуть что̀—и сивуха! Неловко тебѣ оставаться здѣсь, не можешь ты подмастерьемъ положеніе свое сохранять послѣ такой исторіи — иди въ другое мѣсто. Покажи, какая тебѣ цѣна! Только не распускай ты, братецъ, мужицкія нюни. Противно смотрѣть!

Меньшовъ всталъ и нервно заходилъ по комнатѣ. Иванъ сидѣлъ у стола, съ опущенной головой и все еще въ картузѣ.

— Стой, Антонъ Егорычъ!—вдругъ крикнулъ онъ и выпрямился.—Будетъ! Ты—умникъ. Мы это знаемъ... Не за этимъ меня сюда тянуло.

— За чѣмъ же?

— Ты не догадываешься? Есть ли въ тебѣ душа? Или одни мозги? Значитъ, тѣ, кто тебя давно понимаютъ, правду истинную говорятъ, что нѣтъ у тебя жалости ни къ кому. Ни мужика ты не жалѣешь,—а самъ крестьянскій сынъ,—ни фабричнаго, ни бабъ, ни дѣвушекъ, ни подростковъ, ни ребятъ... Не желаешь ты понять, каково твоему благопріятелю—подмастерью Ивану Прокофьеву?.. Да и какой я тебѣ пріятель? что̀ я такое въ твоихъ глазахъ? Мразь? Ничтожество? Мужицкая мерехлюндія во мнѣ дѣйствуетъ? „Чуть что—и сивуха"!... Да, братъ, она только и вышибаетъ маленько изъ тебя червоточину-то, которая сердце гложетъ. Ты вонъ — Иванъ показалъ головой на стѣну—не совѣстился барышню хорошую къ себѣ прилестить и ни крошечки тебѣ ее не жаль! Все равно, что первую попавшуюся паскуду! Эхъ, Антонъ Егорычъ! Антонъ Егорычъ!

Онъ всталъ, подошелъ къ Меньшову и положилъ ему руку на плечо.

Тому стало какъ будто неловко.

— Что̀ жъ ты собственно хочешь?—глуховато вымолвилъ онъ.

— Чего? Денегъ, братъ, взаймы не буду просить. И то сказать—нѣшто ты мнѣ брательникъ, что-ли, достался? Не то что на меня, ты на всѣхъ неглижа̀ смотришь.

Онъ поднялъ голову и показалъ—ка̀къ.

— Какая тебѣ сухота оттого, что подмастерье Иванъ Прокофьевъ сопьется? А оно къ этому идетъ.

Пошатываясь, Иванъ опять присѣлъ на край постели.

— Мужицкая душа,—говоришь ты. Это точно. Отецъ спился. Ну, и я. Вѣришь, Антоша, сразу меня потянуло.

— Выдумаешь! Всегда любилъ выпить.

— Съ пріятелемъ... стаканчикъ... пивка бутылку-другую. А такъ, съ той самой ночи... когда я ее, подлую, за горло схватилъ... выше это силъ моихъ! Днемъ—ничего, а къ вечеру—засосетъ и засосетъ. Можетъ, и хватило у меня бы силъ превозмочь... да нѣтъ около меня никого... Ровно въ острогѣ... Народъ кишитъ, машины зудятъ, ни одной секунды нѣтъ такой, чтобы встряхнуться, чтобы на тебя другимъ воздухомъ пахну̀ло. Зазорно идти... ну, хоть бы къ Надеждѣ Николавнѣ.

— Къ гувернанткѣ къ твоей?

— Зазорно, братъ. Я знаю—какъ она теперь на меня смотритъ. Нужды нѣтъ, что Марѳа осрамила меня. Ей извѣстно, что я ее душилъ. Та, подлая, къ ней жаловаться бѣгала, хотѣла Машутку себѣ оттягать. Вонъ и ты говоришь, что такая болѣзнь бываетъ—крадутъ безъ всякаго основанія. Не повѣрю, ни въ жисть не повѣрю. Скряга она была всегда, копила, куски ворованные продавала. Слѣдовало бы у ней все добро отобрать. Да мнѣ провались она во всѣ тартарары!—крикнулъ онъ и махнулъ отчаянно рукой.—Тоску она во мнѣ зажгла неутолимую... И вотъ я съ ней, съ этой тоской, отъявился къ господину Меньшову... первой башкѣ на всей нашей фабрикѣ и другу своему. А онъ, другъ-то, мнѣ:—мужикъ, молъ, въ тебѣ сидитъ, за сивуху принялся—туда тебѣ и дорога!

Иванъ опустилъ голову въ ладони и тихо заплакалъ.

Было что-то дѣтски-безпомощное въ этихъ слезахъ. Меньшовъ пододвинулся къ нему и положилъ ему руку на плечо.

— Ступай домой!.. Не юродствуй, Иванъ Прокофьичъ. Мнѣ тебя жаль. Но противъ своего убѣжденія я говорить все-таки не буду. Извѣстное дѣло, мужицкая дичь въ тебѣ всколыхнулась и потянула къ водкѣ. Еще разъ скажу, ежели тебѣ здѣсь противно —уходи! Ты хорошій работникъ. Мало ли прядильно-ткацкихъ фабрикъ? Волчьяго паспорта тебѣ не дадутъ: ни въ чемъ пока зазорномъ тебя обвинить не могутъ. А будешь такъ малодушествовать—черезъ годъ ты пропойца!

Помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Вы вотъ меня съ гувернанткой твоей, Надеждой Николаевной, записали въ изверги естества. Ни за что-де онъ не держится. Сердца нѣтъ, правилъ никакихъ! Хуже всякаго червоннаго валета! Такъ вѣдь? Эхъ, братъ Иванъ! Не стану я—особливо теперь—загулявшему человѣку—душу свою изливать. Да будь ты и трезвый—не сталъ бы. Ты хнычешь—одинъ-де я горемыка, не къ кому мнѣ идти! А я къ кому пойду? И кто знаетъ, что̀ меня мозжитъ и засасываетъ? И пристало ли мнѣ всѣхъ жалѣть, когда меня никто—не то что жалѣть... жалости мнѣ не надо, а хоть распознать сколько-нибудь, что̀ во мнѣ сидитъ—и того не сможетъ. Ступай спать, Иванъ! не малодушествуй!

Онъ взялъ Ивана подъ-руку и потихоньку повелъ къ двери. Тотъ не упирался; только у порога закинулъ голову и протянулъ обѣ руки, какъ бы желая положить ихъ на плечи.

— Вотъ и все напутствіе отъ вашего степенства?—выговорилъ онъ ослабшимъ голосомъ.—Покорно спасибо за неоставленіе.

Снѣжокъ попархивалъ въ ночномъ морозномъ воздухѣ, когда Иванъ сходилъ съ крыльца.

Отъ холодка къ головѣ его сейчасъ же прилило, и хмель зàново зашумѣлъ въ ней.

Онъ оглянулся—куда ему идти.

„Спать“ посылалъ его Меньшовъ. Но ему его каморка и безъ Мароы такая же постылая, какою была при ней. Да и не можетъ онъ спать. Душа у него еще сильнѣе болитъ, чѣмъ до разговора съ пріятелемъ. Не зачѣмъ больше къ нему шляться: ничего онъ не найдетъ у него—ни отвѣта, ни привѣта. Только умничаетъ, да самого себя поднимаетъ превыше звѣзды стоячей.

Чтò ему? Сегодня онъ здѣсь, завтра въ Москвѣ очутится или въ Питерѣ. Высоко мѣтитъ. И какіе у него въ головѣ сокровенные планы — про то онъ знаетъ. Добраго въ нихъ ничего не должно быть. Ежели ему и удастся какая-нибудь сокрушительная механика — на одну смуту и гибель „барановъ“, фабричнаго мужичья.

— Наше почтеніе, Антонъ Егорычъ!—послалъ онъ ему съ поклономъ, обернувшись къ казармѣ, гдѣ жилъ Меньшовъ.—Счастливо оставаться! Больше васъ безпокоить не будемъ!

Онъ все это проговорилъ вслухъ, и болѣе скорымъ шагомъ пошелъ не направо, къ своей казармѣ, а прямо — въ узкій проулокъ.

Который былъ часъ—у него совсѣмъ вылетѣло изъ памяти. Свѣтъ отъ электрическихъ фонарей все такъ же льется, гулъ изъ главнаго корпуса все такъ же долетаетъ до ушей. Развѣ истый фабричный можетъ различать время? Для него все едино: рано или поздно; чтò для добрыхъ людей день, то для него ночь, и наоборотъ.

Ночь—такъ ночь! Съ кѣмъ бы ее скоротать? Вонъ Антонъ Егорычъ, господинъ тайный агентъ и соблазнитель женскаго пола... Тому не надо искать. У того все подъ бокомъ. За стѣной барышня прислушивается—отецъ съ матерью захрапѣли, и она, въ однихъ чулкахъ, чтобы не слышно было, пробирается и стучится къ любезному дружку. А дружокъ-то, пожалуй, и не впуститъ. Куражиться начнетъ. Много у него такихъ въ годъ перебываетъ... при его красотѣ да тонкомъ обхожденіи.

А онъ, Иванъ Прокофьевъ, вотъ больше года монахомъ живетъ. Дуракъ! Оболтусъ! Соблюдалъ себя—для кого? Сколько лѣтъ, въ мечтаніяхъ своихъ, тоскуетъ о „подругѣ“, которая

могла бы его понимать. Замѣсто того—пустое мѣсто!.. У всякаго шуровщика припасена сударка, а образцовый мастеръ, про котораго въ газетахъ писали, куда теперь пойдетъ, къ кому заберется?

Тамъ, въ слободкѣ, къ какой-нибудь паскудной вдовѣ-солдаткѣ, промышляющей гнуснымъ ремесломъ подкупать и спаивать дѣвушекъ.

И точно его что̀ кольнуло въ самое сердце, когда онъ подумалъ о своей „сестрицѣ“ Дуняшѣ. Неужто и она — такая „фря“, что не хочетъ его знать именно теперь, когда его посѣтило большое горе? Или боится нарваться на скандалъ съ Мароой? Такъ, небось, ей извѣстно, что Мароы нѣтъ на фабрикѣ. Почему бы ей, какъ сродственницѣ, не поселиться у него въ одиночной каморкѣ?

Этотъ вопросъ не показался ему „несуразнымъ“. Въ головѣ все еще шумѣло. Лицо Дуняши—глаза, брови, высокая грудь, голосъ—все это заиграло передъ нимъ.

Къ кому же пойти отвести душу, какъ не къ Дуняшѣ? Она—умница, и къ нему всегда съ большимъ почтеньемъ. Давно бы она прибѣжала, еслибъ не боялась. Подумала: Мареа оговоритъ еще пожалуй, по насердкамъ. Ничего нѣтъ мудренаго!

Сильно потянуло его къ Дуняшѣ. Живетъ она во вдовьей каморкѣ. Экая важность! Далъ на чай сторожу. Вызоветъ въ корридоръ. Она—баба, у ней нѣтъ ночной работы. Она до пятаго часа утра—свободна.

Вотъ и ея казарма. Иванъ поднялся на крыльцо. Сразу сторожа онъ не примѣтилъ; тотъ задремалъ на скамьѣ, въ сѣняхъ.

Можно и безъ него обойтись. По лѣвой сторонѣ третья дверь. Забраться прямо въ каморку? „Переполошится“!—точно подсказалъ ему чей-то голосъ. Послѣ десяти часовъ сторожами мужчины не пускаются въ казармы, гдѣ одинъ женскій полъ.

„Экая важность“! На него напало озорство. Въ корридорѣ было довольно свѣтло. Онъ уже подходилъ къ третьей двери, какъ сзади его схватилъ сторожъ.

— Ты куда? Къ бабамъ полѣзъ?

Отъ него пахло виномъ, не меньше, чѣмъ отъ Ивана.

— Нишкни! Чего орешь? — осадилъ онъ сторожа. — Опохмелиться захотѣлъ?

— Сволочь! Мазура!

Сторожъ схватилъ его за шиворотъ и поволокъ. Иванъ бѣшено рванулся и толкнулъ его въ грудь. Тотъ упалъ. На шумъ выскочило нѣсколько работницъ.

— Батюшки! Иванъ Прокофьичъ! — раздался и голосъ Дуняши.

Ивана поволокли въ „будку“. Дорòгой попался имъ хожалый Благомѣрный.

— Максимъ Ефимычъ! — взмолился онъ ему. — Смирите вашу команду!..

Сторожъ, который схватилъ Ивана въ корридорѣ, сильно ругался.

Хожалый — сохраняя, какъ всегда, большое спокойствіе— прикрикнулъ на него.

— Винищемъ-то отъ тебя какъ разитъ!

Ему непріятно было за Ивана. Парень хорошій, не скандалитъ; а очутился, въ непоказанное время, въ женской казармѣ.

Запереть обоихъ въ будку—ему не хотѣлось. Онъ пугнулъ весь лишній народъ, какой увязался за ними, и, отойдя за уголъ, къ стѣнкѣ, живой рукой разсудилъ—какъ тутъ быть. Сторожа онъ еще разъ распекъ за то, что онъ „выпимши“ и „дрыхнулъ“, когда Иванъ вошелъ на крыльцо, и вò-время не окликнулъ его. Въ каморку къ женщинамъ Спиридоновъ не вламывался, а, видимое дѣло, опознался. За шиворотъ хватать его, какъ вора, во всякомъ случаѣ не слѣдовало.

Сторожъ не сразу унялся и хотѣлъ жаловаться управляющему. Благомѣрный погрозилъ ему—если онъ не уймется—сдѣлать докладъ, за который онъ изъ сторожей вылетитъ. Сторожъ примолкъ и сталъ даже просить прощенья.

Хожалый повелъ Ивана къ его казармѣ. Тотъ немного отрезвѣлъ.

— Не могу и васъ похвалить, Иванъ Прокофьичъ,—назидательно выговорилъ онъ.—Въ такой часъ... И можно сказать— въ подпитіи!

Иванъ пристыженно молчалъ.

XX.

Все блестѣло свѣжимъ снѣгомъ на солнцѣ. Полуденная смѣна въ обоихъ корпусахъ уже началась.

Накинувъ на себя короткую шубейку на бѣличьемъ мѣху, шла Авдотья дробнымъ шагомъ въ вдовью каморку.

Она работала въ большомъ корпусѣ, въ отдѣленіи катушечницъ или „моталокъ“,—какъ всѣ ихъ зовутъ на фабрикѣ. Ее

недавно, какъ очень способную, перевели на размотку крашеной пряжи, гдѣ „расцѣнокъ“ выгоднѣе.

Легкій морозецъ пощипывалъ ей щеки. Она пополнѣла съ тѣхъ поръ, какъ ушла изъ деревни. И никто бы не призналъ въ ней деревенской бабёнки. Она носитъ особый нарядъ франтихъ моталокъ — рубашку съ низкимъ корсетомъ изъ чернаго люстрина и съ помочами — при цвѣтной матерчатой юбкѣ. И обута она совсѣмъ по городскому—въ высокія ботинки на толстыхъ подошвахъ; на головѣ—небольшой шолковый платокъ. Въ своей палатѣ она „шикарнѣе“ другихъ, даромъ что тамъ всѣ почти родились на фабрикѣ, грамотны, книжки читаютъ и умѣютъ танцовать „лянцé“.

Онѣ тоже щеголихи, но только по воскресеньямъ, когда не на работѣ; а за своими „катушками“ онѣ кое въ чемъ—въ запачканныхъ кофтахъ и обтрепанныхъ юбкахъ, плохо причесаны и въ стоптанныхъ башмакахъ. Авдотья—и за работой—чистоплотна, даже корсетъ надѣваетъ. Ей не хочется слишкомъ полнѣть въ груди.

Нѣтъ ничего мудренаго, что мужчины давно стали наводить на нее „стрѣлябу“, какъ острятъ нѣкоторые шутники. Но она, до сихъ поръ, слѣдитъ за собою. И своего Власа она любитъ, и все мечтаетъ о томъ—какъ онъ, когда кончитъ службу—будетъ здѣсь работать, и заживутъ они вдвоемъ припѣваючи, наймутъ въ домикѣ, у своего ляховскаго, комнатку, рубля за три, и вдвоемъ будутъ заработывать рублей до тридцати-пяти.

Ей вдвойнѣ надо держать себя строго. Сейчасъ же, женскій полъ сталъ прохаживаться на ея счетъ, что, молъ, она—тайная полюбовница Ивана Спиридонова. Одну она, на первыхъ порахъ, обрѣзала. Въ глаза ее не дразнятъ; а плетутъ, поди, еще пуще прежняго. Нелады Ивана съ женой тоже на нее сваливали: сочинили, кажется, цѣлую исторію — какъ Мароа ихъ „накрыла“, и подмастерье смертельно избилъ ее; а потомъ началъ отнимать у нея ея трудовыя деньги и „Дуньку“ одаривать.

„Это, молъ, и довело Мароу до того, что она стала воровать ситцы и теперь должна бѣдствовать на черной работѣ. И дочери ее лишила“.

Авдотьѣ жаль до сихъ поръ Ивана. Она знаетъ, что онъ къ ней расположенъ. Еслибъ она желала, тутъ дѣло бы пошло на большой ладъ. Но она сама этого не хочетъ. Вотъ почему она и теперь, когда Иванъ живетъ безъ жены — сторонится, почти совсѣмъ къ нимъ не заходитъ. И Машутку она готова бы

обласкать, погулять съ собой взять, да кто ее знаетъ! Дѣвочка—потихоня. Пожалуй, и она считаетъ ее разлучницей.

Вотъ и сегодня у нея вышелъ такой разговоръ съ подмастерьемъ ея отдѣленія, что надо ухо востро держать. Подмастерье—холостой, лѣтъ тридцати, на видъ совсѣмъ молодой и великій франтъ: въ голубыхъ шолковыхъ блузахъ ходитъ, часовая цѣпочка позолоченая, помадится и сапоги блестятъ, точно зеркало. Обхожденіе у него тонкое. До послѣдняго времени ничего особеннаго она отъ него не замѣчала. А теперь начинаетъ подбираться къ ней. Были и посулы. Брыкаться она не станетъ, но въ дружки его не возьметъ. У него перебывало навѣрно больше полудюжины и вдовъ, и солдатокъ, какъ она, и „барышенъ". Смазливъ и тароватъ—это точно. А все-таки она положила соблюдать себя, и съ этой точки трудно будетъ ее столкнуть. Нужды нѣтъ, что она любитъ наряды. На это соблазняться—значитъ собой торговать. Есть вонъ тамъ, въ слободкѣ, отчаянныя изъ вдовъ, что за двугривенный ихъ можно „прилестить". Нѣшто это не все едино, разъ ты идешь на интересъ: двугривенный, или штука матеріи, или пальто „дипломатъ"?

Ей хватаетъ на все. Изъ деревни привезла она не мало платья. На ѣду у нея идетъ немного. Митюнька ей почти ничего не стоитъ, съ тѣхъ поръ какъ она оставляетъ его по цѣлымъ недѣлямъ въ пріютѣ.

Авдотья скоро стала разсуждать по-своему и находить, что на фабрикѣ можно, при умѣньѣ и снаровкѣ, устроиться, какъ нигдѣ.

Вотъ хоть-бы этотъ самый пріютъ... У глупыхъ бабъ такой идетъ толкъ, что-де зазорно оставлять тамъ своихъ ребятъ.

Почему зазорно? Они ни у кого чужого мѣста не отбиваютъ. Затѣмъ и пріюты устроили, чтобы въ нихъ дѣтей призрѣвать.

Митюньку своего она любитъ и хотѣла-было сначала держать его при себѣ въ каморкѣ. Мальчуганъ онъ тихій, а все же реветъ. Другіе стали обижаться, особливо по ночамъ. Няньку пришлось при немъ держать—лишній расходъ. Да и пошли сейчасъ непріятности. Дѣвчонка попалась баловница и неряха. Помаялась такъ, не много, не мало, около двухъ мѣсяцевъ. Понесла въ пріютъ. Митюнька отъ груди поздно отсталъ; съ добрый мѣсяцъ она его спервоначалу въ ясли носила и ходила сама кормить, а потомъ начала и совсѣмъ на житье оставлять по недѣлѣ; съ субботы вечера беретъ и держитъ при себѣ все воскресенье. Тамъ за нимъ уходъ барскій. Въ такихъ кроватяхъ

ему—когда выростетъ—ни въ жизнь не спать. И пища, и все прочее.

Во все надо съ умомъ войти, не бояться ничего зря и на другихъ не накидываться. Вотъ хоть бы намеднишняя исторія съ Иваномъ Прокофьичемъ... Куда она для нея была чувствительна. Загуторили опять: „къ Дунягаѣ, молъ, въ ночевку пробирался“. Будь у нея другой характеръ—и пошла бы между ними „битвà“ на всю казарму. А она переждала. Пускай себѣ чешутъ языки. Денька черезъ три, она—вотъ въ обѣденный тоже часъ—сама завела объ этомъ разговоръ „тихо, благородно“, и только ехидна какая стала бы послѣ того корить ее въ чемъ-нибудь. Притомъ же и никакого разбирательства изъ этого не вышло. Сторожъ самъ былъ выпивши не меньше, чѣмъ Иванъ Прокофьичъ.

Что ея „братецъ“ теперь „зашибается“ — это ей очень и очень обидно. Такой хорошій человѣкъ, въ подмастерьяхъ и начальствомъ былъ всегда отличенъ, а чего гляди — „свихнется“. И мудренаго ничего нѣтъ!.. Съ горя! Съ тоски! Не можетъ сраму до сихъ поръ, перенести — жена воровкой оказалась. Да и это еще не главная причина. Постылая жизнь тянулась сколько лѣтъ, съ такой колотовкой. Мужчина еще молодой—и въ полномъ одиночествѣ. Другой бы, на его мѣстѣ, давно обзавелся; а у него никого нѣтъ, это она доподлинно знаетъ.

Кому же и знать, какъ не ей? И что̀ мудренаго, что его тогда, ночью, выпивши, потянуло къ ней, къ молодой бабѣ, да еще къ сродственницѣ. Живи она одна—ничего бы тутъ зазорнаго не было. Она и теперь рада бы была „разговорить“ его горе,—разумѣется, по-честному; да она по неволѣ должна держаться въ сторонѣ.

— А все-таки,—рѣшила Авдотья про себя, когда подходила уже къ крыльцу своей казармы: — завернуть надо завтра къ Ивану; по крайности хоть Машутку провѣдать и гостинца ей снести.

Дѣвочка не больно къ ней льнетъ. Ничего! Обойдется. Надо только время выгадать и свою линію вести.

Вотъ въ Ляховѣ, кажется, какая началась „ненàвисть“. Шутка сказать: отъ батюшки ушла по доброй волѣ. Но она сору изъ избы не выносила, не стала жаловаться по начальству. Сидоръ, небось, не посмѣлъ поносить ее на письмахъ сыну; а она дала понять Власу, что ей иначе нельзя было поступить.

И все обошлось. Ляховскіе первые стали къ ней засылать. Она не отказывается имъ помогать. А имъ теперь каждый рубль

втрое дороже, съ той поры, какъ Иванъ Прокофьевъ съ дяденькой—„въ охлажденіи“, домой совсѣмъ почти не ходитъ, платитъ только за мать, да подати внесъ. И „свекровьюшка“ навѣщала какъ-то и просила насчетъ дѣвочки своей. Она черезъ другихъ ляховскихъ знаетъ, что Авдотья на хорошей линіи. Къ себѣ ка́къ зовутъ!—на Михаила Архангела...

„Приходи, молъ, голубка! Мы пиво варить будемъ. Безъ тебя намъ и праздникъ не въ праздникъ“.

И „езуитъ“ Сидоръ Петровичъ съ ней—на „тонкомъ обхожденіи“, и виду не подаетъ, что между ними что-нибудь вышло.

Въ корридорѣ было уже большое снованіе, когда Авдотья отворила дверь въ свою каморку.

Въ комнатѣ помѣщалось четырнадцать наръ, въ два этажа, по лѣвую сторону отъ входа вплоть до потолка. У оконъ — бѣлый столъ. По правой сторонѣ — образа и рядъ шкапчиковъ. Каждая жилица вела свое хозяйство. Ихъ нѣкоторые остряки звали „кусочницы“, потому что онѣ ѣдятъ кое-какъ и кое-что, и все въ „раздѣлку“.

Ни въ этой, ни въ другихъ каморкахъ нѣтъ артельной ѣды, какъ у мужчинъ, въ помѣщеніяхъ, гдѣ живетъ до тридцати и больше человѣкъ.

Еще недавно помощникъ управляющаго заходилъ къ нимъ съ однимъ стороннимъ посѣтителемъ—показывалъ новую казарму. И пришли они объ эту же пору, въ обѣденную смѣну. Посѣтитель удивлялся—какъ это онѣ живутъ какъ въ монастырѣ, а общежитія у нихъ нѣтъ. Сообща онѣ навѣрно бы лучше ѣли. Кто побойчѣе—стали отшучиваться.

— Главная причина—экономить желаютъ на пищѣ, — объяснилъ помощникъ.—Извольте поглядѣть! Вотъ на что̀ у нихъ деньги идутъ!

И онъ показалъ на нары.

Надъ каждой койкой пестрѣли юбки, кофты, разное другое тряпье. Но исправной постели не было ни у кого... Засаленная подушчонка въ ситцевой наволокѣ, войлокъ, кое-какое одѣялишко...

Авдотья, какъ только вошла, сейчасъ же взяла изъ шкапчика чашку, деревянную ложку и солонку, поставила на свой уголъ стола и сходила за своимъ горшкомъ на кухню.

Изъ ея сожительницъ—не всѣ были тутъ. Нѣкоторыя еще не возвращались или позамѣшкались около печей, съ своей

стряпней. Двѣ успѣли поѣсть и сидѣли на окнахъ. Одна уже завалилась спать.

За столомъ сидѣла довольно уже пожилая вдова, съ потемнѣлымъ лицомъ и тонкими губами выпивающей бабы. Она ѣла какое-то крошево; трудно было распознать, изъ чего оно состоитъ. Только запахъ несвѣжей рыбы давалъ о себѣ знать. Другія двѣ—еще молодыя дѣвушки или бабёнки — хлебали каждая изъ своего горшка; четвертая пила чай въ прикуску и закусывала сухими баранками. День былъ постный.

Почти всѣ, кто жилъ въ этой каморкѣ, приносятъ по воскресеньямъ изъ деревни чтò случится: муки, пшена, картошки, молока, творогу. Молоко у нихъ идетъ всю недѣлю и прокисаетъ.

Авдотья ѣдой больше другихъ занималась; съ тѣхъ поръ, какъ ляховскіе къ ней стали подъѣзжать, у нея всегда есть деревенскій приварокъ. Вотъ и сегодня она принесла въ горшкѣ что-то вкусное — смастерила кашицу съ грибами, на постномъ маслѣ. Кромѣ чернаго хлѣба, у нея водился всегда и папушникъ.

Она стала аккуратно ѣсть, поздоровавшись съ тѣми, кто сидѣлъ за столомъ.

Отъ вдовы съ бурымъ лицомъ уже шелъ спиртный духъ.

— Хлѣбъ-соль, Устинья Наумовна! — привѣтливо сказала она ей.

— Покорно спасибо! Сластёна ты, Дуняша! Варево-то у тебя какое!

— Не хочешь ли отвѣдать?

— Нѣтъ ужъ... теперь ни къ чему.

Авдотья часто предлагала что-нибудь тѣмъ, кто около нея ѣстъ, охотно давала взаймы чаю и сахару. Сегодня она чай пить будетъ позднѣе; надо сходить провѣдать Митюньку.

Одна изъ „барышенъ", сидѣвшихъ на окнахъ, грызла сѣмечки. Она обернулась и окликнула:

— Дуняша, а Дуняша! Ты ловко нынче отшутилась!

Моталка намекала на подмастерья.

— Онъ своего добьется! — сказала Устинья. — Ему у васъ житье...

— Это почему? — подхватила катушечница, сидѣвшая съ книжкой на другомъ окнѣ.—Не очень-то мы его боимся! Воображаетъ себѣ не вѣсть чтò!

— Ну, смотри!—остановила ее первая.—Онъ тебя сцапаетъ... съ книжкой.

— Не больно испугалась.

— И книжку отыметъ!

— Пущай! Не большая сухота... Книжка не моя.

— Ишь ты!—протянула Устинья.—Книжки читаетъ на работѣ! Вотъ привередница-то!

— Тетенька! — отозвалась барышня съ книжкой: — нѐшто это зазорнѣе, чѣмъ чарочки придерживаться?

Всѣ засмѣялись, кромѣ Авдотьи.

Она только чуть-чуть усмѣхнулась.

— Нечего! Чарочки! Вы мнѣ, небось, подносите?

Но браниться Устинья не стала. Она чаще другихъ занимала по мелочамъ у своихъ однокаморочницъ. Ту моталку, что сидѣла на окнѣ съ книжкой, она терпѣть не могла за скаредность; но побаивалась ея язычка. Пожалуй, какъ разъ выдастъ ее—пустую сорокоушку найдетъ и покажетъ сторожу, или начнетъ—за работой—потѣшаться и представлять ее, когда она лишнее выпьетъ и станетъ что-нибудь зашивать: какъ у нея нитка не попадаетъ въ иголку.

Авдотья тоже не особенно долюбливала эту грамотѣйку. Читать-то она читаетъ; а все-таки никто что-то за ней не ухаживаетъ. Худа какъ щепка, одѣваться не умѣетъ, сшила себѣ красное платье и форситъ въ немъ, по праздникамъ, а на работѣ—чумичка-чумичкой!

Эта-то моталка—Авдотья знала—всего больше про нее судачила, на первыхъ порахъ—и насчетъ исторіи въ корридорѣ—тоже пускала шпильки. Но теперь и та притихла — Авдотья съумѣла довести ее до другого обхожденія. Не дальше, какъ третьяго дня — та ходила куда-то въ гости и брала у нея кисейную манишку и цвѣтную ленту—въ волосы.

Авдотья убрала все свое со стола, что-то достала въ сундукѣ—пряникъ для Митюньки,—надѣла свою шубу въ рукава и поплотнѣе повязала голову платкомъ.

— Будьте здоровы!—попрощалась она со всѣми.

День стоялъ всей такой же солнечный. Снѣгъ хрустѣлъ у нея подъ ногами. Она, легкимъ шагомъ, миновала еще нѣсколько казармъ и взяла влѣво, въ проѣздъ. Въ глубинѣ его выступалъ веселый, свѣтло-сѣрый фасадъ двухъ-этажнаго деревяннаго дома, съ крыльцомъ и широкой верандой, передъ палисадникомъ.

Ей совсѣмъ не стыдно навѣщать своего мальчугана. Она не прибѣдняется и передъ начальницей пріюта не „поетъ Лазаря“; но каждый разъ благодаритъ ее „за неоставленіе“. Еслибъ за

Митюньку назначили плату, для нея не тяжелую—она бы платила съ радостью; но платы не полагается—и того лучше.

Изъ чистыхъ и просторныхъ сѣней она поднялась сейчасъ же во второй этажъ, откуда доносились дѣтскіе голоса.

Авдотья попала сперва въ продолговатую комнату съ двумя рядами металлическихъ колыбелей. Въ нихъ лежали грудныя дѣти. По правой стѣнѣ, тотчасъ подлѣ входной двери, на скамейкахъ сидѣли три молодыя матери — изъ работницъ. Она ихъ всѣхъ знала. Всѣ три кормили своихъ ребятъ и всѣ три—разомъ—молча поклонились ей. Одна смотрѣла еще совсѣмъ деревенской молодкой. Изъ-подъ свѣтлаго ситцеваго платка виднѣлся даже крестьянскій повойникъ.

Въ этой залѣ стояла полная тишина. Одна сидѣлка прохаживалась между двумя кроватями, другая что-то шила у окна.

Въ слѣдующей залѣ—подлиннѣе и пошире — играли и бѣгали больше дюжины дѣтей—такихъ, какъ ея Митюнька—„недѣльныхъ“, что живутъ съ субботы до субботы. Были тутъ и двое-трое настоящихъ пріютскихъ „сиротъ“, которыя поменьше; остальные оставались внизу, въ спальнѣ—обширной комнатѣ перваго этажа—слѣва отъ входа въ сѣни.

Митюнька сидѣлъ на низенькой скамейкѣ и что-то такое мастерилъ изъ чурочекъ. Около него стояла дѣвочка-подростокъ, которая только-что передъ тѣмъ водила его, поддерживая подъ мышки. Онъ могъ уже, покачиваясь своимъ пухленькимъ тѣломъ, ходить и безъ посторонней помощи.

Дѣвочки и мальчики—чистенько одѣтые—громко поздоровались съ Авдотьей. Она часто давала имъ пряники, но такъ, чтобы не видали сидѣлки или начальница.

Мальчикъ ея не замѣтилъ сразу прихода матери. Онъ, съ лѣта, сильно выросъ, раздобрѣлъ въ лицѣ и волосики курчавились у него на лбу и на вискахъ.

— Митюнька, а Митюнька! — окликнула его Авдотья, подойдя къ скамейкѣ.

Митюнька поднялъ голову, мотнулъ ею раза два, радостно замигалъ и потянулся къ матери. Онъ еще мало говорилъ и только, въ минуты особаго удовольствія, выпаливалъ какое-нибудь звонкое и ему одному понятное слово.

Авдотья присѣла къ нему и обдернула на немъ рубашонку.

— Не балуется?—спросила она у дѣвочки.

— Нѣтъ, ничего.

Она знала, что мальчуганъ ея умненькій и всѣ его любятъ. Каждый разъ, захаживая къ нему, она называла дурами

тѣхъ матерей, которыя стыдились относить или отводить сюда дѣтей.

Такъ здѣсь чисто и просторно! За всѣми ли господскими дѣтьми есть такой уходъ? Однѣ кроватки чего стоютъ! Правда, думала она, послѣ-то, когда Митюнька подростетъ, онъ долженъ будетъ лежать на нарахъ, въ общей каморкѣ! Что-жъ за бѣда! По крайней мѣрѣ, хоть въ ребятахъ-то будетъ чѣмъ вспомнить хорошее житье въ пріютѣ; да и самъ пріучится къ чистоплотности, не валяться на грязномъ тряпьѣ, подъ вонючимъ полушубкомъ. Вѣдь и она спитъ на нарахъ; а у нея есть и подушка, и одѣяло—чище и аккуратнѣе, чѣмъ у самыхъ франтоватыхъ моталокъ.

Изъ другой двери показалась рослая фигура начальницы— въ сѣдыхъ волосахъ и сѣромъ платьѣ съ пелериной.

И она любила Митюньку, и каждый разъ сама заговаривала съ его матерью.

Авдотья, какъ только ее завидѣла, поднялась и, по-крестьянски, отвѣсила ей низкій поклонъ.

— Много благодарны вамъ, матушка барыня!—подойдя, говорила она начальницѣ.

— Видишь, какой онъ у насъ гладкій! — ласково замѣтила старуха, проводя ладонью по большой круглой головѣ Митюньки.

— Много довольны... Пряничка можно?

— Не очень-то полезно, милая, пичкать сладостями.

— Всего одинъ, матушка... А коли не прикажете — я не дамъ.

Глаза Митюньки заходили при словѣ „пряникъ", и онъ протянулъ лѣвую ручонку къ матери.

Та кивнула ему головой: „подожди, молъ, не приставай".

— Вотъ говорить-то онъ у насъ туговато,—замѣтила начальница.

— Здѣсь скорѣе пріобыкнетъ.

— Пожалуй. У него много словъ. Только онъ ихъ еще зря употребляетъ.

Обѣ тихо разсмѣялись. Начальница ушла въ залу грудныхъ. Авдотья вынула изъ бумажки пряникъ, отломила половину и отдала сынишкѣ. Другую половину она разломила на маленькіе куски и раздала ребятамъ.

Такимъ же легкимъ шагомъ шла Авдотья назадъ—изъ пріюта домой.

У нея всегда легко на душѣ, когда она побываетъ у своего „мальчёнки". Мужу она въ письмахъ отписываетъ каждый мѣ-

сяцъ про Митюньку, хвалитъ и пріютское житье, и видитъ, что Власъ все это прекрасно понимаетъ, и ни разу не попенялъ ей за то, что вотъ молъ она, „точно нищенка какая, отдаетъ ребенка въ богадельню".

Ей захотѣлось зайти къ Ивану. Пускай онъ не думаетъ, что она его чурается. Когда „братецъ" нуженъ ей былъ—она лебезила, а теперь и знать не хочетъ, съ тѣхъ поръ, какъ сама на своихъ ногахъ стоитъ и хорошо заработываетъ.

На такую „подлость" Авдотья не считала себя способной.

Ей показалось, что черезъ дорогу пробирается, въ короткой кацавейкѣ, Машутка, съ книжкой въ рукѣ. Она издали окликнула ее.

Маша остановилась и посмотрѣла противъ солнца изъ-подъ ладони.

— Учиться идешь?—спросила ее Авдотья.

— Да-съ... въ школу.

— Тятенька дома небось?

Дѣвочка мигнула и по ея блѣдному лицу прошлась тѣнь.

— Былъ дома... Только онъ легъ спать теперь.

Рѣсницы она не поднимала.

„Вотъ вѣдь какая!—съ досадой подумала Авдотья:—не желаетъ меня допустить".

— Такъ ты скажи тятенькѣ: Авдотья, молъ, шла къ намъ, да не хотѣла мѣшать. Какъ-нибудь съ работы завернетъ... когда вы за столомъ сидите.

— Хорошо-съ. Скажу.

И Маша затрусила своими худыми ножками.

XXI.

У Надежды Николаевны за раннимъ чаемъ, въ пятомъ часу, сидѣли гости. Ея стряпуха только-что поставила лампу на чайный столъ. Дрова, въ печи, за перегородкой, весело потрескивали.

Были тутъ: Настасья Ильинишна—съ лѣта еще согнувшаяся, съ утомленнымъ видомъ; ихъ недавній собратъ по школѣ, учитель, только-что посвященный въ дьяконы, и новое лицо—учительница Лавровская, пріѣхавшая изъ Москвы, на дняхъ, бывшая курсистка, очень еще молодая, стройная дѣвушка, съ хорошенькимъ лицомъ брюнетки, въ ловко сшитомъ темномъ платьѣ и высокомъ, туго накрахмаленномъ воротничкѣ.

Съ лѣта Надежда Николаевна пополнѣла и отгорѣла. Ея бѣлое лицо безъ морщинъ ярко выступало въ свѣтѣ лампы. Она накинула на себя домашнюю мантилью, изъ-подъ которой виднѣлся батистовый корсажъ—ей всегда и зимой было жарко.

Вновь пріѣзжая учительница говорила еще мало, держась на сторожѣ; но ей хозяйка квартиры нравилась, да и школой она осталась чрезвычайно довольна. Она не ожидала найти такое обширное зданіе, съ шестью отдѣленіями. Она уже начала преподавать. Ей достался классъ съ восьмидесятью мальчиками и дѣвочками.

— Такъ вы, Элеонскій,—обратилась хозяйка къ новопоставленному дьякону,—у насъ только до Святой?

— Да, до посвященія во священники,—отвѣтилъ онъ говоромъ семинариста.

— Какъ же теперь? Прости-прощай посѣщеніе театра, до котораго вы такой охотникъ?

— Само собою... въ священническомъ санѣ...

Онъ усмѣхнулся широко и закурилъ папиросу.

— Только,—продолжалъ онъ, весело поглядывая на трехъ своихъ собесѣдницъ,—и послѣ того я предполагаю быть вашимъ сотрудникомъ... Наша съ вами, Надежда Николаевна, мечта...

— Насчетъ класса пѣнія?—подсказала хозяйка.

— Именно. Это должно пойти. Я уже говорилъ съ нѣкоторыми изъ ткачей... И такое общество хорового пѣнія могло бы положить основаніе (онъ выговаривалъ на *онъ*) и другому обществу.

— Трезвости,—подсказала Настасья Ильинишна.

— Совершенно вѣрно!—басомъ оттянулъ дьяконъ.—Любезнѣйшая сердцу моему мечта. И весьма осуществимая. Человѣка толковаго выбрать, сначала хотя бы одного... Вотъ, напримѣръ, изъ ткачей... Ивана Спиридонова, что-ли?

Вознесенская и библіотекарша вразъ переглянулись, и Настасья Ильинишна первая выговорила, покачавъ головой:

— Кажется... онъ уже не совсѣмъ тотъ, какого мы всѣ знали.

Вознесенская горячо воскликнула:

— Огорчаетъ меня... Иванъ! Эта исторія съ женой... Положимъ, онъ не виноватъ, что она оказалась воровкой; но и онъ съ ней жестоко обошелся, и, говорятъ, сталъ попивать. Какую-то исторію тоже разсказываютъ... скандалъ случился въ женской казармѣ... Его родственница тамъ... Ужъ я не знаю! Мнѣ очень за него больно!

Старушка-библіотекарша пила съ блюдечка, не поднимая головы... Она все это прекрасно знала; но ей не хотѣлось говорить, чтобы не вызвать вопроса о ея воспитанникѣ—пріятелѣ Ивана.

Дьяконъ затянулся и потомъ въ полтона крякнулъ:

— Вотъ оно что... Я немного за послѣднее время отсталъ отъ собственно фабричной жизни... Жаль! Парень онъ душевный, смышлёный и всякую хорошую идею въ состояніи уразумѣть.

Онъ обернулся въ сторону новой учительницы.

— Вамъ, сударыня, все это еще ново и чуждо. А здѣсь школа тѣсно связана со всей этой громадиной,—онъ протянулъ руку въ окну. Послужите здѣсь и должны будете войти и въ жизнь родителей вашего юнаго персонала! Ибо,—оттянулъ онъ:—все на сихъ малыхъ отражается.

— Это чрезвычайно интересно! — проговорила учительница однимъ духомъ, немного картавя.

— Безъ сомнѣнія... Море волнующееся... И схватить его подводную, такъ сказать, жизнь—довольно-таки затруднительно.

Онъ отпилъ изъ стакана и, понизивъ голосъ, спросилъ у хозяйки:

— Все еще держится толкъ о большомъ яко бы недовольствѣ въ сословіи ткачей?

— Есть, есть!—со вздохомъ откликнулась Настасья Ильинишна.

Щеки Вознесенской стали розовѣть.

— Да вѣдь это старая исторія.

— И новое есть,—вполголоса сказала старушка.

— Въ какомъ же смыслѣ?—спросилъ дьяконъ.

— На миткаль многихъ составили съ работы другихъ матерій.

Хорошенькіе глаза новой учительницы блеснули. Она стала внимательно прислушиваться.

— Расцѣнка для нихъ невыгодна.

— Всеконечно,—подтвердилъ дьяконъ.

— Они и хотятъ просить о прибавкѣ.

— Этого ли только хотятъ?

— Не знаю... такой идетъ разговоръ,—осторожнѣе отозвалась Настасья Ильинишна.

Надежда Николаевна недолюбливала такихъ толковъ и находила, какъ всегда, что у ея старой сослуживицы слишкомъ мрачный взглядъ на вещи.

Она перешла опять къ темѣ о хоровомъ классѣ и стала

просить своего гостя ускорить этимъ дѣломъ, еще передъ святками предложить собраться въ школѣ, пригласить на совѣщаніе обоихъ директоровъ, управляющаго, мастера и самыхъ развитыхъ подмастерьевъ и рабочихъ. Взрослыхъ охотниковъ навѣрно найдется много; дискантовъ школа поставитъ въ какомъ угодно количествѣ.

Разговоръ былъ еще въ самомъ разгарѣ, когда дьяконъ извинился, что долженъ оставить „пріятнѣйшее сообщество“— по новой своей службѣ.

За нимъ ушла и новая учительница.

Настасья Ильинишна дожидалась минуты, когда онѣ останутся вдвоемъ—она пришла поговорить съ Вознесенской о своемъ питомцѣ. Въ послѣднія три недѣли она пережила много горькаго. Глядя на хорошенькую дѣвушку, пріѣхавшую на службу въ фабричную школу, она невольно думала:

„Вотъ бы жена для Антоши! Неужели и такая не вызоветъ въ немъ хорошаго чувства? И не смиритъ его мятежную, горемычную голову? А вдругъ она гордячка? Скажетъ: онъ—мастеровой, не художникъ, а только рисовальщикъ. Пониже раклиста и не выше гравера“.

Надежда Николаевна, проводивъ гостью, сѣла опять за чайный столъ, громко перевела духъ и весело спросила:

— Еще чашечку, Настасья Ильинишна? И я выпью за компанію.

— Позвольте.

— Мы съ вами сколько времени не видались. Вашимъ видомъ, признаться, я не очень-то довольна. Почка ваша, должно быть, расшалилась?

— Нѣтъ, слава Богу, почка ничего.

— Стало, душой вы не ладно себя чувствуете?

— Ужъ и не говорите!

Старушка наклонила голову, чтобы скрыть слезы, заблестѣвшія на рѣсницахъ.

— Чадо ваше огорчаетъ васъ?

— Уходитъ онъ отъ меня... совсѣмъ уходитъ. Ничѣмъ я не могу на него дѣйствовать. Руки опускаются.

Она отерла платкомъ глаза и отодвинулась къ спинкѣ дивана, въ уголъ, гдѣ лицо ея вошло въ тѣнь.

Вознесенская догадывалась, что̀ именно заботитъ и огорчаетъ Настасью Ильинишну,—слухъ о томъ, какъ ея „питомецъ“ соблазнилъ какую-то швею. Отецъ ея ходилъ на него жаловаться. Начальство и безъ того еле терпитъ его и считаетъ самымъ

„неблагонадежнымъ субъектомъ"; это выраженіе она слышала о немъ въ конторѣ.

Развѣ она не была права въ своемъ взглядѣ на этого Меньшова? Самый печальный „экземпляръ", безъ всякихъ правилъ и убѣжденій. Въ немъ сидитъ духъ разрушенія для разрушенія. И такіе „уврièры" тѣмъ болѣе вредны, что на нихъ будутъ сейчасъ указывать пальцемъ всѣ, кто въ печати и въ обществѣ возстаетъ противъ ученья.

„Вотъ, молъ, полюбуйтесь—какихъ молодцовъ создаетъ и ваша школа, и чтеніе книгъ. Во всѣхъ частяхъ анархистъ на европейскій манеръ".

Она присѣла къ старушкѣ сбоку и положила руку на ея колѣни.

— Милая моя Настасья Ильинишна! Мое положеніе вдвойнѣ тяжелое. Я Антону Егорычу никогда не сочувствовала... А вамъ онъ слишкомъ дорогъ.

— Вы справедливо его оцѣнивали. Только я въ своемъ ослѣпленіи не могла уразумѣть всей сути. Господи!—почти съ плачемъ вырвалось у нея.—Какъ могла сложиться такая голова!..

— Когда сердца нѣтъ...

— Нѣтъ, нѣтъ!—шопотомъ повторила старушка.

— И неужели онъ такъ... и броситъ эту дѣвушку?—спросила Вознесенская—и вся покраснѣла.

Въ своей цѣломудренности она была особенно строга въ такихъ вопросахъ.

— Чтò же я могу сдѣлать? — вскричала Настасья Ильинишна...—Мать приходила ко мнѣ на той недѣлѣ. Я же должна была ее просить не поднимать дѣла, удержать мужа отъ жалобъ. Онъ дочь уже раза два билъ. Это ужасно!

— Но чтò же Меньшовъ? — въ первый разъ назвала его Вознесенская по фамиліи.

— Онъ не считаетъ себя обязаннымъ.

— Какъ не считаетъ?—крикнула Вознесенская, вскочила со стула и заходила совершенно такъ, какъ въ классѣ, когда кто-нибудь слишкомъ провинится изъ школьниковъ.

— Да позвольте... эта дѣвушка... отдалась ему первому?—выговорила она, не безъ усилія надъ собою.

— Она сама не была у меня. Мать увѣряетъ.

— А онъ?

— Я заставила его сознаться.

— Что да?—стремительно кинула Надежда Николаевна.

— Да,—чуть слышно обронила библіотекарша.

— Вѣдь это же гадость!

— У него своя мораль. И цинизмъ какой: „я, говоритъ, маменька, не могу на всѣхъ жениться, кто мнѣ на шею вѣшается. Она не первая“. „А, главное, говоритъ, свою свободу я ни за какія сокровища не отдамъ. Развѣ такую мнѣ нужно подругу жизни“?

— Цинизмъ! Возмутительный цинизмъ!

Возгласы вырывались у Надежды Николаевны все горячѣе. Она ходила сложа руки на спинѣ, вдоль оконъ, за чайнымъ столомъ.

— Ну, пускай бы онъ разсуждалъ вкривь и вкось... Это еще можетъ все улечься въ его головѣ. Но вѣдь такіе поступки кладутъ клеймо. Безъ простой честности, да еще при его взглядахъ—до чего же дойдетъ онъ! До чего?

И старушкѣ стало стыдно за себя. Десять минутъ передъ тѣмъ, она мечтала о такой женѣ для Антоши, какъ новая учительница. Развѣ онъ стоитъ любви образованной и красивой дѣвушки?

И это совсѣмъ смутило ее. Она почувствовала, что весь этотъ разговоръ безполезенъ. Помочь ея пріятельница ничему не можетъ. Кто же воспиталъ такого нравственнаго урода, какъ не она сама? Но слабость ея къ нему не пропадаетъ. Она возмущается его поведеніемъ и, въ то же время, смутно вѣритъ, что онъ — „не такой“, что у него есть какія-нибудь особыя побужденія, которыя хоть сколько-нибудь оправдываютъ его.

— Я слышала, Настасья Ильинишна,—Вознесенская опять присѣла къ ней,—что эта дѣвушка въ такомъ положеніи?

— Кажется.

— Неужели вы не заставите его исполнить свой долгъ?

— Долгъ? — повторила библіотекарша.—Не признаѐтъ онъ никакого долга! Онъ твердитъ одно: каждый имѣетъ право пробиваться въ жизни, насколько у него хвàтаетъ ума, силы и талантовъ.

— Откуда это онъ вычиталъ?

— Я ему такихъ книжекъ не давала.

— И пускай его! И Богъ съ нимъ! Вы имѣете право отрясти прахъ съ сандалій... Отрекитесь отъ него... Иначе вамъ придется играть изъ-за такого индивида слишкомъ печальную и просто унизительную роль.

Старушка вскричала про себя: „Хорошо тебѣ такъ говорить“!

Эта честная и чистая пожилая дѣвица — развѣ она знаетъ

страсть, самую могучую и всепоглощающую—материнство, потребность прилѣпляться къ своимъ дѣтищамъ, по плоти или по духу—это все равно?!

Легко сказать: „отрекитесь отъ него“. Соверши онъ теперь какое-нибудь злодѣйство — и тогда она отъ него не отречется, а будетъ плакать на его груди.

— Хоть бы онъ отсюда удалился! Вы съ нимъ окончательно изведетесь, Настасья Ильинишна.

— Не нынче-завтра его разочтутъ. Или нагрубитъ кому-нибудь... И хуже можетъ случиться.

— Чтò такое?—прервала ее Вознесенская.—Вы думаете — схватятъ его? Нѣтъ. Онъ не такой! Жертвовать своей особой онъ не въ состояніи. Мутить — можетъ быть! Онъ слишкомъ презираетъ нашъ народъ. Простите, дорогая моя, но свой взглядъ на вашего пріемнаго сына считаю вѣрнымъ.

Настасья Ильинишна сидѣла подавленная, со слѣдами слезъ на сморщенныхъ и впалыхъ щекахъ.

Въ жару разговора онѣ не слыхали, что въ переднюю вошелъ кто-то.

Пришелъ Иванъ Спиридоновъ. Онъ переминался, боясь наслѣдить снѣгомъ. На немъ были валенки и поношенное пальто, въ родѣ балахона, съ приподнятымъ воротникомъ.

Онъ низко и робко поклонился имъ. Настасья Ильинишна окликнула его.

— Здравствуй, Иванъ!

Но ничего больше не сказала, не разспросила его ни о чемъ.

И Надежда Николаевна, когда проводила гостью, не такъ привѣтливо, какъ бывало, сказала ему:

— Ну, чтò хорошаго, Иванъ Прокофьичъ? Есть до меня дѣло?

— Ежели позволите, матушка-барышня, я вашу милость не задержу. Минуточекъ десять... Только, вотъ, боюсь наслѣдить. Позвольте обколотить мои валенцы.

Тонъ Ивана показался ей совсѣмъ другимъ. Онъ прежде не называлъ ее „матушка-барышня“ и „ваша милость“. Это ей не понравилось.

— Ничего... войдите.

Чаю она ему не предложила.

— Мнѣ и самому пора на смѣну. Я ужъ запоздалъ маленько, да тамъ у меня есть замѣститель.

— Ну, присядьте, гостемъ будете.

Сама она сѣла на диванъ и сложила руки.

И лицо Ивана ей не нравилось. Оно осунулось и побурѣло. Очень похоже, что онъ пьетъ.

Они не видались больше мѣсяца. Послѣ исторіи съ Мароой онъ не являлся къ ней. Отъ Настасьи Ильинишны она знала, что онъ и въ библіотеку не кажетъ глазъ.

— Матушка, Надежда Николавна! Погибаю я!

Иванъ, какъ сидѣлъ, такъ и рухнулъ на полъ, на колѣни.

— Чтò вы! Чтò вы!—стыдливо вскрикнула она.

Никогда никто не становился передъ ней на колѣни. Она не допускала этого и отъ своихъ учениковъ и ученицъ.

— Погибаю, — протянулъ онъ жалобно.

Ей показалось, что это отъ вина. Но онъ не былъ хмеленъ, хотя отъ него и шелъ легкій спиртный духъ.

— Сядьте, Иванъ Прокофьичъ. Такъ нельзя.

Онъ поднялся и присѣлъ на кончикъ стула.

— Нѣтъ моей мочи, матушка-барышня... Тоска!.. Опостылѣла работа — все изъ рукъ валится. Точно у меня нутро вынули. И боюсь я, Надежда Николавна, смертельно боюсь,—онъ запнулся,—что совсѣмъ закружусь.

— Тянетъ васъ... къ вину?—тихо спросила она.

— Къ нему, къ проклятому!

— Развѣ вы не можете воздержаться?

— И мозжитъ, и сосетъ, Надежда Николавна.

— Это говорятъ всѣ, кто отдается слабости. Грѣшно. Вы вѣдь не алкоголикъ же!..

— Вотъ до сихъ поръ держусь, матушка. Какъ передъ истиннымъ Богомъ, ни разу я не былъ въ окончательно безобразномъ видѣ. Вамъ насказали, что я жену билъ мертвецки пьяный? Это—неправда. Дѣйствительно, я пріѣхалъ изъ города... были мы съ Антономъ Егорычемъ въ трактирѣ, но все это въ довольно приличномъ видѣ. Нèшто онъ сталъ бы со мною пьянствовать?

— Послушайте, Иванъ... зачѣмъ вы съ нимъ дружбу ведете? Онъ—дурной человѣкъ!

Иванъ поднялъ голову, и на его измятомъ, страдающемъ лицѣ явилась странная усмѣшка.

— Дурной? Кто его знаетъ, Надежда Николавна. Ожесточенность въ немъ большая—это точно. А нèшто онъ не правъ, хоть насчетъ меня?

— Въ чемъ же?—строго спросила Вознесенская.

— Мужикъ въ каждомъ изъ насъ сидитъ... сиволапый.

— Такъ что же? И прекрасно.

— Прекрасно? — изволите вы говорить. А по Меньшову выходитъ—одна пакость. Тятенька пилъ, вотъ и я, какъ только на зарубку попалъ, получилъ ударъ въ самую душу — и потянуло... къ чаркѣ. Нѣшто онъ не дѣло говоритъ, Надежда Николавна?

— Это онъ укралъ... изъ французскихъ переводовъ... Золя начитался... Законъ наслѣдственности...

— Ужъ не знаю... можетъ, и у француза этого самаго. А только онъ это по-своему оборачиваетъ. И вотъ я всѣмъ своимъ естествомъ чувствую, что оно такъ. Какъ бы, то-есть, я ни упирался—не выдержитъ моя душа.

— Позвольте!—остановила она его, подошла къ нему и положила свою бѣлую, полную руку на спинку стула.—Ежели вы впали въ такое малодушіе, вамъ никакія наставленія не помогутъ, что̀ бы я вамъ ни сказала — вы сами это прекрасно понимаете.

— Я не о себѣ... Надежда Николавна.

— О комъ же вы?

— Сдѣлайте доброе дѣло. По старой памяти... Привыкъ почитать васъ съизмальства... Я насчетъ Машутки.

— Дочери вашей?

— Возьмите вы ее, матушка, подъ свой присмотръ. Ради Христа, сдѣлайте это... У меня она совсѣмъ безъ надзора... За себя я не могу теперь отвѣчать. И отъ матери ея можно ждать всякой гадости... Пожалуй, заберется и выкрадетъ. А какъ же я могу отдать ей дочь—воровкѣ? У васъ она будетъ все равно что въ царствіи небесномъ.

— Вы просите, чтобы я взяла ее къ себѣ?

— Явите великую милость... За содержаніе я... съ полнымъ удовольствіемъ...

Надежда Николаевна отошла и приложила палецъ къ губамъ — ея обычный жестъ, когда что-нибудь затрудняетъ ее.

— Это будетъ неловко, Иванъ Прокофьичъ. Вы поймите. Она—въ моемъ классѣ. Точно я пансіонерку взяла.

— Прислуживать вамъ будетъ... по малости.

— Что̀ вы говорите! Это было бы ужъ совсѣмъ некрасиво!

— Не могу я за себя отвѣчать, матушка. Вы меня пожалѣйте... Хоть на время... Мѣсяцъ-другой... Можетъ, я съ собой и совладаю.

— Погодите.

Надежда Николаевна отошла къ двери за перегородку и тамъ постояла все съ тѣмъ же характернымъ жестомъ.

— Я готова... помочь вамъ. Дѣвочку можно пристроить въ хорошую семью. Или кто-нибудь изъ учительницъ согласится взять ее на время... А то отдайте въ пріютъ.

— Не пойдетъ. Ревѣть будетъ... Обидно. Тятенька подмастерье, а она—въ родѣ какъ нищенка или сирота. Да и меня-то всякій хаить будетъ.

Иванъ поднялся и отошелъ къ передней.

— На васъ вся надежда.

— Подумаю, Иванъ, подумаю. Поговорю. Дайте мнѣ срокъ... хоть на два дня.

Она подошла къ нему и положила руку на его плечо.

— Вотъ вы сказали, что почитаете меня, какъ родную мать. Зачѣмъ зря говорить такія вещи? Если я въ васъ заронила что-нибудь порядочное — докажите это, Иванъ. Бросьте умничанье вашего пріятеля Меньшова. Изъ того, что вашъ отецъ пилъ— не слѣдуетъ, что и вы предадитесь той же страсти. Вы припомните, какъ прошло его дѣтство и какъ ваше? Кто его училъ? Кто имѣлъ на него доброе вліяніе? Вамъ грѣхъ забывать это!.. Не огорчайте вашей воспитательницы!

Послѣднія слова она выговорила съ замѣтнымъ волненіемъ.

Иванъ схватилъ ея руку съ тѣмъ, чтобы поцѣловать ее. Она отдернула.

— Съ Богомъ! Придите ко мнѣ послѣ завтра. Или лучше такъ: я дамъ знать черезъ Машу, когда вамъ придти.

— Коли перемогу себя, Надежда Николавна,—сказалъ Иванъ на порогѣ,—ваше это будетъ дѣло. Ничье больше!..

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но махнулъ только свободной рукой, отворяя дверь въ сѣни.

XXII.

Въ яркій свѣтъ электрическихъ фонарей вошла тѣнь женской фигуры по направленію отъ главныхъ воротъ влѣво, за зданіе конторы.

Это была Марѳа, жена Ивана.

Въ кацавейкѣ, накинутой на плечи, и платкѣ, низко спущенномъ на лицо, она шла, въ сапогахъ, по снѣгу, хрустѣвшему подъ ногами, часто оглядываясь.

На ходу она замѣтно переваливалась. Изъ-подъ полъ каца-

вейки выступала ея беременность на послѣднемъ мѣсяцѣ. Третьяго дня она поскользнулась и упала съ лѣстницы, расшибла себѣ затылокъ и цѣлый день лежала... Но выкидыша не было.

Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ ее нестерпимо тянетъ проникнуть въ каморку, видѣть Машутку и найти тамъ „сударку“ Ивана. Она давно уже увѣрила себя, что Авдотья живетъ съ нимъ.

Къ дочери она всегда была равнодушна, частенько кричала на нее и даже—безъ Ивана—давала тукманки, кормила скаредно и изъ своихъ денегъ не покупала ей ничего изъ одёжи.

Съ тѣхъ поръ, какъ она—пойманная и выгнанная мужемъ—хоронится въ поденщицахъ на сосѣднемъ заводѣ, ее стало глодать еще болѣе злобное чувство и къ мужу, и къ его предполагаемой „сударкѣ“. Обида матери всплыла въ ней и добавляла горечь. У нея отняли родную дочь, не пускаютъ къ ней, не приказываютъ пускать и ее въ казарму, гдѣ живетъ Иванъ. Она уже пробовала совать, при всей своей скупости, гривенники въ руку сторожа. Одинъ и пропустилъ. Но дверь въ каморку она нашла запертой на замокъ. И сейчасъ ее замѣтилъ хожалый, и чуть не отвелъ ее въ будку, началъ срамить, принимался обыскивать на улицѣ.

— Ты-де воровка. Навѣрно что ни на есть стибрила.

И чѣмъ „тяжелѣе“ она становилась, тѣмъ жгучѣе разбирало ее желаніе видѣть Машутку, мелькала разгоряченная мысль и увести ее, ежели ей удастся накрыть Ивана съ его полюбовницей.

Тогда она схватитъ Машутку и уведетъ, и никому не позволитъ прикоснуться къ себѣ. Хотя бы всѣ хожалые собрались. Никого она не побоится.

Нѣшто она каторжная? Коли ее оставили на свободѣ, никто не отнялъ у нея „правòвъ“ на родную дочь. У нея видъ есть на жительство. Ничѣмъ она еще не опорочена по суду. Будь это въ деревнѣ—она и тамъ бы нашла защиту. Земскій отдалъ бы ей Машутку—коли мужъ ея держитъ полюбовницу на глазахъ дочери.

Марѳа была уже совершенно убѣждена въ томъ, что Авдотья „и легла, и встала“ въ каморкѣ Ивана, что каждый день ходитъ она ночевать къ нему, и вмѣстѣ они чайничаютъ, водку пьютъ и безобразничаютъ.

„Господи!—молилась она про себя, на ходу.—Только бы мнѣ сцапать ее, охальницу, съ нимъ, моимъ лютымъ ворогомъ“!..

Ея блѣдныя и тонкія губы шептали слова ядовитой злобы

и нестерпимой обиды; а глаза, изъ-подъ низко надвинутаго темнаго платка, продолжали озираться въ обѣ стороны.

Никто ей нѐ попался до самаго того перекрестка. Ночь стояла тихая, съ легкимъ снѣжкомъ.

Вотъ и казарма, гдѣ каморка Ивана. На крыльцѣ что-то не видно сторожа. Только бы пробраться въ корридоръ. Никто ее въ полусвѣтѣ не узнаетъ. Она—женщина. Тутъ живутъ больше семейные. Да хотя бы однѣ вдовы были въ каморкѣ, изъ-за чего же ее останавливать.

Марѳа разочла, что сегодня суббота; вечерняя смѣна кончается раньше. Какъ разъ объ эту самую пору Машутка должна быть дома и сбирается спать ложиться. А та, охальница, обнявшись съ Ванькой, распиваетъ чай со сладкой водочкой. Вотъ тутъ она и покажетъ себя.

Сторожа не было ни на крыльцѣ, ни въ сѣняхъ, откуда поднималась чугунная лѣстница во второй этажъ.

Фонарь съ керосиновой лампой немного чадилъ въ корридорѣ, куда Марѳа вошла на цыпочкахъ. Сердце у нея билось, руки вздрагивали, и внутри она чувствовала дрожаніе.

Губы она сильно сжала и, переводя дыханіе своимъ острымъ и длиннымъ носомъ, стала, держась стѣны, прокрадываться къ знакомой двери.

Замка нѣтъ! У нея съ радости еще сильнѣе ёкнуло сердце. Она взялась за ручку двери и безъ большого усилія потянула ее.

Въ каморкѣ горѣла висячая лампочка. Все тихо. Никого нѣтъ.

— Кто тамъ? — окликнулъ тонкій голосокъ изъ угла, гдѣ Машутка лежала на сундукѣ и только-что стала засыпать. Она знала, что отецъ долженъ скоро вернуться. Онъ не велѣлъ тушить лампы.

— Кто тамъ?—пугливѣе окликнула дѣвочка.

— Я, я, Машенька...—прошептала Марѳа, подошла къ сундуку, нагнулась къ дочери и сейчасъ же заплакала.

Машутка, все еще пугливо, приподнялась, въ рубашонкѣ, съ своими короткими косичками. Видъ матери смутилъ ее и обрадовалъ. Она сѣла и протянула руки.

— Мама! Мама!

Больше она ничего не смогла сказать.

— Гдѣ тятька?—глухо спросила Марѳа.

— Не знаю... скоро долженъ придти. Лампы не велѣлъ гасить.

— Она у васъ, небось, спитъ?

— Кто?

— Дунька?

— Нѣтъ,—протянула Машутка и покачала головой.

— Врешь! Тебѣ такъ приказано говорить.

— Ей-Богу... мама. Да она у насъ давно не бывала... больше мѣсяца будетъ.

Глаза Мареы рыскали по каморкѣ. Она прошлась по ней, заглянула и подъ занавѣски кровати.

Сколько тутъ и ея собственнаго добра—общаго! Когда ее выгоняли, ей даже подушки не дали. Одѣяло она сама сшила изъ маленькихъ кусковъ ситца. Небось, тогда „злодѣй“ ее не спрашивалъ: „откуда, молъ, у тебя, Мареа, столько лоскутковъ“?

Она опять присѣла къ Машуткѣ.

— Мамки ты своей не любишь... Жива она, или околѣла... все едино тебѣ.

На рѣсницахъ дѣвочки заблестѣли слезы.

— Не маленькая, чай! Должна понимать. Та паскуда—его сударка. А тебя врать выучили. Повѣрю я, что ея ноги здѣсь не было больше мѣсяца! Никто не смѣетъ отнимать родное дѣтище!.. Вставай. Одѣнься. Живо одѣнься... Я за тобой пришла. Гдѣ у тебя платье виситъ?

По худымъ щекамъ Маши текли слезы. Она застыла въ томъ же сидячемъ положеніи и безпомощно глядѣла на мать.

— Вставай, Машутка, вставай!

Голосъ матери дѣлался рѣзче. Маша знала, что сейчасъ начнутся крики. Никогда еще она такъ не боялась того, что̀ можетъ вотъ сейчасъ выйти.

Приласкаться къ матери ей не хотѣлось, уговаривать ее, просить. Умненькая дѣвочка понимала, что все это безполезно. Уговаривать уйти—она не послушаетъ. Просить... за кого? Значитъ, надо бѣжать отсюда! Куда? Къ матери, въ слободку. Но ее найдутъ. Да она и боится. Съ мамой ей жутко. Она бить будетъ. Она на черный хлѣбъ ее посадитъ. И не одно это! Передъ тятей совѣстно... Безъ его согласія, она не смѣетъ уходить, такъ—тайкомъ, какъ бѣглая.

Что̀ бы на это сказала Надежда Николаевна? Тятя еще сегодня за обѣдомъ говорилъ что-то такое, какъ будто Надежда Николаевна хочетъ помѣстить ее куда-то. Къ чужимъ людямъ! Тѣ люди будутъ навѣрно хорошіе! Лучше ужъ къ нимъ, коли тятя началъ тяготиться.

Маша понимала и почему онъ тяготится. Его точитъ тоска. Онъ часто не то что совсѣмъ хмельной, а вродѣ того.

Быстро-быстро промелькнули эти мысли въ смышлёной головѣ дѣвочки. И она застыла все въ той же позѣ.

— Одѣвайся! говорятъ тебѣ! — крикнула Марѳа и начала теребить ее.

Маша спустила голыя ноги на полъ.

— Мама!—пролепетала она, дрожа: — безъ тятеньки какъ же я...

— Вотъ ты отродье какое!

Правая рука Марѳы поднялась. Маша заплакала и охватила ладонями лицо.

Въ эту минуту дверь широко отворилась. Первой вошла въ каморку Авдотья, за ней—Иванъ.

Они пріѣхали изъ города. Иванъ угощалъ ее чаемъ и пивомъ, въ гостинницѣ, гдѣ они долго сидѣли, но въ общей залѣ, слушали машину. Авдотья развеселила его, уговаривала Машутку, безъ надобности, ни въ чужіе люди, ни въ пріютъ не отдавать, а „взять себя въ руки" и побольше заниматься дочерью, благо она дѣвочка тихая и умная, и читать мастерица.

Въ такихъ разговорахъ ѣхали они на извозчикѣ, по хорошей санной дорогѣ. Иванъ даже пѣсню запѣлъ, и Дуня ему вторила. Онъ не былъ пьянъ, но въ трактирѣ, передъ пивомъ, выпилъ порядочный стаканъ водки.

Авдотья, войдя въ каморку, сразу не узнала Марѳы. Та стояла къ ней спиной, нагнувшись надъ дѣвочкой, съ высоко занесенной правой рукой.

— Кто это?—окликнула Авдотья, протирая глаза, которые немного слезились отъ морознаго воздуха и снѣжинокъ.

Иванъ вмигъ призналъ жену, подбѣжалъ къ ней, схватилъ ее сзади за оба плеча и оттолкнулъ.

— Ты что̀ тутъ?—сразу бѣшено крикнулъ онъ.—Дочь воровать! Паскуда!

Въ глазахъ у него потемнѣло, и онъ, повернувъ Марѳу къ себѣ лицомъ, снова схватилъ ее за шею.

Та стремительно вырвалась и, накидываясь на опѣшившую Авдотью, закричала:

— Вотъ кто паскуда! Въ ночёвку отъявилась!

И ругательства цѣлымъ потокомъ полились изъ ея почернѣвшихъ, скошенныхъ губъ.

Она подбѣжала къ Машѣ, схватила ее за руку и кинулась къ двери.

— Моя дочь! Никто не смѣй! Увожу ее! Варвары! Кровопійцы! Безстыжіе твои буркалы!

Маша дрожала и упиралась. Мать тащила ее—страшная въ лицѣ, со сбившимся съ головы платкомъ, откуда развѣвались ея рыжеватые волосы.

— Ахъ ты ехидна проклятая!

Съ этимъ крикомъ Иванъ оттолкнулъ ее съ такой силой, что она покачнулась и отпустила руку дѣвочки.

— Иванъ Прокофьичъ! Милый! Не срамите вы себя!—вмѣшалась Авдотья, все еще перепуганная тѣмъ, что попала въ исторію.

— Оставь, Дуняша!.. Мочи моей нѣтъ.

— Отведите вы ее къ хожалому. Вотъ и вся недолгà.

— А, а!—дико завопила Мареа, поднимаясь съ пола.—Ты, паскуда, меня къ хожалому хочешь...

Она подбѣжала къ Авдотьѣ и рванула ее за головной платокъ. Та стала защищаться обѣими руками отъ ударовъ, которые сыпались на нее.

Въ глазахъ Ивана опять помутилось отъ прилива крови. Онъ не помнилъ, чтò тутъ вышло, послѣ того, какъ онъ сталъ отбивать Дуняшу отъ жены.

Онъ пришелъ немного въ себя только въ корридорѣ. Ваточной чуйки, надѣтой въ накидку, на немъ уже не было. И на Мареѣ— ея шубейки. Они оба, безъ верхняго платья—онъ съ разодраннымъ воротомъ рубахи, она съ разодраннымъ рукавомъ — вцѣпились другъ въ друга, какъ дикіе звѣри, и неистово дрались. Изъ носу у него шла кровь. Въ рукѣ его, запачканной кровью, остался клокъ волосъ Мареы.

Дуняша, видя, что они схватились „нà смерть“, выбѣжала въ сѣни, разбудила сторожа и вышла на улицу. Ее могли задержать. И безъ того ужъ не уйти ей отъ разбирательства: по какому случаю очутилась она въ поздній часъ въ каморкѣ Ивана.

Сторожъ, съ просонья, не сразу распозналъ, кто затѣялъ драку. Отовсюду повыскочилъ народъ. Машутка, въ отворенной двери каморки, босикомъ, въ одной рубашонкѣ, судорожно рыдала, выговаривая какое-то одно слово...

Разъяренная Мареа два раза укусила мужа въ плечо и въ шею, и захрипѣла, когда онъ сжалъ ей горло и пригнулся къ нему.

Тутъ только сторожу и двумъ рабочимъ удалось схватить его за руки.

Мареа, взвизгнувъ, упала ничкомъ, какъ пластъ, и лишилась чувствъ.

— Батюшки! Убилъ!—крикнулъ кто-то изъ бабъ.

XXIII.

Въ мужской палатѣ фабричной больницы — самой просторной—больше половины коекъ были заняты.

Недавно давали ужинать тѣмъ, кто на полной порціи. Бѣлый балахонъ сидѣлки виднѣлся въ дверь — она что-то прибирала около печки въ сосѣдней палатѣ. Стоялъ полусвѣтъ отъ висячихъ лампъ съ низкими колпаками. Въ углу двое больныхъ тихо разговаривали, сидя на одной койкѣ. Раздалось шлепанье туфель съ другой стороны—между кроватью и стѣной двигался молодой малый, съ коротко остриженной головой, подбирая полы слишкомъ длиннаго халата.

Скоро всѣ улягутся совсѣмъ. Тяжелыхъ больныхъ нѣтъ. Былъ съ воспаленіемъ легкихъ, да вчера выписался.

У окна, немного въ сторонкѣ, лежитъ Иванъ Спиридоновъ— съ полузакрытыми глазами, еще въ халатѣ, закинувъ за голову руки.

Ничего у него въ отдѣльности не болитъ; голова, ноги, грудь, животъ—ни на что не жалуется; а весь разбитъ, внутри дрожь. Мутитъ его, и какъ только падутъ сумерки—тоска начинаетъ его засасывать нестерпимая.

Вотъ уже вторая недѣля, какъ онъ въ больницѣ. Онъ знаетъ, что его лечатъ отъ припадковъ „алкоголизма".

Это слово много разъ онъ слыхалъ и прежде, и въ газетахъ, и въ книжкахъ читалъ. Его лечатъ, какъ слѣдуетъ, сажаютъ въ ванну, даютъ внутрь порошки и пилюли. И ни единой капли спиртного.

А въ то, что̀ у него на душѣ дѣлается — доктора не входятъ. До того ли имъ? У нихъ въ день до полутораста человѣкъ приходящихъ перебываетъ, да и въ палатахъ мужчинъ и женщинъ—не одинъ десятокъ.

Не спросясь ученыхъ докторовъ, онъ считаетъ себя „поконченнымъ". Впереди—никакого просвѣта. И зачѣмъ только его лечатъ? Выдержатъ его и, коли онъ съума не сойдетъ, скажутъ:

— Ну, теперь, Спиридоновъ, ступай! Мы тебя отъ бѣлой горячки освободили. Твое дѣло опять человѣкомъ стать.

А онъ имъ не станетъ. Начнется та же канитель. Фабрика додѣлаетъ свое. Быть ему пропойцей, дрожать на морозѣ, въ опоркахъ о босу ногу, на паперти... вонъ тамъ, въ женскомъ монастырѣ.

Прежній Иванъ Прокофьевъ сгинулъ — дошелъ до послѣд-

няго срама онъ, образцовый когда-то мастеръ, про котораго писали въ газетахъ, комплектный подмастерье, умѣвшій разсуждать о Пьерѣ Безуховѣ, Аннѣ Карениной и Лео — „господина Шпильгагена“.

Какъ только настаетъ вечеръ, въ головѣ его начинаетъ чередоваться пестрой вереницей то, что стряслось съ нимъ меньше, чѣмъ въ полгода.

Давно ли это было, какъ онъ вернулся съ выставки, и награду ему дали, и въ подмастерья произвели? И какимъ онъ гоголемъ выступалъ! Въ новой блузѣ, въ новой фуражкѣ, при часахъ... Что твой французскій „увріеръ“!

И сейчасъ же выплывалъ передъ нимъ—на фонѣ полуосвѣщенной, темносѣроватой стѣны большой палаты — костлявый станъ Мареы, голова, повязанная платкомъ, и острый, бѣлесоватый носъ изъ-подъ платка, ея грязныя ноги, испачканныя краской, ея желтые, злобно-безумные глаза.

Вотъ откуда все пошло! Отъ этой вѣдьмы!

Какъ онъ дойдетъ до Мареы—тотчасъ же за ея головой и бѣлесоватымъ носомъ изъ-подъ платка — выступаетъ ухмыляющееся красивое лицо Антона Меньшова.

И губы его движутся, и онъ точно живой... И голосъ слышенъ ему:

— Мужицкое ты отродье! Неужели твоей тупой башкѣ не вразумительно? Вся твоя незадача въ томъ, что ты—ляховскій мужикъ. Женили тебя, по деревенски, и ты подчинился этому дурацкому обычаю. Это, по ученому, называется „обрядовое правительство“... А потомъ, когда изъ-за ненавистной жены ты впалъ въ тоску, и тятькина кровь въ тебѣ заиграла, его нервы алкоголика потянули къ водкѣ, ужъ не по прежнему, а какъ наслѣдственный недугъ. Спроси у господъ докторовъ—они тебѣ это самое отрапортуютъ. Не то что докторъ—и фельдшеръ, и тотъ, какъ по писанному, все это изложитъ тебѣ, глупому, злосчастному мужику—Савоськѣ!

Нешто это не правда?

Звѣрь, не городской, а деревенскій звѣрь, воскресъ въ немъ, когда онъ и въ первый разъ кинулся душить Мареу, и позднѣе, когда ее накрыли съ поличнымъ, и въ послѣдній разъ, когда она прокралась уводить отъ него Машутку.

Какъ же иначе могло оно быть? Вѣдь и отецъ его, и дѣдъ, и прадѣдъ, и все Ляхово, и вся ихъ волость, и всѣ обыватели селъ и деревень нашего государства звѣрски били, бьютъ и будутъ бить женъ, дочерей, братьевъ, даже родныхъ отцовъ и

матерей. И это смертное битье они переносятъ и сюда, на фабрику.

Точно онъ самъ не помнитъ исторій въ казармахъ съ тѣхъ поръ, какъ его мальчикомъ привели сюда? Коли память отшибло, ему хожалый Благомѣрный разскажетъ, какъ нынѣшней осенью подростокъ, мальчикъ по пятнадцатому году, ругалъ скверными словами и билъ собственнаго подгулявшаго отца и старую бабку, и разбилъ ей кулакомъ губу въ кровь.

Такимъ же манеромъ явилось и пьянство. Какъ же иначе могло это быть? Отецъ умеръ отъ запоя, дѣдъ пилъ, вся деревня пила — не пять, не десять, а сто и двѣсти лѣтъ. Въ кровь просачивалась сивуха. Пили старики, молодые, бабы, дѣвки. Родится ребенокъ, и у него въ жилахъ уже бродятъ старыя, вѣковыя дрожжи.

Давно ли это случилось? Онъ уже былъ въ подмастерьяхъ. По всей ихъ казармѣ ходилъ толкъ о томъ, какъ семилѣтняго мальчёнку оставили одного въ каморкѣ; онъ нашелъ на полу четверть вина, припасеннаго для общаго пьянства двухъ семей, приложился къ горлу бутылки и сталъ высасывать, и до тѣхъ поръ тянулъ, пока не упалъ замертво. И въ безчувственномъ состояніи его нашли на полу.

Чтò же это такое? Коли бы у него, въ жилахъ, не водилось хмельныхъ дрожжей, переданныхъ отъ „родителевъ“ — развѣ бы онъ могъ такъ насосаться, въ первый разъ, сивухи? Вѣдь ему стало бы, отъ одного глотка, гадко. Небось, водка — не пирогъ; проглотить ее надо умѣючи; а то она обдеретъ глотку, заставитъ и взрослаго поперхнуться; а тутъ семилѣтній мальчуганъ!

И это не его больная голова выдумала. Исторія записана была въ рапорты хожалаго — все того же унтера Благомѣрнаго. И онъ ему разсказывалъ ее во всѣхъ подробностяхъ. До сихъ поръ онъ помнитъ выраженіе его рапорта: „впалъ въ безчувственное состояніе“.

Долго ли онъ былъ въ ткацкихъ подмастерьяхъ? Безъ году — недѣлю. А сколько штрафовъ пришлось наложить — и не на однихъ мужчинъ, не на озорныхъ парней, а на женскій полъ — за чтò? За прогулы отъ выпивки. Женщины въ одной каморкѣ жаловались на ткачиху, которая „кулабродила“ и, пьяная, ругалась ночью, и посажена была въ будку. Ткачъ, изъ его же отряда, ходилъ, чуть не каждую недѣлю, жаловаться на „всегда пьяную“ жену.

И какъ только погаснутъ одна за другой эти картины — не-

премѣнно носится передъ нимъ смертная драка двухъ бабъ, когда онѣ, обѣ пьяныя, выскочили въ корридоръ, совсѣмъ голыя, ободравши на себѣ все, и катались по полу, какъ разъяренные звѣри.

И они съ Мареой справили свой смертный бой—чисто помужицки.

Во чтò же было ему — сыну пропойцы — уйти, какъ не въ сивуху? Недѣли не прошло, какъ его, послѣ ареста и разбирательства, лишили званія подмастерья и даровой квартиры, какъ онъ очутился въ слободкѣ, у съёмщицы, въ каморкѣ, гдѣ жило пятнадцать человѣкъ.

Чтò же могъ онъ больше дѣлать, какъ не заливать свою бѣду водкой? Винная лавка—направо, ренсковый—налѣво, „депо вина"—съ крыльца на крыльцо; а въ пяти шагахъ—трактиръ „Казбекъ", гдѣ онъ когда-то угощался сладкой водочкой и пивомъ. А теперь ему туда стыдно было глаза показать. Подъ вечеръ забѣжалъ въ простой кабакъ, опрокинулъ сорокоушку—и вонъ. Еще недѣля—и одёжа, кромѣ старой блузы, да балахона изъ дерюги, да опорокъ—все въ закладѣ. На харчевую книжку—не даютъ! Изъ деревни пріѣзжалъ дяденька Сидоръ Петровичъ и жаловался управляющему—за Иваномъ-де недоимки. У него вычли. Отъ мѣсячной дачки осталось нѣсколько рублей. И тѣ пошли туда же.

На работѣ онъ черезъ великую силу держался. Поставили его въ самую плохую команду, внизу, гдѣ работается, на старыхъ станкахъ, второй сортъ миткаля, его—Ивана Прокофьева, который могъ, на выставкѣ, ткать чтò угодно: жекáрдъ, драпъ, киргизúнъ, нансýкъ, сатинèтъ, туáль-де-норъ!

Еще двѣ недѣли — и начался запой. Нары, духота и вонь по ночамъ, клопы, тараканы, всякая нèчисть. Голова горитъ, сна нѣтъ, а только адская жажда, и въ глазахъ круги, и голоса, и шумъ, и тоска. Хуже всякой горячки. Хуже всего... Никакого помышленія ни о чемъ. Никого не жаль, ни передъ чѣмъ не страшно. Тянетъ къ одному. И за сорокоушку сдѣлаешь все: мертваго обдерешь и снесешь въ кабакъ.

Пришли—говорятъ:

— Иванъ! Очнись! Пьяница! Мареа умираетъ! Въ больницѣ лежитъ! Ты вѣдь ее доканалъ. Отъ твоихъ побоевъ она родила мертваго ребенка. Бога ты не боишься!

— И пущай ее! Кто такая Мареа? Знать не знаю! Вѣдать не вѣдаю! Мертвый ребенокъ... чей? Не касается меня! Проваливай!

Вѣдь вотъ дошелъ же онъ до такого оцѣпенѣнія чувствъ. Всю душу выѣло. Ничего въ ней не осталось. Безъ роду, безъ племени, ни жены, ни дѣтей, ни односельцевъ, ни товарищей.

И, до сего дня, не знаетъ, гдѣ похоронили Маѳу. На какомъ кладбищѣ? Должно быть, свалили въ общую яму. И мертваго сынишку—туда же. Или лекаря въ спиртъ, въ банку его тѣльце закупорили. Можетъ, и ее отослали потрошить—въ Москву, студентамъ, коли тамъ мертвецовъ не хватаетъ въ клиникахъ.

Машутка плакала, когда ихъ изъ фабричной каморки гнали. А ему ее не жаль было—точно она провинилась передъ нимъ тѣмъ, что мать хотѣла тайкомъ увести ее. За него ли она плакала, или по матери—до него это не касалось.

Пущай ее въ пріютѣ живетъ. Надежда Николаевна и Настасья Ильинишна просили мать молодыхъ хозяевъ принять ее. А могла бы и на улицѣ очутиться, или подъ нарами, въ той пакостной холодной избѣ, гдѣ лежало вповалку пятнадцать человѣкъ, гдѣ ругались съ утра до вечера паскудною бранью, пьянствовали и пѣли срамныя пѣсни.

Онъ не призналъ ея, когда она приходила разъ сюда, въ больницу, въ первые дни. Представилось ему, что это не Машутка, а совсѣмъ какъ живая мать ея: тотъ же носъ и платокъ, и безумные глаза, и ноги, выпачканныя краской. Онъ закричалъ и замахалъ руками.

Дѣвочку увели. Его посадили въ ванну. На другой день у него все изъ головы вылетѣло, и позднѣе онъ сообразилъ, что къ нему приходила Маша.

Всѣ оставили. Да и что же къ нему было ходить? Онъ какъ бѣсноватый былъ.

То же вышло и съ Авдотьей. Онъ зря осрамилъ хорошую бабёнку. Изъ-за скандала съ женой — ее „выдворили“ изъ казармы, и она попала на дурной счетъ. Кто-то говорилъ, что и совсѣмъ ея нѣтъ на фабрикѣ. Она съ характеромъ, свою амбицію имѣетъ. Навѣрно, начали приставать къ ней, сплетничать, всячески язвить, какъ это между женщинами бываетъ. Ну, и ушла на другую фабрику. А то, поди, и въ деревню должна была возвратиться, къ свекру любезному, къ дяденькѣ Сидору Петровичу, повиниться передъ нимъ, подъ его крылышко, къ лукавому снохачу.

Никакъ, сказывала ему сидѣлка—приходила какая-то работница. Она говорила про моталку... Дуняша и есть моталка. Только, видно, ея не пустили къ нему. И отъ нея бы онъ шарахнулся, какъ отъ родной дочери.

Кто къ нему пойдетъ? Ужъ не благопріятель ли его, Антонъ Егорычъ?

Тому зазорно теперь. И прежде-то онъ не очень къ нему льнулъ. А теперь—пойдетъ онъ къ прогорѣлому пропойцѣ! Забылъ, навѣрняка, что такой и на свѣтѣ былъ Иванъ Прокофьевъ, который съ нимъ о книжкахъ разговаривалъ и „брудершафтъ“ съ нимъ пилъ.

Все вышло—точка въ точку—какъ онъ предсказывалъ. Мужичью иначе и не полагается: жену до смерти забить, по кабакамъ шляться, образъ Божій потерять. Вѣдь для него всѣ они—здѣсь на фабрикѣ—тоже чумазое и глупое мужичье, годное на то только, чтобы ихъ степенства, господа именитые мануфактуристы, стригли ихъ, какъ стадо барановъ.

Сегодня въ головѣ у него нѣтъ тумана. Все онъ почувствовалъ — до самаго дна. Да, душу выѣло у него... что̀? Фабрика? Или своя мужицкая „комплекція“? Вѣдь его никто не тянулъ въ помойную яму. А дошелъ же онъ до такого паскудства и бездушія!..

Послѣднимъ встало передъ нимъ лицо его матери, въ темномъ платкѣ, завязанномъ ниже подбородка, съ распущенными концами по плечамъ.

И ее вышибло у него изъ души. Подумалъ ли онъ, хоть разъ, когда кутилъ, больше двухъ мѣсяцевъ, что тамъ, въ Ляховѣ, живетъ старуха, въ чужой семьѣ, у ехиднаго деверя, заработывать сама ничего не можетъ, глаза ослабли.

Въ послѣдній разъ послалъ онъ ей „трешницу“. И съ тѣхъ поръ—ни единой копѣйки.

Жива она, болѣетъ, чѣмъ кормится, каково ей приходится теперь отъ дяденьки? Ни единаго раза онъ не подумалъ объ этомъ.

На кого же онъ похожъ? Человѣкъ онъ или хуже всякаго безсмысленнаго скота? Хуже.

Всѣ звѣри собственныхъ дѣтей, слышно, любятъ, душу свою за нихъ полагаютъ; дѣтеныши къ родителямъ припадаютъ. А онъ, выходитъ, и звѣриныхъ чувствъ не имѣетъ?

„Зачѣмъ же мнѣ на свѣтѣ оставаться“? — спросилъ себя Иванъ, и этотъ вопросъ обдалъ его холодомъ.

„Для чего же меня лечили“?—продолжалъ онъ ставить себѣ вопросы, напиравшіе на него съ неизвѣданной имъ силой. Нужды нѣтъ, что они—ученые доктора. Припадки у него пройдутъ. А другимъ человѣкомъ—ни ванны ихъ, ни пилюли, ни порошки, ни припарки—все равно не сдѣлаютъ.

Эту мысль, сегодня, точно винтомъ, завинтили ему въ мозгъ. Ну, вотъ, выпишется онъ изъ больницы—черезъ недѣлю. Больше и держать не станутъ, да и не къ чему. Выйдетъ онъ, и опять пойдетъ тоже. У господъ лекарей нѣтъ такого снадобья, чтобы излечивать отъ чарки.

Читалъ онъ и въ газетахъ, что какой-то мѣщанинъ, оттуда, съ Урала, что-ли, знаменитымъ сталъ знахаремъ по запойной части. И въ Петербургъ наѣзжалъ, и въ Москву. Можетъ, и теперь проживаетъ въ Москвѣ. Сколоти деньжонокъ—хоть синюю ассигнацію, сядь на чугунку, отыщи его, бухнись въ ноги— „ослобони, молъ, меня окаяннаго, отъ этой нечисти, и поступи на искусъ... Неужели съ тебя, съ бѣдняка, затребуетъ онъ непомѣрный кушъ! Можетъ, и даромъ научитъ что̀ дѣлать, продержитъ какихъ-нибудь два-три дня на испытаніи.

И этотъ знахарь — будь онъ хоть чудотворецъ—не воскреситъ его души, не сдѣлаетъ его прежнимъ Иваномъ Прокофьевымъ. Водка—сама по себѣ ничего не значитъ. Она потому и завладѣла имъ, что ей „вольготно“ было выѣсть изъ его души всю сердцевину.

И теперь—тамъ пустышка.

Иванъ оглянулъ палатку. Всѣ улеглись. И ему надо снять халатъ и улечься какъ слѣдуетъ.

Изъ двери показалась плотная фигура фельдшера. За нимъ шла сидѣлка. Фельдшеръ днемъ носилъ фартукъ съ рукавами; а теперь онъ—въ темномъ пиджакѣ.

Лицо у него хмурое, чернявое, и вихоръ волосъ торчитъ на морщинистомъ лбу. Больные побаиваются его больше, чѣмъ обоихъ докторовъ. Но онъ — хорошій парень; только лицо у него такое, и голосъ рѣзковатъ.

Ивана онъ жалѣлъ и обращался съ нимъ мягче, чѣмъ съ другими въ той же палатѣ. Прежде они были даже пріятельски знакомы—лѣтъ этакъ пять-шесть назадъ, когда Иванъ частенько хаживалъ въ больницу — долго болѣлъ ломомъ въ ступнѣ и въ правомъ локтѣ отъ простуды.

Фельдшеръ дѣлалъ свой вечерній обходъ.

— А ты что-жъ въ халатѣ проклажаешься?—спросилъ онъ, подходя къ койкѣ Ивана.

— Такъ... замѣшкался... — отрывисто вымолвилъ Иванъ и хотѣлъ обернуться къ стѣнѣ.

— Привстань. Открой хорошенько глаза.

Сидѣлка шла позади его со свѣчой.

— Поближе!—приказалъ ей фельдшеръ.

Онъ посмотрѣлъ въ глаза Ивана, потомъ прошелся ладонью по лбу и пощупалъ пульсъ.

— На ѣду позыву больше?

— Все то же,—нѣхотя отвѣтилъ Иванъ.

— Понатуживаться надо, братецъ.

— Мало совсѣмъ ѣстъ,—доложила сидѣлка.

— А тѣ черныя капли аккуратно даешь ему? Передъ каждой ѣдой?

— Даю.

— Должны подѣйствовать. А такъ ни на что не жалуешься?—спросилъ онъ Ивана.

— Нѣтъ, ни на что.

И только-что фельдшеръ и сидѣлка скрылись за дверью — Иванъ, все еще въ халатѣ, спустилъ ноги и сѣлъ на койкѣ, лицомъ къ стѣнѣ.

Зачѣмъ онъ не пожаловался фельдшеру на безсонницу?

Ему давали лекарство въ первые дни, когда онъ всѣ ночи напролетъ мучился безъ сна. Совсѣмъ какъ вода. Выпьешь сткляночку—и ровно убитый лежишь; только утромъ голова пустая. Все отшибаетъ. И мыслей никакихъ нѣтъ. И ничего не страшно. Лежишь точно истуканъ.

Нужды нѣтъ, что онъ теперь можетъ засыпать и безъ этого лекарства. Нешто они догадались бы, что онъ притворяется? Нарочно не засыпай... до поздней ночи. Вотъ и повѣрятъ. Сидѣлка доложитъ. Покличь ее разъ-другой ночью.

— „Нѣтъ, молъ, Аннушка, мочи моей. Ни капельки не заснулъ, съ девятаго часа вечера“.

Голова его заиграла. Прежній „дошлый“ ткачъ воскресъ въ немъ—охочій до всякаго рода соображеній: какъ надо наладить вотъ такую-то работу по сложному рисунку ткани.

Тихо и быстро снялъ онъ халатъ и туфли, поправилъ постель и легъ, натянувъ на себя одѣяло до подбородка.

Лежитъ онъ навзничь и все обдумываетъ.

Ежели отъ одной махонькой сткляночки нападаетъ сонъ, и человѣкъ точно безчувственный истуканъ, то что̀ же съ нимъ можетъ быть отъ пяти, отъ шести такихъ стклянокъ? Выпей за разъ или въ два пріема—и не проснешься.

Вспомнилъ онъ, какъ года два-три назадъ вышелъ въ читальнѣ, при Настасьѣ Ильинишнѣ, большой разговоръ о тѣхъ, кто самъ себя лишаетъ жизни. Тогда онъ въ первый разъ дочелъ „Анну Каренину“, и ему не было жаль эту госпожу.

„Все отъ барскаго сладкаго житья. Блажь на себя напу-

стила!—рѣшилъ онъ тогда, и другіе ему выговаривали:—Ты, молъ, Иванъ, по христіански на нее взгляни. Что̀ жъ ей больше осталось, горемычной? Отъ мужа ушла, любезный разлюбилъ, мальчёнка-сына лишилась".

Но онъ—не объ ней одной, а о всѣхъ самоубійцахъ, о которыхъ читалъ въ книжкахъ, и о тѣхъ, про кого по газетамъ и устнымъ разсужденіямъ узнавалъ—одинаково строго разсуждалъ.

Или они въ безуміи находились, или въ Бога не вѣрили, страха Господня не знали; а то такъ—„нажравшись вина", въ прорубь бросались, въ петлю, на чердакѣ, лѣзли.

Вотъ онъ какой былъ „грозный судія". И не хотѣлъ онъ сдаваться ни на чьи рѣчи. Для него это было ясно и твердо. И про себя онъ говорилъ: „Случись со мною такой срамъ— чего Боже избави—либо я спился, либо Господь напустилъ на меня помѣшательство, либо я безбожникомъ сталъ".

А вотъ теперь и его такъ потянуло вонъ изъ жизни. Отчего? Отъ водки? Не прямо отъ нея. Бѣлой горячки у него уже нѣтъ. Голова у него дѣйствуетъ, какъ надо; поставить его сейчасъ за станокъ—онъ начнетъ работать, какъ и всѣ прочіе.

Стало, Бога у него нѣтъ?

И этого вопроса онъ не испугался. Выходитъ—выѣло у него и страхъ Божій. Никто его не смущалъ, не давалъ ему безбожныхъ книжекъ. Но о томъ — что̀ спасаетъ или губитъ душу— онъ забылъ. И пьянствовалъ—не вспомнилъ ни единаго раза о Творцѣ небесномъ, ни въ припадкахъ смертной тоски здѣсь въ больницѣ. Въ церкви не былъ больше двухъ мѣсяцевъ, молитвы не прочелъ про себя никакой... И лобъ разучился крестить.

Стало—Спаситель отступился отъ него, батюшка. Оттого и душу у него кто-то выѣлъ до дна. Надо умирать — по доброй волѣ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

А какъ же молиться, коли самъ, умышленно, идешь на такое дѣло? Это ужъ совсѣмъ гнусно.

И опять началъ онъ соображать, какъ ему половчѣе устроить „штуку" съ лекарствомъ отъ безсонницы. Это должно удаться. Не больно трудно и другія болѣсти напустить на себя. Продержатъ и еще лишнюю недѣлю. Изъ сткляночки, при сидѣлкѣ, не выпивать. Самъ, молъ, знаю—когда проглотить. Она позволитъ. Раздобыть пузырекъ побольше и туда сливать. А потомъ залпомъ — и „прости, прощай, жизнь безталанная! мать-сыра земля, прими блуднаго сына своего"!

Не выгоритъ это—мало ли средствъ? Ужъ коли барыня знатная, на сладкомъ житьѣ выхоленная — не побоялась положить

на рельсы голову, подъ паровозъ, такъ чего же „кочевряжиться“ —выговорилъ Иванъ мысленно — пропойцѣ ткачу, ляховскому мужику?

И еще долго, до второго часа, онъ думалъ все о томъ же.

XXIV.

Старшій докторъ больницы — пожилой брюнетъ, съ худымъ лицомъ, въ фартукѣ съ рукавами—сдѣлалъ перерывъ въ пріемѣ приходящихъ больныхъ. Въ просторной, свѣтлой комнатѣ, тотчасъ послѣ сѣней—еще ждало человѣкъ около двадцати, въ томъ числѣ нѣсколько бабъ съ дѣтьми.

Фельдшеръ попросилъ Надежду Николаевну Вознесенскую въ кабинетъ доктора.

Она вошла къ нему прямо въ тепломъ пальто и съ башлыкомъ на головѣ. Ея полныя щеки зарумянились отъ мороза.

Докторъ сидѣлъ у стола, въ позѣ человѣка сильно утомленнаго.

— Я васъ не стану задерживать, Андрей Герасимовичъ,— заговорила она, подавая ему руку.

— Присядьте... гостьей будете.

— Пришла еще разъ просить васъ за Ивана Спиридонова. Пожалуйста, нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы не было огласки.

— Чего?—спросилъ докторъ, поглядѣвъ на нее искоса.

— Вы знаете... его злосчастной попытки.

— Съ какой же стати мы сами будемъ трубить? Это можетъ бросить тѣнь на насъ же.

— И съ фельдшера вы ужъ не слишкомъ строго взыскивайте.

— Виновата больше сидѣлка, чѣмъ фельдшеръ. Вашъ протежé—даромъ что неврастеникъ, доходившій до припадковъ буйнаго бреда,—тонко все продѣлалъ.

Докторъ тихо засмѣялся.

— Въ немъ, кажется, произошелъ кризисъ. Онъ самъ прислалъ ко мнѣ свою дочь. Это—хорошій признакъ. Я не хочу вѣрить, чтобы онъ погибъ.

— Съ какой стати. И теперь онъ уже внѣ всякой опасности.

— Нѣтъ, я хочу сказать: погибъ нравственно.

Понизя тонъ, Надежда Николаевна наклонилась къ доктору и спросила:

— Неужели онъ фатально обреченъ быть алкоголикомъ?

— Весьма вѣроятно. Тутъ и наслѣдственное расположеніе. Отецъ его умеръ отъ запоя. И расшатали весь организмъ—двадцать лѣтъ фабричной жизни. Ни одного здороваго нерва. Ткачи и прядильщики даютъ главный контингентъ кандидатовъ вырожденія.

— Неужели же вырожденія, Андрей Герасимовичъ?—грустно повторила она.

— Что? Слово васъ пугаетъ! А то какъ же назвать? Дегенерація—если угодно, иностранный терминъ. Будь онъ чернорабочій, шуровщикъ, кузнецъ, плотникъ или землекопъ — у тѣхъ мышцы въ здоровомъ напряженіи, и есть противовѣсъ постоянному раздраженію мозга, при самой минимальной физической работѣ. Это хуже, чѣмъ сидѣть въ канцеляріи, бумаги переписывать. Тамъ не требуется такого безпрерывнаго вниманія, какъ тутъ. А остальное—вы сами знаете; кромѣ наслѣдственности, бываютъ причины индивидуальныя, и почва была у него благопріятная. Онъ, оказывается, давно уже пьетъ. Пьяницей не былъ, но съ двадцати лѣтъ выпивалъ рюмку-другую. По нашимъ съ моимъ коллегою наблюденіямъ, такой режимъ — самый тлетворный. Онъ неминуемо ведетъ къ алкоголизму. Хуже спорадическаго загула, какъ въ деревняхъ — на праздникахъ, базарахъ, свадьбахъ.

— Стало быть, въ Россіи всѣ господа такіе алкоголики: всѣ вѣдь пьютъ водку передъ обѣдомъ и ужиномъ?

— Непремѣнно,—протянулъ докторъ и всталъ.

— Очень, очень интересно то, что вы говорите, Андрей Герасимовичъ... Только печально было бы согласиться съ вашими выводами. Но я еще разъ прошу васъ объ Иванѣ Спиридоновѣ. Онъ самъ пришелъ къ сознанію своего положенія.

— Еще немного повыдержимъ его. Остальное отъ него зависитъ.

— Вѣдь вы знаете, что онъ и безъ того наказанъ. Былъ на отличной дорогѣ, и теперь... заурядный ткачъ. Простите! я васъ задерживаю. Столько еще больныхъ ждетъ васъ.

Докторъ повелъ головой.

— Вы, вѣроятно, уже отпустили около ста человѣкъ.

— Съ лишнимъ!

— И такъ каждый день! Вотъ про меня говорятъ, что я закаленная на рѣдкость; а, право, я бы не выдержала такъ изо дня въ день.

Она крѣпко пожала ему руку и, выйдя въ пріемную, стала подниматься во второй этажъ.

На зовъ Спиридонова Надежда Николаевна откликнулась тотчасъ же. Въ первое время, когда Иванъ, послѣ звѣрской драки съ женой, началъ безобразно пьянствовать, она возмущалась и не хотѣла даже вспоминать о немъ.

Но ей стало жаль Машу. Принять дѣвочку въ пріютъ просила она вмѣстѣ съ Настасьей Ильинишной. И часто, по крайней мѣрѣ черезъ два-три дня, она приглашала Машу къ себѣ въ вечерніе часы, заставляла ее читать вслухъ, или давала какую-нибудь ручную работу.

Маша и съ ней была сдержана. Отца она жалѣла больше, чѣмъ мать, и въ ней замѣтно было желаніе какъ-нибудь выгородить отца, чтобы не выходилъ онъ виновнымъ въ смерти матери.

Попытку Ивана покончить съ собою Надежда Николаевна съумѣла скрыть отъ Маши, и когда узнала, что Ивану стало лучше, и нечего опасаться за то, что онъ придетъ въ душевное разстройство, она отпускала Машу изъ класса, и въ учебные часы, побыть около отца, на что докторъ съ трудомъ согласился.

Поднимаясь къ Ивану, она знала, что онъ лежитъ не въ большой палатѣ, а въ узковатой комнатѣ мужского отдѣленія, гдѣ стояло всего три койки.

Когда Вознесенская вошла туда, Иванъ лежалъ въ халатѣ, причесанный и съ бѣлымъ платкомъ на шеѣ.

Остальныя двѣ койки стояли безъ больныхъ.

На низкой скамеечкѣ сидѣла Маша, спиной къ свѣту изъ окна, и ея тонкій и вздрагивающій голосокъ отчетливо и громко раздавался по комнатѣ.

Отецъ ея слушалъ сосредоточенно, съ полузакрытыми глазами.

Маша неторопливо выговаривала:

„Если пребудете въ словѣ Моемъ, то вы истинно Мои ученики. И познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными. Ему отвѣчали: Мы сѣмя Авраамово и не были рабами никому никогда; какъ же Ты говоришь: сдѣлаетесь свободными? Іисусъ отвѣчалъ имъ: истинно, истинно говорю вамъ: всякій дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха“...

Вознесенская остановилась въ дверяхъ. Ее схватило за сердце. Даже глаза стали влажны. Въ голосѣ этой умненькой и способной дѣвочки—ея ученицы—она слышала больше, чѣмъ чтеніе главы изъ евангелія отъ Іоанна. Цѣлая четверть вѣка труда, куда положено было столько терпѣнія и любви, слышалась въ голосѣ Маши. Дѣвочка хорошо понимаетъ, что̀ она прочла, и отецъ

ея жадно слушаетъ слова, которыхъ просила его страждущая душа.

Первая увидала ее Маша.

— Тятенька,—шепнула она, приподнимаясь,—Надежда Николаевна пришли.

Иванъ весь встрепенулся и тотчасъ же спустилъ ноги съ желаньемъ встать.

— Лежите, лежите, Иванъ, не нужно вставать. Здравствуй, Маша! Хорошо читаешь... Очень, очень хорошо.

Она погладила ее по плечу и сѣла на пустую постель—противъ изголовья Ивановой койки.

— Матушка!—заговорилъ онъ слабымъ голосомъ.—Пришли, не погнушались...

Голосъ дрогнулъ. Но у него хватило силъ сдержать слезы.

— Машутка, — сказалъ онъ дочери вполголоса.—Выдь на минутку... туда, на лѣстницу.

Маша молча и беззвучно—она была въ валенкахъ—вышла изъ палаты.

— Надежда Николаевна, голубушка! — Иванъ поднялся и сѣлъ въ кровати.—Всей душой тянулся я къ вамъ. Кого просить? За кѣмъ послать? Къ батюшкѣ? У него дѣла много... и безъ меня. Требы, уроки. А причастья я еще не стою. Да и не знаетъ онъ меня такъ, какъ вы знаете.

Отъ волненія онъ усиленно перевелъ дыханіе. Слезы блестѣли на его рѣсницахъ.

— Спасибо, Иванъ, за довѣріе. Я сейчасъ была у доктора. Онъ говоритъ, что вы можете скоро выписаться. Но я не скрою—онъ боится за васъ.

Надежда Николаевна подошла ближе къ его изголовью.

— Вы слышали, что вамъ сейчасъ Маша читала? Кто рабъ? Тотъ, кто въ когтяхъ страстей своихъ.

— Да, да... Рабъ и есть...—прошепталъ Иванъ. И злодѣй!—глуше прибавилъ онъ.

— Ну, до этого еще далеко. Зачѣмъ же на себя клеветать?

— Нѣтъ, матушка, не клевещу.

Онъ схватилъ себя руками за голову и зарыдалъ.

— Какъ же не злодѣй? Какова бы она ни была, вѣдь я съ ней въ законѣ четырнадцать годовъ прожилъ. Дочь имѣю отъ нея... Зналъ, что она на сносяхъ тяжела, и въ такое звѣрство впалъ. Убилъ ее, прямо убилъ... И ребенка... своего же вѣдь... не чужого!

Иванъ смолкъ, сидя на постели, съ поникшей головой. Онъ нервно всхлипывалъ и отиралъ слезы рукавомъ халата.

— Умысла у васъ не было,—выговорила кротко Надежда Николаевна, охваченная чувствомъ новой жалости къ своему давнишнему ученику, къ жертвѣ темныхъ стихійныхъ силъ, съ которыми она все такъ же готова бороться и теперь, какъ и четверть вѣка назадъ.

Солнце зашло за стѣну сосѣдней казармы.

Маша сидѣла опять, по уходѣ Надежды Николаевны, на скамеечкѣ у окна, и такъ же внятно, своимъ высокимъ, вздрагивающимъ голоскомъ, выговаривала:

„Іисусъ сказалъ ей: Я есмь воскресеніе и жизнь: вѣрующій въ Меня если и умретъ—оживетъ“.

„И всякій живущій и вѣрующій въ Меня—не умретъ во вѣкъ. Вѣруешь ли сему“?

Иванъ лежалъ все такъ же, съ полузакрытыми глазами, закинувъ руки за голову.

Красный цвѣтъ книжки, откуда Маша читала ему, узкой полосой мелькалъ передъ нимъ и наполнялъ его особой радостью. Точно онъ обрѣлъ какой-то кладъ.

И вспомнилось ему, что этотъ „Новый Завѣтъ“ подарилъ онъ дочери, когда она перешла во второй классъ. И такую же точно книжку, только въ темномъ переплетѣ, подарилъ онъ и Паранькѣ, своей двоюродной сестрѣ, и та, бывало, по воскресеньямъ, читала тоже вслухъ, въ избѣ или на заваленкѣ.

Точно онъ совсѣмъ забылъ, что есть такая книга.

Сколько нужно было „окаянства“, чтобы душа его запросила тѣхъ словъ, безъ которыхъ не взвидишься—и ты хуже звѣря, хуже мытаря и разбойника.

Надежда Николаевна ничего лишняго не сказала ему, не читала нравоученій, а напомнила только, что̀ есть рабъ. Вотъ такой, какъ онъ, пресмыкавшійся передъ своими страстями.

Еслибъ Спаситель міра предсталъ передъ нимъ въ эту минуту, въ бѣломъ лучезарномъ хитонѣ, и громко спросилъ его, какъ Мареу, сестру Маріи: „Вѣруешь ли сему“?—онъ нелицемѣрно воскликнулъ бы:

— Вѣрую, Господи!

Маша продолжала читать до конца главы.

И по мѣрѣ того, какъ она читала, память Ивана подсказывала ему, что̀ будетъ дальше. Значитъ, онъ хорошо помнитъ это евангеліе.

И ему захотѣлось, чтобы она прочла ему то мѣсто, гдѣ Спаситель прощается съ учениками.

— Машутка, — остановилъ онъ ее: — возьми-ка подальше, когда во время тайной вечери діаволъ смутилъ Искаріота-предателя.

— Сейчасъ, тятенька.

Она знала, которая это глава, сейчасъ же нашла и продолжала читать:

„Дѣти, не долго уже быть Мнѣ съ вами“.

— А дальше что?—опять остановилъ онъ Машу.—Сейчасъ, —слѣдующій, никакъ, стихъ?

„Заповѣдь новую даю вамъ: да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга“.

„Онъ милосердъ, батюшка,—страстно подумалъ онъ, и губы его двигались, произнося вслухъ слова молитвы:—Онъ проститъ и меня, окаяннаго“...

Третьяго дня Иванъ заставилъ Машу написать въ деревню, отъ своего имени, Катеринѣ. Въ письмѣ онъ просилъ ее „слезно“, если только позволятъ ей больныя ноги, доѣхать до фабрики, навѣстить его и помочь ему загладить его „смертную“ вину передъ „покойницей“, отслужить панихиду на ея могилѣ.

Добрые люди разузнали, гдѣ похоронена Мароа—на городскомъ новомъ кладбищѣ, туда, въ сторону Ляхова.

Ему дѣлалось все радостнѣе. Точно изъ него, какъ изъ бѣсноватаго, что вышелъ на встрѣчу Спасителя изъ пустыхъ гробницъ, выгнали бѣса, имя же ему „легіонъ“. Неужели онъ обреченъ на вѣчное безпутство оттого, что отецъ его умеръ отъ запоя?

А мать? Почему же не подумалъ онъ во-время о томъ— какая она твердая и богобоязненная старуха. Чего-чего не перенесла она, когда жила съ его отцомъ, и потомъ, съ той поры, какъ вдовѣетъ!

Слышалъ ли онъ отъ нея когда-нибудь жалобы и попреки? Впала ли она въ малодушіе? Тѣло стало немощно, а духомъ она все такая же. А вѣдь она—мужичка; сдѣлали ее такой изба и деревня. Она—его „родительница“, носила его подъ сердцемъ девять мѣсяцевъ и выкормила своимъ молокомъ.

Какъ прекрасно было бы, вотъ такъ, съ умиротворенной душой, перейти въ другую жизнь, когда Господу угодно будетъ призвать къ себѣ! Но по своей злой волѣ не покончитъ онъ съ собою—сколько бы ни пришлось претерпѣть.

На него слетѣла тихая дрема, и сквозь нее, какъ будто

сквозь прозрачную пелену, доходятъ до него слова изъ красной книжки, подаренной имъ Машуткѣ:

„И Я умолю Отца, и дастъ вамъ другого Утѣшителя—духа истины, котораго міръ не можетъ принять, потому что не видитъ Его и не знаетъ Его, а вы знаете Его, ибо Онъ съ вами пребываетъ и въ васъ будетъ“...

Маша взглянула украдкой на отца, и голосокъ ея смолкъ.

XXV.

Въ родильномъ домѣ, недалеко отъ больницы, въ тотъ же часъ—когда стали зажигать въ корридорѣ лампы—больная, лежавшая одна, въ небольшой узковатой комнатѣ, о чемъ-то шепталась съ сидѣлкой.

Было уже темно въ комнатѣ. Сидѣлка еще не вносила свѣчи.

— Только для васъ, милая барышня, — говорила сидѣлка, наклонившись надъ койкой.—Сильно можетъ влетѣть мнѣ.

— Да вѣдь бабка уѣхала въ городъ?

— А кто ее знаетъ, когда она вернется?

— Такъ онъ сказалъ: приду?

— Сказалъ:—пойду на работу и зайду, значитъ.

— Спасибо, спасибо, Ѳеклуша.

Больная потянулась къ сидѣлкѣ и поцѣловала ее.

— Ты посиди въ передней.

— Иду, иду. За свѣчой схожу.

Сидѣлка вышла.

Ѳеничка опустила голову на подушки. Она у нея все еще кружилась. Слабость разливалась по всему тѣлу. Ей приказано было лежать на спинѣ, безъ всякихъ движеній.

Теперь боли стихли; а какъ она натерпѣлась цѣлыхъ два дня, особенно въ первый день, когда попала сюда!

Господи! Сколько пришлось выносить изъ-за одного человѣка! А она какъ унижается, клянчитъ у него, точно милостыни, поглядѣть только на его ясныя очи, забѣжать на минутку сюда, показать ему свой дѣвичій срамъ!

Другая бы возненавидѣла его; по нынѣшнему времени—плеснула бы ему въ лицо купоросныго масла или утюгомъ ударила бы въ голову.

И ее оправдали бы на судѣ. Непремѣнно оправдали бы. Или наложили бы пустое наказаніе—посидѣть въ острогѣ. Да, другая

сдѣлала бы это обязательно; а она совсѣмъ умирала третьяго дня—и объ одномъ горевала: не увидитъ она его больше.

И когда стали ей давать нюхать губку съ хлороформомъ и пошла у нея въ головѣ муть, потомъ грёзы разныя—представился ей Антоша.

Проснулась послѣ операціи, и пожалѣла—зачѣмъ она не умерла сонная, съ грёзой о любимомъ человѣкѣ. А онъ—хотя бы разокъ съ тѣхъ поръ, какъ съ ней *это* случилось, прислалъ кого-нибудь навѣдать—жива ли, молъ, или приказала долго жить!

Скрывала она свой стыдъ отъ матери—цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. И отецъ ничего не зналъ. Сколько разъ думала покончить съ собою, видя, что Антоша охладѣлъ къ ней такъ скоро, и тяготится ею, и показываетъ это ей—съ каждымъ днемъ все больше и больше.

Не хватило смѣлости. Не потому, чтобы за себя стало черезчуръ страшно; а изъ боязни лишиться его, изъ глупой дѣвичьей надежды: авось въ немъ произойдетъ „поворотъ", и онъ почувствуетъ, наконецъ, какъ она его полюбила.

Что̀ она станетъ дѣлать, когда нельзя уже будетъ скрывать своего положенія отъ родителей—она и не спрашивала себя... Будь, что̀ будетъ!

И вдругъ—отчего—она не знаетъ, быть можетъ натрудила себя съ машиной—схватили ее страшныя боли. Тутъ все открылось. Мать не съумѣла скрыть отъ отца.

Что̀ ей привелось выслушать, когда она металась на кровати!.. Изъ-за нея отецъ, ругавшій ее самыми послѣдними словами, чуть не подрался съ матерью. Онъ не хотѣлъ терпѣть такой „пакости" въ своей квартирѣ. Мать плакала и умаливала его: не срамить дочери, не гнать ее въ родильный покой, гдѣ лежатъ всякія паскудницы — солдатки и пропащія фабричныя дѣвки ходятъ „опрастываться".

Она сама запросилась туда — только бы облегчились ея нестерпимыя боли.

И вотъ она четвертый день лежитъ. Ей здѣсь хорошо. Она ушла отъ брани, а можетъ, и отъ побоевъ отца. Мать приходитъ—по утрамъ. Отецъ нейдетъ, Богъ съ нимъ!

Совѣсть ея чиста. Она умышленно ничего не дѣлала, ничего, чтобы избавиться отъ срама. Не узнавала даже въ городѣ—водятся ли такія „старушки", которыя продаютъ снадобья для дѣвицъ въ ея положеніи?

То, что̀ случилось, вышло къ лучшему. Еслибъ она благопо-

лучно дошла до конца—куда дѣвалась бы она съ своимъ ребенкомъ? Отецъ не позволилъ бы держать его при себѣ.

И пришлось бы отдать его въ деревню или везти въ Москву, въ воспитательный. Оттуда онъ попалъ бы опять-таки въ деревню, сталъ бы „воспитомникомъ". Сколько бы онъ натерпѣлся у жадной и злой бабы, кормили бы его болтушкой, или соской изъ прокислаго коровьяго молока — только бы получать за него деньги. Ежели онъ остался бы живъ — что̀ за доля, мальчику ли, дѣвчонкѣ ли: весь свой вѣкъ биться въ грязи, въ вони, на черномъ хлѣбѣ и жидкомъ квасѣ, съ постылымъ пьянымъ мужемъ, или въ батракахъ, безъ кола, безъ двора!

Ѳеничка начала жадно прислушиваться. Головѣ — полегче, но сердце замираетъ. Вдругъ выйдетъ что-нибудь?

Здѣсь порядки строгіе. Вернется начальница раньше, заглянетъ къ ней и найдетъ сторонняго молодого мужчину—сидѣлку прогонятъ.

Авось все обойдется. Только хоть однимъ глазкомъ увидать.

Неужели онъ хоть чуточку не пожалѣетъ ее? Вѣдь онъ—отецъ.

„Кого?—спросила она себя, и щеки ея зардѣлись въ темнотѣ.—Дѣвочки или мальчика"?

„Кого"? — повторила Ѳеничка.

Она не знаетъ. Ей никто не сказалъ. Не знаетъ она и куда *это* прибрали.

Вошла со свѣчой, подъ абажуромъ, сидѣлка—плотная женщина, съ добродушнымъ круглымъ лицомъ.

— Нянюшка!—зашептала Ѳеничка.—Ради Бога... посиди... тамъ, въ передней. Только еще бы кто не увидалъ.

— Некому больше. Никого нѣтъ. Я одна дежурная. Я ужъ ему скажу, барышня, чтобъ онъ живой рукой, не засиживался тутъ.

— Поди, поди, Ѳеклуша!

Прошло не больше десяти минутъ, но онѣ томительно тянулись для Ѳенички.

Вотъ, кажется, отворилась наружная дверь, и ее тихо прихлопнули. Какъ будто мужскіе щаги въ передней. Перешли въ корридоръ.

— Это Антоша! — вслухъ прошептала Ѳеничка, приподнялась въ постели и поправила на себѣ кофту.

Больничный халатъ она попросила сидѣлку снять съ себя на время.

Подошли къ ея двери. Ѳеклуша впустила Меньшова и притворила дверь.

Голова пошла кругомъ. Точно облако заволокло ей зрѣніе. Она очнулась—Меньшовъ сидѣлъ на краю койки и поддерживалъ ее за плечи.

— Ну вотъ, ну вотъ! — заговорила она, блаженными глазами впиваясь въ его лицо.

А слезы текли по исхудалымъ щекамъ.

И вся она вздрагивала отъ радости.

— Лягъ, лягъ!—уговаривалъ онъ ее. — Хуже будетъ. Видишь, какъ ты слаба.

Она опустила голову на подушку. Меньшовъ не глядѣлъ ей въ глаза, боясь, что сейчасъ она начнетъ „ревѣть". Можетъ, и того хуже: сдѣлается припадокъ, его „накроютъ" здѣсь, и выйдетъ исторія.

Но Ѳеничка только впивалась въ него глазами, а рукой гладила по плечу и беззвучно повторяла:

— Не сердись, Антоша, не сердись!

На дворѣ Меньшовъ, въ раздумьѣ, остановился — идти ли ему работать, или къ Настасьѣ Ильинишнѣ.

Время, какое полагается на вечерній чай рисовальщика, было уже на исходѣ: оставалось всего десять минутъ.

Ему слишкомъ тяжело было идти работать, сидѣть между двумя „идіотами", молчать и слушать, какъ и тотъ, и другой, посапываютъ, выводя свои рисунки.

Свиданіе съ Ѳеничкой, ея беззавѣтная страсть къ нему и кротость—смущали его сильнѣе, чѣмъ онъ могъ ожидать. Но что̀ же ему дѣлать? Свобода—дороже ему всего на свѣтѣ. Разъ это сказалъ—такъ и будетъ поступать.

Жаль ему дѣвочку. Натерпѣлась боли и страха. Разумѣется, и огласка пойдетъ на всю фабрику. Женихи съ гоноромъ будутъ пренебрегать. Отецъ—ругаться, а можетъ, и бить станетъ.

„Что̀ жъ тутъ дѣлать"? Не мало усовѣщивала его Настасья Ильинишна. На что̀ къ нему слаба, а грозила вѣдь совсѣмъ отказаться отъ него.

Однако замолчала, когда онъ ей сказалъ, на той недѣлѣ, особеннымъ голосомъ:

— Маменька... Еслибъ я ей, когда она мнѣ на шею вѣшалась, не говорилъ, что жениться я не желаю, ни подъ какимъ видомъ, тогда я дѣйствительно поступилъ бы подло на вашъ взглядъ. Она это знала. Ей больше двадцати лѣтъ есть. Ваше дѣло—выгнать меня, но я себя подлецомъ не считаю!

Скверно у него на душѣ и не отъ одного посѣщенія Ѳенички. Щемило его и то, что онъ пойдетъ къ Настасьѣ Ильинишнѣ — опять клянчить.

Деревенскіе стали его, не на шутку, доѣзжать. Надо имъ къ святкамъ послать денегъ. Иначе они сдѣлаютъ ему крупную мерзость. Паспорта, до сихъ поръ, не шлютъ, и что-то такое задумываютъ самое ехидное.

Вѣдь онъ никакихъ своихъ „правѣвъ“ не имѣетъ. Сельское общество можетъ все съ нимъ сдѣлать. Поди, жалуйся. Допрежь тебя вытребуютъ по этапу, и—коль на то пошло—и въ холодной у нихъ насидишься. И того хуже.

Деньги идутъ у него—точно вода. Правда, и заработокъ—„паршивый“. Поштучную плату положили ему съ разсчетомъ на то, чтобы какъ можно меньше платить. По цѣлымъ днямъ онъ ждетъ работы. Заставляютъ по нѣскольку разъ передѣлывать. И съ мастеромъ онъ еще больше на ножахъ, чѣмъ было при поступленіи.

Вотъ и будешь опять „нюнить“ у своей старушенціи, чтобы черезъ нее подѣйствовать на директора, насчетъ выдачи ему впередъ суммы.

На святкахъ онъ уѣдетъ въ Москву. Не будетъ ни гроша—пѣшкомъ пойдетъ, и куда-нибудь да пристроится. Здѣсь онъ какъ въ пустынѣ, даромъ что народу слишкомъ шесть тысячъ. Нѣтъ у него ни единаго человѣка, съ которымъ стоило бы водить дружбу.

Объ Иванѣ Спиридоновѣ онъ и думать пересталъ. Слышалъ отъ „маменьки“, что его лечатъ отъ „бѣлой горячки“ — послѣ того, какъ онъ, чуть не на мѣстѣ, убилъ свою жену: она и умерла вскорѣ отъ родовъ.

Ну, и пускай лечатъ! Запой — мужицкая болѣзнь. Отъ нея ученые доктора не вылечиваютъ...

Въ квартиркѣ Настасьи Ильинишны весело горѣла лампа на столѣ.

Навѣрно, она одна пьетъ чай. Ему было бы особенно непріятно, еслибъ вдругъ „плюхнулась“ Вознесенская.

Она встрѣтила его на дняхъ и ждала отъ него перваго поклона. Его это взорвало, и онъ прошелъ, не поклонившись ей. „Дѣвуля“ хотѣла поразить его неодобрительнымъ взглядомъ и „школярской“ усмѣшкой.

Испугался онъ ея!

Въ сѣняхъ онъ услыхалъ разговоръ. Но голосъ не Вознесенской — гораздо моложе и пріятнѣе.

Онъ отворилъ дверь, отряхнулъ снѣгъ съ своихъ большихъ сапогъ—калошъ онъ на фабрикѣ не носилъ—и осторожно заглянулъ въ первую комнату.

У Настасьи Ильинишны была гостья.

Меньшовъ не могъ тотчасъ же признать ее.

Тонкій затылокъ, и на немъ темные вьющіеся волосы, высокій, небольшой шиньонъ на маковкѣ, съ черепаховой гребенкой, и густыя пряди волосъ на ушахъ — все это заиграло передъ нимъ. И тонкая талія съ кушакомъ, и буффы на плечахъ изъ темной матеріи въ клѣтку.

Онъ сообразилъ, что это—новая учительница, которую онъ только разъ мелькомъ видѣлъ около конторы.

На звукъ отворявшейся двери она обернулась.

„Да, на рѣдкость хорошенькая мамзель"!—злобно подумалъ онъ, и ему стало досадно, что онъ пришелъ „такой чумичкой", въ старыхъ сапогахъ, отъ которыхъ попахиваетъ варомъ, въ рубашкѣ-косовороткѣ и рабочемъ пиджакѣ.

— Это ты?—спросила его Настасья Ильинишна.

Сильно она имъ огорчена, но при постороннемъ человѣкѣ ничѣмъ этого не выкажетъ.

— Вотъ, позвольте васъ познакомить... Мой воспитанникъ, Меньшовъ.

И, указавъ на него, она добавила:

— Наша новая преподавательница... съ педагогическихъ курсовъ.

Меньшовъ поклонился ей, какъ онъ умѣлъ кланяться женщинамъ, когда желалъ показать имъ, что онъ ихъ не боится— кто бы онѣ ни были — съ движеніемъ головы слегка назадъ, красивымъ и горделивымъ.

Учительница привстала и первая подала ему руку.

Глаза ему меньше понравились, показались ему маленькими для ея лица, но съ блескомъ. Зато брови—дугой; прекраснаго рисунка носикъ, губки и чуть замѣтная ямочка на тонко-очерченномъ подбородкѣ.

Будь онъ въ другомъ мѣстѣ и въ другомъ настроеніи—онъ сейчасъ же бы попросилъ позволенія зарисовать такую „шикозную" головку.

И бюстъ ея выдавался волнистыми линіями чистаго рисунка.

— Хочешь чаю? — спросила Настасья Ильинишна.

— Не откажусь.

Онъ присѣлъ на уголъ дивана.

Взглядъ учительницы быстро прошелся по немъ, не то съ любопытствомъ, не то съ какимъ-то другимъ выраженіемъ.

Навѣрно, она уже слышала разную болтовню на его счетъ.

„Какой, молъ, онъ негодяй! Соблазнилъ невинную дѣвушку, довелъ ее до срама и чуть не до смерти".

Да и „маменька" какъ будто стѣсняется. Точно ей стыдно за такого „изверга".

Это его подзадорило.

— Въ нашихъ палестинахъ изволите учительствовать? — спросилъ онъ ее своимъ обычнымъ, безцеремоннымъ тономъ.

Она повернула къ нему голову и показала свои бѣлые, частые, не особенно крупные зубы.

— Развѣ это васъ удивляетъ?—спросила она—какъ ему показалось, довольно насмѣшливо.

— Большую надо имѣть добродѣтель.

Слово не сразу ему далось. Ему хотѣлось показать этой „педагогичкѣ", что онъ въ разговорѣ никому не уступитъ, хоть самой ученой „мамзелѣ" дастъ нѣсколько очковъ впередъ.

— Надо любить свое дѣло.

Эта фраза хорошенькой брюнетки отдавала—на его оцѣнку—ненавистной ему „дѣвулей"—Надеждой Николаевной.

— Вы это... теоретически изволите говорить?

— Почему же?—живѣе остановила она, и опять ея взглядъ прошелся по немъ такъ, что ему стало жутко.

„А! Ты вонъ какъ хорохоришься! — про себя осадилъ онъ ее. — Хорошо же"!

— Разумѣется — теоретически. Вѣдь вы сюда прямо пріѣхали? Съ этихъ самыхъ курсовъ?

— Такъ чтò жъ изъ этого?

— Значитъ, какъ же вы можете утверждать, что любите дѣло?

— Съ какой же стати, Антоша, ты это говоришь?—замѣтила, съ движеніемъ головы, Настасья Ильинишна.—Разумѣется, кто себя готовилъ къ такому серьезному дѣлу на спеціальныхъ курсахъ — у той особы призваніе есть.

— Это, маменька, ничего еще не доказываетъ!

— Почему же?—полуобиженно выговорила учительница, и ея красивый ротъ повела гримаска.

— Мало ли, сколько теперь дѣвицъ бросается на всякій заработокъ! проходятъ спеціальную учёбу, а чуть чтò—и бѣжку.

— То-есть... какъ же это „бѣжку"?

— А очень просто... Замужъ за офицера или студента, на даровой хлѣбъ! Призваніе! Слово звонкое. Но я въ него нѐ

вѣрю. Можетъ ли быть привлекательно для молодой, хорошенькой барышни—закабалить себя въ такое тошнѣйшее дѣло: учить ребятъ въ глуши, въ холодной деревенской школѣ? Да и здѣсь-то не великая сласть! Возиться съ идіотами!

— Почему же они идіоты? — вскричала дѣвушка и сильно покраснѣла.

— Сколько у васъ въ классѣ? — спросилъ Меньшовъ, не мѣняя своего тона.

— Семьдесятъ—мальчиковъ и дѣвочекъ.

— Вѣрьте мнѣ, барышня,—изъ нихъ, когда вы ихъ доведете до конца — четыре-пятыхъ, черезъ пять-шесть лѣтъ, разучатся писать; а одна пятая будетъ писать глупѣйшія письма къ деревенскимъ роднымъ и читать книжки, безъ всякаго толка и смысла. А на это вы потратите и молодость, и силы, и здоровье, и душевное спокойствіе.

Дѣвушка съ недоумѣніемъ поглядѣла на Настасью Ильинишну.

— Полно, Антонъ,—строже обыкновеннаго заговорила старушка.—Богъ знаетъ, какъ ты умничаешь! Какъ будто госпожа Лаврская меньше тебя объ этомъ думала!.. Съ какой же стати учить ее?

— Я, маменька, вовсе не учу—госпожу Лаврскую,—произнесъ онъ особеннымъ звукомъ фамилію учительницы.—Я только говорю истинную правду. Вы, конечно, вмѣстѣ съ своей пріятельницей — госпожей Вознесенской — возлагаете на школу ни вѣсть какія надежды. И все оттого,—онъ повернулъ голову къ учительницѣ,—что какой-нибудь мальчуганъ изъ вызывальщиковъ, пятнадцати лѣтъ отъ роду, беретъ изъ библіотеки „Человѣка, который смѣется“, или „Соборъ Парижской Богоматери“—Виктора Гюго.

— Чтò жъ тутъ дурного?—нервнѣе воскликнула дѣвушка.

— Да и хорошаго мало. Ему рѣшительно все равно, этому вызывальщику, Мишкѣ или Ѳедькѣ—чтò ни читать. У него и въ головѣ-то ничего не останется, кромѣ нѣкоторыхъ курьезныхъ словъ. „Компрачикосы“! Ловко! „Синдикъ Клодъ Фролло“! Вонъ куда пошло! Есть чѣмъ передъ товарищемъ похвалиться. „Эсмеральда“! Или опять „Фэбъ де-Шатоперъ“. Только онъ его произноситъ не „пэръ“, а „пёръ“—отъ слова „переть“. Ха, ха!

Смѣхъ Меньшова — слишкомъ громкій для небольшой комнаты—оборвался. Но онъ былъ собой доволенъ. Небось эта ученая мамзель поняла теперь — съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Не очень его удивишь тѣмъ, что она „педагогичка“. И онъ могъ

бы сейчасъ занять ея мѣсто, учить грамотѣ сопливыхъ мальчишекъ и косолапыхъ дѣвчонокъ. Но для этого дипломъ нуженъ! Она высидѣла на партахъ, и въ гимназіи, и на курсахъ, лѣтъ десять, если не больше, такъ какъ же ей теперь не рисоваться своимъ „призваніемъ“.

А вотъ то, что она хорошенькая—это при ней останется. И такая „мамзель“ здѣсь, на фабрикѣ — „обжектъ“, — выговорилъ онъ про себя.

Другой скажетъ, что онъ глупо себя повелъ. Какъ же-де можно — „по первому абцугу“—затѣять споръ съ хорошенькой барышней и говорить такъ рѣзко, показывать ей, что онъ считаетъ себя умнѣе ея? Развѣ такъ истинные любители женскаго пола поступаютъ?

Ничего! Это пріемъ самый ловкій—со многими женщинами. Сразу осадить, чтобъ понимала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Лаврская допила чашку и, послѣ не совсѣмъ пріятной паузы, стала прощаться съ Настасьей Ильинишной.

Та ее не удерживала. Ей было особенно горько за своего пріемыша.

— Прощайте-съ!—чопорно выговорила учительница, поклонившись ему, безъ пожатія руки. — Какъ хорошо, что вы—не педагогъ! Какъ бы это было ужасно!

И она нервно разсмѣялась.

Меньшовъ отошелъ къ окну и глядѣлъ, какъ снѣжная пелена двора, подальше, въ сторону большого корпуса—отражала свѣтъ красныхъ электрическихъ фонарей.

Молча начала Настасья Ильинишна перемывать чашки и убирать со стола. Но ея руки вздрагивали. Раза два она подавила вздохъ и не выдержала—бросила полотенце на стулъ и почти упала на диванъ.

Онъ обернулся.

— Мочи моей нѣтъ! — вскричала она. — Не могу тебя видѣть... Уйди, уйди!

— Что̀ такое, маменька?—началъ-было онъ.

— Замолчи, ради Бога! Говорю тебѣ—уйди! Я не могу выносить твоего присутствія.

— Извольте... Только почему же такой афронтъ?

Она быстро поднялась и жестомъ правой руки указывала ему на дверь.

— Не смѣешь ты, потерянный мальчикъ, говорить со мною въ такомъ тонѣ! Такой падшей души я не видѣла никогда. Изъ-за твоего поведенія я мѣста себѣ не найду. Мнѣ стыдно пе-

редъ каждымъ рабочимъ, который беретъ у меня книжку. И ты смѣешь такъ, ни съ того, ни съ сего, говорить съ прекрасной, образованной дѣвушкой... Ты, ты!

Ее душили слезы. Но глаза оставались гнѣвными, и вся она вздрагивала, наступая на него.

— Ничего неприличнаго я ей не сказалъ. Это—мое мнѣніе.

— Замолчи! Слушай... Много я на свою душу приняла грѣха... за мою слабость къ тебѣ. Это было нечестно, это было недостойно меня! Каюсь! Но теперь—довольно! Я тебя не знаю. Слышишь? И я тебѣ запрещаю ходить ко мнѣ!

— Ты слышишь?—крикнула она нотой выше.—Если у тебя осталась хоть капля стыда, ты не переступишь порога моей квартиры!

Тутъ она, захваченная отрывистой рѣчью, приложила платокъ къ губамъ и стремительно ушла за перегородку.

Онъ, впервые, почувствовалъ, что чаша переполнилась. Никогда онъ не слыхалъ такихъ звуковъ въ голосѣ Настасьи Ильинишны. Кинуться къ ней туда, къ кровати, умаливать, цѣловать ручки, онъ не захотѣлъ—и все еще стоялъ у окна.

Кто бы онъ ни былъ — подлецъ, извергъ — но сегодня онъ ничего такого не сдѣлалъ, чтобы его гнали, точно жулика или пьянаго попрошайку.

Жаль старуху! Она любила его, да и теперь любитъ, какъ бы она ни громила его. Но ублажать ее теперь, сію минуту, чтобы черезъ десять минутъ, просить добиться отъ директора „аванса"—нѣтъ! На такую пошлость онъ—Антонъ Меньшовъ—не пойдетъ!

— Прощайте, маменька!—крикнулъ онъ отъ двери.—Не бойтесь! Врываться къ вамъ насильно—не буду!

На дворѣ морозъ охватилъ его. И—что̀ его самого удивило—на щекахъ его застыли двѣ слезинки.

И ему стало вдругъ гадко-гадко, и чувство полнаго отчужденія отъ всѣхъ и отъ всего пронизало ему душу.

XXVI.

На дворикѣ, около больницы, стояли деревенскія пошевни. Смеркалось, послѣ яркой морозной зари.

У пошевней прохаживался, въ полушубкѣ, Ермилъ — двоюродный братъ Ивана, пріѣхавшій изъ деревни съ старухой Катериной. Они должны были взять его на побывку, въ Ляхово.

Шелъ канунъ сочельника. Работы на фабрикѣ, въ обоихъ корпусахъ, остановились.

Минутъ такъ черезъ пять, къ крыльцу больницы подъѣхала Авдотья, въ крытой сукномъ шубкѣ, румяная и бодрая.

Она пріостановилась и окликнула:

— Ермилъ, а Ермилъ!

Парень снялъ шапку.

— Здравствуй, Дуняша!

Онъ осклабился и спросилъ:

— Съ нами поѣдешь?

— Съ вами.

— У тебя котомочка, что-ли?

— Сундучокъ у меня будетъ... порядочный... Намъ мѣста всѣмъ хватитъ. Какъ повезешь ихъ—остановись вонъ тамъ,— она указала рукой: — красная-то казарма, первый подъѣздъ... Понялъ?

— Понялъ.

Авдотья удалилась скорымъ шагомъ, чтобы изъ-за нея не было задержки.

Все она умѣла „перетерпѣть". И опять она при прежнемъ дѣлѣ. И плату получаетъ больше—считается самой искусной мотальщицей крашеной пряжи. Ляховскіе продолжаютъ ее ублажать и прислали съ Ермиломъ просительное письмо: не побрезговать ихъ хлѣбомъ-солью и пріѣхать на подводѣ, высланной за Иваномъ. Тетка Катерина тоже упрашивала ее сегодня—поѣхать съ ними.

Почему же и не поѣхать? На фабрикѣ нѣтъ работъ. Съ какой же стати ей даромъ харчиться? А при „братцѣ" Иванѣ Прокофьичѣ Сидоръ будетъ тихонькій. Да и раньше онъ подобралъ хвостъ—и къ ней со всякой „аттенціей".

По просьбѣ Надежды Николаевны, Ивану позволили прожить въ больницѣ до самыхъ праздниковъ. Онъ совсѣмъ оправился и каждый день выходилъ на воздухъ.

Въ комнатѣ, гдѣ онъ вылежалъ, во второй періодъ, больше трехъ недѣль, все уже было готово къ отъѣзду. Иванъ что-то укладывалъ въ холщевый мѣшокъ.

Мать его Катерина — сильно похудѣвшая, но еще бодрая, укутанная въ платокъ и въ тулупѣ—сидѣла у двери, на стулѣ. Машутка помогала отцу.

Она останется на фабрикѣ. Въ школѣ будетъ елка, и жаль отнимать у нея такую радость. За ней Ермилъ пріѣдетъ на святкахъ.

— Ну, все теперь въ аккуратѣ! — выговорилъ Иванъ. — Возьми-ка, Машунька, снеси этотъ мѣшокъ внизъ, отдай Ермилу.

Сундука своего онъ не бралъ. У него добра осталось такъ мало, что и мѣшокъ-то не больно туго набитъ.

— Донесешь ли?—спросилъ Иванъ.

— А я-то на что?—откликнулась Катерина.

— Нѣтъ, мамынька. Зачѣмъ-же... Она не маленькая.

Дѣвочка взяла мѣшокъ и понесла его. Катерина выпустила ее на площадку, откуда вела лѣстница прямо въ сѣни.

— Ну, съ Богомъ!

Иванъ присѣлъ на краю своей койки. Оба съ матерью перекрестились и помолчали минуты съ двѣ.

Первымъ поднялся Иванъ.

— Владычицѣ поклонимся, Иванушка.

Старуха подняла голову на образъ Казанской Божіей Матери.

— Отъ нея, Матушки, пришло тебѣ облегченіе... и души, и тѣла.

Большимъ истовымъ крестомъ осѣнила себя еще разъ Катерина, низко поклонилась въ уголъ и пододвинулась къ выходу. Половинку двери растворили снаружи.

На порогѣ стоялъ Меньшовъ.

Иванъ не сразу узналъ его въ полусвѣтѣ комнаты.

Волосы Меньшова отросли и были взъерошены. На шеѣ—шарфъ. Онъ былъ въ одномъ пиджакѣ и большихъ сапогахъ.

— Антонъ Егорычъ! — окликнулъ его Иванъ, отходя отъ койки.—И на томъ спасибо—обо мнѣ вспомнилъ для праздника Христова.

Зàново обидно ему стало на пріятеля. Но онъ ему все-таки обрадовался.

— Прощай, Иванъ Прокофьичъ. Прости... Давно не видались... Долго разсказывать.

— Я и не требую.

— Прощай!

— Чтò такъ?—тревожнѣе спросилъ Иванъ, замѣтивъ, что Меньшовъ говоритъ какъ-то особенно.

— И я, братъ, опять съ волчьимъ паспортомъ. Ха ха!

Иванъ повернулся къ Катеринѣ.

— Мамынька... вы спуститесь внизъ. Подождите меня малость. Мы вотъ только съ пріятелемъ пару словъ перемолвимъ.

— Слушаю, Иванушка.

Старуха поклонилась Меньшову и беззвучно, въ бѣлыхъ валенкахъ, вышла изъ комнаты.

— Какъ же такъ, Антонъ Егорычъ?

Глаза Ивана безпокойно забѣгали.

Онъ сразу забылъ свою обиду, и ему стало жаль Меньшова. Вдругъ стряслось, вѣрно, что-нибудь экстренное... Съ такой горячей головой все можетъ приключиться.

— Сядь, сядь. Нужды нѣтъ, что я собрался. Тѣ подождутъ. Разскажи-инъ толкомъ.

Меньшовъ сѣлъ рядомъ съ нимъ на койку.

— Что-жъ тутъ разсказывать, Иванъ Прокофьичъ... Изъ деревни стали меня припекать, хотятъ гадость какую-то подпустить.

— Насчетъ вида, небось?

— Да! Вымогать начали... православные хрестьяне,—передразнилъ онъ.

— Такъ, такъ!

— Денегъ у меня не было лишнихъ, да и никакихъ. Съ старухой своей мы разошлись.

— Какъ?

— Вродѣ какъ прогнала меня.

— Насчетъ той дѣвицы?—почти шопотомъ спросилъ Иванъ.

— Одно къ одному.

— Правда аль нѣтъ... она тово?

Онъ добавилъ жестомъ.

— Ну да. Оправдываться мнѣ, братъ, прискучило. Негодяй, такъ негодяй! Однимъ словомъ—надо было просить пособія.

— Деревенскимъ, значитъ, выслать къ празднику?

— Да и себѣ также малую толику. Всякій бы тупица граверъ получилъ, а мнѣ—отказъ.

— Отказъ,—протянулъ Иванъ съ горечью.

— Да еще это животное швейцаръ началъ ломаться и вышучивать меня. У меня, разумѣется, все внутри вскипѣло.

— Господи! Антоша! Неужели сцапалъ его?

Иванъ даже схватилъ Меньшова за руку.

— И сцапалъ бы, да тотъ бѣжку далъ, въ заднія двери. А обругать его обругалъ, какъ нельзя быть лучше.

— И разсчетъ? Или же судить будутъ?

— Небось! Ваши патроны-то знаютъ, каково со мною тягаться. Я у судьи того бы насказалъ! И въ газетахъ бы корреспонденціи появились.

— Однако... безъ мѣста?—обронилъ Иванъ и поникъ головой.

— Не суть важно! Въ Москву надо. А оттуда и въ Питеръ проберусь.

— Даромъ-то не повезутъ.

Ивана схватило за сердце то, что у него теперь и трехрублевой нѣтъ подѣлиться съ Меньшовымъ.

Тотъ точно понялъ его мысль.

— Спасибо, Иванъ Прокофьичъ. Ты не думай только, что я пришелъ клянчить.

— Эхъ, Антоша! Гордость у тебя... дьявольская. Сейчасъ считаешься. Но точно—я, братъ, самъ „яко нагъ, яко благъ"... Все ушло на горькое испитіе. Звѣрю уподобился... Вотъ здѣсь меня поставили на ноги. Лекарство лекарствомъ... а главное дѣло—всю мою внутренную проняло... послѣ того, какъ я—окаянный—что̀ задумалъ.

Онъ досказалъ на ухо.

Меньшовъ повелъ губами и всталъ.

— Въ деревню ѣдешь... Душу обновлять крестьянскую?—спросилъ онъ съ усмѣшкой.

— Антоша! Не грѣши... Какова бы ни была деревня... вотъ я, братъ, привязку почувствовалъ. Вонъ и старуха моя, и дѣвчурка... Эти, небось, все простятъ.

И на губахъ его было уже покаяніе въ смерти Маѳы. Но Меньшовъ не далъ ему докончить и взялъ за плечи.

— Поѣзжай! Поѣзжай! Можетъ, и свидимся! Не поминай лихомъ! Коли не свихнулся, авось и опять будешь въ подмастерьяхъ, женишься и домикъ себѣ въ слободкѣ пріобрѣтешь.

— Нѣтъ, братъ, не желаю.

— Ну, у себя, въ Ляховѣ, пятистѣнную избу. Прощай!

Меньшовъ торопливо пожалъ руку Ивана.

Часа черезъ полтора, просторныя пошевни поднимались на изволокъ, къ оградѣ Ляхова. Ермилъ держался на облучкѣ. Въ глубинѣ саней кучей сидѣли Катерина и Авдотья, Иванъ—ближе къ передку.

Глаза его, освѣженные чистымъ морознымъ воздухомъ, широко раскрылись и глядѣли впередъ—туда, гдѣ замелькали уже огоньки обоихъ порядковъ Ляхова.

И дѣтская радость сошла на него—точно въ деревнѣ ждало его большое счастье.

П. Боборыкинъ.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ
КАВЕЛИНЪ

Изъ моихъ личныхъ о немъ воспоминаній.

I.

Я былъ моложе Кавелина болѣе чѣмъ на десять лѣтъ (я родился 16-го января 1829 г.) и познакомился съ нимъ только въ 1852 г. Наше знакомство, весьма близкое съ 1857 г., продолжалось до самой его кончины—въ 1885 г.; такимъ образомъ, оно обнимаетъ собою 33 года. К. Д. Кавелину я весьма многимъ обязанъ; онъ повліялъ на окончательную выработку моего міросозерцанія; онъ ввелъ меня въ кругъ русской жизни, въ область русскихъ идеаловъ и интересовъ. Полное собраніе его сочиненій, недавно предпринятое, имѣетъ, конечно, цѣлью выдѣлить его литературную дѣятельность, какъ нѣчто особое, какъ источникъ чего-то непрекращающагося даже и по его смерти, вліяющаго на будущія поколѣнія, при чемъ въ большей части случаевъ мѣра этого вліянія обусловливается также и своеобразностью формы, красотою слога. Главными занятіями К. Д. Кавелина были преподаваніе и литературный трудъ, но къ числу блистательныхъ стилистовъ и художниковъ слова онъ не принадлежалъ, хотя писалъ много и выражался съ необыкновенною ясностью и простотою. Въ каждомъ его сочиненіи содержаніе было безконечно богаче формы; о формѣ онъ вообще весьма мало заботился. Притомъ, идеи, которыхъ онъ, назадъ тому полвѣка, былъ иниціаторомъ, которыми

онъ увлекалъ другихъ, распространяя эти идеи,—привились, восторжествовали, сдѣлались теперь уже общими, ходячими мѣстами—и вслѣдствіе того утратили свѣжесть новизны, такъ что мы пользуемся ими, какъ своими, не задаваясь мыслью объ ихъ источникѣ. Еще въ 1846 г., когда Кавелину было всего 28 лѣтъ, онъ сразу появился во всеоружіи вполнѣ созрѣвшаго дарованія и весьма опредѣленнаго міросозерцанія въ своемъ „Взглядѣ на юридическій бытъ древней Россіи“. Въ этомъ сочиненіи онъ поставилъ вразумительную, глубоко осмысленную философію исторіи великорусской національности и созданной ею русской государственности. Если сопоставимъ этотъ „Взглядъ“ съ его же „Мыслями и Замѣтками по русской исторіи“, писанными позднѣе, спустя 20 лѣтъ, въ 1866 г., то окажется, что основныя его положенія остались у него тѣ же, и допущены только измѣненія или добавки въ частностяхъ, вслѣдствіе появленія такихъ капитальныхъ новыхъ трудовъ, какъ „Исторія Россіи“, С. Соловьева, или „Областныя учрежденія“, Б. Чичерина. Главныя положенія „Взгляда“—тѣ, что, начиная съ Рюрика, русская исторія есть органическое развитіе русской жизни, вполнѣ единой, самостоятельной и истекающей изъ собственныхъ началъ внутренняго быта. Исходною точкою въ этой исторіи служитъ родовое начало, которое постепенно разлагается, вслѣдствіе усиленія содержащагося въ немъ другого начала—семейственнаго. Семья также распадается и даетъ начало типу единичнаго владѣльца по частному праву, или вотчинника. Этотъ новый типъ лежитъ въ основаніи постройки крѣпкаго московскаго государства, въ которомъ, при полнѣйшей государственной централизаціи, не допускающей никакихъ кристаллизующихся осадковъ, никакихъ самостоятельныхъ сословныхъ группъ,—происходитъ повальное закрѣпощеніе служилыхъ людей и двора своему государю, а крестьянъ—служилому сословію. Какъ только окрѣпло такое государство, самодержавное и демократическое, образованіемъ котораго и исчерпана вся древняя русская жизнь,—открылось поприще для дѣятельности новому началу личности. Сѣмя этого новаго начала заронено было на русской почвѣ христіанствомъ, но долгое время не могло никакъ проникнуть въ гражданскій порядокъ. Съ Петромъ Великимъ человѣческая личность впервые вступаетъ въ свои права, отрѣшившись отъ непосредственныхъ природныхъ, исключительно національныхъ опредѣленій. Она побѣдила ихъ и подчинила ихъ себѣ. Національность не содержится въ однѣхъ внѣшнихъ ея формахъ,—государи съ Петра В. уже не одѣвались по-русски, а нѣкоторые и не вполнѣ владѣли русскимъ языкомъ; никогда, однако, они не теряли

сознанія своей народности; они не думали вводить иностранное, вмѣсто русскаго. Въ борьбѣ съ недостатками современной Россіи они пытались ее исправить и улучшить, посредствомъ европейскихъ формъ и пріемовъ, но не имѣли понятія о позднѣйшемъ противоположеніи Россіи и Европы. Когда пришла къ своему концу Петровская реформаціонная эпоха, и когда живой духъ этой эпохи исчезъ,—тогда отъ нея остался одинъ только остовъ, разлагавшійся на составныя части. Тогда-то стали то или другое хвалить или порицать, смотря по тому, свое ли оно собственное, или иностранное. Этотъ дуализмъ, по мнѣнію Кавелина, уже отходитъ; его смѣняетъ мысль о человѣкѣ и его требованіяхъ.

Въ позднѣйшее время, въ чтеніяхъ въ профессорскомъ клубѣ боннскаго университета—въ 1863 г., и въ „Мысляхъ и Замѣткахъ", 1866 г.—усматриваются только тѣ особенности и измѣненія, что К. Д. Кавелинъ, въ качествѣ природнаго великорусса, начинаетъ русскую исторію не съ Рюрика, а триста лѣтъ позднѣе,—съ суздальскихъ князей и съ Москвы; что онъ строитъ это государство на славянскомъ корню, съ примѣсью, однако, финнскихъ элементовъ; что, согласно Чичерину, онъ допускаетъ обусловленное податною системою происхожденіе городскихъ и сельскихъ тягловыхъ общинъ; наконецъ, что онъ точнѣе опредѣляетъ коренную противоположность хода развитія западно-европейскихъ обществъ и Россіи. Исторія Запада началась съ блистательнаго развитія индивидуализма, который затѣмъ съ трудомъ вдвигался въ условія государственнаго быта,—между тѣмъ какъ въ Россіи совершенно отсутствовало личное начало: оно, по выработкѣ государства, насаждается и развивается уже подъ вліяніемъ европейской цивилизаціи, пока настанетъ уже близящееся время, когда оба развитія пересѣкутся и выровняются. Упраздненіе историческаго крѣпостническаго типа началось сверху и шло постепенно внизъ. Оно не можетъ совершиться, пока не освобождены крестьяне. Клеймо крѣпостничества лежало на всемъ быту народномъ, на всѣхъ учрежденіяхъ, которыя приходится пересоздавать, дѣйствуя по тому же единственно возможному въ Россіи направленію—сверху внизъ.

Не для одного К. Д. Кавелина, но и для всего молодого поколѣнія, подроставшаго и учившагося въ сороковыхъ годахъ, вся исторія, философія и политика стягивались однимъ общимъ узломъ —крестьянскимъ вопросомъ. По моимъ воспоминаніямъ, за время бытности моей въ университетѣ, съ 1845 по 1849 г., не только русскіе, но и мы, поляки, только и занимались, главнымъ образомъ, упраздненіемъ крѣпостного права, только и обдумывали, какъ

двинуть съ мѣста этотъ камень, преграждающій всякое движеніе впередъ.

Изъ приведенныхъ мною отрывковъ „Взгляда“ оказывается, что еще въ 1846 г. Кавелинъ не желалъ быть причисленнымъ ни къ западникамъ, ни къ славянофиламъ; что онъ пробовалъ занять мѣсто внѣ обѣихъ этихъ партій или направленій. Во всякомъ случаѣ, онъ дружилъ скорѣе съ западниками, къ которымъ его влекло и сочувствіе ко всѣмъ великимъ новаторамъ, начиная съ Московскаго періода, ко всѣмъ сокрушителямъ старины, въ родѣ Ивана Васильевича Грознаго,—а наконецъ и его восторженное отношеніе къ Петру Великому. Съ западниками сближало Кавелина еще и то, что хотя онъ не былъ лишенъ религіознаго чувства и выше всего всегда ставилъ христіанскую мораль, но онъ всегда былъ равнодушенъ ко всѣмъ вѣроисповѣднымъ, догматическимъ и обрядовымъ различіямъ. По этой части онъ придерживался мнѣній лѣваго крыла гегелевской философской школы, напримѣръ идей Людвига Фейербаха (Das Wesen der Religion, 1845). Разъ только, сколько мнѣ помнится, высказалъ Кавелинъ въ „Мысляхъ и Замѣткахъ“ свое отрицательное отношеніе къ римскому католицизму—и то только въ его прошедшемъ и съ государственной точки зрѣнія: „До сихъ поръ,—писалъ онъ,—католицизмъ дѣйствовалъ разлагающимъ образомъ на всѣ славянскія племена, которыхъ онъ коснулся. Римскій католицизмъ—тоже плодъ европейской культуры; но вопросъ въ томъ, на какой степени развитія славянскій народъ можетъ принимать въ себя европейскій элементъ, не теряя свойства самостоятельности? Аристократизмъ и космополитическая церковь не допустили бы сложиться тому крѣпкому государству, выработка котораго составляетъ весь плодъ исторіи и всю заслугу великорусскаго племени“... Съ западниками и особенно съ Герценомъ соединялъ еще Кавелина общій имъ всѣмъ пріемъ, состоящій въ обращеніи въ русское національное преимущество отрицательныхъ національныхъ качествъ,—напримѣръ, относительной некультурности, взглядъ на русскій народъ, какъ на листъ бѣлой бумаги, еще не исписанный, на которомъ будущее изобразитъ, вѣроятно, нѣчто великое,—наконецъ, весьма отрицательное отношеніе обоихъ къ народной старинѣ, ко всему, что̀ пришлось народу переживать. Я много разъ слышалъ отъ Константина Дмитріевича, что онъ любилъ бы Москву и радъ бы съ нею сжиться, не будь только въ ней Кремля, который ему не симпатиченъ.

Во всякомъ русскомъ умѣ, даже наиболѣе аналитическомъ

и радикальномъ, есть всегда какой-нибудь уголокъ, служащій пріютомъ мистицизму. Былъ и у Кавелина такой уголокъ, сближавшій его съ славянофилами. Кавелинъ вѣрилъ безусловно въ великую будущность „мужицкаго царства", въ великорусскій міръ сёлъ, противопоставляемый имъ европейскому міру городовъ, въ великорусское общинное владѣніе крестьянами землею, въ которомъ онъ усматривалъ своеобразное средство, предохраняющее отъ пауперизма. Эти мечтанія о будущемъ занимали К. Д. Кавелина, въ особенности подъ конецъ его жизни, когда, вслѣдствіе естественно послѣдовавшей послѣ освобожденія крестьянъ реакціи, значительно ускоренной подъ вліяніемъ польскаго мятежа 1863 г., всякому начинанію въ прогрессивномъ направленіи положенъ былъ конецъ съ начала восьмидесятыхъ годовъ, такъ что людямъ того направленія, къ которому принадлежалъ Кавелинъ, приходилось или бездѣйствовать, или мечтать о далекомъ будущемъ. Въ предположеніяхъ о будущемъ мы не сходились съ Константиномъ Дмитріевичемъ потому, что по нашимъ понятіямъ „мужицкое" царство могло оставаться такимъ только пока оно некультурно, но перестало бы быть мужицкимъ, коль скоро сдѣлалось бы культурнымъ.

По своей спеціальности—юристъ, а по своему темпераменту—острый критикъ и реформаторъ, К. Д. Кавелинъ былъ какъ бы созданъ на то, чтобы стоять во главѣ движенія и быть руководителемъ прогрессивной партіи. Сила притяженія, которою онъ располагалъ, была громадная; ей подчинялись люди всевозможныхъ возрастовъ, національностей, занятій и классовъ. Онъ имѣлъ всѣ качества мощнаго leader'a, какъ говорятъ англичане, безконечную привязанность къ идеямъ общественнаго, національнаго или общечеловѣческаго добра—и сравнительно гораздо мѐньшую къ отдѣльнымъ живымъ людямъ, даже очень къ нему близкимъ. Такъ какъ онъ больше привязывался къ идеямъ и былъ по темпераменту человѣкъ страстный, способный любить всѣмъ сердцемъ и столь же сильно ненавидѣть, то ему не разъ приходилось, не оглядываясь и не особенно печалясь, расторгать связи съ людьми весьма къ нему близкими, когда они расходились съ нимъ во взглядахъ и направленіяхъ на общественной аренѣ; но зато онъ былъ непоколебимо вѣрный товарищъ всякаго, въ кого онъ не извѣрился, кого считалъ одушевленнымъ идеями общественнаго добра. Наибольшая часть его „я" расходовалась на непосредственное его дѣйствованіе на живыхъ людей, и только мѐньшая обращаема была на литературные труды. Такъ какъ проф. Д. А. Корсаковъ, въ своемъ біографиче-

скомъ очеркѣ (I томъ Сочиненій Кавелина, изд. 1897 г.), многихъ сторонъ дѣятельности Кавелина не коснулся, а можетъ быть нѣкоторыхъ изъ нихъ даже совсѣмъ не зналъ, то я позволю себѣ передать исторію моихъ личныхъ отношеній къ К. Д. Кавелину, и полагаю, что мой разсказъ прибавитъ къ тому, что̀ уже обнародовано печатью, нѣчто новое и существенное, въ особенности же—новыя данныя, свидѣтельствующія о томъ, какъ онъ относился къ становившемуся при немъ на очередь въ Россіи польскому вопросу.

II.

Я познакомился съ К. Д. Кавелинымъ и съ Григоріемъ Григоріевичемъ Даниловичемъ въ 1852 г., когда оба они были начальниками отдѣленій въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, въ которомъ мнѣ пришлось читать нѣсколько пробныхъ лекцій для полученія званія преподавателя въ этихъ заведеніяхъ. Лѣтъ пять спустя, въ 1857 г., я долженъ былъ защищать „pro venia legendi“ мою диссертацію: „Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву“, чѣмъ обусловливалось занятіе предложенной мнѣ временно одной изъ двухъ каѳедръ законовъ царства польскаго, на которыхъ преподаваніе происходило на польскомъ языкѣ. Одинъ экземпляръ моего труда я поднесъ Кавелину при посредствѣ моего школьнаго и университетскаго товарища І. П. Огризко, который сблизился съ Кавелинымъ у смертнаго одра общаго ихъ пріятеля Костылева, въ домѣ Авроры Карловны, урожденной Шернваль, по первому браку—Демидовой, а по второму — Карамзиной. Костылевъ былъ воспитателемъ сына А. К. Карамзиной, Демидова, а Огризко занималъ должность по управленію ея имѣніями. Кавелинъ, пріѣхавъ на мой диспутъ въ университетъ, удостоилъ меня нѣскольких весьма вѣскихъ и серьезныхъ возраженій. Помню, что на диспутѣ присутствовалъ, кромѣ бывшаго попечителя округа графа Мусина-Пушкина, бывшій товарищъ министра народнаго просвѣщенія, другъ А. С. Пушкина, князь П. А. Вяземскій.

Съ того момента я сталъ изрѣдка бывать въ домѣ К. Д. Кавелина. Вниманіе его и обходительность со мною я и теперь приписываю тому, что я былъ полякъ, а его, незнакомаго съ польскимъ языкомъ и литературою, еще съ молодыхъ лѣтъ интересовалъ польскій вопросъ. При невозможности изучать этотъ вопросъ по книгамъ, онъ, по своему обыкновенію, изучалъ его по живымъ лицамъ, въ дешифрированіи которыхъ онъ былъ ве-

ликій мастеръ. Онъ всегда держался того часто повторяемаго имъ положенія, что по волѣ судьбы мы—два народа, такъ по рукамъ и по ногамъ другъ съ другомъ скованные, что никакъ невозможно намъ ни распутаться, ни развестись, а надо какимъ бы то ни было наиболѣе безобиднымъ образомъ уживаться. Между тѣмъ, условія того времени (конца царствованія Николая I) были весьма тяжелыя и совсѣмъ не располагающія къ какимъ бы то ни было откровенностямъ. Что касается до меня лично, то я происходилъ отъ такъ называемаго смѣшаннаго въ вѣроисповѣдномъ отношеніи брака, заключеннаго еще до воспослѣдованія указа 23 ноября 1832 г., которымъ установлено, что всѣ дѣти отъ такого брака должны быть православныя. Указъ этотъ сильно повліялъ на уменьшеніе смѣшанныхъ браковъ въ Россіи вообще. Братья въ нашей семьѣ были православные, сестры — римскія католички. Мы съ дѣтства воспитывались въ духѣ полной религіозной терпимости и относились къ вѣроисповѣднымъ различіямъ—какъ къ обстоятельствамъ несущественнымъ. Въ религіи мы цѣнили, главнымъ образомъ, только ея мораль. Мой отецъ — православный, но онъ воспитывался въ виленскомъ университетѣ, и вслѣдствіе того семья наша была по духу польская. Я учился въ минской гимназіи, въ которой все преподаваніе было уже на одномъ русскомъ языкѣ, такъ что какъ я, такъ и мои товарищи-земляки, по поступленіи въ университетъ и послѣ избранія себѣ какой-либо спеціальности, старались усиленнымъ чтеніемъ книгъ дополнять свое недостаточное національное образованіе, усердно изучали польскую исторію и литературу, а въ особенности современныхъ польскихъ поэтовъ, величайшихъ, какихъ жизнь народа когда-либо произвела. Всѣ почти эти геніальные поэты были выходцы; они проповѣдывали и возвѣщали воскрешеніе Польши и національное, и государственное (одно отъ другого не отдѣлялось), но разнились одни отъ другихъ наиболѣе только относительно срока этого событія въ будущемъ. Одни ожидали его въ скоромъ времени, при содѣйствіи какого-нибудь европейскаго катаклизма, въ родѣ того, отъ котораго взволновалась вся Европа въ 1848 году; другіе, болѣе дальновидные, откладывали его на полвѣка или на вѣкъ, а наконецъ нѣкоторые отодвигали его въ даль временъ совсѣмъ неопредѣленную, на какую-нибудь тысячу лѣтъ. Послѣдняго убѣжденія держался поэтъ, имѣвшій самое рѣшительное вліяніе на образъ мыслей того студенческаго поколѣнія, къ которому я принадлежалъ съ 1845 по 1849 годъ, а именно Сигизмундъ Красинскій. Изъ крупныхъ современныхъ происшествій насъ глубочайшимъ образомъ потрясло событіе, со-

вершившееся въ 1846 г. въ части австрійской Галиціи, когда Австріею правилъ Меттернихъ, — избіеніе крестьянами польскихъ помѣщиковъ. Высылаемые польскою эмиграціею въ Парижѣ, заговорщики-эмиссары пытались низвергнуть австрійское правительство въ Галиціи, поднявъ крестьянъ на пановъ и обѣщая крестьянамъ земельный надѣлъ. Правительство вмигъ подавило движеніе, обратившись къ тѣмъ же крестьянамъ и давая за каждаго убитаго шляхтича поголовную плату. Это кровавое событіе повліяло, какъ извѣстно, на маркиза Вѣлёпольскаго въ такой степени, что онъ на всю жизнь сдѣлался приверженцемъ Россіи и написалъ къ Меттерниху свое весьма извѣстное открытое письмо. Впечатлѣніе отъ рѣзни было скорбное, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма отрезвляющее и цѣлительное. Я могу судить о немъ по себѣ; оно вселило во мнѣ полнѣйшее отвращеніе ко всякой фальши, къ необдуманному увлеченію, ко всякому поэтическому самообольщенію; оно вызвало потребность искать вездѣ только реальнаго, искать одной правды, хотя бы горькой, причиняющей сильнѣйшую боль. Оно указало, что мы стоимъ на краю бездны, что мы обрываемся на крестьянскомъ вопросѣ, какъ на самомъ слабомъ мѣстѣ польской исторіи. Для насъ сдѣлалось безспорнымъ то, что паденіе польскаго государства произошло только отъ его неустройства, отъ однѣхъ внутреннихъ причинъ. Намъ стала ясна безусловная необходимость разсѣченія прежде всего узла крестьянскаго вопроса. Мы стали горячими эманципаторами крестьянъ еще до всякаго сближенія съ русскими, еще до какой бы то ни было извѣстности о томъ, что существуетъ въ томъ же направленіи движеніе со стороны всего, что̀ въ Россіи было самаго интеллигентнаго и самаго благороднаго. Хотя мы воспитывались въ русскомъ городѣ и въ русскомъ университетѣ, но были вполнѣ уединены и какъ бы стѣною отдѣлены отъ нашихъ русскихъ коллегъ. Насъ нисколько не интересовали ходячія тогда идеи и утопіи Сенъ-Симона, Фурьѐ, Леру. Какъ для сплава разныхъ металловъ, такъ и для сближенія между враждующими національностями требуется извѣстная возвышенная температура, которой совсѣмъ недоставало до средины пятидесятыхъ годовъ, до печальнаго исхода крымской войны и до начала новаго царствованія, сразу обозначившагося какъ періодъ далёко заходящихъ реформъ. До этого поворота въ исторіи сближеніе русскихъ съ поляками если имѣло гдѣ-нибудь мѣсто, то было только счастливою случайностью. Мнѣ досталась на долю одна такая случайность. Въ 1849 году, по полученіи степени кандидата правъ, я познакомился на родинѣ моей въ Минскѣ съ Н. К.

Калайдовичемъ, москвичемъ, воспитанникомъ училища правовѣдѣнія, назначеннымъ временно предсѣдателемъ отъ правительства запущенной палаты гражданскаго суда. Отъ Калайдовича повѣяло на меня атмосферою общества Грановскаго и Герценовскаго кружка. Онъ мнѣ посовѣтовалъ опредѣлиться на службу по судебной части въ Петербургѣ и снабдилъ меня рекомендательными письмами. Къ К. Д. Кавелину привлекало меня то, что онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова европеецъ; что въ немъ не было никакихъ національныхъ предразсудковъ, а взглядъ его на русское прошедшее былъ именно таковъ, что не приходилось спорить,—взглядъ какъ на листъ бумаги, на которомъ еще ничего не написано, кромѣ одного только слова: „государство". Оба мы проходили чрезъ школу Гегеля, оба мы пріучились орудовать по трехчленному ритму гегелевской діалектики; но для К. Д. Кавелина гегеліанство было уже „превзойденнымъ моментомъ". Гегелевскую идею онъ считалъ только призракомъ, метафизическимъ построеніемъ, не существующимъ реально,—одною только проекціею живой человѣческой души. Оба мы высоко цѣнили Прудона и зачитывались имъ.

Между тѣмъ, близилось время, когда намъ пришлось дружно и сообща работать. Петербургскій университетъ въ личномъ составѣ преподавателей обновлялся. Новый попечитель, князь гр. Щербатовъ, отправлялъ за границу многихъ магистрантовъ и докторантовъ, для подготовленія ихъ къ занятію университетскихъ каѳедръ. По смерти профессора по каѳедрѣ русскаго гражданскаго права, Жиряева, кн. Щербатовъ предложилъ въ 1857 г. эту каѳедру Кавелину, почти одновременно приглашенному для преподаванія права Цесаревичу, наслѣднику престола. Вскорѣ потомъ сдѣлалась вакантною на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета каѳедра уголовнаго права, вслѣдствіе забаллотированія занимавшаго ее по выслугѣ лѣтъ профессора А. И. Баршева. Меня предполагали командировать за границу для подготовки къ преподаванію уголовнаго права, но по предложенію Кавелина, поддержанному деканомъ факультета П. Д. Колмыковымъ, мнѣ сдѣлано было предложеніе, чтобы я немедленно занялъ эту каѳедру въ званіи адъюнкта. Я подчинился этому предложенію; какъ на младшаго члена въ факультетѣ, на меня возложены были обязанности секретаря. Но прежде чѣмъ приступить къ разсказу о томъ, какъ мы сообща трудились въ университетѣ, я по необходимости долженъ коснуться одного эпизода, скрѣпившаго мои связи съ Кавелинымъ; я долженъ изложить, какимъ образомъ, при содѣйствіи Кавелина, осно-

вана была ежедневная газета на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ „Słowo", которая вскорѣ и кончила свое эфемерное существованіе на своемъ 16-мъ нумерѣ.

III.

И въ университетѣ, и даже послѣ выхода изъ него, мы, поляки, образовали родъ замкнутаго кружка, въ которомъ подъ флагомъ польской національности замѣтны были подраздѣленія землячества. Особо держались такъ называемые *литвины*, не безъ извѣстной гордости вспоминающіе, что у нихъ, съ появленіемъ Мицкевича, открылся богатый родникъ ново-польской поэзіи. Особую группу составляли *уроженцы* нынѣшняго *юго-западнаго края* (Волыни, Подоліи, Украины), въ которыхъ сквозили, при всей ихъ польщизнѣ, черты гайдамачества и коліивщины, и шляхетскіе нравы мирились у нихъ страннымъ образомъ съ удалью козацкою. Наконецъ, наиболѣе отъ всѣхъ другихъ обособлялись такъ называемые *короньяржи*, то-есть, уроженцы того дипломатическими ножницами искусственно выкроеннаго края, съ головкою и шейкою на среднемъ Нѣманѣ, съ западными частями по теченію Варты, притока Одера, и съ туловищемъ на Вислѣ. Въ семидесятыхъ годахъ тщетно пытались переименовать этотъ край трехъ разныхъ рѣчныхъ бассейновъ въ Привислянье или Привислянскій край. Мы, поляки, также недолюбливающіе дипломацію и вѣнскіе трактаты 1815 г., называли его „*Короною*", или—всего чаще—„*Конгрессовкою*", то-есть, дѣтищемъ вѣнскаго конгресса 1815 г.—Замѣчательная пестрота состава, образуемаго этими характерными разновидностями польскаго элемента, исчезла и совсѣмъ стерлась нынѣ. Событія 1863 года превратили всѣ эти разноцвѣтныя глыбы въ одинъ тертый песокъ. Въ такъ называемой Коронѣ, или царствѣ польскомъ, числилось, когда я былъ въ университетѣ, отъ 5 до 6 милліоновъ жителей, а нынѣ ихъ тамъ до 10 милліоновъ. Несмотря на примѣсь еврейскую ($^1/_7$ часть населенія) и нѣмецкую (недаромъ владѣли этимъ краемъ на сѣверѣ—Пруссія, на югѣ—Австрія), страна эта этнографически—польская, по своей сплошной крестьянской польской подкладкѣ. До 1830 г., страна эта была конституціонная, какъ теперешняя русская Финляндія, и имѣла двѣ сеймовыя палаты; но съ 1831 года, послѣ мятежа, конституція была упразднена, изданъ органическій статутъ 14 февраля 1832 г., устанавливающій особый государственный совѣтъ и мѣстное своеобразное

управленіе—обѣщанія неосуществившіяся, послужившія отправною точкою въ политикѣ маркиза Вѣлёпольскаго. Во все время царствованія Николая I, послѣ 1830 г., страною управлялъ намѣстникъ съ весьма обширными полномочіями, сносившійся съ центральными установленіями имперіи посредствомъ особаго статсъ-секретаря царства польскаго въ С.-Петербургѣ. Подъ предсѣдательствомъ намѣстника состоялъ совѣтъ управленія (Rada administracyjna) изъ пяти директоровъ на правахъ министровъ.— Все было какъ бы польское по языку въ этой заповѣдной странѣ; исключительно польскій языкъ употребляемъ былъ и въ преподаваніи въ школахъ, и въ судахъ, и въ присутственныхъ мѣстахъ, наполненныхъ чиновниками, вышколенными на австрійскій и въ особенности на прусскій манеръ. Но подъ этимъ наружнымъ полонизмомъ все содержаніе законодательства, юриспруденціи и администраціи, было не польское и не русское, а вполнѣ иностранное. Гражданскій кодексъ Наполеона, гражданское судопроизводство и торговое право—взяты цѣликомъ изъ Франціи. Въ 1808 году, они пришлись по вкусу странѣ, которая до сихъ поръ къ нимъ привержена, какъ къ своему собственному національному. Административные порядки были австрійскіе и прусскіе; два уголовныя судопроизводства дѣйствовали одно на сѣверѣ—прусское, другое на югѣ—австрійское. Русское правительство произвело только двѣ крупныя перемѣны. Вмѣсто сеймоваго уголовнаго кодекса 1818 г., оно ввело Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г., приспособленное къ особенностямъ царства польскаго 1847 г. Составителемъ какъ кодекса 1845 г., такъ и его передѣлки 1847 г., былъ полякъ Ромуальдъ Губе, впослѣдствіи членъ русскаго государственнаго совѣта. Второе существенное нововведеніе заключалось въ пріостановкѣ обезземеленія крестьянъ, получившихъ личную свободу еще въ 1808 г., но безъ земельнаго надѣла. Воспрещено, по указу 26 мая 1846 г., помѣщикамъ присоединять крестьянскія земли къ фольварочнымъ.—Законодательство этого крошечнаго государства въ государствѣ, именуемаго царствомъ польскимъ, представляло собою, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ арлекинова наряда изъ сшитыхъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ. Съ 1831 г. и до крымской войны, край управляемъ былъ тѣмъ же полновластнымъ намѣстникомъ Паскевичемъ бюрократически, но на отличныхъ, чѣмъ въ остальной Россіи, условіяхъ, при чемъ общія усилія какъ намѣстника, такъ и специфически особой въ царствѣ польской бюрократіи клонились къ тому, чтобы ничего не трогать, оставаться въ неподвижности и избѣгать вмѣшатель-

ства въ дѣла царства центральнаго правительства имперіи,—однимъ словомъ, всячески противодѣйствовать тому, чего добивается съ 1863 г. національная русская политика, то-есть—государственному объединенію царства польскаго съ имперіею. О запущенности и отсталости юридическаго быта этого не живущаго, а только прозябающаго общества свидѣтельствуетъ хотя бы та особенность, которая возмущала меня тогда, какъ криминалиста, что въ уголовномъ судопроизводствѣ, основанномъ, какъ и въ Россіи, на канцеляризмѣ и розыскномъ началѣ, употреблялась въ примѣненіи къ простонародью своего рода пытка, въ видѣ сѣченія розгами, при слѣдствіи, за запирательство и лживыя показанія, между тѣмъ какъ въ имперіи давно уже не бывало ничего подобнаго.

Пока господствовали упорный консерватизмъ, неподвижность и безмолвіе, просуществовавшія до вступленія Александра II на престолъ, въ царствѣ польскомъ было по наружности все спокойно и тихо. Но съ 1856 г. пошли новыя вѣянія по Россіи. Тогда стало вполнѣ яснымъ, что какъ только разрѣшится въ Россіи крестьянскій вопросъ, и затѣмъ будетъ приступлено къ обновленію государственнаго устройства во всѣхъ его частяхъ, по всѣмъ его швамъ и складкамъ,—то выдвинется впередъ во всей его сложности, замалчиваемый и забываемый, но отнюдь не рѣшенный польскій вопросъ, который станетъ бревномъ поперекъ дороги прогресса и будетъ помѣхою всѣмъ замышляемымъ преобразованіямъ внутри самой Россіи.—Мысль о томъ, что польскій вопросъ есть опасная туча на горизонтѣ Россіи, не покидала Кавелина. Я изумляюсь нынѣ, въ бо́льшей степени, чѣмъ при жизни его, той необычайной проницательности, съ которою, предугадывая будущее, онъ пытался противодѣйствовать предусматриваемому злу. Кавелинъ зналъ, что послѣ освобожденія крестьянъ послѣдуетъ неизбѣжно задабриваніе помѣщиковъ, реакція въ духѣ дворянства, съ которою придется сильно бороться. Своимъ тонкимъ чутьемъ онъ предвидѣлъ, что въ польско-русскихъ отношеніяхъ кроется недоразумѣніе, происходитъ нѣчто недоброе; что польскій вопросъ, запущенный по природной русской лѣни въ теченіе всего Николаевскаго періода, поставленъ невѣрно и можетъ довести до взрыва; что за взрывомъ послѣдуетъ кровопролитіе, за кровопролитіемъ ударъ въ набатъ русскаго патріотизма, то-есть—полное и исключительное господство слѣпой народной страсти, въ волнахъ которой могутъ потонуть зачатки преобразованій, малые еще ростки личныхъ и общественныхъ свободъ, щедро даруемыхъ и усердно насаждаемыхъ верховною

властью, расположенною къ народу въ то время самымъ благодушнымъ образомъ. Какъ предупредить опасность? Какъ разогнать набѣгающія тучи?—Для достиженія этой цѣли Кавелину представлялось цѣлесообразнымъ пойти съ русской стороны на встрѣчу полякамъ, протянуть имъ руку, стараться о созданіи настоящей русской партіи среди польскаго общества, изолированнаго отъ Россіи и, такъ сказать, изъятаго изъ вѣдѣнія центральнаго русскаго правительства. Эта партія, по искреннимъ патріотическимъ польскимъ убѣжденіямъ, могла бы, при извѣстныхъ условіяхъ, держать сторону Россіи. — Такая русская партія въ Польшѣ существовала при Петрѣ Великомъ; она выработала свою самостоятельную организацію при Екатеринѣ II (домъ Чарторыскихъ и его политика). Она была столь сильна при Александрѣ I, что, опираясь на нее, русское правительство даровало конституцію образованному въ 1815 г. царству польскому.— Возможность дружнаго житья и сближенія обусловливалась, съ точки зрѣнія Кавелина, тѣмъ, какими своими частями, направленіями и партіями будутъ сближаться обѣ національности. Сблизится ли польское панство съ русскимъ барствомъ?—но изъ такого сближенія можетъ только выйти тупѣйшая реакція.—Сблизятся ли польскіе революціонеры съ русскими?—но и тутъ въ результатѣ получатся одно разрушеніе и пожаръ. Зато польская демократія можетъ и должна сблизиться съ русскою на условіяхъ гражданской равноправности и на либеральной почвѣ, подъ кровомъ русскаго государства.—Кавелинъ говорилъ, обращаясь къ намъ, полякамъ: „Вамъ нечего дорабатываться вновь до своего собственнаго государства, которое и физически невозможно, при запутанности отношеній съ этнографической стороны вопроса. Намъ съ вами невозможно размежеваться... Не лучше ли вамъ помириться съ нами искренно и безъ заднихъ мыслей, отречься отъ всякихъ повстаній, рѣшиться дѣйствовать лишь вполнѣ легально и получить затѣмъ полный просторъ въ вашихъ языкѣ, вѣрѣ и культурѣ".

Таковы были внушенныя Кавелинымъ программа и идея новаго польскаго органа, основаннаго въ С.-Петербургѣ. При содѣйствіи Кавелина, близкій пріятель его, І. П. Огризко, получилъ разрѣшеніе на ежедневную газету на польскомъ языкѣ—*Слово*—съ мѣсячимъ къ нему прибавленіемъ, значитъ—право издавать въ одно время и газету, и журналъ, въ направленіи, которое по теперешнему времени и его терминологіи можно бы назвать *примирительнымъ*. Условія времени были подходящія и благопріятныя для журнала; Огризко былъ человѣкъ безъ средствъ, но

деньги на изданіе безъ затрудненія нашлись. Оно пріобрѣло также значительную поддержку въ литераторахъ польскихъ и въ Россіи, и за границею, въ земляхъ такъ называемыхъ *закордонныхъ*, то-есть—въ Познани и Галиціи, и даже во Франціи, среди польскихъ выходцевъ, такъ что сразу оно получило достаточное число подписчиковъ.

Оказалось однако, что мы сильно ошиблись не насчетъ успѣха изданія, но насчетъ возможности его существованія—при обособленіи царства польскаго подъ безконтрольною властью намѣстника. Нашъ журналъ долженъ былъ дѣйствовать какъ струя свѣжаго воздуха, направленная въ затхлую среду, остававшуюся четверть вѣка въ неподвижности и застоѣ. Центральное правительство имперіи, занятое многочисленными вопросами внутренней политики и реформами, не вводило царства польскаго въ кругъ своего дѣйствія и полагалось всецѣло на намѣстника. Съ другой стороны, и намѣстникъ, князь А. Горчаковъ, и весь чиновный міръ царства польскаго стояли рѣшительно за statu quo, за полную нерушимость существующаго, тѣмъ болѣе, что при новомъ царствованіи образъ дѣйствія власти былъ болѣе мягкій, не было той грозы, которая сопровождала прежній режимъ, сдѣланы послабленія и, такъ сказать, поотпущены поводья.—Для властей царства польскаго была крайне неудобна газета, издаваемая въ С.-Петербургѣ и толкующая о томъ, что̀ происходитъ въ царствѣ польскомъ. По представленію намѣстника, газета „Слово“ была закрыта въ половинѣ января 1859, а редакторъ ея заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Настоящіе мотивы, вызвавшіе закрытіе—неизвѣстны. Повидимому, „Слово“ пострадало за то, что приняло участіе въ возникшей между варшавскими газетами и обострившейся полемикѣ по еврейскому вопросу... Редактору Огризко поставлено оффиціально въ вину, что онъ помѣстилъ въ № 15 газеты письмо выходца, 73-лѣтняго старика Лелевеля, доживавшаго послѣдніе годы жизни въ Брюсселѣ. Это письмо было напечатано уже въ то время, когда, по милости монаршей, польскимъ выходцамъ 1830 года разрѣшаемо было возвращаться на родину. Іоахимъ Лелевель былъ знаменитый историкъ; въ своемъ письмѣ онъ оцѣнивалъ научный трудъ другого историка, Гельцеля, о Казиміровскихъ Статутахъ XIV вѣка, и заканчивалъ это письмо одобрительнымъ привѣтомъ „Слову“ въ родѣ: „помоги Богъ“.—Послѣ заключенія Огризко въ крѣпость, я и еще два члена редакціи газеты, мы подали сообща 2 марта 1859 г., при содѣйствіи Кавелина, чрезъ Якова Ивановича Ростовцева, главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній и главнаго

тогда дѣятеля по крестьянскому вопросу, всеподданнѣйшее прошеніе, которое Кавелинъ одобрилъ и поправилъ. Оно содержало, между прочимъ, слѣдующія слова, которыя я привожу, какъ историческій документъ:

„Мѣры кротости и терпимости, которыми ознаменовано Ваше царствованіе, пріучили насъ вѣрить, что Всероссійскій Государь стоитъ превыше всѣхъ національностей; что для поляковъ Онъ— настоящій польскій государь. Извѣстно, что вслѣдствіе несчастныхъ событій 1831 г. правительство стало смотрѣть на польскую народность, какъ на враждебный элементъ. Съ другой стороны, польская нація, опасаясь за свое существованіе, тратила свои силы на безплодный отпоръ, на борьбу съ проникающими въ нее русскими вліяніями, на несбыточныя мечтанія о минувшей политической самобытности. Литература, обратившись къ изученію безвозвратно погибшаго прошедшаго, извлекала изъ исторіи ѣдкія воспоминанія старинныхъ вѣковыхъ непріязней. Религія примѣшалась къ страстямъ политическимъ. Фанатизмъ католическій обуялъ умы и училъ все чуждое ненавидѣть. Этотъ мрачный періодъ приходитъ къ окончанію. Восшествіе Вашего Императорскаго Величества на престолъ возбудило тысячу симпатій, надеждъ, ожиданій. Въ польскомъ обществѣ, переставшемъ опасаться за свой бытъ, возникли новыя требованія. Изъ Познани, Галиціи, доходили до насъ скорбные голоса польской народности, подавляемой заглушающимъ ее нѣмецкимъ элементомъ. Лучшіе передовые люди между поляками убѣдились, что пора имъ отказаться отъ мечтаній, и что имъ слѣдуетъ подъ сѣнью русской державы, не переставая быть поляками, искать спасенія и защиты, искренно и чистосердечно становясь на сторонѣ правительства во всѣхъ его мѣропріятіяхъ.

„Раздѣляя вполнѣ это новое направленіе, которое доказать и разъяснить мы можемъ фактами, и желая ему содѣйствовать всѣми средствами, мы исходатайствовали у правительства право на изданіе журнала „Слово“. Мы не просили никакой оффиціальной поддержки, которая могла бы лишь повредить намъ, давая возможность партіямъ противныхъ съ нами убѣжденій заподозрить наше безкорыстіе. Мы хотѣли вымолвить слово любви и примиренія и способствовать сближенію двухъ величайшихъ славянскихъ народностей, знакомя поляковъ съ Россіею, съ ея учрежденіями и силами, съ произведеніями русскаго ума. Въ религіи мы хотѣли защищать полную вѣротерпимость и чистыя христіанскія идеи безо всякаго фанатизма. Въ наукѣ мы хотѣли способствовать распространенію тѣхъ отраслей познаній, которыя

имѣютъ прямую связь съ практическою жизнью, съ матеріальнымъ благосостояніемъ областей, въ которыхъ существуютъ поляки, —познаній юридическихъ и экономическихъ. Многочисленныя корреспонденціи со всѣхъ частей западнаго края давали намъ возможность слѣдить за ходомъ всѣхъ мѣстныхъ вопросовъ. Положа руку на сердце, мы можемъ откровенно сказать, что во всемъ томъ, что̀ въ журналѣ нашемъ напечатано, и въ матеріалахъ, накопленныхъ нами, но еще неизданныхъ, нѣтъ ни единой мысли, противной по духу правительству и его планамъ.

„Намъ были извѣстны всѣ трудности нашей задачи. Намъ предстояла борьба съ невѣжествомъ и суевѣріемъ, очень понятными при малочисленности въ нашемъ краѣ ученыхъ обществъ и учебныхъ заведеній, съ сословными предразсудками польскаго общества, съ фанатизмомъ и нетерпимостью, со всѣми, однимъ словомъ, отжившими партіями, которыя мѣшаютъ намъ войти въ себя и, отрѣшившись отъ прошедшаго, помириться съ настоящимъ. Въ настоящее время, за исключеніемъ Варшавы, составляющей средоточіе литературной дѣятельности царства польскаго, нѣтъ ни одного польскаго журнала для западнаго и юго-западнаго края. Ваше Величество! во имя польской народности дерзаемъ умолять: не допустите нашему органу замолкнуть“.

Газета наша не была вновь разрѣшена къ изданію; но ея редакторъ былъ вскорѣ освобожденъ, и арестъ его не послужилъ препятствіемъ къ поступленію его на службу по министерству финансовъ.

Заканчивая этотъ краткій въ жизни и Кавелина, и нашей, эпизодъ, относящійся къ газетѣ „Слово“, я считаю себя вправѣ заключить, что уже въ пятидесятыхъ годахъ были люди въ русскомъ обществѣ, понимавшіе польскій вопросъ, какъ мы его теперь понимаемъ. Кавелинъ заслуживаетъ чтобы ему отведено было первое мѣсто въ ряду этихъ дѣятелей, какъ первому иниціатору примиренія національностей подъ условіями уваженія—съ русской стороны—къ близкой ей, по крови, польской національности, но съ подчиненіемъ себя—со стороны польской національности—необходимымъ требованіямъ русской государственности. Ближайшее будущее покажетъ, насколько идея эта вѣрна и живуча. Проповѣдуя ее, Кавелинъ полагался на здравый смыслъ русскаго народа, въ который онъ вѣрилъ безусловно.

IV.

Перехожу къ моей общей съ Кавелинымъ университетской дѣятельности, которая для меня началась 5-го декабря 1857 г., когда я получилъ каѳедру уголовнаго права, и оборвалась на университетской катастрофѣ, въ сентябрѣ 1861 г., когда мы, профессора, въ числѣ пяти человѣкъ подали прошенія объ отставкѣ.—Мнѣ приходилось усиленно работать, приготовляя еженедѣльно столько, чтобы достало матеріала на пять полуторачасовыхъ лекцій. Я не имѣлъ никакихъ способностей къ импровизаторству, и все, что̀ преподавалъ, долженъ былъ предварительно написать отъ начала до конца.—Я чувствовалъ тогда большой приливъ силъ и увеличивающуюся отъ привычки легкость въ работѣ. Въ концѣ перваго семестра, я уже зналъ, что совладаю съ предметомъ. Почти единственнымъ моимъ развлеченіемъ были вечерніе „журъ-фиксы" по воскресеньямъ у Кавелина. На этихъ собраніяхъ не было никогда ни игры въ карты, ни музыки. Десятка два, три гостей изъ мѣстныхъ жителей или пріѣзжихъ изъ Москвы, изъ провинцій, или изъ-за границы, усаживались за длиннымъ чайнымъ столомъ, за которымъ предсѣдательствовала жена Кавелина, Антонина Ѳедоровна, урожденная Коршъ. Собравшіеся бесѣдовали о всевозможныхъ предметахъ наукъ, искусствъ, юриспруденціи, политики.—Кавелинъ не покидалъ Васильевскаго-Острова. Никогда не видалъ я салона, который былъ бы живѣе, занимательнѣе и заманчивѣе и по предметамъ бесѣдъ, и по выдающимся качествамъ лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе. Общество было почти исключительно мужское. Тутъ бывали люди всевозможныхъ оттѣнковъ и мастей, которые впослѣдствіи разошлись другъ съ другомъ по діаметрально противоположнымъ направленіямъ. Сюда заглядывали военные и статскіе, судьи и администраторы, профессора и артисты, пріѣзжіе изъ Москвы, напримѣръ—С. Соловьевъ, Б. Чичеринъ, Бабстъ, Дмитріевъ и Побѣдоносцевъ; государственные люди, какъ Н. Милютинъ, Заблоцкій-Десятовскій, Стояновскій, братья Гроты, Константинъ и Яковъ, офицеры, напримѣръ Г. Г. Даниловичъ и М. Драгомировъ, писатели, напримѣръ И. С. Тургеневъ, журналисты Валентинъ Коршъ, Чернышевскій, Вейнбергъ и дѣлавшій тогда первые шаги на общественномъ поприщѣ, многообѣщавшій Добролюбовъ, профессора Борисъ Утинъ, Стасюлевичъ, Пыпинъ, Березинъ, Савичъ; всѣхъ бывавшихъ нѣтъ возможности перечесть. Главнымъ руководителемъ бесѣдъ былъ самъ хозяинъ, всегда занятой самыми свѣжими, самыми новыми и на-

сущными вопросами текущаго дня. Мы изумлялись дѣятельности его—по истинѣ, поразительной. Онъ читалъ лекціи Наслѣднику Цесаревичу, готовился къ университетскимъ лекціямъ по предмету для него новому, такъ какъ его спеціальностью была исторія древняго русскаго права, а не гражданскіе законы, слѣдилъ съ усиленнымъ вниманіемъ за всѣми фазами крестьянской реформы, содѣйствовалъ этой реформѣ своими статьями. Какъ профессоръ, я завидовалъ его умѣнью группировать вокругъ себя студентовъ, пріохочивать ихъ къ занятіямъ, давая имъ темы для работъ, и обсуждать эти работы въ товарищескомъ студенческомъ кружкѣ. Приливъ свѣжихъ и молодыхъ силъ въ университетъ былъ великъ; громадное число любознательныхъ людей обоего пола и разныхъ возрастовъ наполняли открытыя настежь для публики аудиторіи. Прекрасный духъ, одушевлявшій и студентовъ, и эту жаждавшую знанія и учившуюся съ увлеченіемъ публику, вдохновлялъ и насъ, профессоровъ. Обновленіе не только университетскаго образованія, но и самой организаціи университета, стояло на очереди. Начатое по почину попечителя князя Щербатова, оно зависѣло главнымъ образомъ отъ университетскаго совѣта. Мы его обдумывали сообща. Передъ нашими глазами открывалась широкая перспектива порядка и занятій въ храмѣ наукъ на основаніяхъ возможно большей свободы и самодѣятельности какъ учащихъ, такъ и учащихся, иными словами—на началахъ широкой университетской автономіи. По старому уставу 1835 г. и по дополнявшимъ его министерскимъ и попечительскимъ циркулярамъ и инструкціямъ, учащіе были точно стѣною отдѣлены отъ учащихся. Профессора были собственно чиновники, читающіе лекціи и соприкасающіеся со студентами только на лекціяхъ и на экзаменахъ. Хозяйственную часть вѣдало правленіе, зависимое отъ попечителя; учебная часть завѣдывалась совѣтомъ. Функціи ректора сводились почти только къ предсѣдательствованію въ совѣтѣ. По части такъ называемаго благочинія студенты подчинены были инспектору, непосредственно зависимому отъ попечителя; его они мало уважали и къ нему они относились какъ къ полицейскому чиновнику. Взысканія за проступки налагались попечителемъ. Въ верхнемъ этажѣ университета существовало общежитіе для казеннокоштныхъ студентовъ, но такихъ было немного. Огромное большинство жили свободно на частныхъ квартирахъ и собирались кружками, имѣли свое особое корпоративное устройство по типу нѣмецкихъ буршеншафтовъ, съ буршами и фуксами, съ коммершами и дуэлями. Подъ конецъ сороковыхъ годовъ корпорація русская и польская отрѣшились отъ

нѣмецкихъ формъ и обособились. Такимъ образомъ, уже тогда существовали у русскихъ студентовъ негласные зачатки корпоративной организаціи. Князь Щербатовъ нѣсколько упорядочилъ и ограничилъ эту корпоративность. Студентамъ разрѣшено имѣть въ университетѣ свою кассу для выдачи пособій нуждающимся, свою библіотеку, издавать сборникъ, выбирать своихъ старшинъ и руководителей. По выходѣ въ отставку князя Щербатова, сплотившіеся студенты оставались безъ контроля. Въ ихъ корпоративномъ быту отражались всѣ явленія и движенія столичнаго интеллигентнаго общества, переживающаго процессъ броженія, обновленія и освобожденія отъ связывавшихъ его полицейскихъ правилъ и отжившихъ порядковъ. Весьма часто происходили столкновенія между публикою и полиціею, внѣ стѣнъ университета, при томъ или другомъ сборищѣ общественномъ. Полиціи легко было отмѣтить, въ каждомъ подобномъ случаѣ, присутствіе или соучастіе студенческаго элемента по синему воротнику обязательнаго для студентовъ форменнаго платья. Бывали и въ стѣнахъ университета столкновенія студентовъ съ малоуважаемыми инспекторомъ и педелями, которыя доносились до попечителя и безпокоили его. Весь 1860-й годъ ознаменованъ былъ цѣлымъ рядомъ такихъ крошечныхъ происшествій и столкновеній, которыя можно было бы легко предупреждать и прекращать, еслибы слово и власть инспектора были авторитетнѣе. Обыкновенно возникавшія подобнаго рода дѣла кончались тѣмъ, что новый, послѣ кн. Щербатова, попечитель Иванъ Давыдовичъ Деляновъ (впослѣдствіи графъ и министръ народнаго просвѣщенія) обращался къ тѣмъ или другимъ наиболѣе вліятельнымъ и популярнымъ профессорамъ, и при ихъ примиряющемъ содѣйствіи и вмѣшательствѣ достигалъ того, что дѣло тѣмъ или другимъ способомъ заканчивалось. Въ мартѣ 1861 г., вслѣдствіе письменнаго предложенія со стороны попечителя К. Д. Кавелину, образована была подъ его предсѣдательствомъ коммиссія изъ четырехъ профессоровъ, въ которой я не участвовалъ, и которой предоставлено было устроить студенческую корпорацію и издать правила для студентовъ. Коммиссія пригласила восемь человѣкъ студентовъ, которыхъ мнѣнія она выслушивала при выработкѣ правилъ, образующихъ нѣчто въ родѣ устава. Коммиссія руководствовалась въ своей работѣ основною идеею, что университетъ долженъ вмѣщать въ себѣ два правильно организованные элемента: корпорацію учащихъ, образующихъ совѣтъ и имѣющихъ во главѣ выборнаго ректора-хозяина и представителя университета, и корпорацію студентовъ, имѣющихъ свои сходки и своихъ выборныхъ старшинъ. Эти студентскія учрежденія должны были подчи-

няться контролю и власти избираемаго совѣтомъ проректора. Предполагалось отдѣлить административную власть проректора отъ судебной, предоставляемой суду изъ трехъ судей по выбору совѣта и налагающей взысканія за всѣ проступки студентовъ и нарушенія ими правилъ. Съ іюля 1860 г., я уже былъ экстраординарнымъ профессоромъ, и очень хорошо помню, что при обмѣнѣ мыслей въ совѣтѣ мы, профессора, вполнѣ ясно понимали, что наша задача будетъ нелегка; что намъ придется строго взыскивать за нарушенія правилъ, за всякія попытки политической агитаціи между студентами. Мы знали, что молодыхъ людей горячихъ, хотя бы они были и даровитые, придется исключать, но я до сихъ поръ убѣжденъ,—и это убѣжденіе раздѣлялъ со мною до своей смерти Кавелинъ,—что корпоративное устройство студентовъ въ ихъ маленькой ячейкѣ, давая пищу умамъ молодежи и содѣйствуя выработкѣ воли ихъ, служитъ лучшимъ предохранительнымъ средствомъ противъ заразы политиканства, свирѣпствующей вездѣ, гдѣ корпоративное устройство существуетъ на сторонѣ, внѣ стѣнъ университета и внѣ его контроля. Выработанный коммиссіею проектъ правилъ для студентовъ представленъ былъ весною 1861 г. бывшему тогда министромъ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскому; но этому проекту не суждено было осуществиться, потому что онъ испыталъ на себѣ дѣйствіе первыхъ вѣяній реакціи, неизбѣжной по естественному ходу событій послѣ завершенія самаго великаго и самаго благотворнаго практическаго дѣла эпохи, то-есть—послѣ освобожденія крестьянъ. Настоящее, не призрачное, а реальное освобожденіе крестьянъ возможно было только съ предоставленіемъ крестьянамъ земельнаго надѣла. Такого рода освобожденіе достигаемо было почти вездѣ только при посредствѣ соціальной революціи. Въ Россіи, къ счастію ея, оно произведено законодательнымъ порядкомъ, путемъ реформы, не безъ извѣстной существенной частичной ломки въ области понятій „мое и твое", въ институтѣ частной собственности, который шире и глубже всякихъ установленій государственныхъ. Само правительство сознавало, что совершается нѣкоторое отступленіе отъ вышеупомянутаго института; оно озаботилось ограничить реформу предѣлами самой настоятельной необходимости и было расположено къ разнымъ уступкамъ крупному землевладѣнію, жаловавшемуся на потери, которыя оно понесло при освобожденіи крестьянъ. Уволены были главный дѣятель по крестьянской реформѣ Н. А. Милютинъ и нѣкоторые его сподвижники. Въ несовсѣмъ безопасномъ положеніи, вслѣдствіе ярыхъ нападокъ противниковъ реформы, очутились и тѣ установленія

и общественныя силы, которыя оказали самыя существенныя услуги по части освобожденія крестьянъ, въ томъ числѣ и въ первомъ ряду печать, какъ проповѣдникъ реформы, и университеты, какъ разсадники ученій, расшатывавшихъ, будто бы, общественные устои. Университеты не могли нравиться многимъ лицамъ, занимавшимъ самые высокіе и вліятельные посты, и по усиленному къ нимъ притоку молодого, наиболѣе свободолюбиваго, по возрасту своему, поколѣнія, и по почти даровому въ немъ преподаванію, по доступности университета людямъ неимущимъ, бѣднякамъ, демократіи. Притомъ, замѣтимъ, что съ освобожденіемъ крестьянъ исчезла та сплоченность, та солидарность всѣхъ оттѣнковъ прогрессивныхъ людей, начиная съ бѣлыхъ до ярко-красныхъ, которая прежде заставляла ихъ дѣйствовать сообща и держаться вкупѣ. Тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, бывшіе союзники стали расходиться въ разныя стороны и дѣйствовать порознь. Впрочемъ, на первыхъ порахъ послѣ освобожденія крестьянъ, преобладающій еще духъ либерализма былъ настолько силенъ, что вновь назначенное для упорядоченія университетовъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1861 г., начальство—министръ народнаго просвѣщенія, адмиралъ Путятинъ, и новый попечитель с.-петербургскаго округа, генералъ Филипсонъ,—рѣшили воспользоваться, отчасти, составленными нами, т.-е. университетскою коммиссіею, правилами для студентовъ, сдѣлавъ крупныя изъ этого проекта заимствованія. Они заимствовали цѣликомъ должность проректора и университетскій судъ, но въ опубликованныхъ правилахъ 21-го мая 1861 года установили два измѣненія университетскаго проекта, подсѣкавшія корпоративный бытъ студентовъ въ самомъ его корнѣ. Во-первыхъ, всѣ сходки студентовъ запрещены,—значитъ, упразднены и выборы въ корпоративныя должности. Во-вторыхъ, сильно уменьшено число учащихся, вслѣдствіе недопущенія въ студенты, съ самыми ничтожными исключеніями (по два человѣка на каждую губернію округа), бѣдняковъ, не могущихъ внести платы за слушаніе лекцій. Кассу и библіотеку студентовъ положено вывести изъ стѣнъ университета съ тѣмъ, чтобы онѣ могли существовать гдѣ-нибудь на сторонѣ. Правила 11-го мая были опубликованы уже въ началѣ каникулъ, когда студенты разъѣзжались, такъ что ихъ послѣдствія могли обнаружиться только осенью, въ началѣ слѣдующаго учебнаго года. Начало предполагаемыхъ къ введенію перемѣнъ въ университетѣ совпало, для Кавелина, съ самымъ горестнымъ семейнымъ событіемъ, которое его столь сильно потрясло, что онъ мгновенно состарѣлся, а именно, со смертью единственнаго его

сына Дмитрія, 14-лѣтняго юноши, необычайно и свыше лѣтъ развитого и даровитаго. Ни я, ни Кавелинъ, мы не были въ С.-Петербургѣ лѣтомъ. Мнѣ удалось тогда впервые побывать въ Варшавѣ, гдѣ я воочію и съ любопытствомъ наблюдалъ въ полномъ его ходу броженіе, которое года чрезъ полтора разрѣшилось мятежемъ 1863 года.

V.

Мы съѣхались въ Петербургѣ въ августѣ 1861 г., а въ сентябрѣ произошла та маленькая „буря въ стаканѣ воды", которая кончилась опустѣніемъ университета, а потомъ и его формальнымъ закрытіемъ 20-го декабря 1861 года. Кавелинъ очертилъ это происшествіе въ „Запискѣ объ университетскихъ волненіяхъ въ Петербургѣ въ 1861 г.", о которой упоминаетъ Д. А. Корсаковъ (Жизнеописаніе, стр. XXVI). Я велъ за это время дневникъ и изложилъ катастрофу въ моей статьѣ о петербургскомъ университетѣ, которую читалъ Кавелину до ея напечатанія (IV томъ моихъ Сочиненій, стр. 1—66). Происходившее походило на маленькую драму въ трехъ дѣйствующихъ лицахъ: студенты, профессора и университетское начальство. Начальство постановило завести матрикулы, книжки съ отмѣтками о каждомъ студентѣ, о взносахъ имъ платы за лекціи, о взысканіяхъ, объ экзаменахъ; книжка замѣняла собою паспортъ и содержала въ себѣ правила для студентовъ. Получая матрикулу, студентъ долженъ былъ подписать обязательство о соблюденіи правилъ; онъ заключалъ такимъ образомъ съ начальствомъ нѣчто въ родѣ договора. Весь вопросъ на практикѣ сводился къ тому, какъ заставить студентовъ брать эти книжки. Предвидѣлось, однако, что ихъ не можетъ не взять извѣстное количество студентовъ, достаточное для установленія факта, что аудиторіи посѣщаются. Разъ книжки взяты, можно заставить взявшихъ исполнять правила. Начальство надѣялось, что раздачѣ матрикулъ можно заставить содѣйствовать профессоровъ. Но совѣтъ университета, въ засѣданіи 6-го сентября, возражалъ противъ проектированныхъ только-что, но не объявленныхъ еще утвержденными правилъ, и объявилъ, что онъ не можетъ приступить къ выбору проректора, за неимѣніемъ желающихъ баллотироваться кандидатовъ. Попечитель остался при одномъ инспекторѣ студентовъ, какъ органѣ полицейской власти. Матрикулы печатались; открытіе лекцій послѣдовало 17-го сентября, безъ принятія какихъ бы то ни было мѣръ для недопущенія сходокъ. Сходки же начались, повторялись ежедневно; когда прика-

зано было запирать пустыя аудиторіи, студенты большою толпою открыли силою большой актовый залъ; мы, профессора, узнали о случившемся только на слѣдующій день, 24-го сентября, при пріемѣ у г. министра, возвѣстившаго намъ о временномъ закрытіи университета. На слѣдующій день, массы студентовъ, не допущенныхъ въ университетъ, отправились на домъ къ попечителю Филипсону, въ Колокольную улицу. Туда поспѣла и вооруженная сила. Столкновеніе предупреждено только появленіемъ попечителя, отправившагося со студентами въ университетъ и распустившаго ихъ до слѣдующаго дня. Вечеромъ, въ тотъ же день, открыто Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ, заступавшимъ ректора, засѣданіе совѣта въ присутствіи попечителя, который тутъ же предложилъ, чтобы матрикулы были раздаваемы, совмѣстно съ полученіемъ подписокъ отъ студентовъ, деканами въ полномъ собраніи членовъ факультетовъ. К. Д. Кавелинъ былъ первый, объявившій о невозможности подчиниться этой мѣрѣ. Только три члена совѣта поддержали предложеніе попечителя. При голосованіи большинство, перевѣсившее, однако, однимъ только голосомъ (15 противъ 14), высказалось за непринятіе профессорами участія въ раздачѣ матрикулъ. Министръ потребовалъ отъ членовъ совѣта письменнаго изложенія мотивовъ ихъ отказовъ; но между тѣмъ, на сторону протестовавшихъ перешло уже много членовъ совѣта изъ тѣхъ, которые 25-го сентября голосовали, согласно предложенію попечителя. Съ тѣхъ поръ опредѣлилось окончательно, что профессора будутъ держать себя пассивно по отношенію къ конфликту. Почти каждый день по утрамъ у дверей университета и на улицѣ разыгрывались забавныя сцены въ виду интересовавшейся вопросомъ петербургской публики. Наконецъ, въ засѣданіи совѣта, 8-го октября, подъ предсѣдательствомъ пріѣхавшаго въ С.-Петербургъ ректора П. А. Плетнева, уже весь совѣтъ высказался единогласно за отмѣну матрикулъ и изъявилъ готовность попытаться успокоить студентовъ, если ему будетъ предоставлено распоряжаться по своему усмотрѣнію и своими средствами. Попечитель объявилъ, что это невозможно, что выдача матрикулъ послѣдуетъ. Онъ намъ сказалъ:—„вы ставите вопросъ,—либо университетъ, либо Россія"? Ему возражали, что такая постановка вопроса неправильна, а слѣдуетъ выбрать одно изъ двухъ: либо университетъ безъ матрикулъ, либо матрикулы безъ университета. Событія оправдали наши опасенія. Раздача матрикулъ послѣдовала, лекціи возобновились, но при такихъ безпорядкахъ, которые повели къ арестованію студентовъ массами. Часть ихъ была заключена въ

Петропавловскую крѣпость, часть отправлена въ Кронштадтъ. На площади передъ университетомъ валялись сотни разорванныхъ книжекъ съ матрикулами. Аудиторіи оставались пустыми по отсутствію слушателей. Въ теченіе двухъ недѣль, съ 25-го сентября по 12-е октября, профессорскій кружокъ, числомъ отъ 12 до 15 человѣкъ, къ которому въ рѣшительные моменты присоединялись и всѣ остальные профессора, собирался почти ежедневно для совѣщаній на частныхъ квартирахъ, то у одного, то у другого изъ профессоровъ. Кавелинъ, безъ всякаго избранія и предварительнаго соглашенія, былъ всеобщимъ руководителемъ, а въ пререканіяхъ съ начальствомъ—такъ-сказать представителемъ университета. Онъ рѣшалъ своимъ вѣскимъ голосомъ наши сомнѣнія и колебанія. Ему мы обязаны тѣмъ, что мы такъ послѣдовательно и до конца изображали собою въ нѣкоторомъ родѣ Кассандру, предсказывающую паденіе Иліона, не сходя вмѣстѣ съ тѣмъ съ пути самой строгой законности, и оставаясь въ сторонѣ какъ по отношенію начальства, ибо оно опиралось на внѣшнюю силу, такъ и по отношенію студенчества, въ первомъ ряду котораго особенно выдѣлялся своею бойкостью Николай Адріановичъ Неклюдовъ, талантливый впослѣдствіи государственный дѣятель, кончившій свою жизнь на посту товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Мы совсѣмъ не искали популярности и отлично понимали, что еслибы наши услуги были тогда приняты, и намъ бы была предоставлена власть въ университетѣ, то, укрощая расходившихся студентовъ, мы не остановились бы передъ самыми энергическими мѣрами для установленія того нормальнаго университетскаго порядка, какой былъ у насъ на умѣ. Но когда университетъ опустѣлъ, не бывъ даже оффиціально закрытъ, то Кавелинъ первый рѣшилъ, что оставаться дольше въ этомъ университетѣ онъ не можетъ, хотя и не вмѣнялъ никому изъ насъ въ обязанность послѣдовать его примѣру. На эту рѣшимость Кавелина, которой онъ никому не навязывалъ, откликнулись только четыре профессора: М. М. Стасюлевичъ, А. Н. Пыпинъ, Б. И. Утинъ и я. Во избѣжаніе всякаго вида стачки или коллективной демонстраціи мы рѣшили, что наши прошенія будутъ поданы неодновременно и нѣсколько позже прошенія Кавелина. Они послѣдовали одно за другимъ, въ теченіе ноября 1861 г.; я просилъ о переводѣ меня на службу въ училище правовѣдѣнія, гдѣ состоялъ уже преподавателемъ. Для нѣкоторыхъ изъ насъ шагъ этотъ былъ серьезенъ, такъ какъ отъ него зависѣли средства существованія. Къ числу ихъ принадлежалъ Кавелинъ, у котораго, какъ человѣка семейнаго, при самой скромной жизни, въ

его хозяйствѣ концы едва сходились съ концами. Въ общественномъ мнѣніи столицы, въ прессѣ, въ интеллигентныхъ слояхъ общества, настроенныхъ весьма либерально, мы были популярны. Студенты считались чуть ли не героями дня и, вкусивъ отъ плода политики, значительно испортились. Съ тѣхъ поръ и начались хожденія въ народъ, участіе незрѣлыхъ еще юношей въ анархическихъ затѣяхъ. Между тѣмъ, и министерство графа Путятина просуществовало только до новаго, 1862 г. Арестованные студенты были выпущены, кромѣ немногихъ, подвергшихся административной высылкѣ. Освобожденныхъ взялъ подъ свое особое покровительство новый генералъ-губернаторъ, князь Суворовъ. Въ городской думѣ устроены были публичныя лекціи, читаемыя профессорами; нѣкоторые студенты были распорядителями. Министромъ народнаго просвѣщенія сдѣланъ А. В. Головнинъ, а товарищемъ его—бывшій попечитель И. Д. Деляновъ. Головнину поручено выработать новый университетскій уставъ, изданіемъ котораго обусловлено открытіе вновь с.-петербургскаго университета. Новый министръ былъ человѣкъ либеральный, сочувствующій гуманнымъ идеямъ. Значительное число бывшихъ профессоровъ, въ томъ числѣ и меня, онъ привлекъ къ работамъ по составленію новаго устава 1864 г. Уставъ этотъ былъ основанъ на идеяхъ Кавелинской коммиссіи; но А. В. Головнинъ не скрывалъ отъ насъ, что въ высшихъ сферахъ профессора считаются подстрекателями и руководителями студенческаго движенія. Когда высказано было предположеніе о назначеніи нѣкоторыхъ изъ насъ въ готовящійся тогда къ открытію новороссійскій университетъ въ Одессѣ, онъ далъ намъ понять, что онъ этого сдѣлать не можетъ. Онъ предложилъ М. М. Стасюлевичу должность члена въ ученомъ комитетѣ министерства нар. просвѣщенія, а К. Д. Кавелину—поѣздку за границу для изученія иностранныхъ университетовъ и полнаго собранія матеріаловъ для новаго университетскаго устава. Это предложеніе принято было Кавелинымъ тотчасъ же и безъ колебаній. Въ данную минуту оно его устроивало какъ человѣка уставшаго, нравственно измученнаго и больного. Отъ удара, причиненнаго ему смертью сына, онъ никогда уже не оправился. Борьба за университетъ тѣмъ болѣе его утомила, что онъ ничего отраднаго не видѣлъ впереди, и онъ совсѣмъ не сочувствовалъ большинству тогдашнихъ передовыхъ людей, по части появлявшихся тогда малыми ростками конституціонныхъ идей, которыя онъ считалъ обманчивыми и фальшивыми, что̀ и причинило вскорѣ потомъ, въ 1862 году, разрывъ его съ А. И. Герценомъ. Въ изданныхъ, въ 1892 г., письмахъ

Кавелина къ Герцену есть поразительно откровенное объясненіе самого Кавелина по части поѣздки его, по порученію Головнина, за границу. „Я и до сихъ поръ путемъ не знаю, чтò значитъ моя посылка за границу. Головнинъ говоритъ, что, видя мое неловкое положеніе между правительствомъ, которое смотритъ на меня подозрительно, и между студентами, которые считаютъ меня консерваторомъ; онъ, Головнинъ, желаетъ сберечь меня для будущаго; а другіе люди, понимающіе дѣло, говорятъ, что Головнинъ меня благовидно спустилъ и отъ меня отдѣлался. Что до меня лично касается, то я совершенно равнодушенъ къ обѣимъ версіямъ. Принять какой-нибудь дѣятельный постъ теперь ли, послѣ ли, я не могу и не хочу. Въ университетѣ я невозможенъ, потому что былъ бы поставленъ между двумя огнями: студентами и шатающимся направо и налѣво начальствомъ, которое какою-нибудь мѣрою вмигъ разрушитъ, чтò ты строилъ долго и съ трудомъ“... Свою служебную карьеру считалъ Кавелинъ конченною. Если ему представлялась возможность служить, то по какой-нибудь опредѣленной спеціальности и по вольному найму. Такъ и пришлось ему работать въ послѣднія его двадцать лѣтъ по министерству финансовъ, по предложенію К. К. Грота. Истиннымъ для него счастіемъ и занятіемъ по душѣ было преподаваніе гражданскаго права офицерамъ, слушателямъ военно-юридической академіи въ С.-Петербургѣ, съ осени 1878 г. по его смерть, въ 1885 г.

Получивъ порученіе отъ Головнина, Кавелинъ собрался очень быстро въ путь и устроился работать въ Парижѣ въ началѣ апрѣля 1862 г., то-есть, въ то самое время, когда въ Петербургѣ осуществлялась грандіозная по замыслу попытка разрѣшенія польскаго вопроса посредствомъ назначенія намѣстникомъ в. кн. Константина Николаевича и начальникомъ гражданскаго управленія маркиза Вѣлёпольскаго. Хотя Кавелинъ не былъ въ высшихъ сферахъ, что называется, въ милости, но имѣлъ здѣсь свои связи при посредствѣ в. кн. Елены Павловны, баронессы Раденъ и графини Антонины Блудовой. Кавелинъ былъ несомнѣнно однимъ изъ тѣхъ, которые содѣйствовали симпатическому пріему, какой былъ оказанъ со стороны русскаго общества Вѣлёпольскому. Съ момента отъѣзда Кавелина, въ мартѣ 1862 года, изъ С.-Петербурга, до возвращенія его въ Петербургъ, я не видался съ нимъ, но былъ съ нимъ въ очень дѣятельной перепискѣ. Постараюсь изложить, чтò я знаю о настроеніи Кавелина въ этотъ періодъ времени до полной неудачи плановъ маркиза и до са-

маго мятежа 1863 г., когда яркимъ пламенемъ вспыхнули враждебныя патріотическія чувства обѣихъ національностей, возбужденія которыхъ мы оба съ Кавелинымъ въ прежнее время всего больше опасались.

VI.

Первое посѣщеніе Кавелинымъ западной Европы относится къ 1857 г., когда онъ ѣздилъ на короткое время въ Остенде, представляться Императрицѣ, какъ будущій наставникъ Наслѣдника престола. Во второй разъ онъ отправился за границу уже послѣ увольненія отъ этого преподаванія, въ концѣ мая 1859 г. Ѣхали мы вмѣстѣ съ К. Д. Кавелинымъ на пароходѣ изъ Петербурга въ Ростокъ. На томъ же пароходѣ ѣхалъ больной глазами и направляющійся въ глазную клинику Грефе М. Н. Катковъ. Кавелинъ не скрывалъ отъ меня своего намѣренія побывать у друга юности своей, Герцена, въ Лондонѣ. Онъ, затѣмъ, по моемъ возвращеніи въ Петербургъ, передавалъ мнѣ свои радостныя впечатлѣнія отъ личнаго свиданія съ человѣкомъ, котораго онъ наиболѣе въ жизни любилъ, и съ которымъ не видался уже 12 лѣтъ. Въ 1862 г. Кавелинъ ѣхалъ на чужбину уже на продолжительное, неопредѣленное время, побывавъ въ боевомъ огнѣ жизни, уставшій и во многое извѣрившійся, но съ твердо установившимися убѣжденіями и взглядами на жизнь, о которыхъ онъ зналъ, что они не популярны, и что ихъ раздѣляютъ немногіе изъ интеллигентнѣйшихъ земляковъ его и современниковъ. Не дѣлая никакихъ уступокъ революціонерамъ, онъ былъ рѣшителенъ и твердъ по одному главному вопросу, а именно по крестьянскому, который онъ считалъ рѣшеннымъ, какъ слѣдуетъ, по единственно правильному пріему и пути—сверху внизъ. Много разъ повторялъ онъ, примѣнительно къ себѣ, Симеоновы слова: „нынѣ отпущаеши“, съ прибавкою, что онъ считаетъ—главная задача современнаго ему русскаго поколѣнія разрѣшена! Онъ стоялъ за общинное великороссійское крестьянское землевладѣніе, какъ за залогъ успѣшнаго дѣйствія крестьянской реформы въ будущемъ. Изъ крестьянской вытекали для него и всѣ другія реформы, образующія совокупно одну и ту же нить развертывающагося клубка. Во всѣхъ реформахъ былъ онъ послѣдовательнымъ радикаломъ, чуждающимся всякихъ заплатъ и частичныхъ компромиссовъ. Несмотря на свое глубокое отвращеніе къ бюрократіи вообще, въ государственномъ отношеніи былъ онъ самый послѣдовательный сторонникъ самодержавія, и тысячу разъ я слы-

шалъ изъ устъ его тѣ самыя выраженія, которыя онъ употребилъ въ письмахъ къ Герцену: „игра въ конституцію пугаетъ меня, такъ что я ни объ чемъ другомъ думать не могу“... „Теперь въ эту минуту конституція невозможна общая для всѣхъ классовъ народа, а одна дворянская—немыслима“... „Я скоро буду всѣми силами стоять за существующій порядокъ, то-есть за всѣ реформы, но—противъ конституціи. Общественная форма, какова бы она ни была, не можетъ быть предметомъ культа, богомъ, которому приносятся человѣческія жертвы. Это тотъ же сапогъ и та же одёжа, которыя по одной мѣркѣ для всѣхъ людей не пригодятся. Произвесть переворотъ не такъ невозможно, какъ кажется. Я считаю не такимъ труднымъ подточить теперешнія основы общества въ Россіи, выжившія, выдохшіяся, и дать ей съ нихъ рухнуть цѣлою тяжестью. Только что̀ будетъ за тѣмъ? То, что̀ есть, не создастъ новаго по той простой причинѣ, что будь оно новымъ, старое не могло бы просуществовать двухъ дней. Итакъ, выплыветъ меньшинство — я еще не знаю какое, а потомъ все скристаллизуется по старому, на первый разъ по большинству наличныхъ элементовъ и понятій, и вдобавокъ со всею ненавистью къ новому. Я счелъ бы себя безчестнымъ человѣкомъ, еслибы совѣтовалъ барину, попу, мужику, офицеру, студенту—ускорять процессъ разложенія обветшалыхъ историческихъ общественныхъ формъ. Я вожусь всю жизнь въ пакости нашей общественной, вижу и знаю многое, и, вѣря, что изъ теперешней дичи выйдетъ дѣйствительно что-то новое и великое, убѣжденъ, что оно еще далеко впереди, а на первомъ планѣ стоитъ—пройти кризисъ какъ можно спокойнѣе, бережливѣе, съ возможно меньшимъ пожертвованіемъ силъ, чтобы сохранить ихъ на будущее“.

Можно прослѣдить источники анти-оппозиціоннаго направленія Кавелина въ 1862 г. Оно проистекало, во-первыхъ, изъ его взгляда на общество, по методу естественныхъ наукъ, какъ на нѣчто, не имѣющее ни цѣли, ни задачи, какъ на необходимый продуктъ нѣкоторыхъ сочетаній, вслѣдствіе чего нельзя вести насильственно племена и народы по той или другой дорогѣ. „Общество есть организмъ, а противъ организма ничего не подѣлаешь силой. Больного лечатъ, а не бьютъ, чтобы онъ выздоровѣлъ“... Но, во-вторыхъ, на этотъ же выводъ указывало Кавелину и его знаніе русской исторіи, знакомство съ формулою русскаго развитія, которая, по его мнѣнію, основана не на постепенномъ оппозиціонномъ ограничиваніи монархизма, какъ было на западѣ Европы и въ Польшѣ, а совсѣмъ наоборотъ. „Не такъ мы сло-

жились, росли, не такова вся наша исторія, чтобы мы могли имѣть какое-нибудь поползновеніе смотрѣть на дѣло иначе. Мы прошли еще въ младенчествѣ страшный переворотъ, котораго смыслъ до сихъ поръ не совсѣмъ ясенъ—это *Петровскій*. Но едва мы стали открывать глаза, когда созданное имъ насиліе—эшафодажъ его хитросплетеній разваливается самъ собою, вымираетъ безъ всякой революціи. Чѣмъ спокойнѣе у насъ пойдутъ дѣла, тѣмъ скорѣе онъ вывѣтрится. Я не скажу того же о полякахъ. Порядокъ дѣлъ, существующій въ Польшѣ, не ими созданъ, и я совершенно понимаю возмущающагося поляка; но ближайшій ли путь для свободы Польши—сбросить силою русское иго? Это —другой вопросъ. Я глубоко убѣжденъ, что... имъ невыгодно теперь стряхнуть наше иго. Еслибы русскому правительству пришла благая мысль отказаться и самому отъ Польши, отъ всякаго клочка земли, которую поляки и теперь считаютъ своею собственностью, то представилось бы удивительное зрѣлище: поляковъ опять потянуло бы сильно къ намъ потому только, что за польскимъ вопросомъ стоитъ несравненно болѣе важный вопросъ—славянскій, въ которомъ безъ Россіи двинуться нельзя. Взаимнымъ треніемъ другъ объ друга мы лечимся отъ дикости и безсмыслія, отъ неславянскихъ соковъ и золотухи, которой нахлебались черезъ край. Сближеніе между поляками и русскими, несмотря ни на что, идетъ своимъ чередомъ, медленно, но не останавливаясь, и конечно сближеніе въ ненависти къ правительству не есть ни самая прочная, ни самая глубокая сторона этого многозначительнаго явленія. Она исчезнетъ съ перемѣнившимися обстоятельствами и оставитъ одни разочарованія. Прочно будетъ сближеніе, происходящее отъ взаимнаго перерожденія, отъ сознанія единства передъ глубокимъ кореннымъ различіемъ съ европейскимъ синтезомъ"...

VII.

Кавелинъ слѣдилъ съ живымъ интересомъ, въ богатомъ крупными событіями 1862 году, какъ послѣ пожара Апраксина двора въ Духовъ день сильнѣе выразилась реакція въ Россіи противъ движенія впередъ вообще; какъ начались въ Петербургѣ многочисленные аресты, и въ числѣ заарестованныхъ оказались многіе его знакомые, напримѣръ Чернышевскій; и какъ, съ другой стороны, потерпѣла полную неудачу въ Варшавѣ попытка Вѣлёпольскаго разрѣшить миролюбиво польскій вопросъ.

Въ теченіе всего этого 1862 года до осени Кавелинъ старался знакомиться за границею съ разными выдающимися дѣятелями польской національности въ Парижѣ, чему доказательствомъ можетъ служить его весьма подробное письмо ко мнѣ, которое я приведу цѣликомъ безъ всякихъ сокращеній:

„Парижъ.—27-го апрѣля (9 мая) пятница, 1862 г.

„Вы не повѣрите, дорогой Владиміръ Даниловичъ, до какой степени вы меня обязываете вашими интереснѣйшими письмами; я ими упиваюсь и напояю здѣшнихъ пріятелей. Я съ вами тысячу разъ согласенъ во всѣхъ вашихъ воззрѣніяхъ на положеніе. То, что̀ вы пишете о паденіи крайнихъ мнѣній, меня крайне радуетъ. Если вы и мы—разумѣется, не лично—имѣемъ какую-нибудь будущность, то, конечно подъ условіемъ, что здравый практическій смыслъ возьметъ, наконецъ, верхъ надъ крайностями, прекрасными и преполезными, какъ мысль,—но никуда негодящимися, какъ дѣло. Не согласенъ я съ вами только въ двухъ пунктахъ: во-первыхъ, относительно отношеній нашихъ мнѣній о Польшѣ, и, во-вторыхъ, относительно нашей ближайшей дѣятельности въ университетѣ. Насчетъ нашихъ партій, вы, мнѣ кажется, въ большомъ заблужденіи, что крайнія мнѣнія наши суть ваши вѣрнѣйшіе союзники. Это оптическій обманъ, въ которомъ вы сами скоро разочаруетесь. Крайнимъ мнѣніямъ годенъ всякій горючій матеріалъ, и вотъ на чемъ основана мнимая связь. Они—эти крайнія мнѣнія—очень добросовѣстны, я въ этомъ нимало не сомнѣваюсь, но они сами не отдаютъ себѣ, можетъ быть, отчета въ томъ, что̀ ихъ притягиваетъ къ полякамъ, безъ всякой задней мысли эксплоатировать поляковъ. Повѣрьте, самый вѣрный вашъ союзникъ—это здравый смыслъ моихъ земляковъ, который скоро додумается до правды въ польскомъ вопросѣ, а додумавшись, выскажетъ ее въ одинъ голосъ. Аксаковъ и его „День" затрогиваютъ много очень хорошихъ мыслей; но вы очень ошибаетесь, думая, что его голосъ—голосъ всей Россіи о польскомъ вопросѣ. Какъ вы можете себѣ представить, я думалъ здѣсь объ этомъ вопросѣ очень, очень много, достаточно говорилъ о немъ и пришелъ къ глубокому убѣжденію (а вы знаете, что мой носъ иногда чуетъ вѣрно), что время его мирнаго и справедливаго рѣшенія близится большими шагами.

„3-го (15) мая.—За разными хлопотами я не могъ кончить начатаго письма. Теперь его продолжаю. Примите ласково Николая Владиміровича Ханыкова, который вамъ его доставитъ. Онъ—очень, очень хорошій человѣкъ.

„Итакъ, я вамъ сказалъ, что рѣшеніе польскаго вопроса,

мирное и справедливое, близится большими шагами. Мнѣ это сдается, несмотря на многіе факты, которые вы можете привести противъ этого вѣрованія.

„Съ здѣшними поляками отношенія мои какъ-то расклеились. Не то чтобы мы повздорили, или сильно поспорили, а послѣ второго раза я замѣтилъ, что первое хорошее впечатлѣніе, которое я на нихъ произвелъ, какъ будто охладѣло. Долженъ вамъ сознаться, что въ моей душѣ не шевелится противъ нихъ за это ни тѣни непріятнаго чувства. Съ перваго же раза мы столкнулись на вопросѣ западныхъ губерній и отскочили другъ отъ друга. Вы знаете, что я не фанатикъ нашего владычества въ Литвѣ, но, говоря съ поляками въ Парижѣ, я не считалъ себя вправѣ разыграть роль Хлестакова, наврать имъ чортову пропасть, увѣрять ихъ, что всѣ русскіе очень расположены считать этотъ край польскимъ, и потому осторожно искалъ той точки, около которой могли бы мы согласиться. Теперь представьте себѣ людей, которые всю свою жизнь бѣдствовали за свою родину, у которыхъ одно счастіе, одинъ идеалъ, одна мечта и осталась—это родина. Мысль о насиліи и несправедливости, которыя четвертовали и исковеркали Польшу, окаменѣла въ нихъ. Теперешняго движенія идей у насъ, а можетъ быть и у васъ, они не знаютъ или знаютъ въ томъ смертномъ обликѣ, въ которомъ доходитъ въ Европу все, что̀ дѣлается въ славянскомъ мірѣ. Понятно, что ихъ національная щекотливость была затронута; они твердо стояли предо мною на историческомъ правѣ, и дальнѣйшій разговоръ самъ собою сталъ невозможенъ, не клеился. Каждый затаилъ въ своей душѣ свою мысль. Они увидали во мнѣ русскаго и застегнулись на всѣ пуговицы. Самымъ прекраснымъ лицомъ изъ всѣхъ этихъ господъ показался мнѣ Галензовскій. Онъ мнѣ живо напомнилъ Огризко, и я почувствовалъ къ нему большое влеченіе. Клячко очень уменъ, но имѣетъ французскій шикъ. Хоецкій казался мнѣ человѣкомъ очень практическимъ, менѣе другихъ болящимъ болѣзнью родины. Молодой Мицкевичъ—чистый французъ, въ которомъ мало что̀ сохранилось польскаго. Видѣлъ Милёвича и провелъ съ нимъ нѣсколько часовъ. Онъ обѣщалъ зайти, но исчезъ. Племянникъ Галензовскаго (Ксаверій), медикъ изъ петербургской академіи, бывалъ часто, но потомъ перестаіъ ходить. Словомъ, отъ меня отшатнулись всѣ, кромѣ Окольскаго (впослѣдствіи профессоръ варшавскаго университета, скончавшійся въ 1897 году), Юзефовича и еще одного (забылъ его фамилію, онъ химикъ), которые меня навѣщаютъ. Окольскій меня удивилъ даже своимъ примирительнымъ образомъ мыслей,

котораго я не видалъ въ немъ въ Петербургѣ. Видѣлся и съ Вызинскимъ. Надобно вамъ сказать, что оба, и Окольскій, и Вызинскій, вращаются больше въ аристократической партіи. По отзывамъ обоихъ, въ этой фракціи болѣе теперь обнаруживается наклонность къ сближенію съ Россіей и русскими. Въ первый разъ, что повстрѣчался съ Вызинскимъ, у Тургенева, онъ толковалъ мнѣ о нѣкоторыхъ комбинаціяхъ, по которымъ нѣкоторыя части западныхъ губерній должны быть польскими, другія русскими. При второмъ свиданіи, у меня, онъ спохватился и взялъ назадъ, что̀ говорилъ, сталъ на историческую почву и ставилъ вопросъ такъ: „мы, поляки, никакой другой точки отправленія принять не можемъ, кромѣ границы Польши и Литвы до перваго раздѣла. Затѣмъ, принявъ это за основаніе, мы не будемъ насильно держать за собою тѣ области, которыя предпочтутъ быть съ вами, русскими. Въ то же время этимъ опровергаются совершенно нелѣпыя розсказни, будто мы хотимъ Кіева и Смоленска. То, что̀ мы уступили вамъ, какъ свободное государство, то мы признаемъ и теперь, какъ признали тогда"... Эта точка зрѣнія, очевидно, гораздо уже правильнѣе, чѣмъ та, которую онъ высказывалъ въ первый разъ. Юридически поляки не могутъ выйти изъ предѣловъ Польши до раздѣла, и подаваться на что-нибудь другое—значитъ абдикировать. Эти разсчеты границъ, политическія комбинаціи, когда Польша существуетъ какъ народъ, а не какъ политическое тѣло, показываютъ вамъ, что движеніе вопроса совершается по гнилой дорогѣ. Не о границахъ должна идти и идетъ рѣчь — эти счеты такъ или иначе сведутся непремѣнно.

„Господствующій вопросъ есть тотъ, чтобы поляки и русскіе поняли и признали себя взаимно какъ равноправные и братья, которыхъ исторія и ошибки отцовъ поссорили, но та же исторія и политическая мудрость потомковъ должны свести въ согласіе и гармонію. Теперь рано толковать о томъ, какъ размежеваться. Рѣчь должна идти пока о томъ, какъ прійти пока къ тому, чтобы можно было честно, безъ взаимнаго раздраженія, высказать другъ другу взаимные гріефы и, облегчивъ душу отъ зла, вражды и недовѣрія, начать жить въ одной мысли, въ одномъ стремленіи. Остальное все уладится гораздо проще, чѣмъ мы думаемъ.

„Мнѣ кажется,—и это мнѣніе раздѣляютъ лучшіе изъ здѣшнихъ вашихъ земляковъ,—что на самомъ первомъ планѣ стоитъ теперь для васъ основать новый о̀рганъ, въ которомъ услышали бы новый голосъ современной просвѣщенной польской партіи. Теперь многіе думаютъ о такомъ о̀рганѣ. Мысль, затѣянная О(гризко) и неразумно затушенная въ самомъ началѣ Горчаковымъ,

ищетъ исхода и выраженія. Дѣло было бы крайне необходимо. Разговаривая очень часто о польскомъ вопросѣ со своими земляками, я всюду встрѣчалъ удивительное незнаніе движеній и идей въ польскомъ обществѣ. Судятъ по старымъ понятіямъ, составленнымъ Богъ знаетъ когда; новаго не знаютъ, да сказать по правдѣ, и узнать-то неоткуда. Журналы наполняются старою, заплеснѣвшею гнилью, рутинными нападками на Россію. Духинскій читаетъ лекціи, въ которыхъ доказываетъ, что мы даже не чухонцы, а китайцы! Русскіе мы потому, что Екатерина велѣла намъ такъ называться. Эти и подобныя имъ нелѣпости поддерживаютъ у насъ мракъ въ умахъ. Органъ, который бы прямо и смѣло поставилъ вопросы, которые теперь лежатъ на днѣ каждой мыслящей польской души, но которые не выражаются по какимъ-то страннымъ опасеніямъ и отсталымъ комбинаціямъ, не имѣющимъ больше никакой цѣны, былъ бы для большинства русскихъ великимъ откровеніемъ, раскрылъ бы имъ глаза и подвинулъ бы страшно впередъ польскій вопросъ въ Россіи. Еслибы только напечатать то́, что̀ говорилось между нами и вами, дѣйствіе было бы громадное. Дѣло взаимнаго пониманія останавливается теперь не за непобѣдимыми ненавистями, а за незнаніемъ и ребяческими предразсудками. Повторяю, дѣйствіе о̀ргана, о какомъ я мечтаю, было бы громадное. Неужели его не будетъ? Это было бы очень горестно. И для васъ, и для насъ это было бы несчастіемъ. Явись такой органъ, онъ бы живо сталъ нашимъ общимъ международнымъ о̀рганомъ.

„Желиговскій здѣсь; человѣкъ онъ нехорошій. Теперь о другомъ предметѣ. Вы вѣрите, милый другъ, что намъ придется и слѣдуетъ дѣйствовать на нашемъ маленькомъ театрикѣ, т.-е. въ университетѣ; а я эту вѣру потерялъ. Противъ событій, въ родѣ Костомаровской исторіи [1]), какая человѣческая мудрость не спасуетъ? Его я не защищаю; онъ получилъ, что̀ заслужилъ за свой странный образъ дѣйствій; но можете ли поручиться, что завтра съ вами не будетъ того же? Юноши расходились, какъ козочки, которыхъ выпустили погулять. Положимъ, обида отъ нихъ не Богъ знаетъ какъ оскорбительна, однако ни одному порядочному человѣку не желаю я ей подвергнуться, потому что ею не замедлятъ воспользоваться тѣ, кому она на̀-руку, и васъ такимъ образомъ выдадутъ врагамъ ни за мѣдный алтынъ... Я согласенъ, впрочемъ, подвергнуться всему: и клеветѣ, и обидѣ, но только

[1]) Его освистали студенты на публичной лекціи въ с.-петербургской городской думѣ.

когда увѣренъ, что самое дѣло, университетъ и юноши, отъ того выиграютъ. Скажите теперь, увѣрены ли вы въ томъ, что если вы, я, всѣ мы вступимъ въ университетъ снова,—дѣло выиграетъ? Я, признаюсь вамъ, въ этомъ нисколько не увѣренъ. При такихъ товарищахъ, какъ наши, которые прежде всего ищутъ популярности и не имѣютъ капли такту и политическаго смысла, что̀ вы сдѣлаете? Чтобы имѣть право быть строгимъ, нужно дать университетской молодежи большія права, широкія корпоративныя свободы. Что̀ уполномочиваетъ васъ думать, что ихъ дадутъ, что правительство будетъ смотрѣть на это дѣло такъ же, какъ вы, что во всякой мелочи всѣ будутъ такъ же благоразумны, какъ вы бы желали? А если кто хоть разъ сфальшитъ, ваша строгость обратится въ палачество, и вы пропали разъ навсегда, смѣшались съ грязью. Нѣтъ, Владиміръ Даниловичъ, время вовсе не такое, чтобы можно было ставить храбро: va banque. Ни вамъ я этого не совѣтую, ни самъ не желаю. Васъ, говорятъ, студенты ненавидятъ. Положимъ, часть ненавидитъ, да и этого одного достаточно, чтобы провалиться съ позоромъ, если кто вздумаетъ выразить ненависть оскорбленіемъ. Раскинувши дѣло умомъ и разумомъ, я рѣшился возвратиться въ университетъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Во-первыхъ, прошу продолженія срока порученія до ноября или декабря; потомъ хлопочу, если только возможно, остаться за границей неопредѣленное время. Если мнѣ это не удастся, останусь за границей на свой рискъ и страхъ, то-есть на свои гроши, но не поспѣшу въ отечество. Разнюхивать гниль, которую чую отсюда—на это я слишкомъ старъ и разбитъ физически. Мнѣ нуженъ покой и возможность заниматься безъ помѣхи. Задумано множество разныхъ разностей, которыхъ хватитъ на два года труда и которыя дадутъ средства существовать. Словомъ, я рѣшился не возвращаться въ университетъ, по крайней мѣрѣ теперь, на первое время, пока положеніе не выяснится хоть сколько-нибудь.

„О своихъ настоящихъ работахъ не пишу вамъ, потому что вы можете прочесть о нихъ въ копіи моего донесенія министру, которую посылаю вмѣстѣ съ тѣмъ къ Г. Г. Даниловичу. Посылаю также министру первую половину очерка французскаго университета съ просьбою напечатать въ Ж. М. Нар. Пр.

„Партія, враждебная Головнину, разсказываетъ, что Костомаровская исторія его сильно подкосила, что онъ сдѣлался невозможенъ какъ министръ. Я вѣрю этимъ разсказамъ въ половину; но во всякомъ случаѣ видно, что положеніе его—одно изъ самыхъ трудныхъ"...

Кавелинъ узналъ только въ іюлѣ 1862 г. о томъ, что, по предложенію избраннаго Вѣлёпольскимъ въ директоры коммиссіи народнаго просвѣшенія Казиміра Адамовича Крживицкаго, я согласился поступить въ варшавскую Главную Школу, которая превратилась потомъ въ варшавскій университетъ, на каѳедру уголовнаго права. Онъ написалъ мнѣ изъ Парижа, 3 (15) августа, слѣдующія строки: „Дорогой другъ мой В. Д., пишу вамъ письмо на удачу, только для того, чтобы сказать вамъ, какъ вы мнѣ дороги и какъ тяжело, тяжело мнѣ думать, что судьба развела насъ въ разныя стороны надолго,—какъ знать,—можетъ быть навсегда. Во всякомъ случаѣ, едва ли намъ придется бѣдствовать снова вмѣстѣ. Вы поступили честно, перейдя въ Варшаву, но намъ отъ этого въ Петербургѣ нисколько не легче. Много мы горевали о васъ съ Утинымъ въ Карльсруэ... Третьяго дня я былъ на актѣ въ батиньольской польской школѣ, и съ горестью, чуть-чуть не со слезами видѣлъ я слишкомъ 300 дѣтей и юношей, воспитывающихся вдали отъ родины и въ кругѣ идей не-славянскихъ. Это большею частью потерянныя силы. Боже, когда же это недоразумѣніе, принесшее и приносящее столько горя, наконецъ, кончится? Въ мысляхъ замѣтенъ большой переворотъ между вашими и между нашими. Когда онъ дойдетъ до степени глубокаго, спокойнаго убѣжденія, которое будетъ вѣрить въ себя, не прибѣгая къ насилію, не думая водвориться въ жизни и дѣйствительности сюрпризомъ и сразу, тогда будетъ очень близко желанное будущее. Теперь все пока заволочено облаками, небо пасмурно. Будемъ надѣяться лучшаго и призывать его всѣми силами души, хотя ему суждено осуществиться послѣ насъ, когда насъ уже не будетъ“.

VIII.

Въ тотъ моментъ, когда я получилъ приведенное мною выше письмо, отъ 3 (15) августа 1862 г., я лично уже не питалъ въ себѣ никакихъ надеждъ и зналъ съ достовѣрностью, что участь польской народности на многіе годы рѣшена, и что мы стремглавъ летимъ въ глубокую пропасть. Мнѣ удалось провести въ Варшавѣ по одному мѣсяцу лѣтомъ 1861 г. и потомъ лѣтомъ 1862 г. Я наблюдалъ революціонное движеніе и въ умахъ знакомыхъ людей, и на улицахъ, и тогда, когда оно зарождалось и затѣмъ, когда оно назрѣло, развѣтвилось и становилось чѣмъ-то вполнѣ организованнымъ — status in statu. При мнѣ стрѣляли въ генерата Лидерса въ Саксонскомъ саду. Я былъ зрителемъ

въѣзда вел. князя Константина Николаевича въ Варшаву. Вечеромъ того же дня сдѣлано было покушеніе на жизнь его Ярошинскимъ въ театрѣ. Оно не вызвало въ польскомъ обществѣ, находившемся уже въ состояніи ненормальномъ, похожемъ на тифозное, никакого взрыва всеобщаго негодованія противъ тайныхъ убійцъ. Мнѣ опротивѣла Варшава, съ тогдашними явленіями буйнаго насилія на улицахъ, напускного паѳоса, полнаго господства фразёровъ и горлановъ, недоучившихся студентовъ и бѣшеныхъ сумасбродовъ. Всего ужаснѣе была полная безхарактерность интеллигентныхъ классовъ, знати и средняго сословія, ведомыхъ революціонерами какъ будто бы на привязи и точно на убой, людей трусливыхъ и пуще всего боящихся быть искренними, высказать свои настоящія мнѣнія и чувства. Я не имѣлъ уже ни малѣйшей охоты выселиться изъ Петербурга. Когда я вернулся изъ лѣтней поѣздки въ августѣ 1862 г., я былъ вызванъ къ А. В. Головнину, сильно интересовавшемуся положеніемъ великаго князя въ Варшавѣ и поставившему мнѣ вопросъ: какъ идутъ дѣла въ Польшѣ? Я ему отвѣчалъ безъ обиняковъ, что неизбѣжно и роковымъ образомъ вспыхнетъ въ скоромъ времени мятежъ въ царствѣ польскомъ.

Моя переписка съ Кавелинымъ въ это тяжелое время прекратилась. Ее неудобно было вести по почтѣ. Мы совсѣмъ не видались въ 1863 и 1864 годахъ. Вслѣдствіе вспыхнувшаго мятежа, я очутился въ положеніи не безопасномъ. Кругъ поляковъ, общихъ знакомыхъ моихъ и Кавелина, значительно сократился; многіе изъ нихъ были осуждены, казнены или сосланы въ Сибирь. Въ концѣ 1864 г., я былъ уволенъ отъ службы по учебной части, принужденъ былъ содержать себя литературнымъ трудомъ, сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", издаваемыхъ тогда Валентиномъ Ѳедоровичемъ Коршемъ. Потомъ, послѣ открытія въ 1866 году новыхъ судебныхъ установленій, я поступилъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Перерывъ въ моей перепискѣ и въ общеніи съ Кавелинымъ я считаю въ извѣстной степени счастливою случайностью. Несмотря на нашу дружбу и единомысліе по польскому вопросу, мы не были, однако, способны одинаково чувствовать и одинаково откликаться на обострившуюся до кровопролитія борьбу національностей; не могли мы одинаково относиться къ главнымъ дѣятелямъ того момента, напримѣръ къ Н. А. Милютину, которому приходилось дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ за-одно съ М. Н. Муравьевымъ, ни къ мѣрамъ исключительнымъ по отношенію къ польскому элементу, напримѣръ къ закону 10 декабря 1865,

котораго идея принадлежала Милютину. Я сошелся опять съ Кавелинымъ въ 1865 г., когда ни онъ, ни я, мы уже не занимали никакого оффиціальнаго положенія, когда мы оба посвящены были всецѣло литературѣ и наукѣ, когда мы нашли подходящій органъ печати, издаваемый съ 1866 года нашимъ товарищемъ, М. М. Стасюлевичемъ. Въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ мы сходились во всѣ времена года, кромѣ лѣтняго, на еженедѣльныхъ редакторскихъ обѣдахъ „Вѣстника Европы“, въ которыхъ участвовали А. Н. Пыпинъ, И. С. Тургеневъ—во время своихъ пріѣздовъ въ С.-Петербургъ, Гончаровъ—начиная съ 1869 года, В. А. Арцимовичъ, А. Ѳ. Кони, К. К. Арсеньевъ. Въ нашей общей съ Кавелинымъ умственной жизни мы многимъ обязаны общенію, которое происходило въ этомъ маленькомъ дружескомъ кружкѣ. Постараюсь изобразить немногими чертами то представленіе, которое сложилось въ моей памяти и сознаніи о Кавелинѣ за послѣдній, довольно продолжительный, періодъ его жизно.

Кавелинъ, въ теченіе этого періода, былъ не по лѣтамъ физически состарившійся человѣкъ, пополнѣвшій, грузный, съ рано посѣдѣвшею бородою и большою лысиною на лбу. Его внѣшній видъ передаетъ всего лучше превосходный рисунокъ чернымъ карандашомъ Ярошенки. Кавелинъ нисколько не измѣнился въ своей общительности и отзывчивости на всѣ вопросы дня; онъ много читалъ и работалъ надъ предметами болѣе далекими отъ практической жизни, надъ задачами философіи. Его курсъ русскаго гражданскаго права требуетъ еще оцѣнщика, настолько онъ отступаетъ отъ традицій, отъ системъ, по которымъ этотъ предметъ излагается въ преподаваніи и въ учебникахъ. Школы Кавелинъ не образовалъ, какъ цивилистъ, и не имѣетъ, на сколько мнѣ извѣстно, послѣдователей... Эстетика не была спеціальностью Константина Дмитріевича. Во всякомъ поэтическомъ произведеніи онъ доискивался идеи, направленія. Онъ не могъ понять прелести „Стихотвореній въ прозѣ“ Тургенева, и относился къ нимъ отрицательно. — Малый знатокъ въ пластическихъ искусствахъ, онъ страстно любилъ музыку и восхищался безпредѣльно Бетговеномъ. Изъ великихъ философовъ прошлаго, онъ отлично зналъ Канта, Спинозу, Локка.—Сначала чистый гегеліанецъ, Кавелинъ пришелъ потомъ къ заключенію, что „философія въ формулѣ Гегеля есть все еще кабалистика и религія“. Онъ предлагалъ перевернуть формулу Гегеля: die Natur ist das Anderssein des Geistes, и вывоpотить ее такимъ образомъ: der Geist ist das Anderssein der Natur. Онъ утверждалъ, что между міромъ нравственнымъ и физическимъ есть глубочайшая связь, единство началъ,

и что они находятся въ безпрерывномъ взаимодѣйствіи, что̀ уже завоевано наукою. Но изъ-за ихъ единства, взаимодѣйствія и связи не надо, однако, ихъ смѣшивать. Гдѣ всякое различіе уже теряется, тамъ перестаетъ и наука, перестаетъ и жизнь (стр. 15, письмо 1859 г.).—Въ 1862 г. Кавелинъ писалъ, что у него есть мысль провѣрить по методу естественныхъ наукъ операціи мышленія и воли. „Работы Локка и Канта,—писалъ онъ,—устарѣли, а послѣ нихъ только строили по результатамъ, которые они дали. Надо провѣрить эти результаты. Мнѣ кажется, тутъ ключъ къ выходу изъ дуалистическихъ воззрѣній и въ новый міръ. Лѣтъ шесть какъ эта мысль меня занимаетъ, но успѣю ли ее изложить, какъ бы хотѣлось, не знаю. Все некогда".—Было не некогда, а уже слишкомъ поздно. Замыселъ былъ великъ; благодаря ему, научное знаніе достигло въ XIX столѣтіи блистательнѣйшихъ результатовъ, но съ сороковыхъ до шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія Кавелинъ былъ постоянно увлекаемъ въ другія стороны, къ другимъ занятіямъ. За философіею онъ не имѣлъ времени слѣдить, на сколько то было необходимо; метода естественныхъ наукъ онъ не успѣлъ себѣ усвоить; съ позитивизмомъ Огюста Конта онъ слишкомъ мало былъ знакомъ; эволюціонизма по Герберту Спенсеру тоже не изучалъ. Онъ не работалъ въ физіологическихъ лабораторіяхъ и не наблюдалъ даже издали за тѣмъ, что̀ дѣлаютъ физіологи, работающіе надъ мельчайшими объективными данными сознанія, надъ эмоціями, мышленіемъ, воленіемъ, не въ самихъ себѣ только, а и въ другихъ субъектахъ, въ массѣ людей. Берясь за разрѣшеніе логическихъ и этическихъ задачъ, онъ дѣйствовалъ вооруженный только однимъ старымъ, вѣрнымъ, но недостаточнымъ орудіемъ внутренняго самонаблюденія. За отправную точку онъ бралъ готовое самосознаніе, свое „я", какъ недѣлимое, между тѣмъ какъ это „я" есть нѣчто крайне сложное и имѣющее глубокіе корни въ темныхъ глубинахъ безсознательнаго состоянія. Таковы были, на мой взглядъ,—хотя я по моей профессіи не совсѣмъ компетентный судья въ философіи,—слабыя стороны двухъ послѣднихъ произведеній Кавелина: „Задачи психологіи", 1872 г., по поводу которыхъ онъ состязался съ М. Сѣченовымъ, и „Задачи этики", которыя онъ кончилъ за годъ до смерти своей, 2 августа 1884 г. Этотъ послѣдній трудъ не былъ еще конченъ, когда мнѣ пришлось, какъ адвокату защищать въ петербургскомъ окружномъ судѣ дѣло Островлевой и Худина (VII т. моихъ Сочиненій, стр. 1—58) передъ присяжными засѣдателями, въ числѣ которыхъ оказался Кавелинъ, избранный по этому дѣлу старшиною комплектомъ присяжныхъ засѣдателей.

Съ фактической стороны своей это дѣло было крайне простое, почти безспорное—разбой. Женщина 25 лѣтъ, Островлева, отправилась со служащимъ у нея крестьяниномъ Худинымъ за городъ на Лахту. Они наняли извозчика, чухонца 19 лѣтъ, Савина, потомъ на пути напали на него и ранили. Савинъ притворился умершимъ; съ него снятъ армякъ, въ который нарядился Худинъ. Похитители отправились въ городъ на пролеткѣ Савина, продали пролетку и лошадь барышникамъ. На слѣдующій день похищенное было найдено и по принадлежности возвращено. Въ психологическомъ отношеніи задача суда была весьма трудная, потому что при производствѣ блистательной по составу экспертовъ психіатрической экспертизы (Мержеевскій, Чечотъ, Чижъ, Кандинскій) оказалось, что Островлева—существо въ высшей степени ненормальное въ психическомъ отношеніи. Я защищалъ Островлеву въ первый разъ одинъ. Судъ оправдалъ и ее, и Худина. Уголовный кассаціонный департаментъ сената отмѣнилъ это рѣшеніе. Когда дѣло шло во второй разъ въ окружномъ судѣ, я пригласилъ въ помощь себѣ при защитѣ Островлевой моего товарища по профессіи, Е. И. Утина, который былъ еще весьма молоденькимъ студентомъ въ 1861 году, во время университетской катастрофы, а потомъ сдѣлался однимъ изъ сотрудниковъ „Вѣстника Европы". Я помню, что когда передъ выборомъ по жребію присяжныхъ намъ, защитникамъ, предстояло воспользоваться правомъ отвода присяжныхъ по очередному списку, Евгеній Утинъ возбуждалъ вопросъ, не отвести ли Кавелина, какъ строгаго моралиста; Утинъ боялся, что Кавелинъ не раздѣлитъ, можетъ быть, мнѣнія экспертовъ-врачей, убѣжденныхъ въ психической уродливости Островлевой, но не отрицающихъ, что эта уродливость—не столько въ разумѣніи, сколько въ чувствованіи и волѣ, и съ трудомъ можетъ быть отнесена къ тѣмъ формамъ психическихъ болѣзней, которыя, бывъ въ прежнее время отмѣчены и, такъ сказать, занумерованы наукою, нашли мѣсто въ перечнѣ этихъ болѣзней, включенномъ въ нашъ сильно уже отсталый отъ современности кодексъ 1845 года. Я долженъ былъ разбирать по новѣйшимъ сочиненіямъ о болѣзняхъ воли, въ особенности по книгѣ Рибо, волевыя движенія: автоматическія, импульсивныя и идеомоторныя, заключать о такъ называемой *абуліи* у Островлевой, о безсиліи воли, болѣзни, которая нашимъ кодексомъ не предусмотрѣна.

Кавелинъ, какъ старшина, вынесъ для Островлевой оправдательный приговоръ, постановленный, какъ я потомъ узналъ, единогласно. Слуга ея Худинъ обвиненъ, но отдѣлался двухлѣтними

арестантскими ротами. По порученію присяжныхъ, Кавелинъ, по постановленіи приговора, имѣлъ длинное объясненіе съ председателемъ суда. Онъ выразилъ мнѣ потомъ полное одобреніе методу, который я избралъ для характеристики болѣзней воли, и моимъ общимъ взглядамъ на этотъ вопросъ. Можетъ быть, слѣдствіемъ моей защиты Островлевой было то, что Кавелинъ двукратно бралъ съ меня обѣщаніе, что я напишу критику на его „Задачи этики“. Послѣднее обѣщаніе дано мною было за двѣ недѣли до его кончины. Я былъ въ отъѣздѣ изъ С.-Петербурга во время быстротечной болѣзни, причинившей ему смерть. Данное мною обѣщаніе я исполнилъ въ 1885 г. (IV т. моихъ Сочиненій, стр. 157—210) по мѣрѣ моихъ силъ, при чемъ я счелъ святымъ долгомъ по отношенію къ памяти умершаго высказать откровенно, почему я не могу раздѣлять многихъ основныхъ его мнѣній, но, оканчивая теперь мои воспоминанія о Кавелинѣ, я считаю моею обязанностью воспроизвести мой окончательный выводъ объ этой книгѣ и ея авторѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, которыхъ мнѣ довелось видѣть въ моей жизни, какъ о лицѣ, внушавшемъ къ себѣ полнѣйшую привязанность, а мнѣ въ особенности чувство глубокой благодарности, за мое умственное развитіе, за то, что онъ первый заставилъ меня полюбить Россію.—Книга Кавелина, писалъ я (стр. 207), заставила не только юношей, но и стариковъ сильно подумать о томъ, чего коснулась. Она вложила перстъ вниманія въ открытую рану, заставила скорбѣть о томъ, что личность зачахла и одичала, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что при кажущихся успѣхахъ чисто внѣшней культуры испортилась сама среда, и жутко въ ней приходится человѣку. Эта скорбь необычайно глубока и сердечна, вслѣдствіе чего она краснорѣчива и выразительна. Она обаятельно дѣйствуетъ и притомъ она увлекаетъ въ гораздо большей степени людей не-философовъ, нежели записныхъ психологовъ; да и предназначалась она не для немногихъ, а для массы читателей. Я увѣренъ въ томъ, что всѣ наши критики книги, направленныя противъ ея построенія и техники, канутъ въ Лету и забудутся, а читатели „Задачъ этики“ все-таки не переведутся, и будутъ они не изъ тѣхъ, которые читаютъ книги ради критики, но изъ тѣхъ, которые дорожатъ всякими изліяніями благородной души, потому что въ нихъ самихъ откликаются и ихъ эмоціонируютъ мощное негодованіе и искренняя печаль...

В. Спасовичъ.

ЛИДА

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Мѣрнымъ шагомъ, тяжело дыша, взбиралась пара лошадей, таща коляску въ гору. Дорога становилась все круче и круче. Вотъ уже нѣтъ ни лѣсовъ, ни кустарниковъ. Лишь густая, короткая трава Альповъ. Вотъ и самыя Альпы: каменные низкіе сарайчики для скота, пасущагося здѣсь все лѣто. Вотъ и самыя стада: широкія, на короткихъ ногахъ, сытыя альпійскія коровы по крутизнѣ спускаются къ краямъ дороги и смотрятъ на экипажъ, точно видятъ въ первый разъ такую диковинку. На встрѣчу показался большой, шестимѣстный malle-poste.

— Мы тутъ не разъѣдемся,—проговорила молодая женщина въ коляскѣ; лица ея не было видно подъ газовой вуалью.

— Тебѣ страшно? Ты боишься?—спросилъ рядомъ сидящій съ нею старикъ и обернулся. Это былъ князь Березенскій, немного постарѣвшій со своей свадьбы.

Лида подняла вуаль и весело посмотрѣла на него. Она немного похудѣла и поблѣднѣла, и это дѣлало ея красоту еще изящнѣе.

— Нѣтъ, я не боюсь, — отвѣчала она. — Я наслаждаюсь! Что за воздухъ! И эта тишина! Что-то особенное, невыразимое здѣсь на высотѣ... Но, право, мы не разъѣдемся съ этой каретой: она такая огромная, а дорога такъ узка...

---

*) См. выше: янв., 145 стр.

— Ты увидишь, какъ ловко здѣсь кучера правятъ,—отвѣчалъ князь:—мы разъѣдемся отлично.

Коляска взяла вправо, къ самому обрыву. Внизу, въ глубинѣ клокоталъ потокъ... Экипажи разъѣхались.

— А никогда туда не падаютъ? — спросила Лида возницу по-нѣмецки.

— Всякій годъ случается, gnädiges Fräulein, — отвѣчалъ кучеръ, садясь въ полуоборотъ на козлахъ, и словоохотливо прибавилъ:—всякій годъ, нѣсколько разъ, туда ужъ кто-нибудь да слетитъ.

— И убьется?

— Ну, конечно... но не всегда: вотъ за Тараспомъ, къ Шульцу, въ позапрошломъ году упалъ туда омнибусъ; всѣ убились, только одинъ крестьянинъ остался живъ. Въ прошломъ году онъ праздновалъ годовщину своего спасенія: пріѣзжалъ въ Тараспъ съ родными и пріятелями и пировалъ тамъ.

— Холодно, однако, дѣлается,—замѣтилъ князь:—Лида, надѣнь что-нибудь.

— Вотъ тутъ ваша накидка,—сказала Ѳеня, сидящая на передней скамейкѣ.

— Нѣтъ, мнѣ не холодно, — отвѣчала Лида:—мнѣ совсѣмъ хорошо.

На козлахъ чинно сидѣлъ нѣмецъ, курьеръ, взятый княземъ для путешествія за границу, вмѣсто служившаго ему въ Березенкахъ камердинера. За послѣдніе мѣсяцы нервы князя такъ расшатались, что ему посовѣтовали полечить ихъ воздухомъ и водами Тараспа, которыми, какъ всѣмъ извѣстно, лечатъ отъ всѣхъ болѣзней.

Но вотъ кое-гдѣ, мѣстами, уже показался снѣгъ. Солнца было почти не видно за дымкой, окутывающей такъ часто вершины горъ. Травы дѣлались все меньше, и Альпъ не видно больше,—лишь сѣрые камни; и потока нѣтъ больше,—лишь ручеекъ мирно течетъ въ плоскихъ берегахъ. На самомъ верху, на перевалѣ, на берегу полузамерзшаго, зеленаго и прозрачнаго, какъ aqua marina, озера, стоитъ каменный бѣлый домикъ, съ сараемъ около него. Тутъ проѣзжіе даютъ вздохнуть лошадямъ. Коляска остановилась. Лида легко вспрыгнула на землю и дожидала князя, пока онъ съ трудомъ, поддерживаемый лакеемъ, выходилъ изъ экипажа.

— Какая неожиданность!—услышала Лида за своей спиной русскую рѣчь.

Она обернулась и увидала высокаго, худого, съ широкими плечами, очень смуглаго мужчину въ сѣрой фѣтровой шляпѣ.

— Какими судьбами? Какимъ чудомъ? — холодно проговорилъ князь, подавая руку незнакомцу: — Откуда и куда Богъ несетъ?

— Изъ Парижа въ Тараспъ,—отвѣчалъ тотъ; стоя безъ шляпы передъ Лидой и смотря въ упоръ на нее, онъ прибавилъ: — На свѣтѣ столько чудесъ и неожиданностей! On peut s'attendre à tout. Иногда случаются самыя странныя вещи. Кто знаетъ, не стою ли я въ настоящую минуту передъ моей мачихой?

Эта фраза, сказанная съ улыбкой, заставила покраснѣть Лиду. Она тоже во всѣ глаза смотрѣла на незнакомца: — „Какъ, это молодой князь"! Его фигура внушала ей какую-то непонятную робость. „Молодой князь", какъ всѣ звали его въ Березенкахъ, почему-то представлялся всегда ея воображенію красивымъ, бѣлокурымъ, молодымъ, какимъ мужъ ея могъ быть въ молодости. Теперь передъ ней стоялъ человѣкъ лѣтъ за тридцать, или скорѣе подходящій къ сорока, некрасивый, съ сѣрыми насмѣшливыми глазами, съ коротко подстриженной бородой, начинающейся чуть не у глазъ. Его черные волосы были тоже почти выбриты. Носъ большой, съ большими, раздутыми ноздрями; толстыя губы перекашивались въ улыбку.

— Да, представляю тебѣ,—послышался ей голосъ стараго князя:—князь Дмитрій, мой сынъ.

Она протянула ему свою маленькую ручку въ длинной замшевой перчаткѣ. Князь Дмитрій взялъ ее и поднесъ къ своимъ губамъ.

— Я прошу васъ считать меня самымъ послушнымъ и преданнымъ пасынкомъ,—сказалъ онъ, все еще смотря на нее и улыбаясь.—А вы куда же, батюшка?—обернулся онъ къ отцу.

— Тоже въ Тараспъ, — отвѣчалъ тотъ, входя на крыльцо постоялаго двора.

— Quelle chance!—проговорилъ совершенно серьезно князь Дмитрій, идя за ними въ дверь. — Можно будетъ записать въ книгѣ отеля: Monsieur, madame et bébé princes Bérésensky...

Въ простой, почти убогой, съ выбѣленными стѣнами комнаткѣ, гдѣ проѣзжіе обыкновенно закусывали, или пили предлагаемый имъ трактирщицей кофе, въ концѣ длиннаго стола, на разостланной бѣлой шолковой салфеткѣ, стоялъ серебряный на спирту чайникъ. Кругомъ на серебряныхъ тарелкахъ были разложены печенье и закуски. Приличнаго вида лакей французъ перетиралъ тонкія фарфоровыя чашки.

— Я вижу,—проговорилъ старый князь,—что ты все еще не потерялъ привычки путешествовать съ комфортомъ.

— Какъ же иначе, на этой высотѣ, гдѣ кромѣ молока ничего нѣтъ, — отвѣчалъ князь Дмитрій. — Позвольте предложить вамъ чашку чая... Emile, une tasse pour la princesse! Или вы сами, можетъ, сдѣлаете намъ честь налить его?—обратился онъ къ Лидѣ.—Я, право, не знаю, какъ мнѣ называть васъ. Я думаю, батюшка будетъ настаивать, чтобы я звалъ васъ мамаша, и я думаю, это было бы всего лучше...

— У нея есть имя...—не то улыбаясь, не то хмурясь, проговорилъ старый князь.

— Васъ зовутъ? — нагибаясь къ молодой женщинѣ, спросилъ онъ.

— Лида, — отвѣтила она, сконфузясь, и сама покраснѣла, понявъ, что отвѣтила какъ ребенокъ, сказавъ свое уменьшительное имя.

— Мама Лида!—воскликнулъ князь Дмитрій:—это прелесть, и я отнынѣ зову васъ: мама Лида.

Даже старый князь улыбнулся.

— А меня вы должны звать Мади,—продолжалъ онъ, и на вопросительный взглядъ Лиды пояснилъ:—это прозвище мнѣ дала моя мать... не вы, а моя первая мать. Она очень любила поэтичныя имена, и была въ отчаяніи, что пришлось меня назвать не Авениромъ и не Леонидомъ, а просто Дмитріемъ, въ честь ея отца, qui tenait alors le magot, такъ что чтить его приходилось. Ей кто-то посовѣтовалъ назвать меня Дима, какъ почему-то называютъ иногда Дмитріевъ dans notre monde; но она нашла и это недостаточно оригинальнымъ и переставила слоги: Дима—Мади... и вотъ я Мади къ вашимъ услугамъ, милая мама Лида...

Лида выразила желаніе пойти, пока отдыхаютъ лошади, къ озеру, чтобы полюбоваться вблизи его дивной красотой.

Князь Дмитрій, точно исполняя какую-то обязанность, не говоря ни слова, пошелъ за ней.

Озеро казалось очень неглубокимъ. На днѣ его видны были камни и широкіе листья, и все ярко-зеленаго, чистаго оттѣнка. Лида сѣла на камень, надъ самой водой, смотря въ глубь ея. Князь стоялъ рядомъ и глядѣлъ на ея лицо, отраженное въ зеленой водѣ.

— Вамъ нравится здѣсь?—спросилъ онъ ее.

— Мнѣ не то что нравится, — отвѣчала она, поднимая на него глаза,—я не умѣю выразить, какъ я поражена всѣмъ, что̀ я здѣсь вижу.

— Вы въ первый разъ въ Швейцаріи?

— Я въ первый разъ выѣхала изъ Березенокъ, — сказала она, а онъ посмотрѣлъ на нее серьезно, какъ смотрятъ на диковинку. „Вѣроятно, онъ еще не видалъ никого, кто бы никогда не выѣзжалъ изъ Березенокъ и такъ наивно сознавался бы въ этомъ“,—подумала Лида, и продолжала:—Когда я въ первый разъ изъ окна вагона увидѣла горы... эти горы, не холмы Германіи, а настоящія горы—я не поняла: я не знала, облака ли это, или горы. Я не могла понять, что земля, та самая земля, на которой тамъ у насъ сѣютъ хлѣбъ, можетъ быть свѣтло-розовая, свѣтло-лиловая, какая-то прозрачная... Я вообразила, что въ самомъ дѣлѣ на вершинахъ земля розовая, какъ должно быть въ раю.

— И когда поднялись сюда,—сказалъ князь,—вы разочаровались, видя, что земля здѣсь не розовая и не лиловая, а такая же грязная, какъ и внизу.

— Нѣтъ, я не разочаровалась,—отвѣчала Лида:—здѣсь такъ великолѣпно, такъ величественно... Я бы желала никогда не сходить внизъ, остаться здѣсь навсегда. Мнѣ кажется, что, живя здѣсь, люди должны быть лучше и чувствовать себя ближе къ Богу.

— Потому что горы ближе къ небу, нежели болото? — усмѣхнулся князь.

— Оттого что здѣсь видишь больше Его величіе, а посреди этихъ пропастей, обрывовъ, обваловъ, чувствуется яснѣе наше ничтожество.

— Вы поэтичны, мама Лида, — уже съ насмѣшкой сказалъ онъ.

— Не знаю, не думаю... Мнѣ кажется, всѣ такъ чувствуютъ, и вы первый.

— Вы думаете?

— Я увѣрена. Только я говорю, что̀ думаю, а вы...

— А я?

— Vous posez pour la terre à terre...

— Вотъ какъ! Вы предполагаете во мнѣ притворство и ложь!—Онъ засмѣялся.—Смотрите, моя милая мачиха, не начните ненавидѣть меня, какъ всѣ мачихи въ сказкахъ ненавидятъ своихъ пасынковъ.

— Смотрите, милый пасынокъ, не начните ненавидѣть вашу мачиху: ce serait banal...

— А! вы съ зубами, мама Лида!

— Говорятъ, лучше быть волкомъ, нежели овцой...

— И вы, чтобы испугать меня, надѣнете волчью шкуру?

— Пойдемте, пора ѣхать,—сказала, вставая, Лида.

— И вашему мужу скучно безъ васъ...

Лида, не отвѣчая, быстро пошла къ дому.

— Вы сердитесь на меня? — идя за ней, говорилъ князь:— Милая мама Лида, простите, никогда больше не буду... Поставьте лучше меня въ уголъ, но не сердитесь.

Лида, смѣясь, пошла еще скорѣе, и онъ за ней.

Лошади стояли уже у крыльца, и старый князь, стоя въ дверяхъ, ожидалъ ихъ.

— Надо ѣхать?—немного запыхавшись, обратилась къ нему Лида:—я сейчасъ пойду возьму свои вещи...

— Времени еще достаточно,—отвѣчалъ мужъ:—если хочешь, подождемъ.

— Здѣсь такъ прелестно! — проговорила Лида, появляясь опять на крыльцѣ,—но все же ѣхать надо.

Коляска молодого князя поѣхала за ихъ коляской. При каждомъ поворотѣ дороги,—а она шла все зигзагами, теперь круто спускаясь внизъ,—Лида видѣла сверху, съ крутизны обращенное къ ней смуглое лицо и глаза, весело смотрящіе на нее.

— Онъ очень веселый и пріятный, князь Дмитрій,—замѣтила Лида своему мужу, желая, какъ всегда, сказать ему что-нибудь, что̀ доставило бы ему удовольствіе.

— Гм...—какъ-то неопредѣленно отвѣчалъ князь.

Лида посмотрѣла на него. До сихъ поръ ей въ голову не приходило, что князь не любитъ сына. Лишь теперь ее поразилъ этотъ отвѣтъ, и она вспомнила, какъ холодно сейчасъ встрѣтились отецъ съ сыномъ.

„Изъ-за чего же они не любятъ другъ друга?—подумала она:—неужели изъ-за меня? Изъ-за того, что сынъ не хотѣлъ, чтобы отецъ женился... женился на дѣвочкѣ, какъ я. Да, навѣрное это такъ. Надо будетъ ихъ помирить и показать тому, что я вовсе не такая дурная“...

Лошади теперь бѣжали рысью подъ гору. Проѣхали Альпы съ ихъ короткой травой и синими энціанами и въѣхали опять въ узкое ущелье. Опять слѣва стѣной пошли скалы, обросшія елями, а справа темная пропасть, и въ ней весь въ пѣнѣ зашумѣлъ Иннъ. Вотъ крытой галереей перекинутъ черезъ него мостъ, и лѣсистыя скалы теперь справа, а ущелье слѣва... потомъ опять мостъ-галерея... далѣе тонели надъ пропастью, гдѣ уже нѣтъ мѣста для дороги, или досчатыя крыши надъ ней, на мѣстахъ, гдѣ часто бываютъ обвалы и лавины.

— Зимой тутъ страшно ѣхать, — разсказываетъ опять возница Лидѣ, видимо принимая ее за любознательную дѣвочку:— колокольчики подвязываемъ, слово боимся сказать, чтобы отъ шума и сотрясенія воздуха не упала лавина.

И безпрестанно, круто, какъ змѣя, вьется дорога, и все съ верху мелькаетъ устремленный на Лиду взоръ ея пасынка. Вотъ Зусъ. Иннъ течетъ вдоль его узкихъ улицъ; маленькіе дома, съ верхними этажами уже нижнихъ, съ фонариками вмѣсто оконъ, старые дома, нѣсколько столѣтій уже стоящіе здѣсь; они угрюмо смотрятъ на проѣзжихъ, гордо красуясь нарисованными на нихъ гербами феодаловъ, которымъ когда-то принадлежали.

Еще немного—и Тараспъ, этотъ гигантъ домъ-гостинница, ломанной линіей расположенный на узкой площадкѣ между Инномъ и крутой горой, открывается передъ ними. Съ грохотомъ подъѣзжаютъ къ крыльцу экипажи. Колоколъ звонитъ, возвѣщая о пріѣздѣ гостей, и на крыльцо высыпаютъ Curgäste, посмотрѣть, кого еще Богъ принесъ имъ.

II.

„Какъ все это случилось? Какъ могло это случиться"?.. Лида сидѣла на постели. Ея ноги, чуть-чуть вдѣтыя въ атласныя мягкія туфли, были спущены на коврикъ. Волосы ея заплетены въ тяжелую косу, спустившуюся и лежащую рядомъ съ нею на одѣялѣ. Въ комнатѣ темно; лишь луна да электрическій фонарь изъ сада освѣщали ее. Окно было раскрыто; въ него съ ночнымъ, свѣжимъ воздухомъ врывался неумолкаемый ревъ Инна. Лида сжимала переплетенные пальцы рукъ своихъ, упавшихъ на колѣни, и смотрѣла въ окно: тамъ, въ полумракѣ ночи, по ту сторону потока, темныя громады горъ загораживали небо.

„Какъ, какъ это случилось?—шептала ей неотвязная мысль: —и самое ужасное, самое ужасное, что я не прогоняю его, что я люблю его! люблю, люблю!.. За что?.. за то, что люблю—и больше ничего. Можетъ быть, онъ нехорошій человѣкъ: можетъ быть, онъ гораздо хуже моего мужа. Можетъ быть! Да, я думаю, я почти увѣрена, что мой добрый, хорошій, старый мужъ лучше его. Но я люблю его, его люблю! не могу не любить, и не хочу не любить! Онъ—мое счастье, моя жизнь, я люблю его"!

Да, какъ случилось это? Лида прожила такъ спокойно, такъ тихо, такъ счастливо въ Березенкахъ всю зиму и весну. Она жила среди цвѣтовъ оранжерей, которыми ее окружалъ князь,

среди интересныхъ, хорошихъ книгъ—князь руководилъ ея чтеніемъ, самъ перечитывалъ съ нею тѣ книги, что̀ любилъ въ молодости; она жила, согрѣваемая его добротой; онъ такъ снисходителенъ былъ къ ея ребяческимъ фантазіямъ, такъ милъ съ нею, предупредителенъ. Онъ замѣтилъ раньше, нежели сама она замѣтила, что ей стало душно въ громадномъ домѣ, безъ свободы, которою она пользовалась въ маленькомъ сѣромъ домикѣ по ту сторону оврага, гдѣ десятки глазъ прислуги не были обращены на нее. Онъ придумалъ для нея развлеченіе деревенской школы, съ волшебными фонарями и другими затѣями. Онъ выучилъ ее верховой ѣздѣ, зимой въ манежѣ, а весной самъ ѣздилъ съ нею въ лѣсъ. Онъ подслушивалъ ея малѣйшія желанія, прихоти. Какъ онъ ревниво оберегалъ ее отъ всякой непріятности, требовалъ, чтобы все преклонялось передъ нею. Разъ, замѣтивъ, что Амалія Ивановна недолюбливаетъ молодую княгиню, и сдѣлала недовольную мину, когда Лида что-то спросила у нея, онъ чуть не отказалъ Синякину отъ мѣста, и лишь мольбы Лиды отвратили катастрофу. Самый ихъ отъѣздъ изъ Березенокъ и путешествіе за границу были рѣшены не оттого, что князь чувствовалъ себя нездоровымъ, что ноги его, временами, отказывались служить ему, а потому что, какъ-то, читая описаніе какого-то путешествія, Лида призналась ему, что видѣть горы, о которыхъ ей столько говорила ея швейцарка, m-lle Grillet, было ея мечтой съ самаго дѣтства. Тогда только и онъ признался, что ему путешествіе за границу было бы полезно, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ въ Гейдельбергѣ, давно уже слѣдившимъ за его здоровьемъ. Да, Лида была вполнѣ счастлива эти первые мѣсяцы своего супружества. Чего же недоставало ей?—Ничего, рѣшительно ничего; у нея было все, о чемъ когда-либо она могла мечтать... Только, гдѣ-то глубоко, въ самой глубинѣ ея сердца, было что-то, въ чемъ сама она не любила признаваться себѣ, что̀ она отгоняла отъ себя, какъ что-то нехорошее, называя это неблагодарностью, грѣхомъ... Это чувство было невольное отвращеніе отъ ласкъ мужа. Но она ни за что не хотѣла, чтобы онъ замѣтилъ ея отвращеніе; ей казалось, что онъ счелъ бы это черною неблагодарностью. И Лида всячески старалась не возбуждать въ немъ восхищенія къ себѣ; но ей это плохо удавалось.

Восторгъ Лиды при видѣ хорошенькихъ нѣмецкихъ городовъ, развалинъ, замковъ по верхушкамъ горъ, восторгъ ея при видѣ окутаннаго въ каштановую зелень Гейдельберга, сдѣлали князю, казалось, больше пользы, нежели совѣты доктора и хорошій климатъ. Д-ръ Кусмауль посовѣтовалъ ему ѣхать въ Тараспъ. Если бы

онъ посовѣтовалъ ѣхать куда-нибудь, гдѣ нѣтъ горъ, неизвѣстно—что бы князь предпринялъ; но за идею Тараспа онъ ухватился съ радостью, чтобы показать Лидѣ горы. И вотъ они пріѣхали сюда, встрѣтивъ молодого князя на перевалѣ между Давосомъ и Тараспомъ. Съ этой минуты восторгъ Лиды передъ величіемъ горной природы, казалось, еще возросъ. Она жила, наслаждаясь всѣми фибрами души своей, ничего не видя, ничего не понимая, что̀ дѣлается вокругъ нея, а можетъ быть, не понимая и того, что̀ дѣлалось и въ ней самой. Она, не знающая ни свѣта, ни людей, не замѣчала, какое впечатлѣніе ея красота произвела въ Тараспѣ. Она не видала, какъ всѣ берлинскіе министры, собирающіеся въ Тараспѣ всякое лѣто, искоса посматривали на нее. Не обращала она вниманіе и на богачей банкировъ, ходящихъ кругами вокругъ нея. Князь ни съ кѣмъ не желалъ знакомиться, а Лидѣ было все равно. Она ничего не видѣла, ничего не желала видѣть, кромѣ горъ, этихъ величественныхъ, то лиловыхъ, то розовыхъ, то—отъ выпавшаго за ночь снѣга—бѣлыхъ блестящихъ вершинъ. Она жила въ какомъ-то очарованномъ снѣ, а рядомъ съ ней всегда стоялъ человѣкъ, не понравившійся ей въ первую минуту, а теперь всегда готовый отвѣчать ей, посмѣяться съ нею, пошутить; человѣкъ, всегда понимающій ея мысль раньше, нежели ея губы успѣли бы высказать ее; всегда протягивающій ей руку, чтобы перейти трудное, опасное мѣсто въ горахъ; вѣчно идущій за нею, смотрящій на нее, слушающій ее. Мужъ, ея старый, добрый мужъ, чувствовалъ себя все хуже и хуже. Она даже, съ замираніемъ сердца, предложила ему, не ѣхать ли куда-нибудь на другое леченіе. Но въ Тараспъ пріѣхалъ изъ Гейдельберга самъ знаменитый Кусмауль и увѣрилъ князя, что надо остаться здѣсь. Тогда Лида, уже со спокойной совѣстью, предалась наслажденію жизнью. Всякій день она съ княземъ Дмитріемъ уходила куда-нибудь въ горы и возвращалась усталая, веселая, счастливая. Ей еще и въ голову не приходило, что онъ ходитъ съ нею гулять не изъ любезности, и она иногда принималась его благодарить. А онъ на это посмѣивался. Его намековъ она не понимала. Завѣса разомъ спала съ ея глазъ: разъ утромъ, когда всѣ сошлись у родника, она, вставшая въ этотъ день ранѣе обыкновеннаго, спускалась по маленькой дорожкѣ съ горы и увидала князя Дмитрія. Онъ стоялъ къ ней спиной и искалъ кого-то глазами. Она спустилась и, не замѣченная имъ, все посматривая на него издали и удивляясь, кого это онъ ищетъ, вошла подъ галерею моста и ушла домой.

— Отчего вы сегодня утромъ не гуляли?—спросилъ онъ ее за завтракомъ.

Они завтракали и обѣдали не за table d'hôte, а отдѣльно, въ одной изъ комнатокъ ресторана. Старый князь сегодня чувствовалъ себя усталымъ и не сошелъ къ завтраку. Лида и князь Дмитрій были одни.

— Я гуляла, — отвѣчала Лида и прибавила самымъ натуральнымъ тономъ:—я была на горѣ и, сходя оттуда, видѣла васъ. Вы стояли ко мнѣ спиной и искали кого-то...

Что-то блеснуло въ его глазахъ, что-то странное, и онъ серьезно, какъ-то особенно посмотрѣлъ на нее.

И почему-то для Лиды сдѣлалось вдругъ ясно, что искалъ онъ ее, и такъ же ясно сдѣлалось ей и то, что онъ любитъ ее. Она не могла бы объяснить, какъ это случилось, почему она вдругъ поняла это;—но она поняла, и сердце ея захолодѣло, сжалось, вся кровь ея прилила къ нему; она почувствовала, что блѣднѣетъ. Въ глазахъ ея потемнѣло, и она прислонилась къ спинкѣ стула. Сквозь туманъ точно, видѣла она все еще устремленные на нее глаза князя; онъ былъ также блѣденъ... и они смотрѣли другъ на друга. Ни слова не было сказано между ними. Оба они поняли, что любятъ другъ друга. Лида—съ ужасомъ, страхомъ и радостью, онъ—съ радостью и торжествомъ. Съ этой минуты, когда бы Лида ни подняла глаза на него, въ его глазахъ, всегда устремленныхъ въ ея глаза, она читала нѣмую мольбу и любовь...

Прошло еще нѣсколько дней. Старый князь все становился слабѣе, но выходилъ погулять на узкую площадку между домомъ и Инномъ. Было ясное, солнечное утро. Онъ полулежалъ подъ деревомъ на своемъ складномъ креслѣ. Его сынъ читалъ тутъ же газету. Лида работала. Поодаль сидѣла дама съ двухъ- или трехълѣтнимъ ребенкомъ. Этотъ, бѣгая, запутался въ платьѣ Лиды, и заплакалъ. Лида и князь Дмитрій бросились поднимать его, и князь отнесъ его матери, а Лида пошла за нимъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ о ребенкѣ, нѣмка обратилась къ Лидѣ:

— Ihr Herr Vater scheint unwohl heute?

— Mein Vater?—удивилась Лида.

— Ну да,—отвѣтила нѣмка:—или вашъ тесть? Это отецъ вашего супруга?—И нѣмка посмотрѣла на князя Дмитрія.

— Насъ принимаютъ за мужа и за жену, а его за отца!—не подумавъ, воскликнула Лида по-русски, повернувшись къ молодому князю, и сама же страшно испугалась своихъ словъ, увидавъ выраженіе лица своего пасынка...

Въ этотъ же вечеръ, князь Дмитрій увелъ ее почти насильно въ Аврону. Возвращаясь оттуда, какой-то незнакомой ей, глухой тропинкой, когда уже смеркалось, онъ шелъ на полшага впередъ, указывая ей, гдѣ ступить. Она споткнулась и очутилась въ его объятіяхъ. Ни слова любви никогда не было сказано до этихъ поръ между ними. Теперь, схвативъ ее, онъ прижималъ ее къ себѣ. Это не были тихія, мягкія ласки, къ которымъ Лида старалась привыкнуть съ мужемъ; нѣтъ, она сама, не зная, не сознавая, что̀ дѣлаетъ, цѣловала его...

Сначала Лида боялась свиданій, потомъ привыкла. Ея мужъ почти уже не выходилъ изъ своей комнаты; а между его спальной и ея были еще двѣ гостиныя, его гостиная и ея...

И вотъ она опять ждетъ его. Въ домѣ, понемногу, все стихаетъ.

Ручка двери зашевелилась. Лида вскочила; въ мгновеніе она отперла дверь и повисла на шеѣ человѣка, для котораго забыла все...

Въ эту минуту точно что-то хрустнуло въ сосѣдней комнатѣ.

Лида встрепенулась.

— Слышишь?—спросила она.

— Ничего не слышу и слышать не хочу, — сказалъ онъ и заперъ дверь на ключъ.

III.

Лида еще спала, когда на слѣдующее утро Ѳеня вошла въ ея комнату.

Она вставала теперь очень поздно. На̀-воды по утрамъ совсѣмъ не ходила, да и мало гуляла. Горы, природа—объ этомъ она уже теперь мало думала. Она чувствовала обаятельную прелесть окружающаго ее, и ей казалось, что все это—лишь часть того, чѣмъ такъ переполнено было ея сердце. Она проводила дни въ своей небольшой гостиной. Изъ оконъ видна была все та же мѣняющаяся освѣщеніемъ, грандіозная панорама; около нея или противъ нея, гдѣ-нибудь тутъ же, въ этой же комнатѣ всегда былъ онъ, онъ—Мади, какъ она шуткой звала его при мужѣ,—„милый“, какъ звала его, когда они были одни,—„онъ“, какъ мысленно называла его. И отъ всякаго взгляда его у нея сердце радостно сжималось въ груди. Книгу ли онъ передастъ ей, работу ли, упавшую съ ея колѣнъ,—всякій разъ, какъ-то нечаянно, его пальцы дотронутся до ея пальцевъ, и мурашки про-

бѣгутъ по ней. Старый князь мало стѣснялъ ихъ: иногда онъ сидѣлъ тутъ же на большомъ креслѣ и дремалъ, или рядомъ, въ своей гостиной, на chaise-longue, читалъ газету. Онъ становился глухъ, но увѣрялъ, что это Иннъ своимъ шумомъ оглушаетъ его. Ноги его слабѣли съ каждымъ днемъ; онъ мало говорилъ; лицо его было блѣдно и серьезно... точно старость вдругъ большими шагами приступала къ нему.

— Ваше сіятельство! вставайте! — сказала Ѳеня, подходя къ кровати, гдѣ Лида еще нѣжилась. Лида, оторвавшись отъ своихъ грёзъ, открыла глаза и увидѣла серьезное, испуганное лицо Ѳени.

— Что̀ случилось?—воскликнула она разо приподнимаясь съ подушекъ.

— Князь... съ ними что-то плохо.

— Какой князь?

— Старый князь; кажется, ноги отнялись.

У Лиды что-то отхлынуло отъ сердца. Она вскочила. Ѳеня поспѣшно приготовляла воду и бѣлье... Черезъ нѣсколько минутъ, Лида, въ бѣломъ суконномъ халатѣ, перетянутомъ въ таліѣ толстымъ шолковымъ шнуркомъ, съ туго закрученной на макушкѣ косой, поспѣшно входила въ спальню князя. Онъ лежалъ на кровати, на спинѣ, очень блѣдный, съ желтыми пятнами на лицѣ. Передъ кроватью стояло двое докторовъ: одинъ молодой—большой, широкоплечій, настоящій горецъ, какимъ можно бы было себѣ представить Вильгельма Телля, если онъ существовалъ; это былъ мѣстный докторъ, всегда жившій въ Тараспѣ, во время лечебнаго сезона. Другой, средняго роста, старикъ, немного сутуловатый съ бѣлыми, какъ серебро, довольно длинными, плоскими волосами, съ бѣлой остроконечной бородкой и умнымъ выраженіемъ въ темныхъ глазахъ. Это былъ знаменитый профессоръ Кусмауль изъ Гейдельберга. Онъ тоже лечился въ Тараспѣ; онъ пріѣзжалъ сюда ежегодно; всякій годъ, пріѣзжая, говорилъ, что не будетъ здѣсь никого пользовать, и всякій годъ, отчасти по добротѣ, отчасти изъ интереса къ наукѣ, давалъ совѣты всѣмъ, только не за деньги...

Оба доктора отодвинулись отъ постели, когда Лида вошла. Оба посмотрѣли на нее и оба переглянулись: молодой, казалось, спросилъ стараго: „понимаете“?—а тотъ, вмѣсто отвѣта, опустилъ глаза.

— Что̀ съ тобой?—спросила Лида, нагибаясь надъ нимъ.

— Ничего, мой другъ, вотъ ноги...—отвѣчалъ князь безъ улыбки, серьезно, медленно произнося слова.

Камердинеръ, что-то убиравшій въ глубинѣ комнаты, подошелъ и подвинулъ кресло княгинѣ. Но она не сѣла. Она обернулась къ докторамъ и сдѣлала имъ тотъ же вопросъ.

— Это все то же,—отвѣчалъ старый, смотря въ сторону:— der Fürst hat sich vielleicht ein wenig aufgeregt... нервная система потрясена...

Ужасъ сдавилъ сердце молодой женщины. Она вдругъ вспомнила шумъ въ комнатѣ, рядомъ съ ея спальной, ночью. „Чтò если это онъ былъ тамъ?... если онъ слышалъ?.. если отъ этого, отъ испуга, горя, ужаса, съ нимъ сдѣлалось это“?! Она со страха едва держалась на ногахъ. Она посмотрѣла на больного, такъ тихо лежавшаго на подушкахъ, точно уже на половину умершаго, и ей стало не только страшно, но и жалко его. Она вспомнила его любовь къ ней, все, чтò онъ сдѣлалъ для нея... А она, она, неблагодарная!.. Вся кровь отлила отъ ея сердца, и она, блѣдная, безъ слезъ, опустилась на полъ и спрятала лицо въ одѣяло.

— Ну, полно, полно!—гладя ее по волосамъ, тихо говорилъ князь.

Докторà вышли въ гостиную и притворили за собою дверь. Немного погодя, Лида услышала тамъ голосъ молодого князя. Она быстро встала съ полу, гдѣ все еще сидѣла, и, ни слова не говоря больному, лежавшему съ закрытыми глазами, скорыми, энергичными шагами пошла туда.

Князь Дмитрій сидѣлъ на ручкѣ кресла, въ которомъ обыкновенно за послѣдніе дни лежалъ его отецъ. Доктора, уже со шляпами въ рукахъ, видимо уходили. Когда Лида вошла, они поклонились и вышли въ противоположную дверь, а князь Дмитрій всталъ и пошелъ ей на встрѣчу.

— У него ударъ,—сказалъ онъ тихо.

Лида даже не замѣтила выраженія его лица. Она закрыла за собой дверь и, отнимая руку, которую князь хотѣлъ взять:

— Уѣзжайте, уѣзжайте!—шопотомъ, поспѣшно проговорила она.—Уѣзжайте сейчасъ, уѣзжайте, я не хочу видѣть васъ...

Князь улыбнулся.

— Боже, какая трагедія!—проговорилъ онъ.

— Вы называете это трагедіей? Да, это трагедія, драма, все, чтò хотите. Я не виню васъ, я одна виновата; я виновата передъ нимъ, передъ собой, передъ вами...

— Нѣтъ, передо мной ты не виновата,—и онъ опять хотѣлъ взять ея руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, уходите, уѣзжайте! Я никогда, никогда не

хочу больше видѣть васъ, я не хочу никогда слышать вашего имени. Понимаете? Не думайте, что это вспышка, я говорю вамъ серьезно: я ненавижу васъ... Я люблю его, его одного, моего бѣднаго, несчастнаго мужа...

Князь Дмитрій стоялъ передъ ней и гладилъ свою подстриженную бородку. Если бы она лучше знала его, она поняла бы, что онъ злился. Онъ не привыкъ, чтобы съ нимъ обращались такъ... его никогда не прогоняли—c'est lui, qui lachait—женщинъ, прискучившихъ ему.

— Очень хорошо,—проговорилъ онъ холодно.—Vous serez obéie.—Онъ повернулся и вышелъ, а Лида, какъ сумасшедшая, бросилась въ свою спальню, упала на постель и въ первый разъ въ своей жизни разразилась истерическими рыданіями. Ѳеня едва успокоила ее, и лишь черезъ нѣсколько часовъ она была въ состояніи опять идти къ постели своего больного мужа. Князь поправлялся быстро. Понемногу онъ дѣлался веселѣе и сталъ съ бо̀льшимъ участіемъ относиться къ окружающему. Лида сидѣла безотлучно у него; онъ гладилъ ея поблѣднѣвшія щеки: „Бѣдная моя, какъ я напугалъ тебя“!—говорилъ онъ ей, увѣренный, что испугъ за него такъ измѣнилъ ее.—А она, успокоенная мыслью, что онъ ничего не слышалъ и ничего не подозрѣваетъ, всѣмъ существомъ своимъ жила лишь воспоминаніемъ о счастливыхъ дняхъ, такъ быстро пролетѣвшихъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она мучилась и раскаяніемъ, давала себѣ слово, что никогда, никогда не позволитъ себѣ даже написать любимому человѣку, и отчаяніе грызло ея сердце. Она не спала по ночамъ; днемъ она убѣгала въ свою комнату и гдѣ-нибудь въ уголкѣ, за ширмами, чтобы никто, даже Ѳеня не видала и не слыхала,—плакала и ломала руки. Потомъ, обезсиленная, освѣживъ глаза холодной водой, опять шла сидѣть съ мужемъ и слушать его жалобы на здоровье, или сѣтованья на то, что онъ не можетъ бѣгать съ ней по горамъ, какъ бѣгалъ Дмитрій. —Сумасшедшій человѣкъ!—сказалъ онъ разъ про сына:—ускакалъ, когда я лежу чуть не при смерти. Случись со мной что-либо, и ты осталась бы совсѣмъ одна!—и онъ любовно гладилъ руку жены.—Да развеселись же, что̀ ты такая грустная! Вѣдь видишь—я не умеръ“! и онъ цѣловалъ ее, а она заставляла себя улыбаться ему.

Черезъ нѣсколько недѣль князь настолько оправился, что ходилъ уже съ тростью. Они рѣшили ѣхать въ St.-Moritz, а оттуда черезъ Thusis на St.-Gotard, и уже изъ Андерматта спуститься на озеро Четырехъ-Кантоновъ, гдѣ ихъ ожидала баронесса;

пробывъ въ Ниццѣ всю зиму и весну, она спасалась тамъ отъ жаровъ Ривіеры.

Все это длинное путешествіе по Энгадину князь предпринялъ, чтобы развлечь Лиду. А она безучастно сидѣла съ нимъ рядомъ въ коляскѣ, и лишь когда онъ взглядывалъ на нее, старалась смотрѣть по сторонамъ и говорила слова восхищенія. Горы теперь казались ей суровыми, грустными. У нея пропалъ всякій страхъ передъ опасностью. Когда они огибали глубокія пропасти и лошади крупной рысью спускали коляску по крутизнѣ, Лида безъ боязни смотрѣла внизъ, въ темное ущелье, и мысль о смерти не страшила ее. А жизнь могла бы быть такой чудной. Ахъ, если бы можно было примирить, соединить вмѣстѣ и привязанность, дружбу ея къ старику мужу, и любовь къ его сыну!.. Для нея, между этими двумя столь различными чувствами не было ничего общаго. Ей казалось, что она ничего не отнимаетъ у одного, даря другому другую любовь. Здѣсь— тихая, сердечная привязанность, внушенная благодарностью, симпатіей; тамъ—страсть! И духъ захватывало ей отъ одного воспоминанія объ этой страсти, и воспоминанія, одно ярче другого, проносились въ ея памяти...

Почти двѣ недѣли ѣхали они по Энгадину, останавливаясь въ разныхъ деревняхъ на день и два. Изъ Тузиса они сдѣлали экскурсію по Via Mala и обратно... Въ St.-Moritz они прожили почти недѣлю. Тамъ князь встрѣтилъ кое-кого изъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ; но Лида была такъ молчалива, такъ задумчива, что даже красота ея мало поразила ихъ. Безучастно проѣхала Лида по Via Alba, и когда они спустились къ Андерматту, гдѣ Суворовъ, столѣтіе тому назадъ, остановился со своей геройской арміей, Лида едва слушала разсказъ князя о его подвигахъ. Тамъ они ночевали и на другой день спустились къ озеру Четырехъ-Кантоновъ. Лишь тамъ, на пароходѣ, скользившемъ по зеленой водѣ озера, Лида очнулась. Перемѣна картинъ, перемѣна природы, разбудила ее. Она посмотрѣла назадъ, на верхушки горъ, окутанныя туманомъ, и ей подумалось: не сонъ ли было все это, тамъ наверху? Она вспомнила, что сейчасъ увидитъ мать, и почти развеселилась.

Баронесса помѣщалась въ тихомъ отелѣ, у самаго озера, недалеко отъ Вегисъ. Подстриженные каштаны росли на террасѣ у самой воды, тихій плескъ которой усыплялъ и больные нервы князя, и жгучую боль въ сердцѣ его молодой жены.

Баронесса еще похудѣла за годъ, какъ Лида не видала ея, и кашляла она не меньше; но она была довольна своимъ поло-

женіемъ и рада была видѣть дочь, видѣть ее такою элегантной, такою изящной grande-dame,—какъ выразилась она.

— Tu es heureuse, mon enfant?—спрашивала она Лиду вечеромъ, когда князь оставилъ ихъ однѣхъ.

— Oui, maman, je suis très heureuse,—убѣжденно отвѣчала Лида, и стала перечислять всѣ доказательства любви къ ней мужа, можетъ быть для того, чтобы самой убѣдить себя въ томъ, что она счастлива.

Баронесса торжествовала и съ благодарностью, почти со слезами, на слѣдующее утро, пока Лида еще спала, благодарила князя и повторяла ему слова Лиды; а онъ, растроганный, счастливый и тоже со слезами на глазахъ, говорилъ баронессѣ, какой ангелъ ея дочь.

— Она—pour tout vous dire,—заключилъ онъ,—даже помирила меня съ сыномъ. Мы съ нимъ не то чтобы когда-либо ссорились, но жили всегда далеко другъ отъ друга, почти избѣгали общества одинъ другого. Этотъ ангелъ явился между нами и своей добротой, своимъ милымъ, веселымъ характеромъ сблизилъ насъ, и мы почти два мѣсяца прожили вмѣстѣ, какъ никогда—душа въ душу.

IV.

Былъ конецъ марта. На улицахъ Петербурга снѣгъ уже счистили, но погода стояла холодная, и шубъ еще не снимали.

По широкому троттуару Литейной быстро шла Лида: она была одѣта въ коротенькую, подбитую дорогимъ мѣхомъ, ротонду. На головѣ ея, поверхъ черной фётровой шляпы, была надѣта черная кружевная вуаль. Шляпка выступала впередъ, а вуаль настолько густая, что Лиду не сразу можно было узнать. Она шла торопливой походкой и, нѣсколько переваливаясь, посматривала на нумера домовъ. Если бы кто слѣдилъ за ней, подумалъ бы, что она идетъ на свиданье—такъ старалась она не быть замѣченной; но дѣлала она это до того неумѣло, что двое-трое мужчинъ проводили ее глазами, хотя за густой вуалью не было видно ея хорошенькаго лица. Вотъ она нашла нумеръ, который искала, и вошла въ подъѣздъ.

— Докторъ Синякинъ?—спросила она швейцара.

— Слѣдующій подъѣздъ,—угрюмо отвѣчалъ тотъ и опять за ней затворилъ дверь. Она вышла и подошла къ слѣдующему подъѣзду. Тамъ швейцара не было. Она стала подниматься по лѣстницѣ и, останавливаясь на площадкахъ, читала дощечки на две-

рахъ. Въ третьемъ этажѣ, на одной изъ четырехъ дверей она прочла: „Докторъ медицины И. П. Синякинъ. Женскія болѣзни. Пріемъ“... Были обозначены дни и часы. Но Лида не стала читать дальше, она позвонила. Довольно долго никто не шелъ отворить, потомъ послышались шаги, и невзрачный лакей, въ затасканномъ сюртукѣ, отворилъ дверь.

— Пріемъ кончился,—сказалъ онъ, не выпуская замка.

— Я не на пріемъ. Иванъ Павловичъ дома?

— Какъ прикажете доложить?

Лида молчала. Этого вопроса она не предвидѣла. Но лакей, имѣвшій, вѣроятно, уже опытность и знавшій, что къ женскому врачу являются иногда дамы, не желающія назвать свою фамилію, пропустилъ ее.

— Вотъ не угодно ли тутъ подождать,—предложилъ онъ ей, открывая дверь въ пріемную:—я доложу.

Лида осмотрѣлась кругомъ. Комната была обставлена безъ вкуса, неуютно. На окнахъ тканыя тюлевыя занавѣси,—дешевая мебель. На столахъ лежали старые, засаленные, иллюстрированные журналы, для развлеченія дожидающихся паціентокъ. Видимо, онѣ только-что ушли: мебель была въ безпорядкѣ, книги разбросаны. Въ комнатѣ было душно. Лида сняла свою шубку.

За дверью послышались знакомые, давно не слышанные ею шаги. Дверь отворилась, и приземистая фигура молодого Синякина, съ всклоченными русыми волосами, показалась въ дверяхъ. Привычнымъ жестомъ онъ пригласилъ ее войти въ кабинетъ и заперъ за нею дверь. Онъ обернулся къ ней, намѣреваясь предложить ей кресло у письменнаго стола, сидя на которомъ, онъ принималъ больныхъ; но она подняла свою вуаль, и онъ испуганный, безъ слова привѣтствія, отступилъ отъ нея шагъ назадъ.

— Вы не ожидали меня? — спросила она, и улыбка, напоминающая ея прежнія, свѣтлыя улыбки, заиграла на ея исхудавшемъ, блѣдномъ лицѣ.

— Лидія Алек.... княгиня, — поправился Синякинъ и тотчасъ овладѣлъ собой.—Нѣтъ, конечно не ждалъ и не могъ ждать... Чему обязанъ я такой честью?..

Улыбка исчезла съ лица Лиды. Она подошла къ нему ближе. Испуганное выраженіе было въ ея глазахъ, съ мольбой поднятыхъ на него.

— Я пришла къ вамъ, какъ къ другу: вы—единственный человѣкъ, который можете спасти меня. Иванъ Павловичъ, помогите мнѣ: я беременна.

— Не можетъ быть!—вырвалось у молодого доктора.—Князь...—Онъ хотѣлъ сказать, что князь ужъ въ такихъ лѣтахъ... но онъ не сказалъ.

Лида закрыла лицо руками, сѣла на стулъ, отвернулась и заплакала.

Синякинъ понялъ, т.-е. онъ старался принудить себя понять... но все, что̀ было хорошаго въ немъ, возмутилось. Эта дѣвушка, которую онъ такъ любилъ... Она, она... Мысли путались въ его головѣ. Онъ не зналъ, что̀ говорить, что̀ дѣлать. А между тѣмъ, жалость закрадывалась въ его душу, жалость къ этому милому созданію, беззащитному, брошенному эгоисткой матерью въ объятія старика... Злость—не на Лиду, а на тѣхъ, на другихъ—заговорила въ его сердцѣ, а также жалость къ ней. „А она могла бы быть моею,—думалъ онъ, смотря на плачущую женщину,—и была бы честною, хорошею женой, хорошею матерью“! Почему казалось ему, что съ нимъ Лида не сдѣлала бы фальшиваго шага—онъ объяснить бы не могъ: но какъ всякій человѣкъ, любящій дѣвушку, онъ думалъ, что съ нимъ ей было бы всего лучше.

А Лида все плакала.

Онъ подсѣлъ къ ней и взялъ ее за руку.

Она обернула къ нему свое заплаканное лицо и спросила:

— Вы спасете меня?

— Я сдѣлаю все, что̀ могу,—отвѣчалъ онъ.

Уже почти стемнѣло, когда Лида вернулась въ роскошный особнякъ на набережной, гдѣ они съ мужемъ жили уже нѣсколько мѣсяцевъ.

Тамъ, на озерѣ Четырехъ-Кантоновъ, князь вдругъ почувствовалъ себя опять хуже и вернулся домой, боясь серьезно занемочь за границей, гдѣ-нибудь въ гостинницѣ. Теперь онъ уже не ходилъ: его возили въ креслѣ, и двое слугъ пересаживали его съ этого кресла, съ колесами, на другое кресло, къ обѣденному столу, или на диванъ въ красной гостиной, гдѣ они проводили всѣ вечера.

Князь съ молодой женой жили очень уединенно. Онъ, проживъ тридцать лѣтъ на холостую ногу, не имѣлъ круга друзей, которые собирались бы у него. Онъ любилъ всю жизнь свои de petits diners fins, на которые приглашалъ то тѣхъ, то другихъ, но не часто и всегда безъ дамъ. Онъ не любилъ интимности ни съ кѣмъ. И теперь, когда онъ, больной, безъ ногъ, пріѣхалъ, послѣ почти двухлѣтняго отсутствія, его мало кто вспомнилъ; лишь нѣсколько старыхъ пріятелей завернули къ нему: но, уви-

давъ его больнымъ, а его молодую жену съ вѣчно серьезнымъ лицомъ, молчаливую, грустную, они тоже почти перестали бывать у него. Единственнымъ лицомъ, часто навѣщающимъ князя, была его сестра, старая генеральша Ожогина. Это была грузная, сохранившая еще слѣды красоты, старуха, очень чопорная, раздражительная, бездѣтная вдова. Она провела всю жизнь свою въ свѣтѣ, и для нея не было другихъ интересовъ, какъ петербургскій кругъ знакомыхъ, да дворъ, да назначенія на высшія должности сановниковъ, сплетни и пересуды. Она недружелюбно встрѣтила свою молоденькую belle-soeur. Въ ея глазахъ было непростительною глупостью, со стороны ея старика-брата, жениться вообще въ его годы, да еще на какой-то дѣвочкѣ, выкопанной въ Березенкахъ. Она первыя недѣли чутко присматривалась къ Лидѣ, почти обрывая ее на каждомъ шагу. Съ видимымъ удовольствіемъ она при ней говорила съ братомъ о людяхъ, которыхъ Лида не знала,—людяхъ, стоящихъ, какъ казалось генеральшѣ, въ средѣ недосягаемой для простенькой дѣвочки, какою она считала свою невѣстку. Она была убѣждена, что Лида, „поймавъ“ стараго князя, потянется въ grandeur'ы“. Но, увидавъ это вѣчно серьезное, грустное выраженіе на лицѣ молодой женщины, которую въ ея теперешнемъ, безвыходномъ положеніи ничто не интересовало, не веселило, — генеральша рѣшила, что молодая княгиня просто дурочка, не стоющая вниманія, что князь прельстился въ ней лишь ея смазливой мордочкой. Она стала мало обращать ввниманія на нее, точно ея и не было въ домѣ, и лишь нетерпѣливо подергивала плечомъ, когда замѣчала въ князѣ проявленіе чувства къ своей молодой женѣ. Генеральша прежде рѣдко бывала у брата; но теперь, видя его больнымъ, одинокимъ, какъ ей казалось, брошеннымъ на попеченіе неосмысленной молодой женщины, она часто стала навѣщать его, обѣдала у него почти всякій день и просиживала съ нимъ вечера. И такъ жили они втроемъ. Онъ дремалъ въ своемъ креслѣ; сестра, сидя противъ него, читала газеты, или вязала безконечные шарфы для бѣдныхъ къ празднику; а Лида... Лида ходила какъ тѣнь по комнатамъ, или, забившись въ уголокъ своего роскошнаго будуара, сидѣла часами на одномъ мѣстѣ, съ устремленными на одну точку глазами.

— Что̀ дѣлать? Что̀ дѣлать? — твердила она мысленно съ тѣхъ поръ, какъ ей стало ясно, что она—въ „такомъ“ положеніи. „Умереть“! шептала она: „умереть—и всему конецъ“! Но ее страшила мысль, что и послѣ ея смерти узнаютъ ея паденіе. Что̀ скажетъ старый князь, ея любящій мужъ, когда узнаетъ правду?.. Съ другой

стороны, думала она, въ какомъ отчаяніи будетъ князь Дмитрій,— узнавъ, что она убила и себя, и его ребенка, онъ пойметъ тогда, какъ она любила его, какъ страдала... Эта мысль ей казалась заманчивой. Но страхъ передъ смертью останавливалъ ее. Она такъ молода еще, а жизнь могла бы быть такой прекрасной! И физически она страшилась смерти, боялась предсмертныхъ мученій... Но что̀, что̀ дѣлать? Какъ скрыть? Написать ему? Князю Дмитрію? Вызвать его на помощь себѣ? Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! Она виновата и должна нести заслуженное наказаніе. Вызвать его—значило опять впасть въ тотъ же страшный, смертельный грѣхъ. Она съ ужасомъ признавалась себѣ, что она все еще любитъ его, и будетъ любить всегда. Одно спасеніе—не видѣть его, не думать о немъ. Но какъ не думать, когда подъ сердцемъ ея бьется его ребенокъ?—И что̀ нашла я въ немъ?—спрашивала она себя:—человѣкъ какъ всѣ; ни физически, ни нравственно, ни умственно, онъ не лучше другихъ, и конечно отецъ его добрѣе, деликатнѣе, а можетъ быть и любитъ ее больше, нежели тотъ... А между тѣмъ, ночью, во̀ снѣ, видѣла она его лицо, склоняющееся надъ нею, и когда просыпалась, плакала о томъ, что это былъ лишь сонъ.

Всѣми фибрами души своей, всѣми своими молодыми силами, она звала его мысленно къ себѣ. День и ночь былъ онъ передъ ея мысленными глазами,—а у нея не было даже его фотографіи.

„Увидать бы его, хотя издали, услышать его голосъ"!— твердила она, и сейчасъ же сама проклинала себя за эту грѣшную, нехорошую любовь. И опять она призывала смерть и боялась ея, и плакала, и каялась, и страдала, невыносимо страдала. А время шло, и близокъ часъ, когда всѣ узнаютъ правду. Что̀, что̀ дѣлать ей?

Разъ какъ-то, погруженная въ эти страшныя мысли, сидѣла она въ своей спальнѣ и не замѣтила, какъ вошла Ѳеня. Та остановилась и долго смотрѣла на нее; потомъ подошла къ ней, опустилась передъ ней на колѣни и поцѣловала ея руку.

— Милая, красавица моя, Лидія Александровна, — заговорила она вдругъ, почему-то называя ее такъ, какъ звала ее, когда Лида была дѣвушкой, — милая вы моя, несчастная, что̀ убиваетесь-то вы?..

— Ѳеня...

— Ахъ, да развѣ я не вижу... Развѣ я не знаю!

— Ѳеня, Ѳеня! — Лида зарыдала и упала на грудь своей подруги дѣтства. — Ѳеня, что̀ же дѣлать мнѣ? Надо умереть...

— Богъ съ вами! Богъ съ вами, что̀ вы!

— Да какъ же, Ѳеня? Какъ быть?

— Ужъ какъ-нибудь устроимъ...

— Да какъ?..—Лида смотрѣла на нее и ждала отъ нея слова спасенія.

Ѳеня задумалась.

— Знаете, что̀ мы сдѣлаемъ? Я схожу къ Ивану Павловичу; вѣдь онъ акушеръ,—онъ какъ-нибудь все и устроитъ.

— Да какъ же онъ устроитъ?

— Да очень просто: вы занеможете, онъ будетъ ѣздить лечить васъ. Я да онъ все и устроимъ.

— А ребенокъ?..

— И ребенка спрячемъ! Позвольте, я схожу къ нему...

Лида задумалась.

— Да, Ѳеня, ты права; онъ, коли захочетъ, можетъ спасти меня.—Но я сама пойду къ нему.

Такимъ-то образомъ Лида попала къ молодому доктору.

Вернулась она отъ него успокоенная. Онъ точно гору снялъ съ ея плечъ. Непосильную тяжесть носила она на своихъ молодыхъ, слабыхъ плечахъ, — а теперь ей казалось, что Синякинъ и Ѳеня взяли на свои плечи половину тяжести, давившей ее.

Князь замѣтилъ перемѣну въ ней и за руку притянулъ ее къ себѣ.

— Вотъ такой я тебя люблю,—сказалъ онъ ей потихоньку, чтобы генеральша, занятая своей работой, не слыхала его нѣжныхъ словъ женѣ:—а то ты все такая блѣдная, грустная... Я боюсь, не вреденъ ли тебѣ петербургскій климатъ...

— Да, Nicolas,—отвѣчала Лида, опуская глаза:—мнѣ, правда, нездоровится, и я даже хотѣла бы послать за докторомъ Синякинымъ.

— Вотъ идея!—воскликнула старуха, прислушавшись къ ихъ разговору;—тамъ, въ Березенкахъ, вы могли лечиться у него; но въ Петербургѣ, слава Богу, есть доктора получше его.

— Я привыкла къ нему и никогда ни съ какимъ докторомъ, кромѣ него, не совѣтовалась,—отвѣчала Лида дрогнувшимъ голосомъ.—Не правда ли, Nicolas, ты позволишь?

— Мой другъ, ты знаешь, что ты вольна дѣлать все, что̀ хочешь,—отвѣчалъ князь,—и никто, какъ ты сама, не можетъ выбирать тебѣ доктора. Къ тому же, Синякинъ, говорятъ, очень хорошій врачъ, — обернулся онъ къ сестрѣ, желая примирить жену и сестру:—только онъ спеціалистъ...

— Не все ли равно...—сказала Лида и опустила лицо ближе къ своей работѣ.

V.

Очень немногіе изъ мужчинъ могутъ равнодушно видѣть слезы женщины. Однихъ онѣ сердятъ, другихъ размягчаютъ. Молодой Синякинъ принадлежалъ къ послѣдней категоріи. Слезы Лиды, никогда не виданныя имъ, размягчали его. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ, изъ письма отца своего, узналъ, что дѣвушка, любимая имъ, выходитъ замужъ за стараго князя, онъ старался заставить себя возненавидѣть ее. Полтора года онъ силился забыть ее, забыть ея синіе глаза и ея милую улыбку, забыть ея дѣтскія ласковыя манеры съ нимъ и помнить лишь, что она продала себя старику за богатство, за положеніе, за титулъ. Онъ былъ глубоко оскорбленъ въ своей любви, въ своей первой, единственной любви. Онъ вспоминалъ свое послѣднее свиданіе съ ней, когда она ему разсказала сонъ, видѣнный ею, и ея отвѣтъ на его вопросъ, вышла ли бы она замужъ за князя?—Тогда рѣчь была о молодомъ князѣ...—но не все ли равно для такой дѣвушки?—говорилъ онъ самъ себѣ:—молодой ли, старый ли; для нея важны титулъ, богатство.—И онъ хотѣлъ ненавидѣть и презирать ее... А между тѣмъ, когда, усталый послѣ дневной работы, онъ, сидя въ креслѣ, смотрѣлъ, какъ дымъ его папироски легкимъ облакомъ поднимается и разсѣивается кругомъ него, онъ задумывался; мечты уносили его въ міръ грёзъ, и онъ воображалъ себя счастливымъ семьяниномъ, мужемъ и отцомъ... Чей образъ склонялся къ его плечу, чей голосъ слышалъ онъ около себя? Лишь ея лицо видѣлъ онъ, лишь ея голосъ слышался ему. Онъ не могъ представить себѣ, чтобы могъ полюбить другую, и именно потому желалъ ненавидѣть ее. Теперь, когда онъ увидѣлъ ее передъ собой, въ своемъ кабинетѣ, онъ растерялся: точно привидѣніе явилась она ему;—потомъ злоба, накипѣвшая въ немъ, бросилась ему въ голову. Но, увидавъ ея слезы, ея исхудалое, блѣдное лицо, ея всегда прежде смѣявшіеся, а теперь съ мольбой, страхомъ и горемъ обращенные къ нему глаза,—онъ размягчился и обѣщалъ ей все, о чемъ она просила его. Больше того, онъ самъ увѣрилъ ее, что то, чего она проситъ—возможно, и что онъ сдѣлаетъ это. Но когда Лида ушла и онъ остался одинъ, онъ увидѣлъ, что опрометчиво обѣщалъ почти невозможное, и по трудности исполненія, и потому, что, дѣйствуя съ нею за-одно, онъ будетъ обманывать старика-князя,—а ложь, обманъ, были всегда противны его прямой, безхитростной натурѣ. И опять злость зашевелилась въ немъ. Но не на несчастную женщину, прибѣжав-

шую въ бѣдѣ своей просить его о помощи, а злость на ея мать, продавшую ее, на князя, купившаго ее. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ смотрѣлъ теперь на бракъ Лиды со старикомъ княземъ. И Синякинъ былъ недоволенъ даннымъ Лидѣ обѣщаніемъ; но выхода изъ своего положенія не находилъ. Какъ скажетъ онъ, что беретъ назадъ данное обѣщаніе? Какъ предоставить ее самой себѣ? А если она, въ отчаяніи, убьетъ себя, или ребенка? Она вѣдь упоминала о смерти...

И онъ ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету и не зналъ, какъ выпутаться изъ всего этого.

На другой день, ливрейный лакей позвонилъ у его двери, и его слуга пришелъ доложить ему, что его просятъ къ княгинѣ Березенской... „Сказать, что занятъ, боленъ,—выдумать предлогъ какой-нибудь и оставить ее на произволъ судьбы; пусть выпутываются, какъ знаютъ!—мелькнуло въ его головѣ.—Но,—подумалъ онъ,—кого оставить выпутываться? Что̀ она знаетъ?.. Кого"?.. Эту несчастную, пристыженную, когда̀-то такую милую ему дѣвочку?..

— Скажите, что буду,—сказалъ онъ лакею.

Въ пятомъ часу онъ подъѣхалъ на извозчикѣ къ дому князя. Онъ бывалъ тутъ и прежде. Князь интересовался имъ, когда онъ былъ студентомъ, и онъ бывалъ у него съ поздравленіемъ на праздникахъ, или иногда, очень рѣдко, князь приглашалъ его обѣдать. Но это было уже давно... А съ тѣхъ поръ, какъ князь женился, Синякинъ никогда не заглядывалъ сюда.

Лакей въ штиблетахъ провелъ его во второй этажъ. Тамъ его принялъ другой лакей, тоже въ штиблетахъ, и повелъ его черезъ рядъ парадныхъ комнатъ въ будуаръ Лиды. У двери будуара лакей оставилъ Синякина на минуту одного, вошелъ, доложилъ о немъ и, вернувшись, сказалъ:—Просятъ.

Иванъ Павловичъ вошелъ.

Лида сидѣла въ уголку широкаго, низкаго дивана. Она вздрогнула, поспѣшно встала и пошла на встрѣчу ему. Лакей затворилъ за нимъ тяжелую, полированную, изъ темнаго орѣха дверь, и они остались вдвоемъ. Лида стояла передъ нимъ, одѣтая въ широкую блузу, падавшую тяжелыми складками вокругъ ея исхудалаго тѣла. Она смотрѣла на него съ такой робостью, съ такой боязнью, и такая тоска, такая боль были въ ея глазахъ, что если бы онъ и пришелъ къ ней съ мыслью отказаться отъ вчерашняго обѣщанія—онъ бы не въ силахъ былъ этого сдѣлать.

— Иванъ Павловичъ, — сказала она почти шопотомъ: — вы такой добрый...

Онъ взялъ ея руку, пожалъ ее, и они сѣли другъ противъ друга. Наступила минута тяжелаго молчанія.

— Княгиня,—началъ Синякинъ.

— Ахъ, пожалуйста,—прервала она его, и протянула руки,— пожалуйста, не называйте меня такъ!.. Называйте меня по имени, какъ вы всегда звали меня; а то я буду думать, что вы презираете, что вы слишкомъ презираете меня.

— Лидія Александровна, я долженъ знать, чего собственно вы хотите отъ меня? Вы вчера такъ неясно говорили объ этомъ... и мнѣ кажется, что сдѣлать это, т.-е...—онъ остановился, замялся и продолжалъ отрывисто:—скрыть... ребенка... все это трудно... почти невыполнимо.

Лида поблѣднѣла и въ изнеможеніи облокотилась на спинку кресла.

— Иванъ Павловичъ, я такая глупая, я никогда ни до чего бы не додумалась сама. Мнѣ думалось, что единственный исходъ—броситься въ Неву...

Синякинъ сдѣлалъ движеніе.

— Но Ѳеня... вы помните Ѳеню?—продолжала Лида, съ усиліемъ шевеля губами:—она такая хорошая, такъ любитъ меня! Она заговорила объ васъ... она сказала мнѣ, что вы можете спасти меня...

— Но какъ же?

— Она говоритъ, что вы съ ея помощью все устроите... Я скажусь больной, лягу, пошлютъ за вами... вы съ помощью Ѳени... однимъ словомъ... ребенка... она возьметъ къ себѣ... ея комнаты въ антресоляхъ, подъ моими... тамъ, тамъ... она ночью, или какъ-нибудь, вынесетъ... она найдетъ кормилицу... помѣститъ... куда-нибудь...

Лида говорила съ опущенными глазами, сжимая своими блѣдными, похолодѣвшими пальцами ручки креселъ, на которыхъ сидѣла. Она не смѣла поднять глазъ на Синякина, сидѣвшаго противъ нея. А онъ съ нѣмымъ ужасомъ смотрѣлъ на нее и думалъ: „Она никогда не любила меня, никогда не подозрѣвала того, что я люблю ее—иначе она не могла бы требовать отъ меня того, о чемъ она проситъ“... И чѣмъ больше онъ смотрѣлъ на нее, тѣмъ она опять ближе и дороже становилась ему.

— Хорошо, я сдѣлаю то, чего вы хотите, — сказалъ онъ дрогнувшимъ, точно не своимъ голосомъ и всталъ; а она схватила его руку и прежде, нежели онъ понялъ, что̀ она дѣлаетъ, прижала его широкую, покрытую веснушками руку къ своимъ похолодѣвшимъ губамъ, и горячая слеза скатилась на нее.

— Лида! — вскричалъ онъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ того, онъ ходилъ какъ самъ не свой. Говорила ли въ немъ лишь жалость къ несчастной, или воскресла въ немъ прежняя любовь... „Да и проходила ли она вообще“?—задавалъ онъ себѣ вопросъ—и не находилъ отвѣта. Онъ склоненъ былъ думать, онъ надѣялся, что это лишь жалость къ ней говоритъ въ немъ, и во что бы то ни стало онъ хотѣлъ, страстно хотѣлъ помочь ей.

Надо было все приготовить: времени терять было нельзя. Съ часу на часъ могла для Лиды наступить роковая минута. Но какъ все это устроить? Онъ написалъ городской почтой записку Ѳенѣ и попросилъ ее зайти къ нему. Она пришла вечеромъ въ назначенный часъ, въ шляпкѣ, въ черномъ платьѣ, очень прилично и скромно одѣтая и тоже, какъ и госпожа ея, не похожая на ту, какою была въ деревнѣ.

Синякинъ попросилъ ее сѣсть.

— Благодарю, постою,—отвѣчала она.

— Нѣтъ, Ѳеня, пожалуйста сядьте: такъ лучше,—настаивалъ онъ.

Она сѣла на край стула. Онъ сѣлъ у письменнаго стола, гдѣ всегда сидѣлъ, говоря съ паціентками.

Оказалось, конечно, что кормилицы Ѳеня не нашла и еще не искала. Иванъ Павловичъ задумался.

— Вотъ что̀, Ѳеня,—сказалъ онъ, помолчавъ:—мнѣ придется взять все это дѣло на себя; вы добрая дѣвушка, я знаю, что вы преданы Лидіи Александровнѣ...

— Я все для нихъ сдѣлаю, Иванъ Павловичъ,—проговорила Ѳеня.—Я для нихъ въ огонь и въ воду пойду.

Синякинъ не былъ скептикомъ: онъ сейчасъ же на слово повѣрилъ Ѳенѣ, находя, что натурально идти на все для Лиды, когда онъ тоже дѣлалъ для нея вещь невозможную, немыслимую, по его убѣжденіямъ, сознавая, что дѣлаетъ вещь нехорошую. Онъ предложилъ свой планъ Ѳенѣ, и она во всемъ согласилась съ нимъ: онъ найметъ кормилицу и будетъ пока держать ее у себя; у него есть лишняя комната, а старуха, его кухарка, все это устроитъ. Какъ только Лидія Александровна почувствуетъ себя нехорошо, пусть пришлетъ за нимъ лакея, съ просьбой пріѣхать... „что, молъ, княгиня нездоровы“. Онъ пріѣдетъ и все сдѣлаетъ, что̀ нужно. Ѳеня возьметъ сейчасъ же ребенка въ свою комнату, изъ которой есть особый ходъ на лѣстницу, вынесетъ его черезъ черный ходъ, спрятавъ подъ своей

ротондой, и на извозчикѣ привезетъ въ квартиру Синякина. „Остальное—мое дѣло",—прибавилъ онъ.

— Прощайте, Иванъ Павловичъ, — поднялась Ѳеня:—вы доброе дѣло сдѣлаете. Ужъ такъ, такъ убиваются онѣ, бѣдненькія... Ему что̀! Извѣстно, мужчинамъ одни цвѣточки...

Синякинъ съ ужасомъ замѣтилъ, что Ѳеня начинаетъ говорить о „немъ"... о человѣкѣ, сдѣлавшемъ преступленіе... Въ глазахъ молодого доктора это было преступленіемъ. Во всей этой страшной исторіи имя человѣка, сгубившаго Лиду, не приходило на умъ ему... „Негодяй, какой-нибудь свѣтскій франтишка",— рѣшилъ онъ самъ съ собой и мало думалъ о немъ, но теперь, когда Ѳеня заговорила и имя его могло сейчасъ сорваться съ ея языка,—ему стало жутко, и онъ поспѣшилъ выпроводить словоохотливую дѣвушку.

Тѣмъ временемъ князю все дѣлалось хуже. Онъ теперь уже не выходилъ дальше своего кабинета и цѣлыми днями дремалъ въ глубокомъ креслѣ. Его старуха сестра перестала пріѣзжать обѣдать, такъ какъ князь кушалъ у себя, и ей пришлось бы обѣдать вдвоемъ съ молодой княгиней; а она находила, что это было бы слишкомъ много чести для Лиды. Она пріѣзжала всякое утро, послѣ завтрака, и просиживала нѣкоторое время въ кабинетѣ передъ кресломъ старика. Они молча сидѣли одинъ противъ другого, не находя, о чемъ говорить. Онъ дремалъ, а когда открывалъ глаза, она произносила фразу о погодѣ, или сообщала о какой-либо городской новости—о свадьбѣ, или смерти, или назначеніи кого-нибудь на какой-либо постъ. Лида часто заходила къ мужу. Ей казалось, что это была ея обязанность; но она не оставалась подолгу у него. Она обѣдала одна, въ маленькой столовой, за картинной галереей.

Въ одно утро, въ половинѣ апрѣля, Лида не пришла поздороваться съ княземъ, и его камердинеръ доложилъ ему, что „ихъ сіятельство, княгиня, нездоровы, что ночью посылали за докторомъ, но что теперь имъ гораздо лучше".

— Что̀ такое? что̀ такое? — встревожился князь. — Подите, узнайте; скажите, что я безпокоюсь.

Лакей вернулся и сообщилъ, что ихъ сіятельству княгинѣ совсѣмъ хорошо; но что докторъ велѣлъ лежать въ постели, что у нихъ инфлюэнца. Князь приказалъ просить доктора зайти къ нему, когда тотъ опять пріѣдетъ къ княгинѣ.

Трудная была минута для молодого доктора Синякина, когда ему пришлось лгать, смотря въ глаза честному человѣку. Онъ лгалъ въ первый разъ въ своей жизни. Даже той банальной,

условной лжи, которую всѣ допускаютъ, даже этой лжи Синявинъ избѣгалъ. А теперь, сидя противъ старика, онъ говорилъ ему, что жена его больна простудой, инфлюэнцей, что опаснаго ничего нѣтъ, никакихъ усложненій, что нужно лишь беречься простуды и т. д. Онъ говорилъ и самъ удивлялся, какъ языкъ его поворачивается во рту. „Вотъ,—думалъ онъ,—мы, честные люди, презираемъ ложь, а придется, обстоятельства сложатся иначе—и мы дѣлаемъ подлость". Онъ негодовалъ на себя, и все же лгалъ. Но странно, вмѣсто того, чтобы сердиться на ту, которая заставляла его лгать—онъ, наоборотъ, еще больше жалѣлъ ее, точно свою сообщницу въ преступленіи. „Несчастная!—думалъ онъ:—кто изъ насъ можетъ бросить въ нее камень, когда всѣ мы, не тѣмъ, такъ другимъ, грѣшимъ противъ совѣсти"?!

Когда въ этотъ день генеральша пріѣхала къ брату, онъ сталъ просить ее пойти посмотрѣть на Лиду. Старуха надулась, но отказать брату не могла. Она не только находила ниже своего достоинства навѣщать въ постели эту дѣвчонку, какъ она продолжала мысленно звать ее, но, кромѣ того, страшно боялась для себя всякихъ заразительныхъ болѣзней и считала инфлюэнцу очень заразительной.

— Зачѣмъ же у васъ тутъ такъ темно!—воскликнула она, входя въ спальню Лиды и останавливаясь на порогѣ въ дверяхъ.

— Здравствуйте! У меня глаза немного болятъ,—отвѣчала Лида.—Ѳеня, подними вонъ ту стору, за мной, и дай кресло Еленѣ Ѳедоровнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не сяду, мнѣ некогда,—сказала генеральша, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, но все-таки оставаясь вдалекѣ отъ постели.—Bonjour, я отъ брата; онъ очень безпокоится объ васъ.—И взглянувъ пристально на Лиду, всю въ бѣломъ, лежавшую съ тѣмъ тихимъ выраженіемъ покоя на усталомъ лицѣ, какое всегда бываетъ у женщинъ послѣ перенесенныхъ страданій:

— Ma chère, vous avez l'air d'une jeune accouchée,—проговорила она, улыбаясь и не подозрѣвая, какую истину она сказала.

— Я скажу князю, что у васъ видъ отличный.

— Да, да! мнѣ гораздо лучше, совсѣмъ хорошо,—упавшимъ голосомъ отвѣчала Лида, и у нея, отъ ужаснаго для нея смысла произнесенныхъ старухой словъ, пробѣжала дрожь по тѣлу.—Dites lui, que je vais tout à fait bien,—я завтра встану...

— Ну, хорошо, хорошо, прощайте, мнѣ некогда,—и генеральша ушла.

Цѣлую недѣлю пролежала княгиня. Князь очень безпокоился, безпрестанно посылалъ спросить, какъ она себя чувствуетъ, и все получалъ отвѣтъ, что „гораздо лучше“. На шестой день онъ не вытерпѣлъ и велѣлъ себя на креслѣ покатить въ ея спальню. Это очень утомило его; но онъ былъ доволенъ, что увидѣлъ жену веселой и на его взглядъ свѣжѣе, нежели она была всю зиму. Она увѣрила его, что встанетъ на другой день, но неумолимый докторъ оставилъ ее еще въ постели дня три.

Съ приливомъ новыхъ силъ, Лида почувствовала удивительное успокоеніе и радость жизни. Она лежала въ своей большой спальнѣ, на высокой постели, и тихо улыбалась сидящему около нея доктору.

— Такъ завтра я встану?—спросила она.

— Да, можете встать,—отвѣчалъ Синякинъ:—все, слава Богу, идетъ благополучно.

— Я не знаю, какъ выразить вамъ то, что̀ я чувствую къ вамъ, Иванъ Павловичъ!—помолчавъ, сказала Лида:—вы мой спаситель.—Она протянула руку, положила ее на рукавъ его сюртука, и слеза блеснула въ ея глазахъ. Онъ взялъ эту бѣлую, нѣжную руку въ свою.

— А у меня до васъ просьба,—сказалъ онъ весело, нагибаясь къ ней и перебивая ея рѣчь.

— Что̀?—удивилась Лида.

— Оставьте мнѣ вашу дѣвочку!—почти шопотомъ проговорилъ онъ.

Она, широко раскрывъ глаза, смотрѣла на него.

— Вѣдь она никому не нужна... т.-е.,—поправился онъ,—на нее никто не имѣетъ правъ? или кто-нибудь хочетъ воспитать ее?— И онъ нахмурилъ брови и отвернулся.

— Нѣтъ, Иванъ Павловичъ, никто.—Она поняла его вопросъ. —Она никому другому не нужна, и никто не знаетъ, что она родилась...

— Такъ отдайте ее мнѣ. Можетъ быть, когда-нибудь вы возьмете ее, когда будете свободны держать ее при себѣ... Извините, что я говорю вамъ обо всемъ этомъ. Но мнѣ хочется, чтобы вы отдали мнѣ дѣвочку на время, пока не возьмете ее къ себѣ...

Слезы полились изъ глазъ Лиды.

— Какой вы добрый, хорошій... Но что же вы будете дѣлать съ нею?

— Я? я воспитаю ее, — какъ бы смѣясь, отвѣчалъ онъ, и продолжалъ:—Прежде всего я ее окрещу. Она будетъ моя крест-

ница и этимъ однимъ уже будетъ отчасти моя. Потомъ, пока она такъ мала, что воспитывать ее не приходится, я отвезу ее въ Березенки къ моей матери.

— Къ Амаліи Ивановнѣ!—вскрикнула Лида. Синякинъ засмѣялся.

— Вы не знаете ее,—съ оттѣнкомъ дружескаго упрека сказалъ онъ.—Вы думаете, она сухая, черствая женщина, хозяйка— и ничего больше? Вѣрьте, вы ошибаетесь... Если бы вы знали, какъ она горячо любитъ меня...

— Я не спорю,—присмирѣвшимъ голосомъ заговорила Лида: —только меня и мою мать она никогда не любила.

— Можетъ быть,—согласился Иванъ Павловичъ:—но вѣдь она никогда не должна знать, что это вашъ ребенокъ.

— Конечно.

— Такъ вы согласны?—спросилъ онъ.

— Я глубоко благодарна,—тихо и серьезно отвѣчала она.

VI.

Сентябрь стоялъ дождливый. Былъ темный, холодный вечеръ. Дождь лилъ, вѣтеръ завывалъ. Черной громадой вырѣзался на темномъ небѣ большой княжескій домъ въ Березенкахъ. Лишь въ одномъ изъ его флигелей, соединенныхъ галереями съ главнымъ корпусомъ, въ нижнемъ этажѣ, въ помѣщеніи управляющаго, былъ виденъ свѣтъ. Старикъ Синякинъ, немного постарѣвшій, немного обрюзгшій за послѣдніе два года, сидѣлъ въ своей гостиной передъ круглымъ столомъ и раскладывалъ пасьянсъ. Такъ проводилъ онъ теперь вечера, съ тѣхъ поръ, какъ баронесса оставила свой сѣрый домикъ, и ему некуда было ходить коротать ихъ.

Гостиная была совершенно такая же, какъ была и прежде: жесткая, неуютная мебель; у окна рабочій столикъ Амаліи Ивановны. Павелъ Матвѣевичъ сидѣлъ, освѣщенный свѣтомъ керосиновой лампы, горѣвшей на столѣ, и казался очень углубленнымъ въ карты, разложенныя передъ нимъ. Въ корридорѣ послышались шаги, и Амалія Ивановна, ни чуть не измѣнившаяся, такая же прямая и сухая, вошла въ гостиную.

— Ну что?—спросилъ Павелъ Матвѣевичъ, не оборачиваясь къ ней и продолжая перекладывать съ мѣста на мѣсто карты:— что? заснула?

— Заснула, —отвѣчала Амалія Ивановна. Она взяла свою

работу со столика у окна, переложила ее на большой столъ, у котораго сидѣлъ Павелъ Матвѣевичъ, сѣла на стулъ, надѣла очки и развернула работу.

— Я думаю,—продолжала она,—у нея зубки рѣжутся.

— Можетъ быть,—все глядя на карты, отвѣчалъ старикъ: —можетъ быть.

— А я все же дала ей акониту, на всякій случай, а завтра, коли лучше не будетъ, надо за докторомъ послать.

— Можно; конечно, можно послать, — согласился Павелъ Матвѣевичъ:—только, я думаю, это такъ, ничего. Сегодня она такая веселенькая была.

— Утромъ-то она всегда веселенькая, а вотъ какъ вечеръ придетъ и—жарòкъ... Ахъ, Боже мой, вонъ она опять кричитъ!..— И Амалія Ивановна вскочила со стула, бросила на столъ работу и очки, и скорымъ шагомъ, почти бѣгомъ, пошла по корридору.

Съ тѣхъ поръ какъ ребенокъ завелся у стариковъ Синякиныхъ, онъ сталъ главнымъ интересомъ въ ихъ жизни. Когда сынъ написалъ имъ изъ Петербурга то странное письмо, въ которомъ просилъ ихъ принять и полюбить его маленькую крестницу,— Амалія Ивановна пришла въ негодованіе, а Павелъ Матвѣевичъ молча пожималъ плечами и не зналъ, какъ отнестись къ такой странной просьбѣ. Конечно, рѣшили старики, эта дѣвочка—его дочь, прижитая имъ съ кѣмъ-нибудь.—Вѣроятно, утѣшала себя Амалія Ивановна,—эта „особа“ умерла и оставила Ванюшѣ ребенка. Какая обуза ему! Теперь, пожалуй, онъ привяжется къ ребенку и не женится. А Амалія Ивановна, какъ большинство матерей, хотѣла, чтобы сынъ ея женился. Павелъ Матвѣевичъ относился ко всѣмъ этимъ вопросамъ спокойнѣе, но и онъ думалъ, что ребенокъ этотъ—дочь его сына. Отказать сыну принять его ребенка, даже незаконнорожденнаго, онъ, по мягкости своего характера, никогда бы не рѣшился. Онъ только жалѣлъ, что сынъ не признался ему откровенно во всемъ... Амалія Ивановна посердилась, покипятилась, говорила, что она, конечно, не будетъ нянькой съ улицы взятыхъ дѣтей, но кончила тѣмъ, что сама поѣхала за ребенкомъ въ Москву, куда Иванъ Павловичъ довезъ дѣвочку съ кормилицей. Ему, какъ увѣрялъ онъ въ письмѣ, приглашавшемъ Амалію Ивановну доѣхать до Москвы за ребенкомъ, было невозможно отлучиться надолго изъ Петербурга. Уже два года, съ самой женитьбы князя, молодой Синякинъ не былъ у своихъ родителей. Онъ писалъ, что его увеличившаяся практика не даетъ ему возможности взять отпускъ.

Амалія Ивановна, вернувшись съ маленькой Лизой изъ Москвы,

еще болѣе убѣдила мужа своего, что дѣвочка была дочь ихъ Ванюши.

— Такъ онъ нѣженъ съ ней, цѣловалъ ее,—разсказывала она,—мнѣ давалъ наставленія, какъ ее купать, какъ одѣвать, чѣмъ кормилицу кормить... и велѣлъ, чуть если занеможетъ ребенокъ, сейчасъ ему телеграфировать.

Старики скоро привязались къ ребенку. Лиза была толстенькая, черномазенькая дѣвочка съ громадными сѣрыми глазами. Они стали искать въ ней сходства съ сыномъ.

— Ты видишь, Павелъ Матвѣевичъ,—говорила Амалія Ивановна:—у нея плечи-то точно такія широкія будутъ, какъ у него.

— Ну, ну!—отвѣчалъ старикъ; но и ему казалось, что онъ въ глазахъ дѣвочки видитъ выраженіе глазъ Ванюши. Павелъ Матвѣевичъ, сидя за пасьянсомъ, тоже съ болью въ сердцѣ прислушивался къ плачу ребенка, доносившемуся черезъ корридоръ изъ дѣтской. Наконецъ ребенокъ затихъ, и Амалія Ивановна вернулась.

— Нѣтъ, завтра же непремѣнно пошлю за докторомъ,—сказала она, опять садясь за работу.

Наступило молчаніе, и лишь слышно было тиканье часовъ въ столовой, пощелкиванье картъ, да позвякиванье ножницъ, когда Амалія Ивановна, отрѣзавъ нитку, клала ихъ на столъ.

— Что̀ это, никакъ кто подъѣхалъ?—сказала Амалія Ивановна, отличавшаяся чуткимъ слухомъ.

— Кому въ такую темь!—отвѣчалъ Павелъ Матвѣевичъ.

— Нѣтъ, право, точно лошадь фыркаетъ...

Въ сѣняхъ стукнула тяжелая дверь на блокѣ. Послышался говоръ и шаги горничной по корридору.

— Что̀ это?—проговорила Амалія Ивановна, встала и пошла къ двери.

— Телеграмма!—произнесъ голосъ горничной въ дверяхъ.

— Дай, дай сюда!..—быстро заговорилъ Павелъ Матвѣевичъ и смѣшалъ разложенный пасьянсъ.

Телеграмма для нихъ всегда была неожиданностью и пугала ихъ. Амалія Ивановна взяла телеграмму у горничной, разсматривая ее, и, вытаскивая запрятанную въ нее квитанцію, подала ее мужу.

Онъ шарилъ въ карманѣ, отыскивая свои очки, быстро надѣлъ ихъ, разорвалъ бумажную печать, которою телеграмма была заклеена, и, подставя ее подъ абажуръ лампы, сталъ читать.

Онъ морщилъ лобъ, какъ бы не понимая, и тихо шевелилъ губами...

— Ахъ, Богъ мой! Богъ мой!—заговорилъ онъ, снимая очки: —голубушка-то моя...

— Чтò? чтò?—испуганно спрашивала Амалія Ивановна, схватывая телеграмму.

А горничная стояла, дожидаясь услышать новость.

— Голубушка-то моя,—продолжалъ старикъ,—баронесса-то наша, скончалась... Царство ей небесное!—и онъ перекрестился.

Горничная тоже перекрестилась и повторила:—Царство ей небесное!

Амалія Ивановна ничего не сказала и не перекрестилась: она была лютеранка. Она читала телеграмму.

— Да, да,—опять отнимая ее у жены, сказалъ Синякинъ и уже громко прочелъ: „Мамаша скончалась въ Ниццѣ. Похороны въ Березенкахъ. Прошу приготовить мѣсто справа отъ могилы дѣдушки. Пріѣду къ похоронамъ. Прошу устроить мнѣ помѣщеніе. О днѣ прибытія тѣла васъ увѣдомятъ. Очень прошу всѣмъ распорядиться, все сдѣлать. Я пріѣду въ послѣднюю минуту, на одинъ день“.

— Аннушка!—послѣ паузы молчанія, первая заговорила Амалія Ивановна:—поди вели накормить посланнаго, чтò привезъ телеграмму; въ такую темь онъ не поѣдетъ; пусть ночуетъ; я пришлю деньги.

Горничная вышла. Амалія Ивановна опять взяла телеграмму и перечитывала ее. Павелъ Матвѣевичъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, понуривъ голову, и крупныя слезы текли по его обрюзглымъ щекамъ.

— Скончалась! скончалась!—твердилъ онъ.

— Ну, полно!—сказала Амалія Ивановна:—Чтò же дѣлать! вѣдь у нея чахотка была.

— Да, да, чахотка,—согласился онъ.

— Когда же это можетъ тѣло прибыть?—сама съ собой вслухъ соображала Амалія Ивановна.—Надо будетъ комнаты тамъ, наверху, теперь же протопить, а то сыро будетъ. Чтò же?—обратилась она къ Павлу Матвѣевичу:—какія комнаты приготовить? Вѣдь не весь же верхъ? Она одна пріѣдетъ?

— Конечно, одна,—повторилъ онъ.—Князь не можетъ, куда же ему. Вѣдь онъ съ весны совсѣмъ не ходитъ—тебѣ въ Москвѣ еще Ванюша говорилъ.

— Можетъ, ему лучше теперь.

— Ну, гдѣ ужъ лучше!—махнулъ рукой старикъ:—всѣ мы въ могилу смотримъ!

— Ахъ, полно, Павелъ Матвѣевичъ!—прикрикнула на него

Амалія Ивановна.—Ты лучше подумай, какъ это все устроить! Вѣдь надо приготовить катафалкъ. Ты не забудь, вѣдь съ желѣзной дороги ее везти пятнадцать верстъ, хорошо какъ снѣгъ выпадетъ или подмерзнетъ до тѣхъ поръ, а то въ такую грязь—какъ вы повезете гробъ? Вѣдь онъ будетъ металлическій, тяжелый.

— Ахъ, да!—все твердилъ Синякинъ:—да! голубушка моя, какъ по такой дорогѣ повеземъ мы тебя!..

VII.

Надежды Амаліи Ивановны не сбылись: снѣгъ не выпалъ и не подмерзло. По жидкой грязи пришлось везти тѣло баронессы. Павелъ Матвѣевичъ самъ выѣхалъ встрѣтить его, суетился, кричалъ, бѣгалъ кругомъ дрогъ, пока на нихъ поставили тяжелый ящикъ съ гробомъ; потомъ въ тарантасѣ сопровождалъ его. Цѣлыхъ три часа ѣхали они эти пятнадцать верстъ, отъ станціи до Березенокъ. Павелъ Матвѣевичъ выѣхалъ изъ дому въ самомъ мрачномъ расположеніи духа. Онъ не любилъ суеты, и кромѣ того онъ искренно горевалъ о женщинѣ, съ которой прожилъ столько лѣтъ бокъ-о-бокъ, женщинѣ, внушившей ему, можетъ быть, единственную нѣжную привязанность въ его жизни. Жену свою онъ уважалъ, любилъ, но это было не то: Амалія Ивановна никогда не внушала ему того поэтичнаго, сладкаго чувства, которое онъ питалъ къ этой милой, безпомощной, несчастной вдовѣ, бывшей столько лѣтъ на его попеченіи. Ѣхавъ по слякоти на станцію, онъ переживалъ мысленно тѣ годы, когда онъ, бывало, усталый отъ дневной работы, накричавшись вдоволь съ работниками, выгнанный изъ своего помѣщенія мытьемъ половъ и вѣчнымъ выбиваніемъ пыли изъ мебели и звонкимъ, пронзительнымъ голосомъ Амаліи Ивановны, распоряжающейся этою постоянною уборкою комнатъ, уходилъ черезъ оврагъ въ сѣренькій домикъ къ баронессѣ и находилъ ее сидящею въ глубокомъ креслѣ, граціозно закутанною черными кружевами, окруженною цвѣтами. Какъ мило она подавала ему руку, усаживала его противъ себя и своимъ тихимъ, симпатичнымъ голосомъ начинала разсказывать ему какой-нибудь вздоръ, прочитанный ею въ послѣднемъ романѣ, или вспоминала о прежней жизни въ Петербургѣ, или наконецъ просто жаловалась на свое здоровье, на скуку, сѣтовала на судьбу, забросившую ее въ эту трущобу; она дѣлала все это такъ мило, умѣла внушить къ себѣ такую

жалость, что онъ, убаюканный ея тихимъ лепетомъ, забывалъ свои хлопоты, непріятности, всѣ хозяйственныя дрязги и наслаждался близостью граціозной, милой женщины.

Сидя въ тарантасѣ и вспоминая все это, Павелъ Матвѣевичъ не разъ отеръ слезы, катившіяся изъ его глазъ, и громко сморкался. На станціи, только-что онъ пріѣхалъ, ему подали телеграмму. Она была отъ его сына, доктора: тотъ телеграфировалъ ему, что онъ сопровождаетъ княгиню въ Березенки и проситъ прислать за нимъ, одновременно съ каретой за княгиней, тарантасъ для него. Это извѣстіе разомъ подняло духъ старика.

— Ванюша, Ванюша сегодня съ княгиней пріѣдетъ!—возвѣстилъ онъ женѣ, какъ только увидалъ ее на церковной паперти, гдѣ она съ духовенствомъ и дворней встрѣчала тѣло баронессы. Амалія Ивановна очень удивилась и, конечно, обрадовалась.

Ясно, что старый князь не хотѣлъ отпустить молодую жену свою одну въ такую дальнюю дорогу и попросилъ Ванюшу ѣхать съ нею.

— Но,—удивилась Амалія Ивановна,—я не знала, что онъ бываетъ у князя. Прежде, когда онъ еще студентомъ былъ, онъ даже нѣсколько разъ обѣдалъ у него... а теперь, я не знала...

Она была внѣ себя отъ радости. Панихида, пропѣтая священникомъ, какъ только гробъ былъ поставленъ на приготовленное среди церкви мѣсто, прошла для нея совсѣмъ не грустно. Какъ только пропѣли „Со святыми упокой“, она ушла домой, чтобы приготовить комнату для сына. „Гдѣ положу я его“?—вертѣлось въ ея головѣ все время службы. Комната молодого Синякина, гдѣ онъ жилъ ребенкомъ и всегда останавливался, когда пріѣзжалъ впослѣдствіи, теперь, по его настоянію, была отдана маленькой Лизѣ. Это была большая, свѣтлая комната, съ окнами на югъ. Тутъ стояла теперь маленькая желѣзная кроватка, присланная Иваномъ Павловичемъ изъ Петербурга для ребенка. Тутъ же спала и кормилица. Полная, степенная Авдотья, какъ звали ее, сидѣла у стола съ дѣвочкой на колѣняхъ, когда Амалія Ивановна вошла въ дѣтскую, вернувшись изъ церкви. На столѣ были разставлены каучуковыя свинка и коза, и кормилица старалась занять ими шестимѣсячную Лизу.

— Вотъ свинка, свинка, хрю, хрю!—говорила она, постукивая свинкой о столъ.

Дѣвочка не обращала никакого вниманія на свинку; она сосредоточенно сосала свой пухлый кулачокъ, и какъ только Амалія Ивановна вошла, вынула его изо рта и потянулась къ ней.

Но Амалія Ивановна не взяла ребенка: ей было некогда.

— Кормилица, знаешь,—сказала она,—нашъ Иванъ Павловичъ сегодня съ княгиней пріѣдетъ.

— Ну! — весело отозвалась кормилица, поднимая захныкавшую дѣвочку высоко надъ головой: — слышь, слышь, крестный нашъ пріѣдетъ!—говорила она ей:—крестный папаша нашъ пріѣдетъ!

Амалію Ивановну покоробило, что кормилица называетъ Ванюшу папашей, но она ни слова не сказала и вышла. Черезъ нѣсколько минутъ послышался ея звонкій голосъ и стукъ передвигаемой мебели: Амалія Ивановна, съ горничной, приготовляла комнату сыну за столовой.

Поздно вечеромъ пріѣхала княгиня и молодой Синякинъ. Онъ, въ посланномъ за нимъ тарантасѣ, подъѣхалъ прямо къ крыльцу помѣщенія управляющаго, а дормезъ, въ которомъ ѣхала Лида съ Ѳеней, подъѣхалъ къ главному подъѣзду, гдѣ въ освѣщенной изнутри и настежь открытой двери стоялъ Павелъ Матвѣевичъ, лакей-нѣмецъ, пріѣхавшій изъ-за границы съ тѣломъ баронессы, и старикъ дворецкій, жившій всегда при березенскомъ домѣ. Съ козелъ соскочилъ петербургскій выѣздной лакей, сопровождавшій княгиню; всѣ бросились открывать дверцу кареты, и Лида легко вошла на ступени крыльца.

— Милости просимъ, милости просимъ, дорогая наша княгинюшка!—заговорилъ Павелъ Матвѣевичъ.—Сюда, сюда, ваше сіятельство, извольте наверху раздѣться: какъ ни топили, а тутъ свѣжо, сыровато.

— Здравствуйте, Павелъ Матвѣевичъ,—протянула ему руку Лида:—не безпокойтесь, вы лучше подите къ себѣ. Иванъ Павловичъ прямо туда, къ вашему крыльцу подъѣхалъ.

— Я сейчасъ, сейчасъ, лишь васъ наверхъ провожу.

— Да, право, я одна дорогу найду, ступайте, а то Амалія Ивановна одна его принимаетъ.

И Лида, улыбаясь, остановилась на средней площадкѣ лѣстницы и махала рукой на старика. Лакей принялъ ея ротонду, и она, вся въ черномъ, стройная, немного похудѣвшая и поблѣднѣвшая, съ тѣхъ поръ, какъ оставила Березенки, но съ чѣмъ-то болѣе мягкимъ, женственнымъ во взорѣ, казалась выше, чѣмъ была прежде, и красота ея, болѣе тонкая, изящная, дѣлала ее еще привлекательнѣе. Она прошла сейчасъ же съ Ѳеней въ свою спальню и туда спросила себѣ чай; отказавшись отъ приготовленнаго ей ужина, она велѣла сказать управляющему, что легла

спать и проситъ его не безпокоиться и къ ней до утра не приходить...

— А ты похудѣлъ, — говорила Амалія Ивановна, съ гордостью смотря на сына черезъ самоваръ, за которымъ разливала чай:—ты здоровъ?

— Здоровъ, мамаша,—улыбнулся Иванъ Павловичъ: — что мнѣ дѣлается.

— И какъ же это случилось, что ты съ княгиней пріѣхалъ?— спрашивалъ его отецъ.

— Да очень просто: князь боялся ее отпустить одну и просилъ меня ее проводить.

— Я не знала, что ты бываешь у нихъ,—сказала мать.

— Бываю, иногда,—нѐхотя отвѣчалъ онъ.—А что Лизочка?

— Ахъ, какая красавица дѣлается!—сказалъ старикъ.

— У нея два зуба прорѣзались, — объявила Амалія Ивановна.—Все жаръкъ да жаръкъ по вечерамъ; по ночамъ плакала; я даже хотѣла за докторомъ уже послать... а потомъ все прошло, ни жару, ничего... вдругъ, смотрю, а у нея два зубка нижнихъ торчатъ.

— Ну, что у васъ тамъ въ Петербургѣ новенькаго?—спрашивалъ отецъ, желая, можетъ быть, замять разговоръ о ребенкѣ, чтобы не конфузить сына:—что у васъ тамъ говорятъ о новомъ министерствѣ: будто отдѣльное министерство земледѣлія учреждаютъ? Я думаю, это пустое...

На другой день была заупокойная обѣдня, отпѣваніе и похороны. Въ церкви собралось довольно много народу и все, что было интеллигенціи въ Березенкахъ: школьная учительница стояла во главѣ своихъ учениковъ и ученицъ школы, учрежденной Лидою въ первые мѣсяцы ея замужества. Дѣти очень мило пропѣли заупокойную молитву. Амалія Ивановна стояла въ удивительно высокой и заостренной черной шляпѣ. Павелъ Матвѣевичъ то-и-дѣло утиралъ глаза и сморкался. Урядникъ строго посматривалъ на толпу бабъ и кивалъ имъ головой, чтобы онѣ не тѣснились къ гробу. Лида стояла съ кроткимъ и яснымъ выраженіемъ въ ея синихъ глазахъ; изъ нихъ неудержимо капали слезы. Молодой Синякинъ стоялъ по ту сторону церкви и старался не смотрѣть на Лиду.

Когда гробъ былъ опущенъ въ могилу и послѣдняя горсть земли брошена въ нее, Лида подошла къ Амаліи Ивановнѣ и безъ словъ пожала ей руку: она не могла говорить, она плакала. Потомъ она пошла къ дому. Церковь была всего шагахъ

во ста отъ воротъ и къ нимъ вела вымощенная камнями дорожка, такъ что можно было пройти не загрязнившись.

Старикъ управляющій пошелъ рядомъ съ ней.

— Тяжело мнѣ хоронить ее,—сказалъ онъ.

— Да, Павелъ Матвѣевичъ, вы всегда были такъ добры къ ней и ко мнѣ,—сказала Лида.

— Только бы теперь и жить ей да радоваться на васъ,—опять сказалъ онъ.

Лида вздохнула.

— А что̀ ихъ сіятельство, князь-то нашъ, какъ себя чувствуютъ?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Все то же, — отвѣчала Лида, не поднимая глазъ отъ земли:—ноги не ходятъ... Прощайте, Павелъ Матвѣевичъ, я къ себѣ пойду, а вы ступайте домой: вѣдь вамъ не долго наслаждаться обществомъ Ивана Павловича. Сегодня вечеромъ я опять увезу его отъ васъ.

— Да, да, знаю,—вздохнулъ старикъ:—только и видѣли мы васъ.

— Что̀ дѣлать!—сказала Лида и вошла на крыльцо.

Синякины обѣдали всегда въ часъ.

— Гдѣ Ванюша?—спрашивала Амалія Ивановна.—Супъ на столѣ, а его нѣтъ. Куда онъ дѣвался?

— Извините, мамаша,—сказалъ, входя въ столовую, Иванъ Павловичъ.

— Да гдѣ ты былъ? Я давно ищу тебя,—сказалъ отецъ.

— Я былъ тамъ, наверху, — отвѣчалъ сынъ, и прибавилъ тише, обращаясь къ Амаліи Ивановнѣ:—Мамаша, княгиня придетъ потомъ посмотрѣть Лизу; она придетъ въ три часа; вы ушлите кормилицу куда-нибудь.

— Зачѣмъ ей понадобилось ребенка смотрѣть? — съ сердцемъ проговорила Амалія Ивановна:—и зачѣмъ кормилицу отсылать? Что-жъ, съѣстъ она ее, что-ли? Кормилица какъ кормилица, ничуть не хуже кого-другого: зачѣмъ я ее отошлю?..

Иванъ Павловичъ опустилъ глаза и поспѣшно ѣлъ свой супъ.

— Я думалъ, такъ лучше,—несмѣло сказалъ онъ.

Наступило неловкое молчаніе.

— А князю, видно, не лучше,—всегда желая замять непріятный разговоръ, началъ старикъ.

— Да, у него параличъ ногъ,—отвѣчалъ молодой докторъ.

Амалія Ивановна, хотя и ворчала, но все же, подъ какимъ-то предлогомъ, выслала кормилицу, когда въ три часа молодая княгиня, черезъ крытую галерею, прошла изъ большого дома во

флигель, гдѣ жили Синякины. Иванъ Павловичъ дожидался ее въ корридорѣ и провелъ въ дѣтскую. Амалія Ивановна сидѣла на широкой оттоманкѣ, и рядомъ съ ней, подвернувъ подъ себя одну ножку, въ бѣленькомъ пикѐ платьицѣ, обшитомъ узенькой вышивкой, сидѣла Лиза и хлопала своей крохотной ладонью по сухой и желтой ладони Амаліи Ивановны.

— Вы мнѣ позвольте посмотрѣть ее, — сказала Лида: — я такъ люблю дѣтей!—и она подошла къ дивану и стала на колѣни передъ ребенкомъ. Амалія Ивановна встала. Дѣвочка надула губки и потянулась за Амаліей Ивановной; но Лида показала ей свою браслетку съ висящимъ на ней медальономъ, и ребенокъ протянулъ къ ней ручки, желая взять блестящій предметъ. Лида, взявъ на руки дѣвочку, сѣла на диванъ, въ одной рукѣ тряся браслетъ, а другою нѣжно прижимая къ груди своей Лизочку.

— Иванъ Павловичъ, — проговорила Лида, — посмотрите, какая она прелесть!—голосъ ея немного дрожалъ.

Иванъ Павловичъ, вошедшій за Лидой, подошелъ теперь къ ней и, присѣвъ тоже на самый край дивана, нагнулся надъ ребенкомъ. Серьезно и молча смотрѣлъ онъ то на ребенка, то на молодую женщину. Голова его закружилась: онъ видѣлъ, чувствовалъ рядомъ съ собой ту Лиду, что̀ онъ любилъ прежде, онъ былъ съ нею въ комнатѣ, гдѣ онъ всегда жилъ, гдѣ столько мечталъ о ней, гдѣ столько разъ видѣлъ ее во снѣ; она была тутъ, рядомъ съ нимъ, и на ея колѣняхъ лежалъ ребенокъ, ребенокъ, принадлежащій теперь ему; онъ пошатнулся; не сознавая, что̀ онъ дѣлаетъ, голова его склонилась къ ея колѣнямъ, и онъ поцѣловалъ пухлую щечку дѣвочки. А изъ глазъ молодой княгини неудержимо капали крупныя слезы. Амалія Ивановна во всѣ глаза смотрѣла на нихъ, потомъ отвернулась и вышла.

Вечеромъ княгиня, сопровождаемая опять молодымъ докторомъ, уѣхала. Павелъ Матвѣевичъ, изъ почтенія къ ней и чтобы побыть подольше съ сыномъ, поѣхалъ съ ними до станціи. Онъ вернулся поздно, усталый, разбитый, и сейчасъ прошелъ въ свою спальню, раздѣлся и легъ. Амалія Ивановна возилась что-то въ дѣтской. Немного погодя, она вошла въ спальню. Она была въ ночной кофтѣ и ватной пестрой юбкѣ, со свѣчой въ рукѣ. Молча подошла она, все еще держа свѣчу, къ кровати мужа. Онъ посмотрѣлъ на нее и замѣтилъ, что она блѣднѣе обыкновеннаго и что рука, держащая подсвѣчникъ, дрожитъ.

— Что̀ съ тобой?—спросилъ онъ ее.

— Павелъ Матвѣевичъ,—проговорила дрожащимъ голосомъ

Амалія Ивановна и, поставивъ свѣчу на ночной столикъ, закрыла лицо руками и сѣла на кровать мужа. — Павелъ Матвѣевичъ! Знаешь, вѣдь Лизочка-то ихъ дочь.

— Чья ихъ?—спросилъ пораженный старикъ.

— Ихъ, ихъ,—Ванюшина и ея, княгини, Лидіи Александровны...

— Что ты! Богъ съ тобой!

— Да, да, — сдавленнымъ шопотомъ говорила Амалія Ивановна:—я видѣла, сама видѣла, какъ она плакала надъ ребенкомъ, а онъ нагнулся къ ней и ребенка поцѣловалъ. А теперь кормилица мнѣ сказала: она Ѳеню узнала. Ѳеня къ нимъ, то-есть, къ Ванюшѣ, на квартиру ребенка-то привезла...

Павелъ Матвѣевичъ ничего не отвѣтилъ. Онъ лежалъ, сдвинувъ свои пушистыя брови, и смотрѣлъ куда-то въ уголъ комнаты; а жена его все сидѣла на его постели и утирала свои вдавленные маленькіе глазки. Свѣча, забытая ими, догорала на ночномъ столикѣ.

VIII.

— Вмѣсто того, чтобы ѣхать хоронить свою развратную мать, лучше бы съ больнымъ мужемъ сидѣла! — ворчала генеральша, теперь лишь узнавшая отъ кого-то прошлое покойной баронессы Мюльбахъ.

Съ княземъ, въ отсутствіе Лиды, сдѣлался второй ударъ, почти такой же, какъ и первый, случившійся съ нимъ въ Тараспѣ, слишкомъ годъ тому назадъ. Но тогда онъ быстро оправился, а теперь продолжалъ лежать: у него отнялась вся лѣвая сторона.

Когда Лида вернулась, она, найдя мужа въ такомъ положеніи—растерялась. Она была совсѣмъ одинока: у нея никого не было. Что будетъ дѣлать она, если умретъ онъ? И во всякомъ случаѣ, мелькнуло въ ея головѣ, у него есть сынъ; я не имѣю права мѣшать имъ обоимъ провести вмѣстѣ послѣднія минуты жизни старика. Но выписать князя Дмитрія ей было страшно, тѣмъ болѣе страшно, что она чувствовала, что, помимо воли своей, ее всю охватывало радостью при одной мысли, что она опять можетъ увидать его.

Между тѣмъ, генеральша, не сказавъ никому ни слова, уже телеграфировала племяннику. „Нельзя ее оставить одну съ разслабленнымъ старикомъ, — рѣшила она: — кто знаетъ, что она можетъ заставить его сдѣлать“?

Пока Лида боролась сама съ собой, не зная, какъ поступить, ей подали телеграмму изъ Парижа: „Dois-je venir? Madi“, прочла она. Вся кровь ея отлила отъ сердца; она испугалась и, сама не сознавая хорошо, чтò дѣлаетъ, тутъ же схватила перо и написала: „Votre père va mal, venez“ —и подписалась: „Lida“. Написанную ею телеграмму человѣкъ отнесъ, а она, съ бьющимся сердцемъ, вся блѣдная, ушла въ спальню и въ первый разъ въ своей жизни, съ настоящей молитвой на побѣлѣвшихъ губахъ, упала передъ образомъ: „Боже, Боже,—твердила она,—помоги мнѣ, поддержи меня“... И вдругъ ей стало совѣстно. Какъ можно обращаться къ Богу съ такою мольбой! Она должна сама знать, чтò ей дѣлать... На другой день, рано утромъ, ей подали опять телеграмму. Въ ней было лишь одно слово: „Выѣзжаю“. Она распорядилась, чтобы приготовили комнаты внизу, гдѣ молодой князь всегда жилъ, когда бывалъ въ Петербургѣ, и стала ждать. И чѣмъ ближе подходила минута свиданья съ нимъ, тѣмъ она дѣлалась болѣе нервною. „Неужели я все еще люблю его“? твердила она мысленно, сидя у постели больного. И не то страхъ, не то радость, сдавливали ей сердце.

Былъ седьмой часъ вечера. Князь заснулъ, а Лида сидѣла въ своемъ будуарѣ, дожидаясь обѣда.

По мягкимъ коврамъ амфилады комнатъ шаговъ почти не было слышно, но вдругъ, за полуотворенной дверью, она услышала голосъ:

— Не надо докладывать, я самъ найду княгиню.

Вся кровь прилила къ ея сердцу; что-то вздрогнуло въ ней, и страшная, неудержимая радость схватила ее. Она узнала этотъ голосъ. Какъ долго не слыхала она его! Ей казалось, она уже не помнила этого голоса; но стоило ему коснуться ея слуха, и она кинулась на встрѣчу ему... Она встала и замерла на мѣстѣ.

Князь Дмитрій стоялъ въ дверяхъ и смотрѣлъ на нее.

— Наконецъ-то!—сказалъ онъ и, подойдя, поднесъ ея руку къ своимъ губамъ, а глаза его смотрѣли въ ея глаза.

Она отвернулась.

— Вашъ отецъ боленъ,—сказала она, и голосъ ея дрожалъ.

— Я хочу прежде всего знать, что ты...—и онъ за руку потянулъ ее къ себѣ.

— Дмитрій...

— Скажи, неужели ты забыла,—забыла меня, нашу любовь, мои ласки? Лида!

— Я такъ настрадалась! — произнесла она разбитымъ голосомъ.

— Скажи мнѣ все, скажи!..—и онъ прижалъ ее къ своей груди.

Поздно вечеромъ, въ тотъ же день, они опять сидѣли въ будуарѣ.

Онъ держалъ ея руку и серьезно смотрѣлъ въ ея глаза. Она плакала.

— Какъ могла ты не написать мнѣ? — говорилъ онъ.— Одной пройти черезъ такую пытку! Скрыть, отдать ребенка!

— Что же могла я сдѣлать?—спрашивала она.

— Выписать меня.

— Но что же бы ты сдѣлалъ? Что бы ты могъ сдѣлать?

— Я никогда не допустилъ бы тебя—скрыть ребенка.

— Да какъ же?

— Очень просто: ты замужняя женщина—ребенокъ законный.

Лида съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Какъ? Да кто же бы повѣрилъ, что ребенокъ можетъ быть его?

— Никто не имѣетъ права думать иначе, — холодно отвѣчалъ молодой князь.

— А онъ самъ?—ужаснулась Лида.

— Э! старика можно во всемъ увѣрить...

— Дмитрій, это нехорошо, что ты говоришь,—строго сказала она.

— Нехорошо? А хорошо пройти черезъ то, черезъ что ты прошла?

— Это моя вина. Я была виновата, мнѣ слѣдовало и нести кару...

— Кару? за что? За то, что я люблю тебя? За то, что я тебя, бѣднаго, беззащитнаго ребенка, брошеннаго на поруганіе старику, заставилъ отдаться мнѣ?

— Дмитрій, не говори такъ!—шептала она.

— Что же я долженъ говорить? Долженъ я молчать и сложа руки смотрѣть на твои страданія?

— Дмитрій, но это была бы ложь!

— А скрыть ребенка—развѣ это не ложь?

— Ахъ, не упрекай меня! Что же я могла сдѣлать?

— Милая, я не упрекаю тебя. Я говорю лишь, что и то, и другое было бы ложью. Тебѣ приходится быть виноватой—передъ кѣмъ? Передъ старикомъ, съ которымъ ты связана, или передъ самой собой, передъ своимъ ребенкомъ? Такъ пусть уже онъ, старикъ, сгубившій тебя, несетъ на своихъ плечахъ кару за преступленіе, сдѣланное имъ.

— Дмитрій, не говори такъ!

Онъ сѣлъ къ ея ногамъ, на кушетку, его сильныя руки охватили ее, его темные, загорѣвшіеся страстью глаза впились въ ея глаза.

На слѣдующее утро молодой князь сидѣлъ у постели своего стараго отца. Тотъ лежалъ блѣдный, съ блѣдными руками поверхъ одѣяла. Лѣвая рука висѣла безжизненная, точно мертвая; правой онъ медленно разглаживалъ одѣяло. Стеклянные глаза его были устремлены на сына. Поодаль сидѣла генеральша и смотрѣла въ окно. Лиды не было въ комнатѣ.

— Я радъ, что ты пріѣхалъ,—говорилъ старый князь, медленно шевеля языкомъ и стараясь ясно выговаривать каждое слово:—я радъ; а то она одна, молода, дѣлъ не понимаетъ. Она останется одна, у нея никого нѣтъ...

У окна генеральша повела плечомъ, и ея шолковое платье зашелестило.

Князь продолжалъ:

— Я бы желалъ... Березенки... она любитъ ихъ, старый домъ и все... тамъ ея мать похоронили, и меня вы схороните тамъ... Я бы хотѣлъ, чтобы Березенки достались ей... Я считалъ: это составитъ даже немного меньше седьмой части; по закону ей слѣдуетъ седьмая часть...

Молодой князь разглаживалъ свои черные усы и смотрѣлъ отцу въ глаза.

— Что́ же, батюшка, это очень просто,—сказалъ онъ:—если хотите сдѣлать завѣщаніе, я сейчасъ пошлю за нотаріусомъ...

— Этого нельзя, по закону,—опять заговорилъ старикъ:—Березенки—родовое; лишь въ пожизненное можно бы оставить, а я хочу совсѣмъ...

— Во всякомъ случаѣ это можно устроить,—отвѣчалъ князь Дмитрій:—я узна̀ю—какъ. Но вѣдь единственный наслѣдникъ—я. Надѣюсь, вы считаете меня честнымъ человѣкомъ; я даю вамъ слово сдѣлать все такъ, какъ вы желаете, и, конечно, ничего не буду отнимать у нея...

— Благодарю... Ты не знаешь, какой она ангелъ!—сказалъ старикъ и закрылъ глаза; онъ видимо утомился.

Черезъ нѣсколько минутъ, молодой князь провожалъ генеральшу—она уѣзжала.

Въ билліардной она остановилась и, утирая выступившія слезы, обернулась къ племяннику.

— Твой несчастный отецъ!—проговорила она:—и лишь одна мысль у него объ этой... pour cette oie...

— Развѣ она гусь, тетушка?—какъ будто серьезно спросилъ онъ.

Она махнула рукой.

— Ахъ, Дмитрій, вѣрь мнѣ, что никто тебѣ не сочувствуетъ такъ, какъ я! Жениться въ его годы, на дѣвчонкѣ! и на комъ! Я лишь теперь, недавно, узнала: представь, ея мать была la première dévergondée...

— Ай, ай, ай!—серьезно, качая головой, проговорилъ племянникъ.

— Ты не слышалъ этой исторіи? Этой, дочери-то, было тогда три или четыре года. Ея отецъ, qui était un homme d'honneur, засталъ жену, мать ея, съ его же товарищемъ, другомъ, и застрѣлилъ его, а потомъ и себя...

— Скажите!—продолжалъ все ужасаться князь Дмитрій.— Скажите, ma tante, а какого мнѣнія объ этой histoire ancienne ваша пріятельница, Марія Владиміровна?

Генеральша вспыхнула:

— Я не вижу, при чемъ мнѣніе Marie!—задыхаясь, отвѣтила она.

— Да ни при чемъ собственно,—отвѣчалъ князь:—меня лишь интересуетъ ея мнѣніе въ такомъ дѣлѣ.

Марія Владиміровна была закадычная пріятельница и кузина генеральши; она, доживъ, уважаемая всѣми, до старости, имѣла дѣтей не отъ одного мужа.

— Прощай, другъ мой!—внѣ себя заговорила тетушка:— Если тебѣ нравится, что тебя обираютъ для этой дѣвчонки, это —твое дѣло.

— Да, chère tante,—отвѣчалъ князь, подавая руку ей, чтобы свести ее съ лѣстницы:—это—мое дѣло.

Для Лиды начались странные и страшные дни: старикъ все ослабѣвалъ и, за-одно съ физическими силами, утрачивалъ понемногу и умственныя способности, а также и всѣ свойства своего характера. Онъ, всегда такой деликатный со всѣми и особенно съ женою, сталъ теперь требовать, чтобы она всѣ дни проводила около него. Она, чувствуя больше, нежели когда-нибудь, свою вину передъ нимъ, задыхалась въ атмосферѣ комнаты больного. Вырвавшись изъ объятій сына, она шла сидѣть около умирающаго отца. „Какая ложь, какая ложь“!—твердила она себѣ, подавая ему стаканъ воды или наливая лекарство: онъ лишь изъ ея рукъ принималъ его. Усталая, разбитая, приходила она вечеромъ къ себѣ, а тамъ ее уже дожидался князь Дмитрій. „Я бы должна была выгнать его“,—говорило въ ней то, что̀ мы называемъ совѣстью... Но лишь только она видѣла его, она за-

бывала все и бросалась въ его объятія. Больше того,—въ то время, какъ она сидѣла у постели стараго мужа своего, всѣ мысли ея были поглощены его сыномъ...

IX.

— Въ ея положеніи ѣхать въ Березенки съ тѣломъ—большой рискъ, — говорилъ спокойнымъ, твердымъ голосомъ князь Дмитрій.

Онъ сидѣлъ въ билліардной, на узкомъ диванѣ, противъ старушки генеральши, а та смотрѣла на него, вытаращa свои большіе, выцвѣвшіе старческіе глáза, видимо не понимая, чтò говоритъ ея племянникъ.

Въ открытое окно врывались горячіе лучи іюльскаго солнца, сквозя въ щели спущенной бѣлой сторы, и вѣтеръ тихо колыхалъ ее.

Старый князь, наконецъ, скончался. Десять мѣсяцевъ онъ лежалъ безъ языка, почти безъ движенія,—онъ измучилъ всѣхъ: жену, прислугу. Его даже не могли перевезти на дачу, какъ въ прошломъ году; а жаркое лѣто въ городѣ изнуряло молодую княгиню. Конечно, она не оставила мужа, молодой князь не оставилъ отца, и всѣ они провели лѣто въ петербургскомъ домѣ на набережной. Генеральша, переѣхавшая, какъ всегда, въ Царское, пріѣзжала очень рѣдко навѣстить брата. Онъ не узнавалъ никого, кромѣ Лиды, и лишь мычаніемъ выражалъ неудовольствіе, когда она отходила отъ его постели. Наконецъ, онъ умеръ. Невольно всѣ облегченно вздохнули. Сегодня, въ два часа, была первая панихида. Съѣхалось довольно много знакомыхъ. Генеральша тоже пріѣхала. Она очень утомилась жарой и службой и теперь присѣла съ племянникомъ въ билліардной, дожидаясь часа отхода поѣзда въ Царское.

— Я не понимаю, мой другъ, — сказала она, — о чемъ ты говоришь! Чтò хочешь ты сказать?

— Я говорю,—такимъ же спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ племянникъ,—что княгиня Лидія Александровна, въ ея положеніи, рискуетъ здоровьемъ, поѣхавши съ тѣломъ батюшки въ Березенки, какъ она это намѣревается сдѣлать.

— Въ какомъ положеніи?—спросила генеральша очень строго: —я не понимаю тебя.

— Она беременна, ma tante,—отвѣчалъ князь.

— Она беременна?..

— Да; я думалъ, вы это видите сами.

— Она беременна... какимъ образомъ?..

— Ея мужъ умеръ вчера, а по нашему закону ребенокъ, родившійся 306 дней послѣ смерти мужа, считается законнымъ...

— Elle ne pourra pas faire accroire, — воскликнула генеральша, и голосъ ея дрожалъ,—que votre père ait pu avoir un enfant!..

— Это все равно, тетушка, — очень спокойно продолжалъ князь:—на это законъ есть...

— Et vous vous laisserez voler этой развратной дѣвчонкой? —уже кричала генеральша.

Князь пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Да кто? кто?—говорила старуха:—un valet quelconque?

— Тетушка!—строго и серьезно остановилъ ее князь.

— C'est vous, peut-être?.. — въ ярости и ужасѣ спросила она князя.

Тотъ молчалъ и кусалъ кончикъ своего уса.

Генеральша встала и выпрямилась. Она, казалось, выросла.

— Прощай, мой другъ,—сказала она:—моя нога не будетъ больше въ этомъ домѣ!—и вдругъ слезы выступили на ея глазахъ:—Вы осквернили этотъ домъ! Его домъ! Бѣдный мой братъ!

И она поднялась.

— Вы принимаете все это очень трагично, — проговорилъ князь Дмитрій.

— А какъ же, по твоему, я должна это принять?—остановившись и обернувшись къ нему, сказала старуха.

— Посмотрите кругомъ, тетушка,—отвѣчалъ онъ:—то, чтò вы называете нравственностью, почти не существуетъ. Даже съ вашей точки зрѣнія, предположивъ, что безнравственно жить внѣ брака, скажите, сколько въ вашемъ свѣтѣ дѣлается такихъ безнравственныхъ вещей?

— Можетъ быть! Можетъ быть! Я не спорю съ тобой... но жить съ кѣмъ?!..

— Можетъ быть, мужъ никогда и не былъ ея мужемъ,—прервалъ ее князь.

— Это все равно, я этого не знаю и знать не хочу... Правду говорятъ, яблоко отъ яблони недалеко падаетъ... Ахъ, Боже мой, Боже мой!..

И старуха опять пошла къ двери.

— Я пріѣду на отпѣваніе,—сказала она,—и затѣмъ никогда, никогда больше не войду сюда,—и она опять заплакала,—въ домъ моего брата, честнаго, добраго и несчастнаго моего брата!

Она вышла на лѣстницу. Князь молча проводилъ ее до сѣней.

Лида рѣшила ѣхать съ тѣломъ.

— Если я умру, тѣмъ лучше,—сказала она въ отвѣтъ на увѣщанія князя Дмитрія:—ребенокъ умретъ, и это тоже тѣмъ лучше!

И она плакала.

Князь смотрѣлъ на нее и на ея слезы, какъ смотрятъ сильные мужчины на слезы слабыхъ, милыхъ имъ женщинъ. Ея терзанія дѣлали ее въ его глазахъ лишь женственнѣе, привлекательнѣе. Онъ очень рѣдко объяснялъ ей свои циническія теоріи и взгляды на то, что̀ она называла своимъ паденіемъ, а онъ—естественнымъ слѣдствіемъ неестественныхъ приличій. Онъ, противорѣча своимъ, однако, взглядамъ, на практикѣ не былъ поклонникомъ равноправности женщинъ и мужчинъ: ему въ женщинѣ всегда нравилась ея слабость, наивность и безпомощность. Къ тому же слезы очень шли Лидѣ. Онѣ текли изъ ея глазъ безъ усилій; она не гримасничала, когда плакала. Лицо ея лишь становилось блѣднѣе, и слезы тихо, одна за другой, капали съ ея длинныхъ рѣсницъ.

— Я должна исполнить этотъ мой послѣдній долгъ,—говорила она:—онъ не отпускалъ меня отъ себя всѣ эти мѣсяцы, и пока его не похоронятъ, я буду у его тѣла,—говорила она, и они оба, и жена и сынъ, повезли тѣло стараго князя въ Березенки.

Стояли жары. По пыльной дорогѣ, окаймленной желтыми, на половину сжатыми уже нивами, точно какъ три года тому назадъ, когда князь ѣхалъ въ свое старое помѣстье, гдѣ узналъ и полюбилъ Лиду, теперь по той же дорогѣ везли на высокихъ дрогахъ его тѣло со станціи въ березенскую церковь.

Много народа вышло встрѣчать покойника. За гробомъ въ каретѣ ѣхала княгиня, вся въ черномъ. Рядомъ съ нею, тоже одѣтая въ черное платье, сидѣла Ѳеня. За каретой ѣхала коляска; въ ней сидѣлъ молодой князь, въ первый разъ пріѣхавшій въ эти мѣста; его французъ-камердинеръ сидѣлъ на козлахъ. Далѣе, въ тарантасѣ, ѣхалъ управляющій.

Въ церкви, уже полной народа, стояли кое-кто изъ сосѣдей, исправникъ, становой и молодой докторъ Синякинъ, гостившій у родителей уже нѣсколько недѣль. Тотчасъ же началась заупокойная обѣдня, за ней—отпѣваніе.

Когда начали прощаться съ покойникомъ, хриплый, немного визгливый и слабый голосъ послышался изъ дальняго угла церкви.

— Касатикъ мой, касатикъ, голубчикъ, проститься съ тобой пришла, родной мой...

И изъ толпы показалась сгорбленная, высохшая фигура кормилицы, Прасковьи Осиповны. Ее вела другая старуха, а она, держа палку передъ собой, постукивала ею о церковный полъ. Глаза ея, глубоко вдавленные, мигали и ничего уже не видѣли: она ослѣпла.

При тихомъ, грустномъ перезвонѣ колоколовъ, подняли тяжелый гробъ; Лида, съ поникшею головой, вышла за нимъ изъ церкви, сошла ступени паперти и, не поднимая головы, такъ что никто не могъ видѣть ея лица, простояла все время у могилы, пока засыпали ее. Потомъ молодой князь подошелъ къ ней, взялъ ее подъ руку и повелъ къ дому. Старикъ Синякинъ, скорыми, поспѣшными шагами пошелъ за ними, и всѣ трое скрылись въ дверяхъ подъѣзда большого дома.

X.

Поздно вечеромъ, въ день похоронъ, Амалія Ивановна съ сыномъ сидѣли въ своей гостиной. Она шила, а онъ сидѣлъ съ книгой, и то читалъ, то глаза его поднимались на пламя керосиновой лампы, подъ которой лежала его книга, и онъ задумывался. Мать иногда искоса посматривала на него. Оба молчали.

Старикъ Павелъ Матвѣевичъ рано легъ спать. Его утомили похороны и обѣдъ, данный послѣ службы, въ одной изъ дальнихъ комнатъ дома, духовенству и всѣмъ присутствующимъ. Молодой князь наотрѣзъ отказался быть на этомъ обѣдѣ, и управляющему пришлось замѣнить хозяина. Проводивъ послѣдняго гостя, онъ пришелъ до того усталый, что сейчасъ же, даже безъ чаю, ушелъ въ спальню. Амалія Ивановна дошивала бѣлое платьице Лизочкѣ. Она знала, что княгиня завтра же захочетъ посмотрѣть ребенка, и она хотѣла представить его во всей красѣ. Изъ Лизы вышла пухленькая, здоровая, черномазенькая дѣвочка, съ огромными сѣрыми глазами и съ щеками, покрытыми пушкомъ съ темнымъ румянцемъ, точно спѣлый персикъ. Иванъ Павловичъ много возился съ дѣвочкой: онъ часами игралъ съ нею, заставлялъ ее выговаривать разныя слова, а иногда, украдкой, прижималъ ее къ своей широкой груди и шепталъ; „моя, моя Лида“. По крайней мѣрѣ такъ показалось Амаліи Ивановнѣ, и не разъ, — онъ называлъ Лизу не Лизой, а Лидой. Но теперь Амалію Ивановну уже не ужасала мысль, что ребенокъ,

къ которому она и сама уже такъ привязалась—дочь ея сына и молодой княгини. Все то, что̀ видѣла она, лишь больше утверждало ее въ этой мысли, а материнское сердце ея, какъ сердце всякой матери, искало извиненія для сына. А теперь, съ минуты какъ пришла вѣсть о смерти стараго князя, мысль, сумасшедшая мысль, засѣла въ ея головѣ. „Если, — говорила она сама себѣ,—если они такъ любятъ другъ друга, почему же теперь имъ не жениться"? Когда Лида была бѣдная, безприданница, жившая въ сѣренькомъ домикѣ съ больною матерью, Амалія Ивановна съ ужасомъ думала о томъ, что сынъ ея можетъ жениться на этой пустой куколкѣ, какою она всегда считала Лиду; но теперь, теперь богатая вдова князя Березенскаго была совсѣмъ иная въ ея глазахъ. Амалія Ивановна все посматривала на сына и, видя его сосредоточенно сморщенныя, пушистыя брови, втихомолку улыбалась. Заговорить съ сыномъ объ этомъ предметѣ она не рѣшалась. Она знала его щепетильную честность и боялась ему намекнуть о томъ, что онъ можетъ жениться на богатой вдовѣ. „Это ея дѣло, она должна это устроить",—думала Амалія Ивановна, и сейчасъ же вспомнивъ, какъ пуста и глупа Лида, она подумала, не придется ли ей самой ловко намекнуть объ этомъ.

А Ивану Павловичу не читалось. Передъ его глазами, въ огнѣ лампы, мелькала укутанная въ черное фигура Лиды. Его опытный глазъ доктора-акушера былъ пораженъ ея перегнувшимся назадъ станомъ. А инстинктъ влюбленнаго подсказалъ ему непріязненное чувство къ молодому князю. Но все это мелькало смутно въ его умѣ. „Не можетъ быть,—говорилъ онъ самъ себѣ,—не можетъ быть, чтобы она опять была въ такомъ положеніи". И онъ не связывалъ этой мысли съ присутствіемъ князя Дмитрія. Ему лишь не понравилось, какъ не нравится всегда влюбленному, близость другого человѣка съ женщиной, которую онъ любитъ. „Зачѣмъ,—думалъ онъ,—зачѣмъ такъ фамильярно взялъ онъ ее подъ руку и увелъ домой? Какую дружбу можетъ онъ питать къ молодой вдовѣ своего старика отца"?

— Иванъ Павловичъ,—послышался въ дверяхъ голосъ горничной,—васъ наверхъ въ домъ просятъ; лакей пришелъ, говоритъ, княгиня оченно нехорошо себя чувствуютъ.

Докторъ вскочилъ.

— Что̀ такое?—спросила Амалія Ивановна:—что̀ съ ней?

— Не знаю-съ,—отвѣчала горничная,—лакей говоритъ.

— Сейчасъ иду,—отвѣчалъ Иванъ Павловичъ и прошелъ въ свою комнату, оставивъ дверь раскрытой.

— Что̀ говоритъ лакей?—спрашивала Амалія Ивановна.

— Да, должно, время пришло, — разводя руками, отвѣчала горничная.

— Какъ время пришло?—воскликнула Амалія Ивановна:—что̀ ты хочешь сказать?

— Пожалуйста, мамаша, не ждите меня,—показавшись опять въ дверяхъ, произнесъ Иванъ Павловичъ:—я, можетъ, тамъ засижусь.

И онъ ушелъ.

А мать стояла пораженная услышаннымъ отъ горничной.

Въ голубомъ будуарѣ Лиды, устроенномъ три года тому назадъ съ такой любовью старымъ княземъ, Ивана Павловича встрѣтилъ молодой князь.

— Какое счастье, докторъ, что̀ вы случились здѣсь! — сказалъ онъ, протягивая руку Синякину.—Я говорилъ княгинѣ, что рискованно на послѣднемъ мѣсяцѣ беременности ѣхать сюда: утомленіе, усталость взяли свое—и вотъ, кажется, она родитъ.

И онъ, отворяя двери передъ докторомъ, повелъ его въ спальню. Тамъ, на кровати розоваго дерева, подъ балдахиномъ выцвѣвшаго розоваго штофа, на батистовыхъ подушкахъ, вся въ кружевахъ, блѣдная, со стиснутыми губами, лежала Лида. Голова ея была откинута, а пальцы судорожно сжимали бѣлое атласное одѣяло.

— Ахъ, другъ мой, Иванъ Павловичъ, — не своимъ голосомъ и поднимая голову, говорила она, какъ только увидѣла его,—вотъ опять вы будете моимъ спасителемъ!—и она улыбнулась, однѣми губами, перекосивъ ихъ, и вдругъ, опять откинувшись назадъ, какъ-то хрипло застонала. Ѳеня, стоявшая по ту сторону кровати, бросилась къ ней.

Молодой докторъ, съ трясущейся нижней челюстью, тоже подошелъ къ кровати...

Разсвѣтало; большое красное солнце уже поднялось надъ горизонтомъ желтыхъ полей, когда Иванъ Павловичъ вышелъ отъ княгини. Князь проводилъ его черезъ террасу, по каменной бѣлой лѣстницѣ, въ садъ. Тамъ все было покрыто росой, и цвѣты на клумбахъ, отяжелѣвшіе отъ сырости, склонили свои разноцвѣтныя головки.

На убитой пескомъ площадкѣ передъ домомъ князь Дмитрій остановился и, потрясая руку доктора, сказалъ:

— Я, право, не знаю, какъ благодарить васъ и судьбу, пославшую васъ намъ въ эту минуту. Прошу васъ, передайте ва-

шему батюшкѣ о рожденіи маленькаго князя. Можетъ быть, онъ будетъ такъ любезенъ и распорядится, чтобы послали потомъ за священникомъ: кажется, если не ошибаюсь, надо молитву дать. И еще,—прибавилъ князь, смотря прямо въ глаза доктора,—я, конечно, самъ буду у вашей матушки; но пока, прошу васъ, передайте ей мою искреннюю благодарность за ея любовь и попеченіе о моей дочери. Лиза—моя дочь, какъ вы, безъ сомнѣнія, знаете. Теперь княгиня возьметъ ее и будетъ воспитывать со своимъ сыномъ.

И князь, крѣпко пожавъ еще разъ руку Ивана Павловича, повернулся и пошелъ опять по бѣлой лѣстницѣ наверхъ, а молодой докторъ все еще стоялъ и смотрѣлъ на желтый песокъ дорожки подъ своими ногами. Потомъ онъ медленно пошелъ дальше, къ низкой стеклянной двери, выходящей изъ столовой управляющаго въ садъ. Павелъ Матвѣевичъ и Амалія Ивановна уже сидѣли передъ самоваромъ и пили чай. Старикъ Синякинъ всегда вставалъ съ солнцемъ и объѣзжалъ поля въ то время, когда работники выходили на работу.

Теперь онъ, дуя на горячій чай, налитый на блюдечко, передавалъ женѣ, что молодой князь сказалъ ему вчера, что Березенки оставлены княгинѣ въ собственность. Амалія Ивановна слушала и втихомолку улыбалась.

— Ты всю ночь былъ тамъ?—спросилъ Павелъ Матвѣевичъ сына, когда тотъ показался въ дверяхъ:—Что̀ княгиня? Что̀ съ ней...

Иванъ Павловичъ, не отвѣчая, взялъ стулъ и тоже сѣлъ къ столу. Онъ былъ блѣденъ, глаза его были опущены, волосы всклокочены болѣе обыкновеннаго.

— Я тебѣ чаю налью, — сказала Амалія Ивановна:—ты измученъ.

— Да что̀ же тамъ?—опять спросилъ отецъ. Сынъ медленно поднялъ на него усталые, воспаленные глаза.

— Тамъ сынъ родился, — сказалъ онъ тихо, едва шевеля губами.

Амалія Ивановна жадными, проницательными глазами впилась въ глаза Ивана Павловича.

— Ну и что̀ же?—спросила она.

— Ничего,—отвѣтилъ онъ, опуская глаза на поданный матерью стаканъ чая и тщательно мѣшая ложечкой въ немъ:—ничего, все благополучно.—И обращаясь опять къ отцу:—я сегодня долженъ ѣхать,—сказалъ о́нъ.

— Куда?

— Да въ Петербургъ. Мнѣ пора; надо ѣхать.

— Какъ!—воскликнула Амалія Ивановна:—ты вчера еще говорилъ, что останешься недѣли двѣ... Да ты и не можешь ее оставить теперь.

— Я сказалъ имъ. Они пошлютъ въ городъ за акушеркой; да впрочемъ никого и не надо, все идетъ хорошо.

— Но, Ванюша,—продолжала Амалія Ивановна:—ты не можешь оставить ее одну—теперь!

Онъ посмотрѣлъ на мать.

— Она не одна,—князь тутъ.

— Князь! Князь! — кипятилась она.—Какое дѣло князю до нея! А ты, ты! Вѣдь ты-же... Ванюша, другъ мой, вѣдь мы знаемъ,—развѣ ты думаешь, мы не знаемъ! Кто же можетъ вообразить, что ребенокъ... Ну, да это ваше дѣло, какъ вы тамъ хотите; но Лизочка...—Амалія Ивановна задыхалась; она не умѣла, не могла, не смѣла высказать, что̀ хотѣла.

Сынъ смотрѣлъ на нее вопросительно.

— Я не понимаю, мамаша, что̀ хотите вы сказать?

— Ну, что̀, Ванюша,—началъ отецъ:—зачѣмъ ты таишься отъ насъ? Съ кѣмъ грѣха не бываетъ. Вѣдь мы же, правда, не слѣпые, развѣ мы не знаемъ, что Лизочка—ваша дочь?

— Наша?.. дочь?.. чья дочь?—съ какимъ-то испугомъ проговорилъ Иванъ Павловичъ.

— Твоя да ея, Лидіи Александровны, — дрожащимъ голосомъ, вся красная, запыхавшись, говорила Амалія Ивановна.

— Что̀ вы!..—съ ужасомъ вскричалъ докторъ.

— Ну, ну, полноте, — конфузясь, говорилъ старикъ отецъ, —ну полноте... Ванюша, голубчикъ, что̀ же, зачѣмъ ты отъ насъ скрываешь? Ванюша, вѣдь ты у насъ одинъ, ты для насъ все...

— Батюшка, объясните ради Бога,—дрожа всѣмъ тѣломъ, блѣдный, съ широко раскрытыми глазами, просилъ Иванъ Павловичъ.

— Что̀ же тутъ объяснять, что̀ скрывать?—громкимъ шопотомъ говорила мать:—вонъ даже кормилица знаетъ: она Ѳеню узнала. Кто ребенка-то, Лизочку-то, кто его къ тебѣ принесъ? Кто?

— Ну, ну, полно!—успокаивалъ ее мужъ:—полно!

— Что-жъ, отъ мужа, что-ли, въ параличѣ она теперь сына еще родила?—уже совсѣмъ расходившаяся и внѣ себя, почти кричала Амалія Ивановна.—Вы бы теперь жениться должны, грѣхъ покрыть, а не бѣжать тебѣ отъ нея...

Молодой Синякинъ, блѣдный, съ сверкающими глазами, всталъ.

— Слушайте, — какъ-то грубо и серьезно заговорилъ онъ, какъ никогда еще не говорилъ съ ними, и голосъ его дрожалъ и обрывался.—У княгини родился законный ребенокъ, сынъ. Могъ или не могъ онъ родиться отъ стараго князя, я не знаю и знать не хочу, и никто не имѣетъ права разсуждать объ этомъ. А что касается Лизочки... князь... молодой князь, т.-е. князь Дмитрій Николаевичъ, просилъ меня передать вамъ, мамаша, что онъ вамъ очень благодаренъ за ваши заботы о ней, что она—его дочь, что теперь онъ беретъ ее и будетъ она жить у княгини Лидіи Александровны, и что она будетъ ее воспитывать со своимъ законнымъ сыномъ...

Сказавъ это, Иванъ Павловичъ повернулся и пошелъ въ свою комнату. Онъ притворилъ за собою дверь, подошелъ къ своему письменному столу, сѣлъ передъ нимъ и, положивъ на него локти, уронилъ голову на руки.

— Чтò за нелѣпость!—шептали его дрожащія, блѣдныя губы: —они думали, вообразили, что я, я... Боже мой, что я... что она любитъ меня... она... несчастная, милая... Это онъ, этотъ циникъ, развратилъ ее, проклятый...

А въ столовой, какъ громомъ пораженные, молча сидѣли другъ передъ другомъ—старый управляющій и его жена.

Гр. Е. В. Т.

ОПЫТЫ
КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРІИ

— *П. Милюковъ*. **Очерки по исторіи русской культуры. Часть вторая. Церковь и школа. (Вѣра, творчество, образованіе). Спб. 1897.**

Въ свое время въ „Вѣстникѣ Европы“ указано было (въ Литературномъ Обозрѣніи) начало интереснаго труда г. Милюкова, продолженіемъ котораго является настоящая книга. Этотъ трудъ. представляетъ собою заслуживающій полнаго вниманія симптомъ въ развитіи нашей исторіографіи, и частію исполненіе тѣхъ новыхъ требованій, какія возникаютъ въ изученіи нашего прошедшаго. Трудъ г. Милюкова вызванъ именно потребностью раскрыть тотъ внутренній историческій процессъ, который въ прежнихъ историческихъ изложеніяхъ находилъ только отрывочное объясненіе во внѣшнемъ изложеніи фактовъ; читателю какъ будто самому предоставлялось искать смыслъ процесса въ томъ рядѣ внѣшнихъ явленій, описаніе которыхъ составляло „исторію“. Правда, наши историки еще со временъ Карамзина чувствовали потребность изъ-за „внѣшнихъ“ фактовъ заглянуть во внутреннюю жизнь общества и народа; но всего чаще наблюденіе внутренней жизни ограничивалось опять только такимъ же внѣшнимъ изложеніемъ фактовъ народнаго быта, нравовъ и обычаевъ, преданій и суевѣрій, образованія литературы, искусства и т. п. Отношеніе двухъ сторонъ исторіи оставалось почти простымъ сопоставленіемъ различныхъ рубрикъ историческихъ фактовъ: настоящей цѣльной исторіи жизненнаго процесса въ этомъ сопоставленіи все еще не было. Въ концѣ концовъ возникла все

болѣе настоятельная потребность найти „логику событій“, и на первый разъ исканіе этой логики направилось на объясненіе русской государственности: стараніе не осталось безуспѣшнымъ. Карамзинъ стоялъ еще на точкѣ зрѣнія, отчасти патріархальной, отчасти, такъ сказать, бюрократической, при чемъ то и другое сливалось въ общемъ сентиментальномъ тонѣ. Соловьевъ стремится стать на чисто реальную точку зрѣнія, и съ первыхъ страницъ своей исторіи останавливается на географическихъ и естественныхъ условіяхъ страны, изъ которыхъ вытекали извѣстныя формы быта; останавливается на отношеніяхъ племенныхъ, народномъ сосѣдствѣ и т. д., словомъ, на общихъ данныхъ народной жизни, которыя должны были имѣть, и дѣйствительно имѣли, реальное и наглядное вліяніе на складъ народной жизни. На эту основу ложатся потомъ вліянія историческія: норманскіе князья, византійское христіанство; развиваются родовыя и земельныя отношенія и т. д. Исторія становится объясненіемъ дѣловыхъ отношеній, государственныхъ и бытовыхъ; но еще многое, и существенно важное, остается внѣ ея: требуютъ объясненія психологическая жизнь народа, умственная, поэтическая, религіозно-нравственная; не вполнѣ объясненнымъ остается и процессъ развитія экономическаго.

Въ послѣднее время въ европейской наукѣ совершался, однако, великій поворотъ, который отразился и на исторіографіи: въ основѣ и результатахъ его было сначала инстинктивное, потомъ все болѣе сознательное стремленіе углубить историческое изслѣдованіе отъ внѣшнихъ фактовъ на внутренніе процессы народной жизни. Этому повороту содѣйствовали самыя разнообразныя причины, и ихъ вліяніе отразилось въ различныхъ направленіяхъ. Такъ дѣйствовали здѣсь философскія построенія исторіи со временъ Шеллинга и Гегеля; дѣйствовало вліяніе филологіи, которая отъ изученій языка, миѳа и поэзіи переходила къ вопросу о „психологіи народовъ“; дѣйствовало вліяніе наукъ біологическихъ, которыя ставили вопросъ объ органическомъ развитіи, борьбѣ за существованіе, естественномъ подборѣ; дѣйствовали изученія экономическія, которыя, подъ внушеніями современнаго рабочаго вопроса, переносили этотъ вопросъ въ прошедшее, распространяли его на всю исторію человѣчества и приходили къ такъ называемому экономическому матеріализму, и т. д. Рядомъ съ этимъ до небывалыхъ прежде размѣровъ развивались спеціальныя историческія изслѣдованія по всевозможнымъ отраслямъ народной жизни: по исторіи первоначальныхъ формъ быта, по исторіи государственныхъ и общественныхъ учрежденій, по исторіи ре-

лигіи (церкви и ересей), по исторіи искусства, по исторіи нравовъ и обычаевъ и т. д. Культурная исторія становится все болѣе господствующимъ интересомъ, совмѣщая—по крайней мѣрѣ въ своихъ намѣреніяхъ — въ себѣ всѣ тѣ явленія народной и общественной жизни, которыя оставались внѣ предѣловъ прежней, почти исключительно политической, исторіи.

Эти разнородныя вліянія отразились и въ нашей исторіографіи—прежде всего только въ отдѣльныхъ областяхъ исторіи. Такимъ образомъ къ прошедшимъ судьбамъ русскаго народа примѣнялись философско-историческія построенія, которыя въ сороковыхъ годахъ повели, между прочимъ, къ историческимъ спорамъ между такъ называемыми западниками и славянофилами и затѣмъ, въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ, повторяются въ теоріяхъ о провиденціальномъ назначеніи русскаго народа, которому въ концѣ концовъ приписывается наконецъ нравственное превосходство надъ всѣми народами Европы (напримѣръ, „всечеловѣчность“ Достоевскаго) и назначеніе исправить нѣкогда или вскорѣ недостатки европейской цивилизаціи. Далѣе, были перенесены къ намъ новѣйшія филологическія ученія и оказали сильное и благотворное дѣйствіе на изслѣдованіе внутренней народной жизни въ языкѣ народа, его преданіяхъ, поэтическомъ содержаніи и т. п. Изученіе бытовыхъ формъ и учрежденій, въ связи съ указанными сейчасъ направленіями исторической критики, также отразилось у насъ изслѣдованіями объ историческихъ и современныхъ формахъ народной жизни. Наконецъ, въ особенности за послѣднее время распространились, въ связи съ земскими заботами о хозяйственномъ положеніи народа, изслѣдованія экономическія и статистическія, и въ довершеніе мы видѣли въ нашей литературѣ заявленія экономическаго матеріализма, который нашелъ у насъ нѣсколько ревностныхъ послѣдователей.

Эти и другія направленія современныхъ изслѣдованій въ исторической жизни народовъ, каковы бы ни были въ отдѣльныхъ случаяхъ ихъ преувеличенія и ошибки, безъ сомнѣнія, были чрезвычайно плодотворны для развитія исторіографіи. Въ самомъ дѣлѣ предметъ ея безграниченъ; явленія исторической жизни въ высшей степени разнообразны; какой-либо историческій результатъ достигается всегда дѣйствіемъ множества различныхъ факторовъ, повинующихся своимъ законамъ,—и чтобы сознательно представить себѣ появленіе извѣстнаго историческаго факта, очевидно, должно принять въ соображеніе всѣ основные элементы, его составляющіе, дѣйствіе всѣхъ силъ, способствующихъ

его образованію. Въ сравненіи съ требованіями современной исторіографіи, прежняя исторія была весьма немногосложна: она исходила изъ простѣйшихъ положеній, и историкъ считалъ дѣло исполненнымъ, если изображалъ, иногда со множествомъ подробностей и даже съ большой картинностью, внѣшнюю судьбу государства: самый народъ, въ средѣ котораго и силами котораго происходила эта политическая исторія, предполагался какою-то готовою массой, исполнявшей какъ бы только служебную роль. Очевидно, однако, что основу исторіи и главный ея интересъ представляетъ именно эта масса, это человѣческое общество, а не только единичныя личности или одни привилегированные классы, которые, повидимому, являются руководителями и представителями массы. Культъ героевъ, которымъ Карлейль исключительно приписывалъ руководство исторіей, направленіе массъ къ исполненію указанныхъ героями задачъ, этотъ культъ не имѣетъ теперь послѣдователей. Чѣмъ больше развивается ближайшая историческая критика и чѣмъ больше развивается цѣлая наука въ изслѣдованіи сложныхъ явленій природы и человѣчества, тѣмъ сильнѣе укрѣпляется представленіе о господствѣ всеобщихъ законовъ, изъ которыхъ нимало не исключены сами герои. Изъ историческаго пониманія отпадаетъ все исключительное, внезапное, произвольное, и все болѣе утверждается понятіе естественнаго и послѣдовательнаго развитія изъ условій, данныхъ внѣшнею и человѣческою природою.

Такъ называемая культурная исторія, значеніе которой видимо все болѣе возрастаетъ въ умахъ и стремленіяхъ историковъ, вполнѣ оправдываетъ это значеніе тѣмъ, что ищетъ вникнуть въ эти общія условія исторической жизни, указать ея внутренніе процессы,—на этомъ пути она можетъ разъяснить многое, что̀ до сихъ поръ ускользало отъ вниманія не только массы общества, но и отъ вниманія ученыхъ спеціалистовъ. Нечего говорить о томъ, что вопросы культурной исторіи сами по себѣ могутъ быть въ высокой степени любопытны и поучительны. Поэтому мы съ особеннымъ интересомъ встрѣтили книгу г. Милюкова, которая является въ нашей литературѣ первымъ опытомъ своего рода. Авторъ предполагалъ, что нѣкоторымъ критикамъ его попытка покажется преждевременной и рискованной; самъ онъ находитъ, что по многимъ вопросамъ еще нѣтъ достаточно подготовленнаго матеріала и такимъ образомъ въ его трудѣ могутъ оказаться пробѣлы,—но можно только порадоваться, что онъ не устрашился трудности своей задачи, недостаточности матеріала, возможности пробѣловъ и самыхъ ошибокъ, и все-таки

предпринялъ работу, которая представлялась ему необходимой и своевременной. Въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе распространенныя у насъ историческія представленія отличаются до сихъ поръ крайнею односторонностью; до сихъ поръ въ ходу многія историческія понятія и настоящіе предразсудки, которымъ давно не можетъ быть мѣста въ наукѣ, и нужно наконецъ освѣжающее напоминаніе о тѣхъ серьезныхъ задачахъ, къ которымъ призываетъ истинно научное изслѣдованіе. Съ другой стороны, авторъ, предпринимая свою работу, не долженъ былъ останавливаться передъ тѣми препятствіями, какія представляются въ неполнотѣ наличнаго матеріала. Матеріалъ можетъ быть „полонъ" развѣ только тогда, когда идетъ рѣчь о какихъ-либо частныхъ вопросахъ; но въ широкихъ вопросахъ цѣлаго историческаго развитія „полнота" едва-ли когда-нибудь достижима. Во всякомъ случаѣ полезна будетъ работа и по тому матеріалу, какой есть въ распоряженіи въ данную минуту; важно будетъ указать новую точку зрѣнія между прочимъ и потому, что это указаніе можетъ способствовать и собиранію новаго матеріала. Дѣлая эти оговорки относительно своего труда, авторъ замѣчаетъ: „Въ свое оправданіе составитель можетъ только сослаться на несомнѣнную потребность въ подобной книгѣ,—не только среди читающей публики, но и среди самыхъ спеціалистовъ, работающихъ обыкновенно въ одной маленькой области науки и рѣдко представляющихъ отчетливо связь этой области съ цѣлымъ. „Очерки по исторіи русской культуры", конечно, не могутъ дать того, чего нѣтъ въ самой наукѣ. Но самими своими недостатками они лишній разъ подчеркнутъ пробѣлы науки и, можетъ быть, помогутъ установить тѣ точки зрѣнія, которыя даютъ смыслъ и интересъ самому сухому и самому узкому, повидимому, спеціальному изслѣдованію" (I, стр. 19).

На первыхъ страницахъ книги, объясняя свою точку зрѣнія и указывая различные взгляды на культурную исторію и вообще на задачи историческаго изслѣдованія, авторъ выставляетъ слѣдующее основное положеніе, которымъ должно опредѣляться историческое изученіе: „Въ основѣ научнаго объясненія исторіи должна лежать идея закономѣрности историческаго процесса. Цѣлесообразная дѣятельность личности, съ точки зрѣнія науки, есть только одно изъ видоизмѣненій причинной связи явленій: это тотъ же закономѣрный процессъ, перенесенный изъ области внѣшняго міра въ область психической жизни. Цѣлесообразный же ходъ исторіи нисколько не вытекаетъ самъ по себѣ изъ цѣлесообразной дѣятельности личности, хотя и можетъ сдѣлаться

цѣлью ея сознательныхъ стремленій. Какихъ бы сложныхъ и высокихъ формъ ни достигало развитіе сознательной дѣятельности личности, эта дѣятельность нисколько не мѣшаетъ научному представленію о закономѣрномъ ходѣ исторіи, а является только лишнимъ факторомъ, подлежащимъ научному изученію и объясненію съ точки зрѣнія закономѣрности. Такимъ образомъ, свободное творчество личности никоимъ образомъ нельзя противопоставлять законамъ историческаго процесса, такъ какъ и самое это творчество входитъ въ рамки тѣхъ же самыхъ законовъ".

„Такое широкое примѣненіе идеи закономѣрности необходимо вытекаетъ изъ современнаго взгляда на міръ, точно также какъ идея цѣлесообразности вытекаетъ изъ стараго міровоззрѣнія. Мы принимаемъ закономѣрность историческихъ явленій совершенно независимо отъ того, можетъ ли исторія открыть намъ эти искомые законы. Если бы даже намъ никогда не суждено было открыть ни одного историческаго закона, мы, по необходимости, должны были бы все-таки предполагать ихъ существованіе...

„Сложность историческихъ явленій такова, что, нисколько не подрывая идеи закономѣрности, вполнѣ естественно усомниться даже въ самомъ существованіи спеціальныхъ „историческихъ законовъ". Въ популярной рѣчи мы такъ привыкли обозначать историческіе процессы и факты условными общими именами, что часто совсѣмъ забываемъ о томъ, что общее имя и реальный фактъ суть двѣ разныя вещи. Мы разсуждаемъ о причинахъ развитія реформаціи или о причинахъ неудачи революціи, какъ будто бы реформація и революція были какимъ-то осязаемымъ предметомъ, а не безконечнымъ количествомъ процессовъ, объединяемыхъ въ одно цѣлое исключительно въ нашемъ сознаніи. При такихъ условіяхъ мы легко принимаемъ за историческій законъ такія сочетанія явленій, которыя, собственно говоря, требуютъ еще дальнѣйшаго, болѣе глубокаго анализа"...

„Общій результатъ, кажущійся на первый взглядъ чѣмъ-то цѣльнымъ и единымъ, мы должны анализировать дальше, чтобы выдѣлить отдѣльные, создавшіе его, факторы. Легко можетъ оказаться, что и выдѣленные нами факторы, въ свою очередь, будутъ не простыми элементами, а сложными равнодѣйствующими болѣе элементарныхъ силъ. Мы остановимся въ этомъ анализѣ только тогда, когда дойдемъ до элементовъ, извѣстныхъ намъ изъ ближайшей сосѣдней области знанія, т.-е., когда увидимъ, что силы, дѣйствующія въ исторіи, находятъ себѣ объясненіе въ психологіи и, вмѣстѣ съ послѣдней, опираются на все зданіе

закономѣрности болѣе простыхъ явленій міра, — физическихъ, химическихъ или физіологическихъ".

Такимъ образомъ въ извѣстномъ общемъ явленіи анализъ долженъ выдѣлить дѣйствіе отдѣльныхъ элементовъ и опредѣлить сферу ихъ вліянія. Исполненіе этого анализа можетъ совершаться двоякимъ путемъ: одинъ—индуктивный, статистическій, но статистика можетъ дѣлать свои выводы только при наличности точныхъ данныхъ и только на пространствѣ этихъ данныхъ; другой путь — дедуктивный. Историческая закономѣрность сводится къ закономѣрности тѣхъ явленій, сложность которыхъ составляетъ историческую жизнь. Такимъ образомъ прежде всего одною изъ опоръ исторической и соціологической дедукціи могла бы служить дедукція психологическая, и авторъ полагаетъ, что было бы возможно на психологическомъ развитіи отдѣльнаго лица основать въ концѣ концовъ историческую психологію рода. Въ результатѣ получается представленіе, что различныя стороны соціальной жизни имѣютъ свое развитіе, вытекающее изъ свойствъ ихъ основныхъ элементовъ, и что въ общемъ развитіе этихъ основныхъ элементовъ будетъ во всѣхъ человѣческихъ обществахъ одинаково.

Но это закономѣрное развитіе основныхъ элементовъ есть только одна часть историческаго процесса, потому что нигдѣ это развитіе не совершается въ безпримѣсномъ видѣ, и напротивъ, осложняется множествомъ разнородныхъ обстоятельствъ или, какъ говоритъ авторъ, должно „преломиться въ призмѣ реальныхъ условій исторической жизни". „Подъ вліяніемъ данныхъ географическихъ, климатическихъ, почвенныхъ и другихъ условій, основное направленіе исторической жизни можетъ разнообразиться до безконечности, до полной невозможности распознать среди всевозможныхъ варіацій одну и ту же основную подкладку. Прямая обязанность историка не только обнаружить присутствіе этой подкладки, но и объяснить причины ея проявленія именно въ данной конкретной формѣ, въ каждой отдѣльной варіаціи". Та или другая обстановка, племенное сосѣдство производятъ свои видоизмѣненія и, наконецъ, является еще одно условіе, которое чрезвычайно осложняетъ объясненіе историческихъ явленій — вмѣшательство личности. Авторъ говоритъ: „За вычетомъ всего, что̀ въ историческихъ „событіяхъ" поддается закономѣрному объясненію изъ условій среды и соціологической эволюціи, несомнѣнно остается нѣкоторый остатокъ, объясняемый индивидуальными особенностями дѣйствующихъ лицъ. Не мало усилій было употреблено на то, чтобы доказать, что этотъ оста-

токъ будетъ совершенно ничтоженъ, что при историческомъ объясненіи можно его игнорировать, но никто, кажется, не пытался доказывать, что такого остатка не получится вовсе“.

Касаясь теоріи Карлейля, который думалъ—вся всемірная исторія есть только исторія дѣйствовавшихъ въ человѣчествѣ великихъ людей, авторъ замѣчаетъ: „Въ этомъ взглядѣ вѣрно только одно. При той безсознательности и стихійности, съ которой совершалась до сихъ поръ всегда и вездѣ общественная эволюція, дѣйствительно, только личности, оффиціальные или моральные руководители массы, совершали общественно-цѣлесообразные поступки. Но зато эти единичныя дѣйствія личностей всегда наталкивались на косность массы, и отдѣльные цѣлесообразные поступки не влекли за собой прочныхъ общественно-цѣлесообразныхъ результатовъ. Полагать, что такъ всегда и будетъ впослѣдствіи, значило бы предаваться излишнему и, во всякомъ случаѣ, преждевременному пессимизму“. Дѣло въ томъ, что мы не можемъ отрицать распространенія общественнаго сознанія въ массѣ и, слѣдовательно, не можемъ также указать границы этого распространенія. „Двигающія пружины человѣческой психологіи, разумѣется, всегда останутся однѣ и тѣ же. Стремленіе поддержать собственное существованіе и продлить существованіе рода, потребность упражнять органы и выполнять функціи человѣческаго организма, физическаго и психическаго,—всегда будутъ направлять дѣятельность человѣческой воли. Но формы, которыя могутъ принимать эти стремленія и потребности, будутъ разнообразиться до безконечности, и средства для ихъ достиженія будутъ безконечно развиваться въ направленіи большей сложности и цѣлесообразности. Какъ далеко пойдетъ человѣчество по этому пути, мы не знаемъ; но путь, которымъ можно придти къ замѣнѣ стихійнаго историческаго процесса сознательнымъ, можетъ быть только одинъ: постепенная замѣна общественно-цѣлесообразныхъ поступковъ отдѣльныхъ личностей — общественно-цѣлесообразнымъ поведеніемъ массы“ (I, Введеніе).

Приведенныхъ выдержекъ достаточно, чтобы показать взглядъ автора на культурную исторію. Самъ авторъ имѣетъ въ виду не такую исторію, которая была бы только описательной, была бы только изложеніемъ фактовъ внутренней жизни народа и общества; напротивъ, онъ стремится приложить къ матеріалу русской исторіи тѣ многоразличныя изслѣдованія, какихъ требуетъ историческая „дедукція“. Если представить себѣ, что до сихъ поръ у насъ сдѣлано было очень мало подобныхъ изслѣдованій,—понятно, что авторъ могъ колебаться передъ своимъ предпріятіемъ; но тѣмъ болѣе

является необходимой постановка такой задачи. Изложеніе русской исторіи по прежнимъ образцамъ приходитъ, наконецъ, къ шаблону, теряющему научный и образовательный смыслъ. Разработка русской исторіи, въ то же время, происходитъ въ весьма обширныхъ размѣрахъ, но заключается, съ одной стороны, въ обильныхъ изданіяхъ сырого матеріала, съ другой—въ детальномъ изслѣдованіи частностей, нерѣдко даже незначительныхъ. Общій вопросъ русскаго историческаго развитія, которымъ нѣкогда горячо волновались лучшіе умы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, или отсутствуетъ совсѣмъ въ научной литературѣ, или высказывается въ публицистикѣ нерѣдко въ самыхъ уродливыхъ формахъ. Внѣ спеціальныхъ круговъ, увлекаемыхъ въ большинствѣ детальными вопросами науки, интересъ къ русской исторіи, повидимому, ограничивается только анекдотическимъ интересомъ къ событіямъ болѣе или менѣе близкаго прошлаго, которыя до недавняго времени не были извѣстны даже въ простомъ разсказѣ. Современная общественная дѣятельность, занятая въ особенности экономическими вопросами, пріискиваетъ для русскаго народа формы наилучшаго экономическаго быта, но какъ будто считаетъ излишними какія-нибудь справки съ исторіей; для массы общества русская исторія есть какъ будто археологія, занимательная только для спеціалистовъ... При такомъ положеніи самой науки и общественнаго сознанія (по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ) было именно важно поставить вопросъ о русской исторіи съ той точки зрѣнія, которая направляетъ вниманіе на дѣйствіе основныхъ историческихъ силъ, создавшихъ современный русскій народъ и государство.

Такое изученіе могло бы быть особенно благотворно при той неясности общественныхъ понятій, какую мы указывали, при той массѣ, такъ сказать, предразсудковъ и суевѣрій, какая наполняетъ историческія и соціальныя понятія нашего общества и, безъ сомнѣнія, отзывается крайнимъ вредомъ на его собственной дѣятельности. Въ общихъ вопросахъ нашей національной жизни мы сплошь и рядомъ, вмѣсто насущныхъ нуждъ общества и народа, представляемъ себѣ цѣли болѣе или менѣе фантастическія; прямое и реальное въ потребностяхъ народа ускользаетъ изъ виду, и время идетъ безплодно для самыхъ основныхъ задачъ и настоящаго, и будущаго. Мы народъ избранный; мы одни можемъ исполнить величайшую задачу цивилизаціи, стать „всечеловѣками"; мы предназначены объединить славянскій міръ и безчисленныя племена Европы и Азіи въ новую византійскую имперію; мы должны стать во главѣ православнаго міра и водворить

православіе въ западномъ славянствѣ; мы должны вернуться „домой“, въ XVI-ое и XVII-ое столѣтіе, потому что только тамъ была настоящая, единая и цѣльная русская жизнь; западная цивилизація падаетъ, и мы должны обновить ее; мы должны стремиться къ тому, чтобы, переживъ скорѣе, по примѣру Европы, періодъ капитализма, водворить народное благополучіе; мы должны опроститься, вернуться къ законамъ природы, всѣ должны заняться хлѣбопашествомъ и т. д., и т. д. Все это говорилось и говорится, и во всемъ этомъ нѣтъ тѣни простого здраваго пониманія настоящей дѣйствительности и настоящихъ вопіющихъ нуждъ русской жизни; фантастическія представленія перекрещиваются между собой, несмотря на свои противорѣчія другъ съ другомъ не уничтожаютъ одно другого и очень часто живутъ рядомъ, не ощущая своей несовмѣстимости... Если принять въ соображеніе, что это фантастическое содержаніе находитъ въ разныхъ кругахъ своихъ ревностныхъ приверженцевъ и сполна поглощаетъ ихъ мысли, а вмѣстѣ съ тѣмъ молодыя поколѣнія возрастаютъ слишкомъ часто безъ всякихъ идеаловъ, этого положенія общественной мысли нельзя признать здоровымъ.

Было бы долго и довольно мудрено разбирать причины, создавшія такое положеніе вещей; но, очевидно, что для болѣе нормальнаго воспитанія общественной мысли необходимо, чтобы она, освобождаясь отъ этой фантастики, направилась на дѣйствительные реальные вопросы народнаго бытія и опредѣляла общественныя стремленія на почвѣ научнаго изученія и здраваго смысла. Наукѣ исторіи, между прочимъ и культурной исторіи, въ строгомъ смыслѣ, нѣтъ дѣла до практическихъ вопросовъ минуты; но всякая наука можетъ, однако, имѣть свои благотворныя отраженія въ практической жизни. Она не только научаетъ правильной работѣ мысли, но даетъ также запасъ фактическихъ познаній, которыя легко могутъ находить свое практическое приложеніе. Давно уже отказались отъ мысли, что исторія сообщаетъ обществамъ и народамъ полезные уроки,—и дѣйствительно, для этого она еще слишкомъ мало разработана; она еще слишкомъ несовершенна, чтобы считать себя въ полномъ обладаніи истиной,—и точно, въ рукахъ ученыхъ разныхъ школъ и направленій, она давала бы уроки самые противоположные; но все-таки въ рукахъ изслѣдователей строгихъ и добросовѣстныхъ, она можетъ имѣть воспитательное значеніе для общества уже тѣмъ, что даетъ возможность видѣть факты прошедшаго въ ихъ подлинномъ, неприкрашенномъ видѣ, а въ этомъ можетъ уже заключаться великое поученіе. Понятно,

что въ особенности можетъ быть поучительна та исторія, которая ставитъ своей задачей не одно описаніе внѣшнихъ фактовъ, а изученіе самыхъ процессовъ народнаго и общественнаго быта, матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго. Такова именно культурная исторія; нельзя не желать, чтобы наши историческія изслѣдованія направились въ эту сторону больше, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Въ первой части своего труда г. Милюковъ поставилъ темой изслѣдованія нѣсколько крупныхъ вопросовъ: населеніе, экономическій бытъ, государственный строй (войско, финансы, учрежденія), сословный строй. Имѣя постоянно въ виду анализъ или разсмотрѣніе тѣхъ основныхъ элементовъ, дѣйствіемъ которыхъ опредѣляется историческое развитіе, авторъ приходилъ уже къ любопытнымъ и важнымъ соображеніямъ относительно связи различныхъ отношеній населенія, колонизаціи, экономическихъ условій и государственнаго быта; оставаясь на почвѣ этихъ реальныхъ элементовъ, авторъ въ концѣ концовъ считалъ возможнымъ исправлять ошибки въ ученіяхъ нашихъ „націоналистовъ" и „западниковъ", которыя строились теоретически безъ достаточнаго вниманія къ этимъ реальнымъ даннымъ народной жизни.

Во второй части предметомъ изслѣдованій служатъ церковь и школа (вѣра, творчество, образованіе). Если въ первой части своего труда авторъ изслѣдовалъ внѣшнія формы быта, здѣсь передъ нимъ были еще болѣе сложные вопросы быта нравственнаго. Онъ опять старается опредѣлить основные элементы развитія и опять приходитъ къ любопытнымъ и оригинальнымъ заключеніямъ. Мы не имѣемъ въ виду ни указанія цѣлой системы его взгляда, ни критики этой системы: множество затронутыхъ вопросовъ, въ обѣихъ частяхъ книги г. Милюкова, потребовали бы новыхъ спеціальныхъ изслѣдованій, и вѣроятно со временемъ ихъ вызовутъ; мы укажемъ только нѣкоторыя особенныя черты его взглядовъ. Въ вопросѣ о „вѣрѣ" авторъ прежде всего ставитъ вопросъ оригинальнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что говоритъ именно о вѣрѣ цѣлаго народа. Онъ не выдѣляетъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ церковные историки, ту вѣру, которая находила выраженіе у оффиціальной церкви, отъ той вѣры, которая отбилась въ расколъ и ереси. Авторъ исходитъ изъ историческаго факта, что это послѣднее явленіе было и есть также вѣра обширной массы русскаго народа, не принявшая еще большихъ размѣровъ только потому, что противъ нея давно были приняты и продолжаются до сихъ поръ самыя суровыя

мѣры пресѣченія, притомъ не столько церковныя, сколько гражданскія, мѣры преслѣдованія административныя и уголовныя.

Происхожденіе „раскола" авторъ считаетъ чисто народнымъ и давнимъ. Новыя изысканія показали, и это признаютъ церковные историки, что расколъ XVII вѣка во многихъ случаяхъ оставался только вѣренъ преданіямъ, уставамъ и обычаямъ XVI вѣка: онъ признавалъ Стоглавъ, признавалъ авторитетъ церковныхъ учителей, какъ Іосифъ Волоцкій, Максимъ Грекъ, до сихъ поръ твердо держится книгъ, печатанныхъ при патріархѣ Іосифѣ, держится древняго двуперстія и т. д. Можно идти еще дальше и находить въ дальнѣйшихъ развитіяхъ раскола отголоски древнихъ ересей, какъ, напримѣръ, въ сектѣ хлыстовъ находили отголоски издавна проникавшаго на Русь богомильства... Древняя русская церковная жизнь, какъ она сложилась въ XVI вѣкѣ и въ первой половинѣ XVII, представляется автору именно какъ народная форма церковной жизни, которая и сохранилась въ старообрядствѣ послѣ нововведеній Никона. Черты этой народной церковности складывались, по мнѣнію автора, съ первыхъ вѣковъ русскаго христіанства. Общій вопросъ о значеніи церкви въ русской національной жизни, авторъ ставитъ слѣдующимъ образомъ: „Культурное вліяніе церкви и религіи было безусловно преобладающимъ въ исторической жизни русскаго народа. Таково оно всегда бываетъ у всѣхъ народовъ, находящихся на одинаковой съ нами ступени развитія. Однако же, было мнѣніе и очень распространенное, по которому преобладающее вліяніе церкви считалось спеціальной національной особенностью именно русскаго народа. Изъ этой особенности одни выводили, затѣмъ, всѣ достоинства русской жизни, тогда какъ другіе склонны были этимъ объяснять ея недостатки. Въ глазахъ первыхъ—качества истиннаго христіанина суть вмѣстѣ съ тѣмъ и національныя черты русскаго характера. Русскому свойственна въ высшей степени та преданность волѣ Божіей, та любовь и смиреніе, та общительность съ ближними и устремленіе всѣхъ помысловъ къ небу, которыя составляютъ самую сущность христіанской этики. Это полное совпаденіе христіанскихъ качествъ съ народными ручается и за великую будущность русскаго народа. Таково мнѣніе славянофиловъ.

„Между тѣмъ уже сами славянофилы, въ лицѣ одного изъ самыхъ умныхъ своихъ представителей и наиболѣе компетентнаго въ богословскихъ вопросахъ, Хомякова, признали, что представлять себѣ древнюю Русь истинно-христіанской значитъ—сильно идеализировать русское прошлое. Древняя Русь воспри-

няла, по справедливому мнѣнію Хомякова, только внѣшнюю форму, обрядъ, а не духъ и сущность христіанской религіи. Уже по одному этому вѣра не могла оказать ни такого благодѣтельнаго, ни такого задерживающаго вліянія на развитіе русской народности. Въ наше время взглядъ Хомякова сдѣлался общепринятымъ: его можно встрѣтить въ любомъ учебникѣ русской церковной исторіи.

„И такъ, считать русскую народность, безъ дальнихъ справокъ, истинно-христіанской, значило бы сильно преувеличивать степень усвоенія русскими истиннаго христіанства. Точно такимъ же преувеличеніемъ вліянія религіи было бы и обвиненіе ея въ русской отсталости. Для этой отсталости были другія, органическія причины, дѣйствіе которыхъ распространялось и на самую религію. Религія не только не могла создать или удержать элементарности русскаго психическаго склада, но, напротивъ, она сама отъ этой элементарности пострадала. При самыхъ разнообразныхъ взглядахъ на византійскую форму религіозности, воспринятую Россіей, нельзя не согласиться въ одномъ: въ своемъ источникѣ эта религіозность стояла неизмѣримо выше того, что могло быть изъ нея воспринято на первыхъ порахъ Русью“ (II, стр. 8—9).

Авторъ приводитъ примѣры изъ религіознаго быта первыхъ вѣковъ нашего христіанства и изъ знаменитѣйшаго литературнаго памятника этого быта—Печерскаго Патерика. Древняя Русь, еще языческая, имѣла уже самые утонченные типы восточнаго монашества: пустынножительство, затворничество, столпничество и всякія плотскія самоистязанія; на это было потрачено много нравственной и физической силы, религіозное одушевленіе создавало уже легенду; но, замѣчаетъ авторъ, кіевскіе подвижники едва ли имѣли ясное представленіе о высшихъ ступеняхъ дѣятельнаго или созерцательнаго подвижничества. „То, что должно было быть только *средствомъ*, освобожденіе души отъ земныхъ стремленій и помысловъ, по неволѣ становилось единственной *цѣлью*: недисциплинированная натура плохо поддавалась самымъ упорнымъ, самымъ добросовѣстнымъ усиліямъ“. Въ этихъ условіяхъ цѣлой жизни, наши подвижники, по замѣчанію автора, становились скорѣе хорошими администраторами, въ которыхъ нуждалась тогдашняя жизнь, чѣмъ свѣтильниками христіанскаго чувства и мысли.

Въ первое время русскаго христіанства общество дѣлилось на двѣ неравныя доли: меньшинство было увлечено новою вѣрою и въ средѣ его совершались упомянутые изысканные виды вос-

точнаго подвижничества; большинство оставалось языческимъ (или полу-языческимъ, „двоевѣрнымъ"). Клиръ и народъ были разъединены, и этому содѣйствовало, во-первыхъ, то, что благочестіе принимало съ самаго начала недоступный массѣ аскетическій характеръ, и, во-вторыхъ, то, что во главѣ іерархіи долго оставались чужіе люди, греки... Съ теченіемъ времени, съ практическимъ дѣйствіемъ церковныхъ учрежденій, обѣ стороны сблизились; но, замѣчаетъ авторъ, „гораздо быстрѣе, чѣмъ поднимался уровень массы, падалъ ему на встрѣчу уровень пастырей". Какъ падалъ этотъ уровень, на это указываютъ извѣстныя жалобы архіепископа Геннадія въ концѣ XV вѣка, который приводитъ, между прочимъ, слова новогородцевъ: „земля, господине, такова: не можемъ найти, кто бы гораздъ былъ грамотѣ". Въ половинѣ XVI вѣка Стоглавъ говоритъ, что если не просвѣщать безграмотныхъ, то церкви останутся безъ пѣнія и христіане будутъ умирать безъ покаянія. Авторъ замѣчаетъ, что несомнѣненъ, однако, фактъ, что хотя медленно, но постепенно повышался уровень массы, и въ результатѣ совершается такое явленіе: „Идя другъ другу на встрѣчу, пастыри и паства древней Руси остановились, наконецъ, на довольно сходномъ пониманіи религіи, одинаково далекомъ отъ обѣихъ исходныхъ точекъ: отъ аскетическихъ увлеченій подвижниковъ и отъ языческаго міровоззрѣнія массы. Пастыри все болѣе привыкали отожествлять сущность вѣры съ ея внѣшними формами; съ другой стороны, масса, не усвоившая первоначально даже и формъ вѣры, теперь научилась цѣнить ихъ и, по самому складу своего ума, стала приписывать имъ то таинственное, символическое значеніе, какое имѣли въ ея глазахъ и обряды стариннаго народнаго культа. Такимъ образомъ, *обрядъ* послужилъ той серединой, на которой сошлись верхи и низы русской религіозности: верхи, постепенно утрачивая истинное понятіе о содержаніи, низы, постепенно пріобрѣтая приблизительное понятіе о формѣ". Историкъ полагаетъ, что періодъ времени отъ XI до XVI столѣтія вовсе не былъ непрерывнымъ упадкомъ или простымъ застоемъ, что, напротивъ, совершился большой прогрессъ. „За эти шесть вѣковъ языческая Россія превратилась мало-по-малу въ „святую Русь", въ ту страну многочисленныхъ церквей и неумолкаемаго колокольнаго звона, страну длинныхъ церковныхъ стояній, строгихъ постовъ и усердныхъ земныхъ поклоновъ, какою рисуютъ ее намъ иностранцы XVI и XVII вѣка".

Авторъ и называетъ это національзаціей русской церкви. Чтобы опредѣлить свойства этой національной церкви, надо

обратиться, по словамъ его, не къ собственнымъ показаніямъ тогдашнихъ русскихъ людей, потому что въ то время эти особенности еще не были сознаны такъ, какъ были сознаны позднѣе, а къ свидѣтельствамъ постороннихъ наблюдателей, которымъ должны были всего болѣе бросаться въ глаза эти особенности. И авторъ приводитъ отзывы иностранцевъ—съ одной стороны, протестантовъ, съ другой—православныхъ людей съ востока. Первые, замѣтивъ отсутствіе проповѣди, незнаніе вѣроученія въ массѣ и т. п., приходили въ недоумѣніе и ставили вопросъ: „Христіане ли московиты?“ Хотя они отвѣчали на это утвердительно, но самый вопросъ указываетъ степень ихъ недовѣрія. Восточные православные (антіохійскій патріархъ Макарій, съ архидіакономъ Павломъ, который оставилъ описаніе этого путешествія) приходили въ умиленіе отъ благочестія русскихъ людей, но также и въ ужасъ отъ внѣшнихъ формъ этого благочестія; восьмичасовыя службы и продолжительное сухоядені были для нихъ настоящей пыткой. „Да почіетъ миръ Божій на русскомъ народѣ,—писалъ Павелъ,—надъ его мужами, женами и дѣтьми за ихъ терпѣніе и постоянство! Надобно удивляться храбрости тѣлесныхъ силъ этого народа. Нужны желѣзныя ноги, чтобы не чувствовать (отъ долгихъ стояній въ церкви) ни усталости, ни утомленія“. „Всѣ русскіе,—говорилъ онъ шутя, —непремѣнно попадутъ во святые: они превосходятъ своею набожностью самихъ пустынножителей“.

Какъ ни противоположны отзывы, когда одна сторона считала возможнымъ усумниться въ христіанствѣ московитовъ, а другая готова была всѣхъ ихъ зачислить въ святые, по мнѣнію автора, въ нихъ были, однако, сходныя наблюденія. „Русское благочестіе, дѣйствительно пріобрѣло особый отпечатокъ, отличившій его не только отъ запада, но и отъ востока. Содержаніе русской вѣры стало своеобразно и національно“.

Авторъ указываетъ въ общихъ чертахъ, какъ образовалась эта національная особенность. На это повліяли разныя историческія обстоятельства: внѣшнее отдаленіе отъ Византіи во время занятія Константинополя крестоносцами и въ теченіе татарскаго ига, потомъ недовѣріе къ греческой церкви, когда передъ паденіемъ Византіи возникалъ вопросъ о соединеніи церквей, то-есть о соединеніи съ тѣми латинянами, противъ которыхъ сами греки въ продолженіе многихъ вѣковъ возстановляли русскихъ; наконецъ, давнія стремленія русской церкви къ независимости. Паденіе Константинополя, съ одной стороны, убѣдило русскихъ, что онъ палъ отъ ослабленія вѣры, а съ другой, что послѣ того

вселенскимъ царемъ и представителемъ православія является московскій великій князь, который фактически еще при Василіи Ивановичѣ и даже при Иванѣ III пользовался царской властью, а при Грозномъ принялъ царскій титулъ формально, съ торжественнымъ благословеніемъ церкви. Рядомъ съ этимъ русская церковь заявила свои права на независимость (что̀ осуществилось потомъ окончательно съ учрежденіемъ патріаршества), и царь занялъ относительно ея положеніе византійскаго императора.

„Недостаточно было, однако же, воли царя и болѣе или менѣе отвлеченной теоріи, на которую она опиралась, чтобы провести въ жизнь новое понятіе національной русской церкви. Для этого нужно было живое содѣйствіе самой церкви, и такое содѣйствіе оказали московскому правительству три знаменитыхъ іерарха русской церкви XVI столѣтія, всѣ трое проникнутые однимъ національно-религіознымъ духомъ. Мы говоримъ объ игуменѣ Волоколамскаго монастыря, Іосифѣ Санинѣ, и о двухъ митрополитахъ, Даніилѣ и Макаріи. Представители трехъ поколѣній, смѣнившихъ другъ друга на промежуткѣ отъ конца XV столѣтія до средины XVI, эти три общественные дѣятели поочередно передавали другъ друга защиту идеи, возникшей въ началѣ этого промежутка и осуществленной въ концѣ его, — идеи національной и государственной церкви.

„Іосифъ, Даніилъ и Макарій—типичные представители русской образованности и русскаго - благочестія XVI вѣка. Сохраненіе старины и усердная преданность формѣ, буквѣ, обряду—таковы характерныя черты ихъ направленія".

Цѣль всѣхъ этихъ дѣятелей былъ тѣсный союзъ церкви съ государствомъ: они поддерживали государство потому, что видѣли въ немъ опору и для церкви. Между прочимъ въ то время государство должно было помочь церкви въ истребленіи еретиковъ и въ церковномъ быту поддержать право монастырей владѣть селами. Самые монастыри должны были стать разсадниками іерарховъ. Въ свой монастырь Іосифъ Волоцкій пускалъ не всякаго и принималъ особенно людей знатныхъ и богатыхъ, которые могли бы обогащать монастырь вкладами и землями. Въ половинѣ XVI вѣка союзъ церкви и государства достигъ своего осуществленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были мѣры къ тому, чтобы окончательно дать церкви національное значеніе и утвердить ея формы и преданія. Въ половинѣ XVI вѣка совершилось вѣнчаніе Ивана IV на царство; церковные соборы, собранные для канонизаціи мѣстныхъ святыхъ и введенія ихъ въ число

святыхъ всероссійскихъ; Стоглавый соборъ долженъ былъ исправить непорядки, вкравшіеся въ церковную жизнь, и установить благочестивые нравы въ народѣ; Четьи-Минеи митрополита Макарія собрали въ одинъ огромный сборникъ „книжное почитаніе", которое должно было служить русскимъ людямъ для ихъ душевнаго спасенія. Съ этимъ дѣло Іосифа Волоцкаго и его учениковъ и послѣдователей было завершено. „Стоглавый соборъ, закончившій рядъ духовныхъ съѣздовъ для пересмотра и возвеличенія духовнаго содержанія національной церкви, былъ ихъ послѣдней и окончательной побѣдой". „Нельзя сказать,—замѣчаетъ авторъ,—чтобы побѣда эта была достигнута безъ всякаго сопротивленія", — и указываетъ на ту опозицію, какая явилась противъ Іосифа Волоцкаго въ ученіи Нила Сорскаго и его послѣдователей, „бѣлозерскихъ старцевъ". Ученіе Нила во всѣхъ основныхъ пунктахъ сталкивалось съ церковными и практическими идеями Іосифа и его школы. Нилъ Сорскій, вмѣсто обрядоваго благочестія, настаивалъ на нравственныхъ требованіяхъ религіи; онъ возставалъ противъ владѣнія монастырей землями; онъ спорилъ противъ казней еретиковъ, наконецъ, бѣлозерскіе старцы не вѣрили въ новыхъ чудотворцевъ... Но эта оппозиція не имѣла успѣха, потому что была слишкомъ преждевременна. „Ни идея критики, ни идея терпимости, ни идея внутренняго, духовнаго христіанства не были по плечу тогдашнему русскому обществу; для огромнаго большинства эти идеи просто даже были непонятны" (стр. 2—31).

Нилъ Сорскій умеръ раньше, чѣмъ произошло столкновеніе; но послѣдователи его, князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ и троицкій игуменъ Артемій испытали вражду іосифлянъ; ихъ обвинили въ ереси, и одинъ заключенъ въ Волоколамскій монастырь, т.-е. отданъ въ руки злѣйшихъ его враговъ,—отъ которыхъ, по словамъ Курбскаго, и погибъ; другой былъ посланъ въ Соловецкій монастырь, но бѣжалъ въ Литву, гдѣ сталъ однимъ изъ ревностныхъ защитниковъ православія.

Но торжество „національной церкви" XVI вѣка было непродолжительно: оказались неудобства слишкомъ тѣснаго союза церкви и государства. Дѣятели того времени, безъ сомнѣнія, не ожидали, что сама государственная власть возстанетъ противъ старины, которую раньше такъ заботилась укрѣпить, и что государственное покровительство церкви, котораго искалъ Іосифъ Волоцкій, поведетъ къ уничтоженію ея свѣтскихъ привилегій. „Между тѣмъ,—говоритъ авторъ,—и то, и другое послѣдствіе естественно вытекали изъ одной основной причины, которою обусловливалось

также и пріобрѣтеніе церковью XVI вѣка, въ союзѣ съ властью, ея національнаго характера. Низкій уровень религіозности въ древней Руси былъ причиною того, что признаніе этой религіозности неизмѣнною и непогрѣшимою привело къ расколу. Та же слабость внутренней жизни повела къ тому, что государственное покровительство превратилось мало-по-малу въ государственную опеку надъ церковью" (II, стр. 34).

Давно уже признано, что какъ господствующая церковь XVI вѣка, такъ и позднѣйшій расколъ отличались одинаковымъ или однимъ и тѣмъ же обрядовымъ формализмомъ. Въ сущности онъ начался уже давно и теперь развился до крайняго предѣла. Когда вслѣдствіе указанныхъ историческихъ обстоятельствъ русскіе усумнились въ греческомъ благочестіи, вопросъ опять свелся на различіе обрядовъ: оно являлось рѣшающимъ. „Въ разницѣ формы,—говоритъ авторъ,—русскіе люди усиленно старались теперь открыть и обличить разницу духа. Если греческая церковь не крестится двумя перстами и троитъ аллилуію, тѣмъ хуже для нея: значитъ, она не право вѣруетъ въ догматъ святой Троицы и ложно понимаетъ отношеніе между двумя естествами Богочеловѣка. Если греки въ духовныхъ процессіяхъ ходятъ не по солнцу, а противъ солнца, опять-таки тѣмъ хуже для нихъ: стало быть, они отказываются идти во слѣдъ Христу и наступить на адъ, страну мрака".

Въ Москвѣ почувствовали уже недостатокъ своего книжнаго знанія; съ Аѳона вызывали ученыхъ старцевъ, и въ Москву прибылъ Максимъ Грекъ. Изложивъ вкратцѣ судьбу несчастнаго ученаго грека въ московской средѣ, гдѣ ему приходилось объяснять самыя элементарныя понятія о грамматикѣ и гдѣ, наоборотъ, его обвиняли въ еллинскихъ и жидовскихъ мудрованіяхъ, и, наконецъ, десятками лѣтъ держали въ заключеніи, авторъ указываетъ на этомъ разницу между міровоззрѣніями „образованной Европы и полуязыческой Россіи". „Сведенные случаемъ, представители обоихъ міровъ говорили, очевидно, на разныхъ языкахъ и понять другъ друга не имѣли возможности".

Дѣло шло, однако, о томъ, чтобы правильно установить самую внѣшность, которой придавало такую важность тогдашнее благочестіе. Религія сведена была на молитву, формулы которой, какъ удачно замѣчаетъ авторъ, получали въ глазахъ тогдашнихъ людей какъ бы магическое значеніе, и на обрядъ, который такимъ же образомъ получалъ авторитетъ настоящаго догмата. Однажды въ это время константинопольскій патріархъ объяснялъ московскимъ церковнымъ властямъ второстепенное, мѣстное и

малозначительное, для спасенія души, значеніе этихъ внѣшнихъ отличій обряда, существующее даже въ цѣлыхъ церквахъ безъ вреда для их догматическаго православія; но въ Москвѣ этого не могли понять, продолжали заботиться о буквѣ, видѣли въ ней все существо вѣры, и это была какъ разъ та почва, на которой впослѣдствіи произошелъ расколъ. Если уже во времена Стоглава должны были увидѣть, что находившіяся въ обращеніи книги были переполнены ошибками, и сочли нужнымъ позаботиться объ исправности книги, то впослѣдствіи, послѣ первыхъ неудачныхъ опытовъ, надо было сознаться, что въ прежнее время, въ XVI вѣкѣ и въ первой половинѣ XVII-го, сама церковная власть, даже цѣлый Стоглавый соборъ впадали въ ошибки. Эту перемѣну въ цѣлой постановкѣ дѣла г. Милюковъ изображаетъ въ такомъ противоположеніи: „Передвиньте исторію книжныхъ исправленій Максима Грека на вѣкъ позднѣе; перемѣните роли: обвиненнаго Максима сдѣлайте обвинителемъ, а обвинителя Даніила посадите на скамью подсудимыхъ вмѣстѣ со всей той полуграмотной и неграмотной массой, которой онъ былъ типичнымъ представителемъ. Затѣмъ останется только замѣнить Максима Никономъ, къ которому гораздо лучше идетъ роль обвинителя, а на мѣсто торжествующаго Даніила поставить юрьевецкаго протопопа Аввакума, и мы представимъ себѣ всю суть той перемѣны, которая іосифлянъ XVI вѣка превратила въ раскольниковъ XVII-го“.

Въ промежуткѣ совершилось извѣстное исправленіе книгъ. Никонъ вначалѣ раздѣлялъ тѣ самыя мнѣнія, какихъ держалось большинство, или даже вся масса московскаго духовенства и народа; но, ставши патріархомъ, онъ принялъ другую точку зрѣнія. А именно, когда былъ на очереди вопросъ объ исправленіи книгъ, онъ пожелалъ самъ вникнуть въ это дѣло, самъ, сколько умѣлъ, сличалъ книги и убѣдился, что есть разнорѣчія, ошибки, которыя слѣдовало устранить. Это былъ человѣкъ нрава упорнаго и необузданнаго, и понятно, что онъ увлекся своимъ новымъ взглядомъ до крайностей, которыя страшно раздражили его прежнихъ друзей и союзниковъ. Ему стало нравиться все греческое и въ текстахъ, и въ церковныхъ обрядахъ. Многое, что̀ онъ вводилъ, было несомнѣнно вѣрно; иное по существу было безразлично, не заключало въ себѣ никакого дѣйствительнаго нарушенія старины,—но русскіе люди столько вѣковъ привыкли придавать значеніе именно внѣшности, буквѣ, что эти даже безразличныя перемѣны показались нарушеніемъ старины, „новой вѣрой“. Нѣсколько болѣе спокойные пріемы, болѣе мяг-

кій образъ дѣйствій, быть можетъ, устранили бы раздоръ или, по крайней мѣрѣ, устранили бы его страшныя формы; но патріархъ не хотѣлъ ничего уступить, употребилъ всю силу своей власти—и разногласіе превратилось въ открытую и рѣзкую вражду, въ „расколъ". Требованію власти подчинились всѣ люди, ей довѣрявшіе, болѣе или менѣе равнодушные, болѣе или менѣе слабые,—но ей не уступили именно самые характерные и энергическіе изъ приверженцевъ старины. Такъ какъ въ этой приверженности къ старинѣ въ большой мѣрѣ участвовало просто малое знаніе, которое обыкновенно тѣмъ упрямѣе держится за свою ошибку, то это случилось и здѣсь; было, конечно, и другое побужденіе, весьма естественное и имѣвшее за себя свое нравственное право — охраненіе старины, которая была привычна и дорога не только этимъ людямъ, возвысившимъ теперь голосъ противъ нововведеній, но была привычна и дорога громадной народной массѣ, тѣмъ болѣе, что сама церковная власть, и даже власть государственная еще не такъ давно на торжественныхъ соборахъ установляли эту самую старину (Стоглавъ); наконецъ, было у людей, возставшихъ противъ Никона, и чисто личное побужденіе, — они теряли свое недавнее значеніе и вліяніе, между прочимъ, при дворѣ самого царя. Какъ извѣстно, царь Алексѣй Михайловичъ въ этомъ спорѣ занялъ нѣсколько странное положеніе: онъ не противорѣчилъ Никону, признавалъ его авторитетъ, больше, кажется, по государственной необходимости, но въ душѣ онъ самъ былъ привязанъ къ этой старинѣ и не однажды обнаруживалъ свою благосклонность къ гонимому Аввакуму. Нѣтъ сомнѣнія, что, между прочимъ, и это обстоятельство поддерживало Аввакума въ его борьбѣ противъ „новой вѣры": онъ все еще надѣялся, что авось царь Алексѣй вспомнитъ старину и возстановитъ настоящую „старую вѣру"; но главное, Аввакумъ надѣялся на правоту своего дѣла, въ которой былъ убѣжденъ: дѣло было великое и существенное—только въ старой вѣрѣ была истина и душевное спасеніе; въ новой вѣрѣ уже начинали видѣть покушеніе антихриста и послѣднюю погибель.

Въ расколѣ, по объясненію г. Милюкова, сказалась въ концѣ XVII вѣка та „національная вѣра", которая была выработана всѣми предшествующими вѣками, и торжественно была закрѣплена въ половинѣ XVI столѣтія Стоглавомъ и всею дѣятельностью митрополита Макарія въ союзѣ съ самимъ Иваномъ Грознымъ. По мнѣнію старовѣровъ, она и хранилась вплоть до

Никона, — послѣднимъ представителемъ настоящей вѣры былъ его непосредственный предшественникъ, патріархъ Іосифъ.

„Такъ, — говоритъ г. Милюковъ, — положа руку на сердце, готовое громко исповѣдывать свою вѣру среди Москвы, отдѣлялось русское народное благочестіе отъ благочестія господствующей церкви. Болѣзненный и обильный послѣдствіями разрывъ между интеллигенціей и народомъ, за который славянофилы упрекали Петра, совершился *полвѣка раньше* и совершился въ сферѣ гораздо болѣе деликатной, нежели та, которую непосредственно задѣвала Петровская реформа. Религіозный протестъ могъ удесятерить свои силы, соединившись съ протестомъ политическимъ и соціальнымъ; но это нисколько не измѣняетъ того основного факта, что вопросы совѣсти были первой и главной причиной разрыва. Русскому человѣку въ серединѣ XVII вѣка пришлось проклинать то, во что столѣтіемъ раньше его учили свято вѣровать. Для только-что пробужденной совѣсти переходъ былъ слишкомъ рѣзокъ. Естественно, что масса отказалась на этотъ разъ слѣдовать за своими руководителями и, предоставленная самой себѣ, очутилась въ совершенныхъ *потемкахъ*“ (стр. 45).

Вопросъ о расколѣ тяготѣетъ надъ русскимъ обществомъ и народомъ уже третье столѣтіе, и до сихъ поръ нельзя сказать, чтобы онъ былъ близокъ къ какому-либо разрѣшенію. Въ первые два вѣка расколъ былъ почти безусловно гонимъ; онъ былъ противоцерковнымъ и противогосударственнымъ преступленіемъ; его послѣдователи были лишены самыхъ существенныхъ гражданскихъ правъ; исполненіе обрядовъ религіозныхъ возможно было только въ тайнѣ, потому что внѣшнее „оказательство“ было запрещено. Въ результатѣ получалась странная картина быта многихъ милліоновъ самаго подлиннаго, чистокровнаго русскаго народа. Это былъ народъ отщепенцевъ, безъ гражданскихъ правъ, безъ участія въ цѣлой народной жизни, и тѣмъ менѣе въ жизни того общества, которое за эти вѣка пріобрѣтало извѣстную долю европейскаго образованія, создавало литературу (съ „національными“ поэтами), стремилось, наконецъ, такъ или иначе, къ сознанію и благоустройству государственной и народной жизни. Въ жизни этой отколовшейся части народа образовался уже вскорѣ свой особый бытъ: никакія новыя образовательныя воздѣйствія не проникали въ массу старовѣровъ; предоставленная самой себѣ, она продолжала жить старымъ содержаніемъ XVI—XVII вѣка, и съ этими скудными средствами старалась установить свой религіозный и гражданскій бытъ въ тѣхъ тяжелыхъ

условіяхъ, какія для нея создала исторія со временъ разрыва при Никонѣ. Такъ, вопросъ о священствѣ и іерархіи издавна былъ рѣшенъ двояко — въ поповщинѣ и безпоповщинѣ. Одна стремилась сохранить священство и, когда вымерло поколѣніе правильно поставленныхъ поповъ, которые были приверженцами старой вѣры, пришлось прибѣгать къ фикціямъ, т.-е. къ попамъ собственнаго (не совсѣмъ уже правильнаго) поставленія, или къ „бѣглымъ" попамъ и, наконецъ, къ цѣлой искусственно созданной іерархіи въ Бѣлой Криницѣ. Другая рѣшила обходиться совсѣмъ безъ поповъ — съ одной стороны, очевидно, по фактической трудности сохранить правильное священство, а съ другой потому, что уже очень рано въ народной массѣ, предоставленной самой себѣ, началось сильное религіозное броженіе. Дѣйствительно, среди отчужденія отъ всѣхъ образовательныхъ источниковъ, въ какомъ пребывала масса, въ ней продолжалось то необычайное возбужденіе, какое произвела эпоха разрыва съ господствующею церковью. Цѣлыя массы были затронуты первостепеннымъ религіознымъ вопросомъ: гдѣ истинная вѣра, и гдѣ подлинный путь душевнаго спасенія? Подъ гнетомъ преслѣдованія, стремившагося уничтожить старую вѣру, масса ея приверженцевъ, а именно, наиболѣе стойкихъ и упорныхъ, спасая свое религіозное достояніе, укрывались въ недоступныя дебри и пустыни; вопросъ вѣры сталъ предметомъ величайшаго возбужденія и повелъ, наконецъ, къ великому разнообразію религіозныхъ взглядовъ, изъ котораго произошла цѣлая масса раскольничьихъ ученій. Кромѣ собственнаго раскола, такъ или иначе сохраняемой „старой вѣры", явилось множество сектъ, уже не имѣвшихъ ничего общаго съ самимъ расколомъ,—о господствующей церкви нечего и говорить. Еще въ XVII столѣтіи расколъ дошелъ до крайнихъ степеней фанатизма: таковы были страшныя самосожженія, въ которыхъ за свою вѣру погибали тысячи людей. Почти столь же ужасныя явленія фанатизма совершались въ различныхъ видахъ сектантства—напомнимъ происходившую даже въ наши дни, потрясающую трагедію самопогребеній. Масса дѣйствовала въ тѣхъ потемкахъ, о которыхъ говоритъ историкъ. Дальше идти было нельзя.

Въ теченіе двухъ столѣтій судьба раскола и сектантства оставалась чужда для народа и общества, принадлежавшихъ къ господствующей церкви. Расколъ и сектантство были въ вѣдѣніи церковной власти, которая его обличала, и гражданской администраціи, которая управляла лишеннымъ правъ населеніемъ. До послѣдняго времени продолжаются бѣгства и укрывательства; съ

конца XVIII вѣка онѣ сформировались даже въ настоящую религіозно-гражданскую теорію у „странниковъ" и „бѣгуновъ". Практическая жизнь, въ старинной простотѣ нравовъ, давно уже создавала извѣстный modus vivendi, который основывался на подкупѣ мелкихъ и даже крупныхъ властей. Народная масса въ общемъ счетѣ относилась къ расколу съ извѣстной терпимостью или равнодушно; такъ называемое общество, съ тѣхъ поръ какъ оно стало образовываться, смотрѣло на расколъ различно, смотря по обстоятельствамъ и точкѣ зрѣнія.

Всего чаще это общество очень немного знало о расколѣ, какъ вообще не много знало о другихъ предметахъ народной и общественной жизни, о которыхъ не было уполномочено имѣть свое мнѣніе. Въ первое время такіе отзывы о расколѣ изъ среды общества, внѣ церкви и администраціи, довольно рѣдки. Люди новаго порядка вещей въ XVIII вѣкѣ не могли питать какого-нибудь сочувствія къ расколу, въ которомъ имъ бросалось въ глаза невѣжество и даже фанатическая ненависть къ просвѣщенію. Такъ относился къ дѣлу извѣстный Посошковъ. Подобная точка зрѣнія была отчасти и у одного изъ первыхъ церковныхъ обличителей раскола, Димитрія Ростовскаго, который былъ не только церковный учитель, но и ученый человѣкъ, и которому бросалось въ глаза, между прочимъ, простое незнаніе. Позднѣе такимъ же образомъ относился къ вопросу Кантемиръ, которому было ненавистно фанатическое невѣжество, изъ какого бы источника оно ни происходило. Эта сторона раскола не можетъ находить сочувствія и до сихъ поръ; разница лишь въ томъ, что новѣйшимъ наблюдателямъ виденъ не только фактъ, но и его происхожденіе, видны историческія и современныя условія, среди которыхъ это явленіе созрѣло. Вслѣдствіе того взглядъ новѣйшихъ наблюдателей, — не изъ среды церковной и гражданской администраціи, а изъ среды общества, — представляетъ вообще гораздо болѣе терпимости: на этотъ взглядъ, образовательные недостатки раскола возбуждаютъ не столько вражду, сколько сожалѣніе.

Но хотя общество въ теченіе XVIII-го и первой половины XIX столѣтія, по его собственному положенію, не могло много знать о расколѣ, а наконецъ и высказываться о немъ, въ общественныхъ взглядахъ происходила, однако, мало-по-малу, извѣстная перемѣна. Какъ, собственно говоря, ни были ограничены воздѣйствія литературы XVIII вѣка, въ наше общество проникали понятія, а потомъ и чувство человѣколюбія и терпимости, въ томъ числѣ терпимости въ дѣлѣ вѣры. Быть можетъ, это по-

слѣднее стало возрастать особенно въ то время, когда къ концу XVIII вѣка въ самомъ кругу общества возникало мистическое стремленіе къ духовному христіанству, вмѣстѣ съ охлажденіемъ къ обрядовой церковности. Масонъ Лопухинъ относится съ извѣстнымъ сочувствіемъ къ сектѣ духоборцевъ, которая была близка къ его собственному (не совсѣмъ ясному) „духовному рыцарству". Эти вліянія идей XVIII вѣка отразились на нѣкоторой терпимости, съ которой стали тогда относиться къ расколу и которая оказалась, напримѣръ, въ основаніи единовѣрія. Эти идеи отразились потомъ въ нѣкоторыхъ мѣрахъ временъ императора Александра I... Позднѣе эти болѣе мягкія настроенія опять заглохли въ суровой постановкѣ вопроса, во второй четверти столѣтія.

Новый, и во многихъ отношеніяхъ благотворный, интересъ къ расколу возникаетъ во второй половинѣ нашего столѣтія, въ эпоху реформъ. Въ первое время этого періода преобразованій, въ средѣ нашего общества произошло рѣдкое оживленіе умственныхъ и нравственныхъ интересовъ; какъ вскорѣ уже оказалось, въ большинствѣ это оживленіе было довольно поверхностно и непрочно, но въ извѣстномъ, болѣе образованномъ слоѣ оно успѣло принести результаты, чрезвычайно замѣчательные въ виду обычной косности. Среди этой болѣе сознательной части общества нашлись дѣятели предпринятыхъ тогда великихъ реформъ; въ литературѣ оживились преданія сороковыхъ годовъ и развились въ болѣе широкій горизонтъ благодаря тому, что вопросы, поставленные реформами, и бо́льшій просторъ литературной дѣятельности сдѣлали доступными многіе существенные предметы, которые до тѣхъ поръ были для литературы совершенно закрыты. Это были предметы народной жизни, жизни общественной и даже государственной. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало возможно историческое и этнографическое изслѣдованіе—опять въ такихъ размѣрахъ, которые еще до весьма недавняго времени, даже наканунѣ, были немыслимы. Между прочимъ, собственно говоря, въ первый разъ стали возможны изслѣдованія о расколѣ.

У людей болѣе образованныхъ, какъ мы видѣли, еще къ концу XVIII столѣтія развилось понятіе и чувство вѣротерпимости. Къ нему прибавлялось теперь простое человѣческое участіе къ темной народной массѣ, которая страдала изъ-за того, что нѣкогда была воспитана въ извѣстныхъ религіозныхъ понятіяхъ и была проникнута весьма естественнымъ для массы желаніемъ сохранить вѣру и преданія отцовъ. Каковы бы ни были преданія,—образованіе ихъ было дѣломъ исторіи, эта непреклонная вѣр-

ность имъ имѣла свое нравственное достоинство, какъ преданность нравственному принципу и убѣжденію. Съ другой стороны въ средѣ гонимаго раскола,—кромѣ того, что̀ было крайностью, что̀ было невѣжествомъ и изувѣрствомъ, были несомнѣнно многія сочувственныя черты, которыя иногда ставили старовѣра выше его нестаровѣрнаго сосѣдства: нѣкоторая установленная строгость жизни, общественная солидарность, присутствіе обязательнаго нравственнаго начала. Историческое изслѣдованіе, которое впервые стало возможно именно только со второй половины пятидесятыхъ годовъ, начало раскрывать самое происхожденіе раскола съ бо̀льшимъ спокойствіемъ и, слѣдовательно, съ большею справедливостью. До тѣхъ поръ въ изложеніи исторіи раскола господствовала исключительно та оффиціальная церковная точка зрѣнія, которая установлена была при Никонѣ: раскольники—отщепенцы, непокорные сыны церкви; на нихъ положено было проклятіе, которое лежитъ на нихъ и понынѣ; ихъ ученія превратны и заблужденія ихъ не заслуживаютъ снисхожденія; единственное средство примириться съ церковью и государствомъ заключается для нихъ въ отказѣ отъ ихъ заблужденій... Но когда началось болѣе безпристрастное изученіе самой исторіи, то оказались неожидаемые прежде результаты. Сначала въ видѣ предположенія, а потомъ все съ большей увѣренностью, историки приходили къ выводу, что „старовѣры“ XVII вѣка были дѣйствительные старовѣры, т.-е. люди, которые во время Никоновскаго исправленія книгъ и обрядовъ стояли дѣйствительно за книги и обряды, признававшіеся передъ тѣмъ самою церковью, торжественно установленные ея соборами, принятые нѣкогда святыми подвижниками, пользовавшіеся всеобщею вѣрою. Прежніе историки чувствовали этотъ фактъ, а именно, къ ихъ обычному взгляду не совсѣмъ подходилъ, напримѣръ, Стоглавый соборъ съ его постановленіями, на которыя и ссылались старовѣры: авторитетъ этого собора оффиціальная церковь стала отвергать уже въ XVII столѣтіи; позднѣйшіе церковные историки предполагали даже, что постановленія Стоглава были поддѣланы раскольниками. Въ дѣйствительности эти постановленія были совершенно подлинны и безъ всякихъ поддѣлокъ могли служить для старовѣровъ историческою опорою ихъ мнѣній.

Чѣмъ дальше шли историческія изысканія, тѣмъ болѣе приходилось убѣждаться, что расколъ XVII вѣка держался именно на почвѣ „старой вѣры“. Мы видѣли, наконецъ, что новѣйшій историкъ характеризуетъ вѣру XVI вѣка, эпохи Стоглава, царя Ивана Грознаго и митрополита Макарія, именно какъ „націо-

нальную" вѣру. Эту національную вѣру, — какъ она сложилась вѣками древней русской исторіи, — расколъ и старался сохранить. Если потомъ начались явленія изувѣрства, и начались затѣмъ разнаго рода извращенія религіозныхъ понятій, обильные примѣры котораго даютъ многочисленныя, донынѣ существующія, секты, то эти извращенія имѣютъ свой источникъ въ той общей постановкѣ церковнаго вопроса, какая дана была временами Никона и не измѣнилась впослѣдствіи. Масса старообрядства предоставлена была самой себѣ, ограничена была тѣснымъ горизонтомъ старинной книжности, носилась съ религіозными недоумѣніями и, не умѣя одолѣть ихъ, принимала нерѣдко самыя фантастическія рѣшенія. Если, напримѣръ, эта масса жила въ убѣжденіи, что со временъ Никона, или потомъ со временъ Петра, народился антихристъ и пришли послѣднія времена, можно себѣ представить, какія фантастическія средства спасенія могла придумывать безпомощная народная мысль. Если, однако, мы вспомнимъ умственный и религіозный уровень нераскольничьей народной массы, въ качествахъ этого уровня мы не найдемъ большой разницы съ уровнемъ раскола. Это были тѣ же потемки.

Въ вопросѣ о расколѣ дѣло не остановилось на одномъ историческомъ объясненіи и извѣстномъ оправданіи. Въ расколѣ стали находить положительныя стороны, нравственныя и бытовыя. Въ періодъ увлеченій народностью, съ тѣхъ же пятидесятыхъ годовъ, въ расколѣ иные хотѣли видѣть оригинальное выраженіе народной самодѣятельности въ области религіозной и бытовой жизни. Дѣйствительно, въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ какихъ приводилось жить расколу и гдѣ надо было иногда какъ бы вновь придумывать формы быта, эти формы придумывались иногда очень своеобразно, съ большою находчивостью и здравымъ смысломъ; но должно сказать, что вмѣстѣ съ тѣмъ придумывалось не мало страннаго и уродливаго, и во всякомъ случаѣ въ этихъ новыхъ бытовыхъ формаціяхъ не было ничего цѣльнаго и послѣдовательно проведеннаго, какъ и самый расколъ разложился на множество вѣроученій съ своими обычаями и преданіями.

Извѣстное сочувствіе къ расколу довольно естественно проявилось въ славянофильствѣ, хотя и здѣсь опять не было особенной послѣдовательности. Славянофильство заявляло весьма категорическое желаніе уйти изъ современнаго, на западный ладъ испорченнаго, общественнаго строя „назадъ", „домой" — куда именно, однако, оставалось не ясно. Это могло быть только

или XVI столѣтіе, съ Иваномъ Грознымъ и Стоглавомъ, или XVII-е, съ Никономъ и расколомъ. Притомъ славянофильство, по крайней мѣрѣ по мыслямъ его первыхъ основателей, не думало отказываться отъ той работы разума, какая представляется критикой и наукой. Болѣе положительной мыслью оставалось здѣсь, какъ впрочемъ и въ другихъ точкахъ зрѣнія, стремленіе къ историческому оправданію раскола и къ исправленію тѣхъ суровыхъ осужденій, какія произнесены были противъ раскола соборами XVII вѣка; высказывалась мысль о пересмотрѣ этихъ осужденій и о снятіи наложенныхъ этими соборами клятвъ.

Въ этомъ направленіи была, наконецъ, высказана народничествомъ славянофильскаго оттѣнка оригинальная точка зрѣнія, на которой считаемъ не излишнимъ остановиться—между прочимъ по ея отношенію къ „культурной исторіи". Русская старина XVI столѣтія возводилась въ настоящій апоѳеозъ.

Излагая дѣятельность митр. Макарія въ XVI-мъ вѣкѣ, одинъ историкъ указываетъ, какъ, для объединенія мѣстной религіозной жизни и уничтоженія суевѣрій, созванъ былъ подъ предсѣдательствомъ Макарія Стоглавый соборъ; какъ при немъ же совершено объединеніе національнаго историческаго преданія и наконецъ объединеніе церковной письменности, и во всемъ этомъ выставленъ высокій національный идеалъ.

„Нужно было выдвинуть разсказъ о событіяхъ всей Руси; нужно было выставить всероссійское значеніе единой московской государственной власти; и вотъ является при Макаріѣ „Степенная книга", не равнодушная въ особенности къ историческимъ дѣятелямъ, такъ или иначе содѣйствовавшимъ возвышенію Москвы, и доказывающая, что царствующій домъ и руководимая имъ русская исторія сіяютъ блескомъ и славой и имѣютъ на себѣ особое Божіе покровительство.

„Такою ясностію и опредѣленностію ознаменовалась церковно-политическая дѣятельность XVI вѣка, руководимая собирателемъ русской церкви, митрополитомъ Макаріемъ. Составленныя имъ великія Четьи-Минеи суть, говоримъ, одинъ изъ тѣхъ великихъ актовъ, которые были вызваны сознаніемъ *всемірно-историческаго значенія* Россіи по отношенію къ религіозной истинѣ. Если Русь—это былъ третій и послѣдній Римъ, единственное хранилище чистаго православія, то, естественно, отсюда сама собой возникала потребность привести въ извѣстность всѣ просвѣтительныя средства, которыми она располагала, въ разныхъ областяхъ, въ мѣстныхъ церквахъ и монастыряхъ, со-

брать и переписать „всѣ святыя книги, которыя въ русской землѣ обрѣтаются“.

Далѣе: „Такимъ образомъ, Четьи-Минеи Макарія, митрополита всероссійскаго, кромѣ церковно-собирательной задачи, направлены были къ двумъ цѣлямъ: съ одной стороны показать, что православная Русь воспріяла духовное наслѣдство Византіи и обладаетъ неисчерпаемымъ богатствомъ греческой письменности въ славянскихъ переводахъ; а съ другой—что и въ русскихъ пустыняхъ живетъ слава Виѳаиды (т.-е. Ѳиваиды) и русскіе подвижники носятъ въ себѣ образъ свѣтилъ греческой церкви, что русская земля прямая и единственная наслѣдница древняго благочестія“.

Мы видѣли выше, какъ это міровоззрѣніе XVI вѣка представлено г. Милюковымъ въ изображеніи „національной вѣры“. Но здѣсь это міровоззрѣніе XVI вѣка указывается, какъ единственное и истинное національное.

„Съ половины XVII-го и въ теченіе всего XVIII вѣковъ Минеи Макарія были забыты. Это произошло отчасти оттого, что въ нихъ находились статьи, дававшія основаніе для мнѣній старообрядства, а главнымъ образомъ оттого, что въ теченіе этого времени въ русскомъ обществѣ началъ исключительно преобладать интересъ къ западно-европейской образованности. И русская наука, и русская литература смежили свои очи для всей древне-русской письменности.

„Со временъ Петра I вся новая русская исторія въ своей внутренней политикѣ есть ничто иное, какъ *послѣдовательное и систематическое самоотреченіе отъ всякаго мірового значенія* въ смыслѣ религіозномъ и церковномъ — и самая церковь низведена наконецъ въ разрядъ государственныхъ учрежденій.

„Расколъ же возникъ прямо изъ ослабленія и нарушенія преданій XVI вѣка о міровомъ значеніи Россіи по отношенію къ религіозной истинѣ. Реформы Никона потому именно такъ глубоко и потрясли народныя массы, что прямо были противоположны утвердившемуся на Руси сознанію, что въ цѣломъ мірѣ она есть единственная православная держава, и касались обычаевъ „обдержныхъ“, считавшихся православными. Авторитетъ Востока, принявшаго флорентинскую унію, казался слишкомъ ничтожнымъ для того, чтобы во имя его жертвовать обычаями древнерусскими, православными. Четвероконечный крестъ уже давно считали на Руси символомъ латинства и, по словамъ лѣтописца, стесывали съ церквей.

„Изъ мысли о нарушеніи вѣры въ единственной православ-

ной русской церкви возникло ученіе о конечномъ всемірномъ паденіи православія и явилась „безпоповщина“, какъ сонмъ избранныхъ въ послѣднее время существованія міра.

„Такимъ образомъ, русскій расколъ внутренно связанъ съ тѣмъ же самымъ преданіемъ XVI вѣка о русской церкви, какъ единственномъ хранилищѣ православія въ цѣломъ мірѣ, которое служило руководящимъ началомъ и при собираніи великихъ Четіихъ-Миней Макарьевскихъ“ [1]).

Какъ видимъ, рѣшеніе поставлено весьма категорически, хотя оно тотчасъ оказывается по существу противорѣчивымъ. Въ одной фразѣ виновникомъ „самоотреченія“ является Петръ Великій; но вслѣдъ затѣмъ говорится, что этимъ виновникомъ былъ скорѣе Никонъ. Одно изъ двухъ: если уже реформы Никона были „прямо противоположны“ древнему русскому сознанію и послужили источникомъ раскола, значитъ, что „самоотреченіе“ произошло еще въ московской Россіи, до Петра (что̀ и справедливо), и Петръ является только продолжателемъ движенія, начавшагося за полвѣка до его самостоятельной дѣятельности. Слѣдовательно, надо считаться не съ Петромъ, а съ его предшественниками въ самой московской Россіи. Обвиненіе Петра въ томъ, что онъ низвелъ церковь до одного изъ государственныхъ учрежденій, высказывалось уже давно, но, сколько намъ кажется, еще не было разсмотрѣно достаточно полно и безпристрастно именно въ связи съ тѣмъ, что̀ происходило въ русской церкви во второй половинѣ XVII столѣтія. Дѣло въ томъ, что споръ Никона съ Алексѣемъ Михайловичемъ былъ споръ принципіальный, споръ патріарха и царя, ѳеократіи и свѣтской государственной власти, и ѳеократія была побѣждена, между прочимъ, при содѣйствіи самихъ восточныхъ іерарховъ. У Петра не произошло прямыхъ столкновеній съ патріархами его времени. Онъ не начиналъ еще самостоятельной дѣятельности при Іоакимѣ (ум. 1690 г.), хотя Іоакимъ, приверженецъ старыхъ обычаевъ, былъ впередъ противъ нововведеній, какія начались еще при царѣ Алексѣѣ (или даже раньше) и должны были развиться еще сильнѣе при Петрѣ. Патріархъ Адріанъ былъ опять іерархъ съ понятіями стараго вѣка, ни мало не расположенный къ нововведеніямъ, которыя, однако были необходимы. Петръ не вступалъ съ нимъ въ прямую распрю или потому, что не хотѣлъ доводить дѣла до крайности, во избѣжаніе соблазна, или потому, что не придавалъ всему

[1]) Чтенія моск. Общ. ист. и древн., 1884, кн. I: Описаніе великихъ Четіихъ-Миней, предисловіе.

дѣлу большого значенія; но этимъ объясняется тотъ фактъ, что по смерти Адріана не было уже избрано новаго патріарха, и продолжительное „мѣстоблюстительство“ Стефана Яворскаго должно было ослабить воспоминанія о патріаршествѣ и подготовить учрежденіе синода. Это послѣднее, съ точки зрѣнія историковъ, желающихъ защищать старыя русскія преданія, является однимъ изъ величайшихъ насилій или преступленій Петра; откровенный и реальный способъ выраженія, какого Петръ вообще держался,—это назначеніе въ іерархическое собраніе „добраго офіцера“ для представительства свѣтской государственной власти, давали между прочимъ поводъ ужасаться военнаго произвола, внесеннаго въ священныя дѣла церкви. Въ дѣйствительности дѣло было не столь ново и даже не столь страшно, потому что самостоятельное значеніе іерархіи было подорвано гораздо раньше, при паденіи патріарха Никона, и „добрый офіцеръ“,—хотя нѣсколько оригинально,—символически представлялъ ту самую свѣтскую власть, которая нѣкогда свергла Никона. Историки, изображающіе учрежденіе синода, какъ низведеніе церкви въ разрядъ государственныхъ учрежденій, забываютъ другую сторону дѣла: если низведеніе могло совершиться, это само по себѣ означало, что іерархія уже ранѣе потеряла свою государственную силу; она не была низведена, а сама снизошла въ разрядъ государственныхъ учрежденій,—иначе она могла бы воспротивиться этому низведенію, чего она не сдѣлала.

Тѣ же историки оставляютъ обыкновенно неразъясненнымъ и даже нетронутымъ самый существенный вопросъ: дѣйствительно ли Россія XVI вѣка имѣла „всемірно-историческое значеніе“ по отношенію къ религіозной истинѣ? И возможно ли было имѣть такое значеніе при томъ культурномъ и образовательномъ положеніи ея, котораго нельзя не признать крайне скуднымъ и даже безпомощнымъ? Тогдашнее значеніе Москвы по отношенію къ восточному православному міру опредѣлялось политическимъ значеніемъ Россіи, которая была въ то время единственнымъ православнымъ царствомъ и могла оказывать матеріальную помощь, давать „милостыню“, притѣсняемымъ восточнымъ церквамъ, патріархамъ и монастырямъ, но это еще не значило, чтобы она господствовала надъ этимъ восточнымъ православіемъ высотою церковнаго просвѣщенія. Правда, московскіе люди XVI—XVII вѣка были убѣждены, что Москва стоитъ во главѣ православія и по чистотѣ своего ученія и обряда; въ концѣ концовъ они стали смотрѣть съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ на ту греческую церковь, отъ которой происходило все содер-

жаніе русской церковной книжности,—но это высокомѣріе было глубокой иллюзіей. Московскіе люди могли справедливо указать на упадокъ у грековъ внѣшняго церковнаго благочинія; но и въ XVI и еще болѣе въ XVII столѣтіи русскіе іерархи, въ случаѣ какихъ-либо церковныхъ недоумѣній, по неволѣ должны были обращаться къ тѣмъ же восточнымъ патріархамъ, потому что рѣшить эти недоумѣнія сами были не въ состояніи. И каждый разъ, дѣйствительно, только у этихъ патріарховъ, людей, по своему гораздо болѣе ученыхъ и по преданію шире понимавшихъ церковное ученіе, московскіе іерархи могли найти авторитетное объясненіе,—котораго все-таки они не всегда могли правильно понять и исполнить. Московскіе люди, вслѣдствіе полнаго отсутствія правильной школы (выше школы грамотности), какъ извѣстно, въ эту эпоху предполагаемаго „всемірно-историческаго значенія", дошли до того, что силу писанія заключили въ букву и христіанство—въ исполненіе обряда. Восточные патріархи принуждены были объяснять московскимъ людямъ вещи самыя элементарныя, напримѣръ, что истина христіанскаго ученія не заключена въ одномъ обрядѣ, что внѣшніе обряды могли быть въ различныхъ церквахъ различны по мѣстнымъ преданіямъ и что церковь давно признавала такія мѣстныя особенности, что обрядъ нельзя смѣшивать съ догматомъ, что̀ московскіе люди дѣлали безпрестанно и т. п. Московскіе люди своими домашними средствами никакъ не могли рѣшить вопроса о двойной или тройной аллилуіи, о хожденіи по солнцу или противъ солнца и другихъ вопросовъ подобнаго значенія. Когда жилъ въ Москвѣ ученый Максимъ Грекъ, ему точно такъ же приходилось объяснять предметы весьма элементарные, и его не только не понимали, но сочли еретикомъ и осуждали на соборахъ,—и только смутно чувствовали, что онъ говоритъ какую-то правду: митрополитъ Макарій „цѣловалъ его узы", но не освобождалъ изъ заключенія. Позднѣе, когда Арсеній Сухановъ препирался съ греками о вѣрѣ, и патріархъ совѣтовалъ ему говорить объ историческихъ вопросахъ съ его учеными людьми, Арсеній отказывался: онъ не довѣрялъ этимъ „даскаламъ"; они—„люди науки высокой, говорить съ ними не умѣть", и наука ихъ была, по его мнѣнію, іезуитская. Пріѣзжавшіе въ Москву восточные православные люди дивились московскому благочестію, т.-е. долгимъ службамъ, усердному исполненію обрядовъ, но дивились также и круглому невѣжеству... Неужели на этомъ могло быть основано всемірно-историческое значеніе?

Москва XVI—XVII вѣка не только не знала науки, но и

пугалась ея: это была мудрость „внѣшнихъ философовъ“, безъ которой вѣрующій человѣкъ могъ совершенно обойтись и которой долженъ былъ даже остерегаться; многія науки издавна были зачислены въ разрядъ „книгъ ложныхъ“, за чтеніе которыхъ грозила анаѳема,—въ числѣ такихъ книгъ были „остронумѣя“, „звѣздочетье“, „зелейникъ“; считалась опасной наука „гіомитрія“ и т. д. Такія запрещенія еще разъ повторилъ Стоглавъ въ половинѣ XVI столѣтія, когда остронумѣя и звѣздочетье создали уже систему Коперника, когда открытіе Америки, сдѣланное по теоретическимъ указаніямъ науки, разрушало въ конецъ средневѣковую космологію, которой еще держались въ Москвѣ, когда, однимъ словомъ, начиналось великое и непреодолимое развитіе науки, которую въ Москвѣ продолжали считать ересью или дьявольскимъ навожденіемъ... Неужели было возможно, чтобы русская жизнь и впредь сохранила то міровоззрѣніе, которому упомянутый историкъ придавалъ „всеміpно-историческое значеніе“? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно, такъ или иначе, должна была произойти та борьба, какую велъ Никонъ, а потомъ Петръ Великій. Русскую жизнь нельзя было предоставить въ распоряженіе протопопа Аввакума.

Мы остановились на этомъ эпизодѣ, какъ на одномъ изъ вопіющихъ примѣровъ того, къ чему приводитъ узкая односторонность, иногда руководимая даже благими намѣреніями. И здѣсь открывается важность культурно-историческихъ изученій, которыя въ особенности направляются къ опредѣленію самыхъ разнообразныхъ областей національной жизни, на дѣлѣ тѣсно связанныхъ между собой. Дѣйствительный успѣхъ національной жизни и „всеміpно-историческое значеніе“ возможны только тогда, когда находятъ свое правильное развитіе основныя стороны этой жизни, матеріальныя и нравственныя. Очевидно, что если бы авторъ изложенной теоріи взглянулъ на дѣло нѣсколько шире, т.-е. принялъ въ соображеніе другія стороны русской исторической жизни, онъ, вѣроятно, самъ усумнился бы во всеміpно-историческомъ значеніи Москвы временъ Ивана Грознаго и митрополита Макарія.

Возвращаемся къ книгѣ г. Милюкова. Нѣсколько главъ онъ посвятилъ историческому развитію русскаго раскола и сектантства. Какъ мы видѣли, нравственное положеніе массы въ эпоху возникновенія раскола авторъ характеризуетъ тѣмъ, что для народа явился вопросъ совѣсти: ему въ серединѣ XVII-го вѣка пришлось проклинать то, во что въ половинѣ XVI-го вѣка учили свято вѣровать. Это была, дѣйствительно, основная причина возникновенія раскола, и понятно, до какой степени было тяжело

это нравственное положеніе: приходилось разрывать не только со властью церковной, которая до тѣхъ поръ была окружаема великимъ благоговѣніемъ, но и со властью гражданской, которая поддерживала рѣшенія іерархіи. Въ результатѣ было страшное нравственное напряженіе, которое превращалось въ фанатизмъ и порождало величайшую ненависть къ „никоніанству“, побуждало къ бѣгству въ пустыню, къ вооруженному сопротивленію (осада Соловецкаго монастыря), наконецъ, къ самоистребленію въ ужасныхъ „гàряхъ“, противъ которыхъ возставала, наконецъ, сама раскольничья среда.

Дальнѣйшая исторія внутренняго развитія раскола, которую разъясняетъ г. Милюковъ, производитъ въ концѣ концовъ удручающее впечатлѣніе. Масса была глубоко увлечена религіознымъ вопросомъ, т.-е. вопросомъ совѣсти и душевнаго спасенія, основнымъ вопросомъ для вѣрующаго человѣка. Нужно было спасать старую вѣру, которой грозилъ антихристъ (Никонъ, потомъ Петръ); но спасать вѣру приходилось безпомощной, темной массѣ. Вскорѣ трудно было поддерживать даже самое богослуженіе—убывало число болѣе или менѣе правильно поставленныхъ поповъ, и въ виду „послѣднихъ временъ“ большая масса раскола подумала, что можно и совсѣмъ обходиться безъ поповъ. Въ подобныя времена, когда массами овладѣвало религіозное возбужденіе, нерѣдко бывало, что народныя мысли чрезвычайно расходились; религіознымъ фантастамъ удавалось находить себѣ послѣдователей, и возникали разнообразныя секты, доходившія иногда до чудовищныхъ формъ. Такъ бывало у чеховъ во времена гуситства; такъ бывало въ Германіи во времена реформаціи; такъ было и у насъ въ развитіи раскола. Уже вскорѣ послѣ его начала, обличители раскола боролись не съ одною формою старовѣрства, а со многими раскольничьими ученіями; число этихъ ученій еще увеличилось въ XVIII вѣкѣ и, можно сказать, увеличивается даже до сихъ поръ. Это было понятно. Въ силу того, что расколъ находился въ безправномъ положеніи, онъ не могъ сложиться во что-нибудь цѣлое, что̀ могло бы какъ-либо объединять массу старовѣрства; раскиданные на огромныхъ пространствахъ послѣдователи старой вѣры были по неволѣ разъединены, должны были поддерживать вѣру на свой страхъ, и здѣсь былъ полный просторъ для всякихъ варіацій старой вѣры, которыя, наконецъ, совершенно удалялись отъ своего перваго источника. Съ самаго начала раскола въ самой его средѣ возникаютъ эти междоусобные споры, которые продолжаются до сей минуты. Далѣе, такъ какъ старая вѣра утвердилась по преиму-

ществу въ народной массѣ, и притомъ въ самыя времена своего оффиціальнаго господства, въ XVI вѣкѣ, она совсѣмъ не знала правильной школы, то руководителями дѣла оставались начетчики, которымъ сами старообрядцы давали характерное названіе „буквалистовъ", люди иногда съ большой начитанностью, но безъ всякаго правильнаго знанія, догматическаго и историческаго, съ упорной вѣрой въ букву и съ міровоззрѣніемъ, которое остановилось на XVI вѣкѣ. Если въ числѣ крѣпкихъ пунктовъ старой вѣры была форма крестнаго знаменія и орѳографическая ошибка въ имени Іисуса (Ісусъ) и т. п., это было очень характернымъ указаніемъ на складъ вѣроученія (правда, что и съ другой стороны сложенію перстовъ также придавалось великое значеніе). Можно было бы думать, что одно обученіе грамматикѣ могло бы поправить орѳографическую ошибку, элементарное обученіе исторіи и географіи и т. п. могло бы исправить міровоззрѣніе XVI вѣка; но старообрядческая выучка не знала этихъ вещей и питалась только церковнымъ „книжнымъ почитаніемъ", какъ въ старину. Многочисленныя обличенія, исходившія отъ оффиціальной церкви, обыкновенно не достигали цѣли, частью потому, что впередъ возстановляли противъ себя тономъ вражды и нетерпимости, частью потому, что бывали недоступны для пониманія при недостаткѣ школы.

Останавливаясь на судьбѣ одного изъ главныхъ отдѣловъ раскола, такъ называемой поповщинѣ, которая именно старалась сохранить церковное преданіе на почвѣ старой вѣры и чуждалась другихъ, болѣе крайнихъ отраслей раскола, г. Милюковъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „Это направленіе религіозной мысли раздѣлило обычную судьбу всѣхъ среднихъ направленій. Развиваться такое направленіе могло бы лишь въ сторону одной изъ примиренныхъ въ немъ крайностей. Будучи компромиссомъ между православіемъ и безпоповщиной, поповщина могла приблизиться либо къ господствующей церкви, либо къ болѣе послѣдовательной партіи раскола. Но сближенію съ господствующею церковью препятствовало прежде всего отношеніе къ расколу духовной и свѣтской власти. Примиреніе, при данныхъ условіяхъ, не могло состояться на условіяхъ, которыя бы удовлетворили обѣ стороны, и не могло быть, поэтому, искреннимъ. Вотъ почему единственная серьезная попытка такого примиренія (единовѣріе) оказалась, по единодушному приговору обѣихъ сторонъ, вполнѣ неудачной. Что касается сближенія съ безпоповщиной, этотъ исходъ былъ доступенъ только для болѣе рѣшительныхъ. Такимъ образомъ, постоянно колеблясь между двумя крайностями

и не рѣшаясь остановиться ни на одной изъ нихъ, поповщина была обречена вращаться въ одномъ и томъ же заколдованномъ кругѣ старыхъ идей. Сколько-нибудь серьезные признаки внутренняго развитія въ ней не могли привести ни къ какой значительной перемѣнѣ, потому что результаты такого развитія тотчасъ же выходили, въ ту или другую сторону, изъ рамокъ этого промежуточнаго направленія" (стр. 64).

Подобнымъ образомъ не могла установиться и другая обширная область раскола, безпоповщина. Результаты ея историческаго броженія г. Милюковъ представляетъ такъ: „Къ нашему времени циклъ развитія безпоповщинскаго ученія, какъ и поповщинскаго, повидимому, завершился: ученіе исчерпало само себя и пришло къ результатамъ, отрицающимъ его основные принципы. Какъ и въ поповщинѣ, мы видѣли въ исторіи безпоповщины борьбу двухъ главныхъ партій, крайней и умѣренной. Въ противоположность поповщинскимъ партіямъ — крайняя партія была наиболѣе близкой къ традиціонному церковному ученію, и ея исторія состоитъ изъ ряда попытокъ удержать ученіе безпоповщины на той почвѣ, на которой создалось это ученіе въ началѣ раскола. Задача эта оказалась неосуществимой, такъ какъ чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становилось воспроизвести тѣ историческія обстоятельства и сохранить тотъ уровень религіозной мысли, благодаря которымъ создалось ученіе объ антихристѣ. Другимъ путемъ, болѣе соотвѣтствующимъ ходу историческаго развитія, пошло умѣренное направленіе безпоповщины. Отчаявшись съ самаго начала втиснуть жизнь въ рамки отжившей теоріи, оно предпочло теорію подогнать къ требованіямъ жизни, и мало-по-малу принуждено было покинуть почву церковной традиціи и обрядоваго формализма. „Церковь не стѣны церковные, но законы церковные: егда бѣгаеши въ церковь, не къ мѣсту бѣгай, но къ совѣту: *церковь не стѣны и кровля, но вѣра и житіе*". Эта цитата изъ св. Златоуста, пущенная въ оборотъ (по сборнику „Маргаритъ") еще „Поморскими отвѣтами" Андрея Денисова, не разъ повторялась во время споровъ о бракѣ богословами Покровской часовни. Въ сознаніи массы выраженная въ ней идея отчеканилась въ формѣ извѣстной пословицы: „Церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ". Этому основному тезису суждено было сдѣлаться исходной точкой цѣлаго ряда новыхъ, болѣе или менѣе оригинальныхъ продуктовъ религіознаго народнаго творчества" (стр. 90—91).

Наконецъ, авторъ обращается къ изученію русскаго сектантства, которое развивалось, собственно говоря, независимо отъ

раскола, хотя въ большой мѣрѣ находило своихъ кліентовъ на той же почвѣ религіознаго возбужденія. Сравнивая два теченія народно-религіозной жизни, г. Милюковъ дѣлаетъ слѣдующія любопытныя замѣчанія: „Прежде всего отмѣтимъ основныя различія въ характерѣ старообрядчества и сектантства. Являясь охранителемъ старины, русское старообрядчество держалось и держится исключительно въ народныхъ слояхъ, крестьянствѣ и купечествѣ. Напротивъ, сектантство, представляя выраженіе неудовлетворенной религіозной потребности, обще народу съ интеллигенціей. Съ самаго начала до самаго конца исторіи сектантства мы видимъ постоянный обмѣнъ между высшими и низшими общественными слоями (Тверитиновскія тетради, Сковорода и духоборцы, Селивановъ и Еленскій; Сютаевъ и Толстой). И притомъ, взаимная связь тѣхъ и другихъ, въ основѣ своей, устанавливается вовсе не на идеяхъ соціальнаго характера, какъ принято думать, но, главнымъ образомъ, на сходствѣ идей религіозныхъ и религіозно-философскихъ, на одинаковыхъ мнѣніяхъ и чувствахъ, связанныхъ съ вѣрой. Далѣе, что касается историческаго развитія самыхъ ученій старообрядчества и сектантства, мы находимъ не менѣе поучительную разницу. Русская поповщина въ теченіе всей своей исторіи вращалась въ заколдованномъ кругу идеи о благоустановленной іерархіи; возстановивъ теперь по-своему эту іерархію, поповщина вернулась къ своему исходному пункту. Напротивъ, безпоповщина навсегда разорвала съ церковной іерархіей и таинствами, но сдѣлала это съ цѣлью сохранить въ неприкосновенности все ученіе старой вѣры. Отвергнувъ, такимъ образомъ, форму и строго держась содержанія, которое было неразрывно связано съ этой формой, безпоповщина очутилась въ безысходномъ противорѣчіи сама съ собою. Ея положеніе могло имѣть смыслъ, какъ временное,— какимъ оно и разсчитывало быть; но оно стало невозможнымъ, превратившись въ постоянное. Безпоповщинѣ пришлось колебаться между поддержаніемъ, вопреки дѣйствительности, старой теоріи о временности своего ученія, или подвести подъ свое отрицаніе іерархіи и таинствъ новый раціоналистическій фундаментъ и, такимъ образомъ, приблизиться къ сектантству. Сектантство не было связано старыми ученіями и догматами. Поэтому, его вѣроученіе не стояло на одномъ мѣстѣ, какъ у поповщины, и не шло diminuendo по отношенію къ исходной точкѣ зрѣнія, какъ у безпоповщины. Напротивъ, въ развитіи сектантскаго вѣроученія мы видимъ постоянное crescendo, постоянное обновленіе формъ вѣры и постепенное углубленіе вѣроученія, далеко не

достигшее еще своего естественнаго конца. До сихъ поръ это развитіе религіозныхъ идей въ сектантствѣ шло двумя путями: путемъ евангелическаго и путемъ духовнаго христіанства. Начало евангелическому христіанству положила чисто интеллигентная проповѣдь, непрерывную традицію которой надо вести съ тетрадокъ Тверитинова. Распространившись послѣ него въ массѣ и принявъ мѣстами формы „жидовства", евангельскія ученія были освѣжены во второй половинѣ XVIII-го в. соприкосновеніемъ съ духоборствомъ. Результатомъ этого соприкосновенія явилось новое ученіе—молоканства, быстро распространившееся на подготовленной почвѣ. Наконецъ, еще вѣкъ спустя, идеи евангелическаго христіанства вновь освѣжены были пропагандой меннонитскихъ сектантовъ и баптистскихъ проповѣдниковъ; подъ ихъ вліяніемъ русскій евангелизмъ принялъ новую форму штундобаптизма. Надо прибавить, что, за́ все время своего существованія, русское евангельское христіанство обнаруживало склонность къ духовному. Что касается самого духовнаго христіанства, его происхожденіе было чисто народное. Выйдя изъ того же религіознаго броженія, которое создало безпоповщину, русское духовное христіанство на первыхъ порахъ сохранило связь съ расколомъ и, отвергнувъ церковныя формы, взамѣнъ ихъ ввело другія, заимствованныя изъ стараго народнаго обихода. Такъ сложилась та промежуточная форма духовнаго христіанства, которую представляетъ хлыстовщина. Сообразно народному пониманію, главную роль игралъ въ ней культъ, а присутствіе Духа ограничивалось избранными лицами, Христами и пророками, сообщаясь остальнымъ лишь во время радѣній. Своеобразное превращеніе наиболѣе строгой части хлыстовщины въ скопчество не имѣло значенія въ общей связи развитія идей духовнаго христіанства. Несравненно важнѣе было одновременное со скопчествомъ появленіе новаго, болѣе чистаго вида духовныхъ христіанъ въ сектѣ духоборцевъ. Ученіе духоборчества, въ самомъ началѣ сильно спиритуализированное его интеллигентными или начитанными вождями, не могло быть сразу усвоено массой въ этомъ чистомъ видѣ; вотъ почему, обновивъ ученіе евангельскаго христіанства, въ своей собственной сферѣ оно сдѣлалось игрой въ символизмъ и только постепенно, въ послѣднее время подъ вліяніемъ толстовщины, стало достояніемъ массы. Постепенное увеличеніе интереса и пониманія идей духовнаго христіанства сказалось съ самаго начала XIX-го столѣтія, и въ старыхъ сектахъ—хлыстовщинѣ и скопчествѣ, — углубленіемъ ученія о внутреннемъ духѣ и измѣненіемъ народныхъ формъ стараго культа" (стр. 130—132).

Что касается дальнѣйшаго развитія этого движенія, которое авторъ характеризуетъ какъ народно-религіозное творчество, г. Милюковъ, повидимому, присоединяется къ заключенію одного новаго противо-сектантскаго журнала, что наши секты „скорѣе всего способны объединиться на почвѣ такого религіознаго лжеученія, которое, разрѣшая вопросъ вѣры, въ то же время не оставляло бы безъ отвѣта и соціальныхъ интересовъ общественной и государственной жизни,—и потому будущность предстоитъ интеллигентной религіозно-раціоналистической доктринѣ, а не народной, и какою является штундо-баптизмъ".

Наконецъ, авторъ дѣлаетъ очеркъ исторіи господствующей церкви со стороны ея внутренняго склада: общественнаго положенія духовнаго сословія и его образовательнаго ценза, отношенія государства къ церкви, соотвѣтствія новаго церковнаго устройства задачамъ церковной жизни, состоянія богословской науки.

Два слѣдующіе отдѣла книги г. Милюкова озаглавлены: „Церковь и творчество", „Школа и образованіе". Оба весьма интересны. Первый дѣлится на двѣ главы: „Церковь и литература" и „Церковь и искусство". Авторъ дѣлаетъ обзоръ болѣе или менѣе извѣстныхъ, или совсѣмъ извѣстныхъ, фактовъ развитія литературы и искусства въ старомъ и новомъ періодѣ нашей исторіи, но эти факты получаютъ новый интересъ по ихъ освѣщенію въ связи съ общимъ теченіемъ русской жизни и съ ея культурными условіями. Исторія литературы и исторія искусства (хотя послѣдняя еще крайне мало разработана) всего чаще изучались у насъ въ спеціальныхъ, такъ сказать техническихъ, рамкахъ: говоря о нихъ, въ особенности говоря о литературѣ, нельзя было миновать ихъ отношеній къ жизни общества, но и эти отношенія объяснялись, обыкновенно, только въ ограниченномъ районѣ ближайшихъ фактовъ, и отъ вниманія ускользала общая связь явленій. Очевидно между тѣмъ, что факты литературы и искусства составляютъ результатъ сложнаго дѣйствія разнообразныхъ причинъ, и большая заслуга г. Милюкова состоитъ въ его постоянномъ стараніи изучать историческія явленія общественной жизни въ ихъ органической связи и взаимодѣйствіи.

Въ отдѣлѣ о школѣ и образованіи авторъ ведетъ внутреннюю исторію школы, ея содержанія и направленія, ея положительнаго или отрицательнаго отношенія къ потребностямъ общества и народа, отъ древнѣйшихъ временъ до новѣйшаго университета и школъ грамотности.

Мы не можемъ входить въ подробности многихъ любопытныхъ вопросовъ, которые затронуты въ историческихъ соображеніяхъ г. Милюкова. Эти вопросы иногда совершенно новы, какъ, напримѣръ, вопросъ объ отношеніяхъ церкви и творчества, въ цѣломъ составѣ этихъ отношеній. Въ сущности, изъ этого вопроса затронута была только одна часть, именно отношеніе церкви къ творчеству въ древнемъ періодѣ нашей жизни и литературы. Здѣсь, съ одной стороны, церковь, какъ извѣстно, дѣйствовала на народно-поэтическое творчество отрицательно, подавляя его свободное развитіе, — что̀ и отразилось въ древней письменности, которая вслѣдствіе того не сохранила для насъ древняго народно-поэтическаго преданія; съ другой стороны, когда распространеніе христіанства послѣ нѣсколькихъ вѣковъ установило въ народной жизни новое содержаніе, это отразилось въ народѣ возникновеніемъ новаго міровоззрѣнія и новой поэзіи въ легендѣ и духовномъ стихѣ. Подобнымъ образомъ церковное вліяніе отразилось въ искусствѣ—особыми стилями церковной архитектуры и церковной живописи. Наконецъ вліяніе церковности отразилось въ различныхъ формаціяхъ языка—книжнаго и народнаго. Затѣмъ наблюденія историковъ литературы обыкновенно прерывались; очевидно, однако, что вліяніе такого могущественнаго фактора національной жизни, какъ церковь, не могло не участвовать самымъ широкимъ образомъ во всемъ движеніи національнаго образованія, а затѣмъ литературы и художественнаго творчества. Относительно древняго періода г. Милюковъ отчасти устанавливаетъ факты, добытые новыми изслѣдованіями, отчасти расходится съ мнѣніями, какія высказывались по этому предмету. Онъ касается, наконецъ, и цѣлаго вопроса объ отношеніяхъ церкви къ новѣйшей литературѣ и искусству, вопроса, какъ мы замѣтили, до сихъ поръ мало затронутаго или совсѣмъ не затронутаго изслѣдованіемъ.

По взгляду автора, русская литература и искусство пережили въ своемъ развитіи четыре періода. Первый характеризуется механическимъ воспроизведеніемъ и невольнымъ искаженіемъ образцовъ, полученныхъ отъ Византіи; онъ соотвѣтствуетъ, въ церковно-народной жизни, внѣшнему воспріятію религіозныхъ формъ при безсиліи усвоить ихъ духовное содержаніе. Этотъ періодъ простого копированія идетъ до конца XV и до начала XVI вѣка (въ искусствѣ, исключеніе составляетъ архитектура вслѣдствіе ея зависимости отъ ея матеріала и мѣстныхъ условій). Второй періодъ занимаетъ XVI и XVII вѣкъ и, по опредѣленію автора, былъ періодомъ безсознательнаго народнаго творчества.

Это былъ періодъ, когда, по прежнему опредѣленію автора, образовалась „національная вѣра". Предъидущіе вѣка создали упорный церковный формализмъ, и въ силу его явилось преувеличенное почитаніе мѣстныхъ московскихъ особенностей, которыя приняты были за самую подлинную національную старину; вмѣстѣ съ этимъ возникаютъ опыты самобытнаго искусства — въ религіозной живописи и архитектурѣ. Потомъ, однако, (это было со второй половины XVII в.) ревнители настоящей греческой старины увидѣли чисто-національное происхожденіе церковныхъ и художественныхъ особенностей и подняли противъ нихъ усиленное преслѣдованіе. Этимъ создано было положеніе, которое, по словамъ автора, оказалось роковымъ для дальнѣйшей судьбы русскаго искусства. „Оффиціальная вѣра ставитъ этому искусству слишкомъ узкія рамки; народная вѣра слишкомъ занята вопросомъ самосохраненія, слишкомъ бѣдна интеллигентными вождями и, наконецъ, слишкомъ усердно стоитъ за сохраненіе московской старины, чтобы представить благопріятную почву для свободнаго развитія искусства". Нравственное состояніе русскаго общества въ эту эпоху авторъ опредѣляетъ какъ моментъ внутренней слабости, вызванной отпаденіемъ усерднѣйшихъ и равнодушіемъ оставшихся, и въ этотъ моментъ начинается первое могущественное вліяніе Запада, сопровождавшееся (въ самомъ концѣ XVII вѣка) сильнымъ религіознымъ возбужденіемъ. Можно было бы думать, что русскій художникъ найдетъ здѣсь то религіозное одушевленіе, изъ котораго возникало первое европейское искусство. „Но и въ этотъ рѣшительный моментъ оказалось, что русскій религіозный формализмъ слишкомъ силенъ, чтобы дать свободу новымъ тенденціямъ, и слишкомъ слабъ, чтобы возбудить къ нимъ сочувствіе въ широкихъ кругахъ. Русская православная душа была для этого отчасти слишкомъ стерилизована, отчасти слишкомъ поверхностно затронута религіознымъ вліяніемъ". Такимъ образомъ нашло самую благодарную почву *свѣтское* западное вліяніе, и въ самое короткое время міровоззрѣніе русскаго высшаго общества было „секуляризовано" (времена Петра и восемнадцатый вѣкъ). Съ этого начинается третій періодъ. „Отрѣшенное отъ своихъ національныхъ началъ, осужденныхъ церковью, и лишенное религіознаго импульса, отвергнутаго обществомъ, русское искусство потеряло всѣ шансы—сдѣлаться самостоятельнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не могло больше оставаться и народнымъ, такъ какъ все народное стало теперь *простонароднымъ*, т.-е. сдѣлалось достояніемъ низшихъ классовъ общества. Искусство должно было служить высшему классу и

украшать его обстановку точными копіями съ произведеній иностраннаго искусства". Оно потеряло вдохновеніе и связь съ дѣйствительностью, но пріобрѣло технику. Четвертый періодъ долженъ былъ, по словамъ автора, начаться тогда, когда пріобрѣтенная техника начала служить собственному содержанію. „Это произошло тотчасъ же, какъ только искусство перестало служить простой декораціей барской жизни и сдѣлалось истинной потребностью русскаго общества. Для литературы это положеніе наступило всего раньше; поэтому давно началось и ея сближеніе съ жизнью. Архитектура, живопись и музыка долѣе находились въ рабствѣ у высшаго класса, и ихъ самостоятельная жизнь началась только со времени великой соціальной реформы, измѣнившей всѣ классовыя отношенія русскаго общества. И какъ только въ нашемъ искусствѣ обнаруживались попытки самостоятельности, такъ тотчасъ же цѣлью этихъ попытокъ становилось служеніе обществу, а средствомъ — самый широкій реализмъ". Авторъ указываетъ при этомъ отличіе русскаго реализма отъ реализма западнаго: первый былъ смѣлѣе, потому что не былъ связанъ никакими преданіями школы; второй есть все-таки художественная теорія. Въ общемъ выводѣ авторъ говоритъ: „Отсутствіе традиціи есть основная причина этой разницы нашего искусства съ европейскимъ; а причина отсутствія традиціи заключается въ общемъ ходѣ развитія русской культуры. Религія у насъ слишкомъ поздно начала оказывать вліяніе на творчество, и вліяніе это было слишкомъ поверхностно: вотъ почему русское творчество не имѣло возможности органически развиться изъ тѣхъ же задатковъ, изъ которыхъ развилось художественное творчество Европы" (стр. 222—225).

Въ качествѣ общихъ итоговъ, эти заключенія берутъ, конечно, самыя крупныя черты историческихъ явленій и при требованіи бо́льшей точности нуждались бы въ оговоркахъ. Задатки XVIII вѣка заключаются уже въ послѣдней четверти XVII столѣтія. Литература XVIII вѣка далеко не служила только высшему классу и, напримѣръ, носила уже признаки развившихся позднѣе народныхъ интересовъ, и самаго реализма. Въ искусствѣ, усвоеніе техники не было дѣломъ безразличнымъ: здѣсь опять приходилось восполнять недостатокъ или отсутствіе прежняго развитія и готовить пріемы дальнѣйшей дѣятельности. Наконецъ, одновременно съ литературой, и нерѣдко параллельно съ ней, шла дѣятельность науки, которая въ трудахъ, еще съ начала XVIII вѣка предпринятыхъ для изученія русской земли, народа и исторіи, подготовляла впервые общественное и даже національное созна-

ніе въ новомъ, болѣе широкомъ направленіи, чѣмъ были національные инстинкты временъ московскаго царства... Въ другихъ случаяхъ самъ авторъ замѣчаетъ эти черты новѣйшаго періода нашей исторіи.

Остановимся еще на заключеніяхъ автора о современномъ положеніи нашей литературы. „Отрицаніе искусства,—говоритъ онъ,—постоянно ставили въ упрекъ реалистамъ 60-хъ годовъ. Въ сущности, оно только значило, что русская критика не хочетъ больше обсуждать русской общественной жизни, подъ предлогомъ оцѣнки литературныхъ явленій, а желаетъ прямо имѣть дѣло съ жизнью и открыто превратиться въ публицистику. Принужденная держаться въ рамкахъ искусства, критика мстила за свое положеніе, упорно ставя на обсужденіе странный вопросъ: что̀ выше, искусство или дѣйствительность? Занятая, главнымъ образомъ, дѣйствительностью, эта критика не имѣла ни досуга, ни желанія устанавливать философскія основанія эстетической оцѣнки. За то она употребила всѣ свои силы и весь талантъ своихъ представителей на выясненіе общественнаго значенія русскихъ художественныхъ произведеній, — и это было какъ разъ то, что̀, по обстоятельствамъ времени, болѣе всего нужно было русскому обществу". Соціальный романъ сдѣлался господствующей формой нашей литературы, какъ критика превращалась въ публицистику,—потому что въ нашей жизни отсутствовали другіе о̀рганы для выраженія общественнаго мнѣнія. Авторъ видитъ здѣсь исходъ того стремленія литературы сблизиться съ жизнью, какое совершается въ ней со временъ Петра Великаго, и вѣрно указываетъ въ этомъ все объясненіе и рѣшеніе длинныхъ споровъ о тенденціи и художественности. Авторъ считаетъ возможнымъ, что развитіе общественной жизни приведетъ тенденцію и художественность въ равновѣсіе. „Это будетъ значить, что тенденціозная беллетристика и публицистическая критика сдѣлали свое дѣло; и тотъ общественный интересъ, который поддерживалъ напряженное вниманіе публики къ этимъ литературнымъ формамъ, перейдетъ къ другимъ, въ которыхъ явленія русской общественности будутъ обсуждаться публично. Въ сущности, мы могли бы уже теперь въ этомъ тезисѣ замѣнить будущія времена настоящими". Къ сожалѣнію, еще трудно согласиться съ этими послѣдними словами. Достаточно вспомнить слова, еще недавно сказанныя нашимъ знаменитымъ сатирикомъ, объ эзоповскомъ языкѣ: онъ остается еще языкомъ нашей литературы—и беллетристики, и публицистики.

Авторъ думаетъ, наконецъ, что сближеніе литературы съ

жизнью въ одномъ отношеніи можетъ идти еще дальше, чѣмъ до сихъ поръ: литература можетъ и должна расширяться не качественно, а количественно—распространиться на новый кругъ читателей, которые до сихъ поръ обходились въ своемъ обиходѣ безъ литературы. Теперь, по словамъ автора, у образованнагó общества есть чѣмъ отвѣтить на этотъ запросъ народа,—потому что не даромъ наша литература, вмѣстѣ съ „реализмомъ", поставила на своемъ знамени и „народность". Въ слѣдующихъ словахъ историкъ очень справедливо отвѣчаетъ на давнишнія жалобы о разрывѣ съ народомъ. „Разойдясь съ „народомъ" въ своихъ вкусахъ и потребностяхъ, создавъ новый литературный языкъ, русское интеллигентное общество не заблудилось, не „измѣнило" народу и не ушло отъ него въ сторону. Оно лишь подвинулось впередъ по столбовой дорогѣ русскаго просвѣщенія. Теперь, по той же дорогѣ, отставшіе братья его догоняютъ, и не далеко то время, когда интеллигентная русская литература въ буквальномъ смыслѣ станетъ „народной". Что̀ новые читатели дадутъ литературѣ взамѣнъ, судить объ этомъ слишкомъ рано; но нѣтъ сомнѣнія, что въ расширеніи круга своего вліянія русская литература, какъ это бывало и прежде, найдетъ новые элементы для дальнѣйшаго развитія языка и творчества" (стр. 187—188).

Прибавимъ, что эта постановка вопроса не только исторически вѣрна, но и нравственно справедлива. Давнишніе, и теперь существующіе, обвинители этого „разрыва съ народомъ", во-первыхъ, не замѣчали, что при всѣхъ непривлекательныхъ сторонахъ XVIII вѣка удаленіе отъ народа имѣло главную основу въ соціальномъ положеніи вещей, главнымъ образомъ въ крѣпостномъ правѣ, созданномъ гораздо раньше, и въ той приниженности общества, какую вводилъ еще царь Иванъ Васильевичъ Грозный и которая только увеличивалась въ ходѣ вещей, — она, въ свою очередь, мѣшала проявленію болѣе здравыхъ междусословныхъ отношеній, зачатки которыхъ существовали несомнѣнно уже издавна. Во-вторыхъ, эти обвинители совершали историческую и нравственную несправедливость къ тѣмъ людямъ XVIII вѣка, которые бывали несомнѣнно проникнуты мыслью объ „общемъ благѣ", но въ частности мыслью о *нашемъ* народномъ благѣ и, напр., тогда уже бывали сознательными противниками крѣпостного права. Сами обвинители должны были чувствовать, но не поняли, что было что-то неладное въ ихъ приговорѣ, когда въ самомъ разгарѣ XVIII вѣка они встрѣчали Ломоносова, который былъ именно человѣкомъ изъ подлинной на-

родной среды, самъ дѣлилъ и на русской почвѣ создавалъ условность тогдашней литературы, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ одушевленъ несомнѣннымъ желаніемъ народнаго блага. И впослѣдствіи обвинители не замѣчали, что все развитіе новѣйшей русской литературы, мнимо оторвавшейся отъ народа, имѣло въ основѣ одну жизненную идею, которая постоянно возростала среди разнообразныхъ, иногда какъ бы поверхностно смѣнявшихся направленій; эта идея было именно стремленіе сблизиться съ народнымъ содержаніемъ на основаніи тѣхъ знаній и нравственныхъ понятій, какимъ научали „заимствованія" и „подражанія" Западу. Когда въ 1847-1848 гг. появились „Записки Охотника" Тургенева, славянофилы привѣтствовали ихъ и объясняли ихъ достоинство тѣмъ, что обращеніе къ народу дало писателю свѣжесть и богатство его содержанія: они не видѣли только, что это обращеніе къ народу было совершенно естественнымъ явленіемъ въ развитіи писателя „западника", который и послѣ того на всю жизнь остался западникомъ, и что его произведеніе съ немѐньшимъ восторгомъ встрѣчено было его друзьями, писателями того же мнимаго западническаго лагеря. Г. Милюковъ правильно понялъ, что трудъ литературы XVIII вѣка былъ приготовленіемъ къ ея современной дѣятельности, съ господствующимъ интересомъ къ народу,—приготовленіемъ частію инстинктивнымъ, частію сознательнымъ.

Изъ этого, хотя отрывочнаго, обзора книги г. Милюкова читатель можетъ судить объ ея серьезномъ историческомъ интересѣ. Наша исторіографія давно нуждается въ расширеніи наблюденій въ различныхъ сторонахъ исторической жизни и вмѣстѣ въ объединеніи этихъ наблюденій въ цѣльный обзоръ сложнаго развитія или, по крайней мѣрѣ, въ опытъ такого обзора. Спеціалисты, бо̀льшею частію, уклоняются отъ подобныхъ обобщеній; но понятно, что только въ этихъ обобщеніяхъ, — хотя бы на первое время неполныхъ,—самая наука можетъ оглянуться на достигнутый результатъ и точнѣе сознать предстоящія дальнѣйшія задачи. Съ другой стороны, только въ подобныхъ трудахъ общество можетъ видѣть плоды работы своего ученаго цеха, и эти труды могутъ послужить историческому самосознанію, которое несомнѣнно можетъ благотворно отразиться на современной дѣятельности общества. Пожелаемъ, чтобы авторъ, въ новыхъ условіяхъ его дѣятельности, нашелъ возможность довести до конца свою замѣчательную работу.

А. П.

БЕЗПОЧВЕННИКИ

— „Les Déracinés", rom., par Maurice Barrès. Par. 1897".

IV *).

Друзья и женщины.

I.

Г-жа Алисонъ съ дочерью рѣшили, что впредь онѣ будутъ обѣдать у себя; но это было очень досадно Стюрелю, который считалъ, что, вступая въ жизнь, онъ долженъ веселиться. Дня два спустя, когда онъ бѣгомъ поднимался по лѣстницѣ, какъ бывало въ дѣтствѣ, ему вдругъ попалась на встрѣчу Тереза.

— Такъ вы ужъ больше никогда не появитесь за столомъ? —спросилъ онъ, запыхавшись.

— Нѣтъ!—весело возразила она.—Но зато—это заставитъ васъ придти въ гостиную въ четвергъ!

Франсуа, однако, напрасно прождалъ ее въ гостиной: она не пришла. Его надежды на ухаживаніе за нею смѣнились грустью. „Смѣется она надо мной, или меня презираетъ"? — думалъ онъ. Воображеніе, неизвѣстность и робость придаютъ молодымъ людямъ чрезвычайную способность выдумывать себѣ всяческіе, одинаково невѣроятные, и утѣхи, и горести. Поэтому и Франсуа Стюрель подумалъ, что все на свѣтѣ было бы лучше, чѣмъ неловкость его положенія относительно Терезы Алисонъ, и онъ написалъ ей:

---

*) См. выше: янв., стр. 232.

„Вчера вечеромъ я былъ въ гостиной и—къ чему скрывать?—вышелъ оттуда огорченный. Мнѣ пришлось по неволѣ признать за вами право предпочесть всякое другое развлеченіе обѣщанію, которое вы дали человѣку, слишкомъ глубоко воспринимающему красоту и изящество, и свои собственныя горести, чтобы высказать вамъ свои настоящія чувства... Франсуа Стюрель".

„Вотъ я и попался!—подумалъ онъ, отправляя это письмо Терезѣ въ отсутствіе ея матери.—Я, кажется, играю передъ нею роль какого-то жалкаго вздыхателя"...

На виллѣ Кулонвѐ каждое слово, каждое движеніе каждаго изъ постояльцевъ тотчасъ же становилось добычей пересудовъ. Горничная Терезы, причесывая ее, замѣтила мимоходомъ:

— Внизу (т.-е. въ людской) сильно поговариваютъ объ этой, знаете, турчанкѣ. Говорятъ, она очень хороша со студентикомъ.

Предупрежденная такимъ образомъ, Тереза вывела заключеніе изъ записки Стюреля, что онъ—фатъ и человѣкъ избалованный. Сердце ея отнеслось къ нему безучастно, но воображеніе подсказало ей, что было бы интересно подшутить надъ нимъ, влюбивъ его въ себя. Она отвѣчала:

„Милостивый государь! Было бы гораздо хуже, еслибы, сойдя въ гостиную, я васъ тамъ не застала. Мы вѣдь просто условились, что вы меня подождете. Съ моей стороны, вся любезность ограничивается тѣмъ, что я согласилась принять ваше обѣщаніе. Докажите же мнѣ своимъ постоянствомъ на „четвергахъ", что вы дѣйствительно поняли, въ чемъ состоитъ единственный, возможный между нами договоръ, который, безъ какихъ бы то ни было условій, отдаетъ васъ въ распоряженіе—Терезы Алисонъ".

На новую любезную записку Стюреля молодая дѣвушка не отвѣтила вовсе, и на слѣдующій четвергъ ея опять не было въ гостиной. Но зато, спустя еще недѣлю, она съумѣла такъ устроить, чтобъ у него не осталось ни одной свободной минуты для Астины Аравіанъ. Привѣтливая, улыбающаяся, Тереза говорила ему о себѣ и разспрашивала о немъ такимъ непринужденнымъ и веселымъ тономъ, что неопытному юношѣ въ умъ не входило заподозрить подъ этой веселостью нѣкоторую нервность настроенія.

Поздними вечерами, когда стояла зима, онъ садился поближе къ красавицѣ-армянкѣ и восторгался ея разсказами о восточныхъ странахъ и столицахъ, о берегахъ далекой Азіи, гдѣ она родилась.

— Нашъ родъ, сколько мнѣ помнится, ведетъ свое начало отъ обитателей ущелья Киликіи; черезъ долину Евфрата и оазисы Месопотаміи мы проникли въ Персію, а оттуда въ Индію. Насъ

обратило въ бѣгство возмущеніе. Долго бродили мы въ пескахъ сирійскихъ, но я сама родилась въ Іоніи. Отецъ мой, по обязанностямъ службы, поселился въ Константинополѣ. Судя по именамъ своимъ, предки мои были художниками или продавцами браслетовъ, а это—ремесла, достойныя названія художества...

Красавица-армянка, подобно Шехерезадѣ, обладала удивительнымъ дарованіемъ превраснойразсказчицы и нѣсколько ночей подъ рядъ увлекательно говорила о самомъ лучшемъ изъ своихъ путешествій по Кавказу, прерывая разсказъ свой лишь ненадолго.

— Какъ я уже сказала, — продолжала она, — мы родомъ армяне; наша фамилія „Аравіанъ“ происходитъ отъ слова „арев“, т.-е. „солнце“, и тамъ, на родинѣ, считается одною изъ самыхъ знатныхъ. Имя мое „Астина“ происходитъ отъ имени богини Артиѳы, армянской Венеры, которой предки наши нѣкогда приносили жертвы на вершинахъ горъ. Я родилась въ Іоніи. Съ ранняго дѣтства своего я только и помню, что мать моя была красавица; что она, сидя на верблюдѣ, держала меня на рукахъ, когда мы бѣжали по случаю возмущенія, и что, доѣхавъ до берега моря, она умерла. Помню еще, что она говорила мнѣ много о розахъ и соловьяхъ, а я сидѣла у ногъ ея и забавлялась узкими длинными коробочками, на которыхъ были изображенія прелестныхъ мужчинъ, гнавшихся по ярко-зеленымъ лужайкамъ за черноокими очаровательными дѣвушками... Вотъ и все, что̀ я помню о матери своей.

— Армянамъ въ Турціи запрещено, какъ христіанамъ, быть на военной службѣ; зато имъ доступны должности въ министерствахъ и въ дипломатическихъ корпусахъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, отецъ мой, который былъ статскимъ совѣтникомъ въ Константинополѣ, вернулся домой изъ дворца султана, куда онъ былъ экстренно вызванъ, и упалъ въ страшныхъ корчахъ, въ которыхъ и умеръ. Вслѣдствіе этого, брата моего осыпали почестями и назначили въ посольство въ Петербургъ, куда онъ взялъ съ собою и меня. Мнѣ тогда было четырнадцать лѣтъ. Я была настроенія до того романическаго, что, еще незнакомая съ красотами вселенной, сама придумывала тысячи разсказовъ и описаній и вообще до того пріучилась сочинять, что мой старшій братъ, глава семьи, человѣкъ характера вообще угрюмаго, рѣшился отправить меня на время въ семью второго брата, инженера въ Тифлисѣ, когда мнѣ было всего только шестнадцать лѣтъ. Садясь въ вагонъ, я была рада, что густая вуалетка съ крупными мушками помогала мнѣ скрывать мое желаніе рас-

плакаться. Но все-таки мнѣ нравилось, что я ѣду въ такой дальній путь, что я нарядна и кошелекъ у меня туго набитъ, что у меня есть съ собой конфекты и большой букетъ цвѣтовъ. Сначала меня устроили въ отдѣльномъ купé, но вскорѣ оказалось такъ тѣсно въ вагонѣ, что мнѣ пришлось ѣхать вмѣстѣ съ другими пассажирами. Такимъ образомъ, я познакомилась съ одними очень любезными мужемъ и женой, которые ѣхали въ Пятигорскъ лечиться отъ чахотки. Они бесѣдовали со мной, кушали мои конфекты, и мужъ больной, когда мы обѣ спали, хлопоталъ о билетахъ, о багажѣ, приказывалъ подать намъ чай въ вагонъ, если намъ не хотѣлось выходить. Въ Ростовѣ-на-Дону, гдѣ мы должны были остановиться на сутки, я угостила своихъ дорожныхъ товарищей роскошнымъ обѣдомъ, который заказывала сама, удивляя своими познаніями всѣхъ, кто не зналъ, что я этому научилась, бѣгая по петербургскимъ ресторанамъ со своимъ старикомъ-дядей, который любилъ выпить. Красная, возбужденная, я еще больше засіяла, когда для уплаты по счету вынула туго набитый мужской портфель. Разставаясь со мной, супруги поручили меня вниманію солиднаго генерала-черкеса, который уже давно поглядывалъ въ мою сторону. На каждой остановкѣ, начиная съ Пятигорска, онъ подходилъ къ моимъ дверямъ, предлагая свои услуги, чтобы мнѣ сопутствовать на станціи; наконецъ, когда въ вагонѣ стало пусто, онъ предложилъ, что перейдетъ ко мнѣ, и забавлялъ меня весь вечеръ разсказами о дорожныхъ мошенничествахъ и приключеніяхъ... Къ десяти часамъ вечера, когда поѣздъ остановился въ Владикавказѣ, я почувствовала почти разочарованье, когда увидала на платформѣ брата.

— Переночевавъ въ городѣ, мы въ экипажѣ выѣхали по военно-грузинской дорогѣ и два дня еще ѣхали по крутымъ горамъ; наконецъ, братъ объявилъ мнѣ, что мы скоро будемъ въ Тифлисѣ, и заговорилъ о своей семьѣ, о своей домашней обстановкѣ. Онъ гордился тѣмъ, что живетъ въ своемъ родовомъ домѣ, и подъ однимъ кровомъ соединяетъ семьи трехъ замужнихъ сестеръ, нашихъ кузинъ. Старшая (его жена) была, по его мнѣнію, *наспдка*, вторая *Золушка*; третья же, самая младшая и самая хорошенькая, не понравилась мнѣ тѣмъ, что она пользовалась своими преимуществами въ ущербъ своей другой сестрѣ, дурнушкѣ. Поэтому, пріѣхавъ на мѣсто, я нарочно помѣстила ее въ одной комнатѣ съ собою, къ великой досадѣ ея мужа и моего брата.

— Мы проводили день въ полномъ бездѣльѣ. Съ утра муж-

чины уходили на службу, а мы, женщины, оставались дома; полураздѣтыя, окруженныя многочисленными слугами и дѣтьми, мы пили шербетъ и кофе, потомъ обѣдали и до шести часовъ весь домъ засыпалъ крѣпкимъ сномъ. Въ шесть здѣсь встаютъ, одѣваются и около восьми отправляются иногда въ городской садъ, на музыку, а иногда и въ питомникъ, гдѣ можно было достать фруктовъ и кофе, которое мы пили на коврахъ, раскинутыхъ на травѣ. Мы сами рвали фрукты и долго сидѣли потомъ на мѣстѣ, любуясь закатомъ и невольно умолкая, когда спускалась вечерняя мгла. Хоть и кишитъ кавказская жизнь мелочными интригами, но женщина, видѣвшая картины южнаго заката, на вѣки сохраняетъ въ глазахъ отпечатокъ чего-то глубокаго и мрачнаго, чего нѣтъ во взглядѣ парижанокъ. Одно изъ самыхъ любимыхъ развлеченій грузинокъ—это баня, въ которую онѣ отправляются большимъ обществомъ, въ нѣсколькихъ экипажахъ и веселой, шумной гурьбой, въ томъ же помѣщеніи, угощаются фруктами, виномъ, бараниной. Потомъ опять моются и наконецъ ѣдутъ домой. Это своего рода праздникъ. Еще любимое занятіе женщинъ на Кавказѣ, это—домино, въ которое играютъ на деньги въ особыхъ домахъ, съ платой по десяти копѣекъ за входъ... Если бы ты видѣлъ, какъ просто и весело проводится время въ этомъ замкнутомъ помѣщеніи, которое ютится гдѣ-нибудь на узкой, грязной улицѣ древняго города юга, ты бы почувствовалъ себя во сто разъ счастливѣе въ этой сферѣ бездѣлья, нежели за своими книгами, подъ надзоромъ г-жи Кулонвò. Я еще недостаточно съумѣла тебѣ представить, до чего велика простота и полнота жизни на Кавказѣ.

— Однако, мнѣ никогда бы не хотѣлось проводить цѣлые дни въ дремотѣ, какъ женщины гарема,—возразилъ Стюрель, чувствуя себя обязаннымъ вступиться за европейцевъ.

— Послушай, милый! Хоть я и люблю твои глаза, а все же я тебя совсѣмъ еще не знаю, не знаю твоихъ вкусовъ и воззрѣній. Есть люди, которые довольствуются тѣмъ, что ихъ несетъ теченіемъ, какъ молодую стерлядь внизъ по Волгѣ, и такихъ именно армянъ—цѣлые милліоны: они жили и умрутъ, не видавъ ни рѣзкихъ радостей, ни большихъ печалей. Но я могла бы спѣть тебѣ пѣсни свободы, пѣсни „Камаръ-Катьба", и ты понялъ бы ихъ, какъ понимаешь, напримѣръ, Байрона, сколько я могла замѣтить. И еслибъ тебѣ вздумалось вступиться за армянъ, какъ онъ въ былое время вступился за грековъ, ты обратилъ бы на себя вниманіе всей страны, всего армянскаго народа, который еще способенъ тѣшить себя иллюзіями, и спо-

собенъ создать тебѣ славу, тебя вознаградить! Тамъ ты нашелъ бы настоящую опасность, но что̀ скорѣе всего способно было бы тебя увлечь, такъ это чудный кавказскій климатъ и природа, разнообразіе типовъ и картинъ, щедрость природы, множество красивыхъ женщинъ, плодовъ и животныхъ и ихъ скоропреходящій, но пышный блескъ. Еслибы тебѣ такъ же, какъ мнѣ, въ шестнадцать лѣтъ случалось часто проходить мимо безчисленныхъ маленькихъ кладбищъ на пути изъ игорнаго дома, и чувствовать случайность и тщету всего мірского, у тебя, во всѣхъ твоихъ дѣйствіяхъ, сохранился бы нѣкоторый отпечатокъ положительности.

Какъ-то, во время ея разсказовъ о своихъ душевныхъ ощущеніяхъ, Франсуа слишкомъ долго, по ея мнѣнію, молчалъ.

— А!—сказала она съ оттѣнкомъ презрѣнія.—Мнѣ, кажется, приходится воспитывать молодыхъ людей?

Онъ поблѣднѣлъ. Его иногда задѣвали за живое тѣ же достоинства красавицы, ея остроуміе и находчивость, которыми она въ то же время его привлекала. Люди сильные духомъ вообще предпочитаютъ уединеніе, и потому красавица-армянка не получила отъ него должной оцѣнки своего замѣчанія. Его изумляла эта чужестранка, такъ легко примѣнявшая на дѣлѣ свой принципъ:

— Дѣлай все, что̀ хочешь, но дѣлай прилично!

Астина была для него чудесной книгой, которую онъ съ жадностью читалъ; но, воспитанный ею, онъ уже спѣшилъ насладиться прелестями живой дѣвичьей бесѣды, звукомъ голоса и непринужденностью манеръ Терезы, которая, въ свою очередь, затѣвала воспитывать своего новаго поклонника.

— Я уже смотрю сквозь пальцы на всѣхъ вашихъ друзей, хоть они, право, и одѣться-то не умѣютъ,—говаривала она, и улыбалась, припоминая всѣхъ его Ремерспахеровъ и Сюре-Лефоровъ, которыхъ видѣла только мелькомъ.—Какъ дурно ни держитъ себя иной мужчина, у него все-таки найдутся стороны, которыя вознаградятъ за это... Но эта ваша персіянка, турчанка, армянка?!

— А вы,—еще съ бо̀льшимъ презрѣніемъ возражаетъ Стюрель,—вы согласились бы отстранить отъ себя г-на де-Нелль?

Г-нъ де-Нелль—завсегдатай „четверговъ“ на виллѣ Кулонво̀. Ему двадцать-восемь лѣтъ; онъ прикомандированъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ; онъ полонъ сословныхъ предразсудковъ и преклоняется передъ всѣмъ, что̀ только носитъ на себѣ печать общественнаго вліянія. Онъ толстякъ, голова у него какъ

у англійскаго кучера; онъ вѣчно улыбается, и любитъ шутить съ дамами республиканскаго круга, но восхищается и Жюлемъ Ферри. Онъ не настолько уменъ, чтобы понимать, что интересъ не есть единственный двигатель міровыхъ событій, что онъ иногда долженъ уступать болѣе благороднымъ страстямъ и побужденіямъ. Наконецъ—непростительный недостатокъ!—онъ силится показать свой умъ именно тамъ, гдѣ ума не надо...

На возраженія Стюреля, чтобы только его посердить, Тереза говоритъ:

— Напротивъ! Я даже ищу себѣ еще парочку такихъ же „Неллей". Въ Ниццѣ, и въ Карлсбадѣ, и вездѣ-вездѣ у меня было непремѣнно трое тѣлохранителей. Вы не ѣздите верхомъ, вы не танцуете, спектакли вамъ кажутся скучны... За ними одно только достоинство: они—хорошенькіе мальчики; и я не думаю, чтобы вы были такъ поверхностны, что рѣшились бы ревновать къ этимъ „статистамъ"!

Франсуа объясняетъ ей, въ чемъ именно его шокируетъ баронъ де-Нелль; но Тереза настаиваетъ на своемъ.

— Я хочу, чтобъ вы были друзьями,—говоритъ она:—онъ почти такъ же уменъ, какъ вы.

Вся сила въ томъ, что баронъ осыпаетъ Терезу любезностями, и на молодую дѣвушку онѣ дѣйствуютъ какъ ласковое прикосновеніе къ блестящимъ перышкамъ хорошенькой пташки: онѣ придаютъ ей и живости, и блеска, и самой привлекательной необдуманности въ голосѣ, въ словахъ, въ движеніяхъ...

Обстоятельства благопріятствовали Стюрелю. Недѣли черезъ три, г-жа Аравіанъ, до зѣвоты скучавшая въ гостиной г-жи Кулонвѐ, уѣхала изъ города съ тѣмъ, чтобы ужъ туда не возвращаться, и Стюрель нѣсколько разъ въ недѣлю заходилъ къ ней, чтобы выслушивать продолженіе ея интересныхъ разсказовъ, длившихся нерѣдко до самаго утра.

II.

Изо всѣхъ товарищей Стюреля, Ремерспахеръ—единственный, работавшій серьезно. Несмотря на то, что своими занятіями по медицинѣ онъ выдвинулся въ первый рядъ студентовъ, онъ все же находитъ время читать, и читать толково, систематически, и, что̀ еще похвальнѣе, вести записки изъ прочитаннаго.

Реноденъ продолжаетъ нести свою нелегкую службу репортера и жалѣетъ о двухъ годахъ, которые проработалъ подъ руко-

водствомъ Порталиса. Но зато онъ значительно цивилизовался; онъ поумнѣлъ и научился слушать и говорить. Поэтому въ его бесѣдахъ съ товарищами значительная доля отводится изученію нравовъ и разсужденіямъ.

Что же касается толстяка Ракадò, который служитъ какъ бы чѣмъ-то вродѣ переписчика у нотаріуса, и Мушфрена—они живутъ себѣ пока съ какими-то писцами и женщинами легкаго поведенія. Но чтò жъ подѣлаетъ со своей свободой Мушфренъ, который съ трудомъ добываетъ себѣ въ мѣсяцъ по тридцати франковъ? Онъ былъ бы героемъ, еслибъ жилъ добродѣтельно и честно. Сначала онъ покутилъ съ товарищемъ, а затѣмъ принялся искать уроковъ, въ надеждѣ размѣнять на деньги, на мелкую монету, свои познанія въ латыни, въ географіи и т. п. Ракадо, тоже, не прочь былъ поработать, и оба обратились къ Бутелье́, который, чрезъ посредство своего секретаря, назначилъ имъ день и часъ для свиданія.

Бутелье́ жилъ на улицѣ Клодъ-Бернаръ. Въ маленькой столовой, куда слуга проводилъ молодыхъ людей, уже сидѣло четверо посѣтителей, которые ожидали хозяина дома. Онъ самъ выходилъ къ нимъ и уводилъ каждаго къ себѣ въ кабинетъ. Когда онъ первый разъ показался въ дверяхъ, Ракадо и Мушфренъ встали, но, не встрѣтивъ хотя бы его взгляда, огорчились. Впрочемъ, его сюртукъ, его блѣдное лицо и откинутая назадъ голова были тѣ же, что и прежде.

Когда пришла ихъ очередь, онъ протянулъ имъ руку и, усѣвшись, просто спросилъ:

— Г. Мушфренъ, г. Ракадо, чѣмъ могу быть полезенъ?

Въ эту минуту служанка принесла ему завтракъ: пару яицъ, стаканъ воды и чашку чая.

— Вы позволите? Я буду завтракать и въ то же время слушать,—обратился Бутелье́ къ молодымъ людямъ.

Мушфренъ объяснилъ ему, въ чемъ ихъ горе, и просилъ доставить имъ частные уроки.

— Позвольте, господа,—возразилъ профессоръ,—это было бы противъ моей совѣсти. Какое бы то ни было указаніе моимъ ученикамъ съ моей стороны было бы насиліемъ. Нѣтъ, какъ мнѣ ни жаль, но я рѣшительно не могу замолвить за васъ слово!..

Ободряя молодыхъ людей, однако, онъ задавалъ вопросы и самъ же отвѣчалъ на нихъ. И, наконецъ, вставая, сказалъ въ заключеніе:

— Господа! Если вамъ когда будетъ пріятно придти раздѣ-

лить со мною мой завтракъ, васъ встрѣтитъ здѣсь всегда вашъ другъ.

Молодые люди посмотрѣли на скорлупку яичекъ, на теплую комнату, заваленную книгами, папками, газетами и журналами; на высокую, строгую и благородную осанку Бутелье́. Имъ вспомнилось, что они для того и пришли сюда, чтобъ предложить ему быть въ его свитѣ, любить его, служить ему... Но онъ казался имъ теперь такимъ увѣреннымъ въ себѣ, такимъ поглощеннымъ дѣлами, что, вѣроятно, у него ужъ были „свои" помощники, а они въ его глазахъ — ничто...

Они вышли отъ него приниженные, разсыпаясь въ извиненіяхъ и въ изъявленіяхъ благодарности.

Какъ со стороны родителей, такъ и со стороны учащихся, довольно справедливыя опасенія возбуждаетъ незнакомый для нихъ преподаватель; они предпочитаютъ того, котораго знаетъ хорошо ихъ товарищъ или хотя бы ихъ швейцаръ. Бѣдные лотарингцы старались убѣдить себя, что ихъ упорство должно же восторжествовать, и обивали пороги всякихъ бюро и конторъ, гдѣ, обыкновенно, ихъ сначала ободряли, восторгались ихъ познаніями...

— Въ такіе молодые годы! Двадцать-одинъ годъ? Прекрасно! Вотъ счастливая случайность!—И за двадцать франковъ (первый взносъ) сообщали адресъ...

Но по адресу они находили только ловкаго плута, который сообщалъ имъ, что, „къ сожалѣнію, только-что" приглашенъ другой.

Ракадо, какъ человѣкъ довольно проницательный, примирился со своей судьбой и, сохраняя за собой мѣсто у нотаріуса, сталъ искать другихъ средствъ къ заработку. Мушфренъ не могъ въ срокъ уплатить за квартиру (что̀ съ нимъ, впрочемъ, неоднократно повторялось) и, что̀ называется, сбѣжалъ. Наконецъ, пристроившись въ качествѣ преподавателя въ загородномъ училищѣ, онъ кое-какъ перебивался, страшно уставая, питаясь, по бѣдности своей, только картофелемъ, который самъ себѣ варилъ. Мѣсяцъ спустя, ему отказали. Онъ сталъ давать уроки иностранцамъ, по двадцати су за урокъ; но это народъ не изъ прилежныхъ, и бѣдному малому пришлось то-и-дѣло обращаться къ Ремерспахеру, къ Стюрелю, Сенъ-Флену и Сюре-Лефору, то къ нимъ на домъ, то въ кафе́, приговаривая:

— А вѣдь я третій день, какъ ничего не ѣлъ! Третій день, какъ ужъ не курилъ!

Отецъ пишетъ ему очень, очень рѣдко; денегъ у него нѣтъ.

Ракадо также вынужденъ былъ оставить свою подготовку къ юридической карьерѣ. Исхода нѣтъ; но бѣдняки все-таки настойчиво хотятъ продолжать заниматься.

Въ то время, какъ пишутся эти строки, есть на-лицо семьсотъ-тридцать человѣкъ кандидатовъ филологіи и наукъ, которые просятъ мѣста въ министерствѣ. Они считаютъ, что ихъ дипломъ—это своего рода обязательство, выданное государствомъ, а пока—четыреста-пятьдесятъ человѣкъ изъ числа ихъ идутъ въ репетиторы, лишь бы кое-какъ перебиваться. Но такое положеніе не приводитъ въ отчаяніе ни студентовъ, ни самый факультетъ, въ которомъ имѣется до трехсотъ-пятидесяти стипендіатовъ, когда въ его распоряженіи всегда только шесть мѣстъ, являющихся яблокомъ раздора для семисотъ-тридцати кандидатовъ; но ихъ число возрастетъ до тысячи двухсотъ, и такимъ образомъ, ежегодно будетъ рости до безконечности. То же происходитъ на всѣхъ факультетахъ; всѣ эти кандидаты безъ должности ожесточаются и, если не могутъ нападать на администрацію, принимаются взваливать всю вину на общество.

Всякіе Ракадо и Мушфрены состоятъ, такъ сказать, „въ крайней лѣвой“, то-есть, въ числѣ самыхъ озлобленныхъ, самыхъ несчастныхъ. Нельзя сказать, чтобы Стюрели, Ремерспахеры и другіе нарочно угнетали Ракадо и Мушфреновъ; но таковы ужъ сами по себѣ условія, созданныя факультетской жизнью,—они ломаютъ и топчутъ бѣдняковъ.

Въ тѣ времена, главными сторонами жизни въ Латинскомъ кварталѣ были: бѣгà и пивная съ женскимъ элементомъ. Толстякъ Ракадо игралъ для женщинъ на тотализаторѣ и даже довольно благополучно, не забывая при этомъ распускать слухъ, что получаетъ наслѣдство въ *сто* тысячъ франковъ, которыхъ на дѣлѣ было всего только *тридцать*.

Посредницей между своими подругами и Ракадо была, конечно, Леонтина, про которую друзья его нерѣдко говорили:

— Если Ракадо не можетъ ее содержать, отчего онъ ее не броситъ?

— Оттого, что онъ недостаточно для этого богатъ,—возражалъ Ремерспахеръ; но ошибался. Не выгода, а естественное влеченіе его къ грубой женщинѣ изъ черни было тому причиной.

Школа низкопробныхъ женщинъ была не для Стюреля: его сердечныя стремленія были всецѣло сосредоточены на красавицѣ Астинѣ и на Терезѣ Алисонъ. Чтò бы ни говорили народныя легенды, а первые годы юноши, по крайней мѣрѣ въ горо-

дахъ, проходятъ безобразно. Счастье Стюреля, что онъ не попалъ въ обычную колею, которой слѣдуетъ большинство, пока не выберетъ себѣ каждый свою скорлупу, въ которую и забьется, какъ какой-нибудь безмятежный моллюскъ.

Слѣдуя общему теченію, Ремерспахеръ и Лефоръ заключали легкомысленныя связи съ дѣвушками, недостойными ихъ вниманія; но первый, благодаря своей врожденной человѣчности, думаетъ, что онъ ихъ жалѣетъ и любитъ только потому, что способенъ найти имъ извиненіе; второй смотритъ на этихъ несчастныхъ съ презрѣніемъ, несмотря на то, что готовится быть однимъ изъ главарей народной партіи. Въ его глазахъ онѣ просто докучныя своей безцеремонностью служанки, подчиненныя—и только. Его любовь къ политикѣ быстро превратилась въ страсть.

Годъ спустя по прибытіи своемъ въ Парижъ, Ракадо и Мушфренъ все еще не извлекли никакой пользы отъ своего пребыванія въ немъ, а слѣдовательно—потеряли. Они не восходящая демократія, а — нисходящая аристократія...

Сенъ-Фленъ и Ремерспахеръ, благодаря тому, что они обезпечены, могутъ съ пользою употреблять драгоцѣнный даръ свободы, предаваясь занятію науками, которыя ихъ привлекаютъ; они любятъ бесѣдовать о средствахъ съ пользою служить прославленію человѣчества. По окончаніи спора, они нерѣдко сходятся въ заключеніи, что хотя выводы у каждаго и получаются разные, но зато методы исканія истины у обоихъ одинаковы. Вкусы и воззрѣнія ихъ во многомъ сходились; оба были лакомки и часто разбирали общественные вопросы, сидя у Фойо или въ „Café Voltaire“; оба, съ тѣхъ поръ, какъ вышли изъ лицея, пришли къ весьма важному выводу, а именно, что всякій воленъ хулить или хвалить общественные порядки, но если вздумаетъ ихъ исправлять, то прежде всего онъ долженъ смотрѣть на нихъ серьезно уже по одному тому, что они существуютъ. Еще не обладая въ достаточной мѣрѣ силой анализа, эти молодые люди, однако, уже соображаютъ, что партія гамбеттистовъ дала Франціи государственное управленіе, положеніе дѣлъ и ума, которые дѣйствительно прочны. Нерѣдко къ нимъ присоединялся и Сюре-Лефоръ. Изумительная память, точность и твердость изложенія этого молодого человѣка поражали слушателей, но не веселили. Какъ величаво говорилъ онъ, напримѣръ:

— Мои политическіе друзья и я, мы полагаемъ...

Къ своимъ единомышленникамъ онъ причислялъ Ремерспахера, но не соглашался съ его философскими толкованіями дѣйствій

Клемансо, ихъ общагѹ любимца, и это несогласіе граничило съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

Какъ только ему можно было вырваться хоть на минуту изъ редакцій, Реноденъ также забѣгалъ къ друзьямъ и приносилъ новости изъ дворца Бурбоновъ, газетные слухи и пересуды. Его вліяніе на товарищей клонится къ тому, чтобы убить въ нихъ чувство уваженія, и зачастую, перечисливъ дѣйствія, которыя не дѣлаютъ чести тому или другому публицисту или депутату, онъ съ восхищеніемъ восклицаетъ:

— Онъ —сила!

Въ первый годъ своего пребыванія въ Парижѣ Стюрель весьма рѣдко появлялся въ „Café Voltaire“, поглощенный иными интересами. Всѣ свои вечера онъ проводилъ у красавицы-армянки, въ ея роскошно убранной квартирѣ, въ ея кабинетѣ, увѣшанномъ предметами восточнаго происхожденія. Ея любимые цвѣты, розы и жасминъ, благоухали; въ стѣнахъ, въ углубленіяхъ, нарочно сдѣланныхъ по ея заказу, красовались вазы и рѣдкости. Хозяйка дома ходила въ какой-то восточной туникѣ, ниспадавшей мягкими складками до самыхъ ногъ, и ея распахнутыя полы давали замѣтить, что подъ низомъ было еще платье, стянутое въ таліи поясомъ изъ серебряной матеріи, затканной рубинами... Но, вѣроятно, кто-нибудь изъ ея парижскихъ друзей сказалъ ей, что мода на кавказскій вкусъ устарѣла, потому что она вдругъ стала принимать за̀-просто (какъ и полагалось свѣтской женщинѣ) въ своемъ будуарѣ, который былъ тоже верхъ изящества.

Мелочи жизни и грубыя ея стороны отъ природы были непріятны Стюрелю, и потому онъ предпочиталъ проводить большую часть времени не съ товарищами, которымъ нравились вольности и грубоватыя шутки, а съ женщинами, въ изящной обстановкѣ.

Ремерспахеръ также не любилъ двусмысленностей, но не мѣшалъ товарищамъ, тогда какъ малѣйшая пошлость до боли коробила Франсуа, вѣрнаго друга Терезы Алисонъ и Астины Аравіанъ. Вотъ почему товарищи видѣлись рѣдко.

Между тѣмъ, красавица-армянка, которая была рѣшительно романичнаго склада, но ровно настолько, чтобы эта романичность не перешла въ глупость, нерѣдко повторяла своему юному другу:

— Вы будете строго осуждать меня! Я привыкла тяготиться присутствіемъ человѣка, видѣть котораго мнѣ уже больше не доставляетъ чрезвычайнаго наслажденія. Мнѣ тяжело смотрѣть на него и вспоминать, что уже нѣтъ блаженства, которое погибло!

Въ ноябрѣ 1883 года, послѣ лѣтней разлуки, за которую Франсуа истомился, не получая отъ молодой женщины извѣстій, онъ тотчасъ же прямо съ вокзала заѣхалъ къ ней на квартиру и узналъ, что ужъ третій мѣсяцъ какъ она исчезла, оставивъ мебель на храненіе своему обойщику. Но ни адреса, никакихъ указаній!..

Стюрель погрустилъ, погрустилъ и сталъ чаще показываться за столомъ Ремерспахера, въ Café Voltaire.

III.

Мушфренъ и Ракадо̀, по прежнему, были постоянными посѣтителями стола Ремерспахера и млѣли отъ восторга передъ журнальной премудростью Ренодена, въ надеждѣ, что онъ имъ когда-нибудь дастъ мѣсто. Какова же была ихъ досада, когда въ одинъ прекрасный день, даже не глядя на нихъ, онъ обратился къ Ремерспахеру, Сенъ-Флену и Стюрелю:

— Въ одну изъ газетъ—„Настоящая Республика“, гдѣ я участвую, готовы принять молодыхъ, но способныхъ сотрудниковъ, хотя бы они не были еще извѣстны. Мнѣ стоило не мало труда ихъ убѣдить! Такъ вотъ, господа, если у кого изъ васъ нашлась бы статья для печати, я беру на себя ее пристроить.

Какою радостью сіяло лицо Ренодена! Онъ не успѣлъ сѣсть, какъ уже заговорилъ торопливо, какъ человѣкъ, который принесъ нежданныя добрыя вѣсти... или, вѣрнѣе, вѣсти, которыхъ ждали долго съ нетерпѣніемъ.

Изъ всѣхъ этихъ людей, живущихъ отвлеченными стремленіями, Реноденъ—первый, которому удалось найти подходящую себѣ корпорацію, и весьма естественно было его стремленіе подкрѣпить ее новыми силами, присоединить къ ней и своихъ друзей, которыхъ онъ очень цѣнитъ. Свою профессію, свою корпорацію онъ понимаетъ съ точки зрѣнія Порталиса, который его просвѣтилъ, и котораго онъ надѣется увидѣть во главѣ правительственнаго органа печати; онъ, Реноденъ, сдѣлался его душою, его тѣнью. Надо видѣть, съ какимъ жаромъ, перебирая разные неприглядные поступки виднѣйшихъ особъ, онъ, наконецъ, переходитъ къ своему бывшему патрону и, вправляя себѣ въ глазъ монокль, говоритъ:

— Вотъ онъ каковъ!

Нельзя сказать, чтобы онъ любилъ Порталиса или во всеуслышаніе заявлялъ о своей преданности ему; нѣтъ, дѣло было

гораздо серьезнѣе: вся совокупность образа дѣйствій этого журналиста сдѣлалась для не вполнѣ еще установившагося молодого человѣка единственнымъ житейскимъ правиломъ, истиной, для которой стóитъ жить. Альфредъ Реноденъ—это рыба, которая ловится въ мутныхъ водахъ Порталиса.

Изъ цѣлаго ряда политическихъ дѣятелей, къ которымъ принадлежалъ и Порталисъ, онъ выдается тѣмъ, что на его долю выпало извѣстное почтенное имя, богатство, темпераментъ,—словомъ, все, чѣмъ только судьба можетъ наградить человѣка; а между тѣмъ, рокъ привелъ его къ разоренію и позору. Онъ входитъ въ составъ отряда, которому поручено было склонять общественное мнѣніе къ парламентаризму, отряда всѣхъ этихъ Дрейфусовъ, Конивé, Монье, Мейеровъ, Эдвардсовъ, Эбраровъ и пр. умныхъ людей, способности которыхъ удесятерились подъ давленіемъ трудностей жизни. Бывшій издатель „Правды“ (или: „Направленія 89 года“)—не изъ такихъ грубыхъ натуръ, которыми управляютъ безумныя развлеченія и грязныя шутки, и которые находятъ себѣ естественный и позорный конецъ. Онъ одного съ ними склада, но благовиднѣе ихъ; онъ привлекаетъ къ себѣ своей природною энергіей, которая падаетъ постепенно.

Какъ правнуку знаменитаго адвоката Порталиса, члена государственнаго совѣта, министра народнаго просвѣщенія, и внуку Порталиса—тоже члена государственнаго совѣта во время первой имперіи, ему подобало занимать видную должность и быть законовѣдомъ.

Дѣдъ его былъ женатъ на нѣмкѣ, саксонской графинѣ Голькъ, и этимъ объясняется высокій ростъ и русые волосы ея внука, а также и основная подкладка его политическихъ воззрѣній, которыя показываютъ, что онъ (также какъ и Вильсонъ, напримѣръ) чувствуетъ себя чужимъ въ странѣ, гдѣ ему приходится жить и дѣйствовать.

Ребенкомъ Порталисъ былъ неукротимъ. Другъ его отца, монсиньоръ Дюпанлý, не соглашался больше его у себя держать; изъ тридцати-шести гимназій его выключили. Никакія строгости не помогали; въ шестнадцать лѣтъ его величайшимъ наслажденіемъ было взламывать замки. Однажды, чтобы положить предѣлъ скандалу, одинъ изъ его учителей, дорожившій такимъ доходнымъ пансіонеромъ, рѣшился даже вручить ему ключъ-отмычку. Съ тѣхъ поръ юноша пересталъ ломать замки и оставилъ ихъ въ покоѣ. Но нельзя того же сказать объ учителяхъ! Всѣ поголовно жаловались на него, и только Жираръ, репетиторъ по

математикѣ, имѣлъ на него вліяніе, такъ что онъ самъ однажды признался ему въ порывѣ грубой откровенности:

— Странное дѣло! Только васъ одного я и боюсь!

Сильный, коренастый блондинъ, сынъ крестьянина въ Бургони, Жираръ, перебиваясь кое-какъ уроками, прошелъ медицинскіе курсы, а затѣмъ, отчасти по лѣни, не предпринималъ больше ничего.

Какъ-то разъ Порталисъ, съ которымъ ему нравилось потолковать, спросилъ его:

— Отчего бы вамъ не открыть самому такое же учебное заведеніе?

— На прожитіе мнѣ хватаетъ съ избыткомъ, — возразилъ Жираръ.—Единственная моя страсть—театръ; я хожу туда часто; а главное—я независимъ.

— Я къ вамъ привлекъ бы своихъ знакомыхъ и друзей— все самыхъ знатныхъ французскихъ фамилій...

— Но у меня нѣтъ на это средствъ! — возразилъ учитель.

Отецъ Порталиса далъ ему взаймы необходимыя пять тысячъ франковъ, и Жираръ съ успѣхомъ началъ свое дѣло.

Девятнадцатилѣтнимъ юношей Порталисъ уѣхалъ въ Америку, гдѣ его поразило, что тамъ въ сенаторы попадаютъ молодые люди лѣтъ двадцати-пяти. Отъ себѣ подобныхъ онъ заимствовалъ привычку смотрѣть прямо и дѣйствовать грубо, и на придачу вывезъ еще изъ Америки цѣнную книгу: „Цезаризмъ и Свобода“. Вмѣстѣ съ Эрнестомъ Пикаромъ, онъ основалъ газету „Свободный Избиратель“ и, подготовленный такимъ образомъ, 12-го сентября 1870 года, получилъ отъ члена государственнаго управленія, Пикара, извѣстіе, что пруссаки обходятъ Парижъ съ южной стороны, и что въ интересахъ парламентской партіи необходимо возбудить населеніе. Порталисъ написалъ статью, которая произвела потрясающее дѣйствіе на уличную толпу, и безъ того уже разгоряченную...

Его арестовали. Онъ подлежалъ военному суду, но Жираръ всѣ усилія употребилъ на то, чтобы выручить его изъ бѣды. Ожесточенный противъ Пикара, Порталисъ принялся нападать на Гамбетту и на защитниковъ народа. Его рѣзкость быстро прославила его: партія оппозиціи (будущая коммуна) заинтересовалась смѣлостью молодого человѣка, но, къ великому своему изумленію, онъ остался какъ-то въ сторонѣ отъ всякихъ партій послѣ тревожныхъ переворотовъ того года. Его прежніе друзья служили государству, и онъ остался одинъ, увѣренный въ себѣ и въ могуществѣ денегъ, силу которыхъ имѣлъ возможность

наблюдать въ Америкѣ. Убѣдившись въ послѣднемъ, онъ принялся подкупать газеты и увеличивать ихъ число; а затѣмъ, видя, что общественное мнѣніе не допускаетъ розни съ Гамбеттой, какъ представителемъ республиканскихъ интересовъ, попробовалъ войти съ нимъ въ сдѣлку и предложилъ дѣйствовать сообща, соединить интересы обѣихъ партій. Но Гамбетта, несмотря на то, что помѣстилъ одну свою статью въ газетѣ „Конституція", зналъ, что съ Порталисомъ трудно имѣть дѣло; тѣмъ временемъ Спюллеръ основалъ газету „République Française", и это оскорбило публициста, который все-таки считалъ себя въ силахъ соперничать съ Гамбеттой до его рѣчи въ Греноблѣ.

Выраженіе знаменитаго оратора: „Общественнаго вопроса не существуетъ!" Порталисъ ставилъ ему не разъ въ упрекъ; но не потому, чтобы онъ самъ былъ соціалистомъ, а просто потому, что ему хотѣлось найти рычагъ, который помогъ бы свалить Гамбетту. Нахальство Порталиса подсказывало ему смѣлыя мѣры; такъ, напримѣръ, онъ, безъ обиняковъ, предложилъ секретарю Тьера 500 франковъ въ мѣсяцъ, и тотъ согласился... Подобныя воспоминанія, сохранившіяся въ редакціи, поражали Ренодена.

Но въ 1873 году, когда Порталисъ затѣялъ сліяніе „демократіи съ Наполеонами" (одинъ изъ главнѣйшихъ эпизодовъ Третьей республики)—ему не повезло, и онъ поплатился окончательно своею славою республиканца. Отъ природы честолюбивый эгоистъ, Порталисъ не умѣлъ бороться и, вслѣдствіе неудачи, принялъ предложеніе отца своего получать отъ 12-ти до 15-ти тысячъ въ годъ, подъ условіемъ ничего не дѣлать. Шесть лѣтъ спустя, онъ снова появился, и послѣ нѣсколькихъ газетныхъ предпріятій, которыя угрожали ему неудачей,—Жирару, наконецъ, пришла мысль предложить ему свои услуги въ качествѣ завѣдующаго административной частью,—и дѣла газеты „Правда", хоть не особенно распространенной, но уважаемой въ извѣстномъ кругу, сразу стали на твердую почву. Она получила большое значеніе въ средѣ парламентскихъ дѣятелей, потому что говорила безъ прикрасъ и безъ боязни, и потому что въ ней писали депутаты, министерскіе дѣятели или даже бывшіе министры.

Съ помощью Жирара, Порталисъ попалъ, наконецъ, на способъ удачно совмѣщать денежныя выгоды съ журнализмомъ. Онъ разузнавалъ желанія и комбинаціи заинтересованныхъ лицъ, изучалъ ихъ дѣла и, чрезъ посредство вѣрныхъ людей, вліялъ на благопріятный ходъ этихъ дѣлъ въ министерствѣ. Съ 1881 по 1886 годъ въ кафе „Мадридѣ", въ кафе „Монмартрѣ" и въ кафе

„Кардиналѣ“ было настоящее торжище, гдѣ можно было покупать ордена и должности. Въ министерство Рувье (1884—1885 г.)—эта система достигла своего апогея; и хотя Буланже положилъ ей предѣлъ, но она появилась снова въ 1887 году. Ордена, повышенія по службѣ, концессіи, — все сдѣлалось предметомъ купли и продажи.

Ренодена иногда водили на этотъ своеобразный рынокъ, и онъ удивлялся дару „махинаціи“, которымъ такъ ловко умѣлъ пользоваться Порталисъ. Онъ зналъ, что его патрона боялись, а слѣдовательно ставили высоко, несмотря на то, что тотъ еще не былъ выбранъ въ депутаты. Молодой репортеръ обратилъ на себя вниманіе своею расторопностью при сборѣ свѣдѣній, и легкость, съ которою онъ освободился отъ своихъ начальныхъ правилъ нравственности, подавала ему надежду сдѣлаться со временемъ настоящимъ дѣльцомъ. Направляясь къ этой цѣли, онъ и нашелъ полезнымъ заручиться согласіемъ своихъ друзей сотрудничать въ одной изъ газетъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, а именно: въ „Настоящей Республикѣ“, которая вступила въ состояніе полу-сна, т.-е., ее каждое утро должны были составлять изъ извѣстій другихъ газетъ и журналовъ, давая лишь одну или двѣ новыхъ статьи, да и тѣ—даровыя. Это называется устроить газету „на полномъ содержаніи“. Предусмотрительный Реноденъ уже мечтаетъ, что его товарищи оживятъ газету; ею можетъ заинтересоваться Порталисъ или Жираръ, который ему же, Ренодену, поручитъ въ ней постъ редактора или помощника издателя.

Ремерспахеръ поспѣшилъ предложить и даже вкратцѣ намѣтить статью о первыхъ томахъ „Происхожденія современной Франціи“, Тэна. Въ глазахъ людей, сильныхъ духомъ и способныхъ не гнуться подъ неизбѣжной тяжестью сильнаго движенія, этотъ писатель имѣетъ цѣну, какъ учитель.

— Чудесно!—подхватилъ Реноденъ.—Повѣришь ли, я ничего не понимаю въ литературѣ, какъ ее понимаютъ твои друзья-поэты, но я читалъ и понималъ книгу Тэна. Въ моихъ глазахъ она оправдываетъ презрѣніе къ нашему общественному строю, къ которому, хотя иными путями, пришли мои друзья въ народныхъ собраніяхъ.

Ремерспахеръ промолчалъ,—это не помѣшало ему обсуждать ту фразу потомъ съ товарищемъ своимъ, Стюрелемъ. Между тѣмъ, Реноденъ продолжалъ, въ порывѣ откровенности, который привелъ въ умиленіе его друзей:

— Не будь я ничтожнымъ журналистомъ,—я для такихъ бы книгъ хотѣлъ собирать матеріалы... Имѣй въ виду, что „На-

стоящая Республика“ придерживается направленія классическаго и вѣрна системѣ цезаризма, которую громитъ Тэнъ...

— Будь покоенъ! — я придамъ своимъ разсужденіямъ оттѣнокъ не политическій, а философскій; ваши „политико-внушители“ и не разберутъ. Люди дѣла не смотрятъ серьезно на теоріи, которыя излагаетъ такая личность, безъ законныхъ правъ на то, какъ Тэнъ.

Товарищи ликовали, возлагая всѣ свои надежды на Ремерспахера, какъ на самаго выдающагося изъ ихъ среды, которому предстояло проявить свои силы, сокрытыя въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности.

— А во сколько обходится нумеръ газеты?—вдругъ спросилъ Ракадо̀ такимъ тономъ, который удивилъ товарищей.

— Три су; а при дѣльной редакціи, это—операція весьма возможная,—соблаговолилъ отвѣтить Реноденъ.—Что̀ убиваетъ газеты, такъ это ихъ продажная цѣна—только *су*!—и сорокъ тысячъ франковъ въ мѣсяцъ покорному составу редакціи, которая собственно никакой пользы для публики и не приноситъ.

Въ одиннадцать часовъ Ракадо̀ и Мушфренъ, которымъ было тяжело слушать бесѣду друзей, поднялись уходить.

„Вотъ кто желаетъ себѣ побольше,—подумалъ Реноденъ:— но они мнѣ не нужны“.

Шелъ дождь.

— У меня съ собой зонтикъ Леонтины;—я тебя отведу домой, а потомъ ужъ зайду за ней,—проговорилъ Ракадо̀.

Они прошли молча нѣсколько сотъ метровъ. Мушфренъ поскользнулся и попалъ ногой съ троттуара въ дождевой потокъ. Онъ выбранился площаднымъ ругательствомъ и прибавилъ:

— Чортъ ихъ побери!

Мушфренъ жилъ въ узкой, тѣсной каморкѣ отвратительнаго стараго дома, на улицѣ Сенъ-Жакъ; воздухъ, который проникалъ въ нее сквозь маленькое окно, отворявшееся на внутренній узкій дворикъ, приносилъ одну заразу. На этотъ разъ, его товарищи внесли въ складчину плату за квартиру, обезпечивъ ему цѣлую четверть года; но увы!—за свои долгія скитанья по комнатамъ, отъ которыхъ онъ бѣгалъ, чтобъ не платить, онъ уже успѣлъ лишиться своего скуднаго скарба, и вся меблировка теперь состояла изъ вонючихъ аптекарскихъ препаратовъ, которыми только и могъ что-нибудь заработать бѣдняга-Мушфренъ.

— Если бъ я былъ на каторгѣ и меня содержали бы въ такихъ условіяхъ,—съ горечью замѣтилъ Мушфренъ,—Реноденъ

поднялъ бы негодующій крикъ въ своей газетѣ, а Сюре-Лефоръ подалъ бы жалобу въ палату!

— Чтò эта вонь,—сущій пустякъ!—возразилъ Ракадо:—но вотъ чтò дѣйствительно попахиваетъ скверно, другъ ты мой, такъ это твоя будущность!.. Ты докторъ,—но докторъ безъ протекціи, безъ средствъ; практикуя, ты все равно сталъ бы умирать съ голоду, какъ умираешь теперь. Единственное для тебя обезпеченіе—получить мѣсто приватъ-доцента; но чтобы подготовиться къ профессурѣ, нужны средства и много лѣтъ труда!—Избей ты хоть всѣхъ бѣлокъ Франціи, и того не хватитъ!

Но Мушфренъ вступился за свое званіе баккалавра.

— Однако, я же стòю Ремерспахера!—возразилъ онъ.

— А я—Стюреля!—подхватилъ товарищъ. — Но мы оба бѣдняки!

— Сколько получаетъ въ мѣсяцъ Ремерспахеръ?

— Пожалуй, франковъ триста.

— Дайте мнѣ половину, и я заживу вдвое лучше его.

— Ужъ не затѣваешь ли ты, по глупости, разсориться съ ними? Они—единственное звено, которое связываетъ насъ съ міромъ счастливцевъ.

— Я ихъ ненавижу!..

Шипя, фитиль сальной свѣчки опустился въ растопленное сало и потухъ, издавая непріятный запахъ.—Товарищи дружно ругнулись.

— Тише!—прервалъ Мушфренъ:—у моей сосѣдки кто-то есть. Когда гость уйдетъ, она мнѣ одолжитъ, чѣмъ освѣтить комнату.

И мужчины, оба молодые и сильные, затаивъ дыханіе, прислушались къ шороху за стѣной, выжидая съ нетерпѣніемъ, чтобы сосѣдка осталась одна и вывела ихъ изъ затрудненія... Когда гость ушелъ и дверь за нимъ затворилась, Мушфренъ вошелъ къ ней и вернулся со свѣчой, капая сало на дно подсвѣчника, чтобы она крѣпче стояла. Мушфренъ осыпалъ товарищей градомъ ругательствъ, и въ полутьмѣ его тщедушная фигура съ угловатой грудью казалась призракомъ колдуна, занятаго своей зловѣщей стряпней.

— Въ лицеѣ я получалъ больше наградъ, чѣмъ этотъ дуракъ Сенъ-Фленъ.—Пусть я пьяница, пусть!—Но это вѣдь не помѣшало мнѣ въ какихъ нибудь три мѣсяца сдать экзаменъ на баккалавра. А ты готовъ поставить цѣлью всей нашей жизни добиться ихъ добрыхъ отношеній къ намъ, какъ добрыхъ господъ къ слугамъ.

— Цѣлыхъ восемь лѣтъ задавалъ я колотушки Стюрелю,— подхватилъ Ракадò.—Но тогда мы стояли на равной ступени общественнаго строя; теперь же намъ приходится испытывать на себѣ законы и порядки преступнаго общественнаго строя.

— Я съ удовольствіемъ готовъ взорвать Парижъ!—проговорилъ Мушфренъ съ яростью, но сдавленнымъ голосомъ.

— Голова ты моя, головушка! — постукивая пальцемъ по головѣ друга, возражалъ ему Ракадò.—Плохой ты матеріалъ для разноски роскошныхъ домовъ Елисейскихъ Полей! Напротивъ, мы мѣшаемъ *имъ*, и вся наша дипломатія должна къ тому клониться, чтобы обязать ихъ силою услугъ, которыя мы имъ окажемъ.

— Это кому же? Ремерспахеру, Стюрелю и другимъ?

— И Бутелье́!—твердо прибавилъ Ракадò.—Какъ ты думаешь: въ наши годы занимался Бутелье́,—какъ ты, напримѣръ, занимаешься теперь—нытьемъ? Дай сроку три мѣсяца, и я все устрою... Ты говоришь, у отца твоего есть домъ?

— Да; но у меня есть еще братья, сестры... и домъ этотъ стòитъ сорокъ-пять тысячъ, да на немъ долгу — двадцать-пять!

— Все равно! Вотъ чтò я хочу тебѣ сказать: въ сущности, нѣтъ у тебя никого,—ни отца, ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ, а есть я одинъ! Я реализирую деньги моей матери, которыя незаконно удерживаетъ отецъ; и—помимо всякихъ Ремерспахеровъ, Сенъ-Фленовъ и др., Ракадò съ Мушфреномъ все-таки останутся проживать въ Парижѣ!

Мушфренъ слушалъ своего друга; онъ возлагалъ на него всѣ свои надежды и чувствовалъ себя счастливымъ... Еще бы! Онъ радъ, бѣдняга Мушфренъ, онъ счастливъ, что слышитъ ласковое слово!

— А скоро два часа! —говоритъ Ракадò, вставая.—Одолжи-ка мнѣ твои сапоги—у моихъ подошва отвалилась.—Къ двѣнадцати часамъ принесу обратно!

Мушфренъ не удержался, чтобъ не поторговаться—у него не было ни гроша на завтра.

— Завтра принесу тебѣ пятьдесятъ сантимовъ вмѣстѣ съ сапогами,—уговаривалъ его Ракадò.—Утромъ раздѣлитъ съ тобой свой кофе твоя же сосѣдка; въ твои годы ни ужинъ, ни утренній кофе раздобыть не трудно.

Мушфренъ согласился; но, оставшись одинъ въ своей холостой каморкѣ, со вздохомъ подумалъ:

„Ахъ, будь и у меня Леонтина“!..

Между тѣмъ, Ракадо мчится на крыльяхъ юности къ своей Леонтинѣ, наслаждаясь ощущеніемъ теплой, сухой обуви на

мокрыхъ, озябшихъ ногахъ. Еще часокъ—и онъ будетъ уже съ нею, у нея! И при этой мысли онъ готовъ, какъ молодое животное, физически изъявлять свою радость бѣготней и прыжками.

V.

Тэнъ и Наполеонъ.

I.

Недѣли двѣ спустя, въ газетѣ „Настоящая Республика" появилась статья Ремерспахера, правда, довольно пространная, но довольно слабо освѣщенная, — зато любопытная по смѣлости независимыхъ сужденій, не приноровленныхъ ни къ какому направленію. Инстинктивное благородство воззрѣній, которое уже само по себѣ заслуживало уваженія, однако не встрѣтило вниманія со стороны редакціи журнала, а сотрудники даже просили Ренодена оставить „литераторовъ" въ покоѣ.

Но черезъ день, когда Ремерспахеръ сидѣлъ дома, за своимъ рабочимъ столомъ, къ нему въ дверь постучались, и онъ отозвался изъ глубины своей единственной комнаты:

— Войдите!..

На порогѣ появился пожилой человѣкъ, почти старикъ, скорѣе маленькаго, нежели средняго роста; по наружности судя, человѣкъ серьезный и простой. Онъ остановился и окинулъ сочувственнымъ взглядомъ скромную обстановку комнаты студента,— кровать съ набросаннымъ на нее платьемъ, узенькій умывальный столикъ, груды книгъ, придававшихъ ей оживленный видъ.

— Вы г. Ремерспахеръ?—спросилъ незнакомецъ; я—Тэнъ.

Очевидно, этотъ великій философъ, заинтересованный работой неизвѣстнаго журналиста, зашелъ въ редакцію навести о немъ справки и, повинуясь чувству благосклонности и любопытства, поднялся во второй этажъ меблированнаго дома, гдѣ молодой человѣкъ, несмотря на близкое сосѣдство дѣвушекъ, страстно увлекался работой.

И вотъ, Тэнъ сидитъ рядомъ съ молодымъ журналистомъ, смотритъ и разглядываетъ его съ такимъ видомъ, какъ, бывало, разглядывалъ предметы своихъ художественныхъ и историческихъ наблюденій, какъ изучалъ культуры народовъ.

Стюрель, при такихъ условіяхъ, почувствовалъ бы себя скон-

фуженнымъ и счастливымъ, какъ, напримѣръ, Ламартинъ, когда Талейранъ въ 1820 году прислалъ ему письменныя права на славу... Но Ремерспахеръ съумѣлъ держаться просто и съ достоинствомъ высказать чувство глубокаго уваженія къ своему знаменитому учителю. Первымъ его побужденіемъ, конечно, было сказать Тэну:

— Вотъ что̀ вы мнѣ дали, дорогой учитель! Вотъ ка̀къ я васъ понимаю и васъ цѣню... Учитель мой, отецъ мой. Какъ счастливъ я, что вижу васъ; счастливъ, что вы могли признать меня своимъ ученикомъ по тѣмъ примѣтамъ, которыя неоспоримо мнѣ принадлежатъ.

По счастью, Ремерспахеръ въ такой же мѣрѣ, какъ и душевной чуткостью, обладалъ чувствомъ такта, а потому и воздержался отъ восторженныхъ порывовъ, ограничиваясь тѣмъ, что слушалъ Тэна въ почтительномъ молчаніи и говорилъ только въ отвѣтъ на его вопросы, а главное, старался смотрѣть на него, не сводя глазъ, чтобы лучше запечатлѣть въ памяти его образъ.

Въ то время Тэну было пятьдесятъ-шесть лѣтъ. Его шубка на сѣромъ мѣху, его очки и сѣдѣющая борода придавали ему общій видъ алхимика-голландца. Его прямые волосы были тщательно приглажены; худое лицо, безъ оттѣнковъ, безцвѣтностью своей напоминало деревянные тона; бороду онъ носилъ, какъ и его любимецъ—Альфредъ де-Мюссе; ротъ легко могъ бы сложиться въ складку чувственности; носъ прямой, въ ниточку; лобъ—красиво выпуклый; виски не впалые, хоть нѣсколько съуженные ближе ко лбу; брови—дугой, тонкія, круто очерченныя; изъ углубленія подъ ними смотрѣлъ его взглядъ, нетерпѣливый и сдержанный, замедленный ученостью и, какъ будто, въ то же время ускоренный любопытствомъ. Его общій характеръ, вмѣстѣ съ медлительностью движеній, много способствовалъ впечатлѣнію солидности и собственнаго достоинства, котораго иначе не могла бы произвести вся тщедушная фигура Тэна, одѣтаго, такъ сказать, въ университетскомъ духѣ; таковъ былъ, напримѣръ, его черный узкій атласный галстукъ, какіе носятъ только по вечерамъ.

Ремерспахеръ скоро разглядѣлъ, что сѣрые глаза Тэна, замѣчательные по своей кротости и ясной глубинѣ, не одинаковы и смотрятъ какъ бы раскосо. Тэнъ, дѣйствительно, былъ косоватъ. Этотъ странный взглядъ, смотрящій какъ бы ему самому въ душу, казалось, наблюдалъ не за собесѣдникомъ его, а за собственной его мыслью; но и этотъ недостатокъ скорѣе прибавлялъ еще нѣчто къ его нравственной красотѣ.

— Здоровье мое довольно плохо,—заговорилъ Тэнъ, котораго состарила сахарная болѣзнь, стóившая ему жизни лѣтъ десять спустя.—Я долженъ гулять, по крайней мѣрѣ, по часу въ день: хотите, пройдемся вмѣстѣ? Мы побесѣдуемъ дорогой.

Голосъ у него обладалъ притягательной силой и слегка отзывался иностраннымъ произношеніемъ; окончанія „aise" онъ выговаривалъ „euse", на лотарингскій ладъ. Они вышли вмѣстѣ и, пройдя по улицамъ Принца и Вавилонской, дошли до тихихъ кварталовъ.

— Есть у васъ средства?—спросилъ Тэнъ, и на его утвердительный отвѣтъ, прибавилъ:—очень радъ! Признаюсь, меня это тревожило, потому что я прочелъ вашу статью, и теперь вижу, что вы очень молоды. Я вообще считаю весьма опаснымъ, какъ для отдѣльной личности, такъ и для общества, частое несоотвѣтствіе между умственнымъ развитіемъ и матеріальными средствами. Высшее образованіе стóитъ дорого и вынуждаетъ, иной разъ, браться за такія ремесла... Какіе у васъ планы въ будущемъ?

Ремерспахеръ объяснилъ, что въ настоящее время онъ занимается усердно медициной и посѣщаетъ лекціи исторіи на „Высшихъ курсахъ".

— Вы еще не напали на свою настоящую дорогу,—замѣтилъ Тэнъ.—Но не спѣшите окончательно рѣшаться; дайте истинѣ завладѣть вами, и она, понемногу, сама выяснится въ вашей совѣсти. А все-таки, выработайте себѣ правила, дисциплину. Самое опасное—дать волю своему уму. Какъ вы живете? Есть у васъ свой кружокъ, свои товарищи и общія съ ними воззрѣнія?

Ремерспахеръ отвѣтилъ, что его товарищи готовятся быть журналистами, адвокатами, докторами.

— Вы увлекаетесь какой-нибудь философской истиной? Хотѣлось бы вамъ видѣть, чтобы ваши философскія убѣжденія восторжествовали?

— Безъ сомнѣнія,—довольно холодно отвѣчалъ Ремерспахеръ:—есть учители, которые насъ восхищаютъ.

— Наконецъ, есть ли у вашихъ друзей политическія воззрѣнія? Есть у нихъ руководящіе принципы? Мы, напримѣръ, въ ваши гóды, въ нашихъ несвязныхъ разговорахъ, часто возвращались къ однѣмъ и тѣмъ же точкамъ отправленія.

— Знаю!—подтвердилъ молодой человѣкъ.—Знаменитые вопросы, переворотъ Ренана въ Saint Sulpice'ѣ и его соглашеніе съ наукой; вашъ протестъ противъ философіи спиритуализма, когда

вы возстановляли теоріи чувственнаго направленія Кондильяка... Словомъ, говоря вообще, ваше поколѣніе служило переходомъ отъ ученія положительнаго къ относительному. Позвольте же мнѣ замѣтить, что мы, молодые, стоимъ на такой точкѣ, что не въ состояніи понять, какую тревогу ощущали наши старшіе предшественники, совершая общественный переворотъ. Мы не то что хотимъ связать узы, расторгнутыя вами, но мы также не можемъ быть ни матеріалистами, ни спиритуалистами. Надо вамъ сказать, что нашимъ учителемъ былъ поклонникъ Канта. Онъ превосходно изложилъ намъ критику положительныхъ началъ, и для насъ матеріализмъ сдѣлался совершенно непонятенъ: онъ сводится лишь къ представленію о жизни, какъ ее понимаютъ и сами проводятъ въ жизни парламентскіе дѣятели. Я имѣю свѣдѣнія объ этомъ отъ одного изъ моихъ товарищей—редактора „Настоящей Республики“.

Тэну, повидимому, даже нравилось, что его собесѣдникъ не сочинялъ нарочно опредѣленныхъ и красивыхъ отвѣтовъ, подходящихъ къ случаю; не углубляясь въ разборъ высказаннаго, онъ предпочелъ продолжить свой маленькій допросъ:

— Но если вашъ учитель былъ послѣдователь Канта, онъ долженъ былъ вамъ дать понятіе о томъ, что̀ такое долгъ?

— Еще бы! — съ презрительнымъ студенческимъ смѣхомъ возразилъ Ремерспахеръ.—Голосъ сердца!.. И наконецъ, знаменитая основная теорія практики чистаго разума: поступай всегда такъ, чтобы твоя воля могла служить правиломъ для всего человѣчества.

— Но васъ эта формула не удовлетворяетъ?

— Не думаю, чтобы кто-либо изъ моихъ товарищей принялъ въ серьёзъ перипетіи, посредствомъ которыхъ Кантъ воскрешаетъ законы постоянства. Это такъ театрально! Мой другъ Сенъ-Фленъ, католикъ, придерживается богословскихъ нравственныхъ началъ и противопоставляетъ Канту положеніе Паскаля: „что̀ истина по сю сторону Пиренеевъ, то—заблужденіе по ту“. Люди изъ вѣка въ вѣкъ, изъ страны въ страну переносятъ такія разнообразная правила нравственности, что намъ остается внести въ жизнь лишь страстное желаніе ознакомиться съ такими обильными зоологическими явленіями.

Продолжая разспрашивать Ремерспахера о его друзьяхъ и семейныхъ условіяхъ, Тэнъ неоднократно заставилъ его повторить, что всѣ они—лотарингцы, и уже около двухъ лѣтъ живутъ почти исключительно своимъ кружкомъ.

— Значитъ, вы какъ бы одна семья, одинъ кланъ. Чудное

будетъ дѣло, если, благодаря своимъ землякамъ, вы получите возможность внести въ вашу жизнь общественныя начала. Качества порядочнаго человѣка не есть исключительно утонченность дворянина, украшеніе привилегированнаго сословія; порядочность важна и необходима для нравственности всѣхъ вообще. Пусть каждый поступаетъ по законамъ, которымъ онъ долженъ повиноваться. Будемъ уважать въ другихъ человѣческое достоинство, и мы поймемъ, что оно видоизмѣняется въ значительной мѣрѣ сообразно съ профессіями людей, съ различной средою, съ обстоятельствами. Человѣкъ общительный это знаетъ, а наблюденія за явленіями природы учатъ его тому же. Если вы сомкнетесь въ дружные ряды, вы придете, естественнымъ образомъ, къ необходимости выслушивать то того, то другого, смотря по тому, какіе интересы вамъ придется обсуждать: вѣдь не можетъ одинъ и тотъ же человѣкъ быть способнѣе другихъ *во всемъ*.

Такая точка зрѣнія—новость для послѣдователя Бутелье́ и Канта, которымъ она прямо противорѣчитъ. Между тѣмъ, Тэнъ продолжалъ развивать ему свои выводы и заключенія, толковать, что наилучшая школа жизни, такъ сказать, лабораторія, въ которой заготовляется общество, это—группированіе его членовъ, это—свободная ассоціація!..

Тэнъ не говорилъ Ремерспахеру ни любезностей, ни похвалъ; но тотъ самъ настолько чуткій человѣкъ, что самымъ важнымъ считалъ появленіе знаменитаго историка въ его каморкѣ, его бесѣду съ нимъ. Но еще больше тронуло молодого человѣка признаніе Тэна, когда онъ заговорилъ о себѣ.

— Я надѣюсь, что буду въ состояніи работать до самой своей смерти!

Дивное выраженіе, придающее особую силу слову: *работать*! Въ немъ сказалось просто, безъ прикрасъ, единство жизни, которую всю безраздѣльно Тэнъ посвятилъ служенію правдѣ. И Ремерспахеръ вдругъ ощутилъ въ душѣ приливъ какого-то особенно горячаго, святого чувства, которое вливалъ въ нее старикъ-философъ.

Бесѣдуя, они дошли до сквера Инвалидовъ.

Тэнъ остановился, надѣлъ очки и зонтикомъ указалъ своему молодому спутнику на довольно еще сильную чинару—ту самую, которая стоитъ на лужайкѣ у тридцатаго столбика рѣшетки, считая отъ площади. Своимъ плохо-сложеннымъ зонтикомъ онъ показывалъ статное, еще красивое, могучее дерево, сверкавшее каплями дождя, залитое свѣтомъ послѣдняго апрѣльскаго дня.

— Какъ я его люблю, это чудное дерево!—началъ онъ.—

Взгляните на его плотные покровы, на ихъ мощные узлы! Я безъ устали любуюсь имъ, я его изучаю. Въ тѣ мѣсяцы, которые я провожу въ Парижѣ, мнѣ нужна цѣль для прогулокъ, и я избралъ его. Посѣщая его во всякую погоду, ежедневно, я привыкъ считать его другомъ моихъ грядущихъ, послѣднихъ лѣтъ. Эта чинара говоритъ мнѣ обо всемъ, что̀ я любилъ: о скалахъ Пиренеевъ, о дубахъ Италіи, о художникахъ Венеціи. И она совершенно примирила бы съ жизнью, если бы люди не прибавляли къ ея тяжелымъ сторонамъ еще злорадства. Чувствуете ли вы біографію этого дерева? Я могу ее прослѣдить въ могучемъ единствѣ его общихъ чертъ и въ каждой его подробности. Это дерево—краснорѣчивая картина прекраснаго существованія: ему незнакома неподвижность, ему чуждъ застой. Съ самаго начала его юная творческая сила намѣтила его судьбу и дѣйствуетъ въ немъ непрерывно. Или нѣтъ, вѣрнѣе: это не его личная сила, а вѣчное единство, вѣковѣчная загадка, которая выражается въ каждой формѣ! Сначала она таилась и работала подъ землею, въ рыхлыхъ влажныхъ слояхъ, и тамъ, въ безпросвѣтной тьмѣ, его зародышъ сдѣлался достоинъ показаться на свѣтъ. Свѣтъ же дозволилъ хрупкому стеблю развиваться и набираться силъ. Въ постороннемъ наставникѣ здѣсь не было необходимости: чинара весело раскидывала свои вѣтви одну надъ другою и одѣвалась листвою изъ года въ годъ, пока въ развитіи своемъ не достигла полнаго совершенства. Смотрите, какъ дерево крѣпко и безукоризненно-здорово! Нигдѣ не выдается его стволъ, ни его вѣтви, ни его листва: оно—дружное, многолюдное общество! Оно само по себѣ уже являетъ свой собственный законъ; оно же само его и развиваетъ, украшаетъ! Какой оно прекрасный примѣръ реторики, и не на однихъ только словахъ, но и на дѣлѣ. Это не французская разсчитанная симметрія: у него тоже были вѣдь свои препоны и непроходимыя преграды. Видите, ему мѣшала тѣнь отъ домовыхъ стѣнъ? Оно вытянулось правѣе, по направленію къ свободѣ, и на просторѣ вѣеромъ раскинуло надъ площадью свои вѣтви. Оно подчиняется тайному двигателю, высшей философіи—примиренію съ необходимыми неизбѣжностями жизни... Но и это дерево, накопившее изъ году въ годъ свои живыя силы, готовится теперь исчезнуть, такъ какъ оно уже достигло совершенства. Дѣятельныя силы природы, не подвергая уничтоженію всю его породу, не хотятъ больше ничего дѣлать для этого именно субъекта. Моя прекрасная чинара отжила свой вѣкъ! Такова ужъ ея судьба, вызванная тѣми же самыми законами, которые, обусловивъ ея рожденіе, обусловливаютъ теперь

и ея смерть. Не въ одинъ день создалась она, не въ одинъ день настигнетъ ее смерть. Во мнѣ также постепенно распадаются отдѣльныя частицы, и вскорѣ я исчезну. Мое поколѣніе будетъ мнѣ сопутствовать, а тамъ придетъ и вашъ чередъ, съ вашими друзьями...

Когда Тэнъ былъ доволенъ своей мыслью и ея развитіемъ, онъ, въ заключеніе, какъ-то особенно мягко улыбался, собирая въ складочки свои вѣки и смѣясь губами, но щеки его оставались неподвижны. Съ такой именно добродушно-благосклонной улыбкой, онъ взглянулъ на мигъ на своего спутника.

Поворачивая въ обратный путь, Тэнъ споткнулся и уронилъ зонтикъ. Благодаря усилію подхватить его (хотя Ремерспахеръ уже успѣлъ его поднять), брюки его приподнялись, и молодому человѣку бросились въ глаза подъемъ и щиколотка ноги; замѣтилъ онъ также и крѣпкія, мускульныя икры. Ему подумалось, что великій писатель даже и въ отношеніи своего физическаго склада—субъектъ, полный силъ... И вдругъ ему захотѣлось посмотрѣть на него какъ на животный организмъ, уже нѣсколько истомленный трудами. Какъ разъ въ эту минуту, философъ, слѣдуя своей привычкѣ, жевалъ одинъ изъ кусочковъ дерева, которые носилъ всегда у себя въ карманѣ, чтобы успокоить, при случаѣ, свою нервную потребность покурить. Нижняя часть его лица при этомъ нѣсколько выдавалась впередъ и придавала сходство съ грызунами... До сихъ поръ, Ремерспахеръ видѣлъ въ немъ только его духъ, его воззрѣнія, его философскія системы; теперь же ему какъ-то жутко было допустить, что онъ—тоже плоть,—животное, какъ и другіе, тоже родоначальникъ себѣ подобныхъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его привела въ умиленіе мысль, что даже и *такой* человѣкъ подверженъ законамъ, которые управляютъ всякимъ животнымъ организмомъ...

И, провожая домой почтеннаго философа до улицы Cassette, Ремерспахеръ самъ представлялся себѣ въ видѣ молодого животнаго, которому судьбой суждено воспринять духъ разрушающагося и обреченнаго на смертную гибель, уже старѣющаго, отживающаго организма, съ тѣмъ, чтобы его обезсмертить.

Приблизившись вмѣстѣ съ Тэномъ, при его участіи, къ великимъ задачамъ міроваго единства, Ремерспахеръ ощутилъ въ себѣ присутствіе какого-то особенно-священнаго и умиротворяющаго довольства. Ему хотѣлось бы слиться со всѣми ему подобными и сдѣлать общимъ достояніемъ горячую любознательность, которую внушаютъ законы природы, и въ то же время сознаніе необходимости имъ подчиняться.

II.

Посѣщеніе и бесѣда великаго человѣка такъ взволновали юнаго лотарингца, что въ немъ пробудилось желаніе подѣлиться своими впечатлѣніями съ достойнѣйшимъ изъ числа товарищей—Стюрелемъ. Онъ вбѣжалъ къ нему, дрожа отъ тревоги, что можетъ его не застать.

Съ первыхъ же словъ Ремерспахера, Франсуа бросился горячо его обнимать. Ремерспахеръ подробно, но все еще волнуясь, передалъ ему свой разговоръ съ Тэномъ.

— Я говорилъ ему о васъ, о Бутелье́,—заключилъ онъ:—Тэнъ знаетъ, что мы считаемъ обманомъ способъ Канта установить положительныя начала. Онъ мнѣ сказалъ: „Мысль—дѣло отвлеченное; какъ бы хороша она ни была, ея недостаточно для сердца человѣка"; и посовѣтовалъ намъ соединиться, чтобы дѣйствовать сообща: чѣмъ живѣе дѣло, тѣмъ оно совершеннѣе. Съумѣлъ ли я выказать ему мое уваженіе—не знаю, только онъ приглашалъ меня къ себѣ. Но я именно отъ этого и воздержусь. Въ наши годы и при нашихъ условіяхъ, молодого человѣка, слишкомъ усердствующаго, могутъ заподозрить въ преднамѣренномъ и лукавомъ искательствѣ... Я еще опьяненъ силою и полнотой его бесѣды! Самъ Тэнъ драгоцѣннѣе даже своихъ книгъ!

Человѣкъ ограниченнаго, узкаго ума всегда скоро разочаруется въ знаменитости; но живое и восторженное воображеніе друзей—Ремерспахера и Стюреля, благодаря свиданію перваго съ Тэномъ, разрушило передъ ними преграды смутнаго будущаго, къ которому они стремились. Друзья съ увлеченіемъ предались мечтамъ, какъ они приведутъ въ исполненіе совѣтъ великаго философа—сплотиться и, своимъ кружкомъ, дѣйствовать въ жизни дружно, сообща.

Ремерспахеръ повелъ Стюреля къ „дереву Тэна", и умиленныхъ, восторженныхъ друзей поразило то совпаденіе, что эта чинара росла какъ разъ напротивъ Дворца Инвалидовъ, этого памятника славы Наполеона. Передъ мысленными ихъ очами вставалъ образъ императора, который говорилъ:

— Я добылъ отъ людей все, что̀ они могутъ дать!

Философъ какъ бы ему возражалъ:

— Я не пробуждалъ отъ сна столицу и народъ; но зато заставлялъ свой разумъ бодрствовать въ самой глубинѣ своей. Я тоже властвую надъ міромъ: я его подчиняю законамъ своего ума. Моя власть сильнѣе, чѣмъ слава Наполеона: она не огра-

ничена ни временемъ, ни пространствомъ, она—не предметъ осязаемый или случайный...

— Самое лучшее примѣненіе теорій Тэна, это, по моему, научиться повелѣвать разумомъ своимъ и ощущать душу свою въ себѣ, какъ индивидуальную частицу великаго тѣла вселенной! — заговорилъ опять задумчиво Ремерспахеръ. — А ты хочешь блистать передъ людьми...

— Ты ошибаешься, — замѣтилъ Стюрель. — Въ погонѣ за славой, я буду искать не столько блеска, сколько дѣятельной затраты силъ. Предусмотрѣть опасность; знать, чему подвергаешь свою жизнь; грудью встрѣчать неожиданные удары судьбы и смѣло нести бремя невзгодъ,—вѣдь это значитъ непрерывно испытывать внутреннее волненіе.

— А! Ты не хочешь пожертвовать дѣятельной жизнью ради жизни созерцательной!—воскликнулъ обиженно Ремерспахеръ.— Пусть такъ! Но могу ли я самъ измышлять себѣ жизненныя условія? Я — не изъ тѣхъ людей, которые готовы бороться съ вѣтряными мельницами... И, наконецъ, если ты ужъ готовъ подчиняться житейскимъ обстоятельствамъ, то какое мѣсто отводишь ты мышленію?

— Пойми меня, Морисъ! Я сужу не озлобленно и не пристрастно: душа моя ликуетъ; желанія мои—чисты... Къ этой бесѣдѣ насъ привелъ не каторжникъ-герой, а святой человѣкъ, который, какъ ты говоришь, похвалилъ насъ за товарищество и дружбу. Ты вспоминаешь о Растиньякѣ, который съ высоты Père-Lachaise'а клянется покорить Парижъ? Знай, его желаніе я считаю постыднымъ и ограниченнымъ: Лойола, напримѣръ, не тѣмъ меня привлекаетъ, что онъ побѣдилъ весь міръ, а тѣмъ, что онъ избралъ себѣ героическую цѣль жизни... И я самъ, подобно тебѣ, подобно Тэну, хотѣлъ бы путемъ мышленія и опыта составить себѣ понятіе о жизни; но я иду еще далѣе того: я бы хотѣлъ возвести это стремленіе въ цѣль жизни... О, если бы въ этомъ пустынномъ для насъ Парижѣ насъ бы сошлось нѣсколько человѣкъ единомышленниковъ! Еслибъ намъ вмѣстѣ удалось найти сферу дѣятельности, въ которой намъ суждено вращаться!

— А! Сплотиться? войти въ ассоціацію? Но къ чему мы стали бы стремиться? Гдѣ тѣ дѣла, тѣ люди, которые могли бы дать нашему воображенію толчокъ, показать намъ восторженный, но опредѣленный образъ?

И, помолчавъ съ минуту, онъ прибавилъ:

— Правда, вѣдь и самъ Тэнъ говорилъ: „сплотитесь“!.. Ну, и какой же ты странный человѣкъ! Конечно, въ общемъ, я, по-

пожалуй, согласенъ съ тобой: я понимаю, что ты можешь желать организовать нашу жизнь, дать ей цѣль, направленіе мысли, которыя бы принадлежали нашей родинѣ...

Ему вспоминаются слова Тэна о смерти; о томъ, что скоро придетъ ихъ чередъ — и это самое чувство животной, скоропреходящей жизни, будитъ въ немъ сознаніе своихъ юныхъ силъ и потребность скорѣе вступить въ жизнь...

— Хорошо! Созовемъ товарищей,—говорилъ Стюрель, увлекая друга внизъ по склону Монмартра.—Вмѣстѣ съ ними, мы обсудимъ планъ нашихъ взаимныхъ дѣйствій... Пора съ пользой употребить нашу жизнь!

— Назначь самъ день и часъ,—проговорилъ Ремерспахеръ.

— Сегодня у насъ 1-е мая... Ну, такъ вотъ: у могилы Наполеона 5-го мая, въ день его кончины!..

III.

Около двухъ часовъ дня, 5-го мая, друзья сошлись у воротъ Дворца Инвалидовъ.

Юное солнце, еще не успѣвшее одѣть деревья въ густую листву, разливало на безлюдной площади тревожное томленіе знойнаго весенняго дня...

Ракадò, грязный и угрюмый какъ всегда, молчалъ. Ремерспахеръ и Сенъ-Фленъ, плохо уяснявшіе себѣ смыслъ предстоящаго сходбища, однако, не думали смѣяться надъ волненіемъ Стюреля, которое выдавали его блѣдность и нервное возбужденіе. Наконецъ, и Сюре-Лефоръ, съ своимъ кожанымъ портфелемъ-трубкою подъ мышкой, подошелъ къ товарищамъ усталою, но оригинальною походкой, какъ бы всецѣло состоявшею изъ его личныхъ качествъ: точности и самоувѣренности. Хоть въ немъ и не было ни тѣни романическихъ наклонностей, онъ не выказалъ никакого удивленія по поводу неожиданнаго сборища.

Обыкновенно посѣтители могилы Наполеона робѣютъ, когда звуки ихъ шаговъ гулко раздаются подъ сводомъ роскошной гробницы; но юные паломники-лотарингцы не смущаются своимъ грубымъ и (у нѣкоторыхъ) даже обветшалымъ нарядомъ, — не замѣчаютъ, какъ стучатъ ихъ подошвы. Для молодыхъ французовъ, въ двадцать лѣтъ, здѣсь не просто мѣсто упокоенія бренныхъ, истлѣвающихъ останковъ: это мѣсто, гдѣ скрещиваются всѣ силы человѣческія, коимъ имя: смѣлость, воля, ненасытное стремленіе впередъ. Не мертвенная тишина царитъ подъ этимъ

сводомъ,—подъ нимъ гудитъ народная молва, — молва о героѣ, дыханіе которой побуждаетъ воспрянуть юныхъ патріотовъ.

Прахъ великаго корсиканца, покрытаго оскорбленіями, нанесенными ему судьбою, это интереснѣйшій изъ документовъ въ исторіи народовъ,—если его разобрать. Онъ самъ былъ безъ ума отъ своей геніальности; онъ былъ, какъ король Лиръ, опустившійся, потучнѣвшій; и, наконецъ, какъ трупъ, началъ распадаться въ прахъ, сокрытый въ гробу...

Въ своей оцѣнкѣ генія Наполеона не ошиблись ни французы, ни нѣмцы, ни итальянцы, ни поляки, ни русскіе, когда каждый изъ этихъ народовъ полагалъ, что Наполеонъ родился нарочно для того, чтобъ именно *его* пробудить къ энергіи. Онъ вѣдь и въ самомъ дѣлѣ пробудилъ отъ сна къ дѣятельной жизни каждую изъ этихъ національностей... Но изо всѣхъ видовъ исторической личности Наполеона, которые, по мнѣнію самихъ лотарингцевъ, не могли бы ихъ особенно привлечь, они избрали видъ „Наполеона—души".

Помимо партійныхъ предразсудковъ, помимо всякихъ поводовъ и условій, они любятъ Наполеона, — того самаго Наполеона, который говоритъ:

— У меня даръ — электризовать людей!

Его черты, расплывшіяся и обрюзгшія подъ вліяніемъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, снова измѣнились на смертномъ одрѣ и возстановили на вѣкъ въ памяти народной энергичное лицо юнаго героя, а впослѣдствіи консула Бонапарта. Его энергія — вотъ что привлекаетъ нашихъ молодыхъ героевъ; она въ нихъ пробуждаетъ жажду къ дѣятельности, вѣру въ себя, въ свои юныя, еще не вполнѣ опредѣлившіяся силы. Каждый изъ нихъ по-своему проявляетъ волненіе, и посторонній наблюдатель, который обратилъ бы на это вниманіе, могъ бы составить самыя разнообразныя характеристики.

Глаза почти оборванца Мушфрена переливаются и сверкаютъ, какъ у юнаго тигра; скорыми шагами онъ нервно шагаетъ взадъ и впередъ на короткомъ пространствѣ въ какихъ-нибудь пять-шесть шаговъ и прихрамываетъ въ своихъ ветхихъ ботинкахъ. Одинъ только Реноденъ относится съ нѣкоторой насмѣшливостью ко всему происходящему; а все-таки и онъ поступился однимъ дѣловымъ визитомъ для того, чтобы откликнуться на зовъ друзей. Силою своего воображенія, Стюрель и его товарищи вызываютъ изъ мрачной обители тѣней славные призраки минувшаго, и тѣни толпятся, онѣ наполняютъ собою огромное зданіе „Инвалидовъ". Все это — доблестные, смѣлые

воины, друзья и вѣрные слуги несравненнаго героя; затѣмъ — члены его семьи, его потомства—фигуры, полныя трагизма, какъ, напримѣръ, Наполеонъ III и его сподвижники. Встаютъ изъ гроба: Ней, Мюратъ... горячіе, лихіе; и финансисты — Годенъ, Молліенъ; политики—Порталисъ, Троншe и др. Поэтовъ тоже восторженные юноши причисляютъ къ „наполеонидамъ" и видятъ въ нихъ какъ бы отголоски духа великаго Наполеона. И ихъ слова, которыя вырываются у нихъ невольно, являются лишь длиннымъ рядомъ прославленій и безъ того уже богатой фактами славы этого проповѣдника энергіи...

Первымъ нарушилъ молчаніе Стюрель, воскликнувъ:

— Сначала вѣдь и онъ былъ юношей-бѣднякомъ!

Инстинктивно всѣ остальные бросились къ нему и, оттащивъ его въ сторону, въ часовню короля Іеронима, засыпали горячими разспросами:

— Какъ императора, мы его знаемъ хорошо, и его славу— также; но какъ онъ до нея дошелъ, какъ попалъ въ кандидаты къ всемірной извѣстности?

И Стюрель просто, но рельефно, описалъ товарищамъ дѣтство и учебные годы юнаго корсиканца; благородство его происхожденія, недостатокъ средствъ въ юности и горькія обиды его самолюбію, когда при немъ издѣвались или просто смѣялись надъ его прозвищемъ: „корсиканецъ".

— А вѣдь и намъ тоже пришлось все это перестрадать въ лицеѣ!—думали про себя товарищи. — Мы тоже были одиноки; намъ тоже приходилось измѣнять всему своему природному, чтобы избѣжать насмѣшекъ.

Пятнадцати лѣтъ Наполеонъ переходитъ въ военную школу, и находитъ себѣ главное утѣшеніе въ изученіи Руссо и корсиканскихъ лѣтописцевъ. Молодой, одинокій, несмотря на то, что съ шестнадцати лѣтъ уже служилъ офицеромъ въ строю, онъ увѣрилъ себя, что только тогда будетъ счастливъ, когда будетъ счастлива и свободна его милая родина, Корсика. Онъ усердно работаетъ на пользу ея освобожденія. Ему двадцать лѣтъ, и онъ собственноручно раздаетъ трехцвѣтныя кокарды при Бастіи...

„Вотъ именно! Привязаться къ реальнымъ событіямъ, найти цѣль, достойную того, чтобы для нея жить"!—думалъ каждый изъ друзей.

— Но не слѣдуетъ преувеличивать достоинства фантастическихъ стремленій Наполеона; присмотрѣвшись поближе, мы вмѣстѣ съ нимъ замѣтимъ, что эти стремленія были у него лишь средствомъ къ извлеченію изъ нихъ идеала, въ который и воплоти-

лась для него Франція. Хоть собственно ему и не по вкусу демагогія якобинцевъ, онъ, однако, рѣшается примкнуть къ ихъ партіи, потому что въ то время она властвуетъ во Франціи. Счастье тоже узнаетъ въ немъ одного изъ тѣхъ избранныхъ, которымъ оно любитъ услужить, и поджидаетъ его на берегу Тулона, куда онъ высадился со своими союзниками, — бѣглыми съ Корсики, разоренными, изгнанными...

Такъ, или почти такъ, говоритъ Стюрель, и, жадно вслушиваясь въ его слова, молодые люди гордятся тѣмъ, что былъ на свѣтѣ такой человѣкъ, какъ Наполеонъ, и грустятъ о томъ, что они потеряли столько драгоцѣннаго времени, еще ничѣмъ не заявивъ себя...

— Ну, а *мы*, — неужели мы допустимъ, чтобы жизнь насъ придавила? — воскликнулъ Стюрель.

Наполеона они уже оставляютъ въ сторонѣ и возвращаются къ самимъ себѣ, такъ какъ они еще полны собою. Великое славное имя „императора", создававшаго „людей", заставляетъ ихъ говорить теперь: *я* и *мы*...

— Наши занятія скоро придутъ къ концу. Удовлетворимся ли мы тѣмъ, чтобы только извлечь выгоду изъ нашихъ факультетскихъ дипломовъ? Будемъ ли мы простыя „полезности" нашего времени, или будемъ стремиться вѣрить въ то, что мы — избранники судьбы, что мы, дѣйствительно, вожди?.. Друзья, надъ гробницею Наполеона поклянемся быть „людьми"!..

— Клянемся! — воскликнулъ Мушфренъ, который проскользнулъ въ первый рядъ.

— Хорошо! — вымолвилъ Ракадо.

— Поразительно! — бормоталъ Сюре-Лефоръ, сбитый съ толку своимъ волненіемъ.

— Давно пора! — заключилъ Реноденъ, который третій годъ какъ добивался устроить союзъ изъ своихъ друзей, для взаимной дѣятельной жизни.

— Я одобряю мнѣніе Стюреля, — проговорилъ Сенъ-Фленъ. — Но замѣчу только, что Бонапартъ и Лойола, которыхъ они такъ любятъ цитировать, властвовали надъ людьми потому, что одинъ умѣлъ сдѣлать изъ нихъ героевъ, а другой — святыхъ.

— У Бонапарта былъ Паоли, его идеалъ и патріотъ! — возразилъ Реноденъ. — А у насъ кто? Кому мы могли бы служить съ тѣмъ, чтобы, когда угодно, отъ него отдѣлиться?

— Постойте, не спѣшите! — вмѣшался Ремерспахеръ: — Мнѣ, право, удивительно, что ты, Стюрель, еще вѣришь въ великихъ

людей. Или ты не чувствуешь, что отдѣльный индивидуумъ— ничто, а общество—все?

— Хорошо, хорошо! —нервно возразилъ Стюрель: — Тэнъ сдѣлалъ изъ тебя пантеиста, и ты смотришь на природу, какъ на одно общее цѣлое, заключающее въ себѣ самомъ законы своего существованія, своей дѣятельности...

— А я считаю вселенную косной матеріей, которую приводятъ въ движеніе постороннія, внѣшнія вліянія и силы. Наполеонъ явился по волѣ Господней!—замѣтилъ Сенъ-Фленъ.

— Вашъ Наполеонъ,—загорячился Муштренъ, — былъ самымъ происхожденіемъ своимъ подготовленъ къ совершенію переворотовъ въ странѣ, которая была ему, по рожденію, чужая. Ну, а мы,—развѣ мы чувствуемъ хоть что-нибудь, кромѣ презрѣнія и ненависти къ существующимъ *теперь* порядкамъ? Мы избраны судьбой, чтобъ ихъ разрушить!

— Мы должны опасаться, какъ бы не сдѣлаться отрицателями...—остановилъ его оскорбленный Сенъ-Фленъ.—Ни на минуту, за всю жизнь Наполеона, его не покидало сознаніе долга...

— И своей судьбы! — поправилъ Стюрель.

— И культурности! — перебилъ Ремерспахеръ.

„Есть слова,—говоритъ Паскаль, — по которымъ узнается человѣкъ"; и въ этихъ трехъ словахъ: *долгъ*, *судьба*, *культурность*... дѣйствительно отразились личныя свойства молодыхъ собесѣдниковъ.

— Ахъ, не все ли равно, какіе будутъ у насъ двигатели,— замѣтилъ Сюре-Лефоръ:—Да сама-то цѣль, къ которой мы стремимся: — въ чемъ она состоитъ?

— И въ самомъ дѣлѣ, установимъ точнѣе! — предложилъ Реноденъ.

Водворилось тревожное молчаніе, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ этотъ простой вопросъ оставался безъ отвѣта... Да и немудрено было задуматься надъ нимъ, если принять въ разсчетъ, какую почву для дѣятельности представляла этимъ молодымъ людямъ, оторваннымъ отъ родной почвы, Франція 1884 года.

Въ эту пору живыя силы нашего отечества и его главныя точки опоры и дѣятельности сосредоточивались, во-первыхъ, въ административныхъ учрежденіяхъ, которыя (какъ ихъ ни хули!) все же поддерживаютъ своими трудами родное для нихъ государство; во-вторыхъ, въ религіи, которая подраздѣляется не на католическую и протестантскую,—какъ бы то казалось на первый

взглядъ,—а на *старую*, основанную на вѣрѣ въ божественное откровеніе, и *новую*,—сжившуюся съ научными системами; при чемъ послѣдняя сулитъ намъ то самое „мирное и благоденственное житіе“, которое нѣкогда въ мечтахъ представлялось пророкамъ. Въ-третьихъ, сельско-хозяйственные, промышленные или коммерческіе заводы и мастерскія, которые стремятся „дѣлать деньги“, а вмѣсто того сами подчиняются тѣмъ же деньгамъ. И, въ-четвертыхъ, безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ обществъ и союзовъ, которыхъ административныя учрежденія лишаютъ независимости, иниціативы. Изъ числа ихъ только синдикаты рабочихъ имѣютъ и силу, и увѣренность въ себѣ, и сознаніе своихъ цѣлей и принциповъ. Они рождаются вслѣдствіе чувства ненависти къ существующимъ формамъ общественнаго порядка, и борются, въ надеждѣ его разрушить, въ то время, какъ административная власть силится ихъ раздавить и уничтожить. Люди же знатнаго, дворянскаго происхожденія, которые, вмѣстѣ съ вышепоименованными учрежденіями, составляли „старое“ общество,—вымерли, и не оказываютъ государству никакихъ услугъ, не пользуются никакими преимуществами, и даже свое положеніе въ свѣтѣ поддерживаютъ средствами, добытыми невѣдомо какими сомнительными путями. Вотъ и всѣ отдѣльныя группы французскаго общества, которыя должны бы были, каждая, исполнять свое прямое назначеніе и тѣмъ привести весь французскій народъ къ желанному и благоденственному состоянію. Но между ними нѣтъ единства,—онѣ, наоборотъ, стараются все обратить въ ничто... Очевидно, во Франціи господствуетъ полное разъединеніе, общественная рознь.

Но въ такомъ случаѣ, если въ самомъ существѣ своемъ народъ лишенъ возможности объединиться, такіе вопросы, какъ напр.: кто перевѣситъ—Жюль Ферри или Клемансо? займутъ ли войска границы на окраинахъ востока? вредны ли для государства уже ослабѣвшія козни революціонеровъ? достанется ли Третьей республикѣ честь прорытія панамскаго канала?—всѣ эти и подобные имъ вопросы отходятъ уже на второй планъ. И, подчиняясь естественному стремленію пересоздать общественный строй, люди невольно впадаютъ въ другую крайность и дѣлаются прямо анархистами... Не принадлежа ни къ какому опредѣленному „строю“, наши юноши невольно оказываются тоже „анархистами“ и представляютъ собою явленіе весьма опасное для общества, если они, въ подражаніе любимому герою, начинаютъ вмѣшиваться въ общественныя дѣла... Герои, которые являются въ свой день и свой часъ въ ту самую среду, которая къ

нимъ наиболѣе подходитъ, оказываются не героями, а вѣрнѣе—бичами общественныхъ началъ!..

Теперь понятно замѣшательство молодыхъ людей передъ ихъ общею задачей: рѣшить, въ чемъ должно заключаться дѣло, которому они должны посвятить свою жизнь?

— Въ наше время, восхищаться Наполеономъ еще не значитъ признавать совершенными тѣ организаціонныя начала, которыя онъ намъ оставилъ. Счастливъ тотъ, кто снова возродитъ французское общество, если въ его распоряженіи будутъ такія же достоинства, какія проявилъ Бонапартъ, создавая его законы, восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ!..

— Не понимаю! Ты какъ будто и революціонеръ, и цезаристъ, въ одно и то же время?—замѣтилъ Сюре-Лефоръ.

— Совершенно вѣрно; но въ то же время я твердо увѣренъ, что идеалъ французской буржуазіи—даже революціонной, даже республиканской—прямой врагъ личности и свободы...

— И это тебя приводитъ...

— Милый мой! Пожалуйста, оставимъ эти политическія словопренія и перейдемъ прямо къ дѣлу! Ну, гдѣ мы возьмемъ виднаго дѣятеля, представителя нашей національности?

— А, вамъ хочется буксира? Проще говоря: вамъ нуженъ локомотивъ?—замѣтилъ вдругъ толстякъ Ракадо̀.—Но вѣдь для того, чтобы онъ тащилъ насъ на буксирѣ, надо чтобъ вы-то сами стояли уже на рельсахъ! Въ потемкахъ, которыя васъ окружаютъ, самъ Наполеонъ и тотъ бы васъ, пожалуй, не примѣтилъ!.. Мы ждемъ практическаго рѣшенія этого обсужденія.

Всѣмъ, кромѣ Мушфрена, который громко разсмѣялся, стало какъ-то неловко. Этихъ обоихъ бѣдняковъ скорѣе потому только и терпѣли ихъ товарищи, что имъ казалось это подвигомъ человѣколюбія. И вдругъ одинъ изъ нихъ, все тотъ же Ракадо, положилъ руку на плечо Стюрелю и, сдѣлавъ знакъ, что хочетъ говорить, торжественно произнесъ:

— Я берусь доставить вамъ возможность начать дѣйствовать!

Пробѣжалъ говоръ удивленія...

Ракадо насладился произведеннымъ впечатлѣніемъ и продолжалъ:

— Въ теоріи, эта возможность для цезаристовъ остается на сторонѣ военной силы, но для насъ болѣе подходящее средство —это пресса. Съ помощью своей собственной газеты вы бы могли изслѣдовать общественное мнѣніе и опредѣлить его те-

ченіе... Вы могли бы слѣдить за ходомъ событій... Да! самое лучшее—свой органъ печати!..

— Ну, а администрація его?

— А средства?

— Мушфренъ и я, мы возьмемъ всѣ эти заботы на себя. *Я* беру это на себя! Мы, господа, послужимъ вамъ подножкой; зато впослѣдствіи не позабудьте насъ!

Друзья переглянулись; ихъ недовѣрчивая улыбка постепенно пропадала. Они припомнили, что Ракадо нерѣдко поминалъ про свое „большое наслѣдство“, которое отецъ не желалъ ему выдать.

Конечно, придетъ время, когда увлеченія этихъ юныхъ духомъ баккалавровъ и разсужденія, которыя привели ихъ къ тому, чтобы считать необходимымъ основать свою газету, покажутся совершенно непонятными; но въ 1884 году это было дѣло обыкновенное среди молодыхъ людей, которые пробивали себѣ дорогу не столько своими личными способностями, сколько жаждой жизни, при полученной уже подготовкѣ къ стремленію быть журналистомъ. Ракадо и Мушфренъ, пожалуй, сверхъ того, гонятся еще и за денежною наживой, но остальные, люди обезпеченные, рвутся вступить въ борьбу единственно ради удовольствія ломать копья за свои идеалы... Что же тутъ такого? Они, вѣдь, существа совсѣмъ особаго рода: они—французы! Они не славяне и не англосаксы, они—рыцари и аристократы, искатели славныхъ приключеній, за которыми они легкомысленно пускаются въ погоню... Но, глядя на разгорѣвшіеся глаза будущихъ героевъ, глядя на ихъ сильный, статный ростъ и бодрость взгляда и осанки, можно съ достовѣрностью предугадать, что и впредь въ нихъ будутъ загораться благородные порывы, и что они будутъ въ состояніи подняться на высоту своего идеала...

Выходя изъ Дворца Инвалидовъ, своебразные заговорщики столкнулись съ двумя молодыми дамами, которыя, несмотря на поздній часъ, когда уже закрываютъ дворецъ, силились войти туда за деньги. На мгновеніе онѣ отклонились отъ занимавшаго ихъ спора и обратили вниманіе на кучку молодежи, выходившей изъ тѣхъ самыхъ дверей, въ которыя онѣ напрасно стремились.

„Гдѣ я видѣлъ это лицо“?—подумалъ Ремерспахеръ, всматриваясь въ одну изъ любопытныхъ, которая и сама, повидимому, задавала себѣ этотъ вопросъ. Незнакомка приняла видъ скромной, благовоспитанной особы, но ея рѣзкія черты и вызываю-

щая граціозность, подавленная стараніемъ казаться сдержанной степенной, несмотря на вуаль, выдали ее:

„Э, да это г-жа Аравіанъ“!..

Его первымъ движеніемъ было побѣжать, предупредить Стюреля, который, ухвативъ подъ-руку Ракадо, горячо объяснялъ ему, что не разъ въ немъ сомнѣвался, но что теперь они вмѣстѣ будутъ работать надъ осуществленіемъ благого начинанія. Однако, замѣтивъ его искреннее увлеченіе, Ремерспахеръ раздумалъ отвлекать вниманіе товарища пустою болтовней о пустой бабенкѣ. Между тѣмъ, идя параллельно съ ними, поклонница грузинскихъ властелиновъ то-и-дѣло упорно поглядывала на Мушфрена, такъ что даже Сенъ-Фленъ, не привыкшій къ психологическимъ разборамъ, замѣтилъ Ремерспахеру:

— Ужъ не бѣсъ ли искушаетъ нынче парижанокъ въ столицѣ, какъ искушаетъ онъ монаховъ въ стѣнахъ монастыря?

Привлекательности въ лицѣ или фигурѣ Мушфрена, конечно, нельзя было приписать вниманіе прекрасной иностранки, и друзья не могли удержаться отъ улыбки, когда послѣдній подошелъ къ г-жѣ Аравіанъ и при этомъ сунулъ ей въ руку свою карточку. Она взглянула на нее, и послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшилась оставить ее у себя.

— Да, я подалъ ей свою карточку,—подтвердилъ, вернувшись, Мушфренъ;—весьма немногія отказываются брать, а нѣкоторыя потомъ даже возьмутъ да и напишутъ... И, наконецъ, почему бы бѣдняку не имѣть богатой „подруги“? Съ нами безопаснѣе имѣть дѣло,—намъ вѣдь, все равно, никто не повѣритъ!

Друзья задумались надъ этими жестокими словами и, продолжая своюо прогулку уже на террассѣ Тюильри, любовались чудною картиной, которая повторяется лишь одинъ разъ въ году, въ день смерти великаго Наполеона: дневное свѣтило, готовясь погрузиться за линію горизонта, сіяло, какъ въ рамѣ, въ Тріумфальной аркѣ и обливало ее своимъ блескомъ... Въ былое время, вѣрные почитатели императора-героя непремѣнно сходились туда поклониться памяти его...

И въ этотъ знаменательный день, на той же террасѣ, у воды, товарищи повстрѣчали своего учителя Бутелье́, который, по обыкновенію, съ шести часовъ вечера наряжался въ сюртукъ и бѣлый галстухъ, и даже теперь, на прогулкѣ, то-и-дѣло въ нетерпѣніи поглядывалъ на часы.

Удивленный, что съ нимъ раскланиваются какіе-то молодые люди, онъ поклономъ показалъ, что узналъ въ нихъ своихъ бывшихъ учениковъ; но, вѣроятно, они его нѣсколько стѣс-

няли, потому что онъ далъ имъ дорогу, а самъ пошелъ черезъ площадь Согласія, по направленію къ Тріумфальной аркѣ, объятой могучимъ пламенемъ огненнаго заката...

VI.

Бутелье и „Настоящая Республика".

I.

Неудивительно, что Бутельé, при встрѣчѣ со своими молодыми друзьями, не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Отошло въ вѣчность то время, когда его занятіемъ было вербовать будущихъ слугъ отечеству; теперь ему самому предстояло столкнуться съ его дѣйствующими силами, съ той властью, отъ которой зависятъ судьбы тридцати-восьми-милліоновъ-трехсотъ сорока-трехъ тысячъ человѣкъ французскаго — и тридцати-шести милліоновъ восьмисотъ-девяти тысячъ человѣкъ колоніальнаго населенія Франціи. Въ минуту встрѣчи со своими бывшими учениками, онъ погруженъ былъ въ рѣшеніе задачъ, подобныхъ ихъ собственнымъ, и въ то же время спѣшилъ на улицу Мурильо, 20, къ великому „просвѣтителю" Рейнаку, на обѣдъ.

Жакъ де-Рейнакъ—продуктъ республиканскаго парламентаризма. Онъ родился во Франкфуртѣ въ 1840 году и послѣ войны принялъ французское подданство; одинъ изъ его братьевъ имѣетъ банкирскій домъ во Франкфуртѣ, гдѣ умеръ глава того же дѣла, ихъ отецъ. Свой баронскій титулъ они добыли себѣ въ Пруссіи и въ Италіи за деньги, а богатство—въ банкирскомъ домѣ Конъ-Рейнакъ, гдѣ настоящимъ главою былъ собственно Конъ. Женатый на француженкѣ стараго и знатнаго рода, онъ рисуется своей преданностью легитимистамъ и выступилъ кандидатомъ партіи монархистовъ на законодательныхъ выборахъ. Взявъ на себя роль служить парламентскимъ дѣятелямъ (читай: министрамъ) своими свѣдѣніями по дѣламъ, которыя подлежатъ вѣдѣнію народныхъ властей, онъ пристроилъ къ Гамбеттѣ своего племянника Жозефа. Планы Рейнака осуществлялись успѣшно, и, начиная съ 1877—1878 года, не было почти ни одного дѣла, которое прошло бы въ парламентѣ и получило требуемое разрѣшеніе правительства помимо участія барона Рейнака. Иногда у него оказывалась необходимость въ писателѣ, который съумѣлъ

бы развить въ печати высшія финансовыя соображенія или философско-экономическія начала. Съ этимъ-то намѣреніемъ Рейнакъ и ухватился за̀ Бутельѐ.

Молодой профессоръ уже дней восемь, какъ изучаетъ свои новыя обязанности, знакомится непосредственно съ финансовой средою воротилъ. Подробное знакомство съ исторіей привело его къ убѣжденію, что „центръ вліянія и правительственной власти кроется въ финансовыхъ вопросахъ. Кто хочетъ играть роль въ политикѣ, тотъ долженъ къ нимъ примѣняться". На обѣдѣ и пріемѣ у Рейнака, къ которому 5-го мая спѣшитъ Бутельѐ, онъ какъ разъ столкнется со всѣми главными дѣятелями на почвѣ финансовыхъ интересовъ французской республики. Пока Рейнакъ самъ не даетъ ему осторожно понять, какую онъ въ сущности играетъ роль, и Бутельѐ ничего еще не будетъ подозрѣвать.

Въ тотъ вечеръ, дѣйствительно, за столомъ у знаменитаго финансиста сошлись главнѣйшіе представители его коллекціи парламентскихъ дѣятелей. Но особое вниманіе молодого профессора привлекъ одинъ изъ присутствовавшихъ банкировъ. Это былъ человѣкъ, къ которому никто не относился фамильярно, и которому, какъ лицу еврейскаго происхожденія, пришлому изъ Германіи, самому не столько интересны подробности внутренней политики, сколько отношенія между государствами. Если бы отъ природы, по складу своего характера, онъ не стоялъ въ сторонѣ отъ всякаго пристрастія къ какому бы то ни было особому государственному строю, ему было бы легко потрясти основы государства. Но чего ради? И безъ того, во всѣхъ административныхъ сферахъ, какъ за блестящимъ обѣденнымъ столомъ Рейнака, вездѣ и всѣ его окружаютъ, всѣ готовы къ его услугамъ.

Скромно сидя на дальнемъ концѣ стола, Бутельѐ наблюдаетъ за лицомъ и обращеніемъ умнаго финансиста, и убѣждается, что тотъ ни слова не говоритъ безъ пользы, взвѣшиваетъ свою рѣчь и ведетъ ее медленно, съ достоинствомъ, но что въ то же время лицо его, смуглое, морщинистое, если присмотрѣться,носитъ выраженіе утонченнаго лукавства и дерзости. Видно, что онъ нерѣдко думаетъ о борьбѣ съ противникомъ:

— „Что̀ бы ни возражалъ противъ меня твой разумъ, какъ бы я ни былъ тебѣ ненавистенъ, у меня столько денегъ и я такъ умѣю ими распоряжаться, что ты, по неволѣ, неизбѣжно будешь плясать по моей дудкѣ"!..

Общее выраженіе лицъ гостей Рейнака все-таки сводится къ большей или меньшей степени низости и плутов-

ства, и даже пошлой нескромности; только у политико-экономовъ и у художниковъ написаны на лицахъ легкомысленность и добродушіе.

— Мнѣ кажется,—продолжая начатый разговоръ, говорилъ одинъ изъ такихъ политико-экономовъ,—мнѣ кажется, что главная причина неустойчивости государственнаго управленія,—это необходимость слѣдить за людьми, которые выбиты изъ своей естественной колеи и вполнѣ достойны занимать правительственныя мѣста, но потерпѣли неудачу, встрѣтивъ на пути своемъ непреодолимыя преграды. При нашей системѣ, нѣтъ ничего подобнаго! Мы принимаемъ всѣхъ, кто только имѣетъ право доступа.

— Простите!—перебилъ его Рейнакъ.—Но я боюсь, что вы и безъ того ужъ слишкомъ много готовите этихъ-то самыхъ „выбитыхъ изъ родной колеи“! Считали вы, сколько провинціаловъ является въ столицу ежедневно, въ погоню за счастьемъ? И все это баккалавры, замѣчательные люди, но не безъ аппетита! Вотъ въ чемъ кроется настоящая для васъ опасность: въ перепроизводствѣ достойныхъ людей!

Баронъ говорилъ бы нѣсколько иначе, если бы тутъ не было профессора Бутельé, и теперь послѣднія слова какъ бы для того только и были произнесены, чтобы вызвать того на возраженіе, котораго онъ, судя по взгляду, ожидаетъ. Бутельé это понимаетъ и, пользуясь любезностью хозяина дома, впервые въ этомъ обществѣ начинаетъ говорить своимъ красивымъ, глубокимъ и прекрасно-разсчитаннымъ голосомъ.

— Есть, конечно, не мало и другихъ неоснованныхъ на опытѣ предположеній; однако, не слѣдуетъ допускать, чтобы нашъ умъ видѣлъ особыя силы въ такихъ, напримѣръ, крайнихъ мѣрахъ, какою оказалась коммуна 1871 года. Въ этихъ случаяхъ можно бы сказать, что недугъ не устраненъ, и паціентъ остается тяжко боленъ. Но республика имѣетъ возможность избѣжать общественныхъ недуговъ: у нея есть прекрасный законъ 22-го мая 1882 года, которымъ поголовное обученіе французовъ сдѣлано обязательнымъ,—да оно и необходимо! Человѣкъ безъ образованія—плохой рабочій, плохой гражданинъ, плохой защитникъ своего отечества. Впрочемъ, и въ этомъ законѣ есть пробѣлъ: упущена необходимость преподаванія философіи... Въ сущности вѣдь что̀ такое Франція: совокупность людей или земельныхъ участковъ? Вовсе нѣтъ! Это совокупность воззрѣній или, вѣрнѣе, понятій, которыя выработались у республиканскихъ мыслителей, и которыя являются драгоцѣннымъ для насъ преданіемъ. Каждый изъ нихъ *французъ* лишь въ той

мѣрѣ, въ какой они внѣдрились у него въ душѣ. Безъ государственной философіи нѣтъ и не можетъ быть настоящаго національнаго единства!

Манера говорить и серьезная вдумчивость неторопливой рѣчи не могли не вызвать восхищенія среди тѣхъ изъ гостей, которые способны были оцѣнить ея достоинства какъ въ ораторскомъ, такъ и въ драматическомъ отношеніи. Они наклонялись другъ къ другу, перешептывались, недоумѣвая: кто бы могъ быть этотъ еще юный господинъ съ блѣднымъ лицомъ, худощавымъ и довольно рѣзко очерченнымъ, съ черными глазами, смотрѣвшими совершенно увѣренно?

Остальнымъ, сначала, было просто интересно появленіе въ ихъ кругу новаго лица, и они слушали его съ любопытствомъ въ теченіе тѣхъ пяти минутъ, которыя онъ говорилъ, но проговори онъ еще хотя одну лишнюю минуту, и они нашли бы его скучнымъ.

Издатель большой газеты высказываетъ ему свое одобреніе, но какъ бы говоритъ безмолвною улыбкой:

— „Мы тоже увлекались, какъ и вы“!

На это громогласно возражаетъ ему Бутельé, даже, пожалуй, слишкомъ рѣзко, какъ новичокъ.

— А ваша газета стала бы поддерживать мнѣніе, что есть опасность увеличивать число народныхъ учителей и преподавателей философіи?

— Ба!—не смущаясь, отвѣчаетъ тотъ.—Моя газета,—да она ежедневно подтверждаетъ то, что я презираю французскую буржуазію!

Всѣ засмѣялись съ облегченнымъ сердцемъ, счастливые, что неловкость обошлась благополучно, но Рейнакъ и Бутельé оставались еще встревожены, и первый поспѣшилъ оговориться:

— Девятилѣтнимъ ребенкомъ,—началъ онъ,—мой другъ Бутельé уже работалъ, помогая каменщикамъ подымать наверхъ известковый растворъ въ особомъ приборѣ, называемомъ „козлю“. Утромъ день мальчика-штукатура каменщика начинается раньше и вечеромъ кончается позже, чѣмъ день его хозяина, но Бутельé ухитрялся учиться по ночамъ, и ему было всего двѣнадцать лѣтъ, когда на конкурсномъ экзаменѣ онъ получилъ награду...

На лицахъ присутствующихъ отразилось почтительное удивленіе и въ то же время какъ бы снисходительная жалость къ наивному дебютанту на житейской сценѣ.

Ему задали нѣсколько вопросовъ о жизни каменщиковъ, о

трудностяхъ его занятій, о духѣ юношей, которымъ онъ преподавалъ... Но серьезность, съ которою онъ относился даже къ мелочамъ и къ подробностямъ,—серьезность, съ которою онъ говорилъ, смущала и казалась гостямъ неловкой, неумѣстной.

— Гм! Не спорю, конечно, очень мило, что Бутельé поднималъ наверхъ штукатурку, но для меня все-таки останется болѣе достовѣрнымъ фактомъ, что Рувьé служилъ въ приказчикахъ у Зафиропуло и меньше выставляетъ это напоказъ,—замѣтилъ кто-то банкиру.

— А, такъ этотъ самый господинъ теперь возьметъ въ руки дѣла барона?—обратился банкиръ къ своему улыбавшемуся сосѣду.—Однако, онъ съ достоинствомъ несетъ это бремя!

— Порукой за исключительный умъ и достоинства Бутельé, котораго я давно знаю, является участіе, которое принималъ въ немъ Гамбетта, а теперь принимаетъ нашъ уважаемый хозяинъ дома; порядокъ дѣятельности такого рода людей хорошо извѣстенъ: „клубы“ и кружки, крайняя лѣвая, радикальничанье, и гораздо позднѣе — настоящее, тонкое пониманіе правительственныхъ интересовъ...

— А еще позднѣе—графъ Парижскій!—тонко замѣтилъ образованный банкиръ.

— Это наши резервы, не открывайте ихъ!—весело подхватилъ журналистъ-правительственникъ, указывая на своего собрата-радикала, и оба врага, безпощадно бранившіе другъ друга въ печати, смѣясь, переглянулись и, вставая изъ-за стола, подошли одинъ къ другому.

Въ гостиной одинъ изъ финансистовъ фамильярно взялъ подъ руку Бутельé.

— Морнй, бывало, говаривалъ романисту Альфонсу Додэ, который поражалъ своею шапкою волосъ и молодымъ, оживленнымъ лицомъ: „Молодой человѣкъ! Кто записался въ полкъ свѣтскихъ людей, тотъ обязанъ носить и его мундиръ! Позвольте же и мнѣ замѣтить вамъ: надо пѣть въ тонъ политикѣ, если хочешь въ нее вмѣшаться“. А тонъ политики—отнюдь не философскій!.. Нѣтъ,—продолжалъ онъ, прихлебывая кофе,—не философа дѣло политика и не моралиста. Это просто умѣнье извлекать какъ можно больше пользы изъ всякаго опредѣленнаго положенія.—И онъ съ удовольствіемъ распространился на эту тему; его дружно и весело поддерживалъ баронъ.

Тѣмъ временемъ, какой-то молодой депутатъ, пользуясь минутнымъ затишьемъ, подошелъ къ одному бывшему министру изъ лагеря умѣренныхъ и проговорилъ:

— Мнѣ давно уже пора бы принести вамъ мою благодарность: вѣдь именно вы заставили меня избрать политическую карьеру!

— Какъ такъ?

— Вамъ когда-то предложили назначить меня въ государственный совѣтъ, но вы тогда же возразили: „Вотъ еще, эту дрянь?! Никогда въ жизни“!

Старикъ (центръ лѣвой) призадумался, но только на мигъ, и, протягивая ему руку, отвѣтилъ:

— Совершенно вѣрно!

— Такъ вотъ почему мнѣ пришлось приняться за мое дьявольское ремесло!..—заключилъ весело молодой человѣкъ.

Его выходка имѣла успѣхъ; его ласково потрепали по плечу...

— А затѣмъ, господа,—послышался вскорѣ, среди общаго оживленія, громкій голосъ Рейнака, который выступилъ немного впередъ и благодушно засунулъ руки въ карманы:—кому угодно интересоваться нашей желѣзною дорогой,—пожалуйте въ курительную!.

Многіе послѣдовали за хозяиномъ дома, но Бутельé остался изучать нравы художниковъ, женщинъ и нѣсколькихъ „новичковъ“, находившихся въ гостиной. Мало-по-малу, стали прибывать еще гости, среди которыхъ было не мало такихъ видныхъ дѣятелей республики, какъ Жюль Ферри, Рейналь (министръ общественныхъ работъ), Бойо, Леонъ Рено и Рувьé. Вокругъ нихъ и вокругъ Вильсона, противника конвентовъ, собрались кучки слушателей.

— Нѣтъ, ужъ доводите дѣло до конца! — слышалось изъ одной кучки:—этотъ государственный строй только потому и проченъ, что всѣ боятся войны. Нашъ цезаризмъ не страшенъ (хоть въ немъ и заключается единственная опасность внутри Франціи):—не страшенъ, пока французы, сомнѣваясь въ своихъ силахъ или изъ боязни лишиться привычныхъ удобствъ, будутъ требовать сохраненія мира.

Кто-то, повидимому, смѣшалъ роль „цезаря“ съ ролью семейства Бонапартовъ, и Бутельé не преминулъ на это замѣтить нѣсколько свысока, по профессорски:

— Тò, чтò отличаетъ „цезаря“ отъ обыкновенныхъ смертныхъ властителей, лично ему присуще и не можетъ быть достояніемъ наслѣдственности. Цезарь является какъ необходимое явленіе въ моментъ, когда изсякаютъ преданія, и онъ не можетъ создать новыхъ. Республика ничего опаснаго не можетъ

ожидать отъ бонапартизма; но зато отъ цезаризма должна всего опасаться.

Такимъ образомъ, высказываясь самъ, прислушиваясь и присматриваясь къ другимъ, Бутелье впервые сближается съ группой лицъ, стоящихъ во главѣ государственнаго управленія, въ тотъ самый день, когда его ученики сплотились вокругъ отвлеченной силы...

II.

6 мая, Мушфренъ получилъ записку, въ которой стояло: „Желательно бы знать, что вы хотѣли сказать вчера, 5 мая, у „Инвалидовъ"?—Астинэ Аравіанъ. Англійская Вилла, ул. Бальзакъ".

На другой же день, въ десятомъ часу утра, онъ отправился туда и долго ждалъ выхода хозяйки въ такъ называемой „роскошно меблированной гостиной", куда ему подали портвейну и дамскихъ сигаретокъ. Когда появилась Астина,—она показалась ему еще энергичнѣе и еще красивѣе, чѣмъ прежде; но съ первыхъ же ея словъ порывъ его восторга былъ охлажденъ вопросомъ:

— Я, кажется, видѣла васъ у Стюреля? Онъ продолжаетъ жить все тамъ же? Что онъ подѣлываетъ?

— Старается жениться на этомъ ребенкѣ, Терезѣ Алисонъ,—отвѣтилъ Мушфренъ на удачу; но его желаніе нанести ударъ исполнилось, хотя ему и не дали повода это замѣтить.

— Я знаю эту барышню,—милая дѣвочка... въ своемъ родѣ, конечно; только со стороны Стюреля смѣшно такъ рано думать уже о томъ, чтобы обзавестись семьею!—И Астинѣ показалось даже страннымъ, какъ могъ интересовать ее господинъ, у котораго такіе безобразные друзья, какъ этотъ карликъ.

— Хотите?—проговорила она, протягивая послѣднему свой портсигаръ.—Вотъ вамъ маленькій запасъ... Или, быть можетъ, вамъ хотѣлось бы сперва позавтракать? Сейчасъ вамъ подадутъ... Нѣтъ? Вы не голодны? Ну, хорошо; при случаѣ, предупредите же Стюреля о томъ, что я вернулась, и пришлите мнѣ его отвѣтъ.

Маленькій человѣчекъ ушелъ, взбѣшенный такимъ заключеніемъ: онъ приходилъ сюда съ тѣмъ, чтобы плѣнить собою, а съ нимъ обошлись какъ съ почтальономъ, которому въ деревнѣ

принято предлагать стаканчикъ винца. Впрочемъ это ему не помѣшало пойти къ Ракадо—похвастать. Тотъ сидѣлъ съ друзьями въ кафе „Вольтеръ“ за обсужденіемъ вопроса объ основаніи журнала, и Мушфренъ обидѣлся, что его не пригласили.

— Вотъ еще! Развѣ Фойо предлагаетъ карточку обѣдовъ и ужиновъ тѣмъ изъ своихъ кліентовъ, которыхъ онъ по утрамъ угощаетъ объѣдками?—грубо, но не безъ дружелюбія въ голосѣ, объяснилъ Ракадо, который въ душѣ все еще немножко побаивался за свои денежки.

Однако, минуты двѣ спустя, онъ былъ чудо какъ хорошъ своимъ самоотверженіемъ, съ которымъ „ввѣрялъ судьбу“ газеты своимъ товарищамъ. Они и умнѣе, и способнѣе его, и независимѣе по своему рожденію; отъ нихъ онъ ждетъ братскаго участія, поддержки. О знаменитомъ наслѣдствѣ онъ не сталъ особенно распространяться, сказавъ только, что, наконецъ, получилъ его и теперь предоставляетъ въ полное ихъ распоряженіе, потому что, послѣ сходбища у могилы Наполеона, онъ вѣритъ въ своихъ старыхъ друзей!..

Онѣ взялъ подъ-руку Мушфрена и ушелъ съ нимъ въ сосѣднюю комнату, чтобы предоставить остальнымъ свободу обсудить этотъ вопросъ въ его отсутствіи.

— Онъ вѣдь не требуетъ отъ васъ, чтобы вы жертвовали чѣмъ бы то ни было, — говорилъ Реноденъ, котораго засыпали разспросами:—Чѣмъ вы рискуете? Я служилъ въ этомъ случаѣ посредникомъ и знаю, что „Настоящую Республику“ охотно отдадутъ ему въ аренду за 750 фр. въ мѣсяцъ: черезъ три года, она будетъ его собственностью. Такимъ образомъ, оказывается, что капитала уплачивать сразу не придется.

— Молодецъ Ракадо! Я вижу въ немъ будущаго генія; пока я еще имъ руковожу, но онъ скоро меня перегонитъ. Относительно редактированія газеты, онъ сейчасъ же сказалъ: „я платить не намѣренъ“! Оригинальный текстъ, вмѣсто уже признанныхъ авторовъ-мужчинъ, онъ поручитъ писать женщинамъ; ночныхъ работъ онъ постарается избѣжать, тѣмъ болѣе, что его газета не будетъ носить справочнаго характера: столбецъ—другой новѣйшихъ извѣстій,—вотъ и все. Накопецъ, Ракадо берется самъ завѣдывать администраціей газеты при содѣйствіи нѣкоего плута, котораго Порталисъ прогналъ за мошенничество: человѣкъ онъ ловкій, только съ него глазъ нельзя спускать. Что же касается квартиры,—передъ этой комбинаціей я преклоняюсь! Онъ откопалъ какого-то разорившагося типографа, который счаст-

ливъ и тѣмъ, что ему даютъ работу, и не гонится ни за какими барышами... дали бы ему нѣсколько франковъ, чтобы только не умереть съ голоду. Сожалѣю, что вы не компетентны въ этомъ дѣлѣ, и потому не можете должнымъ образомъ оцѣнить мѣсячный бюджетъ, который мы установили,—настоящій шедёвръ!.. Да Ракадо еще и не такихъ дѣлъ натворитъ!—И тутъ же, на кофейномъ столикѣ, онъ принялся приводить имъ свои вычисленія:

Приходъ:	франк.
Продажа въ Парижѣ; въ кіоскахъ, 2.500 экз., по 7 фр. 50 сант. за сотню	5.625
Продажа въ Парижѣ; у газетчиковъ 3.000 экз., по 1 фр. за сотню	900
Фирма „Hachette“ и др. въ провинціи 1.000 экз., по 7 фр. 50 сант. за сотню	2.250
Абоненты—500 чел., по 40 фр. въ мѣсяцъ	1.666
Объявленія, minimum	2.500
Финансов. операціи.	2.000
	14.941

Расходъ:	франк.
Бумага: 15.000 экз., по 10 фр. за тысячу	4.500
Текстъ и печатаніе—до 20.000 экз., на 190 фр. въ день . .	5.700
Распредѣленіе и почта (по 30 фр. въ день)	900
На администрацію	1.200
Разсыльные для раздачи №№ въ Парижѣ, на 180 фр. въ день	2.400
Аренда	750
Квартира	—
Сотрудничество	—
Редактированіе	—
Фельетоны.	—
„Агентство Гаваса“	600
	16.050

— Какъ видите, положеніе далеко не дурное; только откуда-нибудь раздобыть по полуторѣ тысячи франковъ на каждый мѣсяцъ. Названіе газеты хорошее, только немного позабытое. Будь у насъ на лицо пять тысячъ франковъ, мы можемъ приступить къ дѣлу и даже весьма прилично. А года черезъ три, не я буду, если „Настоящая Республика“ не сдѣлается полной собственностью Ракадо.

— Это было бы просто великолѣпно!—замѣтилъ Ремерспахеръ.—Но вѣдь ему придется въ теченіе года уплатить сто-восемьдесятъ-шесть тысячъ шестьсотъ франковъ.—Есть они у него?

— Ты думаешь, что онъ не оплатитъ издержекъ? Этого нельзя допустить: помнишь, онъ вѣдь не разъ намъ говорилъ, что получаетъ отъ матери большое состояніе?

— Бѣдный, бѣдный!—проговорилъ Сенъ-Фленъ.—Купилъ бы онъ себѣ на эти деньги виноградникъ на родинѣ и жилъ бы себѣ мирно и безпечно!

Реноденъ давно уже махалъ руками, какъ человѣкъ, которому болтаютъ всякій вздоръ, и вдругъ произнесъ въ заключеніе:

— Чтобы вашъ журналъ имѣлъ хоть тѣнь достовѣрности въ успѣхѣ,—необходимъ по крайней мѣрѣ милліонъ! Нѣтъ милліона,—нѣтъ и увѣренности въ успѣхѣ: все—дѣло случая. Конечно, Ракадо не милліонеръ; если же у него найдется сто—двѣсти тысячъ франковъ, вашими трудами пополнится все остальное. „Непримиримый" (Intransigeant) даже и не дотронулся до подписныхъ денегъ; онъ существовалъ на средства, которыя дала ему продажа его перваго нумера.

Передъ такими доводами молодые люди сочли бы позоромъ пойти на попятный...

Узнавъ, что товарищи согласны, Ракадо ушелъ пройтись по Люксембургскому саду со своимъ пріятелемъ, нѣжно-любимымъ Мушфреномъ. Надо же ему имѣть наперсника и друга, чтобы было кому изливать свои чувства... Но ни веселая картина заката, ни оживленный рой дѣтей,—ничто не могло вызвать въ немъ той откровенности, приливъ которой вечеромъ побудилъ его не только сообщить товарищу (конечно, подъ строжайшею тайной!) настоящую цифру своего наслѣдства, но даже показать письмо отца, или, точнѣе говоря: его отвѣтъ:

„Любезный сынъ!

„Такъ какъ ты, къ сожалѣнію, этого требуешь, я готовъ ввести тебя во владѣніе. Но ты и представить себѣ не можешь, до чего мнѣ въ настоящую минуту трудно устроивать свои дѣла (подробности приводить не стоитъ). Если бы ты видѣлъ мои счета и массу матеріала, который лежитъ у меня на лѣсопильнѣ! Ты говоришь, что не могъ бы ужиться съ нашимъ нотаріусомъ Клоденомъ въ Понтъ-а-Муссонѣ? Но онъ передалъ бы тебѣ свою контору черезъ какія-нибудь восемь лѣтъ; и, наконецъ, человѣку, которому предстоитъ заработывать себѣ свой насущный хлѣбъ, не полагается разбирать, у кого какой характеръ. Если самъ работаешь исправно, никакого хозяина тебѣ не будетъ страшно. Когда я былъ еще простымъ рабочимъ, мои хозяева были въ зависимости отъ меня; ты хорошій работникъ, и, конечно, съумѣлъ бы ладить даже съ дурнымъ начальствомъ"...

— Нравоученія можно пропустить!—замѣтилъ Ракадо.

Въ концѣ письма, отецъ сообщалъ, что высылаетъ первый транспортъ денегъ въ размѣрѣ 10.000 франковъ.

— На эти деньги можно прожить неимовѣрно долго!—почтительно замѣтилъ Мушфренъ.

— Послушай! Ты всегда былъ чувственно настроенъ. Но развѣ ты не понимаешь, что родители Стюреля, Ремерспахера, Сенъ-Флена, не удовлетворились однимъ только необходимымъ заработкомъ? Эти сорокъ тысячъ,—да это цѣлое богатство, скопленное по грошамъ, утянутое по мелочамъ изъ всего того, что олицетворяетъ въ воображеніи лотарингца деньги, а именно: одежды, пропитанія, квартиры, полевыхъ машинъ и налога,—это дань государству и культурѣ, которую провинціалы-земледѣльцы обязаны поддерживать, не будучи съ нею знакомы...

Благодаря успѣху статьи Ремерспахера о Тэнѣ, казалось, что редактора лучше его не сыщешь; но Ремерспахеръ отказался на томъ основаніи, что и безъ того у него слишкомъ много работы. Стюрель, какъ идеалистъ и человѣкъ независимый, не прочь былъ поработать и безвозмездно.

— А я,—ворчалъ недовольный Реноденъ,—я не могу писать у тебя въ газетѣ, если ты не будешь платить! Поручи мнѣ театры, которые, кажется, никого здѣсь не интересуютъ, кромѣ одной только моей Леонтины; вотъ я и буду присылать ей ложи...

— А мы ихъ будемъ продавать,—возразилъ Ракадо:—Леонтина посидитъ и въ райкѣ.

— А мнѣ что? Развѣ меня исключать изъ коммиссіи, потому что я бѣденъ?—допрашивалъ Мушфренъ; и его уже хотѣли-было вписать, но Ракадо вмѣшался:

— Съ которыхъ это поръ каменщику платятъ прежде, чѣмъ онъ кончитъ строить домъ? Нѣтъ! Ты, Леонтина и я, мы всѣ трое ограничимъ свою дѣятельность одною только административною частью!

Наконецъ, договоръ подписанъ. До открытія газеты остается только шесть недѣль. Будущіе администраторы усердно готовятся къ этому событію и, чтобы какъ можно меньше отрываться отъ своихъ занятій по ознакомленію съ веденіемъ газетнаго дѣла, даже ѣдятъ на-скоро, завтракая исключительно колбасой. Ракадо учился телеграфскому искусству, бесѣдуя съ метранпажемъ, а тотъ хвалится своимъ умѣньемъ и заявляетъ, прижимая руку къ сердцу:

— Послушайте, г. Ракадо! Мнѣ тоже вѣдь не охота, чтобъ люди говорили: „Пинель—свинья“.

И, какъ настоящій выжига, котораго прогнали со службы за плутни, отставной унтеръ-офицеръ кавалеристъ, Пинель продолжаетъ:

— Дорогой хозяинъ! Для администратора газеты, самое главное—имѣть квартиру съ двумя ходами!..

И въ самомъ дѣлѣ, съ первыхъ же дней существованія „Настоящей Республики", толпа журналистовъ-неудачниковъ принялась непрерывно осаждать редактора, стоя длинной вереницей на лѣстницѣ.

Ракадо любезно выпроваживалъ каждаго, и только неизмѣнно приговаривалъ:

— Для начала, редакція сотрудникамъ платить не будетъ!..

А. Б—г—.

ИЗЪ „LES AMOUREUSES"

А. ДОДЭ.

I.

НА СМЕРТЬ А. ДЕ-МЮССЕ.

1 мая, 1857 г.

Съ душой мечтателя, художникъ по натурѣ,
Онъ безконечною печалью удрученъ,
Не зная даже самъ, о чемъ тоскуетъ онъ:
Сегодня—потому, что быть навѣрно бурѣ,
А завтра—оттого, что ясенъ небосклонъ.
Все кажется ему и злымъ, и некрасивымъ,
И пѣнье соловья находитъ онъ фальшивымъ.

Душой подобенъ онъ увядшему цвѣтку
Со сломаннымъ стеблемъ, а тѣломъ—тростнику,
Въ которомъ соковъ нѣтъ и твердой сердцевины.
Страдая и грустя безъ видимой причины,
Онъ смертью медленной отъ этого умретъ,
Въ могилу унеся своихъ сомнѣній гнётъ...

Вы всѣ, любя его, душой поэту чужды.
Не растравляйте же разспросами безъ нужды
Его мучительно загадочный недугъ.
И вы, избранницы, къ которымъ въ вихрѣ свѣта
Стремится пылкая фантазія поэта,—
И вамъ не надо знать его завѣтныхъ мукъ.
Вашъ геній, онъ—дитя, безумное, больное:

Увы! Не исцѣлитъ могущество земное
Божественный недугъ! Сочувствуйте ему,
Любите, какъ дитя любили бы родное,
Страдайте вмѣстѣ съ нимъ—не зная, почему.
Когда бъ доступнѣй вамъ была душа поэта—
Вы менѣе его любили бы за это.

Порой, какъ свѣтлый лучъ, сіяющій во мглѣ,
Въ очахъ безрадостныхъ, на сумрачномъ челѣ—
Вдругъ загорается желанный отблескъ свѣта.
Но, знай: не о тебѣ мечтаетъ онъ, Нинета,
Въ объятіяхъ твоихъ. Онъ жаждетъ не тебя;
Кого—не знаетъ самъ. Надѣясь и любя,
Онъ видитъ пустоту зловѣщую повсюду,
И онъ не вѣруетъ и не взываетъ къ чуду.
Недугомъ тяжкимъ въ немъ душа поражена,
Усталъ онъ раздувать колеблющійся пламень:
Какъ разрушаемый волной морскою камень—
Печалью тайною подточена она,
И умираетъ онъ отъ скорби безпричинной,
Отравленный тоской и... водкою полынной.

II.

РАВНОДУШІЕ ПРИРОДЫ.

Когда оплакивалъ погибшую химеру
Впервые человѣкъ—его природа-мать,
Впослѣдствіи въ него утратившая вѣру,
Стремилась вмѣстѣ съ нимъ и плакать, и страдать.
Все омрачилося; померкли всѣ свѣтила;
Увяли всѣ цвѣты,
И солнце болѣе не грѣло съ высоты;
Фатою дымчатой свой ликъ луна закрыла,
И вѣтви темный лѣсъ съ отчаяньемъ простеръ
Къ печальнымъ небесамъ; осенніе туманы
Нависли надъ землей, а рощи и поляны
Одѣлись въ траурный уборъ.
И волны плакали, сливаясь въ тихомъ стонѣ;
Впервые голоса̀, и струны, и ручьи,
И вѣтеръ утренній, и въ рощѣ соловьи—
Запѣло все въ минорномъ тонѣ.

У бездны дань невольныхъ слезъ
Отчаянье исторгло щедро;
Пылали злобою вулкановъ темныхъ нѣдра
И вопіялъ утесъ...
—Въ страданьяхъ смертнаго мы просимъ нашей доли!—
Звучало изъ пещеръ. И что̀ же? Человѣкъ
Грустилъ недѣлю, но не долѣ,—
А скорби ихъ конца не будетъ и во вѣкъ.
Когда же, наконецъ, стыдясь своей кручины,
Утѣшилась природа-мать—
Спѣша чело свое цвѣтами увѣнчать,
Оправивъ мантію зеленую долины,
Она явилась вновь въ сіяніи красы,
И молвила, полна насмѣшливой угрозы:
—Теперь узнала я, что̀ значатъ ваши слезы—
Недолговѣчныя, какъ капельки росы!
Страдайте же одни! Земля, красой волшебной
Цвѣтя по прежнему, не знай, какъ прежде, мукъ!
Пусть не вторгается въ твой свѣтлый гимнъ хвалебный
Фальшивой нотою земныхъ рыданій звукъ!

III.

РЕКВІЕМЪ ЛЮБВИ.

Умоляю тебя, ангелъ милый,
Посѣтимъ на прощаніе вновь
И поплачемъ съ тобой у могилы,
Гдѣ покоится наша любовь!

Какъ прекрасенъ уборъ погребальный!
Сколько въ ней чистоты неземной!
Какъ цвѣтокъ, истомившійся въ зной
И поникшій надъ влагой зеркальной
Словно въ грёзахъ о свѣтломъ быломъ—
Поблѣднѣвшимъ и юнымъ челомъ
Та̀къ она поникаетъ печально.

Загляни же въ лицо ея вновь,
Умоляю тебя, дорогая!
Передъ нами она, какъ живая—
Схороненная нами любовь.

Не жалѣя трудовъ и стараній,
Безъ укоровъ и жгучихъ терзаній,
Мы ее убирали въ гробу.
Мы не долго винили судьбу:
Горе женщинъ бываетъ не вѣчно,
И поэта печаль—скоротечна.

Но проходятъ недѣли, и вновь,
Привлеченные странною силой,
Мы печально стоимъ надъ могилой,
Гдѣ покоится наша любовь.

Родилась она вешней порой,
Вмѣстѣ съ первымъ расцвѣтомъ сиреней,
А скончалась ненастной, сырой
И туманной порою осенней.
—Черезчуръ холодна и чиста!—
Эскулаповъ вѣщали уста.
Я простилъ имъ тогда по неволѣ,
Но теперь не прощаю имъ болѣ.

И себѣ повторяю я вновь,
Приближаясь къ завѣтной могилѣ:
—Слишкомъ рано мы нашу любовь,
Слишкомъ рано навѣкъ схоронили!—

Мы расторгли волшебныя звенья,
Но возможно ихъ снова связать,
И любовь возродится опять
Изъ могильнаго мрака забвенья.
Нѣтъ, не надо! Въ объятіяхъ сна
Пусть покоится мирно она!

Отъ рыданій сдержаться нѣтъ силы...
О, закройте черты ея вновь!
Для чего, для чего, ангелъ милый,
Какъ безумцы, во мракѣ могилы
Схоронили мы нашу любовь!

О. Михайлова.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ

НА 1898 ГОДЪ.

Въ росписяхъ послѣднихъ лѣтъ обыкновенно замѣчалось различіе между смѣтными исчисленіями и предположеніями, съ одной стороны, и съ другой—ихъ дѣйствительнымъ исполненіемъ, преимущественно по обыкновеннымъ доходамъ и по чрезвычайнымъ расходамъ. Какъ велико было такое различіе, можно видѣть изъ отчетовъ объ исполненіи росписей 1895 и 1896 годовъ, по которымъ оказалось:

	Обыкновен. доходовъ [1]: исчислено въ росписи:	Обыкновен. доходовъ: дѣйствит. поступило:	Чрезвычайн. расходовъ: предполагалось по росп.:	Чрезвычайн. расходовъ: произведено:
	милліоны рублей за округленіемъ:			
Въ 1895 г.	1.143	1.256	94	383
Въ 1896 г.	1.239	1.368	130	255

Такое же различіе, хотя и не въ столь крупныхъ размѣрахъ, по свѣдѣніямъ объ оборотахъ росписи за десять мѣсяцевъ, должно оказаться и за 1897 годъ, а судя по цифрамъ недавно опубликованной росписи настоящаго года—такое же и по ней. Эта послѣдняя роспись представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Обыкновенныхъ доходовъ исчислено	1.364.458.217
„ расходовъ „	1.350.085.213
Превышеніе доходовъ надъ расходами.	14.373.004
Чрезвычайныхъ поступленій.	3.300.000
„ расходовъ	123.964.710
Недобора доходовъ	120.664.706

---

[1]) Въ цифру доходовъ за оба года не включены остатки отъ заключенныхъ смѣтъ, которые съ 1882 года постановлено присоединять къ доходамъ того года, когда смѣты заключены. Съ этими остатками обыкновенные доходы 1895 года—1.276 милл. р., а 1896 года—1.428 милл. рублей.

Такимъ образомъ, по всей росписи недоборъ доходовъ, сравнительно съ расходами, исчисленъ въ размѣрѣ 106 милл. руб. слишкомъ, которые и предполагается покрыть изъ свободной наличности государственнаго казначейства.

Цифра обыкновенныхъ доходовъ 1898 г. (1.364½ милл. руб.) всего лишь на 46 милл. руб. болѣе росписи предшествовавшаго года—и на 4 милл. руб. менѣе дѣйствительнаго дохода 1896 года. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе и то, что въ составъ росписи входятъ годъ отъ году ростущіе оборотные доходы, т.-е. такіе, поступленіе которыхъ почти цѣликомъ поглощается расходомъ, и которые поэтому къ увеличенію средствъ казны служатъ весьма мало. Таковы поступленія по эксплуатаціи казенной желѣзнодорожной сѣти и отъ казенной питейной торговли. Если ихъ исключить [1]), то обыкновенные доходы по росписи 1898 года составятъ всего лишь 987½ милл. руб. —менѣе росписи 1897 г. на 17½ милл. руб. и менѣе поступленія за 1896 годъ на 60 милл. руб.

Такая осторожность въ составленіи росписи 1898 года во всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра финансовъ объясняется неурожаемъ хлѣбовъ въ прошломъ году во многихъ мѣстностяхъ имперіи, преимущественно центральныхъ, а равно и опасеніями, возбужденными засухой въ концѣ прошлаго лѣта за урожай нынѣшняго года. Впрочемъ, какъ видно изъ того же доклада, опасеніе за предстоящій урожай озимей ослабляется осенними своевременными дождями, а недородъ прошлаго года представляетъ лишь мѣстную невзгоду, при чемъ, благодаря запасамъ хлѣбовъ предшествовавшихъ лѣтъ, не предвидится даже сокращеніе ихъ заграничнаго отпуска.

Ближайшимъ основаніемъ опредѣленія вѣроятной цифры доходовъ 1898 года можетъ служить доходность предшествовавшаго года. Полныхъ свѣдѣній о ней пока нѣтъ (и быть не могло). Но по свѣдѣніямъ министерства финансовъ и государственнаго контроля за десять мѣсяцевъ 1897 года обыкновенныхъ доходовъ поступило 1.072 милл. р. За два послѣдніе мѣсяца ихъ должно поступить не менѣе 267 милл. р. [2]), всего около 1.340 милл. руб.

---

[1])

	По росписямъ исчислено: 1898 г.	1897 г.	Поступило: 1896 г.
	въ милліонахъ рублей:		
Отъ казенн. желѣзнод. сѣти	291½	260	293
Отъ продажи питей.	85½	63	28
	377	323	321

[2]) Поступленіе за декабрь превосходитъ обыкновенно среднюю цифру поступленій въ остальные мѣсяцы въ полтора раза и болѣе.

Эта цифра можетъ быть принята и для 1898 года, съ добавленіемъ къ ней разницы въ оборотныхъ доходахъ, отъ эксплуатаціи казённыхъ желѣзныхъ дорогъ и отъ продажи питей—54 милл. руб. Если даже, изъ опасенія неурожая, уменьшить эту цифру на 10 милл. руб., то и тогда наименьшее вѣроятное поступленіе обыкновенныхъ доходовъ въ 1898 году составитъ 1.384 милл. руб., болѣе исчисленнаго на 20 милл. р.

Сверхъ того, къ суммѣ доходовъ должны быть причислены еще остатки отъ смѣтъ прежняго времени, подлежащіе въ 1898 году заключенію, т.-е. окончательному присоединенію, за ненадобностью, къ суммамъ государственнаго казначейства. Эти остатки, несомнѣнно составляющіе принадлежность обыкновенной росписи, не одинаковы по годамъ. Въ 1896 году они достигали значительной цифры 59 милл. р., но обыкновенно они не превышаютъ 7—10 милл. р. Въ этой суммѣ ихъ и можно было бы вносить въ доходную роспись, подобно тому, какъ въ расходную вносится 12 милл. руб. на непредусмотрѣнныя смѣтами экстренныя въ теченіе года надобности.

Такимъ образомъ, цифра выведеннаго въ росписи превышенія обыкновенныхъ доходовъ надъ таковыми же расходами въ 14½ милл. р., можетъ повыситься до 40 милл. руб. слишкомъ.

Осторожность смѣтнаго исчисленія прежде всего, какъ и въ предшествующіе годы, замѣчается по налогамъ косвеннымъ, со включеніемъ таможеннаго. Косвенныхъ налоговъ исчислено всего 543 м. р. —менѣе, чѣмъ поступило въ 1896 г. на 39 милл. руб. Такое чувствительное уменьшеніе едва ли можетъ быть поставлено въ тѣсную связь съ опасеніемъ неурожая въ настоящемъ году. Притомъ, косвенные налоги не составляютъ обложенія достатка, а—потребности; поэтому они естественно ростутъ съ каждымъ годомъ, соотвѣтственно приросту населенія. За десять мѣсяцевъ неурожайнаго прошлаго года косвенныхъ налоговъ поступило на 12½ милл. руб. болѣе, нежели въ особенно благопріятномъ 1896 году.

Еще болѣе умѣренно исчисленіе по росписи 1898 г. поступленіе питейнаго дохода: всего лишь въ размѣрѣ 260½ милл. руб., тогда какъ въ 1896 году его получено 294 милл. руб.

Съ введеніемъ казенной питейной продажи для многихъ возникло нѣкоторое затрудненіе разобраться между „косвеннымъ“ питейнымъ доходомъ и результатомъ казенной питейной торговли. Это двѣ совершенно различныя статьи оборотовъ казны. По казенной торговлѣ обороты состоятъ въ покупкѣ спирта, его очисткѣ, разливѣ въ видѣ 40-градуснаго „вина“, или *водки*, устройствѣ и содержаніи мѣстъ продажи и продающаго персонала. Изъ денегъ, выручаемыхъ отъ продажи водки по опредѣленной цѣнѣ, перечисляется въ *питейный* доходъ установленный акцизный сборъ, по 1 коп. съ градуса, по 4 руб.

съ ведра сорокаградуснаго вина; остальная сумма составляетъ доходную статью питейной казенной торговли.

Питейный же доходъ слагается изъ акциза со спирта и „вина", какъ по казенной, такъ и по частной продажѣ, изъ акциза съ пива и меда, съ дрожжей, дополнительнаго акциза съ „водокъ" и изъ патентнаго сбора съ заводовъ и мѣстъ продажи. Всѣ эти виды сборовъ сохранены, за исключеніемъ патентнаго, котораго не уплачиваютъ казенныя винныя лавки. Поэтому сборъ этотъ понижается: прежде онъ доставлялъ около 20 милл. руб.; въ 1896 году онъ понизился до 16 милл. руб., а на 1898 годъ исчисленъ въ размѣрѣ около 12 милл. руб., въ виду того, что въ прошломъ году введена казенная продажа водки въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, а съ нынѣшняго года—въ губерніяхъ с.-петербургской, новгородской, псковской, олонецкой и харьковской и въ 10 губерніяхъ царства польскаго. Такое уменьшеніе несомнѣнно, но оно все еще не объясняетъ умѣренности цифры смѣтнаго исчисленія питейнаго дохода на 1898 годъ. Правда, въ печати, даже оффиціальной, указывались еще другія причины уменьшенія потребленія питей съ распространеніемъ ихъ казенной продажи: сокращеніе числа мѣстъ продажи, особенно съ распивочной торговлей, покупка питей на наличныя деньги, а не въ долгъ и не подъ залогъ вещей, и устраненіе отъ питейной торговли еврейскаго населенія.

Судя по многочисленнымъ газетнымъ корреспонденціямъ, указанныя препятствія къ прежнему потребленію водки легко устраняются: распивочные пріюты возникаютъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ казенныхъ питейныхъ лавокъ [1]; находятся такъ же и благодѣтели, снабжающіе любителей, подъ залогъ сапоговъ и тулуповъ, достаточнымъ количествомъ „грошей" для покупки „казенной".

Какъ мало должно влiять на сокращеніе питейнаго дохода введеніе казенной продажи питей, видно изъ того, напримѣръ, что въ 1895 году, когда эта продажа впервые установлена въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ, доходъ этотъ, сравнительно съ предшествующимъ годомъ, не только не уменьшился, но возросъ на милліонъ рублей. Въ 1886 году онъ понизился на 4 милл. руб.,—но это пониженіе должно быть приписано сокращенію патентнаго сбора, такъ какъ въ 1896 году была введена казенная продажа въ 9 южныхъ губерніяхъ.

Нѣсколько болѣе крупное пониженіе (на 7 милл. руб.) оказалось

---

1) Въ „Новомъ Времени" (11-го января) появилось извѣстіе, заимствованное изъ „Варшавскаго Дневника", что въ Варшавѣ, тотчасъ же за открытіемъ казенной продажи питей, устроились распивочныя въ дворницкихъ ближайшихъ къ питейной лавкѣ домовъ, конечно съ нѣкоторой мздой дворнику и съ участіемъ его въ угощеніи и попойкахъ гостей.

за 10 мѣсяцевъ 1897 года, быть можетъ не только вслѣдствіе установленія въ этомъ году казенной винной продажи въ 6 губерніяхъ сѣверо-западнаго края и смоленской губерніи, но и вслѣдствіе недорода во многихъ мѣстностяхъ имперіи. Это пониженіе должно быть принято во вниманіе при исчисленіи питейнаго дохода на 1898 годъ; сверхъ того, для этого года должно быть допущено и дальнѣйшее уменьшеніе. Но, во всякомъ случаѣ, оно, сравнительно съ 1896 годомъ, по наличнымъ даннымъ, едва ли превыситъ 14 милл. руб. Такъ что вѣроятный питейный доходъ 1898 года составитъ (294 милл. руб. дохода 1896 года—14 милл. руб.) не менѣе 280 милл. руб., т.-е. болѣе исчисленнаго по росписи на 20 милл. руб.

По нашему мнѣнію, слѣдуетъ считаться еще съ однимъ факторомъ, а именно, съ приростомъ населенія, которое, если считать его въ $1^1/_4\%$ въ годъ, само по себѣ должно увеличивать косвенные налоги за два года (въ 1898 г. сравнительно съ 1896 годомъ) на $2^1/_2\%$, что для питейнаго дохода составляетъ около 7 милл. руб. Такимъ образомъ, питейный доходъ 1898 года могъ быть исчисленъ въ размѣрѣ не меньше 285 милл. руб., и только вслѣдствіе крайне осторожнаго, почти пессимистическаго исчисленія нашихъ финансовыхъ смѣтъ мы опредѣляемъ его въ 280 милл. рублей.

Во всякомъ случаѣ, возмѣщеніемъ недобора въ питейномъ доходѣ, если таковой и окажется, должна служить прибыль казенной продажи питей. Расходъ на нее исчисленъ по росписи въ 73 милл. руб., а доходъ—въ $85^1/_2$ милл. руб., т.-е. съ прибылью въ 16% слишкомъ Намъ кажется, что этотъ доходъ можно считать еще исчисленнымъ очень скромно.

Въ отчетѣ государственнаго контроля за 1896 годъ [1]) объ оборотахъ казенной питейной торговли въ восточныхъ губерніяхъ указано слѣдующее:

„Въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ (пермской, уфимской, оренбургской и самарской), выручка отъ казенной продажи питей въ 1896 году, за вычетомъ акциза, составила около 12.300.000 руб.

„При сопоставленіи этой суммы съ расходами (7,9 милл. руб.) получится остатокъ 4,4 милл. руб., изъ котораго необходимо исключить: во-первыхъ, сумму ежегоднаго въ теченіе 20 лѣтъ погашенія затраченнаго на введеніе казенной монополіи капитала и, во-вторыхъ, патентный сборъ съ питейныхъ заведеній, который государственное казначейство продолжало бы получать въ случаѣ сохраненія вольной продажи вина, всего около 500.000 рублей. Такимъ образомъ, финансовые результаты операціи винной монополіи за 1896 г. въ четырехъ

[1]) Объяснительная записка, стр. 29.

восточныхъ губерніяхъ выразятся въ суммѣ 3.900.000 руб. чистой прибыли".

Здѣсь прибыль еще выше, что̀ и понятно само собою. Какъ извѣстно, цѣна на водку назначена въ казенной продажѣ въ 8 руб. (особенно очищенной—въ 10 руб.), тогда какъ въ частной продажѣ въ крупной мѣрѣ (ведра и полуведра) она, даже лучшихъ заводовъ, продавалась по 6 р. и 6 р. 50 коп. Правда, въ мелкихъ мѣрахъ цѣна казенной водки такая же, какъ и при прежней продажѣ, а качество ея, какъ говорятъ, лучше; но устанавливать добавочное обложеніе въ 2—4 коп. на градусъ спирта, и безъ того обложеннаго значительнымъ акцизомъ, какъ намъ кажется, едва ли удобно.

Говоря о водочной торговлѣ, нельзя не вспомнить о мнѣніи членовъ общества охраненія народнаго здравія объ алкоголѣ. Приглашенная ad hoc коммиссія изъ членовъ общества признала алкоголь безусловнымъ ядомъ, никакой пользы человѣческому организму не приносящимъ и дѣйствующимъ на него угнетающимъ образомъ. Исходя изъ мысли, что чѣмъ концентрированнѣе спиртный напитокъ, тѣмъ онъ вреднѣе, коммиссія пришла къ заключенію, что было бы полезно крѣпость вина понизить до 30 градусовъ, оставивъ продажную цѣну такого казеннаго вина прежнюю, т.-е. такую, какая установлена для сорокаградуснаго [1]).

Но акцизное управленіе, однако, не вняло подобнымъ соображеніямъ, и санитарное *разсиропливаніе* водки предоставило усмотрѣнію самихъ потребителей.

Весьма осторожно также исчисленіе на 1898 годъ *таможеннаго* дохода въ 169 милл. руб. Этого дохода поступило въ 1894 году 173 милл. руб., въ 1895 году—168 милл. руб. и въ 1896 году—182 милл. руб., въ средней цифрѣ за три года—172 милл. руб. Въ 1897 году, какъ за девять, такъ и за десять мѣсяцевъ, поступленіе превышало поступленіе предшествовавшаго года на 7 милл. руб. Какъ по соображенію, такъ и по смѣтнымъ правиламъ, согласно съ этими цифрами, вѣроятный доходъ 1898 года слѣдовало принять по меньшей мѣрѣ въ размѣрѣ поступленія послѣдняго отчетнаго года,—а не задаваясь особенной осторожностью, даже въ размѣрѣ нѣсколько большемъ, именно въ 185 милл. рублей. Эту цифру мы и принимаемъ, какъ наиболѣе вѣроятную для таможеннаго дохода въ настоящемъ году, тѣмъ болѣе, что никакихъ измѣненій въ таможенномъ тарифѣ, особенно въ льготномъ смыслѣ, не готовится. Даже поднятый, полтора года тому назадъ, вопросъ о пониженіи пошлинъ на сельско-хозяйственныя машины и на металлы, ни на шагъ не приблизился къ разрѣшенію.

---

[1]) „Новое Время" 16-го октября 1897 г., „Нормальная крѣпость вина".

Въ обозрѣніи росписи на 1897 годъ мы приводили мысль, высказанную во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи,—о значеніи покровительственнаго тарифа. „Если—говорилось въ докладѣ—правительство въ теченіе довольно продолжительнаго времени съ неуклонною строгостію и послѣдовательностію держалось покровительственной системы, то преждевременное существенное ослабленіе ея было бы крупною политическою ошибкою и источникомъ глубокихъ потрясеній въ хозяйственномъ организмѣ страны“.

Та же мысль нѣсколько въ менѣе рѣзкой формѣ повторяется во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ и по росписи на 1898 г.: „вступивъ на путь охраны отечественнаго производства, мы должны выждать прочныхъ результатовъ отъ этой политики. Рѣзкія измѣненія установившихся условій международнаго обмѣна были бы очень вредны и несправедливы: они доставятъ незаслуженные убытки для многихъ предпринимателей, отвлекутъ капиталы отъ установившихся отраслей производства“.

Конечно, всякія преждевременныя дѣйствія не могутъ быть выгодны. Но по отношенію къ покровительству, оказываемому таможеннымъ тарифомъ отечественной промышленности, необходимо было бы указать срокъ наступленія своевременности, если не точно опредѣленымъ годомъ, то хотя бы признаками, по которымъ можно было бы распознать наступленіе такой счастливой для потребителя эры. Однимъ изъ такихъ признаковъ могла бы служить та сумма, въ которую обошлась государственному казначейству нижегородская выставка [1]). Дѣйствительно, по общему говору, выставленныя произведенія и отчасти ихъ экспозиція (въ родѣ павильона изъ резиновыхъ калошъ) заслуживали вниманія посѣтителей. Но, какъ иллюстрацію къ цѣлому, мы позволимъ привести фактъ, характерный, слышанный нами отъ одного изъ посѣтителей выставки.

Онъ увидалъ очень изящный сервизъ съ выставленной цѣной

---

[1]) Въ одномъ изъ приложеній къ отчету государственнаго контроля за 1896 г. бухгалтерія произвела подсчетъ расходамъ казны на нижегородскую выставку, составившимъ 10.168:289 руб., вмѣсто первоначально предположенныхъ 3 милл. руб. Въ возмѣщеніе этого расхода бухгалтерія насчитываетъ 184.000 руб. входной платы на выставку; 930.000 руб.—отъ усиленнаго, вызваннаго выставкой, движенія по желѣзнымъ дорогамъ, и 1.500.000 отъ продажи недвижимаго имущества выставки (по счету министерства финансовъ), всего 2.614.000 руб., такъ что затѣмъ расходъ составитъ около $7^1/_2$ милл. руб. Хотя и это весьма внушительная сумма, — еслибы она была исчислена заранѣе, то вѣроятно, не состоялась бы и выставка,—но въ сущности она несомнѣнно больше. По желѣзнымъ дорогамъ исчисленъ доходъ, но не подсчитанъ лишній расходъ вслѣдствіе усиленнаго движенія; затѣмъ, по газетнымъ извѣстіямъ, продажа разнаго имущества выставки дала лишь скромную сумму, а воздвигнутые дома вовсе не находятъ покупателей.

16 рублей.—Могу я купить этотъ сервизъ?—Извините, онъ уже проданъ.—А заказать такой же?—Мы получили уже столько заказовъ, что больше не принимаемъ. Впрочемъ, обратитесь въ такой-то магазинъ; быть можетъ, тамъ найдете что-нибудь подходящее.

Тотъ отправился въ магазинъ и нашелъ сервизъ нѣсколько похожій на выставленный, но аляповатой отдѣлки и цѣною въ 42 рубля!

Приведенный случай, по нашему мнѣнію, весьма характеренъ. Онъ наглядно опредѣляетъ дѣятельность нашихъ промышленниковъ. Оказывается, что они, быть можетъ, не безъ *нѣмецкаго* содѣйствія, могутъ изготовить для выставки, съ умѣренною выставочною цѣною, издѣлія, почти столь же удовлетворительныя, какія изготовляются нѣмцами у себя дома не для выставки, а для обыденнаго потребленія по доступнымъ для всѣхъ цѣнамъ. Не будь у насъ запретительныхъ пошлинъ, наши промышленники дошли бы, наконецъ, до нѣмецкаго способа производства, а отсутствіе лишнихъ расходовъ по перевозкѣ и дешевизна рабочей силы давали бы ихъ издѣліямъ преимущество сравнительно съ привозными.

Конечно, *незаслуженные убытки предпринимателей*—не желательны; но точно такъ же не желательны и ничѣмъ незаслуженные огромные ихъ барыши, получаемые на счетъ населенія, обреченнаго платить въ три-дорога за продуктъ, вслѣдствіе того, что пошлины, близкія къ запретительнымъ, лишаютъ населеніе возможности пріобрѣтать по болѣе доступной цѣнѣ хорошія заграничныя издѣлія вмѣсто дорогихъ и плохихъ отечественныхъ. Самой казнѣ, при стремленіи всѣхъ вѣдомствъ поддерживать русскую промышленность, постоянно приходится обращаться къ заграничнымъ заказамъ и покупкамъ, или вдвое переплачивать отечественнымъ заводамъ. При этомъ переплаты не идутъ даже въ чью-либо пользу; онѣ большею частію поглощаются отсутствіемъ предпріимчивости и разсчетливости въ производствѣ, порождаемымъ отсутствіемъ иноземной конкурренціи подъ охраной запретительнаго тарифа.

Также—безспорно—не желательны крутыя измѣненія въ административной регламентаціи экономическихъ отношеній. Но эти мѣры могутъ быть приняты постепенно и послѣдовательно. Еслибы, однако, и разомъ возвратиться къ таможенному тарифу конца шестидесятыхъ годовъ (до введенія золотой пошлины), то по отношенію къ промышленникамъ это едва ли оказалось бы болѣе крутою мѣрой, нежели введеніе казенной, монопольной продажи питей, выведшее изъ обычной колеи сотни тысячъ людей и поколебавшихъ обезпеченное ихъ положеніе или заработокъ. Даже положеніе о ростовщичествѣ и о кассахъ ссудъ создало затрудненія, часто безвыходныя, именно для тѣхъ, защита чьихъ интересовъ имѣлась въ виду, не говоря о лицахъ, для ко-

торыхъ ссуда денегъ и ссудныя кассы составляли профессію. Конверсіи государственныхъ бумагъ существеннымъ образомъ нарушили покойное положеніе довольныхъ своей участью тысячи рантьеровъ и во многихъ случаяхъ были поводомъ къ ихъ—разоренію, толкнувъ ихъ въ ажіотажъ.

Приведенные примѣры представляютъ несомнѣнно болѣе крупную пертурбацію экономическихъ отношеній, нежели пониженіе таможенныхъ тарифовъ для промышленниковъ, для которыхъ это пониженіе вело бы ихъ лишь къ нѣкоторому умаленію ихъ иногда колоссальныхъ, ничѣмъ не заслуженныхъ барышей, за счетъ трудовыхъ копѣекъ населенія, да къ необходимости болѣе рачительнаго отношенія къ дѣлу, подъ страхомъ уступить мѣсто французскимъ, бельгійскимъ и нѣмецкимъ компаніямъ, ускользающимъ отъ непріятнаго воздѣйствія русскаго таможеннаго тарифа водвореніемъ своей дѣятельности въ центрѣ Россіи.

Пошлинъ исчислено всего 70 милл. руб., менѣе сравнительно съ поступленіемъ 1896 года почти на 5 милл. руб., что̀ объясняется прекращеніемъ съ 1898 г. взиманія паспортнаго сбора, котораго поступало свыше $4^1/_2$ милл. руб. На 1898 годъ этого сбора внесено въ роспись всего 135.000 руб., вѣроятно, съ иностранцевъ, проживающихъ въ Россіи.

Недостаточна, повидимому, внесенная въ роспись цифра *выкупныхъ платежей*—$80^1/_2$ милл. руб.,—менѣе поступленія 1896 года (97 милл. руб.) на $16^1/_2$ милл. руб. и менѣе росписи 1897 года на 7 милл. руб. Столь осторожное исчисленіе зависѣло не только отъ дарованной льготы разсрочки выкупныхъ платежей, но также и отъ плохого урожая 1897 года; но не слѣдуетъ ли считать и эту осторожность нѣсколько преувеличенной. За четыре послѣдніе отчетные года, 1893—1896, выкупные платежи поступали почти равномѣрно, въ средней цифрѣ 98 милл. руб. въ годъ. За 10 мѣсяцевъ 1897 г. они на 2 милл. руб. превысили поступленіе за тотъ же срокъ предшествующаго года. Наконецъ, въ злополучный 1891 г. они доставили 71 милл. руб., а въ слѣдующемъ, несмотря на продолжавшееся бѣдствіе и на временное прекращеніе вывоза хлѣба за границу, поднялись до 77 милл. руб. Всѣ эти данныя приводятъ къ заключенію, что вѣроятное поступленіе выкупныхъ платежей въ 1898 г., притомъ весьма скромно исчисленное, не будетъ ниже 87 милл. рублей.

Относительно другихъ доходныхъ статей трудно сказать что-нибудь, по отсутствію во всеподданнѣйшей къ отчету запискѣ бюджетныхъ указаній, и лишь по аналогіи можно думать, что не вполнѣ достаточны исчисленія поступленій по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ и отъ почтъ и телеграфовъ. Если же остановиться только на разобранныхъ статьяхъ, то предвидится увеличеніе поступленій противъ росписи на

20 милл. руб. по питейному доходу, на 16 по таможенному и на 7 по выкупнымъ платежамъ, всего на 43 милл. руб., чтò, съ присоединеніемъ цифры доходной росписи 1.364½ милл. руб., составило бы 1.407½ милл. руб. Эта цифра превышаетъ ту, — 1.394 милл. руб., какая выведена въ началѣ статьи на основаніи соображеній объ общемъ движеніи въ доходныхъ бюджетахъ послѣднихъ лѣтъ,—на 13½ м. руб. Нужно замѣтить, что при огромной цифрѣ нашего обыкновеннаго бюджета, достигающей почти 1½ милліарда по доходамъ и расходамъ, разница въ 13 милл. руб. представляется ничтожнымъ процентомъ, размѣръ котораго, весьма крупный въ милліонахъ, легко можетъ измѣниться не только подъ вліяніемъ экономическихъ условій, но и по причинамъ совершенно случайнымъ. Таковы, напримѣръ, болѣе или менѣе своевременныя зачисленія въ доходъ остатковъ прежнихъ лѣтъ по желѣзнымъ дорогамъ, прибылей государственнаго банка, своевременныя перечисленія въ питейный акцизъ соотвѣтствующихъ поступленій по казенной питейной торговлѣ, оплату въ одномъ или въ другомъ году таможенныхъ пошлинъ, которыя часто вносятся залогами, въ доходъ не попадающими, своевременное поступленіе пособій государственному казначейству изъ постороннихъ источниковъ, болѣе или менѣе аккуратное возмѣщеніе казнѣ расходовъ, произведенныхъ ею за счетъ разныхъ частныхъ вѣдомствъ и учрежденій, и т. п.

Принимая во вниманіе все сказанное, а также и нѣкоторыя мелкія обстоятельства, изложеніе которыхъ было бы весьма длинно, какъ нѣсколько преувеличенное исчисленіе сахарнаго дохода, можно остановиться *какъ на окончательной, и притомъ минимальной, цифрѣ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ 1898 года*—1.400 милл. руб., а съ присоединеніемъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежняго времени въ размѣрѣ 7 милл. руб. [1])—*1.407 милл. рублей.*

Переходимъ *къ обыкновеннымъ расходамъ.* Ихъ по росписи 1898 г. исчислено 1.350 милл. руб., менѣе доходовъ на 14½ милл. руб. и болѣе расходовъ предшествовавшаго года на 66 милл. руб. съ небольшимъ. Это увеличеніе вызвано расходомъ около 38 милл. руб. по министерству путей сообщенія вслѣдствіе включенія въ роспись оборотовъ привислянской и фастовской желѣзныхъ дорогъ; по министерству финансовъ на 9 милл. руб., вслѣдствіе распространенія казенной продажи питей; на 7 милл. руб. по морскому министерству на кораблестроеніе; на 4½ милл. руб. по военному вѣдомству отъ увеличенія

[1]) Въ 1896 г. остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ оказалось 54 милл. руб., но изъ нихъ 47 милл. руб. были остатки отъ прежнихъ безсрочныхъ кредитовъ по уплатѣ государственныхъ долговъ. Затѣмъ, безсрочные кредиты были отмѣнены, но подведенъ счетъ остаткамъ отъ нихъ, и они были причислены къ суммамъ государственнаго казначейства лишь въ 1896 году. Эта сумма—случайная.

расходовъ на денежное довольствіе войскъ и на наемъ и содержаніе помѣщеній; по системѣ государственнаго кредита на сумму около 2 милл. руб. и пр. По министерству народнаго просвѣщенія кредиты увеличены на 900.000 рублей; изъ нихъ около 250.000 р. на среднія учебныя заведенія и около 350.000 руб. на низшія.

Въ составъ указанной суммы 1.350 милл. руб. входятъ 12 милл. рублей, отпущенные, по примѣру предшествовавшихъ лѣтъ, на расходы, не предусмотрѣнные смѣтами, на экстренныя въ теченіе года надобности. Сумма эта обыкновенно расходуется цѣликомъ; но отъ обыкновенныхъ кредитовъ постоянно оказываются остатки въ средней суммѣ около 10 милл. руб. [1]), на которые приблизительно можно разсчитывать и въ нынѣшнемъ году. Такимъ образомъ, если никакихъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, сверхъ внесенныхъ въ роспись 12 милл. руб., не будетъ, то сумма обыкновенныхъ расходовъ составитъ около 1.340 милл. руб., а исполненіе отдѣла обыкновенной росписи должно бы свестись къ превышенію доходовъ надъ расходами въ размѣрѣ 67 милл. рублей.

Но здѣсь приходится коснуться распредѣленія росписи по отдѣламъ. Въ отдѣлъ чрезвычайныхъ расходовъ внесены, между прочимъ, 49 милл. руб. на пріобрѣтеніе подвижного состава для сибирской желѣзной дороги и увеличенія подвижного состава другихъ дорогъ. Какъ мы говорили въ январьской книгѣ „Вѣстника Европы" (стр. 368), Высочайше утвержденнымъ, 4 іюня 1894 г., мнѣніемъ государственнаго совѣта къ чрезвычайному отдѣлу росписи отнесена постройка новыхъ желѣзныхъ дорогъ,—но всѣ другіе желѣзнодорожные расходы, какъ-то: ремонтъ путей, воспособленія и пр., включены въ обыкновенный отдѣлъ. Ближе всего къ этому отдѣлу относится снабженіе дорогъ подвижнымъ составомъ, такъ какъ это постоянная, изъ года въ годъ повторяющаяся, текущая потребность. Характеръ ея нисколько не мѣняется отъ того, что на сибирскую дорогу подвижной составъ сооружается вновь; при томъ, 9 милл. руб. назначены не для одной сибирской дороги, но и для другихъ. Снабженіе желѣзныхъ дорогъ подвижнымъ составомъ совершенно соотвѣтствуетъ перевооруженію арміи, а именно указаннымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта расходы перевооруженія, отпускавшіеся до 1895 года по чрезвычайному отдѣлу росписи, перенесены въ обыкновенный.

При существующемъ у насъ въ послѣднее время смѣшеніи расходовъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ и источниковъ для ихъ удовлетворенія, можетъ на первый взглядъ казаться не имѣющимъ значенія отне-

---

[1]) По отчету за 1895 годъ этихъ остатковъ было 10 милл. руб.; по отчету за 1896 годъ—около 12 милл. руб.

сеніе того или другого расхода въ одинъ или другой отдѣлъ росписи. Но это можетъ казаться только на первый взглядъ. Чрезвычайные кредиты, очень часто испрашиваемые въ послѣдніе дни заключенія росписи, далеко не подвергаются такому тщательному разсмотрѣнію, какъ кредиты, правильно, заурядно вносимые въ смѣту. Можно думать, что кредитъ въ 49 милл. руб. на подвижной составъ, при нормальномъ его обсужденіи, не получилъ бы разрѣшенія, не только по огромности, но и потому, что онъ, быть можетъ, не нуженъ.

Неудовлетворительное положеніе подвижного состава нашихъ желѣзныхъ дорогъ вполнѣ ими доказано, какъ въ то время, когда часть Россіи страдала отъ голода, такъ и тогда, когда некуда было дѣвать хлѣба. Тѣмъ не менѣе, единовременный отпускъ на одинъ смѣтный періодъ огромной суммы почти въ 50 милл. руб. едва ли можетъ быть полезенъ для дѣла. Едва ли въ короткій срокъ можетъ быть изготовленъ подвижной составъ въ такомъ громадномъ количествѣ, а если и можетъ, то, несомнѣнно, на невыгодныхъ денежныхъ условіяхъ и съ рискомъ неудовлетворительнаго исполненія.

Въ чрезвычайномъ расходномъ бюджетѣ есть еще кредитъ, принадлежность котораго къ составу этого бюджета подвергается сомнѣнію: 10 милл. руб. на вознагражденіе частныхъ лицъ и учрежденій за отмѣну принадлежавшаго имъ права пропинаціи, т.-е. права продажи водки на принадлежавшихъ имъ земляхъ. Правда, это расходъ необычный, текущій; но также представляются необычными всѣ, весьма крупные, расходы на подготовленіе по введенію питейной казенной торговли. По росписи на 1897 годъ на это отпущено около 21 милл. руб., а по росписи на 1898 г.—около 6 милл. руб. Выкупъ права торговли — расходъ совершенно однородный съ постройкою склада и т. п.

Препятствіемъ ко внесенію въ обыкновенный отдѣлъ росписи расходовъ на постройку подвижного желѣзнодорожнаго состава и на выкупъ пропинаціи могло служить традиціонное опасеніе свести съ дефицитомъ *обыкновенный* отдѣлъ росписи. Но въ настоящее время, при полномъ смѣшеніи, за послѣдніе годы, отдѣловъ бюджета обыкновеннаго и чрезвычайнаго, опасеніе это потеряло свое существенное основаніе. Еслибы, однако, и существовало такое опасеніе, оно могло произойти лишь отъ слишкомъ скромнаго исчисленія обыкновенныхъ доходовъ. По сдѣланному нами разсчету,—въ близкомъ соотвѣтствіи котораго съ дѣйствительностью едва ли можно сомнѣваться,—даже съ перенесеніемъ въ обыкновенный бюджетъ 59 м. р., все-таки получился бы избытокъ доходовъ около 8 милл. руб. (67 милл. руб.—59 милл. руб.).

Въ заключеніе обратимся къ чрезвычайному отдѣлу росписи. Поступленій по этому отдѣлу показано всего 3.300.000 р. вкладовъ въ госу-

дарственный банкъ на вѣчное время. Расходовъ исчислено безъ малаго 124 милл. руб., на покрытіе которыхъ, сверхъ избытка доходовъ по обыкновенному отдѣлу, предположено отчислить 106 милл. руб. изъ свободной наличности государственнаго казначейства. Если остановиться на сдѣланномъ нами разсчетѣ, съ отнесеніемъ 59 милл. руб. расходовъ на обыкновенный бюджетъ, то въ чрезвычайныхъ расходахъ останется лишь 65 милл. руб.: $37\frac{1}{2}$ милл. руб. на сооруженіе сибирской желѣзной дороги безъ подвижного состава; около 4 милл. руб. на вспомогательныя къ ней предпріятія; $13\frac{1}{2}$ милл. руб. на сооруженіе другихъ желѣзныхъ дорогъ общаго значенія, и 10 милл. руб. на сооруженіе мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ.

На удовлетвореніе этихъ расходовъ послужилъ бы избытокъ обыкновенныхъ доходовъ въ 8 милл. руб. и 3 милл. руб. чрезвычайныхъ поступленій; всего—11 милл. руб. Затѣмъ (65—11 милл. руб.) пришлось бы изъ свободной наличности отчислить 54 милл. руб., которые и должны составить приблизительно общій недоборъ по росписи 1898 года, конечно, съ предположеніемъ, что въ теченіе года никакихъ сверхсмѣтныхъ назначеній не послѣдуетъ ни по обыкновенному, ни по чрезвычайному отдѣлу росписи.

О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1898.

Продовольственный вопросъ въ губерніяхъ воронежской и тульской.—Опросъ крестьянъ воронежскими земскими статистиками.—Мнѣнія земствъ о размѣрахъ, срокахъ и видахъ продовольственной помощи.—Указанія опыта, какъ возможная основа будущаго продовольственнаго устава.—Новая серія дворянскихъ „прожектовъ".—Тульское губернское дворянское собраніе.—Разные способы борьбы съ „несогласно-мыслящими".—Нѣчто о цензѣ.—Графъ И. Д. Делановъ †.

Два мѣсяца тому назадъ, мы указали на существованіе *сухого тумана*, мѣшающаго разсмотрѣть какъ слѣдуетъ настоящее положеніе губерній, всего сильнѣе пострадавшихъ отъ недорода. Мы находили въ немъ объясненіе равнодушія къ народному бѣдствію — равнодушія, составляющаго столь рѣзкій контрастъ съ всеобщимъ одушевленіемъ 1891-го и даже 1892-го года. Та же самая ненормальная тишина продолжается и до сихъ поръ, хотя въ тревожныхъ симптомахъ нѣтъ недостатка. Судя по оффиціальнымъ даннымъ, всего больше потерпѣли отъ неурожая шесть губерній центрально-земледѣльческаго района — воронежская, курская, тульская, тамбовская, рязанская и орловская, — въ которыхъ сборъ хлѣба составляетъ лишь $57^1/_2$% средняго сбора за предъидущее пятилѣтіе. Спеціально для воронежской губерніи процентное отношеніе падаетъ до 47,2%; немногимъ выше оно и для тульской губерніи. Къ этимъ двумъ губерніямъ, благосостояніе которыхъ было потрясено неурожаемъ и въ 1891, и въ 1892 гг., мы и присмотримся поближе, основываясь преимущественно на докладахъ земскихъ управъ и постановленіяхъ земскихъ собраній.

Воронежское губернское земство заблаговременно приготовилось къ встрѣчѣ бѣдствія. Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ губернская управа командировала въ уѣзды одиннадцать статистиковъ, для приведенія въ извѣстность размѣровъ урожая, количества хлѣбныхъ запасовъ и степени нужды. Собирать свѣдѣнія на мѣстахъ не было возможности, за

краткостью срока, остававшагося до экстреннаго губернскаго собранія (оно было созвано на 28-ое августа); между тѣмъ, въ виду крайней пестроты урожая необходимо было пріурочить работу къ отдѣльнымъ селеніямъ. Это заставило статистиковъ употребить слѣдующій пріемъ: въ волостныя правленія приглашались крестьяне-представители сельскихъ обществъ, по нѣскольку отъ каждой части селенія, такъ что для многолюдныхъ селъ общее ихъ число достигало нѣсколькихъ десятковъ; меньше, чѣмъ 3—4 лицами, не было представлено ни одно селеніе, за исключеніемъ самыхъ мелкихъ общинъ, владѣющихъ 10—50 десятинами надѣльной земли. Приглашаемые крестьяне принадлежали, по степени обезпеченности землею и вообще хозяйственной состоятельности, къ различнымъ группамъ; показанія одной изъ нихъ сличались съ показаніями всѣхъ другихъ. Каждый крестьянинъ опрашивался отдѣльно, потому что при этой системѣ опроса, какъ показываетъ практика, гораздо рѣже встрѣчаются сознательно невѣрные отвѣты, чѣмъ при опросѣ „гуртомъ". Если представителей отъ селенія являлось немало, отъ нихъ можно было получить довольно точныя данныя и объ имѣющихся у отдѣльныхъ домохозяевъ хлѣбныхъ запасахъ; въ противномъ случаѣ приходилось довольствоваться свѣдѣніями по этому предмету волостныхъ правленій, собранными для податныхъ инспекторовъ. Еще раньше возвращенія статистиковъ въ губернскій городъ, было приступлено къ подсчету и группировкѣ полученныхъ ими цифръ, и эта работа была окончена къ экстренному собранію. Одного такого факта было бы достаточно для опроверженія нареканій, такъ часто взводимыхъ на земскую статистику. Для удачнаго исполненія, въ короткое время, трудной и сложной работы необходимъ навыкъ, пріобрѣтаемый не сразу, необходимо руководство такого знающаго лица, какимъ для воронежской губерніи является, напримѣръ, Ф. А. Щербина. Къ пріему опроса, употребленному воронежскими статистиками, только потому и можно было прибѣгнуть такъ смѣло, съ такою увѣренностью въ успѣхѣ, что онъ уже раньше оказался вполнѣ цѣлесообразнымъ: въ 1891-92 г. въ острогожскомъ уѣздѣ былъ произведенъ аналогичный опросъ, результаты котораго, по отношенію къ нѣсколькимъ селеніямъ каждой волости, были повѣрены на мѣстѣ для каждаго отдѣльнаго двора—и итоги оказались почти тождественными. Только земская статистика поколебала старый способъ собиранія всевозможныхъ свѣдѣній черезъ волостныя правленія, т.-е. черезъ волостныхъ писарей. И теперь еще, какъ мы только-что видѣли, къ нему прибѣгаютъ даже должностныя лица, признаваемыя сравнительно хорошо освѣдомленными (податные инспектора)—а лѣтъ 15—20 тому назадъ не существовало никакого другого, и въ основаніе административныхъ распоряженій

по необходимости были полагаемы данныя болѣе чѣмъ проблематическаго свойства.

Принимая, въ главныхъ чертахъ, результаты изслѣдованія, произведеннаго земскими статистиками, воронежское губернское земское собраніе, въ экстренномъ засѣданіи 28-го августа, опредѣлило число лицъ, нуждающихся въ продовольствіи, въ 1.104.400 душъ (меньше противъ вывода статистическаго бюро только на 58 тысячъ), слѣдующихъ трехъ категорій: лицъ рабочаго возраста—581.400, стариковъ и подростковъ—314.000, дѣтей до 7 лѣтъ (за исключеніемъ грудныхъ) 290.000 душъ. Что эти цифры согласны съ дѣйствительностью—лучшимъ тому доказательствомъ служитъ отсутствіе возраженій со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ [1]), заставляющее предполагать, въ свою очередь, отсутствіе возраженій со стороны мѣстной администраціи [2]). Разногласіе между министерствомъ и земствомъ коснулось только размѣровъ и вида помощи. Земство считало на каждое нуждающееся лицо рабочаго возраста по одному пуду въ мѣсяцъ, съ 1-го ноября по 1-е мая; на каждаго старика и подростка—также по одному пуду, но съ 1-го ноября по 1-е іюля,—и, наконецъ, на каждаго ребенка по 20 фунтовъ, также съ 1-го ноября по 1-е іюля. По этому разсчету для первой категоріи требовалось 3.488.400 пуд., для второй—2.512.000 пуд., для третьей—836.000 пуд., а всего 6.836.400 п. За вычетомъ изъ послѣдней цифры 4.230.400 пуд., имѣющихся на лицо въ общественныхъ магазинахъ нуждающихся обществъ, общая цифра недостающаго на продовольствіе хлѣба выразилась въ 2.606.000 пуд. Для пріобрѣтенія этого хлѣба земство разсчитывало на суммы губернскаго продовольственнаго капитала, израсходованныя въ 1891 и 1892 гг. и подлежащія возврату, по закону 11 марта 1894 г., изъ средствъ казны (по мѣрѣ обратныхъ поступленій). Въ счетъ этихъ суммъ ассигновано было министерствомъ, еще до экстреннаго собранія, 170 тысячъ рублей; собраніе постановило ходатайствовать о немедленномъ отпускѣ остальныхъ 1.396.425 руб. Это ходатайство сначала было отклонено министерствомъ всецѣло, но затѣмъ, послѣ повторенія его экстреннымъ собраніемъ 5-го ноября, признано отчасти подлежащимъ удовлетворенію. Въ опредѣленіи числа нуждающихся министерство, какъ мы уже видѣли, не разошлось съ земствомъ, но назначило для всѣхъ безразлично по 30 фун. на ѣдока въ мѣсяцъ и, притомъ, только на шесть мѣсяцевъ, вслѣдствіе чего общая потребность

---

[1]) Если общая цифра нуждающихся опредѣлена министерствомъ не въ 1.104.400 душъ, а въ 1.104.000, то это сдѣлано, очевидно, только для круглаго счета.

[2]) Изъ доклада губернской управы ноябрьскому экстренному собранію видно, что во многихъ случаяхъ цифры, выведенныя земскими начальниками, почти вполнѣ совпадали съ цифрами земскихъ статистиковъ.

въ хлѣбѣ понизилась съ двухъ слишкомъ милліоновъ до 735 тыс. пуд. Это количество хлѣба министерство предложило земству доставить въ натурѣ (съ зачетомъ въ подлежащія возврату суммы губернскаго продовольственнаго капитала), по полученіи увѣдомленія, въ какіе пункты губерніи и въ какомъ количествѣ хлѣбъ долженъ быть направленъ и гдѣ можетъ быть помѣщенъ для храненія. Очередное губернское собраніе, въ засѣданіи 15-го декабря, постановило передать отвѣтъ министерства на разсмотрѣніе коммиссіи, составленной изъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ и всей губернской управы. Коммиссія нашла, что удовлетвореніе продовольственной потребности населенія не въ полномъ размѣрѣ, а лишь въ одной трети, неизбѣжно должно привести къ крайне тяжелымъ и непоправимымъ послѣдствіямъ. Придется уменьшить или количество выдачи, или ея продолжительность; но какъ уменьшить первое, если на взрослаго ѣдока нужно, собственно говоря, $1^1/_2$ пуда въ мѣсяцъ, и какъ уменьшить вторую, если у населенія нѣтъ ни запасовъ, ни заработковъ? Что будетъ съ населеніемъ при такихъ условіяхъ?—спрашиваетъ коммиссія. „Вопросъ настолько тревожный, что земству необходимо на немъ остановиться. Оно должно высказать, что, пока продовольственная потребность населенія не будетъ удовлетворена въ полной мѣрѣ, какъ она исчислена земствомъ, населеніе воронежской губерніи остается не обезпеченнымъ отъ неурожая и обречено на тяжелыя послѣдствія, предвидѣть которыя теперь нѣтъ возможности, и отвѣтственность за которыя должна быть снята съ земства". Что касается до способа помощи, то, по мнѣнію коммиссіи, земство, поставленное въ безвыходное положеніе, конечно, вынуждено будетъ принять хлѣбъ, предлагаемый министерствомъ, но это будетъ сопряжено съ большими затрудненіями. Неизвѣстна цѣна хлѣба; неизвѣстно, во что обойдется его перевозка; не могутъ быть опредѣлены теперь и самые пункты, куда онъ долженъ быть направленъ; нѣтъ, въ большинствѣ случаевъ, помѣщеній для его храненія; появленіе вагоновъ съ хлѣбомъ можетъ вызвать просьбы о ссудѣ и со стороны тѣхъ крестьянъ, которые въ ней, собственно говоря, не нуждаются. Въ предѣлахъ губерніи хлѣбныхъ запасовъ имѣется достаточно; купленный на мѣстѣ хлѣбъ могъ бы, какъ это практиковалось въ 1891 и 1892 гг., оставаться на храненіи у продавцовъ, отъ которыхъ и получали бы его, по мѣрѣ надобности, ближайшія селенія; сбережена была бы, такимъ образомъ, значительная сумма накладныхъ расходовъ, и сообразно съ этимъ былъ бы увеличенъ размѣръ дѣйствительной помощи. На основаніи этихъ соображеній коммиссія предложила собранію возобновить ходатайство объ отпускѣ 1.396.425 руб. и довести до свѣдѣнія министерства о неудобствахъ, сопряженныхъ съ доставкой хлѣба изъ другихъ губерній. Предложенія коммиссіи 19-го де-

кабря приняты собраніемъ; о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла у насъ пока нѣтъ свѣдѣній.

Въ тульской губерніи, экстренныхъ губернскихъ собраній, вызванныхъ неурожаемъ, было три: 24-го іюля, 12-го октября и 1-го декабря (очередное собраніе должно состояться въ половинѣ января, когда мы пишемъ эти строки). Уѣздныя земства отнеслись къ продовольственному вопросу далеко не одинаково. Совершенно особое положеніе заняло новосильское уѣздное собраніе, которое, вопреки мнѣнію управы и земскихъ начальниковъ, не нашло нужнымъ просить о продовольственной ссудѣ и рѣшило ограничиться продажей населенію хлѣба по заготовительной цѣнѣ. Нѣкоторыя другія уѣздныя собранія, не отрицая потребности въ ссудахъ, также возлагали большія надежды на продажу хлѣба, причемъ ефремовское собраніе, а отчасти и богородицкое, проектировали продавать не зерно и не муку, а печенный хлѣбъ, по цѣнѣ муки, съ даровой раздачей припека наиболѣе нуждающимся. Этимъ объясняется сравнительная незначительность продовольственной ссуды (500 тыс. руб.), о которой ходатайствовало октябрьское экстренное губернское собраніе, просившее также: 1) о ссудѣ въ 500 тыс. руб. на покупку ржи, для продажи по заготовительнымъ цѣнамъ, 2) о пониженіи тарифа на провозъ хлѣба для продовольственныхъ надобностей населенія и 3) о безплатномъ провозѣ топлива и кормовыхъ средствъ для скота.

Въ промежутокъ между сессіями октябрьскою и декабрьскою положеніе дѣлъ существенно измѣнилось. Признавъ возможнымъ закупить для тульской губерніи ржи на сумму до 500 тыс. руб., выхлопотавъ пониженіе тарифа на перевозку кормовъ для скота и войдя въ сношеніе съ министерствомъ финансовъ о пониженіи тарифа на перевозку топлива, министерство внутреннихъ дѣлъ нашло, что закупка хлѣба на счетъ продовольственныхъ капиталовъ, для продажи по заготовительной цѣнѣ, могла бы быть допущена только при ненормальномъ, спекулятивномъ повышеніи цѣнъ на хлѣбъ или при существованіи признаковъ, заставляющихъ ожидать такого повышенія въ близкомъ будущемъ. Что касается до пониженія тарифа на перевозку хлѣба, то противъ него высказалось министерство финансовъ, такъ какъ этимъ былъ бы нарушенъ правильный ходъ хлѣбной торговли. Для организаціи продажи хлѣба по заготовительной цѣнѣ въ распоряженіи уѣздовъ оказались, такимъ образомъ, только тѣ суммы, которыя были ассигнованы губернскимъ земствомъ изъ страхового капитала (по 20 тыс. руб. на уѣздъ); вмѣстѣ съ тѣмъ удешевленію продажной цѣны былъ положенъ предѣлъ недопущеніемъ льготной перевозки хлѣба. Все это должно было поколебать первоначальныя предположенія о размѣрахъ продовольственной помощи, тѣмъ болѣе, что не разрѣшено ходатайство объ отсрочкѣ взыска-

нія выкупныхъ платежей, которая могла бы увеличить покупныя средства населенія. Къ этому присоединилось еще одно важное обстоятельство. Большинство уѣздныхъ земствъ руководствовалось указаніемъ министерства, что пособія должны быть оказываемы только до времени начала полевыхъ работъ (15-го апрѣля); но четыре уѣздныхъ собранія, находя, что и по наступленіи времени полевыхъ работъ нужда будетъ отнюдь не менѣе настоятельна, чѣмъ въ зимнее время, приняли во вниманіе и то количество хлѣба, которое понадобится для продовольствія нуждающихся съ 15-го апрѣля по 15-ое іюля. За удлиненіе срока пособій высказалась и губернская управа, выражая увѣренность, что къ тому же выводу придутъ и другія уѣздныя земства. Она напоминаетъ, что, несмотря на всѣ толки объ увеличеніи весною количества мѣстныхъ заработковъ и отхожихъ промысловъ, необходимость выдачи ссудъ до уборки новаго урожая была признана въ 1891 и 1892 гг., не только земствомъ, но и особымъ совѣщаніемъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, а затѣмъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

„Едва ли,—говоритъ управа,—подлежитъ оспариванію то положеніе, что при неурожаѣ, охватившемъ болѣе или менѣе значительную часть имперіи, количество всякаго рода мѣстныхъ заработковъ должно не увеличиваться, а уменьшаться; притомъ бо̀льшая часть полевыхъ работъ исполняется за деньги, забранныя гораздо раньше. Если, съ наступленіемъ весны, доходы крестьянскихъ дворовъ и могутъ нѣсколько увеличиваться, то въ это время увеличиваются и расходы ихъ на пищевые продукты, какъ для людей, такъ и для рабочихъ лошадей, которыхъ нельзя, во время работъ, оставлять безъ подкорма“. Не менѣе убѣдительны соображенія, приводимыя губернскою управою въ доказательство того, что нельзя слишкомъ многаго ожидать отъ продажи хлѣба по сравнительно дешевымъ цѣнамъ. Во всѣхъ уѣздахъ тульской губерніи, особенно въ черноземныхъ, существуютъ, по удостовѣренію управы, многочисленныя категоріи нуждающихся, для которыхъ непосильно уплатить хотя бы 20 коп.—не говоря уже о 70—за пудъ хлѣба. Еще съ весны 1897 г. въ нѣкоторыхъ сельскихъ обществахъ значительная часть домохозяевъ оказалась вынужденной, несмотря на полученный въ 1896 г. средній и мѣстами даже удовлетворительный урожай хлѣбовъ, довольствовать свои семьи и подкармливать скотъ хлѣбомъ, взятымъ заимообразно, и нерѣдко на тяжелыхъ условіяхъ, до новаго урожая. „Какая же покупная способность — спрашиваетъ управа—можетъ проявиться у такихъ дворовъ въ настоящее время, послѣ урожая, который въ значительномъ большинствѣ селеній можетъ быть признанъ частію весьма плохимъ, частію плохимъ и частію ниже средняго?“... Экстренное губернское собраніе, соглашаясь съ управою, опредѣлило, между прочимъ: 1) просить уѣздныя земскія собранія,

разсчитывавшія преимущественно или исключительно на продажу хлѣба по заготовительной цѣнѣ, пересмотрѣть свои постановленія по этому предмету; 2) обратиться съ такою же просьбою къ собраніямъ, принявшимъ за крайній срокъ пособія начало полевыхъ работъ; 3) ходатайствовать о разрѣшеніи, въ принципѣ, производства пособій и по истеченіи этого срока, съ исключеніемъ изъ числа ѣдоковъ, начиная съ 15-го апрѣля, всѣхъ лицъ рабочаго возраста, но съ увеличеніемъ размѣра ссуды на остальныхъ до 1 п. 10 ф. въ мѣсяцъ; 4) ходатайствовать объ ассигнованіи на губернію, сверхъ назначенныхъ уже 500 тыс. руб., еще такой же суммы или соотвѣтствующаго количества хлѣба, и 5) просить о разрѣшеніи выдачи уѣзднымъ земствамъ заимообразно, изъ суммъ страхового капитала, отъ 7 до 10 тыс. руб. каждому, на продажу нуждающимся топлива, сѣна и соломы.

Иллюстраціей къ оффиціальнымъ даннымъ, касающимся тульской губерніи, могутъ служить частныя свѣдѣнія, полученныя нами изъ богородицкаго уѣзда. Сравнительно съ 1891 и 1892 гг., положеніе его нѣсколько лучше, потому что четыре промежуточные года (1893—96) были урожайные; кромѣ того, въ уѣздѣ есть оазисы, гдѣ хлѣбъ и въ 1897 г. родился недурно, а заработки населенія увеличились вслѣдствіе открытія, мѣстами, залежей желѣзной руды. Тѣмъ не менѣе *весною нужда можетъ оказаться сильнѣе, чѣмъ въ 1892 и 1893 г.* Тогда, благодаря обильному притоку пожертвованій и даровой перевозкѣ хлѣба по жел. дорогамъ, можно было продавать въ громадныхъ размѣрахъ печеный хлѣбъ по 40 коп. за пудъ; тепéрь дешевле 62—63 коп. его продавать нельзя. Тогда была организована продажа по дешевой цѣнѣ и даже отчасти даровая раздача дровъ и сѣна; теперь объ этомъ нечего и думать [1]). Повсюду открыты приходскія попечительства, но въ большинствѣ случаевъ они бездѣйствуютъ, за отсутствіемъ людей, близко принимающихъ къ сердцу дѣло помощи и могущихъ посвятить ему свои силы. Тѣ немногія попечительства, которыя существуютъ не только по имени, получаютъ отъ земства муку (купленную на вышеупомянутыя 20 тыс. руб., отпущенныя уѣзду, заимообразно, губернскимъ земствомъ) и пекутъ изъ нея, въ особо

---

[1]) Что̀ значитъ недостатокъ топлива—объ этомъ можно судить по слѣдующимъ словамъ доклада богородицкой уѣздной земской управы, представленнаго послѣднему очередному уѣздному собранію: „крестьяне (уже въ октябрѣ мѣсяцѣ) стали сходиться по нѣскольку семей въ одну избу, дабы сберечь топливо; опытъ минувшихъ голодныхъ годовъ намъ говоритъ, что это вѣрный признакъ скораго появленія тифозныхъ эпидемій, на почвѣ сырости, холода и недостаточнаго питанія". Подробныя свѣдѣнія объ организаціи помощи голодающимъ въ богородицкомъ уѣздѣ зимою 1892-93 гг. см. въ статьѣ: „Въ неурожайныхъ мѣстностяхъ", помѣщенной въ № 2 „Вѣстн. Европы" за 1893 г.

устроенныхъ пекарняхъ, хлѣбъ, поступающій, затѣмъ, въ продажу. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что не лучше, чѣмъ въ богородицкомъ уѣздѣ, поставлена частная помощь и въ другихъ уѣздахъ тульской губерніи: это видно уже изъ того, что шесть изъ числа уѣздныхъ земствъ ходатайствовали объ открытіи дѣятельности органовъ Краснаго Креста или другихъ благотворительныхъ учрежденій. Аналогичное ходатайство было заявлено и нѣкоторыми уѣздными земствами воронежской губерніи, гдѣ, насколько намъ извѣстно, частная инициатива въ дѣлѣ борьбы съ послѣдствіями неурожая также проявляется весьма слабо. Въ 1892 г. средній урожай ржи у крестьянъ воронежской губерніи составлялъ 16 мѣръ на десятину; въ 1897 г.—20 (въ среднемъ за 10 лѣтъ—39): разница очень невелика, а между тѣмъ въ 1892-93 г. частная помощь была организована въ широкихъ размѣрахъ. Судя по всему, губерніи тульская и воронежская не составляютъ, съ этой точки зрѣнія, исключенія; апатія, въ настоящую минуту—явленіе на столько же общее, на сколько пять и въ особенности шесть лѣтъ тому назадъ было общимъ—возбужденіе.

Чѣмъ больше оставляетъ желать ходъ продовольственнаго дѣла въ губерніяхъ воронежской и тульской, тѣмъ живѣе можно сожалѣть о томъ, что опытъ неурожайныхъ годовъ (1891 и 1892) не былъ своевременно использованъ законодательствомъ: въ пять лѣтъ было бы нетрудно привести къ концу составленіе новаго продовольственнаго устава. Само собою разумѣется, однако, что полезнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ послѣдствіями неурожая новый уставъ оказался бы лишь тогда, еслибы не былъ простымъ повтореніемъ прежняго, слегка дополненнымъ и исправленнымъ (или испорченнымъ). Необходимо было бы не только разрѣшить, такъ или иначе, вопросы, постоянно составляющіе предметъ разномыслія между администраціей и земствомъ, но разрѣшить ихъ согласно съ требованіями жизни и указаніями практики. Невеликъ былъ бы выигрышъ, напримѣръ, еслибы обычный максимумъ пособія (30 фун. въ мѣсяцъ на ѣдока), многими земствами признаваемый недостаточнымъ, былъ окончательно утвержденъ закономъ, или еслибы крайнимъ срокомъ выдачи пособій было окончательно установлено время начала полевыхъ работъ, или еслибы единственной формой организаціи частной помощи были признаны, разъ навсегда, оффиціальныя попечительства, столь мало замѣтныя въ нынѣшнемъ неурожайномъ году. Логическій выводъ изъ всего того, что пережила Россія въ неурожайные годы—не ограниченіе и не стѣсненіе помощи, а расширеніе ея и облегченіе. Возьмемъ хотя бы земскую продажу хлѣба по заготовительнымъ или (для болѣе бѣдныхъ покупщиковъ)

удешевленнымъ цѣнамъ. Есть ли надобность откладывать ее до чрезмѣрнаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ или до появленія признаковъ, свидѣтельствующихъ о близости этого момента? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ слѣдующее мѣсто изъ доклада каширской (тульской губ.) уѣздной земской управы очередному уѣздному собранію. „Въ началѣ октября цѣна на пудъ муки стояла: г. Тула 70-75 коп., г. Серпуховъ 70-75 коп., г. Зарайскъ 70-73 коп., с. Озеры 75-80 коп., гор. Кашира 90-95 коп. и 1 рубль. Такая громадная разница не обусловливается истиннымъ положеніемъ дѣла и заключается только въ томъ, что Кашира стоитъ внѣ линій жел. дорогъ и внѣ всякаго подвоза хлѣба; не боясь соперничества, каширскіе торговцы назначаютъ какія имъ угодно цѣны. До сихъ поръ (т.-е. до начала октября) крестьянинъ еще не являлся покупателемъ, такъ какъ у него еще идетъ старый хлѣбъ; но что же будетъ, когда спросъ увеличится въ нѣсколько разъ? Очевидно, населенію придется совершенно зря переплачивать много лишнихъ денегъ". Какъ бы хорошо, однако, ни была организована продажа хлѣба, какъ бы ни были удешевлены, благодаря ей, цѣны на хлѣбъ, покупка его въ неурожайные годы для многихъ окажется непосильной, и центромъ тяжести продовольственной помощи во всякомъ случаѣ останутся продовольственныя пособія или ссуды; только въ ихъ организаціи, по возможности цѣлесообразной, можетъ быть найденъ ключъ къ разрѣшенію продовольственнаго вопроса. Весьма знаменательно, что именно въ нынѣшнемъ году земскія ходатайства о ссудахъ удовлетворяются съ большимъ трудомъ и далеко не въ полномъ размѣрѣ. Объясняется это, очевидно, опасеніемъ, что возвращеніе новыхъ ссудъ будетъ совершаться столь же медленно и туго, какъ и возвращеніе прежнихъ, назначенныхъ шесть и пять лѣтъ тому назадъ. Фактически такое опасеніе не лишено основанія: не успѣвшіе еще оправиться послѣ неурожаевъ 1891 и 1892 гг., вновь разоренные неурожаемъ 1897 г., крестьяне тульской, воронежской и другихъ, многократно пострадавшихъ губерній едва ли будутъ исправными плательщиками новаго продовольственнаго долга. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Чѣмъ меньше продовольственная помощь соотвѣтствуетъ дѣйствительной нуждѣ, тѣмъ меньше она достигаетъ своей цѣли—поддержать крестьянское хозяйство и этимъ самымъ сохранить его платежную способность. Не опасаясь впасть въ парадоксъ, можно утверждать, что ссуду достаточную легче возвратить, чѣмъ недостаточную... Само собою разумѣется, что громадное преимущество передъ ссудами имѣли бы, съ этой точки зрѣнія, безвозвратныя пособія изъ спеціальнаго капитала. Съ одной стороны, они позволили бы пострадавшему населенію сосредоточить всѣ свои заботы на поправленіи бѣды, причиненной неурожаемъ; съ другой стороны, выдачѣ ихъ не

препятствовали бы соображенія, затрудняющія, сплошь и рядомъ, удовлетвореніе ходатайствъ о ссудахъ. Образовать продовольственный капиталъ, предназначенный на выдачу безвозвратныхъ пособій, было бы возможно именно въ настоящее время, благодаря значительному превышенію государственныхъ доходовъ надъ расходами; поддерживать его на извѣстной высотѣ можно было бы съ помощью особаго налога или ежегодныхъ отчисленій изъ текущихъ средствъ государственнаго казначейства... Другое заключеніе, вытекающее изъ опыта послѣднихъ мѣсяцевъ, состоитъ въ томъ, что пора, наконецъ, приступить къ устройству мелкой земской единицы, которая могла бы служить, между прочимъ, и готовой рамкой для организаціи продовольственной помощи. Только въ ней могли бы быть готовы, во всякую данную минуту, списки нуждающихся въ помощи; только въ ней всегда были бы на лицо силы, готовыя бороться съ послѣдствіями невзгоды. Къ ней всего охотнѣе и удобнѣе пріурочивалась бы и дѣятельность частныхъ лицъ, важность которой доказали такъ ярко неурожайные годы 1891-й и 1892-й и недостатокъ которой такъ живо чувствуется въ настоящее время... Настаетъ самая трудная минута: за холодными мѣсяцами, довершающими истощеніе людей и скота, виднѣется уже весна, требующая крайняго напряженія всѣхъ рабочихъ силъ. Пожелаемъ, чтобы хоть въ эту минуту къ повышеннымъ и продолженнымъ, по возможности, продовольственнымъ ссудамъ присоединилась и частная помощь, не только матеріальная, но и личная, близкая къ населенію.

Минувшій годъ завѣщалъ настоящему „дворянскій вопросъ", составляющій, съ апрѣля мѣсяца, предметъ занятій Особаго Совѣщанія. Если вѣрить „Московскимъ Вѣдомостямъ", „враги дворянства принимаютъ всѣ мѣры, чтобы свести его возрожденіе на нѣтъ, и предсказываютъ ему скорую, неминуемую гибель; друзья дворянства смущаются этими предсказаніями и съ тревогой взираютъ на Особое Совѣщаніе, начиная сомнѣваться въ реальности и плодотворности будущихъ его результатовъ". Московская газета выражаетъ надежду, что эти тревоги и сомнѣнія окажутся неосновательными; „если Особому Совѣщанію придется указать на крупныя, коренныя преобразованія въ существующемъ у насъ теперь полудемократическомъ (!) общественномъ и государственномъ строѣ, оно несомнѣнно передъ этимъ не остановится". Въ чемъ именно должны заключаться ожидаемыя реакціонной печатью „крупныя и коренныя преобразованія" этого она, попрежнему, съ точностью не опредѣляетъ, но край завѣсы поднимается то здѣсь, то тамъ, открывая весьма любопытныя перспективы. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ пробныхъ шаровъ—мнѣніе, высказанное

въ одномъ изъ уѣздовъ полтавской губерніи („Московскія Вѣдомости" № 9). *Необходимымъ* признается здѣсь, между прочимъ, „возвратъ всѣхъ дѣлъ сельскаго быта и сельской управы изъ писарскихъ управленій волостной формы въ село, съ подчиненіемъ помѣстному дворянству, безвозмездно, сельской администраціи и попечительной власти, въ предѣлахъ каждаго помѣстья, на правахъ земскаго начальника". Это напомнило намъ рядъ статей г. Ромера, озаглавленныхъ: „Русская деревня" и напечатанныхъ, мѣсяца три-четыре тому назадъ, въ той же московской газетѣ. Въ длиннѣйшихъ разсужденіяхъ небезъизвѣстнаго писателя и въ лаконичныхъ вѣщаніяхъ неизвѣстнаго полтавскаго дворянина есть много общаго; стремленія, выражаемыя и тѣмъ, и другимъ, очевидно носятся въ воздухѣ, крѣпнутъ и чуютъ возможность успѣха. Оба автора исходятъ, повидимому, изъ разныхъ отправныхъ точекъ: полтавскій дворянинъ прямо и откровенно выдвигаетъ на первый планъ интересы своего сословія, г. Ромеръ печется объ интересахъ крестьянства и о благоденствіи Россіи—но въ концѣ концовъ заключенія ихъ оказываются если не аналогичными, то весьма схожими между собою. Правда, г. Ромеръ проектируетъ переходъ „всѣхъ дѣлъ сельскаго быта и сельской управы" не въ село, а въ приходъ—но зато въ приходѣ громадною властью облекается предсѣдатель приходскаго попечительства или попечительнаго совѣта, мѣстный землевладѣлецъ-дворянинъ, назначаемый правительствомъ. Онъ пользуется всѣми административными полномочіями волостного старшины и разбираетъ единолично споры между нанимателями и рабочими. Въ составъ совѣта входятъ мѣстный священникъ и пять членовъ по свободному выбору прихожанъ; совѣтъ замѣняетъ собою волостной судъ (съ значительнымъ уменьшеніемъ его юрисдикціи), а также, отчасти, сельскій сходъ (семейные раздѣлы) и волостной сходъ (ходатайства о мѣстныхъ нуждахъ). *Всѣ мѣстные землевладѣльцы-дворяне*, достигшіе совершеннолѣтія, а также члены ихъ семействъ, мужчины и женщины безразлично, *могутъ посѣщать засѣданія попечительнаго совѣта, съ правомъ голоса*. Не трудно представить себѣ, во что̀ обратилось бы, въ рукахъ такого сеймика изъ дворянъ и подъ руководствомъ полновластнаго предсѣдателя-дворянина, управленіе приходомъ! Какіе приговоры постановлялъ бы этотъ оригинальный судъ, съ своимъ случайнымъ, измѣнчивымъ, но всегда, когда нужно, дворянскимъ составомъ! Замѣтимъ, вдобавокъ, что надъ всѣми попечительствами участка стоялъ бы земскій начальникъ—тотъ самый земскій начальникъ, о которомъ г. Ромеръ и раньше былъ, и теперь остается весьма невысокаго мнѣнія. И рѣшителями всѣхъ крестьянскихъ дѣлъ становятся дворяне, которыхъ тотъ же г. Ромеръ, по его собствен-

нымъ словамъ, „привыкъ уважать и цѣнить гораздо меньше, чѣмъ крестьянъ“!..

Оставляя въ сторонѣ всѣ эти вопіющія противорѣчія, остановимся на одной курьезной и характерной особенности проекта г. Ромера. Службу предсѣдателя и членовъ попечительнаго совѣта онъ хочетъ сдѣлать безмездной, въ томъ смыслѣ, что ей не присвоивается опредѣленное содержаніе; но для предсѣдателя эта безмездность оказывается мнимой. Съ цѣлью привлечь дворянъ на землю, г. Ромеръ предлагаетъ пріостановить для всякаго дворянина, проживающаго въ собственномъ имѣніи и лично (или черезъ неотдѣленнаго члена семьи) занимающагося хозяйствомъ, уплату процентовъ по цѣлой половинѣ поземельнаго ихъ долга, на неопредѣленное время, по усмотрѣнію правительства. Тѣмъ дворянамъ, которые не менѣе пяти лѣтъ успѣшно исполняли обязанности предсѣдателя попечительнаго совѣта, проценты, уплата которыхъ была пріостановлена, *засчитываются въ даръ*. Дворянамъ, имѣнія которыхъ не заложены, могло бы быть предоставлено преимущественное право воспитанія дѣтей на казенный счетъ... Нужна, по истинѣ, большая храбрость, чтобы выступать съ подобными прожектами! Неужели одинъ фактъ проживанія въ деревнѣ (хотя бы и безъ всякой пользы для окрестнаго населенія), вмѣстѣ съ фактомъ веденія хозяйства (хотя бы и самаго неумѣлаго или своекорыстнаго, хищническаго или эксплуататорскаго), достаточенъ для предоставленія такихъ серьезныхъ льготъ, какъ отсрочка (въ концѣ концовъ равносильная сложенію) уплаты суммъ, иногда очень значительныхъ? Неужели справедливо вознаграждать услуги въ зависимости не отъ количества ихъ и качества, а отъ такого случайнаго обстоятельства, какъ цифра лежащаго на имѣніи долга? Для одного землевладѣльца половина процентовъ, „засчитываемая въ даръ“ за службу въ попечительномъ совѣтѣ, составила бы въ пять лѣтъ, положимъ, пять тысячъ, для другого, сосѣдняго—пятьсотъ рублей: и о такомъ способѣ вознагражденія можно говорить серьезно?! Гдѣ, далѣе, основаніе вознаграждать предсѣдателя совѣта, иногда весьма крупною суммою, и ничѣмъ, никогда, не вознаграждать его членовъ? Возможно ли возлагать на приходскаго священника, безъ того едва справляющагося съ своими прямыми обязанностями, участіе въ управленіи и судѣ, да и совмѣстно ли такое участіе съ его саномъ? Возможно ли соединять чисто-хозяйственныя функціи съ судебными, требующими совершенно иныхъ качествъ и знаній? Насколько легко найти между землевладѣльцами людей, готовыхъ поработать безвозмездно надъ отдѣльною отраслью мѣстнаго хозяйства—присмотрѣть, напримѣръ, за школой, больницей, богадельней, дорогами, хлѣбнымъ складомъ,—настолько трудно разсчитывать на добровольное вступле-

ніе ихъ въ члены попечительнаго совѣта, зависимаго и обремененнаго массой разнообразныхъ дѣлъ. Одно изъ двухъ: или члены совѣта, проектируемаго г. Ромеромъ, обратились бы въ безгласныхъ и безличныхъ ассистентовъ предсѣдателя,—или они стали бы служить своимъ личнымъ видамъ, имѣющимъ мало общаго съ благомъ крестьянской массы. Не было бы, въ большинствѣ случаевъ, и той сосѣдской, традиціонной, „любовной“ связи между совѣтомъ и мѣстнымъ населеніемъ, о которой по-маниловски мечтаетъ г. Ромеръ. Предсѣдателемъ попечительнаго совѣта являлся бы, сплошь и рядомъ, землевладѣлецъ изъ другого прихода (это самъ г. Ромеръ предвидитъ и допускаетъ), или хотя бы и мѣстный, но только-что купившій имѣніе или много лѣтъ въ немъ не жившій, не знающій крестьянъ и имъ неизвѣстный. Патріархальный бытъ, однажды павшій, не можетъ быть возстановленъ. *Попечительнымъ* (т.-е. попечительнымъ *о крестьянахъ*) совѣтъ, придуманный г. Ромеромъ, былъ бы только по имени; на самомъ дѣлѣ онъ представлялъ бы собою маленькое присутственное мѣсто, со всѣми недостатками бюрократіи, но безъ ея достоинствъ... Въ большей или меньшей степени все сказанное выше примѣнимо и къ прожекту полтавскаго дворянина. Облеченіе *каждаго* помѣщика правами земскаго начальника немыслимо уже потому, что большинство помѣщиковъ не живетъ въ имѣніяхъ—а за передачу ихъ *власти* приказчикамъ ихъ или старостамъ едва ли рѣшится подать голосъ даже фанатикъ „дворянскаго интереса“. Скажемъ болѣе: одинъ изъ этихъ фанатиковъ, и притомъ чуть ли не самый рьяный, высказывается противъ предоставленія правъ земскаго начальника *лично* каждому помѣщику. Это значило бы, по словамъ кн. Мещерскаго, „дѣлать опытъ въ извѣстномъ видѣ возстановлять какую-то почти крѣпостную зависимость крестьянскаго населенія отъ помѣщика вообще“. „Извѣстные аттрибуты власти или вліянія“ редакторъ „Гражданина“ предлагаетъ даровать только помѣщику, „пользующемуся всеобщимъ уваженіемъ“. Нужно ли доказывать, что „всеобщее уваженіе“—признакъ неопредѣленный и растяжимый, къ которому нельзя пріурочивать политическое право?

Какъ воспользовалось бы помѣстное дворянство непосредственною властью надъ сельскимъ населеніемъ — объ этомъ можно судить по образу дѣйствій тѣхъ дворянскихъ собраній, въ которыхъ большинство проникнуто исключительно-сословнымъ духомъ. Около года тому назадъ намъ пришлось упомянуть о разногласіи, обнаружившемся между тульскимъ губернскимъ дворянскимъ собраніемъ и алексинскимъ уѣзднымъ. Когда первое, въ экстренной сессіи (ноябрь 1896 г.), при-

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 3 „В. Европы“ за 1897 г.

знало необходимымъ возбудить ходатайство о новыхъ льготахъ заемщикамъ дворянскаго банка, алексинскій уѣздный предводитель, П. А. Скобельцынъ, вошелъ съ представленіемъ о созывѣ экстреннаго уѣзднаго собранія, включивъ въ перечень его занятій докладъ, оспаривавшій цѣлесообразность вышеупомянутыхъ ходатайствъ. Это представленіе было направлено къ губернскому предводителю, такъ какъ по закону (т. IX, ст. 86) чрезвычайныя уѣздныя дворянскія собранія созываются по испрошеніи уѣздными предводителями разрѣшенія губернатора чрезъ губернскаго предводителя дворянства. Получивъ представленіе, тульскій губернскій предводитель исключилъ своею властью два изъ числа четырехъ пунктовъ, намѣченныхъ уѣзднымъ предводителемъ какъ предметы занятій экстреннаго уѣзднаго собранія, и собраніе было разрѣшено губернаторомъ только для обсужденія двухъ остальныхъ пунктовъ [1]). На дѣйствія губернскаго предводителя алексинскій уѣздный предводитель принесъ жалобу въ правит. сенатъ. Сенатъ нашелъ, что при исходатайствованіи разрѣшеній на созывъ чрезвычайныхъ уѣздныхъ дворянскихъ собраній губернскій предводитель является только посредникомъ между уѣзднымъ предводителемъ и губернаторомъ и никакою собственною распорядительною властью не обладаетъ. Не состоя въ начальственныхъ отношеніяхъ къ уѣзднымъ предводителямъ, онъ не можетъ отмѣнять или измѣнять ихъ распоряженія и сообщать губернатору ихъ ходатайства въ измѣненномъ видѣ. Распоряженіе тульскаго губернскаго предводителя не можетъ, поэтому, быть признано правильнымъ и согласнымъ съ закономъ; но къ возбужденію противъ него уголовнаго обвиненія сенатъ не усмотрѣлъ основаній, такъ какъ дѣйствія его были лишены несовмѣстныхъ съ долгомъ службы побужденій и исходили единственно изъ неправильнаго пониманія закона, и притомъ изъ дѣла не видно, чтобы они имѣли послѣдствіемъ фактическое стѣсненіе въ чемъ-либо правъ или свободы алексинскаго чрезвычайнаго дворянскаго собранія. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ минувшемъ декабрѣ, открылась очередная сессія тульскаго губернскаго дворянскаго собранія. Въ засѣданіи 15-го декабря губернскій предводитель заявилъ, что одинъ изъ дворянъ нѣсколько дней тому назадъ просилъ слова по поводу дѣйствій алексинскаго уѣзднаго предводителя, и что депутатское собраніе, выслушавъ обвинителя, нашло необходимымъ передать обвиненіе на раз-

---

[1]) Хотя исключенію подвергся, между прочимъ, докладъ г. Скобельцына, собраніе нашло возможнымъ высказать (по поводу избранія члена въ коммиссію, образованную губернскимъ собраніемъ „для обсужденія мѣръ къ дальнѣйшему упроченію дворянскаго землевладѣнія“), что изъ числа 273 дворянскихъ имѣній алексинскаго уѣзда заложено только 20, и помощь незначительному меньшинству не оправдывается общедворянскими потребностями.

смотрѣніе уѣздныхъ предводителей. Что произошло послѣ заявленія губернскаго предводителя—это мы передадимъ сначала словами тульской корреспонденціи „Гражданина“ (№ 101), всецѣло, конечно, стоящей на сторонѣ губернскаго предводителя и большинства дворянскаго собранія. „Когда рѣшеніе депутатскаго собранія“ — говоритъ корреспондентъ—„было объявлено губернскимъ предводителемъ, при единодушномъ одобреніи громомъ рукоплесканій подавляющаго большинства собранія, анти-дворяне (!)—одинъ графъ и одинъ князь со свитой—устремились къ губернскому столу, съ поднятыми кулаками, крича: *не вѣримъ депутатскому собранію, это насиліе, слова, слова!* Эти господа умолкли лишь тогда, когда услыхали по адресу графа угрожающіе голоса: *это неприлично, вонъ, вонъ изъ собранія!* послѣ чего титулованный графчикъ быстро стушевался“. Еще картиннѣе неистовство меньшинства изображается въ „Дневникѣ“ кн. Мещерскаго: „дворяне-либералы привели себя сознаніемъ своей неудачи въ такое вдохновенное состояніе, и температуру своей крови подняли до такого градуса, что съ поднятыми кулаками, съ пѣною у рта и съ криками: aux armes, citoyens! дружно пошли походомъ на А. А. Арсеньева (тульскаго губ. предводителя) и, вѣроятно, дали бы волю своимъ пробудившимся страстямъ, еслибы другая часть дворянъ, бо̀льшая, не стала около своего предводителя крѣпкимъ брустверомъ“. Совершенно иначе изложенъ инцидентъ 15-го декабря въ протоколѣ меньшинства. „Около тридцати дворянъ“—читаемъ мы здѣсь—„стали просить слова. Предводитель спросилъ собраніе, угодно ли ему признать вопросъ исчерпаннымъ. Въ отвѣтъ на это послышались безпорядочные крики продолжающихъ требовать слова, аплодисменты, возгласы: *нѣтъ! угодно!* По требованію предводителя возстановилась тишина, и предводитель сталъ убѣждать собраніе довѣриться ему съ уѣздными предводителями, ссылаясь на то, что постановленіе депутатскаго собранія состоялось единогласно и что товарищи разберутъ дѣло по совѣсти и снисходительно. Затѣмъ, объявивъ, несмотря на протесты многихъ, что вопросъ рѣшенъ собраніемъ, онъ, при общемъ непрекращающемся шумѣ и крикѣ, объявилъ засѣданія закрытымъ“. А вотъ что пишетъ намъ очевидецъ этой сцены (не-членъ собранія): „Кучка дворянъ), около 30 человѣкъ, вскочила съ мѣсть, энергично требуя слова. Разомъ поднялось на ноги все собраніе. Образовались двѣ стѣны, одна противъ другой. NN (одинъ изъ „титулованныхъ анти-дворянъ“), стоявшій впереди всѣхъ, у самаго предсѣдательскаго стола, со скрещенными на груди руками, въ ожиданіи возможности говорить, своею позою вызвалъ еще бо̀льшее ожесточеніе большинства. Послышались крики:—вонъ NN, вонъ изъ залы!—Товарищи NN вынуждены были отвлечь его отъ стола... Собраніе находилось всецѣло

въ рукахъ своего предсѣдателя. Стоило ему поднять руку, какъ все умолкало—но слово онъ разрѣшалъ только самому себѣ". Допустимъ, на минуту, что всего ближе къ дѣйствительности корреспонденція „Гражданина": не трудно убѣдиться, что даже она содержитъ въ себѣ достаточно данныхъ для полнаго осужденія большинства. Въ самомъ дѣлѣ, что̀, по удостовѣренію корреспондента, говорили—или кричали (шумъ, очевидно, сразу поднялся такой, что безъ крика нельзя было быть услышаннымъ)—представители меньшинства? Они выражали недовѣріе къ депутатскому собранію — но на это они имѣли полное право, такъ какъ депутатское собраніе, какъ мы увидимъ, не компетентно разбирать обвиненія въ родѣ взведеннаго на г. Скобельцына. Они просили слова—и также были правы, потому что нельзя устранять, властью предсѣдателя или большинства, обсужденіе вопроса, поставленнаго въ собраніи и не выходящаго изъ предѣловъ его вѣдомства. Они жаловались на насиліе — и этотъ терминъ вполнѣ примѣнимъ къ непризнанію за меньшинствомъ права выразить и объяснить свое мнѣніе. А что̀, съ другой стороны, кричало большинство? Оно кричало: „вонъ изъ собранія"! обращая это требованіе, между прочимъ, прямо къ опредѣленному лицу, т.-е. сообщая ему характеръ непосредственной угрозы. „Графчикъ быстро стушевался" — „товарищи были вынуждены отвлечь NN отъ стола": вѣдь это, въ сущности, два различные способа выраженія одного и того же факта, одинаково свидѣтельствующіе о томъ, какъ близко было большинство (или, точнѣе, наиболѣе возбужденная его группа) къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ одного изъ членовъ меньшинства. Нетерпимость и деспотизмъ большинства высказались, впрочемъ, не въ одномъ только инцидентѣ 15-го декабря. По словамъ корреспонденціи „Гражданина", „голосъ нѣсколькихъ антидворянъ, желавшихъ провести въ дворянскомъ собраніи идеи либеральствующей антидворянской прессы, былъ немедленно заглушенъ общими протестами громаднаго большинства собранія, не желавшаго допустить въ стѣнахъ дворянскаго собранія рѣчей ренегатовъ-дворянъ, оскорбляющихъ достоинство дворянскаго собранія". *Не давать говорить* — таковъ былъ, по отношенію къ противникамъ, девизъ большинства...

Въ чемъ заключается обвиненіе, взведенное противъ г. Скобельцына—этого мы въ точности не знаемъ, какъ не знаютъ и многіе изъ присутствующихъ въ засѣданіи 15-го декабря: въ словахъ, сказанныхъ губернскимъ предводителемъ, это не было выражено съ достаточною ясностью. Можно только предположить, что поводомъ къ обвиненію послужилъ либо докладъ г. Скобельцына (который не могъ быть своевременно имъ представленъ алексинскому уѣздному собранію, но былъ оглашенъ путемъ печати), либо жалоба, принесенная

г. Скобельцынымъ на дѣйствія губернскаго предводителя. Неизвѣстно. далѣе, обвиняется ли г. Скобельцынъ какъ уѣздный предводитель дворянства, или просто какъ дворянинъ, какъ членъ собранія. Въ первомъ случаѣ, судьею надъ его дѣйствіями не можетъ быть ни губернскій предводитель, которому ст. 297 т. IX запрещаетъ принимать жалобы на уѣздныхъ предводителей, ни депутатское собраніе, которое, по ст. 304, „не есть мѣсто начальственное для уѣздныхъ предводителей", ни, тѣмъ менѣе, собраніе уѣздныхъ предводителей, закономъ вовсе не предусмотрѣнное. Во-второмъ случаѣ, за силою ст. 158 т. IX, необходимо было указаніе на какой-нибудь *безчестный* поступокъ г. Скобельцына. *явный и всѣмъ извѣстный*, и обсужденіе его должно было происходить въ самомъ дворянскомъ собраніи, а не въ собраніи депутатовъ или уѣздныхъ предводителей. Этихъ короткихъ замѣчаній достаточно, чтобы показать, на чьей сторонѣ была, въ столкновеніи 15-го декабря, справедливость и законность. Если протестъ меньшинства былъ заглушенъ и подавленъ, то именно потому, что онъ не могъ быть оспоренъ и опровергнутъ [1]).

Мы не остановились бы такъ подробно на печальномъ тульскомъ эпизодѣ, еслибы онъ не былъ столь характеристиченъ для ультра-дворянскаго теченія, торжествующаго, къ счастію, далеко не во всѣхъ дворянскихъ собраніяхъ, но видимо усиливающагося и заранѣе празднующаго побѣду. Тѣ нумера „Гражданина", въ которыхъ говорится о пораженіи тульскихъ „антидворянъ" [2]), переполнены трубными звуками, въ которыхъ поочередно слышится то „слава намъ", то „смерть врагамъ"! Въ пылу восторга у кн. Мещерскаго вырвалось драгоцѣнное признаніе, краснорѣчиво свидѣтельствующее о томъ, чего можно ожидать отъ специфически-дворянскаго управленія. „Сегодня",—пишетъ онъ въ своемъ „Дневникѣ"—„мы въ маленькомъ кружкѣ единомышленниковъ радовались торжеству тульскаго губернскаго предводителя Арсеньева. Въ разговорѣ о немъ одинъ изъ насъ сказалъ, что

---

[1]) Алексинскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства вновь избранъ г. Скобельцынъ, большинствомъ 28 голосовъ, противъ 6. До чего распалены страсти въ Тулѣ, объ этомъ можно судить по слѣдующему отголоску ихъ въ „Гражданинѣ": „У всѣхъ прошли по губамъ улыбки презрительнаго сарказма, когда узнали о выборѣ Скобельцына, ибо всѣ поняли, что г. Скобельцынъ *велѣлъ* своимъ дворянамъ себя выбрать; но г. Скобельцынъ не можетъ велѣть факту его выбора не быть смѣшнымъ и грустнымъ явленіемъ въ лѣтописи тульскаго дворянства". Что при закрытой баллотировкѣ не можетъ быть и рѣчи о *приказаніяхъ* избирателямъ — это очень хорошо знаетъ и „Гражданинъ"; во всякомъ случаѣ любопытно было бы услышать отъ него что-нибудь объ источникахъ власти, позволяющей г. Скобельцыну давать приказанія алексинскимъ дворянамъ...

[2]) А. А. Арсеньевъ выбранъ вновь тульскимъ губ. предводителемъ дворянства большинствомъ 288 голосовъ противъ 71.

этого человѣка какъ будто ничего не интересуетъ, кромѣ дворянскаго вопроса: онъ какъ будто дремлетъ для другихъ предметовъ и оживаетъ, какъ поникшій цвѣтокъ отъ луча солнца, какъ только заговариваютъ о дворянскомъ вопросѣ. Это совершенно вѣрно. Но къ этому надо прибавить самое главное: оттого-то онъ такой хорошій губернскій предводитель, оттого-то онъ для тульскаго дворянства такъ полезенъ". Возражать противъ этой характеристики *по существу* будутъ, вѣроятно, друзья г. Арсеньева, которымъ она, несмотря на добрыя намѣренія ея автора, едва ли придется по вкусу; для насъ она важна только какъ указаніе на то, чего фанатики дворянскаго вопроса требуютъ уже теперь отъ дворянъ и дворянства—и будутъ требовать еще настойчивѣе. въ случаѣ дальнѣйшаго роста дворянскихъ привилегій. Представимъ себѣ необозримую сѣть дѣятелей, „оживающихъ" только ради дворянскихъ интересовъ и „дремлющихъ" для всего остального— и мы легко поймемъ, какъ будетъ отзываться на населеніи это чередованіе дремоты и оживленія. А что нѣчто подобное возможно—это, къ сожалѣнію, безспорно. Вѣдь всѣ „предсѣдатели попечительныхъ совѣтовъ", рекомендуемые г. Ромеромъ, всѣ „помѣщики съ правами земскихъ начальниковъ", предлагаемые анонимнымъ полтавскимъ дворяниномъ, всѣ, какъ бы они ни назывались, властители и владыки, которымъ услужливые прожектеры хотѣли бы ввѣрить мѣстное управленіе и мѣстное хозяйство, были бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, членами дворянскихъ собраній, въ которыхъ, при извѣстной совокупности условій, весьма легко могла бы установиться терроризація „несогласно-мыслящихъ". Въ „Помпадурахъ и Помпадуршахъ" Салтыкова („На зарѣ ты ее не буди") подробно изображено, какъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, въ дворянскихъ собраніяхъ „экзаменовали" мировыхъ посредниковъ, неугодныхъ тогдашнимъ ревнителямъ „дворянскаго интереса". Можно было думать, что пора такихъ „экзаменовъ" безвозвратно миновала, что немыслимо появленіе новыхъ Праведныхъ и новыхъ Гремикиныхъ; но теперь приходится въ этомъ усомниться. Салтыковскій Праведный пускалъ, по адресу „экзаменуемыхъ", „шипъ по змѣиному: поджигатели!"—а теперь, по аналогичному поводу и съ аналогичною цѣлью, требованіе словапревращается въ формулу: „aux armes, citoyens"! Салтыковскій Гремикинъ „цыркалъ" во все горло: „всѣхъ на одну осину повѣсить и баста!", *нечаянно* задѣвая локтемъ одного изъ этихъ „всѣхъ"; теперь кричатъ „вонъ изъ собранія" и заглушаютъ рѣчь супротивниковъ. Разница оказывается, такимъ образомъ, не столько въ *свойствѣ* пріемовъ, сколько въ *степени* ихъ обостренности; но. можетъ быть, мы видѣли до сихъ поръ только цвѣточки, а ягодки еще впереди?...

На ряду съ запугиваньемъ и перекрикиваньемъ существуетъ еще

одно средство воздѣйствія на „несогласно-мыслящихъ“: обращеніе къ ихъ матеріальнымъ интересамъ. Конечно, приманка можетъ соблазнить только болѣе слабыхъ, менѣе убѣжденныхъ—но вѣдь и это—autant de gagné съ точки зрѣнія соблазнителей. Попытка создать такую приманку была недавно сдѣлана „Московскими Вѣдомостями“. Находя, что заботъ и жертвъ со стороны государства заслуживаютъ не всѣ элементы современнаго дворянства, московская газета находитъ, что между дворянами „слѣдуетъ различать людей и дѣятелей, которые могутъ быть признаны дѣйствительными членами сословія, отъ другихъ людей и дѣятелей, которые значатся дворянами только номинально, отнюдь не скрывая своего индифферентнаго отношенія къ этому званію“. Въ отношеніи къ послѣднимъ „неумѣстны никакія льготы и воспособленія. Только дворяне, подтвердившіе свое желаніе оставаться въ рядахъ сословія, только дворяне, открыто признавшіе себя *помѣщиками*, а не *землевладѣльцами*, а свои имѣнія—имѣніями *дворянскими*,—только такіе дворяне, принявъ на себя всѣ обязанности и тяготы своего званія, имѣютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, право разсчитывать и на государственную поддержку въ переживаемыя ими трудныя времена“. Другими словами, газета предлагаетъ установить награду за надлежащій образъ мыслей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, премію за лицемѣріе. Нашлись бы, конечно, землевладѣльцы, которые не захотѣли бы назвать себя *помѣщиками* именно потому, что съ этимъ названіемъ были бы сопряжены извѣстныя выгоды—но нашлись бы и другіе, которые не отступили бы передъ reservatio mentalis и сказали бы самимъ себѣ: „вѣдь можно назваться помѣщикомъ, а думать, какъ прежде, не по-помѣщичьи“. Потерявъ первыхъ, дворянство проиграло бы не мало—и очень мало бы выиграло, сохранивъ послѣднихъ... Въ осуществимость своего предложенія московская газета едва ли вѣритъ, но характерно для нашего времени уже и то, что подобная мысль высказывается въ печати.

Закончимъ маленькимъ курьезомъ. Въ первыхъ числахъ января въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась статья г. Ромера о дворянскомъ вопросѣ, тѣсно примыкающая къ прежнимъ его статьямъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Кн. Мещерскій, расхваливъ эту статью, высказалъ пожеланіе, чтобы между „Гражданиномъ“, „Московскими Вѣдомостями“ и „С.-Петербургскими Вѣдомостями“ образовался, по дворянскому вопросу, „союзъ оборонительный и наступательный“, изъ котораго „могла бы выйти прочно организованная сила, съ значеніемъ посильной помощи для окончательнаго торжества идеи поддерживать земельное дворянство во всемъ, въ чемъ оно государству нужно, во всемъ, чѣмъ это дворянство нравственно сильно и народу близко“... „Нельзя не выразить полнаго сочувствія предложенію кн. Мещер-

скаго"—поспѣшили откликнуться на это „Московскія Вѣдомости";— „чѣмъ скорѣе и полнѣе оно осуществится, тѣмъ будетъ лучше для общаго дѣла". Итакъ, союзъ между двумя державами уже заключенъ, на страхъ врагамъ. „Тройственнымъ" ему, однако, едва ли суждено сдѣлаться. Трудно предположить, чтобы газета кн. Ухтомскаго, помѣстившая въ прошломъ году превосходныя статьи Б. Н. Чичерина по дворянскому вопросу, примкнула къ органамъ кн. Мещерскаго и г. Грингмута, въ особенности къ послѣднему, которому она еще такъ недавно и такъ рѣшительно бросила перчатку! По одному только вопросу не зная сомнѣній и колебаній, „С.-Петербургскія Вѣдомости" часто давали у себя мѣсто статьямъ противоположныхъ направленій (напр. по дѣламъ университетскимъ); именно этимъ эклектизмомъ мы и объясняемъ себѣ появленіе на ихъ страницахъ статьи г. Ромера.

Мы не ошиблись, предположивъ, что настоящая цѣль похода, предпринятаго „охранительною" печатью противъ городского и земскаго самоуправленія—предоставленіе мѣстнаго хозяйства въ руки администраціи, при участіи (совѣщательномъ) ею же *назначенныхъ* гласныхъ. Въ одной изъ недавнихъ статей „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 360) это выражено, наконецъ, съ достаточною ясностью. Администратору, по словамъ московской газеты, „присущъ" интересъ къ городскимъ дѣламъ (рѣчь идетъ собственно о городѣ, но все сказанное о немъ примѣнимо, mutatis mutandis, и къ земству), и притомъ интересъ „болѣе возвышенный и благородный", чѣмъ у нынѣшнихъ думскихъ дѣятелей. Онъ позаботится „о такомъ составѣ гласныхъ, который представлялъ бы бо̀льшія гарантіи, нежели выборный". Дореформенные „градоправители" теперь немыслимы, какъ немыслимы ихтіозавры и мамонты; за то между современными „отцами города" завелись типы похуже старинныхъ исправниковъ и городничихъ... Вовсе не защищая нынѣшній составъ городскихъ думъ и городскихъ управъ, признавая, что значительная его часть несвободна отъ крупныхъ недостатковъ, мы думаемъ, что столь же далекъ отъ совершенства и составъ администраціи, на которую всецѣло уповаютъ „Московскія Вѣдомости". Стушевавшійся и померкшій при свѣтѣ только-что совершившихся реформъ, но даже тогда не исчезнувшій совершенно (припомнимъ нѣкоторыя „усмиренія" шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ), „дореформенный градоправитель", послѣ того какъ реформы стали „пятиться назадъ", опять началъ являться въ достаточномъ числѣ экземпляровъ, нѣсколько измѣнившійся по формѣ, но вѣрный, въ существѣ, традиціямъ „добраго стараго времени". Всего больше цѣня точное исполненіе приказаній, онъ, конечно, не съумѣетъ, да и не за-

хочетъ отличать „назначенныхъ" имъ гласныхъ отъ другихъ подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ и станетъ примѣнять къ тѣмъ и другимъ одинъ и тотъ же девизъ: „не разсуждать—повиноваться". Попасть въ гласные, при такой системѣ, можно будетъ только за послушаніе, а не за другія качества—и только послушаніе будетъ требоваться и при исправленіи обязанностей гласнаго... Конечно, рядомъ съ администраторами стараго покроя у насъ существуютъ и другіе, иначе понимающіе свое призваніе; но и подъ ихъ руководствомъ „назначенная" дума обратилась бы въ присутственное мѣсто, мало чѣмъ разнящееся отъ остальныхъ. Въ средѣ гласныхъ, ничего и никого не представляющихъ, памятующихъ свою зависимость, сознающихъ свое безсиліе, не было бы ни иниціативы, ни выдержки, ни живого интереса къ городскому дѣлу. При всей неудовлетворительности избирательныхъ системъ, созданныхъ Городовыми Положеніями 1870 и 1892 гг., многіе города далеко шагнули впередъ, особенно въ области начальнаго образованія и попеченія о народномъ здоровьѣ. Что сдѣлала петербургская дума для городскихъ больницъ—объ этомъ мы вспоминали еще недавно; какъ развилась въ обѣихъ столицахъ, изъ самыхъ ничтожныхъ зачатковъ, городская школа—это всѣмъ хорошо извѣстно. Ничего подобнаго, по весьма понятнымъ причинамъ, не могла бы дать администрація, вмѣстѣ съ назначенною думой; ихъ остановила бы уже одна мысль, что неловко подчеркивать, путемъ слишкомъ быстрыхъ и коренныхъ улучшеній, крайнюю скудость наслѣдства, полученнаго городомъ отъ тѣхъ или другихъ вѣдомствъ... Нѣтъ, никакимъ софизмамъ не удастся поколебать такую безспорную истину, какъ незамѣнимость выборнаго начала въ области хозяйственнаго управленія. Все дѣло — въ правильной организаціи этого начала, т.-е. именно въ томъ, о чемъ не хотятъ и слышать наши „охранители". Не хотятъ они признавать еще одного: возможности неудачныхъ, пристрастныхъ *назначеній*. На всѣ указанія по этому предмету, сдѣланныя нами въ предъидущемъ обозрѣніи, „Московскія Вѣдомости" (№ 12) не отвѣчаютъ ни слова, сосредоточивая свои возраженія исключительно на ненадежности избранія. Повторяемъ еще разъ: *безусловныхъ* гарантій противъ злоупотребленій и ошибокъ не представляетъ ни избраніе, ни назначеніе. Весь вопросъ въ томъ, гдѣ они менѣе вѣроятны—и этотъ только вопросъ мы разрѣшаемъ въ пользу избранія, хорошо организованнаго. Московской газетѣ кажется страннымъ различіе, проводимое нами между составленіемъ избирательныхъ списковъ и самыми выборами: она отказывается понять, какимъ образомъ можно видѣть въ избирательномъ цензѣ только нѣчто формальное, механическое—и все-таки допускать возможность правильнаго избранія. Избирательный цензъ опредѣляетъ категорію лицъ, имѣющихъ право избирать и быть из-

бранными: ergo, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", избиратели могутъ руководствоваться только внѣшними (цензовыми) признаками избираемыхъ, а не внутренними ихъ качествами. Здѣсь, во-первыхъ, упускается изъ виду, что тождество ценза для избирателей и избираемыхъ, существующее у насъ въ настоящее время, вовсе не необходимая принадлежность выборовъ; избирателямъ можетъ быть предоставлено выбирать и такихъ лицъ, которыя, по той или другой причинѣ, не пользуются, въ данномъ избирательномъ собраніи, активнымъ избирательнымъ правомъ. Внѣшніе цензовые признаки, во-вторыхъ, составляютъ только одно изъ условій избранія: нельзя выбрать того, кто ими не обладаетъ—но одному изъ обладающихъ ими отдается предпочтеніе передъ другими по соображеніямъ вовсе не формальнаго, не механическаго характера. Эти соображенія могутъ быть весьма различны — серьезны и несерьезны, основательны и неосновательны, безкорыстны и своекорыстны; но вѣдь то же самое слѣдуетъ сказать и о соображеніяхъ, по которымъ изъ нѣсколькихъ лицъ, имѣющихъ формальное право на занятіе извѣстной должности, *назначается* именно то, а не другое. Избирательный принципъ, въ нашихъ глазахъ—вовсе не кумиръ, всегда заслуживающій поклоненія; мы стоимъ за него, въ сферѣ самоуправленія, какъ за *сравнительно лучшій*, т.-е. допускающій сравнительно лучшую организацію и дающій, при ея существованіи, сравнительно лучшіе результаты. Когда предсѣдатели и засѣдатели до-реформенныхъ судебныхъ палатъ *избирались* дворянствомъ, они не только не превосходили *назначенныхъ* товарищей предсѣдателя, но, сплошь и рядомъ, во всѣхъ отношеніяхъ имъ уступали. Въ до-реформенныхъ комитетахъ земскихъ повинностей избранные члены были, можетъ быть, не хуже, но ужъ конечно и не лучше назначенныхъ; то же самое можно сказать и о выборныхъ исправникахъ крѣпостныхъ временъ, сравнительно съ ихъ назначенными преемниками. Все сводится къ тому, *кто, какъ* и *для чего* избираетъ; помимо избирательныхъ системъ и избирательныхъ порядковъ, очень много значитъ и отрасль государственной или общественной дѣятельности, въ которой происходятъ выборы (припомнимъ, напримѣръ, какъ велика разница между выборомъ въ судьи и выборомъ въ гласные).

Скончавшійся 29-го декабря графъ И. Д. Деляновъ занималъ почти шестнадцать лѣтъ сряду постъ министра народнаго просвѣщенія. Понятно, что въ посвященныхъ ему некрологахъ всего больше шла рѣчь объ этомъ періодѣ его дѣятельности. Не слѣдуетъ забывать, однако, о другой, болѣе ранней ея эпохѣ. Въ 1858 г., т.-е. въ самомъ началѣ „новыхъ

вѣяній“, И. Д. Деляновъ былъ назначенъ попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа. Вмѣстѣ со всѣмъ окружающимъ расцвѣталъ тогда и петербургскій университетъ, богатый талантами, привлекавшій въ свои стѣны не только многочисленныхъ студентовъ—многочисленныхъ сравнительно съ недавнимъ прошлымъ,—но и массу постороннихъ слушателей. Между студентами кипѣла жизнь, основывались учрежденія взаимопомощи, издавались сборники, создавалось нѣчто въ родѣ товарищескаго суда. Вопросъ объ узаконеніи студенческихъ корпорацій близился, повидимому, къ благопріятному разрѣшенію. Все это происходило подъ покровительствомъ попечителя, пользовавшагося общимъ сочувствіемъ учащихъ и учащихся. Когда появились первые признаки реакціи, очень рано коснувшейся университета, И. Д. Деляновъ удалился и былъ замѣщенъ генераломъ Филиппсономъ; въ то же время произошла перемѣна и въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія (Е. П. Ковалевскій уступилъ мѣсто гр. Путятину)— и, вмѣсто ожидавшагося шага впередъ, было сдѣлано нѣсколько шаговъ назадъ, вызвавшихъ, осенью 1861 г., студенческіе безпорядки въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ И. Д. Деляновъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ А. В. Головнина, сначала опять въ качествѣ попечителя спб. учебнаго округа, потомъ въ качествѣ товарища министра народнаго просвѣщенія (не по имени, но de facto; утвержденъ товарищемъ министра И. Д. былъ уже при гр. Д. А. Толстомъ)... Что̀ сдѣлано И. Д. Деляновымъ во время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія—это у всѣхъ еще въ свѣжей памяти. Около назначенія его на постъ министра начинаетъ, однако, образоваться легенда, укрѣпленіе и распространеніе которой было бы весьма прискорбнымъ нарушеніемъ исторической правды. „Всѣмъ еще памятно“—читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 359)—„то тяжелое время, которое переживала Россія, когда графъ И. Д. Деляновъ былъ призванъ довѣріемъ Государя Императора Александра III на тотъ высокій постъ, который онъ нынѣ покинулъ вмѣстѣ съ жизнью своею. Враги Россіи, приведшіе ее къ страшной катастрофѣ, изъ которой ее могъ спасти лишь геній Царя-Самодержца, избрали, какъ извѣстно, русскую школу главнымъ центромъ своихъ атакъ, исторгнувъ ее изъ рукъ графа Д. А. Толстого. Въ русской школѣ наши либеральные обскуранты уже праздновали свою первую побѣду, объявивъ непримиримую борьбу серьезному европейскому образованію, затормазивъ начавшуюся университетскую реформу и открывъ въ учебныя заведенія широкій доступъ со̀мнительнымъ элементамъ, для которыхъ преданность православной вѣрѣ и святость долга передъ Царемъ и Отечествомъ далеко не являлись первыми, безусловно необходимыми, условіями правильнаго воспитанія подростаю-

щаго молодого поколѣнія. Какъ буря, пронеслась *новая школьная эра* надъ русскими учебными заведеніями, изломавъ и исказивъ много драгоцѣнныхъ насажденій, приведя въ неописуемое тревожное настроеніе преподавателей, дѣтей, родителей, все общество, и вызвавъ въ короткое время грозныя явленія, предвѣщавшія крушеніе всей нашей образовательной системы. Среди всеобщаго хаоса, возобладавшаго въ Россіи въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ, наибольшій хаосъ несомнѣнно господствовалъ въ школѣ; въ прочихъ государственныхъ сферахъ еще только подготовлялось всеобщее разрушеніе, въ школьной сферѣ оно уже началось. Необходимо было принять немедленныя мѣры къ прекращенію появившагося разрушительнаго процесса, угрожавшаго самыми тяжкими послѣдствіями не только настоящему, но и будущему Россіи". И вотъ, первою изъ этихъ мѣръ былъ призывъ И. Д. Делянова на постъ министра народнаго просвѣщенія...

Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что во всей этой тирадѣ нѣтъ ни слова правды (за исключеніемъ развѣ указанія на остановку въ движеніи университетской реформы). Кто помнитъ начало 80-хъ годовъ, кто знакомъ хоть сколько-нибудь съ управленіемъ А. А. Сабурова и бар. А. П. Николаи, тому очень хорошо извѣстно, что „новая школьная эра" ничего не изломала и не исказила, никакой разрушительной работы не предпринимала, никакой войны „серьезному европейскому образованію" не объявляла. Въ какомъ направленіи были бы совершены реформы А. А. Сабуровымъ и бар. Николаи, еслибы ихъ управленіе министерствомъ продолжалось нѣсколько дольше—объ этомъ возможны только догадки; во всякомъ случаѣ, между стремленіями обоихъ министровъ, которыхъ московская газета такъ безцеремонно обвиняетъ въ „либеральномъ обскурантизмѣ", существовала бы большая разница. Но „Московскимъ Вѣдомостямъ" нужно, съ одной стороны, написать панегирикъ государственному человѣку, котораго онѣ считали *своимъ*, съ другой—нанести еще одинъ ударъ ненавистной „диктатурѣ сердца" и всему, хотя бы косвенно съ ней связанному. Сообразно съ этимъ онѣ пишутъ свою исторію, не имѣющую ничего общаго съ настоящею...

Отъ некрологовъ нельзя ни ожидать, ни требовать исчерпывающей полноты и совершеннаго безпристрастія. Неудивительно, поэтому, что въ ретроспективныхъ обзорахъ дѣятельности графа И. Д. Делянова, написанныхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его смерти, встрѣчаются пробѣлы, недомолвки, и самое освѣщеніе распредѣлено не вполнѣ равномѣрно. Говорится, напримѣръ, о новомъ университетскомъ уставѣ 1884 г.—но не говорится о томъ, что̀ нынѣ уцѣлѣло изъ этого устава и дополнительныхъ къ нему правилъ, что̀ фактически отмѣнено или близко къ отмѣнѣ. Говорится объ измѣненіи учебныхъ плановъ въ сред-

ней школѣ — но рѣдко и мало упоминается о циркулярѣ 1887 г., имѣвшемъ цѣлью затруднить доступъ въ гимназіи для дѣтей такъ называемыхъ низшихъ сословій. Говорится объ открытіи высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ—но не говорится о предшествовавшемъ закрытіи ихъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ городахъ, гдѣ ихъ нѣтъ и понынѣ. Говорится объ открытіи женскаго медицинскаго института—но не говорится о томъ что высшіе женскіе врачебные курсы были закрыты уже въ бытность И. Д. Делянова министромъ народнаго просвѣщенія (правда, они числились въ другомъ вѣдомствѣ, но ничто не мѣшало присоединить ихъ уже тогда къ министерству народнаго просвѣщенія). Лишь въ одномъ некрологѣ мы встрѣтили сожалѣніе о томъ, что въ области начальной школы вниманіе гр. Делянова было обращено преимущественно (можно было бы даже сказать: исключительно) на окраины государства; только въ самое послѣднее время министерство стало понемногу распространять свою заботу и на народное образованіе въ центральной Россіи. Рѣдко указывается и на то, что изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія исключены, при гр. Деляновѣ, всѣ школы грамоты; что значительныя средства на народное просвѣщеніе были отпущены не министерству народнаго просвѣщенія... Вообще, для всесторонней оцѣнки дѣятельности покойнаго, очевидно, далеко еще не настало время.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1898.

Односороннія свѣдѣнія о французскихъ дѣлахъ.—Ошибки и иллюзіи читателей газетъ.—Рошфоръ и Дрюмонъ.—Странная судьба дѣла Дрейфуса.—Два военныхъ процесса и ихъ результаты.—Внутреннія дѣла въ Англіи.

Францiя издавна обладаетъ привилегіею — занимать собою общественное мнѣніе всѣхъ культурныхъ народовъ, возводить самыя незначительныя дѣла на степень крупныхъ международныхъ зрѣлищъ, превращать политическую жизнь въ рядъ шумныхъ драматическихъ сценъ и эффектныхъ эпизодовъ, напоминающихъ сложные бульварные романы. То, что намъ ежедневно сообщается изъ Парижа въ телеграфныхъ извѣстіяхъ и отчетахъ, производитъ часто впечатлѣніе страннаго и непонятнаго сумбура; иногда кажется даже, что великая французская нація подверглась временному припадку умопомраченія. По-видимому, въ такомъ именно состояніи находятся французы въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ: они переживаютъ какъ будто тяжелый политическій кризисъ, имѣющій всѣ признаки настоящей серьезной болѣзни. Однако, при оцѣнкѣ обычныхъ газетныхъ сообщеній, доходящихъ до насъ изъ Франціи, невольно возникаетъ вопросъ: въ какой мѣрѣ соотвѣтствуютъ они реальной дѣйствительности? Не служатъ ли они лишь отголосками того внѣшняго шума, который вызывается и поддерживается извѣстною—далеко не лучшею—частью французскаго общества? Читатели нашихъ газетъ могутъ подумать, что Франція живетъ теперь дѣломъ Дрейфуса, что она раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря, изъ которыхъ однимъ командуетъ таинственный еврейскій синдикатъ, а другимъ—патріотъ Рошфоръ съ антисемитомъ Дрюмономъ. Въ депешахъ изъ Парижа отводится видное мѣсто наиболѣе безцеремоннымъ и лживымъ органамъ французской печати, публицистамъ и дѣятелямъ sans foi ni loi, извлекающимъ свои выгоды изъ систематическаго возбужденія дурныхъ инстинктовъ толпы; эти дѣятели шумятъ неустанно, создаютъ волненія на улицахъ и въ парламентѣ, а намъ представляется, что шумитъ и волнуется весь французскій народъ. Здоровая, честная, трудящаяся масса населенія остается въ сторонѣ отъ агитаціи; о чувствахъ и мнѣніяхъ этого разумнаго большинства ничего не говорятъ газеты и телеграммы, и въ результатѣ получается иллюзія, крайне обидная для Франціи.

Нѣтъ ничего легче, какъ взволновать французскую публику, и ни-

кто не умѣетъ устраивать это съ такимъ успѣхомъ, какъ Рошфоръ. Его газета „Intransigeant“ издавна славится необычайнымъ богатствомъ ругательнаго стиля, поразительною неразборчивостью въ средствахъ и совершеннымъ отсутствіемъ нравственныхъ принциповъ и политическихъ идей. Рошфоръ поочередно отвергалъ и защищалъ самыя противоположныя воззрѣнія; онъ съ одинаковымъ усердіемъ нападалъ на Гамбетту и Жюля Ферри, на Бриссона и Клемансо, на радикаловъ и соціалистовъ; изъ противника постоянныхъ армій онъ сдѣлался горячимъ приверженцемъ военной диктатуры, преданнымъ союзникомъ легкомысленнѣйшаго изъ генераловъ, Буланже, а теперь выступаетъ въ роли непреклоннаго защитника главнаго штаба и его канцелярій, выдаетъ себя за отчаяннаго патріота и разыскиваетъ повсюду коварныя измѣны и интриги. Ради возможно большаго увеличенія популярности и доходности своей газеты онъ готовъ подвергаться какимъ угодно метаморфозамъ. Старый революціонеръ и соціалистъ, врагъ всѣхъ правительствъ и министерствъ, позднѣе поклонникъ „браваго генерала“, воевавшаго съ своимъ начальствомъ, нынѣ защитникъ военной дисциплины и генераловъ вообще, способенъ превратиться еще со временемъ въ бонапартиста и клерикала, если это покажется ему почему-либо нужнымъ и цѣлесообразнымъ. Публицистъ такого типа,—хорошо знакомаго и намъ,—можетъ достигнуть успѣха и богатства, но на уваженіе онъ разсчитывать не можетъ, и относиться серьезно къ его взглядамъ было бы слишкомъ наивно. Къ одной категоріи съ Рошфоромъ принадлежитъ его соперникъ по газетной славѣ, Эдуардъ Дрюмонъ, главный редакторъ „Libre Parole“. Особенность его заключается только въ томъ, что онъ выбралъ себѣ опредѣленную спеціальность, освобождающую его отъ конкурренціи и отъ заботъ о какихъ-либо политическихъ направленіяхъ и идеяхъ; онъ самъ представляетъ собою партію, для которой ему остается только вербовать сторонниковъ. Дрюмонъ сразу пріобрѣлъ большую извѣстность своею книгою „La France juive“; онъ связываетъ всѣ бѣдствія Франціи съ существованіемъ въ ней еврейства и особенно Ротшильдовъ. Книга удивляла многихъ своими явными преувеличеніями, натяжками и выдумками; она приписывала еврейское происхожденіе и еврейскія связи цѣлому ряду лицъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ евреями, и объясняла скрытымъ вліяніемъ послѣднихъ всѣ дурныя стороны французской жизни, начиная съ господства денежныхъ интересовъ и кончая давнишнимъ упадкомъ нравственности въ народѣ. Настойчивая проповѣдь этой теоріи въ журналистикѣ казалась на первыхъ порахъ чѣмъ-то парадоксальнымъ и несерьезнымъ: было ужъ слишкомъ странно доказывать, что стремленіе къ матеріальнымъ выгодамъ и удовольствіямъ, погоня за легкою наживою и нѣ-

которая распущенность нравовъ,—качества, издавна свойственныя различнымъ классамъ французскаго общества, отъ крестьянина до высшей буржуазіи,—привиты французамъ какими-то пришлыми инородными элементами; еще смѣшнѣе было утверждать, что могущественный самъ по себѣ французскій капитализмъ и парижскій денежный рынокъ, имѣющій въ своей исторіи громкія имена спекулянтовъ, въ родѣ знаменитаго шотландца Джона Лоу, заимствовали что-нибудь у Ротшильдовъ или подчиняются теперь ихъ одностороннему владычеству. Но такъ какъ въ числѣ биржевыхъ дѣльцовъ Парижа появилось не мало евреевъ, старающихся, по обыкновенію, обращать на себя вниманіе, то не трудно было вызвать къ нимъ враждебное чувство въ массѣ публики и создать имъ репутацію какихъ-то носителей общественнаго зла, отравляющихъ чистую и хорошую жизнь Франціи своимъ корыстолюбіемъ и тщеславіемъ. Всякая упорная проповѣдь, бьющая въ одну точку и истолковывающая всевозможные факты въ одномъ духѣ, находитъ въ концѣ концовъ своихъ послѣдователей, тѣмъ болѣе когда она будитъ подозрѣнія и непріязнь къ извѣстному роду людей, не пользующемуся вообще симпатіями и, быть можетъ, не заслуживающему ихъ; отсюда одинъ шагъ до обобщеній и выводовъ, прямо нелѣпыхъ, но соблазнительныхъ по своей простотѣ. Дрюмонъ достигъ успѣха, и его „Libre parole“ расходится не меньше, чѣмъ „Intransigeant“. Способы разсужденій Дрюмона поражаютъ своею безъискусственностью: если въ нечистомъ дѣлѣ попадается еврейское имя, то все зло, очевидно, въ евреяхъ; если не видно ихъ въ какой-либо скандальной исторіи, то, значитъ, участіе ихъ остается скрытымъ, замаскированнымъ и, слѣдовательно, наиболѣе опаснымъ. Панамскіе подкупы, введенные въ практику Лессепсами и цѣлымъ рядомъ финансовыхъ, политическихъ и газетныхъ дѣятелей, были устроены евреями, потому что въ числѣ банкировъ и агентовъ компаніи, раздававшихъ деньги отъ ея имени, оказались два еврея, баронъ Рейнакъ и судившійся недавно Артонъ; единственный серьезный политическій подкупъ въ этомъ дѣлѣ—подкупъ министра Байго Лессепсомъ-сыномъ, вручившимъ ему милліонъ франковъ,—обошелся безъ участія евреевъ, но это былъ только несчастный эпизодъ, свидѣтельствующій лишь о неумѣлости Байго и вызывающій къ нему состраданіе, какъ къ жертвѣ общественной порчи. Ротшильды, подобно другимъ солиднымъ банкирскимъ домамъ, не были причастны ни къ панамскимъ, ни къ другимъ мошенническимъ спекуляціямъ послѣднихъ десятилѣтій; изъ этого дѣлается заключеніе, что всѣ биржевыя и финансовыя безобразія исходятъ отъ Ротшильдовъ, которые будто бы держатъ въ своихъ рукахъ весь французскій денежный рынокъ и чуть ли даже не всю страну. Представитель фирмы Ротшильдовъ участвуетъ въ управленіи дѣлами

французскаго центральнаго акціонернаго банка, наравнѣ съ другими дѣятелями высшаго финансоваго міра, и это означаетъ, что банкъ, во главѣ котораго стоитъ отвѣтственный правительственный директоръ, находится будто бы въ распоряженіи Ротшильдовъ. Убійственное однообразіе и несложность подобной аргументаціи производятъ, однако, свое дѣйствіе на слабые и впечатлительные умы. Разсчетъ Дрюмона оправдался блестящимъ образомъ, когда, на его счастье, возникла агитація по дѣлу Дрейфуса.

Для пониманія того, что происходитъ нынѣ во Франціи, необходимо имѣть въ виду многолѣтнюю энергическую, по истинѣ разлагающую дѣятельность Рошфора, Дрюмона и ихъ подражателей во французской печати. Дѣло Дрейфуса попало на благодарную и вполнѣ подготовленную почву; оно доставило новые лавры старымъ бойцамъ и превратило ихъ успѣхъ въ крупное общественное явленіе. Семья офицера, осужденнаго три года тому назадъ, была съ самаго начала твердо убѣждена въ его невиновности; въ этомъ же былъ убѣжденъ защитникъ его, извѣстный адвокатъ Деманжъ; въ этомъ увѣрился и смотритель тюрьмы, майоръ Форцинетти; эту вѣру раздѣляли и другія лица, имѣвшія случай ознакомиться съ обстоятельствами дѣла и съ нѣкоторыми подробностями процесса,—и однако, все это не имѣло никакого практическаго значенія въ теченіе почти цѣлыхъ трехъ лѣтъ, несмотря на обширныя матеріальныя средства Дрейфусовъ и ихъ богатой родни. Ясно, что однѣми деньгами ничего нельзя сдѣлать въ подобныхъ случаяхъ, даже при полномъ убѣжденіи въ правотѣ дѣла. Богатства Дрейфусовъ, ихъ родныхъ и единовѣрцевъ, ни въ чемъ не помогли осужденному ни во время суда, ни послѣ исполненія приговора; они не могли также способствовать тому, чтобы печать и общественное мнѣніе заинтересовались судьбою человѣка, формально признаннаго измѣнникомъ. Дѣло двинулось впередъ и стало предметомъ общихъ толковъ лишь съ того момента, когда оно получило характеръ вопроса общественной морали, а такой характеръ оно получило только въ рукахъ сенатора Шереръ-Кестнера, выдающагося капиталиста и скромнаго политическаго дѣятеля съ безукоризненною репутаціею. Усомнившись въ свою очередь въ виновности Дрейфуса, семья котораго была ему извѣстна съ хорошей стороны по мѣсту родины въ Эльзасѣ, Шереръ-Кестнеръ могъ возбудить дѣло оффиціальнымъ порядкомъ, сообщить свои сомнѣнія министрамъ, поднять вопросъ объ этомъ въ сенатѣ и потребовать пересмотра процесса. Одного того факта, что вице-президентъ сената считаетъ осужденіе Дрейфуса неправильнымъ или ошибочнымъ и беретъ на себя щекотливую задачу хлопотать о провѣркѣ данныхъ, послужившихъ основаніемъ къ обвинительному приговору,—одного этого факта было достаточно для пре-

вращенія безнадежнаго частнаго дѣла въ вопросъ общественный и политическій, способный вызвать горячую борьбу въ печати и въ парламентѣ. Никакіе еврейскіе милліоны,—если они въ самомъ дѣлѣ находились въ распоряженіи Дрейфусовъ,—не въ силахъ были бы сдѣлать то, чтò сдѣлалъ тихій, но убѣжденный голосъ сенатора Шерера-Кестнера. Нужно ли болѣе краснорѣчивое доказательство первенствующей роли нравственныхъ мотивовъ въ общественной и политической жизни нынѣшней Франціи? Въ печати стали появляться свѣдѣнія, письма и документы по дѣлу Дрейфуса; обнаружено было, что единственною матеріальною уликою противъ осужденнаго была записка, сличеніе которой съ подлинными его письмами дало поводъ къ разногласіямъ между экспертами, причемъ безспорное различіе почерковъ въ нѣкоторыхъ существенныхъ деталяхъ объяснялось соображеніями объ искусственномъ будто бы измѣненіи почерка самимъ виновнымъ. Родственникамъ Дрейфуса удалось добыть письма, почеркъ которыхъ не только сходенъ, но вполнѣ тождественъ съ почеркомъ преступной записки; авторъ этихъ писемъ, майоръ Эстергази, былъ давно уже заподозрѣнъ въ шпіонствѣ оффиціальнымъ лицомъ, полковникомъ Пикаромъ, завѣдывавшимъ секретнымъ бюро генеральнаго штаба. По своему образу жизни и по своимъ темнымъ денежнымъ дѣламъ, майоръ Эстергази несравненно больше подходилъ къ роли шпіона, чѣмъ аккуратный и матеріально вполнѣ обезпеченный капитанъ Дрейфусъ. Шереръ-Кестнеръ обращался къ министрамъ съ просьбою разъяснить ему, были ли какія-нибудь другія положительныя данныя въ пользу виновности Дрейфуса, кромѣ упомянутой записки; но ни военный министръ генералъ Бильò, ни министръ-президентъ Мелинъ, не дали ему опредѣленнаго отвѣта, сославшись на законную силу состоявшагося судебнаго рѣшенія. Во время процесса предъявленъ былъ подсудимому и его защитнику только одинъ документъ, оспариваемый нынѣ, а свидѣтельскія показанія относились только къ личнымъ качествамъ и нравственному поведенію обвиняемаго; слѣдовательно, одно изъ двухъ: или судъ руководствовался секретными уликами, о которыхъ не было сообщено защитѣ,—и тогда допущено было нарушеніе одного изъ существенныхъ правилъ судопроизводства, чтò вполнѣ оправдывало бы требованіе о пересмотрѣ процесса; или секретныхъ документовъ не было,—и тогда виновнымъ можетъ быть только лицо, почеркъ котораго дѣйствительно совпадаетъ съ почеркомъ преступной записки, а такимъ лицомъ оказывается майоръ Эстергази, противъ котораго говорятъ и доказательства нравственнаго свойства.

Правительство не могло ничего сообщить Шереръ-Кестнеру по той формальной причинѣ, что судъ надъ Дрейфусомъ происходилъ при закрытыхъ дверяхъ, и акты процесса не подлежали оглашенію. При

такомъ положеніи дѣла семья Дрейфуса рѣшила выступить съ прямымъ обвиненіемъ противъ майора Эстергази, чтобы добиться новаго изслѣдованія почерка спорной записки: еслибы оказалось, что авторъ записки—не Дрейфусъ, а другое лицо, то пересмотръ процесса былъ бы неизбѣженъ. Къ тому времени горячая газетная кампанія по поводу этого дѣла достигла своего апогея. Рошфоръ въ „Intransigeant“ и Дрюмонъ въ „Libre parole“ захватили вопросъ въ свои руки при первыхъ извѣстіяхъ о попыткѣ сенатора Шерера-Кестнера, и съ тѣхъ поръ непрестанно громили измѣнниковъ, готовыхъ будто бы продать Францію злѣйшимъ ея врагамъ ради освобожденія преступнаго еврея. Рошфоръ и Дрюмонъ настойчиво утверждали, что Германія и еврейство хотятъ добиться освобожденія завѣдомаго преступника, что для этого образовался особый синдикатъ, располагающій огромными средствами, и что защитники Дрейфуса стремятся опозорить французскую армію и подвергнуть отечество страшной опасности. Съ другой стороны, по мѣрѣ обнародованія фактовъ и документовъ, касающихся процесса Дрейфуса, все болѣе увеличивалось число лицъ, убѣжденныхъ въ ошибочности состоявшагося приговора и въ необходимости пересмотра дѣла; къ числу этихъ лицъ принадлежатъ многіе авторитетные ученые и писатели, академики, спеціалисты по изслѣдованію рукописей, историки, какъ Габріель Моно, и романисты, какъ Эмиль Золá. Такъ какъ въ ряду этихъ лицъ нѣтъ ни одного еврея, а самъ Шереръ-Кестнеръ—изъ старой протестантской семьи, то чисто-еврейскій источникъ агитаціи признается уже несомнѣннымъ, не нуждающимся въ дальнѣйшихъ доказательствахъ, съ точки зрѣнія Рошфора и Дрюмона; очевидно также, что ученые и политическіе дѣятели, высказывающіеся въ пользу пересмотра процесса, входятъ въ составъ еврейскаго синдиката или служатъ его орудіями;—такъ утверждаютъ, по крайней мѣрѣ, Рошфоръ и Дрюмонъ, не составившіе никакого синдиката, но дѣлающіе великолѣпныя дѣла при помощи вопроса о Дрейфусѣ. Общественное возбужденіе, руководимое названными спасителями отечества, приняло уже опредѣленный характеръ, и никакіе разумные доводы, никакія громкія имена и репутаціи не въ состояніи были повліять на увлеченную и напуганную публику. Министры растерялись и упорно повторяли въ парламентѣ, что нѣтъ дѣла Дрейфуса, что оно окончательно и безповоротно рѣшено законнымъ судебнымъ приговоромъ, и что правительство ничего не можетъ сообщить или разъяснить по этому дѣлу;—а между тѣмъ почти всѣ акты процесса были постепенно обнародованы печатью, и ежедневно прибавлялись все новыя подробности, при дѣятельномъ участіи газетъ, получающихъ свои свѣдѣнія изъ канцелярій генеральнаго штаба. Военный министръ, генералъ Бильò, торжественно заявлялъ, что онъ

твердо убѣжденъ въ виновности Дрейфуса, осужденнаго при его предшественникѣ, генералѣ Мерсье́, и что онъ самъ, Бильо́, долго изслѣдовалъ преступную записку и увѣрился въ полномъ сходствѣ ея съ подлинными письмами виновнаго,—и это говорилъ военный министръ передъ назначеніемъ формальнаго слѣдствія противъ Эстергази, обвиняемаго въ написаніи той же самой записки. Роль офицеровъ, которымъ предстояло разбирать дѣло Эстергази, была, такимъ образомъ, опредѣлена заранѣе. Бывшій министръ юстиціи, сенаторъ Траріе́, обратился къ военному министру съ длиннымъ и весьма убѣдительнымъ посланіемъ, въ которомъ указывалъ на многія важныя неправильности въ процессѣ Дрейфуса и въ способѣ производства слѣдствія противъ Эстергази, но не получилъ никакого публичнаго отвѣта. Газеты напечатали, наконецъ, текстъ обвинительнаго акта противъ Дрейфуса, подтвердившій всѣ предположенія о свойствѣ собранныхъ противъ него уликъ.

Судъ надъ Эстергази, по доносу Матьѐ Дрейфуса, брата осужденнаго капитана, состоялся 10—11 янв. (нов. ст.), и часть разбирательства происходила при открытыхъ дверяхъ. Публика могла слышать чтеніе обвинительнаго акта и присутствовать при допросѣ нѣкоторыхъ штатскихъ свидѣтелей. Къ общему удивленію, обвинительный актъ или рапортъ, составленный майоромъ Равари, направленъ былъ не столько противъ Эстергази, сколько противъ полковника Пикара, который впервые заподозрилъ Эстергази и усомнился въ виновности Дрейфуса; майоръ Равари выставляетъ бывшаго начальника секретнаго бюро генеральнаго штаба чуть ли не душою противозаконной агитаціи и приписываетъ ему разныя злоупотребленія властью, нарушенія дисциплины и служебной добросовѣстности, дерзкія фразы противъ начальниковъ и т. п., —тогда какъ Пикаръ, въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу, долженъ былъ давать свои показанія въ закрытомъ засѣданіи и не могъ публично защищаться отъ обвиненій, выставленныхъ противъ него публично, въ оффиціальномъ рапортѣ. Майоръ Равари заранѣе подорвалъ значеніе главнаго и наиболѣе компетентнаго военнаго свидѣтеля противъ Эстергази, и онъ сдѣлалъ это съ поразительною безцеремонностью, зная невозможность публичныхъ возраженій со стороны полковника Пикара. Самое разбирательство, насколько оно было доступно публикѣ, обнаруживало только замѣчательную предупредительность судей по отношенію къ обвиняемому. Допрашивалась, напр., послѣдняя „подруга“ Эстергази, весьма эффектная молодая дама; она помѣщалась въ квартирѣ, взятой на его имя, но незадолго до процесса онъ потребовалъ у хозяина уничтоженія контракта; онъ находился въ страшномъ волненіи и сообщилъ „подругѣ“ о своемъ намѣреніи покончить съ собою, причемъ она только

просила его не дѣлать этого въ ея помѣщеніи. Причина его разстройства, по ея догадкѣ, заключалась въ недостаткѣ денежныхъ средствъ, и судъ удовлетворился этимъ объясненіемъ. Въ одномъ изъ прочитанныхъ на судѣ писемъ его сказано, что запутанное финансовое состояніе принудитъ его совершить „преступленіе" (un crime), и судъ былъ очень доволенъ, когда оказалось, что Эстергази думалъ только убить жену и дѣтей, а вовсе не продавать документы иностранной державѣ. Суду представлены были письма, въ которыхъ Эстергази просилъ денегъ у еврейскихъ капиталистовъ на томъ основаніи, что онъ былъ секундантомъ еврея, капитана Кремьё-Шоа, и этимъ оказалъ услугу еврейству; судъ особенно допытывался у свидѣтеля, бывшаго офицера, Вейля, какъ могъ онъ выдать подобныя письма своего стараго товарища; но Вейль объяснилъ, что для лучшаго достиженія цѣли онъ доставилъ ихъ главному раввину, Задокъ-Кану, и не слѣдилъ за дальнѣйшею ихъ судьбою. Матьё Дрейфусъ добавилъ, что эти письма дошли къ нему именно отъ Задокъ-Кана, который, конечно, не имѣлъ никакого мотива скрывать ихъ у себя при открытіи формальнаго слѣдствія надъ Эстергази. Самаго содержанія писемъ судъ не касался. Дальнѣйшее производство было уже секретное; даже показанія экспертовъ, изслѣдовавшихъ спорный документъ и сличавшихъ его съ письмами Эстергази, остались почему-то государственной тайною. Въ результатѣ, военный судъ единогласно оправдалъ обвиняемаго и выразилъ ему свое полное сочувствіе и уваженіе; на улицѣ ему устроили шумную овацію, офицеры горячо привѣтствовали его, ибо такіе великіе патріоты, какъ Рошфоръ и Дрюмонъ, увѣрили толпу, что этотъ жалкій прожигатель жизни олицетворяетъ собою французскую армію, и что честь арміи возстановится съ возстановленіемъ служебной полноправности и личной чести майора Эстергази. Эксперты нашли, что знаменитую записку писалъ не подсудимый, а кто-нибудь другой,—хотя самъ онъ при первомъ же допросѣ долженъ былъ признать „ужасающее" сходство записки съ своими собственными письмами; экспертиза, вѣроятно, мотивировала свое отрицательное заключеніе именно этимъ чрезмѣрнымъ сходствомъ, доходящимъ почти до тождества,—подобно тому, какъ въ дѣлѣ Дрейфуса положительный выводъ основанъ былъ на замѣтномъ различіи почерковъ. Какъ бы то ни было, Эстергази былъ оправданъ, и вопросъ о пересмотрѣ процесса Дрейфуса казался опять формально похороненнымъ. Воинственно-патріотическая пресса, избравшая своимъ героемъ захудалаго потомка мадьяръ, торжествовала побѣду надъ людьми, допускающими справедливость и относительно потомка эльзасскихъ евреевъ въ республиканской Франціи. Рошфоръ и Дрюмонъ чувствовали себя на верху своей славы; они подняли въ странѣ антисемитическое дви-

женіе, приведшее въ разныхъ мѣстахъ къ уличнымъ безпорядкамъ и кровопролитіямъ, отъ которыхъ по обыкновенію пострадали обыватели, нисколько не повинные въ грѣхахъ Ротшильдовъ и Дрейфусовъ.

Интересно сопоставить два обвинительные акта — по дѣлу Дрейфуса и по дѣлу Эстергази. Первый, написанный майоромъ Д'Омершвиллемъ, отличается большою обстоятельностью; въ немъ подробно разсказывается, какъ Дрейфусъ любилъ ухаживать за дамами „до своей женитьбы" и какія онъ имѣлъ по этой части галантныя приключенія; даже послѣ брака онъ разъ познакомился на улицѣ съ одною женщиною, австрійкою, и затѣмъ бывалъ у нея, но прекратилъ съ ней сношенія, заподозривъ въ ней шпіонку; позднѣе, при своемъ арестованіи, онъ высказывалъ мысль, что на него донесла эта австрійка. Безнравственность Дрейфуса подтверждается также тѣмъ фактомъ, что онъ въ теченіе нѣкотораго времени поддерживалъ знакомство съ одною замужнею и богатою дамою, о которой „говорили, что она платитъ своимъ любовникамъ". Дрейфусъ также признался на допросѣ майору Д'Омершвиллю, что онъ предложилъ одной дамѣ нанять для нея виллу на лѣто, но порвалъ съ нею, когда убѣдился, что она интересуется больше его деньгами, чѣмъ его чувствами. Далѣе, Дрейфусъ посѣщалъ нѣкоторые парижскіе клубы и, между прочимъ, такіе, гдѣ играютъ въ карты, и хотя онъ заявилъ на допросѣ, что никогда не имѣлъ вкуса къ картежной игрѣ, но это показаніе не возбуждаетъ довѣрія. О денежныхъ средствахъ Дрейфуса ничего не говорится; видно только, что онъ никогда не стѣснялся въ средствахъ, и что родня его богата; прямо упоминается лишь о фабрикѣ, которою владѣютъ его братья. Нравственными уликами противъ Дрейфуса считаются различныя обстоятельства и странности его поведенія: такъ, будучи причисленъ къ генеральному штабу для спеціальныхъ занятій на два года, онъ слишкомъ усердно работалъ въ отдѣльныхъ бюро штаба, часто засиживался въ нихъ послѣ ухода товарищей и оставался одинъ, старался особенно изучить систему мобилизаціи арміи во всѣхъ подробностяхъ, заглядывалъ и въ чужія бюро, разспрашивалъ обо всемъ, что его интересовало, и обнаруживалъ въ этомъ отношеніи большую нескромность; изъ этого можно заключить, что онъ собиралъ у себя секретныя свѣдѣнія для продажи иностранной державѣ. Способности онъ имѣлъ очень хорошія, учился въ военной школѣ отлично, но жаловался, что на выпускномъ экзаменѣ его обидѣли—въ виду его религіи; а такъ какъ отмѣтки сохраняются въ тайнѣ, то онъ могъ узнать объ этомъ только закулиснымъ путемъ, и это вполнѣ соотвѣтствуетъ его „характеру, существенное свойство котораго—нескромность". Оффиціальныя отмѣтки объ его службѣ вообще хороши, „иногда отличны"; подозрительно только то, что, какъ онъ самъ заявлялъ, онъ тайно могъ

ѣздить въ Эльзасъ, не обращая на себя вниманія германскихъ властей, тогда какъ французскимъ офицерамъ вообще чрезвычайно трудно получать отъ этихъ властей разрѣшеніе пріѣзда (т.-е. не тайнаго, а открытаго) въ пограничныя нѣмецкія области. Противъ Дрейфуса говоритъ и его знаніе языковъ, особенно нѣмецкаго, которымъ онъ владѣетъ въ совершенствѣ (что̀, вѣроятно, и помогало его тайнымъ поѣздкамъ въ Эльзасъ, не въ примѣръ другимъ французскимъ офицерамъ). Наконецъ, „Дрейфусъ одаренъ характеромъ очень гибкимъ и отчасти навязчивымъ, который весьма подходитъ для сношеній съ иностранными агентами въ видахъ шпіонства". Такимъ образомъ, „капитанъ Дрейфусъ былъ вполнѣ пригоденъ для жалкой и позорной миссіи, которую онъ устроилъ себѣ или принялъ, и которой—быть можетъ, очень счастливо для Франціи — положенъ конецъ открытіемъ его козней". Относительно самыхъ же этихъ козней существуетъ лишь одно доказательство--„преступная записка, изслѣдованіе которой большинствомъ экспертовъ, равно какъ нами (майоромъ Д'Омершвиллемъ) и видѣвшими ее свидѣтелями, представило полное сходство, не считая намѣренныхъ различій (sauf des dissemblances volontaires), съ подлиннымъ почеркомъ капитана Дрейфуса. Когда его арестовали, онъ велъ себя странно и давалъ неподходящіе отвѣты,—а именно настойчиво отрицалъ свою виновность въ чемъ бы то ни было, энергически протестовалъ противъ приписываемаго ему преступленія, утверждалъ что предъявленная ему записка написана вовсе не его почеркомъ и не похожа на его письма, что, наконецъ, она могла быть поддѣлана кѣмъ-либо подъ его почеркъ и т. п. „Особенно интересно, что при осмотрѣ его платья онъ самъ предложилъ свои ключи и сказалъ: „возьмите, откройте все у меня въ квартирѣ, и вы ничего не найдете". И въ самомъ дѣлѣ, обыскъ, произведенный въ его помѣщеніи, привелъ къ указанному имъ результату. Но позволено думать—замѣчаетъ составитель обвинительнаго акта,—что если ничего не нашли при обыскѣ, никакихъ писемъ и записокъ, кромѣ лишь посланій къ г-жѣ Дрейфусъ, какъ къ невѣстѣ, то это только оттого, что все, могущее компрометтировать его въ какомъ бы то ни было отношеніи, было запрятано или уничтожено заранѣе". Въ силу всѣхъ этихъ косвенныхъ догадокъ и соображеній, подтвержденныхъ 23-мя свидѣтелями, майоръ Д'Омершвилль предлагалъ осудить Дрейфуса, и послѣдній былъ единогласно признанъ виновнымъ въ государственной измѣнѣ.

Въ совершенно другомъ духѣ составленъ обвинительный актъ по дѣлу Эстергази. Майоръ Равари не только не находитъ ничего страннаго въ энергическихъ возраженіяхъ и протестахъ подсудимаго, но аккуратно излагаетъ ихъ съ полнымъ довѣріемъ къ ихъ искренности, воспроизводитъ даже очевидныя сказки о таинственной „дамѣ подъ

вуалью", предупредившей его о заговорѣ противъ него, Эстергази, и передавшей ему позднѣе секретное документальное доказательство виновности Дрейфуса; этотъ секретный документъ, представленный затѣмъ военному министру,—какъ поясняетъ майоръ Равари,—былъ тотъ самый, который незаконно показанъ былъ полковникомъ Пикаромъ адвокату Леблуа въ бюро генеральнаго штаба и который заключаетъ въ себѣ слова: „эта каналья Д..." (cette canaille de D...). Еще раньше сообщалось въ газетахъ, что уликою, рѣшившею судьбу Дрейфуса, была бумага, неизвѣстная ни самому осужденному, ни его защитнику, а предъявленная только судьямъ при заключительномъ совѣщаніи; это было письмо германскаго военнаго агента къ итальянскому, заключавшее въ себѣ роковую будто бы фразу: „cet animal de D... devient trop exigeant". По толкованію юристовъ и психологовъ, которые состоятъ при французскихъ военныхъ канцеляріяхъ, приведенная фраза есть убѣдительнѣйшее и секретнѣйшее доказательство измѣны Дрейфуса,—ибо, во-первыхъ, подъ буквою *Д* съ многоточіемъ нельзя подразумѣвать другое слово, кромѣ имени „Dreyfus"; во-вторыхъ, военные агенты иностранныхъ державъ, вѣроятно, имѣютъ обычай не только сообщать другъ другу по почтѣ о туземныхъ офицерахъ, служащихъ имъ шпіонами, но даже письменно дѣлиться между собою впечатлѣніями по поводу требуемыхъ за подобныя услуги денежныхъ суммъ; и въ-третьихъ, имѣя въ своемъ распоряженіи такую цѣнную находку, какъ свѣдущій и ловкій офицеръ генеральнаго штаба чужой и притомъ непріязненной державы, военные агенты несомнѣнно должны говорить и писать о немъ въ грубомъ казарменномъ стилѣ, въ родѣ: „cet animal" или „cette canaille". Шаткость этихъ предположеній до того бросается въ глаза, что трудно даже останавливаться на нихъ серьезно. На измѣнническія услуги иностранныхъ офицеровъ нѣтъ таксы; вѣроятно, есть такія военныя тайны, за которыя стоитъ уплатить сотни тысячъ, а есть другія, которыя можно добыть даромъ;—все зависитъ отъ степени важности продаваемыхъ свѣдѣній. Шпіонъ не можетъ быть требовательнымъ, если не въ состояніи предложить матеріалы, представляющіе крупную цѣнность; а когда у него есть такіе нужные матеріалы или онъ можетъ добыть ихъ, то едва ли придется спорить и раздражаться изъ-за платы, тѣмъ болѣе, что военные агенты выдаютъ на это не свои деньги, а казенныя, и не самовластно, а по представленіямъ высшему начальству и въ предѣлахъ своей компетенціи. Съ какой стороны ни взглянуть на этотъ важный секретный документъ, оффиціально разоблаченный майоромъ Равари, онъ одинаково окажется сомнительнымъ;—между тѣмъ, онъ упомянутъ, конечно, только для того, чтобы намекнуть на скрытыя отъ публики положительныя улики противъ Дрейфуса, независимо отъ пресловутой

записки, обнаружившей позднѣе „ужасающее“ сходство съ почеркомъ Эстергази. Изложивъ обстоятельства дѣла со словъ подсудимаго и высказавъ нѣсколько горькихъ замѣчаній объ агитаціи защитниковъ Дрейфуса, докладчикъ ради безпристрастія выставляетъ на видъ хвалебные отзывы о службѣ Эстергази и говоритъ о чувствахъ личнаго уваженія къ нему со стороны его начальниковъ. Что касается его нравственнаго поведенія, то майоръ Равари ограничивается объ этомъ нѣсколькими словами, въ противоположность докладчику по дѣлу Дрейфуса: изъ неправильнаго образа жизни „нельзя еще вывести заключеніе, что онъ (Эстергази) способенъ совершить величайшее преступленіе, какое можетъ сдѣлать солдатъ и французъ“. Мотивы, которые искусственно придумывались противъ Дрейфуса, объявляются здѣсь ненужными и ничего не доказывающими; а самая ядовитая часть доклада уличаетъ постороннее лицо въ постороннихъ служебныхъ нарушеніяхъ, старательно обходя всѣ темные и странные пункты въ дѣлѣ Эстергази.

Вполнѣ понятно раздраженіе, какимъ проникся Зола̀ по поводу этой ребяческой карикатуры на правосудіе; но грозное посланіе его къ президенту республики упускаетъ изъ виду самую простую вещь, что строевые офицеры, полковники и генералы не могутъ внезапно превращаться въ судебныхъ слѣдователей и судей въ серьезныхъ и крупныхъ дѣлахъ, какъ это установлено во Франціи. Французскіе военные суды разбираютъ и рѣшаютъ спорные вопросы безъ всякой юридической подготовки, по случайнымъ впечатлѣніямъ, безъ надлежащей провѣрки ихъ, и результаты не могутъ быть другіе, какими они и являлись на дѣлѣ. Вмѣсто того, чтобы обвинять цѣлую массу должностныхъ лицъ въ сознательномъ осужденіи завѣдомо невиннаго, онъ могъ бы съ пользою обратить свой талантъ и свое краснорѣчіе на борьбу съ тою лживою газетною прессою, которая систематически отравляетъ умы ради временнаго успѣха и наживы. Что это отравленіе дѣйствительно вызываетъ въ публикѣ нѣчто въ родѣ психической болѣзни, можно видѣть изъ появившейся недавно спеціальной книги капитана Поля Марена о Дрейфусѣ [1]). Вотъ какъ обращается авторъ этой книги къ Эдуарду Дрюмону, главному редактору „Libre parole“: „Вы шли отъ побѣды къ побѣдѣ;—подобно македонянину, строившему свои фаланги на глазахъ огромныхъ массъ персидскихъ войскъ, вы имѣли свои битвы при Граникѣ и Иссѣ... Настоящее — за вами, и будущее также принадлежитъ вамъ... Парламентъ уже повинуется вамъ, какъ собака — бичу, приручившему ее. Въ скоромъ времени онъ будетъ покорно подчиняться вашимъ приказамъ. Вы будете властелиномъ Франціи,

¹) Paul Marin, „Dreyfus“. Paris, 1898, p. 540.

какъ вы состоите уже властелиномъ общественнаго мнѣнія. Тогда достаточно будетъ одного знака съ вашей стороны, чтобы роскошные дворцы вашихъ противниковъ превратились въ груду пепла. По вашему голосу, владѣльцы зàмковъ, предъ которыми трепетало столько тысячъ семействъ до появленія „La France juive", будутъ связаны, въ цѣпяхъ, готовые для костра, если такова будетъ ваша добрая воля. Но эти воспоминанія кровавыхъ дней среднихъ вѣковъ далеки отъ вашей мысли. Будучи властелиномъ Франціи, какъ Робеспьеръ во время террора, какъ Бонапартъ во время консульства, вы не отступите отъ требованій правосудія и справедливости; вы будете слѣдовать внушеніямъ умѣренности, которая щадитъ человѣческія жизни и привлекаетъ сердца"...

Въ этомъ нелѣпо-преувеличенномъ обращеніи къ Дрюмону можно видѣть симптомъ настроенія нѣкоторой части французскаго общества. Капитанъ Маренъ — человѣкъ толпы, и онъ съ наивною откровенностью выражаетъ чувства, раздѣляемыя тысячами его согражданъ. Если восемь лѣтъ тому назадъ французскіе патріоты слѣпо увлекались легкомысленнымъ генераломъ Буланже и готовы были ввѣрить ему судьбу своей страны, то почему имъ теперь не ожидать спасенія отъ воинственнаго и безцеремоннаго публициста Дрюмона? Буланже обѣщалъ очистить республику отъ парламентаризма и возстановить военную славу Франціи, опороченную будто бы республиканскимъ управленіемъ,—и за нимъ пошла толпа. Дрюмонъ берется очистить страну отъ еврейства и возстановить самобытность французскаго національнаго духа, извращеннаго будто бы инородными элементами,— и за нимъ идетъ толпа. Капитанъ Маренъ уже видитъ Дрюмона въ роли повелителя; онъ впередъ проситъ у него милости и снисхожденія къ людямъ, несогласнымъ съ его взглядами, и заступается, между прочимъ, за историка Габріеля Монò, сомнѣвающагося въ виновности Дрейфуса. „Я обращаюсь,—говоритъ Маренъ,—къ диктатору... У него прошу я милости къ Монò, вдохновляясь примѣромъ оратора, который защищалъ Лигарія и просилъ Цезаря побѣдить самого себя. Это было бы въ интересахъ вашей славы, какъ актъ той рыцарской любезности, которая у древнихъ французовъ входила въ церемоніалъ самыхъ ожесточенныхъ поединковъ". Ошибочно было бы думать, что капитанъ Маренъ принимаетъ Дрюмона за диктатора вслѣдствіе разстройства умственныхъ способностей: если есть здѣсь разстройство, то оно—массовое, а не индивидуальное. Дрюмонъ олицетворяетъ собою торжество всего низменнаго въ современной Франціи, и имя его служитъ знаменемъ, около котораго покорно собираются десятки тысячъ Мареновъ.

Чрезвычайно трудно и даже невозможно уловить мотивы, побуж-

дающіе французовъ волноваться до самозабвенія то изъ-за генерала Буланже, то изъ-за дѣла Дрейфуса, то изъ-за еврейскихъ финансовыхъ и прочихъ дѣльцовъ. Волненія эти обыкновенно проходятъ столь же быстро, какъ и возникаютъ; причины ихъ коренятся въ крайней впечатлительности національнаго характера, въ перемѣнчивости чувствъ и настроеній, въ жаждѣ горячей борьбы съ врагами, хотя бы и мнимыми, подъ руководствомъ излюбленныхъ героевъ. Нѣтъ такой политической нелѣпости, которою нельзя было бы увлечь французскую толпу. То, что̀ одному вмѣняется въ великую заслугу, ставится другому въ вину, какъ позорное преступленіе. Относительно Гамбетты создалась легенда, что онъ ѣздилъ инкогнито въ Германію для секретнаго свиданія съ Бисмаркомъ, и это нисколько не мѣшало его популярности; а Жюля Ферри жестоко обвиняли и преслѣдовали за то, что онъ стоялъ за мирныя отношенія съ Берлиномъ. Смѣлые воинственные порывы чередуются съ проявленіями непонятнаго, ничѣмъ не объяснимаго страха. Генерала Буланже превозносили за рѣшимость выступить открыто противъ нѣмцевъ, и бывшіе его сторонники постоянно упрекали и упрекаютъ правительство въ трусости по отношенію къ Германіи; а по поводу дѣла Дрейфуса тѣ же патріоты приходятъ въ ужасъ при мысли, что Германія обидится оглашеніемъ какихъ-то ничтожныхъ документовъ, касающихся общепринятаго военнаго шпіонства. Самое дѣло Дрейфуса состоитъ сплошь изъ загадокъ; оно бросаетъ яркій свѣтъ на ту путаницу понятій и впечатлѣній, которая господствуетъ въ умахъ значительной части французскаго общества. Всегда бывали случаи государственной измѣны, и дѣло Дрейфуса не представляло бы собою ничего исключительнаго; никому не приходило бы въ голову утверждать, что преступленіе одного изъ офицеровъ генеральнаго штаба опозорило всю французскую армію. Но являются нѣкоторые признаки, указывающіе на ошибочность состоявшагося объ этомъ офицерѣ обвинительнаго приговора; по здравому смыслу казалось бы, что репутація французской арміи и особенно ея генеральнаго штаба можетъ только выиграть отъ признанія невиновности осужденнаго офицера, по вновь открывшимся обстоятельствамъ. Однако, мысль о пересмотрѣ процесса съ цѣлью исправленія допущенной ошибки возбуждаетъ ярость патріотовъ и выдается за опаснѣйшее посягательство на честь французской арміи; всѣ приверженцы такого пересмотра, кто бы они ни были, заранѣе провозглашаются врагами отечества, подкупленными еврействомъ. Для чести и достоинства Франціи необходимо будто бы, чтобы осужденный офицеръ оставался виновнымъ,—по мнѣнію Рошфора, Дрюмона и ихъ единомышленниковъ, — ибо французскіе военные судьи не могутъ ошибаться, и безусловная вѣра въ ихъ непогрѣшимость обязательна

будто бы для всякаго истиннаго француза. Еслибы даже Дрейфусъ былъ въ дѣйствительности жертвою судебной ошибки, то преступно говорить объ этомъ и требовать пересмотра процесса: лучше примириться съ осужденіемъ невиннаго, чѣмъ колебать авторитетъ военнаго суда. Такова сущность патріотической идеи, вдохновляющей нынѣ многихъ и очень многихъ французовъ. Люди отчаянно волнуются изъ-за того, что судъ, состоящій изъ нѣсколькихъ строевыхъ офицеровъ, признается обыкновеннымъ человѣческимъ судомъ, способнымъ добросовѣстно впасть въ ошибку, наравнѣ съ какою-нибудь судебною палатою. Подобное общественное настроеніе не можетъ считаться нормальнымъ, и если оно выгодно для Дрюмоновъ и Рошфоровъ, то оно представляетъ собою очень мало лестнаго для великой французской націи.

СТОЛѢТІЕ ГАЗЕТЫ „ALLGEMEINE ZEITUNG“.

(Письмо изъ Германіи.)

Въ періодической печати Германіи сохранилось до сихъ поръ нѣсколько изданій, происхожденіе которыхъ относится къ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка. Старѣйшая нѣмецкая газета „Frankfurter Journal“, основанная въ 1615 г., до сихъ поръ продолжаетъ свое, правда, очень скромное существованіе. Довольно распространенная въ Пруссіи и Саксоніи „Magdeburger Zeitung“ уже отпраздновала 250-лѣтній юбилей, а „Гамбургскому Корреспонденту“ и „Фоссовой Газетѣ“ скоро минетъ два вѣка. Въ сравненіи съ ними „Всеобщая Газета“ въ Мюнхенѣ, болѣе извѣстная старшему поколѣнію читателей подъ именемъ „Аугсбургской“, еще совсѣмъ не древняя матрона, но славу свою она давно пережила, и очень многія молодыя конкуррентки успѣли затмить ее своею полнотой, быстротой, бойкостью, а иногда и безцеремонностью. Въ ея прошломъ, однако, столько славы и почета, сколько не выпадало ни на одну изъ ея сверстницъ и преемницъ: въ первой половинѣ нашего вѣка она была единственной нѣмецкой газетой, которую можно было поставить рядомъ съ „Times“ и „Journal des Débats“; съ ея мнѣніями считались въ европейскихъ кабинетахъ; ее можно было встрѣтить на столѣ образованныхъ людей всѣхъ странъ. Не даромъ къ столѣтней ея годовщинѣ, исполнившейся 1-го января нын. года, отнеслись какъ къ знаменательному явленію въ области германскаго просвѣщенія.

Читая исторію „Allgemeine Zeitung“, написанную для юбилея профессоромъ Гейкомъ [1]), вы возстановляете въ памяти исторію мысли и политическаго развитія Европы за цѣлое столѣтіе и въ особенности въ эпоху между господствомъ Наполеона I и объединеніемъ Германіи. Пробѣжавъ до конца и развернувъ въ приложеніи небольшой листокъ формата почтовой бумаги in 4°, составляющій точное воспроизведеніе перваго нумера „Neueste Weltkunde“ (такъ до переселенія своего изъ Тюбингена въ Штутгартъ называлась „Allgemeine Zeitung“), читатель невольно улыбается, сравнивая этого пигмея съ современными гиган-

---

[1]) Die „Allgemeine Zeitung“ 1798—1898. „Beiträge zur Geschichte der deutschen Presse“, von Ed. Heyck. München, 1898 (IV+352 стр.).

тами-газетами: — такъ вотъ этотъ знаменитый органъ, который составлялъ гордость швабовъ, и издателю котораго льстили короли и министры? Дѣйствительно, подумаешь: какъ велики успѣхи XIX-го вѣка! Но всмотритесь ближе въ содержаніе этого маленькаго листка, и вы будете поражены, какимъ прекраснымъ языкомъ тогда писали о событіяхъ окружающей жизни, какъ они являлись освѣщенными философскою мыслью и сознаніемъ значенія переживаемой эпохи. Внѣшній видъ Европы и практическія знанія несомнѣнно создали пропасть между жизнью конца прошлаго и нынѣшняго вѣка; но въ области мысли и нравственныхъ чувствъ первые писатели „Allgemeine" могутъ не бояться сравненія съ своими потомками. Считаю не лишнимъ привести здѣсь программу новаго изданія, подписанную редакторомъ Поссельтомъ и основателемъ газеты извѣстнымъ книгопродавцемъ Коттою, составившимъ себѣ имя изданіемъ сочиненій Гёте, Шиллера, Уланда и другихъ замѣчательныхъ писателей.

„Истины, въ которыхъ убѣжденъ всякій, понимающій свое время",— читаемъ мы въ программѣ,—„слѣдующія: во-первыхъ, каждому мыслящему человѣку нужно знать окружающій его міръ; во-вторыхъ, этотъ интересъ съ начала существованія исторіи никогда не былъ такъ силенъ, какъ теперь, въ эпоху событій, столь чрезвычайныхъ, что мы можемъ только поражаться ихъ быстрымъ теченіемъ и едва предугадать ихъ развитіе; въ своихъ основаніяхъ и послѣдствіяхъ они столь знаменательны, что обнимаютъ всю судьбу человѣчества, нынѣшнюю и будущую. Періодическая печать, разсказывающая намъ, современникамъ, объ этихъ событіяхъ и обязанная сохранить ихъ для потомства, для котораго каждая характеристическая черта этой несравненной эпохи представитъ огромный интересъ, почти вся не соотвѣтствуетъ достоинству и значенію такого предмета. Дисгармонія между темой и отношеніемъ къ ней характеризуетъ не только нѣмецкія газеты, но и печать счастливой Англіи, гдѣ политическая публицистика издавна процвѣтала. Что же касается французской печати, то она почти исключительно вращается вокругъ оси неизмѣримо великихъ внутреннихъ событій и изрѣдка лишь удостоиваетъ вниманіемъ событія заграницей, и то лишь насколько они имѣютъ отношеніе къ внутреннимъ дѣламъ. Нужны нѣмецкое трудолюбіе и справедливость къ иностранцамъ, нѣмецкое уваженіе къ собственной публикѣ, соединенныя съ нѣкоторой дозой британскаго свободомыслія, чтобы на нашей почвѣ, которая, слава Богу, одинаково свободна отъ желѣзнаго бича деспотизма и почти еще болѣе ужаснаго бича демагогіи, могло возникнуть то, чего нѣтъ во всей остальной Европѣ: политическая газета, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отражалась бы вся истинная физіономія нашего времени, такъ полно, какъ будто

она принадлежитъ всему человѣчеству, съ такимъ подчиненіемъ великимъ принципамъ нравственности и гражданскаго порядка, какъ будто она вся разсчитана на потребности міра, полнаго броженія, такъ благородна въ языкѣ и столь безпристрастна, какъ будто она должна вліять еще и на потомство; что бы это было за пріобрѣтеніе для исторіи, еслибы, начиная со всемірно-историческаго 1789 года, существовала подобная газета, подобная текущая хроника. Лучше поздно, чѣмъ никогда"!

Объясняя дальше ближайшія свои задачи, редакція прибавляетъ, что газета будетъ по возможности полная и станетъ отмѣчать всѣ исторически важные факты. Такими, прибавляетъ она, не нужно считать только событія въ кабинетахъ, народныхъ сенатахъ или на поляхъ битвы: „Нерѣдко изобрѣтеніе, совсѣмъ тихо прокрадывающееся въ міръ, создаетъ въ немъ больше измѣненій, чѣмъ громъ двадцати сраженій. Эти столь важные *тихіе* факты доступны лишь людямъ съ опытомъ и историческимъ смысломъ". Обѣщая быть безпристрастной, газета прибавляетъ, что безпристрастія и истины отъ періодической литературы можно требовать лишь настолько, насколько это возможно при необходимости „схватывать предметы въ первый моментъ ихъ происхожденія".

Къ заявленію редакціи, и теперь еще неизмѣримо высоко стоящему, по содержанію и языку, надъ обычнымъ уровнемъ profession de foi газетныхъ предпринимателей конца XIX-го вѣка, издатель Котта прибавляетъ отъ себя рядъ обѣщаній, дѣйствительно характерныхъ для своего времени. Такъ, онъ обѣщаетъ публикѣ, что, въ случаѣ болѣзни редактора, газета не будетъ пріостанавливаться, потому что въ редакціи, кромѣ редактора, будутъ еще и другіе сотрудники; газета печатается на хорошей бумагѣ и красивымъ шрифтомъ; подписчикъ, подписавшійся на три мѣсяца за 4 гульдена и 30 крейцеровъ, этимъ освобождается отъ всякихъ дальнѣйшихъ обязательствъ. Издателемъ приняты мѣры къ исправному доставленію газеты эстафетами на почтовую станцію и т. п.

Задумавъ изданіе газеты для образованной нѣмецкой публики, Котта остановилъ свой выборъ на Фридрихѣ Шиллерѣ, въ качествѣ ея редактора. Трудно было себѣ представить болѣе подходящаго руководителя, какъ великаго поэта, бывшаго въ то же время однимъ изъ самыхъ воодушевленныхъ провозвѣстниковъ идей освобожденія мысли. Шиллеръ въ 1792 г. еще мечталъ о переселеніи въ обновленную свободную Галлію, давшую ему право почетнаго гражданства. Однако въ то время, какъ Котта задумалъ свое изданіе, поэтъ, произведенія котораго воодушевляли всѣхъ свободныхъ людей, самъ переживалъ переломъ въ своемъ міросозерцаніи; въ немъ совершался, подъ

вліяніемъ казни Лудовика XVI, террора, отчасти, можетъ быть, и сближенія съ Гёте, поворотъ къ тому другому настроенію, которое, нѣсколько времени спустя, имъ выражено было въ словахъ:

In des Herzens heilig stille Räume
Musst du fliehen aus des Lebens Drang!
Freiheit ist nur in dem Reich der Träume
Und das Schöne blüht nur im Gesang.

Согласившись сначала на предложеніе Котты и заключивъ съ нимъ даже контрактъ, Шиллеръ еще до исполненія предпріятія заявилъ, что роль журналиста, редактора ежедневной газеты—ему противна. Несмотря на всѣ предложенія Котты, онъ отказывается и отъ сотрудничества въ газетѣ, даже послѣ того, какъ самъ Гёте отъ поры до времени сталъ удостоивать „Neueste Weltkunde" своими статьями. Такъ, въ нумерахъ отъ 1798—1802 гг. новая газета привела цѣлый рядъ его театральныхъ корреспонденцій изъ Веймара, отзывы Гёте о „Валленштейнѣ", „Пикколомини", статью о Фихте, о собственныхъ „Пропилеяхъ". Шиллеръ изумлялся и писалъ Коттѣ: „Живое участіе Гёте къ „A. Z." должно васъ радовать: такой чести не удостаивалась отъ него еще ни одна газета". Издатель благодарилъ и выражалъ надежду, что и Шиллеръ „почтитъ своими приношеніями его институтъ". Желаніе Котты наконецъ осуществилось, и 22-го сент. 1803 г. „Allgemeine" могла помѣстить слѣдующее произведеніе великаго поэта: „Въ высочайшемъ присутствіи королевско-шведскихъ величествъ въ Веймарѣ поставлена была пьеса „Валленштейнъ", и авторъ этого произведенія, равно какъ и „Исторіи тридцатилѣтней войны", получилъ въ даръ отъ его величества драгоцѣнный перстень". „Это"—саркастически замѣчаетъ историкъ газеты—„единственный достовѣрный вкладъ Шиллера въ газету, руководителемъ которой онъ долженъ былъ стать"...

Первымъ редакторомъ „Weltkunde" сталъ докторъ Эрнстъ Людвигъ Поссельтъ (Posselt), имя несравненно болѣе скромное, но это талантливый публицистъ и въ свое время не мало извѣстный писатель, обладавшій очень широкими свѣдѣніями въ исторіи и философіи. Подобно жирондистамъ, это былъ страстный поклонникъ классической древности, которая открыла ему идеалъ гражданскаго порядка. Его „Исторія нѣмцевъ для всѣхъ сословій" и „Карманная книжка новѣйшей исторіи", принадлежавшія къ популярнѣйшимъ книгамъ конца XVIII вѣка, свидѣтельствуютъ объ огромномъ вліяніи идей французской революціи на все образованное нѣмецкое общество. Въ томъ же духѣ Поссельтъ редактировалъ и новую газету, которая подъ его руководствомъ скорѣе напоминала журналъ, разбитый на мелкія части, чѣмъ газету въ современномъ смыслѣ. Статьи историческаго, философскаго

и эстетическаго содержанія растягивались на цѣлый рядъ нумеровъ, и рядомъ съ ними помѣщались коротенькія извѣстія, доставлявшіяся, однако, редакціи дипломатами и компетентнѣйшими сотрудниками, изъ центровъ тогдашней политической жизни. Болѣе подробныя политическія статьи почти исключительно относились къ Франціи, которая долго еще оставалась въ глазахъ „Allgemeine“ центромъ европейской мысли и общественной жизни. При Наполеонѣ I газета неоднократно, то подчиняясь необходимости, то желая упрочить свою роль руководящаго òргана Германіи, принимала оффиціозный характеръ. Извѣстія и комментаріи „Gazette Universelle“ перепечатывались затѣмъ въ „Moniteur'“ѣ, и подносились французской публикѣ, какъ выраженіе мнѣнія нѣмцевъ о великомъ императорѣ. Въ этихъ отзывахъ была большая доля низкопоклонства. Проф. Гейкъ, однако, совершенно вѣрно проситъ вспомнить, какъ относилась вся Германія къ корсиканскому завоевателю, когда онъ совершалъ свой въѣздъ въ покоренную страну: города воздвигали тріумфальныя арки, дѣвицы въ бѣлыхъ платьяхъ привѣтствовали стихами, коронованныя особы холопствовали и пресмыкались. Въ сравненіи съ этими признаками униженія, языкъ „Allgemeine“ еще можно назвать не лишеннымъ чувства собственнаго достоинства. Превознося военные тріумфы Наполеона, газета не переставала видѣть въ немъ сына революціи и носителя идей, при всей ихъ деспотической окраскѣ, казавшихся еще прогрессивными для тогдашней Германіи.

При основаніи газеты цензурный гнетъ былъ менѣе замѣтенъ, и если не было и рѣчи о свободѣ печати, то господствовала широкая терпимость ко всему, что̀ не задѣвало ближайшихъ интересовъ маленькихъ дворовъ и маленькихъ странъ, враждовавшихъ другъ съ другомъ. Въ Штутгартѣ или Мюнхенѣ осторожный журналистъ тщательно избѣгалъ касаться особы вюртембергскаго владѣтельнаго лица, или безпорядковъ въ баварскомъ управленіи, но онъ могъ критиковать прусскіе порядки и восхвалять свободныя учрежденія Франціи или Англіи. Газета, какъ „Allgemeine Zeitung“, обращавшаяся къ верхнимъ слоямъ общества, мало обращала вниманія на мѣстную жизнь, потому что образованные нѣмцы сто лѣтъ тому назадъ, особенно на югѣ Германіи, больше интересовались тѣмъ, что̀ происходило въ Вѣнѣ и Парижѣ, чѣмъ въ ихъ тѣсной родинѣ. Однако, уже съ первыхъ шаговъ, Коттѣ приходилось считаться съ жалобами и рекламаціями иностранныхъ державъ. Послѣ появленія статьи, представлявшей Францію и Россію крайними полюсами цивилизаціи, вюртембергское правительство получило запросъ изъ Вѣны и отъ нашего посла, похожій на предписаніе—„положить конецъ дерзкому поведенію газетчиковъ въ его герцогствѣ“. Герцогъ Фридрихъ, благоволившій къ Коттѣ и гор-

дившійся тѣмъ, что въ его предѣлахъ печатается органъ, на который уже стали обращать вниманіе во всей Европѣ, по возможности устранялъ крутыя мѣры. Газета, правда, вынуждена была перемѣнить редактора и переселиться въ Штутгартъ, но все оставалось по старому, пока не испортились личныя отношенія между монархомъ и издателемъ изъ-за нарушенія права представительства. „Allgemeine", подвергшись предостереженіямъ, пріостановленію на недѣлю (ничто не ново подъ луною,—и тѣ мѣры противъ печати, которыя теперь считаютъ оригинальной идеей Наполеона, какъ видно, практиковались задолго до него), затѣмъ вовсе была запрещена и вынуждена переселиться въ Баварію, сначала въ Ульмъ (1803 г.), а семь лѣтъ спустя —въ Аугсбургъ, гдѣ она оставалась до 1882 г., когда произошло ея переселеніе въ Мюнхенъ. Для общественныхъ условій того времени, какъ и для значенія, пріобрѣтеннаго газетой, очень характерно, что, кромѣ Баваріи, многія другія нѣмецкія правительства добивались чести привлечь на свою территорію запрещенную газету. Со времени переселенія въ Баварію начинается пора наибольшей близости между „Allgemeine Zeitung" и руководящими лицами европейской дипломатіи. Газета все больше становится силой, съ которой желаютъ жить въ ладахъ, и которая, въ свою очередь, больше соображается съ требованіями дипломатіи, нежели съ идеями справедливости и свободы. Она, какъ выражается Трейчке, „постоянно понимала искусство—казаться органомъ *всѣхъ*". Прусскій исторіографъ къ этому прибавляетъ, однако: „Но въ дѣйствительности она была органомъ *одного* (Меттерниха) въ Вѣнѣ"; впрочемъ, съ этимъ отзывомъ едва ли можно вполнѣ согласиться. По крайней мѣрѣ, на основаніи матеріала, представленнаго проф. Гейкомъ, получается впечатлѣніе, что и Котта, и въ особенности Кольбъ (Kolb), съ конца двадцатыхъ до начала 60-хъ г. редактировавшій „Allgemeine", умѣли соединять связи съ вершителемъ германскихъ судебъ въ эпоху 1815-48 гг., вмѣстѣ съ нѣкоторымъ чувствомъ собственнаго достоинства и литературной самостоятельностью. Въ перепискѣ съ Гентцемъ и въ бесѣдахъ съ Меттернихомъ руководители аугсбургской газеты отстаиваютъ всегда принципъ juste milieu, на которомъ зиждился успѣхъ ихъ изданія. Помѣщая статьи Гентца, они въ то же время воздерживаются отъ участія въ травлѣ „молодой Германіи" и не желаютъ, чтобы ихъ смѣшивали съ добровольцами, готовыми броситься на всякаго свободнаго писателя или политическаго дѣятеля. Это до того вошло въ традиціи газеты, что въ Вѣнѣ выражали неудовольствіе, когда она „позволяла себѣ больше, чѣмъ можно, терпѣть, въ виду ею разъ навсегда принятаго принципа — дать высказаться всѣмъ мнѣніямъ и всѣмъ оттѣнкамъ". Блунчли разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что въ 1842 г. Мет-

терниxъ, которому онъ жаловался, что „Allgemeine" стоитъ за радикальную партію въ Швейцаріи, отвѣтилъ: „мы приняли мѣры къ тому, чтобы она какъ можно меньше писала объ австрійскихъ дѣлахъ"... Это не свидѣтельствуетъ о гражданскомъ мужествѣ газеты, но молчать все-таки гораздо приличнѣе, чѣмъ прислуживаться и клеветать.

Изъ руководителей газеты, въ эпоху ея наибольшаго вліянія, прежде всего нужно назвать обоихъ Котта, отца и сына. Отецъ, Іоганнъ-Фридрихъ, положившій также основаніе славѣ книгопродавческой фирмы, обладалъ недюжиннымъ образованіемъ, воспитывался въ тюбингенскомъ университетѣ, жилъ въ Парижѣ наканунѣ революціи, стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ величайшимъ нѣмецкимъ писателямъ и къ руководящимъ политикамъ почти всей Европы. Дѣятельность его распространялась на самыя различныя области общественной и экономической жизни: этотъ книгопродавецъ былъ и образцовымъ сельскимъ хозяиномъ, первымъ въ Вюртембергѣ упразднившимъ въ своихъ имѣніяхъ всѣ слѣды крѣпостного права, и выдающимся политикомъ, которому южная Германія поручила переговоры съ Пруссіей о присоединеніи къ таможенному союзу. Онъ же горячо поддерживалъ Фридриха Листа въ его борьбѣ за желѣзныя дороги и развитіе промышленности. Оппортунистъ и дѣловой человѣкъ, старый Котта съумѣлъ внушить къ себѣ уваженіе руководителямъ дипломатіи, оставаясь самостоятельнымъ человѣкомъ и не давая себя ослѣплять лестью и почестями. „При дворахъ его встрѣчали съ почетомъ, министры называли его своимъ высокоуважаемымъ другомъ: все это Котта принималъ, какъ должное, не открещиваясь въ то же время отъ своихъ старыхъ отношеній революціонной эпохи". Другой типъ, его сынъ Георгъ, легитимистъ до мозга костей, съ развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства, принимавшаго, однако, характеръ сословнаго предразсудка, не книгопродавецъ, но баронъ, никогда не забывавшій, что монархи были его постоянными читателями, и возмущавшійся, если въ его газетѣ попадались идеи, которыя могли нарушить покой его высокихъ подписчиковъ. Въ особенности онъ былъ чувствителенъ къ тѣмъ изъ нихъ, которые не только читали его газету, но еще снабжали ее свѣдѣніями. Къ числу именитыхъ сотрудниковъ „Allgemeine" принадлежалъ, напр., Наполеонъ III: во многихъ нумерахъ газеты, отъ 1835-38 гг., помѣщены его корреспонденціи и статьи, написанныя въ Аренбергѣ. Котта оставался благодарнымъ своему бывшему сотруднику, когда тотъ сталъ императоромъ, и изъ-за этого между издателемъ и его редакціей неоднократно возникали столкновенія. Котта пишетъ Кольбу послѣ декабрьскаго переворота, когда въ газетѣ появились неодобрительныя для претендента статьи: „Одна революція должна создавать другую. Лучше, что онъ предупредилъ красныхъ, чѣмъ обратно. Ко-

нечно, все, что существуетъ, дожно быть измѣнено только законнымъ путемъ, но Наполеонъ долженъ былъ *такъ* поступить, иначе ему предстояла участь Лудовика XVI". Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, издатель возмущается, почему редакція называетъ Наполеона „Елисейцемъ". „Вы"—пишетъ онъ своему главному редактору, въ негодующемъ тонѣ —„очевидно выбрали Францію и Луи-Наполеона въ Prügelknaben нашей газеты. Если это ваше серьезное намѣреніе, то я долженъ буду попросить зачеркнуть мое имя въ качествѣ издателя... Не раздражайте Лудовика-Наполеона, который насъ ежедневно читаетъ". Тѣмъ не менѣе, деспотизмъ издателя еще не доходилъ тогда до тѣхъ ужасающихъ размѣровъ, какъ въ иныхъ современныхъ изданіяхъ, въ которыхъ редакторы дѣйствительно только „чернильные кули" одного или многихъ капиталистовъ. Котта-младшій не скрываетъ, напр., своихъ антисемитическихъ взглядовъ, а его редакторы защищаютъ въ газетѣ равноправность евреевъ. Онъ—феодалъ по убѣжденію и сторонникъ привилегій дворянства, но въ „Allgemeine" очень часто появляются статьи, называющія эти взгляды предразсудками, и помѣщаются письма Генриха Гейне изъ Парижа.

Трудно представить себѣ большій контрастъ, какъ такой парижскій корреспондентъ и его издатель. Да и со стороны редакціи органа, какъ „Allgemeine Zeitung", чопорнаго и стремившагося никого не задѣвать, нужно было не мало смѣлости, чтобы помѣщать сатиры Гейне, находясь подъ постояннымъ надзоромъ Меттерниха и его слугъ. Гейкъ очень вѣрно замѣчаетъ, что „опасность" состояла не въ томъ, чтобы отъ поэта можно было ожидать систематическаго міровоззрѣнія, ужаснаго въ глазахъ благородныхъ читателей газеты: Гейне, какъ корреспондентъ, оставался человѣкомъ минутнаго настроенія,—сегодня онъ восхищался евангеліемъ свободы, а завтра онъ могъ своимъ убійственнымъ сарказмомъ обрушиться на либеральную оппозицію. Однако, эта капризная манера давала возможность говорить вещи очень рискованныя, и даже когда онъ никого не бранилъ. Хуже всякой брани было для высокихъ нѣмцевъ и баварскаго двора въ особенности восхваленіе гражданской монархіи и монарха „ohne Hofetikette, ohne Edelknaben, ohne Kurtisanen", или культъ великаго Наполеона, „побѣжденнаго глупцами". Въ Вѣнѣ и Берлинѣ участіе Гейне въ газетѣ не прошло незамѣченнымъ: Меттернихъ старался оказать давленіе на издателя. Коттѣ писали, что нельзя допустить, чтобы столь вредный и дерзкій писатель открыто выступалъ съ корреспонденціями въ „Allg. Z.". „Но"—прибавляетъ Гейкъ—„гдѣ та цензура, которая можетъ его стѣснить, и гдѣ тотъ читатель, который могъ бы читать его, не испытывая при этомъ наслажденія"? Однако, послѣ извѣстныхъ союзныхъ постановленій 1831 года, Гейне пришлось надолго прекратить ра-

боту. Только восемь лѣтъ спустя, парижскія корреспонденціи Гейне возобновились, хотя поэтъ жалуется, что редакція еще больше стѣсняетъ и урѣзываетъ его письма, чѣмъ прежде:

„Verstümmelt hat Kolb sie abgedruckt
In der Allgemeinen Zeitung"...

Послѣ 1848 года дѣятельность Гейне въ газетѣ прекращается: на тѣхъ же столбцахъ, на которыхъ появлялись раньше его остроумныя письма, печатается корреспонденція изъ Парижа, разоблачающая отношенія Гейне къ министерству Гизо. Поэтъ съ своего скорбнаго ложа негодуетъ, оправдывается и осыпаетъ своимъ сарказмомъ редакцію, пытавшуюся его извинить тѣмъ, что Франція платила Гейне „не за то, что онъ писалъ, а за то, что онъ замалчивалъ". Тѣмъ не менѣе, незадолго до смерти, Гейне (въ примѣчаніи къ Лютеціи X, отъ мая 1854 г.) такъ характеризуетъ свои отношенія къ „Allgemeine Zeitung": „Политическій писатель долженъ дѣлать грубой дѣйствительности уступки ради самаго дѣла, которое онъ защищаетъ. Нѣтъ недостатка въ малыхъ листкахъ, въ которыхъ мы могли бы высказать все наше сердце, со всѣмъ его пламенемъ гнѣва, но эти листки имѣютъ слишкомъ ничтожную и слишкомъ невліятельную публику. Мы поступаемъ гораздо умнѣе, умѣряя свою страсть и высказываясь въ трезвыхъ словахъ,—чтобы не сказать: въ маскѣ, — на столбцахъ газеты, которую по праву называютъ „Всеобщей газетой міра" и которая поучаетъ сотни тысячъ читателей во всѣхъ частяхъ свѣта. Слово, урѣзанное и даже искалѣченное, можетъ здѣсь оказать большое вліяніе... Если бы меня не одушевляли такія намѣренія, то я, конечно, уже не подвергалъ бы себя пыткѣ—писать для Allgemeine". Кольба Гейне называетъ „дорогимъ другомъ юности и товарищемъ по оружію, болѣе 28 лѣтъ стоящимъ во главѣ редакціи, въ честности и благородствѣ котораго онъ всегда былъ безусловно убѣжденъ", и когда письма поэта подвергались сокращеніямъ и передѣлкамъ, онъ не сердился, потому что „въ честныхъ глазахъ друга-редактора онъ какъ будто читалъ отвѣтъ:—развѣ я самъ лежу на розахъ? И этого честнаго бойца нѣмецкой печати,—продолжаетъ Гейне,—который уже въ юности за свои либеральныя убѣжденія терпѣлъ нужду и заключеніе, человѣка, столько сдѣлавшаго для распространенія общеполезныхъ знаній, т.-е. лучшаго средства къ эмансипаціи,—прокричали прислужникомъ, лакеемъ, и „Всеобщей Газетѣ" чернь радикализма дала позорное прозвище „всеобщей блудницы"!

Подобно Гейне, разсуждали очень многіе другіе выдающіеся сотрудники и читатели, не одобрявшіе въ отдѣльности политической тактики газеты, возмущавшіеся иногда слишкомъ почтительнымъ ея отношеніемъ къ предержащимъ властямъ, но цѣнившіе въ ней мо-

гучее орудіе какъ популяризаціи знанія и литературнаго вкуса, такъ и широкаго политическаго образованія. Тяготѣніе ея къ Австріи, выраженная въ приличныхъ формахъ, но несомнѣнная, прирожденная каждому швабу, нелюбовь къ Пруссіи, постепенно разорвали связь газеты съ вершителями германской политики, когда во главѣ послѣдней стало королевство Гогенцоллерновъ; но культурное свое значеніе газета сохраняла еще очень долго послѣ паденія ея политическаго вліянія. Этимъ она прежде всего обязана превосходно редактируемому „Приложенію" къ газетѣ, съ 30-хъ годовъ ежедневно выходящему при каждомъ нумерѣ и ставшему органомъ почти всей нѣмецкой науки и литературы. Ни одно крупное явленіе въ мірѣ мысли не проходило неотмѣченнымъ въ „Beilage"; рѣдкій ученый и литераторъ, составившій себѣ имя, не состоялъ ея сотрудникомъ. Въ послѣдніе годы, когда съ переселеніемъ въ Мюнхенъ и переходомъ изданія въ собственность акціонерной компаніи, „Allgemeine Zeitung" совершенно потеряла свое исключительное положеніе въ періодической печати Германіи, ставъ обычной національ-либеральной газетой и лейбъ-органомъ Бисмарка, только ея „Beilage" еще напоминаетъ о томъ „героическомъ" періодѣ этого органа, когда онъ могъ называться по праву „всемірнымъ".

Распространеніе газеты, однако, и въ самую блестящую ея пору никогда не могло сравниться съ успѣхомъ многихъ бойкихъ листковъ нашего времени. Въ началѣ вѣка, Котта, при 1.800 подписчикахъ, уже видѣлъ въ такомъ „успѣхѣ импульсъ къ дальнѣйшему усовершенствованію своего института". Въ бурный 1848-й годъ „Allgemeine" достигла своего апогея въ смыслѣ сбыта—11.155 подписчиковъ, но съ слѣдующаго года подписка падаетъ и понижается съ 1851 г. до 7.000. Едва ли и теперь газета болѣе распространена, чѣмъ въ началѣ 50-хъ годовъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи она раздѣляетъ участь многихъ очень извѣстныхъ за предѣлами Германіи изданій, какъ „National-Zeitung", „Kreuzzeitung", „Germania" и другія, подписка которыхъ не достигаетъ и десятой доли какого-нибудь „Local-Anzeiger'a", печатающагося въ 200.000 экземпляровъ, но не претендующаго ни на какіе слѣды въ исторіи мысли. Если Гейне говорилъ о „сотняхъ тысячахъ" читателей своихъ писемъ, то это, очевидно, поэтическая вольность; но поэтъ совершенно былъ правъ, когда писалъ, что „Всеобщая" *„поучаетъ"* своихъ читателей. Въ этомъ заключается ея историческая заслуга и право на вниманіе къ ея прошлому.

Берлинъ, 12 января. Г. Б.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1898.

— Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Съ 450 иллюстраціями. Томъ третій. Спб. 1897.

Третій томъ замѣчательнаго труда Н. К. Шильдера принялъ очень большіе размѣры. Эта огромная книга, по обычаю съ массою рисунковъ, съ обширными примѣчаніями и приложеніями. Въ одиннадцати главахъ излагается исторія императора Александра съ 1810 года до окончанія Наполеоновскихъ войнъ и до обнародованія акта Священнаго союза. Книга отличается тѣми же достоинствами, какія мы указывали въ первыхъ двухъ томахъ: живой разсказъ, постоянно сопровождаемый подлинными подробностями изъ современныхъ записокъ и документовъ и также прекрасными иллюстраціями и портретами изъ рисунковъ того времени, переноситъ читателя въ эпоху, столь богатую драматическими моментами. Большая часть описываемаго времени занята была Наполеоновскими войнами: авторъ благоразумно воздержался отъ подробнаго описанія военныхъ дѣйствій, обыкновенно утомительнаго для читателя, и останавливался только на тѣхъ, которыя были главными и характерными пунктами войны; онъ могъ сдѣлать это тѣмъ болѣе, что эти военныя дѣйствія были уже неоднократно и подробно описываемы. Подобный выборъ онъ дѣлаетъ и въ событіяхъ внутренней исторіи; но зато обыкновенно старается опредѣлять внутреннюю исторію самого героя этой исторіи. Книга г. Шильдера является въ этомъ отношеніи первымъ внимательнымъ и безпристрастнымъ опытомъ психологическаго опредѣленія этого сложнаго характера, исполненнаго разнородными, даже противорѣчивыми движеніями и ускользавшаго отъ точной оцѣнки. При всей обширности своего труда, — гдѣ впрочемъ значительная доля книгъ должна была быть отведена для объяснительныхъ примѣчаній, указаній литературы и приложеній, совершенно необходимыхъ, — авторъ не могъ со всею

подробностью остановиться на многихъ эпизодахъ царствованія: для нихъ предстоитъ, конечно, монографическое изслѣдованіе,—но и здѣсь авторъ успѣлъ сообщить не мало любопытнѣйшихъ подробностей. Таково, напримѣръ, дѣло о ссылкѣ Сперанскаго. Сущность событія въ свое время была такъ искусно скрыта, даже отъ ближайшихъ современниковъ факта, что объяснить его было чрезвычайно трудно: самъ императоръ Александръ говорилъ послѣ о немъ очень уклончиво; Сперанскій во всю свою жизнь никогда потомъ не говорилъ о своемъ послѣднемъ разговорѣ съ императоромъ. Нашъ историкъ, внимательно изслѣдовавшій всѣ уцѣлѣвшія подробности дѣла, сохраненныя современниками, приходитъ къ новымъ, кажется совершенно достовѣрнымъ заключеніямъ. Историки говорили, обыкновенно, о заговорѣ, составленномъ противъ Сперанскаго его врагами въ кругу высшей аристократіи и администраціи, говорили о доносахъ, о всеобщемъ' ропотѣ противъ Сперанскаго, объ обвиненіяхъ въ измѣнѣ, даже о личныхъ неудовольствіяхъ императора, до котораго доходили неблагоразумныя рѣчи о немъ Сперанскаго; но, по мнѣнію автора, все это еще не объясняетъ того, какъ совершилось самое дѣло...

Противъ Сперанскаго возстало тогда все; между прочимъ возсталъ противъ него Карамзинъ въ „Запискѣ о древней и новой Россіи“. Нашъ авторъ такъ опредѣляетъ двѣ точки зрѣнія, какихъ держались эти два столь разнохарактерныхъ человѣка.

„Сперанскій и Карамзинъ стояли на противоположныхъ политическихъ полюсахъ. Сущность политическаго міросозерцанія Сперанскаго заключалась въ слѣдующемъ: люди ничего не значатъ въ исторической жизни народовъ; дѣйствующая, движущая сила — учрежденія. При правильномъ законномъ порядкѣ люди будутъ хорошо вести себя; хорошіе же люди, вращаясь въ дурномъ порядкѣ, будутъ дурны. Порядокъ, а не люди—вотъ что̀ дѣйствуетъ въ исторіи.

„Карамзинъ же защищалъ противоположный взглядъ: порядокъ учрежденій ничего не значитъ, все зависитъ отъ людей; хороши люди, они установятъ хорошій порядокъ; дурные люди испортятъ хорошій порядокъ.

„По плану Сперанскаго, чтобы сдѣлать людей хорошими, надо заставить ихъ вращаться въ хорошемъ порядкѣ. Планъ Карамзина иной: не нужно новыхъ порядковъ, нужно сначала сдѣлать новыхъ людей. „Не нужны намъ конституціи“, писалъ Карамзинъ, „дайте намъ 50 умныхъ и добродѣтельныхъ губернаторовъ, и все пойдетъ хорошо“.

„Карамзинъ, увлеченный народною молвою, устрашенный нововведеніями и не зная вполнѣ всѣхъ задуманныхъ преобразованій, открыто заявилъ себя сторонникомъ прежнихъ порядковъ и врагомъ реформы. Смиренный труженикъ, оставивъ на время свою исторію, выступилъ

дѣятелемъ на политическомъ поприщѣ, не подозрѣвая въ правотѣ своего сердца, какъ пишетъ Погодинъ, что онъ работаетъ для иной цѣли, менѣе высокой, чѣмъ какую предполагалъ онъ" (стр. 34).

Императоръ Александръ, конечно, не вѣрилъ въ „измѣну" Сперанскаго; но въ разговорѣ (16 марта 1812) съ извѣстнымъ Парротомъ, который пользовался его особеннымъ довѣріемъ, наканунѣ послѣдней аудіэнціи Сперанскому, императоръ говорилъ, однако, что имѣетъ доказательства его измѣны, и сказалъ Парроту: „Я рѣшился завтра же разстрѣлять его и, желая знать ваше мнѣніе по поводу этого, пригласилъ васъ къ себѣ" (стр. 39). Парротъ отвѣтилъ императору, что онъ находится въ возбужденномъ состояніи и что самъ онъ нуждается въ нѣсколькихъ часахъ времени, чтобы дать ему разумный отвѣтъ. Онъ послалъ этотъ разумный отвѣтъ на другой день вечеромъ (17-го марта), отклоняя императора отъ суроваго рѣшенія, которое, притомъ, было бы несправедливо безъ законнаго суда. Императоръ получилъ письмо Паррота утромъ на другой день (18-го марта); императоръ поблагодарилъ его за письмо запиской и прибавилъ, что читалъ его „avec émotion et sensibilité". Парротъ въ тотъ день (18-го марта), уѣзжая въ Дерптъ, воображалъ, что ему удалось спасти Сперанскаго отъ смертной казни. Но въ дѣйствительности судьба Сперанскаго была рѣшена еще наканунѣ: 17-го марта вечеромъ произошла та послѣдняя аудіэнція, вслѣдствіе которой въ ту же ночь Сперанскій былъ отправленъ въ ссылку... Въ примѣчаніи къ этому разсказу авторъ говоритъ: „Въ перепискѣ де-Санглена съ М. П. Погодинымъ („Русскій Архивъ", 1871 г.) встрѣчается слѣдующій любопытный отзывъ императора Александра о Парротѣ: „Эти ученые все видятъ косо, и въ цѣль не попадаютъ, и съ жизнію мало знакомы, хотя онъ человѣкъ свѣтскій". Погодинъ, со своей стороны, прибавляетъ: „Парротъ приведенъ былъ въ заблужденіе, какъ всѣ". Историкъ нашъ, когда онъ писалъ эти строки, и не подозрѣвалъ, во всемъ объемѣ, какую онъ изрекъ великую истину, такъ какъ ему совершенно не была извѣстна преднамѣренная комедія, разыгранная 16-го марта главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой по-истинѣ шекспировской драмы изъ новѣйшей русской исторіи".

Мы говорили уже раньше о томъ, какой богатый матеріалъ былъ собранъ авторомъ для своего труда. Онъ внимательно воспользовался литературой русской и иностранной; онъ видимо не любитъ излишества цитатъ, но указываетъ существенное и характерное, а главное, сообщаетъ множество любопытнаго и совершенно новаго изъ матеріаловъ мало доступныхъ—изъ документовъ государственнаго архива, военно-ученаго архива, изъ частныхъ неизданныхъ записокъ. Въ приложеніяхъ помѣщено опять множество любопытныхъ документовъ, на-

примѣръ: проектъ учрежденія правительствующаго сената, представленный Сперанскимъ въ 1811 году; проектъ учрежденія судебнаго сената; записка о взаимномъ положеніи Франціи и сѣверныхъ державъ въ началѣ 1810 года, представленная Наполеону 16-го марта 1810 года—изъ перехваченныхъ бумагъ, въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; бумаги изъ переписки императора Александра съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ (Бернадотомъ), королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, съ Наполеономъ, барономъ Штейномъ и проч.; письма Паррота къ императорамъ Александру и Николаю; письма императрицы Елизаветы Алексѣевны; извѣстное пермское письмо Сперанскаго, въ первый разъ напечатанное по самому подлиннику, который послѣ долгихъ поисковъ найденъ былъ г. Шильдеромъ въ бумагахъ Аракчеева, и оправдательная записка Сперанскаго на французскомъ языкѣ; любопытные матеріалы по Вѣнскому конгрессу и т. д.

— Сочиненія Н. С. Тихонравова. Томъ третій, часть первая. Русская литература XVIII и XIX в. М. 1898. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.

Настоящимъ обширнымъ томомъ (602 и 95 стр.) открывается изданіе сочиненій Тихонравова, которое, безъ сомнѣнія, принято будетъ съ величайшимъ интересомъ всѣми спеціалистами и любителями исторіи русской литературы. Въ свое время въ „Вѣстникѣ Европы" было подробно говорено объ историко-литературной дѣятельности Тихонравова, въ которой сказалось съ пятидесятыхъ годовъ новое направленіе въ изученіи исторіи русской литературы и которая очень много способствовала окончательному утвержденію этого направленія. На мѣсто чисто эстетической исторіи литературы, которая установлена была Бѣлинскимъ и въ свое время была великимъ пріобрѣтеніемъ нашей литературы, въ новомъ направленіи этихъ изслѣдованій устанавливалась другая точка зрѣнія, которая, не теряя вида художественныхъ сторонъ литературы, восполняла ее обширнымъ матеріаломъ, дававшимъ чрезвычайно любопытныя разъясненія внутреннихъ судебъ общественнаго развитія: множество явленій, ускользавшихъ отъ эстетической критики, имѣло въ этомъ послѣднемъ отношеніи важное историческое значеніе—особливо для тѣхъ временъ, когда въ литературѣ еще не бывали достаточно выработаны самыя средства художественнаго творчества, какъ въ XVIII вѣкѣ. Была и другая великая заслуга новаго направленія. Критика временъ Бѣлинскаго знала и объясняла только исторію литературы новѣйшей: письменность до-Петровская, притомъ въ то время очень мало приведен-

ная въ извѣстность, казалась только эпохою младенчества, съ ограниченнымъ кругомъ зрѣнія, съ наивнымъ міровоззрѣніемъ, съ элементарными пріемами художественнаго творчества, почти единственнымъ примѣромъ котораго было „Слово о полку Игоревѣ"; такимъ же элементарнымъ представлялось творчество народной поэзіи, которая казалась только стихійнымъ матеріаломъ для будущаго развитія. Эстетическая критика и исторія только очень рѣдко касались и этой письменной старины, и народной поэзіи. Новое направленіе ставило вопросъ совершенно иначе. Забытая старая письменность, народная поэзія въ теченіе многихъ вѣковъ были произведеніемъ и духовной пищей великаго народа, и ихъ исторія требовала вниманія потому уже, что въ эти вѣка образовалось національное содержаніе, которое заключало въ себѣ задатки позднѣйшаго развитія: нужно было войти въ эту жизнь, изслѣдовать ея сохранившіеся памятники, чтобы сознательно представить себѣ тѣ пути, какими это національное содержаніе было выработано. Русскому народу въ его прошедшей исторіи привелось переживать совсѣмъ исключительныя условія, выносить исключительно тяжелыя испытанія, и изученіе старыхъ забытыхъ памятниковъ одно давало возможность выяснить тѣ внутренніе процессы, которыми спасено было самое національное бытіе и пріобрѣтена возможность общечеловѣческаго развитія. Изслѣдованіе русской древности и русской народности пріобрѣтало, съ другой стороны, новый интересъ въ связи вопросовъ, поставленныхъ въ западной наукѣ: ставились вопросы о цѣломъ народно-поэтическомъ развитіи, и въ связи съ ними предпринимались изученія глубокой миѳологической древности, средневѣковой письменной старины, современнаго народнаго преданія,— потому что въ нихъ видѣлась самая основа народной психологіи, задатки нравственнаго и поэтическаго міровоззрѣнія, глубокій источникъ того, что̀ развивалось въ послѣдующей исторіи; въ международныхъ отношеніяхъ оказывались не замѣченныя раньше точки соприкосновенія, говорившія или о до-историческомъ единствѣ, какъ оно сказывалось, напримѣръ, въ родствѣ самыхъ языковъ индо-европейскаго корня, или о позднѣйшемъ общеніи. Когда эта точка зрѣнія примѣнена была и къ русской древности, изслѣдованіе уже вскорѣ принесло любопытные и часто неожиданные результаты.

Таковы, въ общихъ чертахъ, были мотивы, которые повели къ новой постановкѣ историко-литературныхъ изученій. Дѣятельность Тихонравова была подготовлена многими, уже раньше образовавшимися теченіями нашей науки. Давно было начато, хотя медленно двигалось, изученіе древней русской письменности, и здѣсь были нѣкогда сдѣланы важныя открытія Калайдовича и Востокова; Тихонравовъ считалъ большой заслугой въ этомъ направленіи труды своего про-

фессора, Шевырева, который впервые предпринялъ исторію древней русской словесности (хотя онъ и понималъ ее слишкомъ односторонне). Изслѣдованія о языкѣ и народно-поэтической древности, именно въ томъ духѣ, какъ онѣ велись тогда въ нѣмецкой наукѣ, начаты были другимъ его профессоромъ, Буслаевымъ, который уже въ первые годы своей дѣятельности далъ нѣсколько блестящихъ опытовъ новаго толкованія русской старины, которые Тихонравовъ слышалъ отъ него еще съ каѳедры. Раньше начаты были славянскія изученія, при которыхъ опять открывались важныя историческія указанія для русской древности... Но всею этою школой Тихонравовъ воспользовался съ большою самостоятельностью и оригинальностью. Поставивъ своей задачей цѣльное изученіе исторіи русской литературы и вызываемый къ этому также требованіями занятой имъ уже вскорѣ каѳедры, Тихонравовъ не специализировался на какомъ-либо одномъ періодѣ литературной исторіи. Его работы направлялись на самые разнообразные вопросы литературы древней и новой, и особенность его трудовъ составило вообще чрезвычайно внимательное изученіе литературныхъ явленій, къ которымъ онъ приступалъ съ одинаково-строгими пріемами критики, былъ ли это памятникъ XIV вѣка, или писаніе XVIII столѣтія. Въ общемъ счетѣ его гораздо болѣе привлекали, однако, времена древней русской письменности, именно потому, что это были времена наименѣе изученныя. Русская археографія до тѣхъ поръ занята была опредѣленіемъ инвентаря древней письменности: внимательно изучались и издавались только лѣтописи и акты, какъ матеріалы первой необходимости для изученія исторіи; остальные памятники почти не удостоивались вниманія,—между тѣмъ уже изслѣдованія Буслаева указали, сколько любопытнаго можно найти въ этихъ пренебреженныхъ памятникахъ для исторіи народнаго преданія и быта. Тихонравовъ съ первыхъ лѣтъ своей научной дѣятельности сталъ собирателемъ и вскорѣ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ древней письменности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рано увлекся также изученіемъ новѣйшей литературы. Едва оставивъ университетскую скамью, онъ былъ привлеченъ Шевыревымъ къ сотрудничеству при составленіи Біографическаго словаря профессоровъ московскаго университета къ столѣтнему юбилею университета въ 1855 году. Тихонравовъ составилъ нѣсколько біографій профессоровъ XVIII вѣка; принялъ также участіе въ другой предпринятой тогда работѣ, именно въ словарѣ питомцевъ московскаго университета, и написалъ для этого словаря замѣчательную біографію Новикова,—но это предпріятіе не было доведено до конца, и біографія Новикова, уже отпечатанная въ составѣ словаря, не была послѣ переиздана Тихонравовымъ; нако-

нецъ, онъ былъ уже теперь опытнымъ сотрудникомъ, къ которому Шевыревъ обращался за библіографическими справками.

Такимъ образомъ, работы Тихонравова направлялись одинаково на древнюю и новѣйшую литературу и вскорѣ стали пріобрѣтать авторитетное значеніе по своей точности, новости и разнообразію. Самъ онъ только однажды думалъ о собраніи своихъ трудовъ—въ то же время, когда онъ приготовлялъ изданіе русскихъ драматическихъ произведеній конца XVII и начала XVIII столѣтія. Но онъ всегда отличался въ своихъ изданіяхъ особою медлительностью: изданіе драматическихъ произведеній осталось не законченнымъ; собраніе его статей было едва начато печатаніемъ. Опять осталось едва начатымъ изданіе третьяго тома его собранія „Отреченныхъ книгъ". Повидимому, онъ совсѣмъ не думалъ собрать въ одно цѣлое и издать свои лекціи, которыя сохранились, и то, кажется, не сполна, въ литографированныхъ изданіяхъ его учениковъ... Тихонравовъ, безъ сомнѣнія, не думалъ печатать своихъ чтеній потому, что считалъ свои университетскіе курсы слишкомъ эпизодическими и требовавшими значительныхъ дополненій; но, изданныя даже въ ихъ необработанномъ видѣ, они, безъ сомнѣнія, принесли бы большую пользу и самому изслѣдованію, а также и преподаванію исторіи русской литературы, которое и до сихъ поръ оставляетъ многаго желать.

Предпринятое теперь изданіе сочиненій Тихонравова дастъ, наконецъ, и массѣ читателей возможность познакомиться съ изслѣдованіями Тихонравова, которыя до сихъ поръ были разсѣяны въ изданіяхъ, частію уже мало доступныхъ. Важныя для спеціалистовъ, эти изслѣдованія могутъ быть весьма интересны и поучительны и для всякаго образованнаго читателя, по богатству и разнообразію ихъ содержанія и по самой привлекательности изложенія.

Изданіе предположено въ трехъ томахъ. Первые два тома, еще не вышедшіе въ свѣтъ, заключаютъ изслѣдованія о старой литературѣ и одну обширную статью вводнаго характера; третій томъ заключаетъ статьи по литературѣ XVIII и XIX столѣтій. Третій томъ такъ, однако, разросся, что долженъ былъ быть раздѣленъ на двѣ части. Составъ этого тома указывается въ предисловіи слѣдующимъ образомъ. „Въ третьемъ томѣ сочиненій Тихонравова, согласно съ планомъ всего изданія, помѣщены изслѣдованія и статьи по исторіи русской литературы XVIII и XIX в., какъ напечатанныя самимъ Тихонравовымъ при жизни, такъ и найденныя въ подлинникахъ въ собраніи его рукописей. Пользованіе рукописями не только доставило возможность сдѣлать нѣкоторыя исправленія и дополненія въ печатныхъ статьяхъ Тихонравова, но и дало доселѣ ненапечатанныя статьи. Здѣсь прежде всего надо назвать статью о Жуковскомъ, которая представляетъ

много новаго, какъ въ общей оцѣнкѣ поэта, такъ и въ отдѣльныхъ подробностяхъ; она тѣмъ интереснѣе, что о Жуковскомъ Тихонравовъ самъ не напечаталъ ни одной статьи. Изъ рукописей также извлечены біографія Кострова и (во 2-й части III тома) статья „Гоголь и Пушкинъ", двѣ статьи о Гнѣдичѣ, а также студенческія работы Тихонравова—„Обзоръ переводовъ Гомера на русскій языкъ" и „О заимствованіяхъ русскихъ писателей". Кромѣ названныхъ статей, третій томъ впервые, можно сказать, знакомитъ читателей съ написанною Тихонравовымъ біографіей Новикова: интересная работа эта была отпечатана въ 1855 г. для книги „Біографическая лѣтопись питомцевъ московскаго университета", которая не была окончена и въ свѣтъ не выходила, а сохранилась въ очень немногихъ экземплярахъ, такъ что статья о Новиковѣ оставалась даже въ ученомъ мірѣ почти совсѣмъ неизвѣстною.

„По плану, составленному для третьяго тома, основной текстъ его состоитъ изъ наиболѣе крупныхъ и цѣльныхъ статей Тихонравова, имѣющихъ самостоятельное значеніе; работы болѣе мелкія, библіографическіе отзывы, статьи, найденныя въ рукописи въ неотдѣланномъ видѣ и въ небольшихъ отрывкахъ, наконецъ нѣкоторыя его студенческія работы рѣшено было отнести въ приложеніе".

Эти приложенія и дополненія составятъ вторую часть третьяго тома.

— Мои воспоминанія. Академика Ө. И. Буслаева. Съ портретомъ автора. Изданіе В. Г. фонъ-Бооля. М. 1897.

Въ библіографическомъ листкѣ январьской книги „Вѣстника Европы" было уже замѣчено, что въ этомъ изданіи „Мои воспоминанія" сохранены въ томъ видѣ, какъ онѣ были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы" въ 1890, 1891, 1892 годахъ. Что касается „Дополненій къ моимъ воспоминаніямъ", которыя авторъ диктовалъ въ послѣднее время своей жизни, издатель замѣчаетъ, что хотя четыре главы изъ этихъ дополненій были напечатаны при жизни автора въ „Починѣ" московскаго Общества любителей россійской словесности и въ „Вѣстникѣ Европы" 1896, январь, но здѣсь онѣ не повторены, чтобы не нарушать цѣльности „Записокъ"; притомъ издатель находилъ печатаніе дополненій въ ихъ полномъ видѣ пока еще неудобнымъ: если „Дополненія" явятся когда-нибудь въ свѣтъ, онѣ составятъ второй томъ воспоминаній.

Въ настоящей книгѣ „Воспоминаній" изложены: эпоха дѣтства автора и его школьное обученіе; дѣятельность автора въ эпоху цар-

ствованія императора Николая I; дѣятельность автора въ эпоху царствованія императора Александра II. Читателямъ „Вѣстника Европы", безъ сомнѣнія, памятны эти любопытные разсказы, гдѣ въ такихъ симпатичныхъ чертахъ отражается личность писателя и гдѣ собрано столько характерныхъ подробностей русскаго быта, старой университетской жизни, исторіи ученыхъ работъ автора, его заграничныхъ путешествій, его преподаванія покойному наслѣднику Николаю Александровичу и т. д. Живая простота разсказа наглядно рисуетъ передъ читателемъ эти картины прошедшаго быта, вмѣстѣ съ тѣмъ вводитъ читателя въ серьезные научные интересы, историческія воспоминанія, художественныя наблюденія, и нерѣдко одушевлена тѣмъ поэтическимъ настроеніемъ, которое сопровождало этого писателя и въ его ученыхъ работахъ, напримѣръ въ его замѣчательныхъ возсозданіяхъ нашей поэтической старины.

Приводимъ изъ предисловія издателя свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ жизни Ѳ. И. Буслаева.

Его ученыя занятія прекратились вмѣстѣ съ празднованіемъ его пятидесятилѣтняго юбилея въ 1888 году.

„Еще до своего юбилея Ѳ. И. сталъ замѣчать, что лѣвый глазъ его сталъ худо видѣть; призванный окулистъ нашелъ появленіе желтой воды. Несмотря на принятыя мѣры, вскорѣ и другой глазъ былъ пораженъ тѣмъ же недугомъ, и зрѣніе Ѳ. И. стало все болѣе и болѣе ухудшаться. Лѣтомъ 1888 г. Ѳ. И. еще самъ подготовлялъ новое изданіе своего учебника русской грамматики, дѣлая въ немъ дополненія и измѣненія. Это была послѣдняя его работа; въ теченіе зимы зрѣніе его настолько ослабѣло, что ему было запрещено самому читать. Хотя онъ съ полной покорностью и съ христіанскимъ смиреніемъ перенесъ это тяжелое испытаніе, но уменьшеніе привычной самостоятельной умственной дѣятельности, видимо, вредно отозвалось на немъ: онъ сталъ замѣтно слабѣть. Одинъ изъ его друзей посовѣтовалъ ему заняться диктовкой своей біографіи и своихъ воспоминаній. Сначала Ѳ. И. не соглашался на это, говоря, что онъ не можетъ сообщить ничего интереснаго; однако, послѣ настояній и уговоровъ, согласился приняться за эту работу, а начавши ее, продолжалъ уже не только охотно, но даже съ увлеченіемъ. Трудъ этотъ наполнилъ его жизнь, и онъ опять повеселѣлъ и сталъ бодрѣе. Воспоминанія свои Ѳ. И. писалъ въ теченіе 1889, 1890 и 1891 годовъ; онѣ, какъ впрочемъ все, выходившее изъ-подъ его пера, оказались написанными талантливо и даютъ весьма важныя указанія для уясненія недавняго прошлаго русской литературы и исторіи московскаго университета.

„Съ осени 1892 г., когда „Воспоминанія" были окончены, друзья

Θ. И. были озабочены доставленіемъ ему новаго занятія. Было задумано описать собраніе его рукописей; предполагалось составить полный каталогъ этихъ рукописей, причемъ Θ. И. долженъ былъ указать время появленія каждой изъ нихъ, литературное и историческое значеніе ея и сдѣлать оцѣнку какъ самой рукописи, такъ и тѣхъ миніатюръ, которыя въ ней находятся. Работа эта до такой степени заинтересовала Θ. И., что онъ, постоянно думая о ней, находился въ возбужденномъ состояніи и, по словамъ его близкихъ, даже бредилъ о ней ночью. Чтобы не слишкомъ утомлять Θ. И., рѣшено было заниматься только по воскресеньямъ и праздникамъ отъ 12 до 4 часовъ. Въ первое же воскресенье всѣ рукописи были разобраны по отдѣламъ; въ понедѣльникъ и вторникъ Θ. И. сталъ разсматривать ихъ, но глаза его отъ напряженія стали быстро утомляться; отъ сознанія и огорченія, что онъ не въ состояніи заняться этой работой, у него разболѣлась голова, появился жаръ, и онъ слегъ въ постель. По всей вѣроятности это дало только толчокъ для развитія какой-то скрытой болѣзни его, такъ какъ онъ проболѣлъ всю зиму 1892-93 г., хотя самая болѣзнь и не была точно опредѣлена докторами. Во всякомъ случаѣ, пришлось отказаться отъ задуманной работы, и самъ Θ. И. во время болѣзни не разъ высказывалъ глубокое сожалѣніе о томъ, что онъ не можетъ исполнить столь интересный для него трудъ: „Если бы,—говорилъ онъ,—однимъ годомъ раньше надоумили меня взяться за него; теперь же глаза мои уже не могутъ болѣе смотрѣть: я почти слѣпъ".

„Только лѣтомъ 1893 г. Θ. И., живя на дачѣ Наживина (около Покровскаго), окончательно поправился.

„Гуляя лѣтомъ по парку, Θ. И. любилъ спутнику своему разсказывать изъ прошлаго своей жизни. Часть этихъ разсказовъ потомъ онъ помѣстилъ въ „Мои Воспоминанія", но очень многое не было внесено въ нихъ; поэтому одинъ изъ его друзей началъ самъ записывать его разсказы и однажды прочелъ ему его же разсказъ, прося позволенія, послѣ каждой бесѣды съ нимъ, записывать и потомъ прочитывать ему слышанное отъ него. Θ. И. не только согласился на это, но даже взялся самъ диктовать ему различныя событія, не вошедшія въ отпечатанныя уже „Мои Воспоминанія". Такимъ образомъ появилась интересная рукопись, которую самъ Θ. И. озаглавилъ: „Дополненія къ моимъ Воспоминаніямъ". Съ 24-го августа 1893 г. по 1-е марта 1896 г. Θ. И. аккуратно одинъ разъ, а когда могъ, то и два раза въ недѣлю диктовалъ „Дополненія" и довелъ ихъ до конца (рукопись заключаетъ въ себѣ 406 страницъ листового формата). Въ заключеніе „Дополненій" Θ. И. хотѣлъ еще продиктовать двѣ главы: одну педагогическаго, другую психологическаго содержанія, которыя,

по его словамъ, составили бы его profession de foi; но послѣ 1-го марта (на страстной недѣлѣ) онъ заболѣлъ инфлюэнцей и слегъ. Болѣзнь разомъ подкосила какъ физическія его силы, такъ и его память: онъ не могъ ходить и сталъ забывать самыя обыкновенныя событія. Лѣто онъ провелъ на дачѣ въ Люблинѣ, гдѣ хотя и поправился, но ни физическія силы, ни память его уже не возстановились. Вотъ почему, по возвращеніи въ городъ въ августѣ, онъ отказался диктовать выше упомянутыя двѣ главы; вмѣсто этого онъ думалъ привести въ порядокъ свои замѣтки о слогѣ Тургенева. Замѣтки эти Ѳ. И. составлялъ много лѣтъ, но онѣ были разбросаны на различныхъ клочкахъ бумаги и отчасти на поляхъ книгъ; эту-то работу Ѳ. И. хотѣлъ привести въ систему зимой 1896-97 г. Однако и эта работа оказалась ему не подъ силу, и всю зиму онъ могъ только слушать то, что̀ ему читали и говорили. Онъ былъ настолько слабъ, что съ пріѣзда въ городъ ни разу не рѣшился выйти на воздухъ. Въ іюнѣ 1897 г. Ѳ. И. поѣхалъ опять на дачу въ Люблино, гдѣ вскорѣ окончательно слегъ и 31-го іюля его не стало".—Т.

Въ январѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абутковъ, А. Д.—Воспаленіе почечныхъ лоханокъ. Съ рис. микроскоп. препаратовъ. Спб. 98. Стр. 27.

Апраксинъ, А. Д.—Пятнадцать разсказовъ. М. 98. Стр. 288. Ц. 1 р.

Архангельскій, А. С.—Императрица Екатерина II въ исторіи русской литературы и образованія. Казань, 1897 (изъ Ученыхъ Записокъ Каз. университета). 91 стр. Ц. 85 коп.

Барсуковъ, Н.—Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ и А. Н. Майковѣ. Спб. 98. Стр. 31. Ц. 40 к.

Богдановъ, А.—Краткій курсъ экономической науки. М. 98. Стр. 290. Ц. 2 р.

Божеряновъ, И. Н.—Графъ Егоръ Францевичъ Канкринъ, его жизнь, литературные труды и 20-лѣтняя дѣятельность управленія министерствомъ финансовъ. Спб. 97. Стр. 250 in 4°. Ц. 5 р.

Броуновъ, П. И.—Практическое значеніе сельско-хозяйственно-метеорологическихъ наблюденій и краткое руководство для производства ихъ. Спб. 1897. Стр. 137.

Бьернстерне-Бьернсонъ.—Полное собраніе сочиненій. Т. VII. Переводъ съ норвеж. М. В. Лучицкой. Кіевъ, 98. Стр. 660 in 12°. Ц. 35 к.

Бумаковъ, Ѳ. И.—А. Менцель и его произведенія. Знаменитые художники XIX вѣка. Спб. 97. Стр. 90. Ц. 3 р. 50 к.

Вальтеръ, В. Г.—Какъ учить игрѣ на скрипкѣ. Практическое пособіе для учителей и учащихся. Спб. 97. Стр. 53. Ц. 50 к.

Варта, П. (Э. И. Пильцъ).—Поворотный моментъ въ русско-польскихъ отношеніяхъ. Перев. съ польскаго. Спб. 97. Стр. 15.

Венгеровъ, С. А.—Русскія книги. Вып. XX: Блиновъ—Богатырь. Спб. 98. Стр. 433—472. Ц. 35 к.

Водовозовой, Е.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Турки. Спб. 1898. Стр. 172. Ц. 40 к.

Гауптманъ, Г.—Ганна, драмат. фантазія. Перев. съ нѣм. графини Е. В. Тизенгаузенъ. Спб. 98. Стр. 74. Ц. 50 к.

Гейнсъ, А. К.—Собраніе литературныхъ трудовъ. Т. II. Спб. 98. Стр. 741. Съ приложеніями ко второму тому. Спб. 98. Стр. 124.

Геммельманъ, С.—Стихи. М. 97. Стр. 77. Ц. 50 к.

Гуго, К.—Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. Перев. съ нѣм. п. р. Д. Протопопова. Спб. 98. Стр. 379. Ц. 1 р. 50 к.

Данте-Алигіери.—Божественная Комедія. Чистилище. Перев. стихами съ итальян. А. П. Федорова, съ объяснит. примѣч. и вступленіемъ. Спб. 94. Ц. 1 р. 50 коп.

Дмитріевъ, К. Д.—Пчеловодство. Толковый самоучитель и полная школа къ размноженію, уходу, кормленію и сбереженію пчелъ. Со множествомъ рисунковъ. М. 98. Стр. 234. Ц. 1 р. 20 к. съ пер.

Дюкло, Э.—Пастёръ. Броженіе и самозарожденіе. Перев. съ предисловіемъ К. Тимирязева. М. 97. Стр. 92. Ц. 40 к.

Елецъ, Ю., ротм.—Исторія лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка. Т. II: 1866—1896 г. Спб. 98. Стр. 468 in 4°.

Засодимскій, П. Вл.—Дѣдушкины разсказы и сказки. М. 1898. Стр. 283. Ц. 1 р.

Зеть, Е.—Сказки китайскія, бретонскія, финляндскія и рождественскіе разсказы. Екатеринославъ, 97. Стр. 26. Ц. 15 к.

Іодль, Фр.—Исторія этики въ новой философіи. Т. II: Кантъ и Этика въ XIX-мъ столѣтіи. Перев. съ нѣм. п. р. Влад. Соловьева. М. 98. Стр. 401 и 108. Ц. 2 р.

Ивановъ, Ив. Ив.—Учитель взрослыхъ и другъ дѣтей (Бичеръ-Стоу). Біографическій очеркъ. М. 98. Стр. 122. Ц. 30 к.

Кернсъ, Д. Э.—Логическій методъ политической экономіи. Основные принципы. Цѣнность. Международная торговля. Вып. IX. М. 98. Ц. 1 р.

Кишмишевъ, С. I.—Послѣдніе годы грузинскаго царства. Тифл. 98. Стр. 113. Ц. 40 к.

Клоссовскій, А.—Новыя данныя для гипсометріи Средней Азіи. Од. 95. Стр. 13.

Клюкинъ, А. Н.—Злобы жизни. Разсказы. Спб. 98. Стр. 397. Ц. 1 р.

Красновъ, А. Н.—Чайные округи изъ тропическихъ областей Азіи. Культуръ-географическіе очерки дальняго Востока. Отчетъ Главному Управленію Удѣловъ. Съ 97 рис. въ текстѣ. Вып. II: Китай. Индія. Цейлонъ. Колхида. Спб. 98. Стр. 618. Ц. 3 р.

Крепелинъ, Эм.—Гигіена труда, умственный трудъ, переутомленіе. Перев. съ нѣм. Спб. 98. Стр. 101. Ц. 30 к.

——— Къ вопросу о переутомленіи. Перев. съ нѣм. Одесса, 98. Стр. 51 Ц. 25 коп.

——— Умственный трудъ. Перев. съ нѣм. Од. 98. Стр. 34. Ц. 20 к.

Кругловъ, А. В.—Старь и Новь. Повѣсти, очерки и разсказы. М. 1898. Стр. 354. Ц. 1 р. 25 к.

Крюковъ, Н. А.—Канада. Сельское хозяйство въ Канадѣ, въ связи съ другими отраслями промышленности. Съ картою и 30 рис. Спб. 97. Стр. 232.

Кердъ, проф. Гегель.—Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ кн. С. Н. Трубецкого. Съ приложеніемъ статьи о Гегелѣ. Вл. С. Соловьева. М. 1898. XLI, 306 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Лависсъ, Э., и *Рамбо*, А.—Всеобщая исторія, съ IV стол. до нашего времени. Т. II: Феодальная Европа, Крестовые походы. 1095—1270 г. Переводъ Н. Гершензона. М. 97. Стр. 885. Ц. 3 р.

Лансонъ, Туставъ.—Исторія французской литературы. Перев. съ 2-го франц. изданія, пересмотрѣн. и исправленный авторомъ. Т. II. М. 1898. Стр. 636. Ц. 3 р. 50 к.

Левинсонъ, Г.—Русско-нѣмецкій карманный словарь. Кіевъ, 98. Стр. 768. Ц. 60 к.

Ловичъ, Е.—Прогрессъ и педагогика. Одна изъ новыхъ педагогическихъ теорій. М. 97. Стр. 57.

Локкъ, Дж.—Опытъ о человѣческомъ разумѣ. М. 98. Стр. 736. Ц. 3 р.

Лукашевичъ, Клавдія.—Аксютка-Нянька. Разсказъ. Спб. 97. Стр. 55. Съ рис. въ текстѣ. Ц. 50 к.

Матвѣевъ, Артамонъ.—Въ поискахъ правды о народѣ Спб. 1898. 68 стр.

Міасковскій, Авг.—Проблема распредѣленія поземельной собственности въ историческомъ развитіи. Перев. съ нѣм. П. Поплавскаго. Кіевъ, 98. Стр. 54. Ц. 30 к.

Милль, Д. С.—Система логики силлогистической и индуктивной. Изложеніе принциповъ доказательствъ, въ связи съ методами научнаго изслѣдованія. Перев. съ англ. С. П. Ершова п. р. В. Н. Ивановскаго. Кн. 3 (1-я половина). М. 98. Стр. 225—320. Подписн. ц. 3 р.

——— Основанія политической экономіи, съ нѣкоторыми примѣненіями къ общественной философіи. Перев. Е. И. Остроградской п. р. О. И. Остроградскаго. Вып. III. Кіевъ, 98. Ц. 5 вып. 2 р. 50 к.

Модестовъ, В. И.—О происхожденіи Сикуловъ, на основаніи литератури. археол. и антрополог. данныхъ. Спб. 98. Стр. 93.

Морозовъ, М. С.—Къ вопросу о служителяхъ въ психіатрическихъ больницахъ. Каз. 97. Стр. 51.

Надлеръ, проф. В. К.—Лекціи по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона (1789—1815 г.), изданныя въ обработкѣ проф. В. Бузескула. Харьк. 98. Стр. 295. Ц. 2 р.

Немировичъ-Данченко, В. И.—Поднебесный аулъ. Историческая повѣсть изъ старыхъ кавказскихъ былей. М. 98. Стр. 265. Ц. 75 к.

Николаевъ, Ник.—Стихотворенія. 1892—97. Калуга, 97. Стр. 81. Ц. 1 р.

Нордау, М.—О современномъ положеніи евреевъ. Съ прилож. портрета автора. Екатерин. 97. Стр. 22.

Носенко, Д. А.—Уставъ о векселяхъ (изд. 1893 г) съ разъясненіями по рѣшеніямъ гражд. кассац., 4-го д—товъ и общихъ собраній правит. сената. Изд. 6-е, исправл. и дополн. Спб. 98. Стр. 105. Ц. 1 р. 25 к.

Плансонъ, А. А.—„Особое совѣщаніе". Спб. 97. Стр. 27.

——— О дворянствѣ въ Россіи. Современное положеніе вопроса Спб. 93. Стр. 101.

Покровская, В.—Справочная книжка по географіи. I: Настольный словарь географическихъ названій. II: Географическо-статистическія таблицы. Юрьевъ, 1898. Стр. 294. Ц. 1 р.

Посадскій, И. В.—Освѣщеніе классовъ и пансіона Кіевской 1-й гимназіи. Кіевъ, 97. Стр. 80.

——— Пищевое довольствіе воспитанниковъ пансіона Кіевской 1-й гимназіи. Кіевъ, 96. Стр. 29.

Рево, И.—Сахарная нормировка. Кіевъ, 97. Стр. 42.

Рево, И.—Земледѣльческіе синдикаты. Кіевъ, 97. Стр. 64.

Свирскій, А. И.—Погибшіе люди. Т. I: Міръ трущобный. Т. II: Міръ тюремный. Т. III: Міръ нищихъ и пропойцъ. Спб. 98. Стр. 248, 223, 211. Ц. 2 руб. 25 коп.

Сиротъ, И. М.—Параллели. Библейскіе тексты и отраженіе ихъ въ изреченіяхъ русской народной мудрости. Вып. 1. Од. 97. Стр. 117. Ц. 75 к.

Соболевъ, М.—Мобилизація земельной собственности и новое теченіе аграрной политики въ Германіи. М. 98. Стр. 340. Ц. 2 р.

Старковъ, И.—Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Спб. 97. Стр. 186. Ц. 2 р.

Степовичъ, А., директоръ Коллегіи П. Галагана, доцентъ университета Св. Владиміра.—Славянскія извѣстія. 93 отзыва о новѣйшихъ книгахъ по славяновѣдѣнію. (Отдѣльный оттискъ изъ „Филологич. Записокъ"). Воронежъ, 1897. II, 171 стр.

Стоюнинъ, В. Я.—О преподаваніи русской литературы. Изданіе пятое. Спб. 1893. 464 и VI стр. Ц. 1 р. 60 к.

Стукаличъ, В. К.—Бѣлоруссія и Литва. Витебскъ, 94. Стр. 62.

Сѣдовъ, Л. Д.—Психологія юношескаго возраста. М. 97. Стр. 69.

Тихонравовъ, Н. С.—Сочиненія. Т. III, ч. 1: Русская литература XVIII и XIX вв. М. 98. Стр. 602 и 93.

Филипповъ, А. Н.—Физическое воспитаніе дѣтей. М. 98. Стр. 34.

Фишеръ, С.—Человѣкъ и животное. Этико-юридическій очеркъ. Спб. 98. Стр. 280. Ц. 1 р. 20 к.

Фойницкій, И. Я.—На досугѣ. Сборникъ критическихъ статей и изслѣдованій съ 1870 г. Т. I. Спб. 98. Стр. 608. Ц. 3 р. 50 к.

Фрикенъ, А., фонъ.—Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія. Ч. III. М. 98. Стр. 358. Ц. 2 р.

Фулье, Альфредъ.—Критика новѣйшихъ системъ морали. Переводъ съ французскаго Е. Максимовой и О. Конради. Изданіе редакціи журнала „Образованіе". Спб. 1898 404 стр. Ц. 2 р.

Харузина, В. Н.—Сказки русскихъ инородцевъ (съ краткими бытовыми очерками и иллюстраціями). Съ предисловіемъ В. М. Михайловскаго. М. 1898. Изданіе А. И. Мамонтова. 299 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Хирьяковъ, А.—Легенды любви. Спб. 98. Стр. 104. Ц. 50 к.

Чайковскій, П. И.—Музыкальные фельетоны и замѣтки 1868—1876 г. Съ приложеніемъ портрета, автобіографическаго описанія путешествія за границу въ 1888 г. и съ предисловіемъ Б. А. Лароша. М. 98. Стр. 391. Ц. 2 р. 80 к.

Черневъ, Н. И.—„Капитанская дочка", Пушкина. Историко-критическій этюдъ. М. 97. Стр. 207. Ц. 1 р.

Чюмина, О. Н. (Михайлова). Стихотворенія: Traumbilder. Изъ прежнихъ лѣтъ. Миніатюры. Отклики. Переводы изъ иностранныхъ поэтовъ: Теннисонъ, Лонгфелло, Байронъ, В. Скоттъ, Гюго, Л. де-Лиль, Готье, Коппе, С. Прюдомъ, Гамерлингъ и др. 1892—1897 гг. Спб. 97. Стр. 328. Ц. 1 р. 50 к.

Шантепи-де-ла-Соссей, Д.—Иллюстрированная исторія религій. Перев. съ нѣм., п. р. В. Н. Линдъ. Вып. 1. М. 98. Стр. 80 к. Подп. ц. 4 р.

Шерръ, І.—Всеобщая исторія литературы. Вып. 23. М. 98. Стр. 529—560.

Шершеневичъ, Г.—Конкурсное право. 2-е изд. Каз. 98. Стр. 498. Ц. 3 р.

Шмитцъ, д-ръ.—Половая жизнь человѣка и гигіеническое воспитаніе ребенка. Перев. съ нѣм. 2-е изд. Од. 98. Стр. 59. Ц. 50 к.

Шопенгауеръ, Арт.—Новые афоризмы. Перев. съ нѣм. Р. Кресинъ. Харьковъ, 98. Стр. 196. Ц. 1 р.

Өедорова-Давыдова.—Зимнія сумерки. Разсказы, сказки и стихотворенія. М. 98. Стр. 89. Ц. 35.

Michaelis, H., et *Passy*, P.—Dictionnaire phonétique de la langue française. Leipzig, 98. Стр. 318. Ц. 4 марки.

Heikel, Axel.—Trachten und Muster der Mordvinen. Lief. 1, 2, 3. Helsingf. 97. Съ 48 таблицами иллюстрированными.

——— Praktische Ergänzungsblätter zu dem Werke: „Trachten und Muster der Mordvinen". Helsingf. 97. Вып. 1 и 2, съ 10 таблицами.

— Sammlung moderner deutscher Autoren für russiche Lehranstalten. Bändchen 1: Das Amulett, von K. Meyer. Bearbeitet von E. Mittelschneider. M. 98. Стр. 102. Ц. 60 к.

— Архивъ села Михайловскаго. Т. I. Спб. 98. Стр. 239.

— Акціонерное дѣло въ Россіи. Т. II: Статистика акціонерныхъ предпріятій. Вып. 2: Горнопромышленныя, горнозаводскія и механическія предпріятія—металлы—каменный уголь—нефть—соль. Спб. 98. Стр. 355 in 4°.

— Всероссійская промышленная и художественная выставка 1896 г. въ Н.-Новгородѣ. Списокъ экспонентовъ, удостоенныхъ похвальныхъ наградъ. Спб. 1897. Стр. 451.

——— Успѣхи русской промышленности по обзорамъ экспертныхъ коммиссій. Спб. 97. Стр. 245.

— Живописная Финляндія. Finlandi Bilder. Suomi Kuvissa. La Finlande pittoresque. Helsingf. 98. Роскошное изданіе съ 186 видами; текстъ на четырехъ языкахъ.

— Классные столы Кіевской Первой гимназіи. Кіевъ, 98. Стр. 14, съ таблицами.

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній. Спб. 97. Стр. 121.

— Отзывы о результатахъ введенія казенной продажи питей въ восточныхъ и южныхъ губерніяхъ, поступившіе въ министерство финансовъ отъ епархіальныхъ архіереевъ, начальниковъ губерній и другихъ лицъ. Спб. 97. Стр. 122.

— Отчетъ общества по устройству народныхъ чтеній за 1896—1897 г. Тамб. 97. Стр. 74.

— Отчетъ по вѣдомству дѣтскихъ пріютовъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ, за 1895 г. Спб. 97. Стр. 246.

— Привѣтъ! Художественно-научно-литературный сборникъ. Изд. Обществомъ вспомоществованія нуждающ. ученицамъ Васильеостровской женской гимназіи въ Спб. Спб. 95. Стр. 220 in 4°.

— Русскій астрономическій календарь на 1898 г., нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи, п. р. С. Щербакова. Съ приложеніемъ подвижной карты звѣзднаго неба и карты солнечнаго затмѣнія. М. 98. Стр. 217. Ц. 75 коп.

— Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Вып. 1, съ 3 портр. и 31 чертеж. М. 98. Стр. 250. Ц. 1 р. 20 к.

— Торжественное засѣданіе въ память графа Н. П. Румянцова, 3 апрѣля 1897 г. М. 97. Стр. 70 in 4°.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Paul Schlenther. Gerhart Hauptmann, sein Lebensgang und seine Dichtung. Berlin, 1898. Стр. 268.

Въ нѣмецкой литературѣ за послѣднія десять лѣтъ замѣтно сильное оживленіе. Оно наступило послѣ застоя 70-хъ годовъ, когда всѣ производительныя силы націи направлены были на политическую и общественную дѣятельность. Оживленіе проявляется въ нарожденіи молодыхъ талантовъ, въ изобиліи обѣщающихъ писателей. Обѣщанія эти не всегда оправдываются, и при большомъ количествѣ молодыхъ силъ, дѣйствующихъ въ литературѣ, выдвинулось лишь нѣсколько большихъ писателей, составившихъ себѣ прочное и заслуженное положеніе въ литературѣ. Впереди всѣхъ новыхъ нѣмецкихъ писателей стоитъ и Гергартъ Гауптманъ.

Въ настоящее время Гауптману 35 лѣтъ. Выступилъ онъ въ литературѣ довольно поздно—двадцати-семи лѣтъ; первая пьеса его относится къ 1889 г., и за восемь лѣтъ своей дѣятельности онъ пріобрѣлъ общепризнанную европейскую славу, которая ростетъ съ каждымъ произведеніемъ. Почти всѣмъ современнымъ писателямъ слава доставалась съ бою: Ибсенъ дожилъ до старости, прежде, чѣмъ имя его стало извѣстнымъ за предѣлами его родины. Англійскій романистъ Мередитъ даже и въ своей странѣ сталъ знаменитъ только въ позднѣйшіе годы. Почти всѣ литературныя знаменитости нашего времени—спорныя, боевыя; никогда литература не имѣла такого партійнаго, кружковаго характера, какъ въ наше время. Но къ немногимъ писателямъ, пользующимся симпатіей всѣхъ школъ, всѣхъ направленій, принадлежитъ Гауптманъ. Искатели новизны привѣтствуютъ каждую драму Гауптмана, какъ проявленіе самобытнаго творчества, идущаго каждый разъ неизвѣстнымъ путемъ, создающаго новые типы драмы. Вмѣстѣ съ тѣмъ широкая гуманность Гауптмана, его страстный интересъ къ жертвамъ общественнаго неравенства, дѣлаютъ его бойцомъ въ ряду защитниковъ труда, а его правдивое и смѣлое изображеніе жизни со всѣми ея уродствами привлекаетъ на его сторону всѣхъ сторонниковъ послѣдовательнаго реализма.

Эта разносторонность Гауптмана, не нарушающая, однако, цѣль-

ности его творчества, дѣлаетъ его близкимъ и понятнымъ, какъ для всей читающей массы, такъ и для болѣе тонкихъ цѣнителей искусства. Гауптманъ настолько современный человѣкъ и художникъ, настолько выразитель всѣхъ разнородныхъ исканій и потребностей нашего времени, что первые шаги его въ литературѣ сразу возбудили полное сочувствіе.

Драмы Гауптмана пріобрѣли право гражданства во всѣхъ европейскихъ странахъ. Въ Германіи ихъ изучаютъ, какъ классическія произведенія. За нѣсколько послѣднихъ лѣтъ появился цѣлый рядъ критическихъ очерковъ, посвященныхъ Гауптману и выясняющихъ особенности его творчества. Одна изъ послѣднихъ книгъ принадлежитъ Шлентнеру, близко знающему молодого драматурга. Книга эта чрезвычайно интересна по богатству біографическаго и историко-литературнаго матеріала. Шлентнеръ рисуетъ жизнь Гауптмана, говоритъ объ его неизданныхъ литературныхъ произведеніяхъ, предшествовавшихъ общеизвѣстнымъ драмамъ, показываетъ, какъ многіе изъ позднѣйшихъ замысловъ Гауптмана коренились въ его юношескихъ опытахъ и набросках. Въ изображеніи Шлентнера получается цѣльный образъ художника, который приступилъ къ писательской дѣятельности уже съ опредѣленнымъ, вполнѣ сложившимся міросозерцаніемъ. Гауптманъ прошелъ черезъ продолжительный періодъ подготовки, прежде чѣмъ написалъ свою первую драму. Всѣ его прежніе опыты, изъ которыхъ многіе весьма удачны—какъ бы лѣса вокругъ возводимаго имъ зданія. Съ рѣшительностью и увѣренностью въ себѣ, онъ самъ потомъ снесъ ихъ, и ни одна изъ его юношескихъ поэмъ не включена въ изданныя имъ произведенія. Но для критика и психолога, который хочетъ уяснить себѣ личность художника, очень важны ступени, которыя ведутъ къ вершинѣ творчества Гауптмана, къ „Ганнеле“ и „Потонувшему колоколу“, также, какъ и къ предъидущимъ психологическимъ и общественнымъ драмамъ. Книга Шлентнера интересна тѣмъ, что въ ней подробно рисуется жизнь Гауптмана до двадцати-семи лѣтъ, т.-е. до появленія на сценѣ его первой драмы „Vor Sonnenaufgang“.

Жизнь Гауптмана сложилась необычайно гладко и тихо. Вся страстность и сложность души осталась обращенной на внутреннія происшествія, на идейную борьбу, а внѣшняя жизнь текла безмятежно, беззаботно и счастливо. Гауптманъ родился въ 1862 году въ силезскомъ курортѣ, въ Оберзальцбруннѣ. Отецъ его, содержатель большого отеля „Zur Preussischen Krone“, былъ человѣкъ зажиточный, развитой и житейски умный. Со всѣми своими посѣтителями, принадлежавшими къ высшему нѣмецкому обществу, Робертъ Гауптманъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Жена его, дочь вра-

чебнаго инспектора, обладала горячимъ сердцемъ, веселостью, свободолюбивымъ характеромъ и была женщиной очень благочестивой, воспитанной въ сектантско-протестантскомъ духѣ: лютеранство въ той области было въ рукахъ секты гернгутеровъ. Такимъ образомъ, Гауптманъ могъ унаслѣдовать отъ отца трезвый и ясный умъ, а отъ матери—„die Lust zum Fabulieren“, какъ Гёте. У четы Гауптманъ было четверо дѣтей, изъ которыхъ Гергартъ—самый младшій. Онъ учился сначала въ народной школѣ, потомъ въ Бреславлѣ, въ частномъ пансіонѣ. Учился онъ плохо, тяготился городской жизнью. Учителя не понимали и преслѣдовали его романтическія наклонности. Онъ же чувствовалъ себя совершенно чуждымъ школьной премудрости. Гауптманъ кончилъ ученіе въ 1878 г. съ посредственнымъ аттестатомъ, и отецъ его, въ то время уже продавшій свою гостинницу, не зналъ, въ какую сторону направить непонятныя наклонности мальчика, который писалъ стихи и сказки и былъ малосвѣдущъ въ общеобразовательныхъ предметахъ. Въ то время какъ старшіе братья, Карлъ и Георгъ, готовились—одинъ въ ученые, а другой въ коммерсанты, Гергарта отправили къ родственникамъ въ деревню, чтобы, быть можетъ, изъ него выработался сельскій хозяинъ. Жизнь въ деревнѣ въ семействѣ дяди была отрадной для мальчика. Тамъ получили широкое развитіе его любовь къ природѣ, склонность къ выдумыванію сказокъ и, главнымъ образомъ, его религіозное чувство, благодаря благочестію окружающихъ его родственниковъ. Въ домѣ часто исполнялась духовная музыка, читали библію—и это оставляло глубокій слѣдъ въ душѣ Гауптмана. Онъ, однако, не рѣшился остаться на всю жизнь въ деревнѣ и, при всей своей любви къ природѣ, уѣхалъ, потому что въ душѣ его проснулись иныя стремленія и началась новая борьба. Его влекло къ себѣ искусство; но онъ не зналъ, что̀ избрать—скульптуру или поэзію, которая его столько же занимала. Даже музыка, одно время, казалась ему цѣлью его жизни. Любопытно, что въ немъ проснулась прежде всего душа художника, для которой почти безразличенъ былъ выборъ той или другой формы искусства. Въ такой же нерѣшительности былъ одно время и Нитцше, готовившійся стать музыкантомъ прежде, чѣмъ онъ избралъ литературную дѣятельность. Вспомнимъ также, что въ свое время Руссо считалъ себя не философомъ, а музыкантомъ, и писалъ плохіе романсы и оперы, прежде чѣмъ писать философскіе трактаты и романы.

Гауптманъ довольно долго былъ въ этомъ состояніи стихійнаго влеченія къ искусству, и прежде, чѣмъ окончательно остановиться на той формѣ, которая наиболѣе соотвѣтствовала его таланту, на поэзіи, онъ довольно далеко зашелъ въ сторону, серьезно занимаясь скульптурой, сначала на родинѣ, а потомъ въ Италіи, куда его послали

доктора изъ опасенія за его слабое здоровье. До того, онъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе и вынесъ изъ него много впечатлѣній, отчасти художественнаго, отчасти общественнаго характера. Въ Неаполѣ, напр., его настолько поразилъ видъ народной нищеты, что онъ не могъ восторгаться красотой мѣстности. Нѣсколько лѣтъ продолжалась въ немъ борьба между двумя музами: одной—„съ вѣнцомъ и лирой", другой—„съ камнемъ и рѣзцомъ въ рукахъ". Его юношескія поэмы полны этой борьбы. Къ тому времени относится его художественная сказка о Пигмаліонѣ, гдѣ въ смутныхъ символическихъ образахъ рисуется стремленіе художника вдохнуть жизнь въ созданный имъ изъ мрамора идеалъ. Гауптманъ мучился мечтой о такомъ искусствѣ, въ которомъ поэзія выступаетъ на фонѣ пластики. Его собственное творчество почти осуществило его идеалъ: оба влеченія его юности, скульптура и поэзія, объединены имъ были въ драмахъ, гдѣ онъ сочетаетъ поэзію съ жизнью, а поэтическіе замыслы воплощаются въ живые пластическіе образы и характеры.

Внѣшняя жизнь Гауптмана шла своимъ чередомъ среди этихъ колебаній. Послѣ кругосвѣтнаго плаванія, онъ былъ одно время серьезно боленъ, жилъ въ Римѣ, потомъ, въ двадцать-два года, въ маѣ 1885 г., онъ женился среди самыхъ счастливыхъ условій и поселился съ молодой женой въ пригородной виллѣ недалеко отъ Берлина. Онъ сталъ входить въ сношенія съ разными писателями и общественными дѣятелями, изъ которыхъ, между прочимъ, на него довольно сильное вліяніе оказалъ зять Бебеля, Фердинандъ Симонъ, мечтавшій о разныхъ общественныхъ преобразованіяхъ. Маленькая вилла Гауптмана сдѣлалась очагомъ свѣтлаго семейнаго счастья. Въ 1889 г., когда появилась его первая драма, Гауптманъ былъ уже отцомъ троихъ сыновей; семейная жизнь его была спокойная и счастливая, и, благодаря общительности своей натуры, онъ былъ окруженъ множествомъ друзей, среди которыхъ было нѣсколько молодыхъ берлинскихъ писателей натуралистовъ, какъ Максъ Кретцеръ и др.

Къ юношескому до-литературному періоду жизни Гауптмана относится поэма „Promethidenlos", написанная отчасти подъ вліяніемъ Байроновскаго „Чайльдъ-Гарольда" и передающая впечатлѣнія путешествія. Въ поэмѣ рисуется переходъ отъ личнаго чувства грусти къ состраданію къ людямъ, отъ эгоистическихъ къ альтруистическимъ страданіямъ, отъ личной тоски—къ міровой. Эти настроенія питаются внѣшними впечатлѣніями, которыя развертываются передъ молодымъ поэтомъ во время его путешествія. Онъ отправился въ странствіе, страдая отъ душевнаго разлада и терзаясь муками самоанализа. Во время путешествія въ немъ созрѣваетъ рѣшеніе бороться, помогать и освобождать другихъ. Своимъ орудіемъ онъ избираетъ пѣсню: „Ты

учился любить и учился ненавидѣть,—теперь учись, юноша, настраивать лиру". Помимо самаго замысла, поэма представляетъ мало интереса и написана въ устарѣлой романтической манерѣ, не удовлетворявшей прежде всего самого поэта, который не включилъ „Promethidenlos" въ число изданныхъ произведеній. Другія его мелкія стихотворенія, которыя должны были составить сборникъ „Das Bunte Buch" (изданіе не состоялось, и книжка существуетъ только въ видѣ корректурныхъ листовъ), показываютъ, что Гауптманъ издавна занимался сюжетами, составившими впослѣдствіи содержаніе его драмъ. Внѣшняя природа болѣе всего вдохновляетъ поэта, который описываетъ осеннія мрачныя настроенія. Ночь, туманы, осенній вѣтеръ, блѣдныя надежды на весну и свѣтъ—все это сливается „въ одинъ единственный звукъ умиранія"!

Эти настроенія переплетаются съ литературными отголосками; такъ, напр., одно маленькое стихотвореніе, въ которомъ звучитъ мотивъ „Потонувшаго колокола", начинается стихомъ изъ Гейне: „Я не знаю, что̀ это значитъ, что слеза течетъ изъ глазъ, когда издали слышится звукъ, далекій звукъ колокола":

Ich weiss nicht, was soll es bedeuten,
Dass meine Träne rinnt
Zuweilen, wenn ferne das Läuten
Der Glocke, der Glocke beginnt...

и т. д. Разсказывая судьбу драмъ Гауптмана, Шлентнеръ останавливается на томъ сильномъ впечатлѣніи, которое произвела драма „Vor Sonnenaufgang", съ ея сильными реалистическими эффектами. Представленіе этой пьесы на сценѣ Lessingtheater'а совпало съ основаніемъ литературнаго кружка, гдѣ проповѣдывались самые рѣзкіе театральные пріемы. Поэтому публика перваго представленія шла, ожидая скандала, на пьесу юнаго дебютанта, о которомъ выражались съ большимъ восторгомъ такіе общепризнанные ветераны поэзіи, какъ Теодоръ Фонзанъ и др. Въ самомъ дѣлѣ, пьеса оказалась полной самыхъ ужасныхъ зрѣлищъ. Въ первомъ актѣ дѣло еще кое-какъ шло. Тамъ проповѣдывалась осторожность въ выборѣ жены во имя здороваго потомства, и хотя проповѣдь дарвиниста Лотта, героя пьесы, вызывала улыбку, но въ теоріяхъ его не было ничего грубаго и слишкомъ смѣлаго. Со второго акта началось рѣзкое изображеніе житейской грязи. Пьяный деревенскій кулакъ оскорбляетъ свою собственную дочь, и женихъ этой дочери пробирается на разсвѣтѣ изъ комнаты ея мачихи. Въ третьемъ актѣ мужъ старшей дочери ухаживаетъ за невѣсткой и съ ненавистью говоритъ о семейномъ порокѣ своей жены—пьянствѣ. Въ четвертомъ актѣ происходятъ еще боль-

шіе ужасы. Эти пріемы показываютъ, до чего Гауптманъ находился еще подъ вліяніемъ своихъ друзей натуралистовъ, проводя свою идею путемъ внѣшняго изображенія жизни, а не анализа душевныхъ настроеній. Уже слѣдующая пьеса, „Friedensfest“ (Праздникъ мира) чисто психологическая и рисуетъ отчаянное стремленіе людей побороть въ себѣ разрушительное сознаніе вины и создать искусственно совмѣстную жизнь, разрушенную въ самой основѣ. Драматургъ показываетъ, что тамъ, куда вкралось сознаніе вины, не можетъ быть примиренія ни со стороны виновнаго, ни пострадавшаго. Тотъ же, кто сохранилъ въ душѣ возможность быть счастливымъ и давать счастье, долженъ уйти. Эта драма, столь же мрачная, какъ и первая, кончается, однако, тѣмъ, что въ нее врывается лучъ свѣта въ видѣ любящей и спасающей женщины.

Шлентнеръ очень вѣрно подмѣчаетъ склонность Гауптмана къ психіатрическимъ сюжетамъ. Какъ „Vor Sonnenaufgang“, такъ и „Friedensfest“—разсматриваютъ патологическія явленія душевной жизни. Къ тому же времени относится разсказъ Гауптмана: „Апостолъ“, въ которомъ изображена манія величія, какъ противоположность изображенной въ „Friedensfest“ маніи преслѣдованія.

Гауптманъ освобождается отъ патологіи въ слѣдующей драмѣ—„Одинокіе люди“,—которую почему-то критика ставитъ ниже другихъ его вещей. Шлентнеръ показываетъ положительныя стороны этой драмы и проводитъ очень интересную параллель между этой пьесой и „Потонувшимъ колоколомъ“. Въ самомъ дѣлѣ, и тутъ, и тамъ, разсматривается одна и та же тема—только одна въ чисто житейской, другая въ сказочной обстановкѣ. Тутъ и здѣсь, въ сказкѣ и жизни, разсказывается та же судьба, разыгрывающаяся надъ одинаковыми натурами. Молодой человѣкъ (художникъ или ученый), стремящійся къ высшимъ духовнымъ начинаніямъ, встрѣчаетъ препятствія въ лицѣ окружающихъ его людей, которые его любятъ и которыхъ онъ также любитъ. Его жена не въ состояніи быть подругой его душевной жизни. Другой женскій образъ приближается къ нему изъ чуждаго міра и открываетъ ему невѣдомые горизонты. Общеніе съ нею кажется ему достиженіемъ его идеаловъ. Еслибы онъ былъ свободенъ, она стала бы его добрымъ ангеломъ. Теперь же, когда онъ связанъ, она—его злой демонъ. Поднимаясь къ ней и слѣдуя за нею, онъ падаетъ и погибаетъ. Въ „Одинокихъ людяхъ“ этимъ человѣкомъ является молодой ученый, а женщина другого міра—цюрихская студентка, любовь къ которой ложно толкуется его окружающими и служитъ причиной его смерти. Въ „Потонувшемъ колоколѣ“ та же трагедія разыгрывается между литейщикомъ, Генрихомъ, его женой и горной феей Раутенделейнъ. Нѣмецкій критикъ почти готовъ отдать предпочтеніе житей-

ской драмѣ, въ которой Гауптманъ является глубокимъ психологомъ и выразителемъ жизненнаго трагизма. Но любители поэзіи все-таки отдадутъ предпочтеніе новѣйшей сказочной драмѣ Гауптмана, облекающей трагическій замыселъ въ безпечную непосредственную поэзію народныхъ сказокъ.

Въ главѣ, посвященной „Ткачамъ", Шлентнеръ разсказываетъ о происхожденіи этой драмы, для которой матеріалы почерпнуты Гауптманомъ отчасти изъ семейныхъ преданій. Его собственный прадѣдъ былъ бѣдный ткачъ изъ Богеміи. Онъ сталъ заниматься ткацкимъ ремесломъ въ Геришдорфѣ, около Вармбрунна. Изъ четырехъ его сыновей одинъ Карлъ Эренфридъ, дѣдъ Гергарта, былъ ткачомъ до войны 1813 г. Уже потомъ, когда онъ разбогатѣлъ и оставилъ свое ремесло, онъ многое разсказывалъ своему единственному сыну Роберту, который уже, въ свою очередь, передалъ печальную повѣсть своимъ сыновьямъ. Въ виду этого Гауптманъ и посвятилъ свою драму „Ткачи" отцу. Много свѣдѣній онъ заимствовалъ изъ интереснаго изслѣдованія Альфреда Циммермана „О процвѣтаніи и паденіи льняного производства въ Силезіи". Въ книгѣ этой, вышедшей въ 1885 г., разсказана исторія стачки, представленная Гауптманомъ въ его драмѣ. „Пѣснь о кровавомъ судѣ", которая поется въ „Ткачахъ",—историческій документъ. „Это была,—говоритъ Циммерманъ,—открытая жалоба на всѣ тѣ притѣсненія, о которыхъ прежде говорили тихо другъ другу. Въ звучныхъ и правильныхъ стихахъ пѣсни чувствовалось отчаяніе, дикая ненависть противъ владѣльца фабрики, богатство котораго все болѣе и болѣе росло рядомъ съ увеличивающейся нуждой рабочихъ. Въ этомъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательномъ документѣ изображеніе нищеты и горя идетъ параллельно съ описаніями роскоши притѣснителей. Пѣсня переходила, какъ воззваніе, изъ дома въ домъ, и воспламеняла рабочихъ". Самое описаніе подробностей стачки и нападеній на домъ фабриканта въ значительной степени взято изъ книги Циммермана. Интересъ же и новизна „Ткачей" Гауптмана заключаются въ томъ, что въ пьесѣ нѣтъ одного дѣйствующаго героя, но что изъ отдѣльныхъ чертъ отдѣльныхъ людей составленъ идеальный народный типъ, герой возстанія ткачей.

Шлентнеръ разбираетъ и всѣ остальныя пьесы Гауптмана, его комедію „Коллега Крамптонъ", историческую пьесу „Флоріанъ Гайеръ" и двѣ сказочныя драмы—„Ганнеле" и „Потонувшій колоколъ". Оказывается, что сюжетъ „Ганнеле" уже былъ отчасти обработанъ въ юношеской поэмѣ „Die Mondbraut", построенной на мысли о томъ, что земное страданіе—источникъ влеченія къ небу. Въ „Mondbraut"—этотъ контрастъ земной скорби и тоски по небу—перенесенъ въ душу мечтательной дѣвочки изъ народа. Бѣдная сиротка „горная Лиза"

(Bergliese) страдаетъ отъ жестокаго обращенія своего пріемнаго отца. Онъ ее выгоняетъ изъ дому въ бурную ночь. Она блуждаетъ по лѣсу и, наконецъ, падаетъ въ изнеможеніи подъ высокой, стройной сосной, тянущейся вверхъ въ лунномъ свѣтѣ. Дѣвочка засыпаетъ отъ усталости. Но она подвержена лунатизму и блуждаетъ ночью. Она карабкается вверхъ, на вершину сосны, къ лунѣ, и хочетъ подняться еще выше—въ пустоту. — „Что̀ упало на землю? какой звукъ раздался ночью? Мнѣ послышался жалобный стонъ. Она лежитъ у сосны, она совершила свой подвигъ и навѣки ушла отъ печали".

Самое повѣствованіе выдержано въ совершенно реальномъ духѣ и передано въ видѣ разсказа о происшествіи въ горахъ. Но поэтъ съумѣлъ показать психологическую подкладку простого происшествія. Внутреннимъ мотивомъ является влеченіе къ небу у ребенка, страдающаго отъ житейской печали. И чѣмъ печальнѣе ея существованіе на землѣ, тѣмъ прекраснѣе ея надежда на иной міръ. Фантазія ребенка прежде всего останавливается на томъ, что̀ она яснѣе всего видитъ на небѣ—на мѣсяцѣ: „Красавецъ небесный, усталый и блѣдный! Высоко, высоко на вершинахъ—тамъ его царство—высоко, высоко надъ вершинами сосенъ"... „Привѣтъ тебѣ, прекрасный,—шепчетъ она.—Кто ты, сіяющій въ золотомъ поясѣ? Я иду за тобой, мнѣ такъ радостно, такъ радостно"!

Въ этомъ стихотвореніи заключено уже почти все сказаніе о Ганнеле. Пластическій даръ Гауптмана подсказалъ ему, что въ этомъ сюжетѣ есть жизненная сила и вѣчные контрасты. Онъ перенесъ свой юношескій замыселъ на сцену, когда созрѣвшій талантъ далъ ему возможность справиться съ нимъ въ совершенствѣ.

II.

W. T. Stead. Satan's invisible world displayed. London, 1898. Стр. 222.

Подъ страннымъ заглавіемъ—„Изобличеніе невидимаго міра сатаны" —В. Стэдъ, извѣстный публицистъ и редакторъ „Review of Reviews", издалъ рождественскій сборникъ разсказовъ о необычайныхъ происшествіяхъ,—впрочемъ, вполнѣ реальнаго свойства. Такого рода рождественскіе сборники Стэдъ издаетъ уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, и, какъ сторонникъ теософіи и разныхъ ученій о сверхъестественномъ, онъ пользуется святочнымъ временемъ для разсказовъ о разной чертовщинѣ и сверхъестественныхъ явленіяхъ. На этотъ разъ онъ измѣнилъ своему обычаю и разсказываетъ объ очень положительныхъ вещахъ—объ управленіи и порядкахъ въ Нью-Іоркѣ. Впечатлѣнія, ко-

торыя вынесъ авторъ изъ своего путешествія въ Америку и главнымъ образомъ въ Нью-Іоркъ, обогатили его матеріаломъ, свидѣтельствующимъ о чудовищныхъ промышленно-политическихъ нравахъ въ заатлантической республикѣ. Все, что онъ узналъ на основаніи точныхъ документальныхъ данныхъ, имѣетъ, въ самомъ дѣлѣ, столь необычайный характеръ, что годится въ святочные разсказы. Изображая по-своему дѣйствія нью-іоркской полиціи и политикановъ, завѣдующихъ страной, Стэдъ говоритъ о нихъ, какъ о дьявольскомъ исчадіи, придавая, такимъ образомъ, разсказу о дѣйствительныхъ событіяхъ намѣренно сказочный оттѣнокъ. Это не мѣшаетъ ему, однако, очень картинно рисовать поразившіе его порядки и основываться исключительно на оффиціально изданныхъ документахъ, хотя недоброжелательное отношеніе къ Америкѣ чувствуется во всей книгѣ Стэда и вліяетъ, конечно, на дѣлаемую имъ общую оцѣнку демократическаго строя. Но самые факты остаются краснорѣчивѣе всякихъ выводовъ и показываютъ наглядно, что исключительно промышленный духъ не можетъ служить основою политическаго и общественнаго быта, и что въ рукахъ хищныхъ промышленниковъ по профессіи самый свободный строй можетъ превратиться въ истинный адъ насилія и произвола.

Вся книга Стэда направлена на обличеніе могущественной политической организаціи, извѣстной подъ названіемъ Tammany-Ring. Въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ до 1894 г., съ нѣкоторыми перерывами, этотъ тѣсно сплоченный союзъ почти безпрепятственно управлялъ Нью-Іоркомъ. Тогда только, подъ вліяніемъ энергической пропаганды д-ра Пакгёрста (Packhurst), назначена была коммиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора Лексоу (Lexow), которой поручено было изслѣдованіе дѣйствій общества Таммани и вліянія его на общій ходъ дѣлъ. Коммиссія отнеслась къ своей задачѣ съ большимъ рвеніемъ, и въ январѣ 1895 г. появился обширный отчетъ, въ которомъ развертывалась поучительная картина господствовавшихъ до недавняго времени порядковъ. Власть Таммани была окончательно разбита дѣйствіями коммиссіи; но самый фактъ возможности такого союза корыстныхъ политикановъ и дѣйствующей за-одно съ ними администраціи надолго поколебалъ у гражданъ Америки вѣру въ промышленныхъ носителей демократическихъ принциповъ.

Все зло американскаго строя исходило, по словамъ Стэда (онъ основывается на показаніяхъ коммиссіи Лексоу), отъ владычества Таммани. Стэдъ разсказываетъ исторію этого страннаго учрежденія, и легендарное прошлое Таммани даетъ ему поводъ назвать администрацію Нью-Іорка царствомъ сатаны. Таммани — единственный святой чисто американскаго происхожденія. По легендѣ именемъ этимъ назывался индійскій вождь изъ Пенсильваніи, ставшій потомъ хри-

стіаниномъ и святымъ. Въ тѣ дни, когда св. Таммани жилъ, въ Америкѣ не было еще бѣлыхъ. Но зато святому пришлось сражаться съ иного рода врагомъ—съ искушавшимъ его дьяволомъ. Нечистый духъ хотѣлъ втереться въ довѣріе святого и управлять вмѣстѣ съ нимъ страной. Святой прогонялъ его, боролся съ нимъ, причемъ дьяволъ насылалъ на него разныя болѣзни. Но святой сопротивлялся, несмотря на всѣ козни врага, и дѣло дошло до грозной битвы между св. Таммани и дьяволомъ. Во время этой битвы цѣлые лѣса были опустошены и такъ растоптаны, что превратились въ преріи; когда вся страна обратилась наконецъ въ равнину, св. Таммани удалось повергнуть врага на земь. Но самъ онъ въ это время уже ослабѣлъ отъ продолжительной борьбы; пока онъ вынималъ ножъ, чтобы скальпировать дьявола, послѣднему удалось, къ вѣчному горю потомства, вырваться изъ рукъ св. Таммани. Онъ перебрался черезъ рѣку въ Нью-Іоркъ, гдѣ, какъ гласитъ преданіе, его гостепріимно встрѣтило туземное населеніе, и съ тѣхъ поръ онъ продолжаетъ постоянно тамъ жить.

Вотъ легенда, на основаніи которой Стэдъ говоритъ о царствѣ сатаны въ Нью-Іоркѣ. Исторія организаціи Таммани ведетъ свое начало издавна. Именемъ Таммани назывался прежде всего отрядъ поселенцевъ въ эпоху войны за независимость, а потомъ пенсильванское войско подъ управленіемъ генерала Вашингтона. Св. Таммани, побѣдившій дьявола, соотвѣтствовалъ въ представленіи американцевъ св. Георгію, побѣдившему дракона, и сталъ такимъ же популярнымъ святымъ, какъ св. Георгій въ Европѣ.

Въ самомъ Нью-Іоркѣ образованіе общества Таммани относится къ началу нынѣшняго вѣка. Первымъ основателемъ (еще въ 1789 г.) былъ ирландскій эмигрантъ Вильямъ Муни (Mooney). Съ самаго начала общество это было политическое, но занималось также благотворительностью, устраивало музеи, заботилось о народномъ образованіи и въ 1811 г. основало свое центральное помѣщеніе Tammany-Hall, перестроенное въ 1863 г. и составляющее центръ его позднѣйшихъ политическихъ интригъ. Изъ общества Таммани вышли многіе талантливые политическіе дѣятели, и оно опутало своими нитями всѣ общественныя учрежденія Америки. Тайна этого могущества заключается, по мнѣнію Стэда и приводимыхъ имъ американскихъ писателей, въ удивительной дисциплинѣ и выдержанности организаціи и, главное, въ томъ, что члены общества „предпочитали мудрость змія кротости голубя“. Сила Таммани заключалась еще въ томъ, что внѣ этого общества управленіе страной предоставлено было случайнымъ авантюристамъ, превращавшимъ дѣло управленія въ полный хаосъ. Члены же Таммани образовали тѣсно сплоченное братство, которое

съ самаго начала не пользовалось репутаціей честности, но было внушительно по своей силѣ. Стэдъ разсказываетъ о трехъ знаменитыхъ дѣятеляхъ Таммани: Фердинандѣ Вудѣ, Вильямѣ Твидѣ и Ричардѣ Крукерѣ.

Самый замѣчательный изъ прежнихъ заправилъ Таммани былъ Вильямъ Твидъ, начавшій свою жизнь поденщикомъ и закончившій ее въ тюрьмѣ, послѣ того, какъ онъ много лѣтъ правилъ Нью-Іоркомъ. Послѣ цѣлаго ряда административныхъ должностей, Твидъ добился первенствующаго положенія въ Tammany Hall и, начиная съ 1868 г., сталъ прибѣгать къ столь чудовищнымъ пріемамъ на выборахъ, что возбуждалъ изумленіе самыхъ закоренѣлыхъ политикановъ Таммани. Издаваемую имъ небольшую газету онъ превратилъ въ оффиціальный òрганъ, и получалъ 200.000 долларовъ въ годъ, въ видѣ платы городскихъ управленій за печатаніе отчетовъ о засѣданіяхъ. За доставку необходимой мебели въ городскія канцеляріи онъ выручалъ три милліона въ годъ. Весь городъ былъ у него на откупу, и когда однажды его удалось провалить на выборахъ, онъ подкупилъ все законодательное собраніе штата и снова былъ избранъ на прежнее мѣсто, т.-е. сталъ снова полновластнымъ хозяиномъ, заправляющимъ выборами, прессой, судомъ, полиціей и всѣми отраслями управленія. Короткое, по времени, управленіе Твида стоило городу Нью-Іорку до 160 милліоновъ долларовъ. Твиду помогала держаться у власти его популярность среди нью-іоркской черни, которой онъ отъ времени до времени раздавалъ колоссальныя суммы въ видѣ топлива, хлѣба и т. д. Но въ концѣ концовъ у него оказался опасный врагъ въ лицѣ м-ра Тильдена и основаннаго имъ „комитета семидесяти“. Когда дѣло дошло до суда, то Твидъ оправдывался тѣмъ, что человѣческой (т.-е. промышленной) натурѣ трудно устоять противъ столь сильнаго соблазна, какимъ представляется власть въ Нью-Іоркѣ и возможность извлекать изъ управленія выгоду для себя.

Послѣ паденія Твида, та же система продолжалась его преемниками, Джономъ Келли и Ричардомъ Крукеромъ, и только выборы 1894 г. положили конецъ деспотизму Таммани. Стэдъ описываетъ свѣтлую личность д-ра Пакгёрста, пастора, потомка пуританъ. Онъ избранъ былъ президентомъ общества борьбы противъ преступленій, и началъ походъ противъ Таммани, закончившійся побѣдой. Характерной подробностью борьбы д-ра Пакгёрста является то, что девизомъ его было: „долой полицію, во имя порядка“!

Описаніе дѣяній Таммани Стэдъ составляетъ на основаніи документовъ, собранныхъ коммиссіей Лексоу, и факты, которые онъ приводитъ, составляютъ, въ самомъ дѣлѣ, удивительную картину всеобщаго подкупа, вымогательства и жестокости со стороны полиціи, всецѣло

находившейся въ распоряженіи политикановъ Таммани. Вотъ, напр., исторія ирландскаго журналиста Августина Кастелло. Будучи сотрудникомъ „New-York Herald“, Кастелло написалъ книгу о полиціи, причемъ выговорилъ себѣ только 20% выручки, предоставивъ 80% въ пользу кассы помощи членамъ полиціи. Книга шла очень хорошо, когда вдругъ начальникъ полиціи написалъ, въ свою очередь, книгу о нью-іоркскихъ преступникахъ и, конечно, полиція стала распространять эту книгу въ ущербъ книгѣ Кастелло. Тогда послѣдній сталъ изучать постановку пожарнаго дѣла въ Америкѣ, съ цѣлью написать новую книгу, но этимъ онъ возбудилъ противъ себя полицію, которая арестовала лицъ, собиравшихъ для него свѣдѣнія. Когда же онъ отправился въ полицейское бюро и сталъ требовать объясненій, его посадили въ тюрьму. Кастелло подалъ жалобу въ судъ,—но ничего, кромѣ насмѣшекъ, онъ не услышалъ.

Въ самомъ жалкомъ положеніи оказываются эмигранты, бѣдняки итальянскихъ, ирландскихъ и русско-еврейскихъ кварталовъ. Такъ, напр., коммиссія выслушала показанія одной женщины изъ Россіи, вдовы съ четырьмя дѣтьми, содержательницы маленькой табачной лавочки. У нея не было достаточно денегъ, чтобы платить полицейскому агенту Таммани. Тогда обвиняютъ ее въ предосудительномъ поведеніи, сажаютъ въ тюрьму и заставляютъ, при помощи адвоката, которому она же должна платить, продать свою лавочку и откупиться отъ полиціи. Когда бѣдный итальянскій чистильщикъ сапогъ проситъ полицейскаго агента заплатить ему маленькій долгъ въ 75 центовъ, дѣло кончается самымъ печальнымъ образомъ для итальянца, т.-е. заключеніемъ въ тюрьму, и тѣмъ, что послѣднія его нищенскія средства идутъ на выкупъ изъ рукъ полиціи. Такихъ фактовъ въ отчетахъ коммиссіи—безконечное количество. Стэдъ разсказываетъ о подробностяхъ полицейскихъ бюро, гдѣ обитатели города подвергались самому грубому насилію, гдѣ всякаго, имѣвшаго наивность обратиться съ жалобой на кого-либо изъ членовъ полиціи, избивали и оскорбляли. Стэдъ прилагаетъ къ своей книгѣ портреты нѣкоторыхъ изъ главныхъ „драчуновъ“ бывшей нью-іоркской полиціи, и жертвъ, которыя выходили на свободу съ разными, болѣе или менѣе сильными увѣчьями. Любопытныя свѣдѣнія сообщаются также о фабрикаціи и сбытѣ фальшивыхъ денегъ—„зеленаго товара“ (какъ это называется на воровскомъ жаргонѣ Нью-Іорка), конечно, при содѣйствіи полиціи Таммани и, въ особенности, нью-іоркской полиціи, такъ-наз. „пантаты“, т.-е. всеобщаго отца (слово это будто бы чешскаго происхожденія). Конечно, всѣ игорные дома и всякаго рода притоны были на откупу у той же полиціи, которая сильно заботилась объ ихъ процвѣтаніи, какъ о главномъ источникѣ своихъ доходовъ. Произволъ хищныхъ агентовъ и рас-

порядителей держался только при помощи Таммани, т.-е. тѣмъ, что полиція служила политиканамъ, устраивала выборы по ихъ желанію, и въ награду за это пользовалась полною свободою дѣйствій. Читая о всѣхъ злоупотребленіяхъ, раскрытыхъ коммиссіей Лексоу и описываемыхъ Стэдомъ, приходится только удивляться, какъ—параллельно съ этимъ безстыднымъ попираніемъ всякой нравственности—продолжаетъ существовать, въ значительной части населенія, вѣра въ нравственныя основы жизни. Очевидно, порча коснулась лишь случайныхъ промышленныхъ элементовъ, оказавшихся во главѣ управленія, а сама нація осталась незатронутою, способною доставить торжество болѣе здоровымъ началамъ демократическаго строя, на время скомпрометтированнаго хищниками-политиканами и грознымъ орденомъ Таммани.

III.

Edmond Rostand. Cyrano de Bergerac. Comédie héroïque en vers. Paris. 1898. Стр. 225.

Каждая новая пьеса Эдмонда Ростана является попыткой воскресить какой-нибудь забытый уголокъ прошлаго, слѣдуя, однако, вкусу современности въ выборѣ сюжета. Такъ, напр., возродившійся во Франціи интересъ къ поэзіи среднихъ вѣковъ побудилъ его написать „Princesse Lointaine", въ которой онъ мастерски воспроизвелъ старинный стихъ и внѣшнюю атмосферу рыцарскихъ полу-мистическихъ и полу-эротическихъ поэмъ;—только самый духъ среднихъ вѣковъ, искренность наивныхъ чувствъ, не сохранились въ его виртуозной поддѣлкѣ, удовлетворившей, впрочемъ, вполнѣ „эстетизмъ" парижской публики. Затѣмъ, когда у трезвыхъ и насмѣшливыхъ парижанъ появился неожиданный интересъ къ религіознымъ вопросамъ, особенно къ христіанству, къ Евангелію,—Ростанъ послѣдовалъ устанавливающейся модѣ и въ „Samaritaine" далъ сжатое resumé евангельскаго ученія ad usum французской публики, т.-е. съ предпочтеніемъ яркихъ риомъ и эффектныхъ сценъ внутренней правдѣ и силѣ самаго сюжета.

Новая пьеса Ростана является снова реставраціей давно отжившей эпохи. Но на этотъ разъ поэтъ искалъ не туманныхъ мистическихъ моментовъ, не полутоновъ и смутныхъ настроеній, излюбленныхъ эстетами и вошедшихъ въ моду даже у „большой публики". Быть можетъ, Ростанъ почувствовалъ, что какъ бы онъ ни былъ блестящъ, его пьесы—лишь поддѣлка подъ тѣ настроенія, которыя онъ пытался отражать цѣльно и серьезно. Въ „героической комедіи" Сирано-де-Бержеракъ, онъ пытается воскресить самую трезвую пору

французской жизни—начатки классической эпохи, середину XVII вѣка. Есть нити, связующія ту пору сильныхъ, героическихъ чувствъ и страстей—съ теперешней Франціей, гдѣ нервность замѣнила силу, и философскій скептицизмъ уничтожилъ возможность какихъ-либо убѣжденій и жизненныхъ принциповъ. Заслуга Ростана въ томъ, что онъ увидѣлъ общую основу двухъ столь различныхъ эпохъ національной жизни и, построивъ на этой основѣ свою пьесу, могъ съ полнымъ увлеченіемъ и увѣренностью „реставрировать“ XVII вѣкъ:—онъ зналъ, что современная публика заинтересуется его героемъ и пойметъ его до конца, почувствуетъ въ немъ нѣчто близкое, несмотря на чуждое современности міросозерцаніе весельчака съ грустной душой, любящимъ сердцемъ и трагической судьбой, какимъ является герой пьесы Ростана, Сирано-де-Бержеракъ.

Связующимъ звеномъ между современнымъ парижскимъ зрителемъ и героемъ комедіи, которая разыгрывается въ XVII вѣкѣ,—это, такъ сказать, головной, разсудочный характеръ всей жизни. Общество, выведенное въ пьесѣ Ростана, живетъ только резонерствомъ; всѣ чувства, всѣ поступки имѣютъ значеніе только поскольку они красивы на словахъ; всѣ, безъ исключенія, опьяняются словами, и даже красавицы отдаютъ предпочтеніе не прекраснымъ кудрямъ юношей,—этимъ онѣ увлекаются лишь въ первую минуту,—а тѣмъ, что онѣ называютъ „душой“ человѣка, т.-е. его умѣньемъ говорить о любви, писать письма и опьянять словами. Это господство словъ, склонность и умѣнье жить и чувствовать исключительно головой, замѣна душевной глубины изящнымъ и тонкимъ вкусомъ,—эти національныя черты такъ же характерны для общества XVII вѣка, какъ для Парижа и парижанъ нашего времени. Царство словъ и вкуса создало въ новѣйшей французской литературѣ безъидейно-виртуозную игру музыкой словъ; искусственный характеръ всей культуры превратилъ великія идеи, вдохновлявшія отдѣльныхъ великихъ художниковъ, въ чисто парижскую поддѣлку подъ идеи,—въ „blague“, охватившую всѣ области духовной жизни—религію, искусство, служеніе обществу и т. д. Повсюду господствуетъ только сила слова—и Ростанъ недалеко ушелъ отъ современной дѣйствительности, избравъ своимъ героемъ знаменитаго остряка XVII вѣка—поэта Сирано-де-Бержерака, предшественника Мольера. Ростанъ избралъ Сирано своимъ героемъ не только за его блестящій умъ, но и за его легендарное уродство, за его чудовищный носъ, надъ которымъ никто такъ геніально и такъ безпощадно не шутилъ, какъ самъ обладатель „de mon pauvre grand diable de nez“, какъ Сирано говоритъ о немъ въ бесѣдѣ съ другомъ. Никто другой не смѣетъ упоминать о носѣ Сирано въ его присутствіи, зная, что это можетъ ему стоить жизни. Уродство Сирано очень важно,—оно вы-

двигаетъ идею автора о власти слова въ обществѣ, понимающемъ только то, что звучно и ярко въ поступкахъ и чувствахъ. Насколько Сирано соотвѣтствуетъ идеалу своего времени—какъ острякъ, бреттёръ, дерзкій и гордый въ словахъ и поступкахъ, отважный и великодушный,—онъ является своего рода властелиномъ въ обществѣ. Такимъ рисуетъ его Ростанъ въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ комедіи. Въ первомъ актѣ, одномъ изъ самыхъ эффектныхъ, Сирано останавливаетъ представленіе въ театрѣ, потому что на сцену вышелъ актеръ, которому онъ, Сирано, запретилъ выступать за его смѣлые взгляды въ сторону красавицы Роксаны, тайно любимой поэтомъ. Всѣхъ возмущенныхъ его дерзостью маркизовъ и знатныхъ посѣтителей театра Ростанъ усмиряетъ словами и шпагой. Съ однимъ изъ нихъ онъ сражается, импровизируя балладу по всѣмъ правиламъ стихосложенія и предупреждая противника, что на послѣднемъ стихѣ ранитъ его („à la fin de l'envoi je touche"), что онъ, конечно, и выполняетъ. Когда же владѣлецъ театра жалуется на убытокъ, причиненный ему Сирано, послѣдній швыряетъ на сцену кошель съ золотомъ. Директоръ говоритъ, что за такую щедрую плату онъ позволяетъ каждый день мѣшать представленію; оказывается, однако, что Сирано бросилъ на сцену весь свой мѣсячный пенсіонъ, и ему не на что пообѣдать: „Rien ne me reste"!—говоритъ онъ другу, возражающему: „Jeter ce sac, quelle sottise"!—„Mais quel geste"!...—отвѣчаетъ Сирано. Во второмъ актѣ онъ оказывается побѣдителемъ надъ сотней негодяевъ, которые стерегли товарища Сирано и хотѣли избить его; но главные его подвиги заключаются въ дерзкихъ словахъ, которыми онъ побѣждаетъ всякихъ вельможъ, покровительствомъ которыхъ не хочетъ пользоваться.

Но у Сирано, столь страшнаго своей шпагой и еще болѣе своимъ языкомъ, есть губящее его нѣжное сердце. Онъ романтикъ, и въ этомъ—трагизмъ его жизни. Можно оставаться побѣдителемъ въ жизни, лишь оставаясь безстрастнымъ... Умъ и разсудочность—единственныя орудія власти въ томъ обществѣ, которое рисуетъ Ростанъ,—и не только въ томъ. Въ трагедіи жизни Сирано, скрытой за его внѣшней удачей, Ростанъ воплощаетъ романтизмъ, раздѣляющій двѣ культурныя эпохи во Франціи—классическую пору отъ пессимистической и—лишь отчасти—мистической современности. И въ этомъ противопоставленіи романтизма и головной культуры рисуется не только смѣна литературныхъ эпохъ, но контрастъ національныхъ чертъ — съ одной стороны, трезвости и разсудочности, а съ другой — стихійности, разрушающей силу культуры и традиціи. Сирано — любитъ. На вопросъ друга о предметѣ своей страсти, онъ отвѣчаетъ:

„Кого я люблю? Подумай самъ. Мечтать о любви даже уродливой

женщины мнѣ онъ запрещаетъ — тотъ, который приходитъ повсюду за четверть часа до меня самого. Значитъ, я люблю—кого? Но вѣдь это ясно!—Я люблю—вѣдь иначе быть не могло!—самую прекрасную, да, самую прекрасную на свѣтѣ, самую блестящую, самую стройную, (съ отчаяніемъ) самую свѣтлокудрую"!

Изъ любви къ Роксанѣ, Сирано совершаетъ самые трудные подвиги нравственнаго самоотверженія. Онъ становится другомъ любимаго ею глупаго красавца, Кристіана, и дѣлается его вѣчнымъ суфлеромъ, говоритъ за него о любви къ Роксанѣ, подъ покровомъ ночи, помогаетъ влюбленнымъ обвѣнчаться, пишетъ изъ военнаго лагеря письма отъ имени Кристіана и влюбляетъ Роксану въ мнимый умъ своего соперника; она доказываетъ Кристіану, къ великому ужасу его, что любитъ уже не его красоту, а его изумительную душу, сказывающуюся въ письмахъ. Но Сирано слишкомъ боится своего уродства, чтобы открыть правду. Когда Кристіанъ убитъ на войнѣ, Сирано не разубѣждаетъ вдову, влюбленную въ память своего геніальнаго мужа, и продолжаетъ безмолвно любить и терзаться. Только 14 лѣтъ спустя (послѣдній актъ пьесы), передъ самой смертью Сирано, обнаруживается тайна: онъ, наизусть, читаетъ свое собственное письмо, найденное Роксаной на трупѣ мужа. Роксана, въ сущности, права, когда, изумляясь геройству скрытой любви Сирано, не можетъ не воскликнуть: „Зачѣмъ же было нарушать сегодня это божественное молчаніе"?—Этотъ упрекъ можно отнести къ автору: конечно, обнаружившаяся тайна нужна была для эффектнаго финала, но художественность драмы выиграла бы, еслибы Сирано остался героемъ до конца, и не уничтожилъ дѣла цѣлой жизни — торжество воли и ума — странной въ немъ непослѣдовательностью и слабостью. Сирано романтиченъ по натурѣ, но романтизмъ этотъ долженъ быть глубоко скрытъ въ его существованіи, разсчитанномъ только на игру и на парадъ.

Пьеса Ростана написана въ романтической манерѣ; въ ней чувствуется сильное вліяніе Гюго, исканіе антитезъ и эффектовъ. Внѣшній романтизмъ конца—тоже въ духѣ драмъ романтической поры. А между тѣмъ безъ этого фальшиваго конца пьеса сильно поднялась бы въ идейномъ отношеніи, какъ отраженіе коренного противорѣчія стихійности и воли и какъ освѣщеніе національнаго французскаго характера, въ которомъ слово ищетъ побѣды надъ голосомъ души— и находитъ ее.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1898.

Тульское общество взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ.—Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей и его тенденціозные противники.—Литературный третейскій судъ и судъ чести.—Еще нѣсколько словъ о гонорарѣ.—А. Д. Шумахеръ †.—Post-Scriptum.

Тяжело и грустно видѣть, съ какими препятствіями приходится у насъ бороться самымъ полезнымъ учрежденіямъ, самымъ безобиднымъ и скромнымъ предпріятіямъ. Къ числу такихъ учрежденій принадлежатъ, безспорно, существующія въ нѣсколькихъ губерніяхъ общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ, а къ числу такихъ предпріятій—всѣ попытки улучшить матеріальное положеніе учителей начальныхъ школъ. Казалось бы, что нормальный уставъ, регулирующій дѣятельность подобныхъ обществъ, подлежитъ толкованію въ возможно-широкомъ смыслѣ, благопріятномъ для свободнаго развитія общественной и частной иниціативы. На самомъ дѣлѣ наблюдается, сплошь и рядомъ, совершенно иное. Мы уже сообщали, въ одной изъ нашихъ прошлогоднихъ хроникъ (№ 7), что тульскому обществу взаимопомощи воспрещено выдавать ссуды, тверскому—открыть лѣтній пріютъ для учительскихъ дѣтей. Отчетъ тульскаго общества взаимопомощи за 1896-97 г. повѣствуетъ о новыхъ затрудненіяхъ, встрѣченныхъ обществомъ. Когда общему собранію было доложено о запрещеніи выдачи ссудъ, оно остановилось на мысли, что организацію ссудъ, на основаніяхъ, проектированныхъ обществомъ, возьметъ на себя, быть можетъ, тульское губернское земство, и постановило обратиться къ нему съ ходатайствомъ по этому предмету. Противъ такого постановленія—тѣмъ болѣе естественнаго, что рѣчь шла о ссудахъ учащимъ въ *земскихъ* школахъ,—возсталъ одинъ только членъ отъ учебнаго вѣдомства, А. В. Бекеневъ (тотъ самый, по протесту котораго было отмѣнено министерствомъ народнаго просвѣщенія первоначальное опредѣленіе о ссудахъ). Онъ утверждалъ сначала, что нельзя просить земство о томъ, въ чемъ уже отказано министерствомъ. Когда ему было разъяснено, съ указаніемъ на соотвѣтствующіе параграфы устава, что обществу несомнѣнно принадлежитъ право обращаться съ просьбами о помощи къ учрежденіямъ, на средства которыхъ содержатся школы, онъ формулировалъ свой протестъ такъ: „я находилъ бы, что общество не имѣетъ права ходатайствовать передъ земствомъ о выдачѣ ссудъ уча-

щимъ, съ возвратомъ изъ жалованья, *безъ согласія на то дирекціи училищъ*". Въ томъ же общемъ собраніи г. Бекеневъ возражалъ и противъ исполненія членами общества, живущими внѣ Тулы, какихъ-либо порученій отъ имени правленія общества, особенно если они должны будутъ при этомъ дѣйствовать сообща и по данной имъ обществомъ программѣ. Къ какимъ результатамъ привели, въ этихъ двухъ случаяхъ, протесты г. Бекенева, мы не знаемъ; но въ отчетѣ за 1896-97 г. упомянуто еще одно разногласіе между обществомъ и членомъ отъ учебнаго вѣдомства, въ которомъ побѣда осталась на сторонѣ послѣдняго. Въ общемъ собраніи 18-го апрѣля 1897 г. былъ прочитанъ Н. В. Чеховымъ (до послѣдняго времени много работавшимъ для начальныхъ школъ богородицкаго уѣзда) докладъ о матеріальномъ положеніи учащихъ въ тульской губерніи. Съ протестомъ противъ этого чтенія выступилъ тотъ же г. Бекеневъ, находя, что общее собраніе имѣетъ право лишь разрѣшать ходатайства и вопросы, разсмотрѣнные правленіемъ, но не заниматься чтеніемъ и обсужденіемъ цѣлыхъ рефератовъ. Ему было указано на параграфы устава, разрѣшающіе членамъ сообщать правленію свѣденія, полезныя для цѣлей общества, а правленію—изыскивать мѣры къ возможно полному развитію и достиженію цѣлей общества. Не убѣдившись этими указаніями, г. Бекеневъ представилъ свой протестъ на усмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Министерство, находя, что происходившее въ общемъ собраніи 18-го апрѣля чтеніе выходило изъ предначертаннаго уставомъ круга дѣятельности общества и по самому своему характеру представляется нежелательнымъ, объявило обществу, что въ случаѣ допущенія подобныхъ докладовъ и чтеній, не разрѣшенныхъ мѣстнымъ учебнымъ и административнымъ начальствомъ, дальнѣйшее существованіе общества будетъ прекращено. Выслушавъ это объявленіе, правленіе общества представило министерству подлинный докладъ г. Чехова, „столь близко—по выраженію правленія—касавшійся предмета дѣятельности общества". И дѣйствительно, въ этомъ докладѣ (напечатанномъ въ видѣ приложенія къ отчету общества за 1896-97 г.) нѣтъ ни одного слова, которое не имѣло бы прямого отношенія къ задачамъ общества. По совершенно вѣрному замѣчанію докладчика, первымъ шагомъ къ улучшенію невыносимо тяжелаго положенія учащихъ должно быть *сознаніе этого положенія*—и къ такому сознанію ведутъ всѣ свѣденія, сообщаемыя г. Чеховымъ. Они имѣютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и непосредственно-практическое значеніе, какъ матеріалъ для ходатайствъ о нуждахъ учащаго персонала—ходатайствъ, съ которыми общество, по уставу, въ правѣ обращаться къ учрежденіямъ и лицамъ, завѣдующимъ начальными школами. Представимъ себѣ, что г. Чеховъ облекъ

бы свое сообщеніе не въ форму доклада, а въ форму мотивированнаго предложенія, направленнаго къ выясненію крайне бѣдственнаго положенія начальныхъ учителей тульской губерніи [1]). Сущность дѣла отъ этого не измѣнилась бы нимало—а между тѣмъ возражать, съ формальной стороны, противъ допустимости предложенія едва ли рѣшился бы и уполномоченный учебнаго вѣдомства. Не пора ли освободить живое дѣло отъ подобной опеки, затрудняющей каждый шагъ впередъ, заподозривающей самыя невинныя намѣренія, грозящей или закрытіемъ хорошаго учрежденія, или превращеніемъ его въ добавочное колесо канцелярской машины? Чему или кому могла бы повредить выдача безпроцентныхъ ссудъ, обезпеченныхъ жалованьемъ учащихъ; чего можно было бы опасаться отъ открытія лѣтняго пріюта для учительскихъ дѣтей, проводящихъ бо̀льшую часть года при самой анти-гигіенической обстановкѣ? Съ какими неудобствами можетъ быть сопряжено чтеніе въ небольшомъ, замкнутомъ кружкѣ, подъ наблюденіемъ члена отъ учебнаго вѣдомства, докладовъ, безпрепятственно разрѣшаемыхъ къ печати провинціальною цензурой? А между тѣмъ избытокъ регламентаціи и надзора уменьшаетъ и безъ того уже небольшое число мѣстныхъ дѣятелей, готовыхъ работать, усердно и безвозмездно, на пользу народной массы. Потери, этимъ обусловливаемыя, не поддаются учету; несомнѣнно лишь одно—что онѣ, въ общей сложности, страшно велики, обнимая собою не только силы, прямо отстраняемыя отъ дѣятельности или не допускаемыя къ ней, но и еще болѣе многочисленныя силы, заранѣе отступающія передъ борьбою съ непреодолимыми препятствіями.

Немного найдется учрежденій, на долю которыхъ выпало бы, въ короткое время, больше ожесточенныхъ нападеній, чѣмъ на долю союза взаимопомощи русскихъ писателей. Основанный годъ тому назадъ, онъ съ первыхъ же дней своего существованія сдѣлался предметомъ самыхъ разнообразныхъ обвиненій, и притомъ не только со стороны тѣхъ изданій, которыя систематически оставались—или оставлялись—внѣ круга его дѣйствій. Сначала неопредѣленныя, обвиненія эти получили болѣе конкретный характеръ со времени оглашенія перваго рѣшенія суда чести, состоявшагося по дѣлу бывшей издатель-

[1]) О ненормальности этого положенія можно составить себѣ ясное понятіе уже по одной цифрѣ *средняго* жалованья, получаемаго, въ тульской губерніи, учащими начальныхъ школъ: *сто пятьдесятъ пять рублей въ годъ*, т.-е. тринадцать рублей въ мѣсяцъ, иногда даже безъ готовой квартиры! А въ двухъ уѣздахъ—веневскомъ и ефремовскомъ—среднее жалованье учащихъ не превышаетъ *сто* рублей въ годъ. Вѣдь это полнѣйшая нищета!

ницы „Новаго Слова“, О. Н. Поповой, съ бывшими сотрудниками этого журнала. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полугода, но полемика все еще не прекращается, обостряясь, со стороны систематическихъ враговъ союза, все больше и больше. Принимать въ ней участіе *по существу* мы не будемъ, находя, что печать—плохая аппелляціонная инстанція для пересмотра судебныхъ рѣшеній; мы остановимся только на тѣхъ частяхъ вопроса, которыя имѣютъ общее, принципіальное значеніе.

Судъ чести—по своей задачѣ и своей идеѣ — учрежденіе далеко не новое. Въ литературной сферѣ обращеніе къ посредникамъ практиковалось уже давно, какъ по вопросамъ, связаннымъ съ матеріальными интересами, такъ и по вопросамъ, прямо и исключительно касающимся чести. Еще четырнадцать лѣтъ тому назадъ мы имѣли случай упомянуть въ нашей хроникѣ [1]) о разборѣ судомъ чести, подъ предсѣдательствомъ К. Д. Кавелина, недоразумѣній между редакторами двухъ петербургскихъ медицинскихъ журналовъ. Съ тѣхъ поръ (да, вѣроятно, и раньше) подобныхъ случаевъ было немало; намъ самимъ очень хорошо извѣстны по меньшей мѣрѣ шесть или семь дѣлъ, направленныхъ и разрѣшенныхъ именно въ этомъ порядкѣ. Когда основатели союза писателей рѣшили включить въ его составъ постоянный судъ чести, они вовсе не имѣли въ виду замѣнить имъ обыкновенный третейскій судъ, свободно выбранный сторонами; напротивъ того, по смыслу § 24 устава, роль суда чести начинается лишь при невозможности или крайней затруднительности обращенія къ третейскому суду. Назначеніе суда чести заключается именно въ томъ, чтобы облегчить, сдѣлать болѣе доступнымъ посредническій разборъ, болѣе скорый и болѣе успокоительный для нравственнаго чувства, чѣмъ формальное судебное производство, болѣе достойный и болѣе цѣлесообразный, чѣмъ кулачная или пистолетная расправа. Вся разница между судомъ чести и третейскимъ судомъ сводится къ тому, что образованію послѣдняго должно предшествовать соглашеніе относительно избранія посредниковъ, не всегда легко осуществимое, иногда даже совершенно невозможное, между тѣмъ какъ въ судѣ чести посредники всегда имѣются на лицо, и безпристрастіе ихъ обезпечено съ одной стороны выборомъ ихъ на цѣлый годъ впередъ, когда еще нельзя предвидѣть, какія дѣла будутъ подлежать ихъ обсужденію. съ другой стороны — правомъ отвода, принадлежащимъ каждому изъ участниковъ спора. Всѣ эти простые, ясные факты неизвѣстны или непонятны принципіальнымъ противникамъ суда чести. Если вѣрить одному изъ нихъ [2]), третейскіе судьи и судьи чести сознають, въ боль-

[1]) См. № 3 „Вѣстн. Европы“ за 1884 г.

[2]) См. статью: „Судъ чести“ въ № 257 „Моск. Вѣд.“ за 1897 г.

шинствѣ случаевъ, что судоговореніе въ такомъ судѣ—„только одна видимость“, что ихъ труды, время и вниманіе легко могутъ оказаться потраченными напрасно, такъ какъ отъ сторонъ зависитъ не подчиниться рѣшенію и громко провозглашать его несправедливость. Отсюда дѣлается выводъ, что третейскіе судьи и судьи чести „расходуютъ свои труды и свое время съ величайшей экономіей“, т.-е. разсматриваютъ дѣла невнимательно и пишутъ рѣшенія небрежно. Этотъ выводъ—построенный всецѣло на *одномъ* курьезномъ третейскомъ рѣшеніи, которое написалъ истецъ, а судьи подписали, не совѣщавшись между собою и даже вовсе не зная другъ друга — доказываетъ полнѣйшее незнакомство автора съ практикою литературныхъ третейскихъ судовъ. Кто соглашается принять на себя отвѣтственную обязанность посредника, тотъ и несетъ ее добросовѣстно, не отступая ни передъ трудомъ, ни передъ затратой времени. Засѣданій третейскаго суда бываетъ, сплошь и рядомъ, три, четыре и больше; каждое изъ нихъ продолжается по нѣскольку часовъ; пишутся подробные протоколы, составляются обширныя рѣшенія. Бываютъ, конечно, исключенія—но не по нимъ слѣдуетъ судить о характерѣ учрежденія. Случается, дальше, что одна изъ сторонъ, недовольная рѣшеніемъ суда, продолжаетъ доказывать свою правоту, порицая пристрастіе судей; но это опять-таки рѣдкія исключенія—и очень понятно, почему. Добровольно подчинившись суду избранныхъ посредниковъ [1]), сторона, этимъ самымъ, лишаетъ себя права оспаривать ихъ рѣшеніе—или, по меньшей мѣрѣ, значительно уменьшаетъ шансы вниманія и довѣрія къ ея возраженіямъ. *Презумпція*, послѣ рѣшенія третейскаго суда, во всякомъ случаѣ неблагопріятна для проигравшей стороны; нужны очень сильные мотивы—или очень грубые промахи суда,—чтобы склонить въ ея пользу вѣсы общественнаго мнѣнія. Въ этомъ и заключается смыслъ третейскаго разбирательства; лишенное формально-юридическаго авторитета, третейское рѣшеніе имѣетъ за себя именно тотъ фактъ, что оно постановлено избранниками сторонъ. Нѣсколько меньше, съ этой точки зрѣнія, авторитетъ суда чести, такъ какъ его члены не избраны непосредственно самими спорящими сторонами; но почти то же значеніе имѣетъ здѣсь согласіе сторонъ на разборъ дѣла судомъ чести, выраженное или прямымъ обращеніемъ къ нему, или вступленіемъ въ члены союза, уставъ котораго требуетъ подчиненія суду чести (если не состоится третейскій судъ). Кто выбранъ въ члены

[1]) Обыкновенно третейскій судъ образуется такъ: каждая сторона выбираетъ по одному посреднику (или по нѣскольку, въ равномъ числѣ), а избранныя лица выбираютъ, съ согласія сторонъ, общаго посредника (такъ что общее число судей всегда нечетное). Иногда, но гораздо рѣже, общій посредникъ выбирается самими сторонами. Еще рѣже случаи, когда стороны прямо довѣряютъ рѣшеніе дѣла одному лицу.

суда чести и принялъ избраніе, тотъ взялъ на себя, этимъ самымъ —по всѣмъ дѣламъ, могущимъ дойти до суда чести—всѣ обязанности, въ третейскомъ судѣ лежащія на избранныхъ посредникахъ. Какъ у писателей, къ которымъ обращаются съ просьбами быть посредниками въ третейскомъ судѣ, такъ и у членовъ суда чести, дѣйствительно участвующихъ въ его рѣшеніяхъ, весьма скоро должна образоваться репутація пристрастія или безпристрастія, внимательности или невнимательности—и подобно тому, какъ въ первомъ случаѣ та или другая репутація увеличиваетъ или уменьшаетъ число новыхъ приглашеній въ третейскіе судьи, въ послѣднемъ случаѣ она должна способствовать или противодѣйствовать переизбранію въ члены суда чести.

Если сказанное нами до сихъ поръ не лишено фактическихъ основаній, то само собою выясняется нормальное отношеніе печати къ суду чести. На сколько необходимъ былъ контроль надъ первыми его шагами, на столько желательно было отсутствіе предубѣжденія противъ самой идеи учрежденія, отсутствіе несдержанности и преувеличеній въ отзывахъ о его дѣятельности. Никакихъ формальныхъ границъ для критики рѣшеній суда чести существовать, конечно, не должно; но до извѣстной степени къ ней слѣдовало бы примѣнять тѣ пріемы, съ которыми уважающая себя печать относится къ обыкновеннымъ судебнымъ приговорамъ. Повѣрка *фактической* стороны судебнаго дѣла рѣдко удается печати, рѣдко и предпринимается ею (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда она имѣетъ въ виду подкопаться подъ самыя основы суда; припомнимъ походъ нашей реакціонной прессы противъ суда присяжныхъ)—но печать можетъ принести много пользы обсужденіемъ общихъ вопросовъ, возникающихъ въ судебномъ дѣлѣ. Такихъ вопросовъ рѣшеніемъ суда чести по дѣлу госпожи Поповой было возбуждено немало — и мы вполнѣ понимаемъ, что они должны были стать предметомъ полемики въ печати, какъ раньше были предметомъ полемики между самими судьями. Прискорбно, въ нашихъ глазахъ, только то, что нѣкоторые органы печати взялись за пересмотръ всего дѣла, исполняя какъ бы обязанности суда, но безъ его всесторонней освѣдомленности, безъ его спокойствія и хладнокровія; еще болѣе прискорбно то, что изъ частнаго, единичнаго случая было сдѣлано боевое оружіе противъ учрежденія, которое именно печать должна была бы беречь, укрѣплять, совершенствовать, какъ одно изъ условій внутренняго ея прогресса. На непогрѣшимость судъ чести можетъ претендовать столь же мало, какъ и всякій другой; онъ можетъ ошибаться—но его ошибки свидѣтельствуютъ, даже въ случаѣ ихъ повторенія, только о недостаткахъ даннаго состава *судей*, вседа подлежащаго измѣненію (члены суда чести избираются только на одинъ годъ), а отнюдь не о недо-

статкахъ *суда*. Чтобы связать отдѣльное дѣло съ цѣлымъ учрежденіемъ—и притомъ не только съ судомъ чести, но и съ самимъ союзомъ писателей,—реакціонная печать употребляетъ слѣдующій пріемъ [1]: она утверждаетъ, что союзъ писателей *санкціонировалъ* рѣшеніе суда чести по дѣлу госпожи Поповой, съ одной стороны—*оффиціальнымъ* заявленіемъ своего предсѣдателя, съ другой—*оффиціозною* защитительною статьею одного изъ вліятельныхъ своихъ членовъ. Въ оффиціальномъ заявленіи нѣтъ, въ сущности, ничего иного, кромѣ просьбы объ оглашеніи письма предсѣдательствовавшаго въ судѣ чести по дѣлу госпожи Поповой, протестующаго противъ невѣрной передачи въ печати одного изъ эпизодовъ судоговоренія по этому дѣлу. Что касается до журнальной статьи, то, какое бы положеніе ни занималъ ея авторъ въ союзѣ писателей, она выражаетъ, очевидно, только его личное мнѣніе, а отнюдь не мнѣніе союза. Союзъ можетъ дѣйствовать и высказываться только черезъ посредство своихъ органовъ—общаго собранія, комитета, суда чести,—и только въ тѣхъ предѣлахъ, какіе отведены каждому изъ нихъ уставомъ союза. Ни комитетъ, ни общее собраніе не уполномочены пересматривать или повѣрять рѣшеніе суда чести—и слѣдовательно не могутъ ни соглашаться съ нимъ, ни опровергать его. Въ настоящемъ случаѣ это представлялось, впрочемъ, тѣмъ менѣе необходимымъ, что рѣшеніе суда чести состоялось не единогласно, и особое мнѣніе предсѣдательствовавшаго на судѣ (В. Д. Спасовича), подробно мотивированное, изложено въ рѣшеніи суда. Оба противоположные взгляда одинаково доступны для всѣхъ желающихъ ознакомиться съ дѣломъ; каждый можетъ сравнить ихъ между собою и примкнуть къ тому, который покажется ему болѣе убѣдительнымъ. Значеніе разногласія между судьями особенно велико именно въ дѣлахъ чести. Когда рѣчь идетъ о матеріальномъ интересѣ, сторона, проигравшая тяжбу, не находитъ большого утѣшенія въ томъ, что меньшинство судей высказалось въ ея пользу: съ нея все-таки взыщутъ все присужденное большинствомъ. То же самое можно сказать и объ уголовномъ процессѣ, въ которомъ для исполненія наказанія достаточно приговора, постановленнаго большинствомъ судей. Другое дѣло—судъ чести: разъ что мнѣнія судей раздѣлились, осужденный большинствомъ не можетъ быть признанъ безусловно неправымъ. Это видно и изъ устава союза, по которому (ст. 31) членъ союза, осужденный судомъ чести, только тогда долженъ сложить съ себя званіе члена, если его поступокъ *единогласно* признанъ несовмѣстимымъ съ дальнѣйшимъ пребываніемъ его въ составѣ союза.

---

[1]) См. въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 20) фельетонъ г. Quidam: „Новый фазисъ вопіющаго дѣла“.

Суду чести ставятъ въ вину негласное, келейное разбирательство дѣла госпожи Поповой. Изъ брошюры, напечатанной г. Поповымъ, видно, что онъ просилъ, въ качествѣ повѣреннаго своей жены, о публичномъ разборѣ дѣла. Возражала ли противъ этой просьбы другая сторона—въ брошюрѣ не объяснено. Если не возражала, то судъ, конечно, долженъ былъ допустить публичный разборъ дѣла; если возражала, то вопросъ является, по меньшей мѣрѣ, весьма спорнымъ. Для достиженія главной цѣли суда чести—т.-е. для примиренія сторонъ, для разъясненія и прекращенія возникшихъ между ними недоразумѣній,—весьма важно, иногда, не растравлять, не обострять спора присутствіемъ постороннихъ лицъ. Мыслимы и такія обстоятельства, оглашеніе которыхъ можетъ существенно повредить одной изъ сторонъ, безъ всякой пользы для дѣла. Вотъ почему всего болѣе нормальнымъ слѣдуетъ признать, какъ намъ кажется, гласное разбирательство въ судѣ чести лишь при согласіи на то обѣихъ сторонъ. Какъ бы то ни было, въ моментъ разсмотрѣнія дѣла г-жи Поповой порядокъ производства въ судѣ чести установленъ еще не былъ; выработать его можетъ только продолжительная практика, обнаруживъ сравнительныя удобства и неудобства тѣхъ или другихъ процессуальныхъ пріемовъ и правилъ. Нѣтъ никакой причины думать, что гласность разбора не была допущена съ предвзятою мыслью, враждебною госпожѣ Поповой: этого не утверждаетъ и г. Поповъ, этому противорѣчитъ самое разногласіе по существу дѣла, происшедшее между судьями.

Рѣшеніе суда чести по дѣлу госпожи Поповой — главный боевой конь систематическихъ враговъ союза, но далеко не единственный. Пробовали они, было, утверждать, что союзъ претендуетъ на какую-то особую, привилегированную роль въ сношеніяхъ русскихъ литераторовъ и издателей съ французскими—но настаивать на этомъ утвержденіи было довольно трудно, когда выяснилось, что по вопросу о литературной конвенціи въ союзѣ происходили только *пренія*, а никакого заключенія еще не состоялось. Громадное большинство ораторовъ высказывалось, притомъ, противъ всякой конвенціи, т.-е. за сохраненіе statu quo, при которомъ въ „сношеніяхъ" между русскими и французскими издателями не предстоитъ надобности, и ни о какой монополіи или привилегіи не можетъ быть и рѣчи. Неоднократно и настойчиво, затѣмъ, шла рѣчь о преобладаніи въ союзѣ писателей еврейскаго элемента. „*Большинство* членовъ союза"—говорили „Московскія Вѣдомости" еще въ прошломъ году (№ 313)—„принадлежитъ къ числу тѣхъ иксовъ и игрековъ, которые менѣе всего достойны названія писателей, и эти иксы и игреки *на добрую половину* являются счастливыми обладателями превосходныхъ, чисто еврейскихъ фамилій". Въ нынѣшнемъ году (см. фельетонъ въ № 20 „Московскихъ Вѣдомо-

стей") рѣчь идетъ уже не только о настоящемъ, но и о будущемъ: союзъ писателей выставляется какъ „ловко организованная шайка, въ которой главарями неизмѣнно останутся либералы и радикалы, а масса, *также неизмѣнно*, будетъ состоять *изъ ничтожныхъ, никому невѣдомыхъ писакъ, преимущественно еврейскаго происхожденія*". Еслибы авторъ ограничился увѣреніемъ, что громадное большинство членовъ союза—„ничтожные, невѣдомые писаки", возражать ему было бы не совсѣмъ удобно, потому что нельзя же входить въ подробное разсмотрѣніе литературныхъ правъ каждаго отдѣльнаго члена союза [1]). Довольно точной повѣркѣ подлежитъ, за то, другое положеніе автора—о еврейскомъ происхожденіи большинства или очень значительнаго числа членовъ союза. Лѣтомъ 1897 г. членовъ союза было 246 (позднѣйшаго списка членовъ, которыхъ теперь около 300, у насъ нѣтъ подъ руками). Руководясь не только фамиліями и именами, но и другими свѣдѣніями и даже предположеніями, къ лицамъ еврейскаго происхожденія можно отнести изъ нихъ не болѣе *двадцати-трехъ*, т.-е. менѣе 10°/о общаго числа членовъ союза. Этого совершенно достаточно, чтобы судить о достовѣрности мнимо-фактическихъ данныхъ, обращаемыхъ въ стѣнобитное орудіе противъ союза.

Все больше и больше увлекаясь желаніемъ сокрушить ненавистное учрежденіе, главный обвинитель союза доходитъ, наконецъ, до геркулесовыхъ столповъ обличительнаго паѳоса. Обозвавъ союзъ, какъ мы уже видѣли, „ловко организованной *шайкой*", онъ приписываетъ ему намѣреніе провозгласить себя тождественнымъ съ русской литературой. „Что не въ союзѣ и не съ союзомъ"—таковъ, по словамъ автора, будущій девизъ зловредной „шайки", — „то къ русской литературѣ отношенія не имѣетъ и существуетъ случайно, незаконно". „Самозванный союзъ"—читаемъ мы дальше—„примется сочинять ходатайства, высказывать различныя пожеланія, домогаться того, другого, третьяго. И всѣ его ходатайства, пожеланія и домогательства будутъ скрѣплены подписомъ и печатью *русской* литературы... Являясь въ рукахъ главарей нашей *передовой* партіи могущественнымъ орудіемъ развращенія русской журналистики и полнаго подавленія ду-

---

[1]) Вотъ, однако, нѣкоторыя цифры, по которымъ можно хоть отчасти судить объ умственномъ цензѣ многихъ членовъ союза: профессоровъ и привать-доцентовъ (бывшихъ или настоящихъ) въ немъ числится 45, редакторовъ повременныхъ изданій —18, постоянныхъ членовъ редакцій (т.-е. главныхъ сотрудниковъ повр. изданій) — 13. Ни къ одной изъ этихъ категорій не принадлежатъ многіе весьма извѣстные литераторы и ученые, входящіе въ составъ союза; но мы не вводимъ ихъ въ нашъ разсчетъ, потому что *извѣстность*—признакъ, не подлежащій точному опредѣленію, а именъ мы приводить вообще не хотимъ.

ховной свободы всѣхъ не принадлежащихъ къ господствующей, т.-е. либеральной戦 кликѣ, самозванный союзъ долженъ быть признанъ учрежденіемъ, ни въ какомъ случаѣ не отвѣчающимъ *здоровымъ* потребностямъ отечественной литературы. Для людей, не на словахъ только принимающихъ къ сердцу ея интересы, его гибельное значеніе очевидно. Или процвѣтаніе литературы, или процвѣтаніе союза—необходимо выбрать что-нибудь одно. Вмѣстѣ они процвѣтать не могутъ".

Избытокъ усердія обрушивается здѣсь, какъ это обыкновенно бываетъ, на самого ревнителя. Кто повѣритъ, въ самомъ дѣлѣ, что опасность, въ столь яркихъ краскахъ изображаемая реакціонной Кассандрой, заключаетъ въ себѣ хоть что-нибудь реальное? Какимъ образомъ союзъ писателей можетъ „подавить духовную свободу" всѣхъ не принадлежащихъ къ господствующей (?!) „либеральной кликѣ", когда никто и ничто не заставляютъ вступать въ члены союза или оставаться въ его средѣ? Какими средствами вліянія онъ располагаетъ, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть имъ пріобрѣтены постепенно, путемъ успѣшной и плодотворной дѣятельности? Какою опасностью угрожаетъ судъ чести, къ которому могутъ быть призываемы только члены союза, пока они не отказались отъ этого званія, и который въ правѣ постановить *рѣшеніе* только по выслушаніи обѣихъ сторонъ, а въ случаѣ неявки одной изъ нихъ (или отказа ея отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ) ограничивается выраженіемъ своего *мнѣнія* (уставъ союза § 29)? Кто мѣшаетъ литературнымъ группамъ, не желающимъ примкнуть къ существующему союзу, просить объ учрежденіи другого или другихъ аналогичныхъ обществъ? Какія препятствія можетъ встрѣтить подобная просьба, разъ что внѣ союза остаются почти одни не-либералы?.. Мы не думаемъ, чтобы процвѣтаніе союза—или союзовъ—было равносильно процвѣтанію литературы; но ужъ помѣшать-то послѣднему первое никакимъ образомъ не можетъ. Небольшое частное общество, не обезпеченное въ самомъ своемъ существованіи, столь же безсильно задержать или извратить развитіе литературы, какъ соломинка безсильна остановить теченіе рѣки.

Что же, однако, скрывается за ожесточенными нападеніями на союзъ писателей, направленными къ невысказанной прямо, но совершенно ясной цѣли — къ закрытію союза, какъ учрежденія „нездороваго" и „гибельнаго"? Намъ кажется, что отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ приведенныхъ уже выше словахъ московскаго accusateur public: „самозванный союзъ примется сочинять ходатайства, высказывать различныя пожеланія, домогаться того, другого, третьяго". Въ самомъ дѣлѣ, пун. д § 1-го разрѣшаетъ союзу „ходатайство передъ правительственными и общественными учрежденіями по пред-

метамъ, касающимся литературной профессіи". Что, если союзъ воспользуется этимъ разрѣшеніемъ? Нужды нѣтъ, что онъ останется при этомъ на строго законной почвѣ въ сферѣ правъ, предоставленныхъ ему правительствомъ; все-таки это будетъ нарушеніемъ чинопочитанія, „оказательствомъ", подлежащимъ „предупрежденію и пресѣченію". Такъ разсуждаетъ, очевидно, „охранительная" печать, свободная отъ всякой солидарности съ интересами „литературной профессіи", не болѣющая ея болѣзнями, не испытывающая слишкомъ хорошо знакомыхъ ей затрудненій. И вотъ, вѣрная совѣту англійской народной мудрости: „give the dog a bad name and then kill him", она старается очернить союзъ писателей, чтобы тѣмъ удобнѣе можно было убить его... Будущему историку русской печати нелегко будетъ повѣрить, что въ ея средѣ могли происходить подобныя явленія. Для печати, сознающей свое призваніе и уважающей свое достоинство, не можетъ существовать разногласія по основнымъ вопросамъ, касающимся ея свободы. Это понималось и у насъ, когда однимъ изъ самыхъ энергичныхъ борцовъ за права печати являлся И. С. Аксаковъ—но для новѣйшихъ „охранителей" эти права давно уже отошли въ разрядъ „забытыхъ словъ" или предосудительныхъ понятій.

Для того, чтобы окончательно доказать вредъ гонорарной системы, недоставало только одного: защиты ея „Московскими Вѣдомостями". Присяжные панегиристы всего связаннаго съ университетскимъ уставомъ 1884-го года сначала, повидимому, были готовы выкинуть за бортъ одно изъ его нововведеній—но въ концѣ концовъ они остались вѣрными самимъ себѣ, и въ ихъ газетѣ (№ 348) появилась статья, отстаивающая envers et contre tous основныя начала гонорара. Вопреки безспорнымъ фактамъ, вопреки мнѣнію всѣхъ университетовъ, „Московскія Вѣдомости" продолжаютъ увѣрять, что только при гонорарной системѣ мыслимы широкое развитіе приватъ-доцентуры, открытіе параллельныхъ курсовъ по главнымъ предметамъ преподаванія, свободный выборъ студентовъ между конкуррирующими профессорами. „Русская наука"—восклицаетъ газета—„вступила на путь живого, дѣятельнаго прогресса. У кого поднимется рука, чтобъ остановить ее на этомъ пути"? Итакъ, положить конецъ чрезмѣрному, непропорціональному вознагражденію немногихъ профессоровъ и еще меньшаго числа приватъ-доцентовъ, замѣнить до смѣшного ничтожный гонораръ, получаемый громаднымъ большинствомъ приватъ-доцентовъ, содержаніемъ, сколько-нибудь обезпечивающимъ ихъ существованіе—значило бы остановить поступательное движеніе русской науки?.. Мы едва ли оши-

бемся, если скажемъ, что гонорарная система симпатична извѣстной категоріи публицистовъ вовсе не какъ гарантія научнаго прогресса, а какъ препятствіе, затрудняющее для недостаточныхъ молодыхъ людей доступъ въ университетъ и окончаніе университетскаго курса. Существуетъ, очевидно, опасеніе, что съ паденіемъ гонорара понизится плата за слушаніе лекцій... Единственный новый аргументъ, приводимый „Московскими Вѣдомостями“ въ защиту гонорарной системы, заключается въ томъ, что при ея дѣйствіи увеличилось число учащихъ въ университетахъ и, сообразно съ этимъ, число лекцій, предлагаемыхъ студентамъ. Но не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ разсужденіемъ: post hoc—ergo propter hoc? Гдѣ доказательства тому, что расширеніе рамокъ университетскаго преподаванія произошло не только *послѣ*, но именно *вслѣдствіе* введенія „гонорарной системы“?..

Смерть сенатора Александра Даниловича Шумахера глубоко огорчила всѣхъ тѣхъ, кому дорога законность въ высшемъ государственномъ управленіи. Занявъ, послѣ В. А. Арцимовича, мѣсто предсѣдательствующаго въ первомъ департаментѣ сената, онъ былъ, подобно своему предшественнику, неизмѣнно-твердымъ охранителемъ правъ, предоставленныхъ закономъ частнымъ лицамъ, корпораціямъ и общественнымъ группамъ—охранителемъ ихъ съ той стороны, съ которой они наиболѣе требуютъ охраны: со стороны административнаго произвола. Первый департаментъ, поставленный, въ своей сферѣ дѣйствій, надъ губернаторами, генералъ-губернаторами и самими министрами, имѣетъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ имѣть большое значеніе въ нашей общественной жизни. Онъ является судьею между администраціей и органами самоуправленія земскаго и городского, если разногласіе между ними возникаетъ на почвѣ толкованія закона; онъ разрѣшаетъ множество существенно-важныхъ вопросовъ, затрогивающихъ интересы инородцевъ и иновѣрцевъ; отъ него зависитъ преданіе суду должностныхъ лицъ, стоящихъ на сравнительно-высокихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Для правильнаго отношенія къ такимъ задачамъ необходима совокупность условій, рѣдко соединяющихся въ одномъ лицѣ, особенно у насъ въ Россіи. А. Д. Шумахеръ, какъ и В. А. Арцимовичъ, владѣлъ ими вполнѣ; онъ былъ, несомнѣнно, „der rechte Mann am rechten Platz“—и былъ имъ не только въ послѣднемъ періодѣ своей государственной службы, но и раньше, когда, въ качествѣ директора хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, проводилъ Городовое Положеніе 1870 г. и оберегалъ первые шаги преобразованнаго городского управленія. Современники А. Д. Шумахера знали

его сравнительно мало; онъ работалъ, бòльшею частью, въ тиши кабинета, въ негласныхъ засѣданіяхъ—но когда эта работа сдѣлается достояніемъ исторіи, она доставитъ ему, мы въ томъ убѣждены, выдающееся мѣсто между государственными людьми, созданными эпохою великихъ реформъ и до конца сохранившими вѣрность ея началамъ.

Post-Scriptum. — Въ оглавленіи къ нашей январьской хроникѣ г. А. Филипповъ, авторъ статей о московскомъ университетѣ, напечатанныхъ въ „Русск. Обозрѣніи" и „Моск. Вѣдомостяхъ", названъ *профессоромъ*. Спѣшимъ замѣтить, что это—ошибка: единственный профессоръ, носящій фамилію Филиппова (г. А. Филипповъ—занимающій одну изъ каѳедръ юрид. факультета юрьевскаго университета), не имѣетъ ничего общаго съ авторомъ вышеупомянутыхъ статей и никогда не писалъ въ названныхъ московскихъ изданіяхъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Редакціи „Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли“.

Для увѣковѣченія достойной памяти выдающагося русскаго государственнаго дѣятеля, мыслителя и талантливаго ученаго, Николая Христіановича Бунге, Правленіе С.-Петербургскаго Общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ Кіевскаго университета рѣшило устроить образцовую школу имени Николая Христіановича въ Кіевѣ. На образованіе фонда для устройства этой школы, въ Редакціи „Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли“ и „Торгово-промышленной Газеты“ (С.-Петербургъ, Галерная, 22) открытъ сборъ пожертвованій. Надѣемся, что на это доброе дѣло откликнутся почитатели Н. X. Бунге.

II.—Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ.

Годовое изданіе „Чтеній“ Общества состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ „Чтеніяхъ“ помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 7 р. въ Москвѣ безъ доставки и 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергѣю Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. церкви Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжный магазинъ Н. Карбасникова (Моховая, противъ Университета, д. Кохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно пріобрѣсти изданія Общества за прошлые годы, значащіяся въ каталогѣ, безплатно доставляемомъ желающимъ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА

Январь—Февраль 1898.

Книга первая.—Январь.

	стр.
Россія и Англія въ царствованіе императора Николая I.—II-III.—Ф. Ф. МАРТЕНСА . . .	5
Тяга.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая. I-XIV. П. Д. БОБОРЫКИНА.	32
Очерки и наброски изъ старой и новой литературы.—I-IV.—АЛЕКСѢЯ ВЕСЕЛОВСКАГО . . .	116
Лида.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая: I-X.—ГР. Е. В. Т. . . .	145
Античная гуманность.—Очеркъ.—Ѳ. Ф. ЗѢЛИНСКАГО . . .	195
Ожиданіе.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА . . .	230
Безпочвенники.—Ром. Мориса Барреса.—I. Въ лицеѣ.—II. Въ родной семьѣ.—III. Первые шаги въ Парижѣ.—Перев. съ франц. А. Б—Г— . . .	232
Задачи медицины въ будущемъ.—А. Г. БОГРОВА . . .	283
Стихотворенія.—I. Уродилася рожь золотистая.—II. Тихо и влажно въ ночной полумглѣ.—В. П. МАРКОВА . . .	313
Народное просвѣщеніе въ Болгаріи, его прошлое и настоящее.—К—Ъ. . . .	317
Хроника.—Исполненіе государственной росписи за 1896 годъ.—О. .	355
Внутреннее Обозрѣніе.—Истекшій годъ.—Правила и инструкція о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени.—Изъятія изъ общихъ нормъ: работы непрерывныя, вспомогательныя, сверхъурочныя.—„Правила въ руководство цензурѣ“ и безцензурная печать.—Общій духъ законовъ о печати и примѣненіе ихъ на практикѣ.—Двѣ губернаторскія рѣчи.—„Избирательное начало“ . . .	371
Замѣтка.—Заключенія университетскихъ совѣтовъ о системѣ гонорара.—Н. И. КАРѢЕВА . . .	394
Иностранное Обозрѣніе. — Особенности новѣйшей международной политики.—Система союзовъ и соглашеній.—Колоніальная предпріимчивость и военныя традиціи.—Милитаризмъ и миролюбіе.—Главныя событія истекшаго года.—Восточныя дѣла и турецкое общественное мнѣніе.—Парламентскія войны и стычки.—Министерскія перемѣны.—Рабочее движеніе . . .	398
Литературное Обозрѣніе.—Бенжаменъ Киддъ, Соціальная эволюція, съ предисл. Н. К. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Перев. съ англ., изд. О. Н. Поповой.—Веніаминъ Киддъ, Соціальное развитіе. Съ предисл. проф. Вейсмана. Перев. съ англ. М. Чепинской, изд. Ф. Павленкова.—Л. З.—З. Н. Гиппіусъ (Мережковская). Зеркала.—Н.—Новыя книги и брошюры	411
Новости Иностранной Литературы.—I. M. Mulhall, Industries and Wealth of Nations.—С. Ра-тъ.—II. The Pamirs and the source of the Oxus, by G. Curzon, M. P.—Л. А. В-чъ.—III. René Doumic, Etudes sur la littérature française.—З. В. . . .	426
Некрологъ.—Альфонсъ Додэ † 6 (18) декабря 1897 г.—З. В-ва . . .	445
Изъ Общественной Хроники.—Московскій комитетъ для содѣйствія устройству студенческихъ общежитій.—Рѣчи проф. Виноградова и Чупрова, статьи А. Филиппова.—Русскія общежитія и англійскіе „колледжи“.—„Вѣчные“ помощники присяжныхъ повѣренныхъ.—Всеобщее обученіе и школа грамоты.—Рѣчь полтавскаго губернатора.—Post-Scriptum . . .	452
Библіографическій Листокъ.—Н. Карѣевъ, Введеніе въ изученіе соціологіи.—Ф. Гиддингсъ, Основанія соціологіи. — Общественная жизнь Англіи, Г. Трайля. т. III.—А. Риль, Фридрихъ Нитцше, какъ художникъ и мыслитель, пер. съ нѣм. З. Венгеровой.—О. Петерсонъ и Е. Балабанова, Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ, т. II.—К. Покровскій, Путеводитель по небу.—„Мои воспоминанія“, акад. Ѳ. И. Буслаева.	
Объявленія.—I-IV; I-XVI стр.	

Книга вторая. — Февраль. стр.

Россія и Англія въ царствованіе императора Николая I.—II-III.—Ф. Ф. МАРТЕНСА 465
Тяга.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая: XV-XXVI.—П. Д. БОБОРЫКИНА 503
Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ.—Изъ моихъ личныхъ о немъ воспоминаній.—I-VIII.—В. Д. СПАСОВИЧА 589
Лида.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая и послѣдняя.—ГР. Е. В. Т. . 629
Опыты культурной исторіи.—П. Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры. Ч. II: Церковь и Школа.—А. П. 681
Безпочвенники.—„Les Déracinés, rom. par M. Barrès.—IV: Друзья и женщины.—V: Тэнъ и Наполеонъ.—VI: Бутелье и „Настоящая Республика".—А. Б—Г— 725
Изъ „Les Amoureuses", А. Додэ.—I. На смерть А. де-Мюссе.—II. Равнодушіе природы.—III. Реквіемъ любви.—О. МИХАЙЛОВОЙ 775
Хроника.—Государственная роспись на 1898 годъ.—0. 779
Внутреннее Обозрѣніе.—Продовольственный вопросъ въ губерніяхъ воронежской и тульской.—Опросъ крестьянъ воронежскими земскими статистиками.—Мнѣнія земствъ о размѣрахъ, срокахъ и видахъ продовольственной помощи.—Указанія опыта, какъ возможная основа будущаго продовольственнаго устава.—Новая серія дворянскихъ „прожектовъ".—Тульское губернское дворянское собраніе.—Разные способы борьбы съ „несогласно-мыслящими".—Нѣчто о цензѣ.—Графъ И. Д. Деляновъ † 792
Иностранное Обозрѣніе. — Одностороннія свѣдѣнія о французскихъ дѣлахъ.—Ошибки и иллюзіи читателей газетъ.—Рошфоръ и Дрюмонъ.—Странная судьба дѣла Дрейфуса.—Два военныхъ процесса и ихъ результаты . . 817
Столѣтіе газеты „Allgemeine Zeitung".—Письмо изъ Германіи.—Г. В. . . . 832
Литературное Обозрѣніе.—Императоръ Александръ Первый, Н. К. Шильдера, т. III.—Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, ч. 1.—Мои воспоминанія, Ѳ. И. Буслаева.—Т.—Новыя книги и брошюры 842
Новости Иностранной Литературы.—I. P. Schlentner, Gerhart Hauptmann, sein Lebensgang und seine Dichtung.—II. W. Stead, Satan's invisible world displayed.—III. Edm. Rostand, Cyrano de Bergerac, comédе en vers.—З. В. 857
Изъ Общественной Хроники.—Тульское общество вспомоществованія учащимъ и учившимъ. — Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей и его тенденціозные противники. — Литературный третейскій судъ и судъ чести.—Еще нѣсколько словъ о гонорарѣ.—А. Д. Шумахеръ †.—Post-Scriptum. 873
Извѣщенія.—I.—Отъ Редакціи „Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли".—II.—Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ 886
Библіографическій Листокъ.—На досугѣ, сборникъ юридич. статей съ 1870 г., И. Я. Фойницкаго.—О географическомъ распредѣленіи государств. расходовъ Россіи, Н. П. Яснопольскаго.—Канада, Н. А. Крюкова.—Давидъ Рикардо и К. Марксъ, Н. И. Зибера.—Музыкальные фельетоны и замѣтки П. И. Чайковскаго.
Объявленія. — I-IV; I-XVI стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

На досугѣ. Сборникъ юридическихъ статей и изслѣдованій съ 1870 года. И. Я. Фойницкаго. Т. I. Спб. 98. Стр. 108. Ц. 3 р. 50 к.

Настоящій сборникъ составитъ въ цѣломъ три тома; въ него войдутъ исключительно однѣ мелкія статьи и менѣе крупныя работы автора за истекшее двадцатипятилѣтіе, которымъ онъ отдавался, по его выраженію, „между дѣломъ“—„на досугѣ отъ обязательныхъ занятій“, результатомъ которыхъ являлись диссертація, лекціи и различныя оффиціальныя работы. Въ первомъ, нынѣ вышедшемъ томѣ, читатели найдутъ, между прочимъ, сверхъ цѣлаго ряда писемъ изъ-за границы, статьи объ „уголовномъ уложеніи сѣверо-германскаго союза“; объ „уголовномъ правѣ Финляндіи; о „проектѣ основныхъ положеній тюремнаго преобразованія въ Россіи“ (графа В. Соллогуба); о „вліяніи временъ года на распредѣленіе преступленій“ и мн. др. Въ составъ второго тома войдутъ изслѣдованія о правѣ печати, о русской карательной системѣ, по вопросу о ссылкѣ въ Сибирь,—вмѣстѣ съ различными библіографическими замѣтками и рецензіями.

О географическомъ распредѣленіи государственныхъ расходовъ Россіи. Проф. Н. П. Яснопольскаго. Кіевъ, 97. Стр. 584 + XIV.

Авторъ поставилъ себѣ цѣлью „выяснить, сколько каждая часть нашего отечества доставляетъ финансовыхъ средствъ государству; сколько въ каждой изъ нихъ расходуется этихъ средствъ; гдѣ въ Россіи оказываются избытки государственныхъ доходовъ надъ расходами, и гдѣ не хватаетъ первыхъ для покрытія вторыхъ“, —т.-е. „откуда и куда направляются финансовыя средства для снабженія ими болѣе потребительныхъ, чѣмъ доходныхъ частей Россійской Имперіи“. Первая часть этого обширнаго изслѣдованія, касающаяся распредѣленія доходовъ, вышла въ 1890 году; вся работа имѣетъ научно-статистическій характеръ и даетъ богатый матеріалъ для выводовъ, представляющихъ общій интересъ. Между прочимъ, факты указываютъ на „тяготѣніе расходовъ государства къ его внѣшнимъ границамъ, въ особенности къ наиболѣе угрожаемымъ — западнымъ и южнымъ и отчасти только къ восточнымъ“. Съ одной стороны, чрезмѣрная правительственная централизація, а съ другой—всегдашнія административно-политическія заботы объ окраинахъ приводятъ къ неправильному распредѣленію финансовыхъ тягостей и выгодъ между различными областями государства, причемъ болѣе бѣдныя и нуждающіяся губерніи коренной Россіи должны удѣлять свои средства въ пользу богатыхъ. Авторъ часто дѣлаетъ сопоставленія между Россіею и Франціею и находитъ много сходства въ ихъ системахъ территоріальнаго распредѣленія государственныхъ доходовъ и расходовъ.

Канада. Сельское хозяйство въ Канадѣ, въ связи съ другими отраслями промышленности. Н. А. Крюковъ. Съ картою и 30 рис. Спб. 97. Стр. 232.

Настоящій трудъ является результатомъ личныхъ наблюденій автора, изучавшаго избранный имъ предметъ на мѣстѣ въ теченіе полугода, на основаніи массы оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ источниковъ. Канада принадлежитъ къ числу главныхъ нашихъ конкуррентовъ на рынкѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, начиная съ хлѣба и кончая яйцами; но наши свѣдѣнія объ этихъ колоніальныхъ владѣніяхъ Англіи въ С.-Америкѣ чрезвычайно скудны, а потому трудъ г. Крюкова, весьма обстоятельный и особенно интересный для нашихъ сельскихъ хозяевъ, является какъ нельзя болѣе кстати. Въ концѣ своего труда авторъ приходитъ къ заключенію, что „главная причина матеріальнаго прогресса Канады лежитъ не въ развитіи промышленности и торговли, не въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Нѣтъ, сама промышленность и торговля и вообще экономическій ростъ страны покоятся на двухъ коренныхъ устояхъ: частная поземельная собственность и высокія нравственныя качества населенія“... „Основная причина успѣха сельскаго хозяйства (въ Канадѣ, какъ и вездѣ, и во всемъ) есть не деньги, не машина, а самъ *человѣкъ*“.

Н. И. Зиберъ.—Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Изданіе 3-е. Спб. 98. Стр. 546. Ц. 2 р. 25 к.

Сочиненіе покойнаго Зибера, переработанное въ 1885 году изъ магистерской диссертаціи 1871 года, отчасти уже устарѣло въ настоящее время; но нѣкоторые отдѣлы его сохраняютъ понынѣ свою цѣнность и могутъ быть съ пользою прочитаны всякимъ, кто интересуется политико-экономической литературою. Зиберъ занимаетъ вообще видное мѣсто въ ряду русскихъ экономистовъ-теоретиковъ, воспитанныхъ на нѣмецкихъ истолкованіяхъ ученій старой англійской школы, и книга его пользуется у насъ, очевидно, заслуженнымъ успѣхомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ выходъ ея третьимъ изданіемъ. Жаль только, что издатели, перепечатывая сочиненіе Зибера, не сочли нужнымъ присоединить хотя бы краткія свѣдѣнія о жизни и научно-литературной дѣятельности автора; не сдѣлано также указаній о томъ, когда вышли первыя два изданія, и на обложкѣ не сказано, что нынѣшнее 3-е изданіе—посмертное, вслѣдствіе чего многіе читатели могли принять книгу за болѣе новую и современную, чѣмъ она есть. Между тѣмъ, время составленія и переработки книги имѣетъ большое значеніе въ данномъ случаѣ, такъ какъ Зиберъ излагалъ теорію Маркса до выхода второго и третьяго томовъ „Капитала“.

Чайковскій, П. И.—Музыкальные фельетоны и замѣтки. 1868—1876 гг. Съ приложеніемъ портрета. М. 98. Стр. 391. Ц. 2 р. 80 к.

П. И. Чайковскій принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ композиторовъ, которые соединяли талантъ музыкальнаго творчества съ критическимъ даромъ въ области той же музыки. Въ настоящемъ изданіи собраны его критическіе фельетоны, появлявшіеся въ первой половинѣ 70-хъ годовъ въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ и преимущественно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Предисловіе Г. А. Ларока даетъ характеристику музыкальной критики самого композитора; въ концѣ изданія помѣщенъ интересный автобіографическій очеркъ путешествія Чайковскаго за границу въ 1888 году.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1898 г.
(Тридцать-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ: Январь	По полугодіямъ: Іюль	По четвертямъ года: Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель", Невск. пр., 68—40.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнец.-Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. Е. П. Распопова, Дерибасовская улица.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Новый-Свѣтъ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

